

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

ПАРОДИАГО ПРОСВѢЩЕНИЯ

ЧАСТЬ ССХIII.

С.-ПЕТЕРБУРГъ.

ТИПОГРАФІЯ П. С. ВАЛАШЕВА.

Екатерининской канатъ, между Вознесенскими и Маріинскими мостами, д. № 90—1.

1882.

Средняя Подъяческая, № 1
2386.

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНИЯ.

СЕНТЯВРЬ.

1882.

ПЯТОЕ ДЕСЯТИЛѢТИЕ.

ЧАСТЬ ССХХIII.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ В. С. ВАЛАШЕВА.

Благородн. Канцл., между Воспес. и Маріинскіиъ постами, д. № 90—1.

1882.

СОДЕРЖАНИЕ.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЙ РАСПОРЯЖЕНИЯ.

- О влійній германського и кельтіческого права на систему кар'ї покаяній за-
падної церкви (Продолженіє) В. Сокольськаго.
- Къ вопросу о древнихъ славянскихъ яз-
икъхъ слогахъ въ произношени и на-
писъмъ А. Головачевскаго.
- Гербердова біографія Оттона, епископа Бам-
бергскаго. (Продолженіє). А. Петрова.
- Нѣсколько новыхъ соображеній по поводу
„пересмотръ“ вопроса о происхожде-
ніи Гунновъ. Н. Веселовскаго.
- Вопросъ о Кельтахъ В. Васильевскаго.
- Критика и бібліографія:
- Г. Н. Потанина. Очерки сѣверо-западной Монголіи.
Результаты путешествія, исполненнаго въ 1876—
1877 годахъ по порученію Императорскаго Рус-
скаго Географическаго Общества. Д. Аиучина.
- Наслѣдованія въ области русской грамматики. А. Су-
боловская В. Качановскаго.
- Низъ Сорскій и Вассіанъ Патрикіевъ; ихъ лите-
ратурные труды и идеи въ древней Руси. Исто-
рико-литературный очеркъ А. С. Архангельская. Д. К.
- Новые журналы по народной словесности и мифологии. А. Веселовскаго.
- Наши коммерческие учебники П. Колумбуса.
- Общество любителей древней письменности
въ 1881 году.
- Извѣстія о дѣятельности и состояніи нашихъ
учебныхъ заведеній: а) высшія учеб-
ныя заведенія; б) педагогические курсы
учителей и учительницъ начальныхъ
народныхъ училищъ въ гг. Миргородѣ,
Гадячѣ и Кременчугѣ въ 1881 году.

Отдѣль КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

(См. на 3-й стр. обертки).

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНИЯ.

I. ВЫСОЧАЙШИЯ ПОВЕЛЪНІЯ.

1. (8-го июня 1882 г.). Объ учреждениі въ городѣ Гомель (Могилевской губерніи) женской прогимназіи.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ департаментѣ государственной экономіи государственного совѣта, объ учреждениі въ городѣ Гомель (Могилевской губерніи) женской прогимназіи, Высочайше утвердили соизволилъ и повелѣли исполнить.

Подпись: За предсѣдателя государственного совѣта, генераль-адъютанта графа Э. Барановъ.

Мнѣніе государственного совѣта.

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ государственной экономіи, разсмотрѣвъ представление министра народного просвѣщенія объ учреждениі въ городѣ Гомель (Могилевской губерніи) женской прогимназіи, мнѣніемъ положилъ:

1) Учредить, съ 1-го июля 1882 года, въ городѣ Гомель женскую прогимназію, на основаніи положенія и штата, Высочайше утвержденныхъ 26-го мая 1869 года, для женскихъ прогимназій юго-западнаго края.

2) Въ счетъ потребныхъ на содержаніе предположенной прогимназіи семи тысячъ двухсотъ тридцати руб., обратить съ 1-го

января 1883 г.: а) 700 руб., ассигнуемые по сметѣ министерства народнаго просвѣщенія въ пособіе частному двухклассному женскому училищу въ городѣ Гомельѣ; б) 1,000 руб., отпускаемые па сіе училище мѣстнымъ городскимъ обществомъ; в) 500 руб., предположенные означенными обществомъ къ новому отпуску на содержаніе названной прогимназіи, и г) 3,000 руб.—изъ имѣющаго производиться въ оной сбора за ученіе, а недостающіе затѣмъ двѣ тысячи тридцать руб. отпускать, съ 1883 года, новымъ расходомъ изъ государственного казначейства.

3) На покрытие необходимаго на содержаніе учреждаемой прогимназіи въ 1882 году расхода, въ количествѣ 3,615 руб., обратить означенныи въ пп. а— предыдущей статьи суммы, въ половинномъ размѣрѣ, а недостающіе затѣмъ одну тысячу пятнадцать руб. отнести на остатки отъ назначеній по дѣйствующей сметѣ министерства народнаго просвѣщенія;

и 4) Возложить на гомельское городское общество, согласно постановленію онаго, обязательство, въ случаѣ недостатка специальныхъ средствъ Гомельской женской прогимназіи, покрывать могущій оказаться по содержанию опой, дефицитъ изъ своихъ средствъ.

Подлинное мѣнѣе подписано въ журналь предсѣдателемъ и членами.

2. (8-го июня 1882 г.). О преобразованіи Динабургской женской прогимназіи въ гимназію.

Его Императорское Величество воснослѣдовавшее мнѣніе въ департаментѣ государственной экономіи государственного совѣта, о преобразованіи Динабургской женской прогимназіи въ гимназію, Высочайше утвердить сонзволилъ и повелѣть исполнить.

Подпись: За предсѣдателя государственного совѣта, генералъ-адъютантъ графъ Э. Барановъ.

Мнѣніе государственного совѣта.

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ государственной экономіи, разсмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія, о преобразованіи Динабургской женской прогимназіи въ гимназію, мнѣніемъ положилъ:

1) Преобразовать, съ 1-го июля 1882 года, Динабургскую женскую четырехклассную прогимназію въ семиклассную гимназію, на точномъ

основанием положений и штата, Высочайше утвержденныхъ 26-го мая 1869 года для женскихъ гимназий юго-западного края.

2) На содержание означенной гимназии вносить, съ 1883 года, въ подлежащія подраздѣленія смѣть министерства народнаго просвѣщенія по тринадцати тысячѣ триста пятнадцати рублей въ годъ, съ обращеніемъ въ счетъ этой суммы: а) 400 р.—изъ свѣчнаго съ Евреевъ сбора, б) 3,000 р., жертвованій мѣстною городской думою, и в) 7,315 р.—изъ специальныхъ средствъ этого учебнаго заведенія. Потребную же на содержаніе V класса названной гимназии въ 1882 году сумму отнести на тѣ же специальные средства;

и 3) Возложить на Динабургскую городскую думу, согласно постановлению ея отъ 9-го марта 1882 года, обязательство, въ случаѣ недостатка специальныхъ средствъ Динабургской женской гимназии на содержаніе трехъ высшихъ ея классовъ, покрывать этотъ дефицитъ изъ своихъ средствъ.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналѣ предсѣдателемъ и членами.

3. (8-го июня 1882 г.). О преобразованіи С.-Петербургской V мужской прогимназіи въ гимназію.

Его Императорское Величество воспользовавшее мнѣніе въ департаментѣ государственной экономіи государственного совѣта, о преобразованіи С.-Петербургской пятой мужской прогимназіи въ гимназію, Высочайше утвердило соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подпись: За предсѣдателя государственного совѣта, генераль-адъютанта графа Э. Баранова.

Мнѣніе государственного совѣта.

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ государственной экономіи, разсмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія, о преобразованіи С.-Петербургской пятой мужской прогимназіи въ гимназію, мнѣніемъ положилъ:

1) Преобразовать, съ 1-го июля 1882 года, С.-Петербургскую пятую мужскую шестиклассную прогимназію въ гимназію, со внесениемъ, на содержаніе оной и паемъ для нея помѣщенія, въ подлежащія подраздѣленія смѣть министерства народнаго просвѣщенія: на 1883 годъ—тридцати шести тысячѣ двухсотъ тридцати руб., а съ 1883 года—по тридцати семи тысячѣ сто руб. въ годъ, и съ по-

казаниемъ, по тѣмъ же смытамъ, подлежащихъ отчисленію, въ счетъ платы за наемъ помѣщенія, изъ специальныхъ средствъ означенной гимназіи, по четыре тысячи четыреста руб. въ годъ, пособіемъ государственному казначейству;

и 2) Потребные въ 1882 году на содержаніе VII класса названной гимназіи 2,037 руб. 50 коп. и на наемъ для оной помѣщенія, въ добавокъ къ имѣющимся для сего средствамъ, 1,800 р., отнести на счетъ остатковъ отъ назначеній по действующей смытѣ министерства народного просвѣщенія.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналѣ предсѣдателемъ и членами.

4. (8-го іюня 1882 г.). Объ обращеніи сбора за ученіе въ учебныхъ заведеніяхъ Варшавскаго учебнаго округа въ специальные средства сихъ заведеній.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ департаментъ государственной экономіи государственного совѣта, объ обращеніи сбора за ученіе въ учебныхъ заведеніяхъ Варшавскаго учебнаго округа въ специальные средства сихъ заведеній, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подпись: За предсѣдателя государственного совѣта, генераль-адъютантъ графъ Э. Барановъ.

Мнѣніе государственного совѣта.

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ государственной экономіи, разсмотрѣвъ представление министерства народного просвѣщенія, объ обращеніи сбора за ученіе въ учебныхъ заведеніяхъ Варшавскаго учебнаго округа въ специальные средства сихъ заведеній, мнѣніемъ положилъ:

1) Плату за ученіе въ учебныхъ заведеніяхъ Варшавскаго учебнаго округа обратить, съ 1-го іюля 1882 года, въ специальные средства каждого изъ сихъ заведеній, въ отдѣльности, для употребленія, на точномъ основаніи существующихъ по сему предмету правилъ, преимущественно на пополненіе штатныхъ средствъ означенныхъ заведеній, на устройство параллельныхъ отдѣленій и на усиленіе учебныхъ пособій, а затѣмъ уже на вслѣдженіе лицамъ, состоявшимъ или состоящимъ на службѣ при заведеніи и ихъ семействамъ, а равно на непредвидимые расходы;

и 2) Причатающіеся къ отпуску, во второй половинѣ 1882 года, изъ казны на содержаніе параллельныхъ отдѣленій, а равно на по-крытіе сверхштатныхъ и хозяйственныхъ расходовъ учебныхъ заведеній Варшавскаго учебнаго округа девяносто одну тысячу двѣстѣ восемьдесятъ руб. пятьдесятъ коп., за обращеніемъ этихъ расходовъ на специальныя средства означенныхъ заведеній, присоединить къ свободнымъ ресурсамъ государственного казначейства.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналѣ предсѣдателемъ и членами.

5. (8-го іюля 1882 г.). Объ увеличеніи оклада содержания директора Лазаревскаго института восточныхъ языковъ.

Его Императорское Величество воспользовавшее мнѣніе въ департаментѣ государственной экономіи государственного совѣта, объ увеличеніи оклада содержания директора Лазаревскаго института восточныхъ языковъ, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣть исполнить.

Подпись: За предсѣдателя государственного совѣта, генералъ-адъютантъ графъ Э. Бараповъ.

Мнѣніе государственного совѣта.

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ государственной экономіи, разсмотрѣвъ представленіе министра народного просвѣщенія, о повышеніи оклада содержания директору Лазаревскаго института восточныхъ языковъ, мнѣніемъ положилъ:

1) Должности директора Лазаревскаго института восточныхъ языковъ присвоить окладъ содержания, при казепной квартирѣ, въ четыре тысячи пятьсотъ рублей (въ томъ числѣ жалованья 2,500 руб. и столовыхъ 2,000 руб.), съ обращеніемъ изъ означенного оклада содержания двухъ тысячъ рублей на специальныя средства гимна-зническихъ классовъ названнаго института и двухъ тысячъ пяти-сотъ рублей—на суммы государственного казначейства.

2) Причатающіеся въ текущемъ году, по расчету съ 1-го іюля, на увеличеніе содержания директору Лазаревскаго института, одну тысячу двѣстѣ пятьдесятъ руб., отнести на счетъ остатковъ отъ назначеній по сметѣ министерства народного просвѣщенія 1882 года.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналѣ предсѣдателемъ и членами.

6. (8-го июня 1882 г.). О преобразованиі Корочанской прогимназіи въ гимназію.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ департаментѣ государственной экономіи государственного совѣта, о преобразованиі Корочанской шестиклассной прогимназіи въ гимназію, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подпись: За предсѣдателя государственного совѣта, генераль-адъютанта графа Э. Барановъ.

Мнѣніе государственного совѣта.

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ государственной экономіи, разсмотрѣвъ представленіе министра народного просвѣщенія, о преобразованиі Корочанской шестиклассной прогимназіи въ гимназію, мнѣніемъ положилъ:

1) Преобразовать, съ 1-го июля 1882 года, Корочанскую (Курскої губерніи) мужскую шестиклассную прогимназію въ полную гимназію.

2) На содержаніе означенной гимназіи ассигновать къ отпуску изъ государственного казначейства: на 1883 годъ—двадцать пять тысячъ двѣсти тридцать руб., а съ 1884 года — по двадцати шести тысячъ сто руб. въ годъ, съ обращеніемъ въ счетъ этихъ суммъ: а) ассигнуемыхъ на тотъ же предметъ мѣстнымъ уѣзднымъ земствомъ на 1883 годъ, 12,809 руб. 10 коп. и съ 1884 года по 10,771 руб. 60 коп. въ годъ и б) подлежащихъ съ 1883 года отчисленію изъ специальныхъ средствъ означенной гимназіи на содержаніе оной по 1,478 руб. 40 коп. въ годъ.

3) Потребные на содержаніе въ 1882 году VII класса названной гимназіи 2,037 руб. 50 коп. отнести на средства мѣстного уѣзднаго земства.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналѣ предсѣдателемъ и членами.

7. (10-го июня 1882 г.). О присвоеніи начальному народному училищу въ м. Жагорахъ, Шавельскаго уѣзда, наименованія Александровскаго.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему министру народного просвѣщенія докладу, въ 10-й день июня 1882 года, Высочайше соизволилъ на присвоеніе существующему въ м. Жагорахъ, Шавельскаго уѣзда Ковенской губерніи, начальному народному училищу на-

именованія „Александровскаго”, въ память въ Бозѣ почившаго Государя Императора Александра Николаевича.

8. (6-го юля 1882 г.). О преобразованіи Златопольской мужской четырехклассной прогимназіи въ шестиклассный составъ.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ департаментѣ государственной экономіи государственного совета о преобразованіи Златопольской мужской четырехклассной прогимназіи въ шестиклассный составъ, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подпись: предсѣдатель государственного совета Михаилъ.

Мнѣніе государственного совета.

Государственный советъ, въ департаментѣ государственной экономіи, разсмотрѣвъ представление министра народного просвѣщенія по настоящему предмету, мнѣніемъ положилъ:

1) Преобразовать, съ 1-го юля 1882 года, Златопольскую (Кіевской губерніи) мужскую четырехклассную прогимназію въ шестиклассный составъ, со внесениемъ, на содержаніе оной, въ подлежащія подраздѣленія смѣтъ министерства народного просвѣщенія: на 1883 годъ — двадцати одной тысячи четырехсотъ тридцати семи руб. пятидесяти коп., а съ 1884 года — по двадцати двѣ тысячи пятьсотъ шестицентовъ руб. въ годъ, и съ показаніемъ, по тѣмъ же смѣтамъ, пособіемъ государственному казначейству на содержаніе названной прогимназіи жертвовемыхъ мѣстнымъ обществомъ 1,500 руб., а также подлежащихъ отчисленію изъ специальныхъ средствъ означенного заведенія 2,275 руб.

и 2) Потребную на содержаніе V класса упомянутой прогимназіи въ текущемъ году сумму, въ количествѣ двухсотъ сорока пяти руб., сверхъ жертвовемыхъ на этотъ предметъ мѣстнымъ обществомъ 1,500 руб., отнести на счетъ остатковъ отъ ассигнованій по дѣйствующей смѣтѣ того же министерства.

Подписанное мнѣніе подписано въ журналѣ предсѣдателемъ и членами.

9. (8-го юля 1882 г.). Объ учрежденіи при Рижскомъ городскомъ реальному училищѣ преміи имени умершаго учителя рисования Шельхау.

Ученики Рижского городского реального училища представили

директору сего училища собранный ими, при содѣйствіи родителей, капиталъ въ сто рублей, для учрежденія, на счетъ процентовъ съ этого капитала, при названіи училищъ преміи имени умершаго учителя рисованія означенаго учебнаго заведенія Оскара Нельхау.

Государь Императоръ, по всеподданійшему министра народнаго просвѣщенія о семъ докладу, въ 8-й день юля 1882 года Высочайше соизволилъ на учрежденіе помянутой преміи.

II. ВЫСОЧАЙШІЙ ПРИКАЗЪ.

14-го августа 1882-гоа (№ 12). Утверждаются на три года: тайный советникъ Галаганъ, Лифляндскій ландратъ фонъ-Гроте канцлеръ Лифляндскаго обергофгерихта баронъ фонъ-деръ-Брюггенъ и баронъ фонъ-ганъ-Шнепельнъ—почетными попечителями гимназій: первый—Прилукской, второй—Рижской губернской, третій—Митавской губернской и послѣдній—Гольдингенской.

Исправляющій должность Калужскаго губернскаго предводителя дворянства Яновскій—почетнымъ попечителемъ Калужскаго реальнаго училища.

Увольняются, согласно прошенію: —почетный попечитель Пермскаго Алексіевскаго реальнаго училища, надворный советникъ Любимовъ—отъ сей должности.

III. МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

1. (13-го юля 1882 г.). Положеніе о преміи имени бывшаго учителя рисованія Оскара Нельхау при Рижскомъ городскомъ реальному училищѣ.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія.)

1) Съ Высочайшаго соизволенія, послѣдовавшаго въ 8-й день юля 1882 года, учреждается при Рижскомъ городскомъ реальному училищѣ, на счетъ процентовъ съ собраннаго учениками сего училища, при содѣйствіи родителей, капитала въ сто руб., премія имени бывшаго учителя рисованія назнаннаго училища, Оскара Нельхау.

2) Премія выдается одному изъ учениковъ Рижскаго городскаго реальнаго училища, отличающемуся рвениемъ и способностями въ

рисованії, безъ различія въроиспользованія и національности, по назначенню учительской конференціи означеннаго учебнаго заведенія.

3) Въ случаѣ увеличенія обезпечивающаго премію отъ временной неизыдачи преміи или могущихъ быть пожертвованій, по опредѣленію учительской конференціи училища могутъ быть выданы преміи пять сколькимъ ученикамъ.

4) Завѣдываніе преміей лежитъ на обязанности учительской конференціи училища, которая въ концѣ каждого года представляетъ отчеты по сему предмету Рижской городской училищной коллегіи.

2. (15-го июля 1882 г.). Положеніе о шести стипендіяхъ имени вдовы действительного статскаго советника Доминикіи Андреевны Деменко при Александровской Старобѣльской гимназіи.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

1) Съ Высочайшаго созволенія, послѣдовавшаго по положенію комитета министровъ въ 10-й день августа 1879 года, на проценты съ капитала, пожертвованаго вдовой действительного статскаго советника Д. А. Деменко, учреждаются при Александровской Старобѣльской гимназіи шесть стипендій ея имени.

2) Капиталъ сей заключается: а) въ пяти тысячахъ руб., по мѣщанныхъ на вѣчныя времена въ Харьковской городской купеческой бавкѣ; б) въ 5%, билетахъ восточныхъ займовъ, на парицательную сумму пять тысячъ четыреста руб., въ Харьковскомъ отдѣлении государственного банка; с) въ 18-ти государственныхъ 5%, банковыхъ билетахъ 5-го выпуска, 4-хъ билетахъ 3-го восточного займа по 100 р. и 2-хъ билетахъ 1-го восточного займа по 50 руб. каждый на парицательную сумму въ двѣ тысячи триста руб., хранящихся въ Старобѣльскомъ казначействѣ, въ числѣ специальныхъ средствъ гимназіи.

2) Стипендіямъ могутъ пользоваться, начиная со 2-го класса включительно, представившіе свидѣтельство о бѣдности, примѣрные, способные и благоправные ученики Старобѣльской гимназіи, родители коихъ принадлежать къ числу жителей города Старобѣльска или его уѣзда.

4) Въ случаѣ неодобрительного поведенія или оставлеванія по лѣнности и нерадѣнію въ томъ же классѣ на второй годъ, стипендіатъ лишается права пользоваться стипендіей.

5) Право избранія стипендіатовъ предоставлается педагогическому совету Александровской Старобѣльской гимназіи, при чмъ, въ случаѣ большаго количества достойныхъ кандидатовъ на стипендію, вопросъ решается жребіемъ.

6) Какіе-либо случайные остатки отъ стипендіальной суммы присоединяются къ стипендіямъ слѣдующаго года.

3. (20-го юля 1882 г.). Положеніе о стипендіи имени священника Александра Степурского при Александровской Сумской гимназіи.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

1) На счетъ процентовъ съ пожертвованнаго священникомъ Александромъ Степурскимъ капитала въ двѣ тысячи двѣсти руб., заключающагося въ облигацийхъ восточаго займа, учреждается при Александровской Сумской гимназіи одна стипендія имени жертвователя.

2) Обеспечивающій стипендію капиталъ хранится въ мѣстномъ казначействѣ, въ числѣ специальныхъ средствъ Александровской Сумской гимназіи.

3) Стипендію пользуется одинъ изъ бѣдныхъ воспитанниковъ Александровской Сумской гимназіи, заслуживающій того по своимъ успѣхамъ въ наукахъ и поведенію, преимущественно изъ дѣтей духовнаго званія, въ теченіи всего гимназического курса.

4) Выборъ стипендіата, а также лишеніе стипендіи, въ случаѣ неуспѣшности или неодобрительного поведенія пользующагося ею, принадлежитъ педагогическому совету гимназіи. Выдача стипендіи прекращается также и въ томъ случаѣ, когда материальные средства стипендіата на столько улучшатся, что назначеніе ему пособій становится ненужнымъ.

5) Могущіе образоваться почему-либо остатки отъ процентовъ присоединяются къ капиталу стипендіи.

4. (21-го юля 1882 года). Положеніе о стипендіи имени ксендза Климентія Бальчевскаго при Виленской мужской гимназіи.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

1) На проценты съ капитала въ 2,560 руб., завѣщаннаго бывшимъ настоятелемъ Интурского костела, ксендзомъ Климентіемъ Игнатьевичемъ Бальчевскимъ, учреждается при Виленской мужской гимназіи одна стипендія имени завѣщателя.

2) Означенный капиталъ, заключающійся въ 5% билетахъ государственного банка второго выпуска, хранится въ Виленскомъ губернскомъ казначействѣ, въ специальныхъ средствахъ Виленской гимназіи, и составляетъ неотъемлемую собственность оной, оставаясь на вѣчные времена неприкосновеннымъ.

3) Стипендіатъ избирается педагогическимъ союзомъ Виленской гимназіи изъ достойнѣйшихъ по поведенію и успѣхамъ учениковъ оной, дворянскаго происходженія и римско-католического исповѣданія, изъ Натурского прихода, Виленского уѣзда.

4) Если въ Виленской гимназіи не окажется кандидата, отвѣчающаго условіямъ § 3, то проценты обращаются на приращеніе завѣщаннаго капитала.

5) Избранный стипендіатъ пользуется стипендіею во все время пребыванія своего въ Виленской гимназіи.

6) Если окажется пѣсколько лицъ, имѣющихъ одинаковое право на получение стипендіи, то стипендія предоставляется одному изъ наличныхъ кандидатовъ по жребію.

7) Проценты со всего наличнаго капитала выдаются избранному стипендіату въ два срока, въ сентябрь и въ февраль мѣсяцахъ.

8) Стипендіатъ, выбиравшій по какимъ бы то ни было причинамъ изъ Виленской гимназіи, лишается стипендіи и на его мѣсто избирается другой.

Б. (3-го августа 1882 г.). Положеніе о стипендіи имени умершаго генералъ-майора Дмитрева при Кронштадтской мужской гимназіи.

(Утверждено г. министромъ народного просвѣщенія).

1) На счетъ процентовъ съ капитала въ одну тысячу рублей, собраннаго полковникомъ Андреемъ Алексѣевичемъ Петровымъ по Высочайше разрѣшенію во 2-й день июня 1869 года подпись между корабельными инженерами и мастерами Кронштадтскаго порта, учреждается при Кронштадтской мужской гимназіи одна стипендія имени умершаго генералъ-майора Дмитрева.

2) Обезпечивающій стипендію капиталъ заключается въ облигаций восточного займа и хранится въ Кронштадтскомъ казначействѣ, въ числѣ стипендіальныхъ средствъ упомянутой гимназіи, составляя неотъемлемую ея собственность.

3) Проценты означеннаго капитала употребляются на плату въ

установленные сроки, за право ученик стипендиата, а могущие оказаться остатки выдаются на руки родителямъ стипендиата или заступающимъ ихъ мѣсто на учебныхъ пособія.

4) Право избрания стипендиата принадлежитъ педагогическому совѣту Кронштадтской гимназіи. При выборѣ стипендиата полковнику Петрову предоставляется независимо право совѣщательного голоса въ упомянутомъ совѣтѣ.

5) Стипендиатъ избирается изъ лучшихъ и бѣднѣйшихъ учениковъ Кронштадтской гимназіи, преимущественно изъ сыновей лицъ, исполняющихъ или исполнявшихъ техническихъ обязанности при мастерскихъ или судостроеніи Кронштадтского порта.

6) Стипендиату, оставшемуся на другой годъ въ томъ же классѣ, можетъ быть сохранена стипендія только по особо уважительнымъ причинамъ, по постановленію педагогического совѣта гимназіи.

IV. ПРИКАЗЪ МИНИСТРА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНИЯ.

27-го іюля 1882 года (№ 10). Утверждаются: заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, дѣйствительный статскій советникъ Васильевъ—вновь деканъ иномъ факультета восточныхъ языковъ сего университета, на три года, съ 16-го іюня 1882 г.

Ординарный профессоръ Императорскаго Московскаго университета, дѣйствительный статскій советникъ Ноповъ—деканомъ историко-филологического факультета сего университета, по 25-е марта 1885 г.

Заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго Новороссійскаго университета, дѣйствительный статскій советникъ Карапестовъ—вновь сверхштатнымъ ординарнымъ профессоромъ сего университета, по каѳедрѣ аналитической механики, на пять лѣтъ, съ 10-го іюня 1882 г.

Экстраординарный профессоръ Императорскаго Казанскаго университета, падворный советникъ Громека—ординарнымъ профессоромъ сего университета, по занимаемой имъ каѳедрѣ аналитической механики, съ 28-го мая 1882 г.

Профессоръ института сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой Александрии, магистръ химіи, коллежскій ассессоръ Нотылицинъ—

экстраординарнымъ профессоромъ Императорскаго Варшавскаго университета по кафедрѣ химіи, съ 1-го юля 1882 г.

Доцентъ Императорскаго Казацкаго университета, докторъ медицины, коллежскій советникъ Скворцовъ—экстраординарнымъ профессоромъ Императорскаго Варшавскаго университета по кафедрѣ гигиены и медицинской полиціи, съ 1-го юля 1882 г.

Учителя гимназій: Императорской Николаевской Царскосельской Соколовъ и состоящей при Императорскомъ С.-Петербургскомъ историко-филологическомъ институтѣ Билибинъ—преподавателии сего института, первый—политической географіи и второй—математической географіи, оба съ 1-го юля 1882 г., съ оставляемъ въ занимаемыхъ ими должностяхъ.

Директоръ С.-Петербургской пятой прогимназіи, коллежскій со-вѣтникъ Моръ—директоромъ С.-Петербургской восьмой гимназіи, преобразованной изъ означенной прогимназіи, съ 1-го юля 1882 г.

Лифляндскій лапдратъ, въ званіи камергера, статскій совѣтникъ фонъ-Рихтеръ—предсѣдателемъ училищной коллегіи мужской гимназіи Императора Александра II-го въ г. Биркенруэ, близъ Венденъ, Лифляндской губерніи, съ 1-го юля 1882 г.

Выдержаній испытаніе на званіе старшаго учителя нѣмецкаго и древнихъ языковъ Кохъ—директоромъ мужской гимназіи Императора Александра II-го въ г. Биркенруэ, близъ Венденъ, Лифляндской губерніи, съ 1-го юля 1882 г.

Испекто́ръ Борисоглѣбской прогимназіи, коллежскій асессоръ Понадскій-Духовской—директоромъ реального училища въ г. Изюмѣ, Харьковской губерніи, съ 1-го юля 1882 г.

Исполняющій обязанности испекто́ра Елабужского реального училища, учитель сего училища, статскій совѣтникъ Ивановъ—директоромъ сего же училища.

Испекто́ры прогимназій: Московской первой—статскій совѣтникъ Кашка́дамовъ и Сергиево-Посадской—статскій совѣтникъ Тихомировъ—директорами сихъ прогимназій, оба съ 1-го юля 1882 г.

Потомственный почетный гражданинъ, купецъ Наставинъ—почетнымъ попечителемъ Касимовской прогимназіи, на три года.

Причисляется къ министерству народного просвѣщенія: кандидатъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета Любомиръ Дымша, съ 27 юля 1882 г., съ откомандированіемъ для занятій въ департаментъ народного просвѣщенія.

Оставляется на службѣ на пять лѣтъ: директоръ Костром-

ской гимназіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Масленниковъ, съ 27-го марта 1882 г.

Командируется: помощникъ попечителя Казанскаго учебнаго округа, дѣйствительный статскій совѣтникъ Малиновскій—на двадцать девять дней, въ Москву, С.-Петербургъ и Харьковъ.

Увольняются въ отпускъ: а) въ Россіи: на три недѣли: директоръ Киевскаго реальнаго училища, дѣйствительный статскій совѣтникъ Паліенко, въ Москву и Черниговскую губернію.

По 16-е августа 1882 года: ректоръ Императорскаго Харьковскаго университета, статскій совѣтникъ Щекановецкій, въ Черниговскую, Киевскую и Хорсонскую губернію.

На двадцать семь дней: помощникъ попечителя Варшавскаго учебнаго округа, тайный совѣтникъ Воронцовъ-Вельяминовъ, въ Московскую и Тульскую губерніи.

На двадцать восемь дней: директоръ института сельскаго хозяйства и лѣсостроительства съ Новой Александріи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Бажановъ, въ разныя губерніи, директоръ Вятскаго Александровскаго реальнаго училища, статскій совѣтникъ Виноградскій, въ Московскую и С.-Петербургскую губерніи, и фабрикантъ VIII класса департамента народнаго просвѣщенія, титулярный совѣтникъ Моревъ, въ Ярославскую губернію.

На мѣсяцъ: директоры гимназій: Калининской мужской—статскій совѣтникъ Савицкій и Уфимской—статскій совѣтникъ Матвеевъ, въ разныя губерніи, директоръ С.-Петербургской Введенской прогимназіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Грудзевъ, во внутреннія губерніи, и директоръ Минской дирекціи народныхъ училищъ, статскій совѣтникъ Тимофеевъ, въ разныя губерніи.

На мѣсяцъ и семь дней: директоръ Виленской гимназіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Валвановичъ, въ разныя губерніи.

На мѣсяцъ и десать дней: директоръ народныхъ училищъ Полтавской губерніи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Добротворскій, въ Москву и С.-Петербургъ.

На мѣсяцъ и двѣнадцать дней: директоръ народныхъ училищъ Воронежской губерніи, статскій совѣтникъ Посида, на Кавказъ.

На лѣтнее вакаціонное время 1882 года: директоръ Скопинскаго реальнаго училища, статскій совѣтникъ Львовъ, въ Московскую, Тамбовскую и Калужскую губерніи.

б) за границу: на семь дней: чиновникъ особыхъ поручений при министрѣ народнаго просвѣщенія, статскій совѣтникъ Милковъ.

На пятнадцать дней: исправляющій должностность инспектора Заревскаго института восточныхъ языковъ, коллежскій совѣтникъ Вегеръ.

На двадцать дней: учитель Камратскаго двухкласснаго народнаго училища Кованжи.

По 15-е августа 1882 года: доцентъ Императорскаго Харьковскаго университета Зайкевичъ.

По 16-е августа 1882 года: врачъ Нарвской гимназіи, коллежскій совѣтникъ Браше, по болѣзни.

На лѣтнее вакационное время 1882 года: учитель Костромскаго реальнаго училища, надворный совѣтникъ Фарванъ.

На два мѣсяца: лаборантъ химической лабораторіи Императорской академіи наукъ, коллежскій секретарь Кракау, по болѣзни.

На лѣтнее вакационное время 1882 г. и двадцать девять дней: заслуженный сверхштатный ординарный профессоръ Императорскаго Новороссійскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Карастелевъ, по болѣзни.

Увольняются: а) за выслугуо срока: директоръ Слуцкой гимназіи, статскій совѣтникъ Носовичъ—оть службы, съ 1-го юля 1882 г., съ довoleniemъ носить въ отставкѣ мундирный полукафтанъ, послѣдней должности присвоенный.

и б) Согласно прошеніямъ: ординарный профессоръ Императорскаго Дерптскаго университета, статскій совѣтникъ Вильгельмъ Стида—оть сей должности, съ 1-го юля 1882 г.

Директоры реальныхъ училищъ: Иваново-Вознесенскаго—дѣйствительный статскій совѣтникъ Бордюговъ и Пермскаго—дѣйствительный статскій совѣтникъ Залежскій—оть службы съ 1-го юля 1882 г.

Заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, тайный совѣтникъ Чебышевъ—оть службы при университетѣ, съ 13-го юля 1882 г.

Объявляется признательность министерства народнаго просвѣщенія: почтенному гражданину Бенедиктову—за пожертвование на устройство домовой церкви при Нововибковскомъ реальному училищу.

Вышему попечителю Бобруйской бесплатной женской школы, ка-

часть сссхи, отд. 1.

питану Соханскому—за весьма полезную деятельность по отношению къ означеному учебному заведенію.

Начальницѣ Новоторжской женской прогимназіи Ивковой — за продолжительную и примѣрно полезную дѣятельность въ упомянутой должности.

V. ОПРЕДѢЛЕНИЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНИЯ.

Определеніями ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено: книгу „Учебникъ естествознанія“ для среднихъ и низшихъ техническихъ училищъ. Ботаника. Составилъ В. Э. Иверсенъ, преподаватель ремесленного училища Цесаревича Николая. С.-Петербургъ. 1882 г. Цѣна 60 к.,—допустить какъ учебное пособіе по ботаникѣ для среднихъ и низшихъ училищъ.

Книгу „Manuel élémentaire et pratique de langue française. Cours systématique de lecture, de conversation, d'orthographe, de grammaire et de traduction, à l'usage des classes inférieures et moyennes, par Alphonse Rancy. 2-me partie. S.-Petersbourg. 1882. (Элементарное практическое руководство французского языка, постепенный систематический курсъ чтеній, бесѣдъ, правописанія, грамматики и переводовъ для употребленія въ низшихъ и среднихъ классахъ, сост. Альфонсъ Ранси. Часть 2-я. С.-Петербургъ, 1882 г.). Цѣна 60 к.,—одобрить въ качествѣ руководства для женскихъ гимназій и прогимназій министерства народнаго просвѣщенія и въ качествѣ учебнаго пособія для мужскихъ среднеучебныхъ заведеній министерства.

— Книги: „Этимологія русскаго языка“ для низшихъ классовъ гимназій (примѣнительно къ правописанію). Составили А. Кирничниковъ и О. Гиляровъ. Издание 17-е, вновь пересмотрѣнное (тридцать девятый десятокъ тысячъ). Москва. 1882 г. Цѣна 40 коп.,—и „Синтаксисъ русскаго языка“, примѣнительно къ правописанію. Составилъ А. Кирничниковъ. Издание 13-е, исправленное и дополненное согласно новому учебному плану. Москва. 1882 г. Ц. 40 к.,—одобрить: первую какъ учебное руководство по русскому языку для среднихъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія, а вторую какъ учебное руководство для гимназій и прогимназій (мужскихъ и женскихъ) реальныхъ училищъ и городскихъ училищъ.

— Книгу „Наука о богослужении православной церкви“. Въ двухъ частяхъ. Составилъ преподаватель Московской духовной семинарии П. Лебедевъ. Москва 1881 г., одобрить для приобрѣтенія въ ученическия библиотеки среднихъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія.

— Книги: 1, „Сокращенное руководство ко всеобщей и русской исторіи“. Курсъ младшаго возраста, изложенный по преимуществу въ чертахъ эпизодическихъ и биографическихъ. Составилъ Д. Иловайскій. Издание 13-е. Москва. 1881 г. Цѣна 75 к.—2) „Руководство ко всеобщей исторіи“. Средній курсъ. Составилъ Д. Иловайскій. Издание 16-е. Москва. 1880 г. Цѣна 1 руб.;—и 3) Руководство къ русской исторіи.—Составилъ Д. Иловайскій. Издание 22-е. Москва. 1881 г. Цѣна 40 коп.—одобрить: первую какъ руководство для младшихъ классовъ гимназій, вторую какъ учебное пособіе для мужскихъ гимназій и какъ руководство для женскихъ, и третью въ качествѣ учебника для двухклассныхъ училищъ.

VI. ОПРЕДѢЛЕНИЯ ОСОБАГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНИЯ.

Определеніями особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено: книгу „Разсказы изъ римской исторіи“, для дѣтей отъ 8 до 11 лѣтъ. Сост. г-жею Бизлей. Переводъ со 2-го англійскаго изданія. Москва. 1880 г. Цѣна 45 коп.,—допустить въ библиотеки городскихъ и народныхъ училищъ.

— Книгу: „Наталя, болгарская дочь“.—Новѣсть Каразиниа.—Москва. 1880 г. (Цѣна не обозначена)—допустить въ библиотеки городскихъ и народныхъ училищъ.

— Книгу: „Чтение изъ исторіи среднихъ вѣковъ“.—Издание Общества распространенія полезныхъ книгъ. Москва. 1880 г. (Цѣна не обозначена) допустить въ библиотеки городскихъ и народныхъ училищъ.

— Книгу „Св. Кирилль и Меѳодій, просвѣтители Славянъ“. П. Рогова.—Изд. второе. С.-Петербургъ. 1880 г. Цѣна 10 коп.,—допустить въ библиотеки городскихъ и народныхъ училищъ.

— Книгу „Боже! Царя Храни!“ Бесѣда съ православнымъ русскимъ народомъ.—Изд. Православ. Вилен. Св. духов. братства.—

Вильна 1880 г.—допустить въ библиотеки городскихъ и народныхъ училищъ.

Составленную А. Н. Аниенской книгу: „Анна“. Романъ для дѣтей. Изд. кн. Макуловой. С.-Пб. 1881 г.—допустить въ библиотеки народныхъ училищъ.

— Книги: Пушкина. „Мѣдный Всадникъ“. Изд. подъ ред. Стоюнина. Цѣна 20 коп. и Погоскаго. Старики, изд. „Досугъ и Дѣло“, цѣна 20 коп.—допустить въ библиотеки городскихъ и народныхъ училищъ.

— Составленную В. Водовозовымъ Книгу: „Книга для первоначального чтенія“, въ народныхъ школахъ. Ч. I. Изд. 15-е. С.-Пб. 1882 г. Ц. 45 коп.—одобрить для класснаго употребленія во всѣхъ низшихъ училищахъ министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу „Механикъ-самоучка Иванъ Петровъ Кулибинъ“. Е. Ф. Николаевой. Съ раскрашенною картинкою. Издание комиссіи народныхъ чтеній. С.-Пб. 1882 г.—допустить въ библиотеки городскихъ и народныхъ училищъ и для публичныхъ народныхъ чтеній.

— Составленную І. А. Чорчинскимъ книгу: „Краткія свѣдѣнія о насѣкомыхъ, наиболѣе вредящихъ русскому полеводству. Съ 10 политицажами въ текстѣ и 2 гравюрами. С.-Пб. 1882 г.“—признать заслуживающею особой рекомендациіи для учительскихъ библиотекъ народныхъ сельскихъ училищъ.

— Книгу „Опыты образцовъ систематического диктанта. Составленъ комиссіею при Московской второй гимназіи. Издание 4-е. М. 1880 г. Ц. 30 к.“—допустить въ учительскія библиотеки городскихъ и народныхъ училищъ.

ОФИЦІАЛЬНЫЯ ИЗВѢЩЕНІЯ.

Государь Императоръ, по положенію комитета гг. министровъ, въ 30-й день юля сего года, Высочайше соизволилъ на учрежденіе издательского общества при Высочайше учрежденной постоянной комиссіи по устройству народныхъ чтеній въ С.-Петербургѣ и его окрестностяхъ.

— Г. министръ народнаго просвѣщенія разрѣшилъ: 1) закрыть параллельное отдѣленіе при I классѣ Кіевскаго реальнаго училища и открыть, съ начала 1882—1883 учебнаго года, таковыя отдѣленія при IV и V классахъ названнаго училища, на счетъ специальныхъ средствъ училища, увеличивъ для сего, съ того же срока, плату за

ученіе въ означеннѣи училищъ съ сорока до пятидесяти рублей въ годъ съ каждого ученика; 2) открыть, съ начала 1882 — 1883 учебнаго года, дополнительный классъ, съ общию отдѣленіемъ, при Влоцлавскомъ реальному училищѣ, съ отнесениемъ потребнаго для сего ежегоднаго расхода на специальныя средства названнаго училища; 3) закрыть, съ 1-го сего августа, параллельный отдѣленія при VII и VIII классахъ Виленской мужской гимназіи и открыть, съ начала текущаго учебнаго года, параллельное отдѣленіе при V классѣ названной гимназіи, съ отнесениемъ содержанія сей параллели на счетъ суммы сбора за ученіе въ оной, въ размѣрѣ по шестидесяти рублей въ годъ съ каждого ученика; 4) закрыть, съ начала сего 1882—1883 учебнаго года, параллельное отдѣленіе при II классѣ Александровскаго Полтавскаго реальнаго училища, и открыть, взамѣнъ оного, съ того же срока, таковое отдѣленіе при III классѣ названнаго училища; 5) открыть, съ начала 1882—1883 учебнаго года, параллельное отдѣленіе при VIII классѣ Новочеркасской гимназіи, съ отнесениемъ потребнаго для сего расхода на специальныя средства названной гимназіи; 6) закрыть параллельный отдѣленіе при V и VII классахъ Полтавской гимназіи и открыть, взамѣнъ оныхъ, съ начала 1882 — 1883 учебнаго года, таковыя отдѣленія при IV и VIII классахъ названной гимназіи; 7) открыть, съ начала 1882—1883 учебнаго года, параллельное отдѣленіе при VI классѣ Каменецъ-Подольской гимназіи, съ отнесениемъ потребнаго для сего расхода, въ количествѣ двухъ тысячъ трехъ сотъ двадцати рублей, на специальныя средства названной гимназіи; 8) закрытое, согласно предложению министерства народнаго просвѣщенія отъ 27-го мая сего года за № 6298, 2-е параллельное отдѣленіе при I классѣ Николаевской Александровской гимназіи, вновь открыть при томъ же классѣ, съ обращеніемъ па содержаніе его 1,500 руб., назначенныхъ для сего Николаевской городской думою; 9) закрыть, съ начала 1882—1883 учебнаго года, параллельное отдѣленіе при VI классѣ Могилевской гимназіи и открыть, взамѣнъ оного, таковое же отдѣленіе при V классѣ сей гимназіи, съ отнесениемъ потребнаго для сего расхода на специальныя средства названной гимназіи; 10) увеличить размѣръ платы за ученіе въ Варшавскихъ первыхъ мужской и женской гимназіяхъ, съ начала текущаго 1882—1883 учебнаго года, въ приготовительныхъ классахъ сихъ учебныхъ заведеній съ 10 до 15 руб. и въ основныхъ классахъ съ 20 до 30 руб. въ годъ.

О ВЛІЯНІЇ ГЕРМАНСКАГО И КЕЛЬТИЧЕСКАГО ПРАВА НА СИСТЕМУ КАРЪ И ПОКАЯНІЙ ЗАПАДНОЇ ЦЕРКВІ¹⁾.

III.

Ученіе объ особенныхъ церковныхъ наказаніяхъ съ давнихъ поръ обращало на себя вниманіе ученыхъ. Въ літературѣ XVII столѣтія мы встрѣчаємся уже съ пространнымъ трактатомъ объ особенныхъ церковныхъ наказаніяхъ, написаннымъ извѣстнымъ французскимъ ученымъ Іоанномъ д'Аvezanомъ (Jean d'Avezan)²⁾, а въ позѣйшее время вопросъ этотъ обстоятельно изслѣдованъ цѣлымъ рядомъ германскихъ ученыхъ, изъ сочиненій которыхъ въ особенности заслуживаетъ вниманіе монографіи Кобера³⁾ и Кельпера⁴⁾. Въ виду этого въ настоящемъ отдѣлѣ нашего труда мы не займемся самостоятельнымъ изслѣдованиемъ частностей ученія объ особенныхъ церковныхъ наказаніяхъ, а только выясненіемъ основнаго характера системы особенныхъ церковныхъ наказаній и того вліянія, которое эта система имѣла на

¹⁾ Продолженіе. См. іюльскую книжку Ж. М. Н. Пр. за текущій годъ.

²⁾ Трактатъ Іоанна Девезана посвященъ въ его сочиненіи «Liber de censuris ecclesiasticis» (Первоо изданіе: Aureliae 1654, перепечатано потомъ въ Meertan, Novus Thecaurus juris civilis et canonici. Tom. IV. Hagaе 1752) подъ заглавіемъ: *Tractatus de depositione, degradatione et suspensione*.

³⁾ Ueber die Strafe der Suspension. Tübingen 1859, и Die Deposition und Degradation. Tübingen 1867.

⁴⁾ Das Buß-und Strafverfahren gegen Kleriker in den ersten sechs christlichen Jahrhunderten. Trier 1863. Въ русской літературѣ очеркъ исторіи особенныхъ церковныхъ наказаній находимъ у Суворова, стр. 226 и слѣд.

систему общихъ церковныхъ взысканий. При этомъ считаемъ необходимымъ обратить наше внимание преимущественно на генезисъ и развитіе карательного элемента въ системѣ особенныхъ церковныхъ взысканий въ первыхъ пять столѣтій по Р. Х.

Подъ особенными церковными наказаніями новѣйшая доктрина церковнаго права понимаетъ такія взысканія, которымъ налагаются на клириковъ и состоять въ лишении или ограничении присущихъ имъ особенныхъ церковныхъ правъ. Но при историческомъ изслѣдованіи системы особенныхъ церковныхъ наказаній, нельзя ограничиться разсмотрѣшемъ только что указанного цикла церковныхъ взысканий, а необходимо также заняться изученіемъ порядка наложения на клириковъ и общихъ церковныхъ взысканий, такъ какъ первопачально всѣ взысканія, налагаемыя на клириковъ, въ чёмъ бы они не состояли, противополагались взысканіямъ, налагаемымъ на мірянъ. Въ такомъ смыслѣ и будетъ пониматься терминъ „особенный церковный наказаніи или взысканія“ въ послѣдующемъ изложеніи.

Несомнѣнно, что съ самыхъ первыхъ временъ христіанства на клириковъ налагались взысканія, состоявшія въ лишении или ограничении особенныхъ присущихъ клиру церковныхъ правъ¹⁾; но основаніе болѣе или менѣе опредѣленной системѣ особенныхъ церковныхъ взысканий положено было только въ III вѣкѣ. Почему именно въ означенное время возникла система особыхъ церковныхъ взысканий, объясняется обыкновенно слѣдующимъ образомъ: Полагаютъ, что различіе, установившееся въ составѣ церковнаго общества путемъ естественного внутрен资料о развитія между клириками съ одной и мірянами съ другой стороны, опредѣлилось окончательно подъ конецъ II и въ началѣ III столѣтія подъ влияніемъ идей, заимствован-

¹⁾ Кельнеръ (р. 31) приводитъ одно мѣсто изъ сочиненія Тертулліана: De Baptismo (cap. 17), свидѣтельствующее о томъ, что уже апостолы прибѣгали къ изверженію, какъ къ средству наказанія для провинившихъ клириковъ. Въ этомъ мѣстѣ говорится слѣдующее: Quod si, quae Pauli reregerant scripta sunt exemplum Theclae ad licentiam mulierum docendi tinguendique defendunt, sciant, in Asia presbyterum, quia eam scripturam construxit, quasi titulo Pauli de suo simulans convictum apud Ioannem atque confessum, id se amore Pauli fecisse, loco recessisse. Впрочемъ, какъ замѣчаетъ самъ Кельнеръ,—мѣсто это, въ виду того что подлинность словъ «apud Ioannem», не доказана, нельзя проводить какъ несомнѣмое доказательство. Тѣмъ не менѣе, что отрѣшеніе отъ должности праѣтиковалось во времена апостольскимъ, несомнѣнно, ибо о немъ упоминается въ посланіи Клименту I къ Коринтіанамъ (гл. 44).

ныхъ изъ римского государственного права¹⁾) Думаютъ, что этому перенесенію идеи римского государственного права въ сферу церковной жизни въ особенности способствовалъ Тертулліанъ, сочиненія котораго обличаютъ такое близкое знакомство съ римскимъ правовымъ и государственнымъ строемъ. Тертулліанъ де, первый изъ церковныхъ писателей, проплагаетъ къ клиру название „ordo“, заимствуя это название изъ римской юридической термиологии. Онъ же, противополагая клиръ (*ordo*) мірянамъ, переносить въ сферу церковной жизни давно знакомое римской государственной жизни противоположеніе между *ordo*, подъ которымъ понималось сословіе сенаторовъ и всадниковъ въ Римѣ и сословіе декуріоновъ въ муниципіяхъ, и *plebs*, подъ каковое называли всѣ остальные граждане. Такимъ образомъ, согласно только что указанному возврѣнію, уже подъ конецъ II столѣтія церковь стала рассматривать клиръ какъ нечто подобное сословію сенаторовъ, всадниковъ и декуріоновъ. Подобное сближеніе, въ частности, должно было сказаться и на церковно-судебной практикѣ въ отношеніи къ духовнымъ лицамъ. Для сенаторовъ и декуріоновъ существовали въ римскомъ правѣ, какъ наказанія, двѣ главныя мѣры: 1) *remotio*, *depositio*, *degradatio*, наказаніе, состоявшее въ исключеніи изъ сословія, въ потерѣ достоинства, и 2) *prohibitio*, *honoris s. suspensiō*, наказаніе, состоявшее въ запрещеніи предпринимать какія-либо должностныя функции, безъ исключенія изъ *ordo*, и назначавшееся на определенный срокъ, или же неопределенно. Въ церковно-судебной практикѣ установились для клира, вслѣдствіе его сопоставленія съ римскими *ordinis*, взысканія, во всѣхъ отношеніяхъ подобныя только что указаннымъ. Съ подобнымъ возврѣніемъ, какъ намъ кажется, нельзя согласиться. Прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что и до Тертулліана церковные писатели употребляютъ для обозначенія различныхъ классовъ церковного общества термины, означавшіе у древнихъ сословія подраздѣленія. Такъ въ посланіи Клиmenta I къ Коринтіанамъ (гл. 44) читаемъ: "Ἐκαστος ὄμῶν, ἀδελφοί, ἐν τῷ ἴδιῳ τάγματι εὐχαριστεῖτο Θεῷ, ἐν ἀγαθῷ συναιδήσαι ὑπάρχου, μη ταρεχθάνων τὸν φρισμένον τῆς λειτουργίας αὐτοῦ κανόνα, ἐν τεμνότητι. Хотя употребленій видѣть терминъ тѣгуа виолѣтъ соответствуетъ латинскому *ordo* или *status*, тѣмъ не менѣе никто не признаетъ возможнымъ предположить, что сближеніе между клиромъ и римскими сословіями началось уже во времена Клиmenta I, то-есть,

¹⁾ Суэоровъ. 227 и слѣд.

въ первое столѣтіе нашего лѣтосчисленія. Но—могутъ возразить намъ—отъ Тертулліана, котораго многіе считаютъ однімъ и тѣмъ же лицемъ съ Тертулліаномъ, фрагменты изъ сочиненій коего находятся въ Дигестахъ, мы можемъ ожидать большей точности въ употребленіи юридическихъ терминовъ, чѣмъ отъ Климента I, не получившаго юридического образованія и писавшаго еще при этомъ по гречески. Мы не споримъ, что всѣ сочиненія Тертулліана обличають несомнѣнное знакомство съ наукой права и юридической терминологіей, но въ то же время считаемъ себя въ правѣ утверждать, что въ данномъ случаѣ терминъ *ordo* употребленъ Тертулліаномъ не въ томъ смыслѣ, въ какомъ онъ употребляется въ современной ему римской юридической наукѣ. Терминомъ *ordo* обозначалось въ римскомъ государственномъ правѣ рассматриваемаго времени вполнѣ обособившееся и облеченнное особыми точно опредѣленными правами сословіе. Придать клиру подобное значеніе — не могъ желать Тертулліанъ, столь страстно отстаивавшій то воззрѣніе, по которому всѣ христіане считались членами всемирнаго *ordo sacerdotalis*¹⁾. Изъ чтенія 7-й главы его сочиненія „de exhortatione castitatis“ легко убѣдиться, что онъ не желалъ провести рѣзкаго различія между клириками и мірянами, подобного тому, которое существовало между римскими *ordines* и *plebs*. Онъ называетъ мірянъ простыми членами церкви, но единственно только для того, чтобы отличить ихъ вообще отъ христіанъ, занимающихъ церковныя должности, а не для того, чтобы отдѣлить ихъ вполнѣ отъ клириковъ, какъ отъ высшаго, въ смыслѣ римскихъ *ordines*, сословія. Такимъ образомъ, мы утверждаемъ, что Тертулліаномъ не положено основаніе сближенію между клиромъ и сословіемъ сенаторовъ и декуріоновъ. Клиръ, по нашему мнѣнію, организовался въ христіанской церкви вѣдь вліянія римскихъ государственныхъ идей. Ужъ если что вліяло на организацію христіапскаго клира, то никакъ не римскія воззрѣнія, а воззрѣнія древнееврейскаго права, относящіяся къ положенію и правамъ левитовъ. Это послѣднее вліяніе — неоспоримо. Подъ словомъ „клиръ“ стали

¹⁾ Nonne et laici sacerdotes sumus? восклицаніе Тертулліана (Exhort. Castit. cap. 7). Здѣсь онъ очевидно примыкаетъ къ воззрѣніямъ св. Иринея Ліонскаго (Contra haeres. Lib. IV, 20), утверждающаго, что «omnes justi sacerdotalem habent ordinem». Замѣтимъ кстати, что въ приведенномъ изрѣчении св. Иринея терминъ *ordo* означаетъ организацію вообще, а не сословную организацію въ частности.

попинмати особое сословіє духовенства, начинаю со второй половины III століття, то-есть, съ того времени, когда для разрѣшення различныхъ вопросовъ, относящихся къ организації, управлению и дисциплинѣ церкви, вошло въ обычай дѣлать заимствованія изъ ветхаго запѣта¹⁾). Подобно древнимъ левитамъ, которымъ, по словамъ Монсеева законодательства²⁾, иѣсть жребій въ братії ихъ, но Господь самъ жребій ихъ, и христіанскій клиръ образуетъ подъ конецъ III століття пѣчто отдѣльное отъ народа христіанскаго, особое высшее по своему призначенію въ церкви сословіе. Напротивъ того, до означеннаго времени словомъ „клиръ“ обозначалось то положеніе, которое запрещали отдѣльные члены церкви въ составѣ церковнаго общества, въ особенности же должностное положеніе, то-есть, занятие кѣмъ-либо церковной должности. Поэтому клириками назывались не члены особаго духовнаго сословія, а лица, занимавшія извѣстныя опредѣленныя должности въ церкви³⁾, которымъ посредствомъ совершенія падъ вими таинства священства сообщена была особая власть въ церковномъ обществѣ.

Наконецъ, если па основаніи только что приведенныхъ нами данныхъ признать, что организація клира совершилась впѣ вліяння римскихъ государственныхъ ідей, то изъ этого необходимо будетъ вывести заключеніе, что и тѣ особенные церковныя наказанія, которые признаются учеными, придерживающимися противоположнаго нашему мнѣнія, азъ виноватыи пѣръ римского государственного права, возникли совершение самостотельно и суть продуктъ своеобразнаго церковнаго правового творчества. Только внослѣдствії, послѣ установленія тѣсной связи между государствомъ и христіанской церковью, сопоставленъ быль клиръ съ римскими *ordines*, и начала сравниваться система особыхъ церковныхъ взысканій, налагаемыхъ на клириковъ, съ системой наказаній, которымъ подлежали за различныя преступленія свѣтскаго права сенаторы и дескуріопы. Но не слѣдуетъ упускать изъ виду, что когда произошло это сближеніе, клиръ вполнѣ уже организовался, а система особыхъ церковныхъ наказаній являлась уже опредѣлившуюся въ своихъ основахъ.

¹⁾ Ср. Neander, Allgemein. Geschichte der christl. Religion, I, 247 ff.

²⁾ Второзн. X. 9. Ср. посланіе Кипріана ad clericum et plebem Furbitano-tum (Ер. 66).

³⁾ Это видно между прочимъ и изъ того, что въ первоначальной церкви съ посвященіемъ кого-либо во епископы или во пресвитеры неразрывно соединено было назначеніе его на извѣстную, опредѣленную церковную должность.

Указавъ такимъ образомъ на то, что памъ кажется невѣроятнымъ заимствованіе важнѣйшихъ изъ особенныхъ церковныхъ взысканій изъ римского права, мы переходимъ къ исторіи постепеннаго развитія системы особенныхъ церковныхъ взысканій въ III вѣкѣ нашего лѣтосчисленія.

Какъ мы замѣтили выше, основаніе болѣе или менѣе опредѣленной системѣ особенныхъ церковныхъ взысканій было положено только въ III вѣкѣ. Въ посланіяхъ Кипріана мы впервые встречаемся съ опредѣленными указаніями на такую систему. Первое, чѣмъ поражаетъ при знакомствѣ съ относившимися сюда мѣстами посланій Кипріана, это—то, что карательный элементъ въ тѣхъ взысканіяхъ, которыя налагались во времена Кипріана на клириковъ, гораздо сильнѣе развитъ, чѣмъ въ тѣхъ, которыя примѣнились къ мѣрянамъ. Такъ, въ посланіи къ Рогаціану Кипріанъ, разсуждая о томъ, какъ поступить съ діакономъ, оскорбившимъ Рогаціана, полагаетъ, что этотъ діаконъ, въ воздаяніе за совершенное имъ тѣжкое нарушеніе церковныхъ постановленій о необходимости подчиненія низшихъ чиновъ церковной іерархіи высшимъ, долженъ подвергнуться, по усмотрѣнію Рогаціана, или изверженію, или запрещенію¹⁾. И въ другихъ посланіяхъ Кипріана, гдѣ только говорится объ особенныхъ церковныхъ взысканіяхъ, вездѣ они являются съ извѣстнымъ виндикативнымъ характеромъ. Подобный отг҃ытокъ получаютъ даже и общія церковныя взысканія, отлученіе и публичное покаяніе, въ тѣхъ случаахъ, когда они налагаются на клириковъ²⁾. Въ только что указанномъ посланіи къ Рогаціану читаемъ: „Et ideo oportet diaconum, de quo scribis, agere audaciae suaе pœnitentiam, et honorem sacerdotis agnoscere, et ерікоро praeposito suo plena humilitate satisfacere“³⁾. Такимъ образомъ, при наложеніи общаго церковнаго взысканія на клирика, видоизмѣнялся въ извѣстной степени самый характеръ взысканія. А именно, между тѣмъ какъ въ отлученіи и публичномъ покаяніи мѣры преобладалъ характеръ мѣры исправительной, рассматриваемой даже преимущественно какъ благодатное средство, даруемое грѣшнику для примиренія съ Богомъ и церковью,

¹⁾ При этомъ дѣятельность епископа при наложении означенныхъ взысканій подводится подъ понятіе vindicare, то-есть, причинять что-либо въ воздаяніе за содеянное. Ср. Mansi, I, 901.

²⁾ Этакъ мы, впрочемъ, не желаемъ утверждать, чтобы характеръ исправительной мѣры былъ совершенно чуждъ отлученію и покаянію клириковъ.

³⁾ Mansi, I, 903 D.

въ отлученіи и публичномъ покаяніи клириковъ перевѣсь получитъ характеръ карательной мѣры, наказанія. Въ силу этого видоизмѣненія основнаго характера, отлученіе и покаяніе клириковъ и должны быть отнесены въ историческомъ изложеніи къ системѣ особыхъ церковныхъ наказаній.

Вырочемъ, карательный элементъ не однократно развить во всѣхъ особыхъ церковныхъ взысканіяхъ. Въ этомъ мы легко можемъ убѣдиться при болѣе близкомъ знакомствѣ съ тѣми видами особыхъ церковныхъ взысканій, которые встречаются у Кипріана. Рассмотримъ эти взысканія.

Во главѣ всѣхъ особыхъ церковныхъ взысканій стоитъ отлученіе клириковъ. Возсоединеніе съ церковью было для отлученныхъ клириковъ въ значительной степени затруднено, сравнительно съ мірапами, и обусловливалось строгимъ публичнымъ покаяніемъ¹⁾. Возсоединенные съ церковью клирики не восстановились въ своихъ прежнихъ особыхъ церковныхъ правахъ, не допускались къ такъ называемому *communio clericalis*, а только къ такъ называемому *communio laici*, то-есть къ той степени общенія съ церковью, въ которой находились міряне²⁾. Такимъ образомъ, отлученіе, какъ высшее наказаніе, состоявшее въ лишеніи всѣхъ церковныхъ правъ, какъ общихъ, такъ и особыхъ, заключало въ себѣ и лишеніе всѣхъ особыхъ церковныхъ правъ, такъ-называемое изверженіе, обозначающее у Кипріана терминомъ „depositio“ и назначавшееся очень часто самостоятельно, вѣтъ связи съ отлученіемъ. Въ семъ послѣднемъ случаѣ наказуемый лишался только такъ-называемаго *communio clericalis*, а не церковнаго общенія вообще: иѣ отчопленіи церковныхъ правъ опѣр сравнивался съ мірянами. Такъ какъ изверженіе было пожизненнымъ, то карательный элементъ представляется въ немъ въполномъ своемъ развитии. За содѣянное имъ прегрѣщеніе клирикъ лишался всѣхъ присущихъ ему особыхъ церковныхъ правъ, отрѣшался павсегда отъ занимаемой имъ должности, терялъ право на получение доходовъ отъ этой должности и не могъ уже пользоваться

¹⁾ Про испанскаго епископа Василия Кипріанъ говорятъ: «ad agendam poenitentiam convergans sit, Deum dorecans, et satia gratulans, si sibi vel laico communicare contingeret (*Mansi*, I, 908 E.).

²⁾ Кипріанъ упоминаетъ о декрѣтѣ папы Корнелія (*Mansi*, I, 909 A), согласно которому ejusmodi homines (отлученныхъ клириковъ) ad poenitentiam quidem agendum possunt admitti, ab ordinatione autem cleri atque sacerdotiali honore prohiberi».

и при преимуществами такъ-называемой клирикальной части. Такое усиление карательного элемента въ одномъ изъ церковныхъ взысканий не могло не повлиять на характеръ всей системы. Такъ, только что указанное обстоятельство не могло не послужить къ усилению карательного элемента въ отлучении отъ церкви клириковъ и въ налагаемомъ на нихъ публичномъ покаяніи. И въ самомъ дѣлѣ, какимъ образомъ эти церковные взысканія могли сохранить характеръ мѣръ, преимущественно дисциплинарно-исправительныхъ, когда низшее сравнительно съ ними церковное взысканіе усвоило себѣ вполнѣ характеръ наказанія? А въ свою очередь, вслѣдствіе усиленія карательного элемента въ отлученіи отъ церкви клириковъ и въ налагаемомъ на нихъ публичномъ покаяніи, элементъ этотъ долженъ былъ получить большее противъ прежніго значеніе и въ отлученіи отъ церкви міранъ, и въ налагаемомъ на нихъ покаяніи. И действительно мы встрѣчаемся съ подобнымиъ изменениями подъ конецъ III и въ началѣ IV вѣка. Мы имѣли случай указать на это подробно во второмъ отдѣлѣ настоящаго изслѣдованія. Мы только прошли тогда молчаниемъ одно изъ проявленій этого усиленія карательного начала въ отлученіи и покаяніи для того, чтобы разсмотрѣть оное вѣдь въ связи съ его непосредственной причиной. А именно, съ отлученіемъ отъ церкви и публичнымъ покаяніемъ міранъ начинаетъ соединяться известное ограниченіе церковной правоспособности. За совершение грѣховныхъ дѣлъ, всекущихъ за собою отлученіе и публичное покаяніе, міране признаются неспособными къ пріобрѣтенію известныхъ особенныхъ церковныхъ правъ. Это начало опредѣленно высказывается въ посланіи Кипріана къ клиру и народу въ Испаніи¹⁾. Здѣсь же, равнѣмъ образомъ указано и основаніе, на которомъ, по мнѣнію Кипріана, покоятся это ограниченіе правоспособности совершившихъ тиждій грѣхъ міранъ. Основаніе это Кипріанъ видѣтъ въ главѣ 28-й книги Исходъ и въ 21-й книги Левитъ, въ которыхъ подробнѣ изложено, какіе недостатки, пороки и грѣховныя дѣлаютъ человѣка неспособнымъ приносить жертвы Богу. Тоже положенія ветхозавѣтнаго законодательства обосновываетъ Кипріанъ и наказаніе клириковъ изверженіемъ²⁾.

¹⁾ Mansi, I, 906.

²⁾ Сравн. указанное въ текстѣ посланіе (Mansi, I, 907): *Sicut in Numeris dominus Moysi præcipit, dicens: «Apprehendite Aaron, fratrem tuum, et Eleazarum, filium ejus,.. et exire Aaron stolam ejus, et induit Eleazarum, filium ejus, et Aaron apjpositus moriatur illuc».*

Гораздо слабъе развитъ карательный элементъ въ такъ-называющемъ запрещеніи, то-есть, временномъ простояніи права осуществлять функции, связанные съ самомъ или должностю того или другого духовного лица ¹⁾). Это изысканіо, выражаемое у Киприана терминами *abstineri* и *prohiberi offerre* ²⁾), въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи все болѣе и болѣе усвоившо себѣ характеръ дисциплинарно-исправительной мѣры и все болѣе и болѣе утрачивало характеръ наказанія. По посланіямъ Киприана трудно определить въ точности, каковъ былъ характеръ этого изысканія во второй половинѣ III вѣка. Все, что несомнѣмо можетъ быть установлено, это то, что запрещеніе рассматривалось Киприаномъ какъ смягченное изверженіе, а именно какъ изверженіе временное ³⁾). Впрочемъ у Киприана встречаются и такие виды запрещенія, которые ни какимъ образомъ не могутъ быть признаны смягченнымъ изверженіемъ, ибо состоять не во временномъ лишении всѣхъ особенныхъ церковныхъ правъ, а въ простояніи пользованія только однимъ какимъ-нибудь правомъ. Такъ, Киприанъ запрещаетъ некоторымъ изъ своихъ клириковъ пользованіе доходами, которые, согласно тогдашнему церковному обычая, ежемѣсячно получались клириками изъ общаго церковнаго имущества, оставляя имъ при этомъ пользованіе всѣми остальными должностными правами ⁴⁾.

Въ заключеніе, для опредѣленія степени развитія карательного элемента въ системѣ особыхъ церковныхъ изысканій временъ Киприана, укажемъ на содержаніе посланія этого отца церкви *ad clegum et plebem Furnitanorum de Victore qui Faustinum presbyterum tutorem nominavit* ⁵⁾). Епископъ Викторъ назначилъ въ своемъ завѣщаніи опекуномъ пресвитера Фаустина запреки древнему церковному правилу, установленному предшественниками Киприана по епи-

¹⁾ Суворовъ, 229.

²⁾ Терминъ *abstineri* обозначалось также и отлученіе отъ церкви. Очень часто трудно бываетъ разуть, въ виду только что указанного обстоятельства, о чёмъ говорится въ данномъ древнемъ церковномъ памятнике, о запрещеніи, или же объ отлученіи отъ церкви. Указанія на то, какъ поступать при истолкованіи термина *abstineri* въ сомнительныхъ случаяхъ, можно найти у Кельнера (т. с., 60).

³⁾ Это можно заключить изъ словъ приведенного нами выше посланія къ Роганіону: *Iungeris circa eum potestate honoris tui, ut eum vel deponas vel abstineas.*

⁴⁾ *Epiſtola 28 ad presbyteros et diaconos. Nuber, Suspension, 3.*

⁵⁾ *Marii, I. 904.*

скопской кафедрѣ и запрещающему умирающимъ назначать клириковъ въ опекуны или попечители. За нарушение этого правила виновные могли подвергнуться лишению права на поминовеніе послѣ смерти въ молитвахъ церкви при принесеніи безкровной жертвы. Кипріанъ повелѣваетъ примѣнить это наказаніе къ усопшему Виктору. *Et ideo — читаемъ въ указанномъ посланіи — non est quod pro dormitione ejus apud vos fiat oblatio, aut deprecationis aliqua помине ejus in ecclesia frequentetur.* При этомъ Кипріанъ приводитъ мотивы своего рѣшенія, изъ которыхъ явствуетъ, что означеннія мѣра носить всѣ признаки наказанія. Викторъ лишается молитвъ церкви въ возданіе за нарушение церковного закона. На это опредѣленно указываютъ слѣдующія слова посланія: *cum contra formam viperis in concilio a sacerdotibus dataum Geminium Faustum presbyterum ausus sit tutorum constituere*. Да же, имѣется въ виду и та цѣль, чтобы другимъ, въ виду наказанія, неповадно было нарушать законъ: *siquid et ceteris fratribus detur exemplum, ne quis sacerdotes et ministros Dei, altari ejus et ecclesiae vacantes, ad saeculares molestias devocet: observari enim de cetero poterit, ne ultra hoc fiat circa personam clericorum, si quod nunc factum est, fuerit vindicatum*. Наконецъ, высказавшееся въ посланіи возврѣніе на наказаніе близко подходитъ къ ветхозавѣтному возврѣнію па опое, какъ на роспа *talionis*. „*Неque enim, говоритьъ Кипріанъ, — apud altare Dei meretur nominari in sacerdotium prece, qui ab altari sacerdotes et ministros voluit avocare*“¹⁾.

Такимъ образомъ, мы имѣли случай убѣдиться, что во времена Кипріана положено было основаніе системъ особенныхъ церковныхъ взысканій, и что въ отдѣльныхъ взысканіяхъ, входящихъ въ составъ этой системы, карательный элементъ получилъ преобладающее значеніе. Даже запрещеніе, которое впослѣдствіи сдѣлалось мѣрою преимущественно дисциплинарно-исправительной, въ посланіяхъ Кипріана является наказаніемъ, такъ какъ считается только смягченіемъ изъверженія, этого несомнѣнно виндикативнаго взысканія.

Указавъ въ предшествовавшемъ положеніи на тѣ элементы, изъ которыхъ сложилась во времена Кипріана система особенныхъ цер-

¹⁾ Вообще все правило о запрещеніи назначать въ духовномъ завѣщаніи клириковъ опекунаами или попечителями установлено подъ влияниемъ ветхозавѣтныхъ идей. Какъ на прямой источникѣ, указывается на положенія, находящіяся въ 13-й главѣ книги Иисуса Навина.

ковныхъ взысканийъ, прослѣдимъ въ краткомъ очеркѣ дальнѣйшія судьбы этой системы вплоть до конца V столѣтія.

Въ древнѣйшемъ покаянномъ кодексѣ Западной церкви, а именно въ канонахъ Эльвирского собора, карательное начало въ системѣ особенныхъ церковныхъ взысканийъ является еще болѣе развитымъ, чѣмъ во времена Киприана. Мы видѣли выше, что и относительно взысканій, налагаемыхъ на мірянъ, кодексъ этотъ отличается особою, необычною въ первоначальной церкви строгостью. Еще строже наказываются клирики. Очень часто за тѣ грѣховныя дѣянія, за которыя міряне подлежатъ временному отлученію, клирики подвергаются изверженію и отлученію отъ церкви навсегда¹⁾). Да же, изъ особенныхъ церковныхъ наказанийъ, въ тѣспомъ значеніи этого слова, встрѣчаются только изверженіе (*degradari, ad honore clericatus extermi- nari*); запрещеніе же, какъ кажется, вовсе не было въ тогдашней практикѣ Испанской церкви. Изверженіе сопровождалось обыкновенно отлученіемъ отъ церкви (*degradari et abstineri*). Наконецъ, взысканіе налагается, по возврѣніямъ отцевъ Эльвирского собора, въ воздаяніе за грѣховное дѣяніе, совершеніемъ котораго виновный нарушилъ миръ церкви (*propter scandalum et propter profanum crimen*), и въ пазднаніе оставшимъ членамъ церкви (кан. 65).

Соборъ въ Арлѣ, не установившій, какъ мы имѣли случай убѣдиться выше, подробной системы общихъ церковныхъ взысканийъ, не создалъ также и полнаго кодекса особенныхъ церковныхъ взысканийъ. Изъ 22-хъ каноновъ этого собора только два относятся къ занимавшему насъ предмету. Это канонъ 12-й, грозящій отлученіемъ клирикамъ, взимающимъ лихву, и канонъ 21-й, повелѣвающій извергать пресвитеровъ и діаконовъ, покидающихъ церковныя общины, гдѣ они были рукоположены, и переселяющихся въ другія мѣстности (*Quid si relicts suis locis ad alium se locum transferrere voluerint, deponantur*).

Прежде чѣмъ разсмотрѣть дальнѣйшія судьбы системы особыхъ церковныхъ взысканийъ на Западѣ, памъ необходимо познакомиться съ соответствующей системой Восточной церкви, сложившейся во второй половинѣ III и въ теченіе IV вѣка, такъ какъ памятники, въ которыхъ выразилась эта система, получили подъ конецъ IV вѣка важное значеніе и для Западной церкви.

¹⁾ Сравн. кан. 18 и 69.

Отъ III вѣка до нась дошли только отрывочные свѣдѣнія о примѣненіи особенныхъ церковныхъ взысканій въ отдѣльныхъ случаяхъ¹⁾; но изъ того обстоятельства, что въ памятникахъ первой четверти IV вѣка мы уже встречаемся съ подробными положеніями о занимающемъ насть предметѣ, мы не безъ основанія можемъ заключать, что уже во второй половинѣ III вѣка положенія были прочные основанія системъ особенныхъ церковныхъ взысканій.

Въ Анкирскихъ канонахъ мы находимъ уже довольно развитую систему особенныхъ церковныхъ взысканій. Въ этой системѣ преобладаетъ карательное начало. Между налагаемыми на клириковъ взысканіями приводится отлученіе отъ церкви²⁾ и два вида изверженія: одинъ—болѣе тяжкій, состояцій въ лишеніи всѣхъ клирикальныхъ правъ, и другой—менѣе тяжкій, вскущій за собою только лишеніе права приносить безкровную жертву, проповѣдывать и вообще священничествовать, съ оставленіемъ за провинившимся права на клирикальную честь³⁾. Сей послѣдній видъ изверженія считается Коберомъ видомъ запрещенія, почему онъ и предполагаетъ, что въ Анкирскихъ канонахъ между особенными церковными взысканіями упоминается и о запрещеніи⁴⁾. Но намъ кажется гораздо болѣеѣ вѣрнымъ мнѣніе профессора Суворова⁵⁾, согласно которому, установленное въ канонахъ 1-мъ и 2-мъ Анкирского собора особенное церковное взысканіе слѣдуетъ рассматривать какъ изверженіе, па томъ основаніи, что оно хотя и не поражало всей совокупности клирикальныхъ правъ, тѣмъ не менѣе заключало въ себѣ безноворотное лишеніе извѣстныхъ правъ, между тѣмъ какъ характеристическою чертою запрещенія было то, что оно состояло во временному лишеніи или, лучше сказать, пріостановлениіи пользованія извѣстными правами.

Только что указанныя особенные церковные взысканія приводятся и въ канонахъ Неокесарійского собора (кан. 1-и, 9-й, 10-й). Какъ новое, замѣчательно только постановленіе о низведеніи прегрѣшив-

¹⁾ *Kellner*, 32 и 34.

²⁾ Канонъ 18.

³⁾ Сравн. относительно полного изверженія кан. 10-й № 11-й, а относительно неисполнаго — кан. 1-й—2-й.

⁴⁾ *Kober*, Suspension, 3, Ann. 1.

⁵⁾ *Суворовъ*, 216 и сл.

шаго діакона въ чинъ простаго служителя церкви. Такимъ образомъ установленъ былъ третій видъ изверженія.

Подробныя положенія объ особенныхъ церковныхъ взысканіяхъ находятся въ канонахъ перваго вселенскаго собора. Положенія эти гораздо менѣе суровы, чѣмъ постановленія соборовъ Антиохійскаго и Неокесарійскаго. Это видно, впервыхъ, изъ того, что изверженіе ни разу не соединяется въ нихъ съ отлученіемъ отъ церкви, а во вторыхъ, изъ того, что, кромѣ изверженія, этого по преимуществству виндикативнаго наказанія, Никейскимъ канонамъ извѣстно и запрещеніе¹⁾, носящее, какъ указано было выше, характеръ мѣры по преимуществу дисциплинарно-исправительной. Тѣмъ не менѣе, и здѣсь преобладавіе карательнаго начала несомнѣнно. Взысканіе является преимущественно воздаяніемъ за грѣховное дѣяніе, возмездіемъ за нарушеніе извѣстной церковноправовой нормы; оно налагается на провинившагося для поддержанія нравового порядка въ церкви. Что это въ дѣйствительности такъ, на это указываютъ слѣдующія слова втораго канона Никейскаго собора: ὁ δὲ παρὰ ταῦτα ποιῶν (посвящающій лицъ, не могущихъ быть посвящаемыми), φέ δικαιαυτία τῷ μεγάλῳ συνόδῳ θρασουρόμενος, αὐτὸς κινδυνεύει περὶ τὸν χλ̄τρον. Въ заключеніе замѣтимъ, что Никейскіе каноны свидѣтельствуютъ и о томъ, что и на Востокѣ преобладало карательнаго элемента въ системѣ особенныхъ церковныхъ взысканий не осталось безъ влиянія на систему общихъ церковныхъ взысканий. И въ Восточной церкви совершеніе извѣстныхъ тяжкихъ прегрѣшений влекло за собою извѣстное ограниченіе правоспособности, состоявшее въ томъ, что прегрѣшившій становился неспособнымъ къ пріобрѣтенію правъ клира²⁾.

Окончательно опредѣлившееся является система особенныхъ церковныхъ взысканий въ канонахъ Антиохійскаго собора *in episcopis* то-есть, *in dedicatione*). Во главѣ всѣхъ особенныхъ церковныхъ взысканий стоитъ *excommunicatio latae sententiae*³⁾, которой угрожается

¹⁾ О запрещеніи упоминается въ канонѣ 16-мъ, согласно которому пресвитеры и діаконы, покидлюще свою церковь и удаляющіеся въ чужія діоцезы, подвергаются, въ случаѣ упорного искаженія возвратиться къ своимъ мѣстамъ, запрещенію. *Гебеле* (Conciliegesch. I, 420) думаетъ, что здѣсь говорится объ изверженіи, но изверженіе никогда не выражается употребленіемъ въ канонѣ греческими терминами ἀχοινικήτην εἶναι.

²⁾ Справи, кан. 9. Подобный же взглядъ высказывается и въ 10-мъ канонѣ Никейскаго собора.

³⁾ Кан. 1: τοῦτον ἡ ἀγία σύνοδος ἐντεῖθεν ἦδη ἀλλότρων ἔκρινε τῆς ἑκκλησίας.

клирикамъ, празднующимъ Пасху одновременно съ Іудеями. Установление такого тяжкаго наказания мотивируется соборомъ въ слѣдующихъ выраженияхъ: φ; σὸν ἐστὶ ἀμάρτιας ἐπισφρεύσαται, ἀλλὰ πολλοὶ διαφθορᾶς καὶ διαστροφῆς τιμόνευν αἴτιον. Изъ этихъ словъ видно, что соображенія обь опасности, вытекающей изъ подобнаго упорного сопротивленія клириковъ предисланиемъ собора для всей вѣтрепной имъ паствы, руководили соборомъ при постановлѣніи настоящеаго правила. За *excommunicatio latae sententiae* сдѣлусь обыкновенное отлученіе отъ церкви, которое, какъ видно изъ канона 6-го, налагалось и па клирикоігъ. Далѣе, въ Антіохійскихъ канонахъ опредѣлено различается изверженіе отъ запрещенія. Такъ, канонъ 3-й грозить пресвитеру или діакону или кому бы то ни было изъ клира, покидающему свой приходъ и возвращающемся въ чужомъ приходѣ, сперва запрещеніемъ, а затѣмъ, въ случаѣ упорного сопротивленія великнянъ епископа, изверженіемъ. Наконецъ, въ Антіохійскихъ канонахъ мы встрѣчаемся со стремленіемъ обеспечить исполненіе декретовъ церковныхъ властей, налагающихъ наказанія, примѣненіемъ принудительной силы со стороны свѣтской власти¹⁾.

То же преобладаніе карательнаго начала²⁾ встрѣчается и въ каноническихъ посланіяхъ Василия Великаго. Этотъ отецъ церкви рассматриваетъ особенный церковный взысканія какъ наказанія въ полномъ смыслѣ этого слова. Вотъ почему онъ запрещаетъ подвергать клириковъ за совершенные ими смертныя грѣхи отлученію отъ церкви, ибо, если считать налагаемыя церковью взысканія наказаніями, то при отлученіи отъ церкви, клирики подвергались бы за одно грѣховое дѣяніе двумъ наказаніямъ—изверженію и отлученію, а это противорѣчило бы основному правилу уголовнаго права: non bis in idem (кан. 3-й и 32-й). Изъ всѣхъ церковныхъ взысканій, налагаемыхъ па клириковъ, Василий Великий чаще всего упоминаетъ обь изверженіи. Ему известно, какъ подное изверженіе, такъ и тотъ менѣе тяжкій видъ этого наказанія, который состоялъ, какъ мы видѣли, въ лишеніи

¹⁾ Кан. 5-й.

²⁾ Преобладаніе карательнаго начала въ системѣ особыхъ церковныхъ наказаній, установленной Василиемъ Великимъ, иссомнѣвно, хотя мы и не встрѣчаемъ у этого отца церкви той доведенной до крайности суровости, съ которой мы знакомимся въ Антіохійскихъ канонахъ. Впрочемъ, крайняя суровость Антіохійскихъ каноновъ объясняется обстоятельствами времени, а именно частыми смутами и замѣшательствами, которыхъ нерѣдко кончались склонъ.

всехъ священно-служебныхъ правъ съ оставлениемъ преимуществъ клирикальной части и служившій переходною степенью къ запрещенію. Такимъ образомъ, изверженіе является главинъ язъ особыхъ церковныхъ взысканій, о которыхъ упоминается въ каноническихъ посланіяхъ Василія Великаго. Можно даже сказать, что въ этихъ памятникахъ изверженіе угрожаетъ клирикамъ почти за всѣ грѣховныя дѣянія, и что ему подлежать всѣ клирики всѣхъ степеней, какъ рукоположенные, такъ и занимающіе должность, не требующую рукоположенія¹⁾). Остальная особенная церковная взысканія практикуются весьма рѣдко. Такъ о запрещеніи упоминается только въ канонѣ 69-мъ, налагающемъ на чтеца, находившагося въ связи съ своей невѣстой до брака, запрещеніе срокомъ на одинъ годъ, и въ канонѣ 70-мъ, грозящемъ запрещеніемъ діакону, прогрѣшившему устами, то-есть, сквернословившему²⁾). Запрещеніе носить на себѣ у Василія Великаго характеръ кары, виндикативнаго наказанія. Оно соединяется съ извѣстнымъ ограничепіемъ церковной правоспособности. Такъ, чтецъ, подвергнувшись запрещенію, допускается, по истечениіи опредѣленного срока, къ чтенію, но становится неспособнымъ къ приобрѣтенію высшихъ степеней церковной іерархіи.

Въ особенности подробно изложена система особыхъ церковныхъ взысканій Восточной церкви въ правилахъ Апостольскихъ³⁾). Здѣсь высшимъ ординарнымъ наказаніемъ для клириковъ признается, также какъ и въ каноническихъ посланіяхъ Василія Великаго, изверженіе, и запрещается соединять оное съ полнымъ отлученіемъ отъ церкви, дабы не было нарушено основное правило уголовнаго правосудія,

¹⁾ Кап. 51-й.

²⁾ Такъ мы объясняемъ выражение: μανθεῖς ἐν χελεοι. Что касается объясненій Валсамона, Зонара и Аристена (см. *Becerris Synodicon II*, 223), то относительно ихъ, нельзя не согласиться съ изложеніемъ Пипры (*Juris Ecclesiastici Graecorum Monimenta I*, 617, *otatio 29*), по которому «Balsamon, Zonors et Aristenus varia (quae inepta alius dicat et putida) commentantur in hunc canonem, seda mente Basili multum abluentia. Liquet, enim, hoc labiorum peccatum, cui remissior poena infligitur, ipsa actione, quam Basilius minime ignoscendum esse indicat, levius existimari debere».

³⁾ При указаніи на систему особыхъ церковныхъ взысканій, находящуюся въ правилахъ Апостольскихъ, мы имеемъ въ виду только первыхъ 50 правиль, тѣль какъ остальныхъ 35, не будучи переведены Дионисіемъ Малымъ, не имѣли вліянія на право Западной церкви.

признанное равнымъ образомъ и Св. Писаниемъ: „не отмстиши дважды за одно”. Но въ чрезвычайныхъ случаяхъ извержение сопровождается и полнымъ отлучениемъ отъ церкви. Сюда относятся каноны 30-й и 31-й (28-й и 29-й), грозящіе отлученіемъ епископамъ, пресвитерамъ и диаконамъ, добившимся поспѣшилія на эти должности посредствомъ симоніи или вынуждѣтельства свѣтской власти¹⁾. Извержение представляетъ всѣ признаки виновативаго наказанія. Оно налагается на прегрѣшившаго какъ виновніе за содѣянное нарушение закона Божія²⁾ и пра- виль церкви. Такой же взглядъ опредѣленно высказанъ въ канонѣ 47-мъ (46-мъ): „Episcopus—говорится вѣдь,—aut presbyter, si cum qui secundum veritatem habuerit baptismus, denuo baptisaverit, aut si pollutum ab impiis non baptisaverit, deponatur tamquam deridens crucem et mortem Domini, nec sacerdotes a falsis sacerdotibus jure discernens”. Даѣте, изверженіе является не только высшимъ изъ особенныхъ церковныхъ взысканій, но и чаще другихъ применяемымъ³⁾. Что касается запрещенія, то хотя оно и разсматривается по прежнему какъ смѣгченный видъ изверженія⁴⁾, тѣмъ не менѣе ему начинаютъ придавать характеръ дисциплинарно-исправительной мѣры. Такъ канономъ 37-й (35-й) оно налагается на епископовъ, не желающихъ вступить въ управление избранной имъ паству, и продолжается до тѣхъ поръ, пока они не согласятся подчиниться вѣдѣнію церкви. Въ заключеніе замѣтимъ, что въ правилахъ Апостольскихъ, въ томъ видѣ, въ какомъ мы знакомимся съ ними по греческому тексту, мы находимъ установившуюся терминологію. Изверженіе обозначается терминомъ καθαιρέσθαι⁵⁾, а запрещеніе терминомъ ἀφορίζεσθαι (то-

¹⁾ Что касается канона 31-го, то согласно греческому тексту, за упомянутое въ немъ преступление церковныхъ правиль полагается изверженіе и отлученіе (καθαιρέσθω καὶ ἀφορίζεσθω), въ согласии латинскому переводу Дионисія Малаго, только изверженіе (deponatur).

²⁾ Кан. 3-й. Si quis episcopus præter ordinationem Domini in sacrificio offerat super altare alia quaedam, id est aut mel, aut lac, aut pro vino siceram....., contra constitutionem Domini faciens,.... deponatur.

³⁾ Кан. 3-го, 7-го, 8-го, 15-го, 23-го, 25-го, 26-го, 28-го, 31-го, 32-го, 36-го, 42-го, 47-го, 49-го, 50-го (по переводу Дионисія Малаго).

⁴⁾ Кан. 6-й: Episcopus aut presbyter uxori propriam sub obtentu religionis nequaquam iijicet; si vero ejuscerit, excommunicetur (то-есть, подлежитъ запрещенію); et si persequeraverit, cejietur.

⁵⁾ Только въ кан. 15-мъ употребляется другой терминъ: τοῦτον. καθαιρεῖ μῆκέτι χεισουργεῖν.... ὡς λαῖκος меуетοι ιέκαισε κοινωνεῖτο.

есть, подвергнуться отлученю отъ такъ-называемаго хоіоніа єххлѣстіхъ). Въ переводѣ Діонисія Малаго мы не находимъ такой опредѣленной терминологии. Греческій терминъ Καθαιρεῖσθαι передается различно: deponi, dejici, abjici, damnari. Равнымъ образомъ, и греческій терминъ ἀφορίζεσθαι выражается не однімъ, а двумя латинскими: compunctione privari, excommunicari.

Вотъ тѣ памятники церковной дисциплины Восточной церкви, которые получили впослѣдствіи громадное вліяніе на развитіе церковной дисциплины на Западѣ. Изъ памятниковъ законодательства Западной церкви мы остановимся на постановленіяхъ Каролингского собора 419 года, представляющихъ собою полный кодексъ положеній о церковной дисциплинѣ, и содержащихъ въ себѣ подобныхъ постановленій объ особыхъ церковныхъ наказаніяхъ.

Во главѣ всѣхъ особыхъ церковныхъ взысканій стоитъ отлученіе отъ церкви. Этимъ наказаніемъ угрожается пресвитерамъ, оставившимъ открытое сопротивленіе своимъ епископамъ (кан. 10-й и 11-й), что представляло непосредственную опасность для всего церковнаго строя. Замѣчательно, далѣе, отлученіе отъ церкви послѣ смерти тѣхъ епископовъ, которые назначать наслѣдниками въ своемъ имуществѣ еретиковъ или язычниковъ (кан. 84-й *Anathema post mortem ei dicatur et pomen ejus inter Dei sacerdotes minime referatur*). За отлученіемъ, которое назначается только въ экстраординарныхъ случаяхъ, слѣдуетъ изверженіе. Наказаніе это назначалось клирикамъ,вшавшимъ въ одно изъ тяжкихъ или такъ-называемыхъ смертныхъ прегрѣшений. Клирики, разъ подвергнувшіеся изверженію, не могли быть снова допускаемы къ приобрѣтенію клирикальныхъ правъ. Каролингскій соборъ подтверждаетъ это древнее церковное правило, и въ то же время выражаетъ его такъ, чтобы изверженіе клирики никоимъ образомъ и никакими ухищреніями не могли обойти оное. А именно, клирики, подвергнувшіеся изверженію, не подлежали *de jure*, не будучи отлучены отъ церкви, публичному покаянію, но они добровольно подвергали себѣ саму послѣднюю съ слѣдующимъ цѣлію: За публичнымъ покаяніемъ, какъ известно, слѣдовало торжественное примиреніе съ церковью (*reconciliatio*), имѣющее, по возврѣщанію тогдашнаго времени, касательно освобожденія отъ грѣха, равную силу съ крещеніемъ. И вотъ, клирики, добровольно подвергнувшіеся публичному покаянію и удостоившіеся этого торжественного примиренія съ церковью посредствомъ наложенія рукъ со стороны епископа, стали утверждать, что они, подобно новокрещеннымъ, омыты отъ всякаго грѣха и могутъ

снова быть принимаемы въ составъ клира. Дабы сдѣлать невозможнымъ подобный обходъ того церковнаго законоположенія, согласно которому изверженіе влекло за собою потерю клирикальныхъ правъ навсегда, Кареагенскій соборъ въ канонѣ 30-мъ постановилъ: „ut si quando presbyter vel diaconus alicuius gravioris criminis convicti fuerint, quod eos sacro ministerio necessarie movet, non esse eis manus imponendas, ut poenitentiam agentibus, vel ut fidelibus laicis; necque permitti eis tamquam rebaptizatis, ad cleri gradum promoveri“¹⁾. Что касается запрещенія, то учение объ этомъ церковномъ взысканіи гораздо болѣе развито въ канонахъ Кареагенскаго собора, чѣмъ въ приведенныхъ нами выше памятникахъ права Восточной церкви. Различаются различные виды запрещенія, изъ которыхъ иные представляютъ весьма своеобразный характеръ. Сюда относится прежде всего такъ-называемое предварительное запрещеніе, о которомъ упоминается въ канонахъ 22-мъ, 82-мъ и 90-мъ. Оно, собственно говоря, не можетъ быть названо взысканіемъ, а скорѣе мѣрой предупрежденія того, чтобы недостойные не священничествовали. А именно, епископы, обвинявшіеся въ какомъ-нибудь церковномъ правонарушеніи и не явившіеся въ опредѣленные сроки къ суду, подвергались запрещенію, доколѣ не могли привести доказательствъ своей невинности. Такой же своеобразный характеръ носить и запрещеніе, установленное въ канонахъ 79-й и 83-й. Согласно этимъ канонамъ, епископы, нарушившіе извѣстныя, установленныя соборомъ правила объ управлении церковномъ, должны были довольствоватьсь общениемъ своей церкви, то-есть, какъ справедливо замѣтилъ профессоръ Суворовъ¹⁾, они были исключаемы отъ всякаго общенія и всякаго личнаго обращенія съ другими епископами. Даѣше, что касается характера запрещенія, то взысканіе это въ канонахъ Кареагенскаго собора является еще болѣе, чѣмъ въ предшествующихъ памятникахъ, усвоившимъ себѣ характеръ мѣры преимущественно дисциплинарно-исправительной. Въ цѣломъ рядъ каноновъ оно налагается на клириковъ впредь до подчиненія ихъ церковнымъ постановленіямъ, а слѣдовательно, должно главнымъ образомъ служить побужденіемъ къ такому подчиненію, а не взысканіемъ или наказаніемъ въ точномъ смыслѣ этого слова. Такъ, напримѣръ, въ канонѣ 134-мъ постановляется относительно епископа, несправедливо отлучившаго кого-либо отъ церкви, слѣдующее: „Quamdui segregato non communicat proprius episkopos, eidem

¹⁾ О церковныхъ наказаніяхъ, стр. 235.

episcopo alii non committiscauit episcopis¹. Наконецъ, слѣдуетъ замѣтить для полной характеристики Кареагенскихъ каноновъ, что, не смотря на то, что они содержать въ себѣ столь подробныя положенія обь особенныхъ церковныхъ взысканіяхъ, мы не находимъ въ нихъ точной и опредѣленной терминологіи. Такъ, извѣрженіе, напримѣръ, обозначается самыми разнообразными терминами: *honore privare se ipsum, locum amittere, ab ecclesiastico officio vel ordine moveri, jacturam clericatus sustinere.*

Результаты нашего изслѣдованія исторіи особенныхъ церковныхъ наказаний въ первыя пять столѣтій нашего хѣтосчисленія могутъ быть сведены слѣдующимъ образомъ: Въ III вѣкѣ, подъ преобладающимъ вліяніемъ вѣтхозавѣтныхъ идей, совершилась правильная организація клира. Въ виду того, права и обязанности клира точно были опредѣлены цѣлымъ рядомъ церковныхъ узаконеній. Эти узаконенія съ течениемъ времени, въ особенности послѣ признанія христіанства со стороны римской государственной власти, получаютъ строго-юридический характеръ, ибо на нихъ, главнымъ образомъ, поконится вѣшний строй церковнаго общества. Значеніе лицъ, занимающихъ высшія степени клира, какъ церковныхъ властей, все болѣе и болѣе выясняется. Отъ правильности дѣйствій этихъ властей, отъ того, на сколько они сообразуются съ законами церкви, зависятъ миръ и спокойствіе церковнаго общества, а потому является необходимость обеспечить правильное примѣненіе церковныхъ законоположеній церковными властями известной санкціей, выражающейся въ известномъ наказаніи. Равнымъ образомъ, необходимо было обеспечить, въ свою очередь, церковно-уголовную санкціей точное исполненіе велѣній церковныхъ властей со стороны лицъ, занимающихъ пизшія степени церковной іерархіи. Въ виду того и устанавленъ былъ цѣлый рядъ церковныхъ наказаний за сопротивленіе предписаніямъ высшихъ церковныхъ властей со стороны подчиненныхъ имъ клириковъ. Наконецъ, такъ какъ клиръ долженъ былъ руководить мірянами въ дѣлѣ спасенія, то необходимо было установить особыя наказанія за безправственное поведеніе клириковъ, такъ какъ подобное поведеніе служило источникомъ сблаизна и разложенія для всего церковнаго общества. Вотъ почему съ самого раннаго времени въ основу системы особенныхъ церковныхъ взысканій легло карательное начало, которое, какъ мы имѣли случай указать выше, вплоть до конца V столѣтія не могло пріобрѣсти преобладающаго значенія въ системѣ общихъ церковныхъ взысканій. Такимъ образомъ, особенные церковные наказанія очевидно имѣли

иную цѣль, чѣмъ общія церковныя взысканія. Налагая взысканія на міравъ, церковь имѣла преимущественно въ виду исправление и обращеніе на путь спасенія; подвергая же взысканіемъ клириковъ, она желала обеспечить правильное примѣненіе церковныхъ законоположеній и правильное теченіе церковной жизни посредствомъ наказанія недостойныхъ и прегрѣшающихъ руководителей церковнаго общества. Однимъ словомъ, различіемъ цѣли объясняется и различіе характера обѣихъ системъ церковныхъ взысканій.

Такимъ образомъ, въ отдѣлахъ 2-мъ и 3-мъ настоящаго изслѣдованія мы разсмотрѣли элементы системы покаяній и карь, какъ общихъ, такъ и особенныхъ, которые были завѣщаны первоначальною церковью народамъ новой Европы. Теперь мы переходимъ къ разсмотрѣнію той новой формациіи харатерного права церкви, которая создалась посредствомъ своеобразнаго сочетанія указанныхъ элементовъ съ элементами права народовъ кельтическихъ и германскихъ.

IV.

При занятіи бывшихъ провинцій Западной Римской имперіи, варвары встрѣтились въ нихъ съ прочно сложившемся церковною организаціей. Принявъ христіанство, они примкнули къ этой организаціи и подчинились древнему церковному праву. Вотъ почему, въ первыи времена существованія германскихъ государствъ, возникшихъ на развалинахъ Западной Римской имперіи, мы не находимъ рѣвнѣй измѣненій ни въ общемъ строѣ церкви, ни въ си правѣ. Равнымъ образомъ, и въ тѣхъ странахъ, гдѣ пришельцы принесли не господствовавшее въ римскомъ мірѣ католическое ученіе, а ученіе Арии, они не коснулись ни организаціи католической церкви, ни ея права. Въ новѣйшее время, благодаря изслѣдованіямъ Дата¹⁾ и Лешинга²⁾, окончательно выяснилось, что Вестготы, не смотря на враждебное положеніе, занятое относительно ихъ многими изъ католическихъ епископовъ, съ самаго начала своего господства въ Галліи и вплоть до временъ короля Эйриха отличались полной терпимостью относительно католической церкви и оставили неизрѣкошеною ея организацію. Чтожъ касается бургундскихъ властителей, то въ ихъ отношеніи къ католической церкви постоянно проявлялась не только терпимость, но

¹⁾ Dahn, Koenige der Germaner. 1872. Band VI, 369 и слѣд.

²⁾ Loening, Geschichte des deutschen Kirchenrechts. Band I, 510 и слѣд.

и глубокое расположение¹⁾). Объясняется это темъ обстоятельствомъ, что Вестготы и Бургунды, собственно говоря, не завоевали тѣхъ провинцій Римского государства, въ которыхъ они поселились: они явились туда съ согласія Римскихъ цезарей и въ качествѣ ихъ союзниковъ, для защиты этихъ провинцій отъ вторгавшихся туда враждебныхъ Риму другихъ варварскихъ племенъ. На первыхъ порахъ, предводители Вестготовъ и Бургундовъ являлись, такимъ образомъ, представителями власти Римскихъ цезарей, завѣдавшими преимущественно военною частью управленія, военнымъ сословіемъ, которое въ свою очередь составилось изъ предводимыхъ ими Германцевъ, вступившихъ къ туземному населенію въ то же отношеніе, въ которомъ находилось прежде сословіе *militum* къ не-военному населенію имперіи. Въ то же самое время для завѣданія гражданскимъ управлениемъ продолжали назначаться *praefecti praetorio* и другіе гражданские правители, а церковь католическая продолжала управляться своимъ церковными властями. Равнымъ образомъ, Вестготы и Бургунды въ отношеніяхъ между собою руководствовались своимъ племеннымъ правомъ, а туземное населеніе занятыхъ ими провинцій въ дѣлахъ гражданскихъ—римскимъ правомъ, а въ дѣлахъ церковныхъ—древнимъ правомъ католической церкви. Такой порядокъ lasted продолжался и послѣ того, какъ верховная власть въ занятыхъ Германцами римскихъ провинціяхъ перешла въ руки германскихъ властей: Германцы продолжали жить по закону своего племени, а туземное населеніе—по своимъ законамъ.

Въ виду вышесказанного ясно, почему церковное право въ бывшихъ римскихъ провинціяхъ не пропикуло сразу, послѣ занятія этихъ провинцій варварами, элементами права сихъ послѣднихъ. Германскимъ племенамъ нечего было создавать новой церковной организаціи и нового церковнаго права: они примкнули къ сложившейся уже церковной организаціи и подчинились сложившемуся уже церковному праву. Въ эту организацію и въ это право германскіе элементы въ теченіе первыхъ двухъ вѣковъ господства Германцевъ въ бывшихъ римскихъ провинціяхъ проникли весьма медленно и повліяли скорѣе на частности, чѣмъ на общія начала. Все сказанное можетъ быть отнесено и къ системѣ карь и покаяній церкви, непосредственному предмету нашего изслѣдованія. Показанные каноны всѣхъ соборовъ, бывшихъ въ Галліи въ VI вѣкѣ, представляютъ тѣ же черты;

¹⁾ *Loyning*, 548 п. с.тд.

съ которыми мы познакомились при изложении истории покаянной системы первоначальной церкви. Въ своихъ взглядахъ какъ на существо грѣховнаго дѣянія, такъ и на существо церковнаго взысканія, церковная власть и церковное право остаются вполнѣ самостоятельными и стоять въ вліяніи свѣтской власти и свѣтскаго права¹⁾). Даѣ, съ увѣренностью можно сказать, что въ бывшихъ римскихъ провинціяхъ на континентѣ Европы германскіе правовые элементы никогда не получили бы большаго значенія въ церковномъ законодательствѣ, если бы въ VI, VII и VIII вѣкахъ не принесена была извѣтъ въ упомянутыхъ странахъ новая покаянная система, сложившаяся въ Ирландіи и Англіи при исключительныхъ условіяхъ и всецѣло проникнутая германскими и тождественными съ ними кельтическими правовыми элементами. Эта система гораздо болѣе соответствовала правовымъ воззрѣніямъ континентальныхъ Германскихъ племенъ, чѣмъ господствовавшая дотолѣ на западѣ покаянная система первоначальной церкви. Вотъ чѣмъ и объясняется ея повсемѣстный успѣхъ. Вступивъ въ борьбу съ древнею покаянною системой, новая система вездѣ осталась побѣдительницей. Тщетно боролись противъ нея соборы и церковные власти, тщетно старались они замѣнить покаянныя сборники, въ основу которыхъ легли новыя воззрѣнія на церковныя взысканія, сборниками, составленными на основаніи ученія древнихъ отцевъ церкви и покаянныхъ каноновъ древнихъ соборовъ. Сборники покаянного права новой формациіи не могли быть вытѣснены сборниками древняго покаянного права.

Указавъ, такимъ образомъ, что основы новой покаянной системы были положены въ Ирландіи и Англіи, мы переходимъ къ разсмотрѣнію того, изъ какихъ элементовъ и при какихъ условіяхъ сложилась въ этихъ странахъ эта новая система церковно-уголовнаго права.

Организація Ирландской церкви вплоть до послѣдняго времени составляла загадку для ученыхъ. При первомъ же знакомствѣ съ этой организаціей изслѣдователи были поражены полнымъ несходствомъ ея съ организаціей остальныхъ церквей Запада. Центромъ этой организаціи было монашество, которому Ирландія, главнымъ образомъ, обя-

¹⁾ Сравн., напримѣръ, кан. 28-й собора въ Орлеанѣ 541 года, согласно которому всякий умышленно совершившій убийство можетъ быть подвергнутъ должностному наказанию даже въ тѣхъ случаяхъ, когда государь или родственники убитаго освободятъ его отъ наказанія.

зана распространениемъ въ ней христианства. Церковная юрисдикція въ отдаленныхъ территоріяхъ принадлежала монастырямъ и отправлялась аббатами этихъ монастырей. При монастыряхъ, въ извѣстномъ подчиненіи оныхъ, состояли епископы, жившіе въ монастырѣ или странствовавшіе по странѣ для отпрашенія сакральныхъ функций. Епископы эти не имѣли церковной юрисдикціи. Иногда одинъ какой-нибудь монастырь получалъ главенство надъ значительнымъ числомъ другихъ монастырей, и тогда верховная юрисдикція въ территоріяхъ всѣхъ подчиненныхъ монастырей принадлежала аббату главнаго монастыря. Такъ, напримѣръ, монастырь Іова или Іона на островѣ Іона главенствовалъ падъ всю сѣверную Ирландію и значительной частью Шотландіи, гдѣ ирландскіе монахи-миссіонеры ввели свою церковную организацію ¹⁾). Нѣмецкіе ученые, протестанты и католики, высказали не мало остроумныхъ гипотезъ, чтобы объяснить эти особенности Ирландской церкви, но всѣ эти гипотезы мало содѣйствовали къ окончательному разясненію вопроса о причинахъ этихъ особенностей. Такъ, напримѣръ, взглядъ, высказанный Эбрадомъ въ его сочиненіи „Die irisch-schottische Missionskirche des 6 bis 8 Jahrh“ (Guetersloh, 1873), имѣвшемъ большой успѣхъ въ ученомъ мірѣ, оказался основаніемъ на поверхностномъ изученіи фактовъ и невѣryoѣ ихъ пониманія, въ чёмъ легко убѣдиться изъ данныхъ, приведенныхъ Левенгомъ ²⁾). Эбрадъ предполагалъ, что какъ ученіе, такъ и организація Ирландской церкви, принципіально противоположны ученію и организаціи церкви Римской. Онъ утверждалъ, что древняя Ирландская церковь является характеръ тѣжественный съ характеромъ такъ называемыхъ евангелическихъ или протестантскихъ церквей позднѣшаго времени и никоимъ образомъ не имѣла главенства надъ западною церковью. Подобный взглядъ не выдерживаетъ критики. Несомнѣнно, что Ирландская церковь, такъ же какъ и родственная ей церковь Британская ³⁾,

¹⁾ Сравн. *Herzog*, Abriss der gesammter Kirchengeschichte. Theil I, 473 и 483. *H. J. Todd*; *St.-Patrick*, Apostle of Ireland. 1864, *Haddan* and *W. Stubbs*. Councils and ecclesiastical documents relat. to Great Britain and Ireland. II, P. 1, 106, п слѣд. *Loening*, II, 412 и слѣд.

²⁾ *Loening*, 412, Anmerk. 1, 423, Anmerk. 4.

³⁾ Британская церковь Валлиса, впрочемъ, хотя и находилась въ близкихъ отношеніяхъ съ Ирландскою церковью, тѣмъ не менѣе имѣла организацію независимую съ организаціей сей послѣдней.

развилась въ вѣвіи Рима; но положительно было бы ошибочно предполагать, что учение Ирландской церкви въ чемъ-либо существенномъ принципиально отличалось отъ учения современной ей церкви Римской¹⁾). Ошибка Эбранда заключается въ томъ, что онъ сличаетъ учение Римской церкви, въ томъ видѣ, въ какомъ оно выработалось впослѣдствіи, съ учениемъ древней Ирландской церкви. Чемъ касается организаціи церкви въ древней Ирландіи, то эта организація являетъ столь же мало тожественныхъ чертъ съ организаціей первоначальной церкви, сколько и съ организаціей церкви Римской. Ирландская церковь имѣла совершенно своеобразную, не сходственную ни съ какою другою, и объясняющуюся только особыми историческими судьбами этой церкви организацію. Организація эта была только описана вѣмецкими учеными, существо же ея осталось не выясненнымъ высказанными ими гипотезами. Гораздо болѣе пониманія древне-ирландскихъ церковныхъ отношеній выказалося въ сочиненіи англійского ученаго Тодда: *St.-Patrick, Apostle of Ireland* (1864), въ введеніи къ которому находится подробное описание древне-ирландской церковной организаціи на основаніи всего доступнаго автору материала. Но полное выясненіе существа древне-ирландской церковной организаціи сдѣлялось возможнымъ лишь съ тѣхъ поръ, когда, въ 1873 году, англо-ирландскимъ правительствомъ издана была въ свѣтъ послѣдняя часть Великой книги древнаго закона²⁾), заключающая въ себѣ такъ-называемый *Corus Besena*, то-есть, обычное право. Въ концѣ этого трактата древнихъ ирландскихъ вѣщателей права, бреконовъ, находится изложеніе нѣсколькихъ нормъ древне-ирландского обычного права, опредѣляющихъ положеніе церкви въ древней Ирландіи. Хотя по этимъ нормамъ мы и не можемъ составить себѣ полнаго представленія о всѣхъ частностяхъ древне-ирландской церковной организаціи, тѣмъ не менѣе знакомство съ ними даетъ намъ прочное основаніе для опредѣленія общаго характера этой послѣдней. Эти нормы ясно свидѣтельствуютъ о томъ, что организація древней Ирландской церкви усвоила себѣ тѣ начала, которые лежали въ основаніи организаціи самаго древне-ирландского общества: церковные союзы организуются въ древней Ирландіи на подобіе родовыхъ и племенныхъ союзовъ. А именно, когда христіянство проникло въ Ирландію, оно застало ирландское общество въ до-государственный періодъ. Ирландская падія не представ-

¹⁾ Сравн. *Hegel*, I, 482; *Locning*, II, 417.

²⁾ Въ III томѣ *Ancient laws of Ireland*.

лила собою одного единаго политического цѣлаго, а распадалась на значительное число небольшихъ родовыхъ и племенныхъ союзовъ. Вотъ почему не создалось одной общей національной церкви, а возникло множество независимыхъ другъ отъ друга мѣстныхъ церквей. Между некоторыми изъ этихъ мѣстныхъ церквей установились съ теченіемъ времени союзныя отношенія, чтѣмъ иницио своимъ послѣдствіемъ возникновеніе церковныхъ федерацій, подобныхъ федераціямъ родовъ и племенъ.

Для полнаго уразумѣнія древне-ирландской церковной организаціи необходимо уяснить себѣ прежде всего, какъ образовались эти мѣстные родовые и племенные церкви.

Въ большинствѣ случаевъ новообрѣщенный глава рода или племени, съ согласія остальныхъ родичей, даволялъ миссіонеру-монаху основать церковь въ предѣлахъ племенной территории. При церкви устраивался обыкновенно монастырь, въ пользованіе коего отдавалась часть тѣхъ земель, которая до того времени находились въ общинно-племенному владѣніи¹⁾). Такимъ образомъ, въ предѣлахъ племенной территории, послѣ принятія даннымъ племенемъ христіанства, существовали обыкновенно двѣ общины: древняя племенная община, обозначаемая въ памятникахъ, какъ племя, которому принадлежитъ земля, и монашеская община, которую памятники называютъ „племенемъ святаго“, и которая получила въ пользованіе часть общинно-племенныхъ земель. Монашеская община управлялась аббатомъ, подобно тому, какъ свѣтская — родовымъ главою, и была организована на подобіе свѣтской родовой общины. Между обѣими общинами существовала весьма близкая связь. Монашеская община пополнялась обыкновенно изъ среды того племени, въ предѣлахъ территории которого находился монастырь. Если кто-либо желалъ вступить въ монашество, то монастырь его племени могъ требовать, чтобы онъ сдѣлался монахомъ „своей церкви“, а не чужой. Такимъ образомъ, большинство членовъ монашеской общины были соплеменниками. Вотъ почему ихъ отношенія другъ къ другу и нормировались на основаніи родовыхъ началь. Также и аббаты были въ большинствѣ случаевъ членами того племени, „которому принадлежала земля“.

¹⁾ Всѣ земли, входивши въ составъ территоріи известнаго ирландского племени, дѣлились на наследственные участки и на такие, которые отдавались только въ пожизненное пользованіе и посѣдѣ смерти владѣльца возвращались обратно общинѣ (Ancient Laws of Ireland, IV, Introduction, XXXIII—XXXIV).

Corus Besnae содержать въ себѣ пространныя положенія о замѣщении вакантной должности аббата. Положенія эти рѣзко отличаются отъ тѣхъ, которыя дѣйствовали въ тогдашнее время на континентѣ Европы, и согласно которымъ аббатъ обыкновенно избирался самимъ монашескимъ обществомъ. Совсѣмъ иной способъ замѣщенія должности аббата предлагается въ Corus Besnae. Прежде всего право замѣщенія принадлежитъ тому племени, отъ которого происходилъ святой основатель монастыря ¹⁾), затѣмъ—племени, на землѣ котораго построены были монастыри, и наконецъ,—уже самой монашеской общинѣ. Такъ какъ въ большинствѣ случаевъ монастыри основывались чужестраннымъ монахомъ-миссионеромъ, то право замѣщенія должности аббата принадлежало обыкновенно племени, на землѣ котораго находился монастырь.

Между монастырями, какъ указано было выше, устанавливались извѣстныя союзныя отношенія. Перѣдко эти отношенія являли характеръ подчиненія или зависимости, съ одной стороны, и преобладанія—стъ другой. Въ особенности это имѣло мѣсто тогда, когда монастыри, находящіеся въ союзномъ отношеніи другъ къ другу, были, если можно такъ выразиться, колоніями одного главнаго монастыря, которому они въ силу того и подчинялись. Corus Besnae различаетъ главенствующія монастырскія церкви ²⁾), такъ-называемыя „*apposit eclais*“, отъ церквей подчиненныхъ, такъ-называемыхъ „*comparische eclais*“. Союзные монастыри вообще назывались „*alta eclais*“ и признавались состоящими какъ бы въ родственныхъ отношеніяхъ другъ къ другу ³⁾.

Вотъ въ какомъ близкомъ отношеніи находилась организація Ирландской церкви къ организаціи ирландского общества. Поэтому не удивительно, что и церковное право древней Ирландіи, какъ увидимъ ниже, прониклось элементами древне-ирландского обычного права. Въ заключеніе приведемъ весьма вѣрную характеристику церковныхъ от-

¹⁾ Это племя обозначается въ памятникахъ иногда тѣмъ же терминомъ, который обозначалась монашеская община, то-есть, оно называется «племенемъ святого». Въ такомъ случаѣ монашеская община называется «племенемъ монаховъ».

²⁾ Ancient laws of Ireland, III, 65, n. 3.

³⁾ Характеристика древне-ирландской церковной организаціи сдѣлана нами на основаніи данныхъ, находящихся въ послѣдней части Великой книги древнаго закона (Senchus Mor), въ такъ-называемой Corus Besnae. Ancient L. of Ireland, III, 31—45—65—79.

ношений древней Ирландии, находящуюся въ предисловіи къ официальному изданію *Corus Besca*¹⁾). Ученые издатели древне-ирландскихъ правовыхъ памятниковъ выражаются здѣсь слѣдующимъ образомъ: „Первоначальные миссионеры, вводя христіанство въ другихъ странахъ, лежавшихъ въ предѣловъ Римской имперіи, устанавливали одновременно и подобную латинской церковной организацію. Въ Ирландію принесено было только христіанское учение, организація же церкви развилаась соотвѣтственно съ началами того гражданскаго общества, въ которомъ она была учреждена. Подобно тому, какъ вся нація дробилась на независимыя племена, и церкви состояла изъ независимыхъ монастырей. Хаось, изъ котораго не вышло еще общество, весьма вѣрно воспроизведенъ въ церкви, лишенной іерархическаго управления, вполнѣ національной — въ томъ смыслѣ, что она вѣрно отражала въ себѣ національныя идеи, но отнюдь не національной въ томъ смыслѣ, который обыкновенно придаютъ этому слову, понимая надъ нимъ такую организацію церкви, которая распространяется на всю территорію, занимаемую націей”.

Вотъ та обстановка, при которой развилаась древне-ирландская покаянная система. Она сложилаась въ монастыряхъ подъ вліяніемъ совершенно своеобразныхъ условій и въ вліяніи епископовъ, которые въ другихъ странахъ западной Европы являлись представителями и хранителями древнаго церковнаго права. Въ Ирландіи епископы и пресвитеры не могли имѣть большаго вліянія на карательную систему церкви. Они въ большинствѣ случаевъ были монахами извѣстнаго монастыря, почему и подчинялись аббату, которому, а не имъ, и принадлежала церковная юрисдикція. Иногда самъ аббатъ былъ въ то же самое время и епископомъ.

Организація Британской церкви въ Валлісѣ представляеть очень много схожихъ чертъ съ организаціей древней Ирландской церкви, хотя и не можетъ быть названа вполнѣ тождественной съ оною. И въ церкви Валліса главную роль играютъ монастыри и ихъ аббаты. Такъ напримѣръ, на совѣтціи, имѣвшемъ мѣсто въ 608 году между британскимъ духовенствомъ и англо-саксонскимъ архиепископомъ Августиномъ, отъ имени Британской церкви говорять главнымъ образомъ аббать и ученые мужи монастыря Бангоръ въ Кернарвонѣ. Но въ то же самое время, епископы не находятся въ Валлісѣ въ такой зависимости отъ

¹⁾ *Ancient Laws of Ireland*, III, LXXV—LXXVI.

монастырей, какъ въ Ирландіи. Епископы Валліса имѣли опредѣленные епархіи съ церковною юрисдикціей въ оныхъ¹).

Указавъ, такимъ образомъ, на ту церковную организацію, при которой возникла древне-ирландская и древне-британская нокаянная система, мы переходимъ теперь въ послѣдующемъ отдѣлѣ къ подробному изложению этихъ системъ.

¹) Ср. статью *Шеллъ «Culdees»* въ *Herzog's Encyclopaedie*, III, 196 и слѣд.

В. Сокольский.

(Окончаніе съдуется).

КЪ ВОПРОСУ О ДРЕВНИХЪ СЛАВЯНСКИХЪ МЯГКИХЪ СЛОГАХЪ ВЪ ПРОИЗНОШЕНИИ И НА ПИСЬМѢ.

Особенности произношения и правописания шипящихъ слоговъ въ большей части славянскихъ нарѣчий позволяютъ дѣлать заключенія о значеніи нѣкоторыхъ гласныхъ буквъ въ тѣхъ изъ этихъ нарѣчий, которыхъ или уже больше не живутъ, или во многомъ измѣнили свой звуковой составъ. Я разумѣю здѣсь, впервыхъ, то свойство славянскихъ шипящихъ согласныхъ, по которому они могутъ произноситься только однимъ способомъ, и именно мягко, тогда какъ большая часть другихъ мягкихъ согласныхъ представляютъ собою только видоизмѣненіе имѣющихся въ языкахъ на лицо имъ соответствующихъ твердыхъ и выражаются выѣстѣ съ ними однѣми и тѣми-же буквами; а вовторыхъ, необозначеніе на письмѣ мягкости шипящихъ слоговъ, въ противоположность обыкновенному требованію правописанія выражать ее въ другихъ слогахъ выборомъ гласной буквы (это различіе именно тѣмъ и объясняется, что шипящіе здѣсь и не могутъ произноситься твердо). Напримеръ, русскія жа, жу, ча, чу и т. д. всегда мягки, хотя правописаніе и не допускаетъ ставить въ нихъ я, ю вместо а, у. Мягки и старо-церковно-славянскія жа, жу, жм и т. д.

Если въ известной грамматической формѣ гласный звукъ окончаний, все равно, предшествуетъ ли ему твердый согласный, или мягкий, одинъ и тотъ же, при чемъ однако гласные буквы обыкновенно различны,—то, въ согласіе со сказаннымъ, послѣ шипящей, хоть и всегда мягкой, стоять та гласная, которая принадлежитъ собственно

твърдому окончанию этой формы. Такъ въ род. падежѣ ед. ч. муж. р. оканчивающемся и въ мягкомъ склоненіи, какъ въ твърдомъ, на звукъ *a*, рядомъ съ коня,—*ia*, правильно пишется мужа, мѣжа, какъ раба.

Если же гласный звукъ окончания мѣняется, смотря по тому, за какимъ согласнымъ онъ слѣдуетъ, за твърдымъ, или мягкимъ, то послѣ пишущей обыкновенно стоять гласная буква мягкаго окончанія данной формы (или же соответствующая ей такъ-называемая твърдая гласная), во всякомъ случаѣ ужъ не та, что здѣсь же послѣ согласной твърдаго слога. Примѣры: мужемъ, мѣжемъ, доушемъ, но храмомъ,—*ь*, водою,—*и*; зват. ед. иѣжу сть тѣмъ же звуковыми окончаніемъ, чтѣ и въ зват. коню, въ противоположность зват. рабе.

Отсюда заключеніе, что если въ окончаніи данной формы пишется одна и та же гласная буква послѣ твърдой согласной и послѣ пишущей, то звукъ этой буквы есть общій для обоихъ окончаній формы, для твърдаго и для мягкаго, хотя по правилу и выражается здѣсь и тамъ различно. Въ раба, мѣжа, коня,—*ia*, —*и* конечный гласный звукъ одинъ и тотъ же, именно *a*.

Очевидно, что при помощи этого заключенія оказывается возможность опредѣлить искомое значеніе данной гласной мягкихъ не пишущихъ слоговъ, при чемъ найденный звукъ подтверждается и прямо, если имѣются на лицо описки, состоящія въ томъ, что, въ согласіе съ произношеніемъ и вопреки требованіямъ правописанія, и послѣ пишущей является та же гласная, чтѣ и въ другихъ мягкихъ слогахъ. Что глаголическое ѿ мягкихъ слоговъ звучало, какъ *a*, свидѣтельствуютъ примѣры, въ родѣ: чьмъ Марк. XIV 35, Зогр.; чьеть Мате. XXIV 50, Ассем. ¹⁾). Еще гораздо раньше той поры, когда въ русскихъ рукописяхъ стало устанавливаться правописаніе нынѣшнихъ церковно-славянскихъ книгъ, когда, между прочимъ, послѣ согласныхъ *а*. уже было почти что совсѣмъ вытѣснено буквой *и*, послѣдняя попадается иногда послѣ пишущихъ вмѣсто *a*, напримѣръ, чмѣлъ Io. XVIII 11, Остром. л. 177 г. До значенія (въ которомъ, впрочемъ, никто и не сомнѣвается) древне-русскаго *и* (=я) можно было бы дойти и безъ такихъ описокъ, даже и не зная, какую букву въ извѣстныхъ случаяхъ заступила собой этотъ знакъ, единственно счи-

¹⁾ Съ мою статью «Ueber den Lautwerth des glagolitischen ѿ», въ *Niniveschen Archiv. f. Slaw. Philologie*, т. IV стр. 134 и слѣд.

чівъ поздѣе правильно писавшееся землѧ, им. ед., съ вода — доуша.

Гласная, значеніе которой опредѣляется описаннымъ пріемомъ, будучи по звуку равною соответствующей гласной твердыхъ слоговъ, въ своемъ положеніи послѣ мягко произносимой согласной собственно къ тому и служить, чтобы выразить мягкость послѣдней. Въ приведенныхъ примѣрахъ, глаголич. конъ, род. ед., рус. землѧ, им. ед., для выраженія звука *a* выбраны Ѣ, жъ съ цѣлью обозначить тѣмъ мягкость предшествующихъ и, я. Послѣ же шипящихъ ставить такія буквы, какъ эти Ѣ, жъ, правописаніе считается излишнимъ вслѣдствіе всегда присущей этимъ согласнымъ мягкости, такъ что еще выражать ее чѣмъ либо не представляется необходимости. То же самое соблюдается и въ нынѣшнемъ русскомъ письменномъ языкѣ, и такія ошибки, какъ продажа, зачастую попадающіяся на лавочныхъ вывескахъ, допускаются только лицами малограмотными, между тѣмъ какъ бана, вѣсто бана, напишетъ развѣ Нѣмецъ, хотя въ концѣ слова и слышится дѣйствительно звукъ *a*.

Выясненный здѣсь пріемъ легко примѣнить и къ такъ называемому средне-болгарскому нарѣчію въ вопросѣ о взаимномъ отношеніи пъ чѣмъ обоихъ юсовъ. Особенности средне-болгарского употребленія въ дѣло этихъ знаковъ — въ "такой полнотѣ и съ такою точностью распределеніемъ Лескиномъ по согласнымъ и по памятникамъ въ статьѣ *Bemerkungen über den Vocalismus der mittelbulgarischen Denkmäler*¹⁾), должны быть, по моему твердому убѣждѣнію, объяснены тѣмъ, что и ядѣсь дѣйствовали, съ одной стороны, неразрывное свойство шипящихъ этого нарѣчія, ихъ мягкость, а съ другой — назначеніе буквы жъ. Принять во вниманіе, что гдѣ въ старо-церковно-славянскомъ какая-либо грамматическая форма содержала въ своемъ окончаніи послѣ согласной одинъ изъ обоихъ юсовъ, все равно который, тамъ въ средне-болгарскомъ правильно тоже юсь, при чѣмъ однако выбравъ тотъ или другой, смотря по тому, за какою онъ слѣдуетъ согласной, за твердою, шипящую или другую мягкую (въ первыхъ двухъ случаяхъ правильно пишется жъ, въ послѣднемъ — жъ), я не могу, согласно со всѣмъ вышеизложеннымъ, не признать, что при тожествѣ звуковъ, выраженныхъ въ средне-болгарскомъ нарѣчіи обоями знаками, жъ ставили послѣ мягкихъ согласныхъ именно затѣмъ, чтобы указать на мягкость ихъ произношенія.

¹⁾ *Archiv. f. Sl. Philologie*, II.

Правда, что этотъ мой выводъ въ разрѣзъ противоположенъ мнѣнию Лескина. Въ приведенной статьѣ (стр. 279) имъ утверждается: „Von da aus muss man weiter zu dem Resultat kommen, dass ж, wenn es nach ш, ж, шт, жд fü r urspr. т steht, nichts anderes bedeuten kann, als das erweichte ж...“, а на предыдущей страницѣ говорится объ утраченномъ смягчении конечного слога въ средне-болгарской формѣ земл, при чёмъ въ скобкахъ прибавлено: „der Verlust der Erweichung nach l, n, т u. den Labialen in der Entwicklungsgeschichte des Bulgarischen ist überdies bekannt...“; наконецъ стр. 280: „Die Ansicht aber, dass ж ein passender Ausdruck dieses Lautes (то есть, „der in dieser Periode durch das Zusammenfallen von altem ж und т nach Palatalen¹) entstanden war“, какъ объяснено тамъ же выше) sei, konnte sich bei dem Schreiber dadurch herausbilden, dass..; dass er dabei gerade ж vorzog, ist Sache der Willkür, ebenso gut hatte т genommen werden knnen..“.

При всемъ глубокомъ уваженіи къ авторитету профессора Лескина, я никакъ не могу согласиться съ нимъ и признать, что, напримѣръ, въ языкѣ Болонской Псалтыри такія формы, какъ земл и землл, вин ед., или глаголл, 1 ед. наст., совпали въ своемъ написаніи съ род. ед. и прич. им. ед. муж. тѣхъ же словъ именно вслѣдствіе утраты мягкости конечныхъ слоговъ: отчего бы тогда сохранилось правильное подл, вин. ед.? Вѣдь здѣсь мягкости окончанія никогда и не было. Желая помочь себѣ выйти изъ затруднительного положенія, Лескинъ (стр. 280) принужденъ принять два значенія для ж: „... so dass in diesem Denkmal das Zeichen ж zweierlei Geltung hat, einmal = altem ж, einmal = mittelbulg. ж“ (послѣднімъ знакомъ Лескинъ выражаетъ отъ себѣ звукъ, заступившій въ мягкихъ слогахъ мѣсто обоихъ старо-славянскихъ носовыхъ гласныхъ). Къ этому со всѣмъ ненужному предположенію не пришлось бы прибѣгать ученому автору, еслибы онъ назначение средне-болгарской буквы ж увидѣлъ въ выраженіи мягкости предшествующаго ея звуку согласного, въ выраженіи, которое при шипящихъ по ненадобности правильно опускалось, и еслибы онъ такимъ образомъ призналъ, что согласная смягчалась слѣдующимъ за ней — не ж, а т. Къ оспариваемому мною взглядомъ Лескинъ былъ праведенъ, по видимому, впервыхъ, признаніемъ мягкости произношенія шипящихъ (не-славянину такое признаніе, само по себѣ, пока все еще можно вмѣнять въ заслугу), постѣ которыхъ

¹) Этотъ терминъ въ статьѣ Лескина обозначаетъ мягкие согласные звуки.

въ среднеболгарскомъ изъ обоихъ юсовъ по правилу ставитъ я ѿ; вторыи, такими написаніями, какъ мой, напримѣръ въ предпослѣдней строчкѣ 264 л. Чогодинской Псалтыри (Срезн. Пам. юс. письма, 245); въ нихъ, конечно, послѣдній слогъ мягокъ, будучи образованъ изъ согласного *j* + гласный юсомъ, но не слѣдуетъ выпускать изъ виду, что написанія эти входятъ въ одинъ разрядъ съ совершенно такими же, гдѣ только вместо юса другая неизвестованная гласная, напримѣръ рѣка моа (тамъ-же, послѣднее слово 264 л.), заповѣдемъ Бѣжамъ, страха, Бѣжна (Болонск. Пс., Срезн., стр. 356), и легко объясняются тоже неизвестностью обозначенія мягкости вслѣдствіе необходимости здѣсь звука *j* въ произношеніи для избѣженія зіянія. При наличномъ же письменномъ ютованіи тоже гораздо естественнѣе ожидать именно ту букву, которая и служить прямымъ выраженіемъ гласного звука, слѣдующаго въ произношеніи сейчасъ же за согласнымъ *j*. И дѣйствительно, позднѣйшее церковнославянское правописаніе, чтобы выразить я, обыкновенно передаваемое знакомъ я, въ началѣ словъ предписываетъ ставить я, сложенное изъ знаковъ *j* и *a*. То же самое мы видимъ и во многихъ изъ нашихъ среднеболгарскихъ рукописей, гдѣ, при такой же точно постановкѣ я, за согласными обыкновенно слѣдуетъ я; упомяну хоть объ Апостолѣ изъ Охрида, чтобы не говорить только о Болонской Псалтыри. Въ послѣдней иногда наблюдается и подобное же отношеніе я и ѿ одного къ другому: за всякой (разумѣется, не шипящей) мягко произносимой согласной — я, въ началѣ слова при слышимомъ *j* — я, напримѣръ дѣй моя, языка и под. (тамъ же стр. 365). Такимъ образомъ слѣдованіе знака ѿ за шипящими и за я (которое по большей части выпускалось) никакъ не говорить въ пользу Лескинова взгляда.

Правильность, взявъ вообще, отношенія ѿ: я (болг.) = а: я (болг. и глаг.) = а: я (рус.) можно съ убѣдительностью доказать попыткой пріимѣнить найденный Лескиномъ правила, по которымъ древнія носовые гласные уступили свое място юсамъ въ среднеболгарскихъ рукописяхъ, къ разстановкѣ я и а въ таковыхъ же и въ глаголическихъ, я и а въ древне-руssкихъ (больше позднихъ, съ правописаніемъ почти тѣмъ же, что въ пынѣшихъ церковныхъ книгахъ).

Возьмемъ Болонскую Псалтырь. Для нея Лескинъ (стр. 270) таъ устанавливаетъ запирающія насть теперь правила¹⁾:

¹⁾ Въ слѣдующихъ затѣмъ выпискахъ устранимы ц и з, по причинамъ, которыхъ выяснится дальше.

„1) Wenn dem ѹ, ѧ, wo dies altblugarisch (то-есть, въ старо-церковно-славянскомъ) steht, keiner der Laute oder Lautverbindungen: ѕ im Anlaut, *voc+j*, шт, жд, ч, ж, ш... vorangeht, so stehen ѹ und ѧ an ihrer alten Stelle“. Все это, съ подстановкой, конечно, выѣсто ѹ, ѧ буквъ а, є, respective а, ѧ, можно дословно повторить и о глаголическихъ и русскихъ рукописяхъ.

„2) Geht ѕ anlautend, *voc+j*, шт, жд, ч, ж, ш... voran, so bleibt urspr ngliches ѹ, urspr. ѧ wird durch ѹ ausgedr ckt“. Вторая часть этого правила, чтобы годиться и для глаголическихъ и русскихъ рукописей, приметь слѣдующій видъ: „so bleibt urspr ngliches а; urspr. є, resp. ѧ wird durch а ausgedr ckt“. Въ первой части, въ перечинѣ звуковъ, предшествующихъ носовымъ гласнымъ, для глаголическихъ рукописей останутся только шишащіе. Рядомъ съ средне-болгарскими началь, чѣть и ставлю — не вдаваясь въ подробности о глаголическихъ показателѣ, иштите и под. ¹⁾)—руssкія начало, часть. Въ противоположность съ единичностью написанія тво, им. мн., (Срезн. 370) глаголицей правильно пишется твоъ, им. ед. ж. и им. вин. мн. ср. Въ самой же нашей Исалтыри выѣсто ѿ (стоящаго правильно послѣ согласныхъ) въ этомъ положеніи господствуетъ, какъ уже замѣчено и выше, га.

„3) Geht dem alten ѹ, ѧ voran я, р, и, и, б, в, и + ѕ..., so bleibt ѹ, wo es urspr nglich stand, ѧ aber wird zu а, wobei es gleichg ltig ist, ob nach den labialen Consonanten das euphonische я geschrieben ist oder nicht“. Сдѣлавъ здѣсь для глаголическихъ рукописей двѣ замѣтки: подставивъ я вм. ѧ и а им. ѹ, а для русскихъ—только одну, и именно послѣднюю, мы получимъ правила, какъ бы особо составленныя по даннымъ, почерпнутымъ прямо изъ соответствующихъ источниковъ. Въ рядъ съ средне-болгарскими написаніями землѧ, господъи (вм. земль, господынь—вин. ед.) идутъ совершенно такія же съ ѧ русскія (вм. земля, господына—им. ед. ж., род. ед. муж. и ср.) и съ ѿ вм. я—глаголическія (и средне-болгарскія): земль, господъль.

Ни къ одному изъ трехъ выписанныхъ правилъ не подходитъ и прямо противорѣчить первому изъ нихъ, которое на стр. 276 распространяется вообще на все средне-болгарское нарѣчіе,—не отмѣченное Лескиномъ написаніе въсѧ (Григоровичъ Шарембикъ, Срезн. стр. 218, 262), всѣ (Погодинск. Пс. тамъ же 209) въ значеніи выск.; въ согласие же съ данными мною объясненіемъ съ этими написаніемъ.

¹⁾ Съ мою упомянутую статью Ueber d. Lautwerth a. t. d. стр. 138.

сличны глаголич. (и болг.) в(ъ)съ (въсь, всъ), рус. въсъ, всъ, то и другое вм. въса.

Для большей наглядности вдѣсь сопоставляются въ достаточной полнотѣ образцы болгарскихъ склоненій. Примѣры взяты изъ Болонской Псалтири, цифры указываютъ на страницы Час. юс. письма И. П. Срезневскаго.

род. (вин.) ед. м. и ср. Иль 368, моръ 205. 369, лица гѣль 242; вин. мн. м. олтарѣ.—им. вин. мн. ср. земъ 205, прѣвѣшиѧ 204.—им. ед. ж. зем(л)ъ 205, 242, 365, волъ 354, дѣла Адам(л)ъ 203, дѣяволъ крѣпость, — сила 357; род. ед. зем(л)ъ 242, 243, два раза 367, рѣки дѣяволъ 243; вин. ед. зем(л)ъ 204, 369; вин. мн. поустынѣ.—вин. ед. и им. мн. ж., вин. мн. м. и ж. в(ъ)съ.

Изъ глаголическихъ и русскихъ источниковъ, чтобы только на помнить такое же отношеніе и въ нихъ, привожу слѣдующія извѣстныя формы:

род. ед. м. и ср., им. вин. дв. м., им. вин. мн. ср. прѣл гл., —л рус.; учитель,—л; моръ,—л.—им. ед. ж. зем(л)ъ,—л.—им. ед. ж. и им. вин. мн. сред. въсь,—л.

Во всемъ этомъ, видѣть взятоимъ, па столько вѣсу, что, по моему мнѣнію, Лескину, еслибы онъ захотѣлъ удержать свое предположеніе, оставилъ притомъ послѣдовательнымъ, пришлось бы и болг.-глаголическо-русскому *a* по отношенію къ л, л приписать назначеніе выражать мягкость звука предыдущей согласной; принятіемъ, какъ и при среднебол. ж, двухъ значеній для а можно было бы избавиться отъ непріятной необходимости смотрѣть такъ на всѣ слоги съ этой буквой.

Отношеніе въ среднеболгарскомъ нарѣчіи л: л = а: ѿ нарушается только при ц и з (вѣло), послѣ которыхъ, въ противоположность исключительному употребленію л па мѣстахъ обоихъ старославян-

скихъ юсовъ (напримѣръ въ Болонской Пс. телцѣ, вин. мн., Срези., 364; Лескинъ изъ того же памятника приводить стѣзѣ, тоже вин. мн.), наблюдается строго правильное различеніе а—ѣ (срѣца—въ рѣци 362, истѣзантистъ 354—сопрѣзумъ 355). Несомнѣнно, сохраненіе на своемъ мѣстѣ каждой изъ этихъ обѣихъ гласныхъ послѣ ц и з должно быть объяснено двоякостью произношенія послѣднихъ въ среднеболгарскомъ нарѣчи, вообще твердаго въ концѣ основы слова, мягкаго—только тамъ въ этомъ положеніи, гдѣ огнедѣяніе не допускалось или непронутымъ (по общему правилу) гласнымъ (небнымъ) звукомъ окончанія, или правиломъ въ данной формѣ смягчать слогъ и при другихъ твердыхъ согласныхъ: стѣза, им. ед.; стѣзѣ вин. ед., сохранили свои послѣднія гласные, не перемѣнивъ ихъ на є, я, вслѣдствіе слоговой твердости; по той же причинѣ прежнее стѣзѣ, род. ед. и им. вин. мн., перешло въ стѣзѣ; буква и ставилась еще правильно (безънци 359, срѣци 366), такъ какъ и повѣкло бы за собой и (гораздо болѣе замѣтное, чѣмъ, напримѣръ, въ русскомъ) измѣненіе самого гласного звука, є же въ дат. или мѣстн. (какъ въ др. фф. и ѿ) обозначало бы, кроме того, еще переходъ въ другое склоненіе; рѣпѣ, мозѣ, дат. мѣстн. ед. и им. вин. дв., не смотря на свое ѿ, а слѣдовательно, и мягкость конечнаго слога, принадлежать къ твердому склоненію, точно такимъ же образомъ, какъ и рыбѣ. Какъ извѣстно, отвердѣвшій конечный согласный основы въ дальнѣйшемъ развитіи языка обыкновенно обусловливаетъ собой переходъ въ твердую флексію съ перемѣной самихъ гласныхъ звуковъ окончаній. Примѣръ съ старцы людскими и съ епѣзами ихъ (Григоровичъ Парем., Срези., стр. 265) окончательно доказываетъ отвердѣніе среднеболгарскихъ ц и з, а вмѣстѣ съ тѣмъ и подкрѣпляетъ данное объясненіе исключительного употребленія послѣ нихъ я вмѣсто прежніхъ обѣихъ основныхъ гласныхъ.

Очевидная правильная послѣдовательность среднеболгарскихъ написаний тѣлѣ (= тѣлѣ-), имѣть, з мн., мн., имѣшт-, прич. фф., никакъ не говорить противъ принципій здѣсь значеій обоихъ юсовъ. Подобные примѣры принадлежать къ одному разряду съ трѣва, тѣньѣтъ, топль и др. и являются дѣйствительный переходъ въ языкѣ согласныхъ опредѣленныхъ словъ изъ твердыхъ въ мягкие или наоборотъ.

Равныиъ образомъ слѣдованіе за ч въ пѣкоторыхъ среднеболгарскихъ рукописяхъ буквы я, ѿ, а не є, а свидѣтельствуетъ только о большей мягкости въ произношеніи писца этого согласнаго сравнительно съ другими пишущими. Это явленіе ни мало це противорѣчить тому, что было выше говорено объ обычай правописанія не вы-

ражать мягкости шипящихъ. Если писцу вообще было не трудно ошибиться, поставивъ—вопреки заученному, такъ-сказать, правилу—*л.* ѿ послѣ какої бы то ни было шипящей, какъ мягкой, то тѣмъ легче такія ошибки при особенно мягко имъ произносимъ ч могли для него стать частными правиломъ, представляющимъ собою исключеніе изъ общаго. Лескинъ, занявшиися въ своей статьѣ, согласно ея задачѣ, только юсами, не обратилъ вниманія на то, что именно въ тѣхъ же самыхъ рукописяхъ, въ которыхъ послѣ ч ставилось л вмѣсто ѹ, замѣняетъ собою и ѹ букву а, чѣмъ только подтверждается правильность для средне-болгарскаго нарѣчія пропорціи *л:л=a:ъ*. Въ Григоровичевомъ Царемейникѣ, напримѣръ, оба случая на одной строчкѣ (Срези., стр. 267): въ печѣлехъ родиши члѣда; первое слово съ такимъ написаніемъ повторяется на той же страницѣ нѣсколько разъ, л же послѣ ч въ этомъ памятнику и Лескинъ возводить въ правило; еще напримѣръ на стр. 263: начѧтъ и истачътъ, близко одно къ другому. Въ томъ же памятнику и при звуку ѡ (мягкомъ по преимуществу) всегда л, а не ѹ. Привожу все идущее сюда изъ средне-болгарскихъ Евангельскихъ листковъ Уидольского (тамъ же, стр. 381—383), где въ противоположность другимъ шипящимъ ч требуетъ за собою л и ѿ: начѧть, члѣсти, облачиште, чльщемъ, чъс.

Определенная въ началѣ статьи особенности произношенія и правописанія славянскихъ шипящихъ слоговъ проливаются свѣтъ я на ю, правильно замѣняющее собою оу послѣ шипящихъ и ц, въ цѣломъ разрядѣ старо-церковно-славянскихъ рукописей (преимущественно глаголическихъ). Положеніе, что тожество гласного звука въ твердомъ и мягкому окончаніи формы влечетъ за собой и примененіе одной и той же буквы послѣ твердой согласной и послѣ шипящей, даетъ возможность заключить, что это ю не равнется по своему звуку соотвѣтствующему оу; отношеніе здѣсь уже не равнется глаголическому и болгарскому ѹ:а, или древнерусскому л:а, или же болгарскому л:ж; иными словами, ю, о которомъ идетъ рѣчь, послѣ согласныхъ не указываетъ только на мягкость ихъ произношенія, при чемъ гласный звукъ былъ бы собственно тотъ же, чтѣ принадлежитъ п начертанію оу. Правильна будетъ пропорція оу: ю = о:е = ѹ (ст.-сл.): л (тоже) = ѿ:ъ и т. д.

Призвалая вмѣсть съ г. Ягичемъ, который неустранно обращаетъ вниманіе ученаго міра на правильность написаній въ известныхъ

древнѣйшихъ памятникахъ ю, чю, шю, штю и т. д.¹⁾), что ю послѣ шипящихъ, точно такъ же, какъ и е, ь, свидѣтельствуетъ о первоначальной мягкости славянскихъ шипящихъ согласныхъ, я никакъ не могу согласиться съ не совсѣмъ ясно выраженнымъ взглядомъ поченного профессора (въ его *Studien über das Zographos-Evangelium*), заключающемся — если только мы его вѣрно понимаемъ — въ томъ, что шипящіе слоги съ а, заступивъ себою первоначальные таковые же, но произносившіеся приблизительно на манеръ малорусскаго ия, свидѣтельствуютъ, въ виду правильныхъ цю, ю и т. д. и попадающихся иногда хождѣши и т. под., о колебаніяхъ языка въ явленіи смягченій согласныхъ въ ту пору, когда на старо-славянскомъ начинали уже писать. Вотъ слова самого г. Ягича²⁾: „Die Kleiwrussen sprechen heutzutage серца, серцю; etwas ahliches (очень осторожно!) muss schon im Altslovenischen der Fall gewesen sein, wie uns die.... Beispiele, wie: отци,... сънышишю, виштюмоу, хождѣаше,... etc., bestigen. Allerdings ist diese Eigenthlichkeit (выше непосредственно передъ тѣмъ говорилось только объ одной особенности, могущей относиться къ звуку, именно о малорусскомъ произношеніи слоговъ ия, ю) auf den nachfolgenden Laut ю beschrkt (vergl. dennoch хождѣаше); aber wenn man — — — so kommt man leicht zu dem Schluss, dass ursprnglich wohl auch џа in der Aussprache einem tsja, also ungefhr=џи nahe kam“. Нѣсколько далѣе въ отсутствіи iotaции постѣ известныхъ согласныхъ г. Ягичъ видѣть, что „das Altslovenische.... auch hier im Stadium des Schwankens sich befand“, чтѣ еще далѣе выражается такъ: „Diese Inconsequenz beweist nur, dass gerade dannals, als man das Altslovenische schriftlich zu fixiren begann, in dieser Erscheinung die Sprache manches Schwankende zeigte“. Отмѣченны мною разрядко мѣста обнаруживаются по крайней мѣрѣ нѣкоторое желаніе г. Ягича ослабить смыслъ слѣдующаго, сдѣланнаго имъ же нѣсколько выше въ очень осторожной формѣ, утвержденія, въ которомъ џа и ю поставлены на одну доску и противоположены новѣйшимъ словенскимъ и сербскимъ тѣмъ же слогамъ: „Wenn man also im Altslovenischen срѣдьца, срѣдьцу... liest,

¹⁾ См. напримѣръ, *Archiv*, III, 732, въ короткомъ сообщеніи о трудахъ Гебауера по вопросу о мягкихъ слогахъ въ древне-чешскомъ языке; также въ затинскомъ предисловіи къ изданному Ничемъ же глаголическому Зографскому Евангелію, стр. XXVI.

²⁾ *Archiv*, II, 221.

so wird die echte altslovenische Aussprache nich ganz dem heutigen slovenischen oder serbischen srdca, srdci entsprochen, sondern etwas weicher geklungen haben". Какъ бы то ни было, думаетъ ли г. Ягичъ, что шипящіе согласные въ языкѣ, напримѣръ, писца Зографскаго Евангелия (или его подлинника) произносились одинаково мягко, какая бы ни слѣдовала за ними гласная, или что слоги же, ча и т. д., звучали уже тверже, чѣмъ ю, чю и т. д., — о природѣ звука, выраженнаго занимающимъ настъ течеръ ю, въ статьѣ г. Ягича напрасно было бы искать разъясненій, если только изъ словъ (въ концѣ сравненія написаній ча и цю): „....dass urspr nglich auch ца in der Aussprache einem tsja, also ungef hr = ца, nahe kam" — не заключить прямо, что, по мнѣнію г. Ягича, ча въ произношеніи приближалось къ первоначальному чѣмъ въ согласіе съ тѣмъ, какъ цю еще не вытѣснило собою цю, то-есть, что, иными словами, г. Ягичъ признаетъ правильнымъ отношеніе оу:ю = а:я. Звуковая сторона этого отношенія (а только она настъ здѣсь и можетъ занимать) положительно неѣврѣна. Еслибы чисто гласный элементъ звука, выраженного буквой ю, былъ точно также равенъ звуку оу, какъ а и я (глаголич. ѿ) выражаютъ въ сущности одинъ гласный звукъ, то послѣ шипящихъ, по вышеизложеному, должно было бы правильно писаться оу, а не ю, какъ это мы и дѣйствительно видимъ въ старославянскихъ же памятникахъ, но руки писцовъ другаго нарѣчія.

Такимъ образомъ, принимать разницу въ произношеніи (твердомъ или мягкому) шипящаго, слѣдовалъ ли за нимъ звукъ а, или звукъ ю, нѣть никакой необходимости. То же надобно сказать и о всѣхъ другихъ шипящихъ слогахъ, и не только въ болгарскомъ, но и въ другихъ славянскихъ нарѣчіяхъ, между прочимъ и русскомъ. Замѣчаніе г. Бодуэна-де-Куртене¹⁾, что русскіе звуки и, ж, ч передъ а, о, у и т. п. тверже тѣхъ же согласныхъ въ сочетаніи съ е, и и т. п. едва ли основано на томъ, чтѣ онь слышалъ въ дѣйствительности. Г. Бодуэна-де-Куртене отъ этого едва ли правильного взгляда могли бы предостеречь хотя бы такія ошибки малограмотныхъ лицъ, какъ, съ одной стороны, жя, ча и т. д., съ другой — жы и т. д., ошибки, противъ которыхъ борются всяческіе ореографические указатели, часто прилагаемые къ учебникамъ русской грамматики. Возможность

¹⁾ См. Опытъ фонетики рѣзянскихъ говоровъ § 6.

написанія въ русскомъ языке же и т. п., хотя бы и вопреки требованіямъ правописанія, свидѣтельствуетъ, что и и ѿ послѣ согласного, если оставить въ сторонѣ смягченіе послѣдняго, произносятся нами гораздо ближе одно къ другому, чѣмъ въ старо-славянскомъ, въ болѣе чистыхъ памятникахъ котораго никогда не наблюдается ѿ въ пишущихъ слогахъ, такъ что для этого нарѣчія можно составить пропорцію ѿ:и = о:е = ѿ:ь и т. д.

А. Головачевскій.

ГЕРБОРДОВА БІОГРАФІЯ ОТТОНА БАМБЕРГСКАГО¹⁾.

III.

Второе путешествіе Оттона въ Поморье.

(Herb. III, 1—31; Ebo III, 1—24; Priefl. III, 4—15).

События, вызвавшія второе путешествіе Оттона въ Поморье, довольно подробно переданы у Эбона (III, 1, 3—4): „Вскорѣ послѣ удачнаго окончанія первого путешествія Оттона, въ Поморѣ случился голодъ и за нимъ—язва (постигшіе и Германію)²⁾. Языческая царствія, съ жрецами во главѣ, выставляя эти бѣдствія, какъ наказаніе за измѣну языческимъ богамъ, склонила многихъ къ отпаденію отъ христіянства. Это сказалось въ богатыхъ торговыхъ городахъ Штетинѣ и Волынѣ, въ первомъ съ особенной силой. При такихъ обстоятельствахъ Вратиславъ, князь Поморскій, побуждаемый какъ ревностію къ христіянству, такъ, вѣроятно, и политическими соображеніями, призвалъ Оттона въ Поморье. Оттонъ согласился, имѣя въ виду, кроме возвращенія отпадшихъ, еще проповѣдь въ западной части Поморья, не посвященной имъ въ первое путешествіе”.

Этотъ ясный и заслуживающій полнаго вниманія разказъ Эбона, бывшій у Герборда подъ руками, совершенно имъ выпущенъ. Причиною втораго путешествія Гербордъ выставляетъ только любовь Оттона къ своей педаго-пріобрѣтенной настѣй — амор novellae coloniae suaе³⁾ (III, 1). Пропускъ столь важнаго извѣстія можно объяснить

¹⁾ Продолженіе. См. августовскую книжку Ж. М. И. Ир. за текущій годъ.

²⁾ Ekkeh. въ Anselm. Gemblacens., 1125 г.

³⁾ О возвращеніи Штетини и Волыни къ язычеству Гербордъ разказываетъ вкратцѣ далѣе въ III, 16, 25, 26.

только желаніемъ Герборда удалиться, въ своемъ изложениі, отъ Эбона.

Годъ путешествія у Эбона, здѣсь, да и въ другиx мѣстахъ, пріено не обозначены, но по нѣкоторымъ данимъ можно съ точностью указать на 1127 годъ¹⁾). Гербордъ же говоритъ: *Post quadriennium*—послѣ первого путешествія (1124—1125), то-есть, въ 1128 или 1129, скорѣе въ 1129 году, ибо, судя по контексту—*post quadriennium*—послѣ окончанія первого путешествія (мартъ 1125)²⁾. Во всякомъ случаѣ годъ невѣренъ. Гербордъ, вѣроятно, слѣдовалъ ошибочному показанію Прифлингскаго анонима III, 4: *jam vero quatuor annosq; evoluto currigitculo post eam (primam) peregrinationem.*

День отправленія точно опредѣленъ у Эбона: *in cœta Domini sacratissima*, то-есть, 31-го марта. Гербордъ о днѣ ничего не говоритъ.

Объ отправленіи изъ Бамберга и пути до Дымина, довольно подробнѣ и обстоятельно описанныхъ у Эбона (III, 3, 4), Гербордъ говоритъ только въ нѣсколькохъ строкахъ 1-й главы.

Обозначивъ, что Оттонъ шелъ чрезъ Саксонію, Гербордъ указываетъ и причину выбора этого пути: „чтобы не обременять князей Чехіи и Польши и другихъ лицъ, дружески принимавшихъ его во время первого путешествія“³⁾). Но это, очевидно, произвольная догадка Герборда, основывающаяся на познанії географическаго положенія упоминаемыхъ имъ странъ. Она слишкомъ недостаточна, мало правдоподобна и даже совершенно излишна. Оттону и не было ни-

¹⁾ Это опредѣленіе года сдѣлано Иффе, въ *Geschichte der deutschen Reichs unter Lothar d. Sachen*, стр. 60—66, пр. 24, 32 и стр. 269, пр. 8. Яффе обращаетъ вниманіе на письмо Вигнандо, аббата Таризійскаго (Ебо, II, 16), къ Оттону, где Вигнандъ проситъ Оттона вернуться изъ путешествія, описывая ему трудное положеніе Бамберга. Это письмо Эбонъ отнесъ къ первому путешествію (1124—1125), но въ немъ говорится о событияхъ 1127 года. Слѣдовательно, Эбонъ ошибочно помѣстилъ его при первомъ путешествіи, тогда какъ оно написано во время второго. Затѣмъ въ III, 22, Эбонъ говоритъ о чудѣ, бывшемъ въ Поморѣ 15-го августа въ понедѣльникъ; 15-го августа было въ понедѣльникъ въ 1127 и въ 1130 гг. Но къ послѣднему году нельзѧ отнести путешествія, значитъ, путешествіе было въ 1127 г.

²⁾ 2-я книга Герборда оканчивается словами: *ante diem Palmaturum (1125) ad sedem annos reversus est*. Третья—начинается: *Post quadriennium vero*.

³⁾ Рассказы біографовъ мы, для краткости, будемъ помѣщать не въ переводаѣ, а въ свободной передачѣ своими словами, не опуская, конечно, ничего важнаго.

какого основания выбирать такой далекий и обходный путь через Чехию и Польшу, когда самая краткая дорога была через Саксонию, тѣмъ болѣе, что въ это время, въ Чехии и Мейсенѣ не улеглись еще волненія, вызванныя войною Германіи и Чехіи 1126 г.¹⁾. Въ первое путешествіе Оттонъ только потому шелъ черезъ Польшу, что былъ приглашенъ Польскимъ княземъ; теперь же Оттонъ не имѣлъ никакого отношенія къ нему и призванъ Вратиславомъ, который усюдился встрѣтить его въ Дынкѣ. „Отправляясь по путь“, говоритъ Гербординъ,—„онъ взялъ съ собою много золота и серебра, также куниль въ Галле порфира, виссона, драгоценныхъ суконъ (panni) и разнообразныхъ другихъ даровъ. Это все было сдѣлано Оттономъ для того, чтобы не прийтіи съ пустыми руками къ своей паствѣ, дабы не вознегодовали на него еще некрещеные, еслибы увидѣли, что проповѣдуетъ, требуя вознагражденія, тотъ, кто прежде дѣлалъ это даромъ“.

Цѣль, съ какою Оттонъ бралъ съ собою цѣпныи вещи, указана не разъ у Эбона (III, 6, 9), а также у Герборда, при разказѣ о первомъ путешествіи—II, 7 (на которое адѣсь есть намекъ). Такимъ образомъ, адѣсь Гербординъ не прибавляетъ ничего новаго, а только повторяетъ уже извѣстное ему.

Чтѣмъ именно взялъ съ собою Оттонъ, у Эбона не сказано; Гербординъ же отчасти обозначаетъ порфиру, виссонъ и драгоценныи сукна. Но это перечисленіе нельзя считать основаннымъ на дѣйствительномъ знакіи Герборда: адѣсь онъ упомянулъ, съ одной стороны, то, чтѣ самъ считалъ особенно дорогими — порфиру и виссонъ, съ другой — чтѣ, какъ ему извѣстно (I, 36), особенно цѣнилось въ Поморѣи и посыпалось туда ранѣе Оттона изъ Бамберга, для подарковъ знатнымъ лицамъ и для выкупа пленныхъ — драгоценныи сукна²⁾.

Гдѣ Оттонъ сдѣлать закупки — Эбонъ не говоритъ, но Гербордину же — въ Галле. Конечно Гербординъ могъ это свѣдѣніе получить и отъ какого-нибудь спутника Оттона, напримѣръ, Зефрида³⁾ (I, 36 см. 7); однако, скорѣе, это собственная догадка Герборда, знавшаго (I, 36

¹⁾ W. Giesebr., Kaiserzeit, IV, 18—21.

²⁾ Nobiles, piros et pretiosos pannos in terra Pomoranorum caros frugi mercatu Hallae inveniri (I, 36).

³⁾ Всѣ, чтѣ Гербординъ могъ бы узнать отъ лицъ, сопутствовавшихъ Оттону въ путешествіи, мы будемъ, для краткости, приписывать Зефриду, въ уста котораго вложены всѣ разказы.

см. пр. 7), что въ Галле покупались предметы, особенно цѣнныя Поморянами—сукна. Это тѣмъ вѣроятнѣе, что, нѣсколько выше, онъ прямо упоминаетъ о нихъ.

Всѣ подробности пути до Дымина, сообщенные Эбономъ (III, 3—4), у Герборда пропущены (описаніе отношенія архіепископа Магдебургскаго Норберта къ Оттону, прибытіе Оттона въ Гавельбергъ, свиданіе съ Вирикиндомъ, патидневное путешествіе чрезъ большой лѣсъ, встрѣча съ рыбаками на озерѣ, просьбы Морачанъ о крестеніи). Гербордъ говоритъ только: „Оттонъ прибылъ по рѣкѣ Эльбѣ, до р. Гаволы, и достигъ Лютицкой земли; нагрузивъ здѣсь все на 50 телегъ, съ большими затрудненіями, сухимъ путемъ доехалъ до Поморскаго города Дымина“ (Timina). Объ этомъ у Эбона почти то же самое: „Оттонъ приготовилъ въ Гавельбергѣ все нужное для пути съ 50-ю телѣгами“ (III, 3). У Герборда только не обозначено точно, гдѣ именно Оттонъ перегрузилъ на повозки свой багажъ (Гавельбергъ), затѣмъ число телегъ вмѣсто 30-ти поставлено 50, но это, конечно, произвольное измѣненіе Герборда, сдѣланное имъ съ цѣллю избѣжать сходства съ Эбономъ, и во всякомъ случаѣ, совершение неважно. Трудно представить, чтобы кто-либо, по прошествіи 30-ти лѣтъ, могъ хорошо помнить такую мелочь, какъ число телегъ, и чтобы Гербордъ сталъ нарочно узнавать объ этомъ и исправлять ошибку Эбона.

О пребываніи Оттона въ Дыминѣ и о встрѣчѣ съ княземъ Поморскимъ Вратиславомъ Гербордъ говоритъ значительно короче, но, въ общихъ чертахъ, сходно съ Эбономъ; есть и прямые слѣды заимствованія изъ Эбона¹⁾. Поэтому едва ли этотъ разказъ самостоятеленъ.

„Когда Оттонъ прибылъ къ Дымину“, говорить Гербордъ (III, 1—2),— „жители Дымина были въ тревогѣ; князь Поморскій долженъ быть пріѣдти туда для опустошенія Лютицкой земли; въ то же время и Лютичи готовились идти къ нему на встрѣчу“. То же и у Эбона, но яснѣе и подробнѣе (III, 5); кромѣ того, Эбонъ сообщаетъ и нѣкоторыя до-

¹⁾ Herb. III, 1.

... aetiam juxta civitatem ... designavit,
in qua, fixis tentoribus... terroribus ..
agitabantur.

Herb. III, 2.

... utrum se hostes surpricati ... Ad
tesperum autem, dux ... multa onustus
quaeda ... revertitur.

Эбо III, 5.

(Episcopus) ante portam fixis tentoribus
habitabat.

Эбо III, 5.

equestris exercitus suspicatus est hostile
cuncum se incurrisse. Ad versperum vero
(dux), magna onustus praeda, rediens...
Ottonem perduxit.

вольно важна свідкіня о предшествовавшихъ обстоятельствахъ, выпущенная Гербертомъ: „Лютичи хотѣли напасть на Дыминъ за то, что императоръ Лотарь предалъ ихъ городъ и храмы огню¹⁾). Дымпіцы, узнавъ о приготовленіяхъ Лютичей, просили помощія у Вратислава”.

Гербертъ опустилъ также и подробности прибытія Оттона въ Дыминъ, находящійся у Эбона. По Эбону (III, 5), когда Оттонъ приближался къ Дымину, гдѣ Вратиславъ велѣлъ ему ожидать его, предъ воротами города лучшіе люди Дыминскіе держали совѣтъ; увида спускающіяся съ горъ телеги, они сочли Оттона, съ его спутниками, за враговъ, и скривившись въ городъ, стали готовиться къ сопротивленію. Но замѣтивъ, что они не вооружены и несутъ предъ собою лишь крестъ, успокоились. Узнавъ Оттона, очень извѣстного имъ по слуху (*fama apud eos celeberrima vulgatum*), вышли къ нему и прошли вступить въ городъ. Епископъ отказался войти къ язычникамъ, разбилъ палатки подъ города, и привзвавъ старѣшинъ, проповѣдалъ имъ Христову вѣру“.

Гербертъ вмѣсто всего этого сообщаетъ только, что Оттонъ и его спутники остановились на ночлегъ на площадкѣ (агеа) подъ города, но при этомъ прибавляется: „Жители Дымина язычники и враждебни къ христіанамъ, и мы пришли, какъ неизвѣстные, къ неизвѣстнымъ людямъ. Намъ былъ знакомъ только *praefectus urbis*, которого мы узнали во время первого путешествія. Къ нему мы обратились съ просьбой о гостепріимствѣ. Префектъ, принявъ насъ дружески, назначилъ для нашей стоянки плоскадь подъ города, въ старомъ укрѣпленіи” (*veteri castellu*) (III, 1). Объ этомъ же префектъ Гербертъ говоритъ далѣе: „Когда произошло, сїдующею ночью, смятеніе, при прибытіи войска Вратислава, то префектъ послалъ воина успокоить Оттона и спут-

¹⁾ Это позже Эбона очень правдоподобно, хотя и не солеймъ ясно; не извѣстно, однѣ ли Дыминъ помогалъ Лотарю, или и князь Поморскій Вратиславъ; не извѣстно также, какой это походъ Лотаря. Какъ императоръ, онъ, въ 1125 г. ходилъ на Лютичей, но походъ былъ неудачонъ. *Annual. Saxon. 1125:* «Dux Liderus contra Slavos trans Albiam ivit, sed inacte rediit». Бартольдъ (*Gesch. von Rñz. u. Pomm.*, II, 161—162) думаетъ, что это относится къ походу его, еще какъ Горцога Саксонскаго. 1121 *Annual. Saxon. Collectio exercitu valido Slaviam invadit, terram cuiusdam Zuentubaldi usque ad mane praedabundus perambulat, urbibusque in deditiōnem acceptis, quarum una kizun diecatur famosior et opulentior ceteris; obediensque acceptis, cum recessu non parva victor regreditur. Можетъ быть, Удалъчикъ смѣшилъ оба похода.*

никовъ и объяснить имъ причину шума" (III, 2). Но Эбону же, самъ Оттонъ, чтобы узнать, въ чёмъ дѣло, посыпаетъ толмача Альбина за рѣку, и тотъ узнаетъ, въ чёмъ дѣло" (III, 5).

Хотя эти извѣстія Герборда, сами по себѣ, и правдоподобны и могли быть переданы Зефридомъ¹⁾, но по некоторымъ сображеніямъ, должно скорѣе признать ихъ сомнительными и счѣсть за произвольный вымыселъ Герборда.

Во первыхъ, весь разказъ о пребываніи въ Дыминѣ вообще посвѣтъ слѣдѣнію пользованія разказомъ Эбона, и потому можно скорѣе предположить, что здѣсь Гербордъ не обратился къ устнымъ разказамъ. Во вторыхъ, какъ мы видѣли, Эбонъ, основываясь на разказѣ Уdalryха, иначе говорить о прибытіи въ Дыминѣ и не упоминаетъ о префектѣ. Втретыхъ, Гербордъ иногда прямо противорѣчитъ Эбону, при чёмъ и правдоподобіе — не на сторонѣ Герборда: по Герборду, спутники Оттона никому не были извѣстны въ городѣ, кромѣ префекта. Но, какъ сказано у Эбона, Вратиславъ велѣлъ Оттону ожидать его въ Дыминѣ, и слѣдовательно, жители Дымина должны были знать о предполагаемомъ прибытіи Оттона, тѣмъ болѣе, что имя его, послѣ проповѣди въ Восточномъ Поморѣ, должно было быть имъ хорошо извѣстно. Этимъ объясняется, что они, по Эбону, *Ottonem fama aripd eos celeberrima vulgatum agnoscentes, alaci devotione occurrunt, tenebriae civitatis intrare depositunt.*

Создать такой вымыселъ о принятіи Оттона префектомъ Гербордъ могъ тѣмъ легче, что онъ, какъ видно изъ его II-й книги, зналъ о существованіи въ Поморскомъ городѣ городскихъ начальниковъ, зависящихъ прямо отъ кназя. Очень можетъ быть, что Гербордъ хотѣлъ здѣсь рѣзче оттѣнить опасность положенія Оттона среди язычниковъ, *crudos, barbaros christianis*, и къ тому же, еще не знающихъ его.

Имѣя въ виду, такимъ образомъ, сомнительность вообще этого извѣстія Герборда, мы не можемъ также считать вѣрнымъ и самостоятельнымъ сообщеніе его о томъ, что Оттону была назначена стоянка именно *in veteri castella*. Какъ мы увидимъ далѣе, Гербордъ очень часто, для приданія своему разказу большей правдоподобности и обстоятельности, произвольно прибавляетъ мелкія опредѣленія мѣста и времени.

Прибытие ночью Вратислава съ войскомъ разказано у Герборда гораздо короче и съ меньшою ясностью, чѣмъ у Эбона, но въ суще-

¹⁾ См. выше III, пр.

ственномъ однаково съ нимъ. По Эбону, когда Оттонъ и его спутники расположились предъ городомъ, ночью произошло смятение. Войско Вратислава шло и сухимъ путемъ—на коняхъ, и на судахъ. Конница должна была пріѣдти раньше, но сильный вѣтеръ пригналъ корабли впередъ. Всадники, прибывъ послѣ и неожиданно найдя своихъ воиновъ, которыхъ никакъ тамъ не ожидали, сочли ихъ за враговъ; поднялся съ обѣихъ сторонъ крикъ и шумъ. Спутники епископа уже собирались бѣжать, особенно потому, что толмачъ Альбинъ говорилъ имъ, что это прибыли Лютичи и уже поражаютъ войско герцога. По Герборду, „ночью войско князя по отрядамъ сошлось туда, и одинъ отрядъ всадниковъ и пѣхотинцевъ, столкнувшись другъ съ другомъ и сочтя другъ друга за враговъ, долго сражались“. Отъ себя далѣе Гербордъ прибавляетъ подробность очень возможную, и очень неважную—что испуганные спутники Оттона, слыша шумъ и стукъ оружія, зажгли огонь въ лагерѣ у своихъ шатровъ. Другое отступление Герборда отъ разкза Эбона менѣе правдоподобно. По Эбону, когда два отряда принали другъ друга за враговъ, поднялось смятение; по Герборду же, они долго сражались, не узнавая другъ друга, чтѣ, конечно, не такъ возможно.

Какъ бы успокоенъ Оттонъ и его спутники—мы говорили выше: по Эбону, епископъ послалъ Альбина узнать, въ чемъ дѣло; по Герборду, префектъ самъ извѣстилъ обо всемъ епископа. Гербордъ не противорѣчитъ Эбону; могло быть и то, и другое. Но, при сомнительности всего этого разкза Герборда, разбираемый фактъ не можетъ считаться достовѣрнымъ.

Далѣе Гербордъ прямо противорѣчитъ Эбону и менѣе правдоподобно представляетъ дѣло; поэтому его показаніе должно быть отвергнуто. По Эбону, „Вратиславъ, прибывшій съ войскомъ, обрадовался, когда узналъ о присутствіи Оттона, и просилъ его (тогда же ночью) тотчасъ перейти къ нему на другой берегъ, ибо иначе онъ подвергается большой опасности; удивительно, что онъ второй день оставался невредимымъ среди столь частыхъ набѣговъ враговъ“. У Герборда же, напротивъ, почему Вратиславъ ничего не сообщилъ Оттону, „утромъ же, отправляясь съ войскомъ за добычей, не могъ видѣть Оттона, но чрезъ вѣстниковъ просилъ ожидать его на томъ мѣстѣ, и только къ ночи увидѣлся съ Оттономъ“. Конечно, какъ и сказано прямо у Эбона, Вратиславъ, зная объ опасности отъ Лютичей, скорѣс долженъ былъ сразу пригласить къ себѣ Оттона, чѣмъ,

какъ у Герборда, оставить его по другую сторону рѣки, вдали отъ себя, въ такое тревожное время.

О событияхъ слѣдующаго днѣ Эбона говорить только: *ut terris dies est redditus, dux cum exercitibus suis rebellium Luticessum terras invadens, cuncta ferro et igni vastat. Ad vesperum autem, magna praeda onustus, rediens...* Гербордъ выписываетъ буквально послѣднюю фразу его¹⁾; но къ разказу о возвращеніи Вратислава съ добычей прибавляеть многое своего.

Вотъ его разказъ: „Утромъ князь отправился противъ Лютичей. Около полудня былъ видѣнъ, въ разныхъ частяхъ Лютицкой земли, дымъ, знакъ опустошеній. Вечеромъ герцогъ вернулся съ добычей и дѣлилъ между своими доспѣхами, одежды, деньги, скотъ и людей. Былъ большой плачъ, скорбь и стонъ пленныхъ, когда доставались разныемъ господамъ и разлучались другъ отъ друга мужъ и жена, дѣти и родители. Епископъ, сострадая имъ, не могъ удержаться отъ слезъ. Герцогъ, желая сдѣлать угодное ему, многихъ слабыхъ велиль освободить и прекратить раздѣленіе семей. Самъ епископъ тоже многихъ выкупилъ, и крестивъ, отпустилъ на свободу“.

Хотя все это очень возможно, однако, имѣя въ виду 1) зависимость данного разказа Герборда отъ Эбона; 2) слишкомъ, такъ-сказать, общий характеръ его, то-есть, отсутствіе такихъ подробностей, по которымъ можно было бы отнести данные факты именно къ этому времени и мѣсту, 3) какъ увидимъ далѣе, существование у Герборда другихъ, произвольно сочиненныхъ имъ, разказовъ,—имѣя въ виду все это, мы не считаемъ возможнымъ признать эти извѣстія Герборда исходящими отъ Зефрида, а видимъ въ нихъ произвольный вымыселъ Герборда, съ цѣллю — оживить разказъ, произвести извѣстное впечатлѣніе на читателя, а также — выставить тѣ черты характера, которыми Гербордъ находилъ въ Оттонѣ, и показать вліяніе Оттона на окружающихъ лицъ.

Далѣе у Герборда есть одно точное и вѣрное показаніе, не находящееся у Эбона и Прифлингскаго анонима, которое Гербордъ могъ получить отъ Зефрида: „Спутники Оттона нагрузили все на корабли въ Дыминѣ иѣхали три дня до Узноима по рѣкѣ Нѣнѣ, а епископъ съ немногими шелъ сухимъ путемъ“. При этомъ Гербордъ прибавляеть, что Вратиславъ, послѣ разговоровъ съ Оттономъ и обмѣна подарковъ,

¹⁾ См. выше III, пр. 9.

обратился къ своимъ дѣламъ, и слѣдовательно, не сопровождалъ Оттона въ Узноимъ. Но это послѣднее извѣстіе мы должны опровергнуть, въ виду прямаго показанія Эбона, что Вратиславъ *carissimum sibi patrem Ottонем, debita cum reverentia Uznoim perduxit.* Да и гораздо правдоподобиѣ, чтобы Вратиславъ, встрѣтивъ имъ же приглашенаго и уважаемаго епископа, торжественно проводилъ его въ тотъ городъ, гдѣ долженъ былъ собраться сеймъ для рѣшенія вопроса о принятіи крещенія. Притомъ же слова Герборда: *duse ad sua negotia digresso*—почти стереотипная фраза Герборда, когда онъ говорить о свиданіи его съ Оттономъ¹), такъ что и тутъ онъ могъ прибавить это по аналогіи съ предыдущимъ его разказомъ.

О взаимныхъ подаркахъ хотя Эбонъ здѣсь и не говорить, но это само собою разумѣется, и Гербордъ могъ отъ себя добавить это.

Въ концѣ 2-й главы Гербордъ разсказываетъ о прибытіи Оттона въ Узноимъ: „Въ Узноимъ епископъ началъ тотчасъ проповѣдывать; достигнуть успѣха было не особенно трудно, потому что священники, оставленные Оттономъ въ той странѣ, обратили большую часть жителей Узноима; остальная же часть была привлечена къ Господу Оттономъ“.

У Эбона (III, 6) сказано только, что Оттонъ въ Узноимѣ „*oportuit manendi et praedicandi quietem habebat*“; о чьей-либо проповѣди до Оттона ничего не сказано, но Гербордъ могъ основываться на не особенно ясныхъ, словахъ Прифлингскаго анонима (III, 4): *in Uznoim, Chozgov et Ologost praedicavit. Baptisatis ut omnibus, quos invenit, maxime cum et plerosque eorum per internuncios jam antea convertisset ad fidem... (fabricavit ecclesias).* Гербордъ, зная, что, во время первого путешествія, Оттономъ были оставлены въ городахъ восточнаго Поморья священники, могъ къ нимъ пріурочить извѣстіе Прифлингскаго анонима. Однако подъ *internuncii* могутъ быть подразумѣваемы и тѣ спутники Оттона, которыхъ онъ разсыпалъ по городамъ послѣ сейма въ Узноимѣ (Ebo, III, 7: *binos et binos e presbyteris sibi adhaerentibus ad alias urbes... permisit (Otto); Ebo III, 13: Pius praedicator ad circumprositas civitates verbi ministros... dirigebat*). Другое основаніе для Герборда могли представить слова, вложенные Эбономъ въ уста Вратислава (III, 6), гдѣ Вратиславъ упоминаетъ о проповѣди (хотя и неудачной), къ западной части Поморья, другихъ проповѣдниковъ до Оттона:

¹) II, 12: *Dux vero a nobis ad sua negotia divellitur.* III, 4: *Dux ad sua negotia jam ab eo discesserat.*

(*antea quidem multi verbū Dei his partibus annunciantes venerunt;* здѣсь также не ясно сказано, кто были эти проповѣдники.

Итакъ въ разобранныхъ нами 1-й и 2-й главахъ только одно извѣстіе Герборда—о пути Оттона изъ Дынина въ Узноимъ по р. Пѣнѣ—можно приписать Зефриду; тѣ остальномъ же Гербордъ, въ главныхъ чертахъ, сходенъ съ Эбономъ, хотя разказываетъ короче и не такъ ясно; все же, о чёмъ говорить онъ одинъ, очень сомнительно.

По окончаніи 2-й главы повѣствованіе прерывается разговоромъ Тимона и Зефрида. Тимонъ, видя, что Зефридъ желаетъ сократить разказъ, просить его не спѣшить, но разказывать подробнѣе. Зефридъ уступаетъ его просьбѣ.

Какъ мы уже сказали, Гербордъ съ 3-й главы, ближе держится своихъ источниковъ. Поэтому мы можемъ нагляднѣе выставить зависимость его отъ нихъ, сопоставляя рядомъ параллельныя и сходныя мѣста изъ біографіи Герборда, Эбона и Прифлингскаго анонима; при этомъ буквально-сходныя ихъ фразы и отдѣльные слова мы будемъ отмѣщать курсивомъ.

Гл. 3 (Ebo, III, 6). Сеймъ въ Узноимъ.

Herb. III, 3.

Igitur in hac civitate, quia prope fuit festum adventus Spiritus Sancti, dux terrae Worfilaus toto corde Christianus, instinctu Ottonis, baronibus et capitaneis totius provinciae ac praefectis civitatum in festo Pentecostes conventum indixit; causam simul Christi mandans evangelium et evangelistam iterum advenisse Ottoneum episcopum. Itaque statuto dio congregatis omnibus, adducto in medio episcopo dux ait.

Ebo III, 6.

Statim in festivitate Pentecostes generale principum regni colloquium eodem loco indixit. Ubi convenientibus Timinenis civitatis aliarumque urbium primoribus eos ad suscipiendum Christi fidei provocabat... (Самъ онъ былъ, въ молодости, въ пѣну у Ильицевъ и крещенъ въ Мерзебургѣ, но среди азычниковъ не могъ исполнять обрядъ христіанскихъ)coincidentibus ergo principibus dux ita exorsus est.

Здѣсь, какъ мы видимъ, Гербордъ, большую частію, только передаетъ своими словами разказъ Эбона. Одно важное извѣстіе Эбона—о крещеніи Вратислава въ Мерзебургѣ, Гербордъ выпустилъ, по той, вѣроятно, причинѣ, что, по строго-логическому плану, оно здѣсь совершенно неумѣстно и должно бы быть помѣщено еще при разказѣ о началѣ первого путешествія Оттона, когда Вратиславъ въ первый разъ выступаетъ предъ читателями.

Для показанія же отношенія Вратислава къ христіанству, Гербордъ употребляетъ общее выражение: *toto corde Christianus*, можетъ

быть, нѣсколько намекая на слова Эбона,—*inter paganos vivens ritum christianaе legis exequi non poterat.*

Пропустивъ такое важное извѣстіе—о крещеніи Вратислава, Гербордъ привноситъ отъ себя нѣкоторыя, не находящіяся у Эбона, подробноти:

1) Простое сообщеніе факта Эбономъ, что сеймъ былъ назначенъ на пятидесятницу. Гербордъ осмысляетъ—именно потому на Пятидесятницу, что она была вблизи, слѣдовательно, какъ бы желалось столь великое дѣло—крещеніе страны—начать именно въ торжественный день Христова праздника и этимъ освятить его и получить счастливое предвнаменование.

2) Эбонъ говорить, что Вратиславъ тогда-то назначилъ собраніе; Гербордъ прибавляетъ, что это сдѣлано *instinctu Ottonis.*

3) Видѣсто неопределеннаго выраженія Эбона: *principes urbium,* Гербордъ перечисляетъ этихъ *principes*, употребляя обычные термины Германіи: *barones, capitanei totius provinciae ac praefecti civitatum.*

4) Предъ началомъ рѣчи Гербордъ заставляетъ Вратислава выводить Оттона на средину собранія, какъ бы представляя его знатнымъ лицамъ.

Еслибы Гербордъ всѣ эти подробности почерпнулъ изъ другаго разказа кромѣ Эбонова, и внесъ ихъ сюда въ дополненіе къ рассказу Эбона, считая ихъ важными, то онъ остановился бы долѣе на нихъ (особенно при своей любви къ распространеніямъ), а не ограничился бы краткимъ упоминаніемъ, мимоходомъ, въ отдѣльныхъ словахъ и фразахъ, въ то время, какъ существенные черты разказа очевидно взяты имъ отъ Эбона.

Уже это одно не впушасть особаго довѣрія къ этимъ извѣстіямъ. Всмѣтрѣвшись же въ характеръ ихъ, мы еще болѣе убѣдимся, что они суть произвольныя догадки Герборда. Вонервыхъ, они такъ маловажны¹⁾, что едва ли могли сохраниться у кого-либо въ памяти такъ долго (32 года); вонторыхъ, они такъ возможны и вѣроятны, что ихъ могъ прибавить самъ Гербордъ, не зная о нихъ ничего отъ спутниковъ Оттона. Очень возможно, что Оттонъ просилъ назначить собраніе въ Духовъ день, какъ потому, что это былъ ближайшій праздникъ, такъ и потому, что считалъ приличнымъ начать свою апо-

¹⁾ То-есть, они не абсолютно маловажны, а только по отношенію къ разказу, въ которомъ помѣщены, ибо не имѣютъ ни его сущности, ни главныхъ характеристическихъ подробностей.

стольскую дѣятельность въ тотъ день, когда апостолы получили даръ Св. Духа и начали проповѣдывать. Возможно также, что Вратиславъ, предъ своею рѣчью, вывелъ Оттона на средину собранія. Возможно было и для Герфорда, знакомаго съ устройствомъ и управлениемъ Германской имперіи, для большей точности, поставить, взамѣсто не-определенного *principes*, названія разныхъ должностныхъ лицъ Германской имперіи.

Такимъ образомъ, имѣя въ виду, что и въ другихъ мѣстахъ Герфордъ обнаруживаетъ стремленіе пополнять разказъ мелочными, очень возможными подробностями (хотя, конечно, отъ возможности до дѣйствительности далеко), мы то же должны видѣть и въ рассматриваемомъ мѣстѣ. Эти догадки и добавленія Герфорда могли бы имѣть цѣну въ томъ случаѣ, еслибы онъ лично былъ знакомъ съ событиями. А такъ какъ этого не было, то изъ прибавокъ нельзя дѣлать никакихъ выводовъ, напримѣръ, изъ словъ: *barones, capitanei etc.* заключать, что въ Поморѣ были именно должностные лица, соотвѣтствующія этимъ пѣмѣцкимъ терминамъ. (Мы не говоримъ вообще, что этого не могло быть, а только то, что этими выраженіями Герфорда нельзя доказывать существованія чего-либо подобнаго).

Останавливаться такъ долго на этихъ мелочахъ мы сочли нужнымъ только потому, что некоторые изъ фразы Герфорда ссылались, какъ на положительныя свидѣтельства очевидца¹⁾. При дальнѣйшемъ разборѣ мы будемъ только отмѣщать подобныя, легко выдѣлимые произвольные добавленія Герфорда, не останавливаясь на нихъ и не разбирая ихъ.

Далѣе у Эбона и Герфорда слѣдуетъ рѣчь Вратислава къ собранію. У Эбона — это простой, вложенный въ уста Вратислава, пересказъ того, чтѣ говорилъ князь въ собраніи, на сколько могъ это знать и сообщить Эбону Удалырикъ: самое содержаніе рѣчи очень правдоподобно. У Герфорда, прежде всего, замѣчаемъ искусственную обѣдьку рѣчи, обиліе риторическихъ фразъ и ненужныхъ распространеній. Уже этимъ самимъ уменьшается значеніе цитированной у него рѣчи. Вообще чѣмъ болѣе обработаны, въ историческихъ сочиненіяхъ, рѣчи разныхъ

¹⁾ Напримѣръ, *L. Gisebrecht, Wendisch. Gesch.* I, 19, желая подтвердить, что у Ольвий одѣжды мылись, приводитъ сказанную мимоходомъ фразу Герфорда, что Поморцы должны были креститься *lotis albisque indutis vestibus*. Нельзя отрицать, что одѣжды мылись, но нельзя и подтверждать это подобными выражениями Герфорда.

лицъ, тѣмъ болѣе потрудился надъ ними писатель, болѣе внесъ въ нихъ субъективнаго и личнаго, часто для красоты слога; или по требованіямъ ораторскаго искусства. Подъ этой блестящей вѣшниной оболочкой мысли, дѣйствительно высказанныхъ историческими лицами, могутъ затемняться и исказяться. При разборѣ такихъ рѣчей должно тщательно отвлекать всѣ ораторскія украшенія, пустыя, или не подходящія къ положенію говорящаго лица фразы¹⁾, а придавать важность только главному содержанію рѣчи.

Рассмотримъ же содержаніе рѣчи Вратислава. Хотя Гербординъ, очевидно, имѣлъ предъ собою рѣчу Вратислава у Эбона и пользовался ею²⁾, однако большую часть сочиненій имъ рѣчи основалъ не на этой рѣчи, а на разказѣ Эбона объ Испанцѣ Бернгардѣ (Ebo II, 1), проповѣдывавшемъ въ 1122 году, безуспѣшио въ Волынѣ. Возвратясь изъ Поморья, Бернгардъ приписывалъ всю неудачу тому, что явился туда, по слову Евангелия, цицнъ и бѣднъ. Если же, говорилъ онъ Оттону,—проповѣдникъ будетъ блестать богатствомъ и вѣшниной великолѣпіемъ, то Поморяне окотно принять Христову вѣру. Воспользовавшись этимъ разказомъ, Гербординъ заставляетъ Вратислава указать Поморянамъ именно на Оттона, какъ проповѣдника, представляющаго полную противоположность прежнимъ проповѣдникамъ (то-есть, Бернгарду, котораго Гербординъ хотя и не называетъ по имени, но описываетъ событія, бывшія именно съ нимъ).³⁾

Послѣ риторическихъ восклицаній Вратиславъ, у Герборда, сперва сообщаетъ вкратцѣ о первомъ путешествіи Оттона *ante hoc quadriennium*,

¹⁾ Таковы: напримѣръ, въ этой рѣчи выражения: а) Гербординъ заставляетъ Вратислава говорить объ *alta*, ut *sida relatione didicimus avorum et proavorum ejus (Ottonis) linea nativitatis*. Но Оттонъ не славился особенно знатностью происхожденія; по крайней мѣрѣ о родствѣ и происхожденіи его ничего точнаго не было известно п. въ Германіи; тѣмъ менѣе это могъ знать Вратиславъ; б) Вратиславъ говоритъ: *argutum et argentum et quaeasimque hic mundus preceiosa vocat* фраза очень прилична монаху, а никакъ не свѣтскому чиновнику; в) неумѣстенъ также въ устахъ его текстъ п.зъ пророка Осії и намекъ на исторію первыхъ времель христіанской церкви (въ фразѣ: *in primitiva involvit*); такихъ знаній нельзя ожидать отъ Вратислава.

²⁾ Herb. III, 3.

(Ott). *Nobis religiosus, seuis et canicie
tenuerabilis est. Huc etiam opulentus ad-
venit, testrae saluti ministraturus... La-
borem agressus nec proprio corpori nec
sumptibus parcens.*

Ebo III, 6.
Pater hic beatissimus etiam canicie ve-
nerandus pro salute veritra gloria reli-
querit... nec propriis sumptibus nec canis
suis parcens.

когда Оттонъ былъ *in superioribus hujus terrae partibus*¹⁾), и уже тогда хотѣлъ посѣтить эти страны, но вернулся по домашнимъ дѣламъ.

Далѣе словами, хорошо характеризующими постоянную заботу Герфорда о правильной постройкѣ рѣчей и разказовъ, *quod in omni causa fieri solet, quis, quid, quare, quo modo agat, altius contemplemur,* Герфордъ переходитъ къ описанію значенія и богатства Оттона въ Германіи. Объ этомъ Эбонъ говоритъ кратко: *omnem gloriam et magnificientiam reliquerit.*

Сравн. Ebo III, 6.
 6. Et ipse Romani De cuius nobilitate opera testantur et Pro salute vestra imperii princeps et virtutes et alta, ut fida relatione didicimus avorum et proavorum ejus linea magnificantiam, cuncti primates, loco patria eum venerantes, consiliis eius rursum, praesulari fulget officio, et omnem gloriam et magnificientiam, obandire per omnia nativitatis. Porro, si dignitatem quaerimus, quam apud vos estatagunt. Missus est Papae et dilectus Domini nostri Lotharii.

Herb. III, 3.

Herb. III, 3.
 6. Et ipse Romani De cuius nobilitate opera testantur et Pro salute vestra imperii princeps et virtutes et alta, ut fida relatione didicimus avorum et proavorum ejus linea magnificantiam, cuncti primates, loco patria eum venerantes, consiliis eius rursum, praesulari fulget officio, et omnem gloriam et magnificientiam, obandire per omnia nativitatis. Porro, si dignitatem quaerimus, quam apud vos estatagunt. Missus est Papae et dilectus Domini nostri Lotharii.

Cum periculo capitisi sui longin quas sibi que ignotas adiit regiones, nec propriis sumptibus nec canis suis pro Dei amore parcens sed in morte animam suam ponens, ut nos a morte ad vitam revocaret arduum difficultaque nimis hanc peregrinationem subire non dubitavit.

¹⁾ Это выражение принадлежитъ, конечно, Герфорду, а не Вратиславу, и изъ него нельзя делать вывода о формальномъ разделеніи Поморья. Словами: *верхнее* и *нижнее* здесь обозначено положеніе земель по ту и другую сторону Одеря по отношенію къ Германіи.

²⁾ Это подробное описание славы и богатства Оттона имѣетъ цѣлью показать исполненіе словъ Бернгарда: *sed si potens quisquam praedicator, ejus gloriam et divicias reverentur ad eos accesserit, spero illos jugum Christi, sponte subituros* (Ebo II, 1).

Такимъ образомъ Гербордъ дослѣ только распространялъ слова Эбона. Даѣте Гербордъ, также какъ и Эбопъ, переходить къ указанію причинъ, почему собрапіе должно было выслушать Оттона и не постуپить съ нимъ, какъ съ другими проповѣдниками. Щироатно, Эбопъ говоритъ здѣсь о тѣхъ священикахъ, которыхъ онъ оставилъ въ Поморѣ при первомъ путешествії; но словамъ Эбона, они были убиты, а одинъ распятъ¹⁾), Гербордъ же, говоря о прежніхъ проповѣдникахъ, имѣть въ виду Бернгарда. Замѣтимъ при этомъ нѣкоторое неправдоподобіе, заключающееся въ такомъ измѣненіи Герборда: врядъ ли могъ Вратиславъ въ своей рѣчи въ Узноимѣ намекать на Бернгарда. Бернгардъ не былъ въ этой западной части Поморья (онъ былъ только въ Волынѣ), да и о такомъ, въ сущности маловажномъ фактѣ, какъ изгнаніе Волынцами вищаго босопогаго чужеземца, едва ли могли долго помнить даже въ самомъ Волынѣ, тѣмъ менѣе въ Узноимѣ.

Причина, почему съ Оттономъ нельзя поступать, какъ съ другими проповѣдниками, у Эбона показана очень попытка, существенная и убѣдительная для Поморяни. „Онъ посланъ папой, любимъ императоромъ и всѣми князьями. Если съ нимъ будуть дурно обращаться, то императоръ тотчасъ же, прійдя съ войскомъ, совершенно опустошить и уничтожить васъ и вашу землю“. Здѣсь даже намекается, что, для избѣженія этого, нужно не только почтительно относиться къ епископу, но и повиноваться ему, *si quicquam molestie aut controversie ei a vobis irrogari dominus rex audierit*. Гербордъ же, не упоминая, объ этой, такъ-скавать, политической причинѣ, выставляетъ только, что епископа нельзя подозрѣвать въ дурныхъ цѣляхъ, напримѣръ, обманѣ, коварствѣ и корысти. „Оттонъ привѣтъ съ богатствомъ; прежніхъ проповѣдниковъ вы отвергали именно за бѣдность, считая, что истинный Господь не послалъ бы нищихъ проповѣдниковъ; этотъ же виѣшній блескомъ свидѣтельствуетъ о величинѣ своего Бога“.

Все это есть перифразъ разказа Эбона о Бернгардѣ, чтѣ уяснится изъ сопоставленія Герборда и Эбона:

Herb. III, 8.

*Neque enim is est, cui nec omni patibulum
ob circumventionis vel imposturae culpari
intentare convenient, vel alterius generis*

Это намекъ на слова Эбона о проповѣдникахъ, убитыхъ Поморянами (III, 6). Даѣте же говорить о Бернгардѣ.

¹⁾ Другихъ пізвѣстій объ этомъ нѣть, но фактъ очень возможенъ.

injuriæ, quem admodum peragrinis et pauperibus Christi prædicatoribus paulo ante¹⁾ fecisti suspicati dolo è fraude, quaestusque gratia, nudos homines et inopes rerum loqui verbum Dei. Sed illi quidem plagiis et verbib[us] pro veritato subacti, a vestris finibus abscesserunt, vos autem hucusque in infidelitate perstititis. Pudeat jam et poeniteat vos longi erroris et ignorantiae, et qui noluitis audire mendicos evangelistas, audite opulentos. Dixistis namque et subsannando blasphemastis, quia Deus Christianorum omnibus diis vilior esset atque inferior, qui suæ doctrinae ministros habere non posset nisi tantum homines imperitos et rusticos mendicitati egestatique addictos. Et vos quidem in insania vestra haec dixistis, ille vero pins et misericors et præstabilis supermalitia quasi moram gerens insipientiae vestrae, de imperitia vel rusticitate, de inopia vel mendicitate legati, omnem vobis detrahendi abstulit occasionem.

Ebo II, 1.
Жрецы говорятъ Бернгарду:
Tu... pro sola tua mendicitatis
inopia relevanda huc migrasti.
Bernhardus... despecto habitu
et nudis pedibus ingreditur...
Pagani irraunt super Bernhar-
dum crudeliterque cesum semi-
necem reliquerunt... Bernhardus
excusso in eos pulvere pedum
ad ducem Poloni ac revertitur...
Summus Deus nunquam tam
abjectum nobis legatum dirigeret;
sed si revero conversionem nos-
trami desiderat, per idoneum et
dignum sua potestatis ministrum
nos visitabit.

Бернгардъ говоритъ: Sed si potens quisquam prædicator,
cujus gloriam et divicu[m] reverentur
ad hos accesserit, spero illos
jugum Christi spontaneæ subi-
turos.

Въ заключение Гербординъ, считая, что вышесказанное было уже довольно убѣдительно для старѣшинь, и забывъ, что изъ предыдущаго выходить только, что слѣдуетъ выслушать Оттона и хорошо обойтись съ нимъ, а не послѣдовать его проповѣди, вдругъ заставляетъ Вратислава склоновать старѣшинамъ какъ можно скорѣе принять христианство, чтобы ихъ въ этомъ не превзошелъ народъ—
justius atque decentius autem, ut a capite hoc in membra quam ut a membris derivetur in caput, ибо мы primi et majores dicimur et sumus. „Въ первоначальной церкви, какъ мы слышали²⁾, христианство, a plebe incipiens, ad mediocres progressa, etiam maximos hujus mundi principes involuit; reddamus vicem ecclesiae primitivae, ut a nobis incipiens—totum populum et gentem sanctificatio divinae religionis illustret“.

¹⁾ Paulo ante—совершенно понятно у Эбона, говорившаго о проповѣдникахъ, убитыхъ незадолго до втораго путешествія Оттона; но очень мало подходитъ къ Бернгарду, проповѣдывавшему въ 1121 году.

²⁾ У Эбона здѣсь та же фраза, только болѣе приличная въ устахъ Вратислава: «Я слышала изъ устъ Оттона, non vult Deus coacta servicia, sed voluntaria.

У Эбона же Вратиславъ, хотя и привелъ болѣе вѣсіе доводы къ тому, чтобы послушать Оттона и принять христіанство, по предлагаєтъ собранію поговорить обѣ этомъ тайно, наединѣ. Потому ли Вратиславъ не потребовалъ немедленного решенія и не оказывалъ своего давленія на старѣшинъ, что слышалъ отъ епископа—*non vult Deus соаста servicia sed voluntaria;* или по другимъ причинамъ,¹ но совершенно понятно, что принятие христіанства не могло быть решено сразу, а требовало обсужденія, и можетъ быть, бурного: ибо, какъ дальше видно у Эбона, жрецы сильно возвставали противъ Оттона; за ними стояла, конечно, языческая партия.

Итакъ, рѣчъ Вратислава у Герборда не только не самостоятельна и не имѣетъ никакого историческаго значенія, но въ своемъ заключеніи представляетъ и пряное противорѣчіе дѣйствительному смыслу словъ Вратислава, на сколько они переданы Эбономъ, у котораго они вполнѣ соответствуютъ обстоятельствамъ дѣла. Что это искаженіе—не случайное, вызванное желаніемъ Герборда удалиться отъ Эбона, а напротивъ, преднамѣренное, исходящее изъ опредѣленной мысли Герборда, это показываютъ дальнѣйшія измѣненія въ разказѣ Эбона сдѣланныи Гербордомъ въ томъ же направлении.

Гербордъ, послѣ этой рѣчи, ничего не говорить о долгомъ и бурномъ совѣтованіи старѣшинъ, которое есть у Эбона, и на которомъ, болѣе всего, противились жрецы, и паконецъ, только здравомыслійная часть собранія одержала верхъ и решено было принять христіанство. По Герборду, съ помошью Духа Святаго, рѣчъ князя глубоко подѣствовала на сердца старѣшинъ, и всѣ единодушно обѣщались сдѣлать все, чтд прикажетъ епископъ.

Такое стремление Герборда—сглаживать и опускать извѣстія о сопротивленіи язычниковъ, а напротивъ выставлять быстроту и искренность ихъ обращенія; а также иногда изображать Поморянъ склонными къ христіанству еще раньше проповѣди Оттона, а противодѣйствіе проповѣди приписывать наущенію корыстныхъ жрецовъ и ликости грубой черни, это стремленіе, какъ увидимъ далѣе, съ чрезвычайной послѣдовательностью выступаетъ въ разказахъ Герборда. Почему и для чего такъ поступалъ Гербордъ—трудно опредѣлить съ точностью. Можетъ быть, это происходило отъ того, что Герборду, лично не знающему язычниковъ-Славянъ и ихъ отношений къ Нѣмцамъ, представлялось страннымъ ихъ упорное сопротивленіе и привязанность къ своей вѣрѣ; онъ всегда приписывалъ это или невѣдѣнію христіанства, или недовѣрію къ проповѣдникамъ и старался пред-

ставить все въ болѣе смягченномъ видѣ. Но болѣе вѣроятно, что этимъ Гербордъ жалалъ искѣ выставить благодать Божію, почивающую, какъ въ этомъ были угбрены монахи, сожители Герборда, на святомъ Оттонѣ, а также изобразить сильное влияніе Оттона и его проповѣди на всѣхъ окружающихъ его.

Когда собраніе объявило о своемъ рѣшеніи, Оттонъ, по Герборду, воспользовавшись тѣмъ, что былъ праздникъ Св. Духа, началъ говорить съ ними о Его сопственіи, обѣ отпущеніи грѣховъ, о различныхъ дарахъ благодати, о благости, и милости Божіей. У Эбона же епископъ сталъ на колѣни и со слезами возблагодарилъ Бога. Это отличіе разкзва Герборда отъ Эбона хотя очень возможно, но совершенно неважно, и конечно, не основывается на показаніи Зефрида, а есть произвольный вымыселъ Герборда.

Въ концѣ главы Гербордъ сообщаетъ фактъ, не находящійся у Эбона, но добавленный имъ, вѣроятно, на основаніи словъ Прифлингскаго анонима, 111, 4: *maxime cum et plerosque eorum per internuntios iam autea convertisset ad fidem*¹⁾. Нѣкоторыхъ, уже ранѣе крещенныхъ, но опять запятнавшихъ себя язычествомъ и теперь тронутыхъ его рѣчью, епископъ присоединилъ къ церкви чрезъ возложеніе рукъ. Остальные наперерывъ приходили къ епископу, получали отъ него наставленіе въ вѣрѣ и были крещаемы, такъ, что цѣлая недѣля¹⁾ была посвящена на это, и казалось, что самъ Духъ Св. присутствуетъ. Собраніе было распущенено только тогда, когда всѣ старѣшины и прибывшіе съ ними были крещены²⁾. Изображеніе общей готовности къ крещенію есть какъ бы дополненіе и продолженіе предыдущаго вымысла его о быстромъ рѣшеніи собранія и въ такой же степени не заслуживаетъ довѣрія.

Гл. 4. (Ebo 111, 8). Хитрость жреца въ Волегощѣ.

Не упомянувъ раньше о сопротивлении жрецовъ на сеймѣ, Гербордъ говоритъ теперь о волненіяхъ, произведенныхъ ими по всей области и приводить, какъ одинъ изъ многихъ, случай въ Волегощѣ, когда подверглись опасности прибывшіе туда Уdalrikъ и Альбинъ. Уже въ порядкѣ разкза у Герборда видна искусственная обдѣлка. Эбонъ держится того порядка, въ которомъ могъ ему разказывать Уdalrikъ—сперва о нападеніи на него, а потомъ о причинѣ нападенія, чтѣ

¹⁾ Срокъ пребыванія Гербордъ могъ опредѣлить на угадъ. Съ числами онъ вообще обращается свободно, какъ это видно будетъ изъ его опредѣленій времени въ 1-мъ путешествіи.

Уdal'riкъ узналъ послѣ; у Герборда же порядокъ хронологіческій: сперва онъ сообщаетъ о причинѣ нападенія—коzинхъ жреца, а по-томъ уже о нападеніи. Въ содерjанії разказа Герборда нѣть ничего по-ваго противъ Эбона, но по изложенню, эта глава есть одно изъ лучшихъ мѣстъ его діалога. Извѣстно, что въ разказѣ Эбона Гербордъ создаетъ оживленную, ясную картину. Какъ онъ дости-гаетъ этого здѣсь—очень ясно: онъ добавляетъ мелкіе, возможныя черты, даже происшествія¹⁾, описываетъ душевныя движенія дѣй-ствующихъ лицъ и ихъ ппѣшее обнаруженіе.

Herb. III, 4.

*Porro fama facti repente in univer-
sam provinciam vulgatur, villas et vi-
cos in studio diversa consindens—aliis
dicentibus quae «bene est» aliis autem
dicentibus, quia non sed magis seductio
magnates apprehendit.*

Хотя у Эбона здѣсь этого нѣть, но такое раздѣленіе мнѣній вѣсма вѣроятно и могло быть произвольно добавлено Гербордомъ; для описанія его, Гербордъ, какъ мы видѣли, воспользовался здѣсь евангельскимъ разказомъ о такомъ же колебаніи умовъ народа отно-сительно Іисуса Христа.

Herb. III, 4.

*Ipsi vero sacerdotes idolorum, non
timis causa hujus concessionis erant
oppositi eis, quibus displicebat, quod
factum fuerat, sua nimurum lucra ces-
saturn, iri non ignorantis, si cultura
daemonum illic aboleretur, unde mo-
dis omnibus rem praepedire moliti va-
ria calliditatis evane argumenta visio-
nibus, sompnis, prodigiis et variis ter-
roribus confixerant.*

У Эбона то же самое; но Гербордъ произвольно обобщилъ этотъ единичный случай, говоря, что жрецы и единомышленники ихъ какъ бы составили себѣ опредѣленный планъ дѣйствія, и во многихъ мѣ-стахъ, подобнымъ же образомъ, возбуждали народъ.

Сдѣлавъ это общее замѣчаніе, Гербордъ разказываетъ о хитрости жреца:

Evangel. Ioan. VII, 43.

*Itaque propter eam extitit in vulgo
ditridium... ib. 12 Multisque de eo
fremitus erat vulgo, partim Eum bo-
num esse dicentibus, partim negantibus,
sed vulgus hominum abeo decipi.*

Ebo III, 8.

*Causa autem hujus inquisitionis
et tumultus sacerdos quidam idolorum
fuit.*

III, 6.

*praecipue sacerdotibus idolorum,
questus sui gratia contradicentibus.
Sacerdos ad callida argumenta con-
versus.*

¹⁾ Тутъ—поведеніе жреца, когда народъ увидѣлъ о явленіи бога.

Herb. III, 4.

Quin etiam in Hologosta civitate, quo tunc proxime adventurus nuncupatur episcopus, sacerdos, qui illic idolo ministrabat, nocturno tempore vicinorum silvam ingressus, et in loco ediciori secus viam inter condensa fructum sacerdotalibus induitus astabat, et mane summo quendam rusticum, de rure ad forum grediontem, his alloquitur.

Самое важное произвольное изменение у Герборда состоит в томъ, что жрецъ одѣвается не въ chlamis et exuviae fani cuiusdam, а въ жреческія одежды, хотя сорбазиѣ съ намѣренiemъ жреца было надѣть или одежду бога, или похожую на нее, а никакъ не жреческую, которую поселянинъ могъ узнать; у Эбона сказано: *vestibus ydoli*.

Другія произвольныя измѣненія Гербордъ сдѣлалъ для того, чтобы придать разказу большую живость и подробность. Жрецъ именно былъ тотъ, который *illic idolo ministrabat*; жрецъ стоялъ *in ediciori loco*, *secus viam*, *inter condensa fructum*; крестянинъ *шелъ de rure ad forum*. Такова же и дальнѣйшая прибавка: *respiciens in eam partem, unde vocem audierat, inter virgulta, personam candidis induitam videre cepit*.

Herb. III, 4.

Hens tu, inquit, bone homol At ille, respiciens in eam partem, unde vocem audierat, inter virgulta, personam candidis induitam quamvis dubia luce videre cepit et timero.

Слова Эбона: *deum suum principalem sibi apparuisse* послужили Герборду основаниемъ для составленія слѣдующей рѣчи бога, гдѣ выражается мысль: *omnia a quaesitique usibus hominum serviant, in mea sunt potestate*. Уже и слова Эбона: *deum apparuisse principalem* нельзя принимать за вѣрный фактъ, то-есть, что поселянинъ принялъ жреца именно за главнаго бога, тѣмъ менѣе можно считать, какъ думалъ Гальфердингъ (IV, 168), что, судя по тѣмъ дарамъ природы, которыми, какъ сказано у Герборда, управляетъ этотъ богъ (то-есть, по тѣмъ фразамъ, которые Гербордъ влагаетъ въ уста жреца, и которые, конечно, выражаютъ только личный взглядъ Герборда на то значение и власть, которыхъ приписывали своимъ богамъ язычники).

Ebo III, 8.

Causa hujus inquisitionis et tumultus sacerdos quidam idolorum fuit. Qui, audita nove praedicationis opinione, ad callida argumenta conversus, cuiusdam fani chlamide et reliquiis *indutus exuvias*, urbem clam egreditus *vicinamque petens silvam* pretereauntem, *quendam rusticum* in solito occursu perterrituit.

Ebo III, 8.

Qui, videns eum, vestibus ydoli amictum, deum suum principalem sibi appardisse, per stupore exanimis in faciem corruit, eumque talia dicentem audivit.

поселения признать явившагося, вероятно, за Святовита. Въдь никто изъ спутниковъ Оттона не слышалъ этихъ словъ жреца.

Herb. III, 4.

Sta. inquit et accipe, quae dico. Ego sum deus tuus, qui vestio et graminibus campos et frondibus nemora; fructus agrorum et lignorum, foetus pecorum et omnia, quaecumque usibus hominum servint, in mea sunt potestate. Haec dare soleo cultoribus meis et his, qui me contempnunt austerre. Dic ergo eis, qui sunt in civitate Hologostensi, ne suscipiant deum alienum, qui eis prodeesse non potest; mone, ut alterius religionis nuncios, quos ad eos venturos praedico, vivere non patientar.

Ebo III, 8.

Ego sum deus tuus, quem colis.

Ne paveas, sed surge quantocius, urbemque ingrediens, legationem meas magistratibus omnique populo insinua, ut si discipuli seductoris illius, qui cum duce Wortizlao apud Uznoim moratur, illic apparuerint, sine dilatione morti acerbissime tradentur. Alioquin civitas cum habitatoribus suis peribit.

Кромъ указанной рѣчи жреца, остальное у Герборда склонно съ Эбономъ.

Herb. III, 4.

Haec ubi attonito ruricolae daemon visibilis edixerat, ad densiora nemora se contulit impostor Rusticus vero, quasi de oraculo stupidus, corrueps pronus, adoravit in terra. Dein abiens in civitatem, coepit *annunciatu* visionem.

Ebo III, 8.

Rusticus pre stupore exanimis in faciem corrueit..

Quod cum rusticus... civibus dessociasset..

Послѣ этого, по Эбону cives unanimiter adunati mandatum dei sui peragere conabantur. Гербордъ, вместо простаго заявленія факта, выдумываетъ цѣлый разказъ о томъ, какъ было принято въ городѣ это приказаніе бога и какъ хитро поступалъ жрецъ¹⁾: „Когда крестьянины возвѣстили приказаніе бога, ему поклонили, и толпы народа, все прибывающія, заставляли его снова разказывать; напослѣдокъ, какъ будто ничего не зная, пришелъ жрецъ. Сперва онъ сталъ обвинять крестьянина во лжи; потому, вслушиваясь, велиль еще разъ, безъ выдумокъ, разказать все, съ нимъ бывшее; тотъ, простирая

¹⁾ Этотъ разказъ, очевидно, собственнаго произведенія Герборда, а не переданъ ему Зевридомъ: впервыхъ, потому, что никто изъ спутниковъ Оттона не могъ быть свидѣтелемъ описываемаго здѣсь происшествія; во вторыхъ, потому, что въ разказѣ нетъ никакихъ чертъ, характеризующихъ время и место, и втретыхъ, потому, что онъ совершенно не важенъ.

руки и подымая очи къ небу, съ клитвою повторилъ, говоря, что готовъ показать и мѣсто, гдѣ явился богъ. Тогда жрецъ притворился увѣровавшимъ, и обратясь къ народу, потребовалъ, чтобы онъ, во избѣжаніе наказанія отъ богоры, убилъ проповѣдниковъ Христа. Тогда всѣ рѣшили, что, если Оттонъ, или кто-нибудь изъ его спутниковъ, явится къ нему

sine тога occideretur (Herb. III, 4). *sine retractatione occidamini* (Ebo III, 7).

Гл. 5 (Ебо III, 7). Удалърикъ и Альбинъ въ Волегощѣ.

„Когда все было окончено въ Узноимѣ, кназь, послѣ совѣщанія о дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ, сказалъ Оттону, что теперь, когда уже всѣ *majores natu ac principes* приняли христіанскую вѣру, онъ можетъ свободно идти, куда хочетъ; никогда въ странѣ не будетъ ему сопротивленія“. Этихъ словъ кназя у Эбона пять, и Гербертъ произвольно вставилъ ихъ, для объясненія, почему Оттонъ рѣшился послать своихъ спутниковъ передъ собою—*qua securitate fretus binos et binos de discipulis suis praemittebat*.

Объ опасности, угрожавшей Удалърику и Альбину, Гербертъ говоритъ гораздо короче, чѣмъ Эбонъ, и нового ничего не прибавляетъ:

Herb. III, 5.

Antistes, quasi exemplo

Domini Iesu Christi binos binos et binos e presbiteris sibi adhae-
et binos de discipulis suis rentibus ante faciem suam praemisit ut
praemittebat ante faciem populo conversionem principum suum-
suam in omnem civitatem que adventum denuntiarent.
et locum, quo erat ipse ren-
turus. Contigit ergo Udal-
ricum et Albwinum, duos

Ebo III, 7.

Луки X, 1.

binos ante se
omnes urbes
et loca quo
ipse venturus
erat.

Quorum duo, id est Udalricus... et
Albwinus, interpres viri Dei, opulen-
tissimam civitatem Hologost dictam
adierunt. Ubi a matre familias, uxore
scilicet prefecti honorifice suscepti
hospicio suscepti atque sa-
tis humane tractati sunt.
Nam haec, quamvis pa-
gana multum hospitalitati
adeo ut esset eis admi-
rati.

У Герберта выпущено описание угощевія священниковъ. Тамъ только *Post refactionem* dom finita *refactione dominus Albwi-*

vero Albwinus, *Sclaviceae* nus, matrem familiæ *secrecias* allo-
linguas gnarus, matronæ, quens, indicavit ei causam *adventus*
adhuc ignorantis rati omni, et qualiter ad colloquium Uznoim
nem *secreto* aperit, scilicet habitum, euncti principes, abdicatis
quinam essent et quare ydolatriæ sordibus, Christi gratiam
adrenissent.

At illa vehementer atto-
nita «Mo miseram, inquit,
o domini mei, quare ad me
intrasti? De vobis enim
jam apud magistratus data
sententia est, et de me
quoque, si vos non prodi-
dero».

Hec illa audiens adeo expavit ut
terro procumbens, diu semianimis re-
mauerit. Quam aqua refecillatam domi-
nus Albinus requirere cepti, cur Dei
gratiam adeo exhorruisset.

Гербордъ, можетъ быть, считалъ извѣстіе объ обморокѣ женщины
неправдолюбивымъ, и потому измѣнилъ показаніе очевидца Удаль-
рика, заставляя ее только удивляться—уличающаго аттонита. Конецъ
главы у Гербorda короче, чымъ у Эбона:

Herb. III, 5.

Matrona illa, divinitus, ut puto, com-
monita, in *superiori* quodam coenaculo
eos *abscondit*, et quasi Raab Iericou-

tina, ne proderentur, efficit. Equita-
turas etenim illorum et sarcinas et
quaesunque habere poterant, illa per-
proceros suos, subito extra civitatem dedi-
ci et in praedio suo collocari fecit.
Quibus deductis, ecce gladiatores et
turba populi cum telis et fustibns, tecta
matronae *irrumpunt*, cum tumultu et
clamore valido, illos ignotos homines
sibi exhiberi jubentes. At illa... «Fator,
inquit «homines ignoti ac peregrini,
ut saepe solent, ad me declinaverunt;
sed accepto prandio, mox in viam suam
abierunt».

At illi *scrutantes omnia* cum nec
jumenta, nec vestes, nec ulla signa iti-
nerantium invenissent, furere desierunt,

Porro illis per triduum *ibi latistan-*
tibus ... episcopus cum duce ab Uzno-
imia profectus, multa manu militum
et sociorum Hologostam intravit.

Ebo III, 7.

«Ascendite ergo in *superiora* domus
mei, ibique latitato... Servi Dei, in
solario matrone illius, volut alterius
Raab, *absconditi*, latuerunt...

«Et ego ministros moos cum exuvias
vestris atque caballis ad remcciores
villas meas dirigam».

Post modicum plebs
furlbunda
irrumpit...

peregrinos illos ingressos violenter ad
mortem expetebant. Quibus mater fa-
milias: «Fator», ait, «domum meam
ingressi sunt, et sufficienter refecti
velocius abierunt... omnisque
scrutantes (ad mortem expetebant)...

ascondite in superiora domus mee ibi-
quo latitate...
sequenti die plus Otto episcopus, cum
duce superveniens, eos e latibulis pro-
duxit.

Въѣсто sequenti die Гербордъ поставилъ рѣг triduum, можетъ быть, для приданія разказу большаго интереса: цѣлые три дни они скрывались, опасаясь за свою жизнь. Это измѣненіе ни на чѣмъ не основано, и крепко, Уdalърикъ, самъ испытавшій это, передалъ вѣрѣ. Извѣстіе Герборда, что князь пришелъ не одинъ, а съ отрядомъ войска, хотя не указано Эбономъ, но подразумѣвается само собою.

Гл. 6 (Ebo III, 8). Нападеніе язычниковъ въ Волегощѣ.

Въ тотъ же день нѣкоторые изъ спутниковъ Оттона подверглись нападенію язычниковъ. Разказъ обѣ этомъ Эбона Гербордъ опять распространилъ и добавилъ произвольными подробностями: „Войда въ городъ“, говорить Гербордъ,— „епископъ началъ проповѣдывать Евангелие; въ это время нѣкоторые изъ клириковъ начали сидѣть надъ испугомъ Уdalърика и Альбина, и какъ бы желая подразнить ихъ, стали держать себя слишкомъ беспечно, и удалившись отъ своихъ,шли осмотрѣть храмы языческіе“. Эбонъ о насмѣшкахъ клириковъ ничего не говоритъ: по его словамъ, клирики ушли осматривать храмы просто изъ любопытства. Но Гербордъ не ограничивается этимъ: „Когда Дитрихъ“, говорить онъ далѣе,— „только по своей находчивости спасшійся отъ вѣрной смерти, вернулся къ епископу, то всѣ, и особенно князь и епископъ, всю ночь вели шутливыя рѣчи (jocunda erat narratio) по поводу страха, который испыталъ Дитрихъ и, ранѣе его, Уdalърикъ и Альбинъ“. Этотъ вымыселъ Герборда не удаченъ и мало правдоподобенъ. Едва ли епископъ и его спутники могли отнести со смѣхомъ къ такой серьезной опасности, особенно, когда вооруженное нападеніе этого дна показало, что даже присутствіе князя не вполнѣ ограждаетъ отъ столкновеній съ язычниками.

Разказъ Герборда о самомъ нападеніи язычниковъ на Дитриха мало чѣмъ отличается отъ Эбонова:

Ebo. III, 6.

Quidam de sociis nostris... securius sese habere coeperunt et, longius a suis digressi, fana etiam idolorum... speculatum vagabantur. Verum quidam maligni homines, apud quos radix paganismi adhuc valentius vigebat: «En, inquiunt isti explorant quomodo templa nostra incendant».

Ebo. III, 8.

Advesperascente die, quidam ex comitibus domini episcopi, fanum in eadem urbe sitam considerare volentes minus cautè pergebant.

Quod cernentes, aliqui de civibus, suspiciati sunt, fanum ipsum igni eos tradere velle.

Здѣсь Гербордъ прибавляетъ только, поясное само собою, объясненіе:

неніе, кто именно напасть на клириковъ—*quidam maligni homines — vigebat.*

Herb. III, 6.

Et congregantes se in platon, etiam arma portare ac fustes cooperunt, et qua transituri videbamus, nobis obviam stare.

Udalricus autem, intuens illos eminus et subsistens: «Non advertitis, inquit, hos non sine causa convenire? nam et turbulenter se habent et arma portant omnes», et prioris periculi recondens. Nolo «inquit» totiens temptare Deum meum.

Et conversus illo, ubi episcopum dimiserat, redire coepit, aliis omnibus eum sequentibus, praeter clericum quendam, nomine Thodoricum, qui, longius ante illos progressus, *jam* *fores delucrī* tenebat. Videntes autem pagani qui convenerant, illos a coepita via reversos, persecuti eos quidem non audiebant, sed ad illum clericum interficiendum omnes occurserunt. Quo viso, ille aliud, quo *declinaret*, non habens *fanum* *tronum* *andacter*, quamvis exterritus, intravit.

Итакъ, здѣсь Гербордъ, шагъ за шагомъ, передаетъ мысли Эбона, распространяя ихъ возможными подробностями и не прибавляя ничего самостоятельнаго. Такую же амплификацію мы должны видѣть и въ описаніи щита бора Яровита, висѣвшаго въ храмѣ, и не можемъ считать, чтобы Гербордъ передавалъ здѣсь слова Зефрида, видѣвшаго щитъ; тогда Гербордъ не ограничился бы фразами, отрывочно вставляемыми въ заимствованное изъ Эбона описание щита, а далъ бы описание болѣе подробное и не заключающее въ себѣ слѣды заимствованія.

Herb. III, 6.

Erat autem illic clipeus pendens in pariete, mirae magnitudinis, operoso artificio, aurii laminis obtectus, quem contingere nulli mortalium licet, eo, quod esset illis, nescio, quid in hoc sacrosanctum ac paganae religionis auspicium, in tantum, ut nunquam, nisi belli solummodo tempore, a loco suo moveri deberet. Nam, ut postea comperimus, deo suo Gerocrito, qui lingua latina Mars dicitur, erat consecratus, et in omni proelio victores sese hoc praevio confidebant.

Описывая щитъ, Гербордъ прибавилъ общее обозначеніе *miraе mag-*
части *сокхлн,* *отд.* 2.

Ebo. III, 8.

et congregati horrisono armorum strepitu eis occurrere gestiebant.

Tum religiosus presbyter Udalricus, ad socios conversus, ait: «Non sine causa congregantur isti, sed sciatis, eos revera ad interitum nostrum festinaro».

Quo auditio, socii retrogradum iter secuti, fuga presidie petunt. Clericus autem, Dietricus nomine, qui *jam*, praecedens eos, portis *delubri* ipsius appropinquaverat, nesciens quo diverteret audacter factum ipsum irrupit.

Ebo. III, 8.

Et videns aureum clipeum, parieti affixum... quem contingere apud eos illicitum erat...

videns clipeum Gerovito qui deus miliciae eorum fuit consecratum.

nitudinis, operoso artificio, и вмѣсто „золотой“, какъ у Эбона, выражался: „обитый золотыми пластинками“. Гербордъ желалъ здѣсь выразиться точнѣе, чѣмъ Эбонъ, который назвалъ щитъ золотымъ, и вѣроятно, не задавался мыслью, весь ли онъ былъ золотой или не весь. Гербордъ же сообразилъ, что Славяне не могли быть такъ богаты золотомъ, чтобы имѣть въ своихъ храмахъ, да еще во второстепенныхъ городахъ, щиты боговъ всѣ изъ золота и къ тому же — *miraes magnitudinis*¹⁾). Поэтому, чтобы не дать повода понять буквально слово „золотой“, Гербордъ пояснилъ это на основаніи своихъ соображеній, вставивъ догадку, что щитъ былъ только обить золотыми пластинками.

Передавъ, по Эбону, что щитъ принадлежалъ Яровиту, богу войны, и что его нельзя было трогать никому, Гербордъ выводить изъ этого, что его можно было выносить только во время войны, и Славяне, имѣя его съ собою, считали себя непобѣдимыми.

Производность добавленій Герборда о щитѣ тѣмъ несомнѣнѣе, что главная часть этой главы заимствована изъ Эбона (а въ некоторыхъ мѣстахъ буквально склонна съ его разказомъ).

Отмѣтишь еще одну вводную фразу Герборда, которая легко можетъ ввести въ заблужденіе, какъ бы показывая ясно, что это все разказъ очевидца: „Подробности о щитѣ Яровита — postea cōspicimus“. Это было ясно и безъ его фразы. Конечно, не во время нападенія враговъ клирики могли разузнавать, кому принадлежитъ щитъ и какое значеніе онъ имѣть; объ этомъ узнали послѣ; своею же фразой Гербордъ желаетъ показать, будто разказчикъ такъ хорошо помнитъ о событии, что даже не забылъ, когда именно клирики узнали о щитѣ.

Herb. III, 6.

Clericus autem, vir acris ingenii, dum metu mortis in templo huc illucque disfugoret, telum aliquod vel latibulum quaeritans, clipeum corripuit et a mento collo injecto, laeva quo loris inserta, in medium turbae furentis e janua prosiliit.

Rustici vero prodigiale armaturam videntes, partim in fugam couversi, partim etiam quasi inanimos facti, in terram cadunt; ille autem, projecto clipeo, versus hospicium, ad socios currere coepit et pedibus timor addidit alas.

Ebo. III, 8.

Dietricus... *attempo eo-*
deum *clipeo*, obviam eis
processit. Illi autem, ut
viri stulte *rusticulatis*, sus-
picati deum suum Gerovitum
sibi occurrere, ob
stupefacti abierant retror-
sum et *ecciderunt in ter-*
ram. Dietricus autem, vi-
dens amentiam eorum,
projecto clipeo aufugit.

¹⁾ Такую величину Гербордъ могъ придать щиту, видя у Эбона (III, 10) simulacra *miraes magnitudinis*.

Здѣсь ліпшъ распространѣнъ разказъ Эбона: „Послѣ этого случая епископъ совѣтовалъ своимъ спутникамъ вести себѣ осторожно, по причинѣ засадъ скрытаго врага“. Это вытекаетъ само собою изъ предыдущаго.

Herb. III, 6.

Tam diu ergo mansit in loco illo disputans et suadens de regno Dei, quo usque omnis populus, fidei sacramenta suscipiens, fana sua destrueret et ecclesiae sanctuarium cum altari praepararet. Quod episcopus consecravit, Ioannem presbyterum eis ordinavit et, ut reliquam basilicar fabricam post suum discessum promoveret, ammunit.

Здѣсь тоже Гербордъ не даетъ ничего нового; хотя у Эбона прамо и не сказано о построеніи и разрушеніи языческихъ храмовъ, но первое подразумѣвается, когда говорится о назначеніи священника¹⁾; прежде же построенія церкви нужно разрушить языческие храмы. Что при Оттонѣ освящены только *sanctuarium cum altari*, а остальное до- кончено послѣ него, попытио само собою, и Гербордъ повторяетъ это каждый разъ при разказѣ о построеніи церквей (например въ первомъ путешествіи: II, 17; 22; 37; 39). Срокъ пребыванія въ Волегощѣ Гербордъ опустилъ.

Гл. 7 (Ebo. III, 9). Пребываніе Оттона въ Гостыковѣ и разрушеніе храмовъ.

Herb. III, 7.

In hac si quidem civitate mirac magnitudinis et pulchritudinis templum fuit, sed episcopus, cum de fide christiana religionis eos per interpretem alloqueretur—nam dux ad sua negotia jam ab eo discesserat — illi ad omnia se paratos asserebant, si modo faenum eorum intactum remanere potuisset; magnis enim sumptibus nuper extractum fuerat, multumque in illo gloriabantur, eo quod videretur magnum totius civitatis esse ornementum.

Temptabant enim, occulte immittentes quosdam pontificis animum lenire munericibus pro nodis conservatione, tandem rogantes, ut vel in basilicam ordinaretur.

Ebo. III, 9.

Apostolus itaque Pomeranorum, totam instantem hebdomadam, in eadem civitate, verbum fidei disseminans, baptismi gratias tradens, Iohannem religiosum presbyterum eis praefecit.

Ebo. III, 9.

Episcopus urbem Chozegowiam expetiit, in qua magni decoris et miri artificii fana erant.

que cives ejusdem loci trecentis extraxerant talentis... pro ornatu loci reservaret.

Sed et beato patri nostro maximum pecunias quantitatem offerebant, ne ea deleret, sed pro ornatu loci integra et inconvulsa reservaret.

¹⁾ У Пражскаго авоцца (III, 4) сказано: «Въ Дыминѣ, Волегощѣ, Гостыковѣ и Узююмѣ in civitatibus, singulis, singulas fabricavit eccliosias».

Здѣсь Гербортъ только распространилъ разказъ Эбона; измѣненія очень маловажны: а) вмѣсто чѣсколькоихъ храмовъ—*faua*, стоявшихъ, по Эбону, 300 талантовъ, Гербортъ говорить объ одномъ храмѣ *magis sumptibus parer extrectum*; парер можетъ быть добавлено, чтобы болѣе выставить привязанность жителей къ храму; онъ построенъ недавно, съ большими издержками, и вдругъ его нужно разрушить; б) что епископъ говорилъ透过 переводчика, это Гербортъ зналъ изъ многихъ указаний Эбона и Прифлинского анонима; в) обь удаленіи Вратислава къ своимъ дѣламъ и о неприсутствіи его въ Гостыковѣ Гербортъ могъ заключить изъ того, что у Эбона не упоминается о немъ до возвращенія въ Узноимъ (гл. 13), такъ что, когда старѣшина земли, услышавъ о нападеніи Волеслава, пришли просить помощи епископа, между ними не названъ Вратиславъ; г) у Эбона сказано только, что жители просили оставить храмъ и предлагали Эбону деньги; по Герборду же, они просили, если нельзѧ оставить храмъ, по крайней мѣрѣ обратить его въ церковь, за что предлагали ему тайно дары. Это очень возможное объясненіе словъ Эбона: жителямъ естественно было желать, если нельзѧ сохранить храмъ, то обратить его въ церковь. Кромѣ того, Гербортъ, видя по Эбону, что жители хотятъ подкупить Оттона и отвратить его отъ разрушенія храма, легко могъ сказать, что они предлагали дары тайно — прибавить черту, которая обыкновенно присутствуетъ подкупу.

Далѣе Гербортъ сочиняетъ рѣчь, которую Оттонъ отвѣтилъ на предложеніе жителей, въ видѣ притчи: „Не должно быть общенія Христа съ Веліаломъ, церкви съ языческимъ капищемъ, не прилично сѣять сѣмѧ Божіе на иллюстрахъ язычества“. По Эбону же, это гораздо правдоподобнѣе, епископъ указываетъ практическія неудобства сохраненія храма: „Храмъ языческій можетъ сдѣлаться поводомъ къ отступленію отъ христіанства“ (такъ было въ Волынѣ: скрытые идолы боговъ, при удобномъ случаѣ, были вынесены на видъ, и это возбудило народъ къ язычеству. Ебо. III, 1).

Herb. III, 7.

Ебо. III, 9.

2 Кор. VI, 15.

Sed episcopus, constanter agens, Quod vir domini per- Quae Chri-
indignum esse dicebat, acdem sub ti- nitus abdicavit, seque na- sto cum Be-
tulo daemonis aedificatam, immundo- lo iacto sacrilegas aedes liale concor-
que ritu profanatam, divinis usibus reservare affirmabat, di- dia, quae Dei
mancipari «Nam quae consentia Christi cens: post discessum suum templo cum

ad Belial, aut quae communicatio templo Dei cum templo idolorum». Dicebat autem illis et similitudinem: «Num quid seminatis frumenta vestra super dumos aut spinas? Non juto. Sicut ergo de agris vestris spinas prius eradicatis ac tribulos, ut jactis bonis scabinibus, optatas segetes forro queant, ita ut hanc radicem idolatrias spinamque perditionis de medio vestrum funditus extirpari oportet, ut de bono evangelii semine corda vestra fructifcent in vitam aeternam».

Въ концѣ главы Гербордъ говоритьъ, что жители, въ теченіе нѣсколькихъ дней, были до такой степени убѣждены такими и подобными рѣчами, что сами разрушили храмъ и сокрушили идолы. Объ этомъ разрушеніи Эбонъ въ гл. 10—11 разказываетъ со многими подробностями, напримѣръ, о сопротивлении жрецовъ, о скорбя язычниковъ при сожженіи идоловъ и т. п. Гербордъ это выпустилъ, а отъ себя, вѣроятно, для указания трудностей дѣла, прибавилъ, что епископъ нѣсколько дней убѣжалъ разрушить храмъ и успѣть, наконецъ, до такой степени, что Поморяне сами стали разрушать храмы. Все это совершенно произвольная прибавка.

Гл. 8 (Ebo III, 10). Прибытие пословъ отъ Маркграфа Альберта Лужицкаго и изъ имѣній епископа.

Начало главы почти буквально взято изъ Эбона.

Herb. III, 8.

Dum ea gerebantur (то-есть разрушение храма) legati Marchionis Adalberti de Saxonia suppetenre, opera et statum Episcopi studiose inquirentes.

Ebo III, 10.

Eo igitur tempore, quo fana hacce mirandi operis in urbe Chozegowia destruebat, legati honorabilis marchionis Adalberti, statum ejus curiose investigantes... suppetenre.

Эбонъ не говоритъ, почему и для чего Альбертъ послалъ къ епископу пословъ, а Гербордъ объясняетъ, что Альбертъ, какъ искренний другъ Оттона, боялся за него, и хотѣлъ узнать, не нужна ли ему помощь. Marchio etonim, cum esset amicus valde ac familiaris episcopo in gente barbara hunc periclitari metuebat, unde, si opus haberet, praesidium ei et opem ferre cupiebat. Это, конечно, самое поверхностное и недостаточное, объясненіе легче всего могло придти въ голову человѣку, не злавшему тогдашихъ дѣлъ и желавшему все-таки объ-

яснять фактъ. (Что дѣло Оттона было важно для Альберта. см. Barthold, Gesch. v. Rüg. u. Pomm. II, 87).

Перехода опять къ Эбону, Гербордъ сообщаетъ, что, вмѣстѣ съ послами Альберта, пришли послы и отъ владѣтелей церковныхъ, принеся все необходимое. Затѣмъ онъ, дабы показать, какъ вообще держалъ себя Оттонъ въ Поморѣ, беретъ фразу Эбона изъ предыдущей главы (большую часть которой онъ выпустилъ).

Herb. III, 8.

Affluere simul ipsius episcopi economi Sed et nuncii de villis suis et procuratorum nuncii, aurum et Mucheln et Seidlingen, argentum, vestes quoque et alia necessaria ei deferentes; ut enim supra ei subsidia deferentes...

dictum est (Herb. III, 1), licet *evangelium annuncians de evangelio vivere* deberet, *ipse nihil horum uti volens, suis se tantum sumptibus transigebat.*

Ebo III, 10.

*Cum dominus ordinasset 1 Kor. 9, 14. iis, qui *evangelium annunciant, de evangelio ricere, publicantibus mandavit ipse non est unus hcc potestate. quin immo propriis Dominus ut se comites quo suos transigerent.**

*Evangelium ei-
transigebat sumptibus.*

Сколько времени Оттонъ держалъ у себя пословъ—Эбонъ не говоритъ; это и понятно; Удалыркъ, сказавъ о ихъ приходѣ, имѣвшемъ значение для епископа, даѣше отвлеченный болѣе важными событиями, не счелъ нужнымъ или забылъ упомянуть объ ихъ уходѣ, какъ о фактѣ мало интересномъ въ какомъ-либо отношеніи и совершенно неважномъ. Гербордъ же, переработывая разказъ Эбона, всегда старается быть болѣе точнымъ. Выведши на сцену какое-либо лицо, онъ не оставляетъ его вдругъ, но доказываетъ, что съ нимъ было послѣ, и когда оно удалилось¹⁾). Такъ и здѣсь онъ замѣчаетъ: *legatos omnes apud se ibi tam diu retinuit, quo usque videndo et audiendo disserent, quid de ipsius operibus aut statu refertur deberont.* Сказать о ихъ уходѣ онъ нашелъ болѣе приличнымъ послѣ путешествія Эбона въ Польшу, какъ события, упрочившаго положеніе христианства въ Поморѣ и показавшаго вліяніе и значеніе Оттона въ Поморѣ и въ Польшѣ, у Болеслава. *Marchioni et Saxenibus gratias egit*²⁾ рго вона

¹⁾ Напримѣрь, выше говорилось объ удальзіи Вратислава къ своимъ дѣлань (III, 7).

²⁾ Это выраженіе даетъ поводъ думать, что или тутъ были послы Саксонскихъ императоровъ (какъ W. Giesebr., Kaiserzeit IV, 162), или Альбертъ владѣль Саксоніи

voluntate, de Dei operibus et de suo statu, mandans, quae audissent et vidissent, ad Dei gloriam, domi narrare, — слѣдовательно, тогда, когда окончилось тревожное состояніе, и они могли принести домой успокоятельный вѣсти.

Въ концѣ 8-й главы у Герборда—общія фразы о крещеніи жителей Гостѣкова, о началѣ построенія новой церкви и приготовленіи къ освященію ея. Тутъ Гербордъ произвольно прибавляетъ отъ себя: „Это прадѣлество епископъ старался сдѣлать торжественнѣе, чтобы этимъ и постройкой лучшей церкви утѣшить жителей въ потерѣ ихъ храма“. У Эбона просто сказано: „По разрушеніи храма и крещеніи народа Оттонъ началъ строить новую церковь“.

Гл. 9 (Ebo III, 12). Освобожденіе Мицлавомъ пленныхъ:

Herb. III, 9.

Ebo III, 12.

Inter agendum vero, quid ipsa dedicatio, Ad (basilicae) dedica tio-
vel quid singula opera dedicationis nomen loci ejusdem prin-
significare haberent, rudi populo an-
seps, Mizlaus nomine ve-
tistes exposuit, praecipue vero Mizlaum,
nisset, qui dudum cum aliis
ipsius civitatis principem, quem pridem primoribus ad curia le
colloquium in Pentecoste
Uznoimiae baptisaverat, ut in eo cae-
teros erudiret, de omnibus his alloque-
tur, sacramentum dedicationis ad ani-
mam cuiusque fidelis pertinere suf-
ficiens sermone demonstrans, quo
sancti spiritus templum efficitur, vel in
cuius corde Christus per fidem inha-
bitat.

Uznoim habitum, baptis-
matis gratiam percepérat, An ignoratis
his per iinterpretē allo-
vestrum cor-
quitur... «Dedicatio haec
exterior interiorē tui plūm Sancti
cordis dedicationem futu-
rus esse tem-
plum Dei, ubi Christus Habitabo et
per fidem inhabitare dig-
versabor
apud eos.

У Эбона Оттонъ обращается прямо къ Мицлаву; Гербордъ, безъ всякихъ основаній, отступаетъ отъ Эбона; по его словамъ Оттонъ произ-

(то-есть, Саксонской маркой); но о первомъ у Эбона не упомянуто, да и Гербордъ сказаль бы прямо и ясно: пришли послы отъ Альберта и отъ Саксонскихъ князей; поэтому для насъ вѣроятнѣе второе предположеніе, можетъ быть, подтверждаемое выражениемъ: *legati Marchionis Adalberti de Saxonia superveniente*, которое значитъ—изъ прибыли изъ Саксоніи, или отъ маркграфа Саксонского). Тогда ясно видѣть его анахронизмъ: сѣверную марку получила Альбертъ Ф. Баденштедтъ только въ 1134 (*W. Gieseb. Kaisergr. IV, 99*), послѣ умершаго въ римскомъ походѣ Лотаря—графа Конрада Ф. Плацке (*Plötske, Gieschr. IV 80*); во время же путешествія Оттона онъ владѣлъ Лужицкой и Восточной маркой. Такимъ образомъ Гербордъ перенесъ его позднѣйшія владѣнія на болѣе раннюю пору.

носить общее поучение народу (и только по преимуществу говорить съ Мицлавомъ, ut in eo caeteros eruditur), объясняя символическое значеніе, какъ отдельныхъ дѣйствий при освященіи церкви, такъ и всего чина освященія, хотя, конечно, естественнѣе было Оттону обратиться прямо къ Мицлаву, ибо цѣль его была не та, чтобы вообще наставить народъ въ вѣрѣ, а та, чтобы воспользоваться освященіемъ церкви, какъ поводомъ къ убѣждению Мицлава отпустить узниковъ. Только уже послѣ общаго поученія Гербердъ заставляетъ Оттона отнести лично къ Мицлаву (ex toto convertens). Разговоръ Оттона съ нимъ есть только перифразъ словъ Эбона; Гербердъ прибавляетъ только выраженіе чувствъ, съ какими Мицлавъ принималъ слова епископа, обозначая усиливающееся постепенно впечатлѣніе словъ епископа: *ille hac exhortatione compunctus—parum haesitans—altius ingemiscens.*

Herb. III, 9.

Tu es, fili carissime, vera Dominus Dei. Tu ipse hodie dicandus et dedicandus es potenti Deo creatori tuo, ut emunis ab omni alieno possessori, ipsius tantum mansio fias atque possessio; non ergo impedias dedicationem tuam, illi carissime. Nichil enim prodest istam, quam cernis, domum foris dedicari, nisi etiam dedicatio ipsa ad cordis tui sanctificationem proficiat.

Ille vero, exhortatione compunctus, ait: «Et quid, pater sancte, quod me jubes, facere, ut dedicatio ista in me compleatur?» Episcopus autem, intolligens adesso Spiritum Sanctum: «Ex parte», inquit «fili, domus Dei esse coepisti; fac, ut ex toto sis. Iam ouim idolatriam fidei commutasti, baptismi gratiam consecutus, nunc sequitur, ut fidem operibus exornes. Impietates, violentias et crudelitates, oppressiones, rapinas, homicidia et fraudes penitus devita, postremo quicquid, tibi ab alio non vis, alii ne feceris. Captivitatis, quas habes, absolve omnes, quodsi non omnes, vel eos certe, qui Christiani sunt, tuae fidei consortes». Tum ille, parum haesitans: «Durum, in-

Ebo. III, 12.

Fili carissime, quem ego Christo Domino per evangelium genui, dedicatio haec exterior interior tui cordis dedicationem significat. Tu enim es templum Dei, ubi Christus per fidem inhabitare dignatur; et si dominum cordis tui sic ornare volueris, ut Deo, qui inspector eius est, mansio illa placeat; cum gudio spirituali hanc exteriorem peragere potero dedicationem». Qui, compunctus his beatis patris et apostolis sui verbis, flebili voce respondet. «Quid me pater sancte vis agere, ut Deus dominum pectoris moi visitare dignatur?» At ille: «Hoc est», quod moneo: ut secreta conscientiae scriteris et, si quid aliquid per violentiam rapuisti, digne restituas: si quos causa pecunie, captivasti, pro honore Dei, absolvas. Christianos absolutos obtulit absolvas...

Ad quod servus: «quia... cepisti... perfice, ut paganos etiam absolvas. Et ille: multorum criminum roi sunt isti, et damna mili non ferenda intulerunt sed

ne dedicationis hujus gaudia quolibet merore obnubilentur, iuxta ver-

quit, «michi est, pater, dimittere omnes, quia magnis rationibus ac debitibus quidam ex eis michi detinentur». Tunc episopus: «Debita», inquit, prodebitis demitti et sermo evangelicus et dominica suadet oratio; sic enim omnium debitorum apud Deum certam remissionem consequeris. si omnes debitores tuos in ejus nomine absolvis. At ille, altius ingemiscens: «En», inquit «in nomine Iesu omnes absolvo, ut secundum verbum tuum, dimissis peccatis meis, dedicatio ista hodie in me compleatur». Et vocans ministrum, qui super captivos erat, omnes dimitti praecepit.

Раяница между Гербордомъ и Эбономъ та, что, по Эбону, сперва епископъ потребовалъ освобожденія христіанъ, потомъ, когда Мицлавъ отпустилъ многихъ Датчанъ, Оттонъ предложилъ, для полноты доброго дѣла, отпустить и язычниковъ. Мицлавъ, хотя и указалъ на трудность, но уступилъ и въ этомъ. У Герборда же епископъ легче достигаетъ цѣли. Онъ просить отпустить всѣхъ, и Мицлавъ сразу соглашается, *ut ista dedicatio in te compleatur*. Послѣ этого Гербордъ, какъ и Эбонъ, разказываетъ объ освобожденіи одного юноши Датчанина, котораго Мицлавъ не отпустилъ съ другими. Здѣсь ясно видно, какъ Гербордъ, въ противоположность Эбону, стремится дать всему характеръ естественности, устранивъ вышательство свыше и представляетъ происшествіе дѣломъ случая. У Эбона: „Наканунѣ былъ приготовленъ пепелъ у алтаря, но nutu Dei, ex improviso, cineres, mirum in modum, defecerunt. Когда стали искать ихъ, то Уdalrylicъ, spiritu Dei actus, прямо вошелъ въ то subterraneum habitaculum, гдѣ былъ юноша (далѣе Уdalrylicъ говоритъ: non sine causa hoc impedimentum accedit, quia, nutu Dei, in reclusione filium principis Danorum juveni)“. Гербордъ, опуская выраженіе: nutu Dei, ex improviso, spiritu Dei actus, заставляетъ Уdalrylicа искать пепла въ двухъ-трехъ домахъ и только случайно замѣтить темницу юноши. Остальный его измѣненія произвольны и не имѣютъ значенія.

Herb. III, 9.

Erat autem inter captivos adolescens nobilis, filius enjusdam potentissimae Daciae. Iste, absolutis aliis, in cavae quadam subterranea, vincitus cippo et

бутъ тимъ, pater amantissime, absoluntur.

Ebo III, 12.

Ego sum filius nobilissimi «Danorum principis»... Udalricus ...ad subterraneum quoddam habitaculum abiit... Iuvensis de cavea manum protraxit. Udal-

catenis tenebatur, eo, quod pater ejus 500 librarium debitor hunc vadem posuisset. Cumque de absolutione captivitatum, de obedientia et religione Mizlau principis multa esset tam populo quam episcopo et omnibus, qui aderant in Domino, exultatio et ad consummationem dedicationis ministri ac sacerdotes alacriter festinarent et necessaria praepararent, habitis omnibus, vas cum cineribus, quod ad aram positum erat, *inveniri non potuit*. Cumque ministri commixtionem salis et vini et cinerum facturi, de non inventis cineribus turbarentur, Uodalricus sacerdos, correpta concha, vicinas domos unam vel duas scrutatus, eis cinerem non invenit. Deinde ad tertiam currens, criptam quandam subterraneam, in qua praedictus adolescens in abditiori parte claudebatur, intravit. Sed captivus, per fenestram manu portecta et sonitu facto, currentem sacerdotem ad se vocat, rogans, ut pro sui liberatione episcopo significet.

ricus vidit juvenem miserabiliter collo, pectora ac pedibus ferro inclusum... «Dux Mizlaus pro quingentis marcis a patre meo sibi dandis, hic me inclusus retinet».

Natu autem Dei ex improviso cineres deluerunt: et jurantibus ministris pridie se eos in circuitu altaris collocasse, mirum in modum nec signum excussionis uspiam *inveniri potuit*.

Tunc religiosus presbyter Udalricus, spiritu Dei actus, ad subterraneum quoddam habitaculum, pro cineribus colligidens, velocius abiit. Cujus introitu audito, captivus, illie latitans, vocem cum gemitu emisit, et manus de cavae prostraxit... Udalricus accersito interprete haec auditiv

(Разказъ юноши о своей судьбѣ).

Гдѣ заключался пленникъ—и у Эбона не сказано ясно: какъ будто онъ сидѣлъ въ клѣткѣ, въ оковахъ, въ подвалѣ помѣщеніи; у Герборда еще запутаннѣе: пленникъ находился *in cavea subterranea*, *in abditiori parte, in cripta subterranea*; при входѣ Удалрика онъ высунулъ руку изъ какого-то окошка.

Ходъ событий также измѣненъ у Герборда. Когда Удалрикъ вошелъ въ темницу, то, по Эбону, юноша, со стономъ, высунувъ руку изъ клѣтки. Удалрикъ, увидѣвъ его, позвалъ толмача, и при помощи его, узналъ исторію юноши, который просилъ освободить его. По Герборду, юноша, увидѣвъ Удалрика, рукой и голосомъ подозвалъ его и просилъ передать епископу просьбу объ освобожденіи. Здѣсь, прежде всего, та несообразность, что юноша представляется какъ бы знающимъ обо всемъ случившемся: о прибытии епископа, о томъ что онъ освобождаетъ пленниковъ, что Удалрикъ принадлежитъ къ свитѣ Оттона; потому юноша и обращается прямо къ нему съ просьбою къ Оттону. Развязъ Эбона естественнѣе. Затѣмъ, по Герборду, Удалрикъ понимаетъ юношу безъ переводчика (юноша хотя Датча-

нинь, по конечно, говориль по славянски, научившись этому во время плены), а изъ Эбона видно, что Уdalърикъ по славянски не зналъ¹⁾.

Herb. III, 9.

Sacerdos vero, correptis cineribus, properanter ad ecclesiam rediit et operienti episcopo aliisque fratribus de illo captivo insinnat. Episcopus vero, quamvis misericordia moveretur: «tanta, inquit, praestitit nobis, ut amplius cum rogando, gravare non audeam.

Поэтому Гервортъ отъ себя вставляеть совершение чевроютвою подробность, дабы показать благочестіе Оттона: „Оттонъ прерываєтъ освященіе церкви и, conversus ad orientem, cum ministris suis quasi hora una (!), preces fudit ad Dominum“. Затѣмъ Гервортъ опять возвращается къ Эбону.

Dein sacerdotibus ait: seorsum ac- «Sed si vultis, secreto eum per vos con- cipite Mizlaum et, quo modestius, su- venite; et forsitan acquiesceret nobis, li- per hoc verbo exhortamini

«Sed si vultis, secreto eum per vos con- venite; et forsitan acquiesceret nobis, li- per hoc verbo exhortamini».

Послѣ этого Эбонъ чрезвычайно живо и характеристично разказываетъ, какъ Уdalърихъ съ Адалъбертомъ убѣдили Мицлава освободить пленника. Это ему передалъ самъ Уdalърикъ: „Уdalърикъ и Адалъбертъ, вызвавши изъ толпы Мицлава, спрашивали его, всѣхъ ли пленниковъ онъ отпустилъ; когда тотъ отвѣтилъ, что всѣхъ, они стали уличать его во лжи²⁾ и говорили, что это препятствуетъ освященію храма, что самъ Богъ открылъ его ложь, приведши Уdalърика въ темницу юноши. Мицлавъ просить прекратить это дѣло, ибо отецъ юноши слишкомъ много ему долженъ. Уdalърикъ угрожаетъ ему тѣмъ, что отъ его упорства потерплютъ цѣну всѣ прежнія добрыя дѣла, и освященіе церкви не можетъ совершиться. На вопросъ Мицлава: что же будетъ тогда съ долгомъ, Уdalърикъ отвѣтилъ, что Богъ воз-

¹⁾ Онь пользуется переводчикомъ: III, 12 (два раза), III, 14; III, 7, съ жещиной говорить все только одинъ Альбинъ.

²⁾ Выраженія Эбона искрілько напоминаютъ исторію Анастасіи и Сапеллы (Дѣян. Ап. 7, 1—10).

Ebo III, 12.

Udalricus, concito gratu ad episcopum rediit, et secreto eum conveniens: «Non sino causa hoc impedimentum dedicationi nostrae accidit, quis, nutu Dei, ego in reclusione gravissima filium principis Danorum inveni, nam pro cineribus colligendis abiessim; et non poterit dedicatio rata esse, nisi hic cum reliquis absolvatur». Cui episcopus «iam, ait, tanta praestitit nobis, quod non praesumo eum amplius interpellare, quoniam revera nec in teutonicis regionibus quisquam principum hoc facile agorot.

дастъ ему сторицю, и Мицлавъ, послѣ борьбы съ собою, согла-
сился, говоря, что собственно ему легче было бы отдать жизнь, чѣмъ
принести такую жертву, и выпустилъ юношу⁴. Такъ удалась попытка
запугать Мицлава, предварявшая Удалыркомъ на свой страхъ, ибо
епископъ только съ болѣшимъ сомнѣніемъ позволилъ имъ перегово-
рить съ Мицлавомъ. Гербордъ, вместо этого очень характеристиче-
скаго разказа, влагаетъ въ уста священниковъ (не указывая—кого
именно) безцѣльную реторическую рѣчъ въ похвалу Мицлаву. Она
клонится къ тому, что если онъ еще болѣе сдѣлаетъ для Бога, то
еще болѣе и получить отъ Него. Рѣчъ, по Герборду, производить
изумительное дѣйствие: Мицлавъ *ingemit, tactusque ab intus spi-
ritu pietatis, totus solvitur in lacrimas.* Соглашаясь отпустить юношу,
онъ, по Герборду, идетъ съ клириками къ епископу, и въ противо-
положность тому, что сказано у Эбона, говоритъ: *pro nomine Do-
mini Mei Jesu, corpus meus et omnia mea... devotus impendam.* Эта
вымыселная Гербордомъ, рѣчъ очень неудачна и мало правдопо-
добра. Хотя Гербордъ въ ней и удалился отъ Эбона, но есть въ
ней мѣста, напоминающія послѣднаго.

Herb. III, 9.

*Nec in longo tempore a christianis
tale quid in terra nostra comperimus.*

*Miratur hoc Dominus Episcopus,
miramur et nos...*

*unde... gratias tibi resorunt et ho-
nori te habent...*

*ingemit homo, tactus ab intus spi-
ritu pietatis, totus solvitur in lacrimas.*

*Quin imo pro nomine Domini moi
Jesu... corpus meum impondam...*

Послѣ этого Гербордъ опять переходитъ къ Эбону, по въ концѣ
главы произвольно обобщаетъ разбрзанный имъ фактъ, говоря, что
и другие жители послѣдовали примѣру Мицлава и возвратили все
неправедно приобрѣтенное.

Herb. III, 9.

*Mizlaus, jubens adduci vinctum for-
ro et catenis oneratum, flentibus om-
nibus, qui aderant, in hostiam et ob-
lationem arae imposuit, petens sibi
remissionem peccatorum a Domino pro
ipso recompensari. Ita ergo, in plu-*

Ebo. III 11.

*Quoniam revera nos in Teutonicis
regionibus quisquam principum hoc fa-
cile ageret.*

*tante pietatis opera, quae Deo exhi-
buisti ita ut ipsi etiam domino meo
Episcopo admirationi sis et honori.*

*Mizlaus Dei gratia compunctus,
totus lacrimis est perfusus...*

*et si corpus meum pro nomine Esus
martirio consecrarem.*

Ebo. III, 12.

*Statimque missis militibus, de er-
gastulo tenebroso eum produxit, et
rie catenis undique astrictum, mani-
bus suis altari consecrando superpo-
nens, holocaustum in odorem suavitatis
obtulit Domino. Et mox vincula ejus*

nitudine gaudii spiritualis, tota illa ecclesia fervente et laudes Deo super universis bonis ac donis ejus concinente, *dedicatio* consummatur, omnesque alii, exemplo Mizlai principis, vias suas correxerunt, unusquisque ab iniquitiis et violentiis, seu oppressiōnibus sui temperando et ablata proximitatis suis restitundo.

Гл. 10 (Ebo. III, 13). Ходатайство Оттона за Поморянъ предъ Болеславомъ, княземъ Польскимъ.

Въ началѣ главы Гербортъ очевидно пользуется Эбономъ.

Herb. III, 10.

Ecclesia igitur proficiebat et crescebat, et licet, invidente diabolo, ambulans in timore Dei spiritu sancto replebatur. Sed hostis *antiquus* dampna sua non ferens, opera Dei *turbare molitus*, validis terroribus universam provinciam concussit. Nam Bolezlaus, dux Poloniorum invictissimus, in multa fortitudine et copioso militum apparatu, de terra sua veniens, jam in ipsis terminis Pomeraniae, castra metatus, ferebatur, in furore gravi terram ipsam ingressurus.

Отступаетъ Гербортъ отъ Эбона въ слѣдующемъ: Гербортъ говоритьъ, что Болеславъ, выйдя, съ большимъ войскомъ, изъ своихъ предѣловъ, расположился станомъ у границъ Поморья, памѣреваясь вступить въ него ¹⁾). Затѣмъ нѣсколько ниже: „Поморяне узнали, что войско непріятельское уже близко“ (*iam in ipsis terminis Pomeraniae castra metatus Bolezlaus ferebatur in furore gravi terram ipsam ingressurus*). Между тѣмъ, по Эбону, Болеславъ не тронулся еще въ путь а только, собравъ войско, назначилъ походъ на Поморье (*expeditio-пem cum manu valida indixit*). Далѣе прямо говорится, что переговоры шли въ Польшѣ (Удалыркъ и Вратиславъ trium dierum itinere съfecto Polonię tenerunt).

solti damnavit, cunctis, qui aderant, pre gaudio flentibus pro tanta ejus devocione benedicentibus. Tunc de num venerabilis pontifex Christi solemnia dedicationis ecclesie letiori quam ceperat, et diligentiori execu-
tione adimplevit.

Ebo III, 13.

Sed hoc gaudia *antiquus* nostri ge-
neris inimicus non equis aspiciens ocu-
lis... omnibus modis hec leta christiane
rationis semina rizaniis seditione et
externorum incursu bellorum *turbare molitus* est. Dux enim Poloniorum
expeditionem suam illo cum manu va-
lida indixit.

¹⁾ По представлению Герборда (11, 10) между Польшей и Поморьемъ лежалъ большої вѣсъ на 7 дней пути (на самомъ дѣлѣ пространство это не такъ велико); следовательно слова Герборда здесь имѣютъ тотъ смыслъ, что Болеславъ вышелъ изъ Польши, перешелъ вѣсъ и расположился у границъ Поморья.

Въ виду, съ одной стороны, прямого указания Эбона, а съ другой—въ виду того, что, въ приведенной части рассказа, Гербордъ не самостоятеленъ, а пользуется Эбономъ, а также, изъ увидимъ послѣ, въ виду того обстоятельства, что вся глава 10-я не обнаруживаетъ, чтобы Гербордъ пользовался какимъ-нибудь устнымъ разказомъ, мы должны признать это его извѣстіе за произвольный вымыселъ, съ цѣлью сильноѣ выставить затруднительность положенія Поморянъ, и такимъ образомъ, вызвать заслугу Оттона, отклошившаго отъ Поморянъ гнѣвъ Болеслава, и показать его вліяніе на послѣднаго, а также вѣроатно съ цѣлью придать больше интереса своему разказу.

Рассмотримъ теперь извѣстія Эбона объ отношеніяхъ Болеслава къ Поморянамъ.

Какія именно событія, совершившіяся между первымъ и вторымъ путешествіями Оттона въ Поморье, навлекли на Поморянъ гнѣвъ Болеслава, Эбонъ не сообщаетъ и выражается объ этомъ весьма неопределенно: (*Bolezlum*) *ante adventum patris nostri Ottonis graviter a gente Pomoranorum offenditum* (III, 13). Даѣте у Эбона Болеславъ также неопределенно говорить Оттону о Вратиславѣ: *Pomoranorum ducem tam graviter sibi obnoxium*; нѣсколько яснѣе указана причина гнѣва Болеслава на Поморянъ въ слѣдующихъ словахъ: *gentem illam (Pomoranorum) beluine ferocitatis immanitate terram populique suam (Bolezlai) devastasse, adeo, ut etiam parentes suos ex sepulchris prostraheret, et collisis capitibus, dentes excuteret, ossaque eorum reg publicum aggerem dispergeret*. Но этихъ словъ нельзя понимать, какъ казалось бы съ первого взгляда, въ томъ смыслѣ, что Поморяне, въ 1125—1127 гг. открыто восстали противъ Поляковъ, разбили ихъ и опустошили ихъ землю (поруганіе костей предковъ—вѣроатно только обычная фраза). Вовторыхъ, другихъ извѣстій объ этомъ мы не имѣемъ; вовторыхъ, при внутренней разъединенности Поморья (особенно теперь, когда часть Поморянъ приняла христіанство, а часть осталась въ язычествѣ), при слабости книжеской власти, нельзя и предположить такого дружного дѣйствія, а оно только и могло освободить Поморье отъ польского ига; втретихъ наконецъ, еслибы удалось такое восстаніе, и земля Польская была бы опустошена, то Поморяне должны бы были ждать близкой мести отъ Болеслава, готовиться къ отчаянному сопротивленію, такъ какъ Болеславъ не оставилъ бы Поморянъ безъ наказанія за то, что они вырвали изъ его рукъ плоды долгихъ стараній. Между тѣмъ мы не видимъ изъ разказа Уdalрика, чтобы были замѣты эти приготовленія Поморянъ

къ отпору, хотя, конечно, Уdal'rikъ долженъ былъ бы обратить на это вниманіе. Кромѣ того, Вратиславъ, какъ будто въ совершенно спокойное время, приглашаетъ къ себѣ для проповѣди Оттона, воюетъ на западѣ съ Лютчами, слѣдовательно, восточную границу Поморья считаетъ болѣе или менѣе безопасною. Изъ всего этого видно, что слова Эбона могутъ относиться не къ общему возстанію Поморянъ противъ Поляковъ, а лишь къ частнымъ отдѣльнымъ набѣгамъ, которыхъ, конечно, отрицать нельзя (напримѣръ, могли быть набѣги Штетинцевъ, мало зависившихъ отъ Вратислава).

Что словамъ Эбона нельзя придавать точнаго смысла, въ этомъ мы еще болѣе убѣдимся, если обратимъ вниманіе на то, какое мѣсто они занимаютъ въ разказѣ. Эбонъ не передаетъ здѣсь того, чтѣ прямо узнало Уdal'rikомъ или другими спутниками Оттона, а приводить только слова Болеслава, которыми онъ хотѣлъ убѣдить Оттона отказаться отъ ходатайства за Поморянъ. Для этого Болеславу, конечно, нужно было живѣе представить вину Поморянъ передъ нимъ, указать, что они—народъ свирѣпый, что они тажко его оскорбили, и такимъ образомъ, болѣе яркими красками обрисовать ихъ злодѣйство, а вовсе не передать вѣрно, какъ было дѣло.

Въ виду такого характера рѣчи Болеслава, слова его даже вовсе могутъ не имѣть того значенія, что набѣги Поморянъ были дѣйствительно въ 1126—1127 г., а только передавать общий характеръ отношений Поморянъ къ Полякамъ, намекая на ихъ набѣги еще до подчиненія Поморья Болеславу¹⁾.

Другою, болѣе важной и касающейся всего Поморья причиной, право у Эбона не указанной, могло быть постепенное ослабленіе подчиненія Вратислава Болеславу и сближеніе его съ Германіей, выразившееся въ призваніи Оттона, который отправился въ Поморье, имѣя поддержку въ императорѣ и папѣ, могшихъ, въ случаѣ нужды, помочь Вратиславу.

Такимъ образомъ, изъ всего этого видно, что разказъ Эбона не даетъ опредѣленного понятія о причинахъ разрыва Поморья съ Болеславомъ.

¹⁾ Притомъ же мы не можемъ ручаться, чтобы самое содержаніе словъ Болеслава было передано вѣрно; смылъ Уdal'rikъ ихъ не слышалъ, находясь, въ это время, не стъ Оттомъ, а въ Узномѣ; можетъ быть, узнѣлъ ихъ отъ лицъ, мало интересовавшихъ политическими событиями, не касавшимися Оттона и главной цѣли ихъ путешествія (да и самъ Уdal'rikъ принадлежалъ къ подобного рода людямъ).

Обратимся теперь къ Герборду. Частныхъ фактовъ онъ не сообщаетъ, общій же ходъ событий онъ передаетъ слѣдующимъ образомъ: „гдѣвъ Болеслава Поморяне возводили тѣмъ, что, послѣ первого путешествія Оттона, съ одной стороны, нарушили условія мира (pacti secum foederis), а съ другой—отпали опять въ язычество. Забывъ объ Оттонѣ, посредникѣ между ними и Болеславомъ, и о томъ снискожденіи, которое, по ходатайству Оттона, оказалъ имъ Болеславъ, сбавивъ съ нихъ подать, города Поморья, какъ обращеніе въ христіанство ражше, такъ и не обращенные, надѣясь на свои силы, по большей части, возобновили свои укрѣпленія и крѣпости, разрушенныя прежнею войной. Это послѣднее Болеславъ счѣлъ за открытое возмущеніе“.

Откуда Гербордъ могъ почерпнуть такія свѣдѣнія? У Эбона, какъ мы видѣли, ничего подобнаго нѣтъ; произвольными вымысломъ Герборда, они, по ихъ важности и правдоподобности (сколько можно судить по разнымъ соображеніямъ), не могутъ быть.

Обратившись къ 2-й книгѣ Герборда, мы пайдемъ у него такія извѣстія объ отношеніяхъ Поморья къ Болеславу, изъ сопоставленія которыхъ съ показаніями Эбона (III, 13) о разрывѣ Болеслава съ Поморьемъ, Гербордъ легко могъ вывести все то, что онъ передаетъ въ III, 10, какъ сообщенное Зефридомъ.

Условія мира Болеслава съ Поморянами, предъ первымъ путешествіемъ Оттона, яснѣ всего переданы Гербордомъ во II-й книгѣ, гл. 30, въ разказѣ о подчиненіи Штетина Болеславу. Условія эти: признать власть Болеслава, платить ему дань и принять христіанство. Въ кн. II-й, гл. 5 и 38, Гербордъ передаетъ, что во время предыдущей войны Болеслава съ Поморянами многія поморскія крѣпости были разрушены. Теперь, во время втораго путешествія Оттона, Болеславъ, какъ знаеть Гербордъ изъ Эбона, III, 13, идетъ войною на Поморянъ. Отсюда Гербордъ заключаетъ, что Поморяне нарушили условіе мира—отпали отъ Болеслава и перешли въ язычество. О переходѣ пѣкоторыхъ Поморянъ опять въ язычество онъ знаетъ также изъ Эбона, III, 1.

На основавіи такихъ же соображеній, Гербордъ могъ вывести и извѣстіе о возобновленіи крѣпостей: Поморяне нарушили условія мира, значитъ, должны были ожидать войны и готовиться къ ней. Приготовленіе же къ войнѣ должны были заключаться въ возобновленіи крѣпостей, ибо у Герборда въ его же II-й книгѣ сообщено, что главную силу Поморянъ составляли крѣпости: *At illi (Pomorani), suis fisi*

viribus, eo, quod civitates et castra natura et arte in introitu terraet habebant quam plurima, se inexpugnabiles fore arbitrati sunt (II, 5).

Такимъ образомъ, все, что въ гл. 10 сообщается Гербордъ, могло быть изъ выведеніо съ поытцю различныхъ соображеній изъ извѣстнаго ему раныше. Что это дѣйствительно такъ и есть, что опъ здѣсь не пользуется разказомъ Зефрида, видно изъ слѣдующаго: вонервыхъ, онъ передаетъ здѣсь только общую характеристику отношеній Болеслава къ Поморью, а не сообщаетъ ни одного частнаго факта, случая, примѣра такихъ отношеній (послѣднее прямо доказывало бы, что Гербордъ пользовался разказомъ Зефрида); вовторыхъ, въ его разказѣ (III, 10) ясно видно, что онъ имѣлъ предъ глазами и пользовался 5-ю главою своей II-й книги: въ 10-й главѣ есть буквальное сходство отдельныхъ словъ въ одинаковыхъ фразахъ съ кн. II-й, гл. 5, при чмъ въ III-й кн., гл. 10, эти слова повторяются съ прибавкою: *iterum, deinceps.*

Herb. III, 10.

riribus suis se deinceps tutos fore considerent, munitionibus et castris, quae bellica vi complanata fuerant, ex magna parte hoc intervallo reparatis...

Boleslaus iterum eos conterere veniebat.

Точно также выражение „*remissi tributi veniam aspernati suique mediatoris oblitii*“ прямо указываетъ на разказъ Герборда о ходатайствѣ за Штетинъ предъ Болеславомъ (II, 26, 30).

Изъ этого ясно, что здѣсь Гербордъ выдаетъ свои собственные заключенія за дѣйствительно сообщенное Зефридомъ.

Дауѣе видимъ то же самое. Сказавъ, что Болеславъ уже стоялъ на границѣ Поморья, Гербордъ произвольно дополняетъ, какъ эту вѣсть привезли Поморяне и какъ стали готовиться къ сопротивлению: «*Quod illi audientes, missisque saepius atque remissis exploratoribus, exercitum jam in proximo cognoscentes, multum ubique trepidare coepserunt, partimque fugero, ac res suas ad loca munita referre*». Что та-ковъ былъ способъ защиты Поморянъ, опять Герборду уже извѣстно (II, 5): «*Omnem substantiam suam in urbibus collocantes armorum praesidia praeparare moluntur*».

На этотъ разъ догадка Герборда менѣе удачна и правдоподобна. Вонервыхъ, самое извѣстіе о приближеніи Болеслава съ войскомъ мы должны были отвергнуть, а этимъ уничтожается значеніе и теперь

сообщаемаго Гербординъ. Вовторыхъ, если бы дѣйствительно были такія приготовленія Поморянъ къ отпору, то Удалрикъ, при которомъ все это происходило, въ который, если не видѣлъ, то по крайней мѣрѣ, долженъ быть слышать обѣ этомъ, конечно не умолчалъ бы о столь важномъ факѣ, а у Эбона ничего этого неѣть.

Просьба Поморянъ о ходатайствѣ предъ Болеславомъ у Герборда и Эбона изложена почти одинаково:

Herb. III, 10.

In ipso tamen articulo, ut puto, a Deo inspirati, omnes, quasi oves ad pastorem, sic ad episcopum *confugientes*, quid facta opus esset, consilium quae-rebant.

Ebo III, 13.

Quo nuncio gens illa, noviter fidei sacramentis iniciata, non mediocriter est perterrita. Et primates natu quo maiores ad apostolum velut tutissimum *confugientes* asylum, ejus magnopere flagitabant *consilium*.

Гербординъ выѣсто *primates*, natu quo *majores*, поставилъ *omnes*, хотя, конечно, къ Оттону обращались старѣшины и знатныя лица.

Herb. III, 10.

At ille, piotatis visceribus affluens, ecclesiam rudem et neophytam bellico tumultu vexari perniciosum sciens, de divina misericordia, simul etiam de Bolezlai ducis amicitia, non vano prae-sumens, bellum simul et *causam belli*, si modo consiliis cius parere velint, dissolvere pollicetur.

Ebo III, 13.

«Tu domine Pater (говорить Поморие)... libertatem, firmissimamque pacem, in verbo Dei promisisti. Et ecce fratres nostri Polonienses bellum nobis indicunt. Sed absit, ut te presente, ecclesia Christi hic collecta dispergatur». Quibus auditis pater piissimus: «Nolite, ait, timere. Potens est Deus meus.... *causas belli* hujus proeidere, pacemque desideratam novo ovili re-struere.

Мысль обѣ опасности, угрожающей христіанству, если новая царства подвергнется нападенію Поляковъ, Гербординъ приписалъ не Поморянамъ, а епископу. Ему казалось естественнѣе, чтобы самъ епископъ наблюдалъ интересы христіанства. О дружбѣ Болеслава съ Оттономъ опять знаеть изъ 1-й книги.

Herb. III, 10

Quo audito illi prudentiam et sanctitatem doctoris sui attendentes nec sinistre casurum arbitrati negocium, quod ille in timore Domini suscepisset, communi decreto semet ipsos

Ebo. III, 13

At illi pedibus ejus provoluti, debitas gratiarum actiones exsolvebant.

Et confestim dispositis vie sociis, Udalricum religiosum presbiterum, vice sua ad confirmaudam neophyti-

et omnia consilia sua ejus sapientiae
commiserunt.

Assumptis igitur clericis, pater vene-
rabilis sarcinas quidem et omnem
supellecilem ibi relinquens, obviam
se parat exercitui, junctis sibi viris
honorabilibus de terra, qui a duce
objectis respondere et omnibus con-
troversiis decidendis, hiuc inde exor-
tis, possent sufficere.

plemen Uznoim reliquit; ipse vero ad
Ducem poloniorum impigre, ut con-
siderat, ire cepit.

Гербордъ прибавилъ, что Оттонъ оставилъ багажъ и всю утварь „ibī“, то-есть, тамъ, куда пришло къ нему посольство Поморянъ (вероятно, или въ Гостыковѣ или въ Узноимѣ¹⁾). Это онъ могъ легко вывести изъ словъ Эбона confessim dispositis vie sociis, impigre ire serit, слѣд. спѣшилъ и долженъ былъ идти палегкѣ.

У Эбона сказано вообще dispositis vie sociis, Гербордъ же провоз-
вольно различаетъ два рода sociorum—клириковъ и знатныхъ Поморянъ,
указываетъ и цѣль, съ которой отправились послѣдніе; при разказѣ о
первомъ путешествіи, именно о ходатайствѣ епископа за Штетинцевъ,
Гербордъ упоминастъ о томъ же: civs rogabant, ut mitterentur legati,
cuos cum illis profecturos dicentes (11, 26). По аналогіи случавшему Гер-
бордъ могъ заключить, что и теперь совершилось то же самое.

Переговоры Оттона съ Болеславомъ Эбонъ излагаетъ довольно
подробно²⁾. При разборѣ этого разказа должно все-таки помнить,

¹⁾ Гдѣ находилася Оттонъ, когда къ нему обратились Поморяне, рѣшить на-
вѣрно нельзѧ; судя по ходу разказа Эбона—въ Гостыковѣ, ибо Эбонъ, послѣ
разказа о пребываніи Оттона въ Гостыковѣ (III, 9—12), не говоритъ о переходѣ
его оттуда куда-нибудь; тогда извѣстіе Эбона (III, 13), что Удальрикъ, когда
Оттонъ отправился въ Польшу, бывшъ оставленъ имъ въ Узноимѣ, можетъ быть
понято такъ, что Оттонъ взялъ Удальрика изъ Гостыкова, и по дорогѣ въ Польшу,
довезъ его съ собою до Узноима, желая, чтобы онъ, въ его отсутствіе, находился
въ болѣе бевошасноѣ мѣстѣ, въ городѣ значительномъ и центральномъ, гдѣ,
можетъ быть, находился и Вратиславъ. Но, съ другой стороны, и Удальрикъ и
Эбонъ могли пропустить этотъ незамѣтный фактъ или забыть, что епископъ, раз-
рушивъ храмы въ Гостыковѣ, перешелъ опять оттуда въ Узноимъ.

²⁾ Гдѣ велись переговоры, опять нѣтъ вѣрныхъ данныхъ: врядъ ли въ Ги-
зѣ; до него отъ Узноима около 250 верстъ. Это разстояніе нельзѧ пройти въ три
дня, указанные у Эбона (да притомъ Удальрикъ упомянутъ бы, еслибы были
въ Гиѣ). Но очевидно, въ Польшѣ, какъ указано у Эбона—до границы еї,
чрезъ Пирницу и Сутокъ, около 140 верстъ—ида поспѣшно, Удальрикъ и Врати-
славъ могли совершать этотъ путь въ три дни; притомъ же, какъ мы видѣли,

что Уdal'rikъ тутъ не присутствовалъ, во время переговоровъ Оттона съ Болеславомъ былъ въ Узномъ и прибылъ къ Болеславу лишь по ихъ окончаніи, вмѣстѣ съ Вратиславомъ, слѣдовательно, не могъ сообщать о приѣзѣ Эбону во всей полнотѣ и ясности. Когда „епископъ прибылъ“, говорить Эбонъ,— „Болеславъ принялъ его съ почетомъ, но узнавъ, зачѣмъ онъ явился, нѣсколько былъ пораженъ, выставляя вину предъ нимъ Вратислава въ непріятности, причиненной Поморянами: они опустошили Польшу и нарушили неприкосновенность костей умершихъ предковъ. Это такой свирѣпый народъ, что удивительно, какъ самъ епископъ не пострадалъ отъ нихъ. Оттонъ отвѣчалъ, что огражденъ покровительствомъ Бога и римскаго императора и защищай Вратислава. Теперь онъ пришелъ просить за Поморянъ, принавшихъ христіанство; война помѣшала бы успѣху его проповѣди. Болеславъ указывалъ на то, что походъ противъ Поморянъ долго приготавлялся и ему стыдно будетъ предъ народомъ не наказать Вратислава; онъ предлагалъ епископу не возвращаться въ Поморье, изъ-за опасности, тамъ ему угрожавшей. Но епископъ сказалъ, что не можетъ покинуть Уdal'rika, оставшагося тамъ, и готовъ умереть за новую свою наставу. Этотъ рѣшительный тонъ, какъ видно, подействовалъ. Неудобно было открыто враждовать съ Оттономъ, которому покровительствовали императоръ Лотарь; поэтому Болеславъ уступилъ, потребовавъ только, чтобы Вратиславъ явился къ нему съ просьбою о прощеніи, то-есть, вѣроятно, возобновилъ бы свои подчиненные отношенія. Послѣ этого были посланы почетные лица за Вратиславомъ и Уdal'rikомъ; они въ три дня привели ихъ въ Польшу, два дня шли переговоры, на третій заключены миръ и Оттонъ возвратился въ Узномъ. Благодарный Вратиславъ положилъ большую сумму денегъ на алтарь св. Адальберта.

Вмѣсто всего этого Герфордъ сочиналъ отъ себя такой общий ходъ переговоровъ, какой долженъ бы быть, еслибы причины войны были именно тѣ, которыми указалъ Герфордъ. При этомъ онъ представляется, что желаемый результатъ переговоровъ былъ достигнутъ весьма легко:—*mirumque dictu, quam facile divinis eloquii, animi ejus (Bolezlai) feritate delectata, ad omne, quod volebat, principem inclinavit.* Переговоры шли, по Герфорду, такъ: Болеславъ указывалъ на парушеніе

показаний Герфорда, что Болеславъ выступилъ въ походъ изъ Польши, не заслуживаетъ вѣры. Извѣстіе Эбона (II. 13), что Вратиславъ возложилъ золото на алтарь св. Адальберта (то-есть, въ Гейзенѣ), можно понять такъ, что онъ не самъ лично сдѣлалъ это, и только отдалъ для передачи въ Гейзенъ.

договора и на отступление от христианства; епископъ, признавая, что все это требуетъ исправления, выговаривалъ за это посланъ, но призывалъ обѣ стороны къ возстановленію прежняго договора, выставляя, что и при заключеніи его онъ же былъ посредникомъ. Похвала вѣры и преданности Вратислава особенно смягчила душу Болеслава, и онъ велѣлъ войску воротиться, чѣмъ опо было недовольно, такъ какъ лишалось ожидаемой добычи¹⁾. Очевидно, что всѣ эти общія фразы не имѣютъ никакаго историческаго значенія.

Далѣе Гербордъ, не сказавъ рานѣе ничего особеннаго объ отпаденіи Штетина, пѣсколько неожиданно и безслѣдно заставляетъ Болеслава угрожать ищеніемъ Штетинцамъ, если они не исправятъ тотчась своего отступничества. Понятно, почему Гербордъ влагаетъ эту угрозу изъ уст Болеславу: изъ разказа Эбона о первомъ путешествіи онъ знаетъ, что Штетинцы были сами ревностными язычниками.

Разказавъ о возвращеніи Болеслава, Гербордъ выражаетъ въ общихъ чертахъ радость народа и смиреніе епископа, приписывающаго Богу успѣхъ дѣла. При этомъ, какъ мы уже сказали, помышляется и уходъ пословъ маркграфа Альберта.

Гл. 11 (Ебо III, 14). Епископъ иамъревается идти на проповѣдь къ Українамъ.

Herb. III, 11.

*Erat autem Uznoimiae illis diebus
dux pariter et episcopus. Est autem
insula quaedam, non longe a civitate
illa, habens mare interiectum, quasi
annus diei, Ucrania nomine. Sed loci
hujus incolae duri essent et barbari
singulari feritatem crudelis. Hui predicatione
beati viri dudum comperta,
omnia, quae de illo dicebantur, asper-
nati, mortem ei, si ad eos veniret, mi-
nabantur.*

Ебо III, 13.

*Dux Pomeraniae cum Ottone Uz-
noim reversus est.*

Ебо III, 14.

*Erat autem trans mare barbari cru-
delitate et sevicia singulares, qui
Ucrani dicebantur. Hi, audita beati
presulis opinione, crobris ei logatio-
nibus mandaverant: quod si umquam
terras eorum intrare presumeret, sine
mora, cum omnibus suis morti acer-
bissime tradendum sciret.*

Въ началѣ главы Гербордъ, какъ мы видимъ, довольно близко передаетъ слова Оттона. Но при этомъ онъ, несѣрию истолковавъ одно выраженіе Эбона, впалъ въ грубую ошибку²⁾. Эбонъ говоритьъ, что

¹⁾ Представляя, что войско было уже собрано и выступило въ походъ, Гербордъ, естественно, выводитъ отсюда, что войско было недовольно. У Эбона Болеславъ выставляетъ недовольство народа только какъ предлогъ: *pro nichilo se deinceps ab omni populo suo habendum*, если онъ не отмѣтить Вратиславу.

²⁾ Она указана Ліббе, V, 699.

Украине жили *trans mare*, разумъ подъ моремъ большой лиманъ (das Haff) Одера, на южномъ берегу которого жили Украине. Гербордъ, не зная мѣстности Поморья, счелъ, что вѣдѣсь говорится о морѣ въ собственномъ смыслѣ, и потому, желая выразиться точно, Эбона, представилъ, будто Украине жили на островѣ (*insulo*) Ucrania, и такимъ образомъ превратилъ въ островъ часть твердой земли, часть Бранденбургской марки (die Uckermark). Чтобы придать еще большую опредѣленность своему извѣстію, Гербордъ произвольно прибавляетъ, что *insula* Ucrania лежить на дѣнь пути отъ Узноима.

Эбонъ говоритъ далѣе: *Cumque vir Dei minas eorum (Ucranorum) postponeret sepiusque illo tendere disponeret, ab omnibus vitam ejus desiderantibus inhibebatur...* Гербордъ на основаніи этихъ словъ построилъ остальную часть 11-й главы¹⁾). При этомъ онъ, съ одной стороны, до того преувеличилъ желаніе Оттона идти на встрѣчу опасностямъ, что оно можетъ быть объяснено только жаждой мученической кончины, а это совершенно противорѣчитъ практическому и разсудительному характеру Оттона, который могъ не дорожить жизнью, когда это было нужно, но никогда не терялъ изъ виду главной цѣли своего путешествія и не пожертвовалъ бы собою только ради мученическаго вѣнца въ то время, когда ему въ Поморѣ еще очень много было дѣла, требовавшаго его личнаго присутствія. Точно также, съ другой стороны, онъ изображаетъ въ преувеличеніи видѣ, какъ спутники Оттона противились его желанію идти къ Украинамъ и удерживали его.

Все это придаетъ его разказу совершенно неправдоподобный и даже нѣсколько комическій оттѣнокъ. Оттонъ, не смотря на сопротивленіе спутниковъ, рѣшается идти къ Украинамъ, и когда спутники его насильпо удерживаютъ, онъ не можетъ ничего съ ними подѣлать, такъ слабъ и имѣть такъ мало значенія, что не рѣшается явно уйти, хочетъ отправиться тайно, а спутники, узнавъ объ этомъ, тщательно стерегутъ его.

¹⁾ Herb. III, 11.

Quo amplius duras (Ucranorum) minas audierat, eo amplius in animo suo fixum habebat illo ire, sperans ibi martirii coronam se adepturum. De hoc vero cum duce et aliis familiaribus suis dum consilium tractaret, ab omnibus dissensus est.

Ebo III, 14.

Cumque vir Dei, servens in spiritu, minas eorum postponeret, sepiusque illo tendere disponeret, ab omnibus vitam ejus desiderantibus, inhibebatur...

Глава заканчивается общими фразами. Онъ упрекаетъ спутниковъ въ малодушіи и т. п.

Когда такимъ образомъ Оттонъ отказался идти на проповѣдь къ Українамъ, то Уdal'rikъ, въ угоду Оттону, рѣшается на это дѣло. Рассказъ о неудачной его попыткѣ изложенъ въ слѣдующей главѣ Герборда.

Гл. 12 (Ebo III, 14). Эбонъ разказываетъ сперва, какъ толмачъ Адальбертъ не соѣтвовалъ Оттону отпускать къ Українамъ Уdal'rika, говоря, что, въ случаѣ смерти Уdal'rika, всѣ обвинять въ ней Отtona; затѣмъ, какъ Уdal'rikъ видѣлъ сонъ, истолкованный Адальбертомъ въ томъ смыслѣ, что не слѣдуетъ Уdal'riku отправляться; наконецъ, уже говорится о самой попыткѣ Уdal'rika.

Гербордъ воспользовался, преимущественно, послѣднимъ разъясненіемъ, сонъ Уdal'rika выпустилъ, а разговоръ Адальберта съ епископомъ чомѣстѣль послѣ неудачи Уdal'rika. Чрезъ это разговоръ эта потеря всякое значеніе, получивъ видъ пустой болтовни, (чтѣ выразаетъ и самъ Гербордъ: *de navigatione Udalrici jocari coereditur*).

Рассказъ обѣ отправленіи Уdal'rika передаетъ Гербордомъ въ довольно оживленномъ, но мало правдоподобномъ видѣ. Главныи черты рассказа Эбона имѣть сохранены. По Эбону, „Уdal'rikъ, исповѣдавшись, взялъ съ собою все нужное и вмѣстѣ съ толмачемъ и др. спутниками отправился въ путь, при хорошей погодѣ. Когда онъ довольно далеко отѣхалъ отъ берега, поднялась страшная буря, пригнала его къ берегу и, продолжаясь семь дней, приводила его отказаться отъ своего намѣренія. Этую неудачу Оттонъ принялъ какъ знакъ того, что Богъ не желаетъ спасенія Українамъ“.

Гербордъ преувеличилъ какъ отвагу Уdal'rika (до совершенного безразсудства), такъ и силу противодействующей стихіи. Прежде всего Гербордъ только мимоходомъ упоминаетъ, что Уdal'rikъ просить *comitem tantum et viae ducem*. Во всемъ же разказѣ говорить обѣ одномъ Уdal'rikѣ, какъ будто никого съ нимъ не было. Самое отправление Гербордъ описываетъ такъ: „Принялъ благословеніе отъ епископа, Уdal'rikъ взялъ все, нужное для обѣдни и взошелъ на корабль, при чёмъ всѣ его оплакивали, какъ идущаго на вѣрную смерть. Когда, послѣ трехъ часовъ плаванія, разразилась сильная буря и прогнала его назадъ, онъ, не выходя изъ лодки и обливаемый дождемъ, ожидалъ улучшения погоды, выкачиваетъ воду; когда вѣтеръ стихъ, онъ опять спустился въ море—опять буря усилилась

и угнала его домой; тоже и въ третій разъ. Наконецъ, лишь наступление ночи заставило его отказаться отъ своего намѣренія".

Хотя разказъ Эбона у Герборда и измѣненъ, но пѣкоторыя мѣста напоминаютъ Эбона.

Herb. III, 12.

Udalricus autem, venerabilis sacerdos, constantior factus sciens hoc etiam seni placere, huic se periculo intrepidus offerebat, comitem tantum et viam ducem postulans...

Qui horis quasi tribus prosperis flatibus navigans, fere jam ab oculis nostris ablatus fuerat, et ecce, tempestas oritur, ventisque contrariis, ratem huc illucque pellentibus, viam tenere non potuit, sed ad litus unde exierat, post multam fatigationem appulsus est (Удальрикъ два раза еще пытается отправиться)

16.

tempestas vero infra 7 dies non cessavit. Intellexit ergo vir Dei Ucranos evangelicas gratiae indignos, currensque discipulum... de litora duxit ad tectum.

Ebo III, 14.

Quod (скорбь епископа) sentiens Uodalricus.. sacerdos incunctanter se huic discriminui obtulit... navi cum comitibus et interprete quodam Poloniense... impensus.

Tum vero magna celi serenitas et maris tranquillitas arridebat. Sed ubi longius a litora est remotus, subito fluctibus, vento validissimo concitatis, tempesitas non modica ingruere cepit; que sine mora arreptam navem, littori, quod reliquerat, appulit, servumque Christi Uodalricum loco suo restituit.

Ebo III, 15.

Que nimurum tempestas septem diebus continuis, mari immensus profectionis cassavit intentionem. Apostolus voluntatem Dei in hoc considerans nec Ucranos verbo salutis dignos judicans.. ad Stetinensi iter... direxit.

Далѣе Гербордъ передаетъ бесѣду братія за ужиномъ по поводу происшедшаго событія; это мѣсто основано на разговорѣ Адалберта съ епископомъ, помѣщеною у Эбона раньше путешествія Удальрика (на разговорѣ намекаетъ и Гербордъ, говоря: *episcopus ab Adalberto de hoc verbo ante pulsatus fuerit*). Адалбертъ говоритъ, что Оттонъ, пославшій Удальрика на вѣрную смерть, будетъ виновникомъ его погибели; Оттонъ, въ отвѣтъ на это, указываетъ на то, что Иисусъ Христосъ также посыпалъ апостоловъ на опасности, какъ агнцы среди волковъ. По поводу этого Гербордъ заставляетъ епископа дать поученіе ученикамъ: *parabolam hanc facto suo coaptans, plena rationis doctrina discipulos animavit, dignisque exhortationibus... magnam partem noctis expendit.*

Въ концѣ главы Гербордъ говоритъ, что на слѣдующее утро посланы были клирки въ разныя мѣста для проповѣди. Это осно-

вано на словахъ Эбона (III, 13) ¹⁾. *Pius predictor ad circumpositas civitates verbi ministros, sicut et antea, pervigili sollicitudine dirigebat.* Но эти слова можно принимать не за выражение действительного факта, а просто — за фразу, которую сдѣланъ переходъ къ рассказу объ отправлениі Уdalърика въ Українамъ. Ибо сряду за этимъ слѣдуютъ слова: *erant autem trans mare barbari* и рассказъ объ Уdalърикѣ.

¹⁾ Могъ также Гербордъ обратить внимание на Приолиагского анонима (III, 6): *familiares... quorum perpauit in eodem urbe (Uznoim) remanserant.* Слѣд. другіе разошлись.

А. Петровъ.

(Продолженіе сноска).

НѢСКОЛЬКО НОВЫХЪ СООБРАЖЕНИЙ ПО ПОВОДУ „ПЕРЕСМОТРА“ ВОПРОСА О ПРОИСХОЖДЕНИИ ГУННОВЪ.

Славяне были Гуннами; но Гуны не были Славяне.

„Чѣмъ дальше въ лѣсъ—тѣмъ больше дровъ“. Эта пародная по-говорка примѣнна не только въ житейской практикѣ, но въ нѣко-торыхъ случаахъ и въ дѣлѣ науки. Есть въ области исторіи такие во-просы, разрѣшеніе которыхъ и очень заманчиво и очень желательно, но судьба которыхъ выходитъ довольно странною: чѣмъ больше ста-раемся мы разрѣшить ихъ, тѣмъ больше они запутываются. Особенно сильно сказалось такое явленіе въ вопросѣ о происхожденіи Руси. Можно ли еще сильнѣе запутать и затемнить, какъ запутали и затемнили его наши изслѣдователи? Къ такому же положенію путаницы гро-зятъ, по видимому, пріѣдти и разсужденіи наши о народности Гунновъ. Около 130 лѣтъ уже ученыe обсуждаютъ этотъ вопросъ и никакъ порѣшить не могутъ. А кто только ни рѣшалъ судьбу и происхож-деніе этого загадочнаго народа! Съ легкой руки Дегиня начинается цѣлый рядъ попытокъ выяснить народность Гунновъ, попытокъ, предпринятыхъ лучшими учеными Европы, въ числѣ которыхъ стоять: Шалласъ, Энгель, Туманъ, Бергманъ, Кландротъ, Абель-Ре-мюза, Нейманъ, Шмидтъ, Риттеръ, С.-Мартенъ, Вивьенъ де С.-Мар-тенъ, Вепелинъ, Шафарикъ, Кастрентъ, Вельтманъ, о. Іакинъ Ви-чуринъ, Беръ, Ам. Тьери, Уйфальви и другія, менѣе громкія извѣ-стности. Не удивительно, стало быть, что создалось нѣсколько теорій о происхожденіи Гунновъ. Въ Европѣ такихъ теорій три—монголь-

ская, финская и турецкая. Наши русские ученые создали еще четвертую—славянскую.

Творцомъ послѣдней теоріи является Юрій Вевелинъ, издавшій въ концѣ 20-хъ годовъ обширное изслѣдованіе „Древніе и вышішіе Болгаре въ отношеніи къ Россіянамъ“ (М. 1829), въ которомъ старался доказать, что Гунны были никто иные, какъ Славяне. Другіе или только вторили ему, какъ А. Ф. Вельтманъ и И. Е. Забѣлинъ, или просто принимали на вѣру, какъ Н. И. Костомаровъ, или паконецъ, старались подыскать новые доказательства въ пользу славянства Гунновъ, какъ Д. П. Пловайскій. Въ послѣднее время г. Иловайскій съ особенной энергией выступилъ въ защиту славянской теоріи и снова оживилъ этотъ вопросъ въ нашей литературѣ.

Да и какъ, въ самомъ дѣлѣ, наши историки могли не признать въ Гуннахъ Славян? Читайте сказаніе Приска Ритора о посольствѣ его къ Аттилѣ, и васъ поразить необыкновенное сходство этихъ двухъ народовъ. Да, по нашему мнѣнію, описать древнихъ Славянъ иначе и нельзѧ, какъ описалъ Прискъ Гунновъ.

Но тѣмъ путемъ, какой избралъ г. Иловайскій для изслѣдованій, едва ли можно разъяснить дѣло: безъ Азіи мы тутъ никакъ не обойдемся. Волей-неволей, а заглянуть туда необходимо, какъ часто необходимо начинать исторію вѣкоторыхъ европейскихъ народовъ еще въ Азіи,—иначе не будетъ у насъ почвы подъ ногами, иначе мы будемъ строить зданіе, не возведя предварительно фундамента. До сихъ поръ на правильной дорогѣ стоялъ только знаменитый французскій ориенталистъ Дегинъ, который первый возбудилъ, въ половинѣ прошлаго столѣтія, вопросъ о народности Гунновъ, и славу котораго ни г. Пловайскому и никому другому затмить никогда не удастся. Дегинъ понялъ, что вопросъ о Гуннахъ можно разрѣшить только въ связи со всеобщимъ движениемъ народовъ изъ Азіи въ Европу. И многое уяснилось ему такого, чтѣ для другихъ и послѣ него, по захватывавшихъ лишь часть этого вопроса, оставалось непонятнымъ. Если же Дегинъ, по состоянію тогдашнихъ знаній въ Европѣ объ Азіи, задачи своей не рѣшилъ, за нихъ все-таки останется та заслуга, что онъ связалъ неразрывную цѣнью Хунь-пу китайскихъ писателей съ Гуннами европейскихъ.

Но исслѣдователи славянской теоріи отвергаютъ эту связь, которая прежде всего замѣчается въ имени этого народа: Хунну и Гунны. Чтобы подорвать эту связь, теперь стали даже искажать транскрип-

цию Хунь-ну въ невозможное Хионгну *Hsiung-nus*¹). Затѣмъ, не хотѣть они принимать въ разчетъ постоянныхъ вторженій разныхъ народовъ изъ глубины Азіи въ Европу. Для нихъ ничего не значать движенія Скиѳовъ, Массагетовъ, народовъ Финскихъ, Тюркскихъ, и наконецъ, Монголовъ²).

Но можетъ быть, нѣтъ никакихъ извѣстій о движеній Хунь-ну изъ восточной Азіи на западъ? И такое указаніе, какъ оказывается, существуетъ, хотя только въ китайскихъ лѣтописяхъ, что ничуть не ослабляетъ его важности. Въ „Историческихъ Запискахъ“ Сы-мацина, подъ 49, 48 и 47 годами до Р. Х. по нашему лѣтосчислѣнію, записано, что незадолго предъ тѣмъ начались у Хунновъ раздоры, междуусобія; появились у нихъ два шаньюа (хана), одинъ другому враждебные, Чжичжи и Хуханье. Первый изъ нихъ, не надѣясь, по своей слабости, вернуться на прежнія мѣста (онъ удалился раньше на сѣверъ), „помѣль со своимъ войскомъ на западъ, чтобы утвердить западную сторону подъ своею властію... и какъ онъ получилъ извѣстіе, что китайскій дворъ помогаетъ Хуханье шаньюю и войсками и хлѣбомъ, то и остался жить въ Западной сторонѣ. Расчлия, что онъ собственными силами не въ состояніи утвердить спокойствіе во владѣніяхъ Хунновъ, подался далѣе на западъ къ Усуню“ (земля Усуней соотвѣтствовала тогда нынѣшней Джунгаріи). Разбилъ онъ Усуньцевъ, Угѣ, Гань-гунь, на сѣверѣ покорилъ Динлинь. „Покоривъ три царства, онъ часто посыпалъ войска на Усуь, и всегда одерживалъ верхъ... Гань-гунь отъ Шаньюевой орды (то-есть, отъ

¹) См. статью г. Иловайскою «Вопросъ о народности Руссовъ, Болгаръ и Гунновъ», въ Журн. Мин. Народ. Просвѣщ. 1881 г. ии, майская, стр. 31; «Размыканія о началѣ Руси» (М. 1882), стр. 520. Къ стыду нашему у насъ все еще держится иностранная номенклатура восточныхъ названий, номенклатура, которую мы къ тому же не всегда понимаемъ, какъ это доказываютъ настоящій случай. Въ китайскомъ языке нѣтъ звука *и*; европейскіе же писатели примѣдили передавать чрезъ *и* твердый *к* (напр. *Thang—Tanъ*), а однимъ *и*—мягкій *и* (напр. *tian—tianъ*), бѣзъ всякаго уродованія и произношенія.

²) Венелинъ положительно отвергаетъ *migratio gentium*. Надо замѣтить, что Венелинъ задался прекрасною, но въ высшей степени трудной задачею распутать путаницу, дѣйствительно происходившую въ южной Россіи въ древности. Но самъ впалъ въ страшную крайность: онъ составилъ себѣ уѣждеміе и старался убѣдить въ этомъ другихъ, что никакіе народы изъ Азіи въ Европу никогда не переселялись, что Скиѳы, Сарматы, Массагеты, Аланы, Авары, Хазары, Гуны—все это одни народы, Славяне, только выступившій на сцену не подъ собственнымъ именемъ, а подъ нарицательными именами.

главного стойбища Хунновъ) на западъ отстоить на 7000 ли (ли=¹/₂ версты), отъ Чешы (въ Восточномъ Туркестанѣ) на съверъ 5000 ли. Здѣсь Чжичжи утвердилъ свое мѣстопребываніе... Случилось, что Кангюйскій владѣтель (Каягюй соотвѣтствовало Киргизскимъ степямъ), часто стѣсняемый Усуньцами, въ совѣтѣ съ своими старѣйшинами полагалъ: что Хуны составляли большое государство, а Усунь зависѣла отъ нихъ ^¹). Теперь Чжичжи шанью виѣ отечества, и находится въ тѣсныхъ обстоятельствахъ; можно пригласить его на восточную границу, совокупными силами завоевать Усунь, и здѣсь поставить его владѣтелемъ; тогда не для чего опасаться Хунновъ... Чжичжи въ походѣ потерялъ много людей, погибшихъ отъ мороза; только 3000 человѣкъ пришли въ Кангюй ^²). Затѣмъ, вслѣдствіе отдаленности, эти подавшіеся на западъ Хуны вовсе изчезаютъ изъ виду Китайцевъ, а имѣстѣ съ тѣмъ прекращаются у нихъ и свѣдѣнія о западныхъ Хуннахъ.

Такимъ образомъ, историческіе памятники сохранили намъ фактъ движенія Хунновъ отъ границъ Китая на западъ за три столѣтія до появленія ихъ въ Европѣ. Дальше, Хуны, по китайскимъ извѣстіямъ, тѣснятъ народъ Да-Юети, то-есть, Великихъ Юетей, которые, какъ доказалъ Сенъ-Мартенъ, въ передачѣ европейскихъ писателей привѣли форму—Массагеты, то-есть, Великіе Геты или Готы. И въ Европѣ Хуны появляются послѣ Готовъ.

Что же касается до того явленія, что нобітые и обращенные въ бѣгство кочевники сами являются насильниками и поработителями народомъ, стоящихъ на пути ихъ движенія, то оно вполнѣ удовлетворительно объяснено покойнымъ В. В. Григорьевымъ въ превосходной статьѣ его „Объ отношеніяхъ кочевниковъ къ осѣдлымъ“ ^³).

Но возможно ли допустить, чтобы народъ съ далекихъ окраинъ Азіи, претерпѣвая па пути своемъ въ Европу всевозможныя измѣненія этнографическія и политическія, сохранилъ въ теченіи столѣтій свое имя въ пеприкосновенности? Цѣлью рядомъ примѣровъ можно доказать, что имя народа, пока онъ не подвергся еще политической

^¹) Зависимость на Востокѣ часто выражается одною только давно и нечѣмъ больше.

^²) *O. Іакинъ*, Собрание свѣдѣній о народахъ Средней Азіи, ч. I, стр. 76—80. Ср. также изъ переводахъ *Camille Imbault-Huart*, Recueil de Documents sur l'Asie Centrale. Publications de l'École des langues orientales vivantes. Paris, 1881. P. 136, 139, 140.

^³) *Журн. Мин. Народ. Прессы*. 1875 г. кн. марта.

смерти, въ большинствѣ случаевъ удерживается или же подвергается незначительному измѣненію, получая какое-нибудь приращеніе. Такъ, Юети (Геты) двигаются на западъ подъ именемъ Да-Юети; но въ Европѣ они опять Геты. Кидане вторгаются въ Восточный Туркестанъ подъ именемъ Кара-Киданей (Кара-Хатайцы у мусульманскихъ писателей). Половцевъ (Комановъ) видимъ еще подъ Китаемъ. Случается, однакожъ, что прежнее название совершенно измѣняется: народъ, заявившій о своемъ существованіи въ Азіи подъ именемъ Жужаней, наводить страхъ на юго-восточную Европу подъ именемъ Аваровъ. Но такое явленіе происходитъ въ тѣхъ лишь случаяхъ, когда въ томъ же самомъ народѣ получаетъ первенствующее значеніе одинъ какой-нибудь родъ, который распространяетъ свое название на весь народъ. На этомъ основаніи надо допустить, что и у Жужаней былъ родъ Авары, которые пріобрѣли такое влияніе, что затмили народное название и заставили его исчезнуть.

Въ виду изложенныхъ обстоятельствъ нѣтъ, кажется, достаточныхъ оснований сомнѣваться въ тождествѣ Хунъ-ву Китайцевъ съ европейскими Гуннами.

Гораздо труднѣе определить народность Гунновъ. Мы не беремся решать этотъ вопросъ, но думаемъ, что некоторые наши соображенія по сему предмету не окажутся лишними для будущихъ исследователей, и можетъ быть, сколько-нибудь пособствуютъ къ уясненію дѣла.

Прежде всего необходимо замѣтить, что въ степяхъ южной Россіи продолжались всѣ тѣ же порядки, какіе имѣли мѣсто въ Азіи. Народы, переселившись за Волгу, не превращались еще въ Европейцевъ, не созидали у себя нового строя, не измѣняли своихъ понятій и требованій, вѣками устанавливавшихся; а все продолжалось у нихъ до поры до времени по старому. Странно, казалось бы, высказывать такую простую вещь; но приходится это сдѣлать въ виду того, что это обстоятельство никогда не разчетъ не принимается. Оттого мы такъ мало еще и уяснили себѣ положеніе древней Россіи до образования Русского государства, что не хотимъ обратиться за разрешеніемъ нашихъ вопросовъ и сомнѣній къ Азіи, порядки которой намъ сравнительно хорошо известны.

За разясненія этихъ порядковъ мы больше всего облагаемъ о. Иакинеу Бичурину. Обратимъ вниманіе на одинъ случай, имѣющій теперь для насъ особенное значеніе. Въ предисловіи къ своему труду, „Собрание сѣдѣній о народахъ Средней Азіи“, онъ заявляетъ: „Мон-

гольский народъ получалъ название отъ господствующаго дома. Симъ образомъ одинъ и тотъ же народъ подъ домомъ Хунну назывался Хуннами, подъ домомъ Дўлга Дўлгасцами, подъ домомъ Монголъ Монголами, и будеть дотолъ носить сie название, пока вновь усилившися какой-либо домъ покорить его и сообщить ему свое, другое народное, название. Сии два обстоятельства не были известны Грекамъ. Ученые западной Европы упустили пъ виду первое, и не обратили вниманіе на послѣднее; и потому попали на ложный понятія о народныхъ именахъ. Принимая части за цѣлое, или одинъ народъ за другой, они видѣли какой-то пепонятный для нихъ приливъ и отливъ народовъ.... При сбивчинахъ попыткахъ о древнихъ народахъ въ Средней Азіи, представляя себѣ венцы въ превратномъ видѣ, они (европейские ученые) находили въ Китайской исторіи много темноты и странности тамъ, гдѣ все было ясно и естественно; и наконецъ единогласно заключили, что Китайцы, по своему невѣжеству, перепутали древнюю исторію Средней Азіи" (т. I, стр. III-IV).

И очень просто, и очень важно это открытие. Побѣжденный народъ долженъ принять имя побѣдителя. И это явленіе въ Азіи видимъ на каждомъ шагу: сильный народъ поглощаетъ, такъ-сказать, слабаго сосѣда. Да и вообще въ Азіи, у кочевниковъ по крайней мѣрѣ, усиленіе происходитъ на счетъ сосѣда. Модз-шаньюй, побивая сосѣдей, накладывалъ на нихъ имя Хунновъ и образовавъ обширную Хуннскую империю изъ такихъ народовъ, которые Хуннами до этого времени не назывались (а можетъ быть, Модз-шаньюй имя одного только рода¹⁾ распространялъ на весь народъ). Но затѣмъ, когда могущество Хунновъ стало распашатываться отъ разныхъ причинъ, выступилъ на сцену новый народъ Сянъбайцы. По этому поводу у Китайцевъ записано: „Сѣверный Шапьюй (Хунновъ) бѣжалъ, 93 г. (по Р. Х.), и Сянъбайцы, пользуясь симъ обстоятельствомъ, заняли земли его. Оставшися роды Хунновъ, простиравшися до 100,000 кибитокъ, сами приняли народное название Сянъби"²), то-есть, Хуны съ этого времени стали называться Сянъбайцами, пока и эти, въ свою очередь, не должны были принять имя нового народа, выступившаго на историческую сцену³).

¹⁾ На Востокѣ «родъ» самая простая и самая распространенная политическая группа.

²⁾ Собрание сѣдѣній о народахъ Средней Азіи, т. I, стр. 163.

³⁾ Бывали случаи и добровольного подчиненія слабаго народа сильному съ принятиемъ имени послѣднаго; но это дѣжалось ради материальныхъ выгодъ, чтобы, такъ-сказать, войти въ долю относительно военной добычи.

Приведемъ еще примѣры. По завоеваніи Монголами Туркестана, населеніе его должно было называться Монголами. И персидскіе писатели называли Джагатайскихъ Турокъ не иначе, какъ Монголами (собственно, Моголами), даже и въ то время, когда всякая зависимость Джагатайцевъ отъ Монголовъ, вмѣстѣ съ могуществомъ послѣднихъ, уже прекратилась; такъ что, когда султанъ Бабуръ, ничего общаго, по происхожденію, съ потомками Чингиса не имѣвшій, основалъ свою имперію въ Кабулистанѣ, персидскіе историки называли ее Монгольскою; а затѣмъ и европейскіе, не разобравъ дѣла, окрестили ее имперіей Великаго Могола, то-есть, Великаго Монгола. На основаніи того же требованія и великій князь Московскій, во времена татарскаго ига, долженъ былъ называться „татарскимъ человѣкомъ“; а равнымъ образомъ и Славяне назывались Русскими (прилагательный именемъ, а не существительнымъ; существительное „Россиянинъ, въ родѣ Англичанинъ, сочинено было не такъ давно), то-есть, людьми подчиненными и поданными Руси, кто бы ни была эта Русь—пришла ли династія, или свой же родъ, получившій преобладаніе надъ прочими. Слѣдствіенно, имъ народа сохранился, несмотря на этнографическое измѣненіе его состава.

Возразить, пожалуй, что одно дѣло Азія, и другое совсѣмъ Европа. Чѣдѣ происходило на глазахъ Китайцевъ, того не было на виду у Византійцевъ. Но въ томъ-то и дѣло, что мы многаго не можемъ объяснить у послѣднихъ потому единственno, что относимся къ нимъ съ теперешнимъ взглядомъ на современныя имъ события, и при томъ съ нѣкоторымъ предубѣждениемъ. Такъ, не замѣчали мы до сихъ поръ, что въ настоящемъ случаѣ византійскіе писатели вполнѣ подтверждаютъ китайскихъ. Прокопій прямо говоритъ, что „Массагетовъ нынѣ называемъ Уннами“ (то-есть, Гуннами) ¹⁾. А впослѣдствії, когда началось вторженіе въ Европу Тюркскихъ народовъ, Гуннскіе народы сдѣлались известными у византійскіхъ писателей (Феофилактъ Симоката) подъ именемъ Турокъ. Замѣтимъ еще, что съ появлениемъ Гунновъ имя народа Сарматовъ прошло у Византійцевъ.

¹⁾ См. у Венелина, «Древніе и нынѣшніе Болгары», стр. 163. Отмѣтишь, кстати, какъ ошибался Венелинъ, заявляя, что «ни въ какомъ углу міра цвѣты народъ не перемѣнялъ своего имени по именамъ царствующихъ лицъ». Народное имя, однажды вошедшее въ употребленіе никакими переворотами измѣнено быть не можетъ» (Тамъ же, стр. 160). Однако, европейскіе Турки называютъ себя Османами, то-есть, Османовцами, по имени султана Османа.

Но затѣмъ слѣдуетъ вотъ какое явленіе: Какъ только политическая власть народа-побѣдителя падаетъ, происходитъ возрожденіе (впрочемъ, не всегда) прежнихъ народныхъ группъ, искусственная связь которыхъ поддерживалась лишь силой. Послѣ Монголовъ, напримѣръ, опять появляются Найманы, Керанты, Кипчаки и другіе народы, которые были поглощены Монголами. Самымъ же поразительнымъ примѣромъ такого явленія можетъ служить возрожденіе въ плаваніи мѣстности Джета, имени народа Іла, народа, изъ той мѣстности давно уже ушедшаго. А что касается до народа-побѣдителя, то онъ въ большинствѣ случаевъ теряетъ съ своимъ паденiemъ и свое имя, какъ потеряли его и Гуны. Имя это изчезло безъ всякаго слѣда, какъ изчезли имена Сянъбайцевъ, Киданевъ, Джурченевъ, и проч. и проч.

Остановимся пока на этихъ явленіяхъ, постоянно имѣвшихъ мѣсто въ Азіи, а равнѣмъ образомъ и въ стенахъ южной Россіи, при падавшѣ туда кочевыхъ ордъ, и попробуемъ теперь применить эти порядки къ Гуннамъ, двинувшимся отъ предѣловъ Китая въ Европу, въ чёмъ какъ, замѣтили, никакого сомнѣнія быть не можетъ.

Пять трехъ теорій монгольской, тюркской и финской только двѣ послѣднія заслуживаютъ вниманіе, и обѣ имѣютъ вѣскіе доводы въ свою пользу¹⁾. Не признаемъ мы въ Хуннахъ Монголовъ собственно потому, что Монголы выступили на историческую сцену позже Финскихъ и Тюркскихъ народовъ, оттого и въ Европѣ могли появиться позже послѣдніхъ, какъ дѣйствительно и случилось. Движенія народовъ происходили въ правильной системѣ. Сперва валили изъ Средней Азіи въ Европу Арийцы, затѣмъ Финны, спустившись съ сѣвера, образовали нѣсколько государствъ въ Европѣ. Почти въ то же время зашевелились и Тюркские народы, и много послѣ — Монголы. Все движеніе ихъ основано на томъ, что па дальнемъ Востокѣ усилившійся народецъ начиналъ тѣснить своего передового, по направлению къ западу, сосѣда; тотъ толкалъ слѣдующаго, и такъ далѣе. Слѣды такихъ толчковъ отражались черезъ нѣсколько времени и въ Европѣ. Никакихъ перескакиваний не было и быть не могло, какъ это ясно для пась теперь. Вотъ почему неправъ пашъ молодой славистъ г. К. Гротъ, высказавшій мысль, что Славяне могли пріѣдти въ Европу какъ

¹⁾ Не будемъ повторять доказательства въ пользу той и другой теорій, такъ какъ они достаточно уже известны.

бы въ хвостѣ Гунновъ и другихъ народовъ¹⁾). Народы никогда не тащились одинъ за другимъ, въ этомъ-то и вся суть. И если Славяне пришли въ Европу одновременно съ Гуннами (съ чѣмъ мы однако согласиться не можемъ), то не иначе, какъ въ головѣ ихъ, гонимые Гуннами. Это обстоятельство не говорить еще въ пользу слабости первыхъ, какъ не говорить и за силу послѣднихъ. Обращенные въ бѣгство, кочевники скоро образуютъ грозную силу по отношенію къ передовыми сосѣдямъ. Кочевники слабы, пока они не замышляютъ никакого военного предприятия; но когда соберутся они въ плотную массу, никакая сила остановить ихъ не въ состояніи. Тутъ происходит процессъ чисто-механический.

Но затѣмъ, кто правъ: тѣ ли, которые видятъ въ Хунну Тюрковъ, или тѣ, которые считаютъ ихъ Финнами,—рѣшить при настоящихъ свѣдѣніяхъ пока еще не можемъ. Лично мы стоимъ за турчизмъ Хунновъ, и какъ-нибудь выскажемъ свое соображеніе на этотъ счетъ; теперь же мы преслѣдуемъ совсѣмъ другую цѣль.

Допустимъ, что Хунну были Тюрки. Часть ихъ подалась на западъ и наложила свою руку и свое имя на тѣ народа, которые стояли имъ на пути. На пути же имъ должны были стоять народы Финского племени, слѣды пребыванія которыхъ уже замѣтны на Алтаѣ въ то время. Горсть Тюрковъ—кочевники никогда не были многочисленны²⁾)—растворилась въ финской народности, какъ преобладавшей своею численностью, хотя и составила въ немъ тюркскую закваску. Если это такъ, то съ Гуннами впервые проникъ въ Европу тюркский элементъ. Дѣло еще упрощается въ томъ случаѣ, когда сами Финны (или одинъ родъ Финского народа) назывался Хуннами. Во всякомъ случаѣ, кто бы ни были первоначальные Хуны, подъ ихъ именемъ ввалились въ Европу Финскіе народы³⁾.

¹⁾ Моравія и Мадьяры въ половинахъ IX до начала X вѣка. С.-Пб. 1881. Стр. 36, 56.

²⁾ Этому малочисленностию кочевниковъ (уже доказанною) и объясняется не вужна, на нашъ взглядъ, местокость ихъ по отношенію къ побѣжденнымъ. Г. Иловайскій воззрастаетъ противъ малочисленности напирающихъ кочевниковъ («Розысканія», стр. 503—504), не приводя однако убѣдительныхъ тому доказательствъ.

³⁾ Къ сожалѣнію, миграція Финскихъ народовъ очень мало разработана, и дѣло это еще довольно темное, хотя некоторые точки уже обозначены, какъ напримѣръ, переселеніе Угрозъ.

Населеніе южной Россіи, принялъ на себя волну Гунновъ, должно было подчиниться имъ и принять ихъ имя, имя Хунновъ. Въ томъ числѣ, конечно, въ Славяне, то-есть, большая или меньшая часть ихъ. Что Славяне были покорены Гуннами, это призналъ и Шафарикъ, признавали и другіе, такъ-сказать, институтивно, и признавали совершенно справедливо; но этого еще мало. Главная суть въ томъ, что Славяне, какъ ни назывались бы ихъ роды до этого времени, должны были, хотя бы только временно, называться Гуннами. Потомъ же, на основаніи приведенного выше закона, съ паденiemъ могущества Гунновъ, возродилась и независимость Славянъ, и ихъ прежнія имена.

Вотъ почему мы говоримъ, что Гунины ни въ какомъ случаѣ не были Славяне, но Славяне временно были Гуннами.

Наша теорія основана исключительно на историческихъ явленіяхъ кочевой жизни въ Азіи. Никто въ своемъ дѣлѣ не судья, по нашему кажется, что она объясняетъ просто и ясно разнорѣчивыя извѣстія о Гуннахъ у византійскихъ писателей. Правы были Амміанъ Марцеллинъ и Йорданъ (правильнѣе: Йорданъ), когда изображали въ не-привлекательномъ видѣ наружность дѣйствительныхъ Гунновъ, то-есть, Финновъ; правъ былъ и Прискъ, давая совсѣмъ другое описание Гунновъ, такъ какъ онъ вѣроятно Славянъ, то-есть, номадическихъ Гунновъ. Онъ не имѣлъ въ виду описывать самихъ Гунновъ, а лишь то, что встрѣчалъ на пути. Славяне, по своей численности, могли играть первенствующую роль, а то и вовсе составлять главную силу въ имперіи Аттилы. Затѣмъ понятно, какъ кажется, почему Саксы именовали Славянъ Гуннами; почему Беда Достопочтенный называлъ Гуннами Западныхъ Славянъ, а Семундова Эdda вообще разумѣла подъ Гуннами Славянъ¹).

Представляемъ другимъ разбирать выводы г. Иловайскаго и оцѣнивать въ цѣломъ его теорію²); но не можемъ отказаться отъ нѣкоторыхъ частныхъ замѣчаній.

¹⁾ См. «Пересмотръ вопроса о Гуннахъ», въ *Русской Старинѣ* 1882 г. як. осенральская, стр. 727—728, «Розысканія», стр. 535. Тамъ приведены и другие случаи.

²⁾ Когда мы писали настоящую статью, еще не появился въ печати разборъ этихъ выводовъ, сделанный В. Г. Васильевскимъ. (См. въ юльской книжкѣ въ *Журн. Мин. Нар. Пр.* «О именахъ славянства Гунновъ, Болгаръ и Роксоланъ»). Разборъ этотъ, по нашему мнѣнію, совершенно разрушаетъ теорію г. Иловайскаго.

Скучно твердить одно и то же, а все-таки приходится еще разъ повторить, что терминъ „Туранцы“ употребляемъ мы совершенно не-правильно. Оно означаетъ чистѣйшихъ Арийцевъ, какъ это доказано, а не Урало-Алтайцевъ, какъ думаетъ г. Иловайскій. Нечего, стало быть, сочинять и „Туранскую расу“ ¹⁾,—иначе это будетъ безсмыслица. Не прочь онъ, по видимому, производить имя Гунновъ отъ нѣмецкаго Hund—„собака“ ²⁾; но и эта пелѣость — изобрѣтение не г. Иловайскаго: она высказана была 40 лѣтъ назадъ однимъ очень известнымъ ученымъ. Затѣмъ, у нашего исследователя Турки и Татары одно и тоже, упоминая Турокъ, онъ иногда прибавляетъ при этомъ „то-есть, Татары“ ³⁾; но Турки еще не „то-есть“ Татары, хотя послѣдніе и говорятъ языкомъ, относящимся къ семейству тюркскихъ языковъ. Въ статьѣ, „Пересмотръ вопроса о Гуннахъ“ г. Иловайскій пишетъ: „Прокопій между прочимъ сообщаетъ извѣстіе, что Бѣлые Гунны имѣли бѣлую кожу и были отнюдь не безобразны. Изъ этого извѣстія можемъ заключать, что не всѣ Гунны слѣдовали обычаю безобразить свое лицо, или что Бѣлые Гунны принадлежали къ иному, племени“ (стр. 723. „Розысканія“, стр. 530—531). „Бѣлые Гунны“ — это византійская кличка народа несомнѣнно Арийского и болѣе известнаго подъ именемъ Эфталитовъ (у армянскихъ и персидскихъ писателей называемаго Теталы, Гаятеля и Хоалиты). Да и сами византійские писатели замѣчаютъ, что Эфталитовъ не слѣдуетъ смыслять съ Гуннами; но почему они придали имъ это имя съ эпитетомъ „бѣлый“ — это ихъ сектреть. Да и вообще надо замѣтить, что эпитеты „бѣлый“ и „черный“ означаютъ на Востокѣ

¹⁾ См. «Пересмотръ вопроса о Гуннахъ». Стр. 726. «Розысканія», стр. 535.

²⁾ Тамъ же, стр. 728. «Розысканія», стр. 535. По этому поводу мы приходимъся другіе филологические выводы г. Иловайскаго. Такъ, въ своихъ изысканіяхъ о началѣ Руси, онъ производилъ Волыніемъ отъ Аланъ посредствомъ приданія е; прибавивъ къ этому имени еще одно приданіе х, онъ получилъ Хевалисовъ. Такимъ путемъ можно, кажется доказать что угодно. Увлекшись ратѣть, союзникъ Ресовъ и Алановъ (Роксолановъ), г. Иловайскій сталъ производить отъ послѣдніхъ даже Уланосъ — это татарскихъ-то Оглиновъ! Квадратный верхъ монгольской шапки и до сихъ поръ удержался на каскахъ улани. Возставъ — и совершенно справедливо — противъ филологическихъ увлечений въ дѣлахъ исторіи г. Иловайскій и самъ далеко не избѣгъ въ этомъ упрека. Его производство словъ отъ бой+туру отъ Хазара, и множество другихъ, — болѣе чѣмъ странно..

³⁾ См. «Вопросъ о народности Руссовъ, Болгаръ и Гунновъ», стр. 28.

не цѣть, а происхожденіе: „блѣлая кость“ и „черная кость“. Въ пріи-
мѣненіи же къ народамъ служать для отличія „побѣдителей“ (блѣ-
льыхъ) отъ „побѣждаемыхъ“ (черныхъ).

Въ той же статьѣ г. Иловайскаго сообщается: „По словамъ Іорнанда,
скорбь свою о смерти Аттилы Гунны между прочими выражали тѣмъ,
что по обычаю обрили часть волосъ на головѣ и сдѣлали свои лица
еще болѣе безобразными посредствомъ глубокихъ разрѣзовъ. Ибо
„печаль о такомъ воителѣ они хотѣли выразить не женскими стена-
ніями и слезами, а мужской кровью“. Но подобного рода выраженіе
печали объ умершемъ вождѣ, именно царапаніе лба и носа и бритье
волосъ вокругъ головы, по свидѣтельству Геродота, существовало
еще у Царскихъ Скиѳовъ. А эти Скиѳы, по всѣмъ даннымъ, были
племя Арійское, отнюдь не Туранское“ (стр. 718 „Разысканія“ стр.
525). Выходитъ какъ будто, что это обычай только Арійскихъ на-
родовъ и говорить, слѣдовательно, въ пользу славянской теоріи на-
родности Гунновъ. Но г. Иловайский забываетъ, что подобный же
обычай существовалъ и у Турокъ, какъ самъ же онъ и описалъ его
излагая посланство Валентина къ Туркамъ (Туранцамъ, по мнѣнію
г. Иловайского), когда Турксантъ потребовалъ отъ Грековъ почтить
память его отца, только что скончавшагося, турецкимъ обычаемъ:
изрѣзать себѣ лица. И Валентинъ не осмѣился не исполнить этого
требованія: онъ и его свита изрѣзали себѣ лица остріями мечей ¹⁾.
Дѣло принимаетъ теперь нѣсколько иной оттенокъ.

Въ своихъ „Разысканіяхъ“ (стр. 539) г. Иловайский заявляетъ
„Кромѣ первостепенной важности для исторіи славянства вообще,
гуннскій вопросъ имѣть и непосредственное отношеніе къ началь-
ной Русской исторіи. Роксалане съ помощью Гунновъ освободи-
лись отъ готской зависимости и этотъ гунно-роксаланскій союзъ
собственно далъ толчекъ къ Великому переселенію народовъ“. Не
будемъ останавливаться на томъ, что терминъ „великое переселе-
ніе“ пе совсѣмъ удачный—ибо и раньше происходили переселенія не
менѣе, если только еще не болѣе „великія“,—но замѣтимъ, что за-
родышъ и причина переселеній имѣла иѣсто въ Азіи, а не въ
Европѣ, какъ было и во время такъ-называемаго великаго переселе-
нія народовъ.

Замѣтимъ еще по адресу не одного только г. Иловайского, а и

¹⁾ См. «Болгары и Русь на Азовскомъ Поморѣ», въ Ж. Мин. Нар. Пр.
1875 г. ин. каварская. „Разысканія“, стр. 255.

многихъ другихъ, что никакихъ „Царскихъ“ Скиевъ не было. У Геродота просто описка, которая указана довольно давно. Геродотъ (или его переписчики или издатели,—что все равно) выпустилъ одну только букву ρ послѣ α (Вагдѣхѣ вм. Варсиліхѣ), то есть, Скиемъ Барзилійцы. А народъ Барзилійцы известны намъ и по армянскимъ источникамъ¹), какъ известно и название страны Барзиліи, или Берзиліи.

Мы видѣли, какое значеніе имѣть на Востокѣ имя народное, какія происходить въ немъ измѣненія, и какъ оно исчезаетъ. Но исчезаютъ только имена, а не народы. То-есть народу приходится перемѣнить свое имя. Исключенія бываютъ въ тѣхъ лишь случаяхъ, когда небольшая горсть какого-нибудь народа попадетъ въ массу чужеземного элемента и тамъ заглохнетъ. Гуны, вторгнувшись въ Европу, не настолько были малочисленны, чтобы потеряться среди Славянъ. Наконецъ, известно, что послѣ смерти Аттилы Гунская орда отхлынула обратно за Волгу. Двигаться на востокъ еще дальше Гуны не могли, потому что вскорѣ же затѣмъ начался оттуда, съ востока, напоръ разныхъ Тюркскихъ народовъ. Слѣдовательно, они затерялись гдѣ-нибудь между Волгою и Ураломъ, но исчезнуть не могли, хотя и должны были испытать на себѣ всѣ тѣ порядки, о которыхъ говорили мы въ настоящей замѣткѣ. Прежде всего пришлось имъ выдержать напоры Печенѣговъ, Гузовъ, Половцевъ, и вслѣдствіе того, подвергнувшись влиянию турчизма въ сильной степени (мы допускаемъ тюркскую закваску у Гунновъ и раньше этого напора); а вѣдь съ тѣмъ и принимать имя, того народа, который накладывалъ на нихъ свою руку.

Но гдѣ же, спрашивается, сидѣтъ средневѣковые Гуны теперь, и подъ какимъ именемъ они скрываются? Намъ сдается, что наши Башкиры, являются представителями и потомками нѣкогда страшныхъ Гунновъ. Народъ этотъ не Тюркскаго племени, но долго находившійся подъ тюркскимъ давленіемъ.

Впрочемъ, мы высказываемъ это предположеніе не болѣе, какъ въ видѣ вопроса.

¹) У Монсея Хоренскаго. См. также «Армянскую географію» VII вѣка по Р. Х.. Текстъ и переводъ К. И. Патканова. Саб. 1877, стр. 36—37.

III. Веселовскій.

ВОПРОСЪ О КЕЛЬТАХЪ.

- 1) Отношение Кельтовъ къ Иберамъ и Лигурамъ.—Родство Иберовъ съ Баскаки и Лигурійское племя.—Кельты въ области, ими занимаемая въ III в. до Р. Х.—Теорія Амедея Тьерри о двойственности внутри Кельтическаго племени; наблюдения В. Эдварда.—Сочиненіе Баллого и разрушение творін Ам. Тьерри; единство галльского или кельтическаго типа.—Изслѣдованія Брокка и другихъ новѣйшихъ французскихъ ученыхъ; взгляды англійскихъ ученыхъ на родство съ Кельтами.—2) Помощь со стороны до-исторической археологии, труды Ах. Бергмана.—3) Нравственный характеръ Галловъ по древнимъ и новымъ писателямъ.—4) Религія Кельтовъ и трудности ея изученія; главные боги, друиды, ихъ вѣроученіе и иѣль значение.—5) Основные черты соціального быта и политического строя.—Уровень кельтской и галльской цивилизаціи.

I.

Въ историческое время главною этнографическою основою населения Западной Европы представляются намъ Кельты; но уже прошло то время, когда Кельты считались единственнымъ, самымъ первичнымъ и основнымъ слоемъ племенного состава даже въ древней Галліи. Не говоря пока о до-историческихъ расахъ, изъ-за Кельтическаго племени выступаютъ два другихъ, болѣе древнихъ, Иберійское и Лигурійское. Для большаго удобства и ясности мы начнемъ свое изученіе, идущее въ виду преимущественно Кельтовъ, краткимъ ознакомлениемъ съ этими двумя послѣдними племенами. Нѣкоторые признаютъ Иберовъ и Лигуровъ за одно племя, но это мнѣніе, какъ сей-часъ увидимъ, не можетъ быть признано основательнымъ.

Память объ Иberахъ сохранилась въ названіи Иберійского полуострова; но первоначально они населяли не одну Испанію, а также

значительную часть южной Галлии между Пиренеями и Гаронною, что видно уже изъ словъ Цезаря о населеніи Аквитаніи, подтверждаемыхъ и разъясненіемъ извѣстіями Страбона¹⁾.

Страбонъ замѣчаетъ (Geogr. lib. IV cap. 4), что Аквитаніи отличаются отъ прочихъ жителей Галлии не только языкомъ, но тѣлосложениемъ и учрежденіями и болѣе похожи на Иберовъ (Испанскихъ), чѣмъ на Галловъ. Поэтому древнихъ жителей южной Галлии дѣйствительно должно отнести къ Иберійскому племени. Если мы далѣе обратимся къ Фукидиду и Тациту, то найдемъ у нихъ указанія и на другія мѣстности, также населенія Иберами. По свидѣтельству Фукидіда, Сиканы, занимавшіе съ древнаго времени Сицилію, были собственно Ибери, прошанные изъ восточной Испаніи Лигурами въ незапамятныя времена. По Тациту, Ибери жили также и въ Британіи: имѣнію къ нимъ принадлежало племя Силуровъ, обитавшее въ Валлісѣ. Тацитъ сообщаетъ и виѣшнюю характеристику ихъ, но которой у нихъ оказываются темный цвѣтъ лица и курчавые волосы; это, впрочемъ, можетъ относиться не къ первоначальному Иберійскому, а къ тогданиему Испанскому типу (см. ниже) „Siliurum colorati vultus, torti plerumque crines et posita contra Hispania Hiberos veteres trajecisse easque sedes occupasse fidem faciunt“ (Agr. cap. XI). Иберійское племя древнѣе Кельтскаго, и уже воаднѣе Ибери въ Испаніи подверглись воздействию Кельтовъ и образовали смѣшанное племя Кельтиберовъ.

Итакъ, извѣстія древнихъ говорятъ о широкомъ распространеніи Иберовъ: Что же это за племя? Какое его происхожденіе и родство? Наука уже давно пришла къ заключенію, что до настоящаго времени существуютъ остатки Иберовъ и эти остатки нужно видѣть въ Баскахъ, небольшомъ племени, живущемъ по обширнѣ склонамъ Пиренеевъ, въ глубокихъ долинахъ Наварры и Беарна. Во времена Меровинговъ они населили также пынѣшнюю Гасконь, которая тогда называлась Вакконою Vasconia, — слово, очевидно, тожественное съ именемъ Вакковъ. Сами себя Баски называютъ теперь Эускарійцами (Euskal dunak), а свой языкъ эускарою. Племя, уцѣлѣвшее въ небольшомъ числѣ (около 600 тыс. душъ) въ отдаленномъ

¹⁾ «Gallia est omnis divisa in partes tres», говорилъ Цезарь (De bello Gallico, lib. I cap. 1), quarum unam incolunt Belgae, aliam Aquitani, tertiam qui ipsorum lingua Celtae nostra Galli appellantur, и далѣе: «Aquitania a Garumna flumine ad Pyrenaeos montes et eam partem Oceani quae est ad Hispaniam, pertinet».

захолустъ Европы, очевидно, представляетъ вымирающій остатокъ, постепенно исчезающій обломокъ какой-то глубокой древности. Особое вниманіе обращаетъ на себя именно его языкъ, своимъ строеніемъ отличающійся отъ всѣхъ индо-европейскихъ, и не смотря на большія заимствованія отъ сосѣдей, въ самомъ словарѣ сохранившей много своеобразныхъ корней. Знаменитый Вильгельмъ Гумбольдтъ первый воспользовался этимъ языкомъ въ своемъ классическомъ исследованіи о первоначальныхъ жителяхъ Испаніи¹⁾. Изучая географическая имена мѣстностей урочищъ, горъ, рѣкъ и городовъ древней Испаніи, онъ пришелъ къ слѣдующимъ важнымъ выводамъ. Именно: 1) названія мѣстностей Пиренейского полуострова принадлежать къ языкамъ совершенно различнымъ; 2) первая группа именъ относится къ мѣстностямъ, где жили Кельты, и легко объясняется языкомъ кельтскимъ (кипирскимъ, галльскимъ) и сходствомъ географическихъ названий другихъ кельтскихъ странъ; 3) другая группа, заключающая въ себѣ большинство именъ, принадлежавшихъ областямъ, которые, по познаніямъ древнихъ писателей, были заняты Иберами, легко объясняется языкомъ Басковъ, такъ что нельзя и сомнѣваться въ тожествѣ вынѣнныхъ Басковъ съ древними Иберами; 4) иберийскія имена мѣстностей, кроме Испаніи, встрѣчаются на югѣ Галліи, въ Италии и на островахъ Средиземного моря; 5) тамъ, где встрѣчаются иберийскія названія рядомъ съ географическими именами другихъ языковъ, ихъ можно считать древнѣшими. Вотъ выводы Гумбольдта относительно языка и национальности Басковъ. Правда, что въ недавнее время они подвергнуты были большому подозрѣнію относительно ихъ основательности; скептики встрѣчаются среди мѣстныхъ знаковъ, занимающихся специальнымъ изученіемъ вускарійского языка. Таковы Французы Bladé (*Etudes sur l'origine des Basques. Paris, 1869*) и Vinson (*La Question iberienne. Paris, 1873*); изъ нихъ послѣдній пришелъ къ тому заключенію, что еще нельзя ничего сказать определенного ни о происхожденіи Басковъ, ни объ языке Иберовъ. Нужно думать, что, какъ это обыкновенно бываетъ въ началѣ, разысканія Гумбольдта не чужды были увлечений и ошибокъ; но за вѣрность основнаго положенія ручаются новѣйшія изслѣдованія, принадлежащія лицамъ, обладающимъ современнымъ строгимъ и точнымъ филологическимъ методомъ. Изъ Французовъ слѣдуетъ

¹⁾ Prüfung der Untersuchungen über die Urbewohner Hispaniens vermittelst der baskischen Sprache. Berlin, 1821.

назвать Люшера (*Luchaire*), изъ Нѣмцевъ Филиппса, помѣщавшаго свой исследованія объ Иберахъ въ изданіяхъ Вѣнскай академіи наукъ (*Sitzungsberichte* за 1875 г.). Продѣланъ съзнова топонимическую работу Гумбольдта со всемъ строгостью истиннаго этимологического метода, то-есть, предварительно изучивъ добросовѣтнымъ образомъ, съ одной стороны, законы образованія современной географической номенклатуры, а съ другой—фонетические законы и словарь языка Басковъ, Люшеръ считаетъ себя въ правѣ выставить слѣдующее положеніе: „Во времена Страбона, Плинія и Штолемея, на обоихъ склонахъ Пиренеевъ, на берегахъ Гвадальквивира, Тахо и Ебро уже существовали мѣстности съ наименованіями баскскими. Почему же нельзя будетъ допускать совершенно логического заключенія, что область еускары была нѣкогда болѣе обширна, чѣмъ нынѣ, что она обнимала по крайней мѣрѣ двѣ трети Испаніи и значительную часть южной Галліи? Замѣтимъ, что тутъ нѣтъ рѣчи ни объ Иберахъ, ни о Лигуріахъ, ни объ иберійской нумизматикѣ, а дѣло идетъ объ одномъ простомъ фактѣ лингвистики, котораго не могутъ подвергнуть подозрѣнію (*comproverre*) ни увлеченія послѣдователей Гумбольдта, ни всѣ насыпки его болѣе или менѣе добросовѣтныхъ противниковъ“. Чтобы характеризовать методъ Люшера, возьмемъ одно изъ немногихъ воренныхъ словъ еускары, наиболѣе легко узнаваемое въ древней географической номенклатурѣ. На языкѣ Басковъ *iñi* (съ переходомъ въ *ili*, *urgi*) значить городъ, населенное мѣсто, *bergi* значить новый. Затѣмъ въ области древнихъ Иберовъ мы находимъ города: *Illi-beris* въ Руассильонѣ (теперь *Elns*), *Elimbergge* въ Гаскони (теперь *Auch*), *Illiberis* въ Андалузіи, Римской Бетицѣ (теперь Гранада). Уже этихъ трехъ имёнъ, ради примѣра взятыхъ въ трехъ крайнихъ окончательныхъ пунктахъ господства древнихъ Иберовъ, достаточно для того, чтобы установить фактъ распространенія языка Басковъ въ Андалузіи, Гаскони и Руассильонѣ. Нужно прибавить, что Филиппъ такиъ Иберійскихъ нов-городовъ насчиталъ до 46-ти. По своему строю языкъ Басковъ принадлежитъ къ группѣ агглютинирующихъ языковъ, то-есть, онъ не имѣть ни родовъ, ни флексіи, а образуетъ падеженія и другія формы присоединеніемъ особыхъ служебныхъ словъ; онъ сходенъ съ языками Финновъ и краснокожихъ племенъ Америки. Пораженный этимъ сходствомъ, Гумбольдтъ пошелъ далеко въ своиѣ гипотезахъ; онъ думалъ объ американскомъ происхожденіи Басковъ, и такъ какъ ему нужно было построить какой-нибудь мостъ черезъ океанъ, то онъ вспомнилъ островъ Атлантиду, о которомъ

говорилъ еще Платонъ. Съ географической точки зреінія, очевидно, гораздо легче провести линію отъ Басковъ къ финскому сѣверу. Если мы вышеприведенные данные объ языкахъ нынѣшихъ Басковъ перенесемъ на языкъ древнихъ Иберовъ, то окажется, что Иберы говорили агглютинирующій языккомъ. Затѣмъ, если мы допустимъ гипотетически тожество, или только родство, между Иберами и Лигураами, то выйдетъ, что значительная часть первобытнаго населенія южной Европы говорила не арійскимъ языккомъ и по всѣмъ признакамъ была происходженія не индо-европейскаго, а можетъ быть, финскаго, то-есть, одинакового съ значительнымъ числомъ народовъ, населяющихъ и до сихъ поръ сѣверо-восточную Европу и уходящихъ далеко въ глубь Азіи. Въ распространенности Финского племени въ Средней Европѣ въ эпоху, предшествовавшую кельто-германскому periodу, теперь никто не сомнѣвается. Незадолго до послѣдней Франко-Пруссской войны, знаменитый французскій патруалистъ Катрфажъ, изучая кранеологію (науку о строеніи череповъ), доказывалъ, что населеніе Пруссіи — финского и славянского происхожденія; перенося этотъ научный выводъ на политическую почву, онъ утверждалъ, что Пруссаки не могутъ претендовать на первенствующую роль въ Германіи, чѣмъ и привелъ въ негодованіе Нѣмецевъ. А теперь самые серьезные и притомъ патріотические нѣмецкіе ученые, — мы имѣемъ въ виду Вирхова, и его статью о первоначальномъ населеніи Европы (*Urbevölkerung Europas*, переведена на русскій языкъ въ журналѣ *Знаніе*) — не только признаютъ за несомнѣнное, что въ Германіи жило нѣкогда Финское племя, но и допускаютъ ту мысль, что оно не исчезло безследно для настоящаго, что финская кровь остается въ жилахъ значительной массы Тевтоновъ. И такъ, мы можемъ провести линію отъ области нынѣшихъ Финскихъ племенъ сѣверо-восточной Европы на юго-западъ и предположить, что область вускары распространялась въ отдаленныя времена на всю западную Европу до встрѣчи на востокѣ съ Финскими племенами. Противъ родства Басковъ или древнихъ Иберовъ съ Финами, которое отсюда слѣдовало бы совершенно логически, существовали вѣкоторыя сомнѣнія, сохранившія большое значеніе и для Вирхова. Дѣло въ томъ, что Баски, хотя и говорятъ агглютинирующімъ языккомъ, физиологически представлялись имѣющими очень мало сходнаго съ Финами: Финны до сихъ поръ признавались ярко обозначенными брахицефалами, а Баски — долихоcefалы. Въ самое послѣднее время и на основаніи недавнихъ раскопокъ кургановъ въ сѣверныхъ русскихъ губерніяхъ, въ области распространенія финно-

угорской семьи, обнаружилась ошибочность представлений объ исключительной короткоголовости Финновъ... Оказывается, что напротивъ всея народы угорской семьи были длинноголовы, и что даже собственно Финны не принадлежатъ къ одному типу: если финландскіе Финны короткоголовы, то другие — настоящіе долихокефали (см. статью Елисѣева: „Къ археологии и антропологии Ильменского бассейна“. Журн. Мин. Нар. Просв., апрѣль и май 1881 г.).

Обратимся теперь къ Лигурамъ. Эта народъ въ древнія времена, раньше, утверждения Кельтовъ, былъ распространенъ гораздо больше, чѣмъ мы можемъ заключить по названию одного Лигурійского берега. Западною границею ихъ въ эпоху вилотъ историческую была рѣка Рона, но они заходили и на правый берегъ ея и образовали въ южной Галліи (въ Лангедокѣ) смѣшанное населеніе Иbero-Лигуріровъ. Съвершиою ихъ границею были Севенны и Швейцарскіе Альпы, затѣмъ они спускались въ Италию, жили по берегамъ Лигурійского залива, въ, нынѣшнемъ Піемонтѣ, по склонамъ Апеннинъ, въ Сардиніи и даже по берегамъ Адріатического моря. На основаніи — правда, нѣсколько темныхъ — указаний Авіэна въ его сочиненіи: „Ога. магітима“¹⁾), считается достовѣрнымъ, что въ глубокой древности, ранѣе прихода Кельтовъ, они жили въ средней Галліи, около Атлантическаго океана, занимая значительныя ея пространства; указаніе Авіэна подтверждается прямымъ и вилотъ яснымъ свидѣтельствомъ Артемидора (около 110 г. до Р. Х.), которое сохранено Стефаномъ Византійскимъ, о жительствѣ Лигуріовъ въ области рѣки Луари. Одинъ новый ученый Беллоге находитъ Лигуріовъ и въ Британіи. Онъ сопоставляетъ название Лозгры (такъ назывались у Кельтовъ Валлиса жители юго-восточной части острова) съ именемъ Лигуріовъ; а съ другой стороны, тѣхъ же Лигуріовъ онъ склоненъ видѣть и въ Силурахъ Тацита, предполагая, что подъ Иберами въ данномъ мѣстѣ биографіи Агріколы нужно разумѣть испанцевъ вообще, какъ жителей извѣстной страны, называемыхъ, правда, всего чаще по имени древнихъ Иберовъ, но по крови происходившихъ отъ нихъ только частію; напротивъ какъ у Авіэна, такъ и у другихъ писателей — есть указанія, что въ самой Испаніи въ древнѣшія времена было распространено Лигурійское населеніе (примечимъ

¹⁾ По исследованію Мицленгофа, это сочиненіе, по крайней мѣре, по своей основе, заимствовано изъ финикійско-каравенскаго источника, относящагося къ VI вѣку до Р. Хр.

вынеприведенное наимѣстіе Фукидіда); оно-то, по мнѣнію Беллоге, а сообщило Испанцамъ (Иберамъ тоже) ихъ типъ, знакомый Тациту; вообще по мнѣнію этого ученаго, Лигуры суть настоящая южная раса, состоявшая также въ родствѣ съ сѣверо-африканскими Гетулами.

Нѣкоторые учениѣ отожествляютъ Лигуровъ съ Иберами. Существенное возраженіе противъ этого мнѣнія находится уже въ томъ, что лучшіе писатели древности никогда не смѣшиваютъ двухъ соседнихъ племенъ, а наоборотъ постоянно и тщательно указываютъ ихъ границы; такимъ образомъ уже древнимъ бросалась въ глаза разница между обоими племенами. Съ другой стороны замѣчено, что въ мѣстахъ коренного лигурійскаго населенія совсѣмъ не встрѣчается названій, напоминающихъ характеристические еускарійскіе корни *i*гі и *b*етті, что указываетъ на различіе языковъ, которыми говорили оба народа. Наконецъ, въ томъ же смыслѣ различія между Иберами и Лигурами высказываются и антропологи. Они сравниваютъ физиологический типъ сохранившихся доселѣ племенъ представителей Лигурійского племени — Сардовъ (жителей Сардиніи) съ физиологическимъ типомъ Басковъ, остатковъ племени Иберійскаго, и оказывается существенная разница: первые — короткоголовые, вторые — длинноголовые¹). Къ сожалѣнію, о языкахъ древнихъ Лигуровъ не сохранилось почти никакихъ данныхъ (Сарды говорятъ на одномъ изъ италіанскихъ нарѣчій), и вопросъ о ихъ происхожденіи остается съ этой стороны совсѣмъ не разысканнымъ. Попытка же сблизить Лигурійскій языкъ съ Кельтскимъ посредствомъ толкованій мѣстныхъ названій собственно Лигуріи (статья Куно въ *Rheinisches Museum* 1873 г.) должна быть признана совершенно неудачной, равно какъ неудовлетворительны представляются и вообще доказательства принадлежности Лигурійского языка къ индо-европейскимъ (статья *Arbois de Jubainville* о Лигурахъ въ *Racutee archéologique* 1875, вошедшая потомъ въ его книгу *les premiers habitants de l'Europe*). Ко-

¹) Нужно, однако, замѣтить, что натуралисты (между прочими Вирховъ), по видимому, не знаютъ о прямыхъ указаніяхъ на существование собственно Иберійского населения на островахъ Сардиніи и Корсикѣ, находящихся у древніхъ писателей (у Сенеки, относительно Корсикѣ, у Павсанія и блаженнаго Ероніма относительно Сардинії). Жители Сардинія уже въ египетскихъ памятникахъ известны подъ именемъ Шардана (*Schardana*), чтѣ напоминаетъ Сордоновъ Иберійское племя, жившее въ восточныхъ Пиринеяхъ. Впрочемъ на сѣверо-восточномъ берегу Сардиніи обитали Корбы, племя действительно лигурійское (ср. *Kiepert, Lehrbuch der alten Geogr.*, p. 477).

реное различіе между Иберами и Лигурами предостерегаетъ насъ противъ малышиаго увлечения финсковою теоріею, которая на первый разъ можетъ представляться самою подходящею для объясненія неарійскихъ элементовъ въ европейскомъ населеніи. Если бы можно было съ достаточнью степенью достовѣрности принять Сардовъ за потомковъ предполагаемаго первоначального населенія Европы Финско-Туранскаго племени, съ сохранившимся физиологическимъ типомъ предковъ, а Басковъ за ихъ потомковъ съ сохранившимся языкомъ, но измѣнившимся подъ влияніемъ климата и смыщенія съ Арийцами физиологическимъ типомъ,—то эта теорія была бы гораздо прочнѣе. Впрочемъ, мы не должны ея пугаться; иѣкоторые даже французскіе ученые признаютъ, что въ жилахъ многихъ Французовъ течеть не арійская, а туранская кровь, и типъ бретонскій, типъ национального героя, Бертрана Дюгесмена — есть типъ туранскій. Большое значеніе Лигурамъ въ вопросѣ о предкахъ Французскаго народа придастъ Беллоге. Дальнѣшія подробности для насъ разъясняются послѣ того, какъ мы ближе познакомимся съ отношеніемъ къ этому вопросу новѣйшихъ наслѣдовавій о Кельтахъ, къ которымъ мы и обращаемся.

Вопросъ о Кельтахъ имѣть обширную и выдающуюся литературу. Поэтому укажемъ сперва на главнѣйшия изслѣдованія, сообщающія намъ свѣдѣнія о разселеніи и жизни этого народа.

1) *A mѣdée Thierry: „Histoire des Gaulois depuis les temps les plus reculés jusqu'à l'entière soumission de la Gaule à la domination romaine“*. Первое изданіе. 1829 г., четвертое—1857 г. (3 тома). Это сочиненіе между прочимъ развиваетъ теорію о двойственности Галло-Кельтскаго племени. Но поводу новой теоріи Тьеrrи

2) Вильямъ Эдвардсъ написалъ: „Письмо къ Тьеrrи о физиологическихъ признакахъ человѣческихъ породъ и ихъ отношеніи къ исторіи“. Оно переведено на русскій языкъ съ примѣчаніями Т. Н. Грановскимъ (въ I томѣ его сочиненій, первоначально въ Магазинѣ Землевѣдѣнія — Фролова, томъ I).

3) *Belloguet: „Ethnog  nie gauloise ou m moires critiques sur l'origine et la parent   des Cimbr『ens, des Cimbres, des Ombres, des Belges, des Ligures et des anciens Celtes“* (3 тома, 4-й не оконченъ за смертью автора).

4) Первою частью этого сочиненія уже имѣть возможность пользоваться авторъ полезнаго и дѣлъшаго русскаго труда: „Галлы въ эпоху Юля Цезаря“. Соч. А. Георгіевскаго. Москва, 1865,

5) *Henri Martin: „Etudes d'archeologie celtique“, Paris, 1872—*

вышли тотчасъ послѣ появленія сочиненія Беллогэ, — рядъ статей довольно важныхъ и интересныхъ.

6) Desjardins: „Géographie administrative et historique de la Gaule romaine“; для насъ особенно важенъ 2-й томъ, вышедший въ 1878 году, гдѣ разбирается вопросъ этнографической и наслѣдователей религиозный бытъ Кельтовъ.

7) Bertrand: „Archéologie Celte et Gauloise“. 1876 года.

8) Вальро же (Valroger): „Les Celtes — la Gaule Celtique“. Paris. 1879 г. Рассмотрѣніе юридического быта Кельтовъ. Подробный и весьма сочувственный разборъ этого сочиненія, вообще хорошаго, но не имѣющаго самостоятельнаго значенія, помѣщенъ въ „Сборникъ государственныхъ знаній“.

Изъ англійскихъ сочиненій, трактующихъ о Кельтахъ въ отношеніи къ образованію англійской національности назовемъ:

9) Pike, the English and their origin. 1866.

10) Nicholas, Pedigree of the english people. Second edition. London, 1868.

11) Elton, Origins of english history. London. 1882.

12) Новѣйшая французская обширная книга: Lemiere, Etude sur les Celtes et les Gaulois (Paris, 1881) хотя и должна быть упомянута, но большой цѣны не имѣть.

Кельтологія имѣть во Франції свой специальный органъ — журналъ: Revue Celtique, правда, выходящій довольно неаккуратно, но существующій уже нѣсколько лѣтъ. Сверхъ того много статей по этому предмету помѣщается въ другомъ специальному изданію: Revue archéologique.

Приступая къ разсмотрѣнію разселенія, характера, національного типа, жизни и правовъ Кельтовъ, я отправляюсь отъ сочиненія Amédée Thierry и его взглядовъ, подкрепленныхъ наслѣдованіями Эдварда. Кельты жили въ Галліи, Британіи, Дувайскихъ странахъ — Речіи и Панноніи до древнаго Syngidunum (нынѣшній Бѣлградъ), въ сѣверной Италии — Цизальпинской Галліи и Умбріи. Въ V вѣкѣ до Р. Х. они проникли въ Испанію и образовали въ соединеніи съ Иберами новый смѣшанный народъ Кельтиберовъ. Наконецъ, въ III в. до Р. Х., ордою завоевателей пройдя черезъ Македонію, они пробрались въ Малую Азію и образовали тамъ государство Галатовъ, раздѣленное на три народа — Толистобоеvъ (съ главнымъ городомъ Пессинунтомъ), Тектонаговъ (съ главнымъ городомъ Анкирою) и Трокмовъ. Къ этому времени, къ 280 году до Р. Х., отно-

сится наибольшее могущество Кельтского племени. Господствующій языкъ во всей центральной и западной Европѣ былъ тогда языкъ кельтскій; онъ непосредственно соприкасался съ областью языка греческаго. Кельтская раса владѣла тогда наибольшою частью полуострова Иберійскаго, островами Британскими и обширною территоріею, которая образуетъ теперь сѣверную и центральную Францію, Бельгію и Голландію; ей принадлежали западныя провинціи и южныя области нынѣшней Австро-Венгерской имперіи. Въ 281 году они утвердились въ Малой Азіи. Въ Европѣ Кельтская раса простиралась тогда отъ Атлантическаго океана до Чернаго моря, отъ Нѣмецкаго моря до Адріатики, и отъ Британскаго острова до сосѣдства съ Гибралтарскимъ проливомъ. На берегахъ Дуная, почти на всемъ его протяженіи, на берегахъ Рейна, верхней Эльбы, Темзы, Сены, Тахо и Ебро раздавался кельтскій языкъ если не исключительно, то какъ господствующій. Географическія названія еще въ римское время сохранили память объ этомъ широкомъ распространеніи кельтскаго языка. На самомъ крайнемъ восточномъ пунктѣ кельтского господства мы находимъ городъ Noviodunum (около нынѣшней Исакчи) — на правомъ берегу Дуная, близъ Чернаго моря въ Добруджѣ. Это название, въ которомъ латинскаго одно только окончаніе, тожественно съ именемъ, которое носилъ во времена Цезаря одинъ городъ Трансальпинской Галліи въ странѣ Эдуевъ, которое носили въ эпоху Римской имперіи Nyon въ Швейцаріи, одинъ городъ въ средней Франціи (Sublains въ Мэнѣ, Mayenne), одна мѣстность въ Панионіи, одна волость общины Плаценції (Піаченчѣ) въ сѣверной Италии. Въ приведенныхъ географическихъ наименованіяхъ уже содержатся пѣкоторыя указания на единство языка, которымъ говорило широко распространенное Кельтское племя. Тѣмъ не менѣе трудно предполагать, чтобы это единство исключало всякіе діалектическіе отличія и уже прямо доказывало полную этнографическую однородность состава. Но мнѣнію Тьери, оно распадалось на двѣ вѣтви съ существеннымъ различіемъ и въ языкахъ, и въ вѣнѣшнемъ характерѣ, и въ нравахъ. Тьери развили теорію о двойственности Кельтской расы. Точкию отпрашленія для него служатъ слова Юдія Цезаря: не говоря объ Аквитапахъ, еще раньше выдѣленныхъ нами, Цезаря различаетъ среди населенія Галліи собственныхъ Галловъ, которые сами называли себя Кельтами, отъ Белговъ, которые живутъ къ сѣверу отъ Марны и на востокѣ отъ Сены. Страбонъ подтверждаетъ слова Цезаря, по говорить, что поселенія Белговъ тянутся далѣе на югъ и на юго-западъ между Сеною и Луа-

рою. Эти замѣчанія древнихъ писателей Тьерри искусно иллюстрируетъ чертами различія между обѣими вѣтвями Кельтскаго племени, замѣчаемыми и теперь. Именно онъ обращаетъ вниманіе на двойственность кельтическаго населенія Британіи и видѣть подтвержденіе своей теоріи въ раздѣленіи ихъ на жителей Валлиса, называющихъ свое нарѣчіе кимраикъ (*langue cymraique*), а самихъ себя Кимрами, и на жителей Шотландіи и Ирландіи, носящихъ название Газловъ (*Gaidheal*). Такимъ образомъ является въ Англіи дѣлѣ вѣтви Кельтскаго племени. Какъ же перевести это дѣленіе на древній языкъ? Жители Валлиса и Корнуэллса, отвѣчаетъ Тьерри,—Кимры — несомнѣнно тѣ же Белги, потому что у Цезара и у Тацита есть прямыя извѣстія, что Белги жили и въ Британіи, переходя туда изъ Галліи съ цѣлію войны или пріисканія новыхъ земель для поселенія. Остальные британскіе Кельты, то-есть, Газлы, соответствуютъ собственнымъ Кельтамъ или Галламъ Цезаря и вмѣстѣ съ ними составляютъ одну семью. Если обратить вниманіе на географическое распространеніе, то подобное расположение племенъ можетъ нуждаться въ объясненіи, и Тьерри, на основаніи соображеній географическихъ, возстановляетъ длинную исторію отношеній двухъ племенъ. Кимры явились позднѣе Газловъ, врѣзались въ ихъ середину и раздѣлили ихъ пополамъ. Отсюда понятно, что на сѣверѣ Франціи и на югѣ Британіи, то-есть, внутри помѣстились Кимры (Белги) и стали распространяться во Франціи по направлению къ югу отъ Сены, а Гальское (собственно Гальское) племя, разрѣзанное пополамъ, осталось въ Шотландіи и Ирландіи и въ восточной Франціи.

Теорія Амедея Тьерри, построенная на остроуміи, но довольно произвольномъ сопоставленіи древнихъ извѣстій съ новыми наблюденіями, нашла себѣ неожиданное подкрѣпленіе изъ сферы естественно-научныхъ; она привлекла вниманіе извѣстнаго натуралиста Вильяма Эдвардса и вызвала появленіе вышеизданнаго письма къ Тьерри о физиологическихъ признакахъ человѣческихъ породъ и ихъ отношеніи къ исторіи. Выходя изъ совершенно новыхъ основъ, именно изъ данныхъ физиологівъ, Эдвардѣсъ приходитъ къ тому же выводу, къ которому пришелъ и Тьерри, и тѣмъ подтверждаетъ его теорію. Эдвардѣсъ объѣхалъ большую часть странъ, имѣющихъ отношеніе къ изданной Тьерри исторіи Галловъ. Отправляясь отъ того, всѣми теперь признаваемаго принципа, что антропологические характеристические признаки наследственны, и что, несмотря на всяческія иностранныя нашествія, туземная раса, почти всегда преобладающая численно, со-

храняетъ свой типъ, онъ отыскивалъ древнихъ Галловъ въ современныхъ населеніяхъ Франціи и нашелъ два отличные другъ отъ друга типа: съ одной стороны, обратило его вниманіе населеніе великорослое, съ овальной головою и блокурыми волосами, съ другой—средняго роста съ округленной головой и черными волосами. Настоящее заставило его сдѣлать заключеніе относительно существованія и въ прошломъ двухъ вѣтвей Кельтическаго племени, изъ коихъ одна, соответствующая первому типу, должна называться, какъ у Тьери, Камрскою, а другая, соответствующая второму типу,—Газельскою. Нужно признать, что наблюденія Эдварда, дополненные потомъ имъ самимъ, фактически совершенно правильны; они были подтверждены позднѣйшими совершенно методическими и точными изслѣдованіями знаменитаго антрополога, недавно умершаго доктора Брокѣ (Paul Broca). Что касается роста, первого и наиболѣе важнаго признака, выставленного Эдвардсомъ, то Брокѣ собралъ статистическія данныя, относящіяся къ рекрутскімъ наборамъ (конскрипції) въ разныхъ департаментахъ Франціи за много лѣтъ, при чёмъ оказалось, что случаи исключенія по малорослости въ однихъ встрѣчаются гораздо чаще и больше, чѣмъ въ другихъ. На картаѣ, которая на этомъ основаніи была составлена, оказались два пояса: одинъ соотвѣтствовалъ Галліи Бельгійской или Кимрійской, а другой поясъ простирался отъ Альпъ къ Бретаніи и заключалъ въ себѣ всю центральную массу Франціи—съ отличительнымъ признакомъ низкаго роста; по срединѣ оставались нѣсколько департаментовъ съ населеніемъ посредственнаго роста вслѣдствіе, нужно думать, смышенія породы. Виѣсть съ тѣмъ получала, по видимому, новое блестательное подтвержденіе и общая доктрина историка, за исключеніемъ его частнаго мнѣнія о принадлежности Армориканцевъ (Бретонцевъ) къ Кимрской вѣтви; Арморика прямо связывалась черной краской, означающею малорослость, съ центральною массою, и оказывалась, слѣдовательно, не принадлежащею къ великорослому поясу. Кроме роста, Эдвардсъ указывалъ на форму головы, чтѣ въ сущности у него означало форму лица, но не черепа; наблюденіе основывалось на глазомѣрпомъ сравненіи наибольшей ширины лица съ разстояніемъ между двумя пунктами, опредѣляющими его длину, то-есть, между мѣстомъ, где начинаются корни волосъ, и окоченостію подбородка: лицо Галловъ имѣло округленную форму, лицо Кимровъ—овальную. Это наблюденіе, хотя и важное, замѣняется теперь у антропологовъ болѣе точнымъ, но за то и болѣе затруднительнымъ измѣреніемъ собственно черепа, опредѣленiemъ такъ-на-

звываемаго головнаго указателя. Двѣ величины, входящія въ него, суть: а) передне-задній диаметръ, простирающійся отъ надиереноса къ самой выдающейся назадъ точкѣ черепа, къ наибольшей затылочной точкѣ, и б) поперечникъ наибольшей ширинѣ, получающійся, какъ показываетъ название, на мѣстѣ наибольшей ширинѣ, гдѣ бы оно ни пришлось. Отношеніе наибольшей ширинѣ къ наибольшему переднезаднему поперечнику и есть головной указатель ¹⁾; онъ измѣняется у человѣческихъ растъ отъ 71, 40 (у Гренландцевъ), до 85, 63 у Лапландцевъ (для отдельныхъ череповъ крайности болыше); на основаніи его черепа раздѣляются на длинные и короткіе, и человѣческихъ породъ—на долихокефаловъ (длинноголовыхъ) и брахицефаловъ (короткоголовыхъ), при чмѣ допускаются еще средніе термины ²⁾.

Возвращаясь къ теоріи Амедея Тьерри и наблюденіямъ Эдвардса, мы опять должны признать, что за вышеозначеннымъ исключеніемъ, она сохраняетъ свое значеніе и въ виду этой новой, болые научной классификаціи. Формѣ лица соотвѣтствуетъ, конечно, известная форма черепа; Кимры оказываются долихокефалии, а другіе Кельты, Газлы Тьерри—брахицефалии. Въ первомъ своемъ мемуарѣ „О физіологическихъ признакахъ человѣческихъ породъ“, известномъ намъ по переводу Граповскаго, Эдвардсъ не говорилъ ничего о цвѣтѣ волосъ, а только о ростѣ и чертахъ лица; но въ своемъ позд-

¹⁾ Его формула такая:

$$\frac{\text{Н. шир.} \times 100}{\text{Попер. пер.-зад.}}$$

См. Антропология Топикара (переводъ подъ редакцію Мечникова. С.-Петербургъ, 1879), стр. 224, 225.

²⁾ Для обозначенія среднихъ череповъ Брокѣ ввелъ терминъ среднеголовыхъ, месатикеалловъ, который теперь и принятъ всѣми. Но такъ какъ область обѣихъ крайнихъ группъ оказывалась на практикѣ все-таки слишкомъ обширною, то Брокѣ прибавилъ еще два обозначенія: подъ-длинноголовые, для менѣе длинныхъ череповъ, и подъ-короткоголовые, для наименѣе круглыхъ череповъ. Итакъ получалось пять подраздѣленій, границы которыхъ опредѣляются слѣдующимъ образомъ:

длинноголовые: указат. 75,00	
и менѣе	
подъ-длинноголовые . . .	75,01 — 77,77
среднеголовые . . .	77,78 — 80,00
подъ-короткоголовые . . .	80,01 — 83,33
короткоголовые . . .	83,31 и болыше

См. Антропология Топикара, стр. 226.

яйшемъ трудѣ о Газлахъ онъ дополнилъ свое описание тѣмъ, что призналъ за ними, какъ отличительный признакъ, волоса темнаго цвѣта; въ отличіе отъ другихъ Французовъ потомки Газловъ суть черноволосые брюнеты; при этомъ само собою бросалось въ глаза преобладаніе этого типа на югѣ и значительная его распространеніость даже на сѣверѣ, гдѣ встречается блондурый типъ. Брокѣ, съ своей стороны, вполнѣ признаетъ результатъ наблюдений относительно цвѣта волосъ; онъ несомнѣнно болѣе темный въ одной области, чѣмъ въ другой.

Теорія Ам. Тьеरри о двойственности Кельтской расы, подкрепленная естественно-научными данными со стороны Эдвардса, долго считалась неопровергнутою и была во Франціи общепринятой, можно сказать, официальнымъ ученіемъ, хотя, помимо разныхъ частныхъ недостатковъ, она оставляла совершенно неразъясненными причины такой существенной и коренной разницы между видами одного и того же племени. Возраженія противъ нея дѣлались и раньше, но только въ шестидесятыхъ годахъ она нашла себѣ сильного и компетентнаго противника въ лице Беллоге. Въ сочиненіи, которое было уже названо, „Ethnog nie Gauloise“, онъ самымъ тщательнымъ образомъ обработалъ вопросъ о Кельтской расѣ. Первый томъ занятъ филологическими изысканіями. Онъ собралъ древне-кельтскія слова, всѣхъ около 320, разобралъ, какъ они могутъ относиться къ языкамъ двухъ кельтскихъ народовъ—Ирландскаго и Валлійскаго, и нашелъ, что они могутъ быть объяснены и тѣмъ, и другимъ, при чёмъ предположеніе двойственности племенъ является совершенно излишнимъ. Второй томъ посвященъ изслѣдованию физиологического типа; въ обширномъ введеніи устанавливается основной анатомической и исторической принципъ постоянства типовъ и незначительного влиянія вышней среди ихъ измененія въ нихъ: типы прочно измѣняются только при скрещиваніяхъ при томъ подъ условіемъ ихъ многократного и послѣдовательного повторенія, иначе опять возвращаются къ своей первоначальной чистотѣ; доказавъ свои основные положенія многочисленными историческими примѣрами, собранными въ первомъ отдѣлѣ тома (Section I) Беллоге переходитъ къ специальному своему вопросу, рассматриваетъ самымъ внимательнымъ образомъ все дошедшіе до насъ давныя о вышнихъ признакахъ древнихъ Галловъ и Кельтовъ, заключающіяся какъ въ литературныхъ извѣстіяхъ, постоянно указывающихъ на высокій ростъ, светлые волосы и большіе суровые глаза Галловъ, прогора сорога,

flava caesaries, truces oculi, — такъ и въ художественныхъ памятникахъ, и приходитъ къ слѣдующимъ выводамъ, которые мы передаемъ его собственными словами:

„Мы можемъ реаумировать свѣдѣнія, говорить онъ,—нами собраныя о предметѣ нашего изученія, и должны представлять себѣ Галловъ первыхъ временъ ихъ исторіи людьми высокаго роста, съ очень сильными членами, съ бѣлымъ цвѣтомъ кожи, съ волосами длинными и свѣтлыми, даже красными, хриплымъ и угрожающимъ голосомъ, страшнымъ взглядомъ и глазами, вѣроятно, голубыми. Одаренные большою мускульной силой и яростною стремительностью въ нападеніи, они не имѣли энергіи, чтобы выдержать долгій бой, имъ не доставало бодрости и терпѣнія, чтобы переносить утомленіе, или тяжелый трудъ. Конечно, съ точки зренія антропологической это черты болѣе или менѣе поверхностныя, мѣняющіяся съ климатомъ, пишетъ и успѣхами цивилизациіи. Тутъ не оказывается никакого наблюденія остеологического, ничего такого, чтѣ касалось бы образованія черепа или даже чертъ и пропорцій лица. Однако эти черты достаточны въ нашихъ глазахъ, какъ и въ глазахъ всѣхъ древнихъ, для того, чтобы отличить совершенно Галловъ отъ всѣхъ южныхъ народовъ; они даютъ намъ право на слѣдующія весьма важныя заключенія:

1) Физическія черты, приписываемыя древними Галльской расѣ, вездѣ однѣ и тѣ же, въ Бельгіи, какъ и въ самомъ центрѣ Транзальпинской Галліи, при подошвѣ Апеннинъ, какъ и въ Бретаніи и въ Галатіи—онѣ обнаруживаютъ одинъ и тотъ же типъ; исторія не знаетъ въ немъ другаго измѣненія, кроме постепенного ослабленія, прогрессъ котораго мы прослѣдили отъ юга къ сѣверу, и которое сближало все болѣе и болѣе этотъ типъ съ южными населеніями. Это единство типа, не позволяющее отличить древнаго Белга отъ собственнаго Галла, сѣверныхъ Галатовъ Діодора и Сеноновъ Италии — отъ туземцевъ центральной Галліи, и которое потомъ обнаружится изъ знакомства съ произведеніями классической скульптуры — это единство имѣеть непосредственнымъ слѣдствіемъ полное тождество расы. Итакъ, физіология приводить насъ къ тому же, какъ и филология; еще разъ сокрушается и падаетъ знаменитый дуализмъ галльскій Амедея Тьери, и это знаменитое различеніе между Кимрами и Галлами, которое Эдвартсъ доказалъ открытиемъ ихъ соответственныхъ типовъ, — различіе, которое допущено было, какъ членъ символа вѣры (*article de foi*), всѣми нашими изслѣдователями,

хотя оно не было совсѣмъ извѣстно древности относительно Бельговъ и Галловъ.

2) Но за то этотъ же результатъ находится въ прямомъ противорѣчіи съ главными выводами, къ которымъ приходитъ филологическое изученіе. Языкъ доказываетъ совершенное различіе Германской расы и Галльской. Между тѣмъ не возможно отрицать сходства ихъ физическихъ типовъ: необходимо признать, что физиология сближаетъ два племени, раздѣленія языкомъ. Все различіе состоитъ развѣ въ томъ, что наши сѣдѣнія даютъ Германской расѣ съ ея голубыми глазами и волосами еще болѣе свѣтлыми (различие *flavus* отъ *gutilus*, *ξανθός* отъ *πυρρός*) ростъ еще болѣе высокій и мягкость, нѣжность фибръ меньшую, такъ что она дѣлала возможнымъ перенесеніе большихъ трудовъ. Итакъ, вотъ наши Галлы, къ великой радости Мюке и Гольцимана (измѣцкіе ученые, стремившіеся доказать принадлежность Галловъ къ германскому племени) готовы превратиться въ Германцевъ.

3) Наконецъ, третій выводъ, поразительный, есть только констатированіе факта, для всѣхъ очевиднаго, то-есть, что типъ галльской, рассматриваемой въ своей совокупности такимъ, какъ его описали древніе, совершенно изчезъ въ трехъ четвертихъ Франціи и въ видѣ рѣдкихъ исключений встрѣчается развѣ только въ очепь ослабленномъ видѣ, то въ Бретаніи, то въ нѣкоторыхъ изъ сѣверныхъ департаментовъ. Онъ лучше сохранился въ Бельгіи, особенно во Фландріи,—но чѣмъ это объясняется? Точно также, какъ и въ Нормандіи—это вліяніе многочисленныхъ германскихъ элементовъ. Къ этимъ послѣднимъ скорѣе, чѣмъ къ галльской крови, восходить, вѣроатно, высокій ростъ, блондурные волосы и голубые глаза большей части этихъ населеній. Какимъ образомъ, изчезъ этотъ типъ столь замѣтный, бывшій предметомъ постоянныхъ наблюдений древности, такъ что, не смотря на всяческую примѣсь, преобладаютъ все-таки физические признаки южныхъ народовъ даже и въ сѣверныхъ провинціяхъ Франціи? Какія причины вызвали такое удивительное превращеніе, которое началось, вирочомъ, еще раньше римскаго завоеванія и иѣсколько разъ останавливавшее германскими поселеніями, все-таки продолжало свой начатый процессъ?

Прежде чѣмъ отвѣтить на этотъ вопросъ, Беллоге дополняетъ наблюденія, переходя, какъ онъ говоритъ,—изъ академіи наукъ въ академію художествъ; онъ рассматриваетъ изображенія Галловъ на разнаго рода медаляхъ съ изображеніями символическими или даже пред-

ставляющими боговъ греческихъ, римскихъ и галльскихъ, изображения разныхъ лицъ на галльскихъ или вообще кельтскихъ монетахъ: не смотря на заимствованія и подражательность, галльские рѣзчики и монетчики въ концѣ концовъ придавали своимъ фигурамъ национальныя черты, изъ коихъ главными являются удлиненность головы и выдающійся изгибъ носа; головы лицъ, носящихъ известныя исторически галльскія имена, вообще представляютъ длинноголовый типъ. Всего любопытнѣе и всего важнѣе изображеніе Галла на знаменитой бронзовой медали, найденной въ Рамини (*Aes grave ariiniacum*). На этой медали, найденной въ той области, где ни Тьери, ни Эдвардъ никакъ не предполагали присутствія Кимровъ, а допускали однихъ только чистыхъ Галловъ, изображенія представляютъ ту же характерную вѣшноть, тѣ же продолговатыя лица и тѣ же признаки, о которыхъ свидѣтельствуютъ авторы: длинная голова, лобъ, не много подающійся назадъ, соединяется сверху прямою линіей съ носомъ безъ замѣтнаго углубленія при его началѣ; самая форма носа представляется слегка изогнутою и конецъ его круто загнутымъ къ низу, губы—верхняя и нижня—кажутся на одной линіи вслѣдствіе усерь; наконецъ, подбородокъ круглый и рѣзко обозначенный. Это несомнѣнно тотъ самый типъ, который Тьери и Эдвардъ называли кимрскимъ, и тотъ самый типъ, который у древнихъ считался принадлежностью Галловъ, единственный въ свидѣтельствованный историческими преданіемъ кельтскій типъ.

Выводъ Беллоге о единствѣ галльского или кельтскаго типа долженъ быть признанъ во всей силѣ. Уже и раньше некоторые ученые находили противорѣчіе между описаніями Кельтовъ у древнихъ (большой ростъ, продолговатая голова, лимфатическое сложеніе, голубые глаза, блокурные волосы) съ преобладающимъ типомъ новыхъ Французовъ (малый или средній ростъ, овальная голова, жилистое сложеніе, черные глаза и волосы). Беллоге принадлежать та заслуга, что онъ выставилъ противорѣчіе наиболѣе рѣзкимъ и научнымъ образомъ. Больше $\frac{2}{3}$ Французовъ, считающихся потомками Кельтовъ, не похожи на восстановленный наукой портретъ Галла, не обнаруживаются кельтическаго типа. Какъ же теперь объяснить, что этотъ сѣверный, чисто галльский типъ изчезъ, и среди Французовъ преобладаетъ типъ южный? Беллоге утверждаетъ, что нынѣшніе Французы происходить въ массѣ, въ большинствѣ вовсе не отъ Кельтовъ, а отъ Лигуронъ и отчасти отъ Иберовъ. Замѣченная другими и отчасти при личныхъ наблюденіяхъ длинноголовость Басковъ, и соответствующій ха-

рактеръ изображеній головъ на древнихъ испанскихъ монетахъ заставили Беллоге усомниться въ значительномъ вліяніи иберійскаго элемента на образованіе преобладающаго французскаго типа, и обратиться къ Лигурамъ. Лигурійская раса когда-то населяла большую часть Франціи, и хотя была подчинена политическому господству позднѣе пришедшихъ Кельтовъ, но сохранила свое преобладающее этнографическое значеніе и повлияла на исчезновеніе сѣверно-Кельтскаго типа, который сохранился только въ тѣхъ мѣстахъ, где было сильное воздействиѣ германскаго элемента. Къ подобному же выводу приходятъ и новѣйшіе натуралисты.

Взглядъ о не арійскомъ происходженіи Французовъ очень не понравился кельтоманамъ, и самый видный ихъ представитель, Ари Мартэнъ, немедленно всталъ противъ мнѣнія Беллоге. Зачѣмъ вводить въ вопросъ Лигуровъ, говорить онъ; — это, конечно, упрощаетъ дѣло, но за то вовлекаетъ въ новое заблужденіе. Галлы, если разумѣть подъ этимъ названіемъ чистыхъ Кельтовъ, не одни прибыли въ западную Европу: они увлекли съ собою многія другія арійскія племена, а можетъ быть, и туранскія орды. Между Арійскими племенами были и Славяне: тутъ Мартэнъ сопоставляетъ название Венетовъ, которые жили въ обѣихъ Британіяхъ и на Адриатикѣ, съ Венедами (Вендами), прибалтийскимъ племенемъ славянскаго происхожденія, предками некоторыхъ нынѣшніхъ Славянскихъ племенъ, въ особенности Полаковъ, и полагаетъ, что во французскомъ языке можно найти гораздо больше словъ, родственныхъ съ языкомъ славянскимъ, чѣмъ съ бакескимъ или близкимъ къ нему языкомъ. Такимъ образомъ Мартэнъ предпочитаетъ родство со Славянами родству съ Лигурами. Но высказанныя имъ мнѣнія мало основательны и прямо направлены къ тому, чтобы отбиться отъ непріятной для кельтомана мысли о присутствіи, даже преобладаніи неарійской крови въ жилахъ французской націи.

Большая часть Французовъ — едва ли потомки древнихъ Галловъ или Кельтовъ. Во Франціи восторжествовалъ лигурійскій и иберійскій, или лигуро-iberійскій типъ, который и наложилъ яркую печать своихъ физіологическихъ признаковъ на современныхъ Французовъ. Если мы будемъ примѣнять выводъ этого дальше, относя его къ правственной сторонѣ Французовъ, то замѣтимъ интересное противорѣчіе съ общепринятымъ мнѣніемъ объ унаслѣдованіи Французами главныхъ основъ своего нравственного характера отъ древнихъ Галловъ. Привято говорить, что пыпѣшніе Французы по нравственному

типу и temperamentu напоминаютъ Галловъ: они подвижны, испосто-
апны, склонны къ быстро проходящему увлечению (mobilitas animi),
причастны къ вѣшнему блеску и военной славѣ. Еще Катонъ
Старшій говорилъ, что „Pleraque Gallia duas res industriosissime per-
sequitur: rem militarem et argute loqui“ (*Origines*, II, frag. 2), да
и теперь во Франціи высоко цѣнятся esprit и gloire militaire. Самые
основательные и серьезные писатели и мыслители Франціи, напримѣръ,
Токвиль и Милле, обращаютъ вниманіе на рѣшительное сходство
Французовъ съ Кельтами по характеру. Странное явленіе, если по-
смотрѣть на него съ точки зрѣнія Беллоге: наслѣдственности физио-
логической отъ Кельтовъ нѣтъ, а нравственное сходство съ ними весьма
значительно. Беллоге, конечно, не могъ не замѣтить этого противорѣ-
чія, и онъ объясняетъ его съ своей точки зрѣнія довольно любопыт-
нымъ и остроумнымъ образомъ. Соответственно съ своюю теоріею онъ
находитъ, что не всѣ черты нравственной природы Французовъ сходны
съ чертами характера Кельтовъ; въ нравственномъ обликѣ Француза
замѣчаются черты и другихъ прародителей. Но объ этомъ подробнѣ
мы будемъ говорить ниже, когда займемся характеристикою Кельт-
ского племени; теперь же настъ главнымъ образомъ интересуетъ во-
просъ объ его физиологическихъ признакахъ и физическомъ сродствѣ.
Въ этомъ отношеніи книга Беллоге составляетъ эпоху, его основные
положенія въ сущности остаются весьма мало измѣненными, даже и
послѣ блестящихъ изслѣдований Брокѣ. Въ главной своей статьѣ, отпо-
сяющей къ предмету вопросу, „Кельтическая раса древняя и новая“,
помѣщенной во французскомъ Антропологическомъ обозрѣніи¹⁾,
этотъ знаменитый ученый, по видимому, опять сближается съ воззрѣ-
ніями Тьери и принимаетъ двойственность Кельтическаго племени, за-
мѣнила только неудачные термины „кимрскій и галльскій“ болѣе древ-
ними и подлинными „Кельты и Белги“, при чёмъ первое слово при-
нимается совершенно въ томъ же смыслѣ, какою оно имѣть у Цезаря
(„Галлы, которые па своемъ языке называютъ себя Кельтами“), и сверхъ
того, Бретонцы (древніе Амориканцы) относятся къ Кельтамъ, а не къ
Белгамъ (Кимрамъ). Кельты и Белги, по воззрѣнію Брокѣ, представляютъ
двѣ главныя вѣтви галльской национальности; антропологические харак-
теристические признаки обѣихъ вѣтвей и теперь еще удерживаются,
болѣе или менѣе измѣненныя вслѣдствіе скрещиванія: Белги имѣли вы-

¹⁾ *Race celtique ancienne et moderne: Revue d'anthropologie*, II, 577 — 628
(ann. 1873).

сокій ростъ, волосы и глаза свѣтлого цвѣта и долихокефальный черепъ, Кельты были болѣе низкаго роста, имѣли болѣе темный цвѣтъ волосъ и черепъ брахицефальный. Горные Оверныты и въ меньшей степени Нижне-Бретонцы, а также Бритты Вельса (Валлиса), сохранили типъ Кельтской расы, къ которой въ древности принадлежали ихъ предки — Араверны, Армориканцы и пр. Но дѣло въ томъ, что собственно Кельтская порода Брокѣ у него самаго является уже вторичною и сложною, совсѣмъ не первоначальною. О своихъ Кельтахъ Брокѣ говорить слѣдующее. Брахицефалия ихъ весьма трудно объясняма. Правда, что въ послѣднія времена (до-исторической) палеолитической эпохи (см. обѣ этомъ ниже), рядомъ съ расою или расами долихокефаловъ, которые преобладали, существовала раса, которой черепъ былъ менѣе удлиненъ, но впрочемъ все-таки былъ месатикефальный или подъ-брахицефальный; еслибы этотъ послѣдній типъ вовобладалъ въ Кельтскомъ собственно племени, то не было бы необходимости для объясненія брахицефалии Кельтовъ прибѣгать къ предположенію чужихъ пришлыхъ элементовъ. Но Кельты не только подъ-брахицефалии, они рѣшительно короткоголовы, въ такой степени короткоголовы, какой мы не находимъ ни въ расахъ палеолитическихъ, ни въ неолитическихъ кладбищахъ. Итакъ, нужно допустить, что послѣ эпохи отбивнаго камня, и вѣроатно, къ концу эпохи неолитической, какая-то раса, очень короткоголовая, смѣшилась на нашей почвѣ съ туземными расами, и что она была довольно многочисленна, такъ что могла значительно измѣнить головной типъ. Этотъ фактъ можно сблизить съ другимъ, уже прежде замѣченнымъ и выставленнымъ на видъ; именно, что бронзовый періодъ и сооруженіе такъ-называемыхъ круглыхъ дольменовъ (round-barrows) начались на островѣ Британіи съ появлениемъ короткоголовой расы. Откуда пришла эта раса, пимѣвшая свою родину, очевидно, не на сѣверѣ? Прежде чѣмъ ступить на берега Британіи, она должна была пройти страну, которая тогда еще не имѣла имени, и которая послѣ называлась Галлією. Она могла проникнуть въ Галлію только со стороны Альпъ. Тамъ мы находимъ на югѣ расу Лигурійскую, которую напрасно смѣшиваютъ съ Иберійской, и которую новѣйшія изслѣдованія позволяютъ считать очень короткоголовою¹). Потомки древнихъ Лигуровъ въ сѣверной Италии имѣютъ головной указатель болѣе 86. Именно эта брахице-

¹) Брокѣ имѣть въ виду и прямо ссылается на изслѣдованія N. colucci: La stirpe ligure in Italia ne' templi antichi e moderni. Napoli, 1861.

фалия Лигуровъ, превосходящая короткоголовость Оверньятовъ, самыхъ короткоголовыхъ представителей Кельтской расы, и можетъ служить хорошимъ объясненiemъ головного указателя Кельтовъ—при предполагаемомъ, конечно, смѣшаніи расъ. Итакъ, вѣроятно, что чрезъ альпійскую границу, еще ранѣе первыхъ проблесковъ исторіи, на почву Галліи проникъ этническій элементъ, сдѣлавшій Кельтовъ болѣе короткоголовыми, чѣмъ ихъ туземные предки; это былъ элементъ лігурійскій. Значеніе его въ образованіи Кельтской расы имѣть первостепенную важность; именно его вліяніе обособило Кельтовъ въ отдѣльную расу, совершенно отличную, по взгляду П. Брокѣ, отъ Белговъ. Родство Кельтовъ съ Белгами или Кимрами, по этому взгляду, основывается только на позднѣйшемъ фактѣ завоеванія и политического подчиненія, и потомъ развѣ на сходствѣ еще болѣе первоначальнаго, до-исторического племеняпаго слоя. Кельтская раса во времена Юлія Цезаря простиравась на сѣверѣ только до Сены и Марны, но очень вѣроятно, говорить Брокѣ,—что она нѣкогда заполнила, по крайней мѣрѣ, южную часть Бельгійской Галліи; пришедшая позднѣе изъ-за Рейна, сѣверная и блокурая Кимрская раса оттеснила ее на югъ, отчасти покорила, отчасти поглотила; на сѣверѣ Галліи эта послѣдняя раса осталась преобладающею въ отношеніи этнографического состава; на югѣ блокурый типъ, несмотря на политическое господство, не былъ достаточно многолюденъ, чтобы восторжествовать надъ образовалшимся изъ разныхъ элементовъ кельтскимъ. Такъ какъ Кельтская раса Брокѣ въ физиологическомъ отношеніи сложилась ранѣе прихода блокураго сѣвернаго элемента, соответствующаго нашему галльскому, подъ наибольшимъ вліяніемъ Лигуровъ, то собственно говоря, онъ могъ бы гораздо правильнѣе называть свою Кельтскую расу Лигурійскою, не отступая отъ Беллоге и въ терминологии, какъ онъ сходится съ нимъ въ существѣ дѣла. Название короткоголовой расы, утвердившейся въ центрѣ и на югѣ Франціи, Кельтами по своему происхожденію все-таки относится къ периоду позднѣйшему, къ периоду политического господства здѣсь сѣверной блокурой или Кимрской расы, даже въ сущности выражаетъ фактъ этого господства, относится собственно къ пришлымъ побѣдителямъ. Напрасно Брокѣ даетъ выраженію Кельты слишкомъ тѣсное и узкое значеніе. Онъ говоритъ, что оттеснившіе черноволосую короткоголовую расу племена сами не были Кельты ни по имени, ни по племени; по его мнѣнію, совершенно напрасно и наперекоръ исторіи и антропологии новые ученые простираютъ на-

именованія Кельты и Кельтская раса на населеніе острововъ Британскихъ, Бельгійской Галліи, съверной Германіи до Балтійскаго моря, даже до Сквеіи; эти народы, будто бы, никогда не носили имени Кельтовъ и не имѣли физическихъ признаковъ этой расы (I. c. pag. 626). Не говоря уже о томъ, что Брокѣ забываетъ о допускаемомъ имъ самимъ проходѣ черезъ Галлію въ Британію короткоголовой Лигурійской расы, собственно и сообщившей его Кельтамъ ихъ особыній физической характеръ, онъ недостаточно принялъ въ разчетъ филологію. Изъ всѣхъ древнихъ писателей Брокѣ признаетъ только Юля Цезаря; въ извѣстной фразѣ его: „Галлы, которые называютъ себя Кельтами“, дѣйствительно слову Кельты придано специальное тѣсное значеніе; но есть цѣлый рядъ другихъ писателей, начинавъ съ Полібія, которые употребляютъ то же выраженіе въ обширномъ смыслѣ, прилагая его, какъ къ жителямъ съверной Италии, такъ и другихъ частей Европы. Очень обычное явленіе, что народныхъ имена имѣютъ два значенія, частное и общее. Въ этомъ отношеніи заслуживаетъ полнаго вниманія и одобренія мнѣніе, поддерживаемое однимъ изъ лучшихъ современныхъ французскихъ кельтологовъ (d'Arbois de Jubainville), что выраженіе Кельты, встрѣчающееся въ первый разъ у Гекатея (половина VI вѣка до Р. Х.), первоначально у самихъ Кельтовъ означало только одну вѣтвь племени, жившую между Гаронною, Сеною и Марною и прежде всѣхъ другихъ сдѣлавшуюся извѣстною Грекамъ, которые утвердились по сосѣдству—въ Массиліи (Марселя), но затѣмъ, разъ проникши въ языкъ греческій, оно получило болѣе обширное значеніе, было распространено на другія вѣтви той же національности, стало у Грековъ означать всѣхъ континентальныхъ Кельтовъ, хотя въ національномъ кельтскомъ языке и были особыя наименованія для отдельныхъ вѣтвей. Точно такимъ же образомъ познаніе Волковъ, Volcae, первоначально принадлежавшее одному небольшому племени на съверѣ Дуная, выславшему впослѣдствіи колошію въ южную Францію, получило у другихъ сосѣдей Кельтскаго племени общее значеніе, какъ познаніе цѣлой расы: Volca соответствуетъ нѣмецкому Valah и славянскому Вѣлахъ. Соответствующее слову Кельты, собственно латинское выраженіе „Галль“ тоже употребляется для обозначенія всѣхъ континентальныхъ Галловъ; оно прилагается не только къ Галліи и съверной Италии, но и къ Галламъ (Кельтамъ) Испаніи, Германіи и восточной Европы (напримѣръ, у Тита Ливія).

Нѣть необходимости разбирать другія теоріи, основываемыя на

признаю двойственности внутри самого Кельтическаго племени или же на различеніи въ немъ двухъ совершенно отличныхъ составныхъ частей. Объ одной изъ этихъ теорій, связанной съ новыми открытиями до-исторической археологии (теорія А. Бертрана), рѣчь будетъ ниже. Что же касается весьма обширнаго новѣйшаго труда въ этой области, именно книги Лемьера (*Etude sur les Celtes et les Gaulois*), то, не смотря на всю пачитанность и ученость автора, мы не можемъ признать его результатовъ достаточно серьезными¹⁾. Въ вопросахъ подобнаго рода нельзя теперь ограничиваться подборомъ и простымъ сопоставленіемъ извѣстій, разныихъ случайныхъ и отрывочныхъ замѣтокъ, оставленныхъ памъ древними, полагая игнорировать данныхыхъ, сообщаемыхъ антропологіей и археологіей, измѣненіемъ череповъ старыхъ и новыхъ, изученіемъ кургановъ и находимой въ нихъ домашней утвари и оружія. Между тѣмъ именно таковъ методъ Лемьера. Да кромѣ того, и при оцѣнкѣ литературныхъ своихъ источниковъ, при выборѣ того, что нужно принять и что отвергнуть, онъ совсѣмъ не соблюдаетъ основныхъ законовъ критики; позднее и несамостоятельное извѣстіе имѣть для него такую же цѣну, какъ и то, которое идетъ отъ первого свидѣтеля или изъ глубокой древности; показаніе Дюдора или даже Цоллбія столько же вѣситъ, сколько какое-нибудь недоразумѣніе, либо искаженіе позднѣйшаго Византійца. Съ такими пріемами онъ достигаетъ слѣдующихъ результатовъ: 1) Галлы и Кельты должны быть различены какъ два совершенно отличныхъ племени; 2) Кельты составляли первоначальное населеніе не только нынѣшней Франціи, но также Италии, Балканскаго полуострова и даже западной Азіи; они тождественны съ Целазгами и древними Фракійцами; 3) Галлы же соответствуютъ древнимъ Скиасъ, жителямъ сѣверной Европы, и тождественны съ Германцами. Такимъ образомъ, сверхъ всего, прочаго ядѣсь подновляется давно отвергнутая теорія нѣкоторыхъ нѣмецкихъ учёныхъ (Гольцмана и др.) о принадлежности Галловъ къ Германскому племени, которую въ настоящее время даже опровергать было бы излишне. (См. Георгіевскаго, Галлы, стр. 38, 50 и сл.). Къ различію же Галловъ и Кельтовъ, принимаемому хотя совершенно инымъ смысломъ виднымъ представителемъ французской

¹⁾ Судя по отзывамъ французской критики, не отличается научными характеромъ и другая книга о томъ же предметѣ, появившаяся въ послѣднее время: *Bois et Peuplages, Histoire nationale des Gaulois sous Vercingetorix* (Paris, 1881). Мы поэтому не считали необходимымъ и обязательнымъ ознакомление съ нею.

археології, мы еще возвратимся. Однако, заранѣе скажемъ, что мы не находимъ причинъ отказаться отъ высказаннаго нами предпочтенія къ выводамъ Беллогэ и Брокѣ. Такимъ образомъ мы принимаемъ: 1) что Лигурійская короткоголовая раса представляетъ основной этническій элементъ населенія южныхъ и западныхъ странъ Европы; 2) что отъ него отлично Иберійское племя, также весьма распространенное и оставившее несомнѣнныя слѣды своего существованія въ Испаніи, а также въ южной Франціи до Гаронны, и 3) что Галли и Кельты, длинноголовая и бѣлокурая сѣверная раса, явились здѣсь, то-есть, въ Галліи и Британіи, сравнительно поздними завоевателями.

То или другое рѣшеніе вопросовъ о Галлахъ и Кельтахъ имѣтъ прямое отношеніе къ проблемѣ образованія вышнейшей Британской или Англійской націи. Недавнія воззрѣнія на этотъ предметъ англійской науки характеризуются достаточно сочиненіями Пайка (Pike) и Николеса (Nicholas), и хотя эти воззрѣнія уже являются несолько отсталыми, мы считаемъ нелишнимъ съ ними познакомиться. Кто хочетъ лучше и живѣе понимать значеніе и важность, даже смыслъ новыхъ научныхъ положеній, тотъ долженъ интересоваться ихъ отношеніемъ къ недавно господствовавшимъ старымъ теоріямъ. Оба сочиненія одинаково направлены противъ крайностей тевтонизма, противъ увлечѣнія исторической системою, которая единственными предками Англичанъ считаетъ Германскихъ завоевателей V вѣка, то-есть, Англонъ и Саксовъ, и предполагаетъ, что все кельтическое населеніе въ первональной области завоеванія подверглось всецѣлому истребленію. Опровергая это положеніе при помощи всѣхъ относящихся сюда историческихъ и филологическихъ данныхъ, которые намъ здѣсь пока не мѣсто оцѣнивать,—замѣтимъ только, что по нашему мнѣнію, въ обоихъ трудахъ они толкуются не особенно строго и научно—Пайкъ и Николесъ выставляютъ сверхъ того одинъ и тотъ же физиологический аргументъ, именно—существованіе среди современнаго англійского населенія на островѣ двоякаго типа людей, изъ коихъ только одинъ можетъ быть признанъ чисто германскимъ или англо-саксонскимъ, а другой, отличающійся самимъ нагляднымъ образомъ по цвѣту волосъ, будетъ, конечно, кельтскимъ. Для насъ очень любопытно, по какимъ именно признакамъ опредѣляется типъ кельтскій или британскій. Передасмъ вкратцѣ разсужденія втораго болѣе позднаго и болѣе обстоятельнаго изслѣдователя. Если наблюдатель, отказавшись отъ изслѣдованій въ самой столицѣ Великобританіи, гдѣ господствуетъ крайняя пестрота и разнообразіе пришлыхъ и чуждыхъ элементовъ,

обратится къ центру англійского населенія на островѣ, изберетъ пупкъ, менѣе подверженный чуждымъ вліяніямъ, и вслѣдствіе того, сохранившій въ болѣтей чистотѣ основной типъ Британскаго народа, соотвѣтствующій, положимъ, времени короля Альфреда, когда Брітты и Anglo-Саксы сплавились въ одну твердую массу, однимъ словомъ, если наблюдатель отправится въ Винчестеръ, Лейнстеръ или Ланкастеръ, то онъ все-таки встрѣтится съ разнообразіемъ, однако же въ такой подавляющей и смущающей степени. Онъ замѣтитъ присутствіе двухъ расъ, Кельтской и Тевтонской, съ весьма ясно выраженными главными чертами, онъ замѣтитъ гораздо большее приближеніе къ единству и однообразію, чѣмъ это было бы на лондонскихъ улицахъ, хотя, конечно, чистую Кельтскую породу съ трудомъ найдешь теперь даже въ Вельсѣ, а равнымъ образомъ нигдѣ на Британскихъ островахъ не отыщешь чистаго Тевтона. Мы должны довольствоваться описаніями древнихъ и результатами новѣйшихъ научныхъ изслѣдований. Какія же, по свидѣтельству древнихъ писателей, были отличительныя физическія черты Кельтовъ и Тевтоновъ, и какія заключенія относительно ихъ сдѣланы наукой? Мы можемъ ограничиться только двумя существенными и характеристичными признаками: цвѣтомъ волосъ и формою черепа. Что касается цвѣта волосъ у Тевтоновъ, то нѣть никакого сомнѣнія, что, по мнѣнію греческихъ и римскихъ писателей, какъ историковъ, такъ и поэтовъ, древніе Германцы были сѣрѣловолосы или даже имѣли золотистый и рыжій цвѣтъ волосъ; Тацитъ говоритъ о *rutileae somae*. И въ настоящее время соотвѣтствующій цвѣтъ волосъ распространяется среди Германцевъ гораздо болѣе, чѣмъ у Англичанъ, особенно если при сравненіи мы будемъ болѣе держаться Скандинавскихъ народовъ, представляющихъ болѣе свободную отъ примѣсей Германскую расу. Теперь спрашивается: Представляетъ ли Англійский народъ, о которомъ говорится, что онъ происходитъ отъ Германцевъ, тѣ же самыя характеристическія черты? Преобладаютъ ли среди его голубые глаза и золотистые или сѣрѣловатые волосы? Нужно только открыть глаза, чтобы убѣдиться въ противномъ. Леди, которая ради моды прибѣгаютъ къ искусственнымъ средствамъ туалета, чтобы сдѣлать свои волосы рыжими, свидѣтельствуютъ о противномъ. Подлинный красный цвѣтъ составляетъ такую рѣдкость, что онъ обращаетъ на себя вниманіе въ толпѣ и на улицѣ. Въ двадцати большихъ собранияхъ англійскихъ особъ обоего пола и всѣхъ возрастовъ (а известно, что въ дѣтствѣ многіе индивидуумы бываютъ болѣе сѣрѣловолосы, чѣмъ

впослѣдствіи) сосчитано было 20,000 человѣкъ и отмѣчено цвѣтъ волосъ на головѣ каждого. Оказалось, что только одна четверть изъ этого числа имѣла цвѣтъ волосъ, склоняющійся къ красному или желтому. Въ Лондонѣ, на 6000 человѣкъ оказывается 4,500 черноволосыхъ и темноволосыхъ, 1,000 съ каштановыми цвѣтомъ волосъ (light auburn), 350 блокурыхъ и 150 рыжихъ (red). Подобныя наблюденія сообщаются намъ одинаково обоими авторами (см. Pike р. 134 и сл.), съ тѣмъ прибавляемъ, что на съисрѣ отношеніе нѣсколько измѣняется въ пользу свѣтловолосыхъ... Исторія и естественные науки доказываютъ, что расы если и не абсолютно независимы, то вообще и въ цѣломъ, при отсутствіи посторонней примѣси, все-таки сохраняютъ постоанство въ своихъ характеристическихъ чертахъ. Слѣдовательно на тѣхъ, кто вѣрить въ англо-саксонское происхожденіе Аглійской націи, лежитъ обязанность объяснить это странное и далекое уклоненіе отъ первоначальнаго типа. Какимъ образомъ Англичане сдѣлялись темноволосоюрасою? Сама собою представляется гипотеза, что англо-саксонская порода видоизмѣнилась подъ влияніемъ кельтическихъ туземцевъ Британіи. Точная наука, по видимому, подтверждаетъ эту догадку. Но можно ли быть увѣреннымъ, что Кельты и между ними древніе Бритты были темноволосы?.. Къ сожалѣнію, отвѣтъ автора на этотъ послѣдній вопросъ, имъ самимъ поставленный, неудовлетворителенъ. Доводы его въ пользу утверждательного отвѣта заимствованы отъ настоящаго и прошедшаго. Вынѣшніе Валлисцы, хотя и не совсѣмъ свободные отъ примѣсей, въ цѣломъ суть все-таки наиболѣе чистые Кельты, какіе только существуютъ въ Британіи (за исключеніемъ, конечно, Ирландіи), а они народъ темноволосый. Если винкнуть въ дѣло, то этотъ аргументъ заключаетъ въ себѣ нѣкоторый *circulum in demonstrando*. Нужно доказать, что вынѣшніе темноволосые Валлисцы—есть и свѣтловолосые—происходить отъ Кельтовъ, чтѣ возможно только при предположеніи темноволосости послѣднихъ, и опять предположеніе, что Кельты были темноволосы, доказывается тѣмъ, что таковы въ большинствѣ Валлисцы. Далѣе, Валлисцы были темноволосыми и въ средніе вѣка, и въ римское время. Относительно среднихъ вѣковъ это доказывается часто встрѣчающимися въ народной поэзіи и въ другихъ памятникахъ прозвищами, заимствованными отъ цвѣта лица и волосъ, и при томъ чаще всего отъ чернаго и рыжаго съ большимъ преобладаніемъ перваго. Доводъ сомнительный уже въ томъ отношеніи, что прозвища даются болѣе на основаніи выдающихся, рѣже встрѣчающихся признаковъ.

Наконецъ, что́ всего важнѣе, относительно древности приводимыя свидѣтельства оказываются неправильно истолкованными. Каледоняне тоже считаются теперь Кельтами, а Тацитъ прямо говорить, что волоса у нихъ были желтокрасные (*rutilao*); этому противополагается показаніе того же Тацита о темновѣтъ цвѣтѣ волосъ у Силуровъ, но хотя Силуры по географическому положенію и могутъ считаться отчасти предками Валлисцевъ, за то съ другой стороны самимъ Тацитомъ они исключены изъ числа прочихъ народовъ Британіи и отпесены къ Иберийскому племени. Объ этихъ прочихъ народахъ тѣмъ же Тацитомъ замѣчено, что тѣ изъ нихъ, которые по положенію ближе къ Галліи, и виѣшнимъ своимъ видамъ похожи на Галловъ. Напи авглійскіе изслѣдователи полагаютъ, что въ этомъ заключаются указаніе на черноволосость древнихъ Британцевъ, то-есть, другими словами они убѣждены, что континентальныи Галлы имѣли темнѣй цвѣтъ волосъ. На чёмъ же основывается такое мнѣніе, противорѣчащее общепринятому взгляду, вышеприведеннымъ соображеніемъ Беллоге и Брокѣ? Не болѣе какъ на поверхности и фальшивомъ объясненіи двухъ указаний, тоже идущихъ изъ древности, объясняемъ, принадлежащемъ первоначально одному ученому французскому доктору и проникшемъ и въ нашу литературу (см. Сочиненія Ешевскаго, I, 75. 76). Римскія дамы временъ имперіи смотрѣли съ презрѣніемъ на свои великолѣпные черные волосы и за дорогую цѣну доставали себѣ для париковъ бѣлокурые изъ Германіи: мы будто бы не видимъ, чтобы промышленники обращались для этого въ Галлію. Но именно въ одномъ изъ тѣхъ иѣстѣ, въ которыхъ Тертулліанъ обличаетъ римскихъ модницъ и для своего времени подтверждаетъ намъ любопытный фактъ, Галлія сопоставлена съ Германіей, какъ страна бѣлокурыхъ волосъ¹⁾; а римскіе поэты, какъ Проперцій (III, 18⁶), о выкрашеныхъ въ свѣтлую краску волосахъ прямо говорятъ, что постыдно видѣть белгійскій цвѣтъ (*belgicus color*) на римскомъ лицѣ и безумно подражать красящимъ Бриттамъ. Если Проперцій разумѣеть тутъ не природный цвѣтъ лица и волосъ, а знаменитое Галльское мыло (*sapo, savon*), то-есть, приготовляемую изъ козлинаго жира и буроваго пепла краску для окрашиванія волосъ, то все-таки Тибулъ

¹⁾ De cultu femin II p. 157. Video quasdam capillum cito vertere. Pudet cas etiam nationis quod non Germaniae atque Galliae sint procreatae. На юж са pillos transferunt... Въ другомъ иѣстѣ (pag. 178) Тертулліанъ, правда, говорить обѣ одной только Британіи. Ср. Belloguet II, 83. Ср. Elton p. 116, 241.

говорить о *flavi Carnuti* (*Eleg. I, 7*) и Луканъ о *flavi Britanni* (*III, 78*). Ёще менѣе заслуживаютъ вниманія подробности, сообщаемыя Светоніемъ о триумфѣ Калигулы, тѣмъ болѣе что изъ нихъ, можетъ быть вовсе и не слѣдуетъ тѣхъ заключеній, которыхъ выводятся нашими учеными, англійскими и русскими¹). Громадное большинство свидѣтельствъ во всякомъ случаѣ утверждаетъ противное, то есть, свѣтлый и блѣдокурый цветъ волосъ у собственныхъ Галловъ или Кельтовъ: *Flava Gallia crine ferox*, говорить одинъ въ стихахъ; *cel-
sioris statuera et candidi paene Galli sunt omnes et rutili*, пишетъ другой въ прозѣ, и т. д. Итакъ, съ точки зрѣнія первой основной характеристической черты родство черноволосаго англійскаго типа съ кельтскимъ, утверждаемое прежними англійскими исследователями, представляется намъ не доказаннымъ. Что касается втораго признака, формы черепа, то авторъ „Годословной Англичанъ“ (*the Pedigree of the English*) утверждаетъ, ссылаясь на Ретціуса, что преобладающая форма головы въ Вельсѣ, въ Ирландіи и въ кельто-англійскихъ окрестахъ Кумберланда, Сомерсета, Девона и Корнуельса, есть длинноovalная, и что такой же типъ господствуетъ и вообще въ Англіи—съ нѣкоторыми исключеніями отъ присутствія позднѣйшей датской и Норманнской примѣси. Будучи, вообще говоря, короче древняго кельтскаго, и можетъ быть, въ цѣломъ нѣсколько короче новѣйшаго

¹) Светоній разказываетъ, что Калигула, не рѣшившись пуститься въ опасный походъ въ самую Германію, въѣхавъ съ тѣмъ желаніемъ получить триумфъ за минимумъ своихъ победъ надъ Германцами, которыхъ онъ не видѣлъ въ глаза, придумалъ слѣдующее средство, чтобы обмануть римское народонаселеніе: Онъ велѣлъ набрать въ Галліи высокорослыхъ Галловъ и выкрасить имъ волосы въ рыжеватый цветъ, чтобы придать имъ сходство съ Германцами и выдать ихъ за германскихъ пѣхотниковъ... Если Галлы не отличались высокимъ ростомъ, и если нужно было красить имъ волосы, то они были малорослы и темноволосы.... Ешевскій I, 75. Но, впервыхъ можетъ быть, британская экспедиція Калигулы вовсе не была такимъ евреемъ, какимъ она представлена у Светонія, и сообщенные подробности суть только отголосокъ городскихъ сказаний въ злорѣчіи, въ чьемъ Римъ не уступалъ никакой другой столицеѣ; Светоній же, какъ известно, былъ большей до нихъ охотникъ. (Ср. *Merivale, History of the Romans under the empire V, 449*); и повторныхъ предполаганій даже полную достовѣрность извѣстія, сѣдовило бы для соглашенія его съ другими свидѣтельствами о ростѣ и цветѣ волосъ Галловъ понимать даю такъ, что Калигула выбирали изъ среды Галловъ высокорослыхъ для достижениія полной сходства съ Германцами, которые все-таки въ общемъ были еще высоки ростомъ, чѣмъ Галлы, и равнымъ образомъ для доказанія сходства, красили волосы светлорусыхъ Галловъ въ жало-красный цветъ.

вельского (валлійского), англійскій черепъ весьма мало похожъ на четвероугольную (square), широкую или же сферическую (globular) скандинавскую или германскую голову. Относительно германского черепа можно принять за несомнѣнное слѣдующія два положенія: 1) типический германский черепъ широкий и коротко-ovalный, и 2) существуетъ рѣшительное сходство между старыми англо-саксонскими черепами, находящимися въ англійскихъ кладбищахъ, и типическимъ германскимъ черепомъ. Спрашивается: какъ же объяснить, что потомки квадратноголовыхъ воинственныхъ Саксовъ не только въ переносѣ смыслъ, но и въ дѣйствительномъ физическомъ впечатлѣніи этого выраженія, сдѣлались „длинноголовыми“ (long-headed)? Мы рѣшаемся утверждать, заключаетъ Nicholas, па основаніи научныхъ (то-есть, естественно-научныхъ) и археологическихъ открытій, что они получили черепа кельтскаго типа вслѣдствіе смѣшанія и слиянія (amalgamation) съ Кельтской расой. Однако, мы знаемъ, что собственно галльскій или кельтскій типъ тоже былъ длинноголовый, и что брахикефальность первоначально принадлежала другому племени. Съ точки зрѣнія втораго основнаго признака происхожденія преобладающаго англійскаго типа отъ Кельтовъ представляется сомнительнымъ почти въ такой же степени, какъ и его происхожденіе отъ Anglo-Саксовъ, или вообще отъ Германскихъ племенъ. Ясно, что помимо Кельтовъ и Германцевъ необходимо предположить влияніе еще другихъ основныхъ элементовъ. Новѣйшия англійскіе ученые обращаются къ Иберійскому племени, которое мы, слѣдя Беллоге и Брокѣ, могли бы замѣнить Лигурійскимъ, а затѣмъ къ остаткамъ расы до-историческихъ (Dawkins, Early man in Britain. London, 1880), или же къ финскимъ породамъ и равнымъ образомъ къ до-историческимъ расамъ, оставившимъ въ Британіи многочисленные и разнообразные слѣды своей каменной цивилизациі (Елтонъ). Здѣсь опять выступаетъ на сцену до-историческая археология, съ основными выводами которой, очевидно, и намъ необходимо хотя отчасти познакомиться.

II.

Вопросъ объ отношеніи Кельтовъ къ предшествовавшему имъ населенію другихъ расъ не остановился на послѣднихъ выводахъ Беллоге. Оказалось, что решить задачу о первобытныхъ обитателяхъ Европы не такъ-то легко, что при этомъ обнаруживается такая масса неясныхъ пунктовъ, что необходимо дѣлается предположить сущест-

ствование нѣсколькихъ самостоятельныхъ, послѣдовательныхъ слоевъ населенія. Въ этой области изученія жизни народовъ Европы въ давнинуши времена съдѣй древности на помощь филологии и исторіи должна пріѣдти наука, недавно еще родившаяся, юная, но внесшая уже въ общую сокровищницу человѣческихъ знаній весьма цѣнныя вклады: мы говоримъ о до-исторической археологіи, имѣющей своимъ предметомъ изученіе вещественныхъ памятниковъ исторической жизни народовъ съ цѣлью определенія ихъ быта въ древнѣйшія времена. Изслѣдуя остатки жизни изчезнувшихъ, или переродившихся народовъ, археология различаетъ три главные периода или вѣка первобытной культуры человѣчества:

I) Каменныи вѣкъ, предшествовавшій переселенію въ Европу Арийскихъ народовъ,—вѣкъ, когда люди не знали еще употребленія металловъ, а дѣлали себѣ оружіе защиты и орудія для домашнаго обихода изъ камня и кости, то-есть, изъ самаго простаго и прочнаго матеріала, для обѣлки котораго не требуется ни большаго искусства, ни знаній; этотъ обширный періодъ до-исторической жизни Европы распадается на два отдѣла: 1) самый древній — періодъ нешлифованныхъ или отбивныхъ орудій, и 2) позднѣйшій — періодъ шлифованныхъ орудій, при чёмъ нужно замѣтить, что позднѣе выраженіе очень не точно, такъ какъ первоначальный способъ добыванія орудій посредствомъ простаго отбиванія и оббиванія употреблялся еще долго послѣ того, какъ появились первые шлифованные топоры; теперь чаще употребляютъ выраженія: валеолитическая и неолитическая эпоха. Остатки каменнаго вѣка находятся во множествѣ на пространствѣ большей части Европы: во Франціи, по южнымъ берегамъ Балтійскаго моря, въ Швейцаріи, Гавні, южной Швеціи и Россіи, а также въ Италіи и Испаніи.

II) Бронзовый вѣкъ, когда люди выковывали уже себѣ оружіе и орудія изъ сплава олова и мѣди.

Наконецъ, III) Желѣзный вѣкъ, наиболѣе близкій къ историческимъ временамъ (Арийцы, переселяясь въ Европу, уже знали употребленіе желѣза).

Во Франціи археологіи открыто блестящее поле для изслѣдований; тамъ осталось много памятниковъ невѣроизываемыхъ друидическими, памятниками, которые съ успѣхомъ изучаются археологами и проливающими новый свѣтъ на давнюю исторію Европы. Памятники эти принато въ наукѣ называть общимъ именемъ мегалитическихъ, такъ какъ они сдѣланы изъ огромныхъ дѣйствен-

ныхъ камней (*pierres vues*) и обломковъ скаль, не отдѣланныхъ человѣческою рукою, а оставленныхъ въ томъ видѣ, какъ они находились въ природѣ. Смотри по формѣ и расположению мегалитические памятники дѣлять на вѣсколько группъ: 1) Менгиръ (*menhir*)—огромные камни, помѣщенные на землѣ въ столичномъ положеніи (*pierres levées*) и расположенные иногда такъ, что могутъ вращаться. 2) Дольмены (*dolmen*) — большія цѣльныя каменные плиты, сложенные такъ, что образуютъ подобіе стола или пещеры (4 камня) и гроты, иногда солидныхъ размѣровъ. Англичане отбрасываютъ название менгиръ и называютъ оба эти вида дольменами, но мы будемъ держаться французской терминологіи. 3) Кромлехи (*Cromlech*)—группы огромныхъ камней, расположенныхъ массами, кругами, длинными галлерейами, которая тянутся въ глубинѣ долинъ и производятъ оригинальное, волнующее впечатлѣніе. 4) Къ числу этихъ остатковъ древнѣйшихъ вѣковъ нужно отнести еще особый видъ памятниковъ — курганы, земляные насыпи особаго вида безъ присутствія на нихъ мегалитическихъ памятниковъ. Такимъ образомъ матеріала для археологии является илого, ученые усердно приналисъ за его изученіе и пришли къ весьма важнымъ соображеніямъ. Они поколебали прежде широко господствовавшее убѣжденіе, что мегалитические памятники представляютъ остатки жизни Кельтскаго племени. Оказалось, что подобнаго рода памятники встречаются не только въ Кельтическихъ земляхъ—Франціи и Великобританіи, но и въ Дапіи, южной Швеціи—въ большомъ количествѣ, въ сѣверной Африкѣ, въ сѣверной и южной Америкѣ и Азіи, напримѣръ, въ Палестинѣ, на восточномъ берегу Индустана (Мартенъ говоритъ даже, что одно племя въ Индустанѣ до сихъ поръ возводитъ такія сооруженія), у подошвы Гималаевъ и центральной Татаріи¹⁾). Вслѣдствіе того въ настоящее время пришли къ заключенію, что это памятники не кельтическіе, а представляютъ остатокъ загадочной расы, прежде населявшей Европу. Съ другой стороны, послѣ многихъ споровъ подворилось общее убѣжденіе, что въ дольменахъ нужно видѣть не что другое, какъ именно погребальные памятники.

¹⁾ Нужно однако замѣтить, что памятники, находящіеся въ Палестинѣ, приходствѣ, представляютъ въ значительное различіе отъ европейскихъ мегалитическихъ памятниковъ: дольмены европейскіе—погребальные памятники, дольмены палестинскіе—латари или собственно памятники, поставленные для воспоминанія о какомъ-нибудь событии (*monuments*).

Хотя они и представляютъ извѣстное разнообразіе въ разныхъ странахъ, но, какъ уже сказано, всегда имѣютъ одинъ и тотъ же основной планъ: это всегда—большія каменные плиты, наклоняющіеся на подставкахъ обыкновенно такого же матеріала и служащи кровомъ и погода для одной комнаты, иногда для нѣсколькихъ погребальныхъ камеръ; довольно часто — узкій коридоръ, построенный тѣмъ же способомъ, предшествуетъ этимъ помѣщеніямъ смертныхъ остатковъ. Что касается кромлеховъ и стоячихъ камней, то это суть остатки мегалитическихъ сооруженій такого же назначенія, скрывавшіеся первоначально внутри кургановъ и потомъ обнаженные отъ покрывающей ихъ земляной насыпи,—такъ какъ извѣстно, что курганы въ прежнія времена часто были тревожими искателями кладовъ, а иногда даже просто фермерами, уносившими землю на свои поля, или добывавшими селитру. Со времени появленія книги Беллоге (въ 60-хъ годахъ) и до нашихъ дней во Франціи усиленно занимаются изслѣдованіемъ мегалитическихъ памятниковъ, и во главѣ французскихъ ученыхъ, изучающихъ до-историческую древность, стоитъ авторъ обозначенаго выше сборника статей по „Археологіи Кельтской и Галльской“, Александръ Берtrandъ, издающій также журналъ, специально посвященный вопросамъ археологии *Revue archéologique* и завѣдующій специальными археологическими музеемъ кельтскихъ древностей. Результаты своихъ и чужихъ изслѣдований опь самъ изложилъ, кромѣ своей книги, въ одной небольшой и общедоступной статьѣ, которая и послужитъ точкою отправленія для нашихъ разсужденій. Опираясь на археологическая дашыя, Берtrandъ признаетъ не только двойственность первоначального Кельтского именіи, отличаю Кельтовъ отъ Галловъ, но и два периода, принадлежащіе, по видимому, двумъ его отдельнымъ вѣтвямъ. Приводимъ его собственные слова, заимствованные изъ упомянутой статьи, помѣщенной имъ въ августовскомъ нумерѣ *Revue archéologique* 1878 г. (Alex. Bertrand: „Conférence sur les populations primitives de la Gaule“):

„Если провести линію отъ Марселя къ Брюсселю черезъ Дижонъ, то мы получимъ приблизительно вѣрную границу двухъ археологическихъ областей и двухъ цивилизацій. На востокѣ безраздельно царствуютъ курганы. Здѣсь же встречаются большія кладбища, въ которыхъ трупы зарывали въ землю. На западѣ дольмены господствуютъ въ поразительной пропорціи. Очевидно, что такое рѣзкое разграничение памятниковъ, разнообразныхъ по своей формѣ,

но одинаковыхъ по назначенію, не можетъ быть дѣломъ случая. Мы должны видѣть въ немъ слѣды двухъ народностей, существенно отличающихся другъ отъ друга правами, обычаями, а вѣроятно, и происходеніемъ.

„Начнемъ съ запада. Чѣдь находимъ мы подъ этими плитами, пагроможденными въ видѣ компактъ? Смертные остатки предковъ, трупы въ спящемъ или лежачемъ положеніи (*assroupis ou allongés*). Около головы, въ ногахъ скелета, вокругъ него разбросана глиняная посуда (*poteries*), обѣланные кремпи, острія стрѣлъ, топоры полированнаго камня, иногда очень твердаго, иногда же сѣдѣющіе изъ драгоценнаго восточнаго нефрита (о нефритѣ шла рѣчь на Тифлисскомъ археологическомъ съездѣ 1881 года). Иногда видѣсь же встрѣчаются жемчужныя ожерелья, особый видъ бирюзы (*callais*) и ожерелья изъ яшмара, чѣдь можетъ служить доказательствомъ распространенности торговыхъ союзей этихъ народовъ: известно, что *callais* добывается съ Кавказа, а яшмаръ изъ Балтийскаго моря. Между этими каменными предметами иногда, но очень рѣдко, попадаются венцы изъ бронзы и золота; мы находимся въ присутствіи цивилизациіи, по справедливости заслуживающей названіе каменной.

„Обратимся теперь къ свайнымъ постройкамъ Цюрихскаго и Константскаго озеръ, гдѣ преобладаютъ тѣ же каменные орудія которыхъ мы видѣли въ долмансахъ. На ряду съ каменными топорами въ такомъ же пластѣ земли, какъ и во Франціи, видѣсь встрѣчаешь мы остатки животныхъ, спутниковъ человѣка, остатки обуглившихся растеній, зерна и т. п. Эти растенія, эти зерна, эти остатки животныхъ показываютъ намъ, что человѣкъ каменной цивилизациіи держалъ възлюбленную себѣ собаку, лошадь, свинью, козу, овцу, быка, то-есть, главнѣйшихъ домашнихъ животныхъ, что онъ охотился на лань, косулю, оленя, кабана, лисицу, каменного барана и т. п. Глиняные сосуды, упавшіе въ воду въ ту эпоху, содржать въ себѣ пшеницу, ячмень, овесъ, горохъ, чечевицу, лещину, яблоки, сѣмена земляники и малины. Штакъ, земля вокругъ озеръ обрабатывалась; люди каменной цивилизациіи были землемѣрцами и пастухами, выдѣлывали себѣ ткани изъ льна и коры, но видѣть съ тѣмъ не презирали и охоты.

„Перейдемъ теперь на востокъ, въ область кургановъ. Здѣсь, на ряду съ особымъ способомъ погребенія, мы встрѣчаемъ и новый родъ цивилизациіи, новую утварь. Каменный топоръ, ожерелье изъ *callais* и яшмара изчезаютъ; вместо ихъ мы находимъ бронзовыя и желѣзныя мечи, пояса и нагрудники изъ бронзы, остатки дерев-

виянныхъ щитовъ, отдѣланныхъ бронзой и желѣзомъ, какъ и ожерелья изъ бронзы, желѣза и золота, ручные и ножные браслеты изъ тѣхъ же металловъ, булавки и шпильки, обломки колесницъ, иногда богато украшенные. Мы находимся въ области цивилизациіи индо-европейской.

„Важность этихъ фактовъ, несомнѣнно достовѣрныхъ, очевидна для каждого. Мы можемъ считать вполнѣ вѣрными слѣдующіе выводы изъ вышеупомянутыхъ археологическихъ данныхъ: въ началѣ, и преимущественно, на западѣ, Галлію населяла группа народностей, достигшихъ извѣстной степени культуры, хотя еще не успѣвшихъ разрабатывать металлы. Внѣслѣдствіи, въ историческое время, явилась другая группа, обрабатывающая бронзу, желѣзо и золото; эта вторая группа сначала исключительно занимала восточную часть Франціи. Обѣ эти цивилизациіи существовали другъ подъ друга и имѣли происхожденіе различное; мы не можемъ никакъ считать вторую наслѣдницей первой.

„Эти два пояса, эти двѣ столь различные археологическіи области продолжаются и вѣтъ Франціи. Мегалитические памятники тянутся во всѣхъ сѣверныхъ странахъ: Ирландія, Англія, Шотландія, Данія, Швеція и южные берега Балтійского моря въ большомъ количествѣ обладаютъ ими. Курганы, аналогичные французскимъ, тянутся по ту сторону Рейна и занимаютъ часть древней Германіи, гдѣ никогда не встрѣчалось ни одного мегалитического памятника. И какъ во Франціи, такъ и вѣтъ ея, эти два пояса сохраняютъ свое очевидное, рѣзкое различіе.

„Нѣть сомнѣнія, что цивилизациія желѣза и бронзы, эпоха кургановъ, есть эпоха галльская. Принесли ее съ собою и водворили въ самому сердцѣ Европы тѣ Галлы, или Галаты, которые въ III и IV вѣкахъ до-христіанской эры явились съ востока и вторглись въ Италію. Откройте Полібія, Страбона, Діодора, Тита Лівія, Плутарха, посмотрите на галльскія монеты, на статуи и памятники. Эти мечи и продолговатые деревянныя щиты, эти каски и кошмы, нагрудники изъ бронзы и золотые браслеты, находимые въ нашихъ курганахъ, не были ли они описаны древними авторами, какъ вооруженіе Галловъ? Итакъ, наши курганы суть курганы галльскіе“.

Берtrand опредѣлилъ даже время, когда этотъ народъ, погребавший своихъ умершихъ въ курганахъ, утвердился въ означеннѣй выше странѣ. Въ курганахъ Вейссенкирхена (Weissenkirchen) на Саррѣ подъ Трира, Роденбаха (Rodenhach) и Дуркгейма (Durkheim) близь

Шнейдера, говорить онъ, — найдены между прочими вѣдами, этрускія вазы, золотыя драгоцѣнности артистической работы, на которую, конечно, сами варвары не были способны, словомъ, предметы, которые знакомы весьма легко отличаются отъ подобныхъ же произведений истинного происхожденія. Эти вазы, эти драгоцѣнныя золотые кольца и браслеты относятся къ периоду этрусскаго искусства III и преимущественно IV столѣтія до Р. Х., почти ко времени нашествія Галловъ на Римъ. Однако, наиболѣе археологические памятники классического искусства, находимые въ курганахъ, принадлежать именно правому берегу Рейна, такъ что къ прежнимъ двумъ положеніямъ археологии заставляетъ присоединить еще третье, именно — что Галлы, прежде своего утвержденія въ Галліи, жили въ-которое время на востокѣ отъ Рейна, и что нашествіе галльское, подобно другимъ, шло съ востока, двигалось со стороны Германии. Предъ наступленіемъ седьмаго вѣка, по мнѣнію Бертрана, Галаты, вооруженные большими желѣзными мечами, подвигаются впередъ малыми переходами. Въ IV вѣкѣ они вполгѣ овладѣли восточными странами Галліи, а въкоторый группы ихъ достигли Буржа и даже Дижона, въяла же заняли Овернь. Антропология отчасти подтверждаетъ выводы археологии о направлении такого пути. Изученіе кургановъ Бургони показало, что скелеты, въ нихъ сохранившіеся, не имѣютъ никакого сходства по своимъ формамъ и пропорциональнымъ отношеніямъ со скелетами расъ, прежде обитавшихъ въ Галліи (раса дольменовъ, раса пещерная), а напротивъ тождественны со скелетами Германскихъ народовъ, во множествѣ выкапываемыхъ въ могилахъ Меровингского периода. Фактъ близкаго сходства между Галльской или Кельтской расою, известный уже древнимъ и яспо выставленный на видъ Страбономъ, находитъ здѣсь новое себѣ выраженіе, и въ то же время онъ свидѣтельствуетъ о направленіи, въ какомъ слѣдуетъ отыскивать родину Галловъ.

Но если цивилизацией желѣза принадлежитъ Галламъ, то какому же племени принадлежитъ довольно развитая культура каменного неолитического периода съ дольменами и другими мегалитическими памятниками? Отвѣчая совершенно положительно и очень убѣдительно на вопросъ о представителяхъ желѣза, современная археология не въ состояніи представить такого же точнаго и опредѣленнаго отвѣта на другой, сейчасъ нами выраженный, хотя она уже успѣла привести эпоху дольменовъ въ весьма близкое отношеніе и содѣствѣть къ области чисто-исторической, поставить ту эпоху подъ ея почти полное освѣщеніе. Бер-

рапъ отчасти затруднилъ себя своею теоріей различенія Кельтовъ отъ Галловъ, правда, очень пуржно при его представлениі о позднемъ сравнительно приходѣ носителей жељза въ Галлію, тогда какъ Греками гораздо рапѣ IV вѣка было замѣчено присутствіе Кельтовъ въ южной части страны, въ окрестностяхъ Марселя, и даже въ Испаніи. Такъ какъ этому второму, ранѣе пришедшему племени приходилось удѣлить какую-нибудь соответствующую эпоху, то Бертранъ, больше всѣхъ другихъ содѣйствовавшій къ устраниенію прежде господствовавшаго возрѣнія о принадлежности дольменовъ Кельтамъ или ихъ друидамъ (см. его статью: *Les monuments dits celtiques въ Archéologie*, pag. 131—164), впослѣдствіи склонился къ некоторое время на большія уступки своимъ противникамъ, запицавшимъ старое мнѣніе (Henri Martin, *De l'origine des monuments mégalithiques: Etudes*, p. 224—267). Съ самаго начала приписавъ постройку дольменовъ неизвѣстному племени, названному Гиперборейскимъ только для обозначенія его прибытия съ сѣвера, Бертранъ готовъ былъ признать въ своихъ Гиперборецахъ передовые отряды Кельтскаго племени, приписать Кельтамъ, предшественникамъ родственныхъ Галловъ, возведеніе мегалитическихъ памятниковъ вообще и въ частности самыхъ дольменовъ¹⁾). Однако въ настоящее время онъ возвратился къ результатамъ своихъ первоначальныхъ изслѣдований, поддерживая все-таки различіе между Галлами и Кельтами, но приписывая дольмены какому-то третьему племени. Мы не будемъ долго останавливаться на этнографическомъ различеніи, существующемъ замѣнить предложенное Цезаремъ дѣление обитателей Галліи (за исключеніемъ Аквитаніи) на Белговъ и собственныхъ Галловъ, или — что тоже — Кельтовъ, при чемъ Белги, о которыхъ Бертранъ не говорить ничего опредѣленного, по его мысли будуть, конечно, относиться къ его Галламъ. (Ремы, несомнѣнныи Белги, жили въ области кургановъ, приписывающихся Галламъ). Это различіе не находить себѣ опоры ни у Цезари, ни у другихъ древнихъ авторовъ. Бертранъ преимущественно опирается на Полібіѣ, по всѣмъ его стараніямъ доказать, что этотъ авторитетнѣйший свидѣтель сознательно придаетъ различный смыслъ наименованіямъ „Кельты“ и „Галаты“, отзываются налишнею искусственностью и явными натажками; для непредубѣжденнаго взгляда совершенно ясно, что въ первыхъ книгахъ, гдѣ идетъ рѣчь о дѣлахъ

¹⁾ См. Robiou, *Observations critiques sur l'archéologie dite préhistorique* (Paris 1879) pag. 95 (отрывокъ изъ письма Бертрана къ автору).

Италіи, наименованія „Кельты“ и „Галаты“ суть для Шолібія совер-
шенно два безразличные спонопима, такъ что одинъ разъ онъ можетъ
выразиться „Римъ взяли Галлы“, а другой: „Римъ взяли Кельты“. Мы не имѣемъ возможности касаться споровъ, возбужденныхъ раз-
ными мемуарами и статьями Бертрана, и между прочимъ еще не по-
конченныхъ препирательствъ относительно значенія разкзаза, со-
общаемаго Титомъ Ливіемъ (V, 34, 35) о переселенії въ сѣверную
Італію, страну собственно Кельтскую по Бертрому, многочислен-
ныхъ племенъ Галльскихъ, пришедшихъ подъ предводительствомъ
Белловеза и Сиговеза около 600 года по Р. Х. именно изъ Галліи
(теперешней Франціи), гдѣ, по теоріи Бертрана, въ данное время
могли быть только Кельты. Достаточно сказать, что филологические
и исторические аргументы Бертрана успешно опровергаются фран-
цузскимъ же учеными ¹⁾). Переходимъ опять къ археологии. Послѣ
того какъ неолитическая эпоха дольменовъ окончательно усвоена
третьему безымянному племени, археологическое существование Кель-
товъ представляется неосваемымъ и неуволовимъ; на пхъ долю
можно отнести—да и то съ большими сомнѣніемъ — развѣ только
бронзовую эпоху, тоже не имѣвшую въ Галліи ни самостоя-
тельнаго значенія, ни значительной продолжительности во времени.
Какъ мы видѣли, бронза постоянно встрѣчается въ восточныхъ кур-
ганахъ вмѣстѣ съ желѣзомъ, и только иногда сопровождается ка-
менныя орудія въ дольменахъ западной полосы. Нѣть особенной
нужды разрывать ради такой неопределенной эпохи собственно
галльское единство; но можно признать то, что уже вытекаетъ
изъ другихъ данныхъ, именно — что Кельтская раса, поглотившая
туземную предшествовавшую населенію пынѣйской Франціи, не всѣдѣ
представляла одну и ту же степень безпримѣсной чистоты и не
одинаково была распределена на поверхности галльской почвы; на
востокѣ и юго-востокѣ видимымъ образомъ преобладали Галлы, тогда
какъ на западѣ и сѣверо-западѣ преобладали потомки расъ, ими
покоренныхъ при помощи, какъ желѣза, такъ и бронзы. Онѣ-то, эти
старые расы, и были строителями дольменовъ, иль-то собственно и
принадлежитъ мегалитическій періодъ, тогда какъ бронза уже слу-
житъ указаніемъ галло-кельтского влиянія. Тамъ, гдѣ получили пре-

¹⁾ См. *Dejardins*, Géographie II, 193, 201; *Arbois de Jubainville*, Les Celtes les Gaulois: *Revue archéolog.* XXX (1875), pag. 12, A. Maury, *Journal des savants* 1877 (четыре критическихъ статьи на книгу Бертрана).

обладаніе Галлы, вѣтъ долмениовъ, или какъ болѣе осторожно выражаются другіе (Альфр. Мори), они очень рѣдки; причина тому заключается либо въ томъ, что самый обычай строить долмени возникъ среди отѣсненныхъ къ заладу туземныхъ расъ позднѣе галльского нашествія, позднѣе утвержденія Галловъ на востокѣ, либо въ томъ, что существовавшіе нѣкогда первоначальные образцы этого искусства были истреблены, уничтожены въ эпоху кургановъ, буквально закрыты ими. Авторъ специальнаго изслѣдованія о мегалитическихъ памятникахъ, Англичанинъ Фергюссонъ¹⁾, идетъ, очевидно, слишкомъ далеко, доказывая, что долмени и другія подобныя постройки изъ камня съ погребальными цѣлями, относятся къ сравнительно весьма замъ близкой эпохѣ, что они строились въ продолженіе первыхъ десати вѣковъ по Р. Х., и что самая мысль о такихъ зданіяхъ возникла у варварскихъ племенъ, благодаря, съ одной стороны, существовавшему у нихъ культу предковъ (*ancestral worshipping*), съ другой римскому архитектурному влиянію. Доказательства Фергюссона основываются на молчаніи древнихъ римскихъ писателей, нигдѣ не упоминающихъ о долмениахъ, и на томъ, что въ нѣкоторыхъ долмениахъ найдены монеты Римскихъ императоровъ отъ I до IV вѣка, что одинъ французскій долменъ утверждены па колоннахъ очень опредѣленнаго средневѣковаго стиля X вѣка; но такие доводы отчасти могутъ быть обращены противъ него самого, такъ какъ и средневѣковые писатели, которыхъ было не мало, тоже не указываютъ строителей нашихъ памятниковъ,—отчасти носятъ слишкомъ явный характеръ быстрого заключенія отъ части къ цѣлому; долмени строились и въ кельтскую эпоху, какъ, съ другой стороны, это доказывается посредствомъ бронзовыхъ предметовъ, въ нихъ иногда находимыхъ, а въ видѣ исключенія могли быть возводимы и въ позднѣйшія времена, даже въ римское время и т. п. Однако отсюда никакъ не слѣдуетъ, что мы должны признать теорію позднаго происхожденія всѣхъ вообще долмениовъ. Отсутствіе металла въ громадномъ большинствѣ ихъ никакъ не можетъ удовлетворительно объясняться предположеніемъ нѣкоторыхъ особенностей въ погребальномъ ритуалѣ, воспрещавшемъ употребленіе металла (къ чему прибѣгааетъ Апри Мартешъ, поддерживающій галльское ихъ происхожденіе). Ниже мы сейчасъ приве-

¹⁾ Rude stone monuments in all countries; their age and their uses. James Fergusson. Murray London 1872. Есть французский переводъ (*Hamard*); и подробное обозрѣніе содержанія въ *Revue d'anthropologie* II, 509 и сл. 694 и сл. (1873 г.).

демъ осияательныя датыя, которая оближаютъ начало этого способа погребенія съ эпохой неолитической, вслѣдъ его же къ верху въ галльской или галло-римской періодѣ, а внизъ, къ періоду пещерныхъ людей, первобытныхъ до-историческихъ породъ. Теперь же, измѣя въ виду разъяснить вопросъ о принадлежности строителей дольменовъ къ той или другой расѣ, мы должны замѣтить, что даже и Фергюссонъ хотя отоснѣть происхожденіе всѣхъ вообще мегалитическихъ памятниковъ къ очень позднему времени, все-таки не считаетъ возможнымъ приписать ихъ Кельтамъ. Кроме тѣхъ аргументовъ, которые уже были указаны другими, именно—что дольмены находятся во многихъ пняхъ страпахъ, где Кельты никогда не было, Фергюссонъ приводитъ и то любопытное и важное наблюденіе, по опять, можетъ быть, нѣсколько преувеличеннѣе въ его обобщеніи, именно—то себѣтельство, что дольмены пѣть въ странѣ древнихъ Белговъ (сему, однако, указываютъ на открытие ихъ въ Люксембургской герцогствѣ). Белги какъ будто разбрѣзали на двое область дольменовъ на материкѣ Европѣ п въ Англіи; отсюда, по мнѣнію изслѣдователя, вытекаетъ заключеніе, что обычай строить дольмены возникъ тамъ и здѣсь послѣ нашествія Белговъ, ибо еслибы онъ возникъ ранѣе, то памятники такого же рода непремѣнно наплысли бы и на мѣстѣ позднѣйшаго жительства Белговъ и прежняго сплошнаго обитанія предшествовавшихъ имъ населеній; вполнѣ истребить дольмены Белгамъ, конечно, не удалось бы. Какія же это населенія были раздѣлены нашествіемъ Белговъ? Изслѣдователь, въ виду весьма широкаго распространенія дольменовъ, не считаетъ возможнымъ остановиться на одномъ какомънибудь племени, хотя и существуютъ замѣчательныя сходства между африканскими, напримѣръ, дольменами и сѣверными; въ Испаніи это будутъ Ибера, оттѣсненные Кельтами внутрь полуострова, въ Британіи — родственныя Иберамъ Силуры, тоже подъ давлѣніемъ Кельтовъ отступившіе изъ долины Северна въ пышнѣйшій Валлісъ; для Ирландіи и Шотландіи предполагается другое теченіе племенъ отъ Скандинавіи и финскаго сѣвера; во Франціи это суть, по мнѣнію Фергюссона, прямые потомки пещерныхъ людей, остатки которыхъ открываются въ такомъ множествѣ на берегахъ Дордони и другихъ рекъ южной Франціи. Полагаемъ съ своей стороны, что въ дѣлѣ изследованія мегалитическихъ памятниковъ нѣжды оспаривать участія населеній Иберійского племени, о которыхъ думали и другіе, съ одной стороны, сближая ихъ съ Берберами Африки, а съ другой — протягивая далеко на сѣверъ, на встрѣчу Финскимъ

племенамъ; но что касается Франціи, то вѣсто прямыхъ потомковъ нещерныхъ людей слѣдуетъ назвать прежде всего Лигуровъ, на которыхъ указывалъ еще Беллуге, считавшій ихъ настоящимъ южною расою, имѣшею родичей въ самой Африкѣ въ лицѣ Гетудовъ, что равняется Гаделамъ. Однимъ словомъ, намъ кажется, что при настоящемъ положеніи вопроса, всего основательнѣе считать строителями дольменовъ въ Европѣ племена, предшествовавшія Кельтамъ, именно Иберовъ и особенно Лигуровъ. Эпоха дольменовъ опредѣляется, съ одной стороны, отсутствіемъ въ нихъ (въ большинствѣ случаевъ) металла, съ другой—преобладаніемъ орудій шлифованаго камня; ясно, что ихъ строили населенія, которымъ употребленіе металловъ было неизвѣстно, между тѣмъ какъ сравнительное изученіе индо-европейскихъ языковъ показываетъ, что предъ своимъ прибытіемъ въ Европу Арийцы были уже знакомы съ употребленіемъ металловъ; разрытыя во множествѣ могилы кельтскаго или галльскаго происхожденія свидѣтельствуютъ о томъ же знакомствѣ. Если Галлы тамъ и здѣсь возвели пѣсколько дольменовъ, въ которыхъ находятся слѣды ихъ болѣе развитой индустріи и металлическіе предметы, то это можетъ объясняться подражаніемъ съ ихъ стороны покореннымъ ими племенамъ. Съ другой стороны, мегалитические памятники несомнѣнно позднѣе эпохи отбитаго камня (палеолитической); въ нихъ быть слѣдовъ ни тѣхъ ископаемыхъ животныхъ, по которымъ узнается древнійший возрастъ человѣка, ни отбитыхъ орудій изъ кремня. Наша мегалитическая эпоха, эпоха иберо-лигурійская, уже находится въ прямомъ, непосредственномъ соприкосновеніи съ послѣднімъ звеномъ въ ряду періодовъ, опредѣляющихъ исторію человѣческой цивилизаціи, уже касается собственнаго и настоящаго до-исторического періода. Мы, конечно, не имѣемъ нужды заниматься вопросами о первобытной четверицовой или даже третичной эпохѣ существованія людей, о до-потопномъ человѣкѣ, по выражению одного учѣпаго, когда онъ жилъ въ сообществѣ мамонта и сѣвернаго оленя. Намъ довольно знать, что и тамъ открываются двѣ послѣдовательныя расы: человѣкъ альпіального или рѣчныхъ береговъ, населявшаго всю западную Европу и оставившаго слѣды своего существованія въ орудіяхъ изъ кости и отбитаго камня, и пещернаго человѣкъ, отличавшагося довольно различными способностями, длиною формою черепа (долихокефальностію), обнаружившаго удивительные признаки артистическихъ способностей въ начертаніяхъ имъ рисункахъ мамонта, но пользовавшагося только шлифованными каменными орудіями. До послѣдняго времени думали,

что между палеолитическимъ и неолитическимъ периодами существовалъ промежутокъ и перерывъ, *hiatus*, такъ что, напримѣръ, нынѣшняя Франція вѣкоторое время оставалась пустою безъ всякаго населенія: но это мнѣніе теперь оставлено. Брокѣ, въ своемъ изслѣдованіи о пещерахъ нестрага человѣка показалъ, что въ устьяхъ рѣкъ Лозеры троглодиты, потомки охотниковъ на оленей, жили рядомъ со строителями дольменовъ. Новѣйшія открытия (Прюнѣра) еще болѣе убѣдительны. Въ другихъ, и притомъ не малочисленныхъ погребальныхъ пещерахъ Лозеры, открыто много человѣческихъ скелетовъ, раса которыхъ характеризуется постоянной долихокефалией, и которую патѣрио приписывали къ такъ-называемой Кро-Маньонской породѣ. Важно для насъ то, что эти представители четверичныхъ населеній были въ постоянной войнѣ со строителями дольменовъ; доказывается это тѣмъ, что многие скелеты еще сохранились въ себѣ воинственная въ нихъ нѣкогда живыя кости каменины стрѣлы, неолитическое происхожденіе коихъ не подлежитъ сомнѣнію. Итакъ, обѣ породы жили рядомъ одна съ другомъ и нѣкогда вели между собою па равнинахъ Сенеппъ борьбу за жизнь и смерть. Впрочемъ, предполагается, что переходъ отъ ледяного периода къ современной геологической эпохѣ, сопровождавшейся измѣненіями фауны, необходимо весьма тяжелый и трудный, въ вѣкоторыхъ мѣстахъ сопровождался гибеллю палеолитического населения; по въ другихъ—это населеніе удержалось. Изъ разныхъ наблюденій, говоритъ Катрафажъ,—авструетъ, что въ области Лозеры, въ началѣ временъ неолитическихъ, долихокефалии еще занимали страну, что въ данный моментъ они были атакованы брахицефалами, и что вскорѣ потомъ между двумя расами появился союзъ, обнаруживающійся въ мистикаціи, которая констатирована въ пещерахъ мертваго человѣка у Кро-Маньоновъ, у строителей дольменовъ въ ихъ гробницахъ, и что, наконецъ, раса короткоголовая взяла верхъ, по крайней мѣрѣ, въ извѣстныхъ пунктахъ. Но, по всѣмъ признакамъ, населеніе долихокефальное, занимавшее страну въ продолженіе вѣковъ, было гораздо болѣе многочисленно, чѣмъ вторгнувшіяся племена брахицефаловъ, и легко понять, что въ вѣкоторыхъ пунктахъ оно совсѣмъ избѣжало нашествія. Съ другой стороны, это населеніе, принаследившее, вѣроятно, къ той расѣ, которая оставила столько следовъ своего ума и способности къ цивилизациѣ (въ остаткахъ весьма замѣчательной индустріи ножей, щипцевъ, утвари, глиняныхъ горшковъ и вышеупомянутыхъ рисунковъ), вслѣдствіе соврекоснованія съ новопришедшими не замедлила усвоить себѣ искусства, составлявшія

ихъ превосходство. Итакъ, очень легко объяснить себѣ, почему на границахъ Лозеры и Авѣйрона открыта область великолѣпныхъ дольменовъ, заключающихъ въ себѣ только черепа долихокефаловъ. Въ населеніи вѣковъ неолитическихъ замѣти въ области Лозеры присутствіе двухъ расъ, изъ коихъ первая безспорно принадлежитъ временамъ четверичнымъ, а другая—первымъ днямъ настоящаго периода. Сліяніе на извѣстныхъ пунктахъ, заимствованіе на другихъ помогли объимъ стать на одинъ уровень; но древнѣйшая раса не сама собою поднялась до того, что можно назвать неолитическою цивилизаціей; первыми строителями дольменовъ были не долихокефали, а брахикефали; постройка ихъ особенно ревностно стала производиться послѣ окончанія борьбы и послѣ метизаціи. Однако, если такъ было на Лозерѣ, если честь введенія неолитической индустріи въ областяхъ пынѣшней Франціи принадлежитъ брахикефаламъ—мы предполагаемъ Лигурамъ, такъ какъ Лигуры, какъ выше показано, были брахикефали,—то нельзя ручаться, что такъ было вездѣ. На сѣверѣ Европы, въ Швеціи долихокефали одни являются въ дольменахъ; то же — въ такъ-называемыхъ *long-barrows* Англіи, въ дольменахъ Германіи и Польши; но въ англійскихъ *round-barrows* они всегда находятся въ товариществѣ съ брахикефалами.

Съ положеніемъ вопроса во Франціи можно подробнѣе познакомиться изъ руководства де-Бэ (*L'archéologie préhistorique par le baron J. de-Baue. Paris, 1880*) и статей Катрфажа (въ *Journal des savants* за декабрь 1881 г., за мартъ и апрель 1882 г.). Результаты англійскихъ изслѣдований въ книгѣ Елтона (*Origins of english History by Ch. Elton. London, 1882*) передаются слѣдующимъ образомъ (стр. 124 и сл.):

Мы не имѣемъ нужды подробно описывать остатки палеотическихъ предметовъ, блуждавшихъ въ странѣ при господствѣ почти полярного климата и ведшихъ небезопасныя войны съ дикими животными четверичной эпохи. Изслѣдованіе ихъ пещеръ и убѣжищъ въ скалахъ, слоевъ и залежей ила и песчаника въ Англіи и сосѣдственныхъ странахъ вывело на свѣтъ множество принадлежавшихъ имъ кремневыхъ ножей, молотовъ и топориковъ, а также орудій для кожаныхъ работъ. Ихъ грубыя „видолблленія“ лодки находятся въ мелкихъ бухтахъ рѣчныхъ заливовъ. Ихъ бусы и амулеты, а также рисунки мамонта и группы сѣверныхъ оленей, находимые во французскихъ отложеніяхъ, показываютъ, что имъ были нечужды иѣкоторые начатки умственнаго развитія и искусства, и что во всикомъ случаѣ,

они умѣли ловить и убивать большихъ плотоядныхъ звѣрей. Наиболѣе ясное понятіе объ ихъ жизни можетъ сообщить намъ изображеніе Финскихъ племенъ у Тацита, достигшихъ, по его замѣчанію, того, чтѣ паиболѣе трудно—свободы отъ всякаго желанія... Нельзя доказать непрерывной связи между этими дикарями и какимъ-нибудь изъ племенъ или народовъ, существующихъ теперь на западѣ Европы. Мы переходимъ поэтому къ неолитическому вѣку, который въ послѣдніе годы изслѣдователи занимались такъ пристально, что мы уже можемъ составить лѣкоторое ясное представленіе объ образѣ жизни тогдашнихъ людей, объ устройствѣ ихъ жизніцъ, и равнинѣ образомъ объ ихъ физическихъ признакахъ. Этому періоду принадлежать большиіе курганы или „королевскія гробницы“ (*tombs of the kings*), не имѣющія внутри каменнаго свода, а также каменные своды и общія племенныя гробницы, которая остаются еще погребальными въ землѣ, или же обнажены въ видѣ „кромлеховъ“ и стоящихъ камней: сюда же припадлежатъ такъ называемые длинные могилы. За исключеніемъ округовъ, гдѣ преобладаѣтъ способъ сожиганія труповъ, эти гробницы обыкновенно заключаютъ въ себѣ обломки большаго числа скелетовъ, нагроющіеся въ юѣстѣ и безъ порядка, какъ будто существовали еще временные или предварительныя могилы, пока строился памятникъ этого рода. Въ британскихъ дольменахъ (*barrows*) такого первоначальнаго типа (то-есть, длиннаго) рѣдко попадаются находки большой важности. Списокъ открытій заключаетъ въ себѣ нѣсколько пѣжныхъ зубце-образныхъ (*leaf-shaped*) наконечниковъ стрѣлъ, и другие предметы изъ роговой кости и полированнаго камня, а также обломки черной сѣянной руками глиняной посуды; по временамъ попадаются остатки роговъ козули, зубы вепря, черепа быковъ и кости гусей или драхвы (*bumsterd*), которая, по видимому, были оставлены гостями погребального шириства. Человѣческія кости, находимыя въ этихъ могильникахъ и въ кремневыхъ пріискахъ, оказавшихся въ Суссексѣ и Норфолькѣ, приводятъ анатомовъ къ заключенію, что неолитическіе Британцы были похожи на нынѣшніхъ Эскимосовъ. Они были малорослы и слабаго сложенія, съ мускулами излишне развитыми для ихъ тонкихъ и тощихъ костей; замѣчается большая несоразмѣрность между ростомъ мужчины и женщины, что уже указываетъ на тяжелый и скудный образъ жизни, при которомъ слабѣйшая половина подвергается сверхсильной работѣ и осуждена на постоянныя лишенія въ пищи. Лица были, по видимому, овальной формы съ мягкими, кроткими и правильными чертами; черепа, хотя

въ нѣкоторыхъ случаяхъ и отличавшіеся толщиною, были вообще длинной и узкой формы (доликокефальность), иногда сжатые на темени и отмѣченныя выдающимъ швомъ (ridges), подобнымъ килю на опрокинутой лодкѣ.... Остатки этого до-кельтическаго населенія неолитической эпохи, можетъ быть, существуютъ доселѣ. Елтонъ, вмѣстѣ съ другими, узнаетъ его въ малоросломъ и черноволосомъ населеніи Ирландіи, горной Шотландіи (Scottish Highlands), а также многихъ частей Англіи и Вельса, гдѣ тоже первѣко встрѣчаются малорослые индивидуумы, отличающіеся смуглымъ цвѣтомъ кожи, черными волосами и такими же глазами, съ головами длинной и узкой формы. „Что касается одной изъ двухъ до-историческихъ расъ, пишетъ проф. Роллестонъ въ сочиненіи о британскихъ дольменахъ, — то мы въ нашей странѣ встрѣчаемъ весьма значительное число населенія, у котораго длинноголовость соединяется съ низкимъ ростомъ и темными цвѣтомъ волосъ: въ немъ нужно видѣть или продолженіе существованія той расы, или же фактъ переживанія (survivals) или нового возвращенія (re-assertion) ея отличительныхъ признаковъ“ (см. Elton, pag. 141.).

Открытия въ гробницахъ показываютъ, что въ первоначальные времена эти неолитическія племена одни владѣли Британіей, и что потомъ они подверглись нападенію людей отличной расы, которые уже захватили власть надъ противоположными берегами отъ Швеціи до береговъ Атлантическаго океана. Народъ этой второй расы, которой принадлежать британскіе круглые дольmens, достигъ до Финистерре, прежде чѣмъ научился употребленію какого-либо металла; его длинные скелеты и короткіе круглые черепа находятся вмѣстѣ съ остатками отъ древнѣйшей расы, въ снабженныхъ камераами дольменахъ (in chambered barrows) материка, въ которыхъ никогда не было видано бронзовыkhъ предметовъ, хотя подѣски изъ бирюзы и зеленаго каллаиса, а равно и топоры, сдѣланные изъ ядента и другихъ драгоценныхъ восточныхъ камней, свидѣтельствуютъ о существованіи торговли съ пакіями, имѣвшими въ распоряженіи металлы. Но внезапно и безъ всякаго признака приготовительной попытки или же посредствующихъ формъ, открываются могилы, содержащія въ себѣ бронзовыя оружія изящной работы, какъ будто какой-то новый торговый путь направленья былъ на сѣверъ. На сколько, впрочемъ, дѣло касается Британіи, мы ничего не знаемъ объ этой второй расѣ, прежде чѣмъ она привыкла къ употребленію бронзы. Появленіе людей этой расы въ сей странѣ совпадаетъ, по ви-

димому, съ введеніемъ названного металла; потому что всѣ могилы, содержащія въ себѣ бронзовыя остатки, въ то же время заключаютъ и остатки ихъ труповъ либо безъ всякой примѣси, либо вмѣстѣ съ остатками и солитической расы; а гдѣ кости людей каменного вѣка преданы погребенію этими людьми, тамъ никогда не было открыто никакого слѣда металлическихъ орудій.

Примѣльцы были люди высокорослые бѣлокураго (?) финнскаго типа, который въ широкихъ размѣрахъ еще преобладаетъ среди новѣйшихъ обитателей Даніи, странъ Вендскихъ и Славянскихъ. Они замѣтно отличались отъ людей съ прямымъ лицемъ и съ овальной головой, отожествляемыхъ съ Кельтами и Германцами; они были широкой кости и корепасты, жепицы относительно высокорослы и сильны, какъ это бываетъ въ обществахъ, гдѣ живь легка и пища детства. Мужчины, по видимому, имѣли грубыя черты лица, широкія скулы и выдающіеся подбородки, черепа круглой вороткой формы, при чмъ лбы во многихъ случаяхъ вдругъ отступаютъ назадъ, какъ будто нужно было возвратить равновѣсие въ затылкѣ для поддержанія тяжести широкой нижней челюсти.

Мы имѣемъ извѣсторія указанія на ходъ и способъ завоеванія. Въ окопахъ юркишскихъ полей находятся явные слѣды высадки и позднѣйшихъ операций какого-то соединеннаго народа, простирающіеся на цѣлую мили во внутренность страны. Въ этихъ мѣстахъ пришелцы, по видимому, смытались мирно съ людьми прежнихъ поселеній: круглые дольмены бронзового периода содержать здѣсь почти въ равной пропорціи черепа длинноголовыхъ и короткоголовыхъ; отсюда основательно заключаютъ, что примѣльцы вступили въ мирное соглашеніе и сожительство, сопровождающееся взаимными браками, съ людьми другого типа, тѣмъ болѣе, что нерѣдко попадаются черепа, соединяющіе характеристичныя черты обоего рода людей. Въ другихъ мѣстахъ, и въ частности въ окрестностяхъ Стонегендуза (Stonehenge), старыя племена были прогнаны, потому что никакихъ смѣшанныхъ формъ не находится въ многочисленныхъ гробницахъ, окружающихъ развалины этого храма; не находится также, какъ здѣсь, такъ и въ другихъ мѣстахъ, явлаго смѣшевія череповъ того и другаго типа.

Изслѣдованіе шарообразныхъ круглыхъ дольменовъ, находимыхъ почти повсюду въ Англіи, сообщаетъ богатое количество данныхъ для изображенія жизни Британцевъ бронзоваго вѣка. Ясно, что это уже не были дикари, нація охотниковъ и рыболововъ, или даже народъ на степени пастушескаго и кочеваго быта. Эти племена знали уже

простѣйшія начала общественности и достигли знакомства съ нѣкоторыми утонченностями цивилизовапой жизни ранѣе, чѣмъ они были покорены и поглощены господствующими народами Кельтскаго племени. У нихъ была собственность, состоявшая въ стадахъ скота; они умѣли ткасть и приготовлять одежду изъ льна и шерсти; каменныя жернова или ручныя мельницы и грады на холмахъ Вельса и Йоркшира доказываютъ ихъ знакомство съ нѣкоторыми родомъ хлѣбныхъ растеній; есть явные слѣды ихъ поселеній, доказывающіе, что они уже имѣли привычку жить выѣстѣ цѣлыми круглообразными деревнями; домашняя утварь разнообразнѣе и отличается гораздо болѣе тонкою работою и т. д.

Когда и какимъ процессомъ эти племена слились съ Кельтскими народами — это всегда остается неизвѣстнымъ. Вслѣдствіе возобла-
давшаго обычая сожигать трупы, слѣдалось очень трудно различать ихъ украшения и оружіе отъ позднѣйшаго кельтскаго типа; и если гдѣ это круглоголовое населеніе остается въ своихъ потомкахъ до настоящаго времени, представляется довольно труднымъ отличить его отъ массы позднѣйшаго датскаго элемента. Очевидно впрочемъ, что племена бронзового периода оставались въ нѣкоторыхъ частяхъ Британіи вплоть до времени римскаго завоеванія; вѣроятно, что со временемъ труды филологовъ подтверждаютъ предположеніе, что языки Кельтовъ въ Британіи подверглись чувствителльному влїянію отъ со-
прикосновенія съ Финскими племенами, занимавшими раньше ея почву. Начало этого рода уже и положено: Въ „Чтепіяхъ о вельской (Валлійской) филологии“ (Lectures on Welsh Philology. London, 1881), проф. Рисъ (Phys) отмѣтилъ цѣлый рядъ явленій въ кельтскихъ языкахъ, не соотвѣтствующихъ законамъ обще-арійской филологии и объяснимыхъ только путемъ означеннаго влїянія. Кроме такихъ мѣстныхъ географическихъ названий, какъ Mona, Mynydd, Manaw, Mumhain, сюда относятся односложнныя личныя имена, встрѣчаемыя въ надписяхъ, въ спискахъ королей и въ разнаго рода повѣстяхъ и сказкахъ — въ родѣ Conn, Gann, Grid, Ru, Wid, Nud. Личныя имена арійскихъ языковъ — всегда сложны по своему происхожденію и если когда появляются въ формѣ односложныхъ, то всегда можно возвести ихъ къ первоначальному сложному виду, между тѣмъ какъ без-
смысленные односложнныя, подобныя вышеприведеннымъ, не носятъ на себѣ никакихъ слѣдовъ существованія въ сложной формѣ и потому должны быть считаемы чуждыми арійскому источнику. Сверхъ того, въ древнемъ вельскомъ и ирландскомъ нарѣчіи замѣчаются слѣды

агглютинації, состоающей въ томъ, что иѣстомѣніе въ неизмѣненномъ видѣ приставляется къ глаголу или вставляется въ середину; такое соединеніе вельскихъ предлоговъ съ иѣстомѣніями, какъ его для меня, егот для тебя, напоминаетъ также мадьярскій языкъ и т. п. (Elton, pag. 167).

Къ какому же заключенію приводить нась относительно нашего главнаго пункта данныхъ и результаты до-исторической археологии? Нѣть иныхъ слѣдуетъ съ несомнѣнною ясностію, что Кельты вовсе не были первоначальными обитателями западной Европы, что въ предшествовали, какъ во Франціи, такъ и въ Англіи, другія племена не арійского происхожденія, и что эти неарійскіе элементы, подчвишившіеся Кельтамъ, смѣшились съ нами въ физиологическомъ отношеніи и не только обусловили измѣненія въ первоначально единомъ галльскомъ типѣ; по отчасти сохранили свое существованіе по современныхъ народахъ Франціи и Великобританіи, ихъ потомкахъ, и что именно тѣ малорослые черноволосые индивидуумы, которыхъ прежде считали настоящими и подлинными Кельтами, больше всего поддерживаютъ физическую традицію неарійской крови. Но если мы захотимъ археологические результаты сопоставить и согласить съ чисто этнографическими, если захотимъ подъ различными періодами до-кельтской древности подписать опредѣленный племенныи названія классической географіи, то тутъ встрѣтимся съ большими затрудненіями и явными противорѣчіями. Узелъ вопроса заключается въ тѣхъ короткоголовыхъ людяхъ, которые во Франціи являются первыми соорудителями дольменовъ, а въ Англіи, сверхъ того, уже представителями бронзоваго періода. Не одинаковыми этнографическими терминами обозначаются они у приведенныхъ нами ученыхъ: одинъ считаетъ ихъ принадлежащими къ Лигурійскому племени, другой — къ Финикскому: противорѣчіе примирялось бы легко, еслибы и всей дальнѣйшія черты помимо устройства черепа предполагались одинаковыми, по этого пѣть. Елтонъ своимъ брахицефаламъ приписываетъ высокій ростъ и блокурные волосы, чего мы не можемъ признать за Лигурійцами, такъ какъ они должны раскрыть наше происхожденіе, малорослого и черноволосаго населенія во Франціи. Развѣясненія этихъ и другихъ противорѣчій слѣдуетъ ожидать отъ дальнѣйшихъ успѣховъ науки. Но если бы здѣсь и тамъ это была бы одна и та же раса, то на основаніи всего предыдущаго мы должны были бы ходь ея распространенія представлять себѣ такъ, что она съ начала восторжествовала надъ долихоcefалами Франціи и положила здѣсь начало новому

развитію, въ которомъ принимали участіе и палеолитические долихокефалы, какъ материка, такъ и Британскихъ острововъ, начавшіе строить дольмены (длинные — на послѣдніхъ), и что затѣмъ короткоголовое племя, уже познакомившись съ бронзою, перебралось само въ Британію, стало сооружать тамъ круглые дольмены и открыло бронзовыій періодъ на островѣ. При такомъ представлениі дѣла, очевидно, опять не остается специального археологического періода для Кельтovъ, если мы будемъ мыслить ихъ какъ нѣчто отдѣльное отъ Галловъ, представителей же лѣтіза. Въ сущности къ такому заключенію и приходитъ новѣйший англійскій изслѣдователь, которымъ мы выше занимались. Кельты, которымъ принадлежитъ начало лѣтізного вѣка, а въ то же время и чисто-историческаго, хотя и считаются у него отличными отъ Галловъ, но это различіе имѣть совершенно другой смыслъ, чѣмъ у Бертрена. Кельты у Елтона суть всѣ исконные обитатели Великобританіи и Ирландіи, пришедши сюда тотчасъ послѣ до-исторической бронзовойрасы, а Галлами онъ называетъ тѣхъ позднѣйшихъ пришельцевъ съ противоположнаго берега, о которыхъ говорить Юлій Цезарь, въ частности обозначающей эти колоніи какъ бельгійскія; основаніе здѣсь этихъ поселеній завоевательнымъ характеромъ относится къ очень сравнительно позднимъ временамъ: оно началось за нѣсколько поколѣй до Цезаря и едва за кончилось къ эпохѣ римскаго завоеванія. Такимъ образомъ, здѣсь противопоставляются не Белги Галламъ, не Кимры Гаеламъ, а только материковыѣ Кельты историческаго времени такимъ же островнымъ. Нужно замѣтить, что это дѣлается совершенно сознательно; опираясь на результаты новыхъ филологическихъ изслѣдований, при чѣмъ главнымъ образомъ имѣются въ виду „Чтения о вельской филологии“ Риса, Елтонъ считаетъ возможнымъ совершенно устранивъ предположеніе объ исконномъ различіи кимрійскаго нарѣчія въ Всѧхъ отъ гаельскаго нарѣчія въ Ирландіи (ерзе), послужившее между прочимъ исходнымъ пунктомъ для теоріи Тьеrrи. Результаты новыхъ филологическихъ изслѣдований приводятъ, если слѣдовать англійскимъ ученымъ, къ признанію первоначальнаго тождества между древнѣйшими формами обоихъ нарѣчій, кимрійскаго и ерзе, и большаго различія между ними обоими, съ одной стороны, и языкомъ континентальныхъ Галловъ — съ другой. Теперьшнее различіе между гаельскимъ и кимрійскимъ есть явленіе непервоначальное, а позднѣйшее; ближайшее отношеніе кимрійскаго нарѣчія къ древнему галльскому нарѣчію материка утверждаемо было на томъ, что въ кимрійскомъ, какъ и въ древнемъ галль-

скомъ (судя по собственнымъ именамъ и надписямъ), одинаково встречались звуки и буквы *p*, *th*, *s*, совсѣмъ изчезнувшіе въ ирландскомъ, а можетъ быть, и никогда въ немъ не существовавшіе. Но послѣ точнаго изслѣдованія сходство оказывается обманчивымъ, ибо его признаки относятся не къ одной эпохѣ для обоихъ сравниваемыхъ языкокъ, а къ различнымъ. Въ кельскомъ означенные звуки появляются и наблюдаются послѣ V вѣка, когда уже прекратилось разваніе кельтскаго языка въ Галліи, а прежде того ихъ не было; таъ что въ періодъ дѣйствительной жизни кельтизма въ Галліи существовало напротивъ различіе между островнымъ и галльскимъ нарѣчіемъ. Позднѣе, но вслѣдствіе самостоятельного развитія, кимрійское нарѣчіе Вельса достигло той же степени, на которой стоялъ прежде языки Галліи, и вслѣдствіе того разошлось съ галльскимъ, къ которому рапѣ того было гораздо болѣе близко. Это самое заставляетъ предполагать ближайшее племенное единство самого населенія западной Британіи и Ирландіи.

III.

Наблюдение о близкомъ сходствѣ нынѣшихъ Французовъ съ древними Галлами по темпераменту и характеру, даже по вкусамъ и стремлѣніямъ, давно уже высказанное историками и мыслителями, сдѣлалось, можно сказать, общимъ мѣстомъ, которое припоминается всякой разъ, когда заходитъ рѣчь о судьбахъ и дѣяніяхъ великой и блестящей Французской націи. По общераспространенному убѣждѣнію, въ Галлахъ, какъ ихъ изображаютъ Цезарь и другіе древніе писатели, нельзя не признать современныхъ наимъ Французовъ; не смотря на всѣ перевороты вѣтнѣ и внутреннѣ, совершившіеся въ теченіе двухъ тысячелѣтій въ предѣлахъ пріиѣній Франції, основные черты характера Галловъ сохранились и до нынѣ безъ всякаго измѣненія; Французы по своему характеру, по своей нравственной природѣ, остаются истинными Галлами. Это явленіе наслѣдственности въ области нравственной должно представляться для насъ тѣмъ болѣе замѣчательнымъ, что мы только съ весьма большими ограниченіями можемъ допустить существованіе физиологическаго родства между Галлами и Французы. Можетъ быть, старое наблюденіе требуетъ попѣрки и выведеніе изъ него заключеніе—значительного видоизмѣненія или дополненія. Познакомимся, однако, поближе съ подлежащими изученію характерами, и воспользуемся для этого прежде всего характеристи-

кою современныхъ Французовъ у одного французскаго мыслителя, автора впамятнаго сочиненія „L'ancien régime et la révolution“¹⁾.

„Изъ всѣхъ явлепій французской исторіи“, говоритъ Токвилль во введеніи къ своему труду,—,наиболѣе страннымъ и необыкновеннымъ кажется самъ Французский народъ. Быть ли когда па свѣтѣ народъ, болѣе исполненный контрастовъ и болѣе способный вдаваться въ крайности, болѣе руководящійся чувствами, и менѣе принципами, стоящій то много выше, то много ниже общаго уровня человѣчества, — народъ столь неизмѣнныи въ главныхъ своихъ чертахъ, что легко его узнавать въ разказахъ Цезаря, и столь перемѣнчивыи въ своихъ ежедневныхъ помыслахъ и паклонностяхъ, что перѣдко онъ самъ для себя становится неожиданнымъ зрителемъ, и самъ не менѣе иностранцевъ принужденъ изумляться при видѣ собственныхъ дѣлъ своихъ,—народъ, болѣе привязанный къ своему дому и къ своимъ привычкамъ и вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе способный ие измѣнять и идти па край счастья, колѣ скоро онъ вышелъ изъ обычной колеи, непокорный по самой натурѣ и уживающійся съ произвольными и насильственными правленіемъ одного лица гораздо охотнѣе, чѣмъ съ разумнымъ и свободнымъ правленіемъ лучшихъ гражданъ, никогда не- свободный на столько, чтобы нельзя было поработить его, и никогда не порабощенный такъ, чтобы онъ не могъ свергнуть съ себя иго, не знающій границы ни въ рабствѣ, ни въ свободѣ, легко вѣдимый на ниточкѣ и неудобоуправляемый, какъ только поданъ ему примѣръ со- противленія власти, годный па все, но стоящій на высшей степени совершенства только въ воинскомъ дѣлѣ, народъ болѣе преклоняющійся предъ случаемъ, передъ силою, передъ успѣхомъ и блескомъ, чѣмъ предъ истинною славой, болѣе способный къ героизму, чѣмъ къ добродѣтели, къ гениальности, чѣмъ къ здравомыслию, къ составлешю колоссальныхъ замысловъ, чѣмъ къ совершенію великихъ предприятій: самая блестящая и самая опасная нація въ Европѣ, непрерѣменно возбуждающая къ себѣ удивленіе, иенависть, жалость, страхъ, но никогда не равнодушіе“.

Если бы нужно было эту блестящую страницу замѣнить сухимъ перечисленіемъ основныхъ чертъ французскаго характера, мы должны

¹⁾ Сочиненіе Токвилля переведено на русскій языкъ подъ заглавиемъ: «Старый порядокъ и революція», подъ редакціей Н. Кондырева. С.-Пб. 1861 г., а ниже- слѣдующій отрывокъ—сверхъ того находится шь сочиненіи А. Н. Георгиевскъ. «Галлы въ эпоху Юля Цезаря», во введеніи, откуда онъ и заимствованъ.

были бы поставить впереди всего указанныя и здесь подвижность и непостоянство, неустойчивость и наклонность къ массовымъ увлечениямъ, *mobilite* и *sociabilite*, какъ выражаются Французы. Легко показать, что такие черты были уже старыми, исконными недостатками или качествами древнихъ Галловъ. Пользуясь русскою книгою о Галлахъ, въ которой очень полно и хороню сведены относящіеся сюда тексты классическихъ писателей, предлагаемъ для сравненія нѣсколько отзывовъ о характерѣ древнихъ Кельтовъ. По замѣчанію Цицерона, Галлы такъ отличаются природой и обычаями отъ прочихъ народовъ, что древніе писатели безъ труда могли уловить всѣ особенности ихъ характера. Извѣстный римскій диктаторъ Камилль, какъ говорить Титъ Ливій, называлъ ихъ націей, которой природа дала и тѣло, и духъ больше великие, чѣмъ крѣпкіе и сильные (*"Gens est, cui natura sorgora animosque magna magis, quam firma, dederit"*). Эта величества духа проис текала отъ необыкновенной горячности, восприимчивости, впечатлительности, которая всегда были отличительными чертами ихъ характера. Но живая восприимчивость Галловъ нисколько не умѣрялась твердымъ разъ воспринятыхъ впечатлѣній. „Всякий, кто только хочетъ“, говоритъ Страбонъ (Геогр. IV, 4), — „гдѣ бы, когда бы и подъ какимъ бы ни было предлогомъ, легко можетъ возбудить и воодушевить Галловъ, и тогда они готовы на всякую опасность“. Благодаря необыкновенной восприимчивости Галловъ, виновники новыхъ замысловъ всегда пользовались у нихъ великимъ авторитетомъ; у нихъ была какал-то особенная наклонность къ перемѣнамъ и страсть къ политическимъ переворотамъ, *novis rebus student*. Цезарь называетъ Галловъ чрезвычайно любопытными и падкими до новостей; онъ описываетъ, какъ они останавливали всѣхъ прохожихъ и волею-неволю заставляли ихъ рассказывать всевозможныя были и небылицы, какъ народъ окружалъ купцовъ на рынкахъ и осипалъ ихъ вопросами, откуда они, что видѣли и что слышали. Возбужденные такъ либо иначе добытыми перѣдко сопершенно пустыми слухами, они принимали рѣшенія часто о весьма важныхъ дѣлахъ, въ которыхъ имъ приходилось сейчасъ же раскаиваться (B. G. IV, 5). Такимъ образомъ Цезарь обвиняетъ Галловъ въ необыкновенной быстротѣ и неосновательности рѣшений (*Gallorum sunt impedita et terrena consilia*). Полицій говоритъ, что во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ Галлы руководствуются не столько разумомъ, сколько горячностью своего сердца (II, 35). Эта способность горячо увлекаться первымъ впечатлѣніемъ и подъ его непосредственнымъ влія-

шемъ немедленно приниматься за дѣло была тѣмъ болѣе опасна, что они обыкновенно сходились на совѣщанія цѣлыми массами, массами проникались однимъ и тѣмъ же чувствомъ, однимъ и тѣмъ же порывомъ (Страбонъ). Древніе писатели, напримѣръ, Цезарь и Поливій, указываютъ также изъ легкогѣрность и легкомысліе, на необдуманность и безразсудство Галловъ, на ихъ неустойчивость въ наимѣреніяхъ и слабодушность: *infirmitas, levitas et mobilitas animi*. Они легко переходятъ отъ одной крайности въ другую, такъ что все зависѣло отъ впечатлѣнія минуты. Какъ бодро и скоро они рѣшались на войну, также легко и падали духомъ при первой неудачѣ. „Трудно рѣшить“, пишетъ Цезарь (VIII, 3), — „болѣе ли надмеваются Галлы при малѣйшихъ успѣхахъ, или падаютъ духомъ при незначительныхъ неудачахъ. Они легко падаютъ духомъ при первой неудачѣ“ (B. G. III, 19). При способности увлекаться, Галлы прежде всего увлекаются собою— они заносчивы, тщеславны и хвастливы: это замѣчаетъ и Ливій, въ разказѣ о первомъ нашествії Галловъ на Римъ, и Цезарь. Они склонны къ преувеличеніямъ и фразерству: Діодоръ указываетъ на ихъ обыкновеніе говорить темно, цвѣтисто и пышно. Въ Галлахъ развита страстная любовь къ военной славѣ, власти и вѣшнему блеску. Галлы по самой природѣ своей, говоритъ Страбонъ,— военнація, и они обладаютъ нѣкоторыми качествами хорошаго солдата въ высокой степени; но и въ войнѣ они неустойчивы, неспособны, по словамъ Ливія, переносить продолжительный трудъ и зной, особенно жажду и бесконицу. Это подтверждаютъ и Цезарь, и Поливій. Война съ тѣми разнообразными и живыми ощущеніями, которыми она съ собою приноситъ, особенно привлекаетъ къ себѣ Галловъ; они любили войну для войны, а не ради ея результатовъ. Они дорожили не столько добѣгей, сколько военною славой и возможностью тщеславиться и хвастаться своими воинскими подвигами. Ливій разказываетъ, что „широкія раны, которыми они получали въ сраженіи, исколько ихъ не смущали; иногда даже сами они разѣкали кожу, чтобы рана казалась шире и была замѣтнѣе; но если рана была мала, а между тѣмъ глубока и опасна, тогда они приходили въ отчаяніе“. На равнѣ съ военнымъ дѣломъ, Галлы имѣли особенное пристрастіе къ остроумной и живой рѣчи, тонкимъ и замысловатымъ выраженіямъ: *Pleraque Gallia duas res industriosissime persequitur, genitilitatem et argute loqui*, замѣтилъ старый Катонъ. Должно быть, замѣчаетъ современный Французъ,— римская важность (*gravitas*) такъ же трудно мирилась съ нашимъ насыщеннымъ характеромъ и нашей

внепреобразимою потребностию de faire des mots, какъ и иѣкоторая современная тяжеловѣсность нашихъ сосѣдей. Сверхъ того, Галлы имѣли несомнѣнную наклонность и способность къ ораторскому краснорѣчію. Уже изъ Цезаря видно, что и ораторы у нихъ были не рѣдки, и сила слова имѣла большую власть надъ умами. Галльский Геркулесъ въ миѳологии выражаетъ эту идею.

Приведемъ теперь еще одну новую характеристику.

„Кельтская, иначе Галльская или Галльская націа“, пишетъ Моммѣнъ, — „получила отъ общей материной иной приданое, чѣмъ Италійская, Германскія и Эллинскія сестры ея. При многихъ солидныхъ и еще болѣе блестящихъ достоинствахъ, у неї недостаетъ той глубокой нравственной и государственной основы, на которой виждется все хорошее и великое въ человѣческомъ развитіи. Для свободнаго Кельта, говоритъ Цицеронъ, — считалось позорнымъ воздѣлывать поле собственными руками. Земледѣлю они предпочитали настущескій образъ жизни, и даже въ плодородныхъ долинахъ По, промышляли по преимуществу свиноводствомъ, питаясь мясомъ отъ своихъ стадъ и пребывая съ ними денно и почно въ дубовыхъ лѣсахъ. Тотъ преданности родимой почвѣ, которая свойственна Италійцамъ и Германцамъ, у Кельтовъ недостаетъ, — между тѣмъ какъ, съ другой стороны, они любятъ селиться въ кучѣ, по городамъ и мѣстечкамъ, разростающимся и пріобрѣтающимъ у нихъ значеніе, какъ кажется, ранѣе, чѣмъ въ Италии. Гражданское устройство ихъ очень несовершенно: не только единство народное выражается у нихъ слабою племенными связью, чѣмъ можно, пожалуй, сказать въ началѣ и обо всѣхъ націяхъ, — но даже и въ отдельныхъ общинахъ у нихъ не хватаетъ единодушія и твердой организации власти, строгаго духа гражданственности и послѣдовательныхъ стремленій. Единственная организація, которой они подчинаются, — это военная, узами дисциплины своей избавляющая недѣльного отъ тяжелой заботы самообладанія. „Выдающіяся свойства Кельтскаго племени“, говоритъ историкъ его Тьери, — „суть: личная храбрость, которою они превосходятъ всѣ народы, открытый, стремительный доступный всякому впечатлѣнію temperamentъ, — бойкій умъ, по при этомъ крайняя подвижность, отсутствие выдержки, отвращеніе отъ подчиненности и порядка, хвастливость и нескончаемые раздоры, следствіе безграличнаго тщеславія“. Короче говорить въ этомъ же смыслѣ старикъ Катонъ: „У Галловъ болѣе всего въ ходу двѣ вещи — военное дѣло и краснѣ слово“. Такія свойства хорошихъ солдатъ и плохихъ гражданъ объясняютъ намъ историческій фактъ, что Кельты

поколебали всѣ государства, но сами не основали ни одного. Всѣдѣ мы ихъ видимъ готовыми странствовать, то-есть, предпринимать походы, предпочтая движимое добро ключку земли, и всему вообще—золото, и занимаясь войною, какъ организованнымъ разбоемъ, или даже какъ ремесломъ за плату, во всякомъ случаѣ, впрочемъ съ такимъ успѣхомъ, что даже римскій историкъ Саллюстій признаетъ превосходство Кельтовъ надъ Римлянами. Это настоящіе ландскнехты древности, какъ намъ представляютъ ихъ изображенія и разказы: большія, немускулистыя фигуры съ косматою головой и длинными усами, совершенно паоборотъ съ Греками и Италійцами, которые стригли усы и голову,—въ пестро-цвѣтныхъ и вышитыхъ плащахъ, которыхъ въ битвѣ нерѣдко сбрасывались, съ широкимъ кольцомъ на шеѣ, безъ шлема и безъ какого бы то ни было метательного оружія, но за то съ необыкновеннымъ щитомъ и длиннымъ, дурно закаленнымъ мечомъ, съ кинжаломъ и пикой,—и все это въ золотыхъ украшеніяхъ, такъ какъ они вообще умѣли недурно выдѣлывать изъ металловъ. Для похоронъ служило все, даже рана, которую часто значительно расширяли, чтобы пощегодать болѣе широкимъ рубцомъ. Сражались они обыкновенно пѣшіе, но иные кланы, кромѣ того, и верхомъ, при чемъ за каждымъ вольнымъ человѣкомъ слѣдовали два конные оруженосца; боевые колесницы были у нихъ издревле въ употребленіи также, какъ у Ливіанъ и у Грековъ. Ими чарти напоминаютъ средневѣковое рыцарство, больше всего—чуждый Грекамъ и Римлянамъ обычай поединковъ. Не па войнѣ только имѣли они обыкновеніе вызывать на бой отдельнаго непріятеля, сперва осмѣяніе его словами и тѣлодвиженіями,—и въ мирное время они не рѣдко бились между собою на смерть, въ блестищемъ вооруженіи. За этими подвигами слѣдовали, само собою разумѣется, похорки и пиршества. Такимъ образомъ подъ собственными или чужими знаменами, среди пескончаемыхъ битвъ и такъ-называемыхъ геройскихъ подвиговъ, вели они свой неусидчивый солдатскій родъ жизни, разсѣявшій ихъ отъ Ирландіи и Испаніи вплоть до береговъ Малой Азіи; но чтѣ бы они ни начинали, все расплывалось, какъ весенний снѣгъ, и никогда ими не было основано большаго государства, никогда не создали они своей культуры* (Римск. исторія, т. I).

„Въ сильномъ круговоротѣ всемірной исторіи, который безжалостно сокращаетъ всѣ народы не крѣпкіе и не габкіе подобно стали, Кельты не могли долго держаться. Достойно и праведно заслужили они ту же долю отъ Римлянъ, которую ихъ современники въ Ирландіи

испытываютъ отъ Саксовъ. Судьба ихъ—исчезнуть подобно дрожжамъ будущаго развитія въ политически превосходящей ихъ національности".

„Разставаясь съ заивѣтальною націей", говоритьъ далѣе Моммсеннъ,— „мы поаполляемъ себѣ еще напомнить, что въ извѣстіяхъ древнихъ о Кельтахъ на Луарѣ и Сенѣ, едва ли отсутствуетъ одна характеристическая черта изъ тѣхъ, по которымъ обыкновенно узнается падди (иравандскій крестьянинъ). Все есть вѣдь: медлительность въ обработываніи поля; страсть къ дракѣ или пьянству; хвастливость; рѣчь, полная сравненій и гиперболъ; забавный юморъ; глубокая любовь къ пѣснѣ и сагѣ о дѣлахъ прошедшаго и рѣшительный ораторскій и поэтическій талантъ; любопытство и бевзумное легковѣріе; дѣтская наивность и несравненная чуткость національного чувства" (Римск. история, т. III).

Вотъ характеристика, начертанная рукою мастера, строгая, я твердая. Однако, у насъ возбуждаются цѣкотыя недоумѣнія и сомнѣнія; точкой отправленія для нихъ можетъ служить именно падди. Мы не беремся вѣдь разсуждать, вполнѣ ли справедливъ упрекъ въ лѣни, брошенный въ лицо ирландскому крестьянину безъ приведенія вслыхъ историческихъ смѣгчающихъ обстоятельствъ, — но только спрашиваемъ, почему въ данномъ случаѣ по-наадбился такой переходъ отъ Кельтовъ на Сенѣ и Луарѣ къ ирландскимъ пхъ современникамъ. Конечно, потому, что французскій крестьянинъ никакъ не можетъ служить образцемъ лѣни и беззечности; онъ отличается соперниченіемъ противоположными качествами. Бережливость, доходящая до скучности и скряжничества, упорство въ преслѣдованіи цѣли, состоящей въ приобрѣтеніи завѣтнаго куска земли, — вотъ черты, характеризующія не только упрямаго Бретонца, но и Овернскаго крестьянина; трудолюбіемъ и тщательностію работы, отличается французскій мастеровой; нравы французской буржуазіи заставили признать бережливость французской національности, добродѣтелью. Во всемъ этомъ видна выдержка и предусмотрительность, находящіяся въ прямомъ противорѣчиѣ съ легкомысліемъ и подвижностью кельтскаго характера. Только отчасти можно сказать, что это качества, привитыя культурой, ибо они обнаруживаются съ особенностью силой даже въ тѣхъ слояхъ, которые всего менѣе подлежали ея дѣйствію.

Съ другой стороны при болѣе внимательномъ изученіи, если не тѣ же самыя, то подобныя противорѣчия замѣчаются и въ древнихъ

Галлахъ, какъ они описываются въ классическихъ источникахъ. Эти противорѣчія старается выставить на видъ Беллоге въ третьей части своего сочиненія, посвященной Галльскому гению (*Le Génie gaulois*). Если мы отбросимъ, разсуждаетъ онъ, тѣ черты, которыя обнаруживаются уровнемъ культуры и могутъ быть наблюдаемы у всѣхъ варваровъ, то у насъ останутся слѣдующіе безспорные признаки Галльского природнаго характера: страсть къ битвамъ, преувеличенная национальная гордость, безмѣрная хвастливость, слѣпая честолюбіе и впечатлительность физическая и нравственная, вслѣдствіе которой они постоянно переходили отъ одной крайности къ другой—отъ крайней самонадѣянности къ унынію, и отъ которой проистекали ихъ любопытство, легковѣріе и подвижность, вошедшія въ пословицу. Затѣмъ слѣдуютъ указанія, тоже сообщаемыя древними, на такія свойства, которые взаимно противорѣчать одно другому: съ одной стороны крайнее недостойнство и недостатокъ энергіи, а съ другой твердая и героническая преданность своимъ вождямъ, и далѣе вѣрность и цѣломудріе женъ въ противоположность холодности и распутству мужчинъ; необыкновенная жадность къ золоту и въ то же время щедрое посвященіе его богамъ, тихая неподвижность ума и страсть къ краснорѣчію, грубая и наивная простота и способность придумывать всяческія хитрости на войнѣ, лѣгковѣрій, мало возбужденный интеллектъ и способность къ изобрѣтеніямъ; наконецъ замѣчательная воспріимчивость Трансильванийскихъ Галловъ къ искусствамъ и цивилизаціи, тогда какъ ихъ братья въ Италии долго оставались чуждыми самымъ простымъ удобствамъ жизни, съ которыми могли познакомиться отъ Этрусковъ и Римлянъ.—Всѣ такія противорѣчія Беллоге объясняетъ, съ одной стороны, сосуществованіемъ на почвѣ Галльской двухъ или болѣе расъ, если не вездѣ, то въ иѣкоторыхъ пунктахъ еще не достигшихъ полнаго слиянія, но уже не различаемыхъ писателями, отчасти самими послѣдовавшимъ слияніемъ ихъ, которое могло совершиться и уже въ сущности ко времени Цезаря совершилось какъ въ физическомъ, такъ и въ нравственномъ отношеніи. Онъ предполагаетъ возможность метизации не только физиологической, но и духовной, такъ что особенные качества и способности разныхъ расъ—главнымъ образомъ Лигурійской и Кельтической—могли смѣшиваться и уравновѣшиватьсь, а отчасти переходить совмѣстно къ цѣлости къ позднѣйшему Галльскому потомству. Для большей ясности нужно припомнить себѣ довольно обидное замѣчаніе объ отдѣльныхъ лицахъ, что такой-то отъ отца наслѣдовалъ такія-то качества,

ВОПРОСЪ О КЕЛЬТАХЪ.

и отъ матери другія. Тѣ духовныя свойства, которыя одинаково были присущи обѣимъ расамъ, сохранились во всей силѣ и всецѣло перешли къ пынѣшимъ Французамъ, сѣвернымъ и южнымъ. Особенныя специальныя качества отдѣльныхъ породъ выразились весьма не одинаковымъ образомъ въ различныхъ отрасляхъ Кельто-Лигурійскаго потомства; въ одномъ мѣстѣ возобладала одна рѣзкая черта, въ другомъ — иная, болѣе энергически выраженная въ которомъ-либо изъ предковъ. Беллаго дѣлает попытку распределить вышеизначенные противорѣчивыя черты, замѣченныя уже въ характерѣ Галловъ, а затѣмъ и вынѣшихъ Французовъ, между племенными элементами, послужившими къ физическому образованію націи. Живость и подвижность темперамента онъ считаетъ общимъ наслѣдствомъ, но въ большей пропорціи отъ Лигуровъ, чѣмъ отъ Галловъ. Галлу чистой крови (*pur sang*) принадлежитъ дикое, увлеченіе, необдуманность и звѣрская яростъ, неумѣренность, страсть къ нарядамъ и украшеніямъ, излишнее тщеславіе своимъ подвигами и самыми происхожденіемъ, откровенность, легковѣріе, пышное гостепріямство, простота и костность ума. Покоренной расѣ принадлежитъ живость ума, природное краснорѣчіе, насыщеніе и то, что теперь называется *esprit Gaulois*, беспокойное любопытство, хитрость и способность изобрѣтенія и подражанія и т. д. Намъ кажется, что ученый и проницательный авторъ входитъ въ излипнія подробности и тонкости, такъ что вслѣдствіе этого кое-что начинаетъ представляться невѣроятнымъ и натянутымъ. Для нашей цѣли было бы достаточно, если бы въ характерѣ вынѣшихъ кельтическихъ племенъ намъ показали осознательные слѣды другаго вліянія. Какія черты отличали древнюю Лигурійскую расу? По описанию классическихъ авторовъ, Лигуры, отличаясь малымъ ростомъ, сухимъ и жилистымъ тѣлосложеніемъ, были націею трезвою, привычною къ труду, экономной, упрямою, переносицею всякия утомленія и лишевія, *Ligures duri et agrestes* (Cicer.); *assuetus malo Ligur* (Vergil.). Самыя женщины, пользовавшіяся у нихъ большимъ почетомъ и влияниемъ въ дѣлахъ общественныхъ, были чрезвычайно работящи и выносливы до грубости, особенно когда дѣло шло о наживѣ (Strab. III, 4, 17). Кромѣ упраимства, составляющаго наиболѣе выдающуюся черту ихъ характера, Лигуры отличались хитростью и лживостію, *fallaces Ligures* (Auson.); политическіе и дипломатическіе таланты средневѣковыхъ Генуэзцевъ ведутъ отсюда свое начало. Но нельзя ли тутъ найти и иѣкоторыя черты характера современныхъ Французовъ, начиная съ крестьянина и кончая еще и теперь играющими во Фран-

ції важную роль хитрыми Генуэзцами, способными заслужить съ начала прозваніе *sau furieux*, а затѣмъ обнаружить замѣчательную дальновидность и выдержанку?

Беллоге дѣлаетъ нѣсколько цѣнныхъ общихъ замѣчаній относительно передачи по наслѣдству племенныхъ духовныхъ качествъ— по поводу того соображенія, что Лигурійское племя легло въ основу не однихъ только собственно Французовъ, но также Бретонцевъ, Ирландцевъ, отчасти Испанцевъ. Пути природы бываютъ страннымъ образомъ медленны и таинственны; мы видимъ тому доказательство въ атавизмѣ, который часто проявляется въ нашихъ фамиліяхъ и нерѣдко послѣ многихъ поколѣній вдругъ возвращается дитяти тинъ его дѣда, либо еще болѣе отдаленного предка въ той или другой восходящей линіи. Вторыхъ, процессъ морального спада, о которомъ была рѣчь выше, подверженъ большими колебаніямъ, смотря по разнымъ обстоятельствамъ и частнымъ условіямъ смѣшевія той или другой группы; эти колебанія даютъ результаты весьма различные, которые иногда выражаются временною простоянкою, возвращеніемъ назадъ, но въ концѣ концовъ уравновѣшиваются и сглаживаются въ совокупности населения. Дѣйствіемъ силы еще болѣе таинственной, чѣмъ атавизмъ физической, одно извѣстное качество, одинъ извѣстный недостатокъ одной изъ расъ будетъ господствовать въ одной странѣ, а другое качество или недостатокъ возобладаетъ въ собственной провинціи. Такъ, во Франціи, проявляются живость ума Лигура въ Провансѣ и въ Бургоні, его упражненіе въ Бретани, старое галльское хвастовство въ Гаскони, а римскій духъ законности и порядка въ Нормандіи. Сверхъ того, населенія, долго жившія изолированно и потому оставшіяся позади движенія цивилизациі, тѣмъ лучше сохранить наиболѣе выдающіеся черты, наследованныя отъ общихъ предковъ. Нижне-Бретонецъ, напримѣръ, представляетъ болѣе вѣрою первоначального Галла, только привычка къ труду и выдержанка вѣдь привились *à la longue* къ запальчивости и тѣжелому интеллекту Кельта. Напротивъ, Ирландецъ сближается съ старымъ человѣкомъ юга, прирожденное буйство котораго (*turbulence*) и живое воображеніе были еще усилены лѣнностью, беспечностью и пьянствомъ Кельта. Беллоге думаетъ, что именно Ирландецъ всего болѣе похожъ на классического Галла Цезаря и Тита Ливія; тогда какъ житель Вельса, въ одно и то же время тревожно-безпокойный (*temperant*) и упрямый, подвижный тѣломъ и духомъ, представляетъ памъ лучшій портретъ Лигура чистой крови. Наконецъ, Галль Шотландіи, хищный и хитрый, какъ его

братья въ Альпахъ, вмѣстѣ съ отвращенiemъ къ труду сохранили главинимъ образомъ гордость расы, и вздорливый, драчливый духъ (*esprit querelleur*) своихъ кельтскихъ предковъ. Беллоге умолчалъ объ Англичанахъ, въ жилахъ которыхъ также предполагается многими значительная примѣсь кельтической крови, а это заставляетъ думать и о психологическомъ наслѣдствѣ. Здѣсь мы должны обратиться къ тѣмъ уже извѣстнымъ наимъ ученымъ, которые объясняютъ особенности и отличія Британской націи въ сравненіи съ германскими вліяніемъ кельтическихъ элементовъ.

Свою систему Найкъ и Никѣлесь прилагаютъ одинаково какъ къ физической сторонѣ, такъ и къ нравственнымъ качествамъ англійского типа. Если отыскавъ синтезъ англійского характера, разсуждаетъ послѣдователь, мы убѣдимся, что онъ не сходится съ древнимъ тевтонскимъ, то мы должны будемъ искать причину различія, и если причина откроется въ характерѣ древнихъ Бриттовъ (Кельтовъ), то намъ не будетъ болѣе нужды продолжать поиски. Какія же отличительныя черты Кельтическаго и Германскаго племени? Одинъ англійскій учennyй докторъ представилъ ихъ почти въ наглядной таблицѣ *en regard*. Кельтской расѣ принадлежать: живость воспріятія, большая способность комбинировать, прилежаніе, любовь къ равенству, къ обществу, къ увеселеніямъ, къ славѣ; недостатокъ осторожности и предусмотрительности, національное тщеславіе, утонченныя привлекательныя манеры, большая виѣшняя учтивость безъ внутренней симпатіи, раздражительность, отсутствіе готовности забывать обиду, явное нерасположеніе къ тяжелому труду, большой запасъ остроумія. Германская раса отличается медленностью, но точностю воспріятія и пониманія, медленностью, но глубинною и проницательностью ума, отсутствіемъ блеска остроумія, отличающаго Кельтовъ, большою любовью къ независимости, чѣмъ ко виѣшнимъ признакамъ ранга и достоинства, предусмотрительностью и осторожностью, сдержанностью, гостепріимствомъ, аристократическими консервативными стремлѣніями, уваженіемъ къ женщинѣ, исключительностью, страстью къ приключеніямъ. Очевидно, однако, что у автора такой характеристики, съ одной стороны, былъ предъ глазами Французы, какъ представитель кельтическаго типа, а съ другой какой-то слишкомъ отвлеченный идеальный Тевтонъ—повидимому, усовершенствованный въ англійской школѣ. Никѣлесь не согласенъ допустить, чтобы, напримѣръ, виѣшняя учтивость, несопровождаемая внутреннимъ чувствомъ, могла характеризовать Кельтовъ Британіи,

а съ другой стороны онъ не видить причины отнести прилежание (хотя и не въ тяжелыхъ занятияхъ) только на счетъ кельтическаго вліянія, отказавъ въ немъ Германцамъ. Намъ нужно, говорить авторъ Родословной Англійскаго народа,—отыскать отличія, *differentia*, подлиннаго Англичанина въ сравненіи съ подлиннымъ и настоящимъ Кельтомъ. Англичанинъ никакъ не есть вѣрная копія Германца древнихъ временъ. Онъ обнаруживаетъ интеллектуальныя и нравственныя черты, которые не входить замѣтныи образомъ въ синтезъ старого германскаго типа, именно: находчивость, живость, выжидательность или творчество (*constructiveness*), дѣятельность фантазии (*imaginativeness*), чѣмъ, доброжелательство, щедрость, индивидуализмъ и религіозный идеализмъ. А что касается Кельта, то онъ значительная доза тяжеловѣсныхъ, солидныхъ и здоровыхъ (*strong*) качествъ Англичанина влѣдеть широкую раздѣлительную черту между обоями. Физиология и психологія говорятьъ, что главныя качества Кельтической расы суть блестящая концепція (*brilliancy of conception*), пылкость темперамента, безотчетное стремление къ дѣйствію. Мы всѣ знаемъ, какъ они живы, прихотливы, капризны, впечатлительны, какъ неспособны къ разсудительному совету, къ дипломатіи, къ организаціи, терпѣливому труду и выжиданію благопріятнаго времени. (Авторъ имѣлъ въ виду ирландскую агитацию шестидесятыхъ годовъ).—Затѣмъ Кельты характеризуются ихъ литературою, чтѣже уже ранѣе блестящимъ образомъ было сдѣлано Ренаномъ, правда, съ большими, можетъ быть, пристрастіемъ, чѣмъ у Англичанина, тоже расположеннаго къ Кельтамъ, тоже считающаго себя ихъ потомкомъ¹⁾.

¹⁾ Извлеченія изъ статьи Ренана «La poésie des races celtiques», мы уже находимъ въ извѣстномъ сочиненіи В. И. Ламанского: «Объ историческомъ изученіи Греко-Славянскаго мира» (С.-Петербургъ, 1871), и замѣстимъ оттуда слѣдующіе два отрывка. «Безконечная тонкость чувства, отличающая Кельтскую расу, тѣсно связана съ ею потребностью въ естественныхъ почтеніяхъ. Натуры, мало раскрывающейся, всегда чувствуютъ наиболѣе грустно, ибо чѣмъ глубже чувство, тѣмъ оно меньше стремится къ обмарченію. Отсюда эта превосходная скромность, какая-то прямѣрность, сдержанность и величественность, такъ живо проявляющіяся въ пѣсняхъ сборника «Villemerque», и столь далекія и отъ сродной племенности латинскими риторичности чувства, и отъ национальной наивности Нѣмцевъ. Наружная сдержанность Кельтовъ зависитъ отъ этой внутренней робости, заставляющей думать, что чувство высказанное теряетъ половину своей силы и что сердце не нуждается въ постороннихъ зрителяхъ. Если-бы было позволено означать полъ народа, какъ отдаленнымъ лицамъ, то сдѣвало-бы не колеблюсь сказать, что Кельтская раса, особенно въ Кимрской или Бретонской вѣтви, есть су-

Фантазія и воображеніе Кельта, выразившіяся въ средневѣковой лите-
ратурѣ, никогда не были описаны должнымъ образомъ. Ихъ созда-
нія часто странны, грубы, безсвязны, негармоничны, но безъ сомнѣ-
нія посягъ на себѣ печать подлинной поэзіи. Сѣмена поэтическаго

щественно женская. Полагаю, что ни одно племя человѣческое не внесло въ лю-
бовь столько таинственности. Ни одно не задумывало съ бѣдами язвящество мъ
женского идеала и не находилось подъ столь сильнымъ его влияніемъ... Жен-
щина въ познѣ Кельтской является какъ родъ неяснаго видѣнія, посредникомъ
между человѣкомъ и мѣромъ сверхъестественныхъ... Сравните Женевру и
Изогуду съ этими скандинавскими фуріями Гудруону и Крипигильду, и вы со-
гласитесь, что рыцарскій идеалъ женщинъ, этотъ идеалъ нѣжности и красоты,
какъ высшая цѣль жизни — не есть созданіе ни классическое, ни христіанское,
ни германское, а чисто кельтское».

«Въ идеальныхъ созданіяхъ Кельтовъ сравнительно съ Германскими съ пер-
ваго раза поражаетъ та чрезвычайная мягкость нравовъ, которая въ нихъ спа-
зывается. Тутъ нѣть страшныхъ мщевій, наполняющихъ Эдду и Небелуги. Срав-
ните кельтскаго и германскаго богатыря, наиримѣръ, Передура и Беовульфа.
Какое различіе! Здѣсь весь ужасъ отвратительно кровожаднаго варварства, опьян-
еніе убійствомъ, бескорыстный, если можно сказать, впукъ къ разрушению и
смерти; тамъ, напротивъ, глубокое чувство справедливости, сильное, правдѣ,
увѣщанье индивидуальною гордостью, но вмѣстѣ большая потребность въ само-
пожертвованіи, строгая законность. Человѣкъ тиранническій, черный человѣкъ
является тамъ, какъ у Омера Леостригона и Циклопы, только для вспышки ужаса
противуподобности нравамъ болѣе мягкихъ. Это почти то же, что злой членъ
въ написаніи воображенія ребенка, воспитанного матерью въ страхѣ Во-
жіемъ. Первобытный Германецъ возмущается насть свою безпредметною гру-
бостью (*brutalit *), втою любовью ко злу, которая дѣлаетъ его унылымъ и силь-
нымъ только для ненависти и вреда. Богатырь кимрскій, напротивъ, въ своихъ
странныхъ уклоненіяхъ всегда руководится привычками благороденія и ищаго
сочувствія къ существамъ слабымъ. Это чувство одно изъ самыхъ глубокихъ у на-
родовъ кельтскіхъ». Въ самонъ началѣ своей статьи, написанной въ 1854 году,
Ренанъ, для предупрежденія недоразумѣній, замѣтилъ, что его характеристика от-
носится не къ цѣлой кельтской расѣ, никогда составлявшей все населеніе за-
пада, а только къ четыремъ уцѣлѣвшимъ и нѣсколько забытымъ исторію группамъ: 1) Кимри Вельса, 2) Бретонцы французской Бретаніи 3) Гаэлы Шотлан-
діи и 4) Ирландцы. Но другіе авторы дѣла считаютъ необходимыми еще даль-
нейшіе ограниченія. Профессоръ поэзіи въ Оксфордѣ и поклонники Вельской
литературы Маттью Арнольдъ (Matthew Arnold), утверждаютъ, что такія выраже-
нія, какъ *douce petite race naturellement chr tienne*, *race fi re et timide* &
Gextericur gauche et embarrass e — еще могутъ, пожалуй, идти къ Кимри, но ни
какъ къ Гаэлу, ни подъ какимъ видомъ — къ типическому Ирландцу. Равными
образомъ *«infinie delicatesse de sentiment qui caract rise la race Celtique»* со-
всемъ не согласуются съ ходичнимъ народными предложеніемъ объ Ирландцѣ...
How little that accords with the popular conception of an Irishman who wants to

вдохновенія и генія, заложенные въ Кимрскомъ духѣ — въ періодъ господства римской культуры и еще раньше,—оставались потомъ въ-которое время погребенными подъ тяжелую массою развалинъ вар-варской эпохи германскихъ завоеваний; но благодаря природной жиз-вучести кельтскаго темперамента, неблагопріятныя вліянія были мало по малу побѣждены; Кимрамъ Вельса принадлежитъ честь возбужде-нія, внесенного въ область мысли и литературу европейскихъ; тол-чокъ, ими давпій, сильнѣе, чѣмъ какой-либо другой, когда-либо по-шедшій отъ другаго народа. Смѣшанные расы, населявшія Англію, были туго и медленно на развитіе какой бы то ни было литературы. Сравнительно болѣе чистыя и беспримѣсные кельтическія населенія Вельса и Арморики далеко опередили ихъ, и благодаря счастливому сочетанію способности къ построению (constructiveness), любви къ чу-десному, безграницной и плодовитой фантазіи, успѣли создать типъ литературы, до тѣхъ поръ вѣроятно неизѣгѣтной въ Европѣ. Роман-тическая поэзія и проза, господствовавшія въ средніе вѣка и съ та-кимъ могуществомъ въ Бретаніи, Пріовансѣ, Италии, Германіи и Ан-глії — получили свое начало, какъ основательно полагаютъ, среди Кимровъ. Приключения Мерлина, короля Артура, и рыцарей Круг-лого стола, Ричарда Львинос Сердце и толпы другихъ занимаютъ первенствующее мѣсто въ поэмахъ французскихъ трувѣровъ и въ итальянской эпической поэзіи. Вельскій Мабиніогонъ (сборникъ ска-зокъ) заключаетъ въ себѣ остатки творчества, показывающіе вообра-женіе столь игривое и чувство столь деликатное и пѣжное, что въ этомъ отношеніи они не уступать произведеніямъ цикабого другаго вѣка. Какъ это случилось? Можетъ ли это быть объяснено иначе, какъ проявленіемъ наслѣдственныхъ качествъ характера? Культура и геній, обнаружившіе свои присутствіе и рапѣ, не смотря на небла-

borow money! См. сочиненіе Арнольда: *On the study of celtic literature*, London, 1867, pag. 100 и сл. Оставивъ въ сторонѣ изъкоторыхъ признакахъ и оттѣни пле-менной и провинциальной враждебности, не чужды отзывамъ Арнольда—Кимра обѣ Ирландцахъ — Гаделахъ, все-таки складусуга согласиться, что какомы бы ни были хороши и дурны стороны національнаго ирландскаго характера, робость, застѣвничество и деликатность не входятъ въ разрядъ ни тѣхъ, ни другихъ. Что касается собственной поэзіи Арнольда найдти общую характеристику, одинаково вѣщую къ Кимри и Гаделамъ, то въ сущности она близко сходится съ приводимыми пами взглядами автора «Родословной Англійскаго народа и его со-перника, Пайка. Извлѣніе было бы останавливаться здѣсь даюше на этомъ, ко-нечно, любопытномъ вопросѣ.

копріятную обстановку и политіческія бѣдствія, поднялись наконецъ изъ своего подавленного и темнаго положенія и распространили свѣтъ и животворную силу, которыхъ тевтонскій завоеватель не умѣлъ еще попять и одѣнить, надъ многими странами запада. Во всякомъ случаѣ, романическая литература была слишкомъ легка и воздушна по ватурѣ своей, чтобы она могла получить начало или даже найти первую поддержку въ подлинномъ тевтонскомъ умѣ, если мы и признаемъ за нимъ известную долю поэтической воспріимчивости и изобрѣтательности. Начиная такого тевтонскаго ума не существовало въ Британіи въ первые вѣка послѣ саксонскаго завоеванія. Новая смѣшанная раса—Бриттовъ съ Англами и Саксами,—названныя Англійскою, была слишкомъ материальна и чувственна, слишкомъ подчинена руководству ея теперешняго демона—здраваго смысла, чтобы имѣть вкусы къ этимъ созданіямъ воображенія, гдѣ рѣчь идетъ о великанахъ, эльфахъ, волшебникахъ и феяхъ. Эти продукты кельтской фантазіи нашли себѣ сочувственный пріемъ среди континентальныхъ пасій — въ Бретаніи, Провансѣ, Нормандіи, гдѣ много было кельтской крови. Каковы бы ни были достоинства романической литературы, рассматриваемой въ себѣ самой, она несомнѣнно говорить въ пользу народа, который далъ ей существованіе. Въ ея произведенияхъ выражается большая умственная сила и плодовитость воображенія. На сколько средневѣковые романы обнаруживаютъ эти качества, на столько они обнаруживаютъ гений и культуру кельтической расы.—Что же сказать о Нѣмцѣ и Тевтонѣ? Сколько его знаетъ исторія, это всегда былъ нѣсколько медленный, вдумчивый, разсудительный и осторожный индивидуумъ; однако, хотя медленно, но постоянно движущійся впередъ индивидуумъ. Можеть быть, не слѣдуетъ ожидать ничего блестящаго, нѣжнаго, поэтическаго отъ подлиннаго типичаго Германца; но не будетъ ничего удивительнаго, если онъ совершилъ чѣмто поразительно великое—въ области мысли или дѣйствія,—ибо онъ владѣетъ яспою головою и твердою мыслю.... Теперь что же остается сказать объ Апгличанинѣ? Есть ли опь вѣрное отраженіе кельтскаго или германо-тевтонскаго типа? Конечно, нѣтъ; оно не есть ни то, ни другое. Современный апглійскій пародъ есть точное изображеніе результата, какой долженъ быть произойти отъ смѣшанія и соединенія двухъ элементовъ. Народъ въ одно и то же время высоко-честолюбивый и работящій; богато одаренный фантазіею и практическій; гордый и терпѣливый; энергический и осторожный; религіозный и свободомыслій, изобилующій философіями

и купцами; изобрѣтательный, способный на открытия и любящій твердо держаться преданія—этотъ народъ на каждой страницѣ своей исторіи показываетъ, что онъ происходитъ ии отъ Тевтонской, ии отъ Кельтической націи, а отъ обѣихъ.

‘Недостатокъ этой попытки объясняетъ генезисъ англійского характера сліяніемъ двухъ нравственныхъ темпераментовъ, Кельтическаго и Германскаго, состоять опять-таки въ томъ, что авторъ совершенно опускаетъ изъ виду значеніе третьаго основнаго элемента, тѣмъ болѣе важнаго, чѣмъ онъ рѣзче отличался отъ первыхъ двухъ, элемента неарійскаго: о позднѣйшемъ норманскомъ можно и не говорить, такъ какъ въ данномъ вопросѣ никто не приписываетъ ему существеннаго значенія. Нужно приложитьть, что въ физіологическомъ отношеніи Англичане—суть, конечно, потомки Англо-Саксовъ, а затѣмъ—того смуглаго черноволосаго племени, которое только по ошибкѣ считалось кельтическимъ, и паконецъ,—уже на третьемъ мѣстѣ—потомки Кельтовъ, и что въ этомъ, то-есть, физіологическомъ отношеніи различіе между Кельтами и Германцами было весьма незначительно. Не слѣдуетъ ли думать, что также не глубоки были и нравственные отличія между обѣими блокурыми расами, и что причины отличія Англичанъ отъ Ирландцевъ заключаются не столько въ извѣстныхъ пропорціяхъ кельтической примѣси, сколько той другой—лигурійской или по инымъ, иберійской? Вопросу о „предкахъ и предшественникахъ Англійского народа“ посвятилъ нѣсколько лекцій и статей знаменитый англійскій натуралистъ Гѣксли; относительно наслѣдственности характера онъ именно полагалъ, что не было никакого различія—ни физического, ни интеллектуального, ни морального—между расами кельтской и германской, и что сходству физіологическому соотвѣтствовало здѣсь полное сходство психиологическое. Къ сожалѣнію, ини въ виду нѣкоторые политическіе выводы по отношенію къ Ирландіи, онъ вообще болѣе настаивалъ на сходствахъ способностей и дарованій, чѣмъ на отличіяхъ, обусловливаемыхъ расою, и этимъ дальновидъ обвинять себя въ полномъ отрицаніи какого-либо характеристикального отличія между людскими породами, тогда какъ онъ именно заявлялъ общее убѣжденіе въ глубокомъ значеніи расы. Подобно другимъ антропологамъ настаивалъ на извѣстномъ намъ отличіи двухъ породъ—блокурой и темноволосой, считая только первую арійскую, вторую неарійскую именемъ иберійской, и прямо провозглашавъ Иберовъ предками Британцевъ и въ частности Англичанъ, равно какъ и большинства Ирландцевъ, Гѣксли опять считаетъ нужнымъ доказать

зать способность своихъ Иберовъ къ цивилизаціи, ихъ умственную и правственную равноспособность съ Арийцами. Тожество и одинаковость даровитости всѣхъ трехъ основныхъ элементовъ, которые хотя и въ разныхъ пропорціяхъ вошли въ составъ англійской и ирландской націи, конечно, приводить къ необходимости признания и политической ихъ равноспособности, и равноправности; но за то мало разъясненными остаются для насъ причины все-таки неподлежащихъ сомнѣнію особенностей темперамента и характера у разныхъ племенныхъ группъ Великобританскаго королевства¹). Для объясненія ихъ—хотя бы только приблизительного—мы опять должны будемъ возвратиться къ соображеніямъ историка и археолога, то-есть, въ данномъ случаѣ автора „Родословной Англійского народа“. Нѣть сомнѣнія, что, несмотря на одну существенную ошибку и некоторые частные промахи, тѣ его разсужденія все-таки заключаются впечатительная доля правды; и мы будемъ еще ближе къ истинѣ, если подъ его Кельтами будемъ понимать не первоначальную простѣйшую расу этого имени, а поздѣйшую сложную, образованную изъ ихъ смѣшанія съ покоренными пеарійскими породами, которыхъ Кельты сообщили и свой языкъ, и свое имя.

Можно замѣтить, что и древніе Галлы, какъ они описываются древними, все-таки имѣли оттѣники, отличающія ихъ отъ Германцевъ; тѣлье болѣе должны были развиться эти отличія при дальнѣйшихъ комбинаціяхъ, когда привносили новые элементы. Мы не пытаемся опредѣлить таковыя отлічія болѣе точнымъ образомъ, чѣмъ это сдѣлано другими,—но только полагаемъ, что въ общемъ они приблизительно вѣрою обозначены у Беллоге, и у англійскаго автора.

IV.

Изученіе религіознаго быта древнихъ Кельтовъ представляетъ много трудностей, происходящихъ отъ качества самихъ источниковъ, изъ которыхъ мы можемъ почерпать о немъ свѣденія. Три главы у Цезаря, нѣсколько строкъ у Діодора и Страбона, нѣсколько стиховъ Лукіана, и отрывки Грека Тимогена, сохранившиеся Амміаномъ Марцеллиномъ — вотъ наши главные источники. Они вообще сообщаютъ

¹) Содержаніе публичной лекціи Гѣксли и разборъ ея см. *Англійскій Atheneum* 1870, 22-го и 29-го января. Затѣмъ: *Huxley, Critiques and Addresses*. Ср. *Rerue critique I*, 175.

намъ не болѣе, какъ отрывочныя, недостаточныя и случайныя указанія. Даже Юлій Цезарь, имѣвши всѣ побужденія ближе ознакомиться съ дѣломъ и не чуждый теоретического интереса къ религіознымъ вопросамъ, такъ какъ онъ писалъ о разныхъ способахъ гаданій не говоря уже о его первосвященническомъ санѣ,—все-таки ограничился общую характеристикою галльского вѣроученія и культа, приравнивая ее къ невысокому уровню пониманія своихъ читателей. Самые умные люди древности мало заботились о постиженіи особенностей и точномъ уразумѣніи смысла чуждой мноологіи, а прежде всего хватались за сходства, хотя бы и совершенно вѣршнія ея образовъ съ божествами Греціи и Лаптума; они спѣшили пріурочить чужихъ боговъ къ греческимъ и римскимъ, чтобы не сообщать варварскихъ и трудныхъ наименованій; довольствуясь однимъ или иѣсколькими пунктами подобія и тождества, они почти всегда предполагали полное совпаденіе функций тамъ, где могла быть существенные и глубокія различія и т. д. Сверхъ того въ древности никакъ не менѣе, чѣмъ въ новые времена была сильна наклонность слѣдовать правилу: *omne ignotum pro magnifico*, т.-е. во всемъ отдаленномъ и мало извѣстномъ подозрѣвать иѣчто таинственное и глубокое; даже великий Аристотель не уберегся отъ этой слабости, говоря о друидахъ; и онъ готовъ былъ смотрѣть на ихъ ученіе, какъ на стройную философическую систему. Великую важность имѣютъ источники другого рода, оставшиеся также отъ древности—вещественные памятники и надписи, воздвигнутые и начертанные хотя уже въ римское время и при римскомъ господствѣ въ Кельтскихъ странахъ, но еще равѣе, чѣмъ угасли туземныя религіи, вѣрованія и культы, и сохранившіе подлинныи имена и фигуры галльскихъ и британскихъ боговъ, иногда, вслѣдствіе особаго рода религіознаго синкретизма, почитаемыхъ подъ римскимъ именемъ и подъ туземнымъ прозваниемъ. Находки этого рода становятся все болѣе многочисленными и цѣнными, но до сихъ поръ они еще не приведены въ порядокъ и не собраны въ одномъ изданіи. Мы знаемъ, что на надписяхъ С.-Жерменскаго музея въ Парижѣ насчитано 25 галльскихъ боговъ и 14 богинь, да сверхъ того еще 12 божественныхъ именъ, сохранившихся только въ видѣ прозваний при римскихъ по наименованію богахъ. Такимъ образомъ надписи даютъ гораздо болѣе именъ, чѣмъ писатели, во за то почти однихъ только имѣть; древніе авторы, особенно Цезарь, все-таки сообщаютъ иѣкоторыя данные о характерѣ религіи Кельтовъ, объ основныхъ ея догматахъ, о суевѣріяхъ и обрядахъ, а здѣсь

мы имѣемъ одни сухія и голыя имена, и о значеніи ихъ можемъ судить — при томъ не всегда — только изъ сопоставленія кельтаго названія рядомъ съ латинскимъ или вообще классическимъ — въ родѣ такихъ посвященій, какъ Apollini Beleno, Minervae Belisamae. Не слѣдуетъ пре-небречь этими односложными и безжизненными свѣдѣніями. Во всякомъ случаѣ, опи болѣе надежны и прочны, чѣмъ другія аналогіи и сравненія, впоимъ иногда слишкомъ поснѣшно въ изученіе галльской мифологіи. Мы приведемъ одинъ примѣръ, идущій прямо къ предмету нашей рѣчи. Въ русскомъ специальномъ сочиненіи о Галлахъ, которое мы уже нѣсколько разъ упоминали съ одобрениемъ, сдѣлана была весьма остроумная попытка построить и оживить зданіе галльской мифологіи при помощи аналогій, систематически заимствованныхъ изъ системы германского язычества, возстановленного въ привлекательной стройности трудами Гrimма и его послѣдователей. Природа каждого отдельнаго божества опредѣляется посредствомъ срав-ненія его съ германскимъ, причемъ римское название кельтскаго бога служитъ только ступенью для сближенія съ германскимъ. Всего лучше этотъ методъ характеризуется пространнымъ разсужденіемъ о Тейтатѣ, считаемомъ главнымъ божествомъ Галловъ; онъ совершенно совпадаетъ съ Вуотаномъ или Одиномъ; все, что извѣстно объ оди-номъ, должно идти въ другому. Самое же тождество Вуотана и Тейтата въ сущности держится на томъ предположеніи, что галльский богъ, какъ и германскій одинаково назывались Римлянами Мер-куриемъ. Но вотъ, именно благодаря надписямъ, мы убѣждаемся, что у Галловъ Меркурію соответствовалъ вовсе не Тейтатъ, а какой-то другой богъ. Вся система русскаго автора, возведенная съ такимъ большими трудомъ и ученостю, оказывается потрясенна въ самомъ ея основаніи, благодаря открытію двухъ новыхъ односложныхъ над-писей. Тѣмъ не менѣе мы рекомендуемъ его сочиненіе всякому, кто желаетъ ближе познакомиться съ кельтской мифологіею, наравнѣ съ новѣйшимъ болѣе краткимъ, но весьма разумнымъ и точнымъ напложеніемъ ея, принадлежащимъ одному изъ лучшихъ французскихъ кельтологовъ (H. Gaidoz, *Esquisse de la religion des Gaulois*. Paris, 1879).

Третьимъ источникомъ слѣдуетъ считать національные источники кельтской мифологіи, доспѣвшіе до насъ въ очень позднихъ и сомнительныхъ редакціяхъ, а также народныя повѣрья, преданія и суевѣ-рия, представляющія, конечно, весьма темный и смутный источникъ.

Намѣстуетъ пользоваться съ большою осторожностью.

Въ своихъ комментаріяхъ о Галльской войнѣ (VI, 17) Цезарь говоритъ, что главный богъ Галловъ есть Меркурій, что его изображения всего чаще встречаются; Галлы почитаютъ его изобрѣтателемъ всѣхъ искусствъ, указателемъ путей и вождемъ путниковъ, наконецъ богомъ, имѣющимъ наибольшее влияніе на денежную прибыль и на торговыя дѣла. Такимъ образомъ Галлы по Цезарю выше всѣхъ боговъ ставили того бога, который соотвѣтствовалъ латинскому Меркурію; отыскать пастоящее галльское название этого бога, не указанное ни Цезаремъ, ни другими писателями, для настъ было бы очень важно; но въ то же время это оказывается наиболѣе труднымъ. Въ римское время ему поклонялись и самые Галлы подъ его латинскимъ названіемъ, такъ что Меркурій заставилъ позабыть туземное имя своего галльского собрата гораздо раньше, чѣмъ это случилось по отношенію къ другимъ богамъ, менѣе важнымъ. Къ сожалѣнію, и британская надпись 191 года (см. Inscript. Britanici, ed. Нѣбнер, VII, N 271), посвященная „богу, который изобрѣлъ пути и дороги“, *Deo qui vias et semitas commentus est*, не сообщила намъ его наименования. О распространности культа Меркурія въ Римское время свидѣтельствуетъ большое количество надписей, посвященныхъ его имени, и множество статуэтокъ съ изображеніемъ этого бога; одна изъ нихъ массивнаго серебра была найдена въ Луксембургскомъ саду въ Парижѣ. Жертвики Меркурію обыкновенно ставились на высокихъ мѣстахъ; такъ его храмъ стоялъ на вершинѣ Ши-де-Дома (Ruyn-de-Dôme) въ Оверни; это такъ-называемый *Mercurius Dumias* или *Argernus*, особенно почитаемый во всей Галліи; есть указанія на существованіе подобнаго храма и на Монмартрѣ. Множество названий различныхъ мѣстностей Франціи напоминаютъ культь этого бога: *Mercœur*, *Mont-mercure*, *Mercurot*, *Mercury* и т. д. Иногда Меркурій является въ сопровожденіи жевскаго божества, *Росмерты* (*Rosmerta*). Какъ сказано выше, отождествленіе Меркурія съ галльскимъ Тейтатомъ, считавшемся до послѣдніго времени несомнѣннымъ, не находить себѣ подтвержденія въ надписяхъ.

Изъ Лукіана мы узнаемъ, что Галлы почитали также Геркулеса подъ именемъ Огмія. Они изображали его въ видѣ дрихлаго, плѣшиваго старика; отъ его языка спускались и шли назадъ пряди золотыхъ нитей, которые прикрывались затѣмъ къ многочисленныя ушамъ влекомой этими узами толпы. Само собою разумѣется, что это есть аллегорическое и символическое изображеніе могущественнаго влиянія краснорѣчія, приводившаго къ словамъ оратора вин-

мавіе слушателей. Но во всякомъ случаѣ отождествленіе драхлаго старика, сильного воине не физической силой, съ Геркулесомъ предстаетъется страннѣмъ; можно подумать, что оно принадлежитъ лично самому греческому остроумцу, не щадившему въ своихъ насмѣшкахъ ни людей ни боговъ, и основано разгѣ только на сходствѣ вѣшнихъ атрибутовъ, такъ какъ Огмій изображался съ палицею въ одной руцѣ, съ лукомъ въ другой и колчаномъ за плечами (по описанію самого Лукіана). Настоящая природа этого божества, нужно думать, ближе и точнѣе выражается самимъ значеніемъ слова, самимъ смысломъ его названія. *Ogmios* значитъ знающій, ученый, чтѣ весьма идетъ къ богу краснорѣчія. Слово это до настоящаго времени сохранилось въ ирландскомъ *Ogam* (*ogham*), которое означаетъ особый родъ древніаго письма, употреблявшійся въ надписяхъ на камняхъ и известный еще писателямъ IX вѣка (см. А. И. Георгіевскаго, Галли, стр. 156). Самъ изобрѣтатель этихъ письменъ, идущихъ съ низу въ верхъ, назывался *Ogmo* (*Ogma*). Соответствующимъ и совершиенно синонимическимъ выраженіемъ является слово *Visucius* (отъ корня *visu*—*vidtu*—вѣдаю), вѣдающій, знающій, мудрый; а это послѣднее прямо присоединяется на надписяхъ въ видѣ прозванія къ имени Меркурія. На этихъ основавіахъ съ римскимъ Меркуріемъ всего естественнѣе было бы сопоставить Огмія или Огму, галльского бога краснорѣчія, тѣмъ болѣе, что Меркурій въ числѣ прочихъ искусствъ былъ также изобрѣтателемъ письма. Возможна представлялась догадка, что если Цезарь не даетъ мѣста на Галльскомъ Олимпѣ Геркулесу, то именно потому, что онъ держался другой системы пріуроченія, болѣе соответствующей существу дѣла, чѣмъ остроумныя сопоставленія Лукіана. Таковы были предположенія, высказанныя новѣйшими знатоками кельтической древности въ недавнее время¹⁾). Къ этому можно было бы прибавить и то, что сказочный великанъ Гаргантуа, Гаргантъ или Гургунтъ, въ которомъ узнаютъ Геркулеса, не даетъ никакихъ чертъ сходства съ богомъ краснорѣчія, а напротивъ заставляетъ думать о солярномъ и плодотворицемъ значеніи соответствующаго кельтскаго божества (см. Gaidot, *Gargantua: Revue archéolog.* 1868). Но теперь намъ указываютъ на другое кельтическое божество, еще болѣе подходящее по своимъ функциямъ къ Меркурію; это есть *Lug* или *Lugus* (род. *Lugovas*), имя кото-

¹⁾ См. статью *Arbois de Jubainville—Revue archéolog.* 1873. Ср. *Dejardins, Geogr. de la Gaule.* II, 505.

раго слышалось нѣкогда въ галльскомъ названіи Ліона—*Lugu-dunum*. Лугъ играетъ важную роль въ ирландскихъ преданіяхъ; тамъ онъ проявлялся главою или княземъ многообразныхъ ремесль или занатій (*sab ildânnach*). Въ одной легендѣ онъ является на помощь богамъ неба и свѣта въ борьбѣ съ богами моря и смерти. Кто ты? спрашиваетъ Луга привратникъ. Я плотникъ, отвѣчаетъ Луга. У насъ уже есть искусный плотникъ, говоритъ привратникъ: ступай прочь. Но и хороший кузнецъ, оять говоритъ Лугъ. Хороший кузнецъ также есть на лицо. Лугъ предлагаетъ себя ноперемѣно въ качествѣ опытнаго воина, игрока на арфѣ, поэта, законовѣда, врача, колдуна, и когда оказывается, что всѣ эти специальности уже заняты, то онъ заявляетъ себѣ такимъ мастеромъ на всѣ руки, какого уже конечно не могло быть: онъ способенъ быть съ одинаковымъ знаніемъ и искусствомъ заниматься всѣми ремеслами, и на этомъ основаніи былъ принятъ въ союзники; предъ сраженіемъ онъ дѣлаетъ смотръ всѣмъ людямъ ремесла, *fer dana*, въ числѣ которыхъ названы плотники, кузнецы, поэты, друиды, кудесники, врачи и проч. Вотъ настоящій богъ всѣхъ искусствъ, *omnium inventor artium*. Сверхъ того, онъ имѣлъ прямое отношеніе къ торговлѣ и барышамъ, такъ какъ каждый годъ въ день, ему посвященный (*Lug—nasad*), именно 1-го августа, бывали въ Ирландіи большія ярмарки (*osenach*), на которыхъ совершались всякою рода сдѣлки, хотя эти собранія имѣли также религіозное и политическое значеніе. На его почитаніе въ другихъ мѣстахъ, кроме имени Лугудуна (Ліона), указываютъ даѣ надписи—одна испанская, другая швейцарская въ честь *Lugoves* (во множ.), изъ коихъ первая сдѣлана отъ имени ремесленниковъ, занимавшихся приготовленіемъ обуви¹⁾). Лугъ, въ ирландскихъ міѳологическихъ преданіяхъ, отличенъ отъ Огмы, изобрѣтателя огамического письма; когда Лугъ предлагаетъ себѣ какъ солдата, привратникъ ему отвѣчаетъ: намъ нечего съ тобою дѣлать, у насъ есть Огма. И такъ, Огма все-таки есть патронъ по преимуществу людей военнаго ремесла, а Лугъ какъ всѣхъ другихъ, такъ и этого...

Послѣ Меркурия, читасмы мы у Цезаря, Галлы почитаютъ Аполлона и Марса, Юпитера и Минерву; объ этихъ богахъ они имѣютъ почти такое же представлѣніе, какъ и другіе народы. Аполлонъ про-

¹⁾ См. *Arbois de Jubainville, Etudes sur le droit celtique* pag. 83. Онъ, однако, не обратилъ вниманія на изображеніе генія Ліона на монетахъ; рогъ изображенія въ его лѣвой рука тоже напоминалъ бы Меркурия: *Revue celtique* IV, 26.

гоняетъ болѣзни, Минерва сообщаетъ начатки ремесль и искусство; Юпитеръ владѣеть небеснымъ пространствомъ, Марсъ ведетъ войны весьма часто, припяявъ рѣшеніе вступить въ битву, они заранѣе посвящаютъ сему послѣднему то, чтѣ будѣть взято на полѣ сраженія.

И такъ, второе мѣсто среди галльскихъ боговъ занимаетъ Аполлонъ. Онъ является па надписяхъ Галліи, Британіи и Норика съ весьма разнообразными прозваниеми или эпитетами; изъ нихъ особенно часто повторяются Беленъ, *Belenus* или *Belinus*, Борвонъ, Богро и Граннъ, *Grannus*. Такъ какъ эти имена встрѣчаются также и отдалѣнно, то слѣдуетъ полагать, что они обозначаютъ отдѣльныхъ и самостоятельныхъ боговъ, родственныхъ между собою и съ Аполлономъ. Изображеніе Белена въ видѣ сѣтѣлого юноши, жертвы ему приносимыя, состоявшія изъ плодовъ и хлѣбныхъ колосьевъ (на барельефѣ, найденномъ въ Норикѣ близъ пынѣшняго Клагенфурта), обпруживаются въ немъ божество солнечнаго происхожденія. Въ III вѣкѣ по Р. Х. Беленъ былъ почитаемъ въ совершенно римскомъ городѣ Аквилѣѣ и сопоставлялся прямо съ Аполлономъ. Римскій поэтъ IV вѣка по Р. Х. Авропій припомниваетъ о существованіи такого же культа въ нынѣшнемъ Вауеихъ (въ Нормандіи). Въ собственной Галліи онъ, впрочемъ, былъ болѣе известенъ подъ другими наименованіями въ качествѣ бога цѣлителя, прогоняющаго болѣзни. Ему припадлежали цѣлебные источники и разнаго рода травы, которымъ приписывалась такая же сила. Какъ богъ теплыхъ ключей, онъ назывался Борвономъ и сообщилъ наименование пѣсколькимъ мѣстностямъ во Франціи: *Bourbon l' Archambault*, *Bourbon-Lancy*, *Bourbonne les Bains* первая изъ нихъ дала имя знатной французской династіи Бурбоновъ. Въ латинскомъ названіи Ахена, *Aquisgranum*, *Aquaes Granni*, сохранилось третье наименование божества, приводимаго въ связь съ Аполлономъ. *Grannus*, какъ и Борвонъ, почитался въ мѣстностяхъ, славившихся цѣлительною силою своихъ водъ, при теплыхъ ключахъ, при мѣстахъ купаній, любимыхъ Галло-римлянами. Его почитали при истокѣ Гранна въ Богезахъ, Гроны (*Grosne*) въ древней странѣ Ѣдуевъ при городѣ Гранѣ (*Gran*) въ Секваніи, въ Плонбьерѣ, въ мѣстностяхъ па Рейнѣ и Дунайѣ, во всей Галліи и въ Кaledоніи. Слово Аполлонъ ясно видно въ такихъ названіяхъ, какъ *Poligny*, *Polignac*. Одна гlosса, сохранившая въ словарѣ Кориака (IX вѣка, см. ниже), сообщаетъ, что языческіе Праладцы имѣли бога, называемаго *Bial*, которому посвящень 'былъ праздникъ Белтенѣ, чтѣ значитъ огонь *Biala*. Въ этотъ день, говорится въ словарѣ Кориака, друиды громко распѣвали ма-

гических пѣсни, зажигали два костра, между которыми должны были проходить стада животныхъ, и это предохраняло скотъ на цѣлый годъ отъ заразы.—О Белтипіихъ или Веалтівіихъ, праздновавшихъ весной 1-го мая, сохранилась очень хорошая память въ народныхъ преданіяхъ, обрядахъ, суетѣріяхъ и поговоркахъ Ирландіи и вообще Кельтическихъ странъ острова. Отсюда видно, что это былъ торжественный праздникъ въ честь солнца и огня, соотвѣтствующій римскимъ Наполіямъ, отчасти нашему Юрьеву дню (см. Галлы А. И. Георгіевскаго, стр. 139; Elton, pag. 270, 294 и проч.). Въ центральномъ пункѣ Ирландіи, въ городѣ Уизнекѣ (Uisnech), въ этотъ праздникъ кельтскаго Волоса собиралась большая народная сходка, соединявшаяся вмѣстѣ съ ярмаркою; разбирались и решались судебныя дѣла; женщины отыскивали себѣ жениховъ или лучшіе новыхъ мужей на предстоящей годь, такъ какъ въ Ирландіи были въ обычай браки, заключаемые на такой краткій срокъ¹). Если тутъ окажется какое сходство съ праздникомъ лѣтнаго солнцестоянія въ другихъ мѣстахъ, то это сходство еще болѣе увеличивается принадлежностью Белену разныхъ цѣлебныхъ травъ и растеній, собираемыхъ съ приемами таинственности и волшебства въ опредѣленные для того сроки (Георгіев. Галлы 139. Elton p. 260 и пр.).

Спутницей Борвона часто является богиня Дамона, а спутницей Аполлона—богиня Сирона; послѣдняя встречается и сама по себѣ, при чемъ изображалась съ такими атрибутами, какъ хлѣбные колосья и виноградная лоза, чтѣ заставляетъ считать ее богинею земледѣлія и плодородія.

Марсъ на надписяхъ является съ эпитетами Камула (Camulus), Сегомона (Segomo), Тейтата, Катурикса, Алльбюрикса и т. д. Первые два названія встречаются также самостоятельно, обозначая особыхъ галльскихъ боговъ. Имя Камула сохранилось въ названіи одного поселенія въ Британіи, Камулодонума, упоминаемаго Тацитомъ и превращеннаго въ первую римскую колонію (теперь Кольчестеръ, Coloniae castrum); оно читается также на британскихъ монетахъ, сопровождаемое воинственными эмблемами. Въ Британіи же найдена надпись, посыпанная Марсу Тоутату, Marti Toutati; съ нею слѣдуетъ сопоставить ту, которая отыскана въ древнемъ Норикѣ въ нынѣшней Штиріи (близъ колоніи Flavia Solva, Seckau) и читается такъ: Marti Latobio Harmogio Toutati Sinati Mogenio ex

¹) *Arbois de Jnbainville. Etudes sur le droit celtique*, p. 84.

voto (Corpus inscript. III № 5320). Очевидно, что и во второмъ случаѣ подъ разными названіями разумѣется одно и тоже божество. Нѣть никакого основанія отличать отъ этого Тоутата знаменитаго и страшнаго Тейтата, о которомъ говорить Лукіанъ въ ниже приводимомъ мѣстѣ Фарсалиды. Отождествленіе Тейтата съ Меркуриемъ, основываемое сначала на неправильномъ чтеніи одного мѣста у Тита Ліпія (XXVI, 44), затѣмъ поддерживаемое посредствомъ довольно произвольного сопоставленія съ германскимъ Вуотапомъ, должно быть оставлено¹). Спутница Марса есть богиня Неметона, известная въ Ирландіи подъ именемъ Немоны (Nemona), военной фуріи, играющей важную роль въ народныхъ сказкахъ. Кроме вышеприведенныхъ названий, подъ которыми Марсъ почтится по всей Галліи и другимъ Кельтическимъ областямъ, онъ носилъ нѣсколько чисто-мѣстныхъ названий, какъ это видно изъ надписей: Marti Randosati (Randau въ Рун-де-Доме), Sogononi Cuncelino (Contes въ округѣ Ниццы) и т. д. Минерву Галлы почтали подъ именемъ Белизами, такъ какъ есть надпись, дѣлающая такое сопоставленіе: Minerguae Belisamae.

Теперь намъ нужно найти кельтическаго Юпитера. Въ надписяхъ встрѣчаются посвященія: Iovi Tarapisco; Deo Tarapisco; Iovi Optimo maximo Tarapo. Тотъ же богъ, очевидно, названъ у Лукіана Таранисомъ (Tarannis) и поставленъ на ряду съ Тейтатомъ. Всѣ эти сходные выраженія содержать въ себѣ кельтское коренное слово, обозначающее громъ. Тараниса, поэтому, уважаютъ въ статуэткахъ, представляющихъ человѣческую фигуру съ молоткомъ въ руцѣ, потому что молотокъ обычный символъ молніи; хотя другое — на довольно слабыхъ, кажется, основаніяхъ — приписываютъ эти изображенія богу Діту или Плутону, о почитаніи которого Галлами тоже говорится у Цезаря (статья Barthélémy въ первомъ выпускѣ *Revue celtique*). Предполагаютъ, что въ ближайшей связи съ Таранисомъ находились нѣкоторыя растенія, какъ-то дубъ и рыбина, въ частности тѣ вѣтви ея, которые выросли на другихъ деревьяхъ, и особенно чужеядное растеніе на дубахъ, знаменитая омела (*qui, viscus*), собираемую которой друидами придавалась прежде такая громадная важность (см. А. И. Георгіевскаго: Галлы, стр. 118—119).

¹) Его, однако, держатся, кромѣ русскаго вышеупомянутаго ученаго, Беллоге и даже Берtranъ (*Revue archéolog.* 1881 г. rag. 80). Гедоузъ и Еатонъ, а также Арбуза-де-Жюбандиъ отказались отъ старого мнѣнія.

У двухъ писателей и на одномъ любопытномъ памятнике встрѣчается название еще одного галльского бога, очевидно, занимавшаго первостепенное мѣсто въ кельтскомъ пантеонѣ, такъ какъ писатели сопоставляютъ его съ Тейтатомъ—Марсомъ и Тараписомъ—Юпитеромъ. Вмѣстѣ съ этими двумя богами онъ имѣлъ кровавую привилегію человѣческихъ жертвъ и назывался Езусомъ.

Въ 1711 году, когда производились раскопки подъ кварталомъ собора Парижской Богоматери, найдены были посвятительные камни, поставленные еще при Тибериі ассоціаціею перевозчиковъ черезъ Сену (Nautae Parisiaci). На этихъ каменныхъ плитахъ съ четырехъ сторонъ сохранились барельефы, изображающіе различныхъ галльскихъ боговъ. Фигура, вооруженная сѣкою, находящаяся посреди лѣса, и совсѣмъ не имѣющая никакого сходства съ Аресомъ или Марсомъ, обозначена совершенно отчетливо надписью на верху Esus. Другія надписи гласить: Volcanus, Iovis, Tagvos Trigaganus, Castor, Сегпиннوس,—словомъ, тутъ смѣшаны имена туземныхъ и римскихъ боговъ. Переводъ словъ Tagvos Trigaganus облегчается изображеніемъ находящагося внизу барельефа: на немъ представленъ быкъ, на спинѣ которого сидятъ три птицы; и такъ слова значать „быкъ съ тремя журавлями“; но самъ смыслъ имена или символа остается совершенно темнымъ. Сегпиннус представленъ въ видѣ старика съ олеными рогами на головѣ; значеніе этой фигуры тоже не разъяснено сколько нибудь удовлетворительнымъ образомъ. Но такъ какъ римскія названія указываютъ на боговъ, то и подъ галльскими изображеніями приходится разумѣть существа божественные и слѣдовательно отвергнуть предположеніе, что фигура съ сѣкою представляетъ друида, вышедшаго сбирать омелу.

Такимъ образомъ, самые выдающіеся, главныя, наиболѣе распространенные фигуры галльского Олимпа—это Тейтатъ, Тараписъ и Езусъ. Мы можемъ предположить, что именно они изображаются на барельефахъ въ видѣ такъ называемыхъ галльскихъ триадъ, встречающихся довольно часто на памятникахъ. Триадами мы называемъ прежде всего изображенія трехъ боговъ вмѣстѣ; при чемъ главное божество представляется сидящимъ посерединѣ съ поджатыми на посточкѣ манеръ и перекрещенными ногами; иногда встречаются изображенія одного, по трехголоваго божества (трикефалия), или же наконецъ комбинація того и другаго—триады и трикефалии, то-есть, изображеніе трехъ боговъ, изъ коихъ средній является съ тремя головами. Но поводу одного недавняго открытия о трикефалияхъ и триадахъ

помѣстивъ нѣсколько статей въ *Revue Archéologique* 1880 года А. Бертранъ. Онъ разсматриваетъ отдельно главные атрибуты фигуръ изображенныхъ на большомъ Сентскомъ (*Saintes*) жертвоприношенній: 1) поджатыя, сложенные на крестъ ноги сидячаго главнаго божества (*attitude accroupie*) представляютъ поразительную аналогію съ обычной позой индійскихъ и буддійскихъ боговъ; 2) рога, украшающіе головы, какъ главнаго божества, такъ и другихъ, — тоже восточный символъ, отчасти, впрочемъ, свойственный и греческому Дионису; 3) ожерелье (*torques*) есть не только галльское украшеніе: на персидскихъ памятникахъ эпохи Ахеменидовъ такъ изображаются дари; 4) троичность (триада) и трехголовость напоминаетъ опять Индію, по встрѣчается и у другихъ арійскихъ народовъ; 5) кошелекъ въ рукахъ главнаго божества есть атрибутъ, свойственный Меркурию; 6) свастика опять указываетъ на восточное родство. Во всемъ этомъ еще много загадочнаго. Изображенія относятся къ римскому времени и нѣкоторыя сдѣланы римскими и греческими художниками, но идея ихъ, конечно, древняя, и будучи связана съ таинственными восточными культурами, принадлежитъ кельтской мифологіи. Прибавимъ, что въ средней главной фигурѣ Бертранъ признаетъ Езуза, который такимъ образомъ возводится на степень главнаго галльского божества, и следовательно долженъ соотвѣтствовать Меркурию Юлія Цезаря: на ряду съ Огміемъ, котораго впрочемъ лучше оставить въ званіи Геркулеса, хотя и съ нѣкоторою двойственностью компетенціи (военное ремесло и огамическое письмо), это уже третій претендентъ на сдѣлавшійся вакантныи (послѣ Тейтата) главный тронъ кельтскаго Олимпа. Однако, совсѣмъ не будетъ удивительно, если окажется возможнымъ и нужнымъ признать Езуза и Луга за одно и то же лицо, чтѣ повело бы къ окончательному соглашенію всѣхъ противорѣчій. Кроме трехъ главныхъ мужскихъ фигуръ на барельефахъ, изображающихъ триады, встрѣчаются женскія, призываешия за Росмерту и Эрекуру (*Aerescura*); послѣдняя соотвѣтствуетъ Прозерпинѣ.

Возвращаемся къ предполагаемымъ тремъ главнымъ богамъ. Извѣстно, что и въ стихахъ Фарсаліды, гдѣ говорится о человѣческихъ жертвоприношеніяхъ, названы три божества (I vers. 445):

*Jmitis placatur sanguine dico
Tendates, horrensque feris altaribus Nesus,
Et Taranis. Scythicae non mitior ara Diana.*

Лактанцій называетъ только первыхъ двухъ, переставляя порядокъ: Галлы умилостивляли человѣческою кровью Езуза и Тейтата *Galli*

E sum atque Te ut a tem humano cniore placabant. Весьма естественно предполагать, что здесь мы встречаемся съ главными божествами, съ тѣмъ, которыя должны были входить въ составъ тріады, что ужасными жертвами умилостивляли наиболѣе могущественныхъ и грозныхъ владыкъ. Самыя кровавыя жертвы, которыхъ съ такой мрачной стороны характеризуютъ религию древнихъ Кельтовъ, не всегда имѣли одинъ и тотъ же смыслъ и назначеніе, такъ что если одинъ видъ ихъ служилъ къ чествованію бога войны, то другой могъ быть угоднымъ болѣе кроткому галльскому Меркурию или даже неназванному у Лукана Аполлону-Белену. Приносили въ жертву, во-первыхъ, военно-плѣнныхъ, иногда согласно съ обѣтомъ, заранѣе даннымъ предъ сраженіемъ богу войны, Марсу—Тейтату. Суровый обычай—не чуждый, однако, и прочимъ индо-европейскимъ народамъ и между прочими Германцамъ. У Литовцевъ, которые долѣе всѣхъ своихъ собратій отставали свое язычество, онъ удерживался до второй половины XIV вѣка, когда они еще приносили въ жертву богамъ нѣмецкихъ рыцарей Тевтонского ордена. Было у Кельтовъ въ обычай заколять предъ алтарями боговъ или же сожигать разного рода злодѣевъ и преступниковъ, какъ-то воровъ и разбойниковъ; такого рода жертвы считались угодными, между прочими, и тому богу, отъ которого зависѣло плодородіе земли и урожай данного года; не слѣдуетъ ли дополнить и выгода земледѣльца? Этимъ объясняется неясное мѣсто Страбона, въ которомъ говоритъ, что чѣмъ больше у друидовъ было уголовныхъ дѣлъ по смертоубийству, тѣмъ болѣшаго, по убѣждѣнію Галловъ, нужно было ожидать плодородія, то-есть, тѣмъ милостивѣе становилось божество. Цезарь, однако, дѣлаетъ замѣчаніе, что въ случаѣ недостатка преступниковъ закалали и невинныхъ. Далѣе прямо сказано, что жертва иногда требовалась для отвращенія гибели боговъ выразившагося въ какомъ нибудь, насланномъ бѣдствіи. Позднѣйшія сказанія и легенды сообщаютъ объ избѣніяхъ плѣнниковъ для прекращенія болѣзни и заразы, о принесеніи въ жертву дѣтей для прекращенія засухи и неурожая (Elton, p. 272, 274). Но не только общественные, и частныя бѣдствія и опасности могли вызывать такія крайнія мѣры. По словамъ Цезаря, Галлы, подвергнувшіеся тяжкой болѣзни или же угрожающей опасностію смерти изъ войнъ или какъ иначе, либо сейчасъ же прибѣгали къ человѣческой жертвѣ, либо давали въ этомъ обѣтъ; впрочемъ, прибавляетъ нашъ авторъ, и этого рода жертвеноприношенія имѣли публичный характеръ, т.-е. могли быть совершены только чрезъ посредство друидовъ.—Во всѣхъ странахъ Европы распространены пре-

даній и попѣры, указывающія на необходимость человѣческой жертвы при постройкѣ нового дома, только въ послѣдствіи замѣненной закланіемъ лошади, барана или пѣтуха: разказывается о кропленіи основанія кровью дитяти, о закладываніи въ стѣну живой дѣвушки и т. д. Въ ирландскихъ миѳическихъ сказкахъ, а также въ исторіи Неннія о королѣ Вортигерѣ сообщаются подобные случаи; домъ или замокъ не строится, собранные материалы бесѣдно исчезаютъ, пока, по совѣту мудрецовъ, основавшіе не будетъ окроплено кровью невиннаго дитяти. Даже древнійший кельтскій святой, именно Колумбанъ по легендарному изводу его житія, считаетъ необходимымъ для прочности здапія вызвать добровольное самопожертвованіе одного изъ своихъ учениковъ (Elton, p. 274). Наконецъ, говорится о добровольномъ принесеніи себя въ жертву родственниковъ умершаго и о самоожиганіяхъ на одномъ костре съ его трупомъ. Римлянамъ не чужды были воспоминанія о человѣческихъ жертвахъ, нѣкогда совершившихся для спасенія государства и окончательно отмѣненныхъ только въ 97-мъ году до Р. Х.; но они особенно поражались многочисленностью ихъ въ Галліи и ужасными способами исполненія. Плѣнныи и накопившіеся въ продолженіи извѣстнаго срока преступники сожигались цѣльми массами. Изъ древесныхъ вѣтвей, либо изъ сѣна приготавливались колоссальной величины фигуры; члены ихъ наполнялись живыми людьми, а также скотомъ и звѣрями; потомъ фигуры зажигались и охваченные пламенемъ люди и животные погибали. Отдельныхъ лицъ закалали съ разными приемами сами жрецы, пользуясь своею жертвою для разнаго рода гаданій о будущемъ по ея предсмертнымъ судорогамъ и т. д. Любопытны остатки ужаснаго обряда долго державшіеся во Франціи. Описанный Цезаремъ чучела, сплетаемыя изъ ивовыхъ вѣтвей, употреблялись до нашего времени, только содержимое ихъ измѣнялось по обыкновенному приему замѣнить людей животными. Во многихъ мѣстностяхъ названной страны было обыкновеніе бросать въ купальскіе огни (*le feu de la Saint-Jean*) мыши или ивовыя корвили, содержащія въ себѣ кошечъ, собакъ лисицъ, волчатъ. Въ прошедшемъ столѣтіи подобную церемонію исполняли въ городахъ изрѣ и эшевены, сжигавшіе въ коряпахъ по двѣ дюжины кошечъ. Въ Парижѣ это обыкновеніе было уничтожено въ началѣ царствованія Людовика XIV (Gaidoz, Esquisse, pag. 22). Можно думать, что и во времена Юля Цезара всесожженія людскія совершались въ тотъ именно праздникъ лѣтнаго солнцестоянія, который потомъ превратился въ Ивановъ день.

12*

Если культь главныхъ боговъ съ его человѣческими жертвоприношеніями придавалъ религіи Кельтовъ суровый и мрачный характеръ, то въ ней была другая сторона, вполнѣ ясная, свѣтлая и радостная. При сужденіяхъ о прирожденномъ геніи галльскаго или кельтскаго племени поступаютъ многіе несправедливо и неосторожно, обращая вниманіе только на одну темную сторону. Кромѣ общихъ боговъ племени, имѣвшихъ національное значеніе, у Кельтовъ было множество второстепенныхъ и мѣстныхъ божествъ; они наполняли воды, лѣса, долины и горы, и стояли гораздо ближе къ человѣку, находились къ нему въ болѣе постоянныхъ и въ тоже время болѣе интимныхъ отношеніяхъ; въ сущности характеръ религіозныхъ воззрѣній народа опредѣляется не столько тою высшою, сколько этою низшою миссологіею. Какъ и другие арійцы, Кельты съ большою легкостію превращали предметы и явленія природы въ нечто божественное и живое: каждая мѣстность и каждый источникъ получалъ своего генія, одушевляющаго ихъ и господствующаго въ нихъ. Ардевинскій лѣсъ былъ посвященъ богинѣ Ардуиннѣ (*dea Arduinna*); Черный лѣсъ (Шварцвальдъ) богинѣ Абнобѣ (*dea Abnoba*); есть надписи, свидѣтельствующія о почитаніи Богезовъ — неизвѣстно лѣса или самихъ горъ; встречаются благодарственные посвященія „шести деревьямъ“ (*six arboribus*), и „феямъ дубовъ“ (*fatis dervonibus*). Рѣки тоже были предметомъ культа какъ свидѣтельствуютъ надписи: *Deae Sequanae* (богинѣ Сены), *Deae Ioanni* (богинѣ Иоанны). Озерамъ еще во времена Григорія Турскаго въ Галліи приносили жертвы. Города и поселенія тоже наконецъ были божествами, то-есть, имѣли патроновъ, которые носили ихъ имена и были предметомъ почитанія. Наиболѣе было распространено почитаніе водныхъ источниковъ; водные духи—обыкновенно женского пола—считались благодѣтельными друзьями человѣка; они изѣщали его болѣзни, облегчали страданія, избавляли отъ всякихъ бѣдъ. Культь источниковъ близко граничилъ и, повидимому, часто совпадалъ съ почитаніемъ топическихъ божествъ; это особенно относится къ такъ называемымъ богинямъ (*deae*), родовачальницамъ позднѣйшихъ фей. Ихъ долго всѣ принимали за одицетвореніе извѣстныхъ городовъ и мѣстечекъ, имъ которыхъ онѣ носить, за геніевъ мѣста. Но кажется, очень трудно допустить, чтобы въ римское время, къ которому относятся и надписи и самое начало существованія одицетвореніемъ мѣстностей въ видѣ городовъ и значительныхъ поселеній, возможенъ былъ апoteозъ всѣхъ этихъ большихъ и малыхъ, часто очень неважныхъ городовъ и общинъ: довольно было боготво-

рения самого города Рима вмѣстѣ съ Августомъ, и не было никакого основанія ставить на ряду съ пимъ какой либодъ Немаузъ (Нимъ) или Вазіонъ (Vaison). Въ настоящее время съ большими признаками основательности полагаютъ, что начало почитанія богинь относится къ до-Римскому времени, что въ отдѣльныхъ частныхъ случаяхъ оно илогда предшествовало самому возникновенію городовъ и мѣстностей, и слѣдовательно относилось первоначально не къ пимъ, а къ источникамъ, отъ которыхъ по распространенному везде обычью получали потомъ наименованіе города и селенія, при нихъ возникавшія. Самый характеръ культа указываетъ больше на источники, чѣмъ на города; потому что даже олицетвореній въ видѣ генія городъ трудно себѣ представить въ роли врача и цѣлителя. Между тѣмъ многочисленные памятники культа галльскихъ богинь суть просто посвященія, сдѣланныя по обѣту (*ex voto*) въ благодарность за испытленіе, или же другаго рода благодѣяніе; вообще это суть акты личной набожности, нало идуція къ холодному олицетворенію политическаго характера. Почти всѣ памятники такого рода происходятъ съ береговъ какогонибудь источника, либо изъ сосѣдства съ нимъ, иногда изъ храмовъ, посвященныхъ этимъ благодѣтельнымъ божествамъ. Если слѣдить исторію и позднѣйшую филіацію этого культа богинь въ новѣйшихъ селеніяхъ и деревняхъ, то почти всегда его находятъ при священныхъ источникахъ, еще до нынѣ посвящаемыхъ поселеніями съ цѣлію получить избавленіе отъ болѣзни, обеспечить здоровье дѣтей, благосостояніе скота и хорошую жатву. Мало источниковъ, посвящаемыхъ пилигримами, гдѣ бы не пашлось старыхъ слѣдовъ культа геніевъ—или въ остаткахъ никогда тутъ существовавшихъ алтарей или въ изображеніяхъ всякаго рода, находившихся поблизости, или въ обрядахъ, оставшихся неизмѣнными со временемъ глубокой древности. На этихъ основаніяхъ полагаютъ, что даже богъ Vasio и богъ Немаузъ были собственно геніями источниковъ Увезы (Ouvèze) и Немды (Nemause), а не олицетвореніемъ городовъ Вэзона и Нима, и тѣмъ болѣе богини Vesunna, Aventia, Divona, Bibracte не были олицетвореніями иѣсть, гдѣ отыскиваются ихъ *ex-voto*. Источникъ предшествовалъ городу и не былъ обоготворенъ благодаря ему, но напротивъ, городъ припалъ имя обоготвореннаго источника, а вмѣстѣ съ тѣмъ и въ его храмы стали поступать приношенія въ честь генія источника. Въ римское время Галлы продолжали воздавать источникамъ почитаніе, къ которому привыкли ранѣе; чужая цивилизациѣ измѣнила только вѣшнія формы культа, не уничтожая сущности. Какъ и прежде,

они ходили къ источникамъ пить воду, чтобы прогнать лихорадку, приносили въ жертву богинѣ яйцо, монету, свой посохъ; но тогда какъ древніе Галлы мало заботились объ образахъ и ограничивались нѣсколькоюми сунебрными дѣйствіями, ихъ потомки галло-римской эпохи заимствовали обычай дѣлать изображенія и фигуры богинь, сочинять и вырѣзывать на плитѣ благородственныя посвященія¹⁾.

Не менѣе дружелюбный и свѣтлый характеръ имѣли другія женскія божества, извѣстныя подъ именемъ Богинь-матерей: *deae matrae, deae matronae, déesses mères*. Хотя и сомнительно, чтобы ихъ название происходило отъ Кельтскаго слова, заключающаго идею охраненія²⁾, все-таки ихъ кульпъ явно были народными кельтскими, и сопоставленіе ихъ съ классическими парками, встрѣчающеся на нѣсколькихъ памятникахъ (*Robert, Epigraphie de la Moselle*, p. 50), служить только цвѣмъ тому доказательствомъ, такъ какъ парки во вскомъ случаѣ имѣютъ развѣ какое отдаленное родство съ ними. Богини-матери, подобно паркамъ, изображаются втроемъ, и обыкновенно представляются на барельефахъ въ видѣ молодыхъ женщинъ съ выражениемъ благосклоннымъ и серіознымъ, одѣтыхъ въ длинныя одежды съ широкими складками, средняя обыкновенно въ сидачемъ положеніи,—съ плодами или цветами въ рукахъ, съ дитятемъ или нѣсколькоими на колѣнахъ; впрочемъ есть памятникъ, на которомъ вся три стоять и держать въ рукахъ плоды или цветы. Означенные атрибуты даютъ право рассматривать „матерей“, какъ божества полевыхъ, приносящія обиліе и урожай, представляющія производительную силу природы. Они заставляютъ созрѣвать жатву, они также заботятся о продолженіи семьи и рода, о благостояніи городовъ и общинъ. Богини-матери, находящіеся въ очевидномъ родствѣ съ богинями источниковъ и часто пріурочиваемыя подобно имъ къ извѣстному мѣсту—*Matribus Treveris* (въ Трире), *Matrebo Navausicabo* (въ Нимѣ), были наиболѣе возлюбленными геніями Галльскаго народа; громадная популярность ихъ культа засвидѣтельствована числомъ па-

¹⁾ Наиболѣе подробное изслѣдованіе о божинѣ съ статьяхъ *Bulliot, L'ex-voto de la dea Bibracte-Revue celtique I, 306. II, 21.*

²⁾ Благое и другіе производили именование отъ Кельтскаго *maer*, *mair*. охраняющій, надзирающій; ноченіе *mairabus*, которое служило поддержаніемъ такого производства, опять отвергается новыми изслѣдователями и имѣетъ его называемыемъ *matrabus*. См. *Robert, Epigraphie gallo-romaine de la Moselle* pag. 45, 46.

мятниковъ, посвященныхъ имъ въ древности, и прочностию воспоминаний, сохраняющихся объ ихъ культе въ настоящемъ. Ихъ почитаніе было распространено въ римскую эпоху, не будучи уподоблено какому-нибудь латинскому культу. Въ средніе вѣка онъ превратились въ добрыхъ госпожъ, въ бѣлыхъ женщинъ, *les bonnes dames, les dames blanches*, въ благодѣтельныхъ фей, живущихъ въ гротахъ, въ развалинахъ замковъ, покровительствующихъ слабому противъ несправедливыхъ притеснений сильного, наводящихъ страхъ своимъ появлениемъ наочныхъ грабителей и злодѣевъ. До сихъ поръ народъ относится съ глубокимъ почтеніемъ къ „чернымъ девицамъ“ (*vierges noires*), къ деревяннымъ статуэткамъ, представляющимъ изображеніе сидящей женщины съ покрываломъ на головѣ и съ младенцемъ или нѣсколькоими на колѣнахъ. Эти почернѣвшія отъ долгаго пребыванія въ землѣ изображенія древней богини, отчасти въ скѣдствіе сходства позы, принимались за чудотворныя вновь обрѣтенные древнія изображенія - Богородицы, и такимъ образомъ Богини матери слова получали поклоненіе въ католическихъ церквяхъ, основанныхъ часто на мѣстѣ ихъ языческаго почитанія¹⁾.

Въ народныхъ повѣряхъ и древнихъ легендахъ Ирландіи и Шотландіи открываются скѣды почитанія многихъ боговъ и богинь, по видимому, испавѣстныхъ на континентѣ, или же отличныхъ отъ болѣе намъ знакомыхъ Галльскихъ по своимъ названіямъ. Отецъ Ирландскаго Олимпа былъ духъ тепла и жара, занѣдующій всѣми огнами на землѣ и на небѣ. Онъ назывался Дагда, великий добрый огонь; онъ сѣрѣе самаго сѣраго тумана; его котель есть сводъ облачный, его молотъ — молния; его сопровождаетъ толпа божественныхъ искусствниковъ и работниковъ и одинъ врачъ, изгѣляющій всякие недуги. Его сынъ Луга, олицетворенное пламя, есть господинъ всѣхъ наукъ и художествъ (Ср. выше, что сказано о Лугѣ); въ числѣ его сыновей находятся также кузнецъ Апгусъ (*Angus*) и солнцеобразный Огма, патронъ музыки и поэзіи. Айне или Ана, — луна, есть царица неба и мать боговъ; въ то же время вмѣстѣ съ сестрами *Badb* (*Cathu-bodua* латинскихъ надписей) *Macha*, *Neman* и *Morrigan* она имѣть

¹⁾ «Plusieurs d'entre elles ont la m me attitude que plus tard la Vierge tenant l'enfant J sus, et les statues miraculeuses de la Vierge Marie trouv es dans la terre & diverses  poques (telle est dans plus d'un cas l'origine de ce qu'on appelle les «Vierges noires» 『étaient sans doute des statues de d esses-m res gauloises ou gallo-romaines». Н. Gaidoz, Esquisse de la religion des Gaulois pag. 12.

отношение къ военному дѣлу, и является въ видѣ богини войны, въ сопровождении сейчасъ названныхъ сказочныхъ фурій¹). Иные британские боги испытали участіе многихъ другихъ своихъ собратьевъ и были превращены народной поэзіею въ царей и героевъ, великановъ и волшебниковъ. Это отчасти касается уже самаго Белена — Аполлона; но особенное приложеніе имѣть къ тремъ божественнымъ фамиліямъ или группамъ: къ дѣтамъ Дона (Don), Нуда (Nudd) и Лира. Первая группа состоитъ изъ небесныхъ силъ, жилища которыхъ находится на звѣздахъ и въ созвѣздіяхъ; Гвидонъ (Gwidion) сынъ Дона прославляется въ Вельскихъ сказкахъ и въ поэмахъ, прописываемыхъ Талевину, барду VI вѣка; ему принадлежитъ Млечный путь. Преданія Вельса и Британіи показываютъ, что Нудъ, иначе Nodens, былъ богъ глубокаго моря; въ Ирландіи онъ является королемъ съ серебраною рукою. Лиръ первоначально былъ тоже морскимъ божествомъ, почитаемымъ въ Ирландіи и Британіи; затѣмъ онъ является царемъ, котораго дочери были превращены въ лебедей; въ числѣ ихъ названа и Кордемія, предавшая его по смерти погребенію на днѣ одной рѣки. Особенную важность въ ирландской поэзіи имѣть Маннанъ, играющій роль Меркурія.

¹) Hennessy, The ancient irish goddess of war: *Revue celtique*, I, 32 II, 489. Elton pag. 287.

В. Васильевский.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ.

Г. Н. Потанинъ. *Очерки съверо-западной Монголіи. Результаты путешествій, неполненія въ 1876—77 годахъ по порученію Императорскаго Русскаго Географическаго Общества. Выпускъ I: Дневникъ путешествія и материалы для физической географіи и топографіи. Выпускъ II: Материалы этнографическіе. С.-Іб. 1881.*

Въ послѣднія десѧть лѣтъ наши свѣдѣнія о средне-азіатскихъ странахъ, соприкасающихся съ русскими владѣніями, подвинулись весьма захватно впередъ. Ознакомившись съ Туркестаномъ и прилегающими къ нему ханствами, русскіе изслѣдователи обратили свое вниманіе на области, лежащія въ предѣлахъ Китая, посѣтили Монголію, западный Китай, съверный Тибетъ, пропикинувъ въ такія мѣста, гдѣ ранѣе не бывала пога Европейца, по крайней мѣрѣ образованнаго. Въ болыпистѣ случаевъ эти экспедиціи совершились по инициативѣ и при содѣйствіи Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, которое, какъ известно, поставило изслѣдованіе средней и сѣверной Азіи одною изъ главныхъ задачъ своей плодотворной дѣятельности. Его представительству и содѣйствію обязанъ, между прочимъ, паука тремя замѣчательными экспедиціями полковника Пржевальскаго; по его же порученію было совершено и путешествіе Г. Н. Потанина въ съверо-западную Монголію. Въ настоящее время мы имѣемъ передъ собою два выпуска, заключающіе въ себѣ результаты этого послѣдняго путешествія,—результаты, заслуживающіе вниманія, какъ обстоятельный материалы къ познанію малоизслѣдованной страны, съ древностей, жителей, ихъ быта, преданій, вѣрованій и т. д.

Какъ пограничная область Китая, прилегающая къ русскимъ вла-

дѣніемъ, Монголія посѣщалась неоднократно Русскими, начиная еще съ прошлаго вѣка. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія, въ трудахъ Тимковскаго, о. Іакинфа и др. мы встрѣчаемъ уже обстоятельства свѣдѣнія о настоящихъ Монголахъ-Халкасцахъ и занимаемой ими странѣ. Вносясь въ эти свѣдѣнія пополненіе иѣсколько данными, собранными членами нашей Чекинской миссіи, торговцами, консулами и др. Ориенталисты изучили монгольскій языкъ, составили словарь и грамматику, собрали данные касательно исторіи Монголовъ; благодаря замѣткамъ путешественниковъ и наблюденіямъ топографовъ, можно было получить иѣкоторое представление о рельефѣ и характерѣ страны, ее климатѣ и производительности. Тѣмъ не менѣе всѣхъ этихъ данныхъ было еще далеко недостаточно для составленія нагляднаго и обстоятельнаго понятія о широкомъ поясѣ пустынь, степей и плоскогорій, прорѣзывающихъ среднюю Азію отъ Манчжуріи до Туркестана. Притомъ всѣ имѣвшіяся свѣдѣнія касались только восточной Монголіи и были собраны главнымъ образомъ по избитому пути отъ Кяхты чрезъ Ургу до Калгана, тогда какъ мѣстности, лежащія къ западу, то-есть, средина и западная часть Монголіи, оставались, можно сказать, совершенно не изслѣдованными. Болѣе обстоятельный свѣдѣнія объ этихъ мѣстностяхъ мы получили только въ послѣднія десять лѣтъ, благодаря особенно экспедиціямъ гг. Пржевальскаго, Пасецкаго (Сосновскаго) и Потанина. Ставя рядомъ эти три имени, мы не имѣмъ въ виду приписывать имъ одинаковыя заслуги, не думаемъ утверждать, чтобы добытые ими результаты были одинаково важными для географіи и этнографіи. Тѣмъ не менѣе, каждому изъ этихъ путешественниковъ удалось посѣтить такія мѣстности, о которыхъ раньше имѣлись весьма скучныя свѣдѣнія, а потому и сообщаемыя о нихъ данные являются единственными и цѣнными. Путешествія г. Пржевальскаго (особенно первое, результаты которого болѣе обработаны) познакомили насъ съ физико-географическими условіями восточной и центральной Монголіи и странъ, лежащихъ по южной ихъ окраинѣ. Въ то же время они доставили богатыя естественно-историческія коллекціи и значительное число наблюдений надъ жизнью высшихъ животныхъ (звѣрей и птицъ). Населеніе страны также не могло не обратить на себя вниманіе энергического путешественника, и составленные имъ очерки быта Монголовъ и Тангутовъ читаются съ большимъ интересомъ. Г. Пржевальскій вообще обладаетъ талантомъ схватывать характеристичныя черты посѣщеныхъ имъ мѣстностей, комбинировать свои впечатлѣнія и передавать

ихъ въ привлекательной, научно-популярной формѣ, не теряясь въ мелочахъ и обобщая отдельные наблюденія. Но выѣтъ съ тѣмъ г. Пржевальскій большою частію бываетъ скучъ на подробности (за предѣлами непосредственно испытанныхъ приключеній), и что касается особенно до этнографіи, до типа, быта, обстановки вѣрованій, возврѣній посвѣщенныхъ иныхъ племенъ, мѣстныхъ древностей и т. п., онъ ограничивается большою частію только такими данными вѣшняго быта, которыхъ могутъ быть наблюданы путешественникомъ непосредственно, безъ особенного старанія проникнуть глубже въ пародное мировоззрѣніе, подмѣтить черты сходства и различій, сравнить и анализировать отдельные подробности быта, обычая, вѣрованій, легендъ и т. д. Что касается г. Плясецкаго, то два объемистые тома его путешествія представляютъ собственно дневникъ любознательного туриста, старательно записывающаго все испытанное въ пути, безъ всякихъ претензій на обстоятельное изученіе страны и ея населенія. То обстоятельство однако, что автору пришлось поѣхать Лань-Чжу на р. Хуанъ-хэ и пройти оттуда, почти совершенно неизвѣстнымъ до того путемъ, чрезъ Су-чжоу, Хами, Баркуль и Гученъ къ Зайсанскому посту, придаетъ его описанію нѣкоторое значеніе, такъ какъ оно является первымъ, и по отношенію къ нѣкоторымъ пунктамъ—единственнымъ, хотя и весьма поверхностнымъ источникомъ для познанія неизвѣстной страны. Какъ г. Пржевальскій, такъ и г. Плясецкій не останавливались однако на продолжительное время въ Монголіи; они только прошли чрезъ нее болѣе или менѣе быстро и не имѣли потому ни времени, ни возможности для болѣе обстоятельного съ нею ознакомленія. Въ иныхъ условіяхъ находился Г. Н. Потанинъ, который могъ посвятить полтора года на переходы по сѣверо-западной Монголіи, собирая коллекціи и производя физико-географическую и этнографическую наблюденія. Послѣ г. Потанина томъ же мѣстностью прошелъ отчасти г. Пржевальскій въ своемъ третьемъ путешествіи, именно чрезъ Булунъ-тогой, вверхъ по р. Урунгу чрезъ оазисъ Хами, но свѣденія собранныя имъ, еще не опубликованы, такъ что полуда трудъ г. Потанина является единственнымъ въ этомъ отношеніи. Съ другой стороны, какія бы достоинства не представляло новое сочиненіе г. Пржевальскаго, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, напримѣръ, что касается до этнографіи, древностей, изученія торговыхъ сношеній, оно, конечно, не въ состояніи будетъ замѣнить или сдѣлать излишнимъ почтенный трудъ г. Потанина.

Существуетъ, впрочемъ, одно условіе, которое, при проведеніи па-

раллели между сочинениями г. Пржевальского и г. Потанина, может служить не къ выгодѣ послѣднаго во мнѣніи большинства читателей. Сочиненіе г. Потанина, какъ это сознаетъ и самъ авторъ, слишкомъ сухо, заключаетъ въ себѣ только голые факты топографіи и этнографіи и не знакомить достаточно наглядно съ общимъ характеромъ страны, съ типичными явленіями мѣстной природы и туземного населения. Въ предисловіи авторъ самъ сознаетъ необходимость и пользу составленія болѣе популярнаго сочиненія о Монголіи, которое познакомило бы съ этой страной по послѣднимъ результатамъ новѣйшихъ путешествій; но онъ заявляетъ, что чувствуетъ себя еще не въ силахъ выполнить такую задачу, которая требуетъ большаго знакомства со страною и большаго знанія литературы предмета. Авторъ разчитываетъ взяться за подобное предпріятіе вноскѣдствіи; покуда же онъ ограничивается изданіемъ „Дневника“ и „Материаловъ для этнографіи“. Намъ кажется однако, что и эти два болѣе специальные выпуска могли бы заключать въ себѣ нѣсколько общихъ замѣчаній и выводовъ; но это касается уже скорѣе метода изложенія, чѣмъ, въ специальнѣно-ученыхъ сочиненіяхъ, стоять на второмъ планѣ сравнительно съ фактами. Во всякомъ случаѣ, данныя, собранныя г. Потанинымъ въ двухъ выпускахъ его труда, даютъ весьма много материала для составленія себѣ понятія, какъ о характерѣ страны, такъ и объ этнографическихъ особенностяхъ ея населенія.

Подъ именемъ Монголіи разумѣется, какъ извѣстно, громадная полоса пустынь и степей, которая начинается на востокѣ отъ Хинганскаго хребта, отдѣляющаго Монголію отъ Манчжуріи, и тянется, на громадномъ протяженіи, по направлению на юго-западъ, къ подножію Куенъ-Ляня. Съ сѣвера и юга эта полоса ограничена горами, замыкающими ее и на большемъ протяженіи западной окраины, обусловливая этими естественными барьерами климатический характеръ страны, почва которой представляетъ отчасти дно нѣкогда бывшаго здѣсь водоема или внутреннаго моря. Съ запада, въ предѣлы Монголіи входитъ нѣсколько горныхъ хребтовъ, именно Ташу-Ола, Хинганъ, Алтай и Танъ-Шань, вызывая этимъ большее разнообразіе, какъ въ рельефѣ страны, такъ и въ степени ея орошенія, а следовательно, и въ характерѣ растительности и фауны. Заключенная между горными хребтами, Монголія представляетъ сама страну довольно возвышенную, средняя высота коеї составляетъ около 3,000 футовъ, понижаясь въ котловинахъ до 2,000 и повышаясь на плоскогорьяхъ до 5,500 и болѣе. Восточная Монголія, страна Халха-Монголовъ, была

изслѣдована, какъ уже сказано, раньше другихъ частей. Она начинается на сѣверѣ гористою полосою, простирающеюся отъ Кяхты до Урги верстъ на 300 и сохраняющею характеръ лучшихъ частей Забайкалья, съ богатыемъ орошеніемъ и довольно обильною растительностью. За Ургою, къ юго-востоку, слѣдуетъ степная полоса, которая тянется верстъ на двѣсти и ватъмъ, незамѣтно, переходитъ въ бесплодныя равнины пустынной Гоби, которыя простираются до окраины собственнаго Китая, приблизительно верстъ на девять-сортъ. Мѣстами здѣсь также встрѣчаются ряды горъ или холмовъ, возвышающихся на пѣсколько сотъ футовъ надъ окрестными равнинами, и ущелья коихъ заняты руслами потоковъ, существующихъ впрочемъ только лѣтомъ во время сильныхъ дождей. Почва Гоби состоитъ изъ крупнозернистаго красноватаго гравія и мелкаго галешника, а иногда и изъ сплючаго песку, который однако начинаетъ преобладать только въ южныхъ частяхъ пустыни, именно въ Ордосѣ, вдоль Желтой рѣки (Хуанъ-хэ), и особенно, западнѣе, въ Алашанѣ. Алашанская пустыня, составляющая самую южную часть Гоби, къ западу отъ средн资料о теченія Хуанъ-хэ, представляетъ, по мнѣнію г. Пржевальскаго, дно пѣкнаго внутренняго моря. На многое десятки, даже сотни верстъ, здѣсь тянутся голые сплючие пески, смѣняющіеся только кое-гдѣ плоскадями соленой глины или гальки. Крайне бѣдная растительность состоитъ лишь изъ нѣсколькихъ видовъ уродливыхъ кустарниковъ и нѣсколькихъ десятковъ видовъ травъ; также бѣдна здѣсь и фауна, характеризующася между прочимъ изобиліемъ ящерицъ—фриножефаловъ. Алашань приходится приблизительно подъ тѣмъ же меридіаномъ, какъ и Урга съ ея окрестностями, но полоса, раздѣляющая ихъ, составляетъ самую дикую часть среднаго Гоби. Пржевальскій, шедшій этимъ путемъ въ іюль мѣсяцѣ, вынужденъ былъ сильно терпѣть отъ жары, доходившей въ полдень до 45° С. въ тѣни, да и ночью иногда не падавшихъ ниже $23,5^{\circ}$ С. Почва накалилась до $63,0^{\circ}$ С., и сухость воздуха стояла страшная, за то вѣтры дули почти постоянно, способствуя днемъ еще усиленію жара и не переходя иногда въ вихрь и бурю, наполнявшихъ воздухъ тучами соленой пыли и песка. Западная Монголія представляетъ меныше развиtie пустынь, хотя между прорѣзывающими ее съ запада на востокъ горными хребтами и встрѣчаются мѣстности, на протяженіи нѣсколькихъ дней пути, могущія соперничать съ типичною Сахарою. Такими полосами пришлось проходить экспедицію г. Сосновскаго, такія же мѣстности встрѣчались, въ своихъ переѣздахъ, и г. Потанинъ, напримѣръ,

при переходѣ отъ Сухайту до Сантаху, на протяженіи 65 верстъ. „По крытая черною галькой“, говоритъ авторъ,— „Гоби представлялась темно-серою ровною поверхностью болѣе темною на горизонти, и если бы не два колоссальныхъ хребта спереди и сзади (Тянъ-Шань и Алтай) путешественнику казалось бы, что онъ движется въ серединѣ темно-сераго круга. Только караванная дорожка, которая прямою желтою тесемкою тянется поперекъ степи, да бѣлые остовы погибшихъ на этомъ мѣстѣ верблюдовъ прерываютъ ея однообразіе. Растительности на Гоби, кромѣ трехъ кустарниковъ на песчаныхъ холмакъ, никакой, изъ животныхъ встрѣтился только фринокефалъ, пронеслась надъ головами стая журавлей, направляясь на сѣверъ“... Но бесплодныя мѣстности въ западной Монголіи часто непосредственно граничатъ съ оазисами, а съ приближеніемъ къ горамъ, смѣняются въ долинахъ и ущельяхъ участками съ инымъ характеромъ флоры и фауны. Многочисленныя, часто обширныя озера, со вливавшими въ нихъ свои воды рѣками, также разнообразятъ характеръ мѣстности, тѣмъ болѣе, что берега этихъ озеръ и рѣкъ обыкновенно заросли деревьями и кустарникомъ.

Изъ оазисовъ особенно замѣчательнъ Кому, населенный мусульманами, считающими себя за потомковъ выходцевъ изъ Бухары; Потанинъ называетъ ихъ Сартами, Пасецкій—Таранчами; сами они называются себя Хамыдукъ или Ганъ-тоу, что значитъ чалмоносцы. Но и вообще западная Монголія, во всѣхъ мѣстностяхъ, сколько-нибудь удобныхъ для скотоводства, населена относительно породично, чѣмъ и объясняется существованіе здѣсь многихъ торговыхъ городовъ—Кобдо, Улусутаи, Баркула, Гучея и др. Въ описаніи г. Потанина приведены интересныя сѣдѣнія объ этихъ городахъ и о характерѣ и размѣрахъ русской въ нихъ торговли: Особенно долго прожилъ г. Потанинъ въ Кобдо ($5\frac{1}{2}$, мѣсяцевъ), городѣ, близкайшемъ къ русской границѣ и вѣдущемъ торговлю преимущественно съ монгольскимъ простонародьемъ. Городъ лежитъ на правомъ берегу р. Буйнту, недалеко отъ входа ея въ ущелье, и состоить изъ крѣпости и торговой слободы, гдѣ живутъ до 1000 душъ Китайцевъ торгового сословія. Окрестности города безводны и без травы; на тридцать верстъ кругомъ нѣтъ никакихъ поселеній. Несмотря на такое положеніе и небольшіе свои размѣры, Кобдо представляетъ важный торговый пунктъ. Здѣсь находятся подворья и склады пяти крупныхъ торговыхъ китайскихъ компаний, снабжающихъ своими товарами многочисленныя замки, разбросанные по монгольскимъ хошунаамъ (кочевьямъ). Изъ хошунаныхъ

занюкъ товары раздаются въ долѣ подъ скотъ, который собирается весною и гонится въ г. Куку-хото. Для городскихъ жителей имѣется до 50 мелочныхъ лавочекъ, изъ коихъ въ иныхъ впрочемъ нѣть и на сто рублей товара. Русскихъ лавокъ въ городѣ, въ зиму 1876—77 года, было четыре, принадлежавшихъ бійскимъ и частью барнаульскимъ купцамъ; лѣтомъ число русскихъ лавокъ бываетъ больше. Товары для Кобдо закупаются на Ирбитской ярмаркѣ и на сибирскихъ заводахъ; доставляются они изъ Бійска до Ангудая на саняхъ, изъ Ангудая до Кошъ-агача на выюнныхъ лошадяхъ, а съ Кошъ-агача до Кобдо на верблюдахъ. Самая трудная часть дороги—отъ Ангудая до Кошъ-агача, въ тѣснинѣ рѣки Чуи, гдѣ мѣстами приходится идти по опаснымъ карнизамъ береговыхъ утесовъ или такъ-называемымъ „боямъ“. Трудность этой дороги оказываетъ влияніе на выборъ товаровъ и ихъ цѣни; многие товары, какъ напримѣръ, стекло, стеклянную посуду, вино въ бутылкахъ, керосинъ, спички не везутъ вовсе или везутъ въ весьма маломъ количествѣ изъ опасенія разбить ихъ; другое, напримѣръ, муку, желѣзо, везутъ тоже мало, изъ-за малаго барыша, вслѣдствіе дороговизны выюнной перевозки. Устройство тележной дороги въ долинѣ Чуи является поэтому настоятельной потребностью въ видахъ увеличенія вывоза русскихъ товаровъ и сокращенія монополіи двухъ-трехъ бійскихъ купцовъ. Другое обстоятельство, мѣшающее развитію русской торговли, заключается въ маломъ числѣ и одвообразіи вывозныхъ статей. Монголы охотно покупали бы русские товары, по деньгѣ (серебра) въ край мало, и мѣновою цѣнностью здѣсь служить скотъ да кирпичный чай. Но послѣдній требуется только для алтайскихъ инородцевъ; рогатый скотъ также сбывается только отчасти въ Пркутскѣ, другую же часть и овецъ приходится обмѣнивать на серебро въ лежащемъ южнѣ китайскомъ городѣ Гученѣ. Для развитія русской торговли, по мнѣнію г. Потанина, необходимо, чтобы русскіе купцы расширили свои торговыя обороты и гнали бы полученный отъ Монголовъ скотъ, какъ это дѣлаютъ китайскіе купцы, въ Куку-хото или Калганѣ, обмѣнивая его тамъ на тѣ сорта чаевъ, которые могутъ имѣть обширный сбытъ въ Сибири и Россіи. Покуда русскіе купцы доставляютъ: въ небольшомъ количествѣ желѣзный товаръ; подносы (расходится до 1000 шт. ежегодно); мѣдные тавы, чайники и пуговицы (послѣднія встрѣчаются однако сильную конкуренцію въ англійскихъ); плісы (около 600 кусковъ) и рапсъ; немногого сукна; бязь, тикъ, ситцы и другія бумажныя матеріи, встрѣчающія тоже конкуренцію въ англійскихъ; окованная жестью шкатулки; снічки; мыло;

спиртъ; сахаръ; часы и имѣющіе прочный сбыть въ Китай маралы рога. Рога эти, добываемыя отъ сибирской породы благороднаго олена, такъ-называемаго марала, собираются бѣйскими купцами у алтайскихъ охотниковъ и мараловодовъ. Цена роговъ продается отъ 8 до 40 рублей; Китайцы употребляютъ ихъ для бахихъ то лѣкарственныхъ цѣлей, и кажется, вещество рога играетъ у нихъ роль комфортическаго средства. Ежегодно вывозится пѣсколько сотъ шаръ, половина коихъ добывается теперь отъ одомашненыхъ мараловъ, разводимыхъ алтайскими крестьянами, особенно въ вершинахъ р. Бухтармы и въ Уймонскихъ деревняхъ. У г. Ноталина приведены интересныя статистическія данныя объ исторіи и размѣрахъ мараловодства въ Алтай. Кроме скота и карничного чая, вывозимыми статьями въ Кобдо служатъ: сурокъ (до 500,000 шкурокъ ежегодно), соболь (около 300 шт.), куница (200 шт.) и лисица (2,000—3000 шт.), а также въ небольшомъ количествѣ волосъ и шерсть. Русская торговля производится зимою изъ городскихъ лавокъ, лѣтомъ же товары разсылаются съ прикащиками по хонгуамъ. Такихъ кочевыхъ лавокъ („палатокъ“ или „счетовъ“) насчитываются до 20; каждая изъ нихъ распродаетъ въ лѣто товару тысячи на двѣ. Значительную конкуренцію русскіе торговцы встрѣчаютъ, какъ и слѣдовало ожидать, въ Китайцахъ, которые привозятъ товары часто болѣе по вкусу жителямъ и могутъ производить обмѣнъ на скотъ и другіе продукты съ большою для себя выгодой.

Городъ Улусутай, лежащій верстъ на 400 къ востоку отъ Кобдо, больше и оживленнѣе послѣдняго. Торговля здѣсь болѣе разнличная, чѣмъ оптовая, магазины обширеніе юбдинскихъ и полѣе; въ нихъ можно встрѣтить гораздо болѣе предметовъ приходи и роскоши. Русскихъ торговцевъ, прежде, въ началѣ открытия русской торговли внутри Монголіи, здѣсь было больше; теперь число русскихъ лавокъ съ каждымъ годомъ уменьшается, и зимовать остается всего одна лавка.

Еще оживленнѣе Улусутая городъ Баркуль, находящійся на югѣ, у подножія Тань-шана; магазины здѣсь обширны и полны разнообразными товарами; въ городѣ много „тановъ“ или постоянныхъ дворовъ, и имѣется пѣсколько красивыхъ зданій, украшенныхъ лѣпными работами или изваниеми чудовищъ. Превосходя другіе монгольскіе города бойкостью уличной жизни, Баркуль превосходитъ ихъ однако и свою граziю и переливистью, поражающею не только на лицахъ, но и въ домахъ.

Существование городовъ, подобныхъ только что упомянутымъ, и довольно значительной въ нихъ торговли, указываетъ на то, что население страны обладаетъ излѣстною степенью культуры и благосостоянія. Подъ влияніемъ китайской цивилизациі и ламаизма люди, даже въ такой пустынной и бѣдной странѣ, какова Монголія, могли создать себѣ условія мирной и культурной жизни. „Путешественника“, говоритъ г. Потапінъ, — „поражаютъ эти кочующіе монастыри, кочующіе алтари съ свопми многочисленными пантеонами, кочующія библіотеки, переносные войлочные храмы въ нѣсколько сажень высоты, школы грамотности, помѣщающіяся въ кочевыхъ палатахъ, странствующіе медики, кочевые лазареты при имперальныхъ водахъ, — все это виды, которые никакъ не ожидаешь встрѣтить въ кочевой жизни; по развитію грамотности въ народной массѣ Монголы, безспорно, единственный кочевой народъ въ мірѣ. Это не дичь въ родѣ Туркменовъ или даже нашихъ Киргизовъ. Кто видѣлъ оба народа, Монголовъ и Киргизовъ, тому невольно приходитъ желаніе провести параллель между ними. Монгольскіе князья по азіатски люди очень образованные; они часто умѣютъ говорить на нѣсколькихъ языкахъ той имперіи, къ которой принадлежатъ, пишутъ по монгольски и тибетски, иногда даже изучаютъ санскритскій языкъ; многие изъ нихъ живали по году или и болѣе въ Пекинѣ, столицѣ своего государства; они соревнуются другъ передъ другомъ въ постройкѣ монастырей и кумирень, въ обогащении ихъ дорогую утварью и металлическими изображеніями божествъ, одна перевозка которыхъ стѣпть большихъ денегъ; стараются приобрѣтать книги. У нашихъ Киргизовъ султаны малограмотны, письменныхъ дѣла ведутъ преимущественно черезъ паемныхъ секретарей изъ бѣглыхъ Татаръ или Туркестанцевъ, единственнымъ занятіемъ, достойнымъ своего высокаго званія, считаются охоту съ ястребами и беркутами; книгохранилищъ и школъ киргизскіе султаны не заводятъ. Жизнь Монголовъ приходитъ тихо, правы ихъ мягки, преступленія рѣдки, о звѣрскомъ обращеніи съ женами или дѣтьми не слышно; преступлѣнія, въ особенности убийство, случаются рѣдко... Иностранецъ можетъ спокойно путешествовать по странѣ, русскіе прикащики въ одипочку разѣбзываютъ по кочевьямъ съ товарами и не жалуются на обиды... Другое правы въ Киргизской степи: конокрадство — здѣсь обыкновенное явленіе, грабежи и убийства тоже не рѣдкость, и путешествовать въ странѣ безъ конвоя едва ли такъ безопасно, какъ въ Монголіи“.

Въ другомъ мѣстѣ, сравнивая монгольскую степь съ киргизской,
часть ссxхи, отд. 2.

г. Потанинъ замѣчаетъ, что первыи, въ своихъ удобныхъ для человѣческой жизни мѣстахъ, представляются гуще населеною, чѣмъ послѣднія: „Земледѣліе здѣсь далеко болѣе развито; нѣть ни одного незначительного участка не обработанаго, коль скоро тутъ есть необходиама для полива вода; по окраинѣ Гоби, гдѣ воды встрѣчаются на значительныхъ разстояніяхъ, если только это не колодезь, а ключъ, то тутъ и пашня, хотя и не болѣе какъ въ 10, 20 десятинъ всего“. Развитіе земледѣлія (съють болѣе всего ячмень, затѣмъ пшеницу и проч.) естественно, вызываетъ большую осѣдлость, которая усиливается еще существовавшемъ ламайскаго духовенства. „Часть этого сословія живетъ по хорунамъ, другая часть въ особыхъ монастыряхъ, которые въ южной части халхасской Монголіи представляютъ скопища нойлочныхъ юртъ, въ сѣверной же имѣютъ видъ порядочныхъ городковъ, составленныхъ изъ глининыхъ или деревянныхъ домиковъ“. Сохраняя обычай перекочевки, простые Монголы отходятъ отъ зимовокъ, самое большое, на 20 верстъ; только ставки князей перемѣщаются иногда верстъ на сто. Этимъ объясняется до извѣстной степени, почему юрта Монгола ставится прочнѣе, чаше обвязана араканами снаружи, и внутри болѣе наполнена громоздкою мебелью и утварью. У каждой юрты есть деревянныя створчатыя двери, кроме войлочной занавѣски, тогда какъ такихъ створокъ не бываетъ въ юртахъ киргизскихъ сultановъ. Отъ дверей на право этажерка для посуды, на лѣво другая для бурдюковъ съ кумысомъ и айраномъ, тогда какъ у Киргизовъ мелкаго посуда просто валиется въ особомъ углу, а бурдюки привязываются къ юрточной рѣшеткѣ; вместо киргизской кожаной посуды у Монголовъ деревянныя, окованныя мѣдью высокія домбы вместо переметныхъ сумъ деревянные сундуки, сверхъ того, въ каждой юртѣ кровать и деревянная, часто значительныхъ размѣровъ божница“. Послѣднія представляетъ раскрашенный ящикъ или шкатулку, поставленный на другой болѣе простой ящикъ и перѣдѣко драпированный шелковыми материалами; на шкатулкѣ выставляются бурханы, преимущественно въ видѣ иконъ, писаныхъ на бумагѣ или дабѣ; передъ иконами стоять рядъ мѣдныхъ чашечекъ, „цокцо“, въ которыхъ наливается вода и кладутся части пищи (сыръ,творогъ и проч.); тутъ же ставятся искусственные цветы, разныя фигуры и другія украшенія. „Вообще“, говоритъ г. Потанинъ, — „потребленіе фабрикатовъ въ монгольской юртѣ гораздо болѣе, чѣмъ въ киргизской, и разныхъ мелкихъ принадлежностей комфорта, въ родѣ щицовъ, ножей, ножницъ, утюговъ (которыхъ Кир-

гизъ вовсе не знаетъ), уоловниковъ, курительныхъ трубокъ, кисти-
товаъ, табакерокъ, прижектъ), раскупается Монголами изъ китайскихъ
лавокъ множество". Замѣчательно при этомъ, что ремесленности у
Монголовъ нѣтъ никакой. „Монгольскія женщины хорошо выпиваются
и пахутъ, но не ткутъ даже самой простой матеріи на мышокъ; они
не умеютъ дѣлать мыла, какъ Киргизы (бѣлья не моютъ, также какъ
и тѣла; бѣлье и верхнее платье не смигается, пока не износится;
на оборотъ Киргизы стираютъ бѣлье и сами приготовляютъ мыло); куз-
нецы у нихъ рѣдки; всѣ ткани на платье, посуда въ большинствѣ,
мыло, сбруя съ насѣчками получаются отъ Китайцевъ; даже рѣшетки
для монгольской юрты и двери, не говоря о ящикахъ и божницахъ,
приготовляются китайскими плотниками въ мастерскихъ города Уля-
сугтая. Сапогъ и шапка также всезутся для Халхасца изъ Куку-кото
за 1000 верстъ". Только одна отрасль Монголовъ, Дюрбуты, отли-
чаются въ этомъ отношеніи отъ остальныхъ своихъ сородичей; они
сами себѣ шьютъ сапоги и дѣлаютъ желѣзныя венцы. Въ другомъ изъ-
стѣ, однако, г. Потанинъ сообщаетъ, что Монголы сами вырѣзываютъ
свои серебряные украшения, и что между ними есть очень хорошие
мастера серебряныхъ дѣлъ. Монголы вообще любятъ обвѣшивать себя
украшениями; носятся разные приданки съ кораллами и серебряными
блесками на шаночкѣ, серебряные блески на косахъ и груди, при
чемъ этотъ уборъ содержитъ иногда не менѣе двухъ фунтовъ серебра.
Въ ушахъ Монголки носятъ серги, на рукахъ серебряные толстые
браслеты, а на пальцахъ—кольца. Обилие этихъ украшений, которыхъ
встрѣчаются даже у самыхъ бѣдныхъ Монголовъ, свидѣтельствуетъ
тоже о нѣкоторомъ достаткѣ и стремлениіи къ роскоши.

Малое развитіе, почти отсутствіе всякихъ ремеселъ у Монголовъ
заставило г. Потанина задать себѣ вопросъ: искони ли они были
такими певѣждами, или древняя ремесленность убита у нихъ впо-
слѣдствіи китайской торговлей. Авторъ оставляетъ этотъ вопросъ
безъ отвѣта, по въ его сочиненіи приведены данные, которые за-
ставляютъ склониться въ пользу послѣднаго предположенія. Въ своей
параллели между Монголами и Киргизами г. Потанинъ замѣчаетъ
между прочимъ, что у первыхъ національная жизнь отодвинута на
второй планъ, интеллигенція запата исключительно религіозными
вопросами, разрабатываемыми по тибетскимъ источникамъ; древній
родовой бытъ почти совершенно изглаженъ. „Мы находимъ подраздѣ-
леніе народа на административныя части, но о подраздѣленіи его
на поколѣнія остались только слабыя воспоминанія; на вопросъ: ка-

кой ты кости? Монголъ отвѣтываетъ: Монголъ или Халха, или черной кости, бѣлой кости и далѣе этого не идетъ. Имена поколѣній, въ особенности у Халхасцевъ, перезабыты, имена предковъ и легенды о нихъ тѣмъ болѣе. Другую картину представляетъ киргизскій народъ; родовой бытъ сохранился у него еще въ цѣлости; каждое поколѣніе живетъ въ одномъ мѣстѣ и общими интересами, которые сообща и защищаетъ; браки внутри поколѣнія запрещаются, какъ между родственниками; каждое поколѣніе помнить своего предка, и если не всякий членъ поколѣнія, то многие въ состояніи разказать всю генеалогію отъ родоначальника своего поколѣнія вплоть до своего отца". Никакое вышнее духовно-культурное влияніе не отвлекло вниманіе Киргиза отъ своихъ національныхъ преданій, и національная жизнь въ этомъ народѣ бываетъ ключемъ. Въ то время какъ у Монголовъ національной литературы почти не существуетъ, монгольский языкъ употребляется только въ канцеляріяхъ при административныхъ сношеніяхъ, тибетская грамотность распространена между ламами значительно обширнѣе, чѣмъ монгольская, охота изучать свою отечественную исторію вовсе не развита, — Киргизы представляютъ совершенную другую стадію общественного развитія. Киргизскій народъ еще не затронутъ книжными спорами о религіи и нравственности, отодвигающими національную жизнь на второй планъ; кодексъ нравственности и руководство къ практической жизни заключаются у него въ народныхъ преданіяхъ и обычаяхъ, а не въ священныхъ книгахъ, написанныхъ на чужомъ языке; идеалы свои онъ видѣтъ въ національныхъ богатыряхъ, родоначальникахъ и герояхъ, а не въ святыхъ, не имѣющихъ родинъ. Такое различіе между двумя народами, по мнѣнію Г. Потанина, тѣмъ удивительнѣе, что оба они занимаютъ равнинную страну, притомъ также служившую ареной великихъ военныхъ и народныхъ передвиженій; это какъ будто намекаетъ, что Киргизы только недавно вступили въ эту страну изъ другаго отечества, гдѣ они жили въ большемъ уединеніи отъ исторической жизни.

Не смотря однако на известный прогрессъ культуры, въ быту Монголовъ сохранились еще многіе слѣды первобытныхъ обычаяевъ и вѣрованій. Такъ, Монголы ёдятъ конину и верблюжатину отъ павшихъ животныхъ; ёдятъ сурковъ, даже лисицъ. Мясо варятъ безъ приправъ, и варка продолжается не долго, такъ что мясо вынимается изъ котла полусыре, и пашваръ получается нескусный (тогда какъ Киргизы довариваютъ вполнѣ). „Эта особенность въ культурѣ сближаетъ Мон-

головъ", по замѣчанію г. Потанина, „съ Тангн-Урянхайцами, Алтайцами, а также другими болѣе типичными сиродцами Сибири. Копченіе мяса, столь употребительное у Киргизовъ, Монголамъ неизвѣстно".

На ряду съ ламаизмомъ въ Монголіи сохранились еще остатки шаманства, точно также, какъ и у Киргизовъ, рядомъ съ начатками ислама. Но у Монголовъ и Урянхайцевъ шаманъ типичный: онъ камааетъ почью, сопровождастъ свое камланье битьемъ въ бубенъ и пляской и имѣть специальное одѣяніе, тогда какъ киргизскій шаманъ камааетъ дисъ и бубна не имѣть, а аккомпанируетъ себѣ па струпомъ инструментъ, который называется кѣбызъ; онъ не пляшетъ и не имѣть специальной одежды. У Монголовъ есть также шаманки, которыхъ не встрѣчается у Киргизовъ, гаданье па лошакѣ существуетъ одинаково, какъ у Монголовъ, такъ и Киргизовъ. Монголы поклоняются также огню, горамъ, озерамъ, и многіе обряды этого поклоненія вошли уже въ составъ ламайскаго культа. Одна изъ характеристическихъ особенностей этого послѣдняго заключается, какъ извѣстно, въ почитаніи, разомъ съ Шахіамуні и другими бурканами, живыхъ святыхъ или гыгэновъ, имѣющихъ свою резиденцію въ особыхъ монастыряхъ. Въ Сѣверо-западной Монголіи гыгэновъ насчитывается восемь, и все они имѣютъ церковныя земли съ приписанными къ нимъ людьми. По мнѣнію монгольского простонародья, гыгэны по смерти вновь возрождаются путемъ чудескаго зачатія; юрта, гдѣ долженъ родиться святой мальчикъ, узнается ламами по появлению надъ ней особаго знаменія (радуги). Одни Монголы вѣрять, что гыгэны не ёдятъ ничего, кроме небольшаго количества сахара и чая; другие не только знаютъ, что они ёдятъ и пьютъ, какъ и все, но не отрицаютъ за нихъ пороковъ, которые впрочемъ не лишаютъ ихъ святости; такое совмѣщеніе въ одномъ лицѣ порочности и святости, по словамъ Монголовъ, превосходить человѣческое разумѣніе. Торгоуты вѣрять, что въ рукахъ одного изъ гыгэновъ, Цаганъ-гыгэна, находится ключъ отъ земли. Объ этомъ гыгэне, доступъ къ которому весьма труденъ, въ книгѣ г. Потанина приведенъ разказъ г. Матусовскаго, которому удалось добиться съ нимъ свиданія. Это былъ человѣкъ лѣтъ около сорока, средняго роста, крѣпкаго сложенія, съ большими выпуклыми лбомъ, толстымъ посомъ, небольшими черными глазами и длинными тонкими усами; въ общемъ выраженіе лица его было серьезное и умное, и въ разговорѣ онъ оказался не лишеннымъ остроумія и находчивости.

Для разясненія вопроса о древнѣйшей первобытной культурѣ въ

Монголія нѣкотория давнія могло бы дать изслѣдованіе мѣстныхъ древностей, которыхъ, какъ оказывается изъ наблюденій г. Потанина, имѣется тамъ не мало. Къ числу такихъ древностей принадлежать каменные насыпи или могилы (карексуръ Халхасцевъ, киргизинтюръ Уранхайцевъ),—круглые или состоящіе изъ центральной круглой насыпи и окружающей ее орбиты, которая иногда соединяется лучами съ насыпью, бываетъ четырехугольною, сопровождается добавочными каймами или насыпями и т. д. Центральная насыпь имѣть около 60 и болѣе шаговъ въ окружности; орбита около 200 шаговъ; высота насыпи можетъ быть до двухъ сажень; камни небольшіе, круглые не безъ острыхъ реберъ, величиною съ человѣческую голову и болѣе. Халхасцы считаютъ эти насыпи могилами нѣкогда жившихъ людей—великановъ; другіе признаютъ ихъ мѣстами, где было закопано имущество бѣжавшихъ во время войны народовъ. Г. Потанинъ приводитъ описанія и изображенія многихъ карексуръ, но къ сожалѣнію, отъ не имѣть возможности сдѣлать раскопку ни въ одномъ изъ нихъ. Между тѣмъ было бы интересно убѣдиться, есть ли это дѣйствительно могилы, и находятся ли подъ этими каменными насыпями каки-либо остатки древней культуры.

Другой родъ памятниковъ представляютъ такъ-называемые киша-чило Монголовъ,—каменные стѣбы, съ изображеніями или безъ нихъ и иногда значительно напоминающіе каменные бабы. Въ Западной Монголіи г. Потанинъ встрѣчалъ подобные столбы только къ сѣверу отъ Гоби, при чемъ между ними оказались какъ отесанные, такъ и не отесанные. Отесанные киша-чило очень рѣдки, состоять по преимуществу изъ гранита или гранитита и представляютъ обыкновенно разныя изображенія, болѣе или менѣе отдаленную человѣческую голову и пр. Не отесанныхъ киша-чило—безчисленное множество; они имѣютъ видъ столбовъ съ непараллельными гранями, очевидно выдолотыхъ тѣль самю природой и только отчасти обдѣланныхъ. Въ постановкѣ киша-чило нельзя открыть какой-либо зависимости ихъ отъ карексуръ. Лучшій по отдѣлкѣ киша-чило находится близъ озера Дань-гуля, съ двухскатною крышей и дверью. Представляетъ онъ столбъ съ человѣческою, мужскою головою на верху, довольно отчетливо обтесаною; видны уши, монгольскіе глаза, толстый носъ, губы и усы. Около этого истукана (вышинаю 150 сантиметровъ) протянута веревка, на которой наѣшано много шелковыхъ лоскутковъ, конскихъ волосъ и деревянныхъ, крашеныхъ обрубковъ. У большей части киша-чило обдѣлка выражается однако только въ кружкахъ, изображеніяхъ въ

верхней части той или другой изъ сторонъ четырехугольного столба и въ проведенныхъ поперекъ одной или нѣсколькихъ сторонъ линій или ряда точекъ. Сличая эти кишачило, именно болѣе обѣланыя изъ нихъ съ южно-русскими и особенно, сибирскими каменными бабами, можно подмѣтить между нѣкоторыми изъ нихъ извѣстное сходство, невольно наводящее на мысль о нѣкоторомъ племенномъ или культурномъ сходствѣ между воздвигавшимъ эти изваянія народностями. Съ другой стороны, болѣе грубые кишачило въ формѣ четырехугольныхъ столбовъ напоминаютъ скорѣе подобныя же группы каменныхъ менгировъ въ Восточнѣй Индіи, именно па *Khassia hills*, между долинами Ассама и равнинами Силата¹⁾). Но конечно, подобное вѣроятнее сходство само по себѣ еще ничего не доказываетъ, тѣмъ болѣе, что пространство между Монголіей и Индіей, въ археологическомъ отношеніи, еще сопернико не изслѣдовано. По всей вѣроятности, въ Монголіи найдутся вноскладствіи и другія древности, а также будуть открыты и остатки каменного вѣка. Что каменный вѣкъ здѣсь пѣкогда былъ, па это указываетъ тотъ фактъ, что и Киргизамъ, и Монголамъ извѣстны громовые стрѣлки. Монголы называютъ ихъ лунь-сумынь, при чёмъ, по словамъ г. Потанина, этимъ же именемъ они зовутъ и бронзовыя копьеца, выкалываемыя изъ земли. Было бы интересно собрать пѣкоторое число подобныхъ каменныхъ и бронзовыхъ стрѣлокъ для сличенія ихъ съ извѣстными европейскими и азіатскими формами.

Въ „Этнографическихъ матеріалахъ“ г. Потанинъ приводить подробнія свѣдѣнія о различныхъ народностяхъ Тюркскаго и Монгольскаго племени, населяющихъ сѣверо-западную Монголію, а также сообщается данилъ объ пѣкъ религіознѣй бытѣ (не особенно вироченъ подробнѣ), о инѣшней обстановкѣ жизни, о семейномъ и общественномъ бытѣ. Семейная и общественная жизнь, впрочемъ, только затронута авторомъ; онъ говорить имѣющо только о свадебномъ обрядѣ Монголовъ, о формѣ клятвы и обѣ играхъ. Заслуживаютъ вниманія еще собранія авторомъ названія пальцевъ, сочиній и побеспихъ явленій (также повѣрья о нихъ), мѣстныхъ названій растеній и животныхъ сказки и легенды. Всѣ эти данилъ интересны какъ сами по себѣ, такъ, въ особенности, для изученія сходства между культурой и міровоззрѣніемъ Монголовъ, съ одной стороны, и Тюркскихъ, Финскихъ,

¹⁾ *Fergusson. Rude stone Monuments. L. 1872, стр. 462.*

даже Славянскихъ племенъ—съ другой. Въ многочисленныхъ приложенныхъ къ тексту примѣчаніяхъ, авторъ самъ приводитъ многія сопоставленія по этому поводу, выказывая при этомъ значительную начитанность. Остаетсяожидать, что авторъ не нашелъ возможнаго сдѣлать болѣе подробныи наблюденія надъ физическими типомъ видѣнныхъ имъ племенъ, надъ физиологическими ихъ особенностями, надъ обрядами при рождениі, болѣзняхъ, погребеніи и проч. Впрочемъ, для путешественника въ пустынной странѣ, притомъ мало знакомаго съ языкомъ населения, собирающе антропологическихъ и этнографическихъ свѣдѣній можетъ быть иногда сопряжено съ значительными затрудненіями. Мы вполнѣувѣрены, что и собирание приведенныхъ свѣдѣній, а также заинсценированіе (въ переводе) легендъ, было по временамъ дѣломъ не совсѣмъ легкимъ. Будемъ надѣяться, что почетный авторъ не оставитъ въ будущемъ излюбленнаго имъ края, и что ему удастся еще болѣе пополнить наши свѣдѣнія о тюркскихъ и монгольскихъ народностяхъ средней Азии.

Д. Амуччинъ.

Изслѣдованія въ области русской грамматики. 1. Соболевскаго. Варшава. 1881.

Предметъ монографіи г. Соболевскаго составляетъ уясненіе древне-русскихъ формъ именахъ и глаголахъ. Авторъ, впрочемъ, даетъ объясненіе не всѣхъ формъ, а лишь иѣкоторыхъ—именно: 1) окончанія родит. падежа, единств. числа и именительного и винительного падежей множеств. числа на *и*; 2) именительного и винительного падежей ед. числа: мужск. рода на *е*; 3) дательного и творительного падежей множ. числа на *и*; 4) дательного, творительного и мѣстного падежей имѣть съ основою *и*; 5) окончанія членныхъ имѣнь притягательныхъ и мѣстонимий; и 6) окончаний 2-го лица единств. числа настоящаго времени, 3-го лица единств. и множеств. чиселъ настоящаго времени безъ личнаго суффикса и 1-го лица множ. числа настоящаго времени на *и*.

При объясненіи этихъ формъ авторъ пользовался, какъ и слѣдуетъ, материаломъ древне-русскихъ памятниковъ; намъ кажется однако, что не всегда онъ дѣлалъ это съ полисью научною тщательностью: было бы очень важно, если бы г. Соболевскій, указывая нахожденіе известной формы въ такомъ-то памятнике, отмѣтилъ, сколько разъ эта форма встрѣчается въ немъ—преобладаетъ ли она, или является только спорадически. Кромѣ того, мы рѣшаемся сказать что онъ не

воспользовался всемъ материаломъ, какимъ слѣдовало—хотя по смыслу нѣкоторыхъ его выражений, какъ напримѣръ, на стр. 86: „у формы 2-го лица единств. числа настоящего времени *ши* памъ не встрѣтилось въ древнихъ грамотахъ и актахъ свѣтскаго характера ни одной“,—можно бы предположить, что онъ имѣлъ въ виду весь материалъ. Если бы нашъ авторъ действительно воспользовался всѣми древне-русскими памятниками, мы нашли бы въ его монографіи большее число примѣровъ, нашли бы опредѣленіе взаимныхъ отношеній разныx памятниковъ. При всемъ томъ, монографія эта имѣетъ засчитательную научную цѣль: въ ней встрѣчаются нѣкоторыя новыя іѣршия объясненій явлений древне-русскаго языка. Позводлемъ себѣ однако обратить вниманіе на нѣкоторыя толкованія, съ коими не можемъ согласиться.

Говоря объ окончанії *с* для именительного и винительного падежей единства, числа, мужск. рода въ древне-русскомъ языкѣ (какъ: „убыть поинь повороцкое или нѣмецкое“—Новгородская грамота 1189—1199 г.; „въдале Варламе“—вкладная Варлаама Хутынскаго послѣ 1192 г.; „Игнатіе повелѣваетъ“—Златоструй XII в.; „Василіе, Даниile“—Папдекты Никона Черногорца XII в.; „дворъ погорѣле“—Новгородск. грамота 1392 г.; „Славке рче, доснеле Смене Почине“—Двинская рядная XIV в. и др., и въ современномъ русскомъ языкѣ былинѣ (какъ: „Садкѣ“—Рыбниковъ, III, 193, „целовѣко-ть уцливые“—Кирѣевскій, II, 53 калика перехожіе—ib. II, 13, и др.), авторъ замѣчаетъ, что эта форма именительного и винительного пад. ед. числа существуетъ и въ современномъ сербскомъ языкѣ какъ напримѣръ, *Павле, Ненаде, куме, царе* (стр. 42). Это невѣрно: сейчасъ упомянутые сербскіе примѣры представляютъ форму винительного падежа и не походять на древне-сербскую форму именит. падежа единств. числа, какъ напримѣръ, *Корнилије* и др.¹⁾, и современную сербскую форму: *Макарие* и т. п. Извѣстны объясненія этой формы, предложенные А. А. Потебней и М. А. Колосовыми; первый въ формѣ „*Варламе*“ (=мъ) видѣлъ переходъ *и* въ *и*, а этому послѣднему графическое соотвѣтствіе *с*; второй же видѣлъ здѣсь переходъ *о* (изъ *и*) въ *е*. Объясненія, правда, нескончаемы, хотя одинаково заслуживающія іѣроностія. Но посмотримъ, какъ г. Соболевскій отнесся къ этимъ объясненіямъ. Онъ решительно отвергаетъ ихъ, не приводя однако документальныхъ данныхъ: „изъ разсмотрѣнія данныхъ древнихъ памятниковъ и современного языка“, говорить онъ,—„можно

¹⁾ *Danićić—Rad jugoslav. Akademije*, кн. XXVI, р. 57.

видѣть, что перехода *и* въ *е* въ русскомъ языке никогда не существовало, и форма *и* вмѣсто *е* (въ родѣ Варламъ) въ немъ не была извѣстна (несколько описокъ въ счетъ не идутъ); вслѣдствіе этого въ *е* въ Варламѣ не слѣдуетъ видѣть графического изображенія *е*. Что касается до перехода *о* въ *е*, то его не зналъ и не знаетъ русскій языкъ: пешель при попечѣ, ребенокъ при робенокъ и т. п. объясняются иными путемъ" (стр. 43—44). Съ замѣчаніемъ этимъ согласиться недѣла. Аналогическіе примѣры, какъ косматые, по мнѣнію А. А. Чотебри и М. А. Колосова, предполагаютъ вмѣсто конечнаго *е* *и*=*јь*, то-есть, косматы=косматыј, подобно тому какъ Можаескъ=Можаѣскъ, троецкій=тройцкіи, треє=трѣй. Г. Соболевскій признаетъ это объясненіе невозможнымъ на томъ основаніи, что при немъ нужно допустить невозможный переходъ *и* въ *е* (стр. 45). Но, однако же, почему невозможенъ такой переходъ? Вѣдь, въ сѣверно-великорусскихъ говорахъ иногда встречается *е* тамъ, где мы ожидались бы *и*, какъ напримѣръ, ракетонъ(=ракитонъ) кустъ, вехоръ=вихоръ (см. Рыбникова, I, 134; II, 122). Объясненіе г. Соболевскаго, что сейчасъ приведенные примѣры вызваны чередованіемъ формъ *е* лесь и лисъ, а не фонетическимъ путемъ (стр. 45, пр. 6), слѣдуетъ признать натянутымъ. Приведенная тамъ же другія комбинаціи тоже мало убѣдительны; но авторъ въ особенности налагаетъ на слѣдующее соотношеніе между формами Григоріе и Варламе; онъ упрекаетъ г. Даничича въ томъ, что этотъ послѣдній, объясняя форму Григоріе, не касается формы Варламе (хотя подобныя формы, по словамъ нашего автора, существуютъ въ сербскомъ языкѣ въ значительномъ числѣ), и что онъ дѣлаетъ искаженіе объясненіе формы Григоріе=Григоријо, какъ Вуjo (стр. 46). Было бы желательно узнать отъ г. Соболевскаго это значительное число словъ въ сербскомъ нарѣчіи, подобныхъ формѣ Варламе, которая неупотребительна въ живомъ сербскомъ языке; г. Даничичъ потому и не далъ объясненія формы Варламе, что она неупотребительна въ сербскомъ нарѣчіи. Если въ Григоріе г. Даничичъ усмотрѣлъ форму звателнаго надежа, употребляемую вмѣсто формы имепительнаго надежа, то естественно, можно бы дать точно такое же объясненіе и формѣ Варламе. Но, по нашему мнѣнію, это объясненіе не вполнѣ достаточно; рождается вопросъ: какая смыслъ соединился съ подобными употребленіемъ формы звателнаго надежа вмѣсто имепительнаго? И могъ ли, въ самомъ дѣлѣ, быть какой-нибудь смыслъ въ этомъ? На чёмъ авторъ основываетъ свое мнѣніе, что формы имепительнаго па-

дежа въ родѣ Варламе послужили въ русскомъ языкѣ къ образованію формъ именительного падежа — *ти*(=те), *взяле*, *дале* и др. (стр. 48)? Миѣніе это слишкомъ смѣло; едав ли не вѣрѣть въ формѣ *взяле*, *дале* видѣть сочетаніе *взяль+е*, *далъ+е*, очевидные примѣры чего можно еще найти въ современныхъ болгарскихъ говорахъ: „наточиле Марко Кралевичъ, наточилъ е та златна здравица“ (Тренскій округъ, село Бабица), „излезналъ е лонка па дворове, исконалъ е вечеръ предъ вечера“ (Джумайскій округъ, село Цанчево), „закушилъ е жълти евреши-типа, закупилъ е чиста света гора“ (Радомірскій округъ, село Верба), „испратиле(-ъ-лъ-|-о) околни комшіи, уловиле Сынко Дуковита, уловиле пегово-то любе, запалиле то пегово любе“ (Тренскій округъ, село Бабица), — и тутъ же на ряду: „ни е любилъ Сынко Дуковитъ“ (*ibid.*), и т. п. По аналогии можно предположить формы Варламье, Григорье. Въ виду этого, мы находимъ невозможнымъ согласиться съ мнѣніемъ г. Соболевскаго, что въ формахъ — Григоріе и Варламе слѣдуетъ видѣть древнѣйшія формы звательного падежа, съ давнаго времени получившія звученіе именительного падежа“ (стр. 49).

Говоря о сохраненіи формы родит. падежа единств. числа на ѿѣ склоненіи личныхъ мѣстоименій (какъ напримѣръ: отъ себѣ, отъ тебѣ (Слова Григорія Богослова), себѣ самого (Папдекты Аптіоха), въ себѣ мѣсто (Успенскій торжественникъ XII вѣка), до тебѣ (Евангеліе 1361 г.), г. Соболевскій замѣчаѣтъ, что „въ малорусскихъ говорахъ эти формы, хотя и рѣдко, встрѣчаются“, и приводить слѣдующій примѣръ: „сами собі не пожните, не мене молодого, не коня вороного“ (Гродненской губ. Пружанскій уѣздъ). По нашему мнѣнію, въ этомъ примѣрѣ мы имѣемъ форму не родительского падежа, а дательного, форму, общную въ малорусскомъ говорѣ уломанутой мѣстности, то-есть, смыслъ этого выраженія будетъ слѣдующій: „вы сами для себя не сожните ни меня молодца, ни коня вороного“; присутствіе *о* (собі) невозможно въ формѣ родительного падежа, но вполнѣ умѣстно въ формѣ дательного падежа.

Въ подкрѣпленіе мнѣнія г. Соболевскаго (высказаннаго, впрочемъ, условно), что въ русскомъ языкѣ рядомъ съ формою родительного падежа единств. числа па ѿѣ есть формы па *я* (какъ: *еї*, *мої*—стр. 38), мы можемъ указать па рефлексивную форму въ малорусскомъ нарѣчіи, какъ: *мої*, *твої*, *свої*, отъ *мої* сестры (Гродненской губ. Брестскаго уѣзда), которая слѣдуетъ приравнивать къ *мої*, *твої*, *свої*. Для того же явленія въ именительномъ и винитель-

помъ надежахъ множества. числа — мои, добрыи въ той же мѣстности малорусского нарѣчія удержаны формы—мої, твої, свой.

Говори о формѣ дательного и творительного надежей множественного числа на *ми* (дубовыми, гремучими, тѣмъ (=тѣмъ) и т. п., авторъ совершенно вѣрно сопоставляетъ ее съ сербскою формою на *ме*: тиме, оциме, мпозијеме для дательного надежа въ XV—XVI вв., вашиме, злиме для творительного надежа въ XVI—XVII вв.¹⁾). Для большей ясности дѣла, слѣдуетъ указать на остатокъ этой преемственности связи: въ русскомъ нарѣчіи „намедни“ скрывается сербская форма „онаме дни“. Было бы желательно найти въ монографіи г. Соболевскаго объясненіе этой формы—есть ли она первичная, или вторична? За объясненіемъ не нужно было далеко ходить: результаты, добытые академикомъ Йгичемъ въ монографіи „Podmladjena vocalizacija u hrvatskomъ језику“²⁾ относительно сербско-хорватскаго языка съ большимъ успѣхомъ могутъ быть примѣнены и къ данному сейчасъ русскому примѣру, то-есть, форму эту слѣдуетъ считать по-вѣйшо.

Говори обѣ окончаніи *ми*, авторъ замѣчаетъ, что оно извѣстно въ нѣкоторыхъ сѣверно-великорусскихъ говорахъ, напримѣръ, въ онежскомъ: дѣвушками, малодушками, городами. Мы же, съ своей стороны, прибавимъ, что оно извѣстно и малорусскому нарѣчію: въ Брестскомъ уѣзда Гродненской губерніи говорятъ: „въ дівчатахъ, въ молодухахъ, въ людьми, съ хоромами, съ широгами, съ панами, съ собаками, съ курицами“ и т. п.; въ малорусскомъ нарѣчіи это окончаніе употребляется и для прислагательныхъ: „съ хорошинами, въ бридкими, въ злыми, съ червопымы“. Г. Соболевскій совершенно вѣрою замѣчаетъ, что между этими двумя окончаніями *ми* (=me) и *мы* нѣть ничего общаго. Признаю вышеприведенное объясненіе формы *ме*, мы соглашаемся съ г. Соболевскимъ, что окончаніе *мы* явилось изъ формы на *ми*, подъ влияніемъ формъ творительного надежа множества на *ми* (сизы, сели и т. п.)

Въ заключеніе повторимъ, что трудъ г. Соболевскаго весьма пріятное явленіе въ русской лингвистической литературѣ, и что постыдна пріобрѣтаетъ въ лицѣ автора весьма полезнаго дѣтеля.

¹⁾ Даничић, Историја обалка.

²⁾ Rad jugoslav. Akademije, кн. IX.

Нилъ Сорскій и Вассіанъ Патрикіевъ; ихъ литературные труды и идеи въ древней Руси. Историко-литературный очеркъ А. С. Архангельского.—Часть I-я Преп. Нилъ Сорскій.—Изданіе Общества любителей древней письменности. С.-Пб. 1892.

Книга эта составляетъ диссертацию на степень магистра русской словесности, полученнюю г. Архангельскимъ, въ маѣ пынѣшнаго года, въ Казанскомъ університетѣ. Авторъ задался мыслию прослѣдить возникновеніе и развитіе отрицательного направлѣнія, выражавшагося въ русской духовной литературѣ въ XV и XVI вв., преимущественно въ писаніяхъ двухъ монаховъ—Нила Сорскаго и князя Вассіана Патрикіева. Первая часть труда г. Архангельского посвящена Нилу Сорскому, вторая часть будетъ обнимать собою дѣятельность Вассіана Патрикіева.

Личность и значеніе Нила вполнѣ выяснены столь почтенными учеными, какъ А. С. Павловъ, И. И. Костомаровъ, профес. Филаретъ Черпиговскій и недавно скончавшійся, въ великой скорби русской исторической науки, Московскій митрополитъ Макарій. Вследствіе того отъ новаго труда о Нилѣ Сорскомъ мы въправѣ ожидать обобщенія всего высказанныаго названными учеными. Къ сожалѣнію, мы не находимъ этого въ книгѣ г. Архангельского. Г. Архангельский задался въ priori мыслию, что Нилъ Сорскій игралъ первенствующую роль, роль инициатора въ русской умствено-религіозномъ движениѣ XV—XVI вв., и на эту мысль, не вытекающую изъ реальныхъ явлѣній того времени, онъ панически всѣ факты изъ жизни и писаній Нила. Онъ желаетъ видѣть въ воззрѣніяхъ Нила Сорскаго корень, основу воззрѣній не только Вассіана Патрикіева, но и другихъ русскихъ мыслителей XVI в., каковы князь А. М. Курбскій, Матвій Башкинъ, игуменъ Артемій, Феодосій Косой. Вследствіе такого приема изслѣдованія, который не можетъ быть признанъ приемомъ строгого научнаго, личность Нила и время, въ которое онъ жилъ, понаты авторомъ не совсѣмъ правильно. Личность Нила Сорскаго является въ изслѣдованіи г. Архангельского въ произвольномъ освѣщеніи, а послѣдняя глава книги—характеристика XV—XVI вв.—представляется какимъ-то случайнымъ прибавкомъ къ диссертации, никакъ не выспла существенныхъ явлѣній разсмотриваемаго времени и отношений къ пынѣ Нила. При недостаточности научнаго обобщенія явлѣній, книга г. Архангельского изобилуетъ однако интересными деталями, въ числѣ которыхъ первое място по справедливости должно быть отведено разсмотрѣнію литературныхъ источниковъ идей Нила.

Сорского, вопросу впервые затронутому г. Архангельскимъ. Не лишены интереса извлечения изъ рукописей и напечатанных впервые свѣдѣнія о Нилѣ Сорскомъ, который находится въ концѣ книги въ особомъ приложении.

Отрицательное направление въ русской духовной литературѣ XV—XVI вв., къ которому принадлежали Нилъ Сорскій и Вассіанъ Патрікіевъ, выросло среди борьбы съ официальными представителями московской церковной іерархіи и понимало задачи православія и монашества совершенно иначе, чѣмъ понимали ихъ современное имъ московское общество и официальные представители церкви. Отрицательное направление, возставъ противъ вѣѣніе-догматического и формального пониманія православія, стремилось къ усвоенію и пропагандѣ духовныхъ, нравственныхъ основъ христіанскаго ученія любви и милосердія; въ монашествѣ видѣло опо прежде всего нестяжателей-подвижниковъ, отрекшихся отъ міра и всѣхъ его благъ. Два вопроса, весьма существенные въ церковно-общественной жизни Московскаго государства XV—XVI вв., были выдвинуты сильнымъ религіозно-соціальнымъ движеніемъ того времени, извѣстнымъ подъ именемъ жицковской ереси: 1) вопросъ о правѣ монастырей владѣть вотчинами и 2) вопросъ о вѣротерпимости и о милосердіи къ еретикамъ. При разрѣшении этихъ вопросовъ и столкнулись два враждебныхъ направления—официальное и отрицательное. Воззрѣнія по этимъ вопросамъ у Нила и Вассіана были одинаковы; но если мы ближе вникнемъ въ особенности, какъ характера и жизни того и другаго, такъ и ихъ писаній, въ которыхъ отразились ихъ нравственные облики и ихъ жизнь,—то увидимъ весьма ясно, что воззрѣнія Нила и Вассіана слагались при совершенно различныхъ условіяхъ, и что непосредственной связи между ними нѣтъ никакой. Взаимныхъ отношеній писаній Нила Сорского и Вассіана мало изслѣдований, вслѣдствіе чего установленилось какъ бы обычаемъ считать послѣдніго ученикомъ первого, то-есть, усвоившимъ созерцательно-аскетическое ученіе Сорского подвижника. Болѣе тщательный анализъ писаній Нила и Вассіана приводить однако къ иному выводу: Нилъ и Вассіанъ, будучи патрурами совершенно противоположными, исходили въ своихъ воззрѣніяхъ изъ различныхъ точекъ вѣрѣнія.

Нилъ Сорскій былъ аскетъ-подвижникъ, человѣкъ не отъ міра сего. Его созерцательному, поэтически-мистическому настроенію были чужды интересы дни, жгучіе вопросы времени. „Простецъ“ по прохожденію и образованію, „книгописецъ“ по профессіи до своего по-

стриженія въ монашество, Ниль не былъ подготовленъ жизню къ разрѣшенію серьезныхъ общественныхъ вопросовъ. Онъ вчитывался, вдумывался въ писанія св. отцевъ и подвижниковъ, и въ этихъ писаніяхъ стремился найти путеводную звѣзду для избѣжанія суеты міра сего и для исправленія пошатнувшихъ монашескихъ правовъ. Все, чтѣ онъ высказывалъ въ своихъ собственныхъ писаніяхъ, не было оригинально: все почерпалось имъ изъ писаній св. отцевъ и аѳонскихъ скитниковъ. Его житейскимъ идеаломъ было истинно-монашеское подвижничество, и онъ является первымъ насадителемъ скитскаго типа монашества въ сѣверо-восточной Руси. Ниль училъ собственнымъ примѣромъ своихъ учениковъ и окрестныхъ монаховъ; но кругъ его вліянія, его извѣстности былъ весьма ограниченъ. Его авторитетъ при жизни и его писанія послѣ смерти распространялись въ монашеской средѣ, въ которой онъ заслуженно пользовался большими уваженіемъ и извѣстенъ какъ образецъ илока подъ именемъ „великаго старца“.

Совершенно иною личностью является князь-иancockъ Вассіанъ Шатрикѣвъ, по проявленію Косой. Монашество принялъ онъ не по внутреннему влечению, а по неволѣ. Для него монахъ не былъ идеальнымъ единствореніемъ „коиппа Христова“, и подъ клобукомъ и мантіей онъ продолжалъ оставаться княземъ и бояриномъ. Натура Вассіана искаже была склонна къ созерцательному аскетизму. То же была поэтически-мистическая натура подвижника, а энергическая натура общественнаго дѣятеля. Привыкли властствовать до постриженія, князь Шатрикѣвъ отличался рѣзкостью суждений и строптивостью права; умъ его, топкій и анализирующей, былъ склоненъ къ насыщенному, сатирѣ, ироніи. Такой складъ ума Вассіана выразился вполнѣ въ тѣхъ немногихъ его писаніяхъ, которыя дошли до насъ. Воззрѣнія, выраженные въ нихъ, сложились у Вассіана до его насильтственного постриженія въ монашество; это насилие надъ Вассіаномъ прибавило лишь нѣсколько новыхъ чертъ въ его отрицательномъ взгляде на современные ему монастыри и усилило рѣзкую форму его выраженій. Все, чтѣ говорить онъ, самостоятельно и ново. Такъ протестовать противъ монастырского крѣпостного права, противъ „любостяжательности“ монаховъ, противъ „новоявленныхъ“ чудотворцевъ и молить о милосердіи къ еретикамъ, какъ протестуетъ и молить Вассіанъ, могъ только энергической бояринъ, а не уходившій въ себя аскетъ-подвижникъ.

Вассіанъ происходилъ отъ князей Гедиминовичей литовскихъ и

состоялъ въ родствѣ съ Московскимъ великимъ княземъ Иоанномъ III и главнѣйшими его боярами; съ другой стороны, родствомъ и дружбой былъ онъ связанъ съ дьякомъ великаго князя Курицынымъ, привинчившимъ ученіе жидовской ереси. Князь Патрикѣевъ былъ для своего времени хорошо образованъ (между прочимъ, онъ былъ знакомъ съ классическими писателями древней Греціи — Гомеромъ, Платономъ, Аристотелемъ) и по своему общественному положенію имѣлъ возможность наблюдать важныя явленія современной ему политической и общественной жизни Московскаго государства и сосѣднихъ земель. Онъ участвовалъ въ войнахъ Иоанна III, въ его походахъ и въ дипломатическихъ переговорахъ, и присматривался къ „земскимъ“ порядкамъ въ Новгородѣ, въ Швеціи и въ Литвѣ, сопоставлялъ ихъ съ тѣми, которые слагались въ Москвѣ у его двоюроднаго дяди, великаго князя Иоанна III, въ особенности со временемъ женитьбы послѣд资料 на Софії Палеологъ. Будучи по происхожденію человѣкомъ родословнымъ, князь Патрикѣевъ склонился своимъ симпатіямъ къ аристократическимъ учрежденіямъ названныхъ выше русскихъ земель и Швеціи. Извѣстно участіе его въ дѣлахъ о престоловаслѣдіи московскомъ. Онъ вмѣстѣ съ своимъ отцемъ и своими свойственниками-боярами явился открытымъ противникомъ Софії Палеологъ и ея сына Василія и сторонникомъ Димитрія, внука Иоанна III. Боярская партія поплатилась за свои симпатіи казнями, ссылками и пасильнымъ постриженіемъ въ монашество. Послѣднія кары постигли князя Василія Ивановича Патрикѣева: онъ былъ удаленъ въ одну изъ Бѣлозерскихъ пустыній. Здѣсь онъ познакомился съ Сорскимъ подвижникомъ Ниломъ и обратился къ нему за наставлениемъ въ нежданной-негаданной для него ипюческой жизни. По отношенію къ Ниломъ были у Вассіана непродолжительны. Ссылка Патрикѣева произошла въ 1499 году, а черезъ четыре года, въ 1503 году (въ годъ смерти Софії Палеологъ), Иоаннъ III снова вызываетъ его къ себѣ въ Москву. Въ какихъ либуть четыре года Вассіанъ не могъ до такой степени проникнуться возврѣніями Нила Сорского, чтобы стать его „ученикомъ“, то-есть, заимствовать его основные идеи и развить ихъ далѣе. На дѣятельную natуру Вассіана не могъ имѣть такого всецѣлаго вліянія аскетъ-подвижникъ. Ужъ если возможно искать вліяній, то скорѣе на оборотъ: Нилъ Сорский могъ быть подвигнутъ къ публичному заявленію своихъ возврѣній па „пестижательность“ монаховъ энергическимъ Вассіаномъ Патрикѣевымъ. Въ годъ возвращенія Вассіана въ Москву былъ собранъ именно тотъ соборъ для разсужденія о вдовыхъ попахъ, за-

которомъ Нилъ Сорскій „нача глаголати“ противъ монастырскихъ вотчинъ. Съ 1503 года для Патрикѣева возвиновляется подъ монашескою рясой прежпяя привычка ему жизнь царедворца-боярина, думца великаго князя. Его недавній политическій врагъ, великий князь Василій Ioannовичъ, по вожняженіи своемъ, не можетъ обойдтись безъ Вассіана. Патрикѣевъ живетъ близъ великокняжескаго дворца, ежеминутно призываются величимъ княземъ и совѣщалія и пріобрѣтаетъ рѣшающе вліяніе на дѣла, однимъ словомъ, становится временніцкимъ. Но онъ гордо и самостоятельно ведетъ себя, не унижался предъ великимъ княземъ, а напротивъ рѣзко изобличая его въ неправыхъ дѣяніяхъ. Такъ, онъ открыто вожсталъ противъ второго брака Василія Ioannовича. Въ 1531 году онъ былъ сосланъ, на этотъ разъ въ Волоколамскій монастырь, гдѣ вскорѣ и умеръ.

Таково—по нашему мнѣнію—было различіе въ личныхъ характерахъ Нила Сорского и Вассіана. Патрикѣева, различіе, породившее мотивы для отрицательного отношенія къ офиціальному религіозному пониманію со стороны того и другаго.

Желаемъ отъ души, чтобы г. Архангельскій тщательнѣе обработалъ свое изслѣдованіе о Вассіанѣ Патрикѣевѣ. Если онъ покинетъ свой апріорный способъ изслѣдованія, то долженъ будетъ отказаться отъ общеприятаго мнѣнія, что Вассіанъ былъ ученикомъ Нила Сорского, и мнѣнія, которое онъ въ настоящее время считаетъ вполнѣ доказаннымъ.

Д. Н.

Новые журналы по народной словесности и лироологии.

Вопросы метода.—*Ciaraula* и молитва апостола Павла отъ змія.—Иродіада и трясавицы.—Португальский журнアルъ.

Гг. Шитрѣ и Саломоне-Марино предприняли изданіе *Archivio per lo studio delle tradizioni popolari*, назначеннаго служить органомъ демосихологіи. Имена издателей говорятъ сами за себя; остается пожелать, чтобы ихъ предпріятіе, въ пользу котораго нельзя сомнѣваться, было долговѣчнѣе, чѣмъ подобная же, начатая Гайдозомъ и Роллапомъ (*Mélusine*) и Сабатини (*Rivista di letteratura popolare*).

Цѣль подобнаго журнала, какъ она памъ представляется, не въ томъ, чтобы служить складочнымъ мѣстомъ для всякаго рода сказокъ, часть сссхи, отд. 2.

14

повѣрій, обрядовъ, и т. п., и даже не въ томъ, чтобы быть репертуаромъ работъ и фактическихъ наблюденій въ этой далеко еще не извѣданной области. Важно, чтобы было гдѣ помѣняться мыслями, сговориться относительно вопроса: какъ быть, чтѣль дѣлать съ тѣмъ, что уже собрано, записано, и покуда, объяснено неудовлетворительно и разнорѣчivo. Новый журналъ долженъ послужить вопросу демосихологического метода.

„Въ наукѣ одинаково опасно: чрезмѣрное накопленіе матеріала, затрудняющее его обозрѣніе и классификацію, и увлеченіе мелочными различіями, слишкомъ мелкими, чтобы быть практическими“. Въ такой именно стадіи развитія находится теперь демосихология, по мнѣнию Макса Мюллера, въ его письмѣ къ Нитрѣ, открывающимъ собою первую книжку нового журнала. Письмо это высказываетъ нѣсколько идей относительно записыванія и выбора сказокъ, идей, далеко не новыхъ и не вызывающихъ особыхъ замѣчаній. Парадоксально по своей общности можетъ показаться выписанная выше фраза. Обремененіе матеріаломъ дѣйствительно существуетъ, но не столько отъ чрезмѣрного его накопленія, сколько отъ отсутстія классифікаціи собраннаго и обслѣдованнаго раньше. Мюллеръ указываетъ на извѣстнія сказочныя схемы Гана, хотя самъ признаетъ ихъ недостаточными; необходима классифікація болѣе точная и подробная, но она только и возможна при анализѣ мелочей, при раскрытии тоикихъ отличій. Предположимъ, что такая классифікація дана,—тогда накопленіе матеріала не возбудить излишнихъ опасеній: новые данные либо примкнуть къ схемамъ, уже полученнымъ, либо видоизмѣнить ихъ и выдѣлять новые. Необходимо представляется на первый разъ попытка систематической работы, о которой лѣтъ десять тому назадъ трудно было бы и говорить; не свода сп gros, въ родѣ Гановскаго, не простаго соопоставленія разноязычныхъ сказокъ по ихъ главнымъ сюжетамъ, а именно аналитической работы, которая разобрала бы сказку (ее-то преимущественно и имѣть въ виду Максъ Мюллерь) на ея составные элементы, изучила бы повторяемость эпизодовъ, общихъ мѣстъ, стилистическую, виѣшнюю или внутреннюю законность ихъ сцѣпленія въ каждой сказочной особи и т. п. Подобную работу я считаю полезною и для народной лирической пѣсни. Дѣло въ томъ, что наблюденіе надъ составомъ цѣлыхъ сказокъ и искенъ неѣдко ведетъ къ заключенію, что тѣ и другія—продукты разновременного склада: въ пѣснѣ сцѣплеіе образовъ представляется иногда вѣшнимъ, случайнымъ, въ сказкѣ ожидаемое нами развитіе данного положенія обрывается, и непосред-

ственno слѣдующій эпизодъ пристраивается къ предыдущему по какой-нибудь несущественной аналогіи. Очень можетъ быть, что это недоразвитое, виѣшнее, случайное кажется такимъ нашей, не народно-поэтической логикѣ, а изучить послѣднюю можно лишь въ морфологіи сказки и пѣсни, то-есть, аналитическимъ разборомъ ихъ формальной стороны. Лишь когда это будетъ сдѣлано, явится возможность сознательно поставить себѣ тѣ общіе вопросы, которые повторяются всѣми, какъ имѣющіе получить разрѣшеніе въ будущемъ, хотя пути къ этому рѣшенію никто не указалъ. Повторяетъ ихъ и Максъ Мюллерь: „Существенныхъ вопросовъ, которые можетъ освѣтить научное наблюденіе вадъ сказками, немногого. Намъ надо знать: 1) Существуютъ ли эти сказки повсюду (?), являясь естественнымъ продуктомъ человѣческаго ума въ его развитіи отъ состоянія дикости къ культурѣ? 2) Можемъ ли мы возсоздать ихъ исторіи отъ нашихъ дней до древности и прослѣдить ихъ переселеніе съ востока на западъ? 3) Можемъ ли мы объяснить ихъ происхожденіе и *raison d'être*, тѣ связи съ миѳопеической развитіемъ языка и человѣческой мысли? Другими словами: 1) Зараждаются ли сказочные схемы самостоительно, и ихъ сходство слѣдуетъ объяснить тожествомъ психического акта, въ нихъ выразившагося? 2) Допустить ли въ объясненіе сходства гипотезу переселенія сказокъ изъ одной области въ другую, или 3) искать этого объясненія въ сохранности древнѣйшихъ типовъ миѳического мышленія?

Несомнѣнна для меня связь первого пункта съ третьимъ и необходимость восхожденія „отъ нашихъ дней къ древности“. Сказки, записанныя въ наши дни, представляютъ гораздо болѣе прочный и достовѣрный матеріалъ для характеристики миѳопеической дѣятельности мысли, чѣмъ однородные или предполагающіеся таковыми памятники древности, какъ фонетическая показанія живаго нарѣчія важнѣе теоретическихъ соображеній о фонетическихъ процессахъ отжившаго языка. Отъ первыхъ вѣриѣ заключить въ вторымъ, чѣмъ на оборотъ; миѳопеический процессъ не прекратился, повтореніе, усвоеніе сказки предполагаетъ его точно также, какъ и ея создание. Анализическое изученіе современной сказки, на которомъ я настаивалъ выше, дастъ намъ рядъ обобщеній, которыхъ можно будетъ имѣніть древнѣйшей стадіи миѳопеического развитія. Значеніе странствующихъ сказокъ, какъ вообще вопросъ перенесенія, поставится самъ собою какъ относительно виѣшнай и не существенный, потому что чужое усваивается лишь въ формахъ туземной мысли. Собственно, странствую-

цілі повѣсти, сказки, пѣсни — объектъ не для мифолога, а для историка литературы, исследующаго международныя течениія образованности и пути вліяній. Эти вліянія могли рѣзче опредѣлить извѣстные вкусы, дать болѣе яркую форму тому, что уже существовало въ поэтическомъ сознаніи народа, какъ невыраженное или только потенциальное. Народный эпосъ заполненъ пришлыми сюжетами, оставаясь тѣмъ не менѣе народнымъ и по психическимъ посылкамъ, усвоенія, и по вѣковой работе, неустанно претворяющей это усвоенное.

Для того, чтобы поднять вопросъ о перенесеніи повѣствовательныхъ сюжетовъ, необходимо, поэтому, занестись достаточными критеріями. Необходимо принять въ разчетъ фактическую возможность вліянія, и его вишишіе слѣды въ собственныхъ именахъ, въ остаткахъ чуждаго быта, въ совокупности подобныхъ признаковъ, потому что каждый въ отдѣльности можетъ быть обманчивъ. Труднѣе установить такой критерій для поэзии народного обряда. Я имѣю въ виду главнымъ образомъ обрядность, привязавшуюся къ извѣстному времени года, къ поворотамъ солнца, къ началу и концу полевыхъ работъ; однимъ словомъ, къ народно-поэтическимъ обобщеніямъ природныхъ наблюдений и примѣтъ. Въправѣ ли мы ожидать изъ обрядности, сложившейся на мѣстѣ, выросшей, такъ сказать, изъ условій своей мѣстности и своего климата, соотвѣтствія между ея символизмомъ и дѣйствительностью, его вызвавшемъ? И что мы заключимъ изъ несоответствій символа и идущихъ съ нимъ обѣ руки климатическихъ и аграрныхъ условій? Я, разумѣется, не забываю обобщающую силу обряда, характеризующаго огуломъ, собирающаго въ празднованіи генварьскихъ колядъ надежды будущаго урожая въ пѣсняхъ, въ актѣ обсѣванія и т. п. Я ограничиваюсь постановкой вопроса, вызванной небольшою замѣткою Хоакина Кости „О вліяніи лѣсовъ на народныя примѣты“ (*Influencia del arbolado en la sabiduría popular*). Крестьянинъ естественно извлекаетъ свою метеорологическую мудрость изъ мѣстныхъ наблюдений, тамъ и здѣсь пріурочивая начало зимы и весны, появленіе морозовъ и дождя, къ тому или другому двю народныхъ святцевъ, ваконецъ къ условіямъ чисто топографическимъ. Примѣты, подобныя слѣдующимъ, всякий изъ насъ слышалъ въ деревнѣ: когда Граталь (гора) въ шапкѣ (изъ облачковъ), воды (дожди) будетъ по ротъ; когда Монкало (гора) приближается (то-есть, ее несѣе видно, вслѣдствіе прозрачности воздуха), дождь удалается; когда пасмурно на Горгочѣ (гора) и просвѣтъ (чен-тана: окно) на Монсонѣ (городъ), въ Арагонѣ дождь, и т. п. Эти наблюденія слѣдованы давно, стали народнымъ знаніемъ и вѣрованіемъ. Съ

тѣхъ порь цивилизація взяла свое, лѣсовъ поубавилось, горы оголились вмѣстѣ съ тѣмъ измѣнились и метеорологическія условія. Испанскій крестьяпинъ помнить старыя примѣты и не знаеть какъ быть. Все стало не по старому: сѣйчай южный вѣтеръ не приноситъ болѣе дождя, сѣверный не собираетъ облака, а разноситъ ихъ; дождь такой-то примѣты смѣшился градомъ; въ былое время, когда облака пололи по горамъ или вѣнчали ихъ, можно было ожидать скораго дождя; зарница, появлявшаяся въ извѣстномъ направлении, предвещала черезъ три дня большое нечастье и т. д. Примѣта осталась позади климата; интересно было бы перепести эту точку зренія на изученіе обрядового календаря вообще; она могла бы выяснить чѣ-которые вопросы хронологіи — и возможность переписей готоваго обряда изъ одной климатической среды въ другую.

Изъ статей, помѣщенныхъ въ первомъ выпускѣ Архива, обратимъ вниманіе на очеркъ Питрѣ, послѣднѣй сициліанскому *cicaglù* или *cigagli*. Название это дается человѣку, рожденному въ почѣ на 29-е іюня или 25-е января, дни, посвященные памяти апостола Павла. Дѣянія апостольскія (gl. XXVIII) разъясняютъ, что когда, заброшенный на островъ Мальту апостолъ клалъ сучья въ огонь, изъ нихъ выпала ехидна и укусила его въ палецъ, не причинивъ ему никакого вреда. Изъ этого рассказа развилось вѣрованіе, распространенное въ Сициліи и вѣдь ся, что родившійся въ одну изъ тѣхъ ночей обладаетъ особой силой и счастьемъ, можетъ предугадывать будущее, не бояться укушенія змѣи, которую свободно обвиваетъ вокругъ руки, либо кладетъ за пазуху; наконецъ исцѣляетъ укушенныхъ, помазавъ рану своей слюною либо прикоснувшись къ ней языкомъ или рукою, причемъ произносить заклинанія, несообщаемыя никому другому; часто одновременно или близость *cicaglù* действуетъ спасительно. Въ XV вѣкѣ ихъ звали *cigagli*; говорили, что даръ исцѣленія, въ началь личный, явился потомъ наслѣдственнымъ въ цѣлыхъ семьяхъ и родахъ, передаваясь отъ одного члена къ другому, къ мужчинамъ и женщинамъ безразлично; оттуда фамилія *Cerulli*, первѣко встрѣчающаяся въ Сициліи; *Pitrè* сближаетъ изъ XVI вѣка еще и фамилію *Charedi*, члены которой обладали такимъ же даромъ врачеванія. Главнымъ центромъ спцилійскихъ *cicaglù* лвились теперь *Palazzolo Acireale*, въ провинціи Сиракузы; но они извѣстны въ Калабрии, *Terra d'Otranto* и далѣе, спустились къ значенію бродячихъ шарлатановъ-знатокъ. Такими описываетъ ихъ Авольо, въ своихъ *Canti popolari di Noto*:

„Ciarauli, какъ и цыгане, бродятъ по городамъ Сицилії, показывая ребятамъ на площадахъ шкафикъ, такъ набитый образками, что любо посмотретьъ. Вотъ мадонна, проливающая слезы, толкуетъ шарлатанъ; Спаситель, оттолкнувший еретика, смилившагося передъ нимъ; св. Францискъ di Paolo, поднявши палку на шалуна мальчишку. При этихъ словахъ дѣти, собравшися ноглазѣть, притихаютъ, словно боатся, что вотъ-вотъ снимутся съ мѣста эти фигуры, смотрящія на нихъ своими огромными глазами. Тогда ciarauli достаетъ изъ банки змѣю, и прошептавъ на ней какой-то заговоръ, обвиваетъ ее вокругъ руки или шеи. Всѣ изумлены, а онъ пользуется моментомъ, чтобы пустить въ ходъ кружку для доброхотныхъ давлій; это такое же ремесло, какъ и всякое другое. Но главная дѣятельность этихъ общественныхъ паразитовъ не въ городахъ: въ деревнѣ они зарабатываютъ всего болѣе. Осель, на которомъ можно изучать остеологію, нагруженный таинственнымъ шкафомъ; полдюжины ребятъ, невзрачныхъ отъ природы и отъ привычного неряшества; жена въ засаленныхъ ложмостяхъ, съ черными зубами — таковы спутники благочестиваго оборванца, бродящаго отъ мызы богатаго собственника къ лачужкѣ крестьянину. Его глубокаго взгляда, длившихъ волосъ, спускающихся локонами съ висковъ, достаточно, чтобы составить ему репутацію колдуна; его легко узнать издалека. Простодушные крестьяне, наивные какъ дѣти, подаютъ ему мѣрку пшеницы либо овощей, не потому, чтобъ онъ оказалъ имъ какую-либо услугу, а изъ боязни, чтобы, недовольный, онъ не наслалъ града на ихъ поля, муравьевъ на ихъ бобы; они недалеки отъ убѣждѣнія, что, какъ Эоль, онъ можетъ разпуздать вѣтры и вскія бѣды, какъ Нандора. Въ отплату за подаяніе они получаютъ образокъ св. Навла, черный, какъ уголь, съ вытарашеными, страшными глазами, огромнымъ мечемъ при бедрѣ и множествомъ драконовъ и змѣй, вьющихся по бокамъ и у ногъ, — точно апостолъ жилъ въ періодѣ каменоугольной формациі! Крестьяне прикрѣпляютъ этотъ образокъ къ бочекъ, въ которой вино до тѣхъ порь кисло и портилось, либо къ деревьямъ, дающимъ цѣсть въ кон-то вѣки, по недостатку ухода“.

Типъ ciarauli несомнѣнно древній и распространенный¹⁾, напоми-

¹⁾ Сл., напримѣръ татарскихъ «авсунчи», заклинателей змѣй на Кавказѣ, показывающихъ, за чашку ишоницы, идовитыхъ змѣй и предлагающихъ «авсунъ» (талисманъ) противъ ихъ ужаленія (Сборникъ материаловъ для описанія мѣстно-

нающій агиортовъ временія греко-римскаго упадка, если не Псилловъ и жрецовъ Сабазія, какъ полагаетъ Питръ. Древнею, относительно, можетъ показаться и ихъ связь, какъ очарователей змѣй, съ легендой объ апостолѣ Павлѣ; въ миланскихъ статутахъ у *Muratori* (Ant. It. II, 845) я нахожу указание на шарлатановъ „*dantes gratiam sancti Pauli, aut sanctae Apolloniae, aut praedicantes brevia pro febribus*“, то-есть, заговаривающихъ змѣй, зубную боль и трясавицу. Дѣянія апостольскія пріурочиваются чудо съ ехидной къ Мальтѣ; такъ и въ Апостольской исторіи Авдія, которой пользовался Яковъ de Voragine, прибавивъ къ его разказу еще слѣдующее: „Наслѣдники человѣка, оказавшаго на Мальтѣ гостепріимство апостолу Павлу, вполнѣ безопасны отъ укушенія ядовитыми животными. Когда въ этой семье родится ребенокъ, отецъ кладетъ къ нему въ кроватку змѣю, чтобы уѣхать, что опъ въ самомъ дѣлѣ его сынъ“. Стало быть, — такой же родъ *cicaguli*, какіе существуютъ въ Сициліи. Какимъ образомъ разказанное о Мальтѣ пріурочилось къ Сициліи — я объяснить не могу. Замѣчу только, что въ церковно-славянской, очевидно переводной съ греческаго, „молитвѣ святаго апостола Павла отъ змія“ эта локализація уже существуетъ¹⁾. „Изыдохъ ѿть обителища моего въ Сакелію“, говорить апостолъ; слѣдуетъ пересказать чуда съ ехидной и явленіе во снѣ архангела Михаила, указывающаго святыму въ пѣкѣ книгѣ молитву противъ змѣй: „*vasilisska змія рюмъ, змія тетрахалина, змія додекахалина, змія лагодрома, змія и ехидну иже имать въ десной странѣ іадъ*“. Въ редакціи, напечатанной г. Ягичемъ, являются другія опредѣленія и гречизмъ удалены: „*змію врѣдещую и василиска, змію облаковидную, змію ѿгневидную, змію тричелюстную, змію древовысходную, змію слѣпую, змію стрѣльную, змію чрьпую, змію троеглавую, змію звѣра земельного, змію лютую имущую іадъ въ деснѣй челюсти, змію пепельною и мышь лукаваго и скорию вѣдыхновеніе діаволъ*“. Тотъ же текстъ и съ такими же отмѣнами („*змію облаковидную, змію ѿгневидную, змію власяновидную, змію лубовыходную, змію врановидную, змію слѣпую, змію стрѣльную, змію черную, змію триглавую, змію удающую жены,*

стей и племенъ Кавказа, изд. Управления Кавказского учебного округа, вып. II, отд. 2, стр. 48—49). Объ итальянскихъ землекаталяхъ змѣй говоритъ *Fleck, Reise*, I, I, 505.

¹⁾ Тихонравовъ, Пам., II, 353—5; Jagi , Opisi i izvodi, IV, стр. 24 (отдельного оттиска).

ехидну морскую, имущую ядъ въ десной челюсти, еще же и скорпіо, духовеніе дьяволе") напечаталъ съ позднаго списка Тихонравовъ. Накопленіе народныхъ, попытныхъ ирозвищъ напоминаетъ такое же, въ поздникъ пересказахъ заговора отъ трисавицъ по отношенію къ ихъ древнему греческому оригиналу. Тѣмъ интереснѣе сохраненіе въ этихъ текстахъ сицилійскаго пріуроченія: „плывающо ми въ мори къ странамъ сицилійскимъ“; „къ странамъ ликивскимъ“ вм. силикійскимъ, сицилійскимъ.

Петръ объясняетъ сиц. ciaraulu, сегаулу изъ греч. κεραύλη=трубачъ. Очевѣдно, что эту этимологію онъ опирается на доводахъ реальнаго характера; съ своей стороны, укажу на статью русскаго Азбуковника, заимствованную изъ какого-нибудь физіолога, объ „обоянцахъ“=ciaraulu, чарующихъ, „обавающихъ“ выѣтъ трубами звукомъ.

„Аспидъ есть змій крилатая, носъ имѣть штичій и два хобота; а въ коей землѣ вчинится, ту землю пусту чинить; живеть въ горахъ каменихъ, не любить же трубного гласа; видомъ пестра всиними цѣвты; а на земли не садится, токмо на камени. Обоянцы, пришедши обояти, копаютъ яму, садится въ яму съ трубами и покрываютъ дномъ желѣзнымъ и замазываютъ сунгелитомъ, и ставить у себя угліе горящіе и разжигаютъ клещи. Еда бо заиграютъ въ трубы, тогда заспищетъ, яко потрястися горѣ, и прилетитъ къ ямѣ и ухо свое положить на землю, и другое заменить хоботомъ, и пашедъ диру малу, начинаеть битися. Человѣцы же, ухвативши ее клещами горящими, держать крѣпцѣ. Отъ яости же ея сокрушатся клещи не едины, но двои и трои, и такъ сожжена клещами умираеть“¹⁾. Замѣтимъ въ этомъ разказѣ слѣды физіолога: „Aspis—quilibet verbi Dei surdus auditor, ut in psalmo (Ps. LVII, 5): „Sicut aspidis surdae et obturantis aures suas; unam quippe autem terrae applicat, alteram oppilat cauda, ut posterioribus terrenis intentus, nec ad anteriores se extendat, nec coelestibus appetendis assurgat“. Aspis—diabolus: Super foramina aspidis (Is. XI, 8)²⁾.

Я считаю возможнou для ciaraulu другую этимологію, по аналогіи съ сиц. ciartnu=carmen (если первое—не съ французскаго): отъ χοραύλης, среднелатин. choraules, choraula, caraula, которое сохранилось

¹⁾ Буслаевъ, Истор. Оч., I, стр. 275—6.

²⁾ См. Григорія Великаго и Мелитона у Pitra, Spicilegium Solesmense, III, p. 92—93.

и въ личномъ значеніи: *princeps chori ludorum, joculator, почему—не incantator, ciagauia?*—и въ значеніи пляски (старо-франц. *carole*, пров. *carola*), напримѣръ, обрядовой, Ивановской, какъ въ проповѣди св. Олигія: *nullus in festivitate S. Iohannis . . . solstitia aut vallationes* (то-есть, *ballationes*) *aut saltationes aut cantica diabolica exerceat*. Я останавливаюсь на Ивановской плясѣ, тѣмъ болѣе, что каталонская легенда, сообщенная въ Архивѣ изъ *La Orientada Pelay Briz'a* даетъ къ тому поводъ съ другой стороны.

Греческая и западная церковь одинаково возставали противъ пляски, какъ дѣла грѣшнаго, скоморошьяго, внушенаго дьяволомъ, который самъ же нерѣдко является исполнителемъ кары надъ соблазненными. Плясать въ большии праздники было кощунствомъ, за которымъ неминуемо слѣдовало возмѣдіе: въ 9-мъ мѣсяце испытуются: „бое слово, срамословіе, бестудіи словеса и плясаніе еже въ пиру и на свадбахъ и въ павечерницахъ, и на игрищахъ и на улицахъ“¹⁾; двѣвицу, плясавшую „во дни святыи, егда паче слово Божіе проповѣдается“, бѣсы во время сна занесли въ геенну²⁾; трое молодыхъ людей и три дѣвушки плясали на площади въ праздничный день, не обращая вниманія на процессію, проходившую въ то время съ святыми дарами; въ наказаніе за то опѣ продолжали плясать въ теченіе цѣлаго года, не имѣя силъ остановиться³⁾ и т. п. Подобного рода благочестивыхъ разказовъ можно было бы привести пѣсколько. Типомъ грѣшной плясуньи являлась Иродіада; не даромъ цѣной своего искусства она поставила требование—голову Иоанна Предтечи. Авторъ приписываемаго Златоусту слова *тери метаюас* говоритъ о ней въ связи съ осужденiemъ орхестровъ, плясцовъ и свѣтскихъ игрищъ⁴⁾; средневѣковыя миниатюры изображаютъ ее на пиру Ирода танцующею и кувыркающеюся, въ стилѣ скомороха⁵⁾. Ее постигла кара: каталонское преданіе, сообщенное *Pelay-Briz'omъ*, заставляетъ ея и Ирода блуждать безъ устали по почамъ, скрываясь въ нещерахъ съ первымъ пѣремъ пѣтуховъ. Однажды разсвѣть засталъ ее на берегу замерз-

¹⁾ Памятники Росс. словесности XII в., стр. 94.

²⁾ Иам. стар. русск. литературы, I, стр. 209; съ. *Whland, Schriften*, III, стр. 425—426.

³⁾ *Mönche*, № 17, р. 404.

⁴⁾ См. также приписанное Златоусту слово на устьковеніе главы Иоанна Предтечи, у *Migne, Patrol. Graec.*, т. LIX, 485—490.

⁵⁾ *Wright, History of domestic manners* и т. д., р. 167, 168.

нужшаго Sigre, а ей надо было перейти на ту сторону, чтобы укрыться въ находившейся тамъ пещерѣ. Только что она дошла до половины рѣки, какъ ледъ разступилъ и отрѣзаль ей голову, когда она была въ его уровнѣ, заставивъ Иродіаду испытать страданія Ioanna Предтечи. Съ тѣхъ поръ, говорить преданіе, вокругъ шеи Иродіады остался знакъ, точно красная нитка¹⁾.

Идея возмездія выразилась въ этой легендѣ не только усѣкновеніемъ головы, но и блужданіемъ, бѣгомъ, какъ въ цѣломъ рядѣ другихъ преданій²⁾, восходящихъ къ десятому вѣку и говорящихъ о почныхъ скитаніяхъ Иродіады и ея демоническихъ спутниковъ. Согрѣшившая пляской, она носится теперь въ бурой иллскѣй вихри; пляской Иродіады объясняютъ себѣ вихрь саксонскіе крестьяне, тогда какъ въ Бретани и Пикардіи онъ вызываетъ память о Вѣчномъ жіѣ (Jacob le Bibliophile, Curiosit  es de l'histoire des croyances populaires au moyen  ge, 1859, p. 119). Интересна въ этомъ отношеніи легенда, сообщенная въ Reinardus, I, 1139—1164: будто бы дочь Ирода любила св. Ioannна, отказываясь отъ всякаго другаго брака; когда разг҃банный этимъ отецъ велѣлъ усѣчь святаго, и опечаленная девушка хотѣла поцѣловатъ его голову, которую несли па блюдѣ, голова отшатнулась отъ поцѣлуя, и отъ ея дуновенія Иродіада посылась по воздуху. Тамъ она будетъ носиться вѣчно;

mortuus infestat miseram, nec vivus amat,
non tamen hanc penitus fata perisse sinunt,
lenit honor luctum, minuit reverentia poenam:
pars hominum moestae tertia servit herae.
quocubus et eorylis a noctis parte secunda
usque nigri ad galli carmina prima sedet.
nunc ea nomen habet Pharaildis; Herodia ante
saltria, nec subiens nec subiuncta pari.

Гrimmъ приравнивалъ выражение: *pars hominum moestae tertia servit herae* къ словамъ Ратерія противъ вѣровавшихъ, „*tertiam totius mundi partem illi* (то-есть, Иродіадѣ) *traditam*“. Что въ сущности оно означаютъ, мы не знаемъ; несомнѣнно лишь относительная древность преданія (X вѣкъ). Особо стоитъ разказать Рейнарда о несчастной,

¹⁾ Сходное съ этимъ преданіе встрѣтилось мнѣ гдѣ-то въ другомъ месте; къ сожалѣнію, я не запомнилъ источника.

²⁾ О нихъ см. J. Grimm, Deutsche Mythologie, 4. Ausg. p. 234, 7 и III, стр. 282, прим. къ стр. 780.

непризнанной любви Иродиады къ Крестителю; я могу сопоставить его, разумѣется условно, лишь съ русскимъ (въ широкомъ смыслѣ слова) Купальскимъ повѣрьемъ, выразившимся и въ формахъ обряда: о любви Ивана и Маріи, или, какъ я tolкую, Маринки-Маргариты, которые у насъ являются братомъ и сестрою, въ австрійскомъ повѣріи просто несчастными влюбленными, при чмъ тамъ и здѣсь происходитъ превращеніе въ цвѣты. Въ одной деревнѣ жилъ богатый, по скупой крестьянинъ, разказываютъ въ Австріи; у него была дочь, красавица Gretc; а напротивъ жилъ бѣднякъ съ сыномъ Hans'омъ. Молодые люди влюбились другъ въ друга, по скупой старикъ не хотѣлъ и слышать о бракѣ. И вотъ Gretc долго смотрѣла на Ганса изъ своего садика, а тогдѣ па Гресту съ улицы, пока оба не обратились въ цвѣтки: Гретхенъ въ „Gretel in der Staude“ (Nigella), Гансъ въ „Hansel am Wede (Vogelknöterich, Polygonum oviculare). Я сравниваю это преданіе съ слѣдующей малорусской купальской пѣсней:

Иване, Иванечку,
Да не переходъ же да доріженъки,
Якъ перейдешъ, виноватъ будашъ.

Забвениемъ первоначального смысла пѣсни отзываются слѣдующая за тѣмъ угроза дѣвушкѣ: посѣчь Ивана „на дрібель макъ“, „на капусточку“, посѣять его въ трехъ огородахъ,

У трехъ городахъ, да трехъ зіллекохъ:
Про перне зілле—рутка да мъятка,
А друге зілле—да барвіпочокъ,
А тре зілле—да василечки.
Барвіпочокъ да для дівочокъ и т. д. ¹⁾.

Еслибъ оказалось возможнымъ поддержать сближеніе Иродиады — Маринки, то название первой госпожей, nega, подтвердило бы этимологію послѣдняго имени: nega, domina.

Продіада пласунья осуждена на вѣчную пласку-вихорь; каталонское повѣрье, сообщенное Mila y Fontanals ²⁾, сдѣлало изъ одной Иродиады — нѣсколько Продіадъ, дочерей Ирода; судя по присловью, вѣроятно, запѣву утраченной пѣсни, они приуждены вѣчно пласать въ воздухѣ въ наказаніе за смерть Предтечи:

¹⁾ См. мой отчетъ о сборникѣ Чубинскаго въ 23-мъ присужденіи Уваровскихъ премій, стр. 20—24; Разысканія въ областяхъ русск. духовн. стиховъ, II, стр. 77, 100, 101, 149; VI, 64—5; Чубинскій, Народный Дневникъ, стр. 483, № 2.

²⁾ Mila y Fontanals, Observaciones sobre la poesia popular, p. 95, прим. 6.

Las fillas del rey Herode
Ballan, que mes ballaran.

Вѣчно пляшущія, сотрасающіяся въ порывистомъ движениіи, онѣ могли быть отождествлены съ „трясавицами“—лихорадками; въ этомъ сочетаніи дочери Ирода, трясаницы, вошли въ молитву св. Сисинія, въ греческомъ текстѣ которой говорится лишь о различныхъ именахъ одного-же демона, Гилло; въ буслаевскомъ текстѣ заклинанія Невея названа „сестра имъ“ (т. е. трясавицамъ) старѣйшая плясавица, кака осѣкнула главу Иоанну предтече; и та есть всѣхъ проклятие, поимаетъ человѣка, неможеть тотъ человѣкъ живъ быти“.

Подобного рода представлѣнія могли отразиться и въ страстной до изступленія обрядовой пляскѣ въ почѣ на св. Ивана, 24-го іюня. Вспомнимъ описанія игумена Памфила и Стоглава, Синопсиса и повѣсти о дѣвицахъ смоленскихъ: плесканіе и плясаніе, главами киваніе, хребтомъ вихляніе, скаканіе и тонтаніе, послѣ чего плясуны падаютъ „аки мертвы“. Въ эпидеміи Ивановской пляски, обнаружившейся на западѣ въ концѣ XIV вѣка, тѣ же характерныя черты: пляшущіе подпоясываются платками и веревками, чтобы не разсыпаться въ бѣшеномъ порывѣ; съ той-же цѣлію они велѣли бить и топтать себя ногами, когда падали въ изнеможеніи. Интересно при этомъ ихъ показанія: имъ мнилось, „quod in hora hujus chorizationis erant in fluvio sanguinis, et propterea sic in altum saltabant“; въ этой связи, вѣроятно, стоитъ ихъ отвращеніе къ красному цвету (*spernit videre rubra, et personam flentem*). Если это—цѣвѣть крови, пролитой Иоанномъ Предтечей, то изступленій танецъ не представлялъ ли мимиически пляску Иродіады-трясавицы? Съ точки зреянія церковной, всѣмъ этимъ дѣйствіемъ заправлялъ дьяволъ; по вѣдѣ и Продіада дѣйствовала по побужденіямъ вселившагося въ неѣ злого духа. Καὶ εἰςῆλθον ἐγώ εἰς τὴν Ἰροδιάδα γυναῖκα, καὶ λήπησαν μου καὶ συγχληρούμον τῶν ἔργων μου, говорить дьяволъ у Евсевія Эмесскаго: καὶ δι ἐκείνης παρώκουνα βασιλέα καὶ τοῦτον ἐν ἀριστῷ ἀπέτεμον, καὶ τὴν κεφαλὴν αὐτοῦ δέδωκα τῷ κορασίῳ επὶ πινάκι, καὶ ὡς μῆλον προσέπαξεν⁴⁾). Послѣдняя черта интересна по сравненію съ русскимъ сувѣріемъ, что не годится въ день усѣкиненія главы Иоанна Предтечи (29 Авг.) срубить кочанъ капусты или ёсть что либо круглое, картофель, яблоко,

⁴⁾) Eusebii Emeseni Or. I, у Migne Patrol. gr. t. 86, I p. 517. Для Ивановской пляски см. Ulhards, Schriften III p. 399 слѣд. и прим., и указанный выше отчетъ о сборнике Чубинскаю.

потому будто-бы, что враги сп. мученика, отсекши голову, катали ее на блудѣ, какъ картофель, яблоки и т. п. ¹⁾). Подобное суевѣріе примкнуло и къ 25-го мая, къ памяти обрѣтенія главы св. Ioанна Предтечи (сажаютъ капусту); попятно поэтому, что праздникъ его рождѣнія (24-го июня), могъ обставить цѣлой группой воспоминаний, захватывавшихъ въ свою область и крецепіе имъ Спасителя (Ивана Купалы) и его усѣкивеніе (Продіада).

Черты христіанскихъ легендъ проплыли въ древнюю обрядность, сопровождавшую празднованіе лѣтнаго солнцестоянія. Старые-ли боги примкнули къ именамъ христіанскихъ святыхъ или святые исказились до языческаго облика? Въ данномъ случаѣ вѣроютиѣ будетъ рѣшить въ первомъ смыслѣ; по это опять одинъ изъ многихъ вопросовъ методологіи, которые предстоитъ поднять новому журналу.

Въ заключеніе этого обзора укажемъ кстати еще на одинъ по-видимому органъ для изученія народныхъ вѣрованій и словесности, о которомъ мы не успѣли дать отчетъ въ свое время: на *Rivista de etnologia e de glottologia. Estudos e notas por F. Adolpho Coelho* (Lisbonn, 1880 fasc. I—IV). Въ четырехъ выпускахъ, лежащихъ передъ нами, помѣщены рядъ статей, посвященныхъ народному календарю и мифологии (*Materiaes para o estudo das festas, crenças e costumes populares portugueses*), начало работы по истории традиціонныхъ сказокъ (*Estudos para a historia dos contos tradicionaes*), гдѣ разобрана сказка, отразившаяся въ Венециапскомъ купцѣ Шекспира и уже разсмотрѣнная Бенфесемъ. Въ концѣ IV-го выпуска сообщена легенда о Соломонѣ и замѣтка о Вѣчномъ жидѣ въ испанскихъ повѣрьяхъ.

Мы приходимъ въ голову странныхъ сопоставленій: крохотной Португалии, затѣгающей специальпый журналъ по своей этнографіи, мифологии и т. п., и нами, кичающимися сѣжестью нашихъ народныхъ основъ, разнообразнейшими ипородческими элементами — и обходящимися безъ соответствующаго органа, у которого, безъ сомнѣнія, не было-бы недостатка ни въ материалѣ, ни въ дѣлательяхъ.

¹⁾ Коллинскій, Церковно-народный иѣпїцслогъ на Руси, подъ 29-мъ августо; Чубинскій, Народный дневникъ, подъ 29-мъ же днемъ.

А. Веселовский.

НАШИ КОММЕРЧЕСКИЕ УЧЕБНИКИ.

Теоретическое и практическое руководство коммерческой корреспонденции. Удостоенное премии на конкурсъ Варшавскаго коммерческаго училища. Составилъ Никодимъ Краковскій, бухгалтеръ Варшавскаго коммерческаго банка. Сочиненіе, передѣланное специалистами подъ руководствомъ автора съ польского подлинника, примѣняясь къ русской коммерческой практикѣ. С.-Петербургъ. 1882.

Въ Россіи коммерческое образованіе распространено среди торго-ваго люда очень мало. До послѣднихъ лѣтъ обстоятельство это, конечно оправдывалось отчасти отсутствиемъ (не считая столицъ) подходящихъ учебныхъ заведеній. Съ открытиемъ при реальныхъ училищахъ коммерческихъ отдѣленій явилась возможность получать необходимое торговое образованіе, и тѣмъ не менѣе мы видимъ, что ученики упомянутыхъ отдѣленій считаются единицами, такъ что нѣрѣдко за отсутствиемъ таковыхъ приходится не увеличивать, какъ бы оно должно было быть, а закрывать даже имѣющіяся коммерческія отдѣленія. Понятно, что указанное обстоятельство есть одна изъ причинъ, почему почти совсѣмъ не является учебниковъ по специальному предметамъ коммерческихъ отдѣленій. У насъ и вообще—то литература по коммерческимъ наукамъ совсѣмъ не развита: популярные сочиненія по этой части—большая рѣдкость, такъ какъ въ обществѣ не признаютъ имъ значенія вслѣдствіе малаго распространія торговыхъ и промышленныхъ знаній и вообще экономического образования.

Не смотря на сказанное, время отъ времени все-таки появляются попытки написать учебникъ по тому или другому коммерческому предмету. Къ сожалѣнію впрочемъ, попытки эти до сихъ поръ были

не совсѣмъ удачны по ихъ исполненію, хотя по замыслу и вполнѣ цѣлесообразны. Къ числу такихъ попытокъ принадлежитъ и книга, заглавіе которой выписано въ началѣ этой статьи, и которая представляетъ отчасти исключеніе среди подобныхъ произведений.

Торговая корреспонденція имѣть для коммерсантовъ важное значеніе, почему даже и называется иностранцами „душею коммерціи“, такъ какъ только при ея помощи они совершаютъ всѣ свои сдѣлки другъ съ другомъ: она даже имѣть существенное вліяніе на благополучіе и преуспѣяніе дѣль торговаго дома. По ней можно узнать характеръ производимой торговли,—вотъ почему всякому поступившему въ торговую контору прежде всего даютъ познакомиться съ торговою корреспонденціей хозяина.

Путемъ вѣковаго обычая выработался даже известный характеръ торгового письма, общий для всѣхъ народовъ, чтѣ обусловливается разумѣется космополичностью самой торговли. Поэтому за-границею существуютъ прекрасные сборники торговыхъ писемъ, по которымъ съ успѣхомъ можно изучить всѣ роды и виды торговой корреспонденціи, при чёмъ наиболѣе важпою является переписка по всевозможнымъ дѣламъ, какъ болѣе сложнымъ и требующимъ хорошихъ юридическихъ знаній: оттого и необходимо тщательное изученіе самой формы корреспонденціи, такъ какъ перѣдко отъ одного неяснаго выраженія, при сложности и обширности терминологіи могутъ произойти весьма серьезныя послѣдствія для участниковъ сдѣлокъ. У насъ же книга г. Krakowskаго есть первый опытъ въ этомъ родѣ.

Книга распадается на двѣ части—теоритическую и практическую. Въ предисловіи составители, какъ видно специалисты по разнымъ отраслямъ коммерціи, говорить, что имъ пришлось преодолѣвать большія трудности при составленіи русскаго сборника вслѣдствіе слабаго развитія русской промышленно-коммерческой терминологіи. Намъ кажется это невѣроятнымъ. Трудностей этихъ и не могло быть, такъ какъ торговый миръ усвоилъ себѣ термины общіе для всѣхъ народовъ получившіе право гражданства на всѣхъ языкахъ, и замѣнить которые особыми русскими быть никакой надобности и даже было бы неудобно вслѣдствіе ихъ непонятности для иностранцевъ. Вирочень и сами же составители на страницѣ 7-й въ отдѣль недостатковъ коммерческаго слога говорятъ: „Достойно вниманія, что..... слогъ и основанія коммерческой корреспонденціи становятся все болѣе и болѣе общими и одинаковыми для всѣхъ народовъ“.

За симъ, предлагаемъ различныхъ теоритическихъ правила, составители

ничего особенного, специально до коммерческого письма касающагося не сказали, почему всю 1-ю главу руководства можно бы исключить безъ ущерба для пъмей самой книги; къ тому же въ ней встрѣчаются даже противорѣчія, въ чёмъ можно убѣдиться, сравнивъ сказанное о „чистотѣ слога“ со сказаннымъ въ главѣ „о недостаткахъ“ его. Всякое дѣловое письмо, а въ томъ числѣ и коммерческое, должно быть исконно, скжато, кратко и въ то же время полно, разлаголствованія же разныя и прикрасы сюда не идутъ, хотя надо замѣтить, что въ коммерческихъ письмахъ выработанъ своеобразный толь вѣжливости, не рѣдко даже многосложный и цвѣтистый, чтѣ встрѣчаешь даже и у самихъ составителей, напримѣръ, на страницѣ 11-й въ числѣ „вступленій“ § 32: „Давно уже я не имѣлъ пріятности писать вамъ, или читать вашихъ вѣстей“; или на страницѣ 14-й, въ „окончаніяхъ писемъ“, § 10: „Благодарю за ваши добрыя пожеланія и отвѣчая вамъ тѣмъ же пребываю“; или § 12: „Принимите мое глубокое почтение и уваженіе, или прошу принять выраженіе моей благодарности и истиннаго почтенія“. Понятно, что при телеграфномъ сообщеніи всѣ эти почитительныя и иѣжныя выраженія пропускаются.

Обращаясь теперь къ практической части руководства, мы тамъ встрѣчаемъ весьма подробный перечень всѣхъ возможныхъ родовъ и видовъ дѣловыхъ коммерческихъ писемъ, прекрасно знакомящихъ своимъ содержаніемъ съ характеромъ различныхъ торговыхъ операций. Содержаніе практической части руководства, мнѣ кажется, и не могло быть дурно, такъ какъ всѣ образцы писемъ могли быть взяты прямо изъ дѣйствительной торгово-промышленной жизни, чтѣ составителямъ легко было сдѣлать, какъ специалистамъ и служащимъ въ разныxъ торгово-промышленныхъ учрежденіяхъ. Нѣкоторыя изъ писемъ снабжены примѣчаніями, именующими частный характеръ и вытекающими изъ случайныхъ причинъ происхожденія самого письма; безъ сомнѣнія, такія примѣчанія полезны (напримѣръ, на стр. 450). Что же касается до примѣчаний, заключающихъ въ себѣ статьи законовъ или объясненіе этихъ самыхъ законовъ, то это совершиенно лишие, такъ какъ у всякаго ученика и служащаго въ конторѣ непремѣнно имѣются томъ X, ч. 1, и томъ XI, ч. 2, Свода законовъ. Безполезны также и длинные выписки изъ уставовъ разныхъ обществъ и банковъ, такъ какъ гораздо проще имѣть прямо уставъ, который достать вездѣ очень легко, да и законецъ, изъ него получится болѣе полное понятіе о дѣятельности учрежденія. Не къ

мѣсту также и образцы фактуръ, конносаментовъ, желѣзодорожныхъ квитанцій и другихъ документовъ, объясненія — что такое товаръ и его виды. Все это известно ученикамъ изъ коммерческой экономіи и вычислений, слѣдовательно, ранѣе чѣмъ они начнутъ писать письма. Тоже можно сказать и про приложенный къ книжкѣ Словарь въ 15 страницъ, который къ тому же еще и не совсѣмъ точенъ, особенно въ монетахъ; напримѣръ, что это за объясненіе: „Гульденъ или флоринъ — серебр. монета; или шиллингъ показанъ = 29 к., а онъ ровень 31 к., и многое другое. Выѣсто словаря совершенно достаточно было бы коротенькаго списка сокращеній, употребляющихся въ торговыхъ корреспонденціяхъ.

Еслибы исключить изъ книги всѣ перечисленные излишки, она значительно уменьшилась бы въ объемѣ, который теперь очень великъ, а именно въ 476 стр. или 89 листовъ и 2 стр., не считая предисловія и подробнаго оглавленія въ 24 страницы или $1\frac{1}{2}$ листа, а слѣдовательно и въ цѣнѣ, чтѣ особеннно важно для учениковъ и небогатыхъ служащихъ. Настоящая же стоимость книги удержитъ многихъ отъ приобрѣтенія ея, что очень жаль, такъ какъ книга сама по себѣ весьма полезна, особенно для учениковъ, которые рѣшительно не имѣютъ доступа ни въ какія торго-промышленныя учрежденія для нагляднаго, чисто практическаго ознакомленія, какъ съ веденіемъ разныхъ дѣлъ, такъ и съ корреспонденціей.

Разматриваемая книга, какъ сказано въ заглавіи, передѣлана съ польскаго подлинника. Не зная польскаго языка, я ничего не могу сказать, на сколько передѣлка подходитъ къ оригиналу. Да это впрочемъ и не особенно важно, такъ какъ разбираемая книга и сама по себѣ составляетъ чрезвычайно полезное явленіе въ нашей бѣдной коммерческой литературѣ.

Истръ Колумбусъ.

СОВРЕМЕННАЯ ЛЕТОПИСЬ.

ОБЩЕСТВО ЛЮБИТЕЛЕЙ ДРЕВНЕЙ ПИСЬМЕННОСТИ ВЪ 1881 ГОДУ.

Въ ряду нашихъ ученыхъ учреждений, посвящающихъ свою дѣятельность отечественнымъ древностямъ, Обществу любителей древней письменности принадлежитъ самостоятельное и видное мѣсто. Основанное всего пять лѣтъ тому назадъ и поддерживаемое исключительно материальными содѣйствіемъ нѣсколькихъ просвѣщеныхъ частныхъ лицъ, которые дорожатъ памятниками русской старины, Общество это успѣло уже въ непродолжительное время своего существованія внести богатый вкладъ въ область изученія старой русской письменности. Въ настоящее время число его изданій достигаетъ почти сотни, и въ ряду ихъ находятся пѣкоторыя замѣтнѣйшия произведения древнаго русскаго письма, миниатюры и словесности, воспроизведенныя въ точныхъ спискахъ съ подлинниковъ. Учрежденіе преимущественно съ цѣлью обнародованія памятниковъ, Общество мало по малу естественно разширяетъ свою дѣятельность и разностороннимъ изученіемъ произведеній отечественной словесности и искусства: объ этомъ свидѣтельствуетъ рядъ весьма интересныхъ сообщеній, которыхъ были сдѣланы въ послѣднее время въ засѣданіяхъ комитета Общества. Соответственно тому, предлагая обзоръ дѣятельности Общества за послѣдній, пятый годъ его существованія (съ 26-го апреля 1881 года по май текущаго года), мы скажемъ въ нашемъ очеркѣ, въпервыхъ,

часть сссхи, отд. 4.

1

собственно о новѣйшихъ изданіяхъ Общества, и вовторыхъ, о тѣхъ ученыхъ сообщеніяхъ, которыя были сдѣланы въ его средѣ, какъ членами его, такъ и посторонними лицами.

Въ обозрѣваемый періодъ времени Обществомъ изданы въ свѣтъ, отдѣльными выпусками, слѣдующіе памятники ¹⁾:

1) „Житіе Александра Македонскаго“, известная въ нашей старинной литературѣ сказочная повѣсть объ Александрѣ Великомъ, — по лицевой рукописи XVII в., въ сличеніи съ двумя другими (выпускъ 1-й).

2) „Описаніе сего свѣта земель и государствъ великихъ“, русская сокращенная передѣлка Космографіи бельгійскаго ученаго XVI вѣка Герарда Меркатора, — по рукописи 1670 года (3-й и послѣдній выпускъ).

3) „Лѣтовникъ Георгія грѣшнаго мниха“, древній славянскій переводъ византійскаго хрониста Георгія Амартола — по рукописи XV в. (3-й выпускъ).

4) „Шестодневецъ“ — по рукописи XVII вѣка.

5) „Степанитъ и Ихніатъ“, сборникъ басенъ восточнаго происхожденія, весьма распространенный въ средневѣковыхъ литературахъ, въ томъ числѣ и въ русской, — по рукописи XV вѣка въ сличеніи съ другими списками.

6) „Житіе Варлаама Хутынскаго“ — по рукописи XVI вѣка.

7) „Евангеліе отъ Луки“ — по рукописи XI вѣка, составляющій одинъ изъ древнейшихъ и важнѣйшихъ памятниковъ глаголического письма.

8) „Снимки съ заставокъ и миніатюръ Четвероевангелія“ — по рукописи 1508 года, хранящейся въ Императорской Публичной Библиотекѣ и весьма замѣчательной по изяществу заставокъ и изображеніямъ евангелистовъ (2-й выпускъ).

9) „Факсимиле изъ Слѣдованной Псалтыри“ — по рукописи Свято-Троицкой лавры 1430 года, также замѣчательной по изяществу письма и особенно по оригиналному рисунку заглавныхъ буквъ и украшеній (2-й выпускъ).

11) „Собрание миніатюръ изъ славяно-русскихъ лицевыхъ Апок-

¹⁾ Нѣкоторыя изъ поименованныхъ здѣсь изданій уже были указаны, какъ приготовляемыя къ печати, въ обзорѣ дѣятельности Общества любителей древней письменности за 1880 годъ, поэмѣнномъ въ юльской книжкѣ Ж. М. Н. Пр. 1881 года; нѣкоторыя составляютъ продолженіе уже проідѣя начатыхъ изданій.

аписовъ, съ XVI по XVIII вѣкъ, представляющее цѣлую исторію, такъ-сказать „въ лицахъ“, старинной русской миниатюрной живописи (2-й выпускъ).

12) „Записка по дѣлу Дмитрия Тверитинова“, составленная Леонтьемъ Магицкимъ и заключающая въ себѣ подробное изложеніе процесса московскихъ религіозныхъ вольподумцевъ начала XVIII столѣтія.

Почти всѣ эти изданія снабжены болѣе или менѣе пространными предисловіями, объясняющими значеніе издаивыхъ памятниковъ. Такъ, тексту сокращенной Меркаторовой Космографіи предписано объемистое изслѣдованіе, составленное молодымъ любителемъ русской старины Н. В. Чарыковымъ и разъясняющее время происхожденія и составъ этой замѣчательной русской географической компиляціи. Къ факсимиле изъ Троицкой псалтыри 1430 года приложено изслѣдованіе академика Ф. И. Буслаева, въ которомъ указано, что ея заставки и заглавные буквы изъ зеленої листы съ оттушеванными тѣнами составляютъ исключительное явлевіе въ исторіи русскаго орнамента, и вмѣстѣ съ тѣмъ, свидѣтельство о первыхъ попыткахъ къ воспроизведенію натуры, не сгубленому уже пріемами традиціоннаго стиля, который вообще господствуетъ въ украшеніяхъ нашихъ рукописей XV вѣка. Пространною объяснительною статьей, также составленной академикомъ Буслаевымъ, должно быть снабжено и собраніе миниатюръ изъ лицевыхъ Апокалипсисовъ (книгѣ еще не законченное печатаніемъ). Просмотрѣвъ большое число лицевыхъ рукописей толковаго Апокалипсиса, за триста лѣтъ нашей письменности, почтенный ученый пришелъ къ убѣждѣнію, что эти памятники заслуживаютъ особеннаго вниманія для уразумѣнія духа и характера Русскаго народа, который предпочитительно предъ другими книгами Священнаго Писанія и предъ другими произведеніями литературы находилъ для себя потребность снабжать лицевыми изображеніями Апокалипсисъ, дабы этимъ нагляднымъ способомъ уяснить себѣ глубокія тайны и неудобопонятныя видѣнія Откровенія св. Иоанна Богослова. Въ исторіи нашихъ Апокалипсисовъ съ XVI по XVIII вѣкъ г. Буслаевъ отмѣчаетъ два главныхъ теченія: одно — чистое и безпримѣспое, восточное, греко-славяно-русское, съ непремѣннымъ удержаніемъ основныхъ предапій византійской иконографіи, и другое — помутившееся западнымъ влияніемъ, начинавшее отъ гравюръ Лютеровой Бібліи 1534 года и до позднѣйшихъ западныхъ лицевыхъ изданій. Подробному развитію этой основной мысли иѣтъ быть посвящено изслѣдованіе г. Буслаева, обѣщающее пред-

ставить весьма большой интересъ для исторіи русскаго искусства. 9-го декабря минувшаго года академикъ Буслаевъ имѣлъ счастіе поднести Государю Императору экземпляръ снабженаго его предисловіемъ собранія факсимиле изъ Троицкой Псалтыри 1430 года, и вмѣстѣ съ тѣмъ, доложить о своемъ иконографическомъ трудѣ по славяно-русскому Апокалипсису.

Кромѣ поименованныхъ изданий, которыя, какъ по важности своего содержанія, такъ и по отличному выполненію, и наконецъ, по цѣнности, составляютъ главные плоды дѣятельности Общества, въ теченіе отчетнаго периода оно выпустило въ свѣтъ еще рядъ выпусксовъ сборника Памятники древней письменности и искусства, въ коихъ помѣщены частію также произведенія старинной нашей литературы, до сихъ поръ остававшіяся не изданными, частію изслѣдованія и очерки изъ области древней русской образованности и искусства; сюда же вошли (или имѣютъ войти въ дальнѣйшіе выпуски Памятниковъ) и нѣкоторыя изъ сообщеній, сдѣланныхъ въ ежепѣдѣльныхъ засѣданіяхъ комитета Общества любителей древней письменности. Поэтому очеркъ содержанія Памятниковъ мы съ полнымъ правомъ можемъ соединить съ обозрѣваемъ происходившихъ въ средѣ Общества устныхъ сообщеній,—къ чѣму теперь и переходимъ.

Сообщенія эти касались, какъ произведеній письменности и словесности, такъ и памятниковъ древней русской живописи и зодчества.

Во главѣ сообщеній изъ древняго периода русской словесности отмѣтимъ трудъ о. намѣстника Свято-Троицкой Сергиевой лавры, архимандрита Леонида: „Изслѣдованіе двухъ памятниковъ древней письменности: I. Жизнь и чудеса св. святителя и чудотворца Николая, иже въ Мурѣхъ.—II. Похвала на перенесеніе мощей св. Николы“. Почтенный о. архимандритъ пересмотрѣлъ все, что относится до св. Николая въ русской письменности, начиная съ древнѣйшихъ ее временъ до XVII вѣка, и убѣдился, что житіе Николая Чудотворца, открытое Николаемъ Фалькоціемъ въ греческой рукописи Ватиканской библіотеки и другимъ лицомъ въ библіотекахъ Саввицкаго (св. Саввы Освященнаго въ Налестинѣ) и Синайскаго монастырей, было известно у насъ съ XI вѣка и составляетъ первую половину той статьи, которая въ сборникахъ XV и XVI вѣковъ обыкновенно имѣть заглавіе: „Жизнь и чудеса св. святителя и чудотворца Николы, иже въ Мурѣхъ“. Вторая же половина этой статьи состоитъ изъ ряда посмертныхъ чудесъ того же самого святителя, заимствованныхъ изъ гре-

ческой же литературы, преимущественно изъ сочинений о св. Николаѣ святаго Меѳодія (IX вѣка) и блаженнаго Симеона Метафраста (X вѣка), и изъ отдѣльныхъ греческихъ записей чудесъ святителя, съ присоединеніемъ трехъ чудесъ, записанныхъ самими русскими составителемъ свода сказаний о жизни, дѣяніяхъ и чудесахъ св. Николая Чудотворца. Изслѣдуя этотъ памятникъ древне-русской письменности и опредѣляя отношеніе его къ греческому подлиннику, о. Леонидъ приходитъ къ заключенію, что до тѣхъ поръ, пока не будетъ въ точности опредѣленъ вѣкъ Ватиканскаго списка, по тѣмъ свѣдѣніямъ, которыя уже извѣстны въ литературѣ, нельзя считать его древнѣе X—XI вѣковъ; о. архимандритъ находитъ даже основаніе полагать, что это „ипое житіе“ въ IX и X вѣкахъ считалось агиографами св. Николая Чудотворца уже апокрифическимъ, почему св. Меѳодій вовсе умолчалъ о немъ, а Симеонъ Метафрастъ заимствовалъ изъ него лишь очень немногое. Извѣстно, что между апокрифическими житіями есть также и житіе св. Николая въ русскихъ спискахъ XV вѣка, по признакамъ передшедшее къ намъ отъ южныхъ Славянъ (Повѣсть о погребеніи св. Николая). Достойно примѣчанія и то обстоятельство, что издатели первопечатнаго житія св. Николая (Москва, 1640), въ своемъ сводѣ всего, чтѣ имѣлось въ древне-русской письменности о семъ святитѣль, не напечатали одного древнаго перевода житія его, и конечно, не потому—замѣчаетъ о. архимандритъ Леонидъ—чтобы не знали о его существованіи, но по другимъ, и очевидно, немаловажнымъ причинамъ: изъ нихъ главно слѣдуетъ принять то, что издатели эти не могли не усмотрѣть, что Метафрастъ заимствовалъ изъ него все, чтѣ считалъ подходящими, достовѣрными, и опустилъ все остальное. Въ приложеніяхъ къ своему изслѣдованію о. архимандритъ даетъ первый отдѣльный житія вполнѣ, именно то, что содержится въ греческихъ спискахъ—Ватиканскомъ, Синайскомъ и Саввинскомъ, а въ русскомъ переводѣ XI вѣка составляетъ первую половину свода сказаний о св. Николаѣ Чудотворцѣ. Эта часть приводится съ древнейшаго списка пространной редакціи, находящагося въ пергаминномъ сборникѣ библіотеки Троице-Сергіевої лавры, № 9. Изъ втораго отдѣла (чудесъ святителя Николая посмертныхъ) приведены лишь три чуда, признаваемыя всѣми за оригиналныя русскія произведения XI вѣка, именно: „О коврѣ, его же купивъ и паки возврати“; „О человѣцѣ, его же избави изъ желѣзъ и изъ темницы“; „О пѣкоемъ дѣтищѣ“ (кіевское). Эти три чуда приведены по списку XVI вѣка, изъ сборника библіотеки Троице-Сергіевої лавры,

№ 788, какъ самаго исправнаго, и какъ оказалось по сличеніи, не имѣющаго почти никакой разницы со спискомъ, находящимся въ пергаминомъ сборникѣ № 9, но за то безъ описокъ и опущеній, нерѣдко встрѣчающихся въ этомъ послѣднемъ. Что касается второй статьи: „Похвала на перенесеніе мощей св. Николы“, то, что замѣчанію почтеннаго изслѣдователя, такъ озаглавливается въ большинствѣ списковъ похвальное слово святителю и чудотворцу Николаю, чѣмъ ясно и опредѣляется цѣль, происхожденіе и время написанія этого несомнѣнно древняго и оригиналнаго русскаго произведенія. Оно написано вслѣдствіе установленія на Руси праздника перенесенія мощей святителя Николая изъ Муръ Ликійскихъ въ Баръ-градъ (въ 1087 году) и предназначено для церковнаго чтенія. Праздникъ перевесенія мощей установленъ у насть при митрополитѣ Кіевскомъ Іоаннѣ II, въ 1089 году, а слѣдовательно, и слово для церковнаго чтенія „въ той же день“ (9-го мая) написано было или въ томъ же 1089 году, или по крайней мѣрѣ, между 1087 и 1089 годами, то-есть, въ періодъ между перенесеніемъ мощей Николая Чудотворца изъ Муръ Ликійскихъ въ Баръ и установленіемъ у насть церковнаго праздника въ честь этого события.

О. же архимандритомъ Леонидомъ доставлена въ Общество копія съ другаго весьма цѣннаго памятника нашей древней литературы, именно со сказанія XIII вѣка „о подвигахъ и жизни св. благовѣрнаго князя Александра Ярославича Невскаго“; копія эта снята съ единственнаго отдѣльнаго списка этого сказанія XV в., притомъ первоначальной редакціи, хранящагося въ библіотекѣ Московской духовной академіи, № 206.

Къ среднему періоду русской литературы относится рефератъмагистранта (вынѣ магистра) Казанскаго университета А. С. Архангельскаго о найденныхъ имъ рукописихъ Волоколамскаго монастыря, XVI вѣка, содержащихъ въ себѣ пять посланій преп. Нила Сорского (ум. 1508 г.), до сихъ поръ остававшихся неизвѣстными, и объ одному сочиненіи также XVI вѣка, принадлежащемъ неизвѣстному автору и направленномъ противъ недостойной жизни современнаго иночества. По своему объему, вновь найденные посланія преп. Нила не особенно велики. Одно изъ нихъ написано имъ въ отвѣтъ на письмо кѣ нему неизвѣстнаго иноха, который, чувствуя на себѣ тяжкіе грѣхи и боясь показаться въ нихъ своему игумену, спрашивалъ его, что ему дѣлать, прибавляя при этомъ, что онъ, съ отчаянія, хочетъ бѣжать изъ монастыря, „аможе стопы мои Богъ направить“. Въ своемъ

отвѣтъ Нилъ замѣчаетъ: „Несладостно пріемлю отъ твоихъ глаголь, что нѣкая словеса изглаголаль еси отчаятельный и всякаго человѣка христіанска чужда. Глаголеш: будеть ли озлобленіе отъ начальника насомыхъ, яже о иоемъ прегрущени? Аще исповѣмъ своя беззаконія на ся, той (игуменъ) въ заточеніе мя послѣть и смерть моя тамо будеть ми“. Далѣе Нилъ говоритъ иноку о важности покаянія и о необходимости человѣку прибѣгать къ нему: „Неправедно есть жгому недугомъ себе убити; тако же неподобно закалати себе ножемъ отчаянія“. Рѣзко нападаетъ онъ на мысль бѣжать изъ монастыря: „Самъ вѣси, яко Богъ не направляетъ стезь твоихъ окалпныхъ, и ты (если уѣжиши) ниже знаешь буди отъ мене, ниже прощенъ“.. И затѣмъ заключаетъ свое посланіе: „аще внемлеш, довольно ти прежеписанныхъ словесъ; аще ли же ни,— нась убо да избавить Господь отъ сѣти вражія“. Другое посланіе преи. Нила интересно по тѣмъ редакціямъ, изъ которыхъ оно дошло: найдено три списка одного и того же сочиненія, показывающіе наглядно, какъ постепенно обезличивались оригиналныя произведенія нашей древней письменности. Третье посланіе писано преи. Ниломъ, по видимому, уже въ глубокой старости; онъ замѣчаетъ здѣсь: „Лѣта уже къ старости приближишася, и смертная чаша уготовляется; боюся пitiи ея... но пріедеть на мя, пріедеть, и уѣгнуты не могу“. Изъ остальныхъ двухъ посланий одно — небольшая записка, гдѣ авторъ обѣщаетъ кому-то, при личномъ свиданіи, поговорить „обо всемъ, про вся“; въ другомъ, самомъ длинномъ, развивается мысль о томъ, что „ни-кто не можетъ на семъ сѣти радопатися, а днамо со Христомъ царствовати“. Что касается до сочиненія, весьма большаго, неизвѣст-наго автора противъ недостатковъ русской иноческой жизни XVI вѣка, то содержаніе его, по мнѣнію г. Архангельского, особенно интересно. Сочиненіе это находится въ рукописи XVI вѣка. Авторъ указываетъ на противорѣчіе жизни современныхъ русскихъ иноковъ ихъ обѣщанію и звавію. Нося черные рясы иночества, говорить онъ, — мы всѣ работы полагаемъ только о богатствѣ, о собираніи имѣній, пируемъ съ мірянами, угодничаемъ передъ богачами. Авторъ чрезвычайно тѣдко отиѣчаетъ пѣкоторымъ слабымъ сторонамъ жизни современного ему иночества, касается, между прочимъ, и самого щекотливаго вопроса того времени — монастырскихъ поминокъ и кормовъ, которые въ XV—XVI вв. были въ ходу болѣе, чѣмъ когда-либо. Мы съ большой охотой беремся, говорить онъ, — за грѣхи ми-рянъ молиться, „егда бо (какъ будто) серафими есмы и херувими..“

Речено есть святыми книгами и отъ всѣхъ человѣкъ поругано и проклято, еже—мозы взимающе отъ человѣкъ—къ властемъ о нихъ глаголати; что же рекосте, о иноды, взятія ради окушающеся (обзывающеся) умолити неприступнаго небеснаго страшнаго небесе и земли Творца? Не запрещено намъ молиться другъ за друга, ио безмездно: „не мадомны бо суть дарове Божіи... Гиѣваеть бо Господа молитвенникъ маду приемый“. Въ концѣ авторъ обращается къ „братьямъ“ и „другамъ“ и умоляетъ ихъ исправиться, пока еще есть время. По мнѣнію г. Архангельского, сочиненіе это принадлежитъ извѣстному стороннику Нила Сорскаго, князю-илюку Вассиану Патрикѣеву († ок. 1347), написано же имъ это произведеніе не безъ влиянія словъ Иларіона Великаго.

Всѣ пять посланій Нила Сорскаго изданы Обществомъ виѣтъ съ изслѣдованиемъ г. Архангельского подъ заглавіемъ: „Ниль Сорскій и Вассианъ Патрикѣевъ, ихъ литературные труды и идеи въ древней Руси. Часть первая: Преподобный Ниль Сорскій“¹⁾.

Явленія позднѣйшаго періода старииной нашей письменности и литературы были предметомъ нѣсколькихъ сообщеній и изслѣдований, также нашедшихъ себѣ мѣсто въ изданіяхъ Общества, или же предназначенныхъ имъ къ напечатанію въ ближайшемъ будущемъ. Такъ, о. архимандритомъ Леонидомъ доставлено для напечатанія „Сказаніе о хожденіи въ Іерусалимъ и Царьградъ чернаго діакона Троице-Сергіева монастыря Іоны, по прозвищу Маленькаго, въ 1649—1652 годахъ“. Путешествіе это уже было напечатано два раза: сперва М. А. Коркуновымъ въ 1836 году, потомъ И. П. Сахаровымъ. Но эта изданія сдѣланы со списковъ неполныхъ и неисправныхъ. Въ изданіи Коркунова не достаетъ окончанія, а въ изданіи Сахарова, для скрытия неполноты списковъ, которыми онъ пользовался, придѣланъ къ сводному тексту конецъ, не принадлежащий перу стариинаго автора. Занимаясь объясненіемъ текста нашихъ древнихъ паломниковъ и убѣдясь по нѣкоторымъ признакамъ, что конецъ Сахаровскаго изданія — поддѣльный, о. архимандритъ Леонидъ предложилъ Обществу издать это хожденіе Іоны по списку, находящемуся въ Погодинскомъ древлехранилищѣ, въ Императорской Цубличной библіотекѣ. Изъ сличенія этого списка съ изданіями Коркунова и Сахар-

¹⁾ Редакція этого изслѣдованія помѣщена въ настоящей книжкѣ Ж. М. Н. Пр.

рова оказывается, что въ обоихъ недостаетъ цѣлой большой главы, въ коей Иона повѣствуетъ о скоженіи св. огня на гробъ Господень п о своемъ благополучномъ возвращеніи на родину, въ свой Троице-Сергіевъ монастырь, послѣ годичнаго пребыванія въ Іерусалимѣ (съ 10-го мая 1651 по 10-е мая 1652 года). Весь же разказъ Ионы обнажаетъ собою пространство времени въ три года и восемь мѣсяцевъ—съ марта 1649 г. по ноябрь 1652, изъ коихъ два года онъ пробылъ на одномъ мѣстѣ, именно въ Терновицѣ (въ Молдавіи), при Іерусалимскомъ патріархѣ Паисіи, въ свитѣ котораго выѣхалъ изъ Москвы.

Два любопытныхъ сообщенія сдѣланы были въ Обществѣ относительно личности царя Алексѣя Михайловича. Одно изъ нихъ, также принадлежащее о. архимандриту Леониду, есть „Чинъ поставленія на царство царя и великаго князя Алексѣя Михайловича вселѣ Россіи, 1645 года сентябрь 28-го дня“. Этотъ чинъ заимствованъ изъ пространнаго рукописнаго русскаго лѣтописца конца XVII вѣка (библиотеки о. архим. Леонида), писанаго, какъ можно заключить по нѣкоторымъ признакамъ, въ Славяно-греко-латинской (Законоспасской) академіи „съ древнихъ ветхихъ лѣтописцевъ, по велѣнію правительницы государства царевны Софіи Алексѣевны“. Выписка изъ „Чиновника Патріаршаго“ тѣмъ болѣе заслуживаетъ вниманія, что Чиновникъ этотъ сохранился до нашего времени лишь въ отрывкахъ,—а въ цѣлостномъ видѣ только отъ временъ патріарха Іоакима. Особенno замѣтительны въ этомъ Чинѣ рѣчи царя и патріарха не лишены живаго интереса и остальной подробности. Въ приложениі къ Чину сопоставлено съ нимъ извѣстное описание вѣчанія Алексѣя Михайловича на царство, помѣщенное въ Дворцовыхъ Раздѣлахъ. Чинъ уже отпечатанъ въ Памятникахъ древней письменности.

Другое сообщеніе, относящееся къ царю Алексѣю Михайловичу, сдѣлано академикомъ А. Ф. Бычковымъ и касается духовнаго завѣщаанія этого государя. До сихъ поръ не было извѣстно существование такого памятника. Г. же Бычкову духовная царя Алексѣя встрѣтилась въ спискѣ, который и пріобрѣтенъ имъ. По характеру своему это завѣщаніе Алексѣя Михайловича значительно отличается отъ другихъ извѣстныхъ завѣщаній великихъ князей и царей: въ этой духовной вѣтѣ никакихъ распоряженій касательно имущества, и вся она посѣть на себѣ своеобразный отпечатокъ, болѣе литературный, чѣмъ дѣловой. Трудно утверждать, что эта духовная есть произведеніе самого царя, хотя въ пользу такого предположенія и говорять нѣкоторыя мѣста ея, какъ напримѣръ, желаніе царя быть погребеннымъ въ Архангель-

скомъ соборѣ при глаѣ св. царевича Димитрія и въ ногахъ у цара Михаила Федоровича, или испрашиваніе царемъ (въ концѣ завѣщанія) разрѣшенія и прощенія у служителей церкви, въ томъ числѣ у своего друга, бывшаго патріарха Никона, патріарха Іоакима, духовника своего протопопа Андрея Савиновича, и др. Но витіеватость и особый складъ рѣчи завѣщанія, по мѣстамъ, въ обращеніи къ царицѣ Натальѣ Кирилловнѣ, принимающей видъ разговора, наконецъ—то обстоятельство, что царевичъ Федоръ Алексѣевичъ вездѣ въ завѣщаніи называется царемъ и всея Великія и Малыя и Вѣлыя Россіи самодержцемъ, невольно наводятъ на мысль—не есть ли это скорѣе позднѣйшее сочиненіе какого-нибудь книжника, въ родѣ тѣхъ панигириковъ и похвальныхъ словъ, которыя въ старину писались на заданныя темы по какому-либо торжественному поводу¹⁾. Во всякомъ случаѣ означеннная духовная любопытна какъ литературный памятникъ конца XVII вѣка, сколько известно, остававшейся до сихъ поръ не папечатаннымъ²⁾.

Полаго вниманія заслуживаютъ два сообщенія И. А. Шлапкина изъ небогатаго отдѣла старинной изящной словесности русской. Одно изъ нихъ имѣло предметомъ „Повѣсть о Василіи Златовласомъ, королевичѣ Чешскія земли, и о Полимнестрѣ его, прекрасной кралевнѣ Франчужской“. Произведеніе это, не попадавшееся доселѣ изслѣдо-

¹⁾) Замѣтимъ кстати, что подобно сему, въ видѣ бесѣды съ близкими, описаны предсмертные часы царя Алексѣя Михайловича въ известной, часто встречающейся въ рукописяхъ прошлаго вѣка «Лѣтописи о зачатіи и рожденіи Петра Великаго».

²⁾) Въ виду рѣдкости памятника здѣсь сообщается начало и конецъ его. Начало: «Дивное чудо по истинѣ, яко человѣческая выспрь долу отстоити никакоже можетъ, ико же рече писмѣть; вкупе богатый со убогими ниществуетъ; сице убо и чрезъ мене изъявляется міру. О, жите убо всегдашнему плачу виновны человѣческая жизнѣ; все суета по писаному настоющаго вѣка сего краткость и иѣры несть; увы миѣ, увы миѣ, какову скорбь и убожество днесъ досгизаю и малости моей величество причаститися неволѣ спѣшить... Конецъ духовной: «Слугамъ же нашего всличества, бояръмъ, оконничымъ и думнымъ и ближнимъ людемъ, стольникамъ, стряничимъ, дворянинамъ московскимъ и всякимъ людемъ міръ да умножится, мене же, своего государя, прощенія да сподобите, понеже въ необходимую бѣдность путемъ иду не волею; уже бо зрю страшную вещь — грознаго и смертиаго ангела, предстояща миѣ, и умъ мой исчезе; но еще приди, пресладкая сомнительница моя и любезнейшая миѣ паче всея твари сея, и воспріими на руцъ свою изнемогшее все тѣло мое, да помолюся останное Христу моему и препочю вѣчнымъ сномъ на рукахъ твоихъ».

вателямъ нашей старинной повѣстовательной литературы, встрѣтилось г. Шляпкину въ одной рукописи Погодинского древлехранилища (№ 1603), въ Императорской Цибуличной библіотекѣ. Списокъ его не старше XVIII в., но самая повѣсть несомнѣнно принадлежитъ къ числу произведеній предшествующаго столѣтія. Содержаніе ея слѣдующее:

У Чешскаго короля Мечислава бытъ сынъ Василій, „и егда при-
спѣ ему время женитвѣ, и начать его отець король Мстиславъ искать
ему невѣсты дѣвицы въ жену, дабы была ему во всемъ подобна кра-
сотою и разумомъ сыну ево Василію“. Таковою оказалась Полиме-
стра, „дщерь короля Карлуса во Франции“. Сварядили полномоч-
ныхъ „поклисарей“, дали имъ великие дары, листъ написали къ ко-
ролю Карлусу и всѣми подпести „королю Карлусу и кралевѣ дщери
его прекрасной Полиместрѣ отъ кралевича Василія драгоцѣнную чашу,
и подписать на дѣй чаши толъ писаніе же сице: Кралевна госуда-
рия прекрасная Полиместра, пріемлю сю чашу и поди за меня за
кралевича Василія Златовласова“. При пріемѣ пословъ Полиместра
дивилась чаша, но, увидавъ на дѣй ея подпись, „вельми гнѣвна папол-
ниша и удары чашу о помость и расшибъ ее па мелкія штуки. И
рекла выкладъ сице: „Не терть де калачъ, не мать де не ремень,
не тогъ де сапогъ не въ ту де ногу обутъ: садится личко къ ре-
менинку лицомъ; понять де хочетъ смердовъ съынъ кралевскую дщерь:
никогда де того не будетъ еже смердову съыну кралевскую дщерь по-
нять“. Послы разобуженные вернулись въ Чешскую землю и разка-
зали о сдѣланномъ имъ пріемѣ. Тогда Василій, заручившись согла-
сіемъ отца, набираетъ себѣ тридцать отроковъ „доброродныхъ, сен-
аторскихъ и рыцарскихъ“, называетъ ихъ всѣхъ Василіями, снаряжаетъ
корабль, сажаетъ на него „матрозами“ избранную дружину и отправ-
ляется во Францію. Съ этой минуты королевичъ Василій играетъ
роль раба, а хозяиномъ своимъ дѣлаетъ „гостя“ Василія, который
впервые сообщилъ ему о красотѣ Полиместры. По прибытии во Фран-
цію, Карлъ принялъ гостя Василія, и тутъ во время обѣда „крале-
вичъ Василій на кораблѣ начать въ гусли играть отъ премудрости
своєя яко диаво,... и какъ заигра въ гусли, то вси во градѣ и па
дворѣ кралевскомъ танцоватъ стали. И сему король Карлусъ поди-
вился, что предъ нимъ люди танцуютъ, и недоумѣвался, что есть сіе;
и рече ему гость Василій: „Великій королю, о семъ не усомнѣвайся:
для того люди во градѣ и предъ тобою танцуютъ, что рабъ мой Ва-
силій на кораблѣ въ гусли играєтъ“. И рече ему король: „Любимый

мой гостю, повели ему да пріедеть съмъ и да играеть предо мною". И рече ему гость Василій: „Великій королю, аще и рабъ мой, но азъ при твоемъ королевскомъ величествѣ повелѣвати не смѣю о семъ. Да будетъ воля твоя: аще тебѣ угодно, изволъ по него самъ послать да пріедеть съмъ"... Послѣ долгихъ отговорокъ королевичъ входить во дворецъ и тамъ играеть, при чемъ и здѣсь повторяется сцена общей пласки. Между тѣмъ , и кралевна прекрасная Полиместра изъ тайного мѣста зѣло игры ево смотрѣла и наипаче ево цохвалила и глагола въ себѣ: „У насъ такова молодца умнаго въ царствїи нашемъ нѣту прекраснаго изъ сенаторскихъ и изъ рыцарскихъ дѣтей, какого гость Василій у себя имѣть раба". Игра Василія королевича до такой степени пѣнила Карла, что онъ покупаетъ его у гости Василія: „И повелѣ (Карлъ) принести златый коверъ и повелѣ отрока поставить на немъ и осыпать его златыми съ головы до ногъ... Гость же Василій отдає кралевича Василія королю Карлусу, а червонцы у него принялъ и златый коверъ и пойде на корабль свой". Оставшись у Карла, королевичъ Василій строить себѣ дворецъ и однажды хитростю заманиваетъ къ себѣ въ домъ Полиместру и показываетъ ей свои богатства. „Она же хождаше съ пять по палатамъ, а сама виѣ ума своего". Королевичъ, пользуясь тѣмъ, соблазняетъ Полиместру, и затѣмъ, „вынавъ изъ ковчега златый вѣнокъ драгій, устроенный съ драгоценными каменіи, и дарова ей, и отпусти ее отъ себе и велѣль честно проводiti ее до дому ея. Самъ же кралевичъ послана на корабль къ гостю Василію, и какъ пришелъ гость Василій, онъ же сказа ему вся подробно, что съ кралевпою чинилъ и свое безчестie отомстилъ и смѣхъ ея: Понеже она кралевна въ гостяхъ сама была у мене". Послѣ того королевичъ съ гостемъ Василіемъ и со всѣми своими людьми начинаетъ собираться назадъ въ свою землю и велить переносить свои вещи на корабль. Отсюда роли перемѣняются: теперь уже Карлусъ шлетъ своихъ поклисарей съ предложениемъ Василію взять за себя дочь его. Послѣ долгихъ и упорныхъ пререканій со стороны королевича бракъ этотъ наконецъ устраивается къ общей радости, и королевичъ становится преемникомъ своего тестя на престолъ Франціи.

Повѣсть, очевидно, не оригиналная, а переводная, но во всякомъ случай представляетъ интересъ, между прочимъ и по своему довольно живому изложению и языку.

Предметомъ другаго сообщенія г. Шляпкина была вновь найденная имъ въ библиотекѣ Флорищева монастыря, доселѣ также неиз-

вѣстная русская школьная драма подъ заглавіемъ: „Ужасная измѣна сластолюбиваго житія съ прискорбныи и нищетныи“. Объ этой піесѣ, содержаніе которой взято изъ евангельской притчи о богачѣ и бѣдномъ Лазарѣ, до сихъ поръ знали только по краткой программѣ, напечатанной въ Древней Россійской Вивліоенкѣ Новикова (ч. IX, 1789). По мнѣнію г. Шляпкина, па піесѣ этой яркимъ образомъ отпечаталось вліяніе польскихъ литературныхъ образцовъ: дѣление на части, размѣръ стиха, даже иѣкоторыя подробности въ изложеніи, все это взято прямо съ польского. На основаніи языка авторомъ драмы можно считать Южворусса; драма по прямому указанію была представлена въ „новосіающіхъ Московскихъ Ассінахъ благородными великороссійскими младенцами“, то-есть, питомцами Славяно-греко-латинской академіи; въ найденномъ г. Шляпкинымъ спискѣ можно видѣть и фамиліи исполнителей—князей Барятинскаго, Хованскаго, Лобановыхъ, Лопухина, Апраксина, Бутурлина и рядомъ съ ними ихъ перводовитыхъ товарищѣй, большей частью изъ Южноруссовъ. Тотъ же списокъ сообщаетъ свѣдѣнія и о костюмахъ, декораціяхъ и машинахъ, которыхъ требовались при представлениі. Піеса эта въ настоящее время уже отпечатана въ Памятникахъ древней письменности, а „Повѣсть о Василіи Златовласомъ“ имѣеть появиться тамъ же въ скромъ времени.

Характерный памятникъ Петровской эпохи составляетъ одинъ рукописный сборникъ, съ содержаніемъ которого познакомилъ Общество любителей древней письменности уважаемый предсѣдатель его князь П. П. Вяземскій. Сборникъ этотъ принесенъ въ даръ Обществу графомъ А. В. Бобринскимъ, который приобрѣль его въ Берлинѣ. Сборникъ, хотя и русскій, по составителю его Нѣмецъ, нѣкто Эрнстъ-Готлибъ фонъ-Берге. Онъ прибылъ въ Москву въ 1670 году, путешествовалъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ по Россіи, Украинѣ и сѣверной Татаріи, а въ 1678 году выѣхалъ въ Лондонъ, гдѣ и издалъ описание своего путешествія по Украинѣ. Въ 1680 году Берге прїѣхалъ въ Берлинъ и опредѣленъ былъ курфюрстомъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ на должность переводчика съ русскаго языка. Берге, кромѣ того, извѣстенъ какъ переводчикъ па пѣменскій языкъ Мильтопова „Потеряннаго Рая“. Сборникъ, составленный фонъ-Берге, въ пергаминомъ переплѣти и содержитъ лѣ себѣ девять статей: 1) „Описавіе Новыи земли, сирѣчъ Сибирскаго царства, и Московскаго государства, въ которое время великий государь царь и великий князь Иоаннъ Ва-

сильевичъ всеа Россіи самодержецъ, первый Россійскаго государства христіанскій царь, походомъ своимъ... царство Казанское... и цари Казанскаго Симеона жива взялъ". 2) „Описаніе Китайскаго государства“, приписываемое Спенсерю. 3) Цисьмо дѣлака разряднаго приказа Любима Доминана къ секретарю курфюрста Бранденбургскаго, Готфриду Вейсу (19-го февраля 1689 года). 4) Надгробное поученіе пастора Стумфіуса въ день погребенія Фр. Як. Лефорта (11-го марта 1696 года). 5) Нѣсколько стихотвореній силлабическаго размѣра. 6) Цисьмо Матвѣя Винніуса, присланнаго въ Берлинъ для изученія почтоваго устройства, къ Е. Г. Вергену (28-го апрѣля 1701 года), два письма къ нему же Мих. Ларіонова и одно цисьмо Ларіонова же къ своему сыну Петру (въ Берлинъ). 7) Списокъ съ договорнаго письма, отданнаго великому визирю въ Константиноополь на конференціи въ 1700 году 3-го юля дѣлакомъ Чередѣевымъ. 8) Копія съ письма изъ Москвы неизвѣстнаго, между прочимъ съ увѣдомленіемъ о государевомъ указѣ, чтобы всѣ мужчины и женщины къ 25-му декабря 1700 года перемѣнили платье. 9) Проектъ дополнительныхъ статей къ договору съ курфюрстомъ Фридрихомъ, гдѣ между прочимъ обращаеть на себя вниманіе пунктъ 2-й: „Торговать имъ (Нѣмцамъ) безо всякой зацѣпки и препятія... до Искова, до Великаго Новагорода, до Смоленска и до Кіева и иныхъ. А если бы которые похотѣли съ товары же своими въ Москвѣ до Астрахани, до Персиidi и до Китайскаго государства“, и т. д. По мнѣнію кн. Виземскаю, главный интересъ этого сборника состоить въ томъ, что онъ указываетъ, какими вопросами по отношенію къ Россіи интересовались въ Берлинѣ на рубежѣ XVII—XVIII вѣковъ. Кромѣ того, въ этомъ сборникѣ попадаются и любопытныя бытовыя черты изъ той эпохи. Такъ, напримѣръ, въ письмѣ Мих. Ларіонова къ Вергену высказываются заботы обѣ ученика сына. Ларіоновъ посылаетъ Биргену подарки: „Нынѣ послалъ я къ милости твоей маленькой подарочекъ: ножичекъ китайской, да дѣталь твоимъ на галстуки турскаго полотна русскихъ шесть аршинъ съ поларшипомъ: прошу милости твоей благоволи хотя малое пришель любовно и къ сыну моему пожалуй имѣй милостивое призрѣніе, чтобы овъ дви свои не даромъ проводиль... а я за твое благодѣяніе и впередъ долженъ платить и служить; да и о томъ изволь ко мнѣ отписать: сынъ мой по руски не забыть ли писать и говорить и читать, чтобы того не потерять и о всемъ ко мнѣ писать... Въ письмѣ неизвѣстнаго изъ Москвы читаемъ: „Два младые офицера сюда въ сихъ днихъ пріѣхали, которые были

съ полтора года ради всякаго ученія въ Берлинѣ, и зъло предъ царскими величествомъ милость къ себѣ курфистрова пресвѣтѣйшества и отъ всего дома его прославляли; также и отъ дву господь младыхъ съ єами Головиныхъ тожде непрестанно обноситца, которые чрезъ два года будучи въ наукѣ въ Берлинѣ всякое милостивое охраненіе себѣ, какъ самого пресвѣтѣйшаго курфистра, также и отъ дому его, видѣли. И правда, что здѣсь уже у всѣхъ поставлено за такимъ добродоказаніемъ не пнуды куды, токмо всѣ памѣрены младыхъ дѣтей своихъ отпущати ради ученія до Берлина". Одно изъ помѣщенныхъ въ сборникѣ стихотвореній—вакхического характера и замѣчательно по обращенію поэта къ князю Голицынѣ, между прочимъ къ князю Борису, который, какъ известно, былъ воспитателемъ Петра I. Приводимъ изъ него отрывокъ, напоминающій и даже намекающій на обычай самого царя:

Вашъ, Голицынъ, скончати,
Князь Павъ до тебе я пью,
Князь Борисъ изволь насъ ждать,
Завтра я къ тебѣ приду;
Дружба паша толь вѣка,
Хлѣбъ да соль засиня дѣла, и проч.

Къ сожалѣнію, сборникъ не даетъ указанія о томъ, кто авторъ этого стихотворенія.

Къ позднѣйшимъ годамъ Петровскаго времени принадлежитъ тотъ литературный памятникъ, на который обращено было вниманіе Общества древней письменности Л. Н. Майковымъ. Онъ указалъ, что въ приложении ко второй части извѣстнаго сочиненія брауншвейгскаго посланника Фр.-Хр. Вебера о Россіи Петровскаго времени, которое называется: „Das veränderte Russland“, есть статья, озаглавленная: „Das Leben und die Gewohnheiten der Ostjaken“, весьма цѣнная по своимъ этнографическимъ даннымъ. Это сочиненіе до сихъ порь обыкновенно приписывалось офицеру шведской службы, взятому Русскими въ пленъ и сосланному въ Тобольскъ, І.-Б. Миллеру; между тѣмъ оказывается, что опо не болѣе какъ переводъ труда нѣкоего Григорія Новицкаго, родомъ Малороссіянинъ, сосланнаго въ Сибирь по дѣлу Мазепы. Въ подлинникѣ сочиненіе это называется такъ: „Краткое описание о народѣ Остяцкомъ, иже въ предѣлахъ полночныхъ царства Сибирскаго обрѣтается, съ нѣкоторыми о того же государства особеннѣйшихъ вещей вѣдѣніемъ, а наипаче о житіи, обычаяхъ и пребываніи сего Остяцкаго народа, тожде ихъ

прежнемъ злочестіи хулигослуженія, о обращеніи въ православную благочестивую христіанскую вѣру". Подлинная рукопись этого сочиненія хранится въ ризницахъ Тобольского кафедрального собора, а копія—въ библиотекѣ Русского Географического Общества, куда нынѣ присланъ на время и оригиналъ. Изъ свѣдѣній, собранныхъ въ архивахъ Тобольска, выяснилось, что Новицкій съ нѣкоторыми изъ тварищъ своей ссылки, по прибытіи въ Сибирь, поступилъ на услуженіе къ митрополиту Филофею и сопутствовалъ ему въ его путешествіяхъ для проповѣди христіанства; позже, при митрополитѣ Антоніи, Новицкій былъ сдѣланъ въ Копдинской волости наблюдателемъ за исполненіемъ новокрещенными Остяками христіанскихъ обязанностей и впослѣдствіи тамъ убить вмѣсть съ однимъ изъ священниковъ-миссіонеровъ. Новицкій былъ человѣкъ весьма образованный по своему времени, по всейѣ вѣроятности—питомецъ Кіевской Могиллянской коллегіи. Поставленный обстоятельствами въ такое положеніе, что онъ могъ близко ознакомиться съ бытомъ Остяковъ, народа въ то время весьма мало извѣстнаго, Новицкій написалъ любопытнѣйшее сочиненіе, которое по богатству этнографическихъ свѣдѣній и по материаламъ для сравнительной исторіи культуры, можетъ быть поставлено на раду съ лучшими подобными произведеніями западно-европейскихъ литературъ того времени, въ особенности съ записками старинныхъ католическихъ миссіонеровъ въ Америкѣ, каковы Лафіто (Lafiteau) и Шарлевуа (Charlevoix), а также съ русскимъ „Описаніемъ Камчатки“ Крашениникона, которое вирочемъ принадлежитъ уже къ болѣе поздней эпохѣ. Относительно этнографіи сибирской „Описаніе“ Новицкаго есть первое по времени специальное сочиненіе, да и вообще ему слѣдуетъ отвести почетное мѣсто въ русской ученой литературѣ Петровскаго времени. Общество опредѣлило издать это любопытное сочиненіе въ Памятникахъ древней письменности, вмѣсть со старинными изображающими Остяковъ рисунками, которые также хранятся въ Русскомъ Географическомъ Обществѣ.

Предметами ученыхъ сообщеній въ Обществѣ любителей древней письменности были памятники, относящіяся къ письменности не только русской, но и другихъ Славянскихъ народовъ. Такъ П. А. Ровинскій доставилъ Обществу снятую имъ въ библиотекѣ Цетиньского монастыря копію съ записки венецианскому сенату о заслугахъ Черногорцевъ предъ Венецианской республикой и о неправдахъ, которыми чинили имъ венецианские комиссари въ пограничныхъ пунктахъ (1744 г.),—документъ весьма интересный для черногорской исторіи.

и спасженій обширнѣмъ предисловіемъ и примѣчаніями г. Ровинскаго.

Г. Мартыновъ прислалъ описание одной замѣчательной южно-славянской рукописи, принадлежащей библиотекѣ Гентского университета. Это—сборникъ житій святыхъ женъ, писанный въ Единѣ (Видлинѣ) въ 1360 году при Іоаннѣ Срацимірѣ, синѣ Болгарскаго царя Іоанна Александра, царствовавшемъ въ Единѣ. Къ житіямъ святыхъ женъ въ началѣ сборника присоединено апокрифическое сказание объ Абраамѣ, а въ концѣ — „Слово о мѣстахъ святыхъ иже въ Йерусалимѣ“.

Въ дополненіе къ описанію г. Мартынова, И. А. Сырку и В. Н. Хитрово также доставили Обществу съ своей стороны замѣчанія о Бдинскомъ сборникѣ. По опредѣленію г. Сырку, редакція рукописи сербская, но языкомъ разкзва о святыхъ мѣстахъ даетъ предположить, что это „Слово“ списано съ русскаго подлинника, хотя утверждательно о семъ сказать нельзя, не обслѣдовавъ всей рукописи. Въ литературномъ отношеніи сборникъ представляетъ явленіе очень рѣдкое, почти не констатированное въ болгарской письменности: однородное содержаніе его выводить его изъ ряда обычныхъ въ ней сборниковъ съ смѣшаннымъ содержаніемъ. Замѣчанія г. Хитрова касаются исключительно послѣдней статьи сборника. Онъ указалъ на то, что вслѣдъ за окончаниемъ Крестовыхъ походовъ въ исходѣ XIII вѣка, начинаются съ XIV столѣтія паломничество отдельныхъ лицъ, особенно увеличившіяся въ послѣдніе годы этого вѣка, и что вслѣдствіе этого западная литература насчитываетъ за это время болѣе сорока памятниковъ съ описаніемъ Святыхъ мѣсть, да кроме того, изъ того же періода есть около восьми записей о Палестинѣ у писателей арабскихъ и еврейскихъ; между тѣмъ у насъ собственно извѣстенъ только одинъ памятникъ того же премени, именно путешествіе Игнатія (1389—1391 гг.); такимъ образомъ статья о Йерусалимѣ, помѣщенная въ Бдинскомъ сборникѣ, увеличиваетъ число славянскихъ источниковъ о Святыхъ мѣстахъ. Сравнивая эту статью съ Хождѣніемъ Игнатія, г. Хитрово замѣтилъ, что въ „Словѣ“ Бдинскаго сборника гораздо болѣе легендъ, и притомъ несолько отличныхъ, чѣмъ въ русскомъ Хожденіи. Въ этомъ отношеніи „Слово“ Бдинскаго сборника сближается съ западными описаніями паломничества въ Святую землю, въ которыхъ эти легенды образовались, и такъ-сказать, получали свое парошепіе подъ вліяніемъ и при участіі латинства именно въ эпоху Крестовыхъ походовъ. Въ „Словѣ“ Бдинскаго сборника

между прочимъ замѣчательно одно отступленіе отъ извѣстныхъ памятниковъ этого рода: крестный путь Спасителя вѣдьсъ описывается идущими съ юга на сѣверъ, а не съ востока на западъ. Интересно также описание мѣсть виѣ Іерусалима, и въ особенности Тиверіады и ея окрестностей.

Въ числѣ сообщеній, поступившихъ въ распоряженіе Общества, есть также изслѣдованія касательно славянской старопечати; именно о. архимандритомъ Леонидомъ присланы записка о Служебникахъ виленской печати, XVI вѣка, и изслѣдованіе о томъ, где находится Евангеліе, которое, согласно показанію библиографовъ и свидѣтельству современника, было напечатано въ Москвѣ при царѣ Иванѣ Васильевичѣ Грозномъ между 1564—1568 годами. Въ этомъ послѣднемъ разысканіи авторъ, на основаніи цѣлаго ряда сопоставленій и хронологическихъ данныхъ, приходитъ къ выводу, что время печатанія сего Евангелія (№ 57 библиотеки Троице-Сергіевої лавры) должно быть ранѣе 1568 года, и слѣдовательно, это—одинъ изъ послѣднихъ трудовъ нашихъ первопечатниковъ, діакона Ивана Федорова и Петра Тимофеева Мстисланца. Различіе рамки (*passe partout*) въ изображеніяхъ трехъ первыхъ евангелистовъ, а равно и то, что заставка передъ началомъ Евангелія отъ Иоанна взята готовая, изъ числа заставокъ Апостола 1564 года, суть признаки, которые, по мнѣнію автора, служать указаніемъ, что во время печатанія этого Евангелія случились обстоятельства, побудившія печатниковъ спѣшить оконченіемъ ихъ труда передъ бѣгствомъ ихъ за границу, гдѣ, именно въ Литвѣ, мы находимъ ихъ дѣйствующими уже въ 1568 году. Записка о виленскихъ Служебникахъ уже отпечатана въ Памятникахъ древней письменности.

Не входя въ подробности о прочихъ сообщеніяхъ, касавшихъ памятниковъ письменности, каковы: докладъ А. Е. Викторова о государственномъ драгоценномъ вѣтхозавѣтномъ архивѣ запискахъ Большаго дворца въ Московскомъ Кремлѣ, заявленіе академика Я. К. Грота о хранящихся въ Шведскомъ государственномъ архивѣ запискахъ капитана Эрика Нальмквиста о пребываніи его въ Москвѣ въ 1673 году ¹⁾), докладъ А. А. Титова о мѣстныхъ Ростовскихъ легендахъ, доклады Н. И. Тиханова о Польскомъ Соаникѣ и объ изданіемъ имъ по порученію Общества сочиненія епископа Дамаскина Рудиева „Краткое

¹⁾ Запѣтка г. Грота объ этихъ любопытныхъ запискахъ была напечатана въ октябрской книжкѣ Ж. М. Н. Пр. за 1881 годъ.

описаніе россійской ученої исторіи" (иначе: „Библіотека Россійская или свѣдѣніе о всѣхъ книгахъ въ Россіи съ начала типографіи на свѣтъ вышедшихъ") и проч., — мы должны упомянуть, что Общество не манифестило своимъ вліяніемъ и произведеній древняго искусства; таکъ въ одномъ изъ засѣданій Н. В. Султановъ предложилъ обзоръ трудовъ Тифлисскаго археологическаго съѣзда по отдѣлу исторіи художествъ и напечаталъ въ Памятникахъ свое изслѣдованіе объ образцахъ древне-руssкаго зодчества въ рукописныхъ миніатюрахъ¹⁾; П. Н. Тихановъ изложилъ данныя объ орнаментациі древнихъ нашихъ рукописей и печатныхъ книгъ, а Г. Д. Филимоновъ познакомилъ Общество съ ходомъ работъ по восстановленію фресковой живописи въ стѣнахъ Московской Грановитой Палаты и представилъ снимки съ фресокъ XVI вѣка открытыхъ недавно на алтарныхъ столбахъ и боковыхъ простѣнкахъ Московскаго Успенскаго собора.

Въ заключеніе этого обзора рефераторъ, предложенныхъ въ засѣданіяхъ комитета Общества, и изслѣдований и материаловъ, вошедшіхъ или имѣющихъ войти въ составъ издаваемыхъ имъ Памятниковъ, слѣдуетъ упомянуть еще объ одноимъ изданіи Общества, которымъ оно оказалось несомнѣнную услугу дѣлу изученія нашей старинной письменности: мы разумѣемъ отпечатаній по распоряженію Общества прекрасный трудъ Н. И. Барсукова: „Источники русской агіографіи". Какъ извѣстно, житія русскихъ святыхъ составляютъ весьма богатый отдѣлъ нашей древней и старинной литературы, до сихъ поръ еще не достаточно изслѣдованный. Во всѣхъ нашихъ рукописныхъ собраніяхъ разсѣяно множество рукописныхъ памятниковъ этого рода, и хотя у насъ издано, въ особенности въ послѣдніе годы, довольно много описаній рукописей, привести въ извѣстность весь рукописный материалъ русскихъ житій представляетъ значительную трудность. Исполненіе этой задачи припала на себя г. Барсуковъ. Его трудъ имѣть форму словаря русскихъ святыхъ, при чёмъ подъ именемъ каждого святаго упомянуты: день празднованія его памяти, место его погребенія, исѣ извѣстные по разнымъ каталогамъ списки его житій, похвальныхъ словъ и служебъ ему, съ означеніемъ свѣдѣній о составителяхъ и вообще о происхожденіи этихъ произведеній, а также съ исчисленіемъ различныхъ редакцій житія, если таковыя уже

¹⁾ Изслѣдованіе это было удостоено отъ Русскаго Археологическаго Общества серебряною медалью; разборъ труда г. Султанова, подавшій поводъ къ этой наградѣ, см. въ августовской книжкѣ *Журн. Муз. Нар. Пр.* за текущій годъ.

определены предшествующими исследователями; затѣмъ сообщается описание наружности святаго по иконописнымъ подлинникамъ, описываются церковные обряды, относящіеся къ памятованію его, и наконецъ, указываются тѣ изслѣдованія, которые относятся къ личности святаго или къ каждому изъ названныхъ выше литературныхъ памятниковъ. Въ словарь вошли и подвижники не канонизованные, по чтимые мѣстно: для сего пособіемъ служила составленная въ XVIII столѣтіи, но не изданная „Книга о россійскихъ святыхъ“. Для составленія такого богатаго слѣдѣлъми указателя г. Барсукову пришлось пересмотрѣть всю нашу печатную церковную литературу и всѣ наши печатные каталоги рукописей; но сверхъ того, онъ постарался включить въ свой трудъ даты и извѣстія такихъ рукописныхъ собраний, которые не имѣютъ печатныхъ каталоговъ, каковы библиотеки Московскаго Чудова монастыря, Московскаго главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ, С.-Петербургской духовной академіи, Московской епархіальныи, а также частныхъ коллекцій Е. В. Барскова, О. Н. Буслаева, кн. П. Ш. Виземскаго, Н. И. Саввацова, Н. С. Тихонравова и др. Такимъ образомъ г. Барсукову удалось достигнуть значительной полноты, составляющей одно изъ главныхъ достоинствъ въ трудахъ подобного рода. Но вмѣсть съ тѣмъ авторъ умѣлъ сдѣлать свой трудъ занимательнымъ и поучительнымъ, приведя многочисленныи выписки изъ самыхъ памятниковъ. Вообще исполненный съ тѣмъ усердіемъ и щадительностю, которые всегда проявляются въ работахъ почтенного издателя дневника А. В. Храповицкаго и биографіи П. М. Строева, трудъ этотъ представляетъ весьма полезное пособіе для изученія одного изъ важнейшихъ отрывковъ нашей старинной письменности.

Издание и разработка письменныхъ и художественныхъ памятниковъ отечественной старицы естественно привнесло Общество къ собранию рукописей, книгъ и художественныхъ предметовъ. Въ пятнадцатіе своего существования Общество успѣло уже составить значительный музей и библиотеку, которые и продолжаетъ обогащать постоянно. Въ теченіе отчетнаго периода коллекціи Общества упомянутыиились важными приобрѣтеніями, между которыми особеннаго вниманія заслуживаютъ слѣдующія:

1) Слѣдованія Псалтырь, рукопись XVI в., прекраснаго ровнаго письма, съ заставками и инициалами, расписанными золотомъ и красками (отъ Г. Ф. Карпова);

2) атласъ голландскаго географа XVII вѣка Ф. де-Витта, печат-

ный, но съ русскимъ писаннымъ переводомъ того же времени (отъ Г. О. Штейдмана),

3) рукопись житія Василія Мангазейскаго, XVII в. (отъ него же);
4) собраніе разныхъ документовъ XVI—XVII вѣковъ, съ замѣчательными автографами (отъ И. Я. Шибапова);

5) Люцидаріумъ, рукопись XVIII в. (отъ кн. П. П. Вяземскаго);

6) біографія Московскаго митрополита Инокентія (Веніаминова),
весьма любопытная рукопись, съ помѣтами митрополита Филарета
(Дроздова) (отъ И. Д. Дыкона);

7) Листовой экземпляр лубочнаго изображенія сватынь Іерусалима,
XVIII в., весьма рѣдкій (отъ И. П. Хруцкова);

8) Картина, шитая шелкомъ по батисту и наклеенная на доску,
представляющая планъ, или лучше сказать, видъ, съ птичьего по-
лета, какого-то города или посада, съ пятиглавою церковью, изъ
которой идетъ народъ съ цвѣтами въ рукахъ; поселеніе расположено
на берегу моря или озера, по которому плаваютъ суда съ людьми
въ треугольныхъ шляпахъ; на второмъ планѣ, въ лѣвомъ верхнемъ
углу двѣ церкви, далѣе кладбище и лѣсь; кое-гдѣ среди водного
пространства видныются небольшие острова съ церквами на нихъ;
контуры церквей сдѣланы шелкомъ, кровли же на нихъ и мако-
вицы, а также часы на колокольнѣ, и кресты на церквахъ, все вось-
миконечные,—изъ фольги. Картина, по рисунку напоминающая ста-
рическія лубочные изображенія, нѣсколько потемнѣла отъ времени,
но вообще сохранилась превосходно. Суди по тому, что возлѣ того
же картины, гдѣ вѣрою можно предполагать, что картина изо-
бражаетъ Святонаово-лозовскій погостъ, Погонецкаго уѣзда Олонецкой
губерніи, находящійся на берегу Вялозера. По свидѣтельству Озе-
рецкаго, въ исходѣ XVIII в. тамошніе жители промышляли дѣ-
ланіемъ уклада изъ болотнаго желѣза и вообще жили весьма доста-
точно.

Заканчивая на этомъ обзоръ полезной дѣятельности Общества
любителей древней письменности, нельзя не пожелать ему на будущее
время процвѣтапія и полнѣйшаго успѣха въ его достойныхъ
уваженія трудахъ.

ИЗВѢСТИЯ О ДѢЯТЕЛЬНОСТИ И СОСТОЯНИИ НАШИХЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНИЙ.

ВЫСШІЯ УЧЕБНАЯ ЗАВЕДЕНИЯ.

- а) Императорскій С.-Петербургскій историко-филологический институтъ; б) Казанскій ветеринарный институтъ.**

Составъ и дѣятельность названныхъ двухъ заведеній въ 1881 году представляются въ слѣдующемъ видѣ:

С.-Петербургскій историко-филологический институтъ.

Наличный составъ учащихъ въ институтѣ былъ слѣдующій: 1 зеконоучитель, 5 ординарныхъ профессоровъ, 5 экстраординарныхъ и 8 преподавателей. Такое же число положено и по штату института, за исключеніемъ преподавателей, число которыхъ не опредѣлено. Сверхъ того, при институтѣ состояли директоръ, инспекторъ и 3 наставника.

Преподаваніе въ институтѣ происходило по слѣдующему учебному плану: Законъ Божій былъ преподаваемъ въ трехъ первыхъ курсахъ. По греческому языку и словесности изъ авторовъ были читаны: въ I курсѣ—Одиссея и Федонъ Платона; во II курсѣ—Иліада, Медея Евранида, Геродотъ; въ III курсѣ—Антигона Софокла съ переводомъ на латинскій языкъ, Миръ Аристофана; на разрядѣ древніхъ языковъ, сверхъ того, Исторія императоровъ, Геродіана; въ IV курсѣ—Прометей Эсхила и басни Бабрія съ переводомъ на латинскій языкъ. Безъ руководства преподавателей студенты прочитали нѣсколько рапсодій Иліады и Одиссеи и третью Физиопику Демос-

еена. Студенты всѣхъ курсовъ постоянно упражнялись въ устныхъ и письменныхъ переводахъ съ русскаго и (въ старшихъ курсахъ) съ латинскаго языка на греческий, соотвѣтственно степени по-западнѣй каждого курса. По исторіи греческой литературы во II курсѣ была прочитана исторія поэзіи эпической и лирической и начала трагедіи; въ III курсѣ — исторія трагедіи, комедіи и прозы исторической, ораторской и философской. Для студентовъ разряда древнихъ языковъ были прочитаны курсы греческихъ древностей: въ III—государственныхъ, въ IV — религіозныхъ. Студенты того же разряда IV курса слушали греческую метрику. Во всѣхъ четырехъ курсахъ студенты слушали грамматические курсы соотвѣтственно степени своихъ по-западнѣй. По латинскому языку и римской словесности были читаны слѣдующіе авторы: въ I курсѣ — Цицерона рѣчь *pro Sestio* и *Эпеніда*; во II курсѣ — Цицерона *de senectute* и четвертая книга *Энеиды* съ объясненіями на латинскомъ языке; въ III курсѣ — оды Гораций, Аннали Тацита и на разрядѣ древнихъ языковъ, сверхъ того, Тибулль; въ IV курсѣ — сатиры и эпистолы Гораций, Проперцій, *Trinipennis* Плавта. Безъ руководства преподавателей студенты читали Цезаря, Цицерона, Саллюстія, Тита Ливія; въ старшихъ курсахъ выборъ писателей для домашнихъ чтеній по латинскому языку былъ предоставленъ на второе полугодіе студентамъ. Повѣрка домашнихъ чтеній была произведена въ декабрѣ и апрѣль. Студенты всѣхъ четырехъ курсовъ постоянно упражнялись въ устныхъ и письменныхъ переводахъ съ русскаго языка на латинскій. Студенты разряда древнихъ языковъ слушали курсы исторіи римской литературы и римскихъ государственныхъ древностей. Въ частныхъ занятияхъ съ профессоромъ Шеборомъ специалисты IV курса прочитали и провѣрили по тексту древнихъ авторовъ сочиненія: Шленгеля — „*T. Maccius Plautus*“, Мейснера — „*Die Cantica des Teufelz und ihre Eurythmie*“, разобрали фотографическій снимокъ съ рукописи Е отрывка комедіи Саїга и прочитали нѣкоторыя статьи, касающіяся Плавта, изъ *Opuscula Philologica* Ричля. По философіи въ I курсѣ были прочитаны логика и психологія, во II и въ III — исторія философіи и въ IV читала въ подлинникѣ первая книга Метафизики Аристотеля. По русскому языку и славянскимъ нарѣчіямъ въ I курсѣ было изложено ученіе о звукахъ и формахъ древняго церковно-славянскаго языка. Студенты первыхъ двухъ курсовъ представляли письменныя работы, состоявшія: въ I курсѣ — въ разборѣ нѣкоторыхъ отрывковъ изъ памятниковъ древней церковно-славянской письменности, во II

курсъ—въ разборѣ отрывковъ и небольшихъ полныхъ памятниковъ русской древней письменности и въ сочиненіяхъ о язикѣ иѣкоторыхъ русскихъ писателей нового времени. Въ III и IV специальныхъ курсахъ излагалось сравнительное ученіе о звукахъ и формахъ юго-славянскихъ нарѣчий. Практическій занятія студентовъ состояли въ чтеніи и разборѣ памятниковъ юго-славянской письменности: хорутацкой, сербо-хорватской и булгарской. По русской словесности на специальномъ разрядѣ въ III курсѣ была читана исторія древне-русской словесности и изъ теоріи словесности стилистика и теорія прозы. Въ IV курсѣ окончаніе исторіи новой русской словесности: периоды Караваинскій и Пушкинскій, изъ теоріи словесности—главнѣйшіе роды и виды поэзіи. Студенты давали пробныя чтенія по теоріи словесности, то-есть, разборы литературныхъ образцовъ, съ объясненіемъ отличительныхъ свойствъ того прозаического или поэтическаго рода, къ которому относится разбираемый образецъ. Студенты III и IV курсовъ разряда русской словесности писали годичныя сочиненія. Въ III курсѣ представлено 15 сочиненій, въ IV—16, всѣ на различныя темы. Лучшія изъ сочиненій представлены были студентами: III курса—Серг. Воскресенскимъ на тему „Преслѣдованіе галломаніи въ сатирическихъ журналахъ времени Екатерины II“ и IV курса—Евг. Воскресенскимъ на тему „Литературная критика 30-хъ и 40-хъ годовъ текущаго столѣтія“. По всеобщей исторіи въ I курсѣ была прочитана древняя исторія, во II—средняя и въ III—новая. Русская исторія была прочитана въ двухъ первыхъ курсахъ. Въ I курсѣ былъ прочитанъ повторительный курсъ географіи. Лекціи по новымъ языкамъ были раздѣлены на два отдѣленія, низшее и высшее, по познаніямъ студентовъ, желающихъ заниматься французскимъ или иѣмецкимъ языкомъ.

Студенты разряда древнихъ языковъ III и IV курсовъ писали, въ замѣнъ домашнихъ чтеній, курсовыхъ сочиненія на заданныя профессорами темы, разработка которыхъ требовала чтенія древнихъ авторовъ. Такихъ сочиненій представлено было 11. На тему „перевести сатиру Юліана Сурпосюа Ѳ Кроюса и сдѣлать необходимыя примѣчанія“ хорошия работы представили студенты III курса Гинтовъ и Стефановъ. Сочиненіе первого изъ нихъ можно считать вполнѣ удовлетворительнымъ. Гинтовъ вездѣ понимъ подлинникъ и передаетъ его правильно и отчетливо. Встрѣчающіеся въ этой сатирѣ анастезистические монометры онъ довольно удачно перевѣлъ стихами на русский языкъ. Примѣчанія всѣ исторического характера и состоять

изъ переведенныхъ на русскій языкъ разныи мѣстъ изъ Діона Кас-
сія, Геродіана, Светонія и такъ-называемыхъ Scriptores historiae
Augustae. Объемистое сочиненіе студента Стефанова, кромѣ перевода
(хорошаго, но уступающаго переводу Гиппоята въ легкости слога) и
двухъ пространныхъ комментаріевъ, грамматического и историческаго,
имѣло предисловіе, въ которомъ говорится объ изданіяхъ сочиненій
Юліана; затѣмъ вкратцѣ излагается жизнь императора, и наконецъ,
авторъ даетъ литературную оценку сатири. Изъ сочиненія Стефанова
видно, что онъ основательно ознакомился съ предметомъ, который
очевидно заинтересовалъ его. Сочиненіе это, далеко выходящее за
рамки предложеній темы, можно считать вполнѣ удовлетворитель-
нымъ; вѣкоторые недосмотры и шероховатости въ изложеніи слѣдуетъ
приписать продолжительной болѣзни Стефанова, лишившей его воз-
можности окончательно пересмотрѣть и исправить свою работу. На
тему, предложенную профессоромъ всеобщей исторіи, представили со-
чиненія студентъ IV курса Никитскій и три студента III курса.
Никитскій написалъ большое сочиненіе на тему: „Миерадать Великій:
очеркъ жизни и царствованія его по древнимъ авторамъ и надписямъ“.
Исторія Миерадата доведена Никитскимъ приблизительно до 79 года
до Р. Х. Это сочиненіе представляетъ полный шагъ Никитскаго въ
научной подготовкѣ, сравнительно съ прекрасной работой его, пред-
ставленной въ прошломъ году. Съ большими стараніемъ молодой
авторъ собралъ всѣ извѣстія древнихъ писателей, воспользовался
всѣми надписями, выѣюнными отношеніе къ его предмету, изучилъ
главныи пособія. Извѣстія древнихъ авторовъ о первой половинѣ
царствованія Миерадата, до начала борьбы его съ Римлянами, чрез-
вычайно скучны и имѣютъ по мѣстамъ совершенно сказочный харак-
теръ. Никитскій сдѣлалъ все что могъ изъ этихъ извѣстій, разобралъ
ихъ съ большою тщательностью. Онъ остроумно объясняетъ иското-
рыя странности въ разказѣ Юстина. Напримеръ, разказъ о томъ,
что Миерадать семъ лѣтъ скрывался въ лѣсахъ и горахъ, такъ что
никто не зналъ, гдѣ онъ находится. Никитскій объясняетъ стара-
ніями придворной партіи, преданной молодому царю, счасти его жизнь
отъ грозившихъ покушеній. Авторъ показываетъ, что у Юстина пре-
увеличена продолжительность времени, когда были приняты такія
предосторожности. Замѣчательнѣе всего въ трудѣ г. Никитскаго то,
какъ онъ хронологически распредѣляетъ таврическіе походы Діофанта,
которые обратили на себя вниманіе ученаго міра, благодаря пре-
красному открытию Одесского Общества исторіи и древностей. Никит-

скій помѣщаетъ первый походъ Диофанта и покореніе Крыма Миерадатомъ гораздо раньше, чѣмъ всѣ ученые, а именно раньше 104 года, то-есть, до вмѣшательства Миерадата въ дѣла Великой Капидоакіи. По мнѣнію Никитскаго, переправа небольшаго войска моремъ изъ Синопы въ Херсонесъ подъ начальствомъ Диофанта была первою воиною царствованія Миерадата; завоеваніе Колхиды и восточаго берега Чернаго моря произошло послѣ покоренія Крыма. Доводы молодаго автора весьма разумны и основательны, и кажется, съ ними должно согласиться. Такимъ образомъ мы приобрѣтаемъ болѣе вѣрное и ясное понятіе о всемъ ходѣ царствованія Миерадата. Это большая похвала для студенческой работы, но всякий, кто прочтетъ трудъ Никитскаго и сравнить съ существующими въ наукѣ изложеніями того же предмета, согласится, что такая похвала не преувеличена. Въ подробностяхъ объясненія дѣйствій Диофанта г. Никитскій принимаетъ мнѣніе г. Бурачкова, помѣстившаго статью объ этомъ предметѣ въ XII томѣ Записокъ Одесского Общества; противъ топографическихъ объясненій г. Бурачкова можно возражать; можно, конечно, не соглашаться и съ разными замѣчаніями Никитскаго касательно тѣхъ или другихъ частныхъ вопросовъ, но всюду въ сочиненіи видно самое старательное отношеніе къ дѣлу, внимательная обработка всего матеріала. Надпись въ честь Диофанта и болыни эфесской надпись времени Миерадата разобраны почти во всѣхъ подробностяхъ. Студентъ III курса Новосадскій написалъ весьма дѣльную работу на тему: „Помпей на Востокѣ“. Поставивъ точность первымъ себѣ правиломъ, чтѣ выражено и въ девизѣ сочиненія, взятомъ изъ Іосифа Флавія, авторъ воздерживается отъ рѣшительного опредѣленія въ такихъ фактическихъ вопросахъ, о коихъ мы имѣемъ нѣсколько различныхъ показаній у древнихъ. Заслуживаетъ похвалы и то, что авторъ не повторяетъ общихъ сужденій знаменитыхъ новыхъ ученыхъ о политическомъ положеніи Рима, о дѣятельности и характерѣ Помпея и другихъ выдающихся лицъ. Новосадскій въ изложениіи событий держится, такъ-сказать, на официальной почѣ: у него и трибунъ А. Габиній остается безъ порицаній и обличій; для Новосадскаго не столько важны честолюбіе и тайные замыслы Помпея, сколько то, что Помпей не обманулъ ожиданій народа, но блестящимъ образомъ выполнилъ лежащую на немъ задачу. Авторъ отстраняетъ борьбу политическихъ партій въ Римѣ и ограничивается изложеніемъ военныхъ событий на Востокѣ, прямою свою темою. Онъ излагаетъ въ хронологическомъ порядкѣ событий 67-го и слѣдующихъ годовъ и оканчи-

вается триумфомъ Помпея въ 61-мъ. Всѣ отдельные пункты обработаны съ большими стараниями, по всѣмъ существующимъ указаниемъ у древнихъ авторовъ. Весьма хорошо и самостоятельно разобрана битва при Никополѣ. Дѣльно замѣчаніе о Брогитарѣ, взятъ Дейотара. При этомъ слuchaѣ, какъ и въ другихъ пунктахъ, обращено вниманіе и на варианты чтеній. Хорошо также и то, что авторъ, дляясненія дѣла, пользуется такими источниками, въ которыхъ излагаются события или учрежденія, аналогичныя дѣламъ Помпея, напримѣръ, топонименіемъ Апсуганум, изъ которого удачно и кстати приводятся цитаты; пользуется авторами въ родѣ Амміана Марцелліана, изображающими тѣ стропы, гдѣ дѣйствовалъ Помпей. Проникшись уваженіемъ къ личности Помпей, Новосадскій отказывается вѣрить древнимъ авторамъ тамъ, гдѣ они сообщаютъ содержаніе непомѣрно хвастливыхъ *tabulae votivas* Помпей. Удовлетворительными работы подали студенты III курса: Якупевичъ — на тему „События греческой исторіи отъ смерти Енаминопса до начала Филиппа“ и Остройтъ, на тему „Виріатъ“. На тему, предложенную профессоромъ греческой словесности „ex Iliadis carminibus IX, X, XI hiatus exempla colligantur“ представилъ сочиненіе на латинскомъ языкѣ студентъ III курса Рустъ. На темы, предложенные профессоромъ латинского языка, сочиненія представили студенты IV курса Томасонъ и Тубасовъ. Первый изъ нихъ написалъ работу на тему: „Художественная сторона языка Платта въ комедіи *Pseudolus*“. Авторъ поставилъ себѣ задачею прослѣдить въ языкѣ Платта выраженіе душевныхъ состояній действующихъ лицъ и разобрать, на сколько въ формѣ оборотовъ и подборѣ словъ отражаются вызывающіе ихъ аффекты. Держась строго-психологического принципа, авторъ высказываетъ похвальное стремленіе придать болѣе жизненности той части интерпретаціи древняго автора, которая обыкновенно сводится къ мертвой терминологіи. Томасонъ основательно изучилъ разбираемую имъ комедію Платта съ примѣчаніями Лоренца и сочиненіе Гербера „Die Sprache als Kunst“, теорію котораго онъ однако отвергаетъ, въ чёмъ съ нимъ, по крайней мѣрѣ отчасти, нельзя не согласиться. Недостатокъ сочиненія Томасова состоять въ томъ, что въ немъ разобралъ только первый актъ комедіи. Работа Тубасова на тему: „Авлъ Геллій, какъ источникъ для исторіи римской литературы“, представляетъ собою тщательное собраніе встрѣчающихся у Геллія отрывковъ памятниковъ римской литературы, классификацію ихъ по рядамъ и періодамъ, подборъ сообщающихся Гелліемъ біографическихъ свѣдѣній о писателяхъ и довольно удачную попытку свя-

зать ихъ между собою съ цѣлью опредѣлить значеніе Геллія, какъ источника для исторіи римской литературы. Изъ сочиненія Тубасова видно, что онъ близко ознакомился съ Гелліемъ, и кромѣ того, основательно изучилъ исторію римской литературы по лекціямъ профессора Миллера и по книгѣ Тейфеля. По исторіи греческой литературы представили сочиненія студенты III курса Шлиганиовичъ и Поляковъ, первый—на тему „Пріемы характеристики дѣйствующихъ лицъ въ трагедіяхъ Софокла“, второй—на тему „Киклопъ Гомера и Киклопъ Еврипіда“.

Студенты IV курса, какъ и прежде, занимались въ гимназіи при институтѣ. Занятія эти состояли въ томъ, что студенты посѣщали даваемые наставниками-руководителями уроки, преподавали сами подъ руководствомъ наставниковъ-руководителей и въ вечернихъ бесѣдахъ съ ними разбирали свои уроки и знакомились съ учебниками, принятymi въ гимназіяхъ, или вновь вышедшими. По греческому языку студенты упражнялись въ VIII и V классахъ, гдѣ читались Софокль (Аяксъ), Демосѳена Олинескій рѣчи, Одиссея и Анаѳазисъ Ксенофonta. Большинство данныхъ студентами уроковъ приходилось на объясненія Демосѳена, при чёмъ было обращено особое вниманіе на правильный и точный переводъ текста, и Ксенофonta, дающаго обильный материалъ для синтаксическихъ объясненій и повторенія этимологіи. Кромѣ того, въ VIII классѣ студенты разбирали письменные упражненія, а въ V, въ концѣ каждого урока, предлагали небольшія фразы для письменного перевода съ русскаго на греческій. Бесѣды состояли въ разборѣ данныхъ уроковъ, иногда въ подготовленіи къ урокамъ, и наконецъ, въ разборѣ учебныхъ книгъ. На бесѣдахъ по русскому языку и словесности, кромѣ обсужденія данныхъ студентами уроковъ, чтѣ въ первое полугодіе, когда студенты лишь приступили къ преподаванію, было главнымъ занятіемъ,—выяснена была цѣль и послѣдовательность преподаванія русскаго языка и словесности и были разобраны различные учебники по этому предмету.

Вслѣдствіе ходатайства конференціи института, министерствомъ народнаго просвѣщенія разрѣшено снова открыть въ институтѣ, съ начала 1882—1883 учебнаго года, специальный разрядъ исторіи, закрытый въ 1874 году, и ввести на этомъ разрядѣ преподаваніе географіи. Со введеніемъ на историческомъ отдѣлѣніи специальныхъ курсовъ по географіи, институту открывается возможность приготовлять учителей не только исторіи, но исторіи и географіи, чтѣ требуется гимназическимъ уставомъ. Конференціей составлено и министерствомъ

утверждено слѣдующее распределеніе преподаванія въ двухъ высшихъ курсахъ на разрядѣ исторіи и географіи: Въ третьемъ курсѣ студенты разряда исторіи и географіи, кромѣ общихъ лекцій для всѣхъ трехъ разрядовъ, будутъ слушать курсъ всеобщей исторіи со студентами русской словесности и курсы греческихъ и римскихъ древностей со студентами разряда древнихъ языковъ, а сверхъ того, будутъ имѣть двѣ специальные лекціи для изученія источниковъ русской исторіи, одну для изученія источниковъ древней всеобщей исторіи, двѣ по математической географіи, итого семь специальныхъ лекцій, всего же 26 лекцій въ недѣлю. Въ четвертомъ курсѣ, кромѣ общихъ лекцій по древнимъ языкамъ для всѣхъ разрядовъ, студенты разряда исторіи и географіи будутъ имѣть двѣ специальные лекціи для изученія источниковъ русской исторіи, двѣ для изученія источниковъ всеобщей исторіи (средней и новой), двѣ по физической географіи, двѣ по политической географіи, итого восемь специальныхъ лекцій, а съ общими 16 лекцій въ недѣлю и 9 часовъ въ недѣлю практическихъ занятій въ гимназіи.

Студентовъ состояло въ институтѣ въ 1-му января 1881 года 117, въ теченіе 1881 года вновь поступило 14, въ томъ числѣ: изъ гимназій 8, изъ духовно-учебныхъ заведеній 6; въ 1881 году выбыло 42, изъ нихъ до окончанія курса 15, по окончанію курса 27; затѣмъ къ 1-му января 1882 года оставалось на лицо 89. Изъ числа окончившихъ курсъ 7 определены на имѣвшіяся учительскія вакансіи, одинъ, какъ стипендіатъ духовного вѣдомства, переданъ въ распоряженіе сего вѣдомства, остальные не получили немедленно назначенія, но для большинства изъ нихъ имѣлись уже въ виду вакансіи. Троє изъ студентовъ прежнихъ выпусковъ были командированы за границу съ ученою цѣлію. Одинъ изъ нихъ, Шмидтъ фонъ-деръ Лауницъ, какъ видно изъ присланныхъ имъ отчетовъ, прилежно занимался изученіемъ древнихъ языковъ въ Боннскомъ и Страсбургскомъ университетахъ и въ скоромъ времени долженъ возвратиться въ Россію. Другой, Корольковъ, командированъ въ Грецію для изученія эпиграфики и ознакомленія на мѣстѣ съ памятниками древняго міра. Въ этихъ занятіяхъ Корольковъ смѣнилъ недавно возвратившагося изъ Аѳинъ, бывшаго студента института Вас. Латышева. Императорское Русское археологическое Общество, уже давно желавшее заняться собраніемъ древнихъ греческихъ надписей, найденныхъ въ предѣлахъ Россіи, рѣшило поручить списываніе и сличеніе копій съ этихъ надписей г. Латышеву. Въ продолженіе двухъѣтнаго пребыванія

въ Греціи г. Латышевъ, быстро совершенствуясь, достигъ рѣдкаго искусства въ списываніи и чтеніи надписей, пріобрѣлъ глубокія познанія въ греческихъ древностяхъ и написалъ цѣлый рядъ замѣчательныхъ работъ. Ему удалось открыть нѣсколько интересныхъ греческихъ надписей, изъ которыхъ особенно важенъ сенатусконсультъ средины II вѣка до Р. Х.

Денежныя средства института состояли изъ штатныхъ суммъ, которыхъ отпущено было изъ государственного казначейства 99,012 руб.; изъ нихъ израсходовано было 95,543 руб.; къ 1-му января 1882 года имѣлось въ остаткѣ 3,469 руб. Библіотека института къ 1-му января 1882 года заключала въ себѣ книгъ 9,208 названий 17,952 тома.

Казанскій ветеринарный институтъ.

Въ Казанскомъ ветеринарномъ институтѣ къ 1-му января 1882 года состояло штатныхъ преподавателей: ординарныхъ профессоровъ 3 (въ томъ числѣ директоръ института), экстраординарныхъ 1, доцентовъ 2, прозекторъ 1, учѣпій кузнецъ 1. Сверхъ того, имѣлись 13 преподавателей по найму. Въ состоящей при институтѣ ветеринарно-фельдшерской школѣ состояли 1 законоучитель и 2 преподавателя.

Совѣтъ института въ 1881 году имѣлъ 29 засѣданій, на которыхъ обсуждены, между прочимъ, слѣдующіе вопросы: а) Всѣльдствіе отмѣны изданной въ 1879 году временної инструкціи для инспекцій за студентами института и времененныхъ правилъ для студентовъ онаго, совѣтомъ пересмотрѣны институтскія правила для студентовъ, имѣвшія силу до 1879 года, и составлены, согласно требованіямъ и указаніямъ министерства народнаго просвѣщенія, новые правила для студентовъ и инструкцій инспектору, который, по утвержденію ихъ по-печателемъ Казанскаго учебнаго округа, введенъ въ руководство. б) Директоръ института, па основаніи данныхъ, добытыхъ комиссией по дѣлу о бывшихъ въ институтѣ безпорядкахъ, заявилъ, что первою и главною причиной оныхъ оказывается недостаточное развитіе студентовъ и вообще извращенія понятія о долгѣ, чести и проч., и что невысокій уровень общеблагородственной подготовки ихъ позволяетъ заключить, что многіе изъ нихъ едва ли будутъ достойными представителями ветеринарной медицины и полезными общественными дѣятелями, — предложилъ ходатайствовать объ отмѣнѣ приема въ институтъ лицъ, не окончившихъ гимназическаго курса. Совѣтъ, раздѣливъ это заключеніе, опредѣлилъ представить записку директора на усмотрѣніе высшаго начальства. в) Убѣдившись лично, что состояніе нашихъ ветеринарныхъ институтовъ представляется неудовлетвори-

тельнымъ, и что лица, окончившія въ нихъ курсъ, находять съ большимъ затрудненіемъ соотвѣтствующую дѣятельность, что отчасти объясняется несоответствиемъ полученного ими образованія съ потребностями земства и общества, г. министръ народнаго просвѣщенія, признавая коренное измѣненіе ненормального положенія ветеринарныхъ институтовъ настоятельно необходимымъ, предложилъ войти въ обсужденіе вопроса: признается ли болѣе удобнымъ возвысить уровень научной подготовки ветеринарныхъ студентовъ посредствомъ установлѣнія требованія отъ нихъ аттестатовъ зрѣлости, или же возможно оставаться при нынѣшней научной подготовкѣ лицъ, поступающихъ въ институты, но вмѣстѣ съ тѣмъ озабочиться возможнымъ приспособленіемъ институтовъ къ чисто-практическимъ потребностямъ земства и общества. Совѣтъ института, обсудивъ вышеизложенное, призналъ необходимымъ увеличить образовательный центръ молодыхъ людей, поступающихъ въ ветеринарные институты, требованіемъ объема научной подготовки, установленной для поступающихъ на медицинскіе факультеты университетовъ. Независимо отъ сего, находя нынѣшнюю подготовку въ институтѣ дѣйствительно недостаточную, совѣтъ постановилъ: для основательного и всестороннаго обсужденія существующаго строя учебныхъ занятій составить комиссию изъ членовъ совѣта и пѣкоторыхъ преподавателей ветеринарныхъ предметовъ, поручивъ ей выработанія ею заключенія представить совѣту. г) Въ видахъ предоставления студентамъ института большаго удобства для занятій виѣ-лекціонныхъ часовъ, совѣтъ призналъ возможнымъ ходатайствовать объ учрежденіи при институтѣ читальной компаніи для студентовъ на основаніяхъ, проектированныхъ для читальни студентовъ Казанскаго университета. На ходатайство это послѣдовало разрѣшеніе министерства народнаго просвѣщенія, вслѣдствіе чего и согласно пропитанію основаніемъ, избрать замѣдущій читальнею и составлены правила для пользованія ею; по утвержденіи этихъ правилъ они введены въ руководство и читальня открыта. д) Имѣя въ виду, что сборъ за лѣченіе животныхъ въ постоянныхъ клиникахъ института производится по таксѣ, утвержденной въ 1876 году, и что въ настоящее время цѣны на продовольственные припасы значительно возросли, такъ что содержаніе больныхъ животныхъ, не считая лѣкарственныхъ припасовъ, обходится дороже взимаемой платы,—совѣтъ призналъ справедливымъ таксу сбора возвысить, назначивъ за содержаніе и лѣченіе лошади 35 коп. и коровы 25 коп., вмѣсто взимавшихся доселѣ 25 и 15 коп. въ день, что и утверждено попечи-

телемъ Казанскаго учебнаго округа. е) Всѣдѣствіе занятое преподавателемъ химіи о необходимости имѣть лаборанта при химической лабораторії, соѣтъ вошелъ съ ходатайствомъ объ учрежденіи штатной должности лаборанта; до разрѣшенія же этого представленія испросилъ разрѣшеніе имѣть лаборанта по найму съ вознагражденіемъ по 500 руб. изъ суммы университета; сверхъ того, испросилъ разрѣшеніе на наемъ добавочныхъ служителей для вновь сформированныхъ кабинетовъ по естественно-историческимъ предметамъ.

Въ 1881 году профессоры и другіе служащіе института издали въ свѣтъ слѣдующіе ученые труды: профессоръ Ланге напечаталъ „Отчетъ о командаровкѣ на Мариинскую водную систему“. Преподаватели: Леваковскій помѣстилъ въ Протоколахъ Общества естествоиспытателей при Казанскомъ университѣтѣ двѣ статьи: „Къ вопросу объ измѣненіи клѣточной оболочки“ и „О вліяніи свѣта на число устьицъ“; Догель напечаталъ въ томъ же изданіи статью „Изслѣдованіе инервациіи сердца костистыхъ рыбъ“; Залепскій помѣстилъ въ Zoologischer Anzeiger статью „Neue Untersuchungen über die Entwicklungsgeschichte der Salpen“ и напечаталъ „Отчетъ объ ученыхъ занятияхъ въ заграницкой командаровкѣ въ 1880—1881 г.“ Ассистентъ Льзовъ помѣстилъ въ Архивъ ветеринарныхъ наукъ статью „Строеніе новообразованія при такъ-называемой жемчужной болѣзни“. Магистры ветеринарныхъ наукъ: Клеверъ, Леманъ и Чуловскій напечатали: первые двое— „Ветеринарную фармакопею“, послѣдній— „Материалъ для сравнительной анатоміи груднаго, брюшнаго и тазоваго отдѣловъ симпатической нервной системы у цѣкоторыхъ домашнихъ животныхъ“.

Студентовъ къ 1-му января 1881 года состояло 161, въ теченіе 1881 года вновь поступило 20 (16 изъ гимназій, 1 изъ Дерптскаго ветеринарного института, 1 изъ военно-медицинской академіи, 1 бывшій студентъ Харьковскаго ветеринарного института и 1 изъ Варшавской ветеринарной школы); въ теченіе года выбыло 73, въ томъ числѣ: по окончаніи курса 41, до окончанія курса 32 (4 по прошениямъ, 7 за невыносимость платы, 20 исключено за беспорядки, 1 умеръ); затѣмъ къ 1-му января 1882 года оставалось на лицо студентовъ 108, которые распределены были по курсамъ слѣдующимъ образомъ: въ I-мъ курсѣ—18, во II-мъ—20, въ III-мъ—28, въ IV-мъ—42. Изъ числа 108 студентовъ 15 пользовались казенными стипендіями на сумму 3,000 руб., стипендіатовъ земскихъ было 3. Освобождено отъ платы 35, вносявшихъ половину плату было 2, пользовались разсрочкою

платы 47. Единовременных пособий студентамъ, изъ суммъ института, выдано было на 828 руб., на продовольствіе дневныхъ дежурныхъ при клиникахъ студентовъ 90 руб. Окончившіе курсъ института 41 студентъ удостоены степени петеринара, изъ нихъ 7 съ отличиемъ (смн eximia laude). Учениковъ въ ветеринарно-фельдшерской школѣ состояло къ 1-му января 1881 года 15, къ 1-му января 1882 года оставалось на лицо 17, которые были распределены по классамъ такъ: въ I-мъ классѣ 5, во II-мъ—6, въ III-мъ—6.

Денежные средства института находились въ слѣдующемъ положеніи: начатыхъ суммъ къ 1-му января 1881 года имѣлось 6,810 р., въ 1881 году ассигновано изъ государственного казначейства 50,841 р. (на содержаніе личнаго состава 28,941 руб., на хозяйственныя расходы 18,900 руб., на стипендіи 3,000 руб.), въ теченіе года израсходовано 52,625 руб. 57 коп., затѣмъ къ 1-му января 1882 года имѣлось остатка 5,026 руб. 16 коп. Специальные средства: а) сбора за слушаніе лекцій: остатка отъ 1880 года имѣлось 619 руб. 64 к., въ 1881 году поступило 2,829 руб. 17 коп., въ теченіе года израсходовано 2,480 руб. 23 коп., къ 1882 году состояло на лицо 968 р. 58 коп.; б) сбора за лечение животныхъ въ клиникахъ: къ началу 1881 года имѣлось остаточныхъ 343 руб. 20 коп., въ теченіе года поступило 259 руб. 20 коп., израсходовано 308 руб. 1 коп., къ 1-му января 1882 года оставалось на лицо 294 руб. 89 коп.

Учебно-вспомогательныя учрежденія института къ 1-му января 1882 года находились въ слѣдующемъ положеніи: Въ библіотекѣ числилось: книгъ, периодическихъ изданий, плановъ, гравюръ и эстамповъ 2,339 позывай 3,717 томовъ на сумму 9,948 руб. Въ физическомъ кабинетѣ: разныхъ предметовъ и приборовъ 245 нумеровъ на 3,069 руб.; въ химическомъ кабинетѣ — 424 пумера на 3,392 руб.; въ фармакогностическомъ кабинетѣ — 1,232 нумера на 4,082 руб.; въ минералогическомъ кабинетѣ — 598 пумеровъ на 1,384 руб.; въ ботаническомъ кабинетѣ и гербаріѣ — 109 нумеровъ на 1,431 руб.; въ зоологическомъ собраниї — 844 нумера на 2,282 руб.; въ музей анатомическаго театра — 576 нумеровъ на 4,409 руб.; въ зоотомическомъ кабинетѣ — 1,012 нумеровъ на 3,702 руб.; въ кабинетѣ моделей домашнихъ животныхъ — 127 нумеровъ на 663 руб.; въ кузнiciѣ — 206 нумеровъ на 662 руб.; въ сельско-технологическомъ кабинетѣ — 142 нумера на 964 руб.; въ физиолого-химическомъ кабинетѣ — 2,502 нумера на 10,529 руб.; въ аптекѣ — 983 пумера на 2,711 руб.; въ кабинетѣ образцовыхъ подковъ и разнаго рода коньтъ — 113 нумеровъ

на 381 руб.; въ собраніи зубныхъ препаратовъ — 22 нумера на 63 р.; въ собраніи воокиургическихъ инструментовъ — 491 нумеръ на 1,369 руб.; въ клиникахъ — 979 пумеровъ на 6,073 руб.; итого въ учебно-вспомогательныхъ учреждепіяхъ находилось 11,341 нумеръ на сумму 57,114 руб.

Большая часть поименованныхъ учебно-вспомогательныхъ учреждений служили для практическихъ занятій студентовъ института. Занятія эти въ 1881 году состояли въ слѣдующемъ: по анатоміи студенты II-го курса, въ назначенные расписаніемъ часы, ежедневно занимались по группамъ приготовленіемъ и изученіемъ назначенныхъ имъ препаратовъ мышечной, нервной и сосудистой системъ, а также препаратовъ внутренностей. По изготовленнымъ препаратамъ студенты, въ назначенные дни, демонстрировали ихъ по группамъ, при чемъ результаты такихъ демонстрацій запосились въ особо-запеденную для того книгу отмѣтокъ по занятіямъ практической зоотоміей. Для практическихъ занятій приобрѣто было различныхъ животныхъ, а также и органовъ и частей тѣла на 202 руб.; кромѣ того употреблялись трупы животныхъ, доставляемыхъ городскими ветеринарами. Студенты I-го курса въ первомъ полугодіи преимущественно занимались изученіемъ остеологіи и синдесмологіи, а во второмъ — изученіемъ препаратовъ внутренностей. Занѣдующимъ кабинетомъ приготовлены къ печати два сообщенія: „Къ казуистикѣ внутрепнныхъ грызъ у собакъ“ и „Аномалии почечныхъ артерій у собакъ“. Въ физіологіо-гистологическомъ кабинетѣ, кромѣ демонстрацій препаратовъ, схемъ и моделей по общей и частной гистологіи и эмбриологіи и демонстрацій опытовъ по экспериментальной физіологии, имѣли постоянныя мѣста для ежедневныхъ занятій 8 студентовъ I-го курса, 10 студентовъ II-го курса, 2 студента III-го курса и 1 ветеринарный врачъ. Въ кабинетѣ сдѣлаши и подготавливаются преподавателемъ къ печати работы: „О зарожденіи мышечныхъ волоконъ, ростѣ и смерти ихъ у взрослыхъ животныхъ“ и „Лимфатическая система сердечной мышцы“. Занятія по патологической анатоміи заключались въ вскрытии студентами IV-го курса труповъ животныхъ съ составлениемъ о томъ протоколонъ; материаломъ для этого служили 38 различныхъ животныхъ. Студенты III-го курса ежедѣйно по 6 часовъ занимались по патологической гистологіи. Въ фармаакологическомъ кабинетѣ практическія занятія студентовъ III-го курса состояли въ повѣркѣ ва практикѣ (экспериментально) всего заслушанаго по теоретическимъ лекціямъ. Магистрантъ Гумилевскій работалъ

въ фармакологіческій лабораторії надъ віяніємъ сокращенія мышцъ задніхъ конечностей па кровообращеніе ноги дніхъ. Въ кабінетѣ частной патологіи и зізоотії студенты IV-го курса, совмѣстно съ асистентомъ терапевтической клиники, производили експериментальна и патолого-анатомическая ізслѣдованія падъ інфекціонными болѣзнями домашніхъ животныхъ, а одинъ студентъ—падъ культивировкою пигдѣ еще не описанной глисты, найденої имъ въ крови лошади. Для объясняюю цѣли было приобрѣтено и содержимо при клиникѣ заразительныхъ болѣзней 43 животныхъ; кромѣ того пѣкоторые студенты IV курса, для изученія дифференціальнай діагностики внутренихъ болѣзней занимались микроскопи-ческимъ и химическимъ ізслѣдованіемъ екскрементовъ (преиму-щественно мочи) больныхъ животныхъ. Въ первомъ полугодія постоянно работали по патологической гистологіи два студента II курса, при чемъ одинъ изъ нихъ подалъ работу на заданную совѣтою тему: „Строеніе новообразованія при такъ-называемой жемчужной болѣзни“. Въ аптекѣ и фармацевтической лабораторії студенты IV курса, подъ руководствомъ доцента и лаборанта, подобно пред-шествующимъ годамъ, упражнялись въ составленіи лекарствъ и фар-мацевтическихъ препаратовъ. Въ химической лабораторії студенты III курса, два раза въ недѣлю, занимались практическіи по аналити-ческой хімії. По судебной ветеринарії студенты IV курса за-нимались вскрытиемъ трупопоѣ и составленіемъ судебно-ветеринарныхъ протоколовъ, для чего приобрѣтено было 20 труповъ животныхъ. Въ ветеринарной кузницѣ студенты IV курса и ученики ветеринар-но-фельдшерской школы практиковались въ видѣлкѣ подковъ сначала изъ синица, а потомъ изъ желѣза, а также расчисткѣ мертвыхъ ко-лыть. Кромѣ того, трое студентовъ III курса занимались видѣлыва-ніемъ подковъ. По ботаникѣ студенты I курса, подъ руководствомъ профессора університета, упражнялись въ приготовленіи гистологи-ческихъ препаратовъ и въ постановкѣ физиологическихъ опыта. Въ терапевтическій и хирургической клиникахъ, въ назпа-чепные на то ежедневно часы, завѣдующе клиниками знакомили студентовъ III и IV курсовъ съ методами распознанія и леченія животныхъ, состоявшихъ въ стационарной клиникѣ и представи-лыхъ въ ону, какъ амбулаторніхъ. Для дифференціальной діаг-ностики внутренихъ болѣзней профессоръ обратилъ особенное вни-мание студентовъ на важность микроскопическихъ и химическихъ із-слѣдованій екскрементовъ (главнымъ образомъ мочи больныхъ живот-

ныхъ), чтѣ въ болѣе важныхъ случаяхъ — производилось студентами IV курса въ терапевтическомъ кабинетѣ подъ его непосредственнымъ руководствомъ. Для наблюденія за ходомъ болѣзней животныхъ въ стационарной клинике студенты IV курса назначались кураторами; имъ же въ помощь даваемы были ученики ветеринарно-фельдшерской школы, съ цѣлью пріученія послѣднихъ къ правильному уходу за больными животными. Сверхъ того студенты III и IV курсовъ исполняли ежедневно въ клиникахъ по очереди дежурство, примѣненія, подъ руководствомъ ассистентовъ, врачебныя мѣры, предложенные заѣдущими клиниками. Въ теченіе года въ терапевтическую и хирургическую клиники доставлено было животныхъ 707. Изъ этого числа поступило: въ стационарную клинику 101, представлено какъ амбулаторныхъ животныхъ 592, лечено было полуклинически 14, больныхъ съ внутренними болѣзнями 261, съ наружными болѣзнями 446. Изъ 101 животныхъ, пользовавшихъ въ стационарной клинике, выздоровѣло и получило облегченіе 63, нало 25, осталось на излеченіе къ 1882 году 7. Кромѣ того въ клиникѣ заразительныхъ болѣзней для производства опытовъ привлекалася сапа, сибирской язвы, жемчужной болѣзни, бугорчатка человѣка, осы, а также для культивировки глистъ, находимыхъ въ крови лошади, страдающей желтухой и гематуріею, находилось 42 различныхъ животныхъ. Для ознакомленія студентовъ III и IV курсовъ съ чумою рогатого скота, подъ руководствомъ одного изъ профессоровъ и ассистента клиники, было предпринято нѣсколько экскурсій въ ближайшія деревни, гдѣ чума развилась эпизоотически. При этихъ экскурсіяхъ было обращено вниманіе на этиологію, симптомы и въ особенности на патолого-анатомическую картину этой болѣзни, для чего и было произведено нѣсколько вскрытий труповъ павшихъ отъ чумы животныхъ.

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ КУРСЫ УЧИТЕЛЕЙ И УЧИТЕЛЬНИЦЪ НАЧАЛЬНЫХЪ НАРОДНЫХЪ УЧИЛИЩЪ въ гг. МИРГОРОДЪ, ГАДЫХЪ и КРЕМЕНЧУГЪ въ 1881 году.

На педагогические курсы въ г. Миргородѣ приглашены были учителя и учительницы начальныхъ народныхъ училищъ трехъ уѣздовъ: Миргородскаго, Полтавскаго и Зеньковскаго. Всѣхъ учителей и учительницъ, занимавшихся на курсахъ отъ начала до конца, было 36. Изъ этого числа Миргородскаго уѣзда 20 учителей и 2 учительницы,

Полтавского уѣзда 6 учителей и 1 учительница, Зеньковского уѣзда 6 учительницъ и 1 учитель. Большинство учителей получили свое образование въ уѣздныхъ училищахъ, а именно 16, остальные же въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ: 6 въ духовныхъ уѣздныхъ училищахъ и 3 въ духовной семинаріи, два изъ нихъ не окончили полного курса. Изъ 9 учительницъ, приглашенныхъ на курсы, 5 получили образование въ Полтавскомъ епархиальномъ училище; одна изъ нихъ не окончила полного курса, 3 въ женскихъ прогимназіяхъ, одна домашнего воспитанія.

Общее и педагогическое образование значительного большинства учителей и учительницъ удовлетворяетъ только самымъ синкодительнымъ требованиямъ. Къ самымъ важнымъ пробламъ въ ихъ общемъ образованіи должны быть отнесены: неуѣзные говорить просто, ясно, спокойно и правильно, недостаточность и поверхность тѣхъ элементарныхъ свѣдѣній, передача которыхъ составляетъ прямую обязанность учителя пародной школы, неподготовленность пользоваться книгой, какъ источникомъ знаній.

Такая недостаточность общаго образования вполнѣ отвѣчаетъ отсутствію въ нихъ и основательного образованія педагогического. Въ послѣднемъ отложеніи очень значительное большинство учителей и учительницъ безошибочно могутъ быть названы совсѣмъ неподготовленными. Звуковой способъ обученія грамотѣ-письму они превращаются въ звукочитательный, объяснительное чтеніе—въ безвязное tolkovanie искоторыхъ словъ читаемаго текста, заканчивая это tolkovanie лишенными всякой послѣдовательности пересказомъ прочитанной статьи. Въ преподаваніи ариѳметики рѣзко выдается тотъ же недостатокъ цѣлесообразной системы, примѣнительно къ характеру и постепенности дѣтскаго развитія. Всѣ занятія по этому предмету, какъ они велись учителями и учительницами въ ихъ школахъ, должны быть названы безсистемнымъ производствомъ четырехъ ариѳметическихъ дѣйствій подъ цифрами, съ прибавкою решенія задачъ, безъ опредѣленнаго плана. О выводахъ въ этомъ случаѣ не можетъ быть и речи.

Вотъ въ общихъ чертахъ та позавидная подготовка, съ которой очень значительное большинство учителей и учительницъ явились на кратковременные педагогические курсы въ г. Миргородѣ. Конечно, было бы несправедливо утверждать, что это большинство совсѣмъ не имѣть никакой педагогической опытности; отрицать опытность у него нельзя; но нельзя, съ другой стороны, не замѣтить, что это опытность какая-то случайная, результатъ счастливаго выхода изъ

какого-нибудь ужъ слишкомъ крупнаго частнаго затрудненія, а не система выводовъ изъ послѣдовательныхъ наблюдений надъ жизнью школы. И самая жизнь школы для значительного большинства учителей и учительницъ представляется очень темною и мало понятною. Задачу школы это большинство видѣло въ томъ, чтобы научить школьника только механизму чтенія, письма и счисленія.

Понятно, что планъ, выборъ предметовъ и характеръ занатій на педагогическихъ курсахъ расчитаны были на устраниеніе указанныхъ недостатковъ общаго и педагогического образованія учителей и учительницъ. Впрочемъ, въ постановкѣ практической части занятій встрѣтились большія затрудненія со стороны личнаго состава примѣрной школы. Ученики средней и старшой группы по своему развитию и навыкамъ почти не отибчали цѣлямъ примѣрной школы при братковременныхъ педагогическихъ курсахъ. За весьма немногими исключеніями, они не владѣли привычкой читать бѣгло и правильно. Особенно трудно было подбирать для нихъ самостоятельные работы, назначаемыя ученикамъ старшихъ группъ толково поставленной народной школы. Приходилось ограничиваться самыми простѣйшими видами работъ, а всѣ остальные отнести къ теоретической части занятій, выяснить ихъ учителямъ и учительницамъ на примѣрахъ.

Весь личный составъ примѣрной школы, состоявший изъ 22 человѣкъ, дѣлился на три группы: въ младшей 8, въ средней 10, въ старшой 4. Распределеніе сдѣлано было на основаніи предварительного экзамена изъ довольно большого количества желающихъ обучаться въ примѣрной школѣ.

Экзаменъ производилъ руководитель въ присутствіи всѣхъ учителей и учительницъ, которые потомъ, по окончаніи экзамена, дѣлили учащихся на группы, выбирая изъ всего числа желающихъ наиболѣе подготовленныхъ. При этомъ учители и учительницы практически ознакомились съ системою, постановкою и характеромъ предварительныхъ вопросовъ и съ основаніями распределенія на группы. Вопросъ о распределеніи учащихся на группы сильно занимаетъ всѣхъ учителей и учительницъ. По всему замѣтно, что удовлетворительное практическое решеніе этого вопроса составляетъ прямой интересъ ихъ; не было необходимости долго толковать о томъ, что больше трехъ группъ нельзѧ допустить въ школѣ; учители и учительницы, безъ всякихъ объясненій, по собственному опыту, очень хорошо знали, какое не-преодолимое препятствіе успѣху школьнаго дѣла представляетъ распаденіе школы на большое количество группъ, и если допускали въ

своихъ школахъ больше трехъ группъ, то по незнанию средствъ поддерживать дѣленіе школы на три группы, при разновременныхъ поступленияхъ въ школу и неаккуратныхъ посыщенихъ ея учениками. Въ бесѣдѣ съ руководителемъ по этому вопросу учителя и учительницы пришли къ необходимости принять слѣдующія мѣры: поступившихъ въ началѣ учебнаго времени подольше задерживать на подготовительныхъ занятіяхъ, каковы, напримѣръ, предметы бесѣды въ связи съ упражненіями въ черченіи и письмѣ, наглядно и просто выяснить родителямъ учениковъ и самимъ ученикамъ необходимость своевременного поступленія въ школу и аккуратнаго ее посыщенія. Для занятій въ примѣрной школѣ съ двумя старшими группами избраны были слѣдующія книги: Родное Слово ч. 1 и 2, Шашъ Другъ, Корфа и Дѣтскій Миръ, Ушинскаго. Послѣдній выбранъ былъ по недостатку другихъ наиболѣе употребительныхъ книгъ для чтенія въ школѣ, напримѣръ книги Водовозова.

Приступая къ самимъ занятіямъ въ примѣрной школѣ съ тремя группами по всѣмъ предметамъ курса народной школы, руководитель прежде всего изложилъ планъ, которому эти занятія должны слѣдовать, сообразно здѣшней начальной народной школы и кратковременности педагогическихъ курсовъ. Занятія съ младшою группою должны, по этому плану, практически раскрыть сущность и характеръ всѣхъ тѣхъ упражненій, изъ которыхъ слагается обученіе грамотѣ по звуковому способу въ связи съ письмомъ и черченiemъ, начиная отъ предметныхъ бесѣдъ и оканчивая письмомъ и сознательнымъ чтенiemъ фразы. Уроки по ариѳметикѣ въ этой группѣ представляли образцы изустнаго счисленія въ предѣлахъ 10 и письма цифръ.

Материалъ для уроковъ объяснительного чтенія въ средней группѣ брался изъ книги Ушинскаго Родное Слово г. 1-й и 2-й. Чтеніе книжки Родное Слово гдѣ 1-й устанавливало естественный переходъ отъ обученія грамотѣ-письму къ обученію чтенію книги, какъ посредственнаго источника запапія. При этомъ учителя и учительницы практически знакомились съ тѣми первоначальными приемами, при помощи которыхъ дѣти достигаютъ навыка читать небольшія статьи правильно, бѣгло, выразительно и сознательно. На урокахъ по той же самой книжкѣ учителя и учительницы имѣли возможность прослѣдить главные виды первоначальныхъ устныхъ и письменныхъ упражненій, сопровождающихъ и дополняющихъ объяснительное чтеніе, каковы, напримѣръ, перечисленіе названий предметовъ одной группы, поименование признаковъ или дѣйствій, какіе можно приписать тому или дру-

гому предмету, выписываніе словъ съ извѣстнымъ звукомъ, письменное изложеніе отвѣтовъ на поставленные учителемъ вопросы и запи-саніе дома. Нельзя не замѣтить, что подборъ самостоятельныхъ ра-ботъ для учениковъ составляетъ одинъ изъ труднѣйшихъ видовъ за-питій учителя народной школы. Въ бѣсѣдѣ съ руководителемъ по этому вопросу учителя и учительницы не высказались опредѣленно. Нѣко-торые, правда, заявили, что они въ своихъ школахъ даютъ учени-камъ разнообразныя самостоятельный письменныя работы, но указать точно, какіи именно, не могли. Но памяткамъ учениковъ примѣрной школы также трудно было догадаться, въ какихъ изустныхъ и осо-бенно письменныхъ самостоятельныхъ работахъ они чаще всего уп-ражнялись, такъ какъ никакихъ въ этомъ отношеніи навыковъ у нихъ не оказалось. Ясно было только одно, что самостоятельный устный и осо-бенно письменный занятія учениковъ составляютъ одну изъ самыхъ слабыхъ сторонъ школьнаго дѣла. Необходимо было на нее обратить побольше вниманія, поподробнѣе прослѣдить существенные виды этихъ важныхъ занятій. Матеріалъ для послѣдующихъ уроковъ объяснитель-наго чтенія въ этой группѣ избранъ былъ изъ всѣхъ трехъ отдѣловъ Родного Слова г. 2-й. Такой переходъ отъ одной книги къ другой, а также къ разнымъ отдѣламъ одной и той же книги сдѣланъ на томъ основаніи, что представляла учителямъ и учительницамъ возможность практическа отъ начала чтенія книги прослѣдить тѣ пути, по кото-рымъ должно идти приобрѣтеніе знаній учениками начальной народ-ной школы. Въ то же время, при такой постановкѣ занятій въ при-мѣрной школѣ, учителя и учительницы могли наглядно прослѣдить тѣ измѣненія и дополненія, которыя дѣлаются въ премахъ препода-ванія, когда предметомъ его становится болѣе сложный и разнообраз-ный учебный матеріалъ. Номимо методическихъ цѣлей, такимъ рас-порядкомъ практическихъ занятій достигались и другія, не менѣе существенныхъ цѣли: учителя и учительницы, подъ руководствомъ руково-дителя, основательнѣе изучили книжки Ушинскаго: Родное Слово г. 1-й и 2-й. Многія мѣста въ этихъ книжкахъ были для нихъ не-понятны. Такъ, они не понимали поговорки: „маль, да коноплянинъ, велика, да маховина“. Вообще третій отдѣль Роднаго Слова годъ 2-й почему-то не пользовался вниманіемъ учителей и учительницъ и не разучивался въ школахъ.

Кромѣ объяснительного чтенія, по книжкамъ Ушинскаго дано шѣ- сколько уроковъ церковно-славянскаго чтенія.

По ариѳметикѣ средняя группа начала свои занятія съ изученія

числа 10, следовательно, курсомъ младшей группы. Такъ сдѣлано было на томъ основаніи, что средняя группа оказалась неподготовленною къ прохожденію своего курса. Сущность и характеръ самыхъ начальныхъ занятій по ариѳметикѣ выяснены были на занятіяхъ съ младшою группою, уроками изустнаго счисленія въ предѣлахъ 10. Средняя группа, начинавшая изученія числа 10, связывала такимъ образомъ самые начальные занятія по ариѳметикѣ съ послѣдовательными и совмѣщала два курса: курсъ младшей группы и отчасти свой собственный. Выработка общихъ положеній, ясное и точное выражение ихъ и подготовка учениковъ къ самостоятельнымъ работамъ оказалось самымъ труднымъ дѣломъ для учителей и учительницъ, а следовательно и для учениковъ. На этой-то сторонѣ преподаванія ариѳметики и пришлось останавливать преимущественное вниманіе учителей и учительницъ.

Старшая группа начала свои уроки по объяснительному чтенію чтеніемъ книги: *Нашъ Другъ, Корфа*. Прочитано было два отдѣла. Книга: *Нашъ Другъ* написана въ дополненіе къ книжкамъ *Родное Слово*, и во многихъ школахъ служить книгою для класснаго чтенія. Не смотря на то, что способъ объяснительнаго чтенія по этой книгѣ подробно указанъ самимъ авторомъ, практическіе уроки по ней въ примѣрной школѣ оказались не только не лишними, но существенно необходимыми. Въ дальнѣйшихъ занятіяхъ объяснительнымъ чтеніемъ въ этой группѣ необходимо было показать учителямъ и учительницамъ способъ разучиванія болѣе сложныхъ статей, чѣмъ тѣ, которыя помѣщены на первыхъ страницахъ книги: *Нашъ Другъ*. Но такъ какъ книга не допускаетъ пропусковъ, а послѣдовательно добраться до такихъ статей не позволяло время курсовъ, то вместо *Нашъ Другъ* выбрана книга *Ушинскаго Дѣтскій Миръ*. Въ урокахъ объяснительнаго чтенія по той и другой книгѣ преимущественное вниманіе обращалось на тѣ упражненія, практика въ которыхъ оказывалась особенно необходимою для учителей и учительницъ. Такъ, раздѣленіе статьи на части, общая катехизація статьи, выясненіе идеи статьи и письменныя работы—самые трудные занятія для учителей и учительницъ. Они откровенно заявили, что въ своей школьной практикѣ пели объяснительное чтеніе довольно однообразно и односторонне во всѣхъ группахъ. Оно состояло у нихъ изъ чтенія съ логическими и вещественными разборомъ и пересказа прочитанной статьи, изъ которого преподаватель удостовѣрялся, что ученики усвоили ея содержаніе. Что касается письменныхъ работъ, связанныхъ

ныхъ съ объяснительными членіемъ, что они ограничивались изложениемъ содержания прочитанного, да диктовками. Каково это изложение, можно было судить по навыкамъ къ этимъ работамъ учениковъ примѣрной школы.

По ариѳметикѣ старшая группа начала свои занятия съ изученія числа 20 до 100 и выше 100. Уроки по этому предмету въ старшей группѣ дополняли то, что нельзя было сдѣлать на урокахъ въ средней группѣ, и такимъ образомъ оказывалась возможность выяснить связь и послѣдовательность въ приемахъ занятія этимъ предметомъ во всѣхъ трехъ группахъ народной школы. При изученіи чиселъ до 100 не всѣ числа изучались въ послѣдовательномъ порядке, а толькоѣкоторые, напр., 24, 36, 60 и друг. По упражненіямъ надъ этими числами учителя и учительницы наглядно видѣли постепенное пополненіе и расширение учебнаго материала ариѳметики. Изученіе составныхъ именованныхъ чиселъ въ предѣлы числа до 100, представляя материалъ для примѣненія и обобщенія всего прежде изученного, выяснило учителямъ способъ видѣленія самыхъ приемовъ совершеннія действій съ числами. На числахъ свыше 100 сдѣлано было окончательное установление механическихъ правилъ и приемовъ для письменнаго вычисленія съ большими числами.

Распределеніе занятій между всѣми тремя группами въ каждый учебный часъ слѣдовало тремъ способамъ. Смотря по содержанию уроковъ и степени подготовки къ нимъ учениковъ, учителя и учительницы занимались или со всѣми тремя группами, удѣляя каждой столько времени, сколько нужно, или съ двумя, а остальной назначали самостоятельныя работы, или, наконецъ, съ одной, а другимъ двумъ давали на это время самостоятельныя занятія. Такъ какъ удовлетворительное практическое рѣшеніе вопроса о распределеніи учебнаго времени между тремя группами представляетъ интересъ большой важности для учителей и учительницъ, то руководитель не пропускалъ случаевъ приложения всѣхъ трехъ способовъ въ примѣрной школѣ. При этомъ учителямъ и учительницамъ выяснило было, что цѣль употребленія всѣхъ трехъ способовъ одна—внимательная и сосредоточенная впродолженіе всего урока работа учениковъ всѣхъ трехъ группъ, что оставлять учениковъ безъ работы, не запятнами, хоть бы на непродолжительное время, весьма не выгодно какъ для учениковъ, такъ и для самого учителя. Ученики въ эти непродолжительные промежутки ничего—недѣліяния привыкаютъ къ разсѣянности, изобрѣтаютъ разнаго рода шалости, отъ которыхъ потомъ имъ уже трудно бываетъ удержаться и во время

занятій съ ними учителя, однимъ словомъ, умѣлымъ, цѣлесообразнымъ распределеніемъ занятій между всѣми тремя группами учитель долженъ предупреждать праздность учениковъ, и такимъ образомъ отнимать у нихъ поводы наживать дурные навыки. Учитель, позволяющій ученикамъ ничего не дѣлать, оставляющій ихъ на произволъ случайности, теряетъ свою власть надъ ними, обрекаетъ себя на бесплодную борьбу съ ихъ разсѣянностью и шалостями. Въ тѣхъ случаяхъ, когда учитель находится наиболѣе удобнымъ и цѣлесообразнымъ держаться третьего способа распределенія занятій между тремя группами, т.-е. самому заниматься съ одной группой, а остальными двумъ назначать самостоятельные работы, онъ долженъ вести дѣло такъ, чтобы каждая группа имѣла свой часъ занятія съ нимъ. Въ примѣрной школѣ при краткосрочныхъ педагогическихъ курсахъ въ каждый учебный день было три урока, и когда практиковался этотъ послѣдній способъ распределенія учебного времени между тремя группами, каждая группа имѣла свой часъ занятій съ учителемъ, а остальные два часа занимались въ этомъ случаѣ самостоятельно. Впрочемъ, и самостоятельно занимающіеся группы не остаются совсѣмъ безъ надзора учителя; занималась исключительно съ одною группой, онъ всегда найдетъ время и возможность наблюсти и за другими, даже и поруководить ихъ работами; во всякомъ случаѣ ученики должны быть увѣрены, что, назначивъ имъ самостоятельный работы, учитель не оставитъ ихъ безъ своего надзора.

Ежедневныя практическія занятія оканчивались уроками пѣнія, которые преподавалъ г. Рязенко, учитель этого предмета въ Полтавской гражданской гимназіи.

Теоретическія занятія съ учителями и учительницами состояли изъ трехъ частей: изъ разбора практическихъ уроковъ, читанныхъ въ примѣрной школѣ, изъ разбора наиболѣе употребительныхъ руководствъ и книгъ для класснаго чтенія и, наконецъ, изъ изложенія тѣхъ выводовъ, которые сами собой вытекали изъ положеній, добывшихъ посредствомъ первыхъ двухъ видовъ занятій.

Такъ, путемъ разбора руководствъ къ обученію грамотѣ-письму, въ связи съ разборомъ уроковъ, выясненъ былъ характеръ первонаучальнаго обученія, связь его съ до-школьнымъ опытомъ и развитиемъ учащихся, выявилъ и внутренняя стороны методы начального преподаванія, и въ частности сущность методы обучения письму-членію,

Наглядное обученіе, какъ особый предметъ, признано необходимымъ на столько, на сколько оно пополняетъ, исправляетъ и расши-

раеть основныхъ представлений вообще, и въ области каждого предмета курса народной школы въ частности. Въ бесѣдахъ учителей и учительницъ съ руководителемъ по вопросу о характерѣ и достоинствахъ обучения, весьма замѣтно проглядывалъ тотъ фактъ, что существенною отличительной чертою хорошаго обучения они считали скорость, вмѣсто самодѣятельности учащихся, прочности приобрѣтенныхъ ими знаній и умѣній. Разъясненіе цѣли, характера и объема общепринятыхъ уроковъ не только разсѣяло заблужденія учителей и учительницъ относительно достоинства хорошаго обучения, но и раскрыло имъ смыслъ и значеніе самодѣятельности учениковъ. Оно показало учителямъ и учительницамъ, какъ необходимо для преподавателя, чтобы не дѣлать ничего лиш资料 and не упускать ничего существенно важного, прежде всего ознакомиться съ умственнымъ уровнемъ своихъ учениковъ какъ вообще, такъ и относительно отдѣльныхъ учебныхъ предметовъ. Далѣе, оно установило внутреннюю связь между отдѣльными уроками по предметамъ курса школы, указавъ на обязанность преподавателя при каждомъ урокѣ заранѣе дать себѣ отчетъ, на какія прежнія знанія учениковъ онъ опирается и къ какимъ новымъ знаніямъ ведетъ ихъ. Вообще, разъясненіе значенія, характера и объема предметныхъ уроковъ раскрыло учителямъ и учительницамъ тѣ несомнѣнныя положенія, что въ народной школѣ ни въ какой группѣ, ни въ какомъ предметѣ нельзя обойдти безъ того, чтобы не возвращаться къ непосредственнымъ восприятіямъ, что природа ученика требуетъ, чтобы восприятія, приобрѣтенные ребенкомъ еще до поступленія въ школу, или приобрѣтаемы имъ въ школѣ, живо воспроизводились и надлежащимъ образомъ сознавались, сравнивались и выдѣлялись, а въ случаѣ недобности дополнялись и исправлялись; что, наконецъ, образованіе ясныхъ понятій у дѣтей невозможно, если у нихъ не будетъ нужного количества опредѣленныхъ частныхъ представлений. Изъ этихъ положеній само собою слѣдовалъ тотъ выводъ, что всякое обученіе необходимо начинать наглядными или общепредметными уроками, которые состоятъ во всестороннемъ ознакомленіи съ общими предметами и служатъ для упражненія не только вицѣнныхъ чувствъ и наблюдательности, но и для развитія мышленія и дара слова.

Разборъ оснований подбора и распределенія учебного матеріала изъ всѣхъ предметовъ курса между тремя группами, примѣнительно къ степени развитія и потребностямъ каждой группы учащихся, а также и къ вицѣннымъ условіямъ преподаванія, далъ возможность ру-

коловодителю выяснить учителямъ и учительницамъ сущность и значение плана преподаванія, пачиная съ самыхъ общихъ чертъ его, какъ совокупнаго учебнаго распорядка, и оканчивая такими подробностями, какъ распределеніе или расписание уроковъ. При этомъ особое внимание обращено было на концентрическую систему, по которой одинъ и тотъ же кругъ знаній повторяется на нѣсколькихъ ступеняхъ, постепенно расширяясь и развиваясь въ подробностяхъ. Выгоды этой системы передъ другими несомнѣны и очевидны: ученикъ постоянно стоитъ на твердой почкѣ прежде усвоенныхъ знаній; развитіе его идетъ въ непрерывной связи, такъ какъ его новыя знанія присоединяются къ прежніимъ, какъ ихъ естественное дополненіе и расширение, а всѣ имѣтъ на каждой ступени составлять одно относительное цѣлосъ. Выставляя выгоды концентрической системы, руководитель счѣлъ своимъ долгомъ предостеречь учителей и учительницъ отъ тѣхъ увлечений этой системою, при которыхъ она обращается въ безсвязную передачу свѣдѣній по всевозможнымъ предметамъ, порождая въ ученикахъ спутанность, поверхности и пустое разоцерство; каждый предметъ долженъ опираться на свои собственные элементы.

Оцѣнка упражненій, изъ которыхъ слагается каждый урокъ обучения письму-чтению, и приемовъ, посредствомъ которыхъ преподаватель доводитъ учениковъ до сознательного усвоенія передаваемыхъ имъ знаній и умѣній, раскрыла учителямъ и учительницамъ внутреннюю сторону методы вообще, то есть тотъ способъ, посредствомъ котораго, сообразно съ психологическими данными, возбуждается, направляется и усиливается познавательная дѣятельность ученика. Однимъ словомъ, учителя и учительницы ознакомились съ сущностю, взаимными отношениями и случаями приложения основныхъ приемовъ мышленія—анализа и синтеза, индукціи и дедукціи.

Обученіе письму-чтению бываетъ всегда успѣшнѣе, когда оно ведется въ связи съ черченіемъ. По своему образовательному значенію и практическому приложенію, черченіе имѣетъ право на почетное мѣсто въ кругу предметовъ курса пародной школы. Нельзя при этомъ не отыскать слѣдующаго, не лишеннаго значенія факта. Большинство учителей, какъ выше сказано, получили свое образованіе въ уѣздныхъ училищахъ, гдѣ черченіе составляетъ обязательный предметъ обученія. Казалось бы, что они преимущественно предъ другими учителями займутся въ своихъ школахъ обученіемъ этому предмету, какъ какъ опять очень интересуетъ учениковъ и даетъ

учителю возможность удобнѣе и цѣлесообразнѣе распредѣлить занятія между тремя группами. На дѣлѣ, однако, выходитъ не такъ: они почти совсѣмъ не обучаютъ въ своихъ школахъ черченію, по той простой причинѣ, что сами не владѣютъ этимъ искусствомъ даже въ самыхъ скромныхъ размѣрахъ.

Каждый урокъ обучения грамотѣ и письму въ связи съ черченіемъ по звуковому способу состоитъ изъ слѣдующихъ упражненій. Черченіе простѣйшихъ формъ предметовъ и письмо тѣхъ элементовъ, изъ которыхъ состоятъ буквы подлежащихъ изученію звуковъ; бесѣда о предметѣ, название которого избрано для разучиванія; письмо выдѣленныхъ изъ слова звуковъ, письмо всего слова и слоговъ; письмо и чтеніе словъ и фразъ, какія только можно составить изъ разученаго количества звуковъ, строго придерживаясь, конечно, степени пониманія учениковъ. Составленіе словъ и фразъ изъ подвижныхъ буквъ печатного шрифта, отнесенное къ концу изученія всей азбуки, не представляетъ для дѣтей никакихъ трудностей, и выѣсть съ чтеніемъ словъ и фразъ, помѣщенныхъ въ руководствахъ къ обученію грамотѣ, служитъ хорошимъ подготовленіемъ къ чтенію книги.

Переходъ къ чтенію книги опредѣленъ навыкомъ учениковъ правильно и довольно свободно писать и читать слова и небольшія, состоящія изъ двухъ-трехъ словъ фразы.

При переходѣ къ чтенію книги весьма умѣстно было указать учителямъ и учительницамъ на признаки хорошаго чтенія: бѣглость, правильность, выразительность и сознательность, и на тѣ средства, съ помощью которыхъ дѣти приобрѣтаютъ навыкъ хорошо читать. Выяснить сущность первыхъ двухъ признаковъ не было никакой необходимости; они понятны каждому, безъ всякихъ объясненій. Гораздо цѣлесообразнѣе было остановиться на тѣхъ упражненіяхъ, посредствомъ которыхъ достигается правильное и бѣглое чтеніе совмѣстно съ другими признаками хорошаго чтенія: выразительностью и сознательностью. Такими упражненіями признаюто чтеніе одного и того же пѣсколько разъ, но съ различными цѣлями. Больше подробнѣй объясненій потребовалъ послѣдній признакъ хорошаго чтенія—сознательность. Сознательность чтенія достигается посредствомъ объяснятельнаго чтенія, подъ которымъ обыкновенно разумѣютъ чтеніе, соопровождаемое бесѣдою преподавателя съ учениками по поводу читаемаго. Сущность и цѣли объяснятельного чтенія раскрыты были на основаніи понятія о задачѣ народной школы. Послѣдняго не должна ограничиваться одною грамотностію своихъ учениковъ, то-есть, умѣньемъ

читать, писать и считать. Задача ей гораздо шире: она должна сообщить своим ученикамъ важнѣйшія, элементарныя свѣдѣнія о физической природѣ и нравственной жизни человѣка и дополнить эти свѣдѣнія основами личныхъ, благороднейшихъ навыковъ жизни—однимъ словомъ, школа должна не только учить, обогащать умъ полезными свѣдѣніями, но развивать и облагораживать чувство, вкореняя въ дѣтяхъ въ то же время добрыя привычки жизни. Такая задача народной школы уже сама собой указывала и на матеріалъ для объяснительного чтенія, съ подраздѣленіемъ этого матеріала на виды, то есть, на статьи дѣловыя, бытовыя и статьи, назначенные собственно для изученія языка, какъ со стороны практической, такъ и теоретической. Цѣль объяснительного чтенія дѣловыхъ статей — сообщить дѣтямъ важнѣйшія элементарныя свѣдѣнія о природѣ видимой въ связи съ тѣми умственными навыками и чувствами, которые развиваются подъ влияніемъ разумнаго отношенія къ предметамъ и явленіямъ природы. Объяснительное чтеніе бытовыхъ статей преслѣдує хотя другія цѣли, но тѣсно связанныя съ цѣлями объяснительного чтенія статей дѣловыхъ; оно развиваетъ и наслаждаетъ въ дѣтяхъ нравственныя понятія высшаго порядка.

Переходя къ раскрытию сущности объяснительного чтенія, руководитель, прежде всего выяснилъ учителямъ и учительницамъ общий характеръ бесѣды преподавателя съ учениками по поводу читаемаго и основные приемы, которыхъ онъ при этомъ долженъ держаться. Первымъ упражненіемъ поставлена была предметная бесѣда, цѣль которой подготовить учениковъ сознательно относиться къ содержанию читаемой статьи. При этомъ изложеніе было и способъ ведения бесѣды. За предметную бесѣдою слѣдуетъ чтеніе статьи. Смотря по объему и содержанию статья читается или вся цѣликомъ, безъ перерывовъ, или раздѣляется на части. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ преподаватель пользуется остановками для венчественного и логического разбора. Но какъ бы ни читалась статья, она должна быть послѣ прочтенія раздѣлена на части, чтобы быть понятною въ цѣломъ. Послѣ изученія статьи по частямъ естественно перейдти къ изложению ея содержания, къ плавному, ясному и послѣдовательному пересказу прочитаннаго. Для передачи статей, содержаніемъ которыхъ служатъ естественные или искусственные предметы, выработаны были примѣрные планы. Въ началѣ упражненія дѣтей въ пересказѣ прочитаннаго, планы эти рекомендовано было записывать на доскѣ, а впослѣдствіи ученики безъ труда могутъ удерживать ихъ въ памяти.

Послѣ пересказа статьи учитель приступаетъ къ выяснению идеи ея и къ характеристикѣ главныхъ предметовъ. Послѣднее упражненіе, которымъ заканчивается каждый урокъ объяснительного чтенія дѣловой статьи, составляютъ устная или письменная задачи, которыя учитель предлагаетъ ученикамъ по поводу прочитаннаго. Съ содержаніемъ такихъ задачъ и съ способами проверки письменныхъ отвѣтovъ учениковъ учителя и учительницы ознакомились на урокахъ объяснительного чтенія дѣловыхъ статей въ примѣрной школѣ. Оставалось различные виды задачъ изложить въ определенномъ порядке, начиная съ простыхъ до самыхъ сложныхъ, чтò и сдѣлало на теоретическихъ занятіяхъ.

Изложивши воспитательно-образовательное значеніе бытовыхъ статей съ ихъ раздѣленіемъ на виды, руководитель перешелъ къ изложенію тѣхъ особенностей, которыми отличается объяснительное чтеніе этого рода статей отъ объяснительного чтенія статей съ дѣловымъ содержаніемъ. Къ такимъ особенностямъ отнесены были: а) бесѣды по картинкамъ, чести которыхъ рекомендовано было по прочтѣніи статьи; б) смысловой разборъ, какъ особый видъ вещественнаго разбора, примѣненного къ изученію языка па литератури изложенныхъ статяхъ, и такимъ образомъ подготовляющаго дѣтей къ изученію грамматики; с) упражненіе въ выразительномъ чтеніи; д) сущность катехизациіи, расчитанной на усвоеніе дѣтьми идеи бытовой статьи или на развитіе у нихъ соотвѣтствующаго чувства, и, наконецъ, е) содержаніе и характеръ устныхъ и письменныхъ самостоятельныхъ задачъ, задаваемыхъ дѣтямъ въ связи съ содержаніемъ прочитанной статьи.

Раздѣляя статьи бытовые на виды, руководитель съ особыми подробностями изложилъ способъ и пріемы объяснительного чтенія пословицъ и стихотвореній.

Предметомъ послѣдней бесѣды руководителя съ учителями и учительницами объ объяснительному чтеніи было виѣкласное самостоятельное чтеніе учениковъ. Оно разсмотрѣно было со стороны отношенія къ классному объяснительному чтенію, со стороны порядка, въ которомъ должно производиться, и способа проверки учителемъ.

Уроки церковно-славянского чтенія, даванные въ средней и старшей группахъ, послужили поводомъ къ раскрытию воспитательного значенія этого предмета; далѣе указано было время обученія ему въ народной школѣ, способъ и пріемы обученія.

Посредствомъ разбора уроковъ по ариометрикѣ и общеупотреби-

тельныхъ руководствъ сообщены были подробныя свѣдѣнія относительно преподаванія этого предмета.

Въ заключеніе отдѣла теоретическихъ занятій въ формѣ вывода изъ всего сказанного и видѣннаго въ примѣрной школѣ, изложено было значеніе начальной народной школы для крестьянскихъ дѣтей, выяснили основанія внѣшнаго и внутреннаго устройства ея, сообщены важнѣйшия свѣдѣнія изъ школьнай гигиены, изображенено значеніе личности учителя въ жизни народной школы и доказана необходимость для него самообразованія.

На педагогическихъ курсахъ въ г. Гадячѣ присутствовало 27 учителей и учительницъ и 11 кандидатовъ и кандидатокъ на учительскія должности изъ уѣздовъ Гадичскаго, Лохвицкаго и Роменскаго.

Письменныя работы прибывшихъ на курсы учителей и учительницъ и указанія г. инспектора народныхъ училищъ Полтавской губерніи 2-го района служили основаніемъ при составленіи подробной программы и распределенія занятій на курсахъ.

Всѣ занятія на курсахъ были раздѣлены на 1) практическія занятія въ образцовой школѣ и 2) занятія теоретическія.

Для практическихъ занятій была образована примѣрная школа изъ учениковъ, которые руконодителемъ совместно съ учителями, послѣ испытавія въ степени знанія и развитія были раздѣлены на три группы. Причесъ предварительно учителямъ было указано, какія требованія въ степени знанія курса народной школы могутъ быть предъявлены ученикамъ, зачисляемымъ въ ту или другую группу правильно организованной нашей сельской школы.

Такимъ образомъ времененная образцовая школа представляла собою сельскую школу, посыпаемую дѣтьми, обучающимися въ ней три курсовые года.

Занятія въ образцовой школѣ начинались съ 9-ти часовъ утра и продолжались до 1 часу и 30 минутъ пополудни. Въ теченіе этого времени давалось 5 уроковъ, включая сюда и получасовые уроки пѣнія и гимнастики.

Впрочемъ, ученики первой [младшей] группы имѣли только три урока въ день. Такое исключеніе первая группа составляла потому, что на первыхъ порахъ новичкамъ вообще нельзя предложить посильной для нихъ самостоятельной работы на довольно продолжительное время, между тѣмъ какъ сидѣніе безъ дѣла въ теченіе двухъ-трехъ часовъ можетъ породить въ дѣтяхъ привычку сидѣть разсѣянно.

ЧАСТЬ ССХІІІ, отд. 4.

4

въ классъ и внимательно отосяться къ уроку, и убѣжденіе, что во время уроковъ въ классъ можно сидѣть, ничего не дѣляя.

Руководитель, имѣя цѣлую указать правильную учебную организацію школы съ трехгодичнымъ курсомъ при совмѣстномъ занятіи одного учителя съ тремя группами, распредѣлилъ материалъ занятій въ образцовой школѣ такъ:

Въ первой (младшей) группѣ: 1) подготовительные занятія, цѣль которыхъ познакомить учениковъ, еще не бывшихъ въ школѣ, съ классной обстановкой, съ предметами, которыми придется пользоваться какъ учителю, такъ и ученикамъ при дальнѣйшемъ обученіи; вмѣстѣ съ тѣмъ необходимо было познакомить учениковъ съ дисциплинарно-школьными требованіями, обусловливающими успѣхъ и дальнѣйшемъ обученіи. Подготовительные занятія велись катехизическимъ способомъ.

При веденіи подготовительныхъ занятій требовалась громкое и полные открытия, изрѣдка открытия хоромъ. Занятія эти продолжались три дня. Послѣ каждого урока занятій со учителемъ, на слѣдующий затѣмъ урокъ приобрѣтепыя дѣтьми свѣдѣнія служили материаломъ для ихъ самостоятельныхъ работъ. Давши ученикамъ самостоятельную работу, учитель приступалъ къ занятіямъ со второй или третьей группой; 2) послѣ подготовительныхъ занятій, когда дѣти успѣли освоиться съ новой для нихъ обстановкой, съ новыми школьными порядками, болѣе или менѣе овладѣли письмомъ элементовъ буквъ, начались уроки письма-чтевія.

При обученіи письму-чтевію соблюдался слѣдующій порядокъ: а) краткая бесѣда о предметѣ, б) разложеніе слова, означающаго предметъ, на звуки, с) нахожденіе въ данномъ словѣ известныхъ звуковъ, д) письмо слова и чтеніе написаннаго, е) составленіе при помощи разрѣзной азбуки словъ и чтеніе ихъ.

На первомъ же урокѣ письма-чтевія, то-есть, на 4-й день поступленія въ школу, дѣти могли писать буквы, написанное прочитывать, составленный изъ этихъ печатныхъ буквъ слоги и слова тоже читали. Въ теченіе мѣсячнаго срока курсовъ, включая сюда и времена на подготовительные занятія, ученики, составлявшіе первую группу, поступившіе неграмотными, могли читать и писать слова и предложений; конечно, какъ чтеніе, такъ и письмо не отличалось бѣглостію, а въ некоторыхъ случаяхъ, особенно при сочетаніи двухъ согласныхъ съ гласной, работа эта давалась послѣ значительныхъ успѣховъ, чтд объясняется не столько способностью для дѣтей самой работы,

сколько малоопытностью практиковавшихъ въ школѣ учителей, недостаточно усвоившихъ сущность звукового метода и тѣхъ разнообразныхъ приемовъ, которыми приходится пользоваться при звуковомъ обученіи грамотѣ; но къ концу курсовъ, послѣ достаточнаго ознакомленія учителей съ приемами при обученіи по звуковому методу, работа по обученію грамотѣ пошла быстрѣ.

По арифметикѣ запятія съ учениками первой группы начались съ изученія чиселъ одинъ, два и три, причемъ съ помощью наглядныхъ пособій кубиковъ арифметического ящика и предметовъ, находящихся въ классной комнатѣ, было дано понятіе объ „одинъ“, „много“, „несколько“. При решеніи задачъ въ предѣлахъ указанныхъ чиселъ ученики были ознакомлены съ логотомъ и его единицами меньшаго наименованія (три золотника), съ алтыномъ, равняющимся тремъ копейкамъ, съ саженью, включающею въ себѣ три аршина, и въ предѣлахъ этихъ изученныхъ мѣръ предлагались для решенія практическія задачи.

Для самостоятельныхъ занятій дѣтимъ первой группы предлагались слѣдующія работы: 1) письмо элементовъ буквъ, 2) рисование по клѣткамъ рисунковъ, составленныхъ изъ прямыхъ линій, 3) составленіе словъ изъ разрѣзной азбуки, 4) письмо буквъ и словъ. Въ степени трудности предлагаемыхъ самостоятельныхъ работъ соблюдалась послѣдовательность, а также наблюдалась связь между самостоятельными работами и уроками съ учителемъ—первымъ служили результатомъ и дополненіемъ послѣднихъ.

Со 2-й (средней) группой занятія состояли въ слѣдующемъ: 1) объяснительное чтеніе. Для занятій по объяснительному чтенію въ этой группѣ была избрана книга Ушинского „Родное слово“ годъ 2-й, изъ которой читались параллельно статьи изъ 1-го отдѣла „Вокругъ да около“, а изъ 2-го отдѣла „Времена года“ (Лѣто и др.). Было прочитано изъ указанной книги пѣсколько дѣловыхъ статей, бытовыхъ стихотвореній, пословицъ, поговорокъ и загадокъ. Объяснительному чтенію дѣловыхъ статей предшествовала бесѣда о предметѣ статьи, и самое чтеніе сопровождалось вещественнымъ разборомъ, чтеніе бытовыхъ статей — логическимъ разборомъ, чтеніе же стихотвореній, пословицъ, поговорокъ и загадокъ — логическимъ и смысловымъ разборомъ. Чтеніе статей сопровождалось также дѣленіемъ статьи на части и передачей ученикамъ содержанія статьи сначала по частнымъ вопросамъ, а затѣмъ по вопросамъ обобщеннымъ, обнимающимъ или известную часть статьи, или всю статью. Для занятій по церковнославянскому языку,

во 2-й группѣ была избрана „Первая учебная книга церковнославянскаго языка“ С. Грушевскаго.

Занятія по арифметикѣ со второй группой начались бѣглымъ изученіемъ чиселъ первыхъ двухъ десятковъ, съ подробнымъ изученіемъ только некоторыхъ чиселъ второго десятка, въ виду того, что изученіе чиселъ первыхъ двухъ десятковъ составляетъ курсъ первого года народной школы съ трехгодичнымъ курсомъ. Подробное изученіе некоторыхъ чиселъ 2-го десятка обусловливалось необходимостью практически познакомить учительей съ приемами изученія чиселъ въ указанномъ предѣлѣ и подготовить учениковъ къ изученію чиселъ на дальнѣйшей ступени. При изученіи чиселъ 3, 4, 5 и т. д. десятковъ соблюдался слѣдующій порядокъ:

А. Знакомство съ цѣльнымъ десяткомъ. 1, прямой счетъ постепеннымъ прибавленіемъ по единицѣ изъ предѣлахъ десятка; 2, обратный счетъ постепеннымъ отниманіемъ по единицѣ; 3, постепенное увеличеніе данного числа прибавленіемъ къ нему другаго данного числа до тѣхъ поръ, пока получится то или другое число изучаемаго десятка; 4, постепенное уменьшеніе какого-либо изъ чиселъ десятка отниманіемъ данного числа; 5, писавіе чиселъ десятка при прямомъ и обратномъ порядке счета и въ разбивку подъ диктовку учителя.

Б. Разложеніе изучаемаго числа на слагаемыя и множители: 1) устное разложеніе на слагаемыя, 2) письменное разложеніе на слагаемыя, 3) устное разложеніе на множители, 4) письменное разложеніе на множители.

С. Выводы, какъ результатъ разложенія чиселъ десятка и проверка степени усвоенія изученного при различныхъ комбинаціяхъ чиселъ десятка, чтѣмъ служило также подготовкой къ быстрымъ вычисленіямъ при решеніи практическихъ задачъ.

Д. Задачи. При решеніи задачъ главнымъ образомъ было обращено вниманіе на то, чтобы вычисленія для отысканія неизвѣстныхъ второстепенныхъ и главныхъ производились на основаніи послѣдовательного отысканія связи между данными извѣстными и неизвѣстными, почему на первыхъ порахъ ученикамъ предлагались наводящіе вопросы, служившіе къ объясненію этой связи, переходи въ этомъ случаѣ отъ общаго главнаго неизвѣстнаго къ частнымъ второстепеннымъ или, такъ называемымъ, вспомогательнымъ неизвѣстнымъ, отъ ближайшихъ къ главному, въ отдаленнѣйшимъ, и занѣмъ самыя вычисленія производились въ обратномъ порядке, доходя послѣдовательно, начиная съ послѣднаго частнаго неизвѣстнаго отдаленнѣйшаго, до

рѣшенія главнаго вопроса задачи. Для самостоятельныхъ работъ во 2-й группѣ по ариѳметикѣ предложено было ученикамъ письменное вычислѣніе строчекъ и рѣшеніе задачъ по плану; образцомъ для по-слѣдней работы служили задачи, дѣланыя учениками подъ руководствомъ учителя.

Во 2-й группѣ, въ связи съ черченіемъ, велись уроки по родиновѣдѣнію: ученики чертили планъ классной комнаты, дома, двора, постепенно уменьшая масштабъ, при чёмъ указано различіе между рисункомъ и планомъ, и ознакомились съ странами свѣта — сѣверъ, югъ, востокъ, западъ, съ компасомъ и его назначеніемъ.

По письму ученикамъ 2-й группы были предлагаемы письменныя упражненія изъ „Практической грамматики“ Пущковича (кругъ 1-й).

Для третьей группы книгой для чтенія была избрана „Нашъ Другъ“ Корфа, изъ которой были прочитаны и некоторые статьи дѣловаго содержанія и некоторые стихотворенія. Грамматическая письменная упражненія велись въ формѣ диктовки по книгѣ „Уроки правописанія“ Пущковича годъ 1-й и 2-й въ первую половину мѣсячнаго срока курсовъ и годъ 3-й во вторую половину того же срока, и для самостоятельныхъ письменныхъ упражненій въ этой группѣ ученикамъ предлагались образцы изъ той же „Практической грамматики“ Пущковича (кругъ 1-й и 2-й).

Запатія съ 3-й группой по родиновѣдѣнію шли тѣ же, что и во 2-й, въ виду незнакомства учениковъ съ этимъ предметомъ.

По ариѳметикѣ въ этой группѣ были пройдены выводы и опредѣленія 4-хъ ариѳметическихъ дѣйствій, рѣшено было вѣсколько задачъ на составные именованныя числа.

Обученіе пѣсю въ образцовой школѣ велось по цифирной методѣ. Послѣ упражненій учениковъ въ умѣньѣ различать высшій и низшій тоны голоса и инструмента (скрипки), руководитель приступилъ къ ознакомленію учениковъ съ первыми 5-ю тонами: 1 (до), 2 (ре), 3 (ми), 4 (фа), 5 (соль), а затѣмъ къ знакомству съ цѣлой октавой и съ полутонаами между 3 и 4, 7 и 1. По изученнымъ потамъ ученики пѣли на 2 голоса „Господи помилуй“, молитвы предъ ученіемъ и послѣ ученія, „Отче нашъ“ и другія. Изъявившихъ желаніе давать уроки пѣнія во временной образцовой школѣ было 8 учителей и столько же учительницъ.

Уроки гимнастики даваемы были приглашенными для того учителемъ Раневскаго двухкласснаго училища.

Занятія по гимнастикѣ преподаватель раздѣлилъ на занятія съ

командированными учителями и учениками образцовой школы. Они состояли въ упражненияхъ шейныхъ, ручныхъ, ножныхъ и др. мускуловъ и въ маршировкѣ, согласно указаниямъ Шмидта въ его „Руководствѣ“ для сельскихъ школъ.

Въ первые четыре дня всѣ уроки были даны руководителемъ по всѣмъ предметамъ, входящимъ въ курсъ народной школы; затѣмъ занимались учители и руководитель, послѣдній въ срединѣ курсомъ давалъ уроки въ то время, когда на очереди былъ поставленъ отдѣль предмета, требующій при разработкѣ его съ учениками пріемовъ, отличающихся чѣмъ бы то ни было отъ пріемовъ прежде указанныхъ. Такъ руководителемъ были ведены предварительныя запятія, предшествующія обученію грамотѣ, были даны уроки по обученію письму-членію, объяснительному чтенію, по ариѳметикѣ, всѣ ступени изученія чиселъ и решенія задачъ, первые уроки бесѣдъ по родиновѣдѣнію и по отечествовѣдѣнію, уроки диктанта.

Каждымъ изъ учителей, учительницъ и кандидатовъ было дано по два, а нѣкоторымъ по три урока совмѣстнаго запятія съ тремя группами, при чемъ всѣми учителями было дано по уроку въ первую половину того же срока.

Вотъ въ общихъ чертахъ то, въ чёмъ состояли практическія запятія на краткосрочныхъ курсахъ въ образцовой школѣ.

Теоретическіе бесѣды ежедневно продолжались отъ 5-ти часовъ до 7-ми пополудни. Предметомъ этихъ бесѣдъ было: 1) распределеніе учебнаго материала (въ частности по каждому предмету) въ народной школѣ съ трехгодичнымъ курсомъ и какія свѣдѣнія по родиновѣдѣнію и отечествовѣдѣнію должны быть сообщаемы ученикамъ народной школы; 2) разборъ и изученіе учебниковъ и руководствъ, обнимающихъ материалъ учебнаго курса начальной школы, въ связи съ изученіемъ главнѣйшихъ положеній методики предметовъ народной школы; 3) обсужденіе уроковъ, данныхъ въ образцовой школѣ какъ руководителемъ, такъ и учителями; 4) школьнай дисциплина, и 5) разсмотрѣніе письменныхъ работъ учителей.

При распределеніи учебнаго материала, соответствующаго трехгодичному курсу народной школы, главнымъ образомъ имѣлась въ виду программа для одноклассныхъ образцовыхъ училищъ министерства народного просвѣщенія. Что касается учебниковъ и руководствъ, то изъ нихъ подробно были изучены тѣ, которыми съѣхавшимся учителямъ главнымъ образомъ приходилось пользоваться въ своей школьной практикѣ. Такъ были изучены: предназначенные для 1-й группы

учениковъ книга „Родное Слово“ годъ 1-й; для 2-й группы „Родное Слово“ годъ 2-й, для третьей группы „Нашъ Другъ“, „Уроки правописанія“ Пуцкевича для учителя (2 книги) годъ 1-й и 2-й и годъ 3-й, „Практическая русская грамматика“ его же, „Руководство къ обученію письму“ Гербача, „Руководство къ преподаванію начальной арифметики“ Евтушевскаго; разсмотрѣны также „Географія“ и „Русская исторія“ Пуцкевича; указаны учителямъ руководства къ обученію пѣнню по цифрамъ. Бесѣды по методикѣ велись въ связи съ изложениемъ перечисленныхъ руководствъ и съ обсужденіемъ уроковъ, данныхъ въ образцовой школѣ. Въ бесѣдахъ о школьнной дисциплине были выяснены тѣ правила и положенія, которыми учитель долженъ руководиться какъ по отпотреблению къ себѣ, такъ и по отношенію къ ученикамъ, чтобы школьнное обученіе имѣло характеръ воспитательный. При этомъ было сказано о важности и необходимости приготовленія учителя къ уроку и о выработкѣ приема, которымъ учитель въ своей школьнной практикѣ долженъ руководствоваться при проверкѣ и оцѣнкѣ достоинствъ и недостатковъ своихъ уроковъ, при отысканіи причинъ успѣшности и безуспѣшности въ ученіи порученныхъ ему учениковъ. Въ связи съ изложениемъ главныхъ методическихъ положений, въ связи съ критическимъ разборомъ уроковъ по отношенію къ ясности и наглядности въ изложеніи послѣднихъ, было указано: когда и какъ пользоваться наглядными способами при обученіи тому или другому предмету, и между прочимъ было указано, когда и какъ учитель долженъ пользоваться картинами, географическими картами, русскими торговыми и шведскими счетами, русскими мѣрами длины, емкости и пр.; указана была необходимость составленія коллекцій мѣстныхъ пропаведей, чтѣ составляеть незамѣнное подспорье для уроковъ родинойѣдінія и объясняльного чтенія. Въ заключеніе учителямъ и учительницамъ были рекомендованы руководства, необходимыя для ихъ самообразованія.

16-го августа 1881 года, въ г. Кременчугѣ, въ зданіи городскаго трехкласснаго училища, инспекторомъ народныхъ училищъ 6-го района открыты были временные педагогические курсы для учителей и учительницъ начальныхъ народныхъ училищъ Кременчугскаго и Золотопопскаго уѣздовъ. Послѣ обычнаго молебствія, сказано было о. законоучителемъ училища приличное случаю назидательное слово, въ которомъ указаны тѣ высокія задачи, которыхъ возлагаются на народныхъ учителей, указана важность для учебнаго дѣла того живаго, братскаго единства, въ какомъ живутъ учители въ продолженіе

курсовъ, составляя одну дружную семью и преслѣдуда одну цѣль — усвоеніе лучшихъ, легчайшихъ и вѣрнѣйшихъ способовъ къ умственному развитію и нравственному усовершенствованію народныхъ массъ; указана, наконецъ, необходимость въ дѣятельности учителей того истиннаго свѣта, который одинъ можетъ просвѣтить умъ и сердце, не извращая ихъ какими-либо ложными внушеніями, а развивая и направляя ихъ въ духѣ единой вѣчной истины, данной человѣчеству Просвѣтителемъ міра. Затѣмъ, инспекторомъ выписаны были основанія правилъ о курсахъ и, согласно этимъ правиламъ, немедленно начаты работы.

Курсы открылись виѣсты съ началомъ годичныхъ занятій въ училищѣ, при которомъ они состояли; такимъ образомъ слушатели курсовъ должны были видѣть и поступление новыхъ учениковъ, и распределеніе ихъ по группамъ, и вообще все, что обыкновенно бываетъ въ школѣ при началѣ учебнаго года. Первые уроки даны были учителемъ группъ, служившихъ образцовой школой, и на эти первые уроки обращено было особое вниманіе слушателей курсовъ, потому что, какъ показалъ опытъ, неумѣніе правильно и твердо поставить школьнное дѣло въ самомъ началѣ ведеть обыкновенно къ неправильностямъ и въ дальнѣйшемъ ходѣ дѣла, и такимъ образомъ получаются нерѣдко далеко не тѣ результаты, которыхъ ждетъ учитель, даже способный и усердный. Затѣмъ даны были уроки всѣми привлеченными на курсы учителями, учительницами и кандидатами учителей — такимъ образомъ, что при переходахъ къ новымъ отдѣламъ принятыхъ руководствъ, гдѣ требовалась особенная точность и правильность въ дѣлѣ, одинъ или два урока давались лучшимъ, болѣе опытнымъ учителемъ; такой же приемъ практиковался и въ тѣхъ слушающихъ, когда требовалось поправить дѣло, вѣсколько испорченное неопытными учителями. Этимъ достигалась возможность вести школу правильно и точно выполнять намѣченный планъ. Основными источниками для работъ во всѣхъ трехъ группахъ образцовой школы при курсахъ служили два методическихя руководства, по двумъ главнымъ предметамъ курса начальной народной школы: „Родной языкъ“ Вунакова и „Методика“ Ентушевскаго. Изъ 50-ти прибывшихъ на курсы учителей (большею частию помощниковъ учителей) и кандидатовъ, только пѣсколько человѣкъ знакомы были, болѣе или менѣе, съ необходимыми методическими положеніями и вообще съ правильнымъ порядкомъ веденія учебнаго дѣла; всѣ остальные, большею частию окончившіе, или даже неокончившіе курса уѣздныхъ и духовныхъ

училищъ и женскихъ прогимназий, не имѣли самыѣ элементарныхъ стѣдѣй по методикѣ предметовъ, входящихъ въ курсъ начальной народной школы. Уроки, давные въ извѣстный день, разбирались на вечернихъ занятіяхъ, при чёмъ, главнымъ образомъ, имѣлось въ виду опредѣлить, на сколько дававшій урокъ приблизился къ своему источнику, или отступилъ отъ него, самостоятельно ли онъ отнесся къ образцовому уроку въ руководствѣ, или пассивно слѣдовалъ ему и т. д. Общиѣ планы, которому слѣдовали учителя, какъ при разработкѣ урока, конспектъ которого каждый изъ нихъ долженъ былъ представить прежде исполненія его въ образцовой школѣ, такъ и при разборѣ исполненаго уже въ школѣ урока примѣнительно къ методическімъ руководствамъ, включаятъ въ себѣ слѣдующія положенія: а) связь урока съ предыдущими, б) цѣль и планъ урока, в) выполненіе плана, г) языкъ учителя, д) на сколько самостоятельно работали ученики во время урока, — достигнута ли цѣль урока, е) каковы были отпоменія учителя къ ученикамъ, — дисциплина на урокѣ. После практической разработки каждого отдѣла методического руководства въ образцовой школѣ, слушатели курсовъ должны были дать устный и письменный отчетъ по этому отдѣлу, во время вечернихъ занятій. Въ бесѣдахъ по поводу отчета по отдѣлу сравнивались уроки, давные учителями, съ образцовыми уроками, помѣщеными въ изучаемомъ отдѣле руководства, указывались недостатки первыхъ сравнительно съ послѣдними, уклоненія отъ образцовъ или слишкомъ пассивное слѣдованіе образцамъ, препятствовавшія успѣху дѣла; указывались достоинства уроковъ, содергавшихъ самостоятельное и толковое отпоменіе къ источнику, и потому давшихъ положительные, для всѣхъ очевидные результаты, и наконецъ изученіе отдѣла завершалось правильнымъ и связнымъ изложеніемъ его въ цѣломъ, а письменная работы по отдѣлу, которая обязательно должны были исполнить всѣ слушатели курсовъ, закрѣпляли въ ихъ памяти какъ общиѣ планы, такъ и подробности выполненія работъ по изученному отдѣлу.

Успѣшному выполненію курсовыхъ работъ, при такомъ значительномъ количествѣ слушателей, иного помогало то, что всѣ они жили, въ продолженіе иѣсяца, на общихъ квартирахъ. На деньги, ассигнованныя Кременчугскимъ и Золотопопскимъ земствами, пріисканы были три большія квартиры: на одной изъ нихъ помѣщены были учительницы и кандидатки, а на двухъ учители и кандидаты. Квартиры эти находились подъ непосредственнымъ и постояннымъ наблюденіемъ

иѣстнаго инспектора народныхъ училищъ. Помимо прямыхъ хозяйственныхъ выгодъ такого устройства жизни учителей, оно оказалось въ высшей степени удобнымъ, какъ показалъ уже двухгодичный опытъ, въ педагогическомъ отношеніи. Однимъ изъ самыхъ важныхъ, по своимъ благотворнымъ послѣдствіямъ, условій учрежденія временныхъ педагогическихъ курсовъ является, бесспорно, то, что учителя самыхъ отдаленныхъ одна отъ другой сельскихъ школъ, служа одному и тому же дѣлу, за курсахъ знакомится между собою, узнаютъ одинъ у другого условія жизни и порядки, заведенные въ различныхъ школахъ, обмѣниваются взглядами на дѣло, одинаково всѣхъ ихъ интересующее, и такимъ образомъ хоть немногого расширяютъ свой узкій, обусловленный въ большинствѣ нашихъ селъ и деревень крайне тѣсными условіями жизни, умственный кругозоръ. Живое братское единеніе и солидарность учителей на курсахъ нравственно освѣжаетъ и возвышаетъ многихъ изъ нихъ; а польза совмѣстной работы, имѣющей одну цѣль и хорошо направленной, вполнѣ очевидна.

Полученные на курсахъ результаты могутъ быть названы удовлетворительными. Курсовый занятія, исполненные всѣми слушателями сознательно и съ болѣшими или меньшими успѣхомъ, заключались въ слѣдующемъ: прежде всего учителямъ были сообщены элементарные свѣдѣнія о необходимыхъ педагогическихъ приемахъ, вызываемыхъ самой задачей народной школы. Школа должна не только научить дѣтей грамотѣ и сообщить имъ кое-какія практическія знанія и умѣнія, но также развить душевныя силы ребенка-ученика, чтобы онъ ясно понялъ впослѣдствіи значеніе знаній, полюбилъ ихъ, научился сознательно приобрѣтать ихъ и пользоваться ими для своего и общаго блага. Но чтобы выполненію такой задачи было для школы возможно, необходимо, чтобы народный учитель зналъ природу своихъ учениковъ, знать тѣ пути, по которымъ идетъ развитіе ума ребенка. Незнаніе этого составляло большой недостатокъ нашей старой школы. Отсутствие, напримѣръ, вниманія со стороны дѣтей, разсѣянность, разговоры одного ученика съ другимъ во время уроковъ, зависятъ часто отъ неумѣнія привлечь всѣхъ къ общей работѣ, заинтересовать ихъ дѣломъ, и такимъ образомъ не дать имъ возможности придумывать что нибудь, не идущее къ дѣлу и мѣшающее общей работѣ. Школа не знала, что умъ ребенка не можетъ долго оставаться въ бездѣятельности, и что если ему дѣятельности не давать, то онъ самъ ее изобрѣтать помимо учителя. Необходимы педагогическія свѣдѣнія,

выведенныя изъ практики во время курсовыхъ работъ, изложены были, въ концѣ курсовъ, въ опредѣленной системѣ и записаны учителями въ свои тетради.

Далѣе были изложены программы и значеніе каждого изъ предметовъ, входящихъ въ курсъ начальной народной школы. При преподаваніи Закона Божія, указано было на важность правильнаго усвоенія дѣтьми главнѣйшихъ религіозныхъ истинъ, служащихъ основными руководителями въ жизни нашего простаго народа; заботиться о религіозно-правственномъ просвѣщеніи своихъ учениковъ составляетъ прямой долгъ и обязанность учителя, потому что только при такомъ направлении школы она будетъ наиболѣе близка сердцу народа, въ наилучшемъ смыслѣ будетъ „народной“ школой. Отсюда необходимость для учителя сообщать дѣтямъ простыя религіозно-правственные истины въ общедоступной формѣ и объяснять главнѣйшія молитвы.

Точно также выяснены были значеніе и способы преподаванія въ народной школѣ русскаго языка, ариѳметики, пѣнія и гимнастіки.

Въ концѣ курсовыхъ занятій выяснено было, что личность учителя какъ въ зеркалѣ отражается на его ученикахъ, что чѣмъ способнѣе, усерднѣе и преданнѣе своему дѣлу учитель, чѣмъ тверже, опредѣлѣнѣе, настойчивѣе относится онъ къ дѣлу, тѣмъ лучше идетъ дѣло, тѣмъ менѣе чувствуется потребность въ какихъ либо искусственныхъ мѣрахъ для сдержанія класса во время работы, и тѣмъ лучшіе получаются результаты; напротивъ, чѣмъ учитель слабѣе, чѣмъ равнодушнѣе онъ къ дѣлу и дальше отъ дѣтей, чѣмъ менѣе у него энергіи, преданности и любви къ дѣлу, тѣмъ неизбѣжнѣе становится потребность во внѣшніхъ, искусственныхъ мѣрахъ для достиженія какихъ либо результатовъ. Подтвержденіемъ этого педагогического положенія послужило сравненіе состоянія школъ, которыми завѣдываютъ прибывающіе на курсы учителя. Отсюда было выведено повятіе о дисциплинѣ, какъ живой системѣ нравственно-воспитательного вліянія учителя и всего строя школы на учащихся. Школа должна имѣть цѣллю образованіе въ учащихся нравственной выдержки, устойчиваго характера, сознательнаго подчиненія закону, навыка разумно трудиться и испытывать паслажденіе въ трудахъ, въ побѣдѣ надъ трудностями. А потому школьная дисциплина должна избѣгать всего данищаго, мрачнаго, устрашающаго, а напротивъ, заботиться о свѣломъ, живомъ настроеніи учащихся, о непринужденномъ отношеніи

ихъ къ учителю, о взаимномъ довѣріи, уваженіи къ личности и откровенности.

Курсы закончились молебствіемъ съ позднательнымъ словомъ законоучителя училища. Затѣмъ былъ исполненъ всѣми слушателями курсовъ и дѣтьми образцовой школы народный гимнъ и розданы слушателямъ курсовъ свидѣтельства обѣ ихъ занятіяхъ на курсахъ.

ВОЗЗРЪНІЯ ЕВРИПИДА НА СОСЛОВІЯ И СОСТОЯНІЯ, ВНУТРЕННЮЮ И ВНѢШНЮЮ ПОЛИТИКУ АЕИНЬ.

I. Богатые и бѣдные, благородные и неблагородные, рабы и свободные.

Извѣстно, что самые знатные и аристократические роды у Эллиновъ вели свое происхожденіе отъ разныхъ миѳическихъ героевъ, ἄνδρων ἥρων; а эти послѣдае, по словамъ Исаода (Ор. et D., 157), были θεῖοι γάιοι, слѣд. и аристократы такъ или иначе, чрезъ болѣе или менѣе длинный рядъ предковъ, происходили отъ самихъ боговъ и богинь, или по крайней мѣрѣ отъ полубоговъ. Такимъ образомъ уже самое происхожденіе аристократовъ отличало ихъ отъ обыкновенныхъ смертныхъ, не имѣвшихъ чести быть въ родствѣ съ богами, и окружало ихъ какъ въ ихъ собственныхъ глазахъ, такъ и въ глазахъ толпы ореоломъ величія и превосходства, независимо отъ ихъ богатства, личныхъ достоинствъ и значенія въ государствѣ.

Во времена Еврипида, въ его отечествѣ, благодаря полному развитію демократическихъ принциповъ, безусловнаго уваженія и преклоненія предъ аристократіею, конечно, уже не могло быть. Хотя афинская аристократія не утратила еще своей жизненности и временами всякия энергически проявляла свою силу, однакоже демократическое государственное устройство съ одной стороны и развитіе торговли и промышленности съ другой позволили и лицамъ, не имѣвшимъ за собою длинного ряда знатныхъ предковъ, выдвигаться своими талантами и богатствомъ и даже затмѣвать славу и значеніе чистокровныхъ ари-

стократовъ¹⁾), изъ которыхъ къ тому же многіе, вслѣдствіе разнаго обстоятельства, обѣдили и утратили свое политическое и общественное значение тѣмъ скорѣе и легче, что вѣкторые изъ нихъ считали несомнѣннымъ сть своимъ аристократическимъ происхожденіемъ заниматься, для поправленія своихъ дѣлъ, какими либуть ремеслами и мелкими промыслами²⁾.

Потому въ трагедіяхъ Евріпіда, которая, кроме взглядовъ самаго автора, представляютъ вѣрное отраженіе разнообразныхъ мнѣній тогодашняго общества, находится сравнительно мало заявленій и выраженій, въ которыхъ аристократическое происхожденіе выхвалялось бы само по себѣ, независимо отъ личныхъ достоинствъ и богатства³⁾, хотя при этихъ послѣднихъ качествахъ благородное происхожденіе и не считалось лишнимъ⁴⁾.

¹⁾ См. рѣчъ Перикла, Фуки. II, 37.

²⁾ Eurip. fr. 287. ὅτις δὲ γαύρον επέρμα γενναῖόν τ' ἔχων

βίου σκανίζει, τῷ γένει μὲν εὐτυχεῖ,

πενίᾳ δὲ λάσσων ἐστίν, ἀν δὲ λγύνεται

φρονῶν, ὃντις αἰδοῦς δέργ' ἀπωθεῖται χερῶν.

³⁾ Къ такимъ заявленіямъ можно отнести виѣтѣ съ Шенклемъ (Polit. Ansch. d. Eurip. a. 38) fr. 409, 234, 1051, 602, 739. Варочемъ, и эти немногія мѣста не могутъ считаться несомнѣнными: отрывочность этихъ строкъ, безъ всякой связи съ предыдущими, не позволяетъ заключать навѣрно, о какомъ благородствѣ предполагать идетъ въ нихъ рѣчь, о родовитости ли только или благородствѣ личномъ, какъ понималъ благородство самъ Евріпидъ, или, наконецъ, о томъ и другомъ виѣтѣ.

fr. 409. τὴν εὐγένειαν, καν δμορφος ἡ γάμος
τιμῶι πολλοὶ πρὸς τέκνων χάριν λαβεῖν
τὸ τι δέιιμα μᾶλλον ἡ τὰ χρήματα.
γάμος | γυνὴ Nauek. τιμῶι | θηρῶι Herwerden p. 51.

fr. 234. ἀν τοῖς τέκνοις γάρ ἀρτὴ τῶν εὐγενῶν
δλαμψε, κρείσσον τ' ἔστι πλουσίου γάμου
γένος· πένης γάρ οὐκ ἔκειν' ἀπώλεσεν
τὸ τοῦ πατρὸς γενναῖον.

fr. 1051. εἰ τοῖς ἐν οἴκῳ χρήμασιν λελείμεθα,
ἡ δ' εὐγένεια καὶ τὸ γενναῖον μένει.

fr. 739. φεῦ φεῦ, τὸ φῦναι πατρὸς εὐγενοῦς ἀπο
δοῃ ἔχει φρόνησιν δέιιματά τε.

τὸν γάρ πένης ὣν τυχχάνη, χρηστὸς γεγά:

τιμὴν ἔχει τιν', ἀναμετρούμενος δέ πως

τὸ τοῦ πατρὸς γενναῖον ψφελεῖ τρόπῳ.

5

⁴⁾ adr. XO. ἡ μῆ τενοίμαν στρ.

Гораздо болѣе и рѣшительнѣе однакоже выступаетъ значеніе богатства; благородство, какъ по происхожденію, такъ и поличнымъ достоинствамъ, отступаетъ въ глазахъ людей на задній планъ предъ богатствомъ. Всякій почетъ, уваженіе и значеніе въ обществѣ доставляетъ уже богатство, а не благородное происхожденіе, въ которомъ безъ богатства стало уже мало толку¹⁾). Въ глазахъ массы благороденіе стало тѣль, въ чьихъ рукахъ долѣе сохраняется богатство, благодаря которому самые ничтожные люди дѣлались самыми важными и могущественными²⁾). Богатый человѣкъ, будь онъ даже рабъ по своему происхожденію, пользуется гораздо болѣшимъ почетомъ и уваженіемъ, чѣмъ благородный бѣднякъ (гр. 143³⁾). Потому Полиникъ, на вопросъ матери, „неужели и твоё знатное происхожденіе не дало тебѣ высокаго общественнаго положенія“? печально отвѣчаетъ: Плохо не имѣть ничего; знатное происхожденіе не доставляло мнѣ средства къ жизни (Phoen. 404 ch.). Естественно, что при такомъ поклоненіи золотому тельцу, богатство, какъ всегда и вездѣ, предпочиталось благородному происхожденію и въ братныхъ союзахъ; даже и тѣ, которые

ἢ πατέρων ἀγαθῶν
εἴτην πολυκτήτων τε δόμουν μέτοχος.

770 εἰ τι γάρ πάσχοι τις ἀρήχανον, ἀλλὰς
οὐ σπάνις εὐγενέταις,
πηριζσομένοις δ' ἀπ' ἐσθλῶν διωμάτων
τιμὰ καὶ κλέος·

¹⁾ Phoen. Po.
440 τὰ χρήματ' ἀνθρώποισι τιμιώτατα
δύναμιν τε πλειστην τῶν ἐν ἀνθρώποις ἔχει.
ἀγὼ μετήχω δεῦρο μυρίσν ἄγων
λόγγην πέντε γάρ οὐδὲν εὐγενῆς ἀνήρ. Cp. fr. 327.

²⁾ fr. 22. τὴν δ' εὐγένειαν πρὸς θεῶν μὴ μοι λέγε·
ἐν χρήμασιν τοῦτον ἔστι, μὴ ταυροῦ, πάτερ.
κύκλῳ γάρ ἔρπει τῷ μὲν ἰσθι, δ' οὐχ ἔχει·
κοινοῖσι δ' αὐτοῖς χρώμεθ· φ' δ' ἀνὴν δόμοις

5 γρόνον συνοικῆ πλειστον, οὗτος εὐγενῆς.
ἄλλ' οὐδὲν τρύγένεια πρὸς τὰ χρήματα·

fr. 96. τὸν γάρ κάκιστον πλοῦτος εἰς πρώτους ἄγει.

³⁾ fr. 143. χρυσὸν μάλιστα βούλομαι δόμοις ἔχειν·
καὶ δοῦλος; ὃν γάρ τίμιος πλούτων ἀνήρ,
ἀλεύθερος δὲ χρεῖος ὃν οὐδὲν σθένει.
χροσοῦ νόμιζε σαντὸν εἶνεκ' εὐτυχεῖν.

fr. 327. κρείσσων γάρ οὐτὶς χρημάτων πέφοι· ἀνήρ,
πλὴν εἰ τις δέστις δ' οὐτός ἔστιν οὐδὲ δρῶ.

1*

повидимому цвистъ и восхваляютъ благородство, все-таки предпочитаютъ породниться съ богатыми, а не съ благородными¹⁾). Въ друзахъ, само собою разумѣется, богатые также не имѣютъ недостатка; напротивъ, при счастливыхъ обстоятельствахъ ихъ бываетъ обыкновенно слишкомъ много, тѣмъ болѣе, что счастливые и богатые мало имѣютъ нужды въ друзьяхъ²⁾). Такимъ образомъ, въ глазахъ обыкновенныхъ смертныхъ, съ богатствомъ соединяются всѣ блага земные: оно открываетъ доступъ къ удовольствиямъ и спасаетъ отъ бѣдъ³⁾; оно есть высшее благо и счастіе, къ которому всѣ стремятся или, выражаясь словами циника-скептика Киклопа, благоразумные и практическіе люди должны почитать одно богатство, а все остальное, въ томъ числѣ и боги,—вздоръ и пустая болтовня⁴⁾.

Философъ Евріпидъ, какъ человѣкъ мыслящій, понятно не могъ раздѣлять этихъ возврѣній массы⁵⁾, а какъ поэтъ—учитель взрослыхъ считалъ долгомъ протестовать противъ слѣпаго поклоненія золотому тельцу и увлечениія богатствомъ, которое по его словамъ так-

¹⁾ fr. 328. δρ' οἰσθ' ὅθιούνεχ' οἱ μὲν εὐγενεῖς βροτῶν
πάνητες δύτες οὐδὲν ἀλφάνουσ' ἔτι,
οἱ δ' οὐδὲν ἡσαν πράσθεν, δλβιοι δὲ νῦν,
δέξαν φέρονται τοῦ νομίσματος χάριν

⁵ καὶ συμπλέκοντες σπέρμα καὶ γάμους τάκνων;
δοῦναι δὲ πᾶς τις μᾶλλον δλβίψ κακῷ
πρόθυμος ἐστιν ἢ πάνητι κάθαδψ·
κακὸς δὲ ὁ μὴ ἔχων, οἱ δὲ ἔχοντες δλβιοι.

fr. 399. πλούτους δὲ ἀπορρεύετος ἀσθενεῖς γάμοι·
τὴν μὲν τὰρ εὐγένειαν αἰνοῦσιν βροτοι,
μᾶλλον δὲ κηδεύουσι τοῖς εύδαιμοσιν.

²⁾ fr. 465. ἀπίσταμαι δὲ καὶ πεπείραμαι λίγιν,
ώς τῶν ἔχοντων πάντες ἀνθρωποι φίλοι.

fr. 611. ἐν τοῖς μὲν δεινοῖσιν ώς φίλοι φίλων·
ὅταν δὲ πρέξωα⁶ εὖ, διωθεῖται χάριν
αὐτοὶ δι' αὐτοὺς εὐτυχεῖν ἥτούμανοι.

³⁾ fr. 643. οὐ γάρ παρὰ πρατήρα καὶ θοίνην μόνον
τὰ χρήματα⁷ ἀνθρώποισιν ἥδονάς ἔχει,
ἀλλ' ἐν κακοῖσι δύναμιν οὐ μικράν φέρει.

⁴⁾ Cycl. KY. δὲ πλούτος, ἀνθρωπίσκε, τοῖς ασφοῖς θεός·
τὰ δὲ δλλα κάρποι καὶ λόγων εὐμορφίαι.

⁵⁾ fr. 20. μὴ πλούτον εἴπῃς οὐχὶ θαυμάζω θεόν,
διν χώ κάκιστος ράδιως ἐκτῆσατο.

же какъ и бѣдность бываетъ нерѣдко причинюю многихъ золъ¹⁾; потому въ его трагедіяхъ очень часто встрѣчаются жалобы на чрезмѣрное и бевотчное преклоненіе предъ богачами и презрѣніе къ бѣднякамъ. Теперь считается первымъ тотъ, кто богатъ; личныхъ достоинствъ и вслугъ отходить уже на второй планъ²⁾. Люди имѣютъ обыкновеніе считать мудрыми рѣчи богатыхъ людей и смыться, когда дѣльно говорить бѣдный человѣкъ; я же напротивъ нерѣдко замѣчаю, что бѣдные бываютъ мудрѣе богатыхъ, точно также, какъ бываютъ и благочестивѣе богатыхъ, хотя приносить очень скромныя жертвы³⁾, сравнительно съ богачами, которые часто бываютъ умны только относительно приобрѣтенія богатства, но такие мудрецы заслуживаютъ скорѣе презрѣнія, чѣмъ уваженія⁴⁾. Не золото и серебро должно имѣть цѣну у людей, а добродѣтель, потому что богатый, но невѣжственный и лишенный добродѣтели человѣкъ, бесполезенъ⁵⁾. Мало

¹⁾ fr. 810. ὡ πλοῦθ', δεσφ μὲν φῆστον εἰ βάρος φέρειν,
πόνοι δὲ καν̄ σοὶ καὶ φθορὰι πολλαὶ βίου
ἔνεισ'

²⁾ fr. 633. πολλῶν τὰ χρήματ' αἵτι' ἀνθρώποις κακῶν.
fr. 379. νῦν δ' ἦν τις οἰκιων πλουσίαν ἔχη φάτνην,
πρῶτος γέτραπται τῶν τ' ἀραιῶν κρατεῖ.

³⁾ fr. 329. φιλοῦσι γάρ τοι τὸν μὲν ὀλβίων βροτοὶ
σφροὺς ἡγεῖσθαι τοὺς λόγους, δεῖν δέ τις
λεπτῶν ἀπ' οἰκιων εὐ λάγη πάνης ἀνήρ,
γελῶν ἔχω δὲ πολλάκις σοφωτέρους

⁵ 5 πένητας ἀνδρας εἰσορᾶν τῶν πλουσίων
καὶ θεοῖς μικρὰ χειρὶ θύοντας τέλη
τῶν βουθυτούντων δυτας εὐσεβεστέρους.

Cp. fr. 584. Ἀγάμεμνον, ἀνθρώποισι πᾶσι χρήματα
μορφὴν διουσσι, συντρέχει δ' εἰς ἐν τόδε
τούτων δὲ πάντας, οἴ τε μουσικῆς φίλοι
δοῖο τε χωρὶς ζῶσι, χρημάτων ὅπερ

⁵ μοχθοῦσιν, δε δ' ἀν πλειστ' ἔχῃ σοφώτατος.

⁴⁾ fr. 250. οὐκ ἔστι πενίας ἵερὸν αἰσχίστης θεοῦ.
μισῶ γάρ δυτας οἵτινες φρονοῦσι μάν,
φρονοῦσι δ' οὐδενός γε χρημάτων ὅπερ.

⁵⁾ fr. 546. οὕτοι νόμισμα λευκὸς δρυφος μόνον
καὶ χρυσός ἔστιν, ἀλλὰ χάρετη βροτοῖς
νόμισμα κείται πᾶσιν, οὐ χρῆθει χρεῶν.
fr. 163. ἀνθρὸς φίλου δὲ χρυσός φραδίας μέτα
δηγρηστος, εἰ μὴ κάρετην ἔχων τύχοι.

того, въ рукахъ подобныхъ людей богатство даже вредно: богатство и жадность къ приобрѣтенію дѣлаетъ ихъ несправедливыми, надменными, недоступными для друзей и бесполезными для государства ¹⁾), а привычка къ роскоши дѣлаетъ ихъ изнѣженными и лишаетъ энергіи и мужества; въ этомъ отношеніи богатство значительно уступаетъ бѣдности, такъ какъ эта послѣдняя пріучаетъ людей къ умѣренной и дѣятельной жизни ²⁾). Потому оцѣнивать людей сообразно съ ихъ состояніемъ и считать богачей добродѣтельными и честными только ради ихъ богатства точно также не справедливо, какъ порицать и считать человѣка дурнымъ потому только, что онъ бѣденъ; это значить пользоваться плохимъ критеріемъ. Хотя бѣдность сама по себѣ есть несчастье и нерѣдко увлекаетъ человѣка къ дурнымъ поступкамъ, заставляя его стремиться къ присвоенію чужаго, однакожъ превозирать человѣка за бѣдность и считать его ничего несточищимъ во меньшей мѣрѣ несправедливо, тѣмъ болѣе, что бѣдники часто бы-

fr. 1054. χρυσοῦ σὲ πλήθει, τούσδε δ' οὐ χαίρειν χρεών;
σκαὶὸν τὸ πλούτειν καλλο μηδὲν εἰδέναι.

¹⁾) fr. 440. ὄρῳ δὲ τοῖς πολλοῖσιν ἀνθρώποις ἔγω
τίκτουσαν ὑβριν τὴν πάροιθ' εὐπραξίαν.

fr. 441. ὑβριν τε τίκτει πλοῦτος, οὐ φειδὼ βίου.

fr. 93. ἵστω τ' ἀφρων ὁν δετις ἀνθρωπος γετῶς
δῆμον καλούει χρήμασιν γαυρούμενος.

fr. 429. δετις γάρ ἀστῶν πλέον ἔχειν πάφικ' ἀνήρ,
οὐδὲν φρονεῖ δίκαιον οὐδὲ βούλεται
φίλοις τ' ἀμιτός ἔστι καὶ κάσῃ πόλει.

Herc. Fur. ὁ χρυσὸς ἐτ' εὐτυχία

775 φρενῶν βροτοὺς ἐξάγεται,
δύνασιν δίδικον ἐφέλκεν.

²⁾) fr. 642. πλούτεις, τὰ δὲ δόλα μὴ δόκει ξυνιέναι:
ἐν τῷ γάρ δόλῳ φαυλότης ἔνεστι τις,

πενία δὲ σοφίαν ἐλαχεῖ διά τὸ συγγενές.

fr. 55. κακόν τι παίδευμ' ἦν δρ' εἰς εὐανδρίαν
δὲ πλοῦτος ἀνθρώποισιν αἵ τ' ἀγαν τρυφαί·
πενία δὲ δύστηνον μέν, ἀλλ' δρυς τρίφει
μοχθοῦντ' ἀμείνων τέκνα καὶ δραστήρια.

fr. 237. πλούτεις ὁ πλοῦτος δὲ ἀμαθία δειλόν θ' ἄμα.

fr. 773. δεινόν γε, τοῖς πλούτοσι τούτο δὲ ἀμφιτον,
σκαὶοῖσιν εἶναι τί ποτε τούδε γ' αἴτιον;
δρ' δλβος αὐτοῖς δτι τυφλὸς συνηρετεῖ,
τυφλᾶς ἔχουσι τὰς φρένας καὶ τῆς τύχης;

ваютъ добродѣтельныѣе, честнѣе и мужественнѣе родовитыхъ и неродовитыхъ богачей¹⁾.

Изъ всѣхъ этихъ протестовъ противъ поклоненія богатству нельзя однакожъ заключать, что Евріпидъ былъ врагомъ богатства и поклонникомъ бѣдняковъ. Нѣтъ, онъ протестуетъ только противъ преклоненія предъ богатствомъ и презрѣнія къ бѣднокамъ на основаніи ихъ имущественного положенія. Тѣмъ, которые желаютъ занимать высокое общественное положеніе, играть роль въ государствѣ и заниматься государственными дѣлами, онъ даже совѣтуетъ заботиться о приобрѣтеніи богатства; но это стремленіе къ богатству не должно доходить до забвенія ради наживы правды и справедливости, тѣмъ болѣе, что богатство, нажитое неправдою, непрочно и, увлекшись страстью къ наживѣ, легко можно потерять и то, что имѣешь²⁾).

¹⁾ Такимъ добродѣтельнымъ бѣднякомъ представляется у Евріпіда между прочими якимъ мужъ Электры въ трагедіи того же имени; его честность относительно Электры вызываетъ Ореста на следующія размышленія:

- OP. φεῦ
οὐκ ἔστιν ἀκριβὲς οὐδὲν εἰς εὐανδρίαν.
ἔχουσι γάρ ταραγμὸν αἱ φύσεις βροτῶν.
ἡδη γάρ εἰδον δύναται τενναῖον πατρὸς
370 τὸ μηδὲν δυτα, χρήστα δὲ κακῶν τέκνα,
λιμὸν τὸν δὲ δύνδρος πλουσίον φρονήματι,
γνώμῃν δὲ μεγάλην ἐν πένητι: σώματι.
πᾶς οὖν τις αὐτὰ διαλαθὼν δρθῶς κρινεῖ;
πλούτῳ; πονηρῷ γ' ὅρᾳ χρήσται κριτή;
375 ή τοὶς ἔχουσι μηδὲν; ἀλλ' ἔχει νόσον
τενία, διδάχαις δὲ δύναται τῷ χρείᾳ κακόν.
ἀλλ' εἰς δικλ' ἔλθω; τις δὲ πρὸς λόγχην βλέπων
μάρτυς γένοιται δὲ, δοτὶς ἔστιν ἀγαθός;
χράτιστον εἰκῇ ταῦτ' ἔστιν ἀφειμένα.
380 οὗτος γάρ ἀνὴρ οὐτ' ἐν Ἀργείοις μάγας
οὐτ' αὐτὸς δοκήσει δωμάτων ὀγκωμένος,
ἐν τοῖς τε πολλοῖς ἂν ἀριστος εύρεθη.
fr. 393. ἀνὴρ γάρ δοτὶς χρημάτων μὴν ἐνδεής,
δρᾶσσαι δὲ χειρὶ δυνατός, οὐκ ἀνέκεσται,
τὰ τὸν δὲ ἔχόντων χρήματος ἀρπάζειν φιλεῖ.
fr. 531. μόνον δὲ ἀν δοτὶς χρημάτων οὐκ ἀν λάθοις
τενναϊστηρα κάρετὴν καλὸς δὲ τις
καὶ ἐκ πενήτων σωμάτων γένοιτο πάις.
2) fr. 305. οὐδέποτε εὐτυχίαν κακοῦ δύνδρος ὑπέρφρονά τ' δλθον
βέβαιον εἰκάσαι χρέων,

Хотя человѣку, строго говоря, необходимы только пища и питье, а все прочее—уже роскошь, тѣмъ не менѣе тотъ, кто уже имѣеть состояніе, долженъ умѣренно и благоразумно пользоваться имъ для наслажденія удобствами и благами жизни и употреблять его на пользу гражданъ и государства, а богача, не пользующагося своимъ богатствомъ, нельзя даже назвать счастливымъ обладателемъ его; жадный скучецъ—не болѣе, какъ сторожъ своихъ сокровищъ, врагъ боговъ и людей¹⁾.

οὐδὲ ἀδίκων γενεάν· δὲ γὰρ οὐδενὸς ἔχεις
χρόνος δικαίους ἐπάγων κανόνας

5 δείκνυσιν ἀνθρώπων κακότητας ἡμοι.

Stob. Flur. 2, 15 et Theophilus ad Autol. 2, 37 p. 180.

- fr. 364. ἀδίκως δὲ μὴ κτῶ χρήματα, ἵνα βούλῃ πολὺν
χρόνον μελάθροις ἀμμένειν τὰ γὰρ κακῶς
οἴκους ἐσελθόντες οὐκ ἔχεις σωτηρίαν.
ἔχειν δὲ πειρῶ τοῦτο γὰρ τὸ τ' εὐγενὲς
15 καὶ τοὺς γάρμαν δίδωσι τοὺς πρώτους ἔχειν.
ἐν τῷ πάνεσθαι δὲ ἀστίν η τ' ἀδοξία,
κανὸν η αφός τις, η τ' ἀτιμία βίου.

- fr. 366. τὰς οὐσίας γὰρ μᾶλλον η τὰς ἀρπαγὰς
τιμᾶν δίκαιον οὔτε γὰρ πλοῦτός ποτε
βέβαιος ἀδίκος.

- fr. 421. κέκτησος δὲ ὄρθως· διὸ δὲ ἔχεις ἀνεῳ φόρου,
κανὸν σμικρὰ αφέου, τοῦνδικον σάβουσ' δει,
μὴ δὲ κακὸς ναύκληρος εἰδεῖς πράξεις ποτὲ
ζητῶν τὰ πλεον' είτε πάντ' ἀπώλεσεν.

- 1) fr. 884. ἕπει τὶ δεῖ βροτοίσι πλῆν δυοῖν μόνον,
Δῆμετρος ἀκτῆς πώματάς δὲ ὑδρηγόδου,
διπερ πάρεστι καὶ πέφυχ' ἡμᾶς τρέφειν;
ἄν οὐκ ἀπαρχεῖ πλημανή τρυφῇ δέ τοι

- 5 δᾶλων ὀβεστῶν μηχανάς θηρεύομεν.

- fr. 707. . . τὶ γὰρ με πλοῦτος; ὥφελει νόσον;
σμικρὸν δὲ θέλοιμι καὶ καθὲ ήμέραν ἔχων
δᾶλυπος οἰκεῖν μᾶλλον η πλουτῶν νοσεῖν.

- fr. 198. εἰ δὲ εὐτυχῶν τις καὶ βίον κεκτημένος
μηδὲν δόμοισι τῶν καλῶν πειράσεται,
ἴγὼ μὲν οὕποτ' αὐτὸν δλβιον καλῶ,
φύλακα δὲ μᾶλλον χρημάτων εὐδαιμόνα.

- fr. 330. δοτις δόμους μὲν ἤδεται πληρουμένους,
γαστρὸς δὲ ἀφαιρῶν σῶμα δύστηνος κακοῖ,
τοῦτον νομίζω κανὸν θεῶν συλλὰν βρέτη
τοῖς φυλάτοις τε πολέμιον πεφυέναι.

- fr. 441. ἀμοσοίσι τοι μηδὲ ἐπ' οἰκτροῖσιν δάχρῳ

Также мало, какъ богатство, имѣло значенія въ глазахъ Европида благородное происхожденіе само по себѣ, когда оно не соединялось съ личными достоинствами. Любовныя связи боговъ съ смертными красавицами онъ признавалъ не только невѣроятными, неизвѣстными, но и оскорбительными для божества, слѣдовательно, и божественое происхожденіе разныхъ аристократическихъ родовъ было не болѣе, какъ *άοιδѡν δύστρου λόγων* (см. Herc. furons ст. 1327 и слѣд.). Съ другой стороны его космологическая возврѣнія не позволяли ему различать людей по происхожденію: не только всѣ люди, но даже животные и растенія одинакового происхожденія и обязаны своимъ появленіемъ на свѣтѣ одному общему отцу и одной общей матери: землю и землѣ (см. fragm. 836). „И благородные и неблагородные одинакового происхожденія, разсуждаетъ хоръ въ „Александрѣ“ (см. Welcker, Griech. Trag. 471, Hartung Eurip Restit. II, 240); въ самой началѣ, когда мы появились на свѣтѣ, мать земля дала всѣмъ наимъ одинаковый видъ; ничего такого, чтобъ бы настѣ отличало другъ отъ друга, мы не получили отъ природы. Только время и обычай сдѣлали различіе между людьми и возвеличили благородное происхожденіе“¹⁾.

Въ глазахъ Европида цѣну имѣли только личные достоинства и добродѣтель и въ этомъ по его мнѣнію состоять истинное благородство, а не въ происхожденіи отъ знатныхъ предковъ. По моему мнѣнію, говорить Европидъ, благородный человѣкъ тотъ, кто честенъ и

στάζειν κακὸν δὲ, χρημάτων δυτῶν δίσι,
φειδοὶ πονηρῷ μῆδαν' εὗ ποιεῖν βροτῶν.

Heracl. IO. Ήλάσι ποτ' ἐστὶ τοῦτ' ἔμοι δεδογμένον·
δὲ μὲν δίκαιος; τοῖς πέλας πέφυκ' ἀνήρ,
δὲ δ' εἰς τὸ κέρδος λῆμ' ἔχων δινειμένους
πόλεις τ' ἐχρηστος καὶ συναλλάσσειν φερός,
αὐτῷ δὲ ἀριστος· οίδα δὲ οὐδὲ λόγῳ μαθών.

5 περισσόμυθος δὲ λόγος, εὐγένειαν εἰ
βρότειον εὐλογήσομεν.
τὸ γάρ πάλαι καὶ πρῶτον δοῦ ἐγενόμεθα,
δροῖσαν χθὼν ἄπαισιν ἐξεπαίδευσεν δῆμον.

fr. 53. 5 διὰ δὲ ἐκρινεῖν ἀ δόκησις βροτούς.
ἴδιον οὐδὲν δύομεν· μία δὲ γονά
τό τ' εὐγενές καὶ τὸ δυσγενές·
νόμῳ δὲ τῷ ταῦτον αὐτὸν κραίνει χρόνος.
τὸ φρόνιμον εὐγένεια, καὶ τὸ συνετόν
10 οὐδὲς δίδωσιν, οὐχ δὲ πλοῦτος.

мужественъ, а человѣкъ безчестный, будь его отецъ хоть знатнѣе самого Зевса, не благороденъ¹⁾). Наоборотъ, мужественныхъ и честныхъ людей, хотя бы они происходили отъ рабовъ, поэты наимѣли считать болѣе благородными, нежели тѣхъ, которые могли похвастаться рядомъ знатныхъ предковъ, потому что честный и благородный образъ жизни въ его глазахъ былъ выше всякаго благородства происхождения²⁾). При такомъ понятіи о благородствѣ Евріпіда, разумѣется, не могъ сочувствовать тому воинскому закону, который признавалъ полно-правными гражданами только тѣхъ, которые родились въ законномъ бракѣ отъ аѳинянина и аѳинянки; въ его трагедіяхъ встрѣчаются очень энергическіе протесты противъ униженія такъ называемыхъ нѣбои (νόδοι), то-есть побочныхъ сыновей³⁾). По словамъ трагедій Евріпіда, нѣбои по своимъ природнымъ качествамъ и достоинствамъ не только не хуже законнорожденныхъ дѣтей, но верѣдко бываютъ

¹⁾ fr. 345. εἰς δ' εὐγένειαν ὀλίγ' ἔχω φράσαι ταῦτα.
δὲ μὲν γὰρ ἐσθλὸς εὐγενῆς ἔμοιγ' ἀνὴρ,
δὲ δὲ δικαιος καὶ ἀμείνονος πατρός
Ζηνὸς κερύχη, διστενῆς εἶναι δοκεῖ.

²⁾ fr. 514. ἔγὼ μὲν οὐκ οὐδὲ οἴδε ὅπως ακοπεῖν χρεῶν
τὴν εὐγένειαν· τοὺς γὰρ ἀνδρίσιους φύσειν
καὶ τοὺς δικαιάς τῶν κανῶν δοξασμάτων,
καὶ οὐδὲ δούλων, εὐγενεστέρους λέγω.

Versus corruptissimos sic corrigit Heimsoethius in Prooemio Lect. Bonn. aedit. n. 1867. p. XV. ἔγὼ μὲν οὐκ οὐδὲ οἴδε ὅπως ακοπεῖν χρεῶν | τὴν εὐγένειαν· τὰς γὰρ ἀνδρίσιας φύσεις | καὶ τὰς δικαιάς καὶ κενάς δοξασμάτων, | καὶ οὐδὲ δούλων, εὐγενεστέρας λέγω. Dind.

fr. 530. τὸ τοι κράτιστον, καὶ γονῆ κακός τις ἦ,
τοῦτ' ἔστιν ἀρετή· τὸ δὲ δόνομ' οὐ διαφέρει.

fr. 9. ἡ καὶ κρίσισον τῆς εὐγενίας
τὸ καλῶς πράσσειν.

³⁾ Судя по этимъ протестамъ, можно думать, что Евріпідъ признавалъ вполнѣ справедливью отставу по предложенію Перикла имъ же раньше проведенного или по крайней мѣре подтвержденного прежнаго закона о гражданскомъ безправии побочныхъ дѣтей. Plut. Pericli. 37: (о Периклѣ;) στρατηγὸς αἱρεθεὶς εἰσηγήσατο λοιπῆναι τὸν περὶ τῶν νόδων νόμον, διν αὐτὸς εἰσενενηνόχει πρότερον... Ср. Hermanni, Griech. Staatsalterth., herausg. v. Stark, стр. 449 сл. На пеблагопріятныхъ отношенія къ нѣбои общества и государства указываютъ повидимому и опасенія Іона, что его положеніе въ Аѳинахъ, какъ сына исказвѣстной матеріи, будетъ незавидно (Jou, 590 сл., 670 сл.). Ср. Жалобы Іокасты на гамонъ єпактѡн дѣтав (Phoen. 337).

и гораздо лучше ихъ, какъ замѣчаетъ многоопытный и почтенный старецъ Шелей въ „Андромахѣ“¹⁾.

Точно также и рабы въ глазахъ Еврипida, согласно съ его воззрѣніями на происхожденіе людей, по своей природѣ никако не хуже и не ниже свободныхъ, только позорное имя ставить рабовъ гораздо ниже свободныхъ, а по своимъ природнымъ качествамъ, умственнымъ и нравственнымъ личнымъ достоинствамъ, рабы часто бываютъ не только не ниже свободныхъ людей, но и гораздо выше и лучше ихъ²⁾. Согласно съ этимъ взглядомъ на рабовъ, какъ на людей, по своему первоначальному происхожденію никако не уступающихъ свободнымъ, поэтъ-философъ и въ своихъ трагедіяхъ отводитъ рабамъ весьма видную роль. Наравнъ съ свободными и даже царями и царицами рабы нерѣдко разсуждаютъ о разныхъ вопросахъ религіи, политики и нравственности въ духѣ скептической философіи и какъ бы въ подтвержденіе взгляда на рабовъ самаго поэта, представляются часто высоконравственными и достойными всякаго уваженія и почтенія людьми, за что, какъ известно, Еврипидъ подвергался порицанію со стороны Аристофана, видѣвшаго въ такой важ-

¹⁾ fr. 168. ὀνόματι μερπτὸν τὸ νόθον, ἡ φόσις δ' ἵση.

fr. 142. οἶγῷ δὲ παιδας οὐκέ τῶν νόθους λεβεῖν

τῶν γυνησίων γάρ οὐδὲν δύτες ἀνδεεῖς

νόμφη νοσοῦσιν δια φυλάξασθαι χρέων.

fr. 378. μάτην δὲ θυητοὶ τοὺς νόθους φεύγουσας ἔρα
παιδας φυτεύειν δις γάρ ἀν χρηστὸς φυῆ,
οὐ τούνομ' αὐτοῦ τὴν φύσιν διαφθερεῖ.

Andr. II.η. κακπειτ' ἐς οἰκους τῶν ἐμῶν ἐλθων τέκνων
πορθεῖς ἀπότων καὶ γυναικα διστοχῆ
κτείνεις ἀτίμως παιδά δ' δις κλαίσντά εε
635 καὶ τὴν ἐν οἴκοις σήν καταστήσει κόρην,
καὶ τρίς νόθος πέφυκε. πολλάκις δέ τοι
ξηρὰ βαθείαν γῆν ἀνίκησε σπορᾶ,
νόθοι τε πολλοὶ γυνησίων δμείνοντες.
διλλ' ἑκκομίζου παιδα. κόδιστον βροτοῖς

640 πάνητα χρηστὸν ἡ κακὸν καὶ πλούσιον
ταρμθρόν πεπάσθαι καὶ φίλον· σι δ' οὐδὲν εἰ.

²⁾ fr. 828. πολλοῖσι δούλοις τούνομ' αἰσχρόν, ἡ δὲ φρήν
τῶν οὐχὶ δούλων ἔστιν ἀλευθερωτέρα.

Ion. Παιδ. ἐν γάρ τι τοῖς δούλοισιν αἰσχύνην φέρει,
855 τούνομα. τὰ δὲ ἄλλα πάντα τῶν ἀλευθερών
οὐδὲν κακῶν δούλος, δετις ἀσθλός ἐ.

ной роли рабовъ профанацио геронически-аристократической трагеди¹⁾. Не говоря уже о рабахъ и рабыняхъ знатнаго происхождения, такъ или иначе отдавшихъ судбою въ рабство, но сохранившихъ свои благородныя качества и достоинства, какъ Андромаха, Экава, Поликсена и др., несчастную судьбу которыхъ Еврипидъ дѣлаетъ предметомъ цѣлыхъ трагеди²⁾, и рабы исконные нерѣдко играютъ у Еврипида столь же видную, сколько въ почтеннуя роль. Особенно часто фигурируютъ въ трагедиахъ „демократического“ поэта воспитательницы и воспитатели изъ рабовъ и рабынь и представляются такими преданными и привязанными къ своимъ воспитанникамъ и воспитанницамъ, что, подобно материамъ и отцамъ, готовы для нихъ на всякое самопожертвование. Поэтому и въ разговорахъ съ своими питом-

fr. 515. δοῦλον γάρ ἐσθλὸν τούνομα οὐ διαφέρει,
καλλοὶ δ' ἀμείνονες εἰσὶ τῶν ἀλευθέρων.

Cp. Zeller, Phil. d. Griech. I, s. 1008, Anm.: Aristot. Pol. c. 3 fasst die Anklage gegen die Sklaverei (wie der Trimeter νόμῳ γάρ δὲ μὲν δοῦλος δὲ δὲ εὔθρονος zeigt, der auch cap. 6, 1255, b, 5 noch durchklingt) in die Worte eines Tragikers, m̄glicher Weise des Euripides oder des Gorgias-Schülers Agathon. Cp. также Philemon. fragm. XXXIX (Meineke, IV, p. 47): Καν δοῦλος η τις, σάρκα τὴν αὐτὴν ἔχει, φύει τὰρ οὐδεὶς δοῦλος ἄγενήθη ποτέ, η δὲ αὐτὸν τὸ σῶμα κατεδουλώσσετο.

¹⁾ Arist. Ranae, ст. 948 сл.

Ἐπειτ' ἀκό τῶν πρώτων ἑπὼν οὐδὲν παρῆκ' ἀν ἀρτόν, ἀλλ' ἐλεγεν η γυνὴ τέ μοι χῶ δοῦλος οὐδέποτε τοτον χῶ παρθένος χῆ τραῦς θν. Λίσχ. είτα δῆτα οὐχ ἀποθανεῖν σε ταῦτ' ἔχρην τολμῶντα; Εὑρ. μὰ τὸν 'Απόλλω δημοκρατικὸν γάρ αὐτὸν....

"Ἐπειτα τοιτοιοι λαλεῖν ἐδίδαξα. Λίσχ. φημὶ κάγω. ὁς πρὶν διδάξαι γ' ὥφελες μέσος διαρραγῆσαι.

Согласно съ философскимъ направлениемъ некоторыхъ рабовъ трагедией Еврипида Аристофеанъ въ «Ахарянцахъ» 395 сл. изображаетъ состоящимъ въ собственности раба Еврипида. Рабъ этотъ, на вопросъ Дионисия, дома ли ходитъ, отвѣчаетъ: оихъ єндовъ єстъ. Дионисий спачала не позналъ отвѣта, а потомъ, когда получилъ разъясненіе, воскликнула: ω τρισμάχαρ! Еўріпідη, δη δοῦλος οὐτωσι εօφῶς υποκρίνεται.

²⁾ Къ такого рода трагедиамъ можно, кажется, отнести и недошедшую до насъ трагедию «Александъ», гдѣ, судя по сохранившимся отрывкамъ, вопросъ о происхождении людей вообще и о рабахъ въ особенности подвергался подробному обсужденію, въ которомъ съ одной стороны принимали участіе представители общераспространенныхъ воззрѣй на рабство, а съ другой рабы, какъ представители новыхъ взглядовъ, отстаивали свои человѣческія права. См. Wacker, Griech. Trag. II, 461. Къ этой трагедии принадлежать отрывки 43—65 въ изданияхъ Nauck'a и Dindorf'a.

цами обыкновенно обращаются къ нимъ, какъ къ своимъ дѣтямъ, называя ихъ: ὦ παῖ, ὦ τέκνον (Hipp. 196, Androm. 826 ch. Phoen. 201 и пр.). Питомцы—господа не остаются въ долгу, платить имъ также взаимной любовью и полнѣйшимъ дѣтскимъ довѣріемъ (Ion, 728, 783) и относятся къ нимъ не какъ господа¹⁾ къ своимъ рабамъ, а какъ дѣти къ своимъ родителямъ²⁾), почему въ обращеніи къ нимъ величаютъ ихъ вѣжливо-ласковыми и почтительными именами (напр. μᾶς, Hipp. 311, ὦ φίλαττε γέρον Phoen. 156 и т. п.).

Такіе воспитатели и воспитательницы, а разно и другіе старые и преданные рабы и рабыни (θεράποντες и θεράπαιναι) являются почти въ каждой изъ дошедшихъ до насъ трагедій Евріпіда, и поэтъ нерѣдко очень обстоятельно рисуетъ картины преданности рабовъ и рабынь съ одной стороны и человѣчности господъ съ другой, желая какъ бы показать, какъ слѣдуетъ обращаться съ хорошими и честно-преданными рабами, хоть они и рабы, или говоря словами самого поэта, какъ хорошо и пріятно рабамъ имѣть добрыхъ господъ, а господамъ преданныхъ и вѣрныхъ рабовъ³⁾). Такъ напр. „Мидія“ открывается извѣстнымъ молологомъ яни, въ которомъ она оплакиваетъ судьбу своей несчастной госпожи, эта яни—единственный вѣрный и преданный другъ, который не оставляетъ всѣми покинутую Мидію и, стараясь утѣшить ее, въ тоже время принимаетъ мѣры къ избавленію дѣтей отъ необузданного гнѣва матери⁴⁾.

¹⁾ Ion. Кр. ἐγώ δέ ο' ὥσπερ καὶ σὺ πατέρ' ἔμόν ποτε,
δέσποιν' βμως οὐο' ἀντικηδεόνω πατρὸς.

735 ПАІ. ὦ θύγατερ, δέ? δέσιν γεννυτόρων
ἡμη̄ φυλάσσεις κοῦ καταισχύνας' ἔχεις
τοὺς δοὺς παλαιοὺς ἀγάθους αὐτοχθόνας.
ὅλῃ̄ ἐλκε πρὸς μέλαθρα καὶ κόμιζε με.
αἴπειντι τοι μαντεῖα· τοῦ τήρως δέ μοι

740 συνεκπονοῦσσα κῶλον ἰατρὸς γενοῦ.

²⁾ Ion. Крѣиса. ἐγώ δέ ο', ὥσπερ καὶ σὺ πατέρ' ἔμόν ποτε,
δέσποιν' βμως οὐο' ἀντικηδεόνω πατρὸς.

³⁾ fr. 533. ω; ἡδὲ δύολοις δεσπόταις χρηστοῦς λαβεῖν
καὶ δεσπόταισι δοῦλον εὑμενῆ δόμοις.

⁴⁾ Нельзя также не обратить вниманія на явность, съ которой рабы относятся къ малонѣкимъ дѣтикамъ своихъ господъ: напримѣръ когда дѣти Мидіи пошли съ подарками къ си соперникѣ, рабы, узнавъ о (мнимой) примиреніи Мидіи иаскали дѣтей и цѣловали, кто голову, кто руки. Med. 1136 сл.

Въ Іонѣ, какъ хоръ, состоящій изъ рабынь, такъ и старый педагогъ отца Креусы, въ виду опасности, угрожавшей Креусѣ отъ Иона, какъ имъ сначала показалось, готовы были раздѣлить участъ своей госпожи: или погибнуть вместе съ нею, или вместе съ нею наслаждаться счастьемъ¹⁾). Такія же чувства преданности выражаетъ рабъ Менелай въ „Елевѣ“; плохой тотъ рабъ, который не радуется радостями своихъ господъ и не скорбитъ ихъ скорбями, говоритъ онъ. Что касается до меня, то я желалъ бы принадлежать къ числу благородныхъ рабовъ; хотя я и не называюсь свободнымъ, но за то имѣю образъ мыслей, вполнѣ достойный свободнаго человѣка²⁾). И дѣйствительно, его благородную преданность тотчасъ подтверждаетъ Менелай, а его умъ и разсудительность видны изъ философски-скептическихъ размышленій о тщетности и обманчивости предсказаний и предсказателей³⁾). Не менеѣ достойными и преданными своей госпожѣ оказы-

1) Jou. 850 Παῖδ. ἐγὼ μὲν οὖς καὶ συνεκπονεῖν θέλω,
καὶ συμφορεύειν παῖδ' ἐπεισελθὼν δόμοις
οὐ δαιτὸς ὅπλιζει, καὶ τροφεῖα δεσπόταις
ἀποδοὺς θανεῖν τε ζῶν τε φέγγος εἰσορᾶν.

XO. κάχω, φίλη δέσποταινα, συμφοράν θέλω
κοινουμένη τήνδ' ή θανεῖν ή ζῆν καλῶς.

2) Hel. 736 Αγγ. κακὸς γάρ δοτις μὴ σέβει τὰ δεσποτῶν
καὶ ξυγγέγηθε καὶ συνωδίνει κακοῖς.
ibid. ἐγὼ μὲν εἴην, καὶ πέψυχ' ὅμως λάτρις,
ἐν τοῖς γενναίοισιν ἡριθμημένος
730 δούλοισι, τούνομ' οὐχ ἔχων ἀλεύθερον,
τὸν νοῦν δέ· κρείσσον γάρ τού' ή δυοῖν κακοῖν
ἔν' ὄντα χρῆσθαι, τὰς φρένας τ' ἔχειν κακάς
δὲλλων τ' ἀχούειν δοῦλον ὄντα τῶν κέλας.

Cp. Iph. Aul. ME. ἀπελθε· λίαν δεσπόταισι πιστὸς εῖ.

305 ΗΠ. καλόν γέ μοι τούνειδος ἔξωνειδισας.

fr. 376. πιστόν μὲν οὖν είναι χρὴ τὸν διάκονον
τοιοῦτον είναι καὶ στέγειν τὰ δεσποτῶν.

Med. Tr. χρηστοῖσι δούλοις ξυμφορὰ τὰ δεσποτῶν
55 κακῶς πίνοντα καὶ φρενῶν ἀνθάπτεται.

fr. 861. μέτεστι τοῖς δούλοισι δεσποτῶν νόσου. cp. fr. 775.

3) Hel. ME. ἄγ' ὁ γεραῖς, πολλὰ μὲν παρ' ἀσκίδα
735 μοχθήματ' ἔξεπλησας ἐκπονῶν ἔμοι,
καὶ νῦν μετασχῶν τῆς ἐμῆς εὐπράξιας
δηγειλον ἐλθῶν τοῖς λελειμμένοις φίλοις
τάδ' ὡς ἔχοντας οὖς τ' ἔσμεν τυχῆς.

Относительно предсказателей и гадателей см. ст. 725 и сл.; cp. Записки Каз. Унив. 1877.

ваются рабыни въ концѣ трагедіи, гдѣ онѣ изъявляютъ готовность скорѣе умереть, чѣмъ допустить Феоклимена убить свою сестру, и на угрозы его смертью отвѣчаютъ: умереть за своихъ господъ—наи-высшая честь и слава для благородныхъ рабовъ¹⁾.

Въ Иллітре такиъ вѣрныи и неизмѣнно преданныиъ несчаст-нымъ дѣтямъ Агамемнона рабомъ является старый воспитатель этого послѣдняго; этоѣ старикъ, съ рискомъ для себя, навѣщаетъ дочь своего воспитанника и господина и тайкомъ приносить ей кое-что въ бѣднос, недостойное царской дочери жилище ея мужа-землемѣльца²⁾. Не менѣе вѣрного и преданнаго Агамемнону и его семейству раба мы встрѣчаемъ въ Ифигеніи въ Авлидѣ, ему одному Агамемнонъ попѣряетъ свои колебанія и свои пѣжныя отеческія чувства; предъ нимъ однѣмъ онъ соглашается, что, несмотря на весь блескъ и могущество, онъ чувствуетъ себя несчастнымъ и завис-дуетъ положенію простаго человѣка, чѣмъ вызываетъ умнаго раба на разныя философскія размысленія о необходимости для всякаго человѣка испытать горе. И Агамемнонъ не ошибся въ своемъ довѣріи: вѣрный рабъ-философъ готовъ скорѣе поплатиться жизнью, чѣмъ выдать вѣренную ему тайну, потому что за интересы своего госпо-дина умереть славно и почетно³⁾.

Въ „Андромахѣ“ на сцѣнѣ дѣйствуютъ двѣ рабыни: одна—Андро-махина старая служанка, которая выѣстѣ съ своею госпожею попала въ рабство къ Неоптолему и, несмотря на то, что паденіе Трои уравняло ее съ госпожею, осталась вѣрною и преданною своей гос-пожѣ-сорабынѣ; попрежнему называетъ ее своею госпожею и готова для спасенія ея пожертвовать своюю жизнью⁴⁾; другая—нана Эрми-

¹⁾ Hel. ΘΕΟΚ. καθηνεῖν ἑρῶν ἔοικας. ХО. κτεῖνε· σύγγονον δὲ σὴν
1640 οὐ κτενεῖς ἡμῶν ἔχόντων, δλλ' ἐμ'· ὡς πρὸ δεσκοτῶν
τοῖς γενναιοῖς δούλοις εὐχεάστατου θανεῖν.

²⁾ Electra, ст. 386 и сл.

³⁾ Iph. A. Mev. 312 σχῆπτρῳ τάχ' δρα σὸν καθαιμάξω κάρα.

Пр. δλλ' εὐλέεις τοι δεσποτῶν θυήσειν ὅπερ.

Mev. μέδες· μαχροὺς δὲ δοῦλος ὃν λέγεις λόγους.

Еще болѣе вѣрныи и преданныиъ оказался этотъ рабъ относительно Кли-тенистры, какъ своей familialной госпожи, которая привела его выѣстѣ съ собою въ домъ Агамемнона, въ качествѣ приданнаго (см. ст. 868 и сл.).

⁴⁾ Andr. ΘΕΡ. 56 δέσποιν', ἄγώ τοι τοῦνοι' οὐ φεύγω τόδε
καλεῖν σ', ἀπείπερ καὶ κατ' οἰχον ἥξουν
τὸν σὸν, τὸ Τροίας ἡνίκ' φροῦρμεν πέδον,
εὔνους δὲ καὶ σοὶ ζῶντι τ' ἦν τῷ ποσει·

оны,—рабына, которая оказалась гораздо благоразумнѣе своей госпожи и которая, не раздѣлила желанія Эрміоны погубить Андромаху, спасла отъ смерти Эрміону, когда эта послѣдняя, послѣ неудачи своего преступнаго покушенія на жизнь ни въ чёмъ не повинной и несчастной Андромахи, хотѣла удавиться (ст. 865.)¹⁾.

Само собою разумѣется, что далеко не всѣ рабы были такими преданно-вѣрными друзьями своихъ господъ и мудрыми философами,

¹⁾ Рядомъ съ такимъ поведеніемъ рабынь тѣмъ болѣе рѣзко бросается въ глаза воспитательный образъ дѣйствій господъ, Менелаха и Эрміоны, относительно рабыни Андромахи. Въ этихъ грубыхъ и жестокихъ спартіатахъ посты очевидно хотѣть представить образецъ исправедливаго и безчеловѣчнаго обращенія съ рабами и, обрисовывая жестокихъ господъ въ самыхъ непривлекательныхъ, отталкивающихъ краскахъ, имѣть въ виду показать, какъ слѣдуетъ обращаться съ рабами. Ревнивая и истительная Эрміона въ любви Неоптолема къ Андромахѣ видѣтъ коварство этой послѣдней и къ мученикѣ Андромахѣ, принужденной быть наложницей сына убийцы своего мужа, присоединяетъ новые, еще болѣе ужасные мученія и даже грозить ей смертію, заявляя, что отъ смерти ее можетъ избавить только самое полное униженіе и совершение забвеніе о своемъ прежнемъ положеніи.

Си. Andr. 'Eрμ. κούδέν σ' ὄνήσει δῶμα Νηρῆδος τόδε,
οὐ βωμὸς οὐδὲ θαύμας, ἀλλὰ κατθυνεῖ.
ἢν δὲ οὖν βροτῶν τίς σ' ἡ θεῶν αώσαι θάλη,
δεῖ σ' ἀντὶ τῶν πρὶν ὄλβιῶν φρονημάτων
165 πτῦχει ταπεινὴν προσκεπειν τ' ἐμὸν γόνου,
σαίρειν τε δῶμα τούμον ἐν χρυσηλάτων
τευχέων χερὶ σπείρουσαν Ἀχελώου δρόσον,
γῆναι δὲ τὸν εἰ τῆς οὐ τάρ τοθ' Ἔκτωρ τάδε,
οὐ Πρίαμος οὐδὲ χρισθεῖ, ἀλλ' Ἐλλάς πάλις. Ср. ст. 433 сл.

Рѣзкую противоположность съ этой жестокою, безчеловѣчною спартавскою представляется гуманная и какъ мать ласковая Алкестида, которая по зазвѣнію рабовъ нестолько сама обращалась стъ ними по матерински, но и нерѣдко укрощала гибель своего мужа на рабовъ, образецъ милостию и доброй госпожи. И рабы оказались вполнѣ достойными такого обращенія; они вполнѣ оцѣнили человѣчность своей госпожи и платили ей полною привязанностію и искреннюю любовью, выражавшейся въ безконечныхъ сожалѣніяхъ и плаче во своей доброй госпожѣ, когда она рѣшилась умереть за своего мужа. Эту любовь рабовъ къ своей милостивой госпожѣ всего лучше выражаетъ рабъ, которому лишеннѣ было возможности оказать послѣдніе знаки любви и преданности своей прѣтккой госпожѣ. Ее вынесли, говорить онъ, а я не проводилъ ее, не простираяъ своихъ рукъ, не оплакивая госпожу, которая была настоящею матерью для насъ и всѣхъ другихъ рабовъ и уснокомная гибель мужа, спасала насть отъ множества бѣдъ. ст. 761 и сл.

какъ рабы Менелая и Агамемнона. Было безъ сомнѣнія гораздо болѣе такихъ, которые вполнѣ заслуживали общепринятое весьма невыгодное и презрительное мнѣніе о рабахъ; многіе изъ рабовъ безъ сомнѣнія по всей справедливости считались никакими погодными людьми, неимѣвшими, подобно животнымъ, другого интереса, кромѣ资料а чрева¹); было безъ сомнѣнія множество и такихъ рабовъ, на которыхъ никакимъ образомъ нельзя было положиться²) и которые при малѣйшей опасности, угрожавшей имъ господамъ, готовы были ихъ бросить и оставить на произволъ судьбы, подобно трусливымъ рабамъ Елены, изображенныемъ въ „Орестѣ“ (см. ст. 1506 сл.). Совершенно естественно, что многіе изъ рабовъ, за постоянно враждебныя и безчеловѣчныя отношения къ имъ господъ, платили имъ также враждой, считали противную своимъ интересамъ преданность интересамъ своихъ господъ³) и, сдѣлавшись равподушными къ тому, кто былъ имъ господиномъ, готовы были служить и работать предъ тѣмъ, кто въ данную минуту обладаетъ силою⁴).

Что было много такихъ рабовъ, и самъ Еврипидъ, конечно, отрицать не могъ. Но между тѣмъ какъ его соотечественники, и въ томъ числѣ такие великие мыслители, какъ Аристотель, приписывали эти низкия качества рабовъ тому, что рабы созданы такими самою при-

¹⁾ fr. 50. ἡλεγχον. οὕτω γὰρ κακὸν δούλων γένος· γαστῆρ ἀπαντα, τούπισα δ' οὐδὲν σκοπεῖ.

fr. 216. — τὸ δοῦλον σύχ δρᾶς διον κακόν;

²⁾ fr. 87. δοτις δὲ δούλῳ φωτὶ πιστεύει βροτῶν, πολλὴν παρ' ἡμίν μωρίαν ὑφίσκανται.

Этотъ отрывокъ очень напоминаетъ приводимое Plat. de legib. 776 Евангелие тѣхъ, которые думаютъ, ѿсътвѣтъ, ѿсътвѣтъ Фүхѣсъ дюльсъ оудѣкътъ сїдѣн тѡ ѿсътвѣтъ дѣтъ тѡн нѹн хектагон, и которые па этомъ основаніи хатѣ Ѹтировъ фѹсън к нтроросъ кал м стѣн оў тրіс мѹнън, аллѣ польлакис апергѣсътасъ дѹласъ тасъ фѹхѣсъ тѡн сїкетѡн.

³⁾ fr. 51. δούλων δօσι φιλοῦσι δεσποτῶν γένος, πρὸς τῶν δροίων πόλεμον αἱρονται μέγαν.

⁴⁾ Orest. 1510 Op. οὐτὶ που κραυγὴν ἐθηκας Μενελέω βοηδρομεῖν· Φр. οοὶ μὲν δύν ἔτωτ' ἀμύνειν ἀξιώτερος γὰρ εἰ.

Θρ. δειλὶς γλώσσῃ χερίζει τάνδον οὐχ οὕτω φρονῶν.

Electr. 631 ΗΡ. δημῶες μὲν εἰσιν, οἱ σέ γ' οὐχ εἰδόν ποτε.

ΟΡ. ἡμὲν δὲν εἰεν, εἰ κρατοῖμεν, εὐμενεῖς;

Π.Р. δούλων γὰρ δίοιν τοῦτο, οοὶ δὲ φιλοφορον.

Orest. 1115 Ηρ. οὐδὲν τὸ δοῦλον πρὸς τὸ μὴ δοῦλον γένος.

⁵⁾ fr. 217. φεῦ φεῦ, τὸ δοῦλον ῥέ ἀπανταχῇ γένος πρὸς τὴν ἀλάτων μοῖραν ὕρισεν θεός.

родою и отъ природы (φύσιν) надѣлены осьмыми рабскими свойствами. Евріпидъ училъ, что природа ничѣмъ не отличила рабовъ отъ свободныхъ, и потому рабы могутъ быть по своимъ умственнымъ и нравственнымъ качествамъ не только не хуже, но и лучше свободныхъ. Если же рабы въ общей массѣ по своимъ умственнымъ и нравственнымъ качествамъ стоять ниже свободныхъ, то въ этомъ виновата не природа, а люди и обстоятельства, создавшіе рабовъ и поставившихъ въ такое положеніе, въ которомъ хорошия качества рабовъ, данныхъ имъ природой наравнѣ съ свободными, не могутъ развиваться и совершенствоваться такъ легко и свободно, какъ у ихъ господъ. Чтобы показать своимъ соотечественникамъ, что вслѣдствіе этого даже и дурные рабы скорѣ заслуживаютъ сожалѣнія, чѣмъ презрѣнія, Евріпидъ очень часто въ самыхъ яркихъ краскахъ рисуетъ несчастное положеніе рабовъ, которые, несмотря на всѣ свои тяжелые и безконечные труды, избавляющіе господъ отъ личаго труда и позволяющіе имъ наслаждаться жизнью, развивать свою умственные способности и нравственные качества, вѣчно осуждены оставаться въ неправомъ положеніи рабочаго скота ¹⁾). Не говоря уже о томъ, что рабы, находясь въ полной власти своего господина, должны были безусловно и безропотно подчиняться его волѣ, не смѣть своего сужденія имѣть ²⁾), а стараться единственно объ угощенніи своему господину

¹⁾) Aristot. Polit. I, 1254 в. ἔστι γάρ φύσει δοῦλος ὁ δυνάμενος δόλου εἶναι.... καὶ κοινωνῶν λόγου τοσούτον οὖν αἰσθάνεσθαι ἀλλὰ μὴ ἔχειν· τὰ γάρ ἄλλα ζῷα οἱ λόγῳ αἰσθανόμενα ἀλλὰ παθήμασιν ὑπῆρχει. καὶ ἡ χρεία δὲ παραλλάττει πικρόν· ἡ γάρ πρὸς τάναγκαῖς τῷ σώματι βοήθεια γίνεται παρ' ἀμφοῖν, παρά τε τῶν δούλων καὶ παρὰ τῶν ἡμέρων ζώων.

Cp. Wallon, Esclavage dans l'antiquité I, 372 сл.; 287 сл. (de la condition des esclaves), la loi suprême des esclaves, c'est de n'être rien: rien qu'une chose sous la main du maître (p. 288).

²⁾) fr. 94. ἐάι δ' ἀράστειν τοῖς κρατοῦσιν ταῦτα γάρ
δοῦλοις ἄριστα· καὶ δέ τε τεταγμένος
εἴη τις, ἀνδάνοντα δεσπόταις ποιεῖν.

Ion. 670 ἀρίστων ἡμῖν εἰ δ' ἐπεύξισθαι χρεών,
ἐκ τῶν Ἀθηνῶν μ' ἡ τεχοῦσ' εἴη γυνή,
ὅς μοι γένηται μητρόθεν παρρησία.
καθαράν γάρ ἡν τις εἰς πόλιν πέσῃ ξένος
καὶ τοῖς νόμοισιν ἀστός ἦ, το γε στόμα
δοῦλον πέπαται κούκι ἔχει παρρησίαν.

675 Phoen. Io. 390 τί φυγάσιν τὸ δισχερές:

безъ возраженій и разсужденій о качествѣ его приказаній съ точки зреенія правды¹), — рабы лишепы было не только всякой опоры и защиты со стороны своихъ сотоварищъ, но даже и возможности услышать отъ нихъ выраженіе сочувствія, такъ какъ это сочувствіе могло на нихъ навлечь гневъ господина²). Не мало было и такихъ господъ, которые шли еще далѣе въ своихъ отношеніяхъ къ рабамъ и старались совершенно стереть человѣческую личность въ рабахъ, уничтожить въ нихъ всякія нозыненныя чувства и стремленія, достойныя свободныхъ людей, на томъ основаніи, что рабъ, думающій болѣе, чѣмъ слѣдуетъ рабу, не только бесполезенъ, по даже и очень вреденъ,

По. ἐν μὲν μέγιστον, οὐχ ἔχει παρρησίαν....

Іо. δούλου τόδ' εἴπας, μὴ λέγειν ἀ τις φρονεῖ.

Ісс. 'Ex. εἰ δ' ἔστι τοῖς δούλοισι τοὺς ἐλευθέρους

235 μὴ λυπρὰ μηδὲ καρδίας δηκτήρια

ἔξιστορῆσαι, σοὶ μὲν εἰρῆθαι χρεῶν,

ἡμᾶς δ' ἀκοῦσαι τοὺς ἑρωτῶντας τάδε.

) fr. 315. δούλῳ γάρ οὐχ οἶόν τε τάληθῃ λέγειν.

εἰ δεσπότασι μὴ πρέποντα τογχάνοι.

Andr. Av. 186 'Εγὼ δὲ ταρβὼν μὴ τὸ δουλεύειν μέ σοι

λόγων ἀπώση πόλλον' ἔγουσσαν ἐνδίκα.

Iph. Aut. IIР. 312 ἀλλ' εὐκλεῖς τοι δεσποτῶν θυήσκειν ὑπερ.

Aut. ИЕ. μένεις· μακροῦς δὲ δούλος ὁν λέγεις λόγους.

На скромныхъ и спроведанныхъ разображенія Андромахи Менелай отвѣчаетъ:

Andr. 333 ἀλλ' ἐρπε· ἐσ οίκους τούσδε, ἵν' εἰς ἐλευθέρους

δούλη γεγῶσα μήποθ' ὑβρίζειν μάθησ.

) Andr. Av. 79 δούλ' ἀμφὶ Πηγέως ἡλθεν, ὃς ἥνοι, φάτες.

Θερ. γέρων ἔκεινος ὥστε σ' ὄψειν παρών.

Av. καὶ μὴν ἐπειρψή ἐπ' αὐτὸν οὐχ ἀπεῖ μόνον.

Θερ. μῶν οὖν δοκεῖς σοι φροντίσαι τιν' ἀγγέλων;

Въ этомъ отношении весьма характерна речь рабынь, составляющихъ хоръ въ «Андромахѣ». Высшего того, чтобы помочь Андромахѣ, сорабыни ея боятся даже выражать ей свое сочувствіе и совлгтуютъ оставить убѣжавше въ отдастъ въ воиное распоряженіе Эрміону и Менелая. Andr. ст. 126 и сл.: γνῶθι τόχα, λογίσθι τὸ παρὸν κακόν, εἰς διπερ ἤχεις· δεσπότας ἀμῆλλαq Πλάτις οὖσα κόρα Λακεδαιμονίος ἐγενέτασι; λείπει δεξιμηδον δόμον τὰς ποντίας θεοῦ, τί σοι καρός ἀτυχομένη δένεις; αἰκάλιον καταλείβειν δεσποτῶν ἀνάγκας, τὸ κρατοῦν δέ σ' ἐπεισι, τί μόχθον οὐδὲν οὔτε μογθεῖς; ἀλλ' οὐλι λείπει θεᾶς Νηρηγίδος ἀγλαὸν ἔδραν, γνῶθι δ' οὐσ' ἐπὶ ξένας δημοι, εἰς' ἀλλοτρίες πόλεος, εὐη! οὐ φίλων τιν' εἰσορῆς σῶν, ὡ διστογεστάτα, ὡ παντάλαινον νόμαφα. οἰκτροτάτα γάρ ἐμοιγ' ἐμολες, γόναι Πλάτις, οίκους· δεσποτῶν δ' ἐμῶν φύぢρ ἀσυγχίαν ἀγομεν· τὸ δὲ σὸν οἰκτρφ φέρουσα τογχάνω, μὴ παὶς τὰς Διὸς κόρας σοὶ μ' εὐ ϕρονοῦσαν εἰδῇ.

особенно если онъ сильнѣе и мужественнѣе своего господина¹). Естественно, что рабы, неутратившіе еще сознанія своего человѣческаго достоинства, и не превратившіеся въ идеалъ раба—понятливый рабочій скотъ—не могли выносить безропотно своего положенія и не только жаловались на свою судьбу, но и нерѣдко желали лучше умереть, чѣмъ постоянно терпѣть страданіе, униженіе и низоръ. Если уже рабы, родившіеся рабами, весьма часто могли желать смерти, то для рабовъ, сдѣлавшихся таковыми благодаря какому нибудь несчастію, достигшему ихъ лично или все ихъ отечество, понятно, рабская жизнь

¹⁾ fragm. 215. οὐ χρή ποτ' ἀνδρα δοῦλον δυτ' ἐλευθέρας;
γνώμας διώχειν οὐδὲ ἔς ἀργταν βλέπειν.

fr. 49. ασφός μὲν οὖν εῖ, Πριάμ', δμως δέ αοι λέγω·
δούλου φρονοῦντες μᾶλλον η φρονεῖν γρεών
οὐκ ἔστιν ἀχθος μείζον οὐδὲ δώματι
κτῆσις λακτιν οὐδ' ἀνωφελεστέρα.

fr. 690. οἰδεῖς δ' ἔς οἴκους δεσπότας ἀμείνονας
αὐτοῦ πριασθαι βούλεται· οἱ δ' εἰσορῶν
πᾶς τις δέδουλον δύμα γάρ πυρὸς γέμεις,
ταῦρος λέοντος ὡς βλέπων πρός ἐμβολήν.

fr. 52. Stob. 62, 19. δούλους γάρ οὐ
χαλὸν περισσότερον κρείσσονας τῶν δεσποτῶν.

fr. 253. κρείσσω γάρ οὗτος δοῦλον δυτ' ἐλευθέρον
τέραφεν ἐν οἴκοις δασφαλές τοῖς σώφροσιν.

Такой принципъ часто проводился не только въ частной жизни, но и возводился иногда въ постоянную государственную систему, какъ, напримѣръ, въ Спарѣ, гдѣ, какъ известно, весьма мало смотрѣли на выдающихся физическими и правственными достоинствами илотовъ и для уничтоженія такихъ опасныхъ рабовъ безъ зазрѣнія совѣты нарушали самые священные божескіе и человѣческіе законы.

Въ Аѳенахъ положенію рабовъ, правда, было несравненно лучше, чѣмъ въ Спарѣ и некоторыхъ другихъ государствахъ; рабы въ случаѣ крайнаго нестокаго обращенія съ ними могъ спастись подъ защитою илтары какъ пресадѣуемый зиѣръ подъ защиту камни (Eurip. Suppl. 267); авторъ сочиненія de rep. Atheniens. жалуется даже на плеисту ἀκολασіа аѳинскихъ рабовъ (cap. I, 10, ср. Hermann, Staatsalterth. § 114, Anm. 3 и 4); однако же эта гарантія противъ жестокости, равно какъ и то, что изгнать смертю раба можно было только по суду (Hermann, ibid, Anm. 7—10) предоставили еще слишкомъ много на промыволь господина для того, что бы сдѣлать положеніе раба, особенно сознавшаго свое человѣческое достоинство, въ высшей степени тяжелымъ и невыносимымъ (Becker, Charchies. 2 Aufl. III, 34 и сл.). На законъ, не позволяющій безнаказанно убивать рабовъ, намекаетъ очевидно въ Эвака въ трагедіи того же имени ст. 291.

'Ex. νόμος δ' ἐν ώμιν τοῖς τ' ἐλευθέροις; τοσο;
καὶ τοῖς δούλοις αἵματος κεῖται πέρι.

была и совсѣмъ уже невыносима¹⁾, если ихъ не поддерживала надежда на освобожденіе.

Влагая въ уста рабовъ всѣ эти жалобы на свое положеніе и протесты противъ огульного презрѣнія къ нимъ, Еврпидъ,

- ¹⁾ Andr. Av. 87 ὥρᾶς, ἀπαυδᾶς ἐν κακοῖς φίλοισι σοῖς.
Θερ. οὐ δῆτα· μηδὲν τοῦτ' ὄντειδίστες ἔμοι.
ἀλλ' εἰμ'. ἐπεὶ τοι κού περιβλεπτος βίος
δούλης γνωτικής, ἦν τι καὶ πάθω κακῶν.
IIIec. №. 345 θύραις· πέφευγας τὸν ἐρὸν ἵκεσιον Δια.
ώς ἔψομαι γε τοῦ τ' ἀναγκαῖου χάριν
θανεῖν τε γρῆζουσα· εἰ δὲ μὴ βουλήσομαι,
κακὴ φανοῦμαι καὶ φιλόφυχος γυνή.
τι γάρ με δεῖ ζῆν; η πατήρ μὲν ἦν ἀναξ
350 Φρυγῶν ἀπάντων τοῦτο μοι πρῶτον φίου.
ἐπειτ' ἐθρέψθην ἐπίδων καλῶν ὅπο
βασιλεὺς νύμφη, Ζῆλον οὐ σμικρὸν γάμων
ἔχουσα· ὅτου δώλι· ἑστίαν τ' ἀφίξομαι.
δέσποινα δὲ ή δύστηνος Ήδαισιαν ἦν
355 γυναιξὶ παρθένοις τ' ἀπόβιλεπτος μέτα,
ἰση θεοῖσι πλὴν τὸ κατθανεῖν μόνον
νῦν δὲ εἰμι δούλη. πρῶτα μὲν με τοῦνομα
θανεῖν ἐρὰν τίθησιν οὐκ εἰωθὸς δν.
ἐπειτ' ίσως δὲ δεσποτῶν ὡμῶν φρένας
360 τύχοιμι· ἀν, θετις ἀργύρου μ' ὠνήσεται
τὴν Ἔκτορός τε χάτέρων κάσιν,
προσθεις δὲ ἀνάγκην σιτοποιὸν ἐν δόρδοις,
επίστρειν τε δῶμα κερκίσιν τ' ἐφεστάναι
λυκράν ἀγουσαν ἡμέραν μ' ἀναγκάσει.
365 λέχη δὲ τάμα δοῦλος ὑντότος ποθεν
χρανει, τυράννων πρόσθεν ἡκιωμένα.
οὐ δῆτ· ἀρίηγ' ὀμιμάτων ἐλεύθερον
φέγγος τόδι· "Αἰδη προστιθεῖσ" ἐμὸν δέρας.
Troad. 'Ex.
490 τὸ λοισθιον δὲ θριγκὸς ἀθλίων κακῶν,
δούλη γονὴ γραῦς Ἐλλάδ' εισαφίξομαι.
δέ δὲ ἑστὶ γῆρα τῷδ' ἀσυμφορώτατα,
τούτοις με προσθήσουσιν, η θυρῶν λάτριν
χλῆδες φυλάσσειν, τὴν τεκοῦσαν Ἔκτορα,
η σιτοποιεῖν, κάν πέδη κοίτας ἔχειν
495 ρυσοῖσι νάτοις βασιλικῶν δὲ δεμνίσιν,
τρούγηρά περὶ τρυγηρὸν εἰμένην χρόα
πέπλων λακισματ', ἀδόκιμ' ὀλβίοις ἔχειν.

Ср. подобныя же разсуждения Андрамахи (Andr. 315 сл.), fragm. 247 и Troad. 298 сл.

безъ сомнѣнія, желалъ, возбуждая состраданіе къ жалкому положенію рабовъ и доказывая, что рабы такие же люди, какъ и господа ихъ, внушить своимъ согражданамъ, что и рабы имѣютъ право на человѣческія отношенія къ нимъ, и такимъ образомъ улучшить положеніе ихъ по крайней мѣрѣ фактически, если не юридически (Cp. Goebel, Eurip. de vita priv. ac dom. p. 59. sq., Schenkl, Polit. Ansch. d. Eurip. s. 14). Но въ своихъ сужденіяхъ о рабахъ поэтъ пашъ, очевидно, шелъ гораздо дальше этихъ гуманныхъ, но не противорѣчащихъ существовавшему строю жизни пожеланій. Признавая, что всѣ люди одинакового происхожденія и что природа не сдѣлала разницы между рабами и свободными, Еврипидъ, какъ это ясно видно изъ приведенного выше отрывка изъ „Александра“ (fr. 53), полагалъ, что отъ природы (*φύσις*) нѣтъ ни рабовъ, ни свободныхъ, и что существующее между ними различіе основывается не на прочныхъ законахъ природы, а на обычаяхъ и приемъчныхъ законахъ (*νόμῳ*), установленныхъ людьми. Поэтъ пашъ такимъ образомъ принадлежалъ къ числу первыхъ сторонниковъ и проповѣдниковъ того мнѣнія, по которому „различіе между рабами и свободными существуетъ только по закону, а по природѣ они ни мало не отличаются другъ отъ друга“, и которое такъ усердно старается опровергнуть Аристотель, называвшій рабство необходимымъ элементомъ общества и государства¹⁾). Но сторонники мнѣнія, что рабство—неестественно, какъ известно, на основаніи его неестественности, возвставали противъ самого существа рабства и утверждали, что оно несправедливо, ибо представляетъ собою насилие. Хотя ни въ дошедшіхъ до насъ трагедіяхъ Еврипida, ни въ отрывкахъ недошедшихъ такихъ прямыхъ протестовъ противъ рабства нѣтъ, тѣмъ не менѣе изъ вышеприведенныхъ мѣстъ и особенно изъ fr. 53 можно заключать, что поэтъ-философъ доходилъ и до этого конечнаго логического вывода относительно рабства. Очень можетъ быть, что высказываться противъ рабства прямо и такимъ образомъ открыто подрывать одинъ изъ самыхъ важныхъ устоевъ соціальной жизни было невозможно, по крайней мѣрѣ не безопасно, особенно во времена Пелопоннесской войны, когда рабы и безъ того уже позволяли себѣ многое безнаказанно и когда даже въ защиту союзниковъ, какъ показываетъ примѣръ Аристофана, говорить было далеко не-

¹⁾ Arist. Polit. I, 1253 b. οὐχία δὲ τέλεος ἐκ δούλων καὶ ἐλευθέρων. ibid. τοῖς δὲ δοκεῖ εἶναι παρὰ φύσιν τὸ δεσπόζειν. νόμῳ γάρ τὸν μὲν δοῦλον εἶναι, τὸν δὲ ἐλευθέρον, φύσις δὲ οὐδέποτε διαφέρειν. διόπερ οὐδὲ δίκαιον· βίᾳ τούτῳ γάρ.

безопасно (Aristoph. Nub. 1 ch.; Acharn. 465 сл.). Для поэта временъ Пелопонесской войны достаточно уже и того, что, признавая въ рабахъ людей, по природѣ равныхъ съ свободными и даже способными превосходить ихъ, онъ выступилъ такимъ смѣлымъ защитникомъ человѣческаго достоинства рабовъ и, несмотря на нападки и порицанія современниковъ, отводилъ имъ такую видную роль въ героической трагедіи, поставивъ предъ лицомъ публики рядомъ съ царями и родовитыми героями именитой древности „благородныхъ рабовъ“, δούλοος τεννικίους, ἑσθοός, эпитеты, безъ сомнѣнія сильно поражавшіе слухъ многихъ жителей, тѣмъ болѣе, что Евріпидъ въ такихъ благородныхъ рабахъ видѣлъ не ошибку природы, какъ впослѣдствіи Аристотель, а совершенно естественное явленіе, основанное на томъ, что рабы — такие же люди, какъ и свободные и, слѣд., также, какъ и свободные, могутъ быть благородны въ томъ смыслѣ, какъ понималъ благородство поэтъ, т.-е. добродѣтельны. Добродѣтель — вотъ единственный въѣрный критерій, по учению Евріпida, для правильной оценки людей, а не принадлежность къ тому или другому сословію или состоянію¹⁾.

¹⁾ Electra, 'Ορεστ. οὐ μή φρονήσει', οἱ κενῶν δοξασμάτων πληρεῖς πλανᾶσθε, τῇ δ' ὄμιλοι βροτοὺς κρινεῖτε καὶ τοὺς ἡθεσιν τοὺς εὐγενεῖς; οἱ γὰρ τοιοῦτοι τὰς πόλεις οἰκοῦσιν εὗ καὶ δώρικοι', αἱ δὲ αἵρκες αἱ κεναὶ φρεγῶν ἀγάλματ' ἀγορᾶς εἰσιν.

Д. Ванъ.

(Продолженіе съдуется.)

О РАСКОПКАХЪ ВЪ ОЛИМПІИ, ПЕРГАМЪ И ЮЖНОЙ РОССІИ.

Занятія умственою жизнью культурныхъ народовъ древности ограничивалось въ прежнія времена почти исключительно изученіемъ сохранившихся сочиненій великихъ ихъ писателей. Безъ сомнѣнія, эти произведенія составляютъ для насъ важнѣйшій источникъ для ознакомленія съ тѣмъ, что создано этими народами; тѣмъ не менѣе чтеніе писателей остается одностороннимъ, если оно не идетъ рука объ руку съ точнымъ знаніемъ мѣстожительства ихъ и съ изученіемъ произведеній искусства.

Въ наше время усиленно стараются и съ этой точки зрѣнія расширить наше знакомство съ состояніемъ культуры прежнихъ столѣтій. Съ помощью повѣйшихъ путей сообщенія предпринимаются многочисленныя путешествія въ Италію и Грецію, въ Египетъ и Ассирію, результаты которыхъ обогащаютъ топографію и географію и совершаютъ наше пониманіе, какъ историческихъ событий, такъ и развиція миѳовъ.

Кромѣ того, предпринимаются съ затратою большихъ суммъ и въ небываломъ до сихъ порь объемѣ раскопки въ мѣстахъ древней культуры. Въ особенности за послѣдніе семь лѣтъ сдѣланы въ различныхъ мѣстахъ весьма интересныя открытія. Попытались дать здѣсь обзоръ произведеній греческаго народа, обнаружившихся въ трехъ различныхъ мѣстахъ греческой культуры: въ Гелопоннесѣ, Малой Азіи и Южной Россіи. Раскопки, во всѣхъ трехъ мѣстахъ предпринятыя систематически, привели къ такимъ находкамъ, которые чрезвычайно важны при изученіи греческихъ древностей.

Знаменитое мѣсто празднествъ Олимпія въ Элидѣ, куда въ продолженіе многихъ столѣтій Греки черезъ каждые 4 года изъ всѣхъ странъ древнаго міра стекались для празднованія національныхъ игръ, съ давнихъ порь уже обратило на себя вниманіе любителей древности. Въ священной области, Алтысѣ, не только находилось, какъ разказываетъ Навзаниѣ въ 5-й и 6-й книгахъ, нѣсколько великолѣпныхъ храмовъ, но и много другихъ зданій; она была наполнена статуями побѣдителей, изображеніями боговъ, разнаго рода пожертвованіями и надписями, и обѣщала поэтому богатую добычу для ознакомленія съ греческой архитектурой, исторіей и топографіей.

Въ 1766 году Англичанинъ Чандлеръ, путешествуя по Греціи, посѣтилъ также мѣстность Олимпіи, гдѣ въ то время лишь тамъ и сямъ выглядывали изъ-подъ травы незначительныя развалины. Еще въ январѣ 1768 года, незадолго до смерти, Винкельманъ обратилъ вниманіе на сокровища, которыя, по его предположенію, должны были таиться въ Олимпіи. Но уже въ текущемъ столѣтіи Англичанинъ Стэв-гопъ предпринялъ изслѣдовавіе Олимпіи. Однако, изданная имъ въ 1824 г. въ Лондонѣ великолѣпная книга¹⁾, представляющая въ красивыхъ гравюрахъ различные виды мѣстности, очень мало подвинула впередъ наше знакомство съ древней Олимпіей. Съ большей осмотрительностью предприняла свои работы одна французская ученая экспедиція, которой было поручено изслѣдовывать острова Архипелага и Пелопоннеса. Раскопки были начаты въ маѣ 1829 года, и совершенно удачно выбрали именно мѣсто, гдѣ прежде гордо возвышался великолѣпный храмъ Зевса. Хотя вскорѣ трудъ и былъ вознагражденъ находкой нѣкоторыхъ рельефовъ²⁾, тѣмъ не менѣе удачно начатое предпріятіе пріостановилось и оставило только несомнѣнное убѣждѣніе, что тамъ, гдѣ были прекращены раскопки, могло бы быть найдено еще очень многое.

Но разъ зародившаяся мысль, успѣвшая уже принести кой-какіе плоды, не прошла безслѣдно. Въ Германіи этою же мыслью задался Эристъ Курціусъ. Онъ сумѣлъ заинтересовать своимъ планомъ Германскаго наслѣднаго принца и ему удалось получить изъ государстvenныхъ источниковъ большую сумму для раскопокъ и выхлопотать отъ греческаго правительства дозволеніе для производства ихъ.

¹⁾ Olympia, or Topography illustrative of the actual state of the plain of O. by G. S. Stanhope.

²⁾ Expedition scientifique de la Morée. Paris, 1832.

По заключеніи договора, дававшаго Нѣмцамъ право покупать въ области Олимпіи воздѣланную и не воздѣланную землю и предпринимать тамъ раскопки, между тѣмъ какъ всѣ найденные предметы должны были принадлежать греческому правительству, начались въ октябрѣ 1875 г. работы. Руководство надъ ними было ввѣreno сперва гг. Гиршфельду и Бѣтхеру, а впослѣдствіи гг. Трѣй и Дѣрpfельду. Число рабочихъ, состоявшее обыкновенно изъ 120 — 160 человѣкъ, доходило иногда до 300 и даже до 500 человѣкъ, особенно въ то время, когда хотѣли достигнуть извѣстной цѣли до наступленія жаркаго времени года, въ которое, какъ рои комаровъ, такъ и лихорадки, дѣлаютъ работу невозможной.

Въ прошломъ году (1881) работы были окончены въ виду того, что была вскопана не только вся поверхность Альтиса, но даже и часть смѣжной мѣстности. Количество найденного чрезвычайно велико и изученію находокъ едва теперь положено начало ¹⁾.

Предполагая дать краткій обзоръ о результатахъ Олимпійскихъ раскопокъ, мы скажемъ сперва о тоиографіи и расположениіи важнѣйшихъ зданій, далѣе объ ихъ архитектурѣ и о скульптурной отдѣлкѣ, а затѣмъ обратимся къ замѣчательнѣйшимъ изъ уцѣлѣвшихъ статуй ²⁾ и надписямъ.

Начиная съ того года, въ который одержалъ побѣду Коребъ и съ котораго началось счищеніе по Олимпіадамъ, и самое празднество и мѣсто его сохранили свое значеніе въ продолженіе болѣе тысячи лѣтъ: они не утратили его даже при римскихъ императорахъ. Непропа, напримѣръ, принималъ участіе въ состязаніяхъ и былъ награжденъ вѣнкомъ. При Юліанѣ игры спрашивались съ величайшей торжественностью, и Элѣйцы были освобождены отъ новинностей; только послѣ 394 г. прекратилось празднованіе совершенно. Зданія начали разрушаться и падѣти Готовъ (396 г.) и Авары (589 г.) достигли, кажется, и той части Нелопоннеса, гдѣ лежитъ Олимпія. До сихъ поръ

¹⁾ Отчеты о раскопкахъ и публикація надписей помѣщены въ *Archaeologische Zeitung. Neue Folge. XXXIII—XXXVIII.* Berlin, 1876—1881; списки же произведеній искусства и толкованіе ихъ, равно какъ и планы раскопанной мѣстности помѣщены въ книгѣ, озаглавленной: «Die Ausgrabungen zu Olympia». I, II, III, IV fol. Berlin. 1877—1880.

²⁾ У кого не имѣется подъ рукой вышеназванного сочиненія, тотъ найдеть плактъ раскопанной мѣстности въ *Meyers Konversationslexicon*, 17. Supplement—Band. Leipzig, 1880, стр. 652, а изображенія некоторыхъ произведеній искусства тамъ же на стр. 654.

предполагали, что священная область, по прекращеніи игръ, была совершенно пуста и необитаема. Раскопками однако доказано, что это предположеніе ошибочно. Въ V и VI столѣтіяхъ послѣ Р. Х. на мѣстѣ покрытаго развалинами Альтиса поселилось бѣдное варварское племя. Поселенцы эти выстроили себѣ жалкія хижини изъ дерева и глины, и чтобы защищаться отъ неизрѣтельскихъ нападеній, воздвигли укрѣпленную стѣну изъ огромныхъ каменныхъ глыбъ, взятыхъ или изъ развалинъ храмовъ, или отъ развалившихся мраморныхъ статуй, или наконецъ изъ числа каменныхъ плитъ съ надписями. Къ счастью, они вовсе не обтесывали этого материала и не скрывали его известкой, такъ что повредили его очень мало. Въ хижинахъ этихъ земледѣльцевъ, занимавшихся земледѣліемъ и пастырствомъ, притомъ очень первобытными способами, найдены были мѣдные монеты временъ Льва I-го (457—474) и Юстиніана (527 — 565). Одна монета, найденная въ храмѣ Геры, отчеканена при императорѣ Маврикіѣ (592—602).

Въ VII столѣтіи послѣ Р. Х. это населеніе Альтиса прекратилось, и мѣстность обращается въ пустыню, какъ бы для охраны того, что до тѣхъ поръ не подверглось разрушенію.

Остатки древностей обязаны своимъ спасеніемъ главнымъ образомъ рѣкѣ Альфею. Имѣя свое начало на возвышеностяхъ Аркадіи, рѣка эта быстро протекаетъ мимо южной стороны Альтиса по направлению къ Іоническому морю. Ежегодно при таяніи снѣга въ горахъ, она выступаетъ изъ своихъ береговъ и паводняетъ часть долины. Однако еще сильнѣе замѣтно дѣйствіе рѣки, когда воды одного изъ горныхъ озеръ Аркадіи, находящихся въ связи съ Альфеемъ, вслѣдствіе засоренія истока, подымается въ берегахъ своихъ. Страшное давленіе воды открываетъ себѣ наконецъ проходъ и каскадами изворгаетъ потокъ воды въ долину. Вслѣдствіе того надъ развалинами образовался слой песка и глины, который на югѣ около берега рѣки имѣеть толщину въ 2 сажени; по направленію же къ сѣверу толщина этого слоя уменьшается. На западѣ Альтиса такимъ же образомъ нанесенъ песокъ притокомъ Альфея — Кладеемъ, текущимъ съ сѣвера и защищающимъ эти части священной области отъ рукъ варваровъ-грабителей.

Обѣ названные рѣки составляютъ на югѣ и на западѣ границы Альтиса. Еще рѣзче обозначена граница на сѣверѣ посредствомъ склона холма Кроны. Восточную же границу четырехугольной площади предстояло еще определить. Такъ какъ съ холма на сѣверѣ также

обрушилось въ долину довольно большое количество земли, то древнія постройки были совершенно засыпаны. На полѣ виднѣлись лишь незначительныя кирпичныя стѣны временъ Византійцевъ, да вѣкоторые остатки храма Зевса, около котораго еще въ 1829 г. Французы производили раскопки. Съ этого храма и его ближайшей окрестности Нѣмцы и начали свои раскопки; для дальнѣйшаго ознакомленія съ мѣстностью они провели рвы, а затѣмъ раскопали и остальную площадь.

Границы Альтиса на югѣ и западѣ составляли двѣ стѣны, обра- зовывавшія прямой уголъ. На сѣверѣ границы Альтиса заканчивались холмомъ Крона, а на востокѣ портикомъ, направляющимся къ югу.

Мы начнемъ перечисленіе значительнейшихъ зданій съ сѣверо-запада, а оттуда направимся къ востоку, по склону холма Крона.

Въ означенномъ мѣстѣ священной области, тамъ, где дорога вела въ Элиду, находился (Paus. V, 15, 8) Пританей, который теперь раскрыть, благодаря раскопкамъ; по точному изслѣдованию выяснилось, что всѣ его стѣны и мозаичные полы относятся къ временамъ Римланъ. Этими открытиемъ однако не ограничились; при дальнѣйшихъ раскопкахъ обнаружились не только древне-дорическія капители колоннъ, но и хорошо сохранившіяся стѣны, по которымъ можно воспроизвести изображеніе греческаго Пританея. Внутренний дворъ окружены нѣсколькими комнатами; большая зала, изъ которой, сквозь ряды колоннъ, можно было видѣть дворъ, служила вѣроатно столовою, где побѣдителя были угождали во время игръ. Въ средній дворъ находился алтарь Гестіи, на которомъ безпрерывно поддерживался огонь.

Круглое зданіе, котораго фундаментъ и стѣны обнаружились на югѣ отъ Пританея, есть Филиппей¹⁾.

Зданіе это интересно и важно для нась по разнымъ причинамъ. Время возникновенія его извѣстно намъ въ точности. Царь Филиппъ Македонскій велѣлъ выстроить его послѣ того, какъ онъ сдѣлался властителемъ Греціи вслѣдствіе побѣды при Херонеѣ. Филиппей этой составляеть для нась древнѣйшій и величайшій (діаметръ равняется $3\frac{1}{2}$ саженамъ) образецъ греческаго круглого храма, и такъ какъ открыты всѣ важнѣйшия части зданія, то-есть возможность реставрировать краснѣое, окруженнѣе стройными мраморными колоннами

¹⁾ Paus. V, 20, 5 οἰκημα περιφερίς ὀνομαζόμενον Φιλίππειον· ἐκὶ κορυφῇ δέ εστι τὸ Φιλίππειον μῆκον χαλκῷ σύνδεσμος ταῖς δοχαῖς.

зданіе, возвышавшееся на базисѣ, который состоялъ изъ трехъ ступеней.

Въ храмъ когда-то помѣщались статуи Амніста, Филиппа, Александра, Олимпіады и Евридики, сдѣланныя Леохаромъ изъ золота и слоновой кости. Красивыя мраморныя основанія статуй этихъ найдены.

На востокѣ отъ Филиппея находится очень большой дорический храмъ (19 сажень въ длину и $9\frac{1}{2}$ въ ширину). Храмъ этотъ, окруженный 44 колонами (6: 16), есть Герей¹⁾. Внутренность его раздѣлена на три отдѣленія, и архитектура его совершенно соответствуетъ описанію Павзанія, которому удалось еще видѣть въ этой очень древней постройкѣ деревянную колонну, уцѣльвшую несмотря на частыя исправленія, какъ остатокъ первоначальной постройки.

Во времена Римлянъ вмѣсто дорическихъ колоннъ были поставлены внутри храма іоническія. Храмъ этотъ, подобно музею, содержалъ въ себѣ богатое собраніе пожертвованій, мѣдныхъ плить съ надписями, слѣды которыхъ еще видны на колоннахъ, и замѣчательный ящикъ Кипселя. О двухъ мраморныхъ статуяхъ этого храма, пайдеппахъ при раскопкахъ, мы поговоримъ ниже, чтобы не прерывать обзоръ построекъ.

Къ Герею приныкаетъ на востокѣ постройка, о которой до сихъ поръ мы не имѣли никакихъ свѣдѣній, потому что она не существовала въ томъ году, когда Павзаній посѣтилъ Олимпію. Иродъ Аттическій, цѣнитель и покровитель греческаго образованія, увѣко-вѣчившій, благодаря своему громадному богатству, какъ свое имя, такъ и имя супруги своей Региллы постройками и надписями, желалъ также сдѣлаться покровителемъ бойцовъ и врителей Олимпійскихъ игръ²⁾.

При удручающей жарѣ, господствовавшей во время игръ, чувствовалась сильнѣйшая потребность въ свѣжей водѣ; поэтому большое число водопроводовъ, относящихся къ болѣе раннему времени, впослѣдствіи, во времена Римлянъ, было еще увеличено. Тогда же была устроена передъ Гереемъ и фонтанъ. Самая красивая постройка этого рода есть Экведра Ирода Аттическаго. На скатѣ холма Кроны вырѣзана въ видѣ полукруга терраса, состоящая какъ бы изъ двухъ ступеней. На верхней ступени красовалась 21 статуя, изображающая

¹⁾ Paus. V, 16, 1.

²⁾ Philostrat. Vit. Sophist. II, 1, 5. Lucian. Peregr. 19, 20. Иродъ умеръ въ Мараонѣ въ 177 г. по Р. Х.

Ирода и Региллу, равно какъ и членовъ и друзей императорской фамилии. Благодаря раскопкамъ, вновь открыты статуи Марка Аврелия въ великолѣпно украшенномъ панцирѣ и Фаустины, супруги Антонія Пія, съ тщательно отдѣланной головою, равно какъ и цѣлый рядъ красивыхъ статуй въ одѣяніи, но безъ головъ. У переднихъ угловъ полукруглой террасы помѣщаются два маленькихъ полукруглыхъ храмика. Рядомъ съ ними черезъ двѣ мраморныя львиныя головы ниспадающая сверху вода струилась въ большой бассейнъ, лежащий между двумя храмиками. На передней сторонѣ обложенного мраморными плитами бассейна стоялъ быкъ изъ мрамора, наклонившій голову, какъ бы собираясь взвѣсить землю и бьющей хвостомъ о бока. На правомъ боку этого быка находится надпись¹⁾, по которой видно, что водопроводъ посвященъ Региллою Зевсу. Если мы представимъ себѣ эту террасу во всей ея полнотѣ, съ ея архитектурными украшениями, съ ея статуями, оживленную блестящимъ зеркальномъ бассейна и плескомъ вытекающей воды и окруженнюю высокими дубами и соснами, растущими на холмѣ Кроны — то несомнѣнно должны воздать дань удивленія фантазіи художника, создавшаго все это.

Какъ для Экзедры, ради выигрыша мѣста, была сдѣлана вырѣзка въ холмѣ, такъ и для построенныхъ около Экзедры сокровищницъ пришлось сдѣлать то же на скатѣ холма Кроны террасу, которая соединялась съ Альтисомъ нѣсколькими ступенями, и у задней стороны которой была возведена крѣпкая стѣна, чтобы сдерживать землю, могущую сползать съ холма Кроны. Первая сокровищница во времена Навзания²⁾ (около 140 года) принадлежала Сикионцамъ. Она-то и должна была уступить мѣсто Экзедрѣ Ирода. Теперь первою оказывается сокровищница Гелона и Сиракузинъ, построенная послѣ побѣды его надъ Кареагеніанами при Гимерѣ. Сокровищницы эти имѣютъ фасады маленькихъ храмовъ и состоятъ изъ одной или двухъ комнатъ, въ которыхъ были выставлены подарки изъ золота и серебра.

Не подлежитъ сомнѣнію, что другая открытая сокровищница, предыдущная съ востока, принадлежала Мегарейцамъ: на одномъ камиѣ архитрава видныются буквы ΜΕΓ. Въ треугольникѣ фронтона, какъ

¹⁾ Olympia II, Taf. 29; III, Taf. 27; Arch. Zeitung, 1878. S. 94. № 149. Ρήγιλλα, ιέρεια Δῆμητρος, τὸ ὅδωρ καὶ τὰ περὶ τὸ ὅδωρ τῷ Δῖ.

²⁾ Paus. VI, 19, 1. ἐπὶ ταῦτης τῆς κρηπίδος εἰσιν οἱ θησαυροί. ἔστι δὲ θησαυρὸς ἐν Ὀλυμπίᾳ Σικουωνίων καλούμενος.

неточно выражается Павзаний¹⁾, изображена борьба гигантовъ съ богами. Раскопки вѣдѣсь дали намъ немаловажная дальнишія свѣдѣнія. Борьба гигантовъ была изображена на фронтонѣ не посредствомъ цѣлаго рида статуй, какъ это обыкновенно дѣлается, а на плитахъ съ рельефами²⁾. Это древнѣйший известный намъ примеръ связной группы статуй на фронтонѣ, ибо онъ относится приблизительно къ половинѣ VI столѣтія. Въ серединѣ фронтона стоялъ Зевсъ; передъ нимъ, на колѣнахъ, рапеный гигантъ въ полномъ вооруженіи. Справа находятся Аресъ и Геркулесъ, сражавшіеся съ гигантами; слѣва, вполнѣ симметрично,—Леона и Посейдонъ. Къ послѣднимъ идетъ на помощь помѣщенное въ углу фронтона морское чудовище. Искусство вѣдѣсь находится еще въ отроческѣ въ возрастѣ, движенія порывисты, выраженіе лицъ неподвижно, по тѣмъ поучительнѣе имѣть передъ глазами первые образы, изъ которыхъ мало но малу развилась полная красота изображенія тѣлъ и композиціи.

Передъ террасою, на которой находились сокровищницы, были поставлены мѣдныя статуи Зевса, воздвигнутыя на тѣ деньги, которыми изнимались, какъ штрафъ, за нарушеніе законовъ при состязаніяхъ. Пьедесталы почти всѣ найдены на прежнихъ своихъ мѣстахъ, статуи же исчезли, такъ какъ онѣ были сделаны изъ драгоценнаго материала; подобно тому почти ни одна изъ остальныхъ бронзовыихъ статуй (числомъ около 200, по Павзанию) не уцѣлѣла отъ рукъ грабителей-варваровъ. Отъ названныхъ статуй Зевса, по странной ироніи судьбы, сохранилась лишь одна молния, да огромная нога изъ бронзы. Въ концѣ этого ряда статуй, стало быть, въ сѣверо-восточномъ углу Альтиса, находился „тайный входъ“³⁾ въ стадій, которымъ пользовались судьи и состязающіеся. Входъ этотъ открытъ; онъ состоитъ изъ свода въ 15 сажень длины, $1\frac{1}{4}$ саж. ширины, и при выходѣ онъ украшенъ ираморною статуей Немезиды. Богиня держала въ правой руки руль, опирающійся на колесо, а въ лѣвой—аршинъ, и имѣла назначеніе предостерегать входящихъ отъ надменности и несправедливости.

¹⁾ Paus. VI, 19, 13. Τοῦ θησαυροῦ δὲ ἐπειργασται τῷ δεῖφῳ, ὁ γιγάντων καὶ θεῶν πόλεμος.

²⁾ Arch. Zeitung. 1880. стр. 50. Olympia IV, табл. 18, 19, 20.

³⁾ Paus. VI, 20, 8. Ἐστι δὲ ἐπὶ τῷ πέρατι τῶν ἀγαλμάτων, ἡ ἐπὶ Σηρίφ ἐποίησαντο ἀθλητῶν, ἦν Κρυπτὴν ὄνοράζουσιν ἑσοδον.

Передъ тайнымъ входомъ, по направлению къ востоку, простирался Стадій. Длина его равняется 190,15 метрамъ=90 саженемъ. На югъ, по направлению къ Альтею, была высокая пасынь для зрителей; на сѣверъ склонъ холма по обширности своей давалъ возможность тысячамъ зрителей смотрѣть на состязанія.

Вернемся теперь къ Альтису. Навзаній¹⁾ упоминаетъ о какой-то галлереѣ, называвшейся пестрою, такъ какъ ее украшали картины, или же галлереѣ эхо, потому что каждый звукъ отдавался въ этой галлереѣ семь разъ. Гдѣ находилась эта галлерея—изъ его словъ не ясно. Раскопки доказали, что галлерея эхо замыкала священную площадь на востокѣ. Простираясь на разстояніи 44 сажень отъ сѣвера на югъ, названная галлерея заднею своею стороной была обращена къ Стадію, между тѣмъ какъ по направлению къ Альтису она была открыта. Потолокъ галлереи, имѣвшій 4 сажени ширины, былъ сдѣланъ въ древнія времена изъ изящной деревянной обшивки, а передній край его былъ украшенъ красивымъ карнизовмъ. Потолокъ этотъ поддерживался 46 стройными іоническими колоннами; три мраморныхъ ступени соединяли эту галлерею съ Альтисомъ.

На югѣ и на западѣ границы священной области составляли стѣны, которые въ древнія времена были украшены статуями.

Южная стѣна имѣла большия ворота, черезъ которыхъ во время празднествъ проходила процессія; позднѣе ворота эти были перестроены на подобіе римской тріумфальной арки.

Приблизительно въ серединѣ къ южной сторонѣ прыкаетъ съ наружной стороны зданіе, въ которомъ состоялся Олимпійскій съѣѣтъ, *боулевтрую*²⁾. Большой квадратный залъ, стѣны которого имѣютъ 7 сажень длины, составляетъ центръ этого зданія; съ двухъ сторонъ прилегаютъ къ нему два д'чинныхъ, узкихъ строенія, образующія по направлению къ западу по-ругъ; мы имѣемъ тутъ планъ, составляющій древній образецъ для христіанскихъ базиликъ и церквей среднихъ вѣковъ.

Изъ всѣхъ зданій, красовавшихся на площади Альтиса, самый знаменитый былъ храмъ Зевса. Въ этомъ святилищѣ находилось нѣкогда исполинское изображеніе бога, сдѣланное изъ золота и слоновой кости рукою Фидія. Спокойная величавость бога производила впечатліеніе даже на Римлянъ, менѣе чувствительныхъ къ пониманію

¹⁾ Paus. V, 21, 17.

²⁾ Olympia. IV, таб. 35.

художествъ. Это великолѣпное произведение искусства увезено было, до вторженія Готовъ въ Грецію, въ Константинополь, гдѣ оно и подверглось уничтоженію.

Отъ самого храма и его скульптурныхъ украшеній, благодаря раскопкамъ, найдены столь значительные остатки, что мы въ此刻іи почти въ точности воспроизвести его первоначальный видъ.

Храмъ, расположенный на площадкѣ внутри Альтиса, возвышается на трехъ ступеняхъ. Самая высокая изъ нихъ имѣть длину 200 олимпійскихъ футовъ (=64,10 метрамъ), ширину—85 футовъ (=27 метрамъ). Короткія стороны имѣли по шести, а длины по тринадцати дорическихъ колоннъ, запачтливый диаметръ которыхъ придавалъ зданію характеръ чрезвычайно величавый. Постройка его была окончена около 480 года. Метопы окончены около 450 года, а группы статуй въ фронтонахъ сдѣланы между 430 и 422 годами¹⁾.

Два алтаря въ боковыхъ отдѣленіяхъ храма и третій передъ восточнымъ входомъ его доказываютъ, что храмъ не служилъ исключительно, какъ утверждали, иѣстомъ для увѣнчанія побѣдителей на Олимпійскихъ и. ахъ, но также и для культа богу. Огромное изображеніе Зевса, базисъ котораго еще отчасти сохранился, не было помѣщено для храмовой утвари и сокровищъ, которыхъ, вѣроятно, сохранились въ воолеотѣрю. На капителяхъ колоннъ и другихъ частяхъ постройки уцѣлѣли яркие слѣды краски.

Подробное описание Павзанія и найденные остатки наиболѣшими образомъ пополняютъ другъ друга, такъ что мы въ此刻іи представить себѣ украшенія храма посредствомъ скульптуры во всѣхъ его частяхъ.

Надъ входомъ храма, на восточной сторонѣ и на противоположной сторонѣ подъ западнымъ фронтономъ, какъ повѣствуетъ Павзаній²⁾, были изображены на метопахъ подвиги Геркулеса. Нѣкоторые изъ послѣднихъ, представляющіе Эриманеїскаго кабана, коней Діомеда, исполнина Геріона, были найдены уже французскими изслѣдователями и находятся теперь въ Парижѣ³⁾. Отъ всѣхъ остальныхъ

¹⁾ Ср. Schubring, Archol. Zeit., 1877, стр. 66 сл.

²⁾ Paus. V, 10, 9.

³⁾ Expedition Scientif. I, 75, 1. 4. 6; 78, 2. Clarac, Musée de Sculpture pl. 195 B. 211 A. C. H. Müller-Wieseler, Denkmäler d. a. Kunst. Taf. XXX, n. 128.

метоповъ найдены теперь обломки. По нимъ мы видимъ, что не упомянутое Павзапіемъ доставленіе Цербера изъ ада не было забыто. Лернейская гидра была изображена въ видѣ многоглаваго огромнаго чудовища, занимашаго большую часть плиты. Въ этомъ мы узнаемъ еще манеру болѣе древнаго искусства изображать фантастическія фигуры животныхъ въ огромныхъ размѣрахъ, вслѣдствіе чего для героя остается мало места. Доставка Эриманеїскаго кабана изображена такъ, какъ мы это видимъ на вазахъ древнаго стиля: Геркулесъ песять пойманное животное на плечѣ, а царь Еврисоѣ спрятался въ бочкѣ со страхомъ. Какъ видно, даже при украшениихъ храма допускается юмористический взглядъ на мое¹). Почти слова мало по малу открыты теперь всѣ фигуры фронтона—отчасти около ступеней храма, отчасти занесенные дальше.

Въ восточномъ фронтонаѣ былъ изображенъ моментъ передъ началомъ состязанія Пелопса съ Эномаемъ, ибо это состязаніе, доставившее Пелопсу господство надъ полуостровомъ, считалось за мнемонической прототипъ Олимпійскихъ состязаній.

Въ серединѣ помѣщенъ Зевсъ, привыкающій здѣсь на себя роль посредника. Мощная обнаженная грудь, хотя и въ обломкѣ, даетъ возможность замѣтить, что богъ ростомъ своимъ превосходитъ смертныхъ. Слѣва стоить Нелопсъ безъ бороды и съ скромнымъ выражениемъ лица; съ нимъ рядомъ стоитъ Гипподамія, его невѣста. Угрюмо и прямо смотритъ бородатый Эномай, стоящій по другую ст. фону. Рядомъ съ нимъ находится его жена. Къ этимъ пяти помѣщеннымъ въ серединѣ фигурамъ примыкаютъ съ двухъ сторонъ лошади, выраженныя въ колесницахъ и сдерживаемыя сидящими возницами. Справа въ сѣверномъ углу лежитъ юноша, опирающійся руками на землю и смотрящій съ наивнымъ выражениемъ любопытства на то, что происходит въ срединѣ. Въ южномъ углу рас простертъ среднихъ лѣтъ мужчина, опирающійся на лѣвый локоть. Это богъ рѣки Альфей, рядомъ съ которымъ помѣщенъ болѣе молодой его товарищъ Кладей. Оба они въ продолженіе многихъ вѣковъ были свидѣтелями Олимпійскихъ празднествъ, ибо они окружаютъ мѣсто празднествъ, Кладей на сѣверѣ, а Альфей—на югѣ Алѣтиса.

Группа эта есть работа Неонія изъ Менды²) во Фракіи, совре-

¹⁾ Ср. Olympia IV, стр. 26—30. Treu, Archaeolog. Zeitung, 1877. стр. 174—189, табл. 13.

²⁾ Paus. V, 10, 8.

менника Фидія. Степень его искусства мы теперь можемъ видѣть наглядно по его творенію.

Въ противоположность съ только что описанной спокойной сценой, Алькаменемъ¹⁾, также соперникомъ Фидія, изображена неистовая борьба. На свадьбѣ Пиреоа съ Гипподаміей, кентавръ Еврітонъ, опьянѣвшіи, похитилъ невѣstu; Кориней и Фезей спасаютъ ее, и при этомъ происходит сильная суматоха, такъ какъ чудовища съ жадностью кидаются на женщинъ, а Лапіоы храбро сопротивляются дерзкимъ похитителямъ. Не смотря на всю разнуданность борьбы, художникъ сохранилъ и здѣсь симметрический порядокъ. Рядомъ съ срединой фигурой справа и слѣва стоятъ два кентавра, похищающіе каждый сильно сопротивляющуюся женщину. Мы видимъ, какъ одна изъ двухъ похищаемыхъ женщинъ хватается за бороду своего похитителя съ намѣреніемъ оттолкнуть его. Затѣмъ слѣдуютъ упавшіе на колѣни кентавры, побѣжденные Лапіеями. Мѣстами нимфи, расположившіеся въ углахъ на землѣ, какъ бы замыкаютъ эту группу. Насколько возможно судить по уцѣлѣвшимъ головамъ, художникъ съ удивительнымъ мастерствомъ передалъ авѣрскую необузданность кентавровъ, мужественную рѣшительность на лицахъ Лапіеовъ, страхъ и испугъ на лицахъ похищаемыхъ женщинъ и любопытное удивленіе нимфъ, смотрящихъ на борьбу съ полуоткрытыми ртомъ.

Въ срединѣ фронтона, прямо вытянувшись, стоитъ мужская фигура, ростомъ превосходящая всѣхъ другихъ. Лѣвая рука фигуры этой опущена, правая же горизонтально вытянута. Павзаній²⁾ называетъ фигуру эту Пиреоемъ; но это, безъ сомнѣнія, ошибочно. Онъ просто передаетъ то, что слышалъ отъ одною изъ Олимпійскихъ чичероне, которые такъ же мало были образованы, какъ и чичероне нашихъ теперешнихъ художественныхъ коллекцій. Фигура, составляющая центръ фронтона, есть божество, равно какъ въ западномъ фронтона этого храма и въ группѣ фронтона Эгіапейскаго храма, которая изображаетъ борьбу изъ за трупа Натрокла. Что фигура эта есть божество — видно по сперхчеловѣческой необычайной величинѣ, по спокойной позѣ и невозмутимому выраженію лица. Обращаясь съ строгимъ взглядомъ направо и спокойно протягивая руку по направлению къ страстному кентавру, божество пріостанавливаетъ авѣрскую дикость его и тѣмъ спасаетъ застигнутую врасплохъ женщину. Въ этой фигурѣ слѣдуетъ

¹⁾ Paus. *ibid.*

²⁾ Paus. V, 10, 8 κατὰ μὲν δὴ τοῦ δέτοι τὸ μέσον Πειρίθους ἔστι.

признать Аполлона. Изображенъ онъ безъ бороды, съ строгимъ выражениемъ лица; голову его покрываютъ правильно расположенные кудри, скваченные повязкой. Можетъ быть, въ этой немногой неуклюжей фигурѣ художникъ хотѣлъ сохранить воспоминаніе объ изображеніяхъ боговъ древнѣйшихъ временъ. Богъ является здѣсь въ качествѣ устранителя бѣди¹), защитника невинности и права. Поза его походить немногого на позу тѣхъ статуй позднѣйшихъ временъ, которой мы удивляемся въ статуй Аполлона графа С. Г. Строгонова²) и въ статуй Аполлона Бельведерскаго.

¹⁾ Αλεξίχακος Paus. VI, 24, 5; VIII, 41, 8; ἀποτρόπιος Aristoph. Plat. 859. Βοηδρόμιος Paus. IX, 17, 2. Kullimach. Hymn. in Del. 27.

²⁾ 'Apollon Boedromios von L. Stephani. St.-Petersburg, 1860.

Э. Шульце.

(Окончаніе будетъ).

ЧАСТНЫЯ ОБЪЯВЛЕНИЯ.

„РОДИНА“.

Сборникъ для класснаго чтенія съ упражненіями въ разборѣ, устномъ и письменномъ изложеніи. Въ трехъ частяхъ. Составилъ *А. Радонежскій*.

Издание восьмое, дополненное согласно послѣднимъ учебнымъ планамъ министерства народнаго просвѣщенія.

СЪ РИСУНКАМИ.

Съ соизволенія Его ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА Государя ИМПЕРАТОРА, книга посвящена Его ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЫСОЧЕСТВУ НАСЛѢДНИКУ ЦЕСАРЕВИЧУ ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ НИКОЛАЮ АЛЕКСАНДРОВИЧУ.

Цѣна 25 коп.

Складъ изданія: въ С.-Петербургѣ, книжный магазинъ Фену и К°

„СОЛНЫШКО“

Книга для чтения въ народныхъ училищахъ съ 87 картинками. Составилъ А. РАДОНЕЖСКІЙ. Издание съ Высочайшаго соизволенія посвящено Его Императорскому Величеству Государю Императору; одобрено Ученымъ Комитетомъ М. Н. Просвѣщенія, для класснаго и вицѣкласснаго чтенія. Издание 2-е.

Цѣна 60 коп.

Съ требованіями просить обращаться: въ Москвѣ, въ книжный магазинъ наследниковъ Саламоновыхъ. Въ С.-Петербургѣ,—въ книжный магазинъ Фену и К°.

Адресъ издателя: Шпалерная ул., д. № 6, кв. 9.

„УКАЗКА“.

Начальный учебникъ русской грамматики и правописанія съ краткою этимологіей церк.-славянскаго языка. Сост. А. Радонежскій. Цѣна 50 к., продается во всѣхъ книжныхъ магазинахъ. Съ требованіями просить обращаться въ типogr. «Товар. Обществен. Польза», В. Подъяч., № 39, къ В. И. Вишнякову.

Въ книжныхъ магазинахъ: И. И. Глазунова, Я. А. Исакова, М. О. Вольфа, И. Г. Мартынова, Н. Фену и К°, братьевъ Салавьевыхъ (въ Москвѣ) и у другихъ извѣстныхъ книгопродавцевъ можно получить:

1. Начальныя основанія прямолинейной тригонометріи, по порученію начальства Морскаго училища сост. А. Дмитріевъ. Съ двумя таблицами чертежей и съ четырьмя политипажами (Руководство это одобрено ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія и учебнымъ комитетомъ при Святѣйшемъ Сѵнодѣ). Издание 5-е. С.-Пб. 1876 г. Цѣна 75 к., вѣсовыхъ за 2 ф.

2. Начальныя основанія сферической геометріи и сферической тригонометріи, по порученію начальства Морскаго Училища состав. А. Дмитріевъ. Съ двумя таблицами чертежей и съ тремя политипажами. Принято за руководство въ учебныхъ заведеніяхъ морскаго вѣдомства и министерства народнаго просвѣщенія. (циркул. 7-го августа 1872 г.). Издание 3-е, исправленное и значительно дополненное. С.-Пб. 1879 г. Цѣна 75 коп., вѣсовыхъ за 1 ф.

3. Практическія упражненія въ геометріи, или собраніе геометрическихъ задачъ, по Вѣкслю, Шпицу и друг., составл. А. Дмитріевъ. Примѣнено къ курсу гимназій и реальныхъ училищъ:

Книга I — Планиметрія, заключающая въ себѣ 860 задачъ на построениія и 460 зад. на вычислениія. С.-Пб. 1875 г. Одобрено учебн. комит. при святѣйшемъ Сѵнодѣ, а также и учен. комит. мин. нар. просв. какъ весьма полезное учебное пособіе для гимназій и реальныхъ училищъ. Цѣна 75 к.

Учебное пособіе это предназначается для слѣдующихъ цѣлей:

1. Какъ учебный материалъ для изученія курса теоретической геометріи а) даетъ учащимся возможностьпытать свои силы въ примѣненіи общихъ геометрическихъ истинъ къ частнымъ случаимъ, а чрезъ то способствуетъ развитию и укрѣплению въ учащихся геометрическаго соображенія. б) Дасть возможность, въ многолюдныхъ классахъ, упражнять учащихся по мѣрѣ силъ и способностей каждого, разнообразя эти упражненія, какъ преноженіемъ ариѳметики, такъ и обобщеніемъ геометрическихъ результатовъ при помѣщи начальныхъ свѣдѣній изъ курса элементарной алгебры.

2) Учащиеся найдутъ въ этомъ собраніи задачъ обильные, систематически расположенные материалы для геометрическаго черченія, въ объемѣ курсовъ VI и V классовъ реальныхъ училищъ. „Практическія упражненія въ геометріи“

даютъ возможность учащимся основательно усвоить себѣ столъ необходимое для реалистовъ употребление циркуля, линейки и другихъ чертежныхъ инструментовъ, употребляемыхъ при графическомъ рѣшеніи задачъ, и, такимъ образомъ, будуть способствовать развитию техники геометрическаго черченія (см. Учебные планы реальныхъ училищъ, утвержденные г. министромъ народн. просв. 1872—1875 г.).

Книга II, заключающая въ себѣ: а) Задачи изъ стереометріи, б) задачи о наибольшихъ и наименьшихъ (максима и минима) для реальныхъ училищъ, и с) группу задачъ для окончательныхъ испытаний въ гимназіяхъ и реальныхъ училищахъ. С.-Пб. 1879 г. Цѣна II книги, вмѣстѣ съ „Отвѣтами и рѣшеніями”, — 80 к.

Объ книги „Практическія упражненія въ геометріи“ одобрены ученымъ комит. мин. нар. просв. какъ весьма полезныя учебныя пособія; одобрены и для употребленія въ учебныхъ заведеніяхъ духовнаго вѣдомства.

Означенныя изданія можно получать: въ С.-Петербургѣ — у всѣхъ извѣстныхъ книгопродацовъ; въ Москвѣ — въ книжныхъ магазинахъ братьевъ Салаевыхъ.

Главные склады: 1) въ книжномъ магазинѣ г. Н. Фену и К°, противъ гостинаго двора, домъ армянской церкви, и 2) у автора на Вас. Остр. по 12 линіи, д. № 17, кв. № 13.

Книгопродацамъ общная уступка; на число экз. свыше 100 — по взаимному соглашению.

ВЫШЛО ИЗЪ ПЕЧАТИ

РУКОВОДСТВО КЪ ЧИСТОПИСАНИЮ

по счету и по сѣти, съ прописками русскими, латинско-французскими, иврѣскими и греческими. Составилъ Г. И. Тороповъ, классный художникъ, преподаватель чистописанія и рисованія. Продается въ Петербургѣ у автора (адр. въ Саб. З гимназію) и въ книжныхъ магазинахъ Глазунова, Нового Времени, Фену, Исакова, Вольфа, Попова и др., а въ Москвѣ въ книжныхъ магазинахъ Глазунова, Нового Времени и Фену.

Цѣна 1 руб. (съ пересыпкою, если выписывается отъ автора).

1-го СЕНТЯБРЯ вышла и разослана подписчикамъ IX-я,
СЕНТЯБРЬСКАЯ, книга исторического журнала:

„РУССКАЯ СТАРИНА“

Содержание: I. Судъ надъ русскимъ писателемъ въ XVIII-мъ вѣкѣ. Къ биографіи А. И. Радищена. Изслѣдованіе В. Е. Лукшинова. — II. Масонство въ Россіи въ XVIII и XIX вв.—III. Ириней Несторовичъ, архіепископъ Иркутскій: дѣло о его „бунтѣ“ въ 1831 г. въ Слободѣ. — IV. Священникъ Феодосій Левицкій въ 1815—1845 гг. Уочерки и замѣтки къ исторіи художествъ въ Россіи. И. Н. Божоряновъ. — VI. М. Ю. Лермонтовъ въ редакції о немъ графини Е. И. Гостончиной — VII. Разсказы, замѣтки, письма: Самозванецъ Медоксъ. — Гр. Аракчеевъ. — Декабристъ Фалеевбергъ. — Императоръ Николай въ первой Харьковской гимназіи. Разсказъ Д. В. Ильченко. — Вас. Ива. Кельсіевъ въ 1861 г. Сообщ. Д. В. Аверкіевъ. — Комбарівъ Агафонъ Пікнитінъ. Сообщ. баронъ Остенъ Сакенъ. — Шеншинъ и Рутценъ. — Петербургская старина. — Памятія В. Н. Лещкова. Сообщ. В. А. Гольціевъ. — VIII. Къ вопросу о генераль-губернаторахъ въ Россіи. Записка 1858 г. — IX. О книгѣ: Обзоръ-Указатель „Русской Старинѣ“ изд. 1870—1882 гг.—X. Библиографічный листокъ.

Приложение: Портретъ императора Петра III Федоровича, геміографіческій, съ современной гравюры, снимокъ, исполненіе г. Скамони въ Экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1882-Й ГОДЪ:

„Русская Старина“ выходитъ въ 1882-мъ году (трипнадцатый годъ изданія) ежемѣсячно, каждое первое число. Цѣна за двѣнадцать книгъ, четыре тома, съ гравированными портретами, съ пересылкою—ДЕВЯТЬ РУБЛЕЙ.

Открыта подписька на 1883-й годъ „Русская Старина“ въ 1883 г.—двѣнадцать книгъ, съ гравированными портретами, цѣна ДЕВЯТЬ рублей.

Подписька принимается для городскихъ подписчиковъ въ Сиб., Больш. Садовой, д. Вагнера, № 12, возлъ Цубличной библиотеки, въ книжномъ магазинѣ Малютова. Въ Москвѣ — на Кузнецкомъ мосту, домъ Фирсанова, въ магазинѣ Малютова.

Гр. многородные обращаются исключительно въ С.-Петербургъ, въ редакцію журнала „РУССКАЯ СТАРИНА“, на Большую Подьяческую, домъ № 7.

Въ редакціи и ея конторахъ можно получить: „Русскую Старину“ изданія 1870 г. (третье изданіе), 1876 г. (второе изданіе), 1877 г., 1878 г., 1879 г., 1880 г. (второе изданіе), изд. 1881 г. всѣ двѣнадцать книгъ—съ портретами русскихъ деятелей.

Цѣна каждого изъ этихъ годовъ восемь руб. съ пересылкою.

Изд.-ред. „Русской Старинѣ“ М. И. Семевскій.

СПРАВОЧНЫЙ И ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫЙ СЛОВАРЬ КЪ НОВОМУ ЗАВѢТУ.

Шесть книгъ.

Первая книга „Словаря“ вышла, и разсылается подпischикамъ. Въ „Словарь“ войдетъ не менѣе 125-ти печатныхъ листовъ большаго формата, раздѣленныхъ на шесть книгъ, такъ, что во всемъ „Словарь“ будетъ не менѣе 2000 страницъ, или 4000 столбцевъ. Подписка цѣна на всѣ шесть книгъ „Словаря“: на обыкновенной бумагѣ восемь (8) рублей, на веленевой — двѣнадцать (12) рублей. Пересылка 2 р. 50 к.

Подписка принимается у издателя: Петра Андреевича Гильтебрандта, С.-Петербургъ, Надеждинская, 36.

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГИИ.

Воззрѣнія Еврипида на сословія и состоя-
нія, внутреннюю политику Аѳинъ . . . Д. Б—ва

О раскопкахъ въ Олимпіи, Пергамѣ и
южной Россіи Э. Шульце.

Редакторъ Е. Феоктистовъ.

(Вышли 1-го сентября).

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНОГО ПРОСВѢЩЕНИЯ
СЪ 1867 ГОДА

заключаетъ въ себѣ, кромѣ правительственныхъ распоряженій, отдѣлы педагогіи и науки, критики и библіографіи, и современію лѣтопись учебнаго дѣла у насъ и заграницей.

Подписка принимается: въ редакціи (по Троицкому переулку, домъ № 13) ежедневно отъ 8 до 11 часовъ утра. Иногородные также адресуются исключительно въ редакцію.

Подписанная цѣна за двѣнадцать книжекъ журнала безъ пересылки или доставки двѣнадцать рублей, съ доставкою въ С.-Петербургъ двѣнадцать рублей пятьдесятъ коинѣскъ, съ пересылкой въ другіе города тридцать рублей семьдесятъ пять коинѣскъ (въ томъ числѣ 55 коп. за упаковку). Книжки выходятъ въ началѣ каждого мѣсяца. Сверхъ того, желающіе могутъ приобрѣтать въ редакціи Журналъ Министерства за прежніе годы, а именно за 1869, 1870, 1871 и 1875 (послѣдній съ Мартовской книжкой), платя за экземпляръ шесть рублей, за отдѣльныя книжки журнала—по пятидесяти коинѣскъ за книжку, съ пересылкою въ другіе города.

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНОГО ПРОСВѢЩЕНИЯ.

ОКТЯВРЬ.

1882.

ПЯТОЕ ДВЯТИЛѢТИЕ.

ЧАСТЬ ССХХIII.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ В. С. ВАЛАШЕВА.

Биатарн. занѣль, между Волкою и Маріинскими мостами, д. № 90—1.

1882.

СОДЕРЖАНИЕ.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЙ РАСПОРЯЖЕНИЙ.

Запатє Русской Сибири. Е. Замыловскаго.

Обитатели Каменистой Аравії. (Продолжение). А. Елисеева.

О влінні германского и кельтического
права на систему хар'я и поиманій за-
падної держави. (Продолжение) В. Сокольского.

Критика и библиография:

Русскія пародныя картинки. Собралъ и описалъ
Д. Рогинскій В. Стасова.

Новые изслѣдованія о буддизмѣ И. Минакова.

Причитанія Сѣверного края, собранныя Е. В. Бар-
кою. Часть II. Плачи завоенные, рекрутскіе
и солдатскіе. Изданы при содѣйствіи Общества
любителей Россійской Словесности Л. Майкова.

Николаевская главная астрономическая об-
серваторія въ 1881 году.

Юбилей академика Л. К. Грота.

Извѣстія о дѣятельности и состояніи нашихъ
учебныхъ заведеній: а) университеты;
б) Съездъ учителей и учительницъ
земскихъ школъ Новоторжскаго уѣзда
въ 1881 году.

Н. Я. Аристовъ. (Некрологъ).

Л. Боткинъ, французский переводчикъ Бео-
вульфа (Некрологъ) А. В.

Отдѣль КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГИИ.

(См. на 3-й стр. обертык).

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНОГО ПРОСВѢЩЕНИЯ

ЧАСТЬ ССХХIII.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФИЯ В. С. ИЛАШЕВА.
Библиотечный каналъ, между Вознесенскимъ и Марковскимъ мостами, д. № 90—1.
1869.

Средняя Подъяческая, № 1.
2895.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНИЯ.

I. ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛЕННЯ.

10. (8-го іюля 1882 г.). Объ учрежденія при Рижскомъ го родскомъ реальному училищѣ преміи имени умершаго учителя рисованія Пельхау.

Ученики Рижского городского реального училища представили директору сего училища собранный ими, при содѣйствіи родителей, капиталъ въ сто рублей, для учрежденія, на счетъ процентовъ съ этого капитала, при названномъ училищѣ, преміи имени умершаго учителя рисованія означенного учебнаго заведенія Оскара Пельхау.

Государь Императоръ, по всеподданнѣшему министра народнаго просвѣщенія о семъ докладу, Высочайше соизволилъ на учрежденіе помянутой преміи.

11. (13-го августа 1882 г.). Объ уставѣ Коллегіи Императора Александра II для студентовъ С.-Петербургскаго университета.

Государъ Императоръ, по положенію комитета министровъ, Высочайше соизволилъ утвердить уставъ коллегіи Императора Александра II для студентовъ С.-Петербургскаго университета, учрежденной Самуиломъ Соломоновичемъ Цоляковымъ.

На подлинномъ написано: „Государь Императоръ Уставъ сей

рассматривать и Высочайше утвердить соизволилъ, въ Петергофѣ, въ 18-й день августа 1882 года".

Подписанъ: Помощникъ управляющаго дѣлами комитета министровъ Шольцъ.

У С Т А ВЪ

Коллегія Императора Александра II для студентовъ С.-Петербургскаго университета, учрежденной Самуиломъ Соломоновичемъ Полаковимъ.

§ 1. Въ память достославнаго царствованія въ Богѣ почившаго Государи Императора Александра II и въ память пребыванія Его Величества на театръ военныхъ дѣйствій въ Болгаріи, во время минувшей Восточной войны, дѣйствительный статской советникъ С. С. Полаковъ учреждаетъ коллегію, которой присвоется наименование: „Коллегія Императора Александра II для студентовъ С.-Петербургскаго университета, учрежденная С. С. Полаковимъ”.

§ 2. Для учрежденія Коллегіи С. С. Полаковъ пожертвовалъ единовременно 200,000 р. Здание Коллегіи, построенное на эту сумму на мѣстѣ, отведенномъ изъ принадлежащей университету земли при самомъ университѣтѣ, а равно и могущій оказаться остатокъ отъ 200,000 р., пожертвованныхъ на постройку, не могутъ быть отчуждаемы или употребляемы для другого назначения, безъ согласія на то учредители или старшаго въ родѣ его наследника. Могущій оказаться остатокъ отъ строительного капитала 200,000 руб. хранится на вѣчныя времена въ государственномъ банкѣ въ процентныхъ бумагахъ, и проценты, ежегодно получаемые, употребляются на содержаніе зданія Коллегіи.

§ 3. Коллегія учреждается съ цѣлью предоставить удобнѣйшое и надежнѣйшіе способы къ научнымъ занятіямъ тѣмъ изъ недостаточныхъ студентовъ, которые удостоются за свои успѣхи и поведеніе помѣщенія въ общежитіи по рекомендаціи университетскаго начальства.

§ 4. Коллегія назначается для общежитія ста студентовъ-стипендиатовъ, которые поступаютъ на общіе основаніяхъ существующихъ правилъ о назначеніи стипендій, и пятидесяти своеоконтныхъ студентовъ, безъ различія факультетовъ и курсовъ.

Примѣчаніе. Къ тѣмъ и другимъ студентамъ относятся и правила, указанные въ § 7.

§ 5. Для содержания ста студентовъ-стипендиатовъ отчисляются изъ стипендіальныхъ суммъ С.-Петербургскаго университета въ распоряженіе комитета Коллегіи сті Императорскихъ стипендий, по 300 р. каждая, учрежденныхъ по Высочайшей волѣ въ Богъ почившаго Государя Императора Александра II по случаю 50-лѣтнаго юбилея С.-Петербургскаго университета.

Примѣчаніе. Стипендиі эти отчисляются въ комитетъ Коллегіи по мѣрѣ освобожденія ихъ, за чѣмъ имѣть особое наблюденіе попечитель учебнаго округа.

§ 6. Своскошные студенты вносятъ за помѣщеніе въ Коллегіи по 300 р. въ годъ, пополугодно впередъ, къ 1-му сентября и къ 1-му января каждого года.

Примѣчаніе. Внесенная плата ни въ какомъ случаѣ не возвращается.

§ 7. Для поступленія въ Коллегію студенты какъ стипендиаты, такъ и своеокашные, должны подавать прошенія инспектору, который представляетъ оныя, чрезъ ректора, въ правленіе университета. Правлеіе, пропрѣвивъ всѣ данныя о просителяхъ и избравъ лучшиихъ изъ нихъ, представляетъ свое заключеніе на утвержденіе попечителя.

§ 8. Право удаленія студентовъ изъ общежитія принадлежитъ попечителю округа, по представленію правлеія, а въ экстренныхъ случаяхъ—и по непосредственному усмотрѣнію.

§ 9. Поступающіе въ Коллегію студенты пользуются помѣщеніемъ, прислугой, ослыщеніемъ, столомъ и вообще полнымъ содержаніемъ отъ комитета. Способъ, которымъ удовлетворяются эти потребности, зависитъ отъ усмотрѣнія комитета (§ 13).

§ 10. Студенты, живущіе въ Коллегіи, подчиняются во всѣхъ отношеніяхъ всѣмъ органамъ университетскаго начальства, на общихъ, установленныхъ для университета, основаніяхъ.

§ 11. Студенты, живущіе въ Коллегіи, обязуются соблюдать порядокъ, не нарушать спокойствія своихъ товарищевъ и вообще исполнять правила, установленные для Коллегіи.

§ 12. Для завѣдыванія Коллегіей и для ближайшаго наблюденія за порядкомъ и за студентами, живущими въ ней, попечитель округа, по представленію инспектора студентовъ, назначаетъ одного изъ штатныхъ помощниковъ инспектора, который имѣетъ квартиру въ зданіи Коллегіи. Эта помощникъ инспектора освобождается отъ дежурства въ университетѣ во время лекцій, но подчиняется, на общихъ основаніяхъ, инспектору, которому принадлежитъ главный надзоръ надъ

обществѣтвомъ. Помощникъ инспектора, завѣдующій Колледжемъ, при исполненіи своихъ обязанностей, руководствуется инструкціей, составляемой правленіемъ университета и представляемой попечителемъ округа, съ его заключеніемъ, на утвержденіе министра.

Приимѣчаніе. При очевидной недостаточности одного лица, начальству округа и университета предоставляется право ходатайствовать объ увеличеніи числа помощниковъ инспектора студентовъ, для дежурства въ Колледжѣ, на средства изъ государственного казначейства.

§ 13. Для завѣдыванія Колледжемъ въ хозяйственномъ отношеніи, для сбора пожертвованій и проч., учреждается попечительный комитетъ, состоящій, подъ предсѣдательствомъ попечителя округа, изъ: 1) членовъ правленія университета; 2) непремѣнного члена комитета, попечителя Колледжі, дѣйствительного статского советника Полякова или старшаго въ родѣ его наследника; 3) четырехъ лицъ, окончившихъ курсъ въ С.-Петербургскому университету, выбираемыхъ на три года, на первый разъ вышепоменованными членами комитета, а затѣмъ—комитетомъ въ полномъ его составѣ; 4) почетныхъ членовъ, выбираемыхъ, по предложению попечителя Колледжі, комитетомъ, въ числѣ трехъ лицъ, оказавшихъ особое содѣйствіе Колледжі значительными материальными взносами, не менѣе какъ 6,000 руб. единовременно и 300 руб. ежегодно.

Члены комитета, избираемые комитетомъ (п. п. 3 и 4), представляются, чрезъ попечителя округа, на утвержденіе министра народнаго просвѣщенія.

§ 14. Въ случаѣ отсутствія попечителя округа или управляющаго округомъ, въ комитетѣ предсѣдательствуетъ ректоръ университета. Всѣ вопросы въ засѣданіяхъ решаются большинствомъ голосовъ, и въ случаѣ раздѣленія голосовъ ворону—голосъ предсѣдателя дасть перевѣсъ.

§ 15. Средства попечительного комитета и вообще Колледжі обращаются: а) изъ стипендій, отчисленныхъ отъ стипендіальныхъ суммъ, согласно § 5 сего устава; б) изъ платы за своеокоштныхъ студентовъ (§ 6); с) изъ могущихъ поступить пожертвованій частныхъ лицъ, обществъ и учрежденій, и д) изъ %, на неприкосновенный капиталъ, оставшійся отъ 200,000 руб., пожертвованныхъ учредителемъ Колледжі (§ 2).

§ 16. Завѣдую Колледжемъ въ хозяйственномъ отношеніи, комитетъ: а) издаетъ правила для прислуги, б) дѣлаетъ объявленія, касаю-

щіся внутренняго порядка въ Коллегіи и имѣющія отношеніе только къ хозяйственной сторонѣ.

Комитетъ избираеть изъ своей среды казначея на три года.

Комитетъ собирается въ очередныи засѣдаві, по приглашению предсѣдателя, или по заявленію попечителя Коллегіи, или трехъ членовъ.

Для дѣйствительности собранія необходимо присутствіе, кроме предсѣдателя, казначея, инспектора студентовъ и, по крайней мѣрѣ, трехъ членовъ правленія.

Дѣла комитета, книги, журналы, денежные документы и проч. хранятся въ самомъ зданіи Коллегіи, гдѣ собирается комитетъ.

Капиталы и вообще денежныи суммы, принадлежащіе комитету, помѣщаются казначеемъ онаго въ государственныхъ учрежденіяхъ процентовъ, или въ государственныхъ и гарантированныхъ правительстводъ бумагахъ.

Комитетъ имѣть печать со своимъ наименованіемъ.

§ 17. Отчетъ о результатахъ дѣятельности комитета подлежить дѣйствію правиль, установленныхъ для отчета университета.

§ 18. Учредителю Коллегіи предоставляется званіе почетнаго попечителя ея, каковое и переходитъ къ старшему въ родѣ его наслѣднику. Почетный попечитель Коллегіи утверждается Высочайшимъ приказомъ по министерству народнаго просвѣщенія.

Подписанъ: Министръ народнаго просвѣщенія, статсь-секретарь И. Деляновъ.

II. ВЫСОЧАЙШИЕ ПРИКАЗЫ.

30-го августа 1882 года (№ 13). Производится за отличіе: экстраординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго историко-филологическаго института, статскій совѣтникъ Александръ Вейманъ—въ дѣйствительные статскіе совѣтники.

3-го сентября 1882 года (№ 14). Назначается: Егермейстеръ двора Его Императорскаго Величества, почетный опекунъ опекунскаго совѣта учрежденій Императрицы Маріи, членъ совѣта министра народнаго просвѣщенія, тайный совѣтникъ князь Волконскій — товарищемъ министра народнаго просвѣщенія, съ оставленіемъ егермейстеромъ и почетнымъ опекуномъ.

III. МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

6. (13-го августа 1882 г.). Положеніе о стипендії полковника Іосифа Михайловича Назарова при Новочеркасской гимназіи и въ Харьковскомъ университѣтѣ.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

1) На проценты съ пожертвованнаго полковникомъ Іосифомъ Михайловичемъ Назаровымъ, по духовному завѣщанію, капитала въ шесть тысячъ руб., состоящаго въ государственныхъ 5% билетахъ, и съ наростшей на этотъ капиталъ по 1-е мая 1882 года прибыли — одной тысячи восемьдесятъ восьми руб. 28 коп., учреждается стипендія при Новочеркасской гимназіи и въ Харьковскомъ университѣтѣ, съ наименованіемъ „стипендію полковника Іосифа Михайловича Назарова“.

2) Право избранія стипендіата, согласно волѣ завѣщателя, предоставляется педагогическому совѣту Новочеркасской гимназіи при участіи душеприкащиківъ, назначенныхъ покойнымъ: подполковника Льва Львовича Матвеева и казака торгового общества Ивана Семеновича Масловникова.

3) Стипендіатами могутъ быть только бѣднѣйшіе изъ уроженцевъ войска Донскаго, обучающіеся въ вышеозначенныхъ учебныхъ заведеніяхъ и лучшіе по успѣхамъ и поведенію.

4) Пока стипендіатъ обучается въ Новочеркасской гимназіи, ему должно быть выдаваемо по 200 руб. въ годъ, по поступлениі же въ Харьковскій университетъ, онъ получаетъ по 300 руб. въ годъ.

5) Изъ остатковъ отъ процентовъ въ бытность стипендіата въ гимназіи и изъ текущихъ процентовъ на капиталъ единовременно выдается стипендіату на обмундированіе по окончаніи курса въ гимназіи 100, а по окончаніи курса въ университетѣ 300 руб.

6) Остающаяся за всѣми расходами отъ процентовъ сумма слу-
жить на усиленіе капитала для открытия современемъ новыхъ стипендій имени Назарова.

7) За безуспѣшность въ наукахъ и неодобрительное поведеніе, во время прохожденія какъ гимназического, такъ и университетскаго курсовъ, стипендіатъ лишается стипендіи, по опредѣленію педагогическаго совѣта Новочеркасской гимназіи.

8) Университетское начальство сообщаетъ педагогическому совѣту

Новочеркасской гимназии свѣдѣнія о поведеніи и результатѣ повѣрочныхъ испытаний стипендіата.

9) Стипендіату, оставшемуся на второй годъ въ томъ же курсѣ или классѣ, стипендія можетъ быть сохранена только въ виду особо уважительныхъ причинъ, какъ напримѣръ, тяжкой продолжительной болѣзни и при томъ во время университетскаго курса лишь одинъ разъ.

10) Деньги выдаются стипендіату, обучающемуся въ гимназии, по мѣсячино, за мѣсяцъ впередъ, а во время нахожденія его въ университѣтѣ высылаются, по полугодно, въ правленіе Харьковскаго университета, которое выдаетъ ихъ стипендіату за мѣсяцъ впередъ.

7. (14-го августа 1882 г.). Уставъ издательского Общества при Высочайшѣ учрежденной постоянной комиссіи по устройству народныхъ чтеній въ С.-Петербургѣ и его окрестностяхъ.

(Утвержденъ г. министромъ народного просвѣщенія).

Цѣль Общества.

§ 1. Общество имѣть цѣлью издавать одобренымъ постояннюю комиссию по устройству народныхъ чтеній въ С.-Петербургѣ и его окрестностяхъ и избраннымъ Обществомъ редакторами, книжки и статьи для народныхъ чтеній и распространять эти книжки и статьи въ народъ по возможно дешевой цѣнѣ.

§ 2. Сверхъ того, Обществу предоставляется издавать книги для народа, не ограничиваясь объемомъ тѣхъ книжекъ и статей, которыхъ предназначаются для публичныхъ народныхъ чтеній.

Составъ Общества.

§ 3. Общество имѣть своего предсѣдателя, избираемаго на три года, или изъ числа членовъ Общества, или же изъ лицъ, входящихъ въ составъ комиссіи, причемъ предсѣдатель комиссіи можетъ быть также и предсѣдателемъ Общества.

§ 4. Сверхъ того, въ составъ Общества входятъ: а) члены-учредители, положившіе основаніе Обществу единовременнымъ пожертвованіемъ; б) дѣйствительные члены, вносющіе по 50 р. въ годъ, и в) члены-сотрудники, трудомъ своимъ содѣйствующіе успѣху дѣятельности Общества.

§ 5. Секретарь Общества избирается, по предложению предсѣ-

дателя, изъ членовъ Общества, или же изъ лицъ, не входящихъ въ составъ Общества.

§ 6. Изъ среды всѣхъ членовъ Общества избираются на одинъ годъ два или пѣсколько редакторовъ, обязанность которыхъ состоять въ ближайшемъ надзорѣ за издательскою дѣятельностью Общества.

§ 7. Всѣ поименованныя въ §§ 3—6 должностныя лица и члены Общества избираются по баллотировкѣ, простымъ большинствомъ голосовъ присутствующихъ членовъ-учредителей и дѣйствительныхъ членовъ.

§ 8. Предсѣдатель Общества утверждается министромъ народнаго просвѣщенія.

Права членовъ.

§ 9. Члены-учредители и члены дѣйствительные имѣютъ одинаковое право голоса въ дѣлѣ избранія должностныхъ лицъ и членовъ всѣхъ категорій.

§ 10. Члены-сотрудники имѣютъ одинаковое съ членами-учредителями и дѣйствительными право голоса въ рѣшеніи вопросовъ редакціонныхъ и хозяйственныхъ.

Собранія Общества.

§ 11. Собранія Общества бывають не реже шести разъ въ годъ. На нихъ обсуждаются всѣ вопросы, касающіеся разбора и оцѣнки сочиненій и выбора темъ, равно какъ и всѣ вопросы по храненію, распространенію и печаталію книгъ.

§ 12. Собраніе утверждаетъ расходы Общества и избираетъ должностныхъ лицъ и членовъ.

§ 13. Для дѣйствительности постановлений собранія, въ немъ должно участвовать не менѣе $\frac{1}{3}$ всѣхъ членовъ Общества, пользующихся въ подлежащимъ вопросѣ правомъ голоса (§§ 9 и 10); въ случаѣ же равенства голосовъ, голосъ предсѣдателя даетъ перевѣсь.

Отношенія Общества къ комиссіи.

§ 14. Избранные Обществомъ редакторы присутствуютъ съ правомъ голоса въ засѣданіяхъ постояннной комиссіи и въ редакціонномъ ея комитетѣ.

§ 15. Предсѣдатель Общества ежегодно представляетъ отчетъ о дѣятельности Общества министру народнаго просвѣщенія.

8. (18-го августа 1882 года). Положение о премии имени надворного советника Густава Матвеевича Блумберга при приготовительныхъ классахъ Дерптской гимназіи.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

1) Съ Высочайшаго соизволенія, послѣдовавшаго въ 14-й день августа 1882 года, учреждается при Дерптской гимназіи, на счетъ процентовъ съ собраннаго, по добровольной подпискѣ, капитала въ сто руб., премія имени учителя приготовительныхъ классовъ при сей гимназіи, надворного советника Густава Матвеевича Блумберга, въ память совершившагося 10-го января 1880 г. 26-ти лѣтія полезной службы его при названныхъ классахъ.

2) Означеппий капиталъ, заключающійся въ 5%, облигациіи восточнаго займа, составляетъ пеприкосновенную собственность Дерптской гимназіи и хранится въ мѣстномъ уѣздномъ казначействѣ, въ числѣ специальныхъ средствъ гимназіи.

3) Премія выдается одному изъ отличнейшихъ по поведенію и успѣхамъ воспитанниковъ приготовительныхъ классовъ Дерптской гимназіи.

4) Право назначенія преміи предоставляется педагогическому совѣту Дерптской гимназіи.

5) Могущіе оказаться остатки отъ ежегодныхъ процентовъ, а равно и деньги, могущіе еще быть собранными по добровольной подпискѣ, причисляются къ основному капиталу.

9. (20-го августа 1882 года). Уставъ эпидеміологического Общества при Императорскомъ Харьковскомъ университѣтѣ, съ институтомъ для изученія инфекціонныхъ и паразитныхъ болѣзней, ихъ эпидемій и эпидемій.

(Утверждень г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. Для изученія инфекціонныхъ и паразитныхъ болѣзней, ихъ эпидемій и эндемій человѣка, животныхъ и растеній, учреждается, на основаніи устава университетскаго 1863 г., §§ 119 и 120, при Императорскомъ Харьковскомъ университетѣ эпидеміологическое Общество.

§ 2. Предметами научной разработки обществомъ могутъ быть:
а) исторія вышеприведенныхъ болѣзней и ихъ эпидемій и эндемій;

б) статистика ихъ;

а) вліяніє ихъ на движение населенія, его здоровье и экономическое положение;

б) этиология: а) внутренняя и б) внешняя въ связи съ условіями быта, мѣстности и климата;

в) патология инфекціонныхъ и паразитныхъ болѣзней;

г) осложненія инфекціонныхъ болѣзней;

ж) сочетанія инфекціонныхъ и паразитныхъ болѣзней, ихъ эпидемій и эндемій;

з) мѣры помощи при инфекціонныхъ болѣзняхъ, эпидеміяхъ и эндеміяхъ;

и) мѣры предупрежденія инфекціонныхъ и паразитныхъ болѣзней.

§ 3. Способы и разработка задачъ Общества:

а) сношенія съ врачебными Обществами, земствами, городскими и административными учрежденіями и ихъ органами, а также съ частными лицами, могущими доставить какъ необходимыхъ свѣдѣнія, такъ и материалы для разработки вышепоменованныхъ задачъ Общества;

б) изслѣдований: морфологическая, физіологическая, экспериментальная, статистическая и историческая по вопросамъ, касающимся инфекціонныхъ и паразитныхъ болѣзней, ихъ эпидемій и эндемій.

§ 4. При Обществѣ имѣется институтъ для изученія инфекціонныхъ и паразитныхъ болѣзней, ихъ эпидемій и эндемій. При институтѣ же, по мѣрѣ надобности и средствъ, учреждаются:

1) Собрание предметовъ, могущихъ подлежать изученію, а равно инструментовъ и приборовъ для этого.

2) Отдѣленія (временные или постоянныя) для клиническаго или экспериментальнаго изученія паразитныхъ, инфекціонныхъ и эпидемическихъ болѣзней на простыхъ и сложныхъ организмахъ.

3) Собранія специальныхъ книгъ и брошюре, картъ, рисунковъ и прочихъ научно-литературныхъ пособій по эпидеміологии.

Примѣчаніе. Институтъ и его части, находясь въ постояннѣмъ или временномъ завѣданіи эпидеміологического Общества, составляютъ собственность тѣхъ учрежденій и лицъ, желающихъ пользоваться силами Общества, которые примутъ участіе въ устройствѣ и содержаніи института или его частей.

§ 5. Общество состоитъ изъ членовъ дѣйствительныхъ, членовъ-корреспондентовъ и членовъ-распорядителей. Дѣйствительными членами считаются тѣ, которые представлять нигдѣ

не напечатанный научный трудъ въ распоряжение Общества и затѣмъ принимаютъ личное участіе въ его работахъ. Члены-корреспонденты находятся въ постоянныхъ сношенияхъ съ Обществомъ, и доставляютъ ему необходимыя свѣдѣнія и материалы для научной обработки.

Въ члены-распорядители принимаются представители университета, а также городскихъ и земскихъ учрежденій, принимающіе участіе въ устройствѣ института или его частей, и частные жертвователи, принятые въ общество по предложению городскихъ и земскихъ учрежденій.

На членахъ дѣйствительныхъ и корреспондентахъ лежать всѣ научныя занятія Общества.

На членахъ-распорядителяхъ лежать обязанности по управлению дѣлами въ экономическомъ и хозяйственномъ отношеніяхъ, а также по контролю надъ употреблениемъ суммъ Общества.

§ 6. Обыкновенныя собранія Общества бываютъ двухъ родовъ:

а) собранія членовъ специальнаго знанія (дѣйствительныхъ и корреспондентовъ) и

б) собранія членовъ-распорядителей.

1) Собрания членовъ специальнаго знанія, подъ предсѣдательствомъ очереднаго дѣйствительного члена, занимаются: а) разработкою, въ своихъ засѣданіяхъ, научныхъ вопросовъ по эпидеміологии; б)透过 своихъ членовъ, путемъ общедоступныхъ бесѣдъ, лекцій и брошюръ, распространеніемъ свѣдѣній о паразитныхъ, инфекціонныхъ и эпидемическихъ болѣзняхъ, ихъ эпидеміяхъ и эндеміяхъ, согласно правиламъ университетскаго устава, и в) печатаніемъ трудовъ Общества и его членовъ, также согласно правиламъ университетскаго устава.

2) Собрания членовъ-распорядителей, подъ предсѣдательствомъ выбраннаго на общемъ собраніи изъ ихъ среди особаго предсѣдателя, занимаются вопросами по управлению дѣлами въ экономическомъ и хозяйственномъ отношеніяхъ, а также по контролю надъ употреблениемъ суммъ Общества.

3) Собрания, поименованныя въ пунктахъ *a* и *b* сего параграфа, спосются между собою по дѣламъ Общества письменными или словесными предложениями透过 одного изъ своихъ членовъ.

4) Правила о порядкѣ засѣданій каждое изъ упомянутыхъ собраній составляетъ само для себя, согласно общимъ на сей предметъ узаконеніямъ.

§ 7. Очередные общія публичныя собрания всѣхъ членовъ Общества, бывають одинъ разъ въ годъ, въ октябрѣ иѣнцѣ, созываются особыи предсѣдателемъ изъ числа членовъ - распорядителей, избираются правление Общества и ревизионная комиссія и рассматриваютъ отчетъ за истекшій годъ.

Примѣчаніе. Годовой отчетъ Общества представляется, для свѣдѣнія, въ министерство народного просвѣщенія.

10. (31-го августа 1882 г.). Правила для стипендиіи имени коллежскаго ассесора Ефима Андреевича Велигорскаго, учрежденной въ Императорскомъ Казанскомъ университѣтѣ.

(Утверждены г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. Согласно духовному завѣщанію коллежскаго ассесора Ефима Андреевича Велигорскаго, учреждается въ Императорскомъ Казанскомъ университѣтѣ одна стипендиа, его имени, изъ процентовъ съ капитала въ 3,900 р., съ начислами на оный процентами, заключающагося въ государственныхъ процентныхъ билетахъ и въ томъ числѣ въ девяти билетахъ внутренняго пятипроцентнаго займа, съ выигрышами, 1866 года.

§ 2. Въ случаѣ, если на какой-либо изъ пожертвованныхъ Казанскому университету завѣщателемъ выигрышныхъ билетовъ падеть выигрышъ, то этотъ выигрышъ присоединяется къ основному капиталу, при чемъ совету Казанского университета предоставляется, смотря по суммѣ выигрыша, или увеличить учрежденную уже стипендию, или образовать на счетъ выигрыша новую стипендию имени Е. А. Велигорскаго.

§ 3. По мѣрѣ выхода выигрышныхъ билетовъ въ тиражъ правление Казанского университета замѣняетъ ихъ другими государственными процентными билетами.

§ 4. Если въ теченіе какого-либо времени стипендию коллежскаго ассесора Велигорскаго никто изъ студентовъ не будетъ пользоваться, то имѣющія вслѣдствіе того остататься свободными деньги присоединяются къ основному стипендиальному капиталу для увеличенія стипендиі.

§ 5. Стипендиа коллежскаго ассесора Е. А. Велигорскаго выдается бѣдѣйшимъ студентамъ Казанского университета и при томъ, при одобрительномъ походѣніи, доказавшимъ репетиціями или перевод-

ными экзаменами не менѣе какъ хорошую успѣшность въ занатіяхъ всѣми факультетскими предметами.

§ 6. Стипендія сія назначается съ утвержденія совѣта Казанского университета факультетами по очереди.

§ 7. Полученіе сей стипендіи не влечеть за собою для получающаго ону студента, по выходѣ его изъ университета или по смѣщеніи его со стипендіи, какой-либо обязательной службы.

§ 8. Выдача стипендіи удостоенному ся совѣтомъ университета производится со дня опредѣленія совѣта о семъ удостоеніи.

§ 9. Относительное сохраненіе стипендіи за получившими ее студентами въ теченіе учебнаго курса и смѣщенія ихъ съ оводъ совѣтъ руководствуется правилами, постановленными для стипендіатовъ министерства народнаго просвѣщенія.

11. (8-го сентября 1882 г.). Положеніе о стипендіахъ имени дѣйствительного статскаго совѣтника Константина Андреевича Буха.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

1) На проценты съ пожертвованнаго чинами Самарскаго акцизаго вѣдомства капитала въ десять тысячъ руб., составившагося изъ причитавшихся имъ суммъ за открытие нарушеній устава о питетномъ сборѣ, учреждаются двѣ стипендіи имени дѣйствительного статскаго совѣтника Константина Андреевича Буха на нижеслѣдующихъ основаніяхъ:

2) Ежегодные проценты на стипендіальный капиталъ, въ количествѣ пятисотъ рублей, употребляются на двѣ стипендіи, по 250 р. каждая, для воспитанія дѣтей чиновъ Самарскаго акцизаго управления въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ министерства народнаго просвѣщенія. Одна изъ стипендій предназначается для мальчиковъ, другая для дѣвочекъ.

Приимѣчаніе. За неимѣніемъ въ виду стипендіата одного пола, стипендія можетъ быть выдаваема лицу другаго пола.

3) Избраніе лицъ, коимъ назначаются стипендіи, предоставляется управляющему акцизными сборами Самарской губерніи, который отдаетъ предпочтеніе сыроватамъ, затѣмъ дѣтямъ лицъ, которые, оставивъ добровольно акцизную службу, впали въ бѣдность и, вслѣдствіе того, лишились средствъ къ образованію дѣтей и, наконецъ, за неимѣніемъ въ виду стипендіатовъ первыхъ двухъ разрядовъ, дѣтамъ лицъ, со-

стоящихъ на службѣ и обремененныхъ семействомъ, но не имѣющихъ возможности дать дѣтамъ своимъ воспитаніе.

Примѣчаніе. Въ случаѣ отказа управляющаго акцизными сборами Самарской губерніи, право избрания стипендіатовъ предоставлется тому изъ состоящихъ на службѣ по акцизному вѣдомству лицу, которое будетъ назначено управляющимъ.

4) Стипендіальный капиталъ состоить въ вѣдѣніи департамента народного просвѣщенія, который и имѣть выдавать изъ процентовъ съ онаго суммы, назначенные для стипендій.

5) Ежегодно къ юлю мѣсяцу управляющей акцизными сборами Самарской губерніи выбираетъ лицъ, коимъ назначаются стипендіи К. А. Буха, и уведомляетъ о томъ начальство тѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній министерства народного просвѣщенія, въ коихъ назначенные въ стипендіаты лица будутъ получать воспитаніе.

6) Начальство означенныхъ учебныхъ заведеній представляетъ заѣмъ въ департаментъ народного просвѣщенія списокъ избранныхъ въ стипендіаты лицъ.

7) Департаментъ народного просвѣщенія, чрезъ главное казначейство, въ коемъ хранится въ депозитахъ департамента стипендіальный капиталъ, дѣлаетъ распоряженіе объ открытии стипендіатамъ кредита въ казначействахъ тѣхъ городовъ, въ учебныхъ заведеніяхъ коихъ стипендіаты будутъ получать воспитаніе.

8) Суммы, назначенные стипендіатамъ, получаются за нихъ родителями или опекунами пополугодно 1-го июля и 1-го января.

9) Тѣмъ же порядкомъ, какой указанъ въ пункте 5-мъ, управляющей акцизными сборами Самарской губерніи сносится съ начальствующими лицами тѣхъ учебныхъ заведеній, куда вносятъся по какимъ-либо обстоятельствамъ перейдутъ для продолженія ученія, стипендіаты.

10) Въ случаѣ образовавшихся остатковъ отъ процентовъ съ капитала, вслѣдствіе некомплекта стипендіатовъ, выдаются пособія бывшимъ стипендіатамъ К. А. Буха, продолжающимъ ученіе въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ министерства народного просвѣщенія. Избрание лицъ, которымъ назначается пособіе, и опредѣленіе размѣра самаго пособія, въ суммѣ не болѣе 300 р., предоставляется управляющему акцизными сборами Самарской губерніи, руководствуясь указанными въ пункте 3 соображеніями. Отпускъ пособій производится порядкомъ, установленнымъ для выдачи стипендій въ пунктѣ 7-мъ настоящаго положенія.

11) Въ видахъ назначенія стипендій и пособій однімъ достой-
нымъ лицамъ, управляющій акцизными сборами Самарской губерніи
сносится съ начальствомъ тѣхъ учебныхъ заведеній, где стипендіаты
и лица, кому назначено пособіе, обучаются, для полученія свѣдѣній
какъ о правственныхъ качествахъ, такъ и объ учебныхъ успѣхахъ
сихъ послѣднихъ.

12) Если бы отъ остатковъ, вслѣдствіе невыдачи стипендій или
отъ пожертвованій, стипендіальный капиталъ значительно увеличился,
то на проценты съ суммы свыше 10,000 руб. могутъ быть учреж-
дены, на тѣхъ же основаніяхъ, какъ указано выше, новыя стипендіи
имени К. А. Буха.

13) Въ случаѣ закрытия акцизного управления, разсмотрѣніе правъ
стипендіаторовъ и лицъ, ходатайствующихъ о пособіяхъ для продолженія
воспитанія въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, переходить на
представителя того финансового управления, въ вѣдѣніе котораго
поступать дѣла сего управления.

14) Въ случаѣ, указанномъ въ § 13, премущественное право
пользованія стипендіями и пособіями принадлежитъ дѣтямъ бывшихъ
должностныхъ лицъ Самарского акцизного управления, а затѣмъ не-
переходитъ на дѣтей должностныхъ лицъ того финансового управления,
въ вѣдѣніе котораго перейдутъ дѣла акцизного управления.

IV. ПРИКАЗЪ МИНИСТРА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНИЯ.

7-го сентября 1882 года (№ 11). Утверждаются: проекторъ
Казанского ветеринарного института, магистръ ветеринарной медицины
Чуловскій — экстраординарнымъ профессоромъ сего института по
предмету зоотоміи, съ 27-го апреля 1882 г.

Окружной инспекторъ Виленского учебного округа, статскій совѣт-
никъ Фелицынъ — директоромъ Витебской гимназіи, съ 1-го августа
1882 года.

Окружной инспекторъ Московского учебного округа, статскій со-
вѣтникъ Семеновичъ — директоромъ Калишской мужской гимназіи.

Директоръ Гомельской прогимназіи, коллежскій совѣтникъ Смо-
родскій — директоромъ Слуцкой гимназіи, съ 1-го августа 1882 года.

Инспекторъ Екатеринбургской гимназіи, статскій совѣтникъ Дми-
триевъ — директоромъ сей гимназіи, съ 24-го августа 1882 года.

Исправляющій должность инспектора Люблинской мужской гимназіи Андреевскій—директоромъ Уральской войсковой гимназіи, съ 22-го августа 1882 года.

Директоръ Ковенской гимназіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Феоктистовъ—директоромъ Гомельской прогимназіи, съ 1-го августа 1882 года.

Инспекторъ Благовѣщенской мужской прогимназіи, коллежскій совѣтникъ Васильевъ—директоромъ этой прогимназіи, съ 1-го июля 1882 года.

Исполняющій обязанности инспектора, преподаватель Московскаго реальнаго училища, коллежскій совѣтникъ Муромцевъ—директоромъ Иваново-Вознесенскаго реальнаго училища, съ 1-го августа 1882 года.

Заслуженный преподаватель Виденской прогимназіи, статскій совѣтникъ Бѣльковичъ—директоромъ Чинскаго реальнаго училища, съ 1-го августа 1882 года.

Преподаватель Казанскаго реальнаго училища, коллежскій совѣтникъ Дмитревскій—директоромъ Пермскаго Алексіевскаго реальнаго училища, съ 24-го августа 1882 года.

Ординарный профессоръ Императорскаго Новороссійскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Патлаевскій—директоромъ Одесскаго коммерческаго училища, съ оставленiemъ въ должности профессора, съ 1-го августа 1882 г.

Исправляющій должность директора Благовѣщенской учителской семинаріи, надворный совѣтникъ Поповъ—директоромъ сей семинаріи.

Преподаватель Киевской 1-й гимназіи, статскій совѣтникъ Синицкій—инспекторомъ народныхъ училищъ, состоящей при управлении Киевскаго учебнаго округа инспекціи сихъ училищъ губерній Киевской, Подольской и Волынской, съ 1-го сентября 1882 года.

Отставной генерал-маіоръ Зеленскій и купцы Поповъ и Калабуховъ—членами попечительства Александровскаго Полтавскаго реальнаго училища, на три года, съ 20-го мая 1882 года.

Статскій совѣтникъ Кузовниковъ, надворный совѣтникъ Давыдовскій, почетный гражданинъ Кузнецовъ и купцы Воиновъ, Игнатовъ, Колокольниковъ, Колмогоровъ, Рѣшетниковъ 2-й, Трусовъ и Тюфінъ—членами попечительства Александровскаго Тюменскаго реальнаго училища, на три года, съ 1-го июля 1882 года.

Назначаются: инженеръ-механикъ Хвастуновъ—директоромъ Купгурского техническаго Губкина училища, въ 1-го августа 1882 г.

Воспитатель-преподаватель ремесленного училища Цесаревича Николая въ С.-Петербургѣ, губернскій секретарь Доброхотовъ — директоромъ Омскаго техническаго училища, съ 24-го августа 1882 г.

Перемѣщается: Директоръ Витебской гимназіи, статскій совѣтникъ Шокальскій — директоромъ Ковенской гимназіи, съ 1-го августа 1882 года.

Переводится на службу въ министерство народнаго просвѣщенія съ причислениемъ къ оному: причисленный къ собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи по учрежденіямъ Императрицы Маріи сверхъ штата, статскій совѣтникъ Шрейеръ, съ 15-го августа 1882 года.

Оставляются на службѣ на два года: директоръ Поневѣжской учительской семинаріи, статскій совѣтникъ Боричевскій, съ 1-го июля 1882 года.

На пять лѣтъ: Директоръ Казанской учительской семинаріи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Ильменскій — съ 16-го июля 1882 года.

Директоръ Чемировской гимназіи, статскій совѣтникъ Кизимовскій — съ 2-го августа 1882 года.

Продолжается срокъ отпуска за границу: Директору Варшавской IV мужской гимназіи, коллѣжскому совѣтнику Бульмерингу — по 10-е сентября 1882 г., по болѣзни.

Главной воспитательницѣ Варшавской I женской гимназіи Буссе — на двадцать восемь дней и классной дамѣ Варшавской II женской гимназіи Щебальской — по 20-е сентября 1882 года, объемъ по болѣзни.

Увольняются въ отпускъ: а) въ Россіи: на шестнадцать дней: директоръ Варшавской I мужской гимназіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Крыжановскій — въ С.-Петербургѣ.

На двадцать дней: директоръ народныхъ училищъ Пермской губерніи, статскій совѣтникъ Шишонко — въ Москву и Казань, по болѣзни.

На двадцать восемь дней: директоръ пародныхъ училищъ Уфимской губерніи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Чоглоковъ — въ Москву, и директоръ Нижегородскаго реальнаго училища, статскій совѣтникъ Бобровскій — въ разныя губерніи; первый по болѣзни.

На одинъ мѣсяцъ: директоръ народныхъ училищъ Вологодской губерніи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Левицкій—въ разныя губерніи.

На два мѣсяца: окружной инспекторъ Виленского учебного округа, дѣйствительный статскій совѣтникъ Грузовъ—въ Воронежскую губернію и на южный берегъ Крыма, и дѣлопроизводители VIII класса департамента народного просвѣщенія, коллежскіе секретари: Гусаковскій и Бородинъ—оба, по болѣзни, въ разныя губерніи.

в) Въ Россіи и за границу: на мѣсяцъ и двадцать девять дней: преподаватель Тульской гимназіи, коллежскій ассесоръ Петрученко, по болѣзни.

с) За границу на семнадцать дней: лаборантъ Императорскаго Новороссійскаго университета Танатаръ—по болѣзни.

На двадцать шесть дней: ординарный профессоръ Императорскаго Казанскаго университета Бодуэнъ-де-Куртенэ, по болѣзни.

На двадцать восемь дней: лекторъ Императорскаго Казанскаго университета, коллежскій совѣтникъ Леженъ.

На два мѣсяца: Врачъ Елисаветградской прогимназіи Цеткинъ, по болѣзни.

Увольняются: а) согласно прошеніямъ: ординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Таганцевъ, отъ сей должности, съ 1-го сентября 1882 года.

Директоры гимназій: Калишской мужской, статскій совѣтникъ Савицкій, и Вологодской, статскій совѣтникъ Гаазе, отъ службы—оба съ дозволеніемъ носить въ отставкѣ мундирный полукафтанъ, по скіднѣй должности присвоенный; Гаазе съ 31-го августа 1882 года.

Директоръ Кунгурскаго техническаго Губкина училища Ивановъ, отъ должности, съ 1-го августа 1882 года.

Директоръ народныхъ училищъ Черниговской губерніи, статскій совѣтникъ Сербуловъ, отъ службы, съ дозволеніемъ носить въ отставкѣ мундирный полукафтанъ, по скіднѣй должности присвоенный, съ 2-го августа 1882 года.

б) За выслугуою срока: профессоръ института сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой Александріи Зелинскій, отъ сей должности, съ 1-го августа 1882 года.

Объявляется признательность министерства народного просвѣщенія: почетному попечителю Тульской мужской гимназіи

князю Голицыну — за значительное пожертвование на производство ремонтныхъ работъ въ зданіи сей гимназіи.

Директору Новоторжской учительской семинаріи Бараину—за вполне правильное и полезное руководство съездомъ учителей и учительницъ земскихъ школъ Новоторжского уѣзда, происходившимъ въ 1881 году.

Городскому головѣ г. Троицка Оренбургской губерніи Дмитриеву—за пожертвование его въ пользу мѣстныхъ городскихъ приходскихъ училищъ и усердіе въ дѣлѣ народнаго образованія.

Потомственному почетному гражданину Хлудову—за обеспеченіе имъ въ материальномъ отношеніи Ярцевскаго начального училища.

У ОПРЕДЪЛЕНИЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНИЯ.

Определеніями учеваго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено: книги: 1, „Сборникъ статей для переводовъ съ русскаго языка на пѣмѣцкій“. Составилъ преподаватель пѣмѣцкаго языка при IV Московской гимназіи Ф. Кейзеръ. Издание 9. Москва. 1882 г. Цѣна 1 руб., и 2) „Краткая пѣмѣцкая грамматика“. Составилъ преподаватель пѣмѣцкаго языка при IV Московской гимназіи Ф. Кейзеръ. Часть I: „Этимологія“. Изд. 15. Москва. 1882 г. Цѣна 30 коп. и часть II: „Нѣмѣцкіе примѣры и русскія упражненія на пропила этимології“. Издание 7. Москва. 1881 г. Цѣна 1 руб., — первую допустить къ употребленію въ высшихъ классахъ среднеучебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія, а вторую одобрить въ качествѣ руководства для II, III и IV классовъ гимназій и реальныхъ училищъ министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу Ф. Ратцеля „Земля. 24 общедоступныхъ бесѣды по общему землевѣдѣнію“. Географическая книга для чтенія. Москва 1882 г. Цѣна 2 руб., — рекомендовать для приобрѣтенія въ библиотеки среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу „Плоская тригонометрія для гимназій и реальныхъ училищъ“. Г. Тиме, профессора горнаго института и Николаевской академіи. Съ тремя таблицами чертежей. С.-Петербургъ. 1881 года, — одобрить какъ руководство для гимназій и реальныхъ училищъ.

— Книгу „Deutsche Sprachlehre für mittlere Lehranstalten, von Brehme, Grieser und Masing. S.-Petersburg. 1882 г.“,—допустить, какъ руководство, въ германскихъ училищахъ, мужскихъ и женскихъ.

— Изданный Н. Фену и К° „Картинный учебный атласъ, привѣненный къ краткой отечественной географіи, составленной подъ редакціей И. Н. Махайлова. С.-Петербургъ. 1882 г. Цѣна 2 р. 50 к.“,—одобрить въ видѣ пособія для гимназій мужскихъ и женскихъ и для библіотекъ городскихъ училищъ, учительскихъ институтовъ и семинарій.

— Книгу „Дополнительные статьи алгебры. Курсъ VII класса реальныхъ училищъ. 2-е изданіе. Составилъ Я. Блюмбергъ. С.-Петербургъ. 1882 г. Цѣна 1 руб.“,—одобрить въ качествѣ учебнаго пособія для дополнительного класса реальныхъ училищъ.

VI. ОПРЕДѢЛЕНИЯ ОСОБАГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНИЯ.

Опредѣлѣніями особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено: брошюру „Школы и заразительная болѣзни. Статья Н. И. Григорьева. Ярославль, 1882 г. Цѣна 15 к.“,—допустить въ учительскія библіотеки городскихъ и сельскихъ училищъ.

— Изданныя Г. Ф. Павленковымъ, книги барона Н. А. Корфа: 1) „Первоначальное правописаніе“. С.-Петербургъ. 1882 г. Цѣна 12 к. и 2) „300 письменныхъ работъ“. Задачи для самостоятельныхъ упражнений въ письмѣ учениковъ всѣхъ трехъ отдѣлений начальной школы. С.-Петербургъ. 1882 г. Цѣна 12 коп.,—одобрить: первую для учительскихъ библіотекъ городскихъ и народныхъ училищъ, и вторую для употребленія въ городскихъ и народныхъ училищахъ въ качествѣ учебнаго пособія по русскому языку.

— Составленную П. Кошкаровымъ книгу, подъ заглавиемъ: „Сборникъ диктантовъ для городскихъ и сельскихъ училищъ. Выпускъ 1-й. Курсъ 3-го и 4-го года городскихъ училищъ. Вятка 1880 г.,—допустить въ учительскія библіотеки народныхъ училищъ.

— Составленную В. А. Воскресенскимъ книгу, подъ заглавиемъ: „Первоначальные уроки русской грамматики. С.-Петербургъ. 1880 г. Цѣна 40 коп.“,—допустить въ учительскія библіотеки народныхъ училищъ.

— Брошюры, изданныя постоянной комиссией народныхъ чтений:

- 1) Александръ I Благословенный. Цѣна 8 коп. Съ двумя картинами. 1881 года, 2) Пётръ Великій по сочиненіямъ А. С. Пушкина. 1880 г. Цѣна 5 коп., 3) Чтеніе для народа о Суворовѣ. С. Рождественскаго, съ одною раскрашеною картипою и съ портретомъ Суворова. Издание 2-е. С.-Петербургъ. 1882 г. Цѣна 15 коп., 4) Рассказы о Севастопольцахъ А. И. Супопева. Съ двумя раскрашенными картинками. Издание второе, исправленное по замѣчаніямъ ученаго комитета. 1882 г. Цѣна 15 к., и 5) Дѣйнадцать мудрыхъ басенъ, а) въ обложкѣ съ портретомъ цѣна 5 к. 1882 г. и б) въ обложкѣ простой 2 коп. 1882 г.—одобрить для библиотекъ городскихъ и народныхъ сельскихъ школъ и для публичныхъ народныхъ чтений.

— Книгу: „Лиса-Патрикѣвна, сказка-пѣсня. Составилъ А. Можаровскій. Издание 2-е съ перемѣнами. Казань, 1882 г. Ц. 75 к.“,—допустить въ библиотеки городскихъ и сельскихъ училищъ мужскихъ и женскихъ.

— Составленное И. Малиновскимъ руководство къ изученію письма, подъ заглавіемъ: „Чистописаніе и скроописаніе. Русскія прописи“. Изд. 2-е. Рига, 1881 г. Ц. 30 к., —а) одобрить какъ пособіе для учащихся въ народныхъ училищахъ, и б) разрѣшить напечатать заключеніе комитета на оберткѣ 3-го изданія ихъ, которое печатается со втораго изданія безъ всякихъ перемѣнъ.

— Книги: 1) „Естественная исторія для первоначального ознакомленія съ природою. Составлена по Бауману. Изд. 9-е. С.-Пб., 1881 г. Ц. 1 руб.; 2) „Бесѣда о природѣ“. Книга для чтенія въ селахъ и деревняхъ, въ которой разказывается о землѣ, солнцѣ, звѣздахъ, растеніяхъ и животныхъ. Составилъ Н. Зобовъ. Издание 9-е. С.-Пб., 1880 г. Ц. 50 коп.; 3) „Наши богатыри“. Сост. А. Погоссскій. Книга 2-я. Издание 2-е. С.-Пб., 1875 г.; 4) „Рассказы изъ русской исторіи. „Князь Яковъ Федоровичъ Долгоруковъ“. И. Фурмана. Изд. 2-е, общества распространенія полезныхъ книгъ. Москва, 1880 г. Ц. 40 коп. и 5) „Какъ развивались наши понятія о глазѣ“. Научно-популярная лекція д-ра Рейха. Тифлісь, 1880 г. Ц. 30 к., для учащихся 20 коп., „Естественная исторія по Бауману, Бесѣды о природѣ Зобова“, „Наши богатыри“, А. Погосскаго и „Рассказы изъ русской исторіи, Фурмана — допустить въ библиотеки городскихъ и народныхъ училищъ, а книгу „Какъ развивались наши понятія о глазѣ“. Рейха — допустить въ учительскія библиотеки городскихъ и народныхъ училищъ.

— Брошюру: „Біографія замъчательныхъ людей I. Джорджъ Вашингтонъ. Составилъ А. П. Мунтъ. Изъ журнала „Дѣтское Чтеніе“. Съ 8-ю рисунками. С.-Пб., 1880 г. Ц. 30 коп., — допустить въ библиотеки начальныхъ народныхъ училищъ.

— Книгу: „Какъ освободилась Русь изъ-подъ татарскаго ига въ 1480 году. М., 1880 г. Ц. 7 коп., — допустить въ библиотеки народныхъ училищъ.

— Составленную Д. Кайгородовимъ книгу: „О нашихъ перелетныхъ птицахъ“. Чтевіе для народа. С.-Пб., 1882 г. Ц. 20 коп., — призвать заслуживающе одобренія для ученическихъ библиотекъ низшихъ училищъ и для народныхъ чтевій (публичныхъ).

— Книгу: „Осмыслинія грамотность“. Практическій курсъ обучения грамотѣ. Руководство для родителей и учителей А. И. Николаева. Москва, 1882 г. Ц. 2 руб., — допустить въ учительскія библиотеки городскихъ и народныхъ училищъ.

— Книги: 1) „О лѣченіи дифтерита молокомъ“. Д-ра Карницкаго (безъ заглавнаго листа), 2) „Дифтеритъ и лѣченіе его домашними средствами“. Общедоступное изложеніе И. С. Евсѣнко. Киевъ, 1880 г. Ц. 30 коп., 3) „Вѣсыды о здоровыи и болѣзняхъ“. И. Борьба съ дифтеритомъ. Д-ра Капустина. С.-Пб., 1880 г. Ц. 25 коп., 4) „Сбереженіе здоровья“ (гигиена). Составлено для полковыхъ учебныхъ командъ, ротныхъ, эскадронныхъ и батарейныхъ школъ. С.-Пб., 1881 г. Ц. 10 коп. и 5) „Физическое развитіе въ школахъ“. Сост. П. Лесгафть. С.-Пб., 1880 г., — одобрить для библиотекъ городскихъ и народныхъ школъ.

ОФИЦІАЛЬНЫЯ ИЗВѢЩЕНІЯ.

— Государь Императоръ, по положенію комитета гг. министровъ, въ 13-й день сего августа Высочайше соизволилъ на перенесеніе срока засѣданій VII-го съѣзда русскихъ естествоиспытателей и врачей въ городѣ Одессѣ съ августа сего года, на тѣхъ же основаніяхъ, на августъ 1883 года.

Вслѣдствіе представлевій попечителя Варшавскаго учебнаго округа отъ 5-го мая и 3-го сентября сего года за №№ 5146 и 9112, министерство народнаго просвѣщенія предложеніями отъ 6-го іюня и 14-го сентября сего года за №№ 6754 и 10834 утвердило, стъ ограж-

девицъ правъ третьихъ лицъ, отказы: 1) Иоанны Францовой Пржилусской и совершеннолѣтней дѣвицы Бениты Францовой Савицкой по дарственному акту, въ суммѣ 3,000 руб., въ закладныхъ листахъ города Варшавы, на учрежденіе стипендій для одного изъ слѣпыхъ мужскаго или женскаго пола воспитывающагося въ Варшавскомъ институтѣ глухонѣмыхъ и слѣпыхъ и 2) Либераты Кохановской по духовному завѣщанію отъ 4-го марта 1882 года—3,000 руб. въ пользу начального училища въ Венгленинѣ, Къленцкой губерніи и 4,000 р. на стипендіи имени Казимира Быстржановскаго для учениковъ пяти низшихъ классовъ реальныхъ школъ, римско-католического исповѣданія, дворянскаго происхожденія, по преимуществу изъ семьи Быстржановскихъ, Кохановскихъ и Радоминскихъ:

— Г. министръ народнаго просвѣщенія разрѣшилъ: 1) открыть при III классѣ Слуцкой гимназіи, съ начала нынѣшняго 1882—1883 учебнаго года, параллельное отдѣленіе съ платою за ученіе по 40 р. въ годъ съ каждого ученика и съ отнесеніемъ расхода по содержанію означенной параллели на специальные средства названной гимназіи; 2) закрыть параллельный отдѣленія при II и V классахъ Новгород-свѣрской гимназіи и открыть, взамѣнъ оныхъ, съ начала 1882—1883 учебнаго года, таковыя же отдѣленія при III и VI классахъ названной гимназіи.

— 31-го минувшаго августа открыта въ г. Биркенрубе, близъ Венденъ, Лифляндской губерніи, гимназія Императора Александра II, въ которую припято 99 учениковъ.

— По донесенію начальства Харьковскаго учебнаго округа 15-го августа сего года посыпало открытие Изюмскаго реального училища, въ составѣ двухъ первыхъ классовъ, изъ коихъ въ I-й классъ привято 30, а во II-й классъ—19 учениковъ.

ЗАНЯТИЕ РУССКИМИ СИБИРИ.

(Речь, читанная на актѣ Императорскаго Историко-Филологическаго Института
3-го июня 1882 года).

Триста лѣтъ тому назадъ Русскіе утвердились въ долинѣ великой рѣки Оби, завоевали находившееся здѣсь Сибирское царство. Это уѣковѣчное напіимъ народомъ въ его историческихъ пѣсняхъ завоеваніе велѣумнаго вождя Ермака Тимофеевича и его товарищѣ, ставившихъ себѣ бессмертную славу, является событиемъ знаменательнымъ по своему послѣдствіямъ и находится въ тѣсной связи съ колонизаціоннымъ движениемъ Русскихъ на сѣверъ и востокъ великой европейской равнины.

Сибирь, какъ географическое имя, впервые упоминается въ нашихъ источникахъ во второй половинѣ XV вѣка, но задолго до появленія этого имени Русскіе открыли путь къ Уральскимъ горамъ, а затѣмъ проложили путь и черезъ эти горы, изъ области р. Печоры въ область р. Оби. Еще въ XI вѣкѣ дошелъ до Уральскихъ горъ слуга (отрокъ) Новгородца Гюраты Роговича; а въ 1364 году Новгородцы совершили походъ на Обь¹).

Объ этой рѣкѣ они могли слышать отъ Югричей, обитавшихъ на крайнемъ сѣверо-востокѣ Европы и платившихъ Великому Новгороду

¹) О происхожденіи имени Сибирь см. «Описаніе Сибирскаго царства», Г. Ф. Миллера. С.-Пб. 1750 г., стр. 48, стр. 70. Лѣтописецъ, отъ 6360—7106 г., И. 1781 г. (Арханг. лѣт.), стр. 161, 6991 г. (1483 г.) упоминается Сибирь. «Истор.-геогр. изв. Герберштейна», Ж. М. Н. Ир., 1879 г., ноябрь, стр. 12.

дань мѣхами и серебромъ. Серебро это они получали или съ Урала, или изъ Сибири, точно такъ, какъ и то серебро, которое великий князь Московскій Иванъ Даниловичъ требовалъ отъ Новгородцевъ и называлъ Закамскимъ и которое въ одномъ изъ списковъ нашей атласы называется Закаменскимъ, то-есть, получаемымъ изъ-за Урала¹⁾.

Замѣчательно, что не только на склонахъ этого хребта, но и въ горахъ Сибири, находить во множествѣ слѣды древнихъ рудныхъ работъ, известныхъ подъ общимъ названіемъ Чудскихъ коней, по которымъ открыты были многія руды и на Уралѣ, и на Алтаѣ, и въ горахъ Нерчинскихъ. Эти работы, какъ полагаютъ, принадлежали племени, незнакомому съ употреблениемъ желѣза и добывавшему руду на поверхности съ помощью орудій, сдѣланныхъ или изъ камни, изъ кото-рого складывались плавильные горны, или изъ мѣди. Племя это, хорошо знавшее рудные местонахожденія въ Сибири, было, вѣро-ятно, или истреблено, или изгнано отсюда задолго до покоренія ея Русскими²⁾.

Съ того времени, какъ земли Великаго Новгорода, находившихся на сѣверѣ восточно-европейской равнинѣ, стали зависѣть отъ Москвы, она также, какъ и Новгородъ, стремилась къ тому, чтобы расширить и упрочить русское владычество на дальнемъ сѣверо-востокѣ, и въ 1483 году великий князь Иванъ Васильевичъ послалъ на Богульского князя Асыку въ Югру и на великую реку Обь войско, подъ начальствомъ князя Феодора Курбского Чернаго и Ивана Ивановича Салтыка Травина. Они перешли Уральскій хребетъ и по рекѣ Тавдѣ, изливающейся въ Тоболь — притокъ Иртыша, достигли Сибирской

¹⁾ П. С. Р. Л., III (Новг. 1), 21, 76; V (Соф. 1), 169, 220; VII (Воскр.), 203; Никон., II, 269, III, 160; Ист. гос. Росс. Кардамизина, VI, стр. 140: въ XV в. Русские, вѣроятно, перестали получать драгоценные металлы изъ Сибири, «бо въ атласахъ и въ договорахъ XV вѣка уже нетъ ни слова о серебрѣ Закамскомъ».

²⁾ Сибирский Вѣстникъ, изд. Гр. Спасскимъ, 1819 г., ч. 7: «О Чудскихъ копяхъ въ Сибири», стр. 124, 129, 135 — 136, 140. «О курганныхъ раскопкахъ въ Нерчинскомъ округѣ — Палуцико», см. «Отчетъ о дѣйствіяхъ Сибирскаго отдѣла Импер. Русск. Геогр. Общ. за 1866 г.» сост. А. Ф. Усольцевъ, напеч. въ Извѣстіяхъ Импер. Русск. Геогр. Общ. за 1867 г., т. III, отд. 2 стр. 42 и сл. Рефератъ В. В. Радлова «о Сибирскихъ курганахъ», напеч. въ Извѣстіяхъ 4-ю археологическаго съезда въ Казани, 1877 г., № 7, стр. 101—102. «Заслуживаются ли и въ какой мѣрѣ заслуживаютъ научного изслѣдованія сибирскіе курганы вообще, и тобольскіе въ особенности?», напеч. въ Тобольскихъ туберн. отомостяхъ, 1878 г. №№ 39, 40, 41, 44, 46, 47.

земли, взяли здесь много добра и полону, а отъ Сибири шли по Иртышу внизъ, а затѣмъ на Обь, въ Югорскую землю. Вѣроятно, по требованію русскихъ воеводъ, князья Богульскіе и Югорскіе, и вмѣстѣ съ ними и Сибирскій князь Лятикъ, отправились въ Москву. Они прибыли сюда весною 1484 года, и великий князь—замѣчаетъ лѣтописецъ—“за себя ихъ привезъ, и дань на нихъ уложилъ”, затѣмъ пожаловалъ, отпустилъ ихъ во свояси. Долго ли платили новую дань князья Югорской земли—мы не знаемъ, но вѣроятно, нарушеніе съ ихъ стороны требованій великаго князя побудило его въ 1499 году вновь отправить на Югорскую землю войско, подъ начальствомъ кн. Петра Ушатаго. И этотъ походъ былъ удачелъ: изъ области Печорской Русскіе проникли въ область рѣки Оби и повсюду обитавшихъ здесь инородцевъ¹⁾). Но какихъ либо другихъ существенныхъ послѣдствій этотъ походъ не имѣлъ, и русское колонизаціонное движение проникло въ долину великой рѣки Оби только въ концѣ XVI в. не изъ области Печорской, которая могла привлекать только русскихъ промышленниковъ, а изъ области при-Камской, послѣ того, какъ здесь упрочилось русское населеніе, занимавшееся и весьма выгодными промыслами, и земледѣліемъ. Колонизація этого богатаго края не мало содѣйствовала разумная и энергическая дѣятельность Строгановыхъ.

По членитству Григорія Аникіева Строганова, въ 1558 году апрѣля 4-го была дана ему царемъ Иваномъ Васильевичемъ жалованная грамота на владѣніе тѣми ли въ писцовыхъ книгахъ, ли въ купчихъ, ли въ правежныхъ не написанныхъ, пустыхъ иѣстами, лѣсами черными, рѣчками и озерами дикими, островами и поемными лугами (наволоками), которые лежали по обѣимъ сторонамъ рѣки Камы, въ 88 верстахъ отъ Великой Шерми, отъ устьевъ рѣчки Лысы до устья Чусовой и занимали пространство въ длину около 150 верстъ. Новому владѣльцу этихъ пустыхъ иѣстъ велѣло быть поставить городокъ, гдѣ бы было крѣпко и усторожливо, учинить на немъ пушки и пищали, для береженія отъ Нагайской и другихъ ордъ, и эта обязанность давала ему слѣдующія права: право рубить лѣсъ, пашни пахать, дворы ставить, призывать нетяглыхъ людей, которые освобождались отъ всякихъ податей и оброковъ; съ людьми, которые приѣдутъ въ новый городъ, вести торговлю безпошлино, по рѣкамъ и озерамъ

¹⁾ Лѣтописецъ отъ 6360 до 7106 г., М. 1781 г. (Арханг. лѣт., стр. 160—161 «Истор.-геогр. извѣстія Герберштейна», Журн. Мин. Нар. Пр., 1879 г., майбр., стр. 4 и сл.).

рыбу ловить бозобочно; гдѣ будеть найденъ разсолъ, ставить варницы и соль варить; но гдѣ найдутъ руду серебренную или мѣдпую, или оловянную, тогчась обѣ этомъ писать въ Москву къ царскимъ казначеямъ, а самому Григорію Строганову разрабатывать имъ найденыя руды было запрещено. Ему же было даровано право во всемъ судить своихъ слобожанъ.

Въ 1568 году тѣ же права и льготы, которыя были пожалованы Григорію Строганову въ 1558 году, были даны на десять лѣтъ и брату его Якову на земли отъ устья Чусовой внизъ по Камѣ до Ласвинского бору, всего на 20 верстъ, и этими пожалованіями Строгановы съумѣли искусно воспользоваться¹⁾. Около 1578 г., слѣдовательно, всего только черезъ двадцать лѣтъ послѣ первой жалованной грамоты Строгановыхъ, на земляхъ, имъ пожалованныхъ, возникли слѣдующіе городки: Канкоръ, Кергеданъ, называвшійся также слободою Орель; слободы съ острогами: Ява, Чусовая и Сылва. Въ слободѣ Орель было 90 дворовъ крестьянскихъ, и къ ней тянули 8 деревни; къ остальнымъ тремъ поманутымъ слободамъ тянуло 8 деревень, 24 починка, и въ нихъ было 113 дворовъ крестьянскихъ²⁾.

¹⁾ Миллеръ, стр. 76—80, жалованная грамота Григорію Аникиеву Строганову, 1558 г. апреля 4-го; стр. 80—84, жалованная грамота Якову Аникиеву Строганову, 1568 г. марта 25-го (она же напеч. въ Доп. къ А. И., I, № 119, стр. 172—175). Автограф Сибирская, С.-Пб. 1821 г., стр. 3—4, 6—7. «Именитые люди Строгановыхъ», С.-Пб. 1842 г., стр. 33—35, 36. «Материалы для геогр. и статистики Россіи», Пермская губ., сост. Х. Мозалевъ, ч. I, С.-Пб. 1861 г., стр. 12: первыя русскія поселенія на Камѣ, на владающей въ нее рч. Усольѣ, относятся къ 1430 году. Сл. насел. жѣль, Пермская губ., сост. Н. Шишмаревъ, С.-Пб. 1875 г., стр. CLX: р. Імыса, правый притокъ Камы, въ Оханскомъ уѣздѣ.

²⁾ Свѣдѣнія эти заимствованы изъ жалованной грамоты 25-го июля 1692 г., напеч. Устроилоомъ. Именитые люди Строгановы, С.-Пб. 1842 г., стр. 37—41. Миллеръ, стр. 92, пр. 2. Автограф Сибирская, С.-Пб. 1821 г., стр. 3—9. Извѣстія о Строгановыхъ находятся также въ Соликамскомъ автографѣ: 1563 г. «По указу великаго государя одано именитому человѣку Григорию Строганову крестьянѣ Соликамскихъ, Обвинскихъ и Косынскихъ 2322 двора во владѣніе»; 1564 г., «Максимъ Строгановъ началъ строить, по царской грамотѣ, на Камѣ рѣкѣ городъ въ Орѣ и искалъ соляныхъ шахъ»; 1570 г., онъ же построилъ монастырь Преображенскій на Пыскорѣ. «Путешествіе въ города Чердынь и Соликамскъ», Василий Берхъ, С.-Пб. 1821 г., стр. 203—204. Гор. Канкоръ, «на Пыскорскомъ мысу», и гор. Коргеданъ, «на Оровскомъ наполокѣ», упоминаются въ грамотѣ Аникию Строганову 1566 г. (?) августа 16-го. Доп. къ А. И., I, № 118, стр. 172. Пермскій сборникъ, кн. I, М. 1859 г., «Краткій историческій очеркъ»

Значительныя льготы, данные Строгановыми, сооствтвовали важнымъ, почетнымъ обязанностямъ, которыя они должны были принять на себя, и тѣмъ самымъ еще болѣе упрочить свои отношенія къ московскому правительству. Эти обязанности вызывались необходи-
мостью защищать новыхъ поселенцевъ въ при-Камскомъ краѣ отъ нападеній со стороны сосѣднихъ инородцевъ, какъ тѣхъ, которые признали себя даниками царя Московскаго, такъ и тѣхъ, которые считали себя независимыми, и такъ какъ московское правительство пуждалось въ средствахъ для защиты государственной границы, имѣвшей столь значительное протяженіе, то повинъ владѣтелямъ при-Камской области и были даваемы порученія, которыя приравнивали положеніе ихъ къ положенію полуунезависимыхъ удѣльныхъ князей татарской эпохи. Такъ, когда узнали въ Москвѣ о томъ, что лѣтомъ 1572 года Черемисы, Остяки, Башкиры и Буинцы (?) приходили воиномъ на Каму, то къ Строгановымъ отъ имени царя была отправлена грамота, въ которой имъ предписывалось жить съ великими береженемъ, и выбравъ голову доброго, собрать стрѣльцовъ и охопчихъ казаковъ, сколько приберется, со всякимъ оружіемъ, да Остяковъ и Богуличъ, оставшихся вѣрными присягѣ, написать всѣ имена ихъ въ списокъ, который слѣдовало отослать въ приказъ Казанскаго дворца, и отправить ихъ всѣхъ воиномъ на измѣнниковъ¹⁾.

На безопасность Строгановскихъ владѣй московское правительство обращало вниманіе также и потому, что черезъ эти владѣнія шель путь изъ Перми въ Казань и изъ Москвы въ Сибирь, и въ первой же жалованной грамотѣ Григорію Строганову упоминалось о томъ, что въ новомъ городкѣ, который онъ построилъ, торговые люди должны держать хлѣбъ, и соль, и "всѧкой запасъ", и посламъ, и про-

заселенії і цивілізації Пермського края» Александра Крученіна, стр. 15: Остатки городковъ, основанныхъ Строгановыми по слѣдѣ 1568 г.: «и теперъ еще сохранились и нынѣ известны подъ именемъ Чусовскихъ городковъ». Сп. насел. мѣстъ, Пермская губ., сост. Н. Штильцица, С.-Пб. 1875 г., стр. CLVIII: земли, покорявавшіе Строгановы въ 1568 г., были не обитаемы. «При этомъ рождается вопросъ: куда же дѣвались тѣ инородцы, которые оставили по себѣ разные древніе памятники? По всей видимости, Чудь этихъ мѣстъ, устрашенная появлениемъ Русскихъ, отодвинулась къ Уральскому хребту, въ мѣста болѣе глухія и необитаемы».

¹⁾ Доп. къ А. И., I, № 120, 1572 г. августа 6-го, стр. 175—176; эта же грамота была напечатана у Миллера, стр. 85—86.

ъжнимъ людемъ должны продавать кормъ по тѣмъ самыи цѣнамъ, по какимъ покупаютъ и продаютъ сами жители этого городка.

Этимъ требованіемъ опредѣляется то государственное значеніе, какое получили путь изъ Москвы въ Сибирь, вѣроатно, съ того времени, когда Сибирскій князь Едигеръ призналъ себѣ даниникомъ цара Ивана Васильевича. Послы Едигера явились въ Москву въ январѣ 1555 г., и поздравивъ царя со взятиемъ царствъ Казанскаго и Астраханскаго, били ему челомъ отъ имени своего князя и всей Сибирской земли, чтобы царь Иванъ Васильевичъ икъ князя и всю землю Сибирскую взялъ на свое имя, защищалъ отъ всѣхъ непріятелей и наложилъ на нее дань, за сборомъ которой присыпалъ бы своего человека. Царь помаловатъ пословъ, взялъ ихъ князя и всю землю Сибирскую „въ свою волю и подъ свою руку“*. Послы сказали, что черныхъ людей въ Сибирской землѣ 80,700 человѣкъ, и царь наложилъ на нихъ дань: въ годъ по тысячѣ соболей, да посланику царскому, который пріѣдетъ по дань, тысячу бѣлокъ. Съ послами Сибирскаго князя царь отправилъ къ нему и своего послана Димитрия Непѣцкага, которому велѣлъ привести къ присягѣ всю землю Сибирскую, переписать черныхъ людей и взять съ нихъ всю дань сполна¹).

Такъ совершилось это мирное, добровольное присоединеніе къ Московскому государству небольшой области, лежавшей по течению рекъ Тура, Тобола и Иртыша и носявшей въ то время название Сибирской земли²). Въ этомъ явленіи сказалась та существенная пе-ремѣна, которая произошла въ отношеніяхъ Московского государства

¹⁾ Никон. лѣт., VII, 228. Послы Сибирскіе—сообщаетъ лѣтописецъ—добили чезомъ о дани «и правду за князя и за всю землю свою дали на томъ, что ить давати государю со всімако чернаго человѣка по соболю да по бѣлкѣ съ человѣка по Сибирской, а черныхъ людей у себя сказали 30 тысячи семисотъ человѣкъ». Но въ той же лѣтописи, стр. 291, находится слѣдующее свидѣтельство подъ 1557 г.: «привезли дань Сибирскіе земли сполна тысячу соболей, да дорожской пошлины сто да шесть соболей за бѣлку», и это свидѣтельство должно считать вѣрнымъ, такъ какъ въ «Выпискѣ изъ старинной государственной книги, Титуларникомъ названной», напеч. въ Собр. госуд. гр. и дог., II, № 45, стр. 63 и сл., 1571 г., упоминается о томъ, что Кучумъ просилъ цара итидань со всей Сибирской земли по прежнему, и царь на него дань положилъ, «на годъ по тысячѣ соболей, да посланику государскому, которой по дань пріѣдетъ, тысячу бѣлокъ». Въ малованной грамотѣ царя Феодора Ивановича, 1597 г., упоминается о томъ, что Сибирская земля уже платила дань великому князю Василию Ивановичу. Собр. гос. гр. и дог., II, № 68, стр. 192 сл.; Арцыбышевъ, II, 231.

²⁾ Миллеръ, стр. 53—54.

къ государствамъ восточнымъ со временемъ паденія Казанскаго царства, этого въ XVI вѣкѣ крѣпчайшаго оплota Татаръ на востокѣ Европы. Съ этого именно времени независимые владѣтели татарскихъ ордъ, легко преклонявшиеся передъ всякою новою силою, сѣйшили заручиться дружбою и покровительствомъ Московскаго царя. Нагайсіе мурзы въ 1553 году били членъ государю, чтобы онъ пожаловалъ, обронилъ ихъ отъ Янгурчая, царя Астраханскаго, и на его мѣсто посадилъ Дербыша. Послы царя Хивинскаго, прибывши въ Москву въ октябрѣ 1558 г., били членъ о томъ, чтобы царь Иванъ Васильевичъ велѣлъ дать дорогу гостямъ; о томъ же просили его и послы царя Бухарскаго и Самаркандскаго. И Сибирскій князь Едигерь не могъ оставаться спокойнымъ зрителемъ новыхъ отношеній па востокѣ: отъ хановъ Казанскихъ нѣкогда зависѣла и Сибирская земля ¹⁾, и потому, послѣ паденія Казанскаго царства, па нее могъ простирасть свои виды и царь Московскій. Сила была на его сторонѣ, а понятія о союзѣ, въ особенности о равноправіи отношеній между сильнымъ и слабымъ, были совершенно чужды государямъ азиатскаго востока.

Димитрій Непѣцынъ, посланный для приведенія къ присягѣ людей Сибирской земли, возвратился въ Москву въ ноябрѣ 1556 г. Съ ними пріѣхалъ и посолъ отъ Сибирскаго князя Едигера Боянда и привезъ царю дань, но не всю сполна, всего 700 соболей, а по договору Сибирская земля должна была платить ежегодно тысячу соболей, да по-сланнику царскому, который пріѣдетъ за данью, тысячу бѣлокъ. Правда, князь Едигерь писалъ царю, что землю Сибирскую воевалъ царевичъ Шибанскій и многихъ людей увелѣ въ плѣнъ; но, по свидѣтельству Непѣцына, могла быть собрана и вся дань, которую должна была платить Сибирь. Тогда царь Иванъ Васильевичъ положилъ онагу па сибирскаго посла, велѣлъ взять на себя все его имущество, а самого посадить подъ стражу, въ Сибирь же послать служилыхъ Татаръ, „Девлетъ Хосю“ и „Собаню Рязановыхъ“, съ увѣща-тельной грамотой о томъ, чтобы люди Сибирской земли исправились, и это требование было исполнено. Посланые въ Сибирь служилые Татары возвратились въ сентябрѣ 1557 года въ Москву, и съ ними пріѣхалъ посланникъ Едигера Истемиръ съ товарищами, которые привезли дань сполна. Они привезли также и грамоту шертную съ печатью, то-есть, ту грамоту, по которой князь Сибирскій шертовалъ,

¹⁾ Никол. лѣт., VII, 208; Карадзинъ, VIII, пр. 415; Миллеръ, 47.

приносить присягу, „учинилъ“, по выражению лѣтописца, „въ холопствѣ“ и обавался ежегодно платить дань. Тогда царь Иванъ Васильевичъ велѣлъ выпустить Боянду, велѣлъ ему видѣть свои очи и пожаловать, отпустилъ его въ Сибирь¹⁾.

Послѣ смерти Едигера воинами Кучумъ, и вѣроятно, къ началу его царствованія относится дошедшія до насъ свѣдѣнія о спошніяхъ его съ царемъ Иваномъ Васильевичемъ 1571—1572 годовъ. Съ гонцомъ Аисомъ царь отправилъ къ Кучуму грамоту, въ которой, именуя себя царемъ всѧ Сибирскія земли, напоминалъ о томъ, что Едигеръ платилъ ему дань. Кучумъ не замедлилъ отвѣтить и отправилъ въ Москву послы Таймаса и Аису. Они повезли съ собою сибирскую дань въ тысячу соболей и грамоту, въ которой Кучумъ просилъ, чтобы царь взялъ его въ свои руки и ималъ давъ по прежнему.

По прибытіи въ Москву, Кучумовы посланцы исполнили возложенное на нихъ порученіе, привнесли присягу за государя своего и всѣхъ его лучшихъ людей и за всю Сибирскую землю, но къ шертной (присяжной) записи не могли приложить ни печатей, ни руку своихъ, потому что ни читать, ни писать не умѣли. Съ этой записью царь отправилъ къ Кучуму сына боярскаго Третьяка Чабукова, который и привезъ его къ присягѣ и его шертную грамоту привезъ въ Москву. На этой грамотѣ находились печати — Кучумова и его лучшихъ людей²⁾.

Но присяга Кучума, которому преданіе приписываетъ введеніе магометанства въ Сибирской землѣ, не могла удержать его отъ враждебныхъ дѣйствій противъ Россіи. Въ 1573 году Маметкуль (по одпимъ источникамъ — сынъ Кучума, по другимъ — его братъ) побилъ платившихъ дань царю Остяковъ, подорвалъ ихъ женъ и дѣтей, побилъ также посланника Третьяка Чабукова и Ѳхавшихъ съ нимъ служилыхъ Татаръ. По узнавъ отъ русскихъ пѣнныхъ о томъ, что русскіе ратные люди собирались въ Чусовскіе городки, за 5 верстъ до нихъ остановился и отправился въ обратный путь³⁾.

¹⁾ Никон. лѣт., VII, стр. 274—275, 291; Собр. гос. гр. и дог., II, № 45, стр. 63 и сл.; Книга стечениная, ч. II, М. 1775 г., стр. 17 га. 21, стр. 288.

²⁾ Собр. гос. гр. и дог., II, № 45, стр. 63 и сл.; Миллеръ, 50. По преданію, Кучумъ былъ сынъ Бухарскаго хана.

³⁾ Лѣтопись Сибирская, 1821 г., стр. 10; Миллеръ, 54, 113: въ лѣтописцахъ Сибирскихъ Маметкуль называется сыномъ хана Кучума. Но въ жалованной грамотѣ Строгановыемъ, 1576 г. мая 30-го, онъ названъ братомъ Кучума, см. стр. 87.

Это нападение должно было побудить Строгановыхъ къ принятию рѣшительныхъ мѣръ противъ дальнѣйшихъ нападеній со стороны Кучума, и раньше или позже къ такимъ же мѣрамъ обратилось бы и московское правительство, такъ какъ-то, конечно, не оставило бы безнаказанными дѣйствія Кучума, не дозволило бы ему сбирать дань съ Остяковъ Тахчеевыхъ, желавшихъ платить дань не ему, а Русскому государю. Занятый дѣлами на Западѣ, послѣ паденія Казани сосредоточивая по преимуществу на этихъ дѣлахъ свое вниманіе, въ особенности послѣ смерти польского короля Сигизмунда-Августа, когда выборъ нового короля въ Польшѣ долженъ былъ имѣть столь значительное вліяніе на дальнѣйшій ходъ Ливонской войны, царь Иванъ Васильевичъ рѣшилъ предоставить Строгановыимъ исполнить то, чего требовали ясно понимаемые имъ интересы Московскаго государства, и не поскупился на новый щедрыи пожалованія владѣтелямъ Камскихъ земель, съумѣвшимъ пріобрѣсти и поддержать его довѣріе.

По дарованной въ 1574 г. мая 30-го жалованной грамотѣ Якову и Григорію Аникѣевымъ дѣтямъ, Строгановыимъ дозволено было на Тахчѣи и па Тоболѣ строить крѣпости, имѣть огнепитный снарядъ, пушкари, пищальниковъ и сторожей отъ Сибирскихъ и Нагайскихъ людей держать, и около крѣпостей у жѣлезного проиысла, у рыбныхъ ловель и у пашень, по обѣ стороны рѣки Тобола и по окрестнымъ рѣкамъ и озерамъ, дворы ставить, лѣсь сѣчь, пашни пахать и угodyами владѣть, людей петягихъ призывать, по только не бѣглыхъ, ни татей, ни разбойниковъ. Всельники на этихъ земляхъ юго-западной Сибири ослобождались отъ всякой службы и всякихъ повинностей. Не только на Тоболѣ, но и на Иртышѣ, и на Оби и на иныхъ рѣкахъ, дозволено было строить крѣпости, вездѣ въ предѣлахъ Сибирской земли, гдѣ понадобится для береженія, и ратные люди, которые будутъ водворены въ этихъ крѣпостяхъ могли рыбу и звѣра ловить безоброцко. Всѣ эти пожалованія, имѣвшія силу на двадцать лѣтъ, налагали важную обязанность оберегать инородцевъ и русскихъ всельниковъ отъ нападенія со стороны ратныхъ людей Кучума, и

Въ грамотѣ 1597 г., напеч. въ Собр. год. гр. и дог., II, № 68, упоминается Кучумовъ племянникъ Магистъ Куль царевичъ. Любопытно слѣдующее извѣстіе въ Соликамскомъ автографѣ, 1572 г., «ходилъ воевать царя Кучума князь Леонастъ Лыченицынъ, точію безъ удачи; потерявъ много народа, всѣ пушки и зелье». «Путешествіе въ гг. Чордынь и Соликамскъ» Василия Берха, С.-Пб. 1821 г., стр. 204.

мало того, Строгановы были обязаны вести съ нимъ войну наступательную, посыпать на него охочихъ людей, Остяковъ, Богуличей, Югричей и Самоѣдовъ съ наемными казаками и нарядомъ, имать въ плѣнъ Сибирцевъ и приводить ихъ въ дань за царя¹⁾).

По получениіи этой грамоты, Строгановы были необходимо воспользоваться, по возможности скорѣе, вновь дарованными царемъ правами, воспользоваться не ради разчетовъ на какія-либо сомнительныя приобрѣтенія въ будущемъ, а для огражденія своихъ ближайшихъ интересовъ, но Камская Украина не располагала такими военными средствами, которыхъ дозволили бы осуществить предпрѣзенный ходомъ событий походъ русской рати въ Сибирь съ цѣлью завоеванія Кучумова царства, и потому приходилось, по певоль, ожидать благопріятнаго случая, искать этихъ средствъ за предѣлами Строгановскихъ владѣній.

Въ 1579 г. Семенъ, Максимъ и Никита Строгановы, услышавъ отъ достовѣрныхъ людей о томъ, что волжскіе казаки съ атаманомъ Ермакомъ Тимофеевичемъ и его товарищами побиваются Нагайцевъ на волжскихъ перевозахъ, отправили къ нимъ посланцевъ со многими дарами и грамотою, въ которой просили прославившихъ свою храбростію казаковъ прибыть въ Чусовскіе городки и острожки на помощь. Казаки обрадовались этому предложению, и Ермакъ Тимофеевъ и его товарищи Иванъ Кольцо, Яковъ Михайловъ, Никита Панъ, Матвѣй Мещерякъ, «съ единомыслиемъ и предоброю» дружиной, состоявшую изъ 540 человѣкъ, отправились къ Строгановымъ и прибыли къ нимъ 28-го июня. Строгановы съ честію приняли казаковъ и поселили ихъ въ своей вотчицѣ. Здѣсь они и пребывали два года и два мѣсяца, на стражѣ противъ хищническихъ набѣговъ инородческихъ племенъ. Когда ногульскій мурза Бегбелій Агтаковъ съ Богуличами и Остаками, число которыхъ простипалось до 680 человѣкъ, неожиданно подошелъ къ Чусовскимъ городкамъ, 22-го июля 1581 г., пожегъ окрестныя села и деревни и захватилъ въ плѣнъ многихъ людей, то противъ него выступили изъ этихъ городковъ ратные люди и одержали надъ нимъ побѣду, многихъ взяли въ плѣнъ, и въ томъ числѣ самого мурзу Бегбелія Агтакова.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ этого неудачнаго нападенія Во-

¹⁾ Лѣтопись Сибирская, С.-Пб. 1821 г., стр. 9—13. Стр. 10, 1573 г., «а Яковъ и Григорѣй за Сибирскою ратью (Маметкула), безъ укиза государева, своимъ наемныхъ казаковъ послать не посыпли». Миллеръ, стр. 87—90.

головъ Строгановы сочли наконецъ возможнымъ осуществить то, чтд уже давно было ими задумано, и 1-го сентября 1581 г. Ермакъ Тимофеевичъ выступилъ въ дальній походъ противъ непокорного Кучума съ войскомъ, которое вотчинники камскіе снабдили пушками, пищалями и провіантомъ. Оно состояло изъ 540 казаковъ и 300 ратныхъ людей изъ Чусовскихъ городковъ, и въ числѣ этихъ ратниковъ были не только Русские, но и Литовцы, и Нѣмцы, и Татары; съ ними были и проводники, знающие Сибирскій путь, и толмачи, всего 840 человѣкъ¹⁾.

Войско отправилось вверхъ по р. Чусовой, затѣмъ по р. Серебреной достигнувъ волока, который отдѣлялъ воды двухъ великихъ рѣчныхъ системъ Камской и Обской, поставило городокъ при устьѣ небольшой рѣчки Кокуя, названный Ермакомъ Кокуемъ городкомъ, переправилось черезъ этотъ волокъ и поплыло по рр. Жаравлѣ, Баранчѣ, Тагилу и Турѣ, на берегахъ которой начинались необыкновенные владѣнія Сибирскаго царя, простиравшіяся далѣе на востокъ по Тоболу и пизовьямъ Иртыша²⁾.

На берегахъ Туры Ермакова дружина повоевала много татарскихъ селеній, взяла городокъ Цяиги или Тюмень, и первыя вѣсти о столкновеніяхъ Русскихъ съ Татарами сильно опечалили Кучума. Ружья, которыми были вооружены русскіе ратники, казались Кучумовымъ Татарамъ необыкновенными луками, изъ которыхъ во время стрѣльбы исходитъ огонь и дымъ и раздается громъ, подобный небесному, а между тѣмъ, стрѣлы, павосающей смертельную рану и пробивающей и татарскіе кулики и бахтерцы, и папцыри, и колчуги,—не видно. Не смотря однако на недоброя вѣсти, Кучумъ не терялъ бодрости и готовился къ дѣятельной оборонѣ. Свою столицу Сибирь и другіе ему подвластные города велико укрѣпить рвомъ, на берегу Иртыша заѣчь дороги, на устьѣ Тобола поставилъ крѣпкій карауль и отпра-

¹⁾ Литопись Сибирская, 1821 г. стр., 13—18. Критическія замѣтки о Сибирскихъ літописахъ см. въ Исторіѣ Россіи, С. М. Соловьевъ, т. VI, М. 1856 г., стр. XVI—XXVI, «Замѣтки относительно завоеванія Сибири»; «Хронологическія справки по поводу трехсотѣтней годовщины присоединенія Сибири къ Русской державѣ», Л. Майкова, Ж. М. И. Пр., 1881 г., № 9.

²⁾ Р. Жаравля—притокъ р. Баранчи (длина теченія 65 вер.), впадающей съ западной стороны въ р. Тагиль (длина теченія, по однѣмъ 320 вер., по другимъ—222 вер.). Р. Тагиль—притокъ р. Туры, впадающей въ р. Тоболъ. Мильер, 106, 104—108; Stuckenberg, Hydrographie d. Russ. Reiches, II, 436, 434; Лѣт. Сиб., 1821 г., 18—19; Лѣт. Кунгурск., 1880 г., стр. 5, ст. 11.

виль противъ Ермака Татаръ, Остяковъ и Богуличей, подъ начальствомъ Маметкула. Близь Бабасанскихъ юртъ, на р. Тоболѣ, это войско въ продолженіе пѣсколькихъ дней вступало въ ожесточенные бои съ дружиной Ермака, но наконецъ должно было уступить. Сохранилось преданіе о томъ, что въ это именно время русскимъ ратникамъ явился св. Николай Чудотворецъ и ободрилъ ихъ мужественно сражаться¹⁾.

Послѣ этой побѣды русскіе ратники отправились далѣе по р. Тоболу, взяли Карабинскій улусъ и поплыли по р. Пртышу²⁾. Здѣсь Кучумово войско снова пыталось остановить движеніе Ермаковой дружины, но во время нападенія потерпѣло значительный уронъ и обратилось въ бѣгство. Русскихъ, убитыхъ въ этомъ бою, замѣчаетъ лѣтопись,—было мало, но за то каждый изъ оставшихся въ живыхъ былъ уязвленъ. Взять затѣмъ городокъ мурзы Атика, русскіе ратники сложили въ этомъ городкѣ все, что находилось на ихъ судахъ, и стали готовиться къ новому бою, который долженствовалъ быть решительнымъ, такъ какъ близь этого городка собирались всѣ ратные силы Кучума. Тогда—рассказываетъ одна изъ достовѣрѣйшихъ сибирскихъ лѣтописей—страхъ напалъ на русскихъ воиновъ, и они собрались на совѣтъ, учисили кругъ. Одни полагали, что лучше оставить городокъ Атика и двинуться въ отходъ; но другіе твердо стояли на томъ, чтобы не избѣгать предстоящаго боя, указывали на неудобное для отступленія время позднею осенюю, когда на рѣкахъ уже появился ледъ, самое отступленіе называли бѣгствомъ и увицевали своихъ сотоварищѣй не полагать на себя худой славы и укоризны, но возложить упованіе на Бога. Это мнѣніе взяло верхъ, и атаманы, и казаки всѣ единодушно положили умереть за святыя Божія церкви, за истинную православную вѣру пострадать и благочестивому госу-

¹⁾ Лѣт. Сиб., 1821 г., стр. 19, 26—31; Лѣт. Кунг., 1880 г., стр. 5, ст. 15: «И августъ въ 1-й день взяша градъ Тюмень, еже Чынгыда»; стр. 10, ст. 40, стр. 11, ст. 43 («срѣтоша Ермака, іюля въ 21-й день, въ Бабасанахъ, на усть озера на Тоболѣ и бишаши 5 дній.»); Миллеръ, 106—108, 113—115.

²⁾ Лѣт. Сиб., 1821 г., стр. 32. Лѣт. Кунг., 1880 г., стр. 12, ст. 48 и 49: городъ Карабинъ былъ взятъ 1-го августа; стр. 15, ст. 58: «Ермаку же пребывающу въ Карабинскомъ городкѣ во исгданиемъ посты и съ дружиною сентября до 40 дней 7090 году и съ Воздвиженьемъ дни пустыншася по явленію на градъ Кучумовъ»; Миллеръ, стр. 116. Оз. Карабинское (Карабач-куль) находится на правой сторонѣ р. Тобола, въ 16 verstахъ отъ устья. Близъ этого озера и находился Карабинскій улусъ.

дарю царю и великому князю Ивану Васильевичу всея Руси послужить, постоять противъ поганыхъ твердо, до крови, до самой смерти. 23-го октября 1581 г. Русскіе выступили изъ городка Атика и пошли на приступъ къ засѣкѣ, за которую укрывались Кучумовы ратники. Они встрѣтили Русскихъ тучами стрѣль, пущенныхъ сверху засѣки и изъ бояницъ, и причинивъ осаждавшимъ не малый уронъ, пріободрились, разломали засѣку въ трехъ мѣстахъ и сдѣлали вылазку. Тогда начался ожесточенный, рукопашный бой. Маметкуль былъ раненъ и въ небольшой лодкѣ увезенъ за р. Иртышъ; Русскіе пробились къ засѣкѣ и водрузили на ней свои знамена. Кучумъ съ высокаго мѣста слѣдилъ за битвою, и замѣтывъ, что его войско начинаетъ уступать непріятелю, велѣлъ мулланъ громко читать молитвы. Но въ это время остыацкіе князья и ихъ люди обратились въ бѣгство, а вслѣдъ за ними и Кучумъ побѣжалъ въ свою столицу, захватить здѣсь вѣкоторыя изъ своихъ сокровищъ и навсегда ее покинуть. Ее занялъ Ермакъ и нашелъ здѣсь много цѣнной добычи: золото, серебро, павлочки золотые, драгоценные каменья, множество иѣховъ собольихъ, куньихъ и лисьихъ, и всю эту добычу русскіе ратники подѣлили между собою. Вскорѣ затѣмъ пришелъ къ Ермаку остыацкій князь и привезъ много даровъ и запасовъ, а за нимъ стали приходить въ Сибирь и ипогіе Татары съ женами и дѣтьми. Достойно—замѣчаетъ одинъ изъ составителей Сибирской хѣтописи— прославить Бога за дарованную Нимъ побѣду русскимъ воинамъ; на каждого изъ нихъ, во время войны, приходилось по 10, по 20 и по 30 ногайскихъ¹).

Послѣ занятія Сибири Ермакомъ Кучумъ, однако, не считалъ себя вполнѣ побѣженнымъ. Степь, простиравшаяся на югъ отъ Иртыша, давала Кучумовымъ Татарамъ безопасное убѣжище, и отсюда они могли тревожить малочисленную русскую дружину безпрерывными набѣгами. Въ концѣ 1581 г. царевичъ Маметкуль неожиданно напалъ на отрядъ казаковъ, занимавшихся рыбною ловлею близъ урочища Аболакъ (Лболакъ), и побилъ ихъ²). Узнавъ объ этомъ, Ермакъ не

¹) Лѣт. Сиб., 1821 г., 32—41; Лѣт. Кунг., 1880 г., ст. 16—17; Миллеръ, 124, 126; городъ Атика находится на мѣстѣ татарской деревни Заостровныхъ юрты. Сибирск. Лѣт. Еспкова, Сиб. Вѣсти., 1824 г., ч. I, стр. 136.

²) Это побоище происходило по Лѣт. Сибир. (изд. въ 1821 г.), стр. 41, декабря 5-го; по лѣт. Кунгурской (изд. въ 1880 г.) стр. 19, ноября 5-го; по лѣт. Еспкова, стр. 111, декабря 5-го (Сиб. Вѣсти., 1824 г., ч. 1); Миллеръ, стр. 138: ноября 5-го (оз. Аблакское находится близъ р. Иртыша).

замедлилъ выступить въ походъ противъ хищниковъ, настигъ ихъ близъ этого же урочища и обратилъ въ бѣгство.

Весною 1582 г. Маметкуль снова появился на р. Вагай. Здѣсь ночью напали на него казаки, взяли въ плѣнъ и привели въ Сибирь¹⁾.

Съ донесеніемъ о завоеваніи Сибирскаго царства, новой, благодатной земли, по выражению одного изъ составителей Сибирской лѣтописи, Ермакъ отправилъ своего сотоварища, атамана Ивана Кольцо. Царь за службу и радѣніе послалъ казакамъ свое государево большое жалованье, въ сибирскіе города назначилъ воеводъ князя Семена Бояковскаго и Ивана Глухова, и съ ними служилыхъ людей; а царевича Маметкула указалъ привести въ Москву. Атаманы и казаки принесли воеводъ съ великою честію, съ радостію признали и государево жалованье и поднесли воеводамъ дорогихъ соболей, лисицъ и всякой мягкой рухлады²⁾.

Теперь, по видимому, завоеватели Сибирскаго царства могли успокоиться, могли бы, казалось, пользоваться плодами своихъ побѣдъ, и если не совсѣмъ сложить съ себя тяжелое бремя охраны этого царства, то по крайней мѣрѣ, быть только участниками въ дѣлѣ этой охраны. Но не такъ было въ дѣйствительности. Первые мѣры, принятыя московскимъ правительствомъ для обороны и окончательного утвержденія русской власти въ странѣ, только что завоеванной, въ которой были неизбѣжны враждебныя дѣйствія со стороны инородцевъ, еще не успѣвшихъ смыкнуться съ новыми пришельцами, ока-

¹⁾ Лѣт. Сиб. 1821 г., стр. 42—43. Лѣт. Кунг., 1880 г., стр. 23; ст. 87: царевича приводиша къ Ермаку во градъ февралъ въ 28-й день. Лѣт. Есипова, стр. 144—145 (Сиб. Вѣсти, 1824 г., ч. I); Миллеръ, 149—150: р. Вагай впадаетъ въ р. Иртышъ, «въ разстояніи отъ города Сибири около 100 верстъ». Hydrogr. d. Russ. Reiches v. Stuckenbergs, II, 400, 401; zu beyden Seiten des Wagai dehnt sich die... Steppe aus, mit vielen Salz—und Bitterseen bedeckt».

²⁾ Лѣт. Сиб. 1821 г., стр. 50, 46—47, 49. Лѣт. Кунг., по изд. 1880 г., стр. 22—23: Ермакъ отправилъ посланіе къ царю 22-го декабря съ атаманомъ Иваномъ Кольцовымъ; марта 1-го 90 году (1582 г.) «вѣрный человѣкъ царевъ принесъ отъ государя радосные и похвальные грамоты Ермаку,... Сп. насел. мѣст. Перм. губ., сост. И. Штилициг, С.-Пб., 1875 г., стр. CLXIII: «Строгановы, какъ кажется, не воспользовались дарованіемъ имъ грамотою на обладаніе землями по ту сторону Урала; по крайней мѣрѣ, тамъ не осталось слѣдовъ ихъ неутомимой дѣятельности и предпримчивости. Въ вознагражденіе за понесенную ими потерю земель за Ураломъ, въ 1597 году Строгановы получаютъ новую грамоту на обладаніе чуть ли не всѣмъ течениемъ Камы въ предѣлахъ нынѣшней губерніи» (эта грамота напечатана въ Пермск. Губ. Вѣд., 1862 г., № 26, стр. 383).

зались слишкомъ недостаточными и знаменитой „единомысленной и предоброй“ дружинѣ пришлось испытать новые, тяжкія бѣдствія. Послѣ того, какъ Маметкуль со многими его людьми былъ отправленъ въ Москву, по распоряженію воеводы Ивана Глухова, который заступился мѣсто князя Семена Болховскаго, скончавшагося вскорѣ по прибытіи въ Сибирь, сюда явились послы отъ Караки съ просьбой оборонить его людей отъ Нагайской орды и претворили не чинить никакого зла Русскимъ¹⁾.

Казаки повѣрили этой присягѣ, и на помощь Каракѣ отправился атаманъ Иванъ Кольцо съ дружиною въ 40 человѣкъ. Всѣ они были вѣроюлопо убиты Каракеемъ и его сообщниками, и когда обѣ этомъ узнали казаки, остававшіеся въ Сибири, они горько плакали о своихъ сподвижникахъ. Мстить за нихъ отправился атаманъ Яковъ Михайловъ съ своею дружиною, но тоже былъ убитъ. Ободренный успѣхомъ, и вѣроятно, имѣя свѣдѣнія о томъ, что въ столицѣ сибирской паходится незначительная числомъ русская рать, Карака задумалъ погубить и ее. Въ мартѣ мѣсяцѣ 1584 г. онъ подступилъ къ Сибири съ значительными силами, поставилъ обозы вокругъ всего города, и самъ сталъ въ мѣстечкѣ Саусканѣ, въ недальнемъ отъ нихъ разстояніи. Прошло нѣсколько мѣсяцевъ, Карака не отступалъ и въ его намѣреніи выморить Русскихъ голодомъ уже нельзя было сомнѣваться. Тогда почью²⁾ одинъ изъ Ермаковыхъ атамаюовъ Матвѣй Мещерякъ проѣхался къ непріятельскому стану, напалъ на сонныхъ Татаръ и сталъ ихъ побиввать. Двое сыновей Караки были убиты, а самъ онъ бѣжалъ. Съ наступленіемъ утра Татары, находившіеся въ обозахъ, побѣжали къ своимъ па выручку, по были обращены въ бѣгство. Эта побѣда была послѣднимъ радостнымъ событиемъ въ исторіи борьбы Ермаковой дружинѣ съ сибирскими инородцами. Въ началѣ августа 1584 г. Ермакъ былъ убитъ, и когда роковая вѣсть обѣ этомъ достигла Сибири, сподвижники велеумнаго атамана горько плакали³⁾.

Всѣ дошедшія до насъ извѣстія о немъ, и многія народныя преданія, и даже достовѣрныя свидѣтельствуютъ о томъ, что онъ вполнѣ заслужилъ позваніе велеумнаго атамана, какъ величаетъ его одна изъ древнѣйшихъ сибирскихъ лѣтописей. Доблести, которыми

¹⁾ 92 г., сентября 10-го (1583 г.), по Лѣт. Кунг., стр. 25, ст. 93.

²⁾ 12-го июня, по Лѣт. Сиб. (изд. въ 1821 г.), стр. 54; 9-го мая, по Лѣт. Кунгурской, стр. 25, ст. 95.

³⁾ Лѣт. Сиб., 1821 г., стр. 56—58. Лѣт. Кунг., стр. 26—29.

онъ отличался, его отвага, и энергія, осторожность и разчетливость, умѣніе начальствовать надъ ратными людьми, не привыкшими къ строгой дисциплинѣ, умѣніе поддерживать въ нихъ полное довѣріе къ себѣ въ самыя тяжелыя минуты походной жизни — давали ему замѣтное, неоспоримое преимущество предъ всѣми находившимися подъ его начальствомъ атаманами-предводителями отдѣльныхъ дружинъ, и въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ его многотрудной, завоевательной дѣятельности мы не находимъ въ источникахъ ни одного извѣстія о какомъ-либо возмущеніи противъ него, которое имѣло бы серьезныя послѣдствія, помѣшало бы достижению главной цѣлї. Не ему, правда, принадлежитъ мысль о завоеваніи Сибирского царства; но онъ осуществилъ ее, и въ этомъ его главная историческая заслуга. Онъ, конечно, могъ бы исполнить возложенное на него Строгановыми порученіе такъ, какъ исполнилъ бы его менѣе даровитый казацкій атаманъ, ограничился бы набѣгомъ на землю Сибирскихъ Татаръ, разореніемъ ихъ, сунувшимъ богатую добычу. Но не такъ понялъ свое дѣло Ермакъ. Извѣстія о походѣ его ясно указываютъ па то, что опѣсь самого вступленія своего въ предѣлы Сибирского царства имѣла въ виду не хищническій набѣгъ, а прочное завоеваніе этого царства. Цѣль эта могла казаться достижимою только потому, что казаки, какъ и Европейцы въ Америкѣ, въ эпоху ея завоеванія, имѣли великое преимущество предъ Татарами, Остяками и Богуличами—огнестрѣльное оружіе. Но числомъ своихъ ратныхъ людей эти инородцы далеко превосходили казаковъ, лучше ихъ знали мѣстность, могли пользоваться выгодными для нихъ условіями, занимать по воднымъ путямъ, по которымъ двигалась Ермакова дружина, возвышенные пункты, удобные для обороны, тревожить ее неожиданными нападеніями, обороныть свои укрѣпленіе городки, мѣшать добычѣ продовольствія—и ко всѣмъ этимъ средствамъ обороны и прибѣгали Кучумовы Татары. Но Ермакова дружины ихъ поборола, и этимъ торжествомъ была въ значительной степени обязана своему вождю, неустанно бодрому, глубоко прѣровавшему въ успѣхъ своего важнаго дѣла.

По историческому значенію своему, завоеваніе Сибирского царства Ермакомъ находится въ тѣсной связи съ тѣми событиями XVI в., которыхъ знаменуютъ наше поступательное движение на востокъ. Оно началось со времени паденія Казанскаго царства и затѣмъ въ продолженіе нѣсколькихъ десятилѣтій ограничивалось областью рѣки Волги, занятіемъ ея устьевъ и заселеніемъ области Камской. Затѣмъ новая эпоха въ истории этого движения начинается съ завоеванія той об-

ласти на востокѣ, которая прилегаетъ къ области Камской, составляетъ часть великой азиатской равнини и представляетъ благопріятныя условія для дальнѣйшаго движенія съ цѣлю занятія этой равнини. Этими условіями Русскіе не замедлили воспользоваться и въ XVII столѣтіи достигли крайнихъ предѣловъ ея на востокѣ.

Послѣ смерти Ермака, его дѣлу грозила, по видимому, копечная гибель. Кучумовы Татары, а за ними и Остяки, и Богуличи, съ увѣренностью въ успѣхѣ, бодро возстали противъ русскихъ ратниковъ, истомленныхъ липецкими и борьбой, и заступившій мѣсто воевода въ городѣ Сибири Иванъ Глуховъ, иже подъ своимъ начальствомъ всего только полтораста человѣкъ, долженъ былъ покинуть столицу Кучумова царства. Онъ выступилъ отсюда 15-го августа 1584 года, и опасаясь преслѣдованія со стороны враговъ, не посмѣлъ возвратиться въ Россію тѣмъ путемъ, которымъ шелъ покоритель Сибири, и избралъ другой путь: спустился внизъ по рекамъ Иртышу и Оби и отсюда переправился въ область реки Печоры¹⁾. Сибирское царство вернуло свою независимость; въ его столицѣ воиножился Кучумовъ сынъ Алей, скоро затѣмъ изгнанный Сейдакомъ, потомкомъ Едигера. Но не смотря на чувствительные потери, не смотря на всеобщее восстание не только Татаръ, но и Остяковъ, и Богуличей, московское правительство обнаружило твердоѣ намѣреніе удержать завоеваніе Ермака и поторопилось принять мѣры къ тому, чтобы осуществить это намѣреніе.

Въ началѣ 1586 г. въ городѣ Сибири было отправлено войско, состоявшее изъ 300 человѣкъ, стрѣльцовъ и казаковъ, подъ начальствомъ двухъ воеводъ: Василія Борисовича Сукина и Ивана Мясного, и съ ними — письменный голова Даниилъ Чулковъ. Этому войску, въ числѣ уступавшему Ермаковой дружинѣ, предстояло новое завоеваніе Сибири. Въ іюль 1586 г. воевода Сукинъ прибылъ къ рекѣ Турѣ, на возвышенномъ берегу ея избралъ мѣсто, весьма удобное для защиты, и на немъ построилъ городокъ Тюмень. Продолжать далѣе походъ къ городу Сибири русскіе всеводы не рѣшились, но, по прибытии въ Тюмень посланного, по царскому указу, отряда изъ 500 человѣкъ казаковъ, письменный голова Даниилъ Чулковъ отправился на р. Иртышъ и вблизи города Сибири основалъ Тобольскъ, на высокомъ восточномъ берегу р. Иртыша, противъ устья Тобола, и немедленно же приступилъ къ постройкѣ двухъ церквей. Съ основаніемъ этого го-

¹⁾ Дѣт. Кунг., стр. 29, ст. 107; Миллеръ, стр. 197.

рода, находившагося въ центрѣ Сибирской земли и представлявшаго весьма выгодныя условія для сношеній по р. Иртышу и его притокамъ, Русскіе вновь и уже болѣе прочно, чѣмъ въ эпоху первого за-воеванія Сибирскаго царства, утвердились въ его области. Выгоды послѣдствія основанія Тобольска не замедлили обнаружиться. Въ 1588 году Сейдикъ былъ схваченъ и отправленъ въ Москву; съ этого времени городъ Сибирь опустѣлъ на всегда.

Затѣмъ, еще долго продолжалась упорная борьба съ кочевавшими въ плодородной Барабинской степи Татарами, которыми предводительствовалъ Кучумъ, и окончилась только въ 1598 году, черезъ четыре года послѣ основанія Тари, построенной съ цѣллю обезопасить русскія владѣнія на р. Иртышѣ отъ нападеній со стороны Барабинскихъ кочевниковъ¹⁾.

Во время этой борьбы Русскіе успѣли прочно и окончательно утвердиться въ области рѣки Оби. Важнѣйшими центрами ихъ власти вдѣсь явились слѣдующіе, ими построенные города: на крайнемъ сѣверѣ, въ центрѣ ногульскихъ и остицкихъ владѣній, въ 20 verstахъ отъ устья рѣки Созвы, владающей въ Обь—Березовъ; на р. Кети—Кетскій острогъ; на западномъ предѣлѣ Обской долины, на р. Турѣ, впадающей въ Тоболь, Верхотурье, чрезъ который шла дорога изъ Европейской Россіи въ Азіатскую. Въ началѣ XVII столѣтія стали строить города и на восточной сторонѣ той же рѣчной долины: на славищихся своимъ плодородіемъ берегахъ р. Томи были основаны въ 1604 году Томскъ и южнѣе его, въ 1618 году—Кузнецкъ²⁾.

Съ первыхъ же годовъ XVII вѣка началось движеніе Русскихъ изъ Обской долины далѣе на востокъ въ область рѣки Енисея, и сюда проникли и съ юга, и съ сѣвера (изъ Мангазеи), но это движеніе было остановлено событиями Смутнаго времени. Съ 1618 г. оно снова получаетъ силу и уже не прекращается до окончательного зачатія Сибири въ XVII вѣкѣ. Послѣ построенія Енисейска, а затѣмъ Красноярска (1627—1628 гг.), усилия Русскихъ были направлены въ 30-хъ и 40-хъ годахъ на покореніе земель, лежащихъ на юго-восточной

¹⁾ Лѣт. Кунг., по изд. 1880 г., стр. 29, 33—35; Миллеръ, стр. 197, 170, 174, 197, 56, 212, 216—218, 220, 225, 303; Лѣтоп. Сиб., 1821 г., стр. 59, 63. Никон. лѣт., VIII, стр. 3, 38. А. И., II, № 1 (1598 сентябрь 4-го), стр. 1—4, отписка царю Тарскаго воеводы Андрея Воейкова о пораженіи имъ Сибирскаго царя Кучумы на берегахъ Оби; см. также №№ 4, 5, 7, 11—23.

²⁾ Миллеръ, стр. 248—249, 311, 330—331, 392, 396, 430—433.

сторонѣ Енисея. Обитавшиѣ здѣсь инородцы, и въ томъ числѣ Буряты, оказали упорное сопротивленіе, вслѣдствіе чего явилась необходимость укрѣпить русскую власть построеніемъ пѣсколькихъ остроговъ—Братскаго, Кансаго, Удинскаго и наконецъ въ 1654 году—Балаганскаго¹⁾).

Съ Енисея по Нижней Тунгускѣ, впадающей въ него съ правой стороны, казаки проѣхали на р. Вилюй и по ней добрались до Лены. Здѣсь въ 1632 году былъ построенъ Якутскъ, важное значеніе кото-раго скоро опредѣлилось. Онъ сталъ центромъ обширной области, славившейся лучшими соболями, и въ Якутскъ, первоначально нази-свѣтшій отъ Енисейска, стали назначать особыхъ воеводъ²⁾.

Пустынныій, представляющій величайшія затрудненія для морепла-вателей съверный берегъ Сибири, отъ устья Лены до Берингова про-лива, былъ также открытъ сибирскими землемѣстелами въ тридца-тихъ и сороковыхъ годахъ XVII вѣка, и инородческія земли, на-ходившіяся на этомъ берегу, вошли въ составъ Московскаго государ-ства. Казачій десятникъ Елисей Буза открылъ рѣки Яну и Чендонъ; затѣмъ далѣе къ востоку отъ нихъ послѣдовало открытие двухъ зна-чительныхъ рѣкъ Индигирки и Колымы, а въ 1648 году казакъ Се-менъ Дежневъ достигъ съверо-восточной оконечности Сибири, открылъ Беринговъ проливъ и собралъ ясакъ съ инородцевъ, обитавшихъ на р. Агадырѣ³⁾.

¹⁾ Миллеръ, стр. 390—391, 441—444; стр. 373: первый ясакъ съ инород-цевъ, обитавшихъ при р. Енисѣѣ, былъ собранъ въ 1598 г.; Сибирская исторія», Іоганна Эберарда Фишера, С.-ІІб. 1774 г., стр. 400, 540; Собр. гое. гр. и док., III, № 78, стр. 299; Никон. лѣт., VIII, стр. 39, о поставлениѣ Мангасеи Сибир. Вѣстника, 1821 г., ч. XV: «Исторія плаванія Россіянъ изъ рѣкъ сибир-скихъ въ Ледовитое море», стр. 8—9; 1824 г., ч. I, «Буряты», стр. 26—28.

²⁾ Фишеръ, 358—360, 528; Сибирскій Вѣстникъ, 1824 г., ч. III, кн. 13 и 14: «Якуты», стр. 130; 1821 г., ч. XV, «Исторія плаванія Россіянъ изъ рѣкъ си-бирскихъ въ Ледовитое море», стр. 14—16.

³⁾ Фишеръ, 372—374; 385—387; Доп. къ А. И., III, № 24 (1647 апрѣля 22-го), распроснныи рѣчи служилаго человека Михаила Стадухина, стр. 99: «въ прошломъ во 154 году (1645 г.), ноября въ 23-й день, въ Якутской острогъ.... съ Колымы рѣки съ государственнымъ съ ясачнымъ сборомъ приходъ Михаило Стадухинъ, въ распросѣ сказаѣть: на Колымѣ де рѣкѣ былъ онъ для государева ясачного сбору два годы.... Тамъ же, IV, № 47 (1658 марта 11-го), отписка казачькаго десятника Михаила Стадухина, стр. 120—122; № 7 (1655 апрѣля 4-го и посадъ 15-го), отписка Якутскому воеводѣ Семена Дежнева и Никиты Семенова, стр. 25—26: «въ прошломъ же во 157 году, мѣсяца сентября въ 20 день, идучи

Почти одновременно съ открытиемъ Русскихъ на съверо-востокѣ постепенно была занимаема и Забайкальская область, послѣ того какъ въ 1643 году Курбатъ Ивановъ предпринялъ первое путешествіе по Байкальному озеру. На съверо-востокѣ этой области былъ основанъ въ 1647 году острогъ Ангарскій, а на крайнемъ югѣ, въ 1648 г.—Баргузинскій, отъ котораго въ продолженіе довольно значительного времени зависѣли вновь покоряемыя инородческія землици ¹).

Въ Забайкальской области сибирскіе служилые люди впервые въ концѣ 30-хъ годовъ услыхали о рѣкѣ Шилкѣ, на которой много серебраной, мѣдной и свинцовой руды, и на устьѣ которой живутъ Килорцы (Гилаки), занимающіеся землемѣромъ; услыхали также и о р. Амурѣ, и съ этихъ поръ является рядъ настойчивыхъ попытокъ проникнуть въ богатѣйшую изъ всѣхъ областей Сибири, область Амурскую ²).

Еще не имѣя обстоятельныхъ свѣдѣній о путяхъ къ р. Амуру, отправленный сюда въ 1643 году для открытия серебряной руды Василий Поярковъ избралъ путь, представлявшій неимовѣрныя препятствія для движенія; но онъ преодолѣлъ ихъ, и первый изъ Русскихъ достигъ этой славной рѣки ³).

Другимъ, болѣе удобнымъ путемъ добился до нея Хабаровъ, и

съ Ковыми рѣками моремъ, на пристанищѣ торгового человека Федота Алексѣева Чухочи люди на дракѣ ранили, и того Федота со мною Семейкою на морѣ разнесло бѣзъ вѣсти, и носило меня Семейку по морю послѣ Покрова Богородицы всюду неволею, и выбросило на берегъ въ передней конецъ за Аманадырь рѣку... А съ Ковыми рѣками итти моремъ на Аманадырь рѣку есть мѣсть, вышелъ въ море далеко... Сибирскій Вѣстникъ, 1821 г., ч. XV: «Исторія плаваній Россіянъ изъ рѣкъ сибирскихъ въ Ледовитое море, стр. 16—19, 26 и сл.

¹) Фишеръ, 517, 551—552, 554, 557: въ 1661 г. основанъ острогъ Иркутскій. Доп. къ А. И., III, № 28 (1647 г., августа 25-го), стр. 106 и сл., о построении острога на р. Уда въ Братской землѣ; IV, № 104 (1661 г., послѣ 6-го іюля), стр. 249 и сл., о строеніи Иркутскаго острога. Сиб. Вѣстникъ, 1821 г., ч. XIII, «Описание Байкала», стр. 7—8, 1824 г., ч. I, «Буряты или Братскіе», стр. 33—34,

²) Доп. къ А. И., II, № 96, стр. 258—259; «Reisen und Forschungen im Amur Lande in den Jahren 1854—1856» von Dr. Leopold v. Schrenck, B. III, L. 1, St.-Petersb. 1881, стр. 145, 99.

³) Фишеръ, 571 и сл.; Путешествіе на съверъ и востокъ Сибири, А. Миддендорфа, ч. I, С.-Пб. 1860 г., стр. 96, 140—141; Сиб. Вѣстн., 1824 г., ч. 1: «Историческія и статистическія записки о мѣстахъ, лежащихъ при р. Амурѣ», стр. 175 и сл. Schrenck, 112—113.

въ пятидесятыхъ годахъ XVII вѣка, Русские уже владѣли двумя крѣпостями на юго-востокѣ Сибири—Албазиномъ и Нерчинскомъ¹⁾.

Съ занятіемъ Русскими Амура новая область на сѣверѣ Азіи, вошедшая въ составъ Московскаго государства подъ общимъ названіемъ Сибири, почти достигла своихъ естественныхъ предѣловъ; исторической дѣятельности Русскаго народа открылось новое великое поприще, явились новые, неизысканные источники материальныхъ средствъ, и еще невѣдомая образованному миру значительная часть азіатскаго материка выступила изъ мрака неизвѣстности. Сибирь стала частію всемирной, культурной области, и это событіе имѣть такое же всемирно-историческое значение, какъ и открытие западно-европейскими народами новыхъ земель въ концѣ XV и въ началѣ XVI вѣка.

Занятіе Русскими одной изъ величайшихъ равнинъ земного шара, совершившееся въ продолженіе всего только семидесяти лѣтъ, составляетъ явленіе въ высокой степени замѣчательное, можно сказать — безпримѣрное, если мы пріймемъ во вниманіе тѣ неблагопріятныя условія, которыя задерживали завоевательное и колонизационное движеніе въ Смутную эпоху и долгое время послѣ того, если пріймемъ далѣе во вниманіе тѣ по истинѣ ничтожныя средства, какими могла располагать Московская Русь для подворенія и поддержанія своихъ необъятныхъ владѣній на востокѣ. На занятіе сѣверной Америки культурные народы Западной Европы должны были употребить больше времени²⁾.

Не только не стѣсня, а напротивъ поощряя дѣятельность разведчиковъ, искателей новыхъ земель, служилыхъ людей и казаковъ, а также охочихъ и промышленныхъ людей, Московское правительство черезъ посредство своихъ воеводъ съ большою послѣдовательностью руководило, па сколько могло, дѣломъ покоренія Сибири, и никогда завоеванія сибирскихъ ратныхъ людей, которые съ такою безпримѣрною въ исторіи ревностію искали государствовой прибыли, не имѣли бы такихъ значительныхъ послѣдствій, какія являлись въ дѣятельности, если бы дѣлу новыхъ русскихъ дружинъ XVII вѣка не оказывало помощи правительство.

¹⁾ Допол. къ А. И., III, 72, стр. 258 и сл., № 95, стр. 346 и сл., №№ 99—103; Сиб. Вѣстникъ, 1824 г., ч. 1, стр. 176 и сл.; Фишеръ, 584—604, 626—567; Schrenk, 190, 106, 113, 115, 156.

²⁾ Geschichte der Erdkunde v. Oscar Peschel, Munchen 1865, стр. 303: «Während in Nordamerica die Ansiedler nach dritthalb Jahrhunderten noch nicht völlig die Felsengebirge erreicht haben, bedursten die Kosaken nur ein halbes Jahrhundert vom Ob nach dem Ostrandе Asiens». Ср. стр. 244 и сл.

Строеніе зимовьевъ, остроговъ и городовъ, проведеніе дорогъ, устройство ямовъ, собраніе необходимыхъ географическихъ свѣдѣній о мѣстожительствѣ инородческихъ племенъ, о томъ, чтобы на нихъ налагаемый ясакъ не былъ обременительнымъ, постоянное увеличеніе числа казаковъ и служилыхъ людей, все это было предметомъ дѣятельныхъ заботъ со стороны московского правительства. Оно умѣло также пользоваться прирожденной Русскому народу способностію къ колонизаціонной дѣятельности, на пашенныхъ мѣста дѣвственной сибирской почвы посыпало крестьянъ съверо-восточной Руси, и это дѣятельное крестьянское населеніе послужило одною изъ прочныхъ основъ русского владычества въ Сибири¹⁾). За одно съ московскимъ правительствомъ, которое было глубоко проникнуто народнымъ духомъ, дѣйствовала и церковь и принимала мѣры, направленныя къ поддержанію благочестія въ средѣ русского населенія и распространенію христіанства между инородцами.

Являясь въ Сибири не только завоевателями - господами, новыми властителями, но и колонизаторами, Русскіе, однако, не избѣгли тѣхъ печальныхъ послѣдствій, какія обыкновенно бывали при занятіи новыхъ странъ европейскими народами, какъ это случилось въ Африкѣ, въ Америкѣ, въ Индіи и на островахъ Великаго океана. Злоупотребленія со стороны правителей, хищническое пользованіе имуществомъ инородцевъ, произволъ и пасиліе, столь обычныя въ начальную эпоху отношеній завоевателей къ завоеваннымъ, имѣли слѣдствіемъ обѣденіе послѣднихъ, нерѣдко вынуждали ихъ къ отчаянному сопротивленію, къ бесплодной тратѣ силъ во время восстаній, которыхъ только усугубили разореніе, и въ то же время вмѣстѣ съ паденiemъ патріархальныхъ обычаевъ и условій жизни появлялись и новые, пагубные, порочные наклонности.

Эти роковые послѣдствія совмѣстной жизни такъ-называемыхъ культурныхъ и некультурныхъ племенъ имѣли мѣсто и въ Сибири, но не въ такихъ размѣрахъ, какихъ они достигали во многихъ другихъ виѣ-европейскихъ странахъ. Московская Русь не обратила сибирскихъ инородцевъ въ рабовъ, заботилась о томъ, чтобы правитель

¹⁾ «Сибирь, какъ колонія», Н. М. Ядринцева, С.-Пб. 1882 г., стр. 75: «Русская поземельная крестьянская община не разлагается за Ураломъ, какъ думаютъ, а только слагается». Стр. 80: «Изученіе жизни сибирской крестьянской общины, по нашему мнѣнію, должно привлечь по преимуществу вытѣжность и силы молодаго поколѣнія въ Сибири».

обращались съ ними съ ласкою и бережью, налагали на нихъ ясакъ сообразно съ ихъ имуществомъ, и на помошь этимъ заботамъ являлась и церковь. Духомъ нетерпимости по отношению къ инородцамъ русские поселенцы изъ Сибири никогда не были проникнуты, и любопытнейшую и поучительную часть этнографическихъ наблюдений, произведенныхъ въ Сибири, составляютъ тѣ особенности ея русского населения, которые явились подъ влияниемъ смѣшанія съ инородцами¹).

Но не смотря на некоторые, несомнѣнныя преимущества въ отношенияхъ Русскихъ къ инородцамъ, сравнительно съ подобными же отношеніями другихъ культурныхъ народовъ, высказывали и высказываютъ сожалѣніе относительно несчастной судьбы тѣхъ сибирскихъ инородцевъ, которые, по видимому, обречены на то, чтобы окончательно утратить свою самобытность и исчезнуть, если не совсѣмъ, то при условіяхъ болѣе благопріятныхъ, сдѣлаться составной частью другой народности, болѣе способной къ самостоятельному существованію. Такъ известный, талантливый ученый изслѣдователь финскихъ языковъ Кастренъ, которому мы такъ много обязаны, который трудился съ истиннымъ, научнымъ самоотверженіемъ, питалъ особенную любовь къ Остякамъ, восхвалялъ ихъ добродѣтели и извинялъ ихъ недостатки. Но я не видѣлъ, замѣчаетъ А. Миддендорфъ, — „болѣе жалкаго и испорченного Сибиряка туземца, какъ Остяка, и не знаю другаго спасенія для этого народа, какъ сглаженія его національности, сліянія съ Русскими, и полнаго поглощенія его послѣдними“.

Есть, впрочемъ, въ числѣ инородческихъ племенъ Сибири такія, относительно которыхъ не можетъ быть и сомнѣнія въ томъ, что ихъ не коснется процессъ вымирания, и что имъ предстоитъ мѣсто и въ будущихъ судьбахъ ея. Къ такимъ, напримѣръ, относятся предпримчивые, хитрые, необыкновенно склонные къ торговлѣ Якуты. „Якутъ“, говорить одинъ изъ нашихъ ученыхъ путешественниковъ, — „въ состояніи подвизаться съ любымъ кочевникомъ въ необыкновенной сдержанности, когда этого требуетъ необходимость, въ умѣніи терпѣливо, даже весело, переносить ужасы природы, которымъ его подвергаютъ климатъ и первобытная природа, въ самой напряженной дѣя-

¹) «Сибирь какъ колонія», И. М. Ядринцева. С.-Пб. 1882 г., ст. 10 и сл. Стр. 22: «Смѣшанный типъ такъ распространенъ въ Сибири, а въ некоторыхъ местахъ, при недостаткѣ велико-русского чистаго населения, достигъ даже такого господства, что чистый великоруссий типъ считается за нечто исключительное и также получать местную кличку «маганый».

тельности, когда приходится преодолѣвать тысячи разныхъ трудностей и опасностей, которыя ему противопоставляетъ суровый, перво-бытный характеръ непріютныхъ горъ. Онъ не страшится никакой опасности.... „Ассимиляціонная сила этого татарскаго смѣшаннаго народа такъ велика, что при нѣкоторыхъ благопріятныхъ мѣстныхъ условіяхъ онъ оживливаетъ даже русскихъ поселенцевъ, главнымъ образомъ, ковечно, по части языка, образа мыслей и направлениія склон-ностей“¹⁾.

Открыть Сибирь образованному миру, Россія не жалѣла средствъ на ученыя экспедиціи въ эту страну чудесъ и рѣзкихъ противопо-ложностей, и изученіе ея обогатило и естествознаніе, и землевѣдѣніе, и этнографію новыми неопредѣленными сокровищами.

Наблюденія въ Шергинской шахтѣ близъ Якутска, имѣющей 384 анг. фута глубины, оказались „надежные почти всѣхъ лучшихъ на-блюденій температуры внутри земли, произведенныхъ съ наибольшою точностью въ Европѣ“, и эта знаменитая шахта стала „исходною точкою для ученія о теплотѣ земли на глубокомъ сѣверѣ“. Путеше-ствіе академика Миддендорфа доставило ему, какъ онъ говорить,— „самыя несомнѣнныя доказательства“ того, что Таймырскій край былъ дномъ моря и поднялся на цѣлыхъ сотни футовъ, и не только этотъ край, но и весь сѣверный берегъ Сибири постепенно поднимается. Частныя измѣненія, которымъ подвергаются русла ея великихъ рѣкъ, ихъ, такъ-сказать, подвижность, ихъ ежегодныя значительныя павод-непія, имѣющія сходство съ дѣйствіями тропическимъ водь, замерза-ніе рѣки Ангари, накопленіе отдѣляющихся отъ подводныхъ кам-ней легчайшихъ ледяныхъ иглъ—эти особенности сибирской природы послужили предметомъ новыхъ, любопытныхъ наблюденій.

По метеорологическимъ изысканіямъ, Якутскъ оказался гнѣздомъ стужи, самымъ холоднымъ мѣстомъ на земномъ шарѣ, и вообще въ климатическомъ отношеніи Сибирь, замѣчаєтъ Миддендорфъ,—„все еще остается страною чудесъ, которая повергаютъ насъ въ изумле-ніе. Все вновь должны были обращаться къ климату Сибири перво-степенные натуралисты, и не смотря на скучность наблюденій, искать ключа къ лучшему уразумѣнію метеорологического вращенія вокругъ земного шара. Нигдѣ также во всемъ нашемъ мірѣ климатъ не дѣ-стуетъ такъ враждебно, какъ въ Сибири, на растительную и живот-ную жизнь, не исключая и человѣка; нигдѣ, стало быть, какъ тамъ,

¹⁾ Путешествіе на с. и в. Сибири, Миддендорфа, II, 623, 774—775, 767.

характеръ страны до самыхъ мелкихъ особенностей не обусловливается въ такой степени климатомъ, и нигдѣ торжество жизненной силы надъ непріязнью вицьшаго міра такъ не велико, какъ въ Сибири" ¹⁾.

Еще очень недавно считали весьма вѣроятнымъ, что жизнь растительная и животная на крайнемъ сѣверѣ сибирскаго материка и въ водахъ, омывающихъ его сѣверные берега, отличалась крайнею скучостю. Но это предположеніе оказалось невѣрнымъ.

Тундра, окружающая сѣверные берега Енисея, мѣстами обилуетъ такою растительностью, какую, по замѣчанію проф. А. Е. Норденшельда, ему рѣдко приходилось видѣть, и одинъ изъ его спутниковъ съ зависію говорилъ о томъ, что Господь отдалъ эту прекрасную страну Русскому.

По изслѣдованіямъ Лупдстрема, оказалось, что сѣверная граница многихъ растеній въ Сибири достигаетъ болѣе значительной географической широты, чѣмъ въ Швеціи. „Въ значительной степени это зависитъ", по словамъ Норденшельда, — „отъ перенесенія сѣмянъ съ юга большими реками, но вмѣсть съ тѣмъ доказывается, что суровая зима Сибири не такъ вредно дѣйствуетъ на лѣтнюю растительность, какъ можно было предполагать" ²⁾.

Какъ область зоологическихъ открытій и изслѣдований, Сибирь является страною во многихъ отношеніяхъ весьма замѣчательною. Постоянно ледяная почва ея въ продолженіе тысячелѣтій сохранила въ своихъ природныхъ погребахъ мягкія части мамонта, не смотря на то, что „надъ этой почвой въ лѣтніе мѣсяцы солнце не сходитъ

¹⁾ Путешествіе на с. я. в. Сибири, А. Миддендорфа, ч. 1, С.-Пб. 1860 г., стр. 394, 392, 235, 223 и сл., 318, 316—317. Вестник Имп. Русск. Геогр. Общ., 1857 г., ч. XXI, отд. 1, «Дѣйствія Сибирской экспедиціи отъ 1-го севервѣд. 1856 г. по 1-е февраля 1857 г.» Отчетъ о занятіяхъ главнаго астронома экспедиціи Шварца, стр. 77—78; тамъ же, отд. II, «Озеро Байкалъ», Радде, стр. 115.

²⁾ «Экспедиція къ устью Енисея 1875 и 1876 годовъ», А. Э. Норденшельда. С.-Пб. 1880, стр. 81, 84. Глинисто-песчаное дно Карского моря, сообщаютъ тогъ же ученый путешественникъ, — «служитъ обиталищемъ для громаднаго числа сибирскихъ животныхъ, которыхъ, количествомъ видовъ, можетъ быть, уступаютъ находящимся въ южныхъ моряхъ или даже въ морѣ на западномъ берегу Шпицбергена; но вѣрно то, что, по численному богатству, они могутъ быть сравнены съ наиболѣнными въ этомъ отношеніи частями океана». Мы получили, говорить онъ далѣе, — «яркія доказательства» того, что въ этомъ морѣ не отсутствуютъ и высокіе виды подорослей, «какъ многіе изслѣдователи склонны предполагать». Стр. 37, 53, 138.

сь небеснаго свода". А ископаемая слоновая кость, находимая на съверѣ Сибири, составляюща ея исключительное достояніе и издавна бывшая предметомъ значительной торговли, свидѣтельствуетъ о томъ, что число додоточныхъ исполинскихъ звѣрей въ Сибири было огромно. Какъ полагаютъ, эти звѣри, мамонты и носороги, жили въ средней и южной Сибири еще въ то время, когда тамъ климатъ былъ почти таковъ же или совсѣмъ такой, какъ теперь. Трупы звѣрей были уносимы половодьемъ (вѣроятно, выѣтѣ со льдомъ) и заносимы были иломъ на глубокомъ съверѣ, гдѣ эти звѣри не жили¹.

По вопросу о кочеваніи животныхъ, сибирская фауна представляетъ любопытныя данины. Здѣсь это кочеваніе проявляется „въ такихъ огромныхъ размѣрахъ, какие впѣ Сибири, на всемъ земномъ шарѣ, можно встрѣтить только еще въ Сѣверной Америкѣ. Континентальный съверъ Сибири оказывается такою мѣстностю, гдѣ кочеваніе животныхъ можно видѣть въ самомъ полномъ развитіи". Недостатокъ пищи, измѣненія температуры, страданія отъ насѣкомыхъ, борьба за существованіе, стремленія сохранить потомство, всѣ эти разнообразныя причины обясняютъ намъ далекія странствованія сибирскихъ животныхъ, но далеко не всѣ факты, сюда относящіеся, и тотъ, „кому привелось видѣть", замѣчаѣтъ Миддендорфъ,—„какъ первыя птицы, прилетающіи въ безпріютную тундру глубокаго сѣвера, съ величайшимъ самоотверженіемъ подвергаются всѣмъ возможнымъ лишненіямъ и опасностямъ", тотъ не можетъ удовольствоваться вышеуказанными причинами.

И не только наблюденія надъ птицами, но и надъ животными другихъ классовъ, убѣдили нашего талантливаго ученаго путешестvenника въ томъ, что у животныхъ существуетъ прирожденная страсть къ кочеванию, „сила какого-то одолѣвающаго внутрен资料а влеченія" къ тому, чтобы предпринимать опасныя, далекія странствованія¹).

Этнографія сибирская, первоначально имѣвшая задачею только собраніе матеріаловъ, въ настоящее время, когда на помощь ей явились антропологическая и филологическая изысканія, пришла къ нѣкоторымъ заключеніямъ, которые возбуждаютъ живой интересъ къ

¹⁾ Путешествіе на с. и в. Сибири, А. Миддендорфа, I, 255, 261, 263, 272; II, 333, 347.

новымъ тщательнымъ наблюденіямъ и изысканіямъ и бросаютъ свѣтъ на загадочное прошлое Сибири до появленія здѣсь Русскихъ.

Великіе, періодически повторявшіеся съ древнѣйшаго времени перевороты въ центральной Азіи давали чувствовать себя на очень далекое пространство и вызывали сильное движение въ средѣ народовъ, обитавшихъ за предѣлами средне-азіатскаго плоскогорья, этой главной материковой части Старого Свѣта. На историческія судьбы племенъ, обитавшихъ въ Сибири, эти же движения оказывали значительное влияніе: уступалъ мѣсто новымъ выходцамъ изъ Средней Азіи, племена, поздрепле обитавшія на югѣ Сибири, подвигались далѣе на сѣверъ и тѣмъ самыми заставляли и другія племена уходить еще дальше на край сѣвера, который, такимъ образомъ, несмотря на тяжелыя, неблагопріятныя условія жизни, становился второю, болѣе счастливой родиною нового племени. Какъ полагаютъ, съ сѣверо-востока Азіи высыпались въ Америку Эскимосы и Алеуты ²⁾.

Самоѣды нѣкогда обитали на Алтай и отсюда устремились на крайній сѣверъ, гдѣ тундра стала ихъ новою родиною. Средне-азіатскими народами были вытѣснены съ юга Сибири на сѣверъ и Якуты. Здѣсь, приспособляясь къ новымъ условіямъ жизни, усвоивъ себѣ нравы и обычкіи болѣе простодушныхъ туземцевъ, Якуты не утрачивали своего превосходства надъ чими и стали подчинять своему влиянию и тунгусскія, и самоѣдскія племена.

Кромѣ вышнихъ причинъ, и физическія условія, и насущныя потребности звѣролововъ-кочевниковъ содѣйствовали тому, что въ природѣ сибирскихъ кочевниковъ глубоко укоренилась страсть къ передвиженію. Поэтому у нихъ и преобладаетъ сухое, мускулистое, жилистое тѣлосложеніе; поэтому и племена сибирскія являются не чистокровными, а смѣшанными: въ языкѣ одного племени встрѣчаются слова, очевидно заимствованные изъ языка чужаго, и у индивидуумовъ одной вѣти встрѣчаются весьма различные формы головъ ³⁾.

По современнымъ наблюденіямъ этнографовъ, инородцы Сибири обладаютъ нѣкоторыми цѣнными достоинствами, которыхъ обыкновенно не обращаютъ на себя вниманіе поверхностныхъ наблюдателей. Способность переносить всевозможная лишенія, которыхъ бываютъ неразлучными спутниками жизни на крайнемъ сѣверѣ, умѣніе бороться

¹⁾ «Reisen und Forschungen im Amur Lande in den Jahren 1854—1856», v. Leopold v. Schrenk, St.-Petersb., 1881 г., III, B., 1 L., стр. 249—252.

²⁾ Путешествие на с. и в. Сибири, А. Миддендорфа, II, 642, 638—640.

и преодолѣвать такъ часто встрѣчающіяся въ бытѣ звѣромововъ препятствія для обезпеченія своей жизни, и не смотря на тяжкія условия матеріального быта, непреодолимыя для человѣка культурнаго, извѣстно довольство, честность, правдивость и откровенность въ взаимныхъ отношеніяхъ, всѣ эти особенности сибирскихъ инородцевъ, возбуждавшія къ нимъ столь справедливое сочувствіе со стороны образованныхъ наблюдателей, поддерживаются преданностю старыхъ обычаемъ, языческой старинѣ¹⁾). Но копечно, близко то время, когда эта завѣтная старина должна окончательно уступить мѣсто роковому вліянію Русскихъ, и относительно этого вліянія исторія налагаетъ на насъ великую ответственность. Такого же рода ответственность налагаетъ на насъ историческое откровеніе и за всѣ другія, болѣе существенные и важныя условія жизни нашей великой сѣверо-восточной окраины, составляющей неотъемлемую часть нашего государственного организма. Чтобы понимать эти условія, чтобы сознавать потребности и русскаго, и инородческаго населенія Сибири, благо которой есть въ то же время и наше общее благо, необходимо всестороннее изученіе ея и бдительное вниманіе къ тѣмъ важнымъ вопросамъ, которые стоятъ наочери и требуютъ решенія²⁾.

¹⁾ «Очерки изъ быта некоторыхъ сибирскихъ инородцевъ», Спасскій — Вѣсти. Геогр. Общ., 1857 г., ч. XX, стр. 113—132; Путешествіе на с. и в. Сибири, А. Миддендорфа, II, 641 и сл., 654: у Самоѣдовъ, предающихся необузданно своимъ страстью и язвочкѣ, является, однако, п «образовая честность», самообладаніе рядомъ съ дѣтскими выходками, правдивость, довѣріе, «точное выполненіе данного обѣщанія»; 827: всякое слово старшаго «считается обязательнымъ и быстро выполняется» и у Самоѣдовъ, и у Тунгусовъ, и у Якутовъ.

²⁾ Объ этихъ вопросахъ см. замѣчательное сочиненіе Н. М. Ядринцева: «Сибирь какъ колонія», С.-Пб, 1882 г. Стр. 221: «Современное положеніе раскрываетъ самый печальный и растѣнійный бытъ ссылочнаго населения; ссылочные бѣдствуютъ, и Сибирь, выѣсто полезныхъ работниковъ, наводнена массою бездомного и празднаго пролетариата»; ссылка «наводнила Сибирь преступленіями, годъ отъ года у увеличивающимися въ неѣройныхъ размѣрахъ, и такимъ образомъ цѣлая мастьность лишилась безопасности»....

Е. Замысловскій.

ОБИТАТЕЛИ КАМЕНИСТОЙ АРАВИИ¹⁾.

IV.

Географические данные привели нас к предположению, что обиталищами первобытныхъ обитателей Синайского полуострова были, по преимуществу, окрестности постоянныхъ источниковъ, плодородные уади и подвожжя горъ Синайского горного узла. Перечисление нашихъ находокъ подтверждаетъ эту догадку. Но кроме того, и несколько памятниковъ неолитической эпохи приводятъ к тому же выводу, хотя и не на столько рельефно, такъ какъ до сихъ поръ известно очень немного памятниковъ этого рода.

Въ описанияхъ путешествий по Каменистой Аравии уже давно упоминалось о камняхъ болѣе или менѣе значительной величины, поражавшихъ глаза наблюдателей или своею особенностью формою, или тою словою, которая придавалась имъ въ рассказахъ тувемцевъ. Эти камни въ огромномъ большинствѣ представляютъ слѣды неолитической эпохи каменного периода въ рассматриваемой нами странѣ. Главнѣйшіе изъ этихъ камней описываются и въ русскихъ сочиненіяхъ о Синай—г. Уманца и преосв. Норфирия. Мы начнемъ съ нихъ нашъ перечень, и затѣмъ перейдемъ къ памятникамъ болѣе сложнымъ, носящимъ на себѣ слѣды большого человѣческаго искусства, каковы кромѣ лежи, дольмены и каменные домики.

¹⁾ Продолженіе. См. іюньскую книжку Ж. М. Н. Пр. за текущій годъ.

Таковъ, напримѣръ, камень, извѣстный всѣмъ паломникамъ, посѣщавшимъ Синайскій монастырь, подъ именемъ камня Моисеева. Преданіе говорить, что отсюда Моисей, воздѣвъ руки свои, способствовалъ Ереямъ одержать побѣду надъ Амалекитами. Этотъ камень довольно правильной формы, расположенный на скалѣ по пути на Джебель-Муса, очевидно, не могъ быть занесенъ туда естественнымъ путемъ, что дѣлается понятнымъ съ первого взгляда всякому. Представьте себѣ болѣе или менѣе изолированную скалу, на которую едва доступны всходы, при томъ скалу съ самой церковной поверхностью, и на ней довольно округлый камень значительной величины. Даже съ первого раза такъ и кажется, что камень этотъ поставленъ нарочно съ особою цѣлью на самъ выдающемся пункѣ пути.

Другимъ, не менѣе знаменитымъ камнемъ въ окрестностяхъ Синайскаго монастыря является камень, изъ котораго, по мѣстному преданію, Моисей извлекъ воду въ пустынѣ ударомъ своего жезла. Этотъ камень описанъ во всѣхъ путешествіяхъ на Синай; г. Уманецъ и преосв. Порфирий также посвящаютъ нѣсколько строкъ его описанію. Высота этого камня около 6 аршинъ, длина—5 арш., ширина—почти столько же. Формою своею онъ напоминаетъ грибъ съ толстою ножкою и не ясно выступающей шляпкой¹). Находится онъ въ уади Леджа на разстояніи около версты отъ монастыря, у подножія Хорива. Самую характерную особенность его составляетъ желтоватая лента, шириной до 5 вершковъ, обходящая камень снаружи нѣсколько наискось сверху внизъ. По всей длигѣ ся замѣчаются поперечныя углубленія различной величины, сдѣланныя, очевидно, рукою человѣка, такъ какъ мѣстами остались даже слѣды разрывовъ, сдѣланные рѣжущими инструментами, по всейѣ вѣроятности, кремневыми долотами. Нѣсколько небольшихъ аморфныхъ кремней, поднятыхъ нами у подножія этого камня, какъ бы подтверждаютъ это предположеніе. Углубленій этихъ на южной сторонѣ камня—восемь, на сѣверной—семь; безцеремонное обращеніе съ ними нѣкоторыхъ путешественниковъ довольно сильно испортило эту характерную ленту

¹⁾ Уманецъ въ своей «Повѣдкѣ на Синай» говоритъ, что форма его неправильная, нѣсколько приближающаяся къ октогону. По его словамъ, углубленія эти или зарубины, числомъ 16, по преданію, соотвѣтствуютъ числу 12 изъвѣзъ Израильскихъ (по неѣрѣному счету зарубинъ въ 12). Преосв. Порфирий въ Робинсонѣ то же говорятъ о 16 углубленіяхъ.

камня Моисеева, пользующагося уважениемъ даже со стороны кочующихъ бедуиновъ. Преосв. Порфирий разказываетъ, что Арабы пустыни кладутъ въ эти углубленія „аввины, подобныя львинымъ пастямъ“, траву, которою лѣчить заболевшихъ верблюдовъ. Намъ разказывали объ этомъ камнѣ цѣлую мусульманскую легенду, связывающую его основание на этомъ мѣстѣ съ путешествіемъ Магомета въ рай. На немъ, по другому преданію, издревле освящали талисманы, получавшіе чудодѣйственную силу отъ соприкосновенія со святымъ камнемъ.

По нашему мнѣнію, этотъ камень составляетъ несомнѣнно одно изъ сооруженій мегалитической эпохи; во всѣхъ странахъ эти послѣднія пользовались суевѣріемъ уважениемъ со стороны настоящихъ обитателей, которые видѣли въ нихъ памятники людей необыкновенныхъ или существъ полумиѳическихъ. Моисееву камню у поднѣсїя Хорива выпала особенная доля уваженія, такъ какъ форма его и виѣшайший видъ дѣйствительно напоминаютъ слова арабской легенды, гласящей, что пророкъ обвилъ вокругъ этого камня поводъ кобылицы, и этотъ ремень проѣлъ камень въ 16 мѣстахъ по числу дней, пропеденныхыхъ Магометомъ на небѣ. Этотъ мегалитический памятникъ составляетъ среднее между монолитами Сѣверной Африки, Мавави и Палестины.

Пригородъ Моисеевъ, нагроможденный изъ солидныхъ камней, съ котораго пророкъ, по преданію, впервые увидѣлъ Неопалимую Купину, по нашему мнѣнію, также долженъ быть отнесенъ въ число мегалитическихъ памятниковъ. Природа не могла съ такою правильностью нагромождать эти камни въ холмѣ на такомъ мѣстѣ, куда, по топографическимъ условіямъ, не могли даже скатываться камни съ окружающихъ вершинъ. Присутствіе морскихъ раковинъ между камнями и цѣлой кучи смѣшанныхъ со щебнемъ углей на этомъ холмикѣ подтверждаютъ предположеніе.

Камень Скинія, огромной величины, также носитъ на себѣ слѣды обработки, и хотя по своей величинѣ не можетъ быть причисленъ къ монолитамъ, возвѣгнутымъ рукою человѣка, тѣмъ не менѣе вѣсколько плоскостей на его бокахъ невольно намекаютъ на то, что рука человѣка прикасалась къ нему.

Знаменита также, по синайскимъ преданіямъ, такъ-называемая „голова золотаго тельца“. Это—углубленіе въ камняхъ, очевидно, сдѣланное рукою человѣка, по всей вѣроятности, для цѣлей погребенія

Предание повѣствуетъ, что оно послужило для отливки головы золотаго тельца, но по одной уже величинѣ этого углубленія нельзя признать достовѣрности этого предавія. Мѣстами на стѣнахъ углубленія можно видѣть даже слѣды орудій, употребляемыхъ для его высѣченія. Если можетъ быть несомнѣнно доказано, что описываемая нами „голова тельца“ есть дѣйствительно остатокъ мегалитической эпохи, то надо признать его оригинальнѣйшимъ памятникомъ въ своемъ родѣ.

Описываемый преосв. Порфириемъ на вершинѣ горы, противоположной Эль-Фрейѣ, у начала ущелья Нуку-Хеу камень средней величины, похожий на лежащую большую собаку, по всейѣ вѣроатности, составляетъ также мегалитическое сооруженіе. Такъ какъ мы не поднимались къ нему и не осматривали его основаніе, то и не можемъ сказать ничего утвердительного, хотя Уельксъ и утверждаетъ, что это—настоящій менгиръ.

Настоящими сооруженіями неолитической эпохи должно признать лежащие камни, покрытые множествомъ гіерогlyphическихъ надписей, безъ сомнѣнія, позднѣйшаго времени, которыхъ форма и плоскости, очевидно, сдѣланы рукою человѣка, напоминаютъ вполнѣ менгиры Карнака, о которыхъ мы уже говорили. Между ними есть камни въ формѣ параллелепипеда, осмугольной призмы и другихъ очертаній. Расположеніе ихъ также напоминаетъ расположеніе менгировъ Карнака, Алжира и Палестины. О нихъ упоминаетъ также и преосв. Порфирий. Какъ мегалитическое сооруженіе, надо разсматривать и упоминаемую Каминскимъ небольшую пирамиду въ долинѣ Таибэ. Хотя наружная часть ея образовалась дѣйствительно изъ небольшихъ камней, набрасываемыхъ, по словамъ Каминского, въ честь жены Фемина, внука Исаакова, но внутри ея находятся камни болѣе солидной величины.

Какъ остатокъ мегалитической эпохи, Уельксъ рассматриваетъ и всходъ на гору Сидыръ, обдѣланый, очевидно, рукою человѣка. Неправильная мысѣчка камней съ одной стороны, и грубость работы—съ другой, подтверждаютъ предположеніе, что строители этого всхода не обладали хорошими инструментами; доказательствомъ древности этого сооруженія можетъ служить также и то обстоятельство, что подножіе горы Сидыръ необитаемы нынѣ, и что вообще настоящему помаду Синайской пустыни пѣтъ никакой нужды дѣлать такие всходы на гору, ничѣмъ не замѣчательную. Преосв. Порфирий, по видимому, держится того же мнѣнія, говоря, что этотъ „всходъ на хребтѣ горы Сидырской обдѣланъ древнимъ человѣкомъ“.

Мы не осмѣшиваемся приписать къ мегалитическимъ сооруженіямъ огромный гранитный камень въ формѣ пирамиды, лежащей въ уади Селегъ, у подножія кража Ротебъ, хотя мѣстное преданіе и приписываетъ его сооруженіе великимъ, обитавшимъ до прихода „сыновъ пустыни“ на вершинахъ горъ Синайскихъ.

Преосв. Порфирий описываетъ также въ ложбинѣ, дѣлящей пустыню Рамле, недалеко отъ подножія горы Гарабѣ, „наглько отъ дороги среди желтаго песку большой камень съ уступами въ родѣ діаконскаго амвона“. Судя по этому краткому описанію, можно вполнѣ предполагать, что этотъ монолитъ тоже относится къ эпохѣ мегалитическихъ сооруженій.

Еще большую вѣроятность быть причисленнымъ къ мегалитическимъ постройкамъ даетъ другое сооруженіе, также описываемое преосв. Порфириемъ и находящееся въ долинѣ Маада у кража Оджме. Это—„одинокій пирамидальныи бугорокъ ослѣпительной бѣлизны. На самомъ темени его торчитъ разносторонній камень того же цвѣта. Онъ придаетъ своею правильностью бугорку видъ надгробнаго памятника“. Преосв. Порфирий правъ вполнѣ, дѣлая это послѣднее замѣчаніе: мы изслѣдовали точно такой же бугорокъ съ торчащимъ на вершинѣ его камнемъ въ уади Эль-Солеихъ на границѣ Каменистой Аравіи и Палестини, и недалеко отъ поверхности нашли человѣческія кости.

Переходимъ теперь къ описанію такихъ остатковъ мегалитической эпохи, о которыхъ слишкомъ коротко или вовсе не упоминаютъ другие наблюдатели. Быть можетъ, относя къ числу ихъ некоторые камни, мы и ошибаемся въ иныхъ случаяхъ; но тѣлько не менѣе полагаемъ, что указаніями своими на тѣ или другія мѣста, каково бы ни было ихъ значеніе, мы облегчимъ работу другихъ изслѣдователей, направивъ ихъ вниманіе на находящіеся подъ сомнѣніемъ предметы.

Мы находили, хотя въ ограниченномъ количествѣ, различные памятники мегалитической эпохи въ пустыняхъ Каменистой Аравіи, извѣстные и въ другихъ странахъ міра. О нихъ упоминаютъ, впрочемъ, въ общихъ словахъ Кистъ-Лордъ и Надальякъ¹⁾; а еще болѣе говорить о нихъ Пальмеръ, описывая даже различными формами ихъ. Самую значительную часть этихъ мегалитическихъ сооруженій составляютъ менгіры, кромлехи, дольмены и каменные домики.

¹⁾ Nadaillac. *Les premières Hommes; Keast Lord. The Peninsula of Sinai (Leisure hour 1870).*

Менгирами, какъ известно, называются одиночные монолиты, поставленные вертикально и достигающіе иногда до весьма крупныхъ размѣровъ. На нихъ бываютъ иногда плоскости, сдѣланныя рукою человѣка, а также различныя изображенія, но могутъ и не быть, какъ это и замѣчается на огромномъ большинствѣ менгировъ Старого и Нового Свѣта. Многіе изъ камней, видѣнныхъ нами, вполнѣ подходятъ къ такому опредѣленію.

Недалеко отъ Тора, у подножія знаменитой звучащей горы Накусъ¹⁾, мы видѣли два монолита, на половину засыпанные пескомъ, въ которыхъ признали менгиры. Плоскостей и надписей мы не замѣтили на ихъ бокахъ довольно неправильной формы, хотя сопровождавшій насъ Арабъ изъ туземцевъ Раиенъ и утверждалъ, что на нижнихъ частяхъ этихъ камней замѣчаются какія-то изображенія, подобныя гіероглифамъ синайскихъ надписей. Въ долинѣ Моккатѣбъ, знаменитой своими надписями, кроме камней, покрытыхъ гіероглифами, есть также и пастомицъ два менгира, на которыхъ замѣтыны скѣды обѣдѣки. Одинъ изъ этихъ монолитовъ имѣть болѣе трехъ аршинъ высоты. По словамъ моихъ проводниковъ, въ сбѣднѣхъ уади есть и другіе подобные этимъ камни.

Менгирами мы считаемъ также и некоторые изъ камней, стоящихъ вдоль русла потока въ уади Солеифъ, прибавая впрочемъ, что здѣсь возможно и сомнѣніе. Форма нѣкоторыхъ монолитовъ, по нашему мнѣнію, даетъ право однако предполагать за ними значеніе менгировъ. Одинъ изъ этихъ камней имѣть даже довольно правильную форму параллелепипеда, а другой сходенъ съ усеченною пирамидою.

По словамъ Уелькса, есть цѣлый рядъ менгировъ у подножія Этъ-Тиха въ пустынѣ, идущій къ сѣверу; но такъ какъ мы ихъ не видали сами, то и не будемъ о нихъ распространяться.

Среди дикаго безпорядка, царствующаго въ мрачномъ ущельѣ Нукбъ-Хеви, ужаснѣе котораго, по словамъ Робинзона, нѣть мѣста въ мірѣ, среди нагроможденныхъ скалъ и массы скатившихся съ горныхъ вершинъ камней можно найти и одиночностоящіе камни, ко-

¹⁾ Гора Накусъ находится къ сѣверу отъ г. Тора; она известковонесчаная и полна воронками; средняя часть этой горы имѣетъ разщелины и пустоты, въ которыхъ звуки, усиливаясь и консонируясь, получаетъ металлический отг҃окъ.

торые однако едва ли могли быть поставлены вертикально безъ помощи человѣка. Рассматривая со вниманіемъ нѣкоторые изъ нихъ, мы замѣтили таинственный знакъ, похожій на арійскую sawastika, чтѣ и вывело насъ изъ сомнѣнія. Этотъ знакъ носилъ на себѣ одинъ изъ вертикально стоящихъ камней, имѣющій форму, которая напоминаетъ запамятные менгіры Оркнейскихъ острововъ. Если брать изъ уади Солеифъ и войти въ Проходъ Вѣтровъ (Нукбъ-Хеви), то пройдя около версты по пути, усыпаному множествомъ камней, надо брать лѣвую сторону до самого большого камня, лежащаго почти на пути. За этимъ камнемъ и представится монолитъ, обратившій на себя наше вниманіе по своей оригинальной формѣ.

Два менгіра мы видѣли также, пробираясь дикою уади Цугерахъ къ берегу Акабинского залива, недалеко отъ впаденія въ нее уади Назбъ. Отъ монастыря это будетъ приблизительно на 18 часахъ пути. Тицъ ихъ сходенъ съ менгірами Карнака; около одного изъ нихъ лежитъ куча камней, среди которыхъ мы нашли жженыхъ кости и угли.

У западнаго внутренняго склона Акабинскихъ альпъ наскъ постигъ солнечный ударъ, и кромѣ того, въ продолженіе шести дней, мышли до Акабы, страшно страдая отъ 40 градусныхъ жаровъ и отъ абсолютнаго недостатка въ пицѣ и питьѣ; поэтому мы не могли достаточно изслѣдоватъ то, что видѣли на пути отъ параллели уади Цугерахъ почти до самой Акабы. Въ продолженіе этого пути, пробираясь по самымъ ужаснымъ крутизнамъ, по словамъ нашихъ проводниковъ, еще не посвѣщеныхъ нынѣ Европейца, мы замѣтили нѣсколько камней, какъ по расположению, такъ по изолированности и по формѣ, сплошь напоминающихъ менгіры, и провожавшіе насъ Арабы называли ихъ djouhal, какъ они называютъ вообще мегалитическія сооруженія.

Намъ говорили также, что существуютъ менгіры и въ горныхъ Уади Терабинъ, и около Акабы, но мы не видѣли ихъ. Только издали, на вершинѣ одвѣй скалы, принадлежащей къ Гелатскимъ горамъ, одинъ видѣнны намъ менгироподобный камень, стоявшій какъ надгробный памятникъ, подтверждалъ слова Арабовъ, разказывавшихъ, что великаны, жившіе до мусульманъ около Акабинского залива (Биръель Акаба), громоздили большия камни на скалахъ, на дорогахъ и въ уади, чтобы оставить по себѣ память.

Сѣвернѣе Акабы мы не встрѣчали менгировъ, хотя одиноко стоя-

щіе камни по обѣимъ сторонамъ уади, ведущихъ въ Палестину, сильно напоминали эти послѣдніе; форма ихъ, широкое основаніе и другие причины обыкновенно не позволяли причислять ихъ къ памятникамъ доисторической эпохи, не смотря на то, что некоторые изъ нихъ по арабски зовутся djouhala, koeur el djouhala, beni djouhala и т. д.

Гораздо менѣе встрѣчали мы въ Каменистой Аравіи дольмены. Собственно говоря, если понимать подъ дольменомъ одну или двѣ могилы, образованные изъ нѣсколькихъ не обѣянныхъ камней, которые поддерживаютъ покрывающій ихъ въ видѣ крышки стола и лежащей горизонтально другой, болѣе солидный камень, то такихъ дольменовъ мы встрѣтили только два. Одинъ изъ нихъ мы видѣли въ дикомъ ущельѣ уади Рики, недалеко отъ берега Акабинского залива; онъ известенъ у Арабовъ подъ именемъ гроба. Этотъ дольменъ состоялъ изъ четырехъ огромныхъ камня, не вполнѣ ограничивающихъ данное пространство, такъ что въ него можно легко вѣтъ, и пятый, большихъ размѣровъ и нѣсколько уплощенный, покрывающій ихъ. Внутри этого „гроба“ мы нашли кучку углей, жженныя кости и египетскую монету. Другой дольменъ мы видѣли мелькомъ недалеко отъ Терабина въ уади Энъ-Наръ; его составляютъ три поддерживающіе и одинъ покрывающій камень. Размѣрами онъ сильно уступаетъ предидущему.

Въ странѣ, столь богатой каменными глыбами, часто нагроможденными безъ всякаго порядка въ огромныя кучи самыхъ разнообразныхъ формъ и размѣровъ,—странѣ, какова Каменистая Аравія, можно встрѣтить и такія природныя сочетанія камней, которыхъ легко принять за дольмены, тѣмъ болѣе, что эти послѣдніе бываютъ самыхъ разнообразныхъ видовъ. Такъ какъ обстоятельное изученіе этихъ каменныхъ сложеній можетъ выяснить настоящую природу ихъ, то мы, не входя въ особенные разсужденія, укажемъ лишь мѣста, где эти сложенія встрѣчались намъ на пути.

На подножіяхъ Джебель-эръ-Раха, недалеко отъ уади Варданъ, мы встрѣтили груду камней, которыхъ сложеніе напоминало дольменъ. Пять или шесть каменныхъ глыбъ образовывали не полную стѣнку, заключающую въ себѣ полуокружное пространство, покрытое сверху, впрочемъ не вполнѣ, отломкомъ скалы. На сѣверномъ склонѣ Джебель Ваты подобное дольменообразное сооруженіе составили двѣнадцать камней; ихъ сочетаніе образовывало внутри кучи пространство, достаточное для помѣщенія пяти человѣкъ; имъ воспользовались въ наше время пастухи. Кучу камней подозрительного вида

видѣли мы въ уади Феранъ и особенно у подножія Сербала; въ одномъ мѣстѣ на восточномъ скатѣ послѣдняго четыре камня были покрыты пятнами довольно правильно, но возможность образованія этого сложенія отъ естественныхъ причинъ при скатѣ камней съ горы не позволяло намъ признать эту группу камней за несомнѣнную мегалитическую постройку.

Точно также въ уади Могара, у южного склона Хорива, въ уади эръ-Раха, среди нагроможденныхъ въ хаотическомъ беспорядкѣ каменныхъ глыбъ, наше вниманіе привлекли къ себѣ довольно выдающіяся сложенія, въ которыхъ мы готовы были бы признать дольмены, если бы близость горъ не допускала возможности естественнаго ихъ образованія. Несколько болѣе вѣроятнымъ представляется признать за мегалитическая сооруженія группы камней, встрѣчающіяся въ уади Цугерахъ и уади Наабъ, а также одну дольменообразную группу камней на берегу Акабинскаго залива.

Но, какъ мы уже сказали, разнообразной формы каменные сложенія встрѣчаются путешествующему въ Синайскомъ полуостровѣ на каждомъ шагу и представляютъ такъ много сходства съ сооруженіями мегалитической эпохи, что требуется много павѣка и изученіе всѣхъ данныхъ па мѣстѣ, чтобы не смѣшать естественныхъ образованій съ сооруженіями рукъ человѣческихъ; между послѣдними надо различать также отъ построекъ мегалитической эпохи каменные сложенія недавнихъ временъ, выстроенные для специальныхъ цѣлей въ разное время. Таковыми, напримѣръ, являются множество каменныхъ кучъ, встрѣчающихся на всѣхъ дорогахъ полуострова. Во многихъ описаніяхъ путешествій даже упоминается вскользь обѣ этихъ сложеніяхъ, въ пѣкоторыхъ даже приводится объясненіе ихъ происхожденія, какъ знаковъ, указывающихъ дорогу или обозначающихъ мѣста, чѣмъ либо замѣчательныя. Но, впервыхъ, многія изъ этихъ кучъ стоять на такихъ пунктахъ, гдѣ опѣ ровно ничего обозначать не могутъ; во вторыхъ, ихъ нѣть даже тамъ, гдѣ подобные знаки были бы крайне необходимы для обозначенія кроющіхся въ горахъ прѣсныхъ источниковъ и колодцевъ; втретьихъ, около пѣкоторыхъ изъ нихъ находятся каменные орудія, раковины и даже кости человѣка и животныхъ, и пакопецъ, вчетвертыхъ, много кучъ, составленныхъ изъ камней различной величины, встрѣчаются рядомъ или неподалеку отъ несомнѣнныхъ мегалитическихъ сооруженій, о которыхъ мы еще поговоримъ впереди. Все это заставляетъ думать, что далеко не всѣ кучи камней, встрѣчающіяся въ горахъ и пустыньяхъ

Каменистой Аравії, суть простыя сложенія, сооруженные въ разные даже недавнее время для специальныхъ цѣлей, и что многіа изъ нихъ могутъ быть раасматриваемы, какъ сложенія, имѣющія высокій научный интересъ, какъ сложенія металитической эпохи. Находеніе около нихъ кремневыхъ орудій, кухонныхъ остатковъ и костей, а также ихъ присутствіе рядомъ съ неолитическими сооруженіями, прямо подтверждаетъ наше предположеніе. Такъ ихъ, по видимому, рассматривается и Пальмеръ¹⁾), описывал каменные кучи въ уади Rutiy и Rahabeh, которые Арабы называютъ „каменными кучами сторожей“.

Указанное нами несовершенство въ сооруженіи дольменовъ первобытными обитателями Синайского полуострова покажется одпако тѣмъ болѣе страннымъ, что они умѣли сооружать постройки гораздо болѣе сложныя, чѣмъ дольмены. Это такъ-называемые „домики и гробницы“—pawámis (мн. ч. pawámís) Арабовъ западной части полуострова и gúsúr восточныхъ синайскихъ Арабовъ. На сколько намъ известно, некоторые путешественники вскорь упоминали объ этихъ pawámís, считая ихъ за могилы шейховъ арабскихъ. Человѣка, незнакомаго съ сооруженіями неолитической эпохи, въ самомъ дѣлѣ могутъ обманывать эти изящныя съ виду и прочно устроенные pawámís, особенно, когда онъ прислушивается къ преданіямъ бедуиновъ, повѣствующихъ о погребенныхъ въ этихъ домикахъ шейхахъ и съ ними великихъ сокровищахъ, на которыхъ такъ падки дѣти пустыни. Арабъ разскажетъ путешественнику о томъ, какіе шейхи удостоились этой чести, какъ много съ ними погребено добра, разскажетъ и о томъ, какъ нѣкоторые охотники пытались раскопывать и добывать эти клады, и какъ они не могли достигнуть очарованныхъ сокровищъ, стерегомыхъ могучимъ джиномъ (злымъ духомъ) пустыни, находи вмѣсто золота человѣческія кости и вмѣсто драгоценныхъ камней—одни кремни. „Золото разсыпается въ золу, серебро становится углемъ, блестящій камень кремнемъ, цѣлы остаются одни страшныя кости погребенного, чтобы мстить нарушителю покоя могилы“. Благодаря этимъ кладоисканіямъ, несмотря даже на постоянный его неуспѣхъ, большая часть pawámís болѣе или менѣе пострадала отъ насилій Арабовъ, хотя эти послѣдние и уважаютъ гробницы, боясь мщения усопшихъ. Тѣмъ не менѣе огромное количество этихъ pawámís, встрѣчающихся

¹⁾ Palmer, Der Schauplatz der vierzigjahrigen W stenwanderung Israels.

повсюду на Синайскомъ полуостровѣ, даетъ возможность изучить ихъ, какъ остатки доисторическихъ временъ, интересные уже потому одному, что аналогичны сооруженія встрѣчаются не только въ сѣверной Африкѣ, Шалестинѣ, Петрѣ, но и въ Европѣ.

Типъ этихъ сооруженій вообще изученъ нынѣ хорошо; археологи признаютъ, что это — остатки неолитической эпохи каменного вѣка, какъ это показываетъ ихъ сложеніе изъ монолитовъ значительныхъ размѣровъ, обыкновенно безъ всякаго связующаго цемента. Въ Каменистой Аравіи эти сложенія, достигающія извѣстного совершенства, почти все—одного типа; мы говоримъ, разумѣется, только о постройкахъ въ формѣ домиковъ, замковъ, такъ какъ Арабы полуострова именемъ *nawâmis* или *gûsûr* называютъ безразлично, какъ эти постройки, такъ и сооруженія въ формѣ кромлеховъ, которыхъ также богата Каменистая Аравія.

Опишемъ сперва настоящія *nawâmis*, соответствующія европейскимъ *bathan*, *talayot* и *Bienenkorbhütten*. Такъ какъ о нихъ впервые обстоятельно упоминаетъ Пальмеръ, то мы и повторимъ его слова, а потомъ уже дополнимъ его описание. Эти домики, „kreisförmige Häuser, говорить Пальмеръ, von ungefähr zehn Fuss Durchmesser, aus unbehauenen Steinen errichtet und mit einem sorgfältig gebauten kuppförmigen Dach versehen, das mit einer grossen Steinplatte schliesst und dessen Seiten, um ein Nachgeben zu verhüten, belastet sind. Den Eingang bildet eine niedere, ungefähr zwei Fuss weite Thürе“... Эти маленькие круглые домики, столь схожіе съ аналогичными постройками въ Европѣ, сложены безъ всякаго цемента изъ хорошо приглаженныхъ и обтесанныхъ камней, ловко и симметрически подобранныхъ. Ихъ окружность и разрѣзы имѣютъ обыкновенно форму, близко подходящую къ геометрическимъ; куполы выведенены правильно, плиты обтесаны такъ хорошо, что мѣстами кажутся отполированными. Основаніе выведено изъ камней большихъ и лучше пригнанихъ. Не хочется даже вѣрить, чтобы такъ хорошо можно было устроить только при помощи каменныхъ орудій. Удивленіе возрастаетъ еще болѣе, если обратить вниманіе на тѣ прибавленія, которые встрѣчаются при этихъ *nawâmis*. Къ нимъ часто ведутъ особенныя, какъ бы высѣченныя въ каменномъ ложѣ дорожки; входное отверстіе квадратной формы въ нескольки квадратныхъ футахъ снабжено каменными косяками и порогами, какъ у *nawâmis* Ain el Elva, описанныхъ и Пальмеромъ и сохранившихся лучше всѣхъ на полуостровѣ.

Величина этихъ домиковъ различна: отъ 6 фут. въ діаметрѣ она

доходить до 12 фут., какъ въ паваміс Акабинскихъ альпъ; окружность — отъ 13,5 фут. до 20 фут. и даже болѣе; высота — отъ 5 до 8 фут., какъ въ паваміс Ain el Elva. По наружной поверхности нѣкоторыхъ паваміс, какъ напримѣръ, домика на западномъ склонѣ Сумги, идетъ спиралью дорожка, чтѣ дѣлаетъ ихъ вполнѣ схожими съ talayot Балеарскихъ острововъ и сторожевыми башнями другихъ странъ. Около другихъ паваміс, какъ напримѣръ, въ уади Um Dheleb, выстроены цѣлые стѣны изъ необдѣланныхъ камней и нѣчто среднее въ родѣ ачепе или крытаго хода. Подобныя стѣны встрѣчаются и отдельно или вмѣстѣ съ менгирами; на склонахъ Синайскихъ горъ и у подножья Эть-Тиха можно видѣть множество остатковъ этихъ стѣнъ. Въ уади Ibu Sakkar, около большаго разрушающагося паваміс, сохранилась доселѣ часть стѣны изъ огромныхъ камней. То же и при паваміс уади Шифегахъ. Нѣкоторые паваміс имѣютъ видъ настоящихъ замковъ, и Арабы восточной части полуострова не безъ основанія зовутъ ихъ gusúg (замокъ). Такъ развалины паваміс въ уади Ajeleh, со стѣнами и рядомъ другихъ сложеній, вполнѣ напоминаютъ разрушенный фортъ. Другіе домики имѣютъ связь съ пещерами и другими жилищами человѣка. Описанные Пальмеромъ два хорошо сохранившіеся паваміс при входѣ въ уади Watah соединяются посредствомъ зигзагообразной дорожки по склону горы съ пещерой, въ которой Арабы помѣщаютъ сѣдилище вѣтровъ.

Въ большинство этихъ паваміс вѣзть трудно по незначительной величинѣ ихъ входнаго отверстія; но побывать въ нѣкоторыхъ изъ нихъ человѣку достаточно ловкому всегда удастся. Мы посѣтили два такие домика, изучили нѣсколько развалившихся наполовину; на основаніи этихъ наблюденій и описанія Пальмера, можно сказать слѣдующее о внутреннемъ устройствѣ этихъ паваміс: въ самой срединѣ круглого домика устроено пѣчто въ родѣ гробницы и выкопана небольшая яма; та и другая искусно выложены изъ хорошо пригнаныхъ камней и покрыты ровно оббитыми плитами, на которыхъ въ дѣственныхъ гробницахъ насыпана земля. Въ отверстіи помѣщается на каменномъ ложѣ земля, уголья, пепель и иногда кости, какъ жженныя, такъ и цѣлые, очевидно, человѣческія. Кости мы нашли въ паваміс Dj. Hadid, Сумги, Dj. Edjmet и у подножья Сербали; въ одномъ изъ паваміс Гибрала мы нашли цѣлую нижнюю челюсть человѣка, повидимому юноши (безъ зубовъ мудрости), безъ слѣдовъ сожженія. Пальмеръ находилъ кости скелета въ паваміс Ain el Elva вмѣстѣ съ землею, пострадавшую отъ огня, жженными костями, угольями, кусоч-

ками дерева, раковинами и каменными орудиями. Этихъ послѣднихъ мы не встрѣтили около *nawāmis*, хотя Пальмеръ находилъ ихъ около нѣсколькихъ подобныхъ гробницъ. При видѣ небольшой ямки, встрѣчающейся внутри *nawāmis*, въ которой не можетъ помѣститься цѣлый скелѣтъ, Пальмеръ неудомѣваетъ, считая ихъ гробницами. Это недоумѣніе переходитъ иногда въ увѣренность, что нѣкоторые *nawāmis* служили для обитанія ихъ строителями. „Очевидно, они были нѣкогда человѣческими жилищами“, говоритъ Пальмеръ, описывая *nawāmis* вообще,—„и листа, выложенная кампами, находящаяся въ нихъ, служила очагомъ, когда въ ней находятся уголья, пепель и обожженная земля“. Не раздѣляя этого мнѣнія, мы думаемъ, что *nawāmis* употреблялись ихъ строителями все-таки въ качествѣ гробницъ, хорошо защищавшихъ дорогие остатки. Незначительная величина усыпальницы костей, весьма впрочемъ колеблющаяся, объясняется тѣмъ, что погребались только остатки трупа послѣ сожженія, которое вообще, какъ мы увидимъ далѣе, практиковалось на полуостровѣ, а присутствіе немногихъ цѣлыхъ костей объясняется простою случайностью.

Эти могильные домики или гробницы мы рассматриваемъ также какъ аналогичны великолѣпнымъ гробницамъ Петры, въ которыхъ помѣщались цѣлые десятки труповъ, и монолитамъ Палестины въ родѣ памятника Захаріи, Авессалома и др. на восточномъ некрополѣ Иерусалима.

Nawāmis очень много на Синайскомъ полуостровѣ; располагаются они или одиночно, или группами. У подножья Dj. Haddid, въ уади Гибринъ, уади Ain Hudherah, въ уади Ферана, у подножія Терабина, въ уади Эль-Аришъ, у Ain el Elva и другихъ мѣстахъ находятся цѣлые группы этихъ *nawāmis* или *gūsur'ovъ*. *Nawāmis* Ain el Elva, хорошо, описанные Пальмеромъ, состоятъ изъ двухъ группъ круглыхъ домиковъ, вполпѣ сходныхъ съ *Bienenkorbhütten*. Два одиночные дома стоять на возвышенияхъ, а пять другихъ расположены на скатѣ горы.

Не распространяясь болѣе о расположении *nawāmis*, которые встрѣчаются во всѣхъ частяхъ полуострова, и которыхъ мы на пути насчитали около тридцати или сорока, замѣтимъ лишь, что въ Каменстой Аравіи есть такія области, гдѣ число этихъ гробницъ чрезвычайно велико. Таковы подножья Dj. Hadid, окрестности Синайскаго монастыря, включая Ферант, Гибринъ и область Сербаль и подножія

Dj. et Tich и Dj. Edjmeh¹⁾). Въ долинахъ съверной пустынной части полуострова pawámis гораздо менѣе; немнога ихъ и по берегамъ Суэцкаго и Акабинскаго залива. Расположеніе pawámis, какъ и другихъ остатковъ каменнаго вѣка, стоять въ связи съ географическими и топографическими условіями страны.

Въ заключеніе замѣтокъ о pawámis Синайского полуострова еще упомянемъ о томъ, что Пальмеръ склоненъ рассматривать какъ эти памятники, такъ и кромлехи (о комъ мы скажемъ далѣ), какъ остатки временъ странствованія Израильянъ по пустынѣ. Почтепный изслѣдователь, специально изучившій на мѣстѣ путь, которымъ слѣдовали Ереи по исходѣ изъ Египта, не могъ равнодушно отнести къ древнему преданію Синайскихъ Арабовъ, разказывавшихъ о томъ, что круглые домики — pawámis, иначе называемые Арабами пустыни „мускитовыми домиками“, былистроены Израильянами въ защиту отъ мускитовъ, посланныхъ Богомъ въ наказаніе за ихъ грѣхи. Точно также, не въ упрекъ будь сказано почтенному изслѣдователю, напрасно онъ считаетъ множество маленькихъ pawámis, раскинутыхъ по вершинамъ холмовъ Ферана, этого „перла Синайскихъ горъ“, за могилы монаховъ. Капитанъ Пальмеръ, изслѣдуя во множествѣ по-гребальныи пещеры Ферана, въ которыхъ онъ находилъ деревянные гробы и куски грубой матеріи, не говоря уже о костяхъ человѣческихъ, принадлежащихъ отчасти монахамъ, избитымъ въ Феравѣ, перевесъ мѣсто погребенія ихъ изъ пещерь, мѣста ихъ обитанія, въ pawámis—сооруженія мегалитического вѣка.

Обращаемся къ кромлехамъ Синайского полуострова. Принимая во вниманіе сказанное выше, легко можно понять, что найти кромлехи въ каменистыхъ уади Синайского полуострова еще болѣе трудно, чѣмъ дольмены и менгіры, если они не представляютъ типическихъ сложеній и состоять изъ простаго круга камней. Кромлехами, какъ извѣстно, принято называть рядъ камней, расположенныхъ въ одинъ или нѣсколько круговъ вокругъ дольмена или другой гробницы; кроме того, и простые круги камней рассматриваются какъ мегалитическое сооруженіе, если будетъ доказано ихъ искусственное происхожденіе. Поэтому, для опредѣленія этого рода остатковъ неолитическихъ по-

¹⁾ Въ этихъ мѣстахъ, по словамъ Пальмера, окрестности везде покрыты pawámis; на каждомъ склонѣ находить ихъ слѣды; по всей Синайской пустынѣ встречается ихъ такъ много, что надо допустить, что строившій ихъ народъ былъ очень многочисленъ.

строекъ, надо быть осторожнымъ, тѣмъ болѣе, что при той превосходности формъ и расположения камней, которые встрѣчаются тысячами въ уади Каменистой Аравії, во многихъ мѣстахъ одинъ или нѣсколько огромныхъ камней окружаются болѣе или менѣе правильными кругомъ камней меньшихъ. Иногда, рассматривая эти сложенія нѣсколько болѣе внимательно, можно замѣтить, что ихъ образованіе могло быть чисто-случайнымъ, такъ какъ тому иногда благопріятствуютъ склоны и скаты, обусловливающіе направление падающихъ камней, а также и теченіе весеннихъ потоковъ. Но въ другихъ случаяхъ послѣднія условія мало и даже совершенно не замѣтны, и тогда является возможность, особенно въ мѣстахъ ровныхъ, признать эти сложенія въ видѣ круговъ за неполные кромлехи. Образованія эти тогда будутъ вполнѣ аналогичными съ „колами“ новгородскихъ сопокъ, то есть, съ кругами камней, вѣчающихъ основаніе кургановъ, но встрѣчающихся также и не у кургановъ¹). Подобныхъ круговъ встрѣчается очень много во всѣхъ уади и пустыняхъ Синайского полуострова, и большинство ихъ надо признать за настоящія мегалитическія сооруженія, особенно если они составлены изъ менгировъ и образуютъ сложенія высшаго порядка. Безъ сомнѣнія, эти образованія мозолили глаза всякому путешественнику, но только Пальмеръ обратилъ на нихъ вниманіе, какъ на постройки, принадлежащія древнему человѣку и служившія ему въ большинствѣ случаевъ въ качествѣ гробницъ, на чѣдѣ отчасти напекаетъ и арабское название этихъ сложеній—пашаміз, общее для всѣхъ мегалитическихъ гробницъ полуострова. Nawamis у Пальмера, такимъ образомъ, являются двухъ видовъ: одни въ видѣ круглыхъ домиковъ, и другіе въ видѣ круговъ (Steinenkreise); число послѣдніхъ превосходитъ число первыхъ. Круги эти имѣютъ отъ 10 до 100 ф. въ поперечнике и составлены изъ ряда камней, почти необдѣланныхъ рукой человѣка, чтѣ отличаетъ ихъ отъ пашаміз первой категоріи и заставляетъ относить ко временамъ болѣе отдаленнымъ (хотя вообще большее или менѣшее совершенство, какъ каменныхъ орудій, такъ и построекъ, не служитъ вообще вѣрнымъ мѣриломъ древности тѣхъ и другихъ. Тѣмъ менѣе, есть и болѣе совершенные формы этихъ круговъ, прибли-

¹) См. нашу статью «Къ археологии и антропологии Ильменского бассейна». Журн. Мин. Народн. Просвѣщ. 1881 г., апрѣль и маѣ. Каменные гробницы внутри послѣдніхъ замѣняетъ у первыхъ насыпь кургана, вѣщающая могилу; коло кургановъ вполнѣ соответствуетъ кругамъ кромлеховъ.

жающія ихъ къ типическимъ кромлехамъ. Такъ есть круги, составленные изъ нѣсколькихъ концентрическихъ круговъ камней, другие Steinencrѣise образованы изъ менгировъ, третыи имѣютъ въ серединѣ углубленія, иногда прикрытыя плитами, четвертые вмѣсто углубленія—новое каменное сложеніе, подходящее близко къ каменнымъ вмѣстилищамъ настоящихъ кромлеховъ: Есть, наконецъ, въ Каменистой Аравіи и такіе круги, которые замыкаются отсюду грубыми, примитивно сложенными, каменными стѣнами.

Не приводя примѣровъ для круговъ первого порядка, то-есть, составленныхъ изъ одного ряда простыхъ камней, „коло“, которыхъ можно встрѣтить очень много вездѣ и даже счищать съ образованнными естественнымъ путемъ, мы укажемъ на типическіе круги другихъ категорій. Какъ круги сложные, то-есть, составленные изъ двухъ или нѣсколькихъ концентрическихъ, укажемъ на pawânis Эль Аришской долины и уади Эль-Гарь; круги, составленные изъ менгировъ, встречаются во множествѣ въ уади Melezz и уади Waara; круги съ углубленіями—большая часть коло у подножья Эль-Тиха; круги съ каменными сложеніями въ центрѣ составляютъ переходъ къ кромлехамъ, а потому опишемъ одинъ кругъ, который доставилъ намъ множество человѣческихъ костей.

Это сложеніе находится въ уади Эль-Гарь (въ восточной части Каменистой Аравіи) и послужило для насъ мѣстомъ лагерной стоянки. Это былъ кругъ, составленный изъ двѣнадцати камней, тщательно подобранныхъ по отношенію къ формѣ и величинѣ. Они замыкали собою пространство, имѣющее около двухъ саженей въ радиусѣ. Въ серединѣ этого круга лежала на нѣсколькихъ камняхъ болѣе или менѣе правильной четырехугольной формы каменная плита, вокругъ которой было пбросано множество небольшихъ камней и голышей. Копаясь около центральной плиты, служившей для насъ ложемъ, и разгребая камешки, ее окружающіе, мы нашли человѣческіе останки, двѣтнѣй камешекъ красноватаго цвѣта съ бѣлою прослойкою, употребляемый и донынѣ въ качествѣ талисмана у Арабовъ Терабина, и египетскую монету. Присутствіе этой послѣдней даетъ, повидимому, указанія на древность сооруженія данного кромлеха, по мы не думаемъ основываться на ней. Правда, весьма возможно, что каменный вѣкъ существовалъ у обитателей Синайскихъ горъ въ то время, когда въ Египтѣ уже чеканили монету, но съ другой стороны, не должно забывать, что римскія монеты времени Тиберія, Константина II, Феодосія, а также монеты Арабскихъ калифовъ, встрѣчались въ доль-

менахъ Англіи, и что этимъ вовсе не доказывается, что эти послѣднія были сооружены въ царствованія тѣхъ императоровъ¹⁾.

Другой кромлехъ съ центральною плитой надъ костями погребенными мы встрѣтили въ Рамлійской пустынѣ. Типъ его еще больше приближался къ настоящимъ кромлехамъ съ болѣе или менѣе совершенно устроениемъ въ центрѣ его каменной гробницей. Пальмеръ приравниваетъ *nawāmis* послѣднаго рода къ *Druïdenkreise* Англіи и относить ихъ сооруженіе народу, отличному отъ соорудившаго круглые домики. Самая совершенная форма *nawāmis* этого рода будетъ каменная гробница (*Behältniss*), устроенная болѣе или менѣе совершенно изъ камней, тщательно подобранныхъ, крытая плитою, и окруженная двумя или нѣсколькими концентрическими кругами прямостоящихъ камней-менгировъ. Въ гробницахъ обыкновенно можно найти нѣсколько костей человѣческихъ, уголь, землю и обожженные камни, ради чего даже не стоять трудиться разрушать остатокъ мегалитической эпохи. Пальмеръ же, кроме отдельныхъ костей, въ одной изъ гробницъ *Steinkreise*, описанныхъ имъ, нашелъ цѣлый скелетъ, а также пепель, угли и жженые кости. Въ другой гробницѣ *nawāmis* въ уади Waata онъ нашелъ также могилу, въ коей лежалъ покрытый огромнымъ камнемъ (который могли сдвинуть едва пять человѣкъ) цѣлый скелетъ въ согнутомъ положеніи рядомъ съ раковинами и каменными орудіями (*begebeite Kieselsteine*). Кремни, служившіе, по всей вѣроятности, орудіями строителей кромлеховъ, мы встрѣчали около нѣсколькихъ круговъ; особенно много ихъ было въ кромлехѣ Эль-Гарской котловины.

Не всѣ однако кромлехи, даже типическіе, заключаютъ въ себѣ человѣческія кости. Положимъ, наши попытки отыскивать кости въ кромлехахъ могли быть неуспѣшны, такъ какъ, при ограниченности нашихъ средствъ, мы не могли производить раскопки; но мы знаемъ, что и Пальмеръ, раскальвавшій на 5 ф. глубины до самого каменнаго слоя кромлехи уади El Ahaba (гдѣ они встрѣчаются цѣлыми десятками), ничего не нашелъ въ нихъ. То же самое было и при раскопкѣ круговъ въ уади Biyag. Это заставляетъ думать, что кромлехи, или нѣрѣве сказать, круги не всегда сооружались съ цѣлью погребенія. Другое назначеніе ихъ мы увидимъ, когда будемъ говорить о сложныхъ сооруженіяхъ.

Круги и настоящіе кромлехи встрѣчаются, какъ одиночно, такъ

¹⁾ *Fergusson. Monuments megalithiques.*

и группами; эти послѣдніе можно раздѣлить на двѣ категории: одна состоитъ только изъ кромлеховъ, расположенныхъ одинъ недалеко отъ другаго и не связанныхъ между собою, а другая—изъ паваміс различныхъ родовъ (кучъ, круговъ, домиковъ, кромлеховъ), находящихся въ связи между собою. Эти послѣдніе представляютъ собою уже типъ мегалитическихъ сооруженій высшаго порядка.

Круговъ и кромлеховъ или паваміс второй категории Пальмера гораздо болѣе на полуостровѣ, чѣмъ куполообразныхъ домиковъ. Они встречаются во всѣхъ частяхъ полуострова, часто въ совокупности съ другими мегалитическими сооруженіями. Тѣ области Каменистой Аравіи, въ которыхъ встречается множество Bienenkorbhütten, богаты и этими паваміс втораго порядка. Очень много ихъ также въ уади Waara, Mellez, Hebeibeh, у подножья Сербала, Эть-Тиха, Эль-Оджиме, въ уади El Ahaba, Biyag и въ уади Акабинскихъ альпъ.

Группы кромлеховъ, находящіяся въ уади Mellez, Biyag, El Ahaba, Bigein, принадлежать уже къ мегалитическимъ сооруженіямъ высшаго порядка. Среди этихъ остатковъ перемѣшиваются сооруженія различныхъ типовъ—круглыхъ куполообразныхъ домиковъ, кромлеховъ, круговъ; кучъ камней, стѣнъ, сложенныхъ изъ грубыхъ камней, и развалинъ другихъ сложеній неопределенного типа. Такихъ сложеній высшаго порядка, въ которыхъ отдѣльныя звенья соединяются другъ съ другомъ органически, извѣстно пока очень немного. Самыми замѣчательными сооруженіями этого рода, который можно признать мѣстомъ стоянки первобытнаго человѣка, въ Каменистой Аравіи нужно считать открытую Пальмеромъ стоянку въ уади Biyag. Къ сожалѣнію, мы не посѣтили этого мѣста, и потому теперь принуждены о немъ говорить только съ чужихъ словъ. При входѣ въ уади Biyag у подножія Дж. Оджиме, по словамъ англійскаго изслѣдователя, на ровной, покрытой камнями поверхности находится множество всевозможныхъ паваміс, которые вѣтвѣстѣ представляютъ цѣлую стоянку первобытныхъ людей, а не одни только мѣста погребенія. Главную часть этого сложнаго мегалитического сооруженія составляютъ группы кромлеховъ и круговъ, которые связаны другъ съ другомъ посредствомъ ходовъ изъ мешгираподобныхъ камней. Цѣнь этихъ каменныхъ круговъ въ срединѣ образуетъ значительное пространство, ничѣмъ не занятое. Мѣстами видныются каменные кучи; все пространство, занятое группами каменныхъ круговъ, охвачено мегалитической стѣнною, недокодашею никогда выше трехъ футовъ и сложенною изъ хорошо приготовленныхъ большихъ камней. Изслѣдуя отдѣльные круги, Пальмеръ пришелъ къ

убѣжденію, что нѣкоторые изъ нихъ служили для обитанія, другое же—только какъ кухни, гдѣ приготавлялась пища, ибо на нихъ находились слѣды очаговъ и кухонные остатки. Предполагая уже съ первого взгляда, что эти остатки принадлежатъ къ мегалитической эпохѣ, Пальмеръ недоумѣвалъ о значеніи, какъ серединнаго пространства, такъ и незначительной стѣны, окружающей стоянку и не могущей представить никакой защиты ни отъ враговъ, ни отъ дикихъ звѣрей. Сравненіе этой стоянки съ стоянками марокканскихъ Арабовъ—taghrabin, сдѣланное спутникомъ Пальмера Дрекомъ, разъяснило значеніе такого рода сооружений. По словамъ Дрека, Арабы въ Марокко доселѣ устраиваютъ свои лагеря подобнымъ образомъ; отдѣльные круги, соответствующіе палаткамъ, располагаются вокругъ; незанятая же середина предназначается для скота и другаго имущества. Весь лагерь окружается небольшою каменною стѣною, около которой садять колючіе кусты акацій, которые, разростаясь, образуютъ такимъ образомъ живую пепроницаемую изгородь.

Точно также второю лагерною стоянкою будетъ группа pawamis, находящаяся въ уади Melezz. Здѣсь болѣе, чѣмъ гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ, менгиры; не представляя особой обѣлки, они образуютъ круги, соединяющіеся между собою ходами или просто рядами камней. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ ряды камней образуютъ особыя загороженные пространства, въ другихъ они разбросаны такъ неправильно, что трудно угадать ихъ значеніе. Есть загородки футовъ 20 въ квадратѣ. Пальмеръ, видѣвшій и это мегалитическое сооруженіе, считаетъ его за древнее укрѣпленіе.

Одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ остатковъ доисторической эпохи найденъ въ уади Небсіѣн. Мы опишемъ его также со словъ Пальмера, потому что сами не видѣли его. Часть возвышенія, находящагося въ этомъ уади, какъ бы обѣлана небольшими кампами, которые въ огромномъ количествѣ лежатъ на этомъ мѣстѣ. Ихъ расположение существенно отличается отъ всѣхъ другихъ остатковъ этого рода, встрѣчающихся на Синай и въ Аравіи. На вершинѣ небольшаго холма воздвигнуты рядами одинъ за другимъ огромные камни, почти не обѣланы рукою человѣка: среди нихъ возвышается огромная бѣлая глыба. Эти остатки расположены вокругъ на нѣсколько миль. Пальмеръ считаетъ ихъ за остатки лагерной стоянки. Маленькие камни употреблялись какъ очаги, мѣстами на нихъ замѣты слѣды огня; въ нѣсколькихъ мѣстахъ былъ находимъ уголь. Недалеко отъ этой стоянки находится множество кучъ, сложенныхъ изъ боль-

шихъ камней, которыя, по всей вѣроятности, воздвигались надъ могилами усопшихъ. Все это, взятое вмѣстѣ, показываетъ, что остатки въ уади Невеїбѣ служили лагерной стоянкой огромнаго количества людей, также какъ и въ окрестностяхъ Ain el Elva. Пальмеръ описываетъ кратко еще остатки обиталища первобытнаго человѣка въ уади Birein—останки павамис, въ формѣ домиковъ и другихъ строений и большой кромлехъ.

Мы рассматриваемъ какъ лагерную стоянку также группу кромлеховъ (называемыхъ адѣсъ шахатлат) и каменныхъ кучъ, находящуюся въ уади El Ahaba. Огромное количество этихъ круговъ, менигироподобныхъ камней и кучъ, разнообразно сложенныхъ и расположенныхъ на значительномъ пространствѣ, подтверждаетъ наше предположеніе. Кремни, кости различныхъ животныхъ, даже рыбъ (въ сотняхъ верстъ отъ моря), раковины, угли подтверждаютъ это также. Пальмеръ, выкопавшій адѣсъ угли и жженую землю, не упоминаетъ однако о костяхъ.

Если прибавить къ описаннымъ нами лагернымъ стоянкамъ, открытые Кисть-Лордомъ на холмѣ въ уади Магара остатки обиталища древнаго человѣка, сложенные изъ огромныхъ необдѣланныхъ камней, только пригнаныхъ одинъ къ другимъ, и въ которыхъ онъ нашелъ орудія каменнаго вѣка, то мы исчерпаемъ все, что известно до сихъ поръ о мегалитическихъ сооруженіяхъ въ Каменистой Аравіи. Остатки на горѣ Сурабитъ эль-Кадимъ, какъ представляющіе слѣды высшей цивилизациіи, обозначаемой даже египетскими гіероглифами, мы вѣ считаемъ за остатки каменнаго вѣка, а причисляемъ ихъ къ развалинамъ, которыхъ еще много не описано на Синайскомъ полуостровѣ, начиная отъ городовъ и кончая древними храмами.

Къ числу сооруженій, которыхъ могутъ быть отнесены какъ къ доисторическому, такъ и къ историческому періоду жизни человѣчества, надо отнести курганы, встрѣчающіеся въ пустыняхъ Каменистой Аравіи. Число ихъ гораздо болѣе въ пустыняхъ перешейка, чѣмъ въ уади южной части полуострова. На нѣкоторыхъ изъ нихъ можно замѣтить камни, у другихъ кургановъ, по дорогѣ между Акабою и Газою, мы замѣчали основаніе, уложенное вѣнцомъ камней, что напоминаетъ виолинъ коло новгородскихъ и южнорусскихъ кургановъ.

Перечисливъ такимъ образомъ формы мегалитическихъ сооруженій неолитической эпохи, мы теперь можемъ обратиться къ тому, чѣдѣ было найдено около этихъ памятниковъ доисторического человѣка; но въ виду того, что многое данныхъ этого рода доставили намъ и пе-

щеры Синайского полуострова, мы должны сказать нѣсколько словъ и объ этихъ послѣднихъ. Пещеръ очень много лѣ горахъ Каменистой Аравіи; песчаниковая и известняковая формаций многихъ изъ ея горъ представляютъ всѣ условія для ихъ естественнаго образованія. Первобытному человѣку пришлось едва-ли много выкачивать пещерь своими руками, когда ихъ такъ много приготовила природа. Выкачивать себѣ жилища человѣку приходилось только въ горахъ, окружающихъ уади, богатыя зеленью и водой, и представляющихъ мало естественныхъ углубленій. Поэтому пещеръ, которыхъ можно было бы причислить къ неолитическимъ соруженіямъ, по всей вѣроятности, вообще не много, особенно сравнительно съ вертепами, уготованными самой природой.

Самыми богатыми естественными пещерами являются хребты Эръ-Раха, Этъ-Тиха и Джебель-этъ-Оджехъ, отдѣляющіе пустыни перешейка отъ собственно Каменистой Аравіи. Ихъ известково-песчаная природа представляетъ много условій для естественнаго образованія пещеръ при размывѣ водою и при обсыпаніяхъ; между этими пещерами встречаются и искусственные, образованные рукой человѣка. Прибрежныя скалы Акабинскихъ альпъ имѣютъ также не мало пещеръ, изъ которыхъ пещера Судебъ (Назбъ), находящаяся недалеко отъ родника сладкой воды, неизвѣстной даже многимъ Арабамъ Синайскаго полуострова, по нашему мѣнѣю, представляетъ самую замѣчательную во всѣхъ отношеніяхъ. Она находится въ дикой, едва доступной для человѣка мѣстности, въ углу, образуемомъ горами уади Назбъ. Не иѣвъ съ собою никакихъ топографическихъ приборовъ, мы не можемъ точно опредѣлить это мѣсто. Отъ уади Цугерахъ мы поднимались около полутора часа прежде, чѣмъ добрались до пещеры Судебъ. Образовалась она изъ расщелины скалы и изъ размывки глинистаго слоя, котораго остатки замѣтили и досель. Длина ея — около 4 саженей, ширина — около трехъ. Въ стѣнахъ ея сдѣланы, по видимому, рукой человѣка маленькия ниши, подобныя нишамъ древніихъ еврейскихъ усыпальницъ (гробница Царей, Осіи, Пророковъ) около Йерусалима. Стѣны пещеръ вообще носятъ на себѣ слѣды человѣческой обработки въ видѣ полосъ, желобовъ, плоскостей, образованныхъ съ помощью орудій. Въ этой пещерѣ мы нашли довольно много интереснаго, о чѣмъ я скажемъ впослѣдствії. Входъ въ нее, по видимому, прежде запирался камнями, лежащими теперь возлѣ него и вѣсколько отличающимися отъ грунта окружающихъ скалъ.

Много пещеръ также въ уади Леджа, которая въ первые вѣка христіанства служила келіями отшельниковъ; между ними очень много

искусственныхъ, чему, безъ сомнѣнія, способствуетъ грунтъ, чрезвычайно легко уступчивый обработкѣ. Много такихъ вертеповъ во всѣхъ утесахъ, идущихъ отъ Рамен до Накуса; богаты ими и самъ знаменитый звучащий Накусъ. Не мало ихъ въ известковыхъ горахъ уади Тайбэ. Въ знаменитыхъ порфировыхъ каменоломняхъ уади Магара, откуда доставлялся камень для обшивки большой пирамиды Хеопса, мы видѣли вертепы, и въ одномъ изъ нихъ нашли кости, угля и раковины. Въ горахъ, окружающихъ Феранскую долину, изсѣчено много пещеръ, чтѣ и не мудрено, такъ какъ Фераль издавна считался раемъ полуострова. Въ одной изъ нихъ мы нашли кости различныхъ животныхъ и куски аморфныхъ кремней.

Не мало пещеръ во всѣхъ горахъ, составляющихъ Синайскій горный узелъ. Пещеры Моисееву, Иоанна и другихъ отшельниковъ на главныхъ Синайскихъ горахъ показываютъ всѣмъ путешественникамъ. Въ пустыняхъ же Эть-Тиха и перешейка въ горахъ, идущихъ къ Цалестину и Моаину, по большей части известковаго свойства, перечесть эти пещеры невозможно. Въ нихъ, по всей вѣроятности, заключается богатый археологическій и антропологическій материалъ, на сколько мы можемъ судить по нѣкоторымъ своимъ находкамъ. Много среди этихъ пещеръ встрѣчается и искусственныхъ, образованныхъ рукой человека.

Пещеры эти служили или обиталищемъ древнихъ людей, какъ служатъ нѣкоторые и досегъ для пріюта арабскимъ пастухамъ и не имущимъ крова бедуинамъ, или усыпальницами.

V.

Покончивъ съ описаніемъ мегалитическихъ сооруженій и слѣдовъ каменнаго вѣка на Синайскомъ полуостровѣ, мы перейдемъ теперь къ описанію остатковъ, найденныхъ нами въ различныхъ местностяхъ Каменистой Аравіи. Мы не можемъ похвастаться обиліемъ этихъ находокъ, но въ виду того, что, на сколько намъ известно, никто еще до сихъ поръ не описывалъ какихъ-либо другихъ находокъ въ Синайскихъ горахъ, кроме орудій каменнаго вѣка¹⁾), мы пе-

¹⁾) Исключая развѣ Кистъ-Лорда и Пальмира: первый въ шахтахъ уади Магара находилъ, кроме каменныхъ орудій, куски стекла, краски, остатки деревянныхъ рукоятокъ, кучи прѣсноводныхъ раковинъ и ожерелья, сдѣланные изъ продиравленныхъ ихъ створокъ; а второй, кроме ракушекъ, угли, кусочки дерева и пепла, изслѣдуя пашаміс, нашелъ также костные кости и даже цѣлый скелетъ, но антропологического описанія этихъ находокъ омы не даетъ.

речислимыъ подробно все то, что мы нашли, съ надлежащими комментариями.

Самыми главными находками являются, разумѣется, остатки человѣка и животныхъ, чѣд для настъ имѣть наибольшій интересъ. Мы говорили уже выше, что въ бугоркѣ уади Солеихъ мы встрѣтили человѣческія кости. Онѣ находились въ пластѣ желтой глины совершенно замуравленными; около нихъ въ порядочномъ количествѣ были разсыпаны кремни, остатки грубыхъ глининыхъ издѣлій и красивые камешки, служившіе, по всейѣѣроятности, украшеніями первобытному человѣку. Совершенная замуровка костей и присутствіе орудій каменнаго вѣка давали памъ право отнести эти человѣческіе остатки къ эпохѣ весьма отдаленной, а не къ временамъ позднѣйшимъ. Анализъ костей, сдѣланній нами впослѣдствії, показалъ процентное соодержаніе органическаго вещества равнымъ нулю, что также вело къ предположенію о ихъ древности; не оставалось даже желатины, наибѣльѣ стойкой изъ составныхъ химическихъ частей кости¹⁾). Кости эти были слѣдующія: 1) Обломки теминныхъ костей, числомъ три; на нихъ можно констатировать только солидную толщину кости и сильное развитіе мѣсть прикрѣплений жевательныхъ мускуловъ, несвойственныхъ современнымъ обитателямъ полуострова, отличающимся замѣчательной легкостью черепа и малымъ развитиемъ жевательной мускулатуры; это различіе происходитъ, разумѣется, потому, что послѣдніе питаются лурно, и по преимуществу растительную пищею, тогда какъ ихъ предки употребляли въ пищу, главнымъ образомъ, мясо; то же подтверждается и значительное стирание рѣзцовъ и клыковъ на переднемъ отломкѣ нижней челюсти; мясная волокнистая пища требуетъ сильной работы рѣзцовъ. 2) Верхняя половина правой бедреной кости въ 0,28 м. тоже массивныхъ разибротовъ, съ сильно развитыми гребешками, особенно *labium laterale cristae femoris*; головка бедра имѣть солидное развитіе *Foveola*—ямки для прикрѣпленія круглой связки, гармонирующее впрочемъ съ солидностью головки и шейки бедра; полное срастаніе послѣдней и вертела съ тѣломъ кости показываетъ принадлежность послѣдней взрослому индивидууму. 3) Цѣлое большое берцо (*tibia*); его *crista* показываетъ значительное развитіе переднеголенихъ мускуловъ; *linea aspera* ея наоборотъ мало замѣтна.

¹⁾ По способу Курбса и Фогельзанда, о которомъ мы говорили въ цитированной выше статьѣ напр.: «Къ археологии и антропологии Ильинского басейна».

Саблевидность ея довольно выражена, что особенно хорошо выступает на ея поперечномъ разрѣзѣ на высотѣ питательного отверстія діафиза. 4) Двѣ неполныхъ плечевыхъ кости съ сильно развитою мускулатурою; обѣ представляютъ полное прободеніе локтеваго углубленія—признакъ, встрѣчающійся на костяхъ древнихъ Египтизъ и людей изъ долменовъ, предшествовавшихъ періоду полированнаго камня въ Европѣ¹⁾. 5) Остатки реберъ, фалангъ и костей запястья, не представляютъ ничего особенного; питочная кость показываетъ также развитие мускулатуры. По всей видимости, курганъ этотъ заключаетъ въ себѣ еще множество человѣческихъ остатковъ, такъ какъ описанные мы нашли зондированиемъ поверхности слоевъ его.

Вторымъ изъстонахожденіемъ костей была пещера въ уади Леджа, указанная намъ со相伴ождавшими насъ Арабами, и по видимому, известная имъ подъ именемъ пещеры костей. Пещера эта полузасыпана; массы костей изъ нея вывезены, по словамъ Арабовъ, на египетскіе мыловаренные заводы. Среди груды небольшихъ камней, глинистыхъ и известковыхъ отложенийъ, до сихъ поръ валяется множество костей различныхъ животныхъ; между ними мы отыскали и остатки человѣческіе. Это были по большей части остатки трубчатыхъ костей—плечевой, бедровой, берцевой безъ діафизовъ и эпифизовъ; большинство ихъ было разбито на куски, также какъ и кости другихъ животныхъ, что показываетъ употребленіе ихъ въ качествѣ питательного материала. Кости разбивались для того, чтобы легче было достать костный мозгъ. Такимъ образомъ у обитателей Синайского полуострова существовала антропофагія. Оставшаяся цѣлыми кости представляли тѣ же особенности, что и кости кургана Эль-Солеихъ. Не смотри на то, что они принадлежали по большей части молодымъ субъектамъ—отъ 16 до 18 лѣтъ, у которыхъ еще не вполнѣ были сроцены головка и вертель бедра къ тѣлу кости, на нихъ все-таки была сильно выражена могучая мускулатура, что отчасти и понятно, такъ какъ горные жители обладаютъ вообще сильными мышцами.

Въ камняхъ, окружающихъ комплексъ Эль-Гарской долины, какъ сказано выше, найдены были также человѣческие остатки. Ихъ было немного, но они представили два рѣзко выраженные типа, чтоб, въ связи съ найденою тамъ же египетской монетою, имѣть важное значение. Изъ костей, найденныхъ здѣсь, самые замѣчательны—двѣ цѣлые вижніи челюсти. Одна изъ нихъ, по своей массивности, силь-

¹⁾ Антропологія Топинара. Переводъ И. Мечникова, стр. 288—289.

ному развитию мышечных прикреплений и значительно стертым резцамъ и клыкамъ, при почти петронутыхъ коренныхъ, очень напоминаетъ типъ челюсти изъ холма Солеихъ. Другая, наоборотъ, легка, изящна и имѣетъ только легкія возвышенія для прикрытия мускуловъ и прекрасные зубы, напоминающіе зубы Коптова или Арабовъ. Скученные бугорки (дспѣ) на задней поверхности нижней челюсти, составляющіе почти обычное явленіе для человѣка, отсутствуютъ на поверхности послѣдней, несмотря на то, что она организована выше первой, и что этотъ признакъ свойственъ только человѣкообразнымъ обезьянамъ. Первая челюсть имѣетъ наклонное впередъ направление зубовъ (нижнезубной прогнатизмъ), тогда какъ во второй зубы имѣютъ вертикальное направление. У послѣдней подбородокъ выступаетъ за вертикальную линію на три миллиметра, тогда какъ у первой онъ едва выдается, что составляетъ крайне важный признакъ пизкости расы. Нижнечелюстной уголъ гораздо тупѣе у первой и прямѣе у послѣдней; параллельно съ этимъ развиты внутренніе края челюстей.

Найдены были также двѣ большеберцовыя кости и обѣ совершенно различныхъ типовъ. Одна массивна, саблевидна, съ сильно развитою linea aspera, а другая легка, изящна, столбовидна, съ ясно выступающими продольными линіями и со слаженною linea aspera; у первой діафизы относительно велики, даже сравнительно съ ея массивностью, у второй не замѣчается никакихъ отклоненій.

Отломки нѣсколькихъ плечевыхъ костей указываютъ также на два различные типа; массивность, сильное развитие tuberculi maj. et min., глубина межбугровой борозды (sulcus intertubercularis), прободеніе локтевого отростка отличаютъ одинъ типъ, тогда какъ другой характеризуютъ легкость, слабое развитіе бугорковъ и борозды, а также сохраненіе въ цѣлості локтевой ямки.

Нѣсколько другихъ мелкихъ костей и обломковъ черепа, отличающихся между собою только массивностью, не имѣютъ для насъ такого значенія, а потому и оппсывать ихъ нечего.

Изъ представленного описанія типическихъ костей, легко понять, что передъ нами имѣются кости двухъ различныхъ типовъ. Одна—сходныя съ костями Эль-Солеихскаго кургана, другая—болѣе подобныя костямъ современныхъ обитателей Каменистой Аравіи. Присутствие костей двухъ различныхъ типовъ прямо свидѣтельствуетъ, что въ данпоимъ мѣстѣ погребены остатки людей, не принадлежащихъ къ одному и тому же племени. Очевидно, что кромлехъ былъ устроенъ надъ могилою человѣка каменного вѣка, который любилъ воздвигать

такія мегалитическая сооруженія надъ своими усопшими предками. Но прочной вѣковою могилою первобытного человѣка воспользовались другіе позднѣйшии обитатели Синайского полуострова и погребли въ ней или около нея трупъ вождя, или другого человѣка, могилу котораго надо было сдѣлать известною для потомковъ и память которагоувѣковѣчивалась мегалитомъ, воздвигнутымъ могучею рукою древнаго автохтона. Египетскую монету мы отоссимъ ко времени этого вторичнаго погребенія. Это даетъ памъ поводъ сказать нѣсколько словъ о вторичномъ погребеніи.

Въ статьѣ нашей о новгородскихъ курганахъ мы старались доказать возможность и даже необходимость допущенія вторичнаго погребенія для кургановъ Ильменскаго бассейна; теперь же мы осмѣливаемся высказаться, что въ доисторической антропологии допущеніе этого принципа принесло бы значительные практическіе результаты. Оно объяснило бы многіе, необъяснимые иначе факты, которые совершенно запутываютъ археологовъ. Тогда стало бы понятно, почему въ доисторическихъ дольменахъ, сооруженіе которыхъ относить обыкновенно къ неолитическому вѣку, находятъ предметы бронзового, жѣлѣзного вѣка и даже временъ еще болѣе позднѣйшихъ¹⁾; одниъ словомъ, самыхъ различныхъ периодовъ времени, и почему орудія каменнаго вѣка встрѣчаются рядомъ съ монетами и медалями римскихъ императоровъ. Ничего неѣть удивительнаго, что позднѣйшии обитатели странъ, богатыхъ дольменами и другими мегалитическими гробницами, не зная ихъ значенія, воспользовались ихъ готовыми усыпальницами, какъ пользовались другіе естественными и искусственными пещерами, а также курганами и могилами, насыпанными надъ костями ихъ предковъ.

Неодновременное погребеніе можетъ быть примѣнено не только къ остаткамъ человѣческимъ, но и къ различнымъ предметамъ, находимымъ въ гробницахъ и жилищахъ человѣка каменнаго вѣка. Во всѣ времена производилось закапываніе различныхъ предметовъ, особенно драгоценныхъ. При нашествіи непріятелей, при отѣздѣ и въ другихъ обстоятельствахъ все, чѣмъ было дорого или священно для человѣка, закапывалось въ землю, служившую лучшимъ казнохранилищемъ. Въ виду того почета и суевѣрнаго уваженія, которымъ пользовались мегалитическая сооруженія у людей позднѣйшихъ вѣковъ,

¹⁾ Milm. Fouilles faites à Carnac; Fergusson. Monuments megalithiques; Bulletin de la Soc. pol. du Morbihan. 1878 an. 1 sec. стр. 102 и слѣд.

весьма понятно, что эти послѣдніе, во всѣхъ превратностяхъ своей жизни, охотно довѣряли усыпальницамъ ихъ предковъ все, чтѣ дорого было для кармана или для сердца. Намъ кажется, что гипотеза вторичнаго погребенія или закапыванія такъ сама и напрашивается для объясненія многихъ доселѣ необъяснимыхъ фактовъ.

Самымъ важнымъ мѣстонахожденіемъ костей человѣка и животныхъ была для насъ пещера Судѣбъ (Назѣбъ), указанная намъ проводникомъ Ахмедомъ-Ханна. Мы уже сдѣлали описание ея, и потому теперь можемъ прямо приступить къ разсмотрѣнію ея остатковъ.

Дпо пещеры—гипостойвестковаго свойства, какъ и вся скала, въ которой она помѣщается. При входѣ въ пещеру насть поразили многочленины кости, виднѣвшіяся, какъ камни мозаики, па днѣ. Вглядѣвшись пристальнѣ, можно было замѣтить, что ихъ было очень много. Въ кучахъ известняка, обсыпавшагося по бокамъ, и въ глубинѣ пещеры виднѣлись также кости. Неимѣя никакого орудія, кроме ножа, не позволило намъ сдѣлать раскопокъ, но и того, что было добыто, достаточно для первого изученія.

Костей человѣческихъ оказалось довольно много; большинство ихъ представляло обломки длинныхъ костей; трудное ихъ добываніе еще болѣе обламывало ихъ, по и пзъ этихъ обломковъ можно было констатировать, что кости эти принадлежали людямъ того же типа, какъ и кости Эль-Гара. Развитіе мускулатуры конечностей, саблевидность большеберцовой кости и выступаніе ея *linea aspera*, глубина борозды малой берцовой, продиралленность въ большинствѣ случаевъ (8 на 10) локтевой ямки, относительная толщина луча—вотъ характерныя особенности костей копечностей. Къ этому мы должны еще прибавить короткость тѣла и толстоту акромиальнаго конца ключицы, короткость и толстоту фалангъ, ширину тѣла лопатки, ея массивность, малое развитіе клювовиднаго отростка и центриметрическія особенности, къ которымъ принадлежать сравнительно съ костями конечностей тонкость костей таза, глубокая *acetabulum*, соответственно развитію головки бедра, выпянутость подвздошныхъ костей, придающа животный типъ тазу и отсутствіе *lineae gluteae anterioris*.

Между прочими костями попадалось много кусковъ и черепа. Кости темяви, лба и виска были довольно массивны; швы лобной, темяви-ной, височной и клиновидной костей при схожденіи давали, повидимому, соединеніе повороченнаго птериона (*ptérion renoué*); на внутреннихъ сторонахъ черепныхъ костей замѣчались въ значительномъ количествѣ Цахионовы давлениія, па которыхъ была цѣла еще довольно

толстая стекловидная пластика. На одномъ изъ обломковъ лобной кости замѣчалось сильное развитіе бугровъ и надбровныхъ дугъ.

Костей лица было гораздо менѣе; отломанный processus zygomaticus съ широкимъ четырехугольнымъ тѣломъ, двѣ нижнія челюсти съ значительно тупыми углами и зубнымъ прогнатизмомъ, съ большими foramina maxillaria, толстымъ зубнымъ краемъ и не слинкомъ выдающимся подбородкомъ, а также кусочки верхней челюсти съ хорошо сохранившимися зубами, показывавшими ихъ сильное употребленіе, были единственными костями лица, если не считать обломковъ стѣнокъ глазницъ.

Копаясь усердно въ глинистыхъ и известковыхъ кучахъ, мы наткнулись и на единственный черепъ, сильно пострадавшій въ основаніи. Костей верхнечелюстныхъ, части скелетовъ, не говоря уже о нижней челюсти, не существовало вовсе; черепъ вообще представлялъ такую ветхость, что распадался при одномъ прикосновеніи измѣрительныхъ инструментовъ. Вслѣдствіе такой ломкости намъ не удалось изследовать его краніометрически съ желательною полнотою. Констатирована также массивность костей, овально яйцевидная форма черепа при рассматриваніи сверху и ясно выраженная долихоцефалия. Полученные размѣры — слѣдующіе:

Головной указатель 71,50.
 Носовой указатель 46,25 (platyrh.)
 Diameter front. minor 110 c.
 D. poster. maxim. 190.
 D. transversus 135.
 Courv. occip. frontal. 350.
 Courv. horizont. total. 557.

Лобные бугры этого черепа довольно развиты, какъ и *arcus superciliatus*, но не на столько, какъ въ описанномъ выше обломкѣ. Межорбитное разстояніе довольно широко, *glabella* сильно развита; края орбиты довольно толсты. Носовые кости нѣсколько изогнуты и составляютъ съ лобною костью уголъ около 160°. Лицевая часть черепа довольно широка.

Эти данные, съ одной стороны, приближаются найденный вами черепъ къ черепамъ древнихъ Египтянъ и настоящихъ Арабовъ, а съ другой—раздѣляютъ ихъ значительно. Долихоцефалия, свойственная черепамъ Египтянъ и Арабовъ, выражена въ Эль-Назскомъ черепѣ значительно; но посому указателю, составляющему, по Брокѣ и Топинару, одинъ изъ лучшихъ признаковъ для распознаванія чело-

въческихъ расъ¹⁾), равному 46,25, онъ приближается также къ черепу древнихъ Египтянъ и современныхъ Арабовъ, но за то массивность костей, ширина лица, развитость *glabella*, изогнутость носовыхъ костей, развитость *tubera frontalia* и др. описательные признаки никакъ не позволяютъ приравнивать его къ черепамъ Египтянъ и Арабовъ, хотя среди этихъ послѣднихъ есть множество переходовъ къ типическимъ особенностямъ другихъ народовъ.

Съ костями человѣческими мы нашли также нѣсколько кремней весьма грубо обдѣланныхъ, нѣсколько черепковъ грубой, хотя и довольно тонкой посуды, массу раковинъ, угли, пепель и остатки другихъ животныхъ. Они состоятъ изъ копролитовъ и костей. Копролиты эти, въ формѣ продолговатыхъ шариковъ и завитушекъ, по поверхностному анализу, произведенному нами уже по прѣѣздѣ въ Іерусалимъ, показали присутствіе значительного количества фосфорно-кислыхъ и известковыхъ солей, что заставляетъ насъ думать, что они принадлежать къ изверженіямъ животныхъ плотоядныхъ, употреблявшихъ въ свою пищу много костей.

Кости животныхъ, найденные нами въ пещерѣ Судебъ, также довольно многочисленны и превосходятъ числомъ остатки человѣческие. На сколько возможно было опредѣлить, здесь находились кости лошади (по цѣлой челюсти), осла, каменаго барана, антилопы (рога), медведя (кости), кабана (клыки), гіены и кости мелкихъ грызуновъ, а также скелеты рыбъ и отдѣльные зубы акулы, не продырявленные. Изъ сдѣланныго нами выше перечисленія животныхъ, обитающихъ нынѣ въ Каменистой Аравіи, видно, что медведь, оселъ, лошадь, кабанъ вовсе не живутъ нынѣ на полуостровѣ, а потому присутствіе ихъ костей рядомъ съ зубами акулы, скелетами рыбъ и раковинами представляетъ пѣкоторый интересъ.

Болѣе цѣлыхъ костей человѣческихъ найдено нами не было. Правда, во время своихъ странствованій по пустынамъ перешейка, мы встрѣчали много остатковъ человѣческихъ, но то были остатки современныхъ людей, погибшихъ отъ зноя и безводія въ горячей пустынѣ, неимѣющіе значенія для доисторической антропологии. Го-раздо важнѣе для насъ были находки жженыхъ костей человѣческихъ въ двухъ мегалитическихъ сооруженіяхъ Каменистой Аравіи — у менгира Цугераха и въ дольменѣ уади Рахи, о чёмъ мы уже упо-

¹⁾ P. Broca. Recherches sur l'indice nasal: *Rivue d'Anthropologie* 1872; Tocpinard. *Anthropologie*.

минали. Въ обоихъ случаяхъ форма нѣкоторыхъ остатковъ костей на столько была сохранена, что по ней можно было несомнѣнно константировать, что это именно кости человѣка. Онѣ лежали вмѣстѣ съ значительнымъ количествомъ иепла и углей; близъ дольмена Рахи были разбросаны и обломки разбитой глиняной посуды, подвергавшейся дѣйствію огня. Но въ виду того, что населеніе Каменистой Аравіи было непостоянно и часто смѣнялось новыми волнами пришельцевъ изъ Азіи и Африки, нельзя еще допускать, на основаніи этихъ случаевъ, что именно здѣшніе первобытные обитатели сожигали своихъ покойниковъ.

Отъ остатковъ человѣческихъ перейдемъ теперь къ остаткамъ животныхъ. Мы уже упоминали не разъ о множествѣ раковинъ, найденныхъ нами и другими исследователями въ разныхъ частяхъ Каменистой Аравіи; говорили также о копролитахъ и костяхъ пещеры Назбъ. Кости животныхъ мы находили еще въ двухъ пещерахъ — въ одномъ изъ вертеповъ уади Феранъ и въ одномъ изъ естественныхъ углубленій знаменитаго Накуса. Нѣсколько обломковъ встрѣчалось также и въ синайскихъ кухонныхъ остаткахъ. Въ пещерѣ уади Феранъ въ наше время лежала цѣлая груда костей животныхъ, среди которыхъ мы могли отличить кости быка, лошади, козла, верблюда, антилопы, гиены и нѣкоторыхъ мелкихъ животныхъ; было также нѣсколько зубовъ синицы и какихъ-то хищниковъ; то же самое встрѣтили мы и въ пещерѣ Накуса. Кости животныхъ были до того раздроблены, что большинство ихъ трудно было опредѣлить; вполне цѣлыми мы нашли только ноги лошади и черепъ верблюда, нѣсколько меньшій по величинѣ и съ болѣе выступающими нижнечелюстными kostями, чѣмъ черепъ современнаго верблюда. Онъ, вѣроятно, принадлежалъ дикому верблюду, водившемуся въ пустыняхъ Аравіи, кото-рагоnomады ея употребляли въ пищу паравиѣ съ другими туземными животными, прежде, чѣмъ пріучили его сдѣлаться „кораблемъ пустыни“.

Раздробленіе замѣчалось особенно на костяхъ трубчатыхъ, изъ которыхъ первобытный человѣкъ добывалъ самое лакомое блюдо — мозгъ. Для раздробленія служили, по всей вѣроятности, камни, которые обыкновенно и встрѣчаются вмѣстѣ съ раздробленными kostями. Множество съѣдобныхъ раковинъ и рыбныхъ костей составлять необходимую часть большинства этихъ животныхъ остатковъ, которые можно считать вполне аналогичными съ kjökkenmoldnings сѣверной Европы, кухонными остатками другихъ народовъ.

Остановимся теперь на некоторыхъ животныхъ, кости которыхъ встречаются въ кухонныхъ остаткахъ и въ костеносныхъ пещерахъ Каменистой Аравии. Вовсе не удивительно, что мы встрѣчали кости верблюда, обитавшаго въ дикомъ состояніи въ пустыняхъ Синайского полуострова, и кости осла, бывшаго испоконъ въку домашнимъ животнымъ Египта; тѣмъ не менѣе, фактъ нахожденія костей этого животнаго вмѣстѣ съ костями лошади, неизвѣстной древнему Египту, заслуживаетъ нѣкотораго обсужденія въ виду его значенія при изученіи древней культуры.

Ученый Ленорманъ замѣчаетъ, что изображенія ословъ встречаются на древнѣйшихъ монументахъ Египта¹⁾; изъ надписей, относящихся ко времени IV-й династіи, видно, что тамъ были богачи, обладавшіе даже тысячами ословъ. О существованіи же лошади памятники древняго Египта не даютъ указаний. Несмотря на могучую цивилизацию Египта, древніе обитатели Кели не приходили, значитъ, вовсе въ сношенія съ жителями Европы—Арійцами, у которыхъ лошадь была самымъ главнымъ домашнимъ животнымъ. Арійцы еще на своей прародинѣ пріучили лошадь, а Семиты на берегахъ Нила—осла. Какимъ же образомъ въ пещерахъ Синайского полуострова кости лошади находятся вмѣстѣ съ костями осла? Для объясненія этого обстоятельства остается только предположить, что первобытные обитатели Каменистой Аравіи, не имѣя сами домашнихъ животныхъ, получили отъ Семитовъ осла, а отъ Арійцевъ, съ которыми приходили, по всей вѣроятности, иѣ столкновеніе черезъ Моавію, имѣвшую живое сношеніе съ долинами Тигра и Евфрата, переняли лошадь. Въ этомъ возможномъ раннемъ сношении Семитовъ съ Арійцами и Семитами могутъ крыться причины, по которымъ они уже издавна отличались отъ Египтянъ, несмотря на постоянное сношеніе съ пими.

Скажемъ еще нѣсколько словъ о немноготисленныхъ предметахъ, найденныхъ нами въ пещерахъ Синайского полуострова. Объ углахъ и нѣсколькихъ обломкахъ грубой глиняной посуды уже упомянуто; по небольшимъ осколкамъ трудно судить о профѣтаніи гончарного дѣла у вѣнчанаго древняго обитателя. Мы говорили также и о талисманѣ, найденномъ въ одномъ изъ мегалитическихъ сооруженій — небольшомъ кускѣ краснаго камня съ красивыми бѣлыми и голубо-

¹⁾ Lenormant. Les premières civilisations. Только въ серединномъ періодѣ (тоупе empire Mairat), относящемся къ XV—XVII вв., цари пастыри привели лошадь въ Египетъ.

ватыми жилками. Другой камень, подобный первому, добытъ нашъ проводникъ въ одной изъ пещеръ Ферана выѣстъ съ раковинами и кремнями. Значеніе этихъ камешковъ мы выводимъ впрочемъ только изъ замѣченной страсти всѣхъ древнихъ народовъ къ талисманамъ всякаго рода и изъ того, что другое значеніе для этихъ красивыхъ камешковъ предположить трудно. Выѣстъ съ первымъ камешкомъ была найдена и египетская монета. Дѣй другихъ монеты мы нашли на берегу Чернаго моря недалеко отъ подножья Накуса. Находка эта недалеко отъ моря можетъ быть легко объяснена въ виду оживленной торговли, которую ведутъ Египетъ съ окружающими странами.

Изъ другихъ предметовъ, найденныхъ нами, не относящихся впрочемъ къ доисторической антропологии, надо упомянуть еще о двухъ масляныхъ лампочкахъ, типъ которыхъ хорошо знакомъ археологамъ Египта и особенно Палестины. Это глиняный сосудъ въ формѣ башмачка съ двумя отверстіями—однимъ большимъ на широкомъ концѣ лампочки для наливанія масла, и другимъ маленькимъ на носкѣ башмачка, служащимъ для вставления свѣтильни. По наружной поверхности лампочки эти имѣютъ различные узоры. Одинъ изъ этихъ сосудовъ найденъ былъ въ пещерѣ уади Феранъ, быть можетъ, служившей кельею какому-нибудь благочестивому отшельнику изъ первыхъ вѣковъ христіанства. Другая лампочка найдена была въ противоположной части Синайского полуострова въ каменной пещерѣ Акабинскихъ альпъ, недалеко отъ Терабина.

Въ этой послѣдней былъ найденъ также стеклянnyy сосудъ, напоминающій по формѣ колбочку; горлышко его на верхушкѣ было немного отбито. Работа сосуда очень изящна. Весь онъ былъ наполненъ какимъ-то веществомъ въ родѣ пепла, которое, къ сожалѣнію, не было подвергнуто нами химическому изслѣдованию.

Въ одной изъ пещеръ Эль-Гиха, изѣстной подъ именемъ Чертовой-Эль-Джинъ, мы нашли цѣлую груду камней и два сосуда, той же формы, которая часто встрѣчается въ сосудахъ, находимыхъ въ Палестинѣ¹⁾, а также въ раскопкахъ д-ра Шлимана на мѣстѣ древней Трои. Одинъ изъ нихъ представляетъ обычновенную форму сосуда для возлінія вина на могилу покойника и для погребенія съ этимъ послѣднимъ, въ родѣ длиннаго узкаго небольшаго кувшина съ

¹⁾ Въ коллекціи палестинскихъ древностей о. архимандрита Антонина, настоятеля русской православной миссіи въ Іерусалимѣ, мы видѣли много подобныхъ сосудовъ. Есть также и стеклянные.

длиннымъ горлышкомъ и ручкою; другой же представляетъ типъ слезницъ, то-есть, сосуда въ формѣ колочекъ съ горлышкомъ, передняя губа которого вытянута въ видѣ жалоба для помѣщенія плачущаго глаза.

Намъ остается еще сказать нѣсколько словъ о памятникахъ, которые мы затрудняемся причислить къ какой-нибудь эпохѣ, хотя склонны относить ихъ къ остаткамъ древнейшей эпохи. Для того, чтобы поставить ихъ въ связь съ другими болѣе изученными фактами, скажемъ сперва о Синайскихъ надписяхъ, высѣченныхъ на каменныхъ стѣнахъ многихъ его уади.

Вѣроятно, каждый изъ археологовъ слыхалъ о знаменитыхъ Синайскихъ надписяхъ. Начиная отъ Козьмы Индикоплова, въ VI в., каждый изъ путешественниковъ, хотя вскользь, упоминаетъ о нихъ; такъ поражаютъ онѣ взоръ своюю таинственностью! Робинсонъ, въ своемъ знаменитомъ сочиненіи¹⁾, цитируетъ всѣхъ авторовъ, занявшися разъясненіемъ Синайскихъ надписей. Еще въ прошломъ столѣтіи путешественники Цококъ и Нибуръ начали списывать ихъ; труды ихъ дополнили Зетценъ, Бурхардтъ и Грей, въ собраніе втораго вошли около 200 надписей. Въ 1850 г. Лоттентъ-де-Леваль, изобрѣвшій особенный способъ скалькованія надписей, дополнилъ списокъ Грея множествомъ новыхъ текстовъ, пунктуально передавшихъ. Многие изъ нихъ списалъ преосв. Порфирий Успенскій.

Синайскія надписи суть начертанія на непонятномъ языѣ и гіероглифами на скалахъ западной части полуострова. Онѣ встрѣчаются на всѣхъ дорогахъ, ведущихъ къ монастырю съ запада, а потому большинствомъ и яствѣдователей считаются въ зависимости отъ паломническихъ движений къ бблейскимъ святынямъ. По словамъ Робинсона, которая повторяетъ и Уманецъ и преосв. Порфирий, онѣ доходятъ даже по подошвѣ главнаго уада Синайскихъ горъ. Ихъ вѣтъ только на Джебель-Муса, Хоривъ и Пикѣ св. Екатерины, хотя ближе лежащія вершины, какъ, напримѣръ, Сербаль, покрыты обильно надписями. На восточной сторонѣ Синая также не было найдено ни одного начертанія. Больше всего ихъ находится въ уади-Моккатѣбъ, получившей даже свое название „исписанной“ отъ этихъ таинственныхъ письменъ, покрывающихъ тысячами ея скалы.

Въ знакахъ, начертанныхъ на скалахъ Синайскихъ, опытнейшіе

¹⁾ Biblical Researches In Palestine, Mount Sinai and Arabia Petraea. By E. Robinson and E. Smith. London. 1871.

палеографы не могли еще вполне разобраться. Одни въ нихъ видѣли письмена древнихъ Евреевъ (Козьма Индикопловъ, Форстеръ), другие (Генезіусъ), письмена арамейскія или финикийскія, тогда какъ третыи находили въ нихъ сходство съ куфическими и пальмирскими литерами. Профессоръ Беръ утверждаетъ, наоборотъ, что они принадлежатъ къ языку Набатеевъ, древнихъ обитателей Каменистой Аравіи. Съ мнѣніемъ Бера соглашается Тухъ и преосв. Порфирий, который въ своей статьѣ „Письмена Кинея Манаэы на Синайскихъ утесахъ“, отослать начертаніе этихъ надписей къ эпохѣ, предшествовавшей приходу Израильянъ; начертали ихъ Кинеи, которые населили прежде всѣхъ Синайскій полуостровъ; эти Кинеи были современны съ Набатеями, обитавшими въ Цетрѣ, такъ какъ на скалахъ послѣдовали найдены надписи, аналогичныя синайскимъ начертаніямъ. Преосв. Порфирий доказываетъ это ссылкою на Страбона и мѣстное преданіе Синайитовъ, повѣствующее о томъ, что нѣкто Фемантъ, потомокъ Исаа, изобрѣлъ эти начертанія. Беръ, Тухъ и преосв. Порфирий приходятъ къ тому мнѣнію, что Синайскія надписи были начертаны поклонниками Синая, шедшими сюда съ незапамятныхъ временъ. Въ то время, какъ первые видѣть въ надписахъ имена христіанскихъ поклонниковъ Синая, преосв. Порфирий старается доказать, что эти паломники, начертавши свои имена на скалахъ Синая, были язычники—Набатеи, приходившие поклониться многоглавому Сэрблю со вершинами, посвященнымъ солнцу, лунѣ и пяти планетамъ. Воспоминаніе о кульѣ Баала или Баала сохранилось и въ самомъ арабскомъ названіи его. Но на нѣкоторыхъ скалахъ встрѣчаются несомнѣнно греческія буквы, очевидно позднѣйшаго написанія, и настоящіе египетскіе гіероглифи, какъ напримѣръ, на горѣ Сурабить-эль-Кадимъ, гдѣ находятся развалины египетскаго храма, открытаго Набуромъ и изслѣдованнаго Лабордомъ, Линаномъ и Робинзономъ, а также въ уади Магара.

Не описывая подробно къ чему пришли ученые, изучавшіе Синайскія надписи, упоминемъ только о нѣкоторыхъ изъ этихъ знаковъ, имѣющихъ археологическое значеніе, независимо отъ содержанія надписей. Эти знаки суть простыя точки, или вѣрѣѣ сказать, кружки большаго или меньшаго углубленія, которые можно замѣтить среди многихъ изъ этихъ надписей. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ они расположены группами, въ другихъ рядами. Они встрѣчаются также на нѣкоторыхъ поверженныхъ камняхъ, и тогда они дѣлаются до того похожими на ямки такъ называемыхъ чашечныхъ камней, что невольно хочется признать ихъ тождество съ сими послѣдними. Въ этомъ,

впрочемъ, нѣть ничего удивительного, такъ какъ чашечные камни найдены не только въ Европѣ, но и въ Индіи, Алжирѣ, Мальтѣ, Египтѣ и Малой Азіи около Смирны¹).

Точно также ограничимся только указаниемъ и на другой знакъ, который мы, а вѣроятно и другие, замѣчали въ нѣсколькихъ мѣстахъ среди сивайскихъ начертаній. Это есть знаменитая swastika Арійцевъ, знакъ, состоящій изъ андреевского креста или прямаго, которого каждый рогъ имѣеть колѣно подъ прямымъ угломъ. Это колѣно можетъ имѣеть вторичное колѣно и т. д. Направление этого колѣна всегда падаетъ въ одну сторону у всѣхъ точекъ, и обыкновенно слѣва на право.

Знакъ этотъ, считаемый за обще-арійскій символъ огня, найденъ на многихъ арійскихъ памятникахъ. У Персовъ, Индусовъ, Троянцевъ, Пеласговъ, Кельтовъ, Германцевъ и даже Американцевъ, встрѣчаются таинственные изображенія свастики. Мы думаемъ видѣть его и на многихъ начертаніяхъ, высѣченныхъ на скалахъ Сипайскаго полуострова. Правда, оно не всегда имѣеть тамъ такую правильную форму, какую мы описали, но видоизмѣненіе свастики встрѣчается и на арійскихъ памятникахъ. Мы уже говорили выше, что одинъ изъ камней уади Нукубъ-Хеви, который мы считаемъ за менгиръ, на нижнемъ своемъ концѣ имѣеть изображеніе, похожее на таинственную свастику. Теперь прибавимъ, что кресты съ загнутыми колѣнами мы видимъ на скалахъ Ферана и Моккатеба. Дать какое-нибудь объясненіе этому факту мы не рѣшаемся, но замѣтимъ, что нѣть ничего удивительного въ томъ, чтобы свастика Арійцевъ могла появиться на скалахъ Каменистой Аравии, жители которой были въ постоянныхъ сношеніяхъ съ Арійцами, и даже съ настоящими Индусами и Малайцами.

¹) *Rivett Carnac. On some Ancient Sculpturings on Rocks in Kamaou etc. London. 1877; Flower. Internat. Cong. of prehist. Arch. 1868.*

А. Еллеѣвъ.

(Окончаніе следуетъ).

О ВЛІЯННІ ГЕРМАНСКАГО И КЕЛЬТИЧЕСКАГО ПРАВА НА СИСТЕМУ КАРЪ И ПОКАЯННІЙ ЗАПАДНОЙ ЦЕРКВІ¹⁾.

V.

Монастыри являлись, какъ указано было нами въ предшествовавшемъ изложениі, центромъ всѣй организаціи древне-ирландской церкви. Вслѣдствіе того и правила о монастырской дисциплинѣ приобрѣтаютъ вѣдь особое значеніе. На континентѣ Европы правила эти примѣнялись только къ монашествующей братії, на которую только и распространяласть власть аббата. Не такъ было въ древней Ирландіи, гдѣ церковная юрисдикція принадлежала въ большинствѣ случаевъ не епископамъ, а монастырямъ и ихъ представителямъ, аббатамъ. Здѣсь прегрѣщенія міранъ вѣдались аббатами, а епитиміи налагались на нихъ очень часто согласно съ установленными для монашествующей братії правилами. Одинъ изъ ирландскихъ соборовъ прямо постановляетъ это отпосительно смертоубѣйцы. „Oimes honi-cidae—говорится въ этомъ соборномъ постановленіи,—si toto corde con-versi fuerint, VII annorum penitentiam districte sub regula mona-sterii peniteant“²⁾). Это обстоятельство не могло не сообщить древне-ирландской покаянной системѣ чертъ, рѣзко отличающихъ ее отъ покаянной системы первоначальной церкви. Другою причиной различій древне-ирландского покаянного права отъ покаянного права вселенской церкви было то обстоятельство, что на воззрѣнія ирланд-

¹⁾) *Продолженіе*. См. сентябрьскую книжку Ж. М. Н. Ир. за текущій годъ.

²⁾) *Wasserschleben*, Die irische Kanonesammlung (Giessen. 1874), 114.

скаго духовенства на существо покаянія вслѣдствіе причинъ, которыя указаны будто ниже, съ самаго начала распространенія христіанства въ Ирландіи стали вліять національныя кельтическія правовыя идеи. Задача послѣдующаго изложенія будетъ состоять въ указаніи того, какимъ образомъ покаянна система принла въ Ирландіи, въ силу указанныхъ причинъ и обстоятельствъ, тотъ своеобразный обликъ, съ которымъ мы знакомимся въ памятникахъ ирландскаго покаяннаго права.

Главными церковными взысканіями въ первоначальной церкви было, какъ указано выше, отлученіе и публичное покаяніе. Въ ирландской церкви отлученіе практикуется въ очень рѣдкихъ случаяхъ¹⁾, публичное же покаяніе совсѣмъ не примѣняется²⁾. Преобладающее значеніе получаетъ такъ-называемое частное покаяніе, состоящее въ совершении кающимся отдѣльныхъ благочестивыхъ покаянныхъ дѣлъ, налагаемыхъ на него священникомъ послѣ тайной исповѣди. Священникъ старался во всѣхъ частностяхъ ознакомиться съ прегрѣшеніями кающагося, тщательно, если можно такъ выразиться, взвѣшивать тяжесть этихъ прегрѣшений и назначалъ такія благочестивыя покаянія дѣла и упражненія, которая считалъ эквивалентомъ грѣхопадѣній дѣяній, и которая, слѣдовательно, по воззрѣніямъ того времени, могла погасить грѣхъ. Руководствомъ при назначеніи подобныхъ епитимій служили священникамъ, какъ покаянныя каноны древне-ирландскихъ соборовъ, такъ и сборники покаянныхъ правилъ, такъ-называемые пенитенциалии, составленные аббатами, епископами и другими благочестивыми мужами, преимущественно изъ монаховъ. Въ этихъ пенитенциалахъ епитиміи были точно определены, какъ качественно, такъ и количественно. Новѣду мы истрѣчаемся въ нихъ съ положеніями о томъ, на сколько должны быть продолжительны, и въ

¹⁾ Большею частію только тогда, когда назначенные предварительно прегрѣшавшему епитиміи оказывались недостаточными, чтобы побудить его къ раскаянію и обращенію на путь истини. Сравн. Praefatio Gildae de Penitentia (*Wasserschleben*, Bussordnungen, 107) § 17... et si idem fecerit, abscidatur a corpore (sc. ecclesiae) sicut membrum putredum. Пенитенциалии цитируются ямы по великоклѣному изданію *Вассершлебена*: Die Bussordnungen der abendländischen Kirche».

²⁾ Въ наукѣ высказывалось иногда противоположное изложенію въ текстѣ возврѣніе, но доводы, приводимые вѣкоторыми учеными въ пользу существованія въ древней Ирландіи публичного покаянія, основательно опровергнуты въ новѣшее время Ленингомъ (*Geschichte des Kirchenrechts*, II, 471, Anmerk. 2).

чамъ должны состоять благочестивыя покаянныя упражненія, налагаемыя въ возданіе за тотъ или другой грѣхъ. Равнымъ образомъ, вездѣ высказывается мысль, что для искупленія извѣстнаго прегрѣшениія необходима извѣстная, точно опредѣлена и являющаяся какъ бы эквивалентомъ этого прегрѣшениія спасенія. Извѣстное количество лишеній и страданій начинаясь признаваться необходимымъ для того, чтобы загладить вину и дать должно удовлетвореніе Богу, оскорбленному совершеніемъ прегрѣшениемъ. При этомъ ограниченіе чувственныхъ удовольствій, лишеніе себѣ земныхъ благъ въ пользу богоугодныхъ учрежденій и бѣдныхъ, однимъ словомъ, всѣ тѣ покаянныя благочестивыя дѣла, которыхъ рассматривались прежде главнымъ образомъ только какъ виѣшнія проявленія внутреннаго перерожденія, совершающагося въ душѣ грешника, какъ виѣшніе знаки торжества духа надъ плотью и присущимъ ей грѣховнымъ началомъ, получаютъ теперь значеніе наказаній, самостоятельно погашающихъ грѣхъ.

Сказаннмъ мы отнюдь не желаемъ утверждать, чтобы только что упомянутое воззрѣніе на покаяніе вообще и на благочестивыя покаянныя дѣла въ частности составляло такую особенность древне-ирландской церкви, съ которой не встрѣчалось бы ничего аналогичнаго въ церкви первоначальной. Напротивъ того, намъ хорошо извѣстно (какъ легко можно убѣдиться изъ предшествовавшаго изслѣдованія), что уже въ первоначальной системѣ карательное начало получило извѣстное развитіе, а благочестивыя покаянныя дѣйствія приобрѣли относительно одного разряда грѣховныхъ дѣланій, а именно относительно такъ-называемыхъ *delicta quotidiana incursionis*, значеніе наказаній, самостоятельно погашающихъ грѣхъ. Слѣдовательно, аналогичными явленіями были и въ церкви первоначальной, но только значеніе этихъ явленій было совсѣмъ иное. Карательное начало не сдѣгалось преобладающимъ элементомъ въ покаянной системѣ первоначальной церкви, а покаянныя дѣла приобрѣли вполнѣ самостоятельное значеніе только относительно наименѣе важнаго разряда грѣховныхъ дѣлъ. А въ церкви Ирландской, какъ мы только что видѣли, было совсѣмъ иначе: карательное начало является здѣсь преобладающимъ элементомъ покаянной системы, а отдельные благочестивыя покаянныя дѣла приобрѣтаютъ самостоятельное значеніе относительно всѣхъ разрядовъ грѣховныхъ дѣланій, какъ тяжкихъ, такъ и легкихъ.

Причиной подобаго измѣненія характера покаянной системы было, какъ мы указали выше, то обстоятельство, что покаянныя правила древне-ирландской церкви воспріяли свое начало въ монастыряхъ,

предназначеніи были первоначально для монаховъ, и только потомъ уже начали примѣняться и къ прегрѣщеніямъ мірянъ. Въ монастыряхъ публичное покаяніе рано вышло изъ употребленія. Это церковное взысканіе назначалось въ первоначальной церкви епископами. Монастыри же постоянно стремились освободиться отъ непосредственнаго подчиненія власти епископовъ. Поддержаніе дисциплины въ монастыряхъ привадлежало преимущественно главѣ монастырской общини, аббату. Посредъ нихъ монахи должны были исповѣдываться во всѣхъ своихъ прегрѣшенияхъ, какъ легкихъ, такъ и тяжкихъ, а онъ долженъ былъ, тщательно взвѣсивъ каждое прегрѣшеніе, опредѣлить за оное соотвѣтствующее дисциплинарное взысканіе. Такимъ образомъ церковно-дисциплинарная власть епископа замѣнена была фактически относительно монаховъ властью аббата, такъ какъ и тяжкія прегрѣшения монаховъ рѣдко дѣлались извѣстными вѣнѣ стѣнъ монастыря. Только въ тѣхъ случаяхъ, когда аббатъ самъ желалъ имѣшательства епископа, или когда монахъ изгонялся изъ монастыря, становилось возможнымъ примѣненіе отлученія и публичного покаянія къ члену монастырской общини. Въ большинствѣ же случаевъ для монаховъ древнія церковныя взысканія замѣнялись частнымъ покаяніемъ, называемымъ аббатомъ послѣ тайной исповѣди, сдѣлавшейся обязательной для всей монашествующей братії. На континентѣ Европы эта замѣна древніхъ церковныхъ взысканій, частнымъ покаяніемъ и установление обязательности тайной исповѣди имѣли мѣсто только относительно монастырскихъ общинъ, относительно же мірянъ продолжали дѣйствовать и въ VI столѣтія древнія покаянныя правила. По прежнему явныя и тяжкія прегрѣшения влекли за собою отлученіе отъ церкви, при чемъ возсоедиженіе могло быть достигнуто только путемъ публичного покаянія, а легкіе и тайные грѣхи искупаались молитвою, подаяніемъ и другими добрыми дѣлами¹). Но въ Ирландской церкви, гдѣ монастыри получили юрисдикцію надъ мірянами, то, что было обязательно для монаховъ, стало обязательнымъ и для мірянъ. А именно, и для сихъ послѣднихъ признана была необходимою исповѣдь передъ священникомъ, имѣвшая своимъ послѣдствіемъ наложеніе частной епитиміи. Вотъ почему публичное покаяніе изчезло изъ практики Ирландской церкви, а равнымъ образомъ и изъ практики церкви Британской, гдѣ, хотя епископы и имѣли болѣшее сравнительно съ ир-

¹⁾ См. приведенное *Ленниномъ* (*Geschichte des Kirchenrechts* 470, Anmerk.).
2) мѣсто изъ твореній Цезарія Арльскаго.

ландскийе значение, но монастырское вліяніе все-таки было весьма значительно. При этомъ не слѣдуетъ упускать, равныиъ образомъ, изъ виду, что частное покаяніе гораздо болѣе соотвѣтствовало духу новообращенныхъ племенъ, чѣмъ покаяніе публичное: сіе послѣднее не могло быть усвоено церковнымъ кельтическимъ правомъ уже потому, что новообращенному Кельту необходимо должны были показаться унизительными и нестерпимыми тѣ церемоніи, которыми оно сопровождалось¹⁾). Этимъ же обстоятельствомъ объясняется и дальнѣйшій успѣхъ частного покаянія въ ущербъ покаянію публичному у остальныхъ народовъ средневѣковой Европы, которыхъ впослѣдствіи ирландскіе, британскіе и шотландскіе миссіонеры познакомили съ своею покаянной системой.

Такимъ образомъ, замѣна публичнаго покаянія тайной исповѣдью и частнымъ покаяніемъ объясняется заимствованіемъ покаянныхъ правилъ для мірянъ изъ монастырскихъ покаянныхъ правилъ и большинствомъ соотвѣтствіемъ частного покаянія національному духу новообращенныхъ племенъ.

Въ то же самое время, мы видѣли, что отдѣльныя благочестивыя покаянныя дѣла приобрѣтаютъ самостоятельное значение относительно всѣхъ разрадовъ грѣховныхъ дѣлъ. Между тѣмъ какъ въ первоначальной церкви только болѣе легкія прегрѣщенія искупались добрыми дѣлами, въ церкви Ирландской всѣ прегрѣщенія, какъ легкія, такъ и самыя тяжкія, могли быть, если такъ можно выразиться, погашены извѣстною мѣрою добрыхъ дѣлъ и благочестивыхъ упражненій. Прегрѣшившій, послѣ отбытія опредѣленной ему епитиміи, рассматриваемой въ памятникахъ ирландскаго канонического права какъ наказаніе въ полномъ смыслѣ этого слова, считался вполнѣ свободнымъ отъ грѣха, такъ какъ онъ далъ удовлетвореніе разг҃ибованному его проступкомъ Богу. Чѣмъ же объясняется подобное крайнее разви-

¹⁾) *Лейнигъ* совершенно отвергаетъ значение сего послѣднаго обстоятельства (*Gesch. des Kirchenrechts*, II, 473. Anmerk. 1), но, по нашему мнѣнію, безъ основательныхъ доводовъ. Намъ кажется, что большее соотвѣтствіе частного покаянія національному духу новообращенныхъ племенъ имѣло значительное вліяніе при замѣнѣ публичнаго покаянія частнымъ. Не безъ основанія можно предположить, что именно въ виду этого обстоятельства римскіе миссіонеры, проповѣдавшіе слово Божіе у Anglo-Саксонъ, иницируя сего послѣднаго племени не публичное покаяніе, практиковавшееся въ Римской церкви, а частное покаяніе церкви Британской, не смотря на то, что они были съ сею послѣднею церковью во враждебныхъ отношеніяхъ.

тіє формалізма въ покаянній системѣ древнїй Ірландії? Ми видѣли, что древне-еврейская покаянная система представляла аналогичныя черты: формальное начало проявлялось вслѣдствіе вліяння ветхозавѣтныхъ идей и въ покаянной системѣ первоначальной церкви, но не получило здѣсь преобладающаго значенія, такъ какъ, согласно учению Христа Спасителя, ненарушило сохранившемуся первоначальною церквию, при православной оѣнкѣ человѣка обращалось вниманіе не на вѣшнія дѣйствія, а главнымъ образомъ на внутреннее настроеніе. Только въ монастыряхъ ветхозавѣтнія возврѣтнія пріобрѣли въ извѣстной степени перевѣтъ надъ идеями новозавѣтными. Цѣль земного существованія отшельники и монахи полагали въ непрестанной борьбѣ съ плотію и присущимъ ей грѣховнымъ началомъ посредствомъ умерщвленія плоти постомъ и другими благочестивыми упражненіями. Эти благочестивыя упражненія мало по малу пріобрѣтаютъ въ монастырской жизни значеніе самостоятельныхъ заслугъ передъ Богомъ. Съ течеіемъ времени развивается возврѣтніе, что подобными заслугами могутъ быть уравновѣшены проступки противъ Бога, а потому аббаты и предписываютъ исповѣдывающимся у нихъ монахамъ совершеніе извѣстныхъ благочестивыхъ упражненій и добрыхъ дѣлъ въ воздаяніе за прегрѣшенія и для погашенія сихъ послѣднихъ. Даже злые мысли должны быть искуплены благочестивыми упражненіями.

Si quis clericus — читаемъ въ пенитенціалѣ Вина, concupiscit virginem aut feminam aliquam in alimo suo, sed non dixit per labia, scimci tantum concupivit, debet penitere VII dies cum pane et aqua per mesuram¹). Такимъ образомъ, сообразно съ градаціей прегрѣшеній устанавливается градація церковныхъ наказаній, состоящихъ преимущественно въ совершенніи извѣстнаго рода благочестивыхъ упражненій, въ большинствѣ случаевъ подробно опредѣленныхъ, какъ въ количественномъ, такъ и въ качественномъ отношеніи, монастырскими покаянными правилами. По истинѣ замѣчательно, въ какія подробности входятъ при установлениі пенитенцій эти покаянныя правила. Такъ напримѣръ, въ такъ-называемомъ *praefatio Gildae de penitentia*, ирландскомъ пенитенціалѣ VI в., пресвитерамъ и діаконамъ, совершившимъ послѣ принесенія обѣтона монашество естественное или же содомское блудодѣлніе, назначается покаяніе въ три года, а затѣмъ въ мельчайшихъ подробностяхъ указывается, какъ они должны отбывать это покаяніе. Поститься должны они въ каждой недѣлѣ болѣе дней, чѣмъ

¹) *Wasserschleben, Bussordnungen*, 111.

остальные вѣрующіе, за исключеніемъ 50 дней послѣ Пасхи; вкушать могутъ они только извѣстную, точно опредѣленную самими правиломъ пищу и пять извѣстную только мѣру питья. Далѣе, спать предписывается имъ на ложѣ, состоящемъ изъ не толстаго слоя сѣна. Наконецъ, кающимся рекомендуется во время трехъ такъ называемыхъ четырехдесатницъ (*quadragesimae*) усиливать по собственному усмотрѣнію строгость поста, на сколько хватить у нихъ усердія и силъ¹⁾). Точное исполненіе наложенной епитиміи считалось необходимымъ для погашенія прегрѣшенія и оправданія прегрѣшившаго. Въ особенности достигающими подобной цѣли считались такія епитиміи, которые состояли въ благочестивыхъ дѣлахъ, какъ разъ по природѣ своей противоположныхъ тому дѣянію, которымъ кающійся нарушилъ величія церкви и оскорбилъ Бога. „Si quis autem clericus—говорится въ пенитенціалѣ Виана—avarus fuerit, crimen hoc magnum est, avaritia idolatria nuncupatur, sed largitate et elemosinis emendatur. Haec est penitentia ejus criminis, ut e contrariois contraria curet et emendet“.

Эти ветхозавѣтныя возврѣнія, получившія въ монастыряхъ, въ силу указанныхъ выше обстоятельствъ, преобладающее значеніе, перешли въ Ирландію изъ монастырскихъ въ общѣ-церковные пенитенціали, предназначенные какъ для монаховъ и клириковъ, такъ и для мирянъ. Объясняется это тѣмъ значеніемъ монастырей въ древне-ирландской церковной организациі, о которомъ мы говорили выше. Кроме того, только что указанныя возврѣнія на покаяніе, какъ на возмездіе за содѣянное и какъ удовлетвореніе разгневанному божеству, ближе были пониманію новообращенныхъ Кельтовъ, чѣмъ то высоко-нравственное возврѣніе, которое преобладало въ первоначальной церкви и такъ ясно и отчетливо выразилось въ твореніяхъ отцевъ и великихъ учителей III, IV и V вѣковъ. Полное пониманіе значенія внутреннаго перерожденія при посредствѣ божественной благодати требовало болѣе высокаго нравственнаго и умственнаго развитія, чѣмъ то, какимъ обладали въ рассматриваемое время новообращенные кельтическія племена. Гораздо понятнѣе была для нихъ идея воздаянія. Эта идея господствовала въ ихъ свѣтскомъ правѣ, гдѣ обидчикъ долженъ былъ вознаградить обиженнаго или его родичей, дать извѣстное удовлетвореніе, извѣстный выкупъ за нарушенное право. Грѣхъ рассматривается какъ нарушеніе тѣхъ правъ, которыхъ при суши Богу относительно людей. Поэтому, подобно тому, какъ нару-

¹⁾ *Wasserschleben*, Bassordnungen p. 150.

шившій права своего соплеменника долженъ дать ему или его родичамъ известный выкупъ, чтобы не подпастъ мести, нарушившій права Бога долженъ дать Богу такъ же известное удовлетвореніе, чтобы не подпастъ справедливому возмездію въ загробной жизни¹⁾.

Такимъ образомъ, въ основѣ обѣихъ карательныхъ системъ, какъ свѣтской такъ и церковной, лежало одно и то же начало. Вотъ почему съ течениемъ времени между этими системами установилась безъ особыхъ затрудненій близкая связь, при чёмъ одна система стала восполнять другую. Этому способствовало также и то обстоятельство, что свѣтскій и церковный суды очень часто отправлялись одними и тѣми же органами. А именно, въ тѣ времена, когда христианство стало распространяться въ Ирландіи, у кельтическихъ племенъ, населявшихъ эту страну и не перешедшихъ еще отъ родовой къ политической организаціи общества, не существовало правильно организованной судебнай власти. Для разбора тяжебныхъ дѣлъ прибѣгали обыкновенно къ бретонамъ,—такъ назывался классъ свѣдущихъ въ правѣ людей,—рѣшенія которыхъ имѣли значеніе третейского приговора. Послѣ принятия христианства монастырскія общины приобрѣтаютъ въ глазахъ народа равный авторитетъ съ тѣхъ-называемыми родами или школами бретоновъ. Къ ихъ третейскому суду начинаютъ прибѣгать и въ тяжбахъ свѣтскаго права. Монахи, съ одной стороны, близко знакомые съ мѣстнымъ обычнымъ правомъ, что объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что монастырскія общины, какъ мы видѣли выше, обыкновенно пополнялись членами того рода или племени, на землѣ котораго построенъ былъ монастырь, а съ другой стороны гораздо болѣе образованные чѣмъ міряне, внушали къ себѣ полное довѣріе тяжущихся. Кроме того, къ ихъ суду обращались еще тѣмъ охотнѣе, что приговоры ихъ, въ силу того, что были облечены религиознымъ авторитетомъ, имѣли болѣе гарантій относительно исполненія, чѣмъ приговоры свѣтскихъ лицъ. Какъ часто прибѣгали къ суду духовенства, и какъ развита была эта юрисдикція церкви въ свѣтскихъ дѣлахъ, видно изъ того, что въ канонахъ Ирландскихъ соборовъ мы встрѣчаемся съ цѣлью рядомъ положеній, нормирующихъ отношенія свѣтскаго права, и очевидно предназначенныхъ для руководства духовными судьями при разборѣ ими свѣтскихъ дѣлъ. Такъ, до насъ дошли соборные постановленія о вознагражденіи за вредъ, причиненный собаками, а равнымъ образомъ и за убіеніе безъ при-

¹⁾ *Wasserschleben, Bussordnungen*, 113.

чини сторожевыхъ собакъ¹). Въ свою очередь и вѣщатели свѣтскаго права, брегоны, принимали иногда участіе въ соборахъ духовенства, при чёмъ вмѣстѣ съ духовными лицами обозначались однимъ общимъ наименованиемъ „*sapientes*“. Вообще между духовенствомъ и сословіемъ брегоновъ существовала близкая связь. Это видно, напримѣръ, изъ того, что, съ цѣллю предоставить церкви различныя льготы, брегоны въ своихъ трактатахъ о правѣ нерѣдко допускаютъ важныя отклоненія отъ обычно-правовыхъ основъ. Такъ, брегонъ, составитель той части Великой книги древнаго закона, которая извѣстна подъ названіемъ „*Codus Bespna*“, въ значительной степени расширяетъ право родового старшини распоряжаться родовымъ имуществомъ, въ случаѣ, если это распоряженіе дѣлается въ пользу церкви. Въ виду этого, трудно предположить, чтобы брегоны противились развитію юрисдикціи церкви. И въ дѣйствительности, мы не имѣемъ ни малѣйшихъ указаний на то, чтобы подобное сопротивленіе когда-либо имѣло мѣсто. Равнымъ образомъ, духовенство съ своей стороны всегда предоставляло на волю таждущихся, къ какому суду они желали обращаться, къ свѣтскому или церковному. „*Si autem laicus fuerit, читаемъ въ penitencialѣ Винніа, XL dierum penitent et det qui percutit, quantum arbitratus fuerit sacerdos aut justus quisquam*“²). Эта упрочившаяся юрисдикція церкви въ свѣтскихъ дѣлахъ не могла не имѣть влиянія на дальнѣйшее развитіе покаянной системы. И въ самомъ дѣлѣ, духовный судья, въ большинствѣ случаевъ долженствовавшій назначить и пеню свѣтскаго права за то самое дѣяніе, за которое онъ самъ только что назначилъ епитимію, не могъ не привыкнуть смотрѣть на пению и на епитимію съ одной и той же точки зреянія. Въ его глазахъ и пена и епитимія стали имѣть одну общую цѣль, одно общее значеніе: доставить удовлетвореніе за содѣянную неправду. Отсюда къ замѣнѣ пени епитиміей и епитиміей нешей всего одинъ шагъ, и этотъ шагъ въ дѣйствительности и былъ сдѣланъ. Изъ одного соборшаго постановленія видно, что за преступление могла быть назначена или pena, или епитимія. „*Omnis qui ausus fuerit, читаемъ въ этомъ соборномъ постановленіи, ea quae sunt regis vel episcopi aut scribæ furari aut rapere aut aliquid in eos committere,*

¹⁾ *Wasserschleben*, Bussordnungen, 142. Appendix V. De canibus siuodis sapientium, а такъ же Irische Kanonensammlung. Liber LIII, Cap. 5, 6 и 8. p. 244.

²⁾ *Wasserschleben*, Bussordnungen, 110.

*parcipendus dispiceret, VII ancillarum pretium¹⁾ reddat aut VII annis peniteat cum episco pro *vel scriba*²⁾.*

Такимъ образомъ, включены были въ число церковныхъ взысканий денежныя пени, которыми призвано было возможнымъ замѣнить другіе виды пенитенцій. Эта замѣна не должна была казаться чѣмъ-то необыкновеннымъ уже потому, что и древнія пенитенціи могли замѣняться одна другой. Для сей послѣдней замѣны выработались очень рацио подробныя правила, цѣлый сборникъ которыхъ дошелъ до насъ подъ заглавиемъ „de aggreis³⁾“ incipit“. Посредствомъ ознакомленія съ содержаніемъ этого сборника мы лучше всего можемъ уразумѣть тѣ соображенія, которыя руководили духовенствомъ при допущеніи подобнаго рода замѣнъ. Основнымъ видомъ покаянія является посты. Въ воздаяніе за различныя прегрешенія назначается постъ въ нѣсколько лѣтъ, мѣсяцевъ, недель и дней. Положенія, заключающіяся въ нашемъ сборнике, имѣютъ въ виду определить, чѣмъ можетъ быть замѣненъ годъ поста. Самой простой замѣжной является посты, продолжающіеся болѣе короткое время, но при этомъ болѣе строгий. Чѣмъ строже посты, тѣмъ короче можетъ быть срокъ⁴⁾. Съ постомъ могутъ быть соединены другіе способы умерщвленія плоти, какъ, напр., полное лишеніе сна, пѣніе значительного числа псалмовъ, учченіе значительного числа земныхъ поклоновъ и т. д. Въ такомъ случаѣ срокъ покаянія могъ быть еще сокращенъ. При доведеніи сюровости покаянія до крайнихъ предѣловъ, можно было отбыть въ три дни покаяніе, состоявшее въ годъ обычнаго поста⁵⁾. Увеличеніе строгости поста могло быть въ свою очередь замѣнено известными числами поклоновъ и псалмовъ⁶⁾.

¹⁾ Въ древній Ирландіи мѣриломъ цѣнности была стоимость рабыни (*eumhal* древне-праіандскихъ правовыхъ памятниковъ).

²⁾ *Wasserschleben*, Bussordnungen 141. Это постановленіе приписывается св. Патрику, но едва-ли съ достаточнымъ основаніемъ.

³⁾ Агрегатъ означаетъ вспомогательную, которой замѣнена другая вспомогательная.

⁴⁾ *Wasserschleben*, Bussordnungen, 139. *Argeum anni XII dies et noctes super XII bachellos* (то же самое, что французское *bouché*, то-есть такой кусокъ хлѣба, который можно откусить за разъ) *de trubus panibus* (Can. 5). . .

⁵⁾ *Wasserschleben*, C. C. Argeum anni triduanum cum mortuo sancto in sepulchro sine cibo et puto et sine somno, sed cum testamento circa se et cantatione psalorum et oratione hororum per confessionem et votum sacerdoti (Can. 3). Ср. также cap. 4, гдѣ кающійся обрекается еще на постоянное стояніе (*sine sedo* въ течение 3 дній).

⁶⁾ *Wasserschleben*, Bussordnungen, 139 Can. 1.

Вникал глубже въ смыслъ только что приведенныхъ постановлений, мы приходимъ къ убѣжденію, что замѣна одной пынитенціи другою допущена была въ виду слѣдующихъ соображеній. Существо показанія полагалось въ причиненіи прегрѣшившему извѣстной дозы лишеній и страданій. Эта доза считалась необходимой для того, чтобы загладить грѣховное дѣланіе. Но, при этомъ признавалось безразличнымъ, будеть ли въ предписанномъ умерщвленіи плоти преобладать, если можно такъ выразиться, интенсивный или экстенсивный характеръ. Равновѣнчаниемъ считалось назначить короткій срокъ и суровый способъ умерщвленія плоти, или же долгій срокъ и менѣе суровый способъ. Такимъ образомъ, замѣна одной пынитенціи другою вошла въ постоянную практику древне-ирландской церкви. Вотъ почему, когда сочли желательнымъ замѣнить древнія пынитенціи не только одну другою, но и денежными пениами, заимствованными изъ свѣтскаго обычнаго права, то это, какъ замѣчено было нами выше, никому не могло показаться чѣмъ то необыкновеннымъ. Къ тому же новое церковное взысканіе по существу своему мало чѣмъ отличалось отъ древнихъ пынитенцій, вполнѣ усвоившихъ себѣ характеръ воздаянія за содѣянное. Наконецъ, и здѣсь нововведеніе приведено было въ извѣстную связь съ тѣмъ, что искони существовало въ церкви. Между благочестивыми показанными дѣлами, которыя рекомендовались грѣшикамъ, желавшимъ примириться съ церковью, видное мѣсто занимали милостыни бѣдныхъ и пожертвованія въ пользу церкви, на которыхъ церковь содержала служителей алтара и различные богоугодныя учрежденія. Мы видѣли, что по возврѣніямъ, высказавшимся въ памятникахъ IV и V вѣковъ¹⁾, эти милостыни и эти пожертвованія искупали собою такъ-называемые recessata minutâ, то-есть менѣе тяжкіе грѣхи. Кроме того, признавалось необходимымъ, чтобы ими сопровождалось публичное показаніе за тяжкіе грѣхи, и даже у некоторыхъ писателей высказывалось возврѣніе, что они въ извѣстной степени имѣютъ самостоятельное значеніе даже при искупленіи тяжкихъ грѣховъ. Такимъ образомъ, хотя денежные пени и были заимствованы изъ свѣтскаго права, тѣмъ не менѣе они нашли въ правѣ самой церкви подготовленную почву: то значеніе, которое милостыни и пожертвованія имѣли при показаніи, въ особенности при показаніи

¹⁾ Эти возврѣнія подробно изложены были нами въ очеркѣ системы общихъ церковныхъ взысканій первоначальной церкви, такъ что мы считаемъ излишнимъ останавливаться здѣсь на подробномъ разборѣ оныхъ.

за та^{къ}-называемые *recessata minuta*, освоило тогдашнее человѣчество съ мыслью, что грѣхи могутъ искупаться деньгами, если эти деньги предназначаются на богоугодныя дѣла¹⁾). А денежный пени, взимавшийся церковью, шли на содержаніе служителей Божіихъ и на дѣла благотворенія.

Денежный пени, будучи разъ включены въ систему церковныхъ взысканий, стали, несомнѣнно, весьма часто примѣняться на практикѣ. Составлены были сборники положеній о замѣнѣ денежными пенями древнихъ епитимій. Сборники эти не долги до насъ, но мы имѣемъ несомнѣнное свидѣтельство о ихъ существованіи. Въ пенитенциалѣ англо-саксонского архіепископа Феодора Кентерберийскаго мы встрѣчаемся съ замѣной для больныхъ одной изъ пенитенцій денежной пенею, при чёмъ указывается на то, что эта замѣна замѣщована „de libello Scottorum“, то-есть изъ ирландскаго пенитенциала²⁾.

Съ этими денежными пенями, включенными въ систему пенитенцій и назначавшимися священниками послѣ исповѣди пъ возданіе за извѣстное грѣховное дѣяніе, не слѣдуетъ смѣшивать, что касается первыхъ временъ исторіи ирландской церкви, другаго рода денежныхъ пеней, взимавшихся церковью. Я подразумѣваю здѣсь тѣ денежные пени, которыя слѣдовали отдельнымъ церковнымъ общинамъ за нарушеніе тѣхъ правъ, которыхъ были предоставлены этимъ общинамъ, какъ таковыми, договорами съ родами, на землѣ которыхъ строились церкви, или же съ племенами цѣлой провинціи. Сюда относятся также и тѣ выкупы, которые платились за убіеніе лицъ, принадлежащихъ къ духовному званию, и за иные противъ нихъ преступки. Хотя эти пени и установлены были на соборахъ, тѣмъ не менѣе они, несомнѣнно, относятся, разныимъ образомъ какъ и установлены одновременно съ ними публичныя наказанія за нарушеніе правъ церковныхъ общинъ и властей, къ системѣ свѣтскаго, а не церковнаго уголовнаго права. Этими денежными пенями и этими на-

¹⁾ Такое же значеніе имѣла и милостыня въ древне-правндской пенитенциальной системѣ. Срв. *Wasserschleben, Bussordnungen*, 116.

²⁾ Poenitentiale Theodori, VII, 5. (*Wasserschleben, Bussordnungen*, 191): Item, XII triduana pro anno pensanda, Theodorus laudavit. De segnis quoque pretium viri vel ancillae pro anno, vel dimidium omnium quae possidet dare... Ista testimonia sunt de eo, quod in presafione diximus de libello Scottorum. У англо-саксонскихъ писателей Scotti обыкновенно обозначаются Ирландцы, съдовательно libellus Scottorum обозначаетъ здѣсь ирландскій пенитенциаль.

казаниемъ церковныи общины и церковныи власти ограждаются въ своихъ правахъ подобно тому, какъ ими ограждаются остальные общины и остальные власти. Что эти наказания и пени установлены были соборами, не имѣть здѣсь рѣшающаго значенія по той уже простой причинѣ, что на соборы въ Ирландіи склонились не только духовныи власти, но и представители племенъ и общинъ для совѣщанія съ духовенствомъ объ опредѣленіи вѣйшихъ отношеній церкви, и что, слѣдовательно, соборными постановленіями не только регулировались внутреннія дѣла церкви, но и устанавливались соглашенія о вѣйшемъ церковномъ мирѣ, то-есть, о гарантіяхъ правъ церковныхъ общинъ и церковныхъ властей противъ парушепій извѣя. Сборникъ подобныхъ соборныхъ постановленій дошелъ до насъ и изданъ Вассершлебеномъ въ его *Bussordnungen der abendlaendischen Kirche* (p. 140. Appendix III. Synodus Hibernensis decrevit). Изъ этого сборника мы видимъ, что за преступленія противъ церковныхъ властей назначены были строгія наказанія, какъ напримѣръ, распятіе или отсѣченіе рукъ, который въ свою очередь могли выкупаться денежнными пенями. Точно такъ же ограждены были права церкви и въ Валлісѣ, какъ видно изъ положений древнихъ валлійскихъ законовъ, находящихся въ сборнике, известномъ подъ названіемъ „*judicium culparum*“, и пред назначеніонъ, по всей вѣроятности, для практики духовныхъ судовъ¹⁾). „*Si quis, читаемъ въ этомъ сборнике, ante ecclesiam litem fecerit, argenti libram ipsam cogitur ejsolvere, et hoc aegentibus elemosina feneretur*“²⁾). Равнымъ образомъ, и ударившій другаго хлыстомъ передъ церковью долженъ былъ заплатить пенью церкви за нарушение церковнаго мира, и пена эта шла на милостыню бѣднымъ. Съ течениемъ времени эти денежнныя пени, поступавшія въ церковь на основаніи спѣтскаго права, стали симѣшиваться съ денежнными пенями, которыми замѣнялись епитиміи. Произошло это отъ той причины, что эти пени нерѣдко назначались тѣми же духовными властями, которые назначали и денежнныя пени, замѣнявшія собою епитиміи. Вслѣдствіе этого, различіе этихъ двухъ видовъ пеней, основанное на различномъ ихъ происхожденіи и значеніи, было забыто, и оба вида слились въ одну общую систему денежнныхъ пеней, назначаемыхъ церковью и идущихъ въ большинствѣ случаевъ въ ея пользу. Вотъ какимъ образомъ и денежнныя пени за

¹⁾ *Wasserschleben*, *Bussordnungen*, 124.

²⁾ *Wasserschleben*, 133.

нарушений церковного мира включены были въ составъ церковныхъ кары и покаяній. Это не мало способствовало усиленію карательного элемента въ этой системѣ. Различіе между понятіемъ кары и понятіемъ пенитенції не остановилось, а, напротивъ того, всѣ пенитенції, какъ мы видѣли выше, подведены были подъ понятіе кары.

Таковы были главнѣйшія общія церковныя взысканія древне-ирландской и древне-британской церкви. Кроме нихъ встрѣчаются еще, хотя и не такъ часто, постриженіе въ монахи или отдача въ монастырь, изгнаніе изъ предѣловъ родины и возложеніе на прегрѣшившаго обязанности дать милостыню бѣднымъ или отпустить раба или рабыню на волю. Отдача въ монастырь встрѣчается только въ покаяніяхъ канонахъ древне-британской церкви: ирландскимъ пенитенциаламъ она неизвѣстна. Тѣмъ не менѣе на нее необходимо обратить вниманіе въ виду того значенія, которое она приобрѣла впослѣдствіи въ церковномъ правѣ другихъ европейскихъ странъ, куда она привнесена была британскими миссіонерами. Назначалась она за самыя тяжкія прегрѣшиенія изъ числа плотскихъ и равносильна была пожизненному покаянію, состоявшему въ постоянномъ умерщвеленіи плоти различными способами и въ полномъ отреченіи отъ мира. „Cum puerilere disponسata Christo maritove sive cum iumento vel cum masculo fornicaentes, de reliquo mortui mundo Deo vivant“. Такъ постановляется въ одномъ изъ древнѣйшихъ валлійскихъ пенитенциаловъ, а именно въ такъ-называемомъ Liber Davidis (*Wasserschleben. Bussordnungen*, 101). Кроме того, этотъ видъ покаянія опредѣляется еще, согласно канону четвертаго собора Luci Victoriae, за передачу власти въ руки иноплеменниковъ, если при этой передачѣ произошло пролитіе крови и убіеніе христіанъ¹⁾). Равнымъ образомъ, въ пенитенциалахъ древне-ирландской и древне-британской церкви мы не встрѣчаемъ пространныхъ положеній о второмъ изъ упомянутыхъ пами выше церковныхъ взысканій, а именно объ изгнаніи изъ предѣловъ родины для отбытія покаянія на чужбинѣ, странствуя по сватымъ мѣстамъ, и посѣща монастыри и церкви, гдѣ покоялись мощи святыхъ. Можно предположить, что и это церковное взысканіе не особенно часто практиковалось въ ирландской и британской церкви. Тѣмъ не менѣе тотъ фактъ, что оно было извѣстно въ древней Ирландіи и въ Британіи, весьма важенъ для уразумѣнія послѣдующей

¹⁾ *Wasserschleben. Bussordnungen*, 101 Anmerk. 8.... agent residuo vite
penitentiam rejectis armis usque ad mortem mundo mortui vivant.

исторії покаянной системы западной церкви, ибо, такъ образомъ, становится возможнымъ предположить, что и столь распространенная впослѣдствіи на континентѣ Европы замѣна пенитенцій паломничествомъ ко святымъ мѣстамъ заимствована изъ ирландскихъ пенитенциаловъ. Опредѣлялось это взысканіе такъ же какъ и постриженіе въ монастырь, за тяжкія плотскія прегрѣщенія. Такъ, въ упомянутыхъ уже нами выше постановленіяхъ собора *Luci Victoriae* имъ угрожается кровосмесителамъ. „Qui mechatur matris est, говорится въ этихъ постановленіяхъ, III annis cum peregrinatione regredi“¹. Подобная угроза изгнаніемъ за тяжкій грѣхъ вполнѣ соотвѣтствовала национальнымъ правовымъ воззрѣніямъ кельтическихъ племенъ, у которыхъ въ тяжкія преступленія свѣтскаго права виновные подвергались изгнанію. Чтобы заключить обозрѣніе цикла общихъ церковныхъ взысканій, намъ остается еще познакомиться съ положеніями ирландскихъ пенитенциаловъ о вложеніи на прегрѣшившаго обязанности дать милостыню бѣднымъ или освободить на волю раба или рабыню. Этотъ видъ покаянія, весьма близко подходящій къ денежнымъ пениямъ по существу, развится отъ нихъ по происхожденію и по формѣ. Между тѣмъ, какъ денежныи пени заимствованы изъ обычного свѣтскаго права, вложение обязанности дать милостыню перешло въ ирландско-британскую покаянную систему изъ покаянной системы первоначальной церкви. Равнымъ образомъ, и по формѣ существует значительное различіе, а именно, денежныи пени, что касается ихъ размѣра, всегда точно опредѣлены покаянными правилами, между тѣмъ какъ о вложении обязанности дать милостыню бѣднымъ говорится всегда въ пенитенциалахъ въ самыхъ общихъ выраженіяхъ, какъ, напримѣръ, „det helmosinam pro anima“ и тому подобныхъ. Напротивъ того, по существу оба эти вида пенитенцій, какъ милостыня бѣднымъ, такъ и денежныи пени, весьма сходны одинъ съ другимъ. Какъ тотъ, такъ и другой основываются на той идеѣ, что деньгами, данными на богоугодныи дѣла, можно искупить грѣхъ. „De laicis, читаемъ въ пенитенциалѣ Винал (Wasserschleben. Bussordnungen, 116), si quis ex malis actibus suis conversus fuerit ad Dominum..... post penitentiam trium annorum pecuniam dabit pro redemptione anime sua“.... Поэтому, если мы и остановились на различіи только что упомянутыхъ видовъ церковныхъ взысканій, то сдѣлали мы это исключительно только съ тою цѣлью, чтобы указать на то, что эти два вида церковныхъ взысканій не находятся другъ съ другомъ въ генетической связи, или, другими словами, что денежныи пени не развились изъ милостыней

и пожертвованій покаянной системы первоначальной церкви, а заимствованы изъ свѣтского обычного права. Само собою разумѣется, что существование въ церковной покаянной системѣ, столь близкихъ по существу къ денежнымъ пенямъ, церковныхъ взысканій, каковыми были милостыни и пожертвованія, должно было облегчить доступъ въ покаянную практику церкви денежнымъ пенямъ, чѣмъ въ действительности и имѣло мѣсто. Такимъ образомъ, искупленіе грѣховъ деньгами, въ томъ видѣ, въ какомъ оно практиковалось въ ирландской церкви, сложилось изъ самыхъ разнообразныхъ элементовъ. Здѣсь мы встрѣчаемся и съ милостынями первоначальной покаянной системы, которымъ придаво было гораздо большее чѣмъ прежде значение, такъ какъ ими могли искупаться и тяжкіе грѣхи, и съ денежными пенями, хотя и заимствованными изъ свѣтского обычного права, но тѣмъ не менѣе назначавшимися прегрѣшившемъ, священникомъ послѣ исповѣди, въ качествѣ епитиміи. Сюда примкнули впослѣдствій и денежные пени, шедшія въ пользу церкви за нарушеніе церковнаго мира. Изъ всѣхъ этихъ разнообразныхъ и разнородныхъ элементовъ сложилась въ древней Ирландіи въ высшей степени оригинальная система церковныхъ денежныхъ взысканій. Возвращаюсь теперь къ тому виду этихъ взысканій, который мы назвали возложеніемъ обязанности дать милостыню бѣднымъ, мы видимъ, что милостыня могла быть замѣнена отпущеніемъ раба или рабыни на волю. Про учинившаго ижеслиаго въ пенитенціалѣ Винага говорится (*Wasserschleben, Bussordnungen*, 113), что онъ долженъ „*ancillam sive servum liberare sive pretium ejus rapirescibus aut egentibus dare*“. Смысль этой замѣны понятъ. Здѣсь, какъ и при милостынѣ, имѣло мѣсто извѣстное имущественное лишеніе для прегрѣшившаго, и творилось благо несчастнымъ и угнетеннымъ.

Такимъ образомъ, карательное начало пріобрѣло полное преображеніе въ покаянной системѣ церквей древне-ирландской и древне-британской. Но изъ этого не слѣдуетъ еще выводить заключеніе, чтобы прежній взглядъ на покаяніе, какъ на благодатное средство, даруемое церковью грѣшникамъ для примиренія съ Богомъ, утратилъ всякое значеніе, и чтобы не обращалось никакого вниманія на внутреннее настроеніе кающагося. Напротивъ того, въ памятникахъ ирландского покаянного права мы имѣемъ указанія на то, что покаяніе считается великимъ благомъ для грѣшника, а равнымъ образомъ и на то, что благочестивыя дѣла должны сопровождаться внутреннимъ перерожденіемъ кающагося. „*Vitia mundemus de corde nostro*,

читаемъ въ пенитенциалѣ Винам (Wasserschleben, Bussordnungen, 114), *et virtutes insinuamus pro illis*⁴. Тамъ же говорится, что смертные грѣхи „occidunt animam et demergunt ad profundum inferni, sed penitentia eorum hec est, donec evallantur et eradicantur de cordibus nostris per auxilium Domini et per studium et exercitium nostrum petimus Domini misericordiam et de his victoriam“. Слѣдовательно, и въ ирландскихъ пенитенциалахъ высказывается тотъ же взглядъ на покаяніе, съ которымъ мы познакомились при изложеніи основъ показанной системы первоначальной церкви, только взглядъ этотъ не имѣть здѣсь преобладающаго значенія, которое, какъ мы видѣли выше, принадлежало иному воззрѣнію, игравшему въ свою очередь въ показанной системѣ первоначальной церкви второстепенную роль.

Рассмотрѣвъ, такимъ образомъ, систему общихъ церковныхъ взысканій, переходимъ въ изслѣдованію системы особенныхъ церковныхъ взысканій.

Для того, чтобы вполнѣ уразумѣть существо древне-ирландской системы особыхъ церковныхъ взысканій, необходимо прежде всего опредѣлить точно, къ кому примѣнялись эти взысканія. Въ древне-ирландской церкви существуетъ, собственно говоря, различие не между клиромъ и мѣрянами, а между монашествомъ и мѣрянами. Понятіе клира почти поглощается понятіемъ монашества. Почти всѣ клирики въ то же время и монахи. Въ большинствѣ случаевъ епископами были аббаты-монастырей. Въ пенитенциалѣ Давида (§ 7. Wasserschl. Bussordnung., 101) степени церковной іерархіи приводятся въ слѣдующемъ порядке: епископъ, пресвитеръ, діаконъ и монахъ, не имѣющій духовнаго сана. Изъ подобнаго способа выраженія видно, что въ большинствѣ случаевъ епископы, пресвитеры и діаконы были монахами. Это монахи, имѣющіе санъ, которымъ противополагается здѣсь монахъ безъ сана (*sine gradu monachus*). Свѣтское духовенство, хотя и существовало¹), но имѣло второстепенное значеніе. Такъ, въ пенитенциалѣ Гильды (§ 4. Wasserschl. Bussordn., 105) пресвитеръ и діаконъ, не принесшіе обѣтъ монашества (*sine monachi toto presbiter aut diaconus*), сравниваются съ монахами, не имѣющими сана.

Въ виду только что сказанного неудивительно, что къ клирикамъ примѣнялись тѣ же самыя взысканія, что и къ монахамъ, а взысканія, примѣнявшіяся къ симъ послѣднимъ, не разнѣлись отъ

¹) Некоторые исследователи отвергаютъ вообще существованіе бѣлаго духовенства въ Ирландіи, но безъ приведенія достаточныхъ доказательствъ.

взысканий, которымъ подвергались міряне, такъ какъ пенитенциалы для мірянъ, какъ мы видѣли выше, составлены были на основаніи монастырскихъ покаянныхъ правилъ. Такимъ образомъ, система особыхъ церковныхъ наказаний сливается, такъ-сказать, съ системой общихъ церковныхъ взысканий. Въ воздаяніе за самыхъ тяжкихъ прегрешеній клирикамъ назначаются въ большинствѣ случаевъ точно такія же епитиміи, какъ и простымъ монахамъ и мірянамъ. Различаются эти епитиміи только количественно, а не качественно. Клирикамъ назначается только болѣе продолжительный срокъ и болѣе суровый способъ умерщвленія плоти, чѣмъ монахамъ безъ сана и мірянамъ. Какъ на причину подобного смягченія взысканий для мірянъ указывается на то, что они люди отъ міра сего, а потому и провинности ихъ въ настоящей жизни считаются болѣе легкими, точно такъ же, какъ они получать менѣшую маду въ будущей жизни¹⁾). Монахи, хотя и не имѣютъ духовнаго сана, подвергаются болѣе строгимъ епитиміямъ, чѣмъ міряне. Однаковыми епитиміями съ монахами безъ сана подлежать лица бѣлого духовенства, не принесшіи обѣты вселенства, хотя бы они имѣли даже санъ пресвитера. Высшіе размѣры епитимій опредѣляются клирикамъ, принесшимъ монашеские обѣты. При этомъ, послѣ отбытія назначенной епитиміи, грѣхъ, содѣянный клирикомъ, считался совершенно погашеннымъ со всѣми своими послѣдствіями, точно такъ же какъ считался погашеннымъ грѣхъ мірянина, отбывшаго за оній извѣстное покаяніе. Въ виду всего сказаннаго часъ не должно удивить то обстоятельство, что система особыхъ наказаний первоначальной церкви не была реципирана церковнымъ правомъ древней Ирландіи. Извѣстъ оно соединялось иногда съ покаяніемъ и длилось столько, сколько сіе послѣднее. Послѣ отбытія покаянія прекращалось и запрещеніе, и загладившій свою вину клирикъ снова допускался къ отправленію своей должности и возвставлялся во всѣхъ принадлежащихъ ему прежде клирическихъ правахъ. Такъ, въ пенитенциалѣ Винал (§ 12, *Wasserschleben*, *Bussordnung.*, 110) постановляется, что клирикъ, виновный въ блудодѣяніи, породившій въ ономъ

¹⁾ Poenitentiale Vinniai (*Wasserschleben*, *Bussordn.*, 109). Si autem laicus fuerit, ebdomodum dierum peniteat, quia homo seculi hujus est et culpa levior in hoc mundo et premium minus in futuro.

сина и убившій сего послѣднаго, „tribus annis peniteat cum pane et aqua per mesuram.... et tribus annis abstineat se a vino et a carnibus sine officio clericatus.... et extoris existat in patria sua, donec impleavit numerus VII annorum et ita judicio episcopi vel sacerdotis officio suo restituatur“. Объ извержениі памятники наши вагдѣ не упоминаютъ, да оно и не могло имѣть мѣста при господствѣ того возврѣнія, что послѣ отбытія покаянія грѣхъ считается погашеннымъ такъ, какъ будто его никогда не существовало. Въ пенитенціалѣ Винай мы находимъ одно положеніе, изъ котораго прямо выстуаетъ, что допускалось только временное лишеніе клирикальныхъ правъ, то-есть, запрещеніе, но не допускалось лишеніе клирикальныхъ правъ навсегда, то-есть, изверженіе. „Ita clericus, говорится въ этомъ положеніи, — qui ceciderit, eodem modo in septimo anno post laborem penitentiae debet accipere clericatus officium, sicut scriptura ait: septies cadet justus et resurget, i. e. post VII annos penitentiae potest vocari justus qui cecidit, et in octavo anno non obtinebit eum malum“. Наконецъ, и запрещеніе не всегда соединялось съ покаяніемъ. При опредѣленіи покаянія за довольно значительныхъ прегрѣщенія, какъ, напримѣръ, за блудодѣліе, совершившее однѣ только разъ, въ пенитенціалѣ Винай прямо указывается на то, что покаяніе не сопровождается здѣсь запрещеніемъ (Wasserschleben, Bussordnungen, 110, § 10¹).

Кромѣ запрещенія, въ пенитенціалахъ упоминаются еще нѣкоторыя церковныя взысканія, примѣняющіяся только къ монахамъ и клирикамъ, и представляющія слѣдовательно характеръ особыхъ церковныхъ наказаній. Сюда относятся: 1) отправление подъ начало въ чужой монастырь, 2) заключеніе въ монастырскую тюрьму, 3) наказаніе розгами и 4) лишеніе доли въ монастырской трапезѣ. Всѣ эти особыхъ церковныхъ взысканій не заимствованы изъ системы особыхъ церковныхъ наказаній первоначальной церкви, и разви-

¹) Совершившій одинъ разъ блудодѣлію клирикъ подлежитъ наказанию срокомъ на одинъ годъ «sed officium clericatus non amittet». При этомъ считаемъ нужнымъ обратить вниманіе читателю на то, что термины «amittit» officium», «privari ordine» означаютъ въ архиерейскихъ пенитенціалахъ не изверженіе, а запрещеніе. Такъ, относительно часто совершающаго блудодѣліе клирика постановляется: «officium clericatus amittat», но это не значитъ, чтобы онъ подвергался изверженію, такъ какъ даже въ совокупности съ убіемъ не-законнаго ребенка блудодѣліе влечетъ за собою не изверженіе, а только запрещеніе (Poenit. Vinziali § 12).

лись самостоятельно въ покаянной практикѣ монастырей. Отправление подъ начало въ чужой монастырь часто практиковалось въ древней Ирландіи. Съ нимъ обыкновенно соединялось покаяніе за тѣжкие грѣхи, такъ что совершившій тѣжкій грѣхъ монахъ отбывалъ покаяніе не въ своемъ, а въ чужомъ монастырѣ, подъ надзоромъ чужаго аббата¹). Это добавочное наказаніе должно было казаться монахамъ весьма тяжелымъ, такъ какъ ихъ соединяла съ монастыремъ и монастырской братіею близкая связь: персональ монастыря пополнялся обыкновенно членами одного и того же рода. Равнымъ образомъ, и надзоръ чужаго аббата былъ гораздо болѣе строгъ, чѣмъ надзоръ своего аббата. Заключеніе въ монастырскую темницу присоединялось также къ покаянію за тѣжкія прегрѣщенія. Различалось два вида этого наказанія: заключеніе въ темницу своего монастыря, и заключеніе въ темницу чужаго монастыря. Послѣднее, само собою разумѣется, считалось болѣе тяжелымъ. О наказаніи розгами упоминается только разъ въ пенитенціаля Випал (§§ 32. *Wasserschl.* Bussordn. 115). Примѣняется это наказаніе къ клирику, собиравшему деньги якобы для искупленія плѣнныхъ и употреблявшему эти деньги въ собственную пользу. Если онъ не желалъ покаяться, то относительно его постававливалось слѣдующее: „excommunicetur et anathema sit cum omnibus christianis, exterminabitur de patria sua et virgis virgeatur usque quo convertatur si corpunctus fuerit“. Болѣе подробныхъ данныхъ о примѣненіи этого наказанія, впослѣдствіи столь распространенного въ монастыряхъ, основанныхъ ирландскими миссіонерами въ континентѣ Европы, въ ирландскихъ пенитенціалахъ не находится. Наконецъ, лишеніе доли въ монастырской трапезѣ назначалось какъ мѣра дисциплинарнаго взысканія за маловажные проступки противъ монастырской дисциплины, какъ, напримѣръ, за опозореніе къ обѣди.

Всѣ только что разсмотрѣнныя особенности церковныхъ взысканій или имѣютъ характеръ придаточныхъ къ епитиміямъ наказаній, или же вообще не имѣютъ важнаго значенія. Главныя же наказанія, налагаемыя на клириковъ, суть тѣ же, которыхъ налагаются на мирянъ. Вотъ почему мы и утверждаемъ, что въ древне-ирландскомъ каноническомъ правѣ система особенныхъ церковныхъ наказаній сливается съ системой общихъ церковныхъ взысканій, что объясняется, между

¹⁾ Покаянные каноны собора aqnilionalis Brittaniae (*Wasserschl.* Bussordn., 103) и пенитенціаля Випал § 23.

прочимъ, и тѣмъ обстоятельствомъ, что послѣдняя изъ этихъ системъ развилась на основаніи первой.

Впослѣдствіи, какъ видно изъ такъ-называемаго ирландскаго сборника каноновъ, составленнаго послѣ присоединенія церкви Ирландской къ церкви Римской, а именно въ концѣ VII или же въ началѣ VIII вѣка ¹⁾), введена была пѣ Ирландіи общепротестантская система наказаній для клириковъ. Между этими наказаніями упоминается и degradatio, то-есть, изверженіе. Но изъ пѣкоторыхъ положеній упомянутаго выше сборника видно, что примѣненіе этого наказанія подъ разными предлогами устранилось ирландскими церковными властями. Такъ, въ главѣ 3-й книги 11-й сборника читаемъ по этому поводу слѣдующее: „de lapsis gradibus... Humanius Hibernenses interpretantur causa paucitatis sacerdotum, ut post penitentiam consecrentur per manus impositionem, et in silentio ministrent sub signo penitentiae usque ad mortem“... Изъ этого мы можемъ вывести заключеніе, что и въ рассматриваемое время древне-ирландскія воззрѣнія на наказанія, налагаемыя на клириковъ, боролись еще съ общепротестантскими, вводимыми духовенствомъ римского обряда.

Такимъ образомъ, въ предшествовавшемъ изложеніи мы разсмотрѣли существо и указали на характеристическія особенности британо-ирландской покаянной системы. Теперь для полноты изслѣдованія намъ необходимо еще познакомиться съ памятниками, въ которыхъ дошла до насъ эта система.

Полный сводъ всѣхъ дошедшихъ до насъ памятниковъ древне-британской и древне-ирландской покаянной системы, составленъ впервые Вассерштебеномъ и помѣщенъ въ большомъ сборникеъ пенитенціаловъ западной церкви, изданномъ имъ подъ заглавіемъ: *Dic Bussordnungen der abendlaendischen Kirche*. Halle, 1851. Это изданіе дало возможность ученому миру познакомиться съ этими памятниками, дотоль отчасти совсѣмъ неизданными, отчасти же разбросанными по различнымъ весьма рѣдкимъ изданіямъ, не смотря на то, что до насъ дошло весьма немного памятниковъ британо-ирландскаго покаяннаго права, и что изъ дошедшихъ пѣкоторые сохранились только въ фрагментарномъ видѣ, тѣмъ не менѣе того, чтѣ дошло, вполнѣ достаточно для ознакомленія съ древне-британской и древне-ирландской покаянной системой.

¹⁾ Сборникъ этотъ изданъ въ свѣтъ Вассерштебеномъ подъ заглавіемъ: *Irische Kanonesammlung*. Giessen, 1874.

Всѣ изданные Вассершлебеномъ памятники распадаются на двѣ категории: 1) на сборники монастырскихъ покаянныхъ правилъ и 2) на сборники покаянныхъ правилъ, предназначенные какъ для монаховъ и клириковъ, такъ и для мирянъ. Къ первой категоріи относятся: а) собрание каноновъ собора „*aquilonalis Brittaniae*“ и б) введение къ пенитенціаду Гильды (*prae fatio Gildae de penitentia*). Первый изъ этихъ памятниковъ дошелъ до насъ въ фрагментарномъ видѣ (всего 7 фрагментовъ), тѣмъ не менѣе онъ весьма важенъ для изслѣдователя монастырской покаянной дисциплины, такъ какъ преимущественно изъ положеній этого сборника мы знакомимся съ церковными взысканіями, состоящими въ отсылкѣ подъ начало въ чужой монастырь и въ заключеніи въ монастырскую темницу. Время созванія собора, каноны которого заключаются въ нашемъ сборнике, опредѣлить трудно съ полной точностью. Но всей вѣроятностию соборъ этотъ имѣлъ мѣсто въ началѣ VI столѣтія. Второй изъ упомянутыхъ нашихъ сборниковъ, пенитенціаль, составленный Гильдою, британскимъ монахомъ, умершимъ въ 583 году въ монастырѣ Вангорѣ въ Камбріи (нынѣшнемъ Валлісѣ), и много потрудившимся для распространенія христіанского ученія какъ въ Ирландіи, такъ и въ Британіи, также не дошелъ до насъ цѣликомъ: сохранилось только введеніе¹⁾). Впрочемъ, это введеніе довольно обширно: оно обнимаетъ собою 27 правилъ и содержитъ въ себѣ подробныя положенія о покаяніи за плотскія прегрѣшенія, за пьянство и за другіе менѣе важные проступки противъ монастырской дисциплины. Ко второй категоріи памятниковъ покаянного права древняго Валліса и древней Ирландіи принадлежать и фрагменты пенитенціала Давида, епископа Моневія въ Валлісѣ. Намъ часто случалось въ предшествовавшемъ изслѣдованію дѣлать ссылки на этотъ пенитенціаль, заключающій даже въ томъ фрагментарномъ видѣ, въ какомъ онъ дошелъ до насъ, богатый матеріалъ для изслѣдованія древне-британской покаянной системы. Тождество началъ, на которыхъ поконилась система наказаній, налагаемыхъ на клириковъ, съ началами системы общихъ церковныхъ взысканій въ особенности, ясно высказывается въ нашемъ пенитенціалѣ. На основаніи одного изъ дошедшихъ до насъ положеній пенитенціала можно даже предположить, что во времена Давида, жившаго въ первой половинѣ VI столѣтія, покаянія для клириковъ и монаховъ даже количественно не отличались отъ наказа-

¹⁾ Сравни введеніе Вассерштейбена къ его Bussordnungen, p. 6.

ній, налагаемыхъ на міранъ. Указавъ въ § 10, что въ прежнее время существовали различные сроки показанія для духовныхъ лицъ различныхъ степеней іерархіи и для міранъ, Давидъ продолжаетъ въ § 11 слѣдующимъ образомъ: „*Nunc autem presbiteri gaudentis penitentia est diaconique et subdiaconici et cuiusque hominis hominem ad mortem tradentis et cum paecodibus vel cum sua sorore vel cum mariti uxoris fornicantis et venenis hominem occidere volentis, triennium*“.

б) постановленія собора такъ называемые *Luci Victoriae*, созданного тѣмъ же епископомъ Миневіи Давидомъ. До насъ дошло всего 9 постановленій этого собора, изъ которыхъ на иѣкоторыя мы имѣли случай ссыльаться въ предшествовавшемъ изложении. Замѣчательно постановленіе 9-е, изъ которого видно, что равенство показаній для клириковъ и для міранъ въ количественномъ отношеніи, установленное пенитенціаломъ Давида, понималось соборомъ, созданнымъ этимъ святителемъ, не абсолютно. По своему характеру, въ качественномъ отношеніи, спитиміи однѣ и тѣ же какъ для клириковъ, такъ и для міранъ, но въ количественномъ отношенія допускалось иѣкоторое различіе; такъ, напримѣръ, дозволялось міранамъ сокращать сроки показанія. „*Totum hec quod diximus, читаемъ въ означеннемъ постановленія, si post votum perfectionis (послѣ монашескаго обѣта) fecerit homo. Si auten ante votum, annus dimittitur de omnibus.*“

с) *Poenitentiale Vinianai sive Vinianiani*. Это единственный изъ британо-ирландскихъ пенитенціаловъ, дошедший до насъ цѣликомъ. Вассершлебеномъ, который первый издалъ этотъ пенитенціалъ въ полномъ составѣ, онъ приписывается Виниаю или Финіану, родившемуся въ 450 году въ Ирландіи, проведшему иѣсколько лѣтъ въ Галліи и у епископа Давида въ Британіи, и возвращавшемуся подъ конецъ V столѣтія въ Ирландію для возстановленія тамъ христіанской нравственности, сильно пошатнувшейся послѣ смерти св. Патрикія¹⁾. Во всякомъ случаѣ, пенитенціаль Виная составленъ не позже первой половины VI вѣка, такъ какъ имъ уже воспользовался при составленіи своего пенитенціала Колумбай, жившій во второй половинѣ VI и въ началѣ VII вѣка. Памятникъ этотъ въ особенности важенъ для изслѣдователя показаннаго права древней Ирландіи, такъ какъ онъ содержитъ полную систему этого права, и причемъ въ наиболѣе древней формѣ, такъ какъ въ немъ не встрѣчается еще замѣны древнихъ пенитенцій денежными ненами. Для

¹⁾ *Wasserschleben*, Bussordnungen, 10.

въйшней истории пенитенциаловъ интересенъ эпилогъ нашего пенитенциала, въ которомъ указывается на то, какъ, и на основаніи какихъ источниковъ составлялись пенитенциалы, и какое они имѣли значеніе. Пенитенциалы не были законами церкви, а частными сборниками покаянного права, составляемыми лицами, свѣдущими къ священному писанию и въ правѣ церкви, для руководства духовными властями при наложении епитимій. Какъ на источники пенитенциаловъ указывается на священное писание и на учение свѣдущихъ въ правѣ церкви мужей¹⁾). Положенія пенитенциаловъ не были безусловно обязательны для церковныхъ властей, налагающихъ епитиміи; напротивъ того, самъ составитель нашего пенитенциала говоритъ, что, если кто болѣе свѣдущий предложитъ лучшія правила, то онъ готовъ съ нимъ согласиться и слѣдовать этимъ правиламъ: „*Sed si qui divine lectionis scrutatus ipse magis inveniat aut si proferet meliora et nos consentimus et sequemur*“). Тѣмъ не менѣе, вся почти древне-ирландская покаянная система создалась посредствомъ подобныхъ пенитенциаловъ. Положенія пенитенциаловъ, не будучи, подобно канонамъ, обязательными церковными постановлѣніями, могли постоянно приспособляться къ особенностямъ национального духа новообразованныхъ племенъ и постоянно видоизмѣняться согласно новымъ требованіямъ времени. Этотъ характеръ пенитенциаловъ и основанная на немъ способность къ приспособленіямъ и были причиной того, что новообразованными племенами покаянное право реципиировалось главнымъ образомъ въ томъ видѣ, въ какомъ оно выражалось въ пенитенциалахъ. Вотъ почему пенитенциалы и играютъ такую важную роль въ исторіи рецепціи церковного права.

Кромѣ только что указанныхъ важнейшихъ памятниковъ британо-ирландского покаянного права въ издапіи Вассершлебена находится въ видѣ приложений¹⁾ вѣсколько сборниковъ соборныхъ постановлений, изъ которыхъ вѣкоторые, какъ, напримѣръ, приведенный нами выше сборникъ „*de argeis*“, весьма интересны для изслѣдования британо-ирландской покаянной системы.

¹⁾ *Hac, amantissimi fratres, secundum sententiam scripturarum vel opinionem quorundam, pauca de penitutiae remediis vestro amore compulsus supra possibilitatem meam potestatemque temptavi scribere.* (*Wasserschleben*, *Bussordnungen*. 119).

²⁾ *Wasserschleben*, *Bussordnungen*, 120—144.

Такимъ образомъ, въ настоящемъ отдѣлѣ мы разсмотрѣли исторію покаянной системы древней Ирландіи и древняго Валліса. Какія данныя представляеть намъ эта исторія для обоснованія того воззрѣнія на рецензіі, которое высказано было нами въ началѣ нашего изслѣдованія? Намъ кажется, что исторія эта вполнѣ подтверждаетъ наше воззрѣніе на рецензіі. Рецензіі, утверждали мы, есть всегда не что иное какъ формациія нового права посредствомъ своеобразнаго сочетанія заимствованныхъ правовыхъ элементовъ съ элементами права реципирующаго народа. Не то ли мы видѣли въ исторіи древнеирландской покаянной системы? Когда введено было въ Ирландіи христіанство, туда привнесено было и покаянное право церкви, но менѣе чѣмъ въ два столѣтія это право приняло на новой родинѣ столь своеобразный характеръ, что трудно стало въ немъ распознать первоначальные элементы. А между тѣмъ эти элементы несомнѣнно въ немъ сохранились, только къ нимъ привозили еще новые элементы. Вслѣдствіе этого привхожденія новыхъ элементовъ, въ высшей степени своеобразно сочетавшихся съ первоначальными элементами, самый характеръ сихъ пособійныхъ и самое ихъ значеніе сильно измѣнились. Въ первоначальной церкви существовало два возврѣнія на покаяніе, изъ которыхъ одно рассматривало покаяніе какъ мѣру исправленія, а другое признавало за нимъ значение воздаянія, кары. Первое возврѣніе несомнѣнно преобладало надъ вторымъ. Мы имѣли случай убѣдиться, что оба возврѣнія заимствованы были британо-ирландскими покаянными правомъ, но въ силу того, что возврѣніе на покаяніе, какъ на воздаяніе, болѣе соотвѣтствовало возврѣніямъ, развившимся въ средѣ монашества, игравшаго такую важную роль въ ирландской церкви, а, равнымъ образомъ, и національнымъ правовымъ возврѣніямъ кельтическихъ племенъ, оно легло въ основу всего дальнѣйшаго развитія и сдѣлялось изъ второстепеннаго возврѣніемъ преобладающимъ. Вслѣдствіе этого и отдѣльныя покаянныя дѣйствія, имѣвшія самостоятельное значеніе только относительно извѣстнаго цикла грѣховныхъ дѣлъ, получаютъ его здѣсь относительно всѣхъ прегрѣшений: покаяніе и совершеніе извѣстныхъ опредѣленныхъ покаянныхъ дѣлъ становятся терминами, употребляемыми безразлично одинъ вмѣсто другого. Изъ національнаго права приводить денежнія пени и приводится въ такую близкую связь съ древними пени-тенденціями, что, если бы ихъ происхожденіе не было документировано, то можно было бы подумать, что они развились генетически изъ ми-

лостиней и пожертвованій древняго покаяннаго права. Однимъ словомъ, покаянная система британо-ирландской церкви реципирована изъ права первоначальной церкви, но при рецензіи заимствованные элементы, если можно такъ выразиться, переродились вполнѣ вслѣдствіе привхожденія національныхъ правовыхъ элементовъ, и, такимъ образомъ, возникла новая формациія покаяннаго права.

Въ слѣдующихъ отдѣлахъ мы разсмотримъ исторію покаянной системы у народовъ германского происхожденія.

М. Семольскій.

4

(Окончаніе слѣдуетъ.)

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ.

Русские народные картинки. Собралъ и описалъ Д. Ровинскій. С.-Петербургъ. 1881. пять томовъ, съ атласомъ въ большой листъ.

Выпущенное г. Ровинскимъ въ свѣтъ, полтора года тому назадъ, изданіе состоитъ изъ трехъ отдѣльныхъ изданий, изъ которыхъ каждое, взятое особо и само по себѣ, даже виѣ связи съ двумя другими, представляетъ высокій интересъ и наиважиѣшее значеніе для нашей отечественной науки.

Дѣйствительно, еслибы г. Ровинскій занялся лишь однимъ точнымъ и подробнымъ описаніемъ всѣхъ имѣющихся, въ настоящее время, на лицо русскихъ лубочныхъ картинокъ, то и тогда его заслуга была бы очень велика. Съ другой стороны, точно также, еслибы онъ ничего другаго не сдѣлалъ, какъ только издалъ бы свой огромный атласъ, содержащій копіи съ большаго числа наиважиѣшихъ лубочныхъ картинокъ, даже безъ самомагіѣшаго текста,—опять-таки заслуга его была бы для насъ необыкновенно значительна. Наконецъ, если бы г. Ровинскій не представилъ ни полнаго описанія лубочныхъ картинокъ, ни ихъ воспроизведенія въ атласѣ, а только издалъ свое критическое изслѣдованіе о нихъ (предоставляя другимъ тѣ дѣлъ, первыя задачи), онъ опять-таки имѣлъ бы право на полнѣшую нашу признательность.

Но что же должно сказать про такой трудъ и про такое изданіе, гдѣ авторъ взялся за всѣ три задачи разомъ, и, не побоявшись громадныхъ трудностей, представляемыхъ каждою изъ нихъ въ отдѣльности, одолѣлъ ихъ и представилъ такое сочиненіе, которое блестательнымъ образомъ рѣшаетъ всѣ три задачи?

На эту работу г. Ровинский употребилъ цѣлыхъ 26 лѣтъ своей жизни, и какъ въ этомъ убѣдится тотчасъ же всякий, кто ознакомится съ его изданіемъ, не жалѣть при этомъ ни трудовъ, ни силы, ни громаднѣйшихъ издержекъ.

Онъ началъ съ того, что просмотрѣлъ собственными глазами, не ловѣряя прежнищъ описаніемъ, всѣ коллекціи лубочныхъ картинокъ, какія существуютъ въ Россіи, не только большія и малыя, но даже самомалѣйшія, иногда состоящія изъ нѣсколькихъ паръ картинокъ, способныхъ показаться на первый взглядъ слишкомъ малозначительными, или даже и вовсе пичтожными. Такимъ образомъ, г. Ровинскому до послѣдней тонкости извѣстны были слѣдующія собранія лубочныхъ картинокъ: 1) капитальное собраніе Императорской Цубличной Библіотеки, гдѣ главную роль, въ числѣ нѣсколькихъ другихъ значительныхъ коллекцій, играютъ коллекціи Погодина и Дала; 2) великое собраніе Петровскихъ гравюръ въ Императорскомъ Эрмитажѣ, въ кабинетѣ Петра Великаго; 3) небольшія численно, но важны по содержанію, собранія русскаго отдѣленія Императорской Академіи Наукъ, Императорскаго Русскаго Географическаго Общества и Московскаго и Румянцевскаго музеевъ; 4) громадное собраніе лубочныхъ картинокъ статсъ-секретаря Екатерины II-й Олсуфьевъ, принадлежащее въ настоящее время князя Бѣлосельскому-Бѣловерскому, въ Петербургѣ; 5) хорошия и болѣе или менѣе значительныя, находящіяся въ разныхъ краяхъ Россіи, собранія гг. Демидова, Ефремова, Голышева, князя Вяземскаго, Пыпина, Неустроева, Образцова, Тихонравова, Буслаева, Щапова, Хлудова, Забѣлина, Филимонова, Губерти, Зайцевскаго, Некрасова, князя Дундукова-Корсакова, Безсонова, Ваулина, Геннади, Семенскаго, Вольфа, Тевяшева. Какъ дополненіе ко всѣмъ этимъ собраніямъ, являлось собственное собраніе г. Ровинскаго, накоплявшееся въ продолженіе цѣлой четверти столѣтій, посредствомъ разысковъ и покупокъ, то цѣлыми собраніями, то отдѣльными листами.

Замѣтилъ при этомъ, что, по просыбамъ и настояніямъ г. Ровинскаго, нарочно для него отпечатаны оттиски со всѣхъ уцѣлѣвшихъ до настоящаго времени гравировальныхъ досокъ, деревянныхъ и металлическихъ, сохраняемыхъ въ публичныхъ и частныхъ собраніяхъ, какъ-то: въ Христіанскомъ музѣи академіи художествъ, въ Московской синодальной типографіи, въ Кіевской духовной академіи, въ типографіи Кіево-Печерской лавры, въ казначейской палатѣ Соловецкаго монастыря, и т. д.

Совокупля все это вмѣстѣ, я считаю себя въ правѣ сказать, что въ

настоящее время наврядъ ли существуетъ въ нашемъ отечествѣ такая лубочная картинка, напечатанная до 1839 года (то-есть, до того времени, когда вся лубочная литература подверглась дѣйствію цензуры, и вслѣдствіе этого окончательно утратила прежній національный, самобытный и историческій характеръ) — такая, повторю, русская лубочная картинка, которая осталась бы неизвѣстна г. Ровинскому. Если исключенія есть, то они могутъ быть только мало-численны: слишкомъ много было произведено разысковъ, сношеній для открытія всего тающагося даже въ самыхъ отдаленныхъ и незнаемыхъ углахъ Россіи (не говоря уже о большихъ центрахъ). Такимъ же образомъ, мало остается вѣроятности, чтобы еще много неизвѣстнаго до сихъ поръ материала могло быть открыто впослѣдствії.

Общий итогъ отдѣльныхъ картинокъ, описанныхъ въ сочиненіи г. Ровинского, доходитъ до 4,700 листовъ; если же включить въ это число разныя изданія одной и той же картинки, то число это дойдетъ до 8,000 листовъ.

Подробному описанію этого материала посвящены первые три тома изданія г. Ровинского, занимающіе 1,740 страницъ, а если прибавить къ нимъ добрую половину IV-го тома, ту, которая содержитъ въ себѣ „Дополненія“, то выходитъ, что одно, такъ-сказать, „наружное“ описание русскихъ лубочныхъ картинокъ заплю далеко болѣе 2,000 страницъ крупного формата.

При описаніи картинокъ г. Ровинскимъ употреблены пріемы самые рациональные и вполнѣ удовлетворительные, а именно: скопированы заглавіе гравюры и текстъ (тамъ, где они существуютъ), обозначены размѣры картинки, ея мѣстонахожденіе, способъ и качество гравированія, разныя изданія картинки, и тутъ же вкратцѣ дано описаніе того, чѣмъ на ней изображено.

Не удовольствовавшись одною этой, уже и такъ почтенной задачею описанія существующаго, г. Ровинский задумалъ представить, подъ видомъ громаднѣйшаго Атласа, выборку изъ всего наиважнѣйшаго, наизначительнѣйшаго и наилучшаго, чѣмъ онъ только видѣлъ и изучилъ на своемъ вѣку по части русскихъ лубочныхъ картинокъ. Такое предпріятіе требовало, кромѣ знанія и труда, также и значительныхъ затратъ. Но г. Ровинский не остановился передъ нами, и создалъ такое иконографическое изданіе, какого у насъ еще никогда не появлялось. Атласъ г. Ровинского представляетъ богатѣйшій матеріалъ какъ для исторіи нашей гравюры на деревѣ, такъ и для исторіи древне-русской культуры. Авторъ былъ совершенно правъ, когда го-

ворилъ въ предисловія къ атласу: „Въ атласѣ скопировано все, что могло представлять интересъ для Русскаго человѣка, въ какомъ бы то ни было отношеніи”. Дѣйствительно, здѣсь появляются, и должно заметить, въ первый разъ, спустя чѣтыре полтораста послѣ первого напечатанія ихъ, богатыри нашихъ легендъ и сказокъ, въ большихъ размѣрахъ, можно сказать въ видѣ настоящихъ картинъ (Илья Муромецъ, Алѣша Поповичъ, Буслай Буслаевичъ, Соловей Разбойникъ, царь Салтанъ Салтановичъ и т. д.). Далѣе мы встрѣчаемъ необыкновенно богатый и важный по культурному интересу отдѣлъ картинокъ сатирическихъ: здѣсь наиважнѣшую роль играютъ листы раскольнически на сюжеты историческіе, каковы, напримѣръ: „Драка Бабы-Яги съ крокодиломъ”, „Мышь кота погребаютъ”—обѣ доказанныя сатиры на Петра Великаго и Екатерину I; также такія юмористическія изображенія, какъ „Повѣсть о Ершѣ Ершовичѣ”, „Шемякинъ судъ”, смѣхотворная „просба Калязинскихъ монаховъ”, „Нѣмка верхомъ на старикѣ”, „судъ мужика съ дворяниномъ” и т. д. Въ связи съ этимъ отдѣломъ находятся смѣхотворныя изображенія изъ воинъ прошлаго столѣтія съ Пруссаками и Турками, почти полное собраніе карикатуръ на Наполеона I и Французовъ, карикатуры, игравшихъ такую громадную роль во время народной войны 1812 года, а также юмористическіе листы на разныя другія историческія события; множество картинокъ, имѣющихъ интересъ исторической или бытовой, каковы, напримѣръ: „Казнь убийцъ Жуковыхъ”, „Прививание осмы”, „Масляница”, „Кулачные бойцы”, „Пласка”, „Пирушка”, изображенія старинныхъ нашихъ кабаковъ и трактировъ, бани, перечисленія нарядовъ и скарба молодыхъ, поѣзды на саняхъ и колесахъ, цѣлая „лицевая комедія”, съ изображеніемъ древнаго русскаго театра и публики XVII вѣка, разнообразныя гаданья и календари. Портреты историческихъ лицъ, карты и виды, легенды и сказки занимаютъ также значительное мѣсто въ атласѣ. Но наибольшее мѣсто отведено въ немъ, по всей справедливости, изображеніямъ религіозныемъ, игравшимъ всегда такую крупную роль въ жизни Русскаго народа: этотъ отдѣлъ такъ богатъ и такъ разнообразенъ, что одно даже перечисленіе частныхъ подраздѣлений заняло бы здѣсь обширное мѣсто.

Составленный изъ такихъ элементовъ атласъ заключаетъ въ себѣ болѣе 500 картинокъ, воспроизведенныхъ различными способами: наиболѣе грубыя между ними воспроизведены простою литографіей; тѣ же, которые представляли болѣе художественнаго достоинства, выпол-

нены посредствомъ фотолитографіи, или даже и фотогравюры. Раскраска произведена отъ руки, на манеръ иконашаго способа.

Бумага для атласа, подражашая старинной бумагѣ, отлита специально въ мастерскихъ Экспедиціи заготовлевія государственныхъ бумагъ, которой выполнены также и вообще всѣ работы по изгото-
влению атласа.

Но, не смотря на всю значительность издержекъ, естественнымъ образомъ связанныхъ съ издаваемъ нѣсколькихъ сотень картинокъ въ величину оригинала (размѣры которого доходили иногда до $2\frac{1}{2}$ аршинъ, какъ напримѣръ, въ „Мамаевомъ побоищѣ“), г. Ровин-
ский имѣлъ въ виду только одно — чтобы атласъ стоилъ какъ можно
менѣе: „Цѣна его“, говорить онъ въ предисловіи, — „разочтена по
числу листовъ бумаги, употребленныхъ на изданіе, считая за каждую
листовую не раскрашенную картинку по 10 коп., за картинку двухли-
стовую 20 коп., за полуторную 15 коп. и т. д. Такимъ образомъ сказки,
изданныя въ большинствѣ случаевъ въ полуторномъ размѣрѣ, обой-
дутся покупателю въ 15 коп. каждая, Брюсовъ календарь, всѣ 6 ли-
стовъ, онъ получитъ за 1 руб. 50 коп., азбуку 1812 года — за 45 к..
книжечку о Блудномъ сыне, въ 64 листка, за 80 коп.; раскрашенные
листы оцѣнены вдвое“. Въ общемъ, изданный г. Ровинскимъ атласъ
представляетъ такую, сравнительно говори, крайнюю дешевизну, ко-
торую не можетъ не оцѣнить каждый, кто знаетъ, во что обходится
у насъ изданіе дѣйствительно точныхъ и вѣрныхъ гравюръ.

Въ предисловіи къ своему изданію г. Ровинский говорить: „При-
мѣчанія“, напечатанныя въ IV-мъ томѣ, и „Заключеніе“ (замѣ-
няющее обычное „предисловіе“), помѣщенное въ V-мъ томѣ, имѣютъ
чисто компилятивный характеръ. Держаться строгой системы было
здѣсь почти невозможно: обѣ одномъ предметѣ свѣдѣній набиралось
много, о другомъ гораздо менѣе“. Но не должно давать полную вѣру
такому черезчуръ скромному отзыву автора о своемъ трудѣ: „Примѣ-
чанія“ IV-го тома и „Заключеніе“ V-го тома представляютъ, какъ въ
томъ легко убѣдится каждый научный читатель, вовсе не одни только
механическую компиляцію случайно попадавшихъ подъ руку свѣдѣ-
ній и материаловъ, а такой рядъ отдельныхъ, систематически пред-
принятыхъ, сложныхъ изслѣдований, которымъ обогащаются исторію
русского народного художества и русской национальной культуры по-
вными и многообразными результатами.

Г. Ровинский изучилъ для этого, можно сказать, цѣлую бібліо-
теку предметовъ, входившихъ въ кругъ его изслѣдований; посѣтилъ

всѣ главныя книгохранилища и эстампные коллекціи Европы; совершилъ яйсколько путешествій въ чужія края, побывалъ со специальнуюю своею цѣлью даже въ Каирѣ, Китаѣ, Японіи и Индіи, и оттуда вывезъ кипы изѣстныхъ лубочныхъ картинокъ, казавшихся ему необходимыми при изслѣдованіи вопроса о коренномъ происхожденіи той или другой русской лубочной картинки; паконецъ, добылъ себѣ, цѣною долгихъ поисковъ, не малое количество старинныхъ старопечатныхъ нѣмецкихъ, голландскихъ и иныхъ лубочныхъ картинокъ, въ книгахъ и отдѣльныхъ листами — все съ цѣлью найти первообразы иныхъ русскихъ лубочныхъ картинокъ, тѣхъ, которыхъ были не отечественного нашего происхожденія. Неужели весь этотъ огромный систематический трудъ ровысканія и изслѣдованія можетъ быть названъ механическою „компилиаціей“?

Нѣть, значеніе труда г. Ровинскаго совершенно иное, и полное достоинство его можетъ быть раскрыто только подробнымъ изученіемъ, которому я и посвящаю слѣдующіе далѣе параграфы.

Въ заключеніе, замѣчу еще, что превосходный и обширный „Алфавитный указатель именъ и предметовъ“, приложенный къ изданію и занимающій 200 страницъ, много прибавляетъ къ достоинству, значенію и полезности сочиненія.

Въ своемъ сочиненіи, г. Ровинскій расположилъ всѣ изѣстныя въ настоящую минуту русскія лубочныя картины въ порядкѣ ихъ сюжетовъ. При этомъ разнообразные наши стили, школы, производства и направления смѣшаны, такъ что, напримѣръ, школы Московская, Киевская, Петербургская и иная возвращаются много разъ; гравюры на мѣди и на деревѣ, сюжеты оригинально-русскіе — и сюжеты, заимствованные изъ Европы, мотивы вполнѣ національные — и мотивы, скопированные отъ другихъ или же передѣланыесъ чужихъ образцовъ на русскій ладъ, — все это идетъ рядомъ и вмѣстѣ, часто смѣная одно другое, и авторъ представляетъ каждый отдѣльный сюжетъ лишь, по возможности, въ хронологическомъ порядкѣ послѣдовательнаго появленія гравюръ на свѣтъ. Я нахожу, что въ этомъ г. Ровинскій былъ правъ, потому что мудрено было бы избрать другой порядокъ при первомъ всестороннемъ опубликованіи и изложеніи всего имѣющагося на лицо материала. Всякое иное систематизированіе было бы, мнѣ кажется, преждевременно и шатко. Есть еще много спорныхъ пунктовъ, покуда еще не разрѣшенныхъ вполнѣ, или и вовсе еще не подвергнутыхъ критикѣ. Разомъ пересмотрѣть и разрѣшить ихъ всѣ,

превосходило, конечно, силы и средства однаго человѣка, какою опытностью, настойчивостью, трудолюбиемъ и знаніемъ ни обладалъ бы этотъ одинъ человѣкъ. Для этого необходимы время и долголѣтніе труды цѣлаго ряда изслѣдователей. Для всѣхъ викъ „Полное собрание“ г. Ровинскаго навсегда представить драгоценный, желанный и прочный материалъ. Но именно теперь-то, когда такое „Полное собрание“ появилось на свѣтѣ и сдѣлалось общимъ достояніемъ, становятся возможны частныя изслѣдованія, разсмотрѣніе отдѣльныхъ составныхъ частей, группъ, деталей, подробностей, родовыхъ и видовыхъ признаковъ. Въ нѣкоторыхъ особенныхъ случаяхъ и вопросахъ самъ г. Ровинскій подалъ тому прекрасный примѣръ и съ полной удовлетворительностью разобралъ и рѣшилъ иные частные вопросы— почти всегда вопросы первостепенной значительности и важности. Вездѣ въ своемъ мѣстѣ я укажу эти отдѣльные случаи.

Въ настоящемъ разборѣ, вслѣдствіе вышеприведенныхъ соображеній, я не послѣду за г. Ровинскимъ въ томъ порядкѣ, въ какомъ изложено его сочиненіе, а попробую представить свой опытъ систематизаціи и группировки. Это будетъ служить не только для характеристики и оценки нѣкоторой части давнаго материала, но также для оценки и характеристики важнейшихъ частей труда г. Ровинскаго.

Главныхъ центровъ, производившихъ въ наше мѣсто отечествѣ народныя лубочные картилки, было три—Москва, Кіевъ и Петербургъ. Весь сомнѣнія, это не были единственныя пункты производства; кромѣ этихъ городовъ народныя наши картилки производились также въ Новгородѣ, Владимирѣ, Черниговѣ, Соловецкомъ монастырѣ, наконецъ, въ Почаевѣ, и т. д., но количество ихъ было, сколько до сихъ поръ приведено въ извѣстность, незначительно, и притомъ трактованные въ этихъ мѣстностяхъ сюжеты не представляютъ ни особенной важности, ни характерности, ни интереса. Все самое значительное и исторически-замѣчательное, національно-характерное и этнографически-значительное, а наконецъ, даже и наиболѣе развитое по художественной техникѣ, вышло изъ рукъ народныхъ рисовальщиковъ и граверовъ московскихъ, кіевскихъ и петербургскихъ. Поэтому я и обращаюсь теперь исключительно къ этимъ тремъ школамъ. Надо надѣяться, что труды другихъ изслѣдователей пополнить впослѣдствіи доступные въ настоящее время результаты свѣдѣніями и характеристиками школъ второстепенныхъ, каковы Новгородская, Владимирская, Черниговская и иная.

I.

Московская школа.

Московская школа народныхъ лубочныхъ картинокъ не есть старейшая наша школа. По времени, ей предшествовала Киевская школа на цѣлыхъ три-четверти столѣтія, но она есть самая значительная наша школа по характеру, самобытности и своеобразности своихъ задачъ и выполненія.

Ни въ какихъ другихъ лубочныхъ русскихъ картинкахъ не выражались съ такою характеристичностью и своеобразiemъ разныя стороны русского национального духа, какъ въ московскихъ. Между произведеніями этой школы есть картинки самого разнообразнаго содержанія—религіознаго, историческаго, сатирическаго, балагурнаго, наставительнаго, учебнаго, сказочнаго, фантастическаго и т. д. Иныхъ изъ нихъ, и даже въ довольно значительномъ количествѣ, представляютъ копію или передѣлку съ иностраннѣхъ образцовъ; но тутъ же рядомъ является цѣлая масса картинокъ истинно оригиналныхъ, вполнѣ самобытныхъ, созданныхъ непосредственнымъ творчествомъ самаго Русскаго народа, ни откуда не заимствованныхъ. И вотъ оказывается, что именно эти послѣднія картинки имѣли наибольшее распространеніе среди народа, получили наибольшую знаменитость, и что ихъ характерныя названія — въ устахъ у всѣхъ, отъ одного конца государства и до другаго, съ сѣвера и до юга, съ запада до востока. Это—картинки съ политическимъ содержаніемъ, относящіяся къ тѣмъ особенно важнымъ событиямъ и личностямъ, которыхъ крупное, неизбѣжное влияніе сильно отразилось на жизни Русскаго народа. Можно смѣло сказать, что эти вполнѣ народныя картинки были несравненно болѣе распространены въ народѣ и пользовались у него большою знаменитостью, чѣмъ картинки религіознаго содержанія. Безъ сомнѣнія, изображенія Спасителя, Богоматери, апостоловъ, святыхъ, явленій и чудесъ, монастырей и церквей удовлетворяли постоянно самымъ кореннымъ потребностямъ Русскаго человѣка, всегда въ высшей степени религіознаго; но, по самой натурѣ своей обязаны быть традиціонными и строго сохраняющими стародавній типъ и образецъ, онъ не могли заключать никакой самостоятельности и смѣлой оригинальности, нового почина. Тѣ, напротивъ, отличались

именно смѣлостью оригинального почина, новостью формъ, своеобразіемъ этнографическихъ и другихъ народныхъ подробностей.

Мнѣ кажется, нельзя не относиться съ наибольшимъ уваженіемъ къ этому отдѣлу лубочныхъ картинокъ и не дать имъ преимущества предъ всѣми другими. Тутъ выразились съ полной ясностью мысль и чувство Русскаго народа.

Чтѣмъ думалъ нашъ народъ о старыхъ своихъ князьяхъ и царяхъ, правителяхъ, начальникахъ и судьяхъ, вообще о заправителяхъ его судьбы, того въ лубочныхъ картинкахъ не сохранилось. Одно время полагали-было у насъ, что знаменитая картина „Мыші кота погребаютъ“, относилась къ Ивану Грозному и представляла протестъ сдавленаго желѣзнымъ кулакомъ народа. Но это оказалось ни на чёмъ не основанымъ предположеніемъ, а картина—созданіемъ болѣе чѣмъ на сто лѣтъ позднѣйшимъ. Не удѣльло, да по видимому, никогда и не бывало, никакихъ изображеній, отъ руки народа, событий изъ времень Ивана IV, его беспредѣльныхъ насилий, тиранства, безумной злобы, сыноубийства, прелюбодѣяній, опричинъ, народнаго ужаса и унынія. Еще и гравюра была мало распространена въ народѣ (ее знали только въ Евангелияхъ и Апостолахъ), да и рисовальщикомъ покуда не было). Про времена Самозванца, народной смуты, междуцарствія и польского нашествія также ничего не известно по лубочнымъ картинкамъ. Правда, въ былинкахъ и сказкахъ о Добрынѣ встрѣчаются личности злой кудесницы и еретички Маринки и ея любовника Змѣя Горыныча, которая объясняются иными наслѣдователями какъ личности Маринки Мишечкѣ и Самозванца, но изъ былинъ и сказокъ эти фигуры въ лубочныхъ картинки не перешли. Время первыхъ трехъ царей дома Романовыхъ—Михаила Федоровича, Алексея Михайловича и Федора Алексѣевича точно также ничего не представляетъ въ ряду лубочныхъ картинокъ. Можно сказать съ полной увѣренностью; что, по всѣмъ признакамъ, картинокъ съ историческимъ и политическимъ содержавіемъ изъ этого времени не только не сохранилось, но и вовсе не было.

За то въ эпоху Петра Великаго ихъ появляется цѣлая масса. Въ эту пору народъ былъ затронутъ въ самыхъ коренныхъ своихъ симпатіяхъ и привычкахъ, весь складъ его жизни былъ насильственно потянутъ до корней, начиная отъ самыхъ важныхъ национальныхъ основъ и кончая мелкими подробностями вѣшнности. Не имѣя силы для сопротивленія, онъ естественнымъ образомъ гнулся и покорялся, но все-таки ропталъ и жаловался, и выражалъ свое недовольство въ

той формѣ, которая почти одна ему еще и оставалась для этого доступною — въ формѣ юмора и художественного иносказания. Громадное историческое значение гениального преобразователя Россіи оставалось неизвѣстно темной массѣ народной, но она слишкомъ ярко чувствовала раны, безжалостно, а иногда совершенно безцѣльно ей паносимыя, и — стонала какъ умила.

Однимъ изъ важнѣйшихъ народныхъ созданій этого рода является знаменитая лубочная картина „Мыші кота погребаютъ“. Г. Ровинскому принадлежитъ та честь, что именно эту капитальную въ исторіи русскаго народнаго развитія лубочную картинку онъ изслѣдовалъ и опредѣлилъ съ наибольшою подробностью, всесторонностью и точностью. Во всѣхъ пяти томахъ текста его ничего нѣтъ важнѣе, замѣчательнѣе и солиднѣе этого его изслѣдованія..

Уже и раньше г. Ровинскаго нѣкоторые изъ числа русскихъ археологовъ приходили къ той мысли, что картина „Мыші кота погребаютъ“ есть не что иное, какъ народная сатира на Петра I, и въ числѣ прочихъ, я также довольно подробно рассматривалъ этотъ вопросъ 24 года тому назадъ, когда, по порученію Академіи Наукъ, писалъ разборъ сочиненія г. Ровинскаго „Обозрѣніе русскаго гравировали на металлѣ и на деревѣ съ 1564 до 1725 года“ (Отчетъ о второмъ присужденіи паградъ графа Уварова, за 1858 годъ). Для всѣхъ изслѣдователей первымъ указаниемъ служилъ говоръ народный, народное преданіе, уцѣлѣвшее до нашихъ дней и упорно стоявшее на томъ, что, „картинку эту сочинили раскольники на Петра I“.

При такомъ важномъ указаніи, полтруда уже было сдѣлано, становилось уже несравненно легче раскрывать подробности, сравнивать и опредѣлять ихъ. Но честь окончательного и уже навсегда несомнѣннаго рѣшенія вопроса вполнѣ принадлежитъ г. Ровинскому. Конечно, чувствуя всю важность этого вопроса, онъ обставилъ свое изслѣдованіе такимъ богатствомъ подробностей, такимъ обилиемъ приемовъ, такою тщательностью и такимъ вниманіемъ къ наималѣйшимъ деталямъ, какія лишь рѣдко встрѣчаются въ изслѣдованіи произведений народнаго творчества. Такъ какъ въ нашей ученої литературѣ, рядомъ съ мыслью объ историческомъ смыслѣ этой картины, издавна существовало убѣжденіе, что формы и подробности ея — происхожденія все-таки не русскаго, а иностраннаго, европейскаго или восточнаго, то г. Ровинскому захотѣлось разъ навсегда покончить съ этимъ вопросомъ о происхожденіи, такъ чтобы впредь всякий споръ сдѣлялся о немъ излишень. Съ этой цѣлью онъ рѣшился на изслѣ-

дованія въ сдѣлъ широкихъ размѣрахъ: онъ, впервыхъ, просмотрѣлъ въ европейскихъ музеяхъ и библіотекахъ всѣ коллекціи лубочныхъ картинокъ западныхъ народовъ, гдѣ можно было встрѣтить искомый первообразъ, и вотъ, въ какимъ онъ пришелъ результатамъ. Въ чешской хроникѣ Гайка никакой приписки о картинкѣ „Мыши кота погребаютъ“ XVI вѣка не оказалось¹⁾). Потомъ, говоритъ г. Ровинскій,— ни въ Дрезденскомъ музѣѣ, ни въ другихъ европейскихъ собраніяхъ нѣтъ гравюры, изображающей кота цари Ивана Васильевича (какъ утверждалъ Снегиревъ), а въ Дрезденской галлереѣ выставлена только довольно рѣдкая гравюра Голлара, съ подписью „Le chat portrait du chat du grand-duc de Moscovie. 1661!“, экземпляры которой находятся въ Петербургской публичной библіотекѣ и въ его (Ровинскаго) собраніи. Такимъ образомъ, родословіе кота нашего отъ лютеранъ и Чеховъ XVI вѣка не подтверждается никакими данными“. Затѣмъ г. Ровинскій обратился къ Востоку. И сначала, онъ показалъ, что прежніе наши археологи лишь голословно, и не выдавъ собственными глазами подлинныхъ восточныхъ памятниковъ, пробовали производить нашу картинку изъ Индіи, Китая, Египта и т. д. На одной изъ замѣчательнѣйшихъ и наиважнѣйшихъ странницъ своей книги, послѣ опроверженія европейскаго происхожденія нашей народной картинки, онъ говоритъ: „Еще менѣе представляется данными къ производству этого кота изъ древней Индіи, въ доказательство чего наши археологи приводятъ въ примѣръ индѣйскую народную картинку, представляющую кота Видало и рисованную отъ руки индѣйскимъ богомазомъ въ ногѣшее время²⁾: тамъ сидѣть котъ Видало, а по обѣимъ сторонамъ его стоять мыши. Передняя мышь держитъ кота за серебряный ремень, привязанный къ такому же онѣйнику; у задней въ лапахъ копье. Кроме того, на спинѣ у кота сидѣть маленькии мышки и держать въ лапахъ что-то въ родѣ плетки, а можетъ быть и знамя. Въ верхней части картинки, на

¹⁾ На нее указывалъ, еще въ 1821 году, Макаровъ. Онъ говорилъ: «Въ Чешской хроникѣ Венцеслава Гайка, 1553 года, въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ упоминается о покушеніи цары обратить Россію въ католическую вѣру, на поляхъ отмѣчено: «приготовили было такую же сатиру, какую лютеране, о погребеніи кота мышами». На этомъ основаніи Макаровъ полагалъ, что первообразомъ русской картинки была сатира въ лицахъ, выущенная въ свѣтѣ снерва лютеранами, а потомъ Чехами, по случаю смерти цары Пія V или Григорія XIII».

²⁾ Эта картинка, по просьбѣ г. Ровинскаго, отыскана въ Индіи и привезена сюда однимъ знакомымъ его, Е. И. Барановскимъ.

престолѣ сидитъ мышь въ коронѣ и красномъ корсетѣ; по сторонамъ прислуживаютъ ей двѣ мыши, стоя на заднихъ лапкахъ: одна изъ нихъ держитъ надъ сидящей мышью зонтикъ, у другой въ лапкахъ какой-то сосудъ. Во время путешествія моего по Индіи въ 1876 году, я накупилъ множество такихъ картиночекъ, дѣланыхъ отъ руки, въ Бомбѣ, Бенаресѣ, Калькуттѣ, Танджорѣ и Трихунаполи: въ числѣ ихъ двѣ, съ эпизодами изъ битвы мышей съ кошками. Въ Каирскомъ музеумѣ случилось мнѣ видѣть несравненно древнѣйшій рисунокъ на остаткѣ древняго египетскаго папируса, на которомъ изображена осада кошачьей крѣпости мышами войсками. Въ Лондонскомъ музеумѣ есть другой такой же папирусъ, на которомъ представлена мышь, сидящая на стулѣ — кошки подносятъ ей разные дары (*Champfleury, Hist. de la caricat. antique*, p. 24). Въ Берлинскомъ музеумѣ есть очень древній камень, на которомъ представлена кошка, играющая на скрипкѣ, передъ нею пляшетъ мышь (тамъ же, 81). Въ Парижской библіотекѣ, въ „Collection Hennin“ (XVIII, 21), есть народная картина — война мышей съ кошками, съ подписью: „A Lyon, par Léonard Odet, coin de la rue Ferrandi re, 1610. La grande et merveilleuse Bataille d'entre les Chats et les Rats: qui est la figure d'entre les gros larrons et les petits“, внизу стихи въ четыре столбца. Впрочемъ, ни одна изъ этихъ картинокъ не имѣеть никакого сходства съ нашимъ „погребеніемъ“: съ первого же взгляда ясно, что ни въ индійскихъ картинкахъ, ни въ египетскихъ папирусахъ нѣть положительно ни малѣйшаго намека на погребеніе нашего казанскаго уроженца, ничего схожаго съ нашей картинкой, кроме развѣ того, что тамъ и тутъ есть котъ и есть мыши, и что тамъ и тутъ сюжетъ основанъ на непримиримой, племенной враждѣ ихъ. Наша картина — чисто русское произведеніе, ни откуда не заимствованное и не имѣющее никакого сходства ни съ восточными оригиналами, ни съ нюренбергскими похоронами охотника, на которые указываетъ Снегиревъ, ни съ другими западными измышленіями. Всѣ надписи на ней, всѣ подробности взяты прямо изъ русского быта — это вполнѣ оригинальное произведеніе русского народнаго буффа“ (т. IV, стр. 257—259).

Со всѣми этими общими соображеніями г. Розинскаго нельзѧ не согласиться. Вражда мышей съ котами, одолѣваніе тоѣ, то другой стороны — все это не имѣеть ничего общаго съ тѣмъ, чтѣ изображено въ русской народной картинкѣ. Рѣчь идѣть здѣсь не о восстанії слабыхъ на сильныхъ, не о побѣдѣ первыхъ надъ вторыми, но также не о торжествѣ сильныхъ надъ слабыми — ни того, ни другаго нѣть

въ нашемъ лубочномъ изображеніи. Обычное, вѣками и природой установленное отношеніе кота къ мышамъ и мышей къ коту сохранено во всей ненарушимости. Мыши не возстаютъ, не бунтуютъ, не сопротивляются и не предпринимаютъ никакой осады, ни войны. Они вполнѣ покорны существующему порядку, но только, когда ихъ всегдашнаго врага и притѣснителя уже нетъ болѣе на свѣтѣ, они радуются, общими силами запрягшись въ лямки везутъ кота хоронить, несутъ поминальные пироги и блины на спинахъ, да поминальное же питье въ ушатахъ, играютъ на водяникахъ, распѣваютъ пѣсни и даже, набравшись храбрости до высшей степени, „кота проклинаютъ“. Все это живо иѣрно рисуетъ исторію нашихъ раскольничьихъ, какъ той части Русскаго народа, которая была до глубины души потрасена и изволнована безпощадною и часто безцѣльною ломкой, какую предпринялъ Петръ Великій падъ всѣми формами коренной русской жизни и надъ всѣми подробностями коренного русскаго быта. Въ характерномъ, но слабомъ и запоздаломъ протестѣ недовольныхъ Петромъ Русскихъ нетъ ничего чужеземнаго, ничего заимствованнаго, копированнаго: все своеобразно, все полно подробностей специальнно-национальныхъ. Замѣчательно, что самъ народъ изображаетъ себя тутъ слабою, безсильною мышкой, самъ надъ собою трунить, подсмѣиваться и вубоскальничаетъ. Наврядъ ли встрѣтишь подобную черту въ другихъ пародийныхъ картинахъ и сатирахъ.

Доводы г. Ровинскаго въ пользу того, что въ настоящей картинѣ подъ видомъ кота представленъ никто иной, какъ Петръ I, неопровержимы. Эти доводы, основанные на подробнѣйшемъ и тщательнѣйшемъ разсмотрѣніи всѣхъ разнообразныхъ, удѣлѣвшихъ до нашего времени переходовъ этой картины, изъ коллекціи Императорской Публичной библіотеки, Олсуфьевскаго собрания, коллекціи самого г. Ровинскаго, очень обширны, и потому было бы невозможно повторить ихъ здѣсь во всей подробности, но достаточно будетъ перечислить ихъ вкратцѣ. Вотъ въ чемъ они состоятъ: 1) Выписаные надъ котомъ титулы суть титулы царские: „котъ казанскій, умъ астраханскій, разумъ сибирскій“ и т. д. 2) Котъ этотъ былъ „знатный подивало и веселый обѣѣдало“. 3) Котъ былъ изъ близкихъ отношеніяхъ съ чухнами и всѣмъ чухонскимъ („Чухонка вдова Маланья“, „чухонская дровня“, „ушать мерзлого чива изъ-подъ Маймистского захода“). 4) Котъ былъ нрава крутаго („по цѣлому мышенику глоталь“, около его дровенъ идѣть маожество сильно искалѣченнаго имъ народа: у кого „рыло отшибено“, кто „пораненъ“ имъ, кто принужденъ

на костыляхъ" брести). Замѣчательно, что обиженные и через чуръ противъ шерсти затронутыми, со стороны кота, оказываются личности, являющіяся чуть не со всѣхъ концовъ не только самой Москвы, но и всего нашего отечества. Сначала дѣло идетъ о Москвѣ: мыши съ Валчюга, изъ нѣмецкихъ лавокъ, съ Рогожскаго, съ Таганки, съ Арбата, съ Поплики. Но потомъ идетъ дѣло и о разныхъ краяхъ Россіи: мыши "деревенская" и "сельская", мыши съ Дона, изъ Татаръ, съ Рязани, мыши Ермаки, украинскія, чухопскія (съ Рождовой горы), охтенскія и ямскія (=петербургскія), шлюшенскія, коломенскія, олонецкія, Корелки, съ Крыма, Новгородки,—наконецъ, "мышь полевая". Тутъ дѣло идетъ, но видимому, уже не объ однихъ раскольникахъ: обиженные и оскорблѣнныя, удрученныя и преслѣдуемыя мыши явились вдругъ со всѣхъ краевъ Россіи, и часто изъ такихъ, которые именно только при Петрѣ I вступили въ составъ Русского государства, такъ что тутъ не можетъ быть рѣчи объ однихъ только специально раскольникахъ. 5) Въ четырехъ мѣстахъ текста говорится о лаптяхъ, которыми, какъ известно, Петръ I сильно интересовался. 6) Похороны происходятъ зимой, дровни везутъ восемь мышей. 7) Котъ умеръ, по сказанію надписи, въ "свѣтый четвергъ", въ "шестоплатое число": пъ поясненіе послѣдніхъ подробностей г. Ровинскаго указываетъ на то, что Петръ I скончался въ "четвергъ", съ 5-го на 6-е января (=шестоплатое число), что во время похоронъ тѣло Петра I везли въ саняхъ, запряженныхъ восемью лошадьми (=сапи на 8 мышахъ лубочнай картинки), и притомъ "съ музыкой", какъ на лубочной картинкѣ). 8) Наконецъ, въ числѣ подробностей, ярко доказывающихъ, нѣ лубочной картинкѣ, намѣреніе изобразить тутъ Петра I, г. Ровинскаго (согласно разысканіямъ прежнихъ исследователей, и именно моимъ) указываетъ на изображеніе въ картинкѣ "мышки, тянувшей табачишку": раскольникамъ было очень противно дозволеніе, данное Петромъ I указами 1698 и 1723 годовъ, иностранцамъ ввозить табакъ и трубки въ Россію. Въ добавокъ къ прочимъ подробнѣстямъ о табакѣ, высказаннымъ въ этомъ мѣстѣ г. Ровинскимъ, скажу съ своей стороны, что въ лубочной картинкѣ Императорской Цубличной библиотеки, изъ собранія Погодина, всѣ мыши, идущія хоропить Петра I, тянули его дровни или пессущія поминки по немъ, всѣ представлены черного цвѣта, но мышь, тянувшая табачишку, одна представлена бѣлою, точно также какъ бѣлыи представленъ и самъ котъ, которого хоропятъ: значитъ, эта мышь совсѣмъ другая, тѣлько всѣ прочія, и по цвѣту (=характеру, натурѣ) она со-

стоять въ согласіи и единствѣ съ тѣмъ котомъ, котораго хоронятъ, и который любилъ и дозволилъ такое омерзительное дѣло, какъ куреніе табака. Притомъ же она насыла на спину черной мыши. Къ этимъ восьми главнымъ пунктамъ доказательствъ своихъ г. Ровинскій прибавляетъ еще нѣсколько другихъ, меньшей важности. Но всѣ они вмѣстѣ, въ общей своей сложности, не оставляютъ никакой возможности сомнѣваться въ томъ, что настоящая картинка—политическая карикатура на Петра Великаго.

Другая, подобная же знаменитая лубочная картинка изслѣдована г. Ровинскимъ совершенно самостоятельно. Это „Яга-Баба, дерущаяся съ крокодиломъ“. Про „Мышь кота погребаютъ“ писали, раньше г. Ровинского, и другіе наши изслѣдователи, и приходили къ убѣждению, что въ этой картинкѣ подъ видомъ кота разумѣется никто другой, какъ Петръ I. Про „Бабу-Ягу съ крокодиломъ“ тоже писали у насъ раньше г. Ровинского, но только со стороны технической и художественной, и никто еще, до сихъ поръ, не пробовалъ доказывать, что и эта картинка имѣть значеніе историческое, и подобно предыдущей, есть сатира на Петра I. Но и на этотъ разъ г. Ровинскій имѣлъ, со своими доказательствами, полный успѣхъ. Его доводы имѣютъ силу неоспоримую. Картина „Баба-Яга съ крокодиломъ“, по происхожденію своему, принадлежитъ болѣе раннему времени, чѣмъ „Мышь кота погребаютъ“: послѣдняя картинка сочинена никакъ не раньше смерти Петра I (потому что указываетъ даже на день и число погребенія и на разныя характерныя подробности этого погребенія, дѣйствительно совершившіяся въ 1725 году), а „Баба-Яга“ явно сочинена еще въ то время, когда Царь I былъ живъ; но тѣмъ не менѣе, картинка болѣе поздня имѣть несравненно большее значеніе. чѣмъ картинка, предшествовавшая ей по времени. Картина „Мышь кота погребаютъ“ есть цѣлый „обвинительный актъ“ противъ Петра I, полное перечисленіе всего, чѣмъ были недовольны и возмущены съ его стороны Русскіе люди конца XVII и начала XVIII вѣка—это обвинительный актъ его дѣяній государственныхъ и историческихъ. Задача „Бабы-Яги съ крокодиломъ“ гораздо уже: здѣсь заключается только „обвинительный актъ“ противъ его частной жизни. Картина представляетъ сатирическій дуэтъ, гдѣ Петръ I является съ глазу на глазъ со своею второю супругою, Екатериною Алексѣевною. Она—крокодиль (любимое название Петра I у раскольниковъ), она—злая чухонская колдунья. Г. Ровинскій находить даже, что въ одномъ изъ переводовъ этой картинки (№ 38 въ его Атласѣ) Баба-Яга на-

поминаетъ нѣсколько портретъ Екатерины I въ обезображеномъ типѣ Мoора, въ гравюрѣ Ивана Зубова—и я охотно примыкаю къ этому изѣнію, находя его вполнѣ справедливымъ. Для громадной массы Русскихъ начала XVIII вѣка казалось невыносимымъ, чтобы жену царя явилась, на мѣсто коренной Русской, какою была Евдокія Федоровна Лопухина, первая супруга Петра, какая-то Шведка, или какъ простой народъ называлъ ее тогда—Чухонка. Она казалась чѣмъ-то „нечистымъ“, какимъ-то нехристемъ, чаровницей, колдуньей, окоддавшей Петра, и вотъ грубые мужики русскіе представляютъ ее въ чухонскомъ нарядѣ, въ мѣховой шапкѣ, въ платьѣ, отороченномъ мѣхомъ и вышивками, колдуньей на свинѣ (= олицетвореніи злого духа и всяческаго злого начала). Она, со злобой высунувъ языкъ и вытаращивъ глаза, ведетъ атаку на „крокодила“, потрясая въ воздухѣ вѣстомъ и держа на готовѣ, за поясомъ, гребень для пражи¹⁾ и топоръ. Она, хотя тоже сердитый и злой, тоже съ выпученными взами, но ничего самъ противъ нея не предпринимаетъ, да притомъ же она безоруженъ, она только защищается противъ ея атаки. Она быстро несетъся на него, сидя верхомъ на своей свинѣ; она же сидить смѣю на корточкахъ и только выдвинулъ свои переднія лапы ей на встрѣчу. Она является здѣсь, по народному понятію, начalomъ активнымъ, она — пассивнымъ. Она затѣваетъ баталію, она только продолжаетъ ее. И изъ-за чего все дѣло пошло? Изъ-за „склянцы съ виномъ“, „стоящей подъ кустомъ“, изъ которой каждому изъ нихъ охота была великая напиться: злой намекъ народа на известную приверженность Петра Великаго и его супруги къ крѣпкимъ напиткамъ. А чтобы никто изъ зрителей не могъ сомнѣваться въ томъ, что рѣчь идетъ не о какомъ-то неизѣбѣнномъ, о какомъ-то безразличномъ Иисѣ, а именно о Цетрѣ, крокодилѣ картинки посаженъ у воды, и тутъ въ уголку представленъ корабликъ съ парусами и мачтами — любимая утѣха и цѣль стремленій Петра I.

Еще въ другой народной картинкѣ, того же направленія и той же эпохи, Баба-Яга представлена уже въ ладахъ со своимъ мужемъ (№ 39).

¹⁾ Г. Ровинский называетъ эту гребень—граблями (т. I, стр. 133), но это несправедливо: въ этомъ легко убѣдится всякий, собственными глазами видавшій крестьянскій (все равно русскій или чухонскій) гребень для пражи; но полныятъ подтверждениемъ служитъ еще лубочная картинка въ атласѣ г. Ровинского № 149, на которой представлена «баба, прадущая митки»: здѣсь изображена баба къ сарафанѣ и вичкѣ, прадущая на прилѣкѣ, надъ которой находится точно такой гребень, какъ за поясомъ у Бабы-Яги.

Они плашутъ вмѣстѣ. Онь является уже не „крокодиломъ“, а просто „мужикомъ, плѣшивымъ старикомъ“, она—все по прежнему Баба-Яга, азая и противная. Наконецъ, еще въ нашихъ картинкахъ изображено преобладаніе Екатерины надъ Петромъ—преобладаніе, только мере-щившееся нашему народу, а па дѣлѣ вовсе не существовавшее: Петръ I заключалъ въ натурѣ своей такой могучій, самостоятельный и са-мобытный характеръ, что, конечно, не слабой и безцвѣтной, въ интел-лектуальномъ отношеніи, Екатеринѣ было къ чему-нибудь направлять его. Это преобладаніе изображено на этой разъ посредствомъ старинной общераспространенной сказки о томъ, какъ молодая женщина осѣдлала старика и ёдетъ на немъ верхомъ, а онъ покорно бредеть на чет-вереныхъ (№ 220). На нашей картинкѣ осѣдланному пришлось такъ тяжко, что онъ даже опирается, спереди на клюку, а сзади роняетъ каль. На этотъ разъ Баба-Яга представлена уже не въ волшебномъ и национальномъ костюмѣ, а въ костюмѣ новомъ, современномъ, европеизированномъ, въ манжетахъ и плюмажахъ, и только на головѣ надѣть какой-то фантастический токъ ¹⁾.

Открытие истиннаго значенія всѣхъ этихъ народныхъ картинокъ принадлежитъ вполнѣ г. Ровинскому. Правда, ему руководство нитью служило, до нѣкоторой степени, преданіе, даже и до сихъ поръ уцѣльвшее у раскольниковъ и приписываемое нѣкоторымъ изъ этихъ картинокъ именно смыслъ карикатуры на Петра I и Екатерину; но это было только указаніе темное, еще не подкрѣпленное никакими частными, подробными доводами: г. Ровинскій отыскалъ и вывелъ на свѣтъ эти доводы, представилъ доказательство въ полномъ ихъ все-оружії. Радуясь этому и вполнѣ соглашаясь съ доводами этими, я считаю полезнымъ подкрѣпить ихъ еще нѣкоторыми указаніями. Оставляя даже въ сторонѣ, на минуту, самыя изображенія, подроб-ности костюмныхъ, этнографическихъ и историческихъ, я пахожу даже въ самыхъ текстахъ, сопровождающихъ эти картинки, одни и тѣ же выраженія, одинъ и тотъ же складъ и обороты рѣчи, которые не встрѣчаются болѣе ни въ какихъ другихъ народныхъ нашихъ кар-тинкахъ, и связываютъ эти, относящіяся до Петра I, изображенія въ одну группу, въ одно нераздѣльное цѣлое, котораго отдѣльные члены,

¹⁾ Г. Ровинскій не правъ, называя костюмъ Нѣмки то «турецкимъ», то «чу-хонскимъ» (т. I, стр. 450; т. V стр. 40). Тутъ ни турецкаго, ни чухонского ничего нѣть, все — европейское, за исключеніемъ одного тока или берета, кото-рого характеръ фантастический.

народные листы, исходили изъ одной той же мастерской, изъ однѣхъ и тѣхъ же рукъ, изъ однѣхъ и тѣхъ же головъ и настроения. Въ картинкѣ „Миши кота погребаютъ“ говорится: „Чюрилка сирначъ въ соцѣль (свирилку) играетъ, а ладу не знаетъ“; въ „Бабѣ-Ягѣ“ пляшущей съ мужикомъ: „... скакуть, пляшутъ, въ волынику играютъ, а ладу не знаютъ“. Въ „Бабѣ-Ягѣ съ крокодиломъ“: „Да у нихъ же подъ кустомъ—скляница съ виномъ“; въ „Миши кота погребаютъ“—„А застучь въ торокахъ—Да скляница вина въ рукахъ“; въ „Нѣмкѣ верхомъ на старикѣ“: „Посудила ему скляницу вина“, „Да курганъ (= кумганъ) пива“, и т. д. И тутъ, и тамъ складъ, размѣръ стиха, выраженія—совершенно тождественны. О тождественности техническаго способа гравюры будетъ говорено ниже. ...

Замѣчу еще, что, по моему глубокому убѣждению, нельзя считать единственными сатирами на Петра I только тѣ наши народныя картички, которыхъ истинное содержаніе и смыслъ такъ блестательно доказаны теперь г. Ровинскимъ. Я твердо увѣренъ, что дальнѣйшій изслѣдованія нашихъ знатоковъ испрѣпѣнно пріурочать къ этой же категоріи еще множество другихъ народныхъ картинокъ. Въ настоящее время, не входя въ слишкомъ обширныя подробности, укажу на два примѣра.

Коль скоро несомнѣнно то, что къ личности Петра I и Екатерины I относится картинка: „Нѣмка верхомъ на старикѣ“ (№ 220), то нѣтъ, миѣ кажется, никакого резона не относить точно также къ тому самому разряду сатиръ на Петра I и Екатерину картинки: „Старый Нѣмецъ на колѣняхъ у молодой Нѣмки“, „Молодая Нѣмка корицъ стараго Нѣмца сосковъ“ (№№ 217, 218, 219 у г. Ровинского). Содержаніе, напралепис, общій складъ, частныя подробности, рисунокъ, гравюра, выраженія текста—всѣдѣ совершенно родственны. А если главное действующее лицо называло „Нѣмцомъ“, и костюмы у всѣхъ на картинахъ нѣмецкие, то это не должно вводить насъ въ заблужденіе: это не болѣе, какъ пехитрый литературный пріемъ для отвода глазъ. Притомъ же эти костюмы, какъ и вообще всѣ подробности рисунка, совершенно тождественны съ таковыми же несомнѣнно русскаго происхожденія Петровской эпохи, каковы: „Блинницца“ (№ 120), „Угощеніе яблоками“ (№ 125) и другія. Въ числѣ сходныхъ подробностей замѣтимъ двѣ особенно важныя: на картинкахъ №№ 218 и 219 старикъ испускаетъ изъ себя кадъ, точно также какъ на картинкѣ 220 (при чёмъ ему помогаетъ лѣкарь-Нѣмецъ), а на картинкѣ № 220 старикъ представленъ съ длинною бородой, точно въ точь какъ „кро-

кодиль" на картинкѣ „Баба-Яга ёдетъ съ крокодиломъ драться" (№ 37 и 38), конечно, для отвода глазъ и мысли зрителя отъ Петра I, такъ какъ тотъ ненавидѣлъ и преслѣдовалъ бороды.

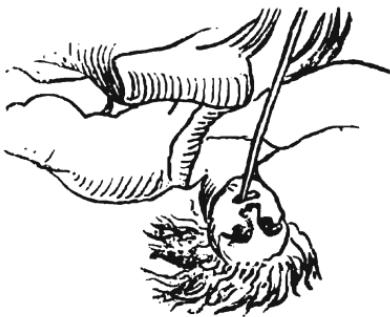
Другой примѣръ. Основываясь на устныхъ раскольничихъ преданіяхъ, г. Ровинскій признаетъ, что въ народной картинкѣ Олсуфьевскаго собранія „Христосъ побѣждаетъ Антихриста" (№ 1016) Антихристъ, упавшій съ коня и поражаемый молвіеноснымъ мечемъ, исходящимъ изъ руки Христа, сидящаго на облакахъ, изображенъ съ лицомъ Петра I. Но если это драгоценное указаніе вполнѣ справедливо (въ чёмъ я ничуть не сомнѣваюсь), то точно также необходимо признать относящееся къ личности Петра I еще одну народную картинку, всегда бывшую у насъ въ народѣ очень знаменитую. Это— „Выѣтъ не захотѣлъ быкомъ быть". Г. Ровинскій говоритъ: „Первоначальные мотивы этой картинки можно подыскать во многихъ западныхъ произведенияхъ: въ среднегѣковыхъ миниатюрахъ есть изображенія мужчины, посаженного за пралку; у Ганса Сакса зайцы жарятъ охотника на вертелѣ (Scheible, Das Schaltjahr, I, 409); въ нашемъ Эрмитажѣ есть картина знаменитаго Поттера, на которой представленъ судъ евреевъ надъ охотникомъ. Но полнѣе всего мотивы Свѣта на изворотъ представлены на заглавномъ листѣ англійскаго лубочнаго изданія: Mad fashions, odd fashions... by John Taylor, London, 1642 (Old book collectors, by Ch. Hindley, London, 1878, vol. III)". По моему мнѣнію, нѣть не только близкаго, но даже и дальнѣаго сходства въ личностяхъ, предметахъ и подробностяхъ, изображенныхъ на каждой изъ этихъ народныхъ картинокъ. Въ одномъ случаѣ на сценѣ мужчина за пралкой, въ другомъ—зайцы, жарапіе охотника, въ третьемъ—охотникъ, судимый евѣрами, въ четвертомъ—человѣкъ, насучившій себѣ на руки сапоги со шпорами вмѣсто перчатокъ, церковь внизъ крышей, свѣча внизъ огнемъ, лошадь, замахнувшаяся на упавшаго изъ телеги сѣдока, собака, бѣгущая отъ зайца, кошка отъ мыши, рыба, плавающая въ воздухѣ, и т. д. Вездѣ тутъ изображенъ только „свѣтъ на изворотъ", представлена смѣхоторная идея, забавная „небылица въ лицахъ", балагурство, очень нерѣдко приходившее на умъ людямъ разныхъ странъ и разныхъ эпохъ, всякий разъ на свой особый ладъ. Подобныя же смѣхоторныя изображенія есть, конечно, и на нашей картинкѣ, напримѣръ: „овца, искусная мастерица, велитъ всѣмъ пастухамъ остричься": „мужикъ, парядись, въ стулѣ сидѣть, хотеть страшчикъ, судей и подъачикъ судить"; „погугай мужика въ кѣльку посадиць, чтобы опь говорилъ" и т. д. Я

готовъ даже согласиться, что вся опѣ, или по крайней мѣрѣ многія, суть вичто инос, какъ копіи съ иностраннѣхъ оригиналовъ, потому что не только въ костюмахъ дѣйствующихъ лицъ, но и во многихъ другихъ подробностяхъ, указываютъ на условія быта вовсе не русскаго; такъ напримѣръ, много разъ представленъ оселъ, какъ принадлежность крестьянскаго быта („осель мужика погоняетъ“, „бабы осла забавляли“, „осель мужика бриль“... и т. д.); но замѣчу, что вся эти изображенія являются въ нашей картинкѣ изображеніями второстепенными, маленькими сюжетиками, составляющими рамку вокругъ главнаго, центральнаго сюжета. А этотъ главный, центральный сюжетъ — уже вовсе не смѣхотворный и не балагурный, не забава и не шутка, а сюжетъ страшный и трагическій. Текстъ изъ виршей говоритъ здѣсь: „Быкъ не захотѣлъ быть быкомъ, да и сдѣлся мясникомъ. Когда мясникъ сталъ бить въ лобъ, то, не стерпя его удара, ткнулъ рогами въ бокъ, а мясникъ съ ногъ долой свалился, то быкъ выхватить у него топоръ потопцлся, отрубили ему руки, повѣсили его вверхъ ногами, и стала таскать кашки съ потрохами“. Здѣсь восемь стиховъ, и они рисуютъ цѣлую сцену: остальные 18 маленькихъ картинокъ спабжены каждая всего только двумя стихами, содержаніе которыхъ всякий разъ очень кратко и разказываетъ всего только одинъ моментъ, а не нѣсколько послѣдовательныхъ, какъ главной картинки. Но, кроме этихъ существенныхъ отличий, мы въ этой послѣдней встрѣчаемъ еще нѣсколько другихъ. Впервыхъ, топоръ, которымъ завладѣлъ быкъ, имѣть форму топора русскаго (другое топорище, короткое, и совершенно иначе наложенное, въ сравненіи съ иностраннѣм). Вторыхъ, на быкѣ фартукъ и малые ножи, привѣшенныесбоку у пояса, точь въ точь какъ у настоящихъ русскихъ мясниковъ даже и до сихъ поръ. Втретыхъ, лицо и голова повышенного ногами вверхъ мясника представляетъ замѣчательное сходство съ лицомъ и головою Антихриста, изображеннаго въ одной любопытной лубочной картинкѣ раскольническаго проискожденія. Описывая картинку изъ Олсуфьевскаго собрания „Христосъ побѣждаетъ Антихриста“, г. Ровинскій говоритъ, что здѣсь раскольники нарисовали Антихриста въ образѣ Петра I. Но если это справедливо, съ чѣмъ я вполнѣ согласенъ, то не могу не замѣтить, что голова мясника, повышенного вверхъ ногами, являющаяся поэтому лбомъ внизъ и подбородкомъ вверхъ, съ волосами, раскатившимися внизъ и повисшими въ пространствѣ (картинка № 176 въ Атласѣ г. Ровинскаго, нашъ рисунокъ № 2) представляетъ, по моему мнѣнію, развѣ

тельное сходство съ головою Антихриста (= Петра I), представленаго упавшимъ съ коня: Антихристъ изображенъ (картина № 1016 въ Атласѣ г. Ровинскаго) головою внизъ, ногами вверхъ; поза и поворотъ головы (нашъ рисунокъ № 1) точь въ точь—тѣ самыя, что и въ картинкѣ „Быкъ не захотѣлъ быть быкомъ“, и чтѣ гораздо важнѣе, не только форма разметавшихся, повисшихъ внизъ волосъ, но и форма лица представляетъ близкое сходство. Для сравненія представляю здѣсь снимки съ обѣихъ головъ.

№ 2.

№ 1.

Замѣтимъ, при этомъ, что обѣ картинки: „Христосъ побѣждаетъ Антихриста“ и „Быкъ не захотѣлъ быть быкомъ“—гравированы на мѣди, и по всей вѣроятности, ничто иное, какъ позднее воспроизведеніе оригиналовъ болѣе старыхъ, гравированныхъ первоначально на деревѣ и представлявшихъ прежде въ болѣе простыхъ и несравненно менѣе сложныхъ формахъ: я считаю, что отношеніе поздняго оригинала къ старому было здѣсь точно такое же, какъ, напримѣръ, между первоначальными изданіями „Мыши кота погребаютъ“, гравированными еще на деревѣ (№№ 166, 167, 168), и болѣе поздними, гравированными на мѣди (№ 169 разныхъ переводовъ). Въ послѣдніихъ многое уже измѣнено, убавлено или добавлено, но главные мотивы вполнѣ просвѣчиваютъ сквозь позднѣйшия формы и подробности.

Къ числу картинокъ, считаемыхъ по настоящее время только вообще „забавными“, по еще не имѣющими никакого специального пріуроченія, относится между прочимъ, также и картина: „Медвѣдь съ козою проеклажаются“ (№№ 177, 178, 179). На первый взглядъ, у этой картинки нѣть никакого особеннаго значенія, и она содѣржать въ себѣ одну только шутку, народное балагурство на ту тему, что „медвѣдь съ козою проеклажаются, на мызыкѣ своей забавляются, и

медвѣдь шляпу вздѣлъ, да въ дудку играль, а коза... скакеть, и въ присядку плашетъ". Можно было бы даже, пожалуй, предполагать, что этотъ медвѣдь и эта коза ничто иное, какъ „раженые", тѣ самыя, что являются на крѣпленскихъ и масленичныхъ забавахъ. Однако, при болѣе подробномъ изслѣдованіи, оказывается, что тутъ у насъ не простые медвѣдь и коза, а точно такія же историческія аллегоріи, какія мы встрѣчали въ картинкахъ: „Мышь кота погребаютъ", „Баба-Яга" съ крокодиломъ, или мужикомъ и т. д. Коза пашет картинки № 177 (со всѣми послѣдующими ея копіями и передѣлками, какова, напримѣръ, „Шутиха Аришка", Атласъ № 103) есть совершенная копія или повтореніе однѣй мыши въ Котовомъ погребеніи №№ 166 и 170. Въ верхней полосѣ этихъ картинокъ (въ картинкѣ № 170, подъ № 11) нарисована „мышь съ Рязани сива, въ сарафанѣ синемъ, идуща горько плачетъ, и сама въ присядку плашетъ". Она представлена стоящею прямо, руки въ боки, но мордочка ея повернута вправо; сарафанъ на ней очень замѣчательный, старинной коренной, русской формы: онъ не подплосанъ, и шить безъ талы, безъ всякихъ рукавовъ и держится только на плечахъ; напереди онъ разрѣзанъ сверху до низу и застегнутъ рядами застежекъ. Въ картинкѣ „Медвѣдь съ козою" эта самая фигура повторена еще разъ, но только подъ видомъ козы: про нее тоже сказано въ текстѣ, что она „сива, въ сарафанѣ синемъ, скакеть и въ присядку плашетъ"; костюмъ ея точь въ точь тотъ же самый, что въ Котовомъ погребеніи, а именно сарафанъ безъ рукавовъ, держащійся только на плечахъ, безъ талы, съ разрѣзомъ, идущимъ отъ верху до низу и застегнутымъ рядами аграфовъ. Поза также совершенная одинаковая: все тѣло съ лица, одна только козы ея мордочка поворочена вправо, одна рука уперта фертомъ въ бокъ, была бы уперта точно такъ и другая, какъ въ Котовомъ погребеніи, да только поднялась, потому что трясеть въ воздухѣ ложеами. Главная разница (кромѣ козьей головы и ногъ, замѣнившихъ голову и лапки мышиныя) состоить въ томъ, что эта коза—съ колокольчиками, украшающими ее точно также, какъ „вадѣтая на голову шлапа" украшаетъ ея партнера по пляскѣ — медвѣдя. По всей вѣроятности, этотъ медвѣдь, чтѣ „въ дудку играетъ", есть тотъ самый Чурилка-сарначъ, который въ Котовомъ погребеніи играетъ въ однихъ переводахъ на сонѣлкѣ, въ другихъ—на свирѣлкѣ. Въ картинкѣ № 177 и проч. онъ уже является въ нѣмецкой шляпѣ, можетъ быть, по той же самой причинѣ, по какой дѣйствующія лица картинокъ „старый

Нѣмецъ съ молодою Нѣмкою" (№ 217, 218, 219) представлена также въ какихъ-то необыкновенныхъ иностранныхъ шляпахъ.

Всѣ эти сатирическия картинки на Петра I были въ ходу у насть въ народѣ цѣлыхъ полтораста лѣтъ, продолжали печататься и распространяться даже до второй половины настоящаго столѣтія, но первоначальное, историческое ихъ значеніе давно уже стерлось и по забылось. Въ народѣ они остались только съ характеромъ „забавныхъ“, потѣшныхъ листовъ: тотъ глубокій смыслъ, что въ нихъ присутствовалъ, давно уже утраченъ, подобно тому, какъ въ вышивкахъ великорусскихъ полотенецъ давнимъ давно перезабыть весь изысканный, первоначальный ихъ смыслъ, и уже давно народъ не видитъ тутъ ничего, кроме калабризныхъ, совершенно произвольныхъ орнаментовъ: лишенныхъ всякаго значенія пѣтушковъ, павлиновъ, коньковъ, львовъ, человѣчковъ и зданий. Къ великой части г. Ровинскаго относится то, что онъ сдѣлалъ попытку приподнять хоть уголокъ таинственной занѣмы: навѣрное, множество другихъ исследователей пойдутъ у насть по его стопамъ, поведутъ изслѣдованіе дальше, и чтѣ онъ сдѣлалъ относительно лубочныхъ картинокъ, относящихся къ эпохѣ и личности Петра I, распространять на другія эпохи и крупныи наши историческія личности.

Многія темы сами собою напримываются на подобное изслѣдованіе. Изъ числа сюжетовъ болѣе древнаго времени я указалъ бы на картинки о „Ершѣ Ершовичѣ, сынѣ Щетинникѣ“, и „Шемякинѣ судѣ“, которыхъ мы знаемъ теперь только въ новомъ, сравнительно молодомъ переводаѣ, но первоначальная форма которыхъ были, должно быть, судя по нѣкоторымъ признакамъ, иными. Еслибы можно было восстановить эту первоначальную форму, мы имѣли бы тутъ, конечно, двѣ изъ самыхъ старыхъ и наиважнѣйшихъ русскихъ иллюстрацій и сатиръ на события и личности историческія. Изъ числа болѣе новыхъ сюжетовъ, я указалъ бы на „Зерцало грѣшника“ (№ 742). Картина эта, какъ известно, дѣлана въ 1700 году, въ Амстердамѣ, Голландцемъ Тесингомъ, который вскорѣ потомъ умеръ, и именно въ 1701 году, а между тѣмъ, кавалеръ и дама, нарисованные въ самой серединѣ картинки, по убѣждѣнію раскольниковъ, представляютъ императрицу Анну Ивановну и Бирона. Какимъ образомъ и почему произошло такое народное толкованіе и пріуроченіе, и не было ли поздѣйшихъ переводовъ картинки съ современными дополненіями и измѣненіями въ фигурахъ и текстѣ—вотъ чтѣ требуетъ изслѣдованія.

Говоря о картинкахъ раскольническихъ, не могу не указать на одну

довольно мало изслѣдованную до сихъ поръ картинку, которую, по моему мнѣнію, непремѣнно слѣдовало бы отнести къ числу раскольническихъ. Я говорю о картинѣ первой половины XVIII вѣка, гравированной на мѣди и носящей заглавіе „Корабль знаменующій церковь воющую и отъ еретиковъ гонимую на земли“ (Атласъ г. Ровинскаго, № 795). Г. Ровинскій замѣчаетъ, что въ этой картинѣ „назъ, то-есть, изображеніе еретиковъ, заимствованъ изъ огромнаго тевиса, 8-ми-листового размѣра, печатаннаго съ двухъ досокъ (обѣ доски въ академіи художествъ), поднесеннаго Ерофеемъ Іозефовичемъ епископу Сузdalскому и Юрьевскому Варлааму Ленинскому, въ 1720 году“ (т. IV, стр. 576). Еретики, изображенныя на этой картинѣ, стараются, одни—зацѣпить корабль баграми, другіе—достать его копытами, стрѣлами изъ луковъ, пулами изъ пищали. Эти еретики слѣдующіе: „Владыка упеть“, Кипка ученый, Оригенъ, Еникуръ, Лютеръ¹⁾, Развратникъ, Евтихъ, Ляхъ, Кальвинъ, Езувитъ, Арып попъ александрийскій, Мехметъ, Савелій, Жидъ“. Костюмы и обличья большинства между ними очень характерны: такъ напримѣръ, у „Владыки уніата“, снабженного большими горбатыми носомъ, шапка на головѣ совершенно особенной формы, въ родѣ митры католическаго епископа; поверхъ длинной и широкой мантіи верхняя накидка, кончающацяся свали остріемъ съ кистью на концѣ, онъ бритый; у „Кипки-уніата“ круглая шапка на головѣ, въ родѣ тюрбана, онъ въ мантіи съ широкимъ круглымъ воротникомъ и завязками у шеи, у него длинная борода; „Лютеръ“ въ короткомъ кафтанѣ (покрова XVII вѣка), съ широкимъ воротникомъ вокругъ шеи, въ родѣ ожерелья, и съ манжетами у кистей рукъ; „Развратникъ“—въ русскомъ короткомъ кафтанѣ съ петлями для застегиванія на груди, съ бородой и въ длинныхъ сапогахъ до колѣнь; „Ляхъ“—въ длинномъ кафтанѣ, широкихъ и длинныхъ штанахъ и сапогахъ съ каблучками, богатыя ножны сабли пришвешены у него къ узорчатому богатому поясу, а обнаженною саблей онъ замахивается на „Корабль Церкви“; „Кальвинъ“—въ европейскомъ короткомъ кафтанѣ и широкополою шляпой, у которой края приподняты сверху; „Езувитъ“—въ широкомъ плоскомъ воротнике и круглой скуфейкѣ на головѣ; „Арып попъ александрийскій“—въ восточномъ длинномъ костюмѣ, надѣтомъ поверхъ другаго платя,

¹⁾ Лютеръ пропущенъ въ исчислении г. Ровинскаго, вѣроятно потому, что слишкомъ иерархично или его, написанное на кругломъ воротнике его, густо заштрихованномъ иглою гравера.

еще более длинного, съ круглою шапкой на головѣ въ родѣ такого же тюрбана, какой надѣть на „Кишѣ-укнѣтѣ“; „Мехметъ“ (=султанъ Турацкій)—въ чалмѣ, въ короткомъ бешметѣ, съ саблей; наконецъ, „Жидъ“—въ широкополой шляпѣ, такой же формы, какъ у „Кальвина“, и въ длинномъ плащѣ, на рукахъ у него манжеты. Позади него, какая-то фантастическая птица съ огромными глазами и разинутымъ клювомъ; изъ всего тѣла ея, стоящаго вертикально, выходить огненные языки—по всей вѣроатности, это олицетвореніе Ада. Въ этой картинкѣ, кромѣ костюма, очень важны иѣкоторые типы: такъ напримѣръ, „Ляхъ“, съ польскими характерными усами и физиономіей; „Мехметъ“ съ физиономіей дѣйствительно турецкою; „Жидъ“ съ характерными еврейскими носомъ и глазомъ. Все вмѣстѣ даетъ очень любопытный отчетъ о томъ, какъ Русскіе первой четверти XVIII вѣка представляли себѣ типы, характеры и костюмы самыхъ разнообразныхъ национальностей, европейскихъ и азиатскихъ. Но, кромѣ всего этого, эта картинка кажется мнѣ очень важною въ томъ отношеніи, что, по всей вѣроатности, она есть произведение раскольничье. Всего болѣе меня убѣждаетъ въ этомъ то обстоятельство, что въ числѣ алыхъ еретиковъ, возставшихъ на Церковь и на Христа, а равно на помѣщающихся съ нимъ въ кораблѣ пророковъ, апостоловъ, мучениковъ, мученицъ, святителей и преподобныхъ, находится также и Русскій, „Развратникъ“, въ нашемъ национальномъ костюмѣ. Само собою разумѣется, тутъ слово „Развратникъ“ не можетъ быть принимаемо въ вынѣшнемъ значеніи: „развратъ“ означало въ старой Руси—ученіе, противное закону, вѣрѣ и истинѣ, ересь¹⁾). Слѣдовательно, легко попытать, къ кому относилось слово „развратникъ“, или „еретикъ“, помѣщенное въ картинкѣ, исходившей, въ началѣ XVIII вѣка, изъ среды народа: оно явно относилось къ „Никоніанцамъ“, къ послѣдователямъ „новшествія“. Текстъ, напечатанный внизу картинки, подтверждаетъ мое положеніе, мнѣ кажется, очень сильнымъ образомъ. Тамъ, между прочимъ, говорится: „Развратникъ тутъ-же въ томъ соборѣ ратуетъ,... не столько бѣдно отъ чужихъ мерзети какъ отъ своихъ чадъ злоказность терпети: смотри, проклате, чими сосцами вспитанъ... престань всезлобіе матери ругаться... о проклятое адское пронырство, пропадешь вовсе лукаво...“ и такъ далѣе. Все это рѣчи, выраженія и слова изъ очень известной литературы нашихъ раскольниковъ XVII и XVIII вѣка.

¹⁾ Словарь церквино-славянского языка, т. IV, слово «Развратъ».

Вообще говоря, надо было особенно пристально исследовать все картинки происхождения раскольничьяго. Мы уже видели выше, что многія изъ наиважнѣйшихъ по содержанію и наистарѣйшихъ по времени лубочныхъ картинокъ нашихъ дѣланы были раскольниками: къ этимъ особенно важнымъ картинкамъ слѣдовало бы присоединить и все про-чія раскольничыи, соединивъ ихъ все въ одну группу, и притомъ картины какъ религіознаго, такъ и свѣтскаго содержанія. Къ первымъ относятся, напримѣръ, „Храстъсъ поражаетъ Антихриста“ (№ 1016—1018), „Образомъ разговоровъ устроена лядина“—иноскавательное изображеніе круговаго радѣнія (№ 878), „Благовременное покаяніе“ или „Ликование“ (№ 7029), „Древо раскольничихъ толковъ“ (№ 796); ко вторымъ: „Мышь кота погребаютъ“ и „Медвѣдь съ кошкой“, разныя изображенія „Бабы-Яги“ съ крокодиломъ, мужикомъ и проч., старикъ съ Нѣмкой и проч. Такое группированіе дало бы возможность изучить и опредѣлить особенные признаки гравюры этой школы, какъ на деревѣ, такъ и на мѣди, и по этимъ признакамъ пріурочить къ этой самой школѣ множество другихъ картинокъ, до сихъ поръ смѣшанныхъ безразлично съ другими. Вслѣдствіе такого пріуроченія, быть можетъ, во многихъ случаяхъ открылся бы смыслъ многихъ картинокъ, до сихъ поръ затерянный.

Я представилъ нѣсколько примѣровъ того, какъ нашъ народъ, и преимущественно раскольники, отосились къ „новшествамъ“ и кореннымъ реформамъ національнаго быта Петра Великаго. Это была сторона протеста и сатиры. Но тутъ являлась только одна сторона дѣла. Было у Русскаго народа того времени еще и другое отношеніе: отношение одобрѣнія, симпатіи, похвалы и наивысшаго удивленія. Это ясно доказываютъ намъ двѣ лубочные картинки, остававшіяся до сихъ поръ у насъ въ тѣни, почти вовсе не замѣченными.

Первая—это картинка, представленная у г. Ровинскаго въ Атласѣ подъ № 2 и описанная въ текстѣ подъ заглавіемъ: „Бой Ильи Муромца съ Соловѣемъ Разбойникомъ“. Про нее г. Ровинскій говоритъ (т. I, стр. 7), что тутъ „Илья и Соловей изображены на конахъ, во французскихъ костюмахъ XVIII вѣка, въ длинныхъ завитыхъ панталонахъ, въ камзолахъ и ботфортахъ“. Никакихъ другихъ указаній у г. Ровинскаго ни въ текстѣ, ни въ примѣчаніяхъ нѣть. Между тѣмъ разсмотрѣніе костюма и другихъ подробностей занятности приводить къ любопытнымъ заключеніямъ. Разматривая ту личность, которая представлена на лѣво и изображаетъ Илью Муромца, мы легко открываемъ въ ней сходство съ тѣмъ портретомъ Петра Великаго, ко-

торый помѣщенъ на большой Полтавской баталіи, гравированной Адріаномъ Шхонебекомъ въ 1709 году, или вскорѣ послѣ. Поворотъ всего тѣла и движение коня, поворотъ тѣла и головы самого Петра I, форма его шапки, кафтаны, ботфорты, пистолетовъ у сѣда, форма чепрака съ закругленными углами, движение правой руки, держащей шпагу, длинные волосы, подобраные на подобіе парика (а можетъ быть, и действительный парикъ, но еще безъ пудры), все это совершенно тождественно въ гравюрѣ Шхонебека и въ нашей лубочной картинкѣ. Но если Илью Муромца представляетъ здесь Петръ Великій, то кто же представляетъ его противника, Соловья Разбойника? Конечно, никто другой, какъ Карлъ XII, достойный и опасный противникъ Петра Великаго. Кто другой могъ быть еще тутъ представленъ, такъ чтобы можно было надписать надъ этими двумя фигурами: „Бой сильныхъ богатырей Ильи Муромца съ Соловьевымъ Разбойникомъ. Въ полѣ съезжаются, храбростью своею похваляются“? Надо замѣтить притомъ же, что и костюмъ Карла XII вполнѣ соответствуетъ тому, какой данъ на картинкѣ Соловью Разбойнику. Это костюмъ не французскій (какъ говорить г. Розинскій), а шведскій, какой Петръ всегда носилъ и санъ: „Для гвардейскихъ полковъ, служившихъ образцами и для всѣхъ регулярныхъ войскъ“, говорить компетентный анатокъ, Висковатовъ, — „Петръ Великій заимствовалъ весьма многое отъ Шведовъ“¹⁾. Текстъ, надписанный въ настоящей картинкѣ надъ двумя богатырями, имѣтъ всѣ признаки шрифта Петровскаго времени, какъ мы встрѣчаемъ его на другихъ лубочныхъ картинкахъ этого времени. На основаніи всѣхъ такихъ признаковъ, я не колеблясь отношу эту картинку ко времени Петра I, и притомъ ко времени именно около 1709 года. Я полагаю, что только въ это время и могло быть очень интересно для народа видѣть, а для народныхъ художниковъ рисовать и гравировать, картинки съ изображеніями сражавшихся и „свою храбростью похваляющихся“ Петра I и Карла XII. Позже наступили новые великия дѣла Петра, за-слонившія прежнія, а въ слѣдующія царствованія Петръ I наѣтрное былъ бы представленъ не въ столь строго-историческомъ и вѣрномъ костюмѣ: въ XVIII вѣкѣ еще слишкомъ мало думали о вѣрности костюма другихъ эпохъ, кроме своей, и съ каждымъ новымъ десятилѣтіемъ, съ каждой новою модою забывали прежнія и представляли

¹⁾ Историческое описание одѣжды и вооруженія россійскихъ войскъ. Часть II, стр. 19.

только то, что въ настоящую минуту существовало. Итакъ, вотъ какъ былъ иногда въ представлениі у нашего народа, еще даже въ первой четверти XVIII вѣка, Петръ I: онъ казался ему Ильею Муромцемъ, то-есть, воплощениемъ и повторенiemъ самого высокаго, самого знаменитаго, самого общераспространеннаго, самого сильнаго и самого великодушнаго национальнаго богатыря. Одну только ошибку дѣлала при этомъ народная фантазія: Илья Муромецъ всю свою молодость просидѣлъ праздно, не трогаясь съ мѣста, тогда какъ Петръ I всю свою молодость не проса, чѣмъ праздно, поджавши руки и ноги, и не дождался 30 или 85 лѣтъ, чтобы начинать свои богатырскіе по-дѣвіи.

Мыѣ могутъ возразить на все сказанное выше, что настоящую картинку нельзя считать выраженiemъ народной мысли, фантазіи и чувства, такъ какъ фигура Петра I скопирована съ гравюры Адріана Шонебека, художника родомъ иностранца, а по положенію при Петрѣ — придворного, и значитъ, не народнаго. На это я отвѣчу, что какого бы происхожденія ни былъ Шонебекъ, но въ Россіи онъ былъ иначе, какъ граверъ лубочный и народный, и вся его плохія картинки назначены были вовсе не для одного высшаго класса, а для всего народа; вторыхъ же, въ рассматриваемой мною здѣсь лубочной картинкѣ у насъ передъ глазами не само произведение Шонебека, а передѣлка; фигура, нарисованная иностранцемъ, примѣнена, приложена для сцены, выдуманной самимъ народомъ. Складъ надписи, шрифтъ — ничего не имѣютъ общаго съ тѣми картинками въ европейскихъ формахъ, какія иногда заказывались и выпускались въ народъ Петръ I; притомъ же Петръ былъ слишкомъ озабоченъ своимъ „гражданскимъ шрифтомъ“, и конечно, ни за что не сталъ бы употреблять ненавистный ему почеркъ буквъ, существовавшій въ лубочныхъ картинкахъ и гравюрахъ XVII вѣка и повторенный здѣсь.

Вторая картинка — „Побоище царя Александра Македонского съ царемъ Поромъ индійскимъ“ (№ 284). Конная фигура Александра Македонского оказывается опять-таки несомнѣннымъ повторенiemъ конной фигуры Петра I въ гравюрѣ Шонебека 1709 года. Конечно, костюмъ XVIII вѣка замѣненъ латами и царскимъ вѣнцомъ съ перомъ, но поза его, рука держащая мечъ, поворотъ коня, расположение переднихъ ногъ этого коня, чепракъ, все это въ изображеніяхъ Александра Македонского и его коня точь въ точь у Петра Великаго Шонебека. Любопытно то, что у Александра Македонского найдти тѣль самыи бѣлыи галстукъ и манжеты, которые найдти у Петра I

на его портретах XVIII вѣка. Итакъ, вотъ еще знаменитая личность, подъ видомъ которой представляли Петра.

Приведенные мною здѣсь примѣры симпатичнаго отношенія Русскаго народа, конечно, не единственны въ своемъ родѣ, и дальнѣйшій изслѣдованія, безъ сомнѣнія, обнаружатъ не мало другихъ подобныхъ же проявленій народнаго пониманія.

Къ числу историческихъ лубочныхъ картинокъ, принадлежащихъ къ времени, близкому къ Петровскому, относится цѣлый рядъ замѣчательныхъ изображеній русскихъ гренадеровъ прошлаго столѣтія (Атласъ г. Ровинскаго, №№. 269—277). Эти девять громадныхъ картинокъ рѣзаны на деревѣ и несомнѣнно принадлежать къ числу произведеній Московской школы. На нихъ изображены, во весь ростъ, гренадеры пѣши и верховые (первыхъ 8, вторыхъ 1). Г. Ровинскій говоритъ, что эти девять картинокъ „сдѣланы въ память знаменитыхъ кампаній въ Пруссіи въ 1757—1762 годахъ“ (томъ IV, стр. 360, 390). Съ этимъ заявленіемъ я не могу согласиться. Подробности обмундировавъ этихъ гренадеровъ заставляютъ отнести ихъ не къ царствованію императрицы Елизаветы Петровны и къ прусскимъ кампаніямъ, а на цѣлую четверть столѣтія раньше, ко времени императора Петра II, и въ крайнемъ случаѣ, развѣ что къ двумъ первымъ годамъ царствованія императрицы Анны Ивановны.

Безъ сомнѣнія, не смотря на нѣкоторое (и даже значительное) сходства рисунка и гравированнаго способа этой картинки съ таковыми же въ картинкахъ Петровскаго времени, этихъ изображеній гренадеровъ нельзя приписатъ Петровскому времени: гренадеры эти носятъ на головѣ косы и пудру, штиблеты или камчи на ногахъ и манжеты на рукахъ, а всѣ эти предметы введены въ русскіе войскѣ только съ 1729 года¹⁾. Но съ другой стороны, нельзя приписывать ихъ и Елизаветинскому времени, и вотъ почему: на головѣ уѣхъ этихъ гренадеровъ, какъ пѣшихъ, такъ и конныхъ, надѣта та характерная шапка, которая дана была гвардейскимъ гренадерамъ еще при Петре I. Ее описание слѣдующее: „Гренадерская шапка состояла изъ круглой тульи, съ приподнятымъ кверху налобникомъ и съ опущеннымъ книзу задникомъ. Послѣдній былъ длинной въ 3, а первый вышиной въ 4 вершка. Сзади тульи, подъ мѣдною бляхою, съ вычеканеннымъ царскими вензелемъ, вставлялось большое страусовое перо бѣлаго и крас-

¹⁾ Историческое описание одѣжды и вооруженія россійскихъ войскъ, составлено Высочайшему повелѣнію. Часть II, стр. 133.

наго цвѣтовъ, наклоненное къ налобнику, который на срединѣ имѣлъ также мѣдную блаху съ выбитымъ изображеніемъ двуглаваго орла¹⁾). Рисунокъ атласа, сопровождающей это описание (Атласъ, т. II, № 170), представляетъ форму, точь въ точь сходную съ формою шапки на нашихъ grenaderehъ №№ 269 — 277. Лишь при императрицѣ Аннѣ Ивановнѣ, въ промежуткѣ между 1730 и 1732 годами, форма grenadereskой шапки совершенно измѣнилась и получила слѣдующій видъ: „Суконная шапка, вышинаю въ $\frac{1}{2}$ аршина, съ зеленымъ верхомъ, съ краснымъ клапаномъ или опушкою, съ мѣдною папереди блахой, на которой находилось выбеканенное изображеніе полковаго герба, окруженнаго воинскою арматурою, и съ мѣдною же назади, пылающею гренадою. Вокругъ верхнихъ лбовъ, опушки, и передней блахи, нашивался бѣлый, шерстяной шнуръ, а къ оконечности прикрѣплялась бѣлая же, гарусная кисть²⁾). Рисунокъ, сопровождающей это описание (Атласъ, т. II, № 282), не имѣть уже ничего общаго съ grenadereskой шапкою нашихъ лубочныхъ картинокъ №№ 269—277. Нѣтъ ни круглой тулы, ни перьевъ сзади, ни задника на затылкѣ. Все совершенно иное, шапка — точное подобие языческихъ шапокъ гвардейскаго Цавловскаго полка. Если же мы взглянемъ на grenadereskую шапку временъ императрицы Елизаветы Петровны, то найдемъ, что она „состояла изъ тулы съ тремя мѣдными накладками, съ такою же назади блахой и съ чернымъ подвязнымъ ремнемъ; изъ налобника, 6-ти вершковой вышины; съ мѣдью, во всю ся величину, блаху, и съ стоячою, на верху, бѣлою пятиной кистью, и изъ задника въ 4 вершка длиною. На передней изъ блахъ находились выбитыя изображенія: окрашенного черною краскою двуглаваго россійскаго орла, подъ пимъ полковаго герба въ воинской арматурѣ, и двухъ пылающихъ гренадъ, а на задней — полковаго вензеля³⁾). Сопровождающей это описание рисунокъ атласа (т. III, № 302) представляетъ grenadereskую шапку, близко схожую съ grenadereskой шапкою Анненскою шапкою, но также и со значительными измѣненіями. Въ общемъ же, эта шапка, кроме задника, широко простирающагося надъ спиной grenadera, не имѣть никакого сходства съ grenadereskой шапкою grenaderovъ на нашихъ лубочныхъ картинкахъ (№№ 269—277). Итакъ, послѣ всего этого становится несомнѣн-

¹⁾ Тамъ же, стр. 35—36.

²⁾ Тамъ же, стр. 175—176.

³⁾ Тамъ же, т. III, стр. 42—43.

нимъ, что эти 9 картинокъ принадлежать не Елизаветинскому времени, не времени нашихъ прусскихъ кампаний 1757—1762 годовъ, а времени Петра II, или одному изъ первыхъ двухъ годовъ царствования императрицы Анны Ивановны.

Замѣчу еще, что точно такія же шапки, хотя безъ пера (вѣроятно, не парадная форма), но съ шифромъ Петра II, я нахожу на солдатахъ, идущихъ по сторонамъ кареты, въ которой ёдетъ привѣтъ, на картинкѣ „Походъ славнаго рыцара Колеандра Лодвика“ (Атласъ, № 54 В). Эта же картинка имѣть вообще много чертъ сходства, по костюмамъ, сбруѣ лошадей и обстановкѣ, съ картинкою (рѣдчайшей), подъ заглавиемъ „Село Измайлово“ (Атласъ, № 608 А), гдѣ на переднемъ планѣ представленъ Петръ II, юдущій въ коляскѣ на охоту и окруженный придворными. Такимъ образомъ, есть много вѣроятія, что картинки „Походъ Колеандра“ и всѣ наши „Гренадеры“ появились на свѣтѣ при Петрѣ II.

Въ параллель къ лубочнымъ картинкамъ съ историческимъ содержаніемъ, исходившимъ изъ рукъ самого народа, въ теченіе XVIII и XIX вѣковъ, было всегда не мало картинокъ подобнаго же рода, изданныхъ по распоряженію правительства. Но какъ ни значительно было ихъ количество, онъ рѣдко представляютъ такой интересъ, такую характерность и такую значительность, какъ картинки первого разряда.

При Петрѣ I мы всего болѣе находимъ картинокъ этого рода, относящихся къ бритью бороды и ношенню пе-русского платья. Одна изъ любопытнѣйшихъ такихъ картинокъ, это находящаяся въ Олсуфьевскомъ собраниі картинка: „Раскольникъ и цирюльникъ“ (Атласъ г. Ровинскаго, № 227). Г. Ровинскій описываетъ ее такъ: „Справа цирюльникъ, въ фартукѣ и круглой шляпѣ; одною рукой онъ схватилъ за длинную, предлинную, бороду раскольника, и собирается отхватить ее ножницами. Надпись надъ раскольникомъ: „Раскольникъ говорить слушаи цирюльникъ я бороды стрицъ не хочу вѣтъ гляди я на тебя скоро караулъ закрічу“; надъ цирюльникомъ: „Цирюльникъ хочетъ раскольнику бороду стричь“ (томъ I, стр. 455). Къ этому г. Ровинскому присовокупляетъ замѣченіе, что эта картинка, вѣроятно, сдѣлана по приказанію Петра, для осмыслинія раскольничаго упорства (т. V, стр. 161). Съ этимъ нельзя, кажется, не согласиться: многие признаки это подтверждаютъ, въ особенности шрифты, гражданскій русскій, изобрѣтенный Петромъ I и тутъ являющійся, вѣроятно, какъ новинка, въ довольно еще неумѣломъ непривычномъ видѣ, но уже въ решительной противоположности съ

тѣмъ старымъ русскимъ, кирилловскимъ шрифтомъ, какимъ писаны всѣ тексты и надписи лубочныхъ нашихъ картинокъ, исходившихъ изъ рукъ самого народа. Но, не смотря на несомнѣнность происхождения настоащей картинки, нѣкоторыя подробности въ ней остаются все-таки необъяснимою загадкой. Напримеръ, что такое можетъ значить тотъ европейскій костюмъ, который надѣть на раскольника? Онъ состоитъ изъ платья, плотно прилегающаго къ тѣлу, и верхней накинутой на плеча небольшой епанчи. Для начала XVIII вѣка, когда, должно быть, появилась эта картинка, такой костюмъ былъ уже чѣмъ-то стариинъ, давно покинутою модою, принадлежавшею XVII вѣку. Съ какой же стати русскій раскольникъ XVIII вѣка одѣть здѣсь въ платье, совершенно чуждое тогдашней современности? И въ чемъ же состоитъ тутъ осмысливание? Еслибы передъ нашими глазами былъ раскольникъ, на котораго силой напали костюмъ Петровскаго времени, и которому силой же стригутъ бороду, то и тутъ мало кажется, было бы смѣшнаго—только одно насилие со стороны цирюльника и тѣхъ, кто надѣть на раскольника чуждое ему платье. Но трудно понять, въ чемъ состоитъ „смѣшное“, когда раскольникъ наряженъ въ стариинный европейскій костюмъ, вѣроятно, большинству тогдашнихъ современниковъ уже болѣе и неизвѣстный, и когда этотъ самыи раскольникъ грозится „караулъ закричать“, то-есть, прибѣгнуть къ помощи законной власти, которая обязана его защитить? Здѣсь нѣтъ ничего смѣшнаго, и раскольникъ ни въ единой чертѣ картинки не является къ своей невыгодѣ смѣшнымъ и одураченнымъ. Ничуть не бывало, и даже напротивъ: онъ является въ картинкѣ „жалующющейся жертвой насилия“. Конечно, не таково должно быть наимѣреніе тѣхъ, кто заказывалъ и распространялъ въ народѣ настолющую картинку. А поэтому я прихожу къ заключенію, что эта картинка относится къ какому-то современному событию или анекдоту, теперь уже потерянному и забытому, но очень распространенному въ свое время, гдѣ „Раскольникъ“, съ какою-нибудь особенностью цѣлью, переодѣвшійся или переодѣтый въ стариинный европейскій костюмъ, попался и игралъ какую-то смѣшную роль, неприличную его правильнѣй, роли унизительной, приходившейся на руку тѣмъ, кому надо было тогда осмыливать раскольниковъ.

Сюда же относятся слѣдующія лубочные картинки:

1) „О брадахъ“, то-есть, отвѣты, данные митрополитомъ Дмитриемъ Ростовскимъ для успокоенія тѣхъ, кто не рѣшился брить бороды (Атласъ, №№ 1435 и 1436). До насъ дошли лишь поздніе переводы

этой картинки; именно экземпляры Елизаветинского времени: но несомнѣнно были картинки несравненно болѣе раннаго времени: самые отвѣты были даны митрополитомъ еще въ 1705 году, и именно тогда представляли наибольшій интересъ для народа и для Петра I.

2) „Компанияююхающихъ табакъ“.

3) „Компания курающихъ табакъ“ (Атласъ, № 227, А. и В). Объ послѣднія картинки дошли до настъ въ видѣ позднихъ копій, середины XVIII вѣка, съ русскихъ оригиналовъ болѣе раннихъ, начала того же вѣка, которые, въ свою очередь, были, можетъ быть, скопированы или имитированы съ оригиналовъ иностраннѣхъ, голландскихъ или иныхъ. Но несомнѣнно то, что такие иностраннѣе оригиналы послужили лишь первоначальною общую канву для того оригинального текста, который составлялъ главную суть въ настоящемъ случаѣ. Текстъ былъ наставительный: „Иностранные народы изволятьююхать табакъ на разныя манеры, настъ табакъ забавляетъ и глаза наши испытываетъ“; — „Господа иностранцы изволять заниматься табакомъ потому табакомъ мокроту выгоняютъ оттого и здравы бываютъ“. Это все относится, вѣроятно, къ эпохѣ, когда желали пріучить Русскій народъ къ табаку.

Надо предполагать, что подобныхъ картинокъ при Петре I выпущено было не мало; къ такому предположенію ведеть соображеніе о томъ, какъ Петръ I любилъ все смѣхоторное, и какъ онъ не упускалъ ни одной оказіи публиковать, въ видѣ картинокъ, во всеобщее извѣстіе все, чтѣ его самого интересовало и чтѣ казалось ему очень важнымъ. Вспомнимъ хоть „Свадьбу карловъ“ и сцены „Всепутѣшаго собора“ (свадьба шута Феофилакта Шанскаго). Въ такихъ сценахъ не было ничего ни нужнаго, ни интереснаго для массы народной, но Петръ I все-таки выпускалъ въ свѣтъ картинки съ изображеніемъ всѣхъ домашнѣхъ своихъ придворныхъ забавъ, какъ будто онъ и въ самомъ дѣлѣ до всѣхъ касались. Понятно, на сколько болѣе онъ долженъ былъ ревностно выпускать въ свѣтъ картинки, осмысливающія его вѣчныя враговъ — раскольниковъ. Тутъ дѣло шло уже о чёмъ-то важномъ, государственномъ, а Петръ I былъ самый ревностный, самый неутомимый и изобрѣтательный иллюстраторъ: у него заведена была цѣлая школа голландскихъ и русскихъ рисовальщиковъ и граверовъ, изображавшихъ все, чтѣ казалось ему интереснымъ и важнымъ въ продолженіе его царствованія: сраженія, церемоніи, процесіи, похороны, торжества, фейерверки и такъ даѣ. Петровскихъ картинокъ противъ раскольниковъ должно найдти еще

не мало, надо только умѣть отыскать и выдѣлить ихъ. Не будь на настоящей нашей надписи: „Раскольникъ“, трудно было бы отгадать нынче, что она относится къ раскольникамъ.

Отъ времени Петра I и до Екатерины II почти вовсе не извѣстно лубочныхъ картинокъ, выпущенныхъ въ свѣтъ по распоряженію начальства и назначенныхъ для народа. Исключение составляютъ немногія лубочная картинки, изображающія сраженія и торжественные фейерверки. Всего болѣе явилось лубочныхъ картинокъ при императрицѣ Елизавѣтѣ Петровнѣ, по поводу войны съ Пруссіей. За то, въ царствованіе Екатерины II масса ихъ становится опять очень велика, какъ при Петре I. Турская война и одержанная въ это время блестящія побѣды даютъ обильную пищу лубочнымъ картинкамъ офиціального пошиба. Огромная масса ихъ занимаетъ цѣлый отдѣлъ II-го тома г. Ровинского. Всѣ онъ почти сплошь лвились въ Москвѣ на знаменитой Ахметьевской фабрікѣ, гравированны на мѣди, и какъ большинство всего офиціального, не отличаются ни художественностью, ни характерностью. По содержанію, сильно выдаются изъ этой массы двѣ лубочные картинки: первая— „Изображеніе обряда всенароднаго покаянія, приносимаго убийцами Жуковыми“ (Атласъ, № 332), и вторая— „Просба Кашинскому архіепископу отъ монаховъ Калязинскаго монастыря“ (Атласъ, № 174). Первая картинка относилась къ публичному уголовному наказанію преступниковъ, совершившихъ, по словамъ манифеста Екатерины II, „столь страшное злодѣйство (матереубѣйство), что не токмо въ христіанскихъ народахъ, но и между идолопоклонниками и безъ всякаго закона живущими людьми почитается чрезъестественное“. Екатерина II считала нужнымъ, кроме обыкновенного печатного манифеста, пустить при этомъ въ народъ еще и картинку гравированную, раскрашенную на манеръ народныхъ лубочныхъ картинокъ, которая распространяла въ народѣ наглядное понятіе о томъ, какъ именно казнены (въ 1766 году) люди, совершивши, выходящее изъ ряда вонъ „чрезъестественное“ преступленіе, еще при ея предшественницахъ, императрицѣ Елизавѣтѣ, въ 1754 году, то-есть, за цѣлыхъ 12 лѣтъ до того. Эта картинка составляетъ у насъ чрезвычайное исключение. Съ нею можетъ сравниться— и то лишь въ извѣстной степени — картинка, гравированная иностраннымъ художникомъ Нактглазомъ скоро послѣ Азовскаго похода Петра Великаго, и представляющая юнаго Петра I на престолѣ, окруженнаго аллегорическими добродѣтелями, а вдали представлена висѣлица и везомый подъ нею въ телегѣ связанный преступ-

никъ, съ подписью: „Якушка измѣнникъ”¹⁾). Вообще говоря, русское правительство никогда само не иллюстрировало картинками нашихъ казней и наказаний, да и частнымъ лицамъ не позволяло подобныхъ иллюстрацій; какъ это существуетъ въ западной Европѣ. Картина о Жуковыхъ остается почти единственнымъ исключеніемъ. Что касается до другой картины, просьбы Кализинскихъ монаховъ, то, по замѣчанію г. Розинского (тому IV, стр. 285), она былапущена въ народъ въ то время, когда Екатерина II только что составила планъ объ отобраниіи у монастырей недвижимыхъ имѣній, и безъ сомнѣнія, съ Высочайшаго соизволенія, безъ котораго издатели картинки, въ виду выканности сюжета, могли подвергнуться обвиненію не только въ кощунствѣ, но и въ богохульствѣ. Въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, Екатерина II является подражательницей Петра I: оба они, когда считали тѣ нужными для своихъ государственныхъ или иныхъ цѣлей, ничуть не опасались прибѣгать къ такимъ сатирамъ на словаѣ и на дѣлѣ, за которыхъ навѣрное карали бы другихъ по всей строгости законовъ.

Въ царствование императора Александра I, въ числѣ правительственныхъ лубочныхъ картинокъ самую видную роль играетъ рядъ картинокъ, касающихся оспопрививанія. Эти картинки (Атласъ г. Розинского, №№ 241 и 242, въ многочисленныхъ переводахъ) дѣланы не художниками изъ народа, а явно художниками-академистами, прошедшими школу и только поддѣлывающими подъ народный стиль, вкусъ и складъ. Тѣмъ не менѣе они были въ свое время очень народны, очень распространены, и безъ сомнѣнія, принесли значительную долю пользы, склоняя народъ, наглядными примѣрами удачи не бояться оспопрививанія и водить дѣтей своихъ къ оспопрививателямъ. Эти картинки—одни изъ самыхъ важныхъ, въ историческомъ смыслѣ, картинокъ нашихъ.

Лубочные изданія нашихъ народныхъ сказокъ (въ книжечкахъ) и изображенія богатырей представляютъ явленіе очень замѣчательное. Между первыми изданіями (гравированными не на деревѣ) иѣть ни одного, заключающаго въ себѣ формы дѣйствительно-национальныхъ и

¹⁾ Эта гравюра не вошла въ составъ настоящаго изданія, быть можетъ, какъ недостаточно грубая и недостаточно «лубочная», а скорѣе относящаяся къ работамъ художниковъ образованыхъ или академистовъ. Но тогда и все Теребеневскія картины не должны были бы войти въ настоящій атласъ, вмѣстѣ со многими произведениями граверовъ Петровскаго и Екатерининскаго времени.

проявляющія русское національное созданіе. Всѣ они, рисованныи и гравированныи безобразно, принадлежать позднemu стилю, не заслуживающему никакого другаго названія, кроме „ублюдочнаго“. Тутъ на сценѣ смѣсь плохаго европеніза, самого низшаго разбора, и чего-то такого русскаго, гдѣ нѣтъ ровно никакой національности, ни въ костюмахъ, ни въ типахъ, ни въ бытовыхъ подробностяхъ, ни въ утвари, ни въ архитектурѣ. Все тутъ выдуманное, условное и небыvalое. Конечно, у насъ здѣсь передъ глазами не что-нибудь новое, изобрѣтенное въ XVIII вѣкѣ: нѣтъ, это лишь послѣдній осадокъ того разслабленнаго, на половину ненациональнаго искусства, какое царствовало на Руси въ XVII вѣкѣ, рядомъ съ искусствомъ глубоко и истинно-національнымъ. Между тѣмъ, выпущенные въ свѣтъ лубочными мастерами (и гравированы па деревѣ) изображенія отдельныхъ богатырей, хотя и не представляютъ созданій очень древнихъ и принадлежащихъ тому же времени, какъ и изданія сказокъ въ книжечкахъ, но содержать въ себѣ много народнаго и достойнаго вниманія. Напрасно г. Ровніцкій считаетъ большинство изображеній этого рода, находящихся въ Олсуфьевскомъ собрании (Атласъ, № 7—9, 19—29), прямь копіями съ иностраннѣхъ образцовъ. Миѣ кажется, подробное изученіе всего ряда нашихъ лубочныхъ „богатырей“, „витязей“ и героевъ всякаго рода налагаетъ на насъ обязанность иначе пріурочивать и распредѣлять ихъ.

Еслибы эти изображенія нашихъ „богатырей“ и „витязей“ были прямь копіями съ иностраннѣхъ образцовъ, то можно было бы открыть, въ иностраннѣхъ коллекціяхъ иностраннѣхъ „героевъ“, прототипы и оригиналы нашихъ копій. Ничего не было бы мудренаго, еслибы наши лубочные изображенія Ильи Муромца, Еруслана Лазаревича, Соловья-Разбойника, Салтана Салтановича и т. д. явились повтореніемъ, лишь вѣсколько передѣленнымъ и аранжированнымъ, западныхъ изображеній тамошнѣхъ народныхъ героевъ, напримѣръ, Карла Великаго, Роланда и т. д. Но такихъ мы не находимъ, точно пихъ вышло все разомъ со свѣта. И притомъ, будь наши лубочные изображенія „богатырей“ и „витязей“ копіи и пріуроченія, навѣрно они имѣли бы разнообразный характеръ и складъ. На дѣлѣ мы видимъ иное. Всѣ они имѣютъ одинъ общій складъ и видъ, почти постоянно одинъ и тотъ же форматъ и размѣръ, одинъ и тотъ же обликъ. Разница только въ большей или меньшей грубости изображенія—то-есть, рисованія и гравированія. Одни имѣютъ болѣе евро-

пейскій и менѣе русскій видъ, другіе менѣе европеійскій, но болѣе русскій видъ. Такъ, напримѣръ, Соловѣй-Разбойникъ, Ерусаламъ Лаваревичъ и Вуслай Булаевицъ (№ 5, 14, 9) пахнутъ чѣмъ-то сильно національно-русскимъ; Алеша Поповичъ, Гвидонъ, Бова верхомъ (№ 7, 27, 19, 20) кажутся на первый взглядъ чѣмъ-то болѣе европеійскими; наконецъ, такія лубочныя наши изображенія, какъ напримѣръ, Бова-Королевичъ (пѣшій), королевна Дружневна, Рыцарь. Петръ Златые-Ключи, королева Магилена (№ 21—26, 31—34) кажутся несомнѣнно и вполнѣ европеійскими... Но все это только „кажется“, на самомъ же дѣлѣ такихъ категорій и подраздѣленій не существуетъ.

И, воньервыхъ, замѣтимъ тотъ любопытный фактъ, что всѣ эти изображенія являются парами, парочно такъ сочиненными и устроеными. Однѣ пары—конные, другія пары—пѣшія, во весь ростъ; третыя, изображенные по грудь, являются, такъ-сказать портретами. Если мы обратимъ главное вниманіе на изображенія „кошмы“, какъ самыя важныя, характерныя и звачительныя, то сразу признаемъ, что наврядъ ли можно было бы найти такие образцы иностранные, которые какъ разъ соответствовали бы, тоже „парами“, потребностямъ русскихъ сказокъ. Приходится предполагать, что всѣ эти изображенія, вмѣстѣ взятыя, составили одну, коллекцію, одну, такъ-сказать, „галлерею“, рисованную и гравированную почти въ одно и то же время, для одного и того же издателя, и только выполненную въ школьными разными художниками, изъ которыхъ одни были лучше, а другіе хуже. Въ этомъ насытъ убѣждаетъ то обстоятельство, что при всѣй „кажущейся“ на первый взглядъ разницѣ происхожденія и характера есть много точекъ взаимнаго соприкосновенія, какъ между всѣми этими картинками одна съ другой, такъ и между ними и другими гравюрами, происхожденіемъ несомнѣнно русскаго. Я попробую доказать это наглядными примѣрами.

Самою главною и важною „парою“ между всѣми и считаю пару Ерусалана Лаваревича и Соловѣя-Разбойника (№ 14 и 5). Эта пара для меня несомнѣнѣе всѣхъ остальныхъ: обѣ личности составляютъ совершенную параллель и противовѣсь одна съ другою: у нихъ даже совершенно одинакова поза рукъ. Убранство коней, съ кисточками, форма чепраковъ, азиатскій костюмъ всадниковъ, высокіе каблукі ихъ сапоговъ, персидская мѣховая шапочка на Ерусаламѣ (указывающая на то, что въ XVII и XVIII вѣкахъ еще сохранилась у насъ память о происхожденіи русскаго Ерусалана отъ персидскаго Рустема),

азиатская шапочка Соловья-Разбойника съ маленьkimъ перомъ¹⁾), кустики зелени, нарисованные на землѣ, подъ конемъ, совершенно одинакового характера. Надписи: у Еруслана въ четырехугольникѣ, у Соловья-Разбойника—въ четырехугольникѣ же, но вставленномъ въ восьмиугольникѣ.

Другая пара, по моему распределенію— „Алеша-Поповичъ“ и „Король Гвидонъ“ (№ 7 и 27). Соответствіе и „парность“ опять-таки вполнѣ иссомнѣнны. Они скачутъ другъ другу на встрѣчу, сбруя у коней—очень похожая; чепракъ одинаково у устройства (двойной, состоящей изъ средней части, надъ брюхомъ лошади, и части, покрывающей задъ лошади; подкованные копыта у лошадей имѣютъ одинаковую форму; оба богатыря—со щитами въ правой руки и съ мечомъ въ лѣвой (чтѣ доказываетъ прямое, а не обратное копирование съ рисунка); у обоихъ металлические наколѣники одинаковой формы; на обоихъ надѣто на тѣлѣ одинаковое платье: нижній кафтанчикъ съ петлицами на груди, и сверху короткій кафтанъ, отороченный мехомъ, съ прорѣзными и откидными длинными рукавами; сапоги въ сбояхъ, по-русски, у обоихъ вполнѣ тождественные; цветы и листья, ростущіе на землѣ, подъ ногами коней, совершенно одинакового характера. Наконецъ, картины съ именами богатырей вмѣстѣ совершенно одинаковую сердцевидную форму, съ коронкой наверху. Во всемъ этомъ нѣтъ ничего „гравированаго съ иностранныхъ образцовъ“ (какъ предполагаетъ г. Ровинскій, т. I, стр. 40), и напротивъ, всякая подробность въ отдѣльности, и всѣ вмѣстѣ, вполнѣ объясняются нашими собственными преданіями и формами, давно раньше XVIII вѣка, еще въ XVII вѣкѣ постоянно употребительными въ русскихъ лубочныхъ и налобочныхъ изданіяхъ.

Еще одну пару составляютъ, по моему убѣжденію, „Бова-Коро-

¹⁾ Такія шапочки съ перомъ мы часто встречаемъ въ рисункахъ персидскихъ и турецкихъ рукописей. Г. Ровинскій былъ не правъ, называя kostюмъ Соловья-Разбойника въ картинѣ № 5 «одеждою древнаго русскаго воина» (томъ I, стр. 9): такихъ „безрукавокъ“, какимъ тутъ изображена поверхъ нижнаго данинаго каftана, Русскіе не носили «изъ древности». Это—берязь, татарскаго у насъ происхожденія. Иллюстраціей этой берязы можетъ служить исторически-известный kostюмъ Бориса Годунова, вполнѣ татарскаго происхожденія, и хранимый въ Оружейной Палатѣ въ Москвѣ (Древности Росс. государства, т. IV, таблица № 11). Матерія этой берязы—шелковая, узоръ на ней—полумѣсяцъ и звезды, покрой—безрукавка, спускающаяся пониже колѣнъ. Но шапочки съ перомъ имъ у Русскихъ никогда не встречаемъ.

левичъ" и "Царь Салтанъ Салтановичъ" (№ 20 и 28 а). „Парность“ этихъ двухъ картинокъ доказывается следующими подробностями: оба богатыря юдуть другъ другу на встрѣчу; форма подкованныхъ копытъ у коней одинакова; на коняхъ одинаковой формы чепракъ, изъ двухъ частей, украшенный кисточками и наполненный узоромъ; поводья у обоихъ коней состоятъ изъ кольчатой цѣпи; панцыри на обоихъ богатыряхъ совершенно одинаковой формы, особенно окончаніе короткихъ ихъ рукавовъ, идущихъ до локти, а также вышитые сапоги (на манеръ татарскихъ)—одинаковые; у обоихъ развѣвается за плечами короткій плащникъ; у обоихъ въ правой руцѣ по копью съ матерчатымъ значкомъ на концѣ; внизу картины одинаково валяются на землѣ раненые или убитые Татары, пь чацахъ, съ длинными закрученными усами, и отрубленныя ихъ руки, ноги, головы, изъ которыхъ каплетъ кровь; въ каждой картинѣ есть, между этими побѣжденными врагами, по одному или по два человѣка съ какою-то короткою палкою въ рукѣ; наконецъ, картуши съ надписями совершенно одинаковой формы рококо. Иностранного опять ничего во всемъ тутъ нѣть; особенно это надо сказать про головы, лица и костюмъ Татаръ, которыхъ, конечно, никогда нельзя было бы найти въ западныхъ лубочныхъ картинкахъ.

Далѣе, еще новую пару составляютъ: „Богатырь Усыня Горынычъ“ и „Богатырь Буслай Буслаевичъ“ (№ 8 и 9). „Парность“ ихъ доказывается расположениемъ коней и всадниковъ, картушами рококо, растительностью подъ ногами коней, а всего болѣе—одинакостью „руки“ и „рисунка“ художника, которая видѣсь очень чувствуется. Эти двѣ картины рисовалъ художникъ, явно получившій школьнное художественное образованіе, свободно и ловко владѣющій карандашемъ, въ противоположность неумѣльмъ, не учившимся ни въ какой школѣ художникамъ предыдущихъ картинокъ; граверь былъ тоже человѣкъ умѣлый, и при всемъ томъ, надо предположить, что все это рисовалъ художникъ не за границей, а въ Россіи. „Богатырь Буслай Буслаевичъ“ представляетъ просто въ видѣ русскаго казака XVII—XVIII вѣка, въ небольшой шапкѣ съ лопастями, въ курткѣ-безрукавкѣ поверхъ нижнаго кафтана, въ широкихъ штанахъ до колѣнь, ниже которыхъ вся нога переплетена ремнями; на боку кривая сабля, въ рукахъ длинная пика; узды и поводья у коней веревочныхъ, и веревками же привязанъ настѣло коня войлокъ, служацій сѣдломъ и чепракомъ. Такого костюма и убранства негдѣ было взять въ западно-европейскихъ лубочныхъ картинкахъ для скопированія: тамъ

такихъ неизвѣстно. Костюмъ „Богатыря Усыни Горыныча“ представляетъ что-то такое фантастическое, чemu оригиналъ мудрено было бы подыскать въ западныхъ образцахъ XVII и XVIII вѣка, но чтд всего скорѣе еще объясняется костюмомъ персидскимъ или черкесскимъ. Правда, у богатыря въ правой рукѣ длинный прямой мечъ, а не восточная кривая сабля; въ лѣвой рукѣ у него огромный круглый щитъ, какого не извѣстно ни у Персіанъ, ни у Черкесовъ; у него по бокамъ сѣда пистолеты установлены въ чулки вовсе не восточной формы; но все-таки тутъ же есть и подробности чисто-восточныя, не-употребительныя въ западныхъ лубочныхъ картинкахъ: круглый низкий шлемъ безъ всякихъ украшений, съ желѣзною сѣткой, окружающей щеки, затылокъ и шею; кольчуга, плотно прилегающая къ тѣлу; на ногахъ остроносые сапоги до якры, съ каблучками; чепракъ длинный и кончающійся острѣемъ, покрытый восточными узорами—все это персидское и черкесское. На Западѣ не могли бы нарисовать такой фпгурѣ; тамъ, а особенно въ XVII и XVIII вѣкахъ, всякаго „восточника“ нарисовали бы подъ видомъ Турка въ громадной чалѣ и въ длинной широкомъ кафтанѣ.

„Бова-королевичъ“ (№ 19), въ лже-классическомъ, идеальномъ родѣ, составляетъ близкій pendant къ „Салтану Салтановичу“ (№ 29), являющемуся въ совершенно-реальному персидскому облику. Рисовать обѣ картинки такой же художественно-образованный рисовальщикъ, какъ тотъ, чтд нарисовалъ картинки №№ 8 и 9, по граверу былъ другой, очень плохой, и потому совершенно обезобразилъ своею грубою работой рисунки, первоначально очень недурные. Главнымъ сходствомъ и доказательствомъ „парности“ у №№ 19 и 29 я признаю три подробности: 1) близкое сходство заглавій: „храбры и лавны і могучи вitez і богатырь Бова Королевичъ“, „Мегутіонъ і храборъ чаръ Салтанъ Салтаничъ“ (прилагательное „могучій“ не находится ни на какихъ другихъ изображеніяхъ богатырей); 2) только здѣсь находящійся рядъ вертикальныхъ черточекъ (28 или 24), изгравированныхъ подъ надписью, и 3) помѣщеніе подъ ногами коня упавшаго непріятеля съ восточною себѣй въ рукѣ.

Этихъ примѣровъ, я полагаю, довольно. Всѣ эти пары богатырей рисованы въ Россіи и специально для изображеній русскихъ сказочныхъ личностей. Копирований я никакого тутъ не могу признать. Эти фигуры заказаны были, парами одного и того же формата и вида, разными рисовальщиками, изъ которыхъ одни были грубѣе и пѣнѣже-

ственіе, другіе болѣе обучены и отесаны, но всѣ работали на основаніи материаловъ не иностраннѣхъ, а здѣшніихъ, имѣвшихся въ Россіи, частью въ преданіи, частью въ рисункахъ и натюрѣ.

О прочихъ герояхъ, не верховыхъ, я могу быть гораздо болѣе кратокъ, такъ какъ они несравненно менѣе важны и интересны. Нѣть никакой надобности искать заграничные образцы для такихъ изображеній, какъ „Боры-королевичи“, „Дружиневы“, „Петры—Златые Ключи“, „Магиляны“ и проч., даромъ что они всѣ во французскихъ кафта-

нахъ и платьяхъ (№№ 21, 22, 23), коль скоро мы встречаемъ не только такие же костюмы, но точь въ точь такія же фигуры, позы, лица, глаза, руки, фижмы, мушкѣ, вѣера, цвѣточки въ рукахъ, кафтаны и шляпы въ другихъ лубочныхъ картинкахъ нашихъ. Если та-
кія картинки, какъ „Бляниница“, „Тарасъ плѣшивый съ тремя жен-
щинами“, „Нѣка и старикъ“ и т. п., признаются произведениями, не-
сомнѣнно сочиненными и гравированными въ Россіи, согласно съ су-
ществовавшими тогда у насъ на лицо типами и костюмами, то нельзя
не признать вполнѣ однородными съ ними и тѣхъ героевъ и геронь,
которые теперь настъ занимаютъ. Мы встречаемъ у Бовъ-Королеви-
чей, у Дружневенъ, у Магиланъ и проч. тотъ же самый покрой
мужскихъ и женскихъ платьевъ, тѣ-же лица, тѣ-же физіономіи, тѣ-же
движенія, тѣ же позы, тѣ-же цвѣточки въ рукахъ, что у мужчинъ и
женщинъ въ „Тарасѣ плѣшивомъ“, въ „Блянициѣ“ и т. д. Сверхъ
того, архитектурная обстановка, находящаяся иногда въ фонахъ, раз-
ныя зданія, башни съ флюгарками, галлереи, террасы съ балюстра-
дами и т. д., все это встречается не только въ рассматриваемыхъ
картинкахъ, но также и во многихъ другихъ, завѣдомо русскихъ, со-
чиненныхъ у насъ и представавшихъ, на своихъ фонахъ, ту самую
архитектуру, которая въ своихъ болѣе старѣйшихъ образцахъ встрѣ-
чается еще на нашихъ лубочныхъ картинкахъ XVII и XVIII вѣковъ, а въ
болѣе новѣйшихъ скопирована съ русскихъ дворцовъ и аристократиче-
скихъ домовъ и построекъ XVIII вѣка. Въ образецъ первой категоріи я
указу на постройки, представленные на нашихъ картинкахъ №№ 21,
22, 27, 31, 32, и какъ ихъ pendant, на дома и башни въ „Библії“
Корена (№ 810) №№ 15, 20, въ „Мыши кота погребаются“ №№ 166 и
167, въ картинкѣ „Гренадеръ“ № 275. Въ образецъ второй катего-
ріи я указу на дворцы и террасы въ картинкѣ „Прекрасная коро-
левна Дружневна“ и „Славный витязь Бова-Королевичъ“ № 26, и
какъ на pendant къ нимъ, на дворцы и террасы въ картинкѣ „Гре-
надеръ“ № 269.

Вопросъ о подражаніи и копированіи русскихъ лубочныхъ карти-
нокъ съ иностраннѣхъ образцовъ—одинъ изъ самыхъ сложныхъ и
важныхъ вопросовъ въ исторіи нашихъ лубочныхъ созданій, и г. Ро-
винскому принадлежитъ та заслуга, что онъ указалъ множество по-
добныхъ заимствованій, узнанныхъ имъ вслѣдствіе долгихъ и при-
стальныхъ наблюдений.

По разнымъ мѣстамъ его томовъ разсѣяны указания на копи съ
9*

иностранныхъ образцовъ, и я попробую свести здѣсь главнѣйшія указанія этого рода.

Съ Рафаэля: „Михаилъ Архангелъ“ № 1549 (томъ III, стр. 645).

Съ Альберта Дюрера: „Апостолы Вареоломей и Иоаннъ Богословъ“ № 1838 (т. III, стр. 583).

Съ Рубенса: „Избіеніе младенцевъ“ № 852, „Иродіада съ головой Иоанна Крестителя“ № 853, „Вознесеніе Богоматери на небо“ № 1210, „Обращеніе св. Павла“ № 1839, „Вознесеніе“ № 995 (т. III, стр. 315, 316, 471, 535, 388).

Съ Садлера: „Погребеніе св. Екатерины“ № 1452 (т. III, стр. 604).

Съ Анн. Карраччи: „Св. Троица“ № 1052 (т. III, стр. 428).

Съ Меллана: „Спаситель“ № 1068 (т. III, 434).

Съ Лебрена: „Распятіе“ № 892 (т. III, стр. 349).

Съ Тенъера и Каллдо: фантастические звѣри въ „Искушениіи св. Антонія“ № 1874 (т. V, стр. 209).

Съ Каллдо: двѣ картины въ „Плакѣ“ № 101 (т. I, стр. 316); Полишинель въ картинѣ „Разговоръ жениха со свахой“ № 138 (т. I, стр. 361); одно изъ действующихъ лицъ въ „Вятской бatalії“ № 175 (т. I, стр. 411, действующее лицо № 16).

Съ Вушѣ и Ланкрѣ: „Расѣянная молочница“ № 80, „На всѣхъ не угодишь“ № 82, „Музика“ № 100, „Плакса“ № 101, „Охотникъ и пастушка“ № 124, „Любовная компанія“ № 128, „Счастливые любовники“ № 129, „Бабушкино наставленіе“ № 130, „Разговоръ жениха со свахою“ № 138, „Разговоръ мужа съ женой“ № 158, „Невѣрная жена“ № 159, „Мужъ за то жену бьетъ, зачѣмъ она негодная дома не живеть“ № 161, „Карликъ и карлица“ № 231 (т. V, стр. 19).

Сверхъ того, г. Ровинскій указываетъ множество нашихъ лубочныхъ изданій, скопированныхъ съ иностранныхъ лубочныхъ картинокъ: „Описаніе Єрусалима“ № 644 съ парижского образца (т. II, стр. 326), другое № 645 съ вѣнскаго образца (т. II, стр. 327); съ вѣнскаго же образца: „Изображеніе руки св. Аны“ № 771 (т. III, стр. 149); „Судъ надъ Спасителемъ“ № 882, съ нюренбергскаго образца (т. IV, стр. 616), „Нерукотворенный образъ“ № 1062 (т. III, стр. 431). Г. Ровинскій говорить еще: „Изъ Голландіи получили мы Тессингово „Зерцало грѣшнаго“, № 742, огромное количество разныхъ копій изъ Библіи Пискатора и нѣсколько календарей. Изъ Франціи попали въ народныя картины: Лудовикъ XVI въ видѣ „веселаго объѣданы и веселаго подиція“ (№ 99), „Денежный дьяволъ“ (№ 243) и „Дивная птица, при-

зетавшая въ 1776 году въ Парижъ" (№ 348). Отъ Нѣмцовъ перешли къ намъ: „Рейтаръ на пѣтухѣ“ и „Рейтарша на курицѣ“ (№№ 162 и 163), „Точильщикъ носовъ“ (№ 212), „Воръ пришелъ на дворъ“ (№ 204) и многія другія (т. V, стр. 17—18). Я не имѣю возможности проверить всѣ эти многочисленныя указанія, потому что большинствомъ, можно сказать—почти всѣ вышесказанныя наши лубочные картинки не воспроизведены въ Атласѣ г. Ровинскаго, а равно не указано въ большинствѣ случаевъ, который именно произведенія названныхъ выше авторовъ послужили оригиналами для нашихъ лубочныхъ картинокъ, да будь они и указаны, то подобное сравненіе составило бы огромный трудъ, требующій много разысканій и времени. Еще труднѣе было бы проверить множество другихъ указаний, разсѣянныхъ по всѣмъ томамъ г. Ровинскаго, гдѣ вообще сказано, что такая-то наша лубочная картинка скопирована „съ голландскаго“ или „съ нѣмецкаго“ образца, безъ всякаго указанія, съ какого именно автора или съ какой именно картинки (см. напримѣръ, т. V, стр. 270).

Но этотъ громадный трудъ уже совершился г. Ровинскому, и отдавая полную справедливость его трудолюбію, терпѣнію и счастливымъ результатамъ, добытымъ имъ въ настоящемъ, я не могу не довѣрять этимъ сравненіямъ, за которыхъ ручаются его опытность и долгое знакомство съ русскими и иностранными гравюрами¹⁾.

¹⁾ Про картинку «На всѣхъ не угодишь» (Атласъ, № 83) г. Ровинскій въ одномъ чѣтвѣртѣ говорить, что она гравирована съ кимецкаго оригинала (томъ I, стр. 269), а въ другомъ—что «предметъ басни и сама картинка заимствована изъ басни Ляфонтена *«Le paysan, son fils et l'âne»* (т. IV, стр. 196), а потомъ еще, что картинка у Ганса Сакса, отъ которой идутъ текстъ и картинка Ляфонтена, представлена въ перевѣдѣи совершенно другой, чѣмъ въ русской картинкѣ (тамъ же, стр. 197). Съ послѣднимъ я вполнѣ согласенъ, но, признавая русскую картинку испѣй съ какой-то иностранной, я все-таки не могу сказать навѣрно, съ какой именно. Верно для меня, покуда, только одно: что наши и текстъ и картинка не имѣютъ ничего общ资料 съ Ляфонтеномъ. Я просмотрѣлъ въ С.-Петербургской публичной библиотекѣ всю многочисленную коллекцію иллюстрированныхъ изданий Ляфонтена XVII и XVIII вѣковъ, начиная съ рѣдчайшихъ и кончая общедоступными и расхожими, и нигдѣ не встрѣтился картинки, схожей съ вашою № 83. Но мало того: я положительно уѣждентъ, что наша картинка вовсе не могла быть скопирована съ французской иллюстраціи Ляфонтена, потому что нашъ текстъ совсѣмъ иной, чѣмъ у Ляфонтена. У Ляфонтена начинается разказъ съ того, что мужикъ съ сыномъ ссыпалъ осла за ноги и головою внизъ потащилъ его на рынокъ, чтобы онъ былъ «свѣжѣ». Французскія иллюстраціи всѣ представляютъ

Только замѣчу, ссылаясь на него же самого, что вопросъ о копированіи бываетъ очень часто вопросомъ очень скользкимъ, и нерѣдко казавшееся „копіей“ оказывается впослѣдствіи оригиналомъ. Такъ, напримѣръ, г. Ровинскій въ начальѣ признаѣтъ картины „Блуднаго сына“, гравированныя московскими художниками, копіями сть голландскаго оригинала (томъ III, стр. 8), но впослѣдствіи пришелъ къ заключенію, что это произведеніе вполнѣ оригиналъное (т. IV, стр. 520 и 521). Уже и про самыи текстъ г. Ровинскій отзывается такъ: „Комедія о Блудномъ сыне написана въ виршахъ Симеономъ Полоцкимъ. Монологи ея нѣсколько напоминаютъ „Acolastus, de filio prodigo“ комедія. 1529 (Fullonius: Nisard, Histoire des livres popul., I, 191); но текстъ нашей комедіи пространите и въ самомъ расположениіи піесы много перемѣнъ и прибавленій, такъ что она должна быть сочтена произведеніемъ вполнѣ оригиналънымъ“¹). Я не могу не согласиться съ послѣднимъ заключеніемъ, но могу подкрѣпить его тѣмъ доводомъ, что напрасно даже говорить о сходствѣ русскаго текста съ текстомъ Аколастуса: такого сходства вовсе нѣтъ. Наша комедія сочинена совершенно въ другомъ духѣ, чѣмъ латинская: нашъ „Блудный сынъ“ есть образецъ покорности, кротости, рабскаго послушанія отцу; въ латинской комедіи, напротивъ того, это юноша дерзкій, высокомѣрный, полный понятія о своихъ правахъ, которыхъ онъ салоу и добываетъ сть своего отца. Понятно, что при такой разницѣ задачъ и характеровъ не можетъ быть ни малѣшаго сходства въ отношеніяхъ и рѣчахъ дѣйствующихъ лицъ. Что же касается собственно

это странное путешествіе. У насъ ни въ текстѣ, ни на картинахъ этого вовсе нѣтъ. Всѧ средняя часть французской сказки также совершенно иная, чѣмъ у насъ, конецъ также: у Лебонтина дѣло кончается тѣмъ, что разсерженный мучникъ не хочетъ болѣе слушать никакого советчика, въ русской — тѣмъ, что третій прокомѣтъ соѣтуетъ ему «взвалитъ осла себѣ на плечи». Сообразно съ этимъ, натурально, и всѣ французскія иллюстраціи совершенно иныя. Текстъ въ средневѣковыхъ картинахъ Ганса Самса еще дальше отъ нашего текста и картинокъ.

¹) Въ этомъ мѣстѣ у г. Ровинскаго поставлена запѣздочка для выноски или примѣчанія, но эта выноска или примѣчаніе остались не напечатанными. Точно такой же пропускъ мы встрѣчаемъ и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ его книги. Такъ напримѣръ, говоря про издание, въ Елизаветинское время, «Свадьбы Шансакаго», г. Ровинскій замѣчаетъ: «При картинахъ были приложены летучіе листки съ сдѣдующими текстомъ». Но никакого текста тутъ у него не напечатано (томъ I, стр. 260). При исчислении изданий картины «Бланница» (т. I, стр. 344) пропущенъ изданіе 1, хотя далѣе на это изданіе даются постоянніе ссылки.

рисунковъ и гравюры, то г. Ровинскій представилъ тутъ одинъ изъ лучшихъ образчиковъ своего знанія и опыта глаза, пріобрѣтеніиъ долгимъ знакомствомъ съ гравюрами русской школы. Онь говорить: „Картинки эти, судя по работѣ, на гравированныхъ русскими мастерами, подъ надзоромъ Петра Пикарта, прибывшаго въ Россію въ 1685 году, и вѣроятно, по его инвенціямъ: по крайней мѣрѣ до сихъ порь ип' не случалось видѣть ничего подобнаго въ иностраннѣхъ изданіяхъ... Не подлежитъ сомнѣнію, что доскі „Комедіи о блудномъ сыне“ гравированы по инвенціямъ (рисункамъ) Пикарта-отца, имъ самимъ и, подъ его смотрѣніемъ, нашими граверами Леонтиемъ Бунинымъ и Грагориемъ Тепчегорскимъ, рука которыхъ видна на нѣко-торыхъ картинахъ „Комедіи“ (т. IV, стр. 520—521) ¹⁾). Иль этого примѣра, который я могъ бы подкрѣпить многими другими, я вывожу то заключеніе, что нельзя признавать копіей, въ пашихъ лубочныхъ картинахъ, все то, что на первый глазъ такимъ кажется. Болѣе внимательное и подробное изученіе нерѣдко можетъ привести къ открытию тутъ самостоятельного сочиненія, кажущагося на первый взглядъ кореннымъ иноzemнымъ потому только, что многое присутствуетъ здѣсь иноzemныхъ вѣнчихъ формъ, какими переполнена была Россія XVII, а тѣмъ болѣе XVIII вѣка.

Переходя, затѣмъ, къ изображеніямъ религіознаго содержанія, мы находимъ ихъ въ Московской школѣ, равно какъ и во всѣхъ остальныхъ, можно сказать, въ необозримомъ и множествѣ; находимъ, какъ и слѣдовало ожидать уже a priori, преобладаніе ихъ подъ всѣми остальными категоріями русскихъ народныхъ картинокъ. Но такъ какъ картинки этого рода имѣютъ главною, первою основою свою традицію, строгое слѣдованіе законамъ иконописныхъ подлинниковъ, то они и не могутъ представлять обширного поля въ вопросѣ объ исклѣдованіи русской художественной самостоятельности и собственного творчества по части народныхъ картинокъ. Въ настоящемъ случаѣ все дѣло можетъ идти только о степени вѣрности воспроизведенія иконописныхъ подлинниковъ или существую-

¹⁾ Это самое убѣжденіе я выражалъ еще въ 1864 году, при разборѣ рукописнаго сочиненія г. Ровинскаго о русскихъ граверахъ (Отчетъ о седьмомъ присужденіи премій граев Уварова. 1864 годъ, стр. 36), но я высказывалъ это убѣжденіе въ общихъ чертахъ, безъ повиннаго указанія тѣхъ русскихъ граверовъ, которые гравировали «Комедію» подъ надзоромъ Голландцевъ (только въ Россіи, а не въ Голландіи, какъ я тогда полагалъ). Нынѣ это сдѣлано г. Ровинскимъ вполнѣ достовѣрно и вполнѣ убѣдительно.

щихъ на лицо произведений иконописного искусства. Почти единственное исключение составляютъ тѣ изображенія отдельныхъ личностей, или иногда цѣлой толпы народной, какія иногда наполняютъ фонъ картинъ чисто религіознаго содержанія. Русская иконопись позднѣйшихъ періодовъ, XVI и XVII вѣковъ, часто любила представлять эти отдельныя личности, эту толпу народа подъ видомъ „людей Русскихъ“, въ русскомъ національномъ костюмѣ, съ русской національной обстановкой, и рисовальщики народныхъ картинокъ Московской школы дѣйствовали въ этомъ направлении смѣлѣ и рѣшительнѣе остальныхъ нашихъ школъ. Безъ сомнѣнія, мы встрѣчаемъ русскіе костюмы и русскую толпу народа, или отдельные личности съ русскимъ обликомъ, иногда и въ народныхъ картинкахъ Киевской школы (мы представимъ тому вѣсколько примѣровъ ниже), но это встречается здѣсь уже не такъ часто и не такъ рѣшительно, какъ въ картинкахъ московскихъ.

Во многихъ отношеніяхъ, Московская школа, въ картинкахъ религіознаго содержанія, есть наслѣдница и продолжательница школы Киевской, какъ въ отношеніи рисунка, такъ и въ отношеніи техники. Такъ напримѣръ, въ знаменитой московской (первой русской) Библіи 1663 года всѣ гравюры, кроме московского герба, съ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ въ видѣ Архангела Михаила, поражающаго колпемъ змія, — явно происхожденія кievскаго. Но она во много разъ національнѣе, оригинальнѣе и самобытнѣе той, и конечно, всего болѣе потому, что произведенія ея исходили не единственно изъ рукъ духовенства и не единственно изъ монастырскихъ типографій и граверныхъ мастерскихъ. Въ Москвѣ художниками являлись не одни іереи, діаконы и монахи, но и свѣтскіе люди, и эти-то свѣтскіе люди предпринимали первѣко изданіе картинокъ вовсе не религіознаго, а свѣтскаго содержанія. Имъ были важны интересы дна, они хватались за сатиру, они изображали многія формы окружавшей ихъ дѣйствительности, и это свѣтское направленіе было такъ сильно, что оно въ значительной мѣрѣ проявляется даже въ произведеніяхъ раскольниковъ: свѣтскій и національный элементъ простирался иногда такъ далеко, что въ одной изъ картинокъ известной Библіи Кореня (1692—1697 г.) Кaineцъ нашетъ при помощи лошада въ русской упряжи и съ дугою надъ головой (рисунокъ № 15). Ничего подобнаго не встрѣчаемъ въ произведеніяхъ Киевской школы, замкнутой въ рамки религіозныхъ представлений, такъ что если она и рѣшилась выходить изъ нихъ, то шла и тутъ не далѣе изображеній портретныхъ и офиціальныхъ, съ необходимою ихъ обстановкой, или

же только повторяла „модернизацию“ иностранныхъ своихъ оригиналъвъ. Ея смѣлость и починъ далѣе не простирались.

„Библія“ и „Апокалипсисъ“ Кореня 1692—1697 годовъ, на которые я только что указывалъ, принадлежать къ числу самыхъ крупныхъ проявлений московской народной гравюры на деревѣ. И необычайный форматъ ихъ, и рисунокъ, и гравюрная техника представляютъ здѣсь множество особенностей чрезвычайной важности, вызывающихъ на изученіе и сравненіе. Въ этикѣ 24 картинкахъ мы имѣемъ твердый опорный пунктъ для разсмотрівания всѣхъ наиважнѣйшихъ гравюръ на деревѣ начала и первой половины XVIII вѣка. Но первоначальная композиція этикѣ картинокъ не русская, онѣ заимствованы съ иностранныхъ образцовъ. Значить, прежде всего требуется узнать: съ какихъ именно образцовъ взяты эти рисунки?

Про „Библію“ г. Ровинскій говорить, что ея рисунки „заимствованы изъ славянской Цалы съ примѣсью западныхъ образцовъ.“ (т. IV, стр. 591). Такъ какъ здѣсь не указано, изъ какихъ именно Цалей (рукописныхъ, копечного, такъ какъ печатныхъ неизвѣстно) взяты одни рисунки, а также не указано, съ какихъ западныхъ образцовъ взяты другіе, то мы оставимъ здѣсь совершенно въ сторонѣ вопросъ о происхожденіи рисунковъ этой Библіи.

Про „Апокалипсисъ“ г. Ровинскій говоритъ, что рисунки его „заимствованы изъ Библіи Пискатора“ (т. IV, стр. 562). Этотъ вопросъ будетъ разсмотрѣнъ мною ниже, въ параграфѣ о Кіевской школѣ, въ общей связи съ другими указанными г. Ровинскимъ заимствованіями изъ той же иностранной иллюстрированной Библіи.

II. Кіевская школа.

Кіевскія лубочныя картишки и изданія представлены у г. Ровинскаго не въ такой полнотѣ, какъ московскія: оно и понятно, потому что кіевскія заключаютъ въ себѣ гораздо болѣе однообразія, бѣдности въ сравненіи съ московскими, и будучи преимущественно всѣ религіознаго содержанія, очень часто схожи одинъ съ другимъ, или по крайней мѣрѣ имѣютъ одинъ и тотъ же общій характеръ, такъ что нѣть большої надобности воспроизводить слишкомъ многія изъ нихъ. Однакоже многое изъ самого важнаго, рѣдкаго и значительнаго представлено въ Атласѣ г. Ровинскаго. Такъ напримѣръ, въ этомъ Атласѣ напечатаны наирѣдчайшия гравюры первой половины XVII вѣка: 1) Неонаимая бушна и похвала пресв. Богородицы, съ 1627 годомъ;

2) Смерть съ косою на „бѣдномъ конѣ”, съ 1626 годомъ; 3) Миниатюрное изображеніе Памви Берынды, въ Ливы, съ 1627 годомъ; 4) св. Антоній Великій въ пустынѣ; съ 1627 годомъ; 5) св. Акилина, съ 1627 годомъ; 6) Чистота, аки дѣвица преукрашена, съ 1626 годомъ; 7) Лѣтвица преподобнаго Іоанна Лѣтвичника, съ 1627 годомъ; 8) Темница святыхъ осужденныхъ, съ 1629 годомъ; 9) Преподобный Илія Муромецъ, безъ года (Атласъ, № 1346, номера: 1, 2, 4; 5, 6, 7; № 772; № 1519). Въ текстѣ, какъ содержаніе этихъ картинокъ, такъ и рисунокъ, и техническая сторона гравированія, и наконецъ; вопросъ о вѣроятныхъ авторахъ этихъ наиважнѣйшихъ въ нашей иконографіи и гравюрѣ картинокъ, разобраны и описаны въ совершенствѣ, такъ что не остается желать ничего лучшаго. Г. Ровинскій доказываетъ въ своемъ текстѣ, по моему мнѣнію, вполнѣ неопровергимо (томъ IV, стр. 732—735), что всѣ эти картинки „должны были составлять иллюстрацію къ „Приложению на постриженіе казалугерства“, составленному Памвою Берындой; что монограмма ДМ или МД, стоящая на иныхъ изъ картинокъ этихъ (и прибавлю отъ себя, до сихъ поръ не объясненная), обозначаетъ „монахъ Леонтий“, можетъ быть, „Леонтий Земка“: это предположеніе было уже высказано г. Ровинскимъ 11 лѣтъ тому назадъ, въ его „Словарѣ русскихъ граверовъ“ (1871 г.), но лишь въ общихъ выраженіяхъ. Другая же монограмма ПБ, столько же до сихъ поръ не объясненная, означаетъ, по мнѣнію г. Ровинскаго, имя автора текста: „Памва Берында“. Не могу съ этимъ не согласиться: такъ это соображеніе просто и естественно, и такъ удачно оно объясняетъ указанное, но не разъясненное, мною еще въ 1858 году (Отчетъ о второмъ присужденіи наградъ графа Уварова. 1858 г., стр. 18) обстоятельство, что эта монограмма ПБ стоитъ на верху гравюры, въ углу, гдѣ никогда не помѣщается имя гравера. Страницы, занятые этимъ изслѣдованіемъ, принадлежать къ числу наиважнѣйшихъ въ сочиненіи г. Ровинскаго.

Мнѣ остается только пожалѣть, что вмѣстѣ съ этими рѣдкими стариннѣйшими гравюрами Кіевской школы не помѣщены въ Атласѣ еще другія картинки, столь же важныя по содержанію своему, сколько и по древности; это едавали не самыя старѣйшія гравюры Кіевской школы. Находятся онѣ въ наирѣдчайшемъ маленькомъ изданіи (существующемъ всего только въ двухъ экземплярахъ, одинъ въ Императорской публичной бібліотекѣ, другой въ Румянцевскомъ музѣ, въ Москвѣ), котораго заглавіе слѣдующее: „Вѣршъ па жалосны”

погребъ Петра зацнаго рыцера Конашевича Сагайдачного, Гетмана войска его Кр. илти (королевской милости) Запорозкого. Зложоный презъ ивока Касцана Саковича ректора школъ кіевскихъ въ брацтвѣ. 1622 года". Сагайдачный быль истинный народный герой Запорожской сечи, столь же знаменитый побѣдами надъ Турками и Татарами, сколько силою и успѣшною помошью, оказанною имъ православию противъ унія. Вирши Саковича съ картинками, гравированными на деревѣ, должны были имѣть несомнѣнное распространение въ Кіевѣ и всей его тогдашней области. Картички эти имѣли вполне значение народное и историческое: Для настъ же, нынче, онъ имѣть не меныше значение, какъ одинъ изъ рѣдчайшихъ образцовъ изданія біографическо-исторического содержанія, XVII вѣка. Притомъ большое значеніе имѣть для настъ элементъ костюмовъ казацкихъ, столь рѣдко встрѣчающихся въ древнихъ рисункахъ и гравюрахъ русскихъ и иностранныхъ. На оборотѣ заглавного листа представленъ, среди круглой рамки, казакъ въ шапкѣ съ кистью или перомъ, въ кафтанѣ съ петлицами на груди, съ восточною саблей у бедра и съ короткимъ мушкетомъ на плечѣ. Это гербъ Запорожскаго войска. Внутри книжечки мы встрѣчаемъ портретъ самого Сагайдачнаго, во весь ростъ, верхомъ, въ высокой мѣховой шапкѣ, съ булавой въ правой рукѣ, лукомъ и колчаномъ стрѣль за спиной. Весь костюмъ его, убранство коня, чепракъ, въ высшей степени интересны и важны для нашей костюмной науки. Въ другомъ мѣстѣ книжечки маленькая гравюрука представляетъ штурмъ Кафы: на стѣни ея, въ разныхъ мѣстахъ, по лѣстницамъ валѣаются казаки; напереди изображенъ турецкій военный суда (каторги), атакуемыя на морѣ казацкими легкими лодками. Надпись: „Кафу воева. Року 1616". Все мѣстоѣсть представляетъ множество наиважѣнѣихъ этнографическихъ и историческихъ свѣдѣній и подробностей.

Есть другое наиправѣчайшее кіевское изданіе, котораго известенъ одинъ только экземпляръ, существующій въ Императорской публичной библіотекѣ. Это „Инвологія" 1630 года. Заглавный листъ въ ней тѣмъ замѣчателѣй и интересенъ, что адѣсь, кроме изображеній, на рамкѣ, русскихъ святыхъ: князя Владимира, княгини Ольги, князей Бориса и Глѣба — во весь ростъ, есть еще маленькие, но очень язвительное и подробное изображеніе „церкви Печерской", которое въ такую раннюю эпоху, въ первую четверть XVII вѣка, составляетъ крайнюю рѣдкость.

Еще два киевских издания изъ этой же эпохи, изъ которыхъ, къ сожалѣнію, нѣтъ снимковъ въ Атласѣ г. Ровинскаго, это, впервые, „Тріодъ“ 1631 года, гдѣ есть немало картинокъ, вноскѣствомъ много разъ отпечатанныхъ тѣми же досками или повторенныхъ во множествѣ киевскихъ изданий, до конца XVII столѣтія: картинки эти во многихъ отношеніяхъ замѣчательны— и въ иконографическомъ, и въ техническо-гравировальномъ, а иногда и въ костюмномъ отношеніи (изъ которыхъ пріимѣры этихъ послѣднихъ мы приведемъ ниже); въторыхъ, „Еахаристіонъ албо Вдячность“, 1632 года, гдѣ въ первой части находится изображеніе Петра Mogилы въ архимандритскомъ облаченіи, въ ту минуту, какъ онъ бросаетъ воеводскій скапетръ и корону,

Но, кромѣ всего этого, надо сожалѣть, что у г. Ровинскаго не воспроизведено въ Атласѣ ни одного листа изъ „Библіи Иліи“ (40-хъ годовъ XVII вѣка) и „Апокалипсиса Прокопія“, 1646—1662 года. Оба издания, какъ ни грубы, заслуживали воспроизведенія, потому что въ свое время пользовались громаднымъ распространеніемъ и теперь составляютъ необычайную рѣдкость. Притомъ же оба они, вмѣстѣ съ „Апокалипсисомъ“ Кореня 1692—1697 годовъ (къ счастью, воспроизведеніемъ у г. Ровинскаго цѣликомъ), представляютъ очень важный материалъ для разслѣдованія нашихъ ученыхъ.

Про эти три любопытныхъ наши издания г. Ровинскій говорить, что всѣхъ картинокъ „скопированы изъ Библіи Голландца Ивана Пискатора“ (т. IV, стр. 590, 592, 600). Къ этому онъ прибавляетъ, что „Илья, копируя картинки Пискатора, уменьшилъ ихъ изъ листового размѣра въ четверку, при этомъ онъ выбрасывалъ изъ нихъ все то, съ чѣмъ не умѣлъ справляться: фигуры, разныи мелочи и даже цѣлыми партіями фігуры; иногда онъ соединялъ двѣ картинки Пискатора въ одну, а въ другихъ мѣстахъ допускалъ крупныи измѣненія“; что мастеръ Григорій (въ „Апокалипсисѣ“ Кореня) „не рабски копировалъ Пискатора, а многое измѣнилъ, другое перепи-чили, соединилъ по двѣ Пискаторовы картинки вмѣстѣ, придалъ фигурамъ своимъпольскіе типы и одѣлъ ихъ въпольскіе костюмы, не говоря уже о томъ, что картинки Григорія размѣромъ вчетверо болѣе картинокъ Пискатора“; что „ерей Прокопій“, копируя съ Пискатора, увеличилъ картинки въ длину, опустилъ въ нихъ разныи подробности и тонкости, съ которыми не могъ совладать при передачѣ гравюры на деревѣ.

Открытіе связи и сходства Библіи Пискатора съ нашими илю-

стрированными изданиями второй половины XVII вѣка принадлежитъ къ числу важнѣйшихъ заслугъ г. Ровинскаго. До него Библія Пискатора была у насъ неизвѣстна и потому не принималась въ соображеніе ни однѣмъ изслѣдователемъ древней русской гравюры. Отныне ни одинъ изъ нихъ не можетъ обойдти безъ изученія ея картинъ. Но, не взирая на всю эту крупную заслугу г. Ровинскаго, я считаю, что цѣлью внести добытый имъ результатъ цѣлкомъ въ исторію русской гравюры. Мыѣ кажется, что тутъ должны быть произведены нѣкоторыя существенныя измѣненія.

Идя по стопамъ г. Ровинскаго и повторяя еще разъ трудную и сложную работу, произведенную имъ, я сравнилъ съ „Библіей“ Пискатора всѣ три наши изданія: „Библію Илії“, „Апокалипсисъ Прокопія“ и „Апокалипсисъ Кореня“, по экземплярамъ Императорской публичной библиотеки. Я получаю здѣсь слѣдующія данныя:

Библія Илії.

Книга Бытия.

Глава 15. Лавеніе Бога Аврааму.

- 19. Лотъ съ дочерьми. Одна дочь почти вплотнѣ нагая, Лотъ прикасается до нея любострастіемъ. Другая дочь положила руку отцу своему на голову.
- 21. Агарь въ пустынѣ: она плачетъ, подперевъ щеку рукой.
- 24. Ревекка у колодца. Грудь очень открыта у всѣхъ женщинъ.
- 25. Исайя продаётъ право на благословеніе Іакову. Фонъ—горы; въ альковѣ круглое окно.
- 28. Лѣствица Іакова. Ангелы вѣсъ съ сияніемъ.
- 32. Іаковъ борется съ Богомъ.
- 41. Іосифъ толкуетъ сны Фараона. Фонъ—комната.
- 49. Рувимъ.—Симеонъ.—Гадъ.—Аспръ.
- 50. Смерть Іакова.

Библія Пискатора.

Всёсъ иѣть.

Эта самая дочь—всѧ одѣтая; Лотъ до нея не прикасается любострастно и только обнимаетъ ее за шею. Другая дочь положила руку отцу на плечо.

Совершенно иное сочиненіе (и притомъ, лишь какъ эпизодъ въ картинахъ «Іегуда и Агара»): она протягиваетъ обѣ руки впередъ.

Около половины фигур совсѣмъ иныхъ. Сходство очень отдаленное. Грудь у женщинъ болѣе закрыта. Фонъ—стѣна съ дверью; въ альковѣ—также дверь.

Ангели безъ сиянія.

Всёсъ иѣть.

Фонъ—городъ.

Совершенно иныхъ фігури и съ иной обстановкою. Асиръ Пискатора есть Невоальный Илії.

Всёсъ иѣть.

Исходъ.

Глава 3. Моисей передъ Неопалимою купиной. Извилистая змѣя ползетъ впереди. Овальная рамка кругомъ композиціи.

- 4. Ааронъ и Моисей. Руки у нихъ врозь. Вокругъ композиціи овальная рамка.
- 7. Ааронъ превращаетъ воду въ кровь.
- 8. Жабы. У царицы на головѣ корона. Въ фонѣ—окна.
- 8. Мухи. (NB. Фигура цара въ воиновъ за нимъ похожа на такую же въ «Саранчѣ» у Пис-катора).
- 9. Градъ.
- 10. Саранча.

- 10. Тьма.
- 11. Пасха Іудейская. На улицѣ звѣзды, города въ фонѣ нѣть.
- 12. Избеніе первенцевъ. Картина состоять изъ летящаго ангела, и 12 фигуръ, разбросанныхъ по всей землѣ (въ томъ числѣ лошадь).
- 13. Переходъ Ереевъ черезъ Черное Море (толпа народа по-перекъ картинѣ, Ааронъ и Моисей впереди).

- 16. Перепела.
- 16. Манна.
- 17. Изведеніе воды.
- 19. Моисей получаетъ заповѣди.
- 25. Хатбы предложенія.
- 27. Ковчегъ завѣта.
- 27. Седымрасѣнникъ.
- 27. Трапеза.

- 32. Пляска вокругъ золотаго тельца. Пляшущихъ (между ними женщина съ распущенными волосами) 7 человѣкъ; одинъ музыкантъ играеть на гудкѣ, другой на трубѣ; сзади нихъ человѣкъ, подавший обѣ руки. У подошвы горы большой столъ, покрытый

Змѣя, но другой формы, является лишь вдалѣ и даже мало замѣтна. Овальной рамки нѣть.

Они жмутъ другъ другу руки, рамки овальной нѣть.

Всесе нѣть.

У царицы короны нѣть на головѣ. Оконъ нѣть.

Всесе нѣть.

Главы 9-я и 11-я—вмѣстѣ, и все сочиненіе назначено для выраженія темы «Саранча». Всего остального нѣть. Нѣть вовсе.

Картинки для обоихъ сюжетовъ соединены въ одну картинку. Во 2-мъ сюжетѣ лежащихъ фигуръ — 8, въ томъ числѣ лошадь.

Нѣть вовсе.

Нѣть вовсе.
Совершенно другое сочиненіе.
Лишь общее и отдаленное сходство.

Нѣть вовсе.

Совершенно другое сочиненіе. Пляшущихъ 10 человѣкъ, и между ними нѣть женщинъ съ распущенными волосами; изъ двухъ музыкантовъ одинъ играеть на барабанѣ, другой на трубѣ; позади нихъ никакого нѣть. Подиѣ Моисея, на горѣ, еще два человѣка; подъ горой есть столъ,

столовой посудой. Съ горы скопить Монсей. Другихъ фигуръ неѣтъ.

- 36. Запѣса скіпії.
- 40. Ааронъ въ полномъ перво-священническомъ облаченіи.

Книга Числь.

Глава 18. Привесеніе лозы изъ земли Хаваазской.

- 16. Наказаніе Корея, Дастана и Авирона.
- 21. Мѣдный Змѣй: подпорка для змѣя въ видѣ Т; кромѣ Моисея и Аарона дѣйствующихъ лицъ всего 6. У подножія Змѣя женщина съ поднятою головой, покрытою, съ одиною рукой на груди, другую, вдоль тѣла.
- 22. Ангель и Валаамъ. Ангель иконописный и съ сіяніемъ; въ фонѣ три человѣка.
- 24. Валаамъ благословляетъ народъ. Царь съ лица; костюмъ на немъ иконописный, и салоги. Четыре правильныхъ ряда палатокъ. Фигуръ человѣческихъ всего въ картинѣ четыре.

Иллюстрація Навинъ.

Глава 1. Самъ Іисусъ Навинъ, въ латахъ, племѣнѣ и съ мечомъ.

- 2. Рахааанъ спасаетъ послы Іисусова. Фонъ: луна и звѣзды на небѣ.
- 4. Переходъ черезъ Йорданъ. Фонъ пустой.
- 5. Ангель является Іисусу Навину. Самостоятельная большая картина. Ангель — иконописный, съ крыльями и сіяніемъ, безъ щита и шлема; конь позади него. Фонъ — городъ.

но не большой, и пустой; на картинахъ множество стоящихъ и сидящихъ мужчинъ и женщинъ.

Нѣть вовсе.

Совершенно другое сочиненіе по фигурамъ, пейзажу и всѣмъ подробностямъ вообще.

Нѣть вовсе.

Ходство очень отдаленное. Подпорка для змѣя вилковъ; дѣйствующихъ лицъ — множество. У подножія Змѣя женщина съ непокрытой головой держащая ребенка.

Ангель въ стилѣ рококо, и съ совершенно другимъ движениемъ рукъ; въ фонѣ нѣть ни одного человѣка. Царь сапной; костюмъ: латы и хамода, онъ босоногъ. Многочисленные ряды палатокъ расположены совершенно неправильно и живописно, по всей лѣвой сторонѣ картины; Масса человѣческихъ, фигуръ по всюду.

Вовсе нѣть..

Фонъ: городъ и здания.

Фонъ: горы, масса войска.

Этотъ сюжетъ, но совершенно иного сочиненія, чѣмъ у Иліи, находится, въ очень миниатюрныхъ размѣрахъ, на картинахъ, изображающей трапезу Израильтянъ у Йерихона. Ангель въ шлемѣ, со щитомъ и мечомъ. Іисусъ Пилиппъ на конѣ, позади него палатки, похоронные монументы, вдали городъ.

- 6. Падение Иерихона. Фонъ: разрушающаяся городская стѣна и башни.
- 7. Побѣдѣ Авана. Самостоятельная картина.
- 10. Иисусъ Навинъ останавливаетъ солнце. Солнце съ лицомъ. Фигуръ немногого.

Книга Судий.

- Глава 3. Семегаръ. Фонъ сложный: огромное дерево, городъ вдали. Варакъ. Фонъ сложный: множество деревьевъ, башня; палатка.
- 4. Деворра умерщвляетъ Си-карру. Самостоятельный листъ.
 - 6. Гедеонъ. Латы съ орнаментами на груди. Въ фонѣ растения въ русскомъ стилѣ XVII вѣка.
 - 9. Анимелехъ. Маленькая чайка; развивающійся плащъ. Фонъ: цѣльный городъ. Дерево.
 - 10. Тгола: Фонъ: башня на скалѣ; съ другой стороны зубчатыя стѣны города, также на скалѣ.
 - 10. Іаиръ. Фонъ: дерево и городъ вдали, на покатой мѣстности.
 - 12. Есевонъ. Фонъ: городъ, съ воротами; высокая трава.
 - 12. Елонъ. Фонъ: городской ворота.
 - 12. Авдонъ. Фонъ: городъ, гора.
 - 18. Живѣніе Ангела Мавоъ и женѣ его.
 - 18. Самсонъ. Фонъ: городская стѣна, деревья, гора, иконоописанія стиля зданія.

Фонъ: круглое большое зданіе и большая городская постройка, совершенно иной формы, чѣмъ у Ильи. Эта сюжетъ есть у Пискатора, но въ фонѣ другой большой картины (№ 7), и совершенно иначе. Солнце безъ лица изъ однихъ лулей. Фигуръ очень много.

Фонъ: очень тоненькия деревья, и поле; на которомъ сражаются люди. Одна только палатка въ бояѣничего; фона нѣть, ибо онъ закрытъ драпировкой Варака и палаткой. Эта сюжетъ находится на одной картины съ Варакомъ, но это совершенно другое сочиненіе. Латы очень простыя. Фонъ: пейзажъ.

Чайка огромная; плащъ виситъ спокойно, навернутый на руку. Фонъ: долина съ очень немногими постройками и далекими горизонтами.

Фонъ: долина съ постройками, и съ далекими горизонтами. Анимелехъ, Тгола, Гедеонъ и Іаиръ на одной картинѣ.

Фонъ: Ковное войско, плущее по долинѣ по направлению къ далекому городу, съ круглою широкою вѣздою башнею.

Городъ, травеза 11 человѣкъ на воздухѣ; конное войско. Долина, деревья.

Конное войско, тянувшееся вдаль. Всасъ нѣть.

Фонъ: городъ, но очень далеко и въ миниатюрою видѣ, и притомъ другаго совершенного вида, съ церквами XVII вѣка.

Книга Царств.

Кн. 1, гл. 9. Сауль.
 Кн. 2, гл. 2. Давидъ.
 Кн. 3, гл. 3. Соломонъ.

- 12. Равоамъ.
- 15. Иосафатъ.
- 15. Авія.
- 15. Асса, кумиры потребляющий.
- 15. Асса, приносящий первосвященнику золото, сосуды и проп. (въ экземплярѣ Имп. публ. библиотека пѣть).

Кн. 4, гл. 14. Манасія.

- 15. Йосефъ.
- 8. Йоарамъ.
- 8. Охозія.
- 11. Йосефъ.
- 21. Манасія.
- 15. Азарія.
- 16. Ахазъ.
- 18. Езекія.
- 21. Амонъ.
- 22. Йосія.
- 23. Йоахазъ.
- 24. Йоахимъ.
- 25. Седекія.

Всесе пѣть.

Всегдѣ за тѣмъ, я подвергаю подобному сравненію „Апокалипсисъ“ въ изданіяхъ іерей Прокопія, Кореня и Пискатора, и получаю слѣдующіе результаты:

Апокалипсисъ Прокопія.	Апокалипсисъ Кореня. (не полный).	Апокалипсисъ Пискатора.
Саваое съ мечомъ, Недостаетъ. исходящимъ изъ усть.	На Саваое платье со складками. На головѣ у Иоанна сіяніе. Напереди посрединѣ пейзажъ и вода. Облака иной формы, чѣмъ у Пискатора. Расположение шандаловъ иное, чѣмъ у Пискатора. На пыльныхъ шандалахъ богатая орнаментаци. Надъ Иоанномъ Богословомъ надпись: «Св. Иоанъ». Вокругъ Саваое сіяніе изъ огненныхъ языковъ.	1. Первую картинкою здѣсь является изображеніе Иоанна Богослова на островѣ Патмосъ. Ея пѣть на у Прокопія, не у Кореня. Надпись: «Apocalypsis Capit 1, vers. 9.».
		2. На Саваое поперегъ талии кушакъ. Иоаннъ Богословъ безъ сіянія. Въ фонѣ пѣть на пейзажа, не воды. Шандалы безъ орнамента, все одинакіе. Вокругъ Саваое сіяніе изъ черточекъ.

Апокалипсисъ Прокопія.

2. Саваоѣтъ сидящій, пред-
ставляемъ прямоъ лицо.
Лѣвая рука поднята,
правая видна отчести,
и держитъ книгу верти-
кально. Престолъ со-
всѣмъ другой формы,
чѣмъ у Пискатора, съ
занѣтками рококо; его
ножки вѣдь кончатся
головками Херувимовъ.
Подъ Саваоѣта тельца,
стоящій на заднихъ по-
гахъ. Напереди внизу—
море. Іоаннъ Богословъ
стоитъ въ колънѣхъ на
облакѣ, на право, въ
профиль; около его го-
ловы сіяніе; у 24 стар-
цевъ въ рукахъ короны,
«гуси и фіали златы,
полны єнішама». Одинъ
изъ старцевъ, на лѣво,
схватить корону обѣ-
ими руками, хочетъ уда-
рить ее объ землю.

3. Четыре всадника. Они
скакутъ вѣво отъ зри-
теля. У Смерти густые во-
лосы поднатыми извѣрхъ
космами на черенѣ. За
спиной развѣвается дра-
нировка. Обѣими рукама-
ми она держитъ косу.
Лицо у Смерти —моло-
дое. У воина мечъ и
щить. Конь его пѣгій.
Конь царя обращаетъ
голову назадъ. Подъ ле-
тающимъ ангеломъ мел-
кая ваднись.

4. Пятая печать. Пре-
столъ на облакахъ по-
крыть орнаментами. Сі-
яніе около него изъ ог-

Апокалипсисъ Корсика.

(Безъ №). Сочиненіе до-
вольно сходное со сочи-
неніемъ Прокопія, но
представляющее также
значительные различія.
Форма престола у Саваоѣ-
са не рококо, а визан-
тійская. Правую руку
Саваоѣта положилъ на
наклонившагося къ не-
му тельца, лѣвая лежитъ
на колѣнѣ съ 7-ю печати-
ми. Сіяніе изъ языковъ
огненныхъ кругомъ все-
го Саваоѣса до внизу.
У ногъ Саваоѣса летить
ангелъ, которого нѣть
ни у Прокопія, ни у
Пискатора. Текстъ подъ
картиною подробнѣе,
чѣмъ у Прокопія, иной
орографіи и иного со-
става. Такъ наприм. у
Пр. сказано: «И седнь
свѣтынникъ отъемъ горя-
щихъ»; у Кор.: «седнь
свѣтынникъ отъемъ горя-
щихъ». У Пр.: «предъ
престоломъ море стек-
лянное», у Кор.: «подъ
престоломъ»; и т. д.

3. Всадники скакутъ вправо
отъ зрителя. Смерть
совершенно всяка и безъ
драпировокъ; въ рукахъ
у ней коса. На трехъ
конахъ сбруя. На воинѣ
латы съ пуговицами
напереди. Конь царя
держитъ голову впередъ.
Группа людей распрос-
торстыыхъ на землѣ со-
вершенно иппи, чѣмъ у
Пр. и Пискатора. Подъ
ангеломъ длинная вад-
нись, но другой и бо-
льше пространной редак-
ціи, чѣмъ у Прок., ран-
не какъ и текстъ вин-
зу иссѣп картинки. Такъ
наприм. у Прок.: «Да-
деся», у Кор.: «дано
бысть».

4. Престолъ еще богаче
украшаетъ, чѣмъ у Прок.;
ангелы со слухами и въ
вѣнцахъ. Общее сіяніе

Апокалипсисъ Пискатора.

3. Совершенно другое со-
чиненіе чѣмъ у Прокопія и
Корсика. Напереди
и вѣтъ моря; Іоаннъ
Богословъ внизу напе-
реди. Саваоѣтъ обращенъ
вправо. Подъ него
нѣть тельца. У однѣхъ
старцевъ въ рукахъ толь-
ко короны; у другихъ
онѣ стоять на полу.
Старца, разбрывающаго
свою корону—вѣтъ во-
ссе. Семь свѣтынни-
ковъ вверху не висятъ
на цѣнѣль, какъ у Ко-
рсика, а являются на
воздухѣ, какъ у Про-
копія; притомъ они дру-
гой формы.

4. Картина на текстъ:
«Apocalypsis Caput 5.
ver. V». Ея нѣть ни у
Прок., ни у Корсика.
5. Всадники скакутъ вправо
отъ зрителя. У Смерти
есть темновѣтъ волосъ
на головѣ. Лицо у ней—
старческое. У ней въ
рукахъ трезубецъ. У
воина въ рукахъ толь-
ко мечъ. Конь царя
обращаетъ голову па-
задъ. Группа лежащихъ
людей вѣтсколько сход-
на съ группой у Про-
конса.

6. Престолъ безъ ука-
шеній. Сіяніе вокругъ
овального, изъ черто-
чекъ.

Анекалинисеъ Прокопія.

непрѣкъ языковъ. Ангелы съ вѣнцами кругомъ головы. Боковые два ангела стоятъ пасо-быхъ облачкахъ. Композиція имѣть сходство съ картинкой Ли-скатора.

5. Шестая печать. Кро-
мъ падающихъ звѣздъ
падаютъ также каки-
то предметы, похожіе
на продолговатыя камни
(вѣроятно выражаютъ
слова текста: «платона
яко смоковницы»).
Группы людей только
отчасти похожи на по-
дѣбныя же группы у
Лиискатора: есть и со-
вершенно иныхъ фигуры,
особливо въ лѣвой сто-
ронѣ, напримѣръ, челе-
вѣкъ во весь ростъ,
поднявшій руки, и два
ложащихъ подѣлъ ногъ.

6. Четыре ангела на че-
тырехъ углахъ земли.
Всѣ ангелы (въ вѣ-
нацахъ) совершенно птие,
тѣмъ у Лииск. Среди
облачекъ вверху херу-
вимскія головки, изъ
устъ которыхъ психо-
дѣлть вѣтъ. Крестъ у
средняго ангела, подъ
Саваоѳомъ, древней рус-
ской формы съ поне-
речиной въ самонъ вер-
ху. Тропъ у Саваофа
въ стилѣ рококо. Са-
ваоѳъ обращенъ вѣ-
сколько вправо отъ зри-
теля. Толпа народа вип-
зу полураздѣла.

Анекалинисеъ Корсака.

изъ языковъ огленныхъ.
Внизу 6 группъ, вмѣ-
сто 5-ти, какъ у Прок.
и Лииск. Текстъ надин-
спъ внизу одинакѣй съ
текстомъ у Прок., но съ
другими подробностями
формы.

(Безъ №). Есть общеесход-
ство съ группами и под-
робностями Прок., но
много и различія. На-
дающие камни и «смо-
ковницы» иные чи-
сломъ и формою. Одѣѣ
фигуръ похожи нафи-
гуры Прок., другіе со-
вершенно иные. Текстъ
одинакѣй съ Прок., по
съ разницами въ грам-
матическихъ формахъ.

Анекалинисеъ Лиискатора.

7. Падаютъ только звѣ-
ды, окружения огнен-
ными языками; кругомъ
изображенъ будто дождь
продолговатыми черточ-
ками. Падающіе камни
иныхъ формъ, тѣмъ у
Прок. и Кор. Многія
человѣческія фигуры
совершенно иныхъ, тѣмъ
у Прок. и Кор.

(Безъ №). Ангелы (по вѣ-
нацахъ) значительно отли-
чаются позами и дви-
женіями отъ такихъ же
у Прок. Средній ангель
внизу держитъ въ одной
руѣ чашу съ причасті-
емъ, другою лебѣдиної
крестъ, которымъ при-
касається къ челе стар-
ца на колѣвахъ. Въ
облачкахъ херувимскія
головки какъ и у Прок.
Крестъ у нерхнаго ан-
гела посрединѣ — рус-
ской. Саваоѳъ представ-
ленъ на византійскомъ
тронѣ, прямо съ лица.
Толпа народа напере-
ди вся одѣта по япон-
скому. Текстъ пред-
ставляетъ отличия отъ
текста Прок. Такъ нап-
римѣръ у Прок.: «по
сихъ», у Кор. «по семъ»;
у Прок. «видѣхъ много
ангела», у Кор. «ви-
дѣхъ ииъ ангель».
Сверхъ того, вторая по-
ловина текста у обо-
ихъ разная.

8. Ангелы (безъ вѣнцовъ)
всѣ въ птихъ позахъ,
тѣмъ у Прок. и Кор.
Херувимскихъ головокъ
вовсе нетъ. Крестъ у
ангела вверху — запад-
но-европейскій. Троицъ
Саваоѳа — рококо.

Анекдотъ Иркокия.

7. Седьмая печать. Престоль, на облакахъ, богато уврачено. Ангелы вѣ вънцахъ. Большое синие вокругъ него и Саваоса состоять изъ пламенныхъ языковъ. Внизу пейзажъ иконописного стиля. Общая композиція имѣть сходство съ такою же у Пискатора.

8. Первый ангель вострубы. Композиція имѣть много сходства съ та-кою же у Пискатора.

9. Второй ангель вострубы. Корабли и паруса совершенно иные, чѣмъ у Пискатора.

10. Третій ангель вострубы. Море, земля, скалы, деревья, трупы умершихъ—на первомъ планѣ, и городъ вдали, въ иконописномъ стилѣ, совершенство иные, чѣмъ у Пискатора.

11. Четвертый ангель вос-
труби. Пейзажъ, съ ико-
нами постройками
(бании, купола), ка-
кихъ имѣть въ карти-
нѣ Пискатора.

12. Пятый ангель вострубы. Сочиненіе имѣть много общаго съ такими же у Пискатора, но съ некоторыми очень су-
щественными отличиями. Такъ напр.: надъ

Анекдотъ Кереса.

7. Престоль богато украшенъ. Славія изъ языковъ только вокругъ головы Саваоса. Онъ самъ и всѣ ангели (въ вѣнцахъ) въ стилѣ иконописномъ, въ одеждахъ византійскихъ. Группы ангеловъ иные, чѣмъ у Прок. и Иис. Пейзажъ внизу — тоже. Текстъ внизу вънкої редакціи противъ Прок.; наприм. у Прок. «бысть молчаніе», у Кор. «бысть безмолвіе»; у Прок. «предъ божімъ пре-
столомъ стояху», у Кор. «предъ Богомъ стояху», и т. д.

(Безъ №). Оба сюжета соединены въ одну картинку. Очень отдаленное сходство съ картинками Прок. и Пискатора. Довольно сходны одни азе-
гали, летающіе въ небѣ. Текстъ тождественный съ текстомъ Прок., во-
съ разницей граммати-
ческихъ формъ.

10—11. Оба сюжета соединены вмѣстѣ. Пла-
ма надъ падающей звездой, пейзажи, дере-
ревья, трава, группа труповъ, городъ изъ фо-
нѣ, все это иначе здѣсь, чѣмъ въ обѣихъ кар-
тинахъ Прок. Ангелы скожи. Текстъ то-
жественный съ Прок., но съ разницей грам-
матическихъ формъ.

12. Сочиненіе имѣть бо-
льше сходства съ такимъ же у Пискатора, чѣмъ у Прок., а именно: надъ звездой, въ стилѣ тьмы, является «пруга»; подъ двумя бѣгущими лежитъ

Анекдотъ Пискатора.

9. Престоль почти безъ украшений. Славія только вокругъ головы Саваоса, изъ однаго черточки. Пейзажъ внизу очень мелкий.

10. Близкое сходство съ картинкой Прок.

11. Корабли и паруса иные, чѣмъ у Прок.

12. Видны не деревы, а только тоненькие ство-
лы ихъ изъ-подъ облака.
Труповъ людей всего
четыре. Воды спереди
очень мало.

13. Обширные горизонты и пейзажи, съ построй-
ками внизу, какихъ
нетъ ни у Прок., ни у
Кор.

14. Сочиненіе, сходное,
въ отдельныхъ чер-
тахъ, то болѣе съ кар-
тинкой Прок., то съ
картинкой Корена.

Апокалипсисъ Прокопія.

звездой, среди столба дыма, и вѣтъ, какъ у Писк., летящаго въ путь фантастического «пруга» (=саранчи); хвосты у тѣхъ трехъ «пруговъ», что преслѣдуютъ двухъ бѣгущихъ человѣкъ, значе расположены чѣмъ у Пискат.; поль этими двумя бѣгущими людьми вѣтъ третьаго, въ чалмѣ, ушавшаго на землю; улавлившися въ центрѣ картины, два человѣка, изъ которыхъ одинъ въ чалмѣ, лежать головами врозь, а вѣ головами къ центру; подлѣ человѣка, лежащаго затылькомъ внизъ, лежать въ лѣвой углу на полу чалма, свалившаяся съ головы, и т. д.

13. Шестой ангелъ вос-
труби. Въ композиціи
есть черты сходства,
но и черты несходства
съ композиціей Писк.
Такъ, напримѣръ, Сава-
овъ предстаиваетъ въ по-
воротѣ въ три-четверти,
тогда какъ у Пискат.
въ профиль; у третьаго
ангела, направо, во-
локомъ на головѣ подня-
ты кверху остріемъ,
какъ у «Смерти» въ №
3; человѣкъ, лежащий въ
правомъ углу картины,
лежитъ головой къ рам-
кѣ, ногами въ поле,
тогда какъ у Писк. на-
оборотъ, значить въ со-
вершенно вномъ отно-
шевіи къ поражающему
его ангелу, и т. д.

Апокалипсисъ Корена.

третій еще человѣкъ, въ
чалмѣ; упавшіе два че-
ловѣка, въ центрѣ кар-
тины, лежатъ головами
къ центру, и т. д.
Текстъ тожественный
съ текстомъ Прок.,
но съ разницей грам-
матическихъ формъ.

Апокалипсисъ Пискатора.

(Безъ №). Иное въ компо-
зиціи болѣе сходно съ
Прок., а иное съ Писк.
Такъ напр. Саваово—
въ $\frac{3}{4}$, какъ у Прок.; вид-
ны обѣ его руки, какъ у
Прок.; но фигура лежа-
щаго на полу человѣка,
пораженного ангела, по
позѣ и подробностямъ
тожественна съ такою
же фігурою у Писк., а
именно она лежитъ голо-
вой въ поле, ногами къ
рамкѣ, при этомъ одною
приподнятую ногою она
стремится оттолкнуть
ангела, какъ у Писк.
Замѣчательно, что вѣ
ангела держутъ мечи
одной рукой. Всѣ костю-
мы — иконописные. Въ
текстѣ есть разницы
редакціи съ Прок., на-
примѣръ: «жертвеника
златаго» у Прок., «ол-
тара златаго» у Корена;
«ангелу иже имаше тру-
бу» у Прок. «ангелу
имѣющу трубу» у Кор.;
«на рѣвѣ» у Прок.,
«на рѣцѣ» у Кор.; «да
убийть» у Прок., «да

Анекдотъ Иропоній. Аnekдотъ Корсак. Аnekдотъ Наскатора.

избѣгътъ у Кор., «число воинства конного двѣ тиѣ теть» у Иропон.; «число воиновъ ковыльныхъ двоюною тиа тиамъ» у Кор., въ т. д. Сверхъ того, текстъ у Кор. простираєтъ.

14. «И видѣхъ иного ангела хрупка». Композиція имѣть многое сходство съ такою же у Писка, но есть также и различія. Такъ наприм. расположение кораблей на морѣ совершенно иное: впереди маленькихъ, вдали большой; у Писка, наоборотъ. Сверхъ того у этого посайданого еще два судна вдали на горизонтѣ. Пейзажъ позади Иоанна Богослова совершиенно различный въ обѣихъ картинахъ: у Прок., онъ иконописного стиля, и привалены, сверхъ того, групами людей, между которыми видна баба съ ведрами.

15. «И даденія тростъ». Сочиненіе совершиенно отличное и оть Писка, и оть Корсака: «Зѣбръ» совершение вновь формы; у него на головѣ корона, на шеѣ орари, изъѣзъ широко выстуپнутъ. Передъ ними пророки Енохъ и Илія въ мѣховыхъ одѣждахъ; вдали лежать они же, побѣжденные «Зѣбремъ». Текстъ внизу очень обширный.

(Безъ №). Композиція въ иной приближается къ картинѣ Писка., напр. напереди большой корабль, и точно такой формы, какъ у Писка., а вдали еще 3 корабля, какъ у него-же, а въ иной заключаетъ совершиенно самостоятельныя подробности, какихъ нетъ ни у Писка., ни у Прок., такъ напр. отвесныя скалы позади Иоанна Богослова, зеленые, ростущая вокругъ него, ит. д. Текстъ иной редакціи и сравненіемъ съ Прок.; такъ наприм. «и егда изѣка» у Прок., «и егда вѣзгласи» у Кор. Формы грамматически также представляютъ разницы.

(Безъ №). Сочиненіе отчасти похоже за картинку Писка., а отчасти за картинку Прокопія. «Зѣбръ» похожъ на «Зѣбръ» Писка мора, безъ короны и орари; онъ пожираетъ лежащихъ на земль пророковъ Еноха и Илію (у Писка. онъ пожираетъ простыхъ людей); два человѣчка бѣгутъ прочь, и два другихъ, посреди картинъ, смотрѣть на явленіе, въ облачахъ, пророковъ Еноха и Иліи —но всѣ kostюмы иные. Вдали разрушающійся городъ, тоже какъ у Писка., но архитектурныя формы тутъ иные.

16. Иное въ композиціи схоже съ Кор., иное съ Прок. Пейзажъ позади Иоанна Богослова очень обширный, и съ далекими горизонтами.

17. Композиція представляетъ лишь отдаленое сходство съ картиной Корсака: группы людей совершиенно иные. Костюмы и архитектура — также.

Апокалипсисъ Прокопія.

Апокалипсисъ Корена.

Апокалипсисъ Пискатора.

Съ другой стороны, въ фонѣ является Иоаннъ Богословъ, извѣряющій храмъ жезломъ, какъ у *Прок.*, но его фигура, поза и архитектура вокругъ — иные. Тесть иной въ сравненіи съ *Прок.*

16. «И узрать отъ людей и колѣнь». «Вѣбрь» по-жираетъ распостер-гыхъ на землѣ проро-ковъ Еноха и Илію, какъ въ предыдущей картины *Корена*, но рисунокъ въ формѣ совершенно иный. Дѣй-ствіе происходитъ на большой площади съ бо-гатой архитектурой въ стилѣ госос; толпы му-щичъ и женщинъ пля-шутъ, другіе угощаются у накрытыхъ столо-въ. Изъ несколькиkh трубъ надъ домами вдѣль дымъ. На право, два человѣка въ чалмахъ и короткомъ платѣ встрѣчаются, съ кубка-ми въ рукахъ.

— Всвѣе вѣть.

— Всвѣе вѣть.

17. «И по трехъ днѣахъ и по-дни, духъ животныи...»

Пророки Енохъ и Илія въ облакахъ, стоять на колѣнахъ передъ пе-беснѣмъ сіяніемъ, и внизу по землѣ блѣгутъ два человѣка прочь, какъ у *Кор.* въ № 15, и у *Писк.* въ № 17; все осталъное — новое сочи-неніе; на землѣ, пане-реди, валиются части разрушившися зданій.

— Всвѣе иѣть.

— Всвѣе иѣть.

18. «И седьмый ангель воструби». Въ лѣвомъ верхнемъ углу Саваоеъ, благословляющій, поза-ди престола; посреди картины, вверху, на об-

— Всвѣе иѣть.

— Всвѣе вѣть.

Анекдотиць Прокопій. *Анекдотиць Корсак.* *Анекдотиць Нескатора.*

якъ, трубящій ангель.
На расположенный вен-
зу городъ нисходить
«трусы и градъ велики».

19. «И знамение велие яви-
са на небеси». Компо-
зиція довольно схожая
съ композиціей у *Писк.*,
но и съ значительными
различиями: «Жена»
окружена двойнымиъ сіа-
ніемъ изъ языковъ пла-
меніи, въ позади ея спи-
ни—крылья; группа че-
тырехъ ангеловъ направ-
лено вверху на облакѣ,
иначе расположена. Головы «Змѣя» расположе-
ны въ три ряда: 4 головы
въ заднемъ ряду, 2 впе-
реди, седьмая вклони-
лась впередъ. «Жена»
стоитъ ногами на мѣся-
це, какъ у *Пискатора*.
Роговъ на «Змѣя» не
10, какъ по тексту слѣ-
дуєть, а 12. Подъ «Змѣ-
емъ» круглая земля.

(Безъ №). Композиція, бо-
гѣе походящая на тако-
ую же у *Писк.*: вокругъ
«Жены» одно сіаніе, а
не два, и крылья у
ней за спиной вѣтъ. Но
ангеловъ на облакахъ
не четыре (какъ у *Писк.*,
и *Прок.*), а три, и всѣ
три съ мечами; съ конъ-
цомъ вѣтъ не одного.
Шесть головъ «Змѣя»
всѣ вріадъ, одна седь-
мая вклонилась впе-
редь. «Жена» не стоитъ
на мѣсяцѣ, а онъ распо-
ложенъ вже ея ногъ.
Подъ «Змѣемъ» земля
не круглая. Замѣча-
тельно, что всѣ три
ангела держутъ мечъ
въ лѣвой руцѣ, какъ
у № 18. Текстъ тоже-
ственний съ текстомъ
Прокопія, кромѣ грам-
матическихъ формъ.

20. «И видѣхъ зѣра ис-
ходящаго изъ моря». Композиція, схожая съ
такою-же у *Пискатора*,
но группа людей и ихъ
костюмы совершенно
иные.

20. Композиція, схожая
съ такою-же у *Прок.* и
Писк., но группа людей
и костюмы иные, чѣмъ
у того и у другого. Но
у *Кор.* со скамы свѣши-
ваются къ морю вѣтви
дерева, чѣд есть и у
Писк., но вѣтъ у *Прок.*
Текстъ тожественный
съ текстомъ у *Прок.*,
кромѣ мелкихъ грамма-
тическихъ разницъ.

21. «И видѣхъ и се агнецъ
стояше на горѣ». Сочин-
еніе, не имѣющее никако-
го сходства съ такими-
ми-же у *Писк.* и *Кореня*.
«Агнецъ», очень значи-
тельный (по картинѣ)
размѣровъ, стоитъ по-
серединѣ вверху; надъ

21—22. Два эти №№ стоя-
ть на одной и той-же
картины, имѣющей
много сходства съ ком-
позиціей у *Пискатора*,
но есть также и различія.
А именно: у *Кор.*
агнецъ представленъ
въ профиль и со знаме-

18. Композиція искожа
частю на таковую-же
у *Прокопія*, частю у
Кореня, а въкоторыхъ
подробности соверше-
но особенные. Къ числу
послѣднихъ относится
остріе, въ видѣ клюва,
на концѣ носа на двухъ
головахъ «Змѣя». Подъ
«Змѣемъ» не обозна-
чена форма земли.

19. Композиція, схожая
съ такою-же у *Прок.* и
Кореня, но группа лю-
дей и ихъ костюмы со-
вершенно отличны и отъ
того, и отъ другаго.

20. Композиція, схожая
съ картинкой №№ 21—
22 у *Кор.* и отчасти
съ № 22 у *Прок.* Много
также и различій.

Анекдотиць Прокопія.

нимъ сіянієвъ азъковъ пламені въ два ряди; подъ нимъ площадка треугольной формы, ее окружаютъ безчисленныя толки народа. Кругомъ Іоанна Богослова, распростертаго на землѣ и готовящагося писать, долина съ зеленью, безъ всякихъ построекъ.

22. «И видѣхъ и на ангела парящаго посредъ небес». Композиція имѣетъ значительное сходство съ такою же въ правой сторонѣ № 20 у Писк. Но фигура Іоанна Богослова совершенно иная; фигуры трехъ летающихъ ангеловъ расположены въ иномъ порядке; позади Іоанна — горы и т. д.

23. «И видѣхъ и се облакъ съзѣтель.. Композиція, очень близкая къ такой же у Писк., только сіяніе около Саваофа иной совершенно формъ и ангель иконописные (какъ, впрочемъ и вездѣ); ангель вдали, у винограда, держитъ серпъ правою рукою (у Писк. лѣво), у его ногъ иѣть ничего на землѣ.

Нѣть.

Анекдотиць Кореня. Анекдотиць Искатера.

немъ, кругомъ него два сіянія; у Писк. агнецъ въ ракурсѣ безъ знамени и безъ сіяній; у Кореня, поклоняющіеся агнцу все старцы; группы старцевъ съ арфами, на облакахъ, и летящіе три ангела совершенно иные, чѣмъ у Писката. Текстъ тожественный съ текстомъ у Прок., но съ небольшими измѣненіями, наприм. «А може аще ідеть» — у Прокопія, «а може ідеть» — у Кореня. У послѣднаго напечатаны вмѣстѣ тексты однакоже съ текстомъ обѣихъ картинокъ Прок., №№ 21 и 22.

Нѣть вонсе.

21. Композиція, очень сходная съ такою же у Прок., но съ нѣкоторыми отличіями: летящій наверху ангель дотрогивается рукою до серпа въ руцѣ у Саваофа; у ногъ ангела, приближающагося къ винограднику, вдали стоять корзинки — тѣго нѣть въ картинкѣ у Прок.

(Безъ №). «Оружіе сѣдащаго на конѣ». Композиція этой картинки имѣть значительное сходство съ композиціей двухъ картинъ Писката, №№ 25 и 26, составленныхъ вмѣстѣ, но со многими отличіями; наприм. у Кореня кони всадниковъ въ сбруѣ, а у всадниковъ коны со значками; костюмы всѣ

25. 26. Две картинки, по сочиненію значительно схожія съ картинкой Кореня.

Апокалипсисъ Прокопій. Апокалипсисъ Кореній. Апокалипсисъ Іллакторъ.

иконописные; ангели съ
вѣнцами около головы;
ноги. «Змії» человѣче-
сکіи, тогда какъ у Пи-
скатора. завернены, и т. д.

—Шаръ земной, на кото-
ромъ сверху сидить ді-
вогъ, съ рогами и крыль-
ями, расширилъ ноги.
Онъ на длинныхъ цѣ-
нахъ держитъ человѣ-
ческія фигуры, изобра-
жающи смертній
грѣхъ. Въ хвостѣ
верхнемъ узлу има Іего-
вы, написанное еврей-
скими буквами, въ синий
изъ плавмешныхъ лзы-
ковъ. Внизу текстъ въ
два столбца, на право
5 строкъ, на право 4.
Подпись: «Прокопій
діаконъ».

Нѣть вовсе.

Нѣть вовсе.

Подъ картинкой награви-
рованъ, въ два столбца,
текстъ:
«Да прійдетъ знесес-
нимъ налацоў отъ отца
свѣтлости, зе внутр
от души і зверху отъ
ласки, а не отъ пры-
рожені, царствъ: Справ-
едливости покою и ве-
селя духа сті твоє: Не-
тогъ свѣта отъ блудного
и не того тѣла смертель-
ного, не бѣса который
насъ, ошукываетъ, але
твоє Владичое бес утри-
ченія, скончайное бесза-
мешанія, безечное без
утраты».)

) По всей вѣроятности, эта картина, находящаяся въ концѣ экземпляра Императорской Публичной Библиотеки, вовсе не принадлежитъ къ «Апокалип-
сису», а принадлена къ настоящей тетрадкѣ только какъ произведение того же
самаго Прокопія, который исполнявъ предыдущій 23 картины. По крайней мѣре,
ни содержаніе, ни текстъ этой картины не заимствованы изъ «Апокалипсиса». Точно такіе, я считаю вовсе не принадлежащіе къ «Апокалипсису», а принад-
лежащіе случайно къ нему, ту картинку, работы Прокопія же, которая находится
въ концѣ экземпляра г. Ровинского (т. III, стр. 277). Ни содержаніе, ни текстъ
и вовсе не имѣютъ ничего общаго съ «Апокалипсисомъ». Языкъ текста, какъ
и въ предыдущей картинкѣ, вовсе не церковно-славянскій, а болгарскій.

Крайне подробное сравнение трехъ обширныхъ изданий: „Библія Илія”, и двухъ „Апокалипсисовъ”, Прокопія и Корена, съ „Библіей” Пискатора, было необходимо: только такое сравнение даетъ возможность установить точное происхождение и истинное значение этихъ важныхъ памятниковъ русской иллюстраціи и гравированія XVII вѣка. Главный результатъ, полученный при этомъ, состоить въ томъ, что композиціи во всѣхъ трехъ изданіяхъ — происхожденія не русскаго, а иностраннаго. Эти композиціи представляютъ, во многихъ случаяхъ, близкое сходство съ композиціями, находящимися въ „Библіи” Пискатора, но никакъ нельзя сказать, чтобы они были прямо и непосредственно скопированы съ Пискатора. Очень много такихъ композицій, которыхъ находится въ русскихъ издаваніяхъ, но которыхъ вовсе нѣтъ у Пискатора, а между тѣмъ нельзя предположить, чтобы мы судили по какимъ-нибудь неполнымъ изданіямъ Пискатора, такъ какъ находившіяся у меня въ рукахъ изданія 1650 и 1674 года буквально тождественны, листъ въ листъ, и притомъ нумерациія, награвированная на листахъ Пискатора, не оставляетъ никакого сомнія въ томъ, что мы имѣемъ передъ глазами экземпляры полные, безъ малѣйшихъ пробѣловъ. Въ „Библіи” Иліи мы насчитываемъ около 40 картинокъ, которыхъ вовсе нѣтъ въ „Библіи” Пискатора. Въ „Апокалипсисѣ” Прокопія количество такихъ совершенно особенныхъ, въ сравненіи съ Пискаторомъ, картинокъ менѣе, но все-таки ихъ есть нѣсколько, и очень характерныхъ. Въ „Апокалипсисѣ” Корена нѣтъ такихъ картинокъ, которыхъ вовсе не было бы у Пискатора, но при извѣстномъ сходствѣ композицій, отличія до того существенны, что придаютъ совершенно самостоятельный характеръ этимъ композиціямъ. Между тѣмъ, тѣ картинки, которыхъ являются сверхъ комплекта въ нашихъ изданіяхъ, не могутъ быть сочтены новыми композиціями, сдѣланными Ильей и Прокопіемъ, и лишь прибавленными къ картинкамъ Пискатора: въ нихъ мы не находимъ ни самостоятельного сочиненія, ни самостоятельныхъ подробностей; они составляютъ буквальное продолженіе остальныхъ композицій, тѣсно связанные съ ними по стилю и по всѣмъ подробностямъ. Вследствіе этого необходимо признать, что наши три изданія копированы не непосредственно съ Пискатора, а съ другихъ неизвѣстныхъ намъ до сихъ поръ изданій, однородныхъ съ Пискаторовыми. Это послѣднее можетъ намъ служить лишь по-лезнымъ сравненіемъ и наведеніемъ, впередъ до открытия настоящихъ коренныхъ оригиналовъ, служившихъ образцами для нашихъ копий или передѣлокъ.

„Библия“. Пискатора есть . издание голландское. Много ли есть вѣроятія, чтобы голландская книга могла попасть въ Киевъ изъ срединъ или даже въ концъ XVII вѣка? Никакія историческія данныя не дѣлаютъ это вѣроятнымъ. Такой фактъ очень возможенъ для Москвы, и притомъ со временемъ путешествій Петра I и выросшей вдругъ у него страсти ко всему голландскому. Но никакія подобныя вліянія не дѣйствовали во второй, а тѣмъ болѣе въ первой половинѣ XVII вѣка въ Киевѣ, у тамошнихъ монаховъ и священниковъ, состоявшихъ подъ совершенно иными вліяніями. Уже а рготі гораздо вѣроятнѣе предположить, въ эту эпоху, въ Киевѣ, вліянія нѣмецкія, и, еще болѣе польскія. Киевскіе рисовальщики и граверы частью происходили изъ Галиціи, частью же постоянно были въ ближайшей связи съ Галиціей, и всего скорѣе, поэтому, должны были идти передъ глазами изданія польскія (краковскія и іные). Вспомнимъ, притомъ, что на заглавіи „Библія“ Пискатора стоять слѣдующія слова: „Opus praestantissimorum hujus ac superioris seculi pictorum atque sculptorum, summo studio conquisitum et in lucem editum per Nicolaum Iohannis Piscatorem“. Значить, композиціи этой „Библіи“ не могутъ почитаться прямымъ созданіемъ тѣхъ голландскихъ рисовальщиковъ, имена которыхъ стоятъ на каждой страницѣ: нѣтъ, тутъ у насъ на лицо сочиненія не мѣ однихъ, но также живописцевъ и рисовальщиковъ „предыдущаго“, то-есть, XVI вѣка. По всей вѣроятности, тутъ надо разумѣть не однихъ Голландцевъ XVI вѣка, но и художниковъ другихъ національностей, всего болѣе Нѣмцевъ, которыхъ школа и созданія были такъ знамениты, такъ широко распространены и такъ влиятельны въ XVI вѣкѣ. Пискаторъ (то-есть, латинизированный Фишеръ) является, со своими голландскими рисовальщиками и граверами, лишь компилаторомъ, популяризаторомъ композицій, уже и раньше того знаменитыхъ, распространенныхъ и любимыхъ. Чтѣ мудренаго въ складахъ его изданий стоятъ изданіями такихъ-то и такихъ-то нашихъ кіевскихъ монаховъ, когда они могли черпать изъ тѣхъ же источниковъ, какъ и художники Пискатора, или по крайней мѣрѣ, изъ изданий такихъ нѣмецкихъ и польскихъ художниковъ, которые наравнѣ съ Голландцами Пискатора черпали изъ этихъ первоначальныхъ источниковъ.

„Первоначальными“ источниками я безусловно считаю, въ настоящемъ случаѣ, источники—нѣмецкіе. Всѣ главные, самые характерные мотивы, напримѣръ, „Апокалипсиса“, я встрѣчу уже въ иллюстрированныхъ нѣмецкихъ „Новыхъ Завѣтахъ“ начала XVI вѣка, зада-

вавшихъ потомъ тонъ изданіямъ и польскимъ, и чешскимъ, и голландскимъ, и т. д. Такъ напримѣръ, такіе наиважайшіе и оригинальнѣйшіе мотивы какъ Саваоѳъ, стоящій въ раду семи свѣтильниковъ, держащій въ поднятой рукѣ семь звѣздъ, и испускающей изъ устья мечъ, или „Четыре всадника“, или „Пруза“, поднявшіеся въ столбъ дыма, или Ангелъ, у которого „лицо ако солнце и нозъ яко столпъ огненній“—всѣ эти мотивы существуютъ, вполнѣ выдѣланные и ставшіе какъ бы твердымъ канономъ, уже въ знаменитой Виттенбергской Библіи 1522, но кромѣ того, во множествѣ другихъ библій, какъ послѣдовавшихъ за нею, такъ и предшествовавшихъ ей.

Но, кромѣ этихъ общихъ соображеній, есть еще и частные доводы въ пользу того, что рисунки указанныхъ выше изданій копированы не съ голландскихъ, а съ нѣмецкихъ, или еще скорѣе, польскихъ образцовъ. Многія изъ крупнѣйшихъ особенностей, имену отмѣченныхъ при подробномъ сравненіи, и не находящихъся у Пискатора, оказываются именно въ изданіяхъ нѣмецкихъ и польскихъ. Таковы, напримѣръ, въ „Апокалипсисѣ“, въ картинкѣ: „Четыре всадника“ (№ 3 у Прокопія и Кореня)—коса въ рукахъ у Смерти; въ картинкѣ: Про-

№ 1.

роки Енохъ и Илія передъ Звѣремъ“ (№ 15 у Прокопія)—изображеніе Звѣря четверопогонъ чудовищемъ, съ крокодиловою пастью, трех-

вѣнцовою тіарою на головѣ и съ диппымъ орапемъ на шеѣ¹⁾); въ картинкѣ „Жена“ и предъ нею Змій (№ 19 у Прокопія и Кореня)—изображеніе „Жены“ съ крыльями за спиной, и т. д.—это все такія части и подробности, которыхъ нѣтъ у Пискатора, но которыхъ мы находимъ въ нѣмецкихъ и польскихъ „Апокалипсисахъ“, даже на цѣлое столѣтіе предшествовавшихъ Пискатору, напр., въ Франкфуртской Біблії 1565 года (гдѣ вся картинки работы знаменитаго Виргilia Солиса, во мнѣ самостоятельны, а воспроизводятъ нѣмецкіе оригиналы, гораздо болѣе старые), въ Краковской бібліи 1561 года (впервые напечатанной польской бібліи) и т. д. Безъ сомнѣнія, будь

№ 2.

у насъ теперь подъ руками собраніе иллюстрированныхъ польскихъ біблій изъ начала и середины XVII вѣка, сходства съ пими нашихъ изданій и отличія этихъ послѣднихъ отъ Пискаторовой Бібліи были бы еще явственнѣе и несомнѣннѣе. Такую работу сличенія долженъ прорѣзести знатокъ гравюры въ Краковѣ или Львовѣ. Обратимъ при томъ же вниманіе на то, что во всякомъ случаѣ было гораздо болѣе вѣроятности въ томъ, чтобы граверы на деревѣ (каковы были Ілія, Прокопій, Василій Корень) копировали съ гравюръ, дѣланыхъ тоже на деревѣ, каковы гравюры въ нѣмецкихъ и польскихъ Бібліяхъ и Апокалипсисахъ, сильно распространенныхъ въ XVI и XVII вѣкахъ,

¹⁾ «Змій» въ папской тіарѣ и съ орапемъ на шеѣ (ношъ № 1-й) можетъ, кажется, несомнѣнно считаться сатирой Лютеранъ на Папу; въ Краковской бібліи 1561 года эта самая фигура (нашъ № 2-й) имѣть уже верхушку тіары срѣзанную, конечно, для того, чтобы меныше замѣтия была, для католиковъ, тіара, скопированная изъ лютеранской бібліи.

на нашей западной окраинѣ; чѣмъ съ голландскими гравюрами у насъ неизвѣстныхъ до конца XVII и начала XVIII вѣка, да и добавокъ рѣзанныхъ на мѣди, представлявшихъ совершенно иную технику и совершенно особенные трудности для воспроизведенія.

Если же сверхъ того, обратить вниманіе на одну даже (только) хронологическую сторону дѣла, то какая представляется намъ надобность притагивать къ сравненію Библию Пискатора, колѣ скоро она появилась въ свѣтѣ въ 1650 году, а у насъ въ Киевѣ уже за цѣлихъ 25 лѣтъ до того появились, въ религіозныхъ книгахъ разнаго найменования, гравюры на деревѣ съ явными доказательствами сильнаго нѣмецкаго или польского вліянія въ иллюстрируемыхъ ими сюжетахъ? Просматривая такія изданія, какъ „Бесѣды Іоанна Златоустаго“, изданныя въ Киевѣ въ 1624 году, или „Тріодь“, изданную тамъ же въ 1631 году, большой „Апостолъ“, изданный во Львовѣ въ 1639 году, вездѣ находишь, среди коренныхъ изображеній иконоческаго стиля и склада, множество подробностей иноzemныхъ, всего болѣе въ костюмѣ и архитектурѣ. Такъ напримѣръ, въ „Бесѣдахъ“, въ картинѣ „Побіеніе св. Стефана“ на стр. 169, Савль представляетъ въ нѣмецкомъ или польскомъ духовномъ костюмѣ въ длинной юбкѣ, съ плоскимъ беретомъ на головѣ; въ „Тріодѣ“ не разъ можно встрѣтить зданіе въ готическомъ стилѣ, женщины и мужчины совершенно въ мѣдко-польской вышнѣстности, мужчинъ въ неизвѣстныхъ у насъ шапкахъ, каftанахъ и башмакахъ, женщины въ расточиреныхъ юбкахъ съ фрезами, вѣрами, прическами рококо, широкими висичками-румажами и т. д. (см. въ особенности „Исторію Іосифа“ въ 4-хъ отдѣленіяхъ). Замѣтимъ при этомъ, что именно въ этой „Тріодѣ“ впервые появляются все тѣ картины „Нового Завѣта“, которыхъ были потомъ много разъ повторены во множествѣ кievскихъ позднѣйшихъ изданій и отпечатаны отдельными листками, значитъ были сильно распространены, а теперь составляютъ одно цѣлое съ „Библіей Ілії“ въ трехъ единственныхъ, уцѣлѣвшихъ до сихъ поръ экземплярахъ. Эти раннія кievскія изданія, первой половины XVII вѣка, со своимъ во многихъ отношеніяхъ сильно выскакывавшимъ нѣмецко-польскимъ обликомъ, прямо указываютъ намъ, где надо искать первообразовъ позднѣихъ изданій нашего XVII вѣка, помимо Библии Пискатора, намъ въ то время еще совершенно чуждой.

Вторымъ вопросомъ, послѣ вопроса о происхожденіи, является вопросъ о томъ, какъ наши художники XVII вѣка, кievские и московские, пользовались иностраннымъ своимъ материаломъ? Воспроизводили

онъ, его буквально, или, нѣтъ? Это такой вопросъ, на который съ точностью нельзя еще отвѣтить въ настоящее время. У насъ, для сравненія, подъ руками, покуда только „Библія Пискатора“, открытая г. Ровинскимъ. Это, какъ я уже указывалъ выше, материалъ очень важный, за: который намъ нельзѧ не быть благодарнымъ г. Ровинскому, но дадено еще не удовлетворительный и не окончательный, далеко не непосредственный оригиналъ нашихъ кіевскихъ и московскихъ воспроизведеній. Разница между голландской Библіей и нашими копіями и подражаніями — очень много; но мы не смѣемъ считать ихъ произвольными „отступлѣніями“ и перемѣнами нашихъ рисовальщиковъ и граверовъ (каковы Илья, Прокопій, Корень и другие, известные большою частью только по монограммамъ), коль скоро легко можетъ оказаться, что эти измѣненія и разницы уже существовали въ тѣхъ нѣмецко-польскихъ оригиналахъ, которыхъ мы пока не знаемъ, но которые, казѣрное, существовали, и которые требуется еще открыть. Еслибы мы должны были вѣрить тому, что Пискаторова „Библія“ действительно служила образцомъ для нашихъ копистовъ, мы должны были бы признать, что наши художники относились къ своему оригиналу, очень свободно, и не боялись дѣлать, въ своихъ воспроизведеніяхъ, очень значительныя измѣненія, по личному усмотрѣнію и вкусу. Никакъ нельзѧ было бы сказать при этомъ, вѣдь съ г. Ровинскимъ, что наши рисовальщики и граверы измѣнили то, что было имъ въ оригиналѣ слишкомъ трудно, не подъ силу: нѣтъ, изъ приведенного выше подробного сличенія видно, что многія „измѣненія“ у нашихъ художниковъ гораздо сложнѣе, многодѣльнѣе, затруднительнѣе для выполненія, чѣмъ тѣ картинки, которыхъ находятся въ „Библіи“ у Пискатора. Нерѣдко въ данной картинѣ Иліи, Прокопія или Корена гораздо болѣе орнаментовъ, пейзажа, человѣческихъ личностей, вообще всяческихъ подробностей, чѣмъ у Пискатора; нерѣдко два сюжета, заключенные у Пискатора въ одной картинѣ, являются у Иліи или Прокопія разложенными на двѣ, которыхъ, значитъ, требуютъ болѣе подробностей, обстановки, деталей, всяческой вообще работы сочиненія, нарисованія и награвированія. Какое же во всемъ тутъ облегченіе? Напротивъ, здѣсь только прибавляется трудности, хлопотъ и труда. Съ другой стороны, еслибы сличать наши изданія прямо съ Пискаторовою „Библіей“, надо было бы сказать, что иные наши художники XVII вѣка, даромъ что были монахи или іерей, любили прибавлять въ своихъ картинкахъ подробности сладострастнаго свойства, такъ напримѣръ, въ иныхъ картинкахъ Иліи, въ

его „Библія“, какъ напримѣръ, въ сценѣ Лота съ дочерьми, или въ изображеніи Ревекки съ другими женщинами у колодца, есть такія подробности, особенной симпатіи, въ женской плоти, которыя выражены тутъ гораздо рѣзче, чѣмъ въ „Библіи“ Пискатора. Но мы не смѣемъ прямо приписывать такія особенности вкусу самихъ нашихъ художниковъ, коль скоро точно эти самыя подробности, быть можетъ, уже существовали въ тѣхъ образцахъ, съ которыхъ рисовали и гравировали наши художники.

Одно только мнѣ кажется несомнѣннымъ уже и теперь: это—то, что иконописный стиль играть въ нашихъ картинкахъ Московской школы гораздо большую роль, чѣмъ въ картинкахъ Кіевской школы. Западное влияніе и стиль рококо XVII вѣка въ съ разъ чувствительнѣе въ кіевскихъ гравюрахъ, чѣмъ въ московскихъ. Конечно, мы и въ кіевскихъ не рѣдко встрѣчаемъ ангеловъ, пророковъ, святыхъ и т. д. въ костюмахъ иконописного пошиба, и лица изъ народа—въ костюмѣ специально русскомъ, какъ это писалось и на нашихъ образахъ; такъ напримѣръ, въ „Библіи“ Илії, ангель, являющійся Валааму, не заключаетъ ничего въ стилѣ рококо (подобно стилю большинства другихъ картинокъ): онъ въ костюмѣ чисто иконописного стиля; въ картинкѣ „Валаамъ благословляетъ народъ“ костюмъ царя чисто иконописный; въ „Бесѣдахъ“ 1624 года толпа народа (римлянъ или иныхъ народностей) почти всегда выражена посредствомъ людей, одѣтыхъ въ русскій костюмъ, въ кафтанахъ, однорядкахъ и ферязахъ, съ аграмантами и петлицами, въ русскихъ шапкахъ, сапогахъ и проч. (напримѣръ, картинки къ тексту: „Въ Рымъ придохомъ...“ и „Казнь о утаеніи пѣнизовъ“). Но иконописный стиль и русскія подробности костюма еще сильнѣе чувствуются въ „Библіи“ и „Апокалипсисѣ“ Кореня, въ „Прятчѣ о богатомъ и убогомъ Лазарѣ“, въ „Прятчѣ о дѣвицѣ, умршей въ блудномъ грѣхѣ безъ покаянія“, въ „Трапезѣ благочестивыхъ и нечестивыхъ“, въ „Исторіи Іосифа“, въ „Ізбіеніи младенцевъ“ (Атласъ г. Ровинского, №№ 686, 701, 757, 829, 851). Здѣсь и костюмъ, и архитектура, вообще всѣ подробности обстановки на каждомъ шагу либо иконописны, либо вполнѣ народныя, русскія. Иностранная композиція остается лишь первоначальною канвой, масса подробностей иконописныхъ или народныхъ со всѣхъ сторонъ закрываетъ эту канву, какъ бы своими характерными вышивками, и придаетъ ей колоритъ очень далекій отъ иностраннаго.

И такой характерный обликъ сохраняется у произведений Московской части сссхи, отд. 2.

ской школы не только въ XVII столѣтіи, но также почти и во все продолженіе XVIII столѣтія.

Теперь будемъ умѣстно представить соображенія касательно характера, отличительной физиономіи и особенностей нашихъ народныхъ картинокъ изъ школы Московской и Киевской, въ теченіе XVII и частью XVIII вѣка, какъ эти качества выразились въ главныхъ ихъ произведеніяхъ—гравюрахъ на деревѣ. Гравюра на металлахъ, въ теченіе этого періода, далеко не имѣла, въ этихъ двухъ школахъ, того же характернаго и своеобразнаго значенія, какъ о томъ будетъ говорено ниже.

Благодаря Атласу г. Ровинскаго и указаніямъ, разсѣяннымъ въ текстѣ его сочиненія, мы можемъ восстановить теперь очень полный списокъ всѣхъ важнѣйшихъ гравированныхъ на деревѣ народныхъ картинокъ Московской школы отдельными листами. Первую и главную роль играютъ здѣсь тѣ полторы дюжины картинокъ, которыхъ академикъ Штелинъ купилъ въ 1766 году въ Москвѣ, подъ Спасскими воротами, и которыхъ изъ его собранія перешли къ Погодину, а отъ него въ Императорскую публичную библіотеку. Это все композиціи очень важныя и интересныя, и большинство картинокъ раскрашено.

Они были слѣдующія:

- 1) Баба-Яга съ крокодиломъ (атласъ, томъ I, № 87).
- 2) Пирушка (I, № 96).
- 3) Знай себя, указывай въ своемъ домѣ (I, № 97).
- 4) Близница (I, № 120).
- 5) Двѣ молѣчи на одного молодца (I, № 134).
- 6) Мыши кота прогребаются (I, № 167).
- 7) Тарасъ плѣшавый (I, № 787).
- 8) Ерема, Фома и Парамошка (I, № 188).
- 9) Савоска и Парамошка (I, № 192).
- 10) Мелузина (I, № 250).
- 11) Побоище Александра Македонскаго (томъ II, № 294).
- 12) Притча о Лазарѣ (томъ III, № 686).
- 13) Притча о дѣвицѣ, умершей въ блудномъ грѣхѣ бѣть показанія (III, № 701).
- 14) Трапеза благочестивыхъ и нечестивыхъ (III, № 757).
- 15) Исторія Іосифа (= III, № 829).

Всѣдѣль за этими картинками идутъ тѣ, которыхъ, въ отличныхъ, но не раскрашенныхъ, и такъ сказать, не полныхъ, экземплярахъ, были изготовлены нарочно по заказу статьи-секретаря Екатерины II Олсуфьевы, а теперь принадлежать князю Бѣлосельскому.

- 1) Бой Ильи Муромца съ Соловьевъ-Разбойникомъ (томъ I, № 2).
- 2) Соловей-Разбойникъ (I, № 5).
- 3) Богатырь Алёша-Поповичъ (I, № 7).
- 4) Богатырь Усмань-Горынычъ (I, № 8).
- 5) Буслай Буслевичъ (I, № 9).
- 6) Ерусланъ Лазаревичъ (I, № 14).
- 7) Бова-Королевичъ и королевна Дружиневна (I, №№ 19—26).
- 8) Король Гвидонъ (I, № 27).
- 9) Царь Салтанъ Салтаничъ (I, №№ 28—29).
- 10) Баба-Яга съ крокодиломъ (I, № 38).
- 11) Баба-Яга пляшетъ со старикомъ (I, № 39).
- 12) Богатырь Усмань Горынычъ (I, № 49).
- 13) Рыцарь Евдовъ и прекрасная Верса (I, №№ 50, 51, 52; 53).
- 14) Рыцарь Ипполитъ (I, № 54).
- 15) Музыка (I, № 100).
- 16) Пляска (I, № 101).
- 17) Плясунъ и скоморохъ (I, № 102).
- 18) Разговоръ Фараоса и Пигасы съ цѣловальникомъ Ермакомъ (I, № 112).
- 19) О въянице, пропившемся на кружалѣ (I, № 115).
- 20) Отдай мій ведра (I, № 123).
- 21) Угощеніе яблоками (I, № 125).
- 22) Любовное предложеніе (I, № 127).
- 23) Любовная компания (I, № 128).
- 24) Старикъ на колѣнахъ у молодой (I, № 131).
- 25) Мужикъ лапти плететь (I, № 148).
- 26) Баба нитки прядеть (I, № 149).
- 27) Рожденіе татенки (I, № 157).
- 28) Мыши кота погребають (I, №№ 166 и 168).
- 29) Котъ (I, № 172 и 172 а).
- 30) Медвѣдь съ козою промлажаются (I, № 177).
- 31) Тарасъ пѣвшій (I, № 187).
- 32) Ерема, ѡома и Парамошка (I, №№ 188 и 189).
- 33) Мужикъ Пашка и братъ его Ерошка (I, № 190).
- 34) Савоска и Парамошка (I, № 191).
- 35) Борцы (I, №№ 199 и 201).
- 36) Драка (I, № 202).
- 37) Воръ на яблонѣ (I, № 203).
- 38) Воръ пришелъ на дворъ (I, № 204).

- 39) Ералашъ (I, № 208).
- 40) Точильщикъ носовъ (I, № 212).
- 41) Вана (I, № 214).
- 42) Старый Нѣмецъ на колесахъ у молодой Нѣмки (I, №№ 217 и 218).

43) Нѣмка верхомъ на старикѣ (I, № 220).

44) Раскольникъ и цирюльникъ (I, № 227).

45) Щипли самъ себя за носъ (I, №№ 248 и 249).

46) Царь Александъ Македонскій (всомъ II, № 295).

47) Поръ царь Индійскій (II, № 296).

Въ собранияхъ Императорской публичной библиотеки находятся:

1) Дѣйнадцать заповѣдей (тому III, № 763).

2) Иабеніе иладенцевъ (III, № 851).

Въ собраніи В. И. Яковлева:

1) Храбрый витязь Францыа (т. I, № 54 а).

2) Походъ Колеандра (тому I, № 54 Б).

3) Фарнось (I, №№ 209 А и В).

4) Охота за зайцами (I, 283).

5) Слонъ (II, 856 а).

Въ собраніи Д. А. Ровинскаго:

1) Антиминсъ 1670 года (III, № 939).

2) Притча о Лазарѣ (IV, № 686 А).

Одинъ уже этотъ списокъ рисуетъ, въ значительной степени, фі-
нансомъ Московской школы. Такого разносоставнаго списка нельзя
было бы составить изъ произведеній Киевской школы.

Гравюры на деревѣ Московской школы представляютъ такое
богатство и разнообразіе содержанія, какого не представляетъ Киев-
ская школа: эта послѣдняя вообще очень однообразна и бѣдна по
своимъ задачамъ, какъ всякая школа, почти исключительно привы-
занная къ сюжетамъ строго-религіознымъ, и притомъ очень часто
иконописнымъ, и это составляетъ первое и существеннѣйшее отличие
народныхъ картинокъ Московской школы отъ такихъ же Киевской.
Второе отличіе состоить въ томъ, что все народныя картинки Москов-
ской школы имѣютъ очень значительный форматъ, какого никогда не
достигали народныя картины Киевской школы. Московскіи картинки
доходили иногда до форматовъ даже громадныхъ, какъ напримѣръ,
„Побоище Александра Македонскаго“ (Атласъ, т. II, № 294). Ни-
чего подобнаго никогда не бывало въ картинахъ Киевской школы:
картинки этой послѣдней, гравированныя на деревѣ, всѣ ма-

яго, иногда очень малого формата, между тѣмъ какъ, малый форматъ вовсе неизвѣстенъ въ картинахъ школы Московской.

Московская школа на столько же разнообразіе Киевской въ своихъ техническихъ приемахъ, на сколько разнообразнѣе и въ сюжетахъ своихъ. Рисунокъ ея картинокъ несравненно смѣлѣй и свободнѣй, не взирая на всю грубость; рисунокъ киевскихъ картинокъ монотоненъ, формаленъ и крайне однообразенъ, принадлежитъ цѣлой школѣ, а не отдельному художнику, не свидѣтельствуетъ о фантазіи и воображеніи. Собственной инициативы у киевскихъ художниковъ почти вовсе нѣтъ: они копируютъ съ образцовъ либо иконописныхъ, или же иностраннѣыхъ. Все новое, собственное является какъ бы запретнымъ плодомъ въ Киевской школѣ. Въ Московской школѣ, напротивъ, самое широкое раздолье формъ новыхъ, собственныхъ, своеобразныхъ. Такія произведения, какъ „Баба-Яга“, „Мышь кота погребаютъ“, „Тарасъ ильшивый“, „Блавицца“, „Пьяница на кружалѣ“ и т. д., совершенно немыслимы въ Киевской школѣ.

Московская школа, не взирая на богатство и разнообразіе сюжетовъ, во многихъ случаяхъ заимствованныхъ съ иностраннѣыхъ образцовъ, отличается замѣчательнымъ единствою физиономіи и приемовъ. Тѣ самыя формы лица, склада тѣла, которыми мы видимъ въ изображеніяхъ духовнаго содержанія, встрѣчаются также и въ картинахъ свѣтскаго содержанія, въ изображеніяхъ сказочныхъ, богатырскихъ, историческихъ или балагурныхъ. Глаза, носъ, голова, волосы, нарисованные въ награвированные московскими художниками; всегда легко отличить отъ такихъ же, нарисованныхъ и награвированныхъ художниками другихъ нашихъ школъ. И это продолжается отъ середины и конца XVII столѣтія сквозь все XVIII столѣтіе. Подробное изученіе народныхъ картинокъ Московской школы, гравированныхъ на деревѣ, показало, что большинство сохранившихся до нашего времени картинокъ этихъ принадлежитъ, относительно времени появленія своего на свѣтъ, второй половинѣ XVIII вѣка: всего болѣе утверждаютъ въ этомъ не только сюжетъ, составъ и расположение картинки, текстъ при неї, но и форма буквъ, и знаки въ бумагѣ. Этотъ послѣдній признакъ—одинъ изъ самыхъ важныхъ и достовѣрныхъ, и мнѣ удалось, еще въ 1858 году, на основаніи бумажныхъ знаковъ, доказать, что оттиски гравиръ „Баба-Яга“ и „Мышь кота погребаютъ“ (экземпляры, принадлежащіе Императорской публичной библиотекѣ) относятся ко второй половинѣ XVIII вѣка, и именно къ царствованію Екатерины II (Отчетъ о второмъ присужденіи наградъ

графа Ульрика, 1858, стр. 62—62). Точно также, разныиъ періодыъ этого же вѣка наѣрное принадлежать, по отпечатанію, и всѣ прочія значительнѣйшия картинки Штелиновскія, или принадлежащиа къ одной категории со Штелиновскими. Но по сочиненію, рисунку и производству гравюры, всѣ эти картинки вполнѣ тождественны съ нашими народными картинками XVII столѣтія. Возьмите, напримѣръ, одного изъ ангеловъ Илии Адама въ „Библіи“ Корена, и сравните ихъ съ Ильей Муромцемъ, Соловьевъ-Разбойникомъ, Ерусланомъ, Гвидономъ, Ефрономъ, Бовою-Королевичемъ, кавалеромъ въ „Близнецѣ“, и въ картинкѣ „Угощеннѣи блоками“, съ конными и пѣшими „grenaderами“ съ музыками Ерошкиами, Пашками и Парамошками, и т. д. и т. д., въ картинкахъ Штелиновской и Олсуфьевской коллекцій, вы вездѣ найдете одинъ и тотъ же обликъ лица, одну и ту же форму головы, глазъ, рта, волосъ, одѣй и тѣ же руки и ноги, корпусъ. Точно также, возьмите Евву съ любой картинки Корена и сравните ее съ королевами Дружневой, Магиленою, Вереей, близнецами, Нѣмкою, осѣдавшей старика, и т. д.; и т. д., въ тѣхъ же картинкахъ Штелиновской и Олсуфьевской коллекцій—и вы во всѣхъ подробностяхъ лица, головы, глазъ, рта, волосъ, тѣла, рукъ, ногъ и т. д. найдете полное тождество. Равница только въ костюмѣ. Точно также, толпа народа, гдѣ она встрѣчается въ „Библіи“ и въ „Апокалипсисѣ“ Корена, имѣть всегда черты наиболѣйшаго сходства съ толпой народа, какъ она изображается въ лубочнѣихъ картинкахъ, отпечатанныхъ въ XVIII вѣкѣ (см. напримѣръ, народъ въ „Притчѣ о Лазарѣ“, и „Исторіи Йосифа“, побѣжденные подъ ногами коней и богатырей: Бово-Королевича, Салтана Салтановича (Атласъ, томъ I, №№ 19, 20, 28, 29 а) и т. д.). Переходя къ подробностямъ вѣнчаній обстановки, мы находимъ, что и архитектура совершенно тождественна въ лубочныхъ картинкахъ XVII и XVIII вѣка: стоять сравнить зданія въ листахъ №№ 15, 20, 26, 28 „Библіи“ Корена съ подобными же зданіями въ фонѣ „Мыши кота погребаютъ“ (№№ 166, 167, 168), въ фонѣ картинки „Ципли самъ себя за носъ“ (№ 248), въ фонѣ „Гренадеровъ“ (№ 275), въ фонѣ богатырей: Бово-Королевича (№№ 21 и 22), Гвидона (№ 27), Петра Златые-Ключи и королевы Магилевы (№№ 31, 32). Растительность, часто наполняющая фони нашихъ московскихъ лубочныхъ картинокъ, также представляетъ замѣчательные образцы тождественности въ произведеніяхъ XVII и XVIII вѣковъ. Такъ напримѣръ, характерная трава, съ островечными загнутыми листочками, цвѣты, одни чашечками, другие пирамидками изъ ша-

раковъ, которые выходятъ на высокомъ стеблѣ изъ средины остро-конечныхъ листьевъ, сильно напоминая собою стиль персидскій, одни чашечками, другіе шариками, сложенными въ видѣ маленькихъ пирамидъ, большія деревья, похожія на листъ, поставленный стоймъ на толстомъ стеблѣ, все это точь въ точь въ томъ же самомъ видѣ и формахъ встрѣчается на всѣхъ характерѣйшихъ изображеніяхъ богатырскихъ, юмористическихъ, религіозныхъ и бытовыхъ, выпущенныхъ въ свѣтъ, въ теченіе XVIII в., изъ московскихъ гравировальныхъ мастерскихъ.

Такого единства въ такой послѣдовательности въ типахъ нельзя было бы указать въ произведеніяхъ Киевской школы. Даже въ тѣхъ изъ числа ихъ, которыя кажутся на первый взглядъ вполнѣ иконо-писными, единство типовъ и формъ далеко не сохраняется, и можно сказать, сколько было рисовальщиковъ и граверовъ, столько было манеръ изображенія. Но это было не разнообразіе самобытныхъ и богатыхъ дарований личностей, а одно лишь разнообразіе неумѣльости и неопытности. Сколько мало было интереса, у кievскихъ мастеровъ, въ самыхъ композиціяхъ, въ большинствѣ случаевъ скопированныхъ съ иконо-писныхъ или нѣмецко-польскихъ образцевъ, столько же мало было интереса и въ тѣхъ формахъ, посредствомъ которыхъ они выражали эти не интересные композиціи. Тутъ являлись постоянно, и въ лицахъ, и въ костюмѣ, и въ архитектурѣ, и въ пейзажной обстановкѣ, либо неподвижныя, вастрыя формы византійскія, изъдѣйшаго, разслабленного и безцвѣтнаго стиля, или же формы рококо, безвкусныя, искривленныя и мало-художественные. Какъ ни грубъ и топоренъ московскій стиль, все въ немъ больше интереса, характерности и самобытности.

Въ двухъ мѣстахъ своей книги^г Г. Ровинскій говорить про сходство русскихъ лубочныхъ картинокъ съ нѣмецкими народными картинками. Одинъ разъ у него сказано: „Такъ какъ картинки Ганса Сакса по замыслу и способу изданія имѣютъ большое сходство съ нашими народными картинками, то“... и т. д. (т. IV, стр. 198). Другой разъ: „По формату и стилю, русскія народныя картинки, рѣзанные на деревѣ, ближе всего подходить къ стариннымъ нѣмецкимъ картинкамъ, изданія Ганса Сакса и др.“ (т. V, стр. 22). Съ первымъ положеніемъ можно, мнѣ кажется, скорѣе согласиться, чѣмъ со вторымъ, особенно если имѣть въ виду по преимуществу картинки Московской школы. Со старыми нѣмецкими картинками (изъ которыхъ многими украшены стихотворенія Ганса Сакса) наши старѣйшія москов-

скій картинки имѣютъ сходство, вонъвыхъ, но „замыслу“, то-есть, по цѣлѣ общей, первоначальной: служить для наставлениія или забавы народа, въ чёмъ, впрочемъ, наши картинки сходятся и со многими другими народными картинками прежнаго времени, напримѣръ, французскими, англійскими, итальянскими и т. д.; вторыхъ, „по способу изданія“, то-есть, потому, что онѣ были гравированы на деревѣ, разносились по городамъ, селамъ и деревнямъ, и принадлежали къ домашнему обиходу низшихъ классовъ, наклеенные на стѣны, двери, сундуки и т. д., чтò опять-таки было въ общемъ употребленіи у всей старой Европы, не одной только Германіи и Россіи. Но я не могу согласиться со вторымъ положеніемъ, именно, что „по формату и стилю“ наши лубочныя картинки ближе всего подходить къ старымъ нѣмецкимъ, времени Ганса Сакса, то-есть, второй половины XVI вѣка. Старыя нѣмецкія народныя картинки отличаются, въ большинствѣ случаевъ, замѣчательною художественностью сочиненія и столько же замѣчательнымъ мастерствомъ выполнения (натурально въ предѣлахъ царствовавшаго тогда стиля), такъ какъ всѣ онѣ почти силою рисованы и гравированы истинными мастерами, играющими известную роль въ исторіи искусства. Про наши картинки ничего подобнаго нельзя сказать. Между ними нетъ такихъ, которые заключали бы нѣчто замѣчательное въ отношеніи художественности композиціи, рисунка или гравировальной техники. Онѣ сочинены и исполнены людьми, не имѣвшими художественнаго таланта и не получившими художественнаго образованія (исключеніе, въ послѣднемъ отношеніи, составляютъ художники, работавшіе по заказу правительства). Все ихъ достоинство и значеніе заключается въ мысли и чувствѣ, диктовавшемъ ихъ. Поэтому-то не можетъ быть никакого сравненія между ними и картинками нѣмецкими вообще, особенно же тѣми, которые послужили въ Германіи для иллюстрированія стихотвореній Ганса Сакса. Притомъ, нельзя не видѣть того, что, независимо отъ талантливости сочиненія и выполнения, въ нѣмецкихъ картинкахъ присутствуетъ складъ общеевропейскій, тогда какъ въ нашихъ (всего болѣе, конечно, въ картинкахъ Московской школы) сильно сказывается элементъ свой, русскій, придающій столь особенную физиономію нашимъ картинкамъ, даже при заимствованіи иногда изъ Европы сюжетѣ, что съ первого же взгляда пельзя ихъ смѣшивать съ нѣмецкими. Другая черта, совершенно иная у насъ, въ сравненіи съ этими послѣдними, это—народный юморъ, присутствующій въ нашихъ лубочныхъ картинкахъ. Онъ совершенно националенъ и свое-

образенъ и "не имѣть" ничего общаго со юморомъ немецкимъ, такъ какъ вытекаетъ изъ совершеннѣйшихъ основъ народнаго духа," — притомъ изъ иныхъ историческихъ обстоятельствъ и событий." Это вопросъ такой важный, что можетъ и долженъ послужить темой для отдельнаго изслѣдованія будущихъ нашихъ историковъ національнаго художества.

Народныя картинки, гравированныя на мѣди, какъ Московской, такъ и Кіевской школы, занимаютъ въ Атласѣ и въ текстѣ г. Ровинскаго огромное мѣсто, но не представляютъ такого глубокаго интереса, какъ картинки, гравированыя на деревѣ. Онъ далеко не такъ національны и не такъ характерны. Можно рѣшительно сказать, что настоящія наши лубочные картинки — это картинки, рѣзаныя на деревѣ. Картины, рѣзанные на мѣди, занимаютъ мѣсто второстепенное. Уже и съ самаго "начала" своего, въ XVII вѣкѣ, онъ далеко во всемъ уступали тѣмъ первымъ, и по духу, и по разнообразію, и по силѣ содержанія, и по народному" характеру, и по важности сюжетовъ, и даже по перспективности работы; въ теченіе же XVIII вѣка онъ все только падали "ниже" и ниже, становились все только безцѣльнѣе и безцѣльнѣе, а главное, все болѣе и болѣе наполнялись элементами чуждыми, европейскими, все болѣе и болѣе нисходили на степень производства фабричнаго, гуртоваго, очень далеко отъ того производства единоличнаго, грубаго, но характернаго, которое проявляется въ гравюрахъ на деревѣ.

Самую важную роль, между гравюрами на мѣди, играютъ тѣ, которые служатъ позднѣйшими "копіями" первоначальныхъ гравюръ на деревѣ. Тутъ, при всемъ упадкѣ тѣхники, при всемъ модернизированіи, при всемъ пропусканіи однихъ мотивовъ, смѣыхъ и шершавыхъ, уже казавшихся болѣе позднему времени непозволительными, при всемъ вставлениіи мотивовъ новыхъ, болѣе "скромныхъ" и "цензурныхъ", старая канва все-таки сильно просвѣчиваетъ и даетъ себя знать. Мы въ этомъ легко убѣждаемся, при сличеніи болѣе новыkhъ переводовъ съ переводами болѣе старинными. Каждый, можно сказать, десятокъ лѣтъ приносилъ новые ограниченія, урѣзки, затушеванія и скрадыванія — въ общемъ задушеніе первоначального склада, мысли и чувства. Такія картинки, какъ напримѣръ, "Мыші хота погребаютъ" (Атласъ, №№ 166—170) или "Страшный судъ" (Атласъ, №№ 1006—1013), много потеряли и сильно обѣднѣли въ позднѣихъ переводахъ, когда мы станемъ сравнивать ихъ со старинными; но не будь теперь на лицо этихъ старинныхъ, мы могли бы быть довольны и

поздними, также и народъ иныхъ все-таки сохранился прежнаго облика и, прежней сущности. Но иначе есть теперь у насъ не мало такихъ картинокъ, отъ которыхъ, упѣхъ одни поздніе, переводы, въ плохихъ гравюрахъ на мѣди, а прежніе прототипы исчезли безвозвратно. Печально, какую важную, дѣйность, подумаютъ художники позднія доши, Все дѣло состоитъ теперь, значитъ, въ томъ, чтобы умѣть различить тѣ гравюры, которые могутъ дать значительные результаты и могутъ способствовать къ возстановленію прежнихъ коренныхъ оригиналовъ съ ихъ содержаніемъ, сюжетомъ, формами и текстомъ. Къ такимъ позднимъ, но важнымъ, картинкамъ, я отношу, напримѣръ, „Повѣсть о Ершѣ Ершовичѣ“, „Шемякинъ судъ“, „Дмитрий Ростовскаго о брадахъ“, „Быть не захотѣлъ быкомъ быть“, „Антихристъ“ (№ 1016) и многихъ другихъ картинки, происходящія отъ раскольниковъ. До сихъ поръ эти картинки скрыты въ общей безразличной массѣ плохихъ лубочныхъ изданій, на первый взглядъ не заключающихъ никакой важности, и ничуть не проявляютъ истиннаго своего значенія и характера.

Другой важный разрядъ нашихъ лубочныхъ картинокъ изъ металла—это работы старинныхъ граверовъ-серебряниковъ конца XVII вѣка. Какъ въ предыдущемъ разрядѣ господствовали картинки историческаго, сатирическаго и забавнаго содержанія, такъ въ настоящемъ разрядѣ господствуютъ картинки духовнаго содержанія. Въ этихъ произведеніяхъ лежитъ корень и основа всѣхъ послѣдующихъ произведеній этой категоріи. Г. Ровинскій былъ, поэтому, вполнѣ правъ, когда обратилъ особенное вниманіе на собираніе и изученіе этихъ первоначальныхъ русскихъ гравюръ на мѣди. Оны всѣ описаны у него въ текстѣ, но всѣ исключены изъ Атласа, такъ какъ г. Ровинскій предполагаетъ издать ихъ въ особомъ атласѣ. Намѣреніе вполнѣ справедливо и заслуживающее всій поощрѣнія. Но до появленія такого атласа, или вообще воспроизведеній нашихъ гравюръ на мѣди XVII вѣка и первого начала XVIII вѣка, не скѣдуетъ, по моему мнѣнію, приниматься за разсмотрѣніе характера и сущности всего контингента нашихъ лубочныхъ картинокъ, гравированныхъ на мѣди. Типы, формы представлений, формы производства, все это получить тогда надлежащее свое объясненіе и прочную исходную точку. Тогда и „Притча о блудномъ сыне“, изданная въ 1685 г., явится въ настоящей исторической своей обстановкѣ, въ настоящемъ своемъ свѣтѣ, какъ соединеніе элементовъ русскихъ, вынесенныхъ русскими граверами-серебряниками, и элементовъ иностранныхъ, идущихъ отъ тѣхъ гол-

ландскихъ граверовъ, у которыхъ некоторые изъ граверовъ-серебряниковъ были въ концѣ XVII вѣка въ учени. Тогда можно будетъ съ достаточной основательностью рассмотрѣть и вопросъ о нашихъ сказкахъ, печатанныхъ тетрадочками съ мѣдныхъ досокъ: этотъ послѣдній вопросъ до сихъ поръ еще вполнѣ теменъ и ни одна его подробность, ни одна частность формъ, группировки, костюмовъ, архитектуры, экипажей, утвари, пейзажа, ботаники въ фонахъ еще не затронута и не изслѣдована.

Замѣтимъ, притомъ же, что въ связи со всѣми этими стоять еще и важный вопросъ объ орнаментикѣ. Въ одномъ мѣстѣ своего текста г. Ровинскій говоритъ: „Со временеми Аѳанасія Трухменскаго (искусствѣшаго изъ всѣхъ граверовъ-серебряниковъ второй половины XVII вѣка) появляются у насъ, кажется мнѣ, украшенія и рамки, составленные изъ цветовъ (въ горшкахъ), птицъ и животныхъ; напоминающія обои и шкафныя доски, до пынѣ существующія въ Дамаскѣ и другихъ мало-азіатскихъ городахъ“ (т. IV, стр. 513). Показаніе это чрезвычайно важное, и если оно фактически будетъ доказано, можетъ повести къ очень значительнымъ соображеніямъ и выводамъ о турецкомъ вліяніи на русское искусство въ XVII вѣкѣ. Но для этого надо имѣть весь матеріалъ подъ руками:

III. Петербургская школа.

Лубочныя картишки Петербургской школы рѣзко отличаются отъ картинокъ школъ Мѣсковской и Кіевской. Во первыхъ, бывъ всеи уже гравированы на металлѣ, оставивъ совершенно въ сторонѣ коричневый пародный матеріалъ для производства лубочныхъ картинъ—дерево, а во вторыхъ, они совершенно утрачиваютъ связь съ древне-русскимъ до-петровскимъ искусствомъ, и принадлежать вполнѣ новому періоду, духу и направлению русской цивилизаци. Ни прежнаго юмора, ни смѣлой инициативы, наблюдательности, подъема чувства и мысли, сатиры, какими отличались народныя картинки Московской школы—въ картинкахъ Петербургской школы не оказалось, такъ какъ она чаще всего, еще со временеми Петра I, имѣла назначениемъ официальную, служебную иллюстрацію по приказу начальства, и рѣдко сама собой предпринимала что-либо, кроме развѣ вполнѣ рыночныхъ, торговыхъ изданій, не имѣющихъ никакого исторического и культурного характера. Притомъ же низкое достоинство исполненія, все большая и большая неряшлисть и неумѣльность производства, оставившая да-

леко за собою и нерешительность и неумѣльство первыхъ петербургскихъ граверовъ, Зубовыхъ и ихъ товарищѣй, заставляетъ придавать еще меньшее значеніе произведеніямъ этой школы.

О нихъ, быть можетъ, не стоило бы вообще много распространяться, какъ о произведеніяхъ слишкомъ незначущихъ и безцѣльныхъ, еслибы въ нынѣшнемъ столѣтіи не появились, въ числѣ произведеній этой школы, народныя картинки на Наполеона и на войну 1812 года. „Ни одно событіе“, говорить г. Ровинскій, — „не было такъ роскошно иллюстрировано въ народной галлерѣѣ нашей. Около 200 картинокъ представляютъ намъ, такъ сказать, личевыя вѣдомости всего того, что происходило въ это достопамятное время, день за днемъ: геройскіе подвиги русскихъ Курціевъ и Сцеволь, Наполеоновы неудачи и бѣгство, и конечное истребленіе его арміи“ (томъ V, стр. 277). Г. Ровинскій, самъ собравшій, цѣною долголѣтнихъ поисковъ, одну изъ наиболѣйшихъ въ Россіи коллекцій этихъ картинокъ, положилъ много труда на изученіе и описание ихъ, а Атласъ его заключаетъ наиболѣшую часть всѣхъ интереснѣйшихъ и значительнѣйшихъ картинокъ этого собранія. Картины эти очень неравнаго достоинства: одни дѣланы очень даровитыми и остроумными художниками, каковы были Теребеневъ и Ивановъ, получившими правильное художественное образованіе, рисующими и гравирующими очень не дурно, но все-таки не утратившими оттого способности выражать остро, мѣтко и наглядно мысли и чувства, отвѣчающія народному настроенію извѣстной исторической минуты; другія сочинены людьми въполнѣ не отесанными въ художественномъ отношеніи и столь же грубо рисовавшими и плоско сочинавшими, какъ и грубо и плоско думавшими. Многія изъ этихъ картинокъ представляютъ такое безсердечное науслышаніе народа къ свирѣпости и жестокости, которое не можетъ быть оправдано никакимъ непріятельскимъ циществиемъ. Тѣмъ не менѣе, эта галлерѣя картинъ (въ которой лишь не многія картины гравированы и изданы въ Москвѣ, напримѣръ №№ 15 и 475), имѣетъ наивысшее значеніе историческое и представляетъ главнѣйшее проявленіе петербургскаго творчества по части лубочныхъ картинокъ. Это такая галлерѣя, которая въ разныхъ отношеніяхъ заслуживаетъ изученія. Все почти остальное въ Петербургской школѣ слабо и ничтожно.

жития и т. д. — в томъ, что въ книге не хватаетъ ясности въ изложении, а также въ отсутствии ясной логики въ выработке идей. Но это не значитъ, что книга не интересна, а только что она не можетъ быть интересна для широкой публики.

Не взыграя на всѣ капитальные достоинства, сочиненіе г. Ровинскаго не свободно также отъ недостатковъ. Главные между ними слѣдующіе:

1) Систематизація имѣющагося на лицо матеріала несолько слаба. Сочиненіе дѣлится на три главныя части: въ первомъ томѣ собраны лубочные картинки, содержащія „сказки и забавные листы“, во второмъ — „листы историческіе, календари и буквари“, въ третьемъ „притчи и духовные листы“. Въ общемъ, такое распределеніе можно признать правильнымъ и цѣлесообразнымъ, потому что дѣйствительно народныя картинки съ юмористическимъ и забавнымъ содержаніемъ занимаютъ у насъ, среди лубочныхъ картинокъ, самое главное мѣсто и представляютъ наиболѣе интереса и національной характерности; дѣйствительно, картинки съ историческимъ содержаніемъ занимаютъ второе мѣсто по важности и національному характеру, и картинки съ духовнымъ содержаніемъ, не смотря на громадную свою массу, представляютъ наименѣе (въ сравненіи съ двумя предыдущими категоріями) самобытности, національного интереса и значенія — за исключениемъ, верочкѣ, раскольничихъ. Но заглавія, приданы этимъ тремъ главнымъ подраздѣленіямъ, не могутъ быть, мнѣ кажется, сочтены вполнѣ удачными. Въ I-мъ томѣ подъ именемъ „забавные листы“ сгруппировано, вмѣстѣ съ дѣйствительно забавными, множество такихъ, которые не заключаютъ ровно ничего „забавнаго“ и которые очень „серыены“. Я уже не говорю о серіи „Гренадеровъ“ начала XVIII вѣка (№ 269 — 279), о картинкахъ „Русское и турецкое войско“ и „Два всадника въ восточномъ костюмѣ“ (№ 280—281), „Шостройка житницы“ (№ 285), „Исторія Малекъ-Аделя“ (№ 288—291), „Линдоръ и Клара“ (№ 292), которая всѣ попали въ I-й томъ совершенно случайно, быть можетъ, по недостатку мѣста въ другомъ отдѣлѣ, или въ послѣднія минуты отпечатанія тома; но кроме этого, въ I-мъ томѣ много картинокъ, которыхъ не суть ни „сказки“, ни „забавные листы“, а простыя иллюстраціи, назначенные вообще для удовлетворенія любопытства, любознательности, интереса читателя, или же для „наученія“ его. Такъ напримѣръ, картинки „О мастеровомъ, продавшемся бѣсу“, „О пьяницахъ, пропившемся на кружалѣ“, „Любовь крѣпка ико смерть“ (№ 114, 115, 116, 119), „Зачѣмъ

мать сына худо учила" (№ 75, 76), „Богомъ сочтанный союзъ" (№ 147), „Рачительное домоводство" (№ 150), „Доброе домосодер-жаніе" (№ 151), „Польза оспопрививанія" (№№ 241, 242), ничуть не „забавны"; они очень серьезны, наставительны и читают мораль точь въ теснѣ, какъ множество нравоучительныхъ картинокъ, помещенныхъ въ III-мъ томѣ, въ разрѣдѣ картинокъ духовнаго содержанія. Точно также такія картинки, какъ напримѣръ, „Счастливые любовники" — этоничто иное, какъ картинки въ иллюстративномъ и амурномъ вкусѣ. Бушѣ или Ваттѣ, безъ самомнѣнія представить что-то комическое или потешное. Съ другой стороны, многія картинки размѣщены очень капризно и произвольно: однѣ поставлены въ отдѣлѣ „сказокъ", другія въ отдѣлѣ „басенъ", третыи въ отдѣлѣ „забавныхъ листовъ", тогда какъ по содержанію между ними нѣтъ никакой разницы, и имъ всѣмъ слѣдовало бы стоять вмѣстѣ. Такъ напримѣръ, „Разсѣянная молочница" (№ 80) поставлена въ „сказкахъ"; но въ текстѣ ей нѣтъ ровно ничего сказочнаго въ смыслѣ волшебномъ или народно-этнографическомъ: это точно такая же нравоучительная, книжно-культурнаго происхожденія басня, какъ „Старикъ и смерть", или „Лисица и вивоградъ" и такъ далѣе. „Разгово-рь дворянинъ съ крестьяниномъ", „Женская разсѣянность", „Скажи о чёмъ ты смѣялся", „Мужъ-насѣдка", „Хитрый лакомка", „На всѣхъ не угодишь", „Ограбленный петиметръ" (№№ 72, 73, 74, 78, 79, 82, 84) — все это ничуть не сказки, а такія же картинки, какъ „Доб-рый молодецъ, купи съ меня чепецъ", „Глупая жена и кошка", „Мужъ жену бѣть" (№№ 128, 154, 160) и такъ далѣе. Все это должно было бы иначе быть расположено, и получить другія частные и общія заглавія. Въ III-мъ томѣ есть также свои нарушенія системы, особ-ливо въ послѣднемъ отдѣлѣ: „Произведеніе Артемьевской фабрики", которымъ расположены совершенно случайно и беспорядочно.

2) Далеко не вездѣ указаны, при описаніяхъ, вѣнчніе признаки картинокъ. Такъ напримѣръ, нерѣдко вовсе ничего не сказано, ка-кимъ способомъ выполнена данная гравюра, на деревѣ, или на мѣди; для примѣра укажу, во II-мъ томѣ, цѣлый рядъ ихъ, почти сплошь, а именно №№: 300, „Изображенія четырехъ древнихъ царей"; 301, „Освобожденіе Бѣлграда"; 302, „Русскія сказанія"; 303, „Мамаево побоище" (одна изъ очень важныхъ лубочныхъ картинокъ); 305, „Описаніе Россійской имперіи 1794 года"; 307, „Анекдотъ Петра Великаго"; 316, „Прускій драгунъ" и „Россійской казакъ"; 324, „Великанъ Жили"; 325, „Объявление о прибытии англійской компа-

нія комедіантовъ"; 826, „Англійскій маснинѣ Вермаръ", и такъ далѣе. Въ очень многихъ другихъ картинахъ не указано времѧ и мѣсто происхождения ихъ (хотя бы приблизительное). Такъ напримѣръ въ III-мъ томѣ № 715, „Прѣложеніе о Немалосердости и богоотступничествѣ Господнѣ" въ „Сербіи"; 720, „Виденіе иконы святаго"; 736, „Причина житія человѣческаго"; 741, „Маловременныя красоты мира сего"; 754, „Грѣшникъ и праведникъ"; 756, „Адамова Голова"; 767, „Девять блаженствъ"; 777, „Изображеніе монашеской чистоты"; 781, „О завидливости"; 782, „Еще о завидливомъ"; 788, „Злажденіе" и такъ далѣе.

3) Не вездѣ вполнѣ вѣрно переданъ текстъ подлинниковъ, что особенно чувствительно во многихъ сказкахъ, а также въ текстахъ изъ иллюстрированныхъ Бѣблій, Апокалипсисовъ и т. д.

Надо замѣтить, что, напротивъ, такие тексты, какъ „Листъ Сопшнаго письма", „Брысовъ календарь" и многие другие, столько же сложные, громадные и затруднительные по микроскопичности и неизученности оригиналовъ, переданы въ текстѣ у г. Розинскаго съ изумительной вѣрностью и аккуратностью, заслуживающими всяческой признательности. Здѣсь же я укажу на нѣкоторыя иногда обозначения картинокъ въ Атласѣ: такъ напримѣръ, картина „Дѣвъ молодки на одного молодца" обозначена № 134, который соответствуетъ оригиналу, находящемуся въ Императорской публичной библиотекѣ съ текстомъ внизу, тогда какъ въ Атласѣ напечатана копія съ оригинала Олсуфьевской коллекціи, где картина нѣкогда на гравирована въ обратную сторону, съ текстомъ вверху и сокращеннымъ (№ 184 Б).

4) Нѣкоторыя утвержденія автора не вѣры, напримѣръ, что Петъ I будто былъ „обжорливъ" (т. IV, стр. 216, 259), тогда какъ онъ, сколько известно по всѣмъ несомнѣннымъ документамъ, никогда этимъ не отличался: свидѣтельство Англичанъ объ „егромномъ" потребленіи съѣстныхъ припасовъ въ гостиницѣ въ Годельмингѣ (т. IV, стр. 216) вовсе не относится до самаго Петра I, а только до его сыновъ, и притомъ же не известно еще, на сколько счеты англійскаго трактирщика заслуживаютъ довѣрія; что Бенфей (знаменитый изъ мецкій ориенталистъ, родомъ Евреи) — англійскій ученый (т. V, алфавитный указатель, стр. 21); что „гусли—всесвѣтный инструментъ" (т. IV, стр. 222), и т. д.; что будто бы между русскими лубочными картинками вѣтъ карикатуръ на жидовъ и поляковъ (т. V, стр. 276), тогда какъ самъ же г. Розинскій приводить, въ своемъ сочиненіи, такихъ нѣсколько. А именно: „Жидъ Лейба" (т. I, стр. 454,

№ 226); „Жила обманываетъ вѣщами“ (т. II, стр. 176, № 421); „Подиже Царь Трыгъ и Хорсона“, „Прольскій шляхтичъ“, „Шляхтичъ“, „Мать шляхтича“ (т. I, стр. 451—453, №№ 222—225).

Не вполне, вѣрны цитаты изъ чужихъ сочиненій: это касается, въ особенности, цитаты изъ сочиненія Забѣллина: „Быть Русскихъ царей“. Въ своемъ томѣ V, на страницѣ 17, г. Ровинский говорить: Въ 1676 году Библія (Пискатора) была куплена для Оружейной палаты у живописца Ивана Безмина за 5 рублей; въ Троицкой маврѣ до сихъ поръ, расписывается стѣнамъ по экземпляру этой Библіи, принадлежавшему патріарху Адріану. Употреблялись для копирования и другія лицевыя книги: въ 1679 году, напримѣръ, живописецъ Петръ Энгельсъ писалъ въ новыхъ хоромахъ царицы разныхъ притчи царей Давида и Соломона изъ Библіи и изъ разныхъ книгъ славянскихъ и латинскихъ; живописецъ Салтановъ училъ по такой библіи своихъ учениковъ (Забѣлинъ, Быть царей, 143*). Если бы эти подробности были всѣ документальны, мы получали бы тутъ неоспоримое доказательство прямаго вліянія Библіи Пискатора на Московскую школу конца XVII вѣка. Но этого-то вовсе и нѣтъ въ текстѣ г. Забѣллина. Онъ говоритъ совершенно иное, и только цитата г. Ровинского нѣсколько невѣрна. У г. Забѣллина въ указанномъ мѣстѣ сказано: „въ Оружейную палату куплена въ 1767 году у живописца Ивана Безмина, за 5 рублей, книга „Библія“ писменная, въ лицахъ, на латинскомъ языке, въ переплетѣ, въ четы. Въ 1679 году Петръ Энгельсъ писалъ въ новыхъ хоромахъ царицы „розыныя притчи“ царя Давида, цара Соломона, а тѣ притчи изъ библіи и изъ разныхъ книгъ словенскихъ и латинскихъ. Живописецъ Иванъ Салтановъ училъ даже своихъ учениковъ по печатной библіи въ лицахъ, которая служила ему „для образца и ознакомки“. Намъ случалось видѣть подобную лицевую пѣмѣцкую Библію, подписанную на имя патріарха Адріана, съ которой въ недавнее время писали стѣнопись въ одномъ изъ извѣстѣйшихъ цашихъ монастырей“. И такъ, мы имѣемъ вдѣль нѣчто совсѣмъ другое, чѣмъ написано у г. Ровинского. Впервыхъ, у Безмина была куплена Библія, но какак—не сказано, а что это была же Библія Пискатора, доказывается тѣмъ, что то была Библія „письменная“, а не печатная, и еще тѣмъ, что она была форматомъ „въ четы“ (четверть), тогда какъ Библія Пискатора — въ очень большой листъ, продолговатый; про Библію въ лицахъ, бывшую въ рукахъ у живописца Салтанова, также вовсе не сказано, чтобы то была Библія Пискатора; наконецъ, та библія, принадлежавшая когда-то

патріарху Адріану, которую самъ г. Забѣлинъ видѣлъ въ рукахъ у иконописцевъ, расписывавшихъ стѣны монастыря, никакъ не можетъ быть Библіей Пискатора, такъ какъ то была Библія пімецкая, а Библія Пискатора есть Библія голландская.

4) Въ текстѣ у г. Ровинскаго слишкомъ рѣдко есть указание на „знаки въ бумагѣ“, а это одинъ изъ наиболѣйшихъ признаковъ при опредѣленіи гравюръ неизвѣстныхъ относительно времени и мѣста происхожденія ихъ, а такихъ гравюръ между нашими лубочными картинками—слишкомъ много. Не скоро другой исследователь будетъ иметь случай просмотрѣть такую массу лубочныхъ картинокъ, какъ г. Ровинскій, и этимъ случаемъ слѣдовало воспользоваться во всей полнотѣ.

5) Самый крупный недостатокъ изданія г. Ровинскаго — раскраска большинства картинокъ въ атласѣ. Конечно, пѣкоторыя изъ нихъ раскрашены почти вполнѣ вѣрно, напримѣръ, „Библія“ и „Апокалипсисъ“ Кореня, „Мышь кота погребаютъ“, „Славное побоище царя Александра Македонскаго“, „Близнецъ“, „Тарасъ плѣшивый“, „Савоска и Шармошка“, „Цирушка“, „Ѳома да Ерема“, „Знай себѣ указывай въ своемъ домѣ“, „Трапеза благочестивыхъ“, „Причча о Лазарѣ“, „Історія Іосифа“, „Причча о дѣвицѣ, умершей безъ покаянія“ (№№ 167, 294, 120, 187, 192 А, 96, 188, 97, 757, 686, 829, 701, и другія). Но есть также очень значительное количество такихъ картинокъ, которыя расписаны совершенно невѣрно, вовсе не тѣми красками, какими расписаны оригиналы, начиная уже съ того, что тѣ люди, кому поручена была раскраска, во многихъ случаяхъ употребляли краски, изобрѣтенные недавно, въ послѣднія 20—30 лѣтъ, и значить, такія, которыя вовсе не были извѣстны не только въ XVII и XVIII вѣкахъ, по даже и въ первой половинѣ нынѣшняго столѣтія. Это особенно относится до всѣхъ яркихъ красокъ, всего болѣе фюлетовой. Даже въ наиболѣе вѣрныхъ по раскраскѣ картинкахъ, поименованныхъ выше, фюлетовый цветъ совершенно певѣренъ и портить общее впечатлѣніе. Но какъ на поразительные примѣры совершенно невѣрной раскраски, я укажу на раскраску картинокъ: „Темница святыхъ осужденныхъ“ 1629 года (№ 772) и „Избѣженіе иладецевъ“ (№ 851), которыхъ единственные извѣстные экземпляры находятся въ Императорской публичной библиотекѣ. Въ оригиналѣ „Темница“ раскрашена слѣдующимъ образомъ: всѣ арки и карнизы—выкрашены сурикомъ этой же краскою выведены кровли церкви и епитрахиль святаго, право, въ первой аркадѣ; хитонъ Христа вверху; епитрахиль святаго

въ 6-й аркадѣ; платокъ одного святаго, лѣваго, въ 7-й аркадѣ; хитонъ святаго въ 8-й аркадѣ. Затѣмъ, блѣдно-голубою краской раскрашены: хитоны святыхъ въ 3-й, 5-й и 7-й аркадахъ и епитрахиль святаго въ 10-й аркадѣ; блѣдно-розовою—хитонъ святыхъ въ аркадахъ: 2-й, 4-й, 6-й, 7-й, 9-й, 10-й и 11-й. Въ атласѣ г. Ровинскаго раскраска сlijдущая: суркомъ—1-я и 5-я колонка, арки 8-я и 10-я; также хитонъ Христа, хитоны святыхъ во 2-й, 6-й, 7-й и 11-й аркадахъ; ярко-зеленою краской: надпись вверху, колонны 4-я, 9-я и 10-я, хитоны святыхъ въ аркадахъ 1-й, 3-й, 5-й, 7-й, 10-й; ярко-фиолетовою краской, колонны: 1-я, 3-я, 5-я, 7-я, 8-я, 9-я, 12-я и 13-я, хитоны святыхъ: въ 4-й и 8-й аркадахъ, платокъ святаго въ 7-й аркадѣ, окно церкви и плащъ праваго святаго въ 1-й аркадѣ, на конецъ, арка 9-й аркады. Въ „Избіеніи младенцевъ“ точно также всѣ краски наложены совершенно произвольно, безъ малѣйшаго сходства съ оригиналомъ.

Столько же мало дозволительно было раскрасить, какъ это сдѣлано въ Атласѣ, множество такихъ картиночекъ, которыхъ въ оригиналахъ вовсе не раскрашены. Такъ напримѣръ, вся Олсуфьевская коллекція состоитъ изъ экземпляровъ вовсе не раскрашенныхъ, многія изъ рѣдчайшихъ картинокъ Императорской публичной библіотеки дошли до насъ также въ экземплярахъ безъ красокъ. Таковы: „Баба Яга съ крокодиломъ“ (№ 37), „Мелузина“ (№ 250), „Цолья оспопрививанія“ (№ 241), „Неопалимая Купина“, „Смерть на блѣдномъ конѣ“, „Отъ отечника скитскаго“ (св. Аптоній и сатиръ), „св. Акилина“, „Чистота аки дѣвица“, „Лѣствица Иоанна Лѣствичинка“ (№№ 1346, подъ №№ 1, 2, 4, 5, 6, 7), „Преподобный Илія Муромскій“ (№ 1519), „Преподобные Феодоръ, Константинъ и Давидъ Ярославскіе“ (№ 1641), „Видъ села Измайлова“ № 1031), и т. д. Въ Атласѣ г. Ровинскаго всѣ онѣ являются сплошь раскрашенными (но крайней мѣрѣ въ большинствѣ выпущенныхъ въ свѣтъ экземпляровъ), и чтѣ при этомъ всего хуже, въ текстѣ пигдѣ не упомянуто, которые оригиналы дѣйствительно въ краскахъ, и которые копіи произвольно раскрашены въ Атласѣ г. Ровинскаго. Исключеніе составляетъ одна Олсуфьевская коллекція, про которую про всю разомъ сказано (томъ I, страница XII), что картинки, ее составляющія, всѣ безъ исключенія не раскрашены. Но эта совершенно произвольная раскраска можетъ сильно вводить въ заблужденіе читателя и врителя, столько же на счетъ вкуса и приемовъ старинныхъ нашихъ иллюминаторовъ, сколько и на счетъ подробностей чисто-историческихъ. Въ доказательство

этого я укажу на раскраску „Гренадеровъ“, первой половины XVIII вѣка (№ 269—277), которые въ Атласѣ г. Ровинского раскрашены совершенно по капризу современного иллюминатора, нынѣшними красками, тогда какъ въ действительности цвѣты кафтановъ, камзоловъ, гамашей, шапокъ и т. д. были совершенно иной и сообразовались съ положеніями: въ атласѣ у гренадеровъ нарисованы кафтаны то фиолетовые, то желтые, то красные, то свѣтло-зеленые, камзолы у нихъ представлены то зеленые, то желтые, то фиолетовые; манжеты, то желтые, то фиолетовые; гамаши — также разныхъ цвѣтовъ, тогда какъ у всѣхъ гренадеровъ, начиная съ 1720 года и впродолженіе многихъ десятковъ лѣтъ, кафтанъ былъ постоянно темно-зеленый, камзолъ и штаны красные, штиблеты (со временемъ Петра II) всегда бѣлые¹). Наконецъ, волоса носились въ это время у гренадеровъ — пурпурные, между тѣмъ какъ иллюминаторы атласа вѣсколько разъ представили „Гренадеровъ“ съ естественнымъ цвѣтомъ волосъ.

Таковы главнѣйшиѣ недостатки изданія г. Ровинского. Они, конечно, достойны сожалѣнія, и было бы гораздо лучше, еслибы ихъ не было. Но все-таки они не такого свойства, чтобы отъ нихъ въ существенной степени терпѣло сочиненіе. Ими не умаляется коренное его достоинство, такъ какъ достоинство это крайне значительно. Мнѣ кажется, нельзя отказать изданію г. Ровинского въ томъ, что это изданіе — истинно монументальное, которое на всѣи сохраняетъ для науки и истории громадный национальный материалъ, до сихъ поръ разсѣянный по Россіи и почти вовсе неизвѣстный, материалъ, который послужить для многочисленныхъ изслѣдователей прочную исходную точкою для очень разнообразнаго изученія народнаго искусства, творчества и национальнаго духа нашего народа.

В. Стасовъ.

¹) Историч. описание вооруж. росс. войскъ, т. II, стр.

Новые изслѣдованія о буддизмѣ¹⁾.

III.

The Sacred Books of the East, translated by various oriental scholars and edited by F. Max-Müller. Vol. I, X, XI. (Священные книги востока, переведенные разными ориенталистами и изданные Максом-Мюллеромъ. Томы I, X и XI). Oxford. 1879—1881.

Вопросъ о времени палійского канона, рѣшается на основаніи хранящихъ въ Цейлонской буддійской общинѣ преданій о такъ-называемыхъ соборахъ, и результаты изслѣдованій Олденберга почитались до послѣдняго времени иѣкоторыми за несомнѣнно вѣрныя, другими — за весьма вѣроятныя.

Порѣшивъ такимъ образомъ хронологический вопросъ, Олденбергъ обращается къ другому, не менѣе трудному и важному; онъ спрашиваетъ: „Какая же это школа, тексты которой предлежать намъ на палійскомъ языке?“ (*Which is the school, the texts of which we have before us in the Pâli language?*)²⁾. Эта второй вопросъ съ точки зрењія почтенного изслѣдователя, казалось бы, совершенно излишенъ, ибо если палійский канонъ существовалъ уже до Вайшалійского собора, то-есть, въ тѣ времена, когда еще сектъ или школъ не было, то очевидно, онъ не можетъ причисляться къ произведеніямъ одной какой-либо секты изъ появившихся послѣ раскола или события болѣе позднаго. Канонъ этотъ, говорить кромѣ того тотъ же ученый, — есть редакція „наиболѣе первичной, если не вполнѣ первичная“ (*the most original, if not the original version*)³⁾; ея форма, но не языкъ, была установлена (фиксирована) за полтораста лѣтъ до времени царя Асоки. (*The first four portions of our version of the Vinaya received the fixed form in which we now possess them about a century and a half before the time of Asoka, except as regards the dialect*)⁴⁾. Изъ таковой характеристики палійского канона слѣдуетъ, что вопросъ долженъ быть формулированъ иѣсколько иначе; можно было бы спрашивать: какая изъ многихъ буддійскихъ сектъ сохранила первичную редакцію въ палійскомъ переводѣ, такъ какъ, по словамъ Олденберга,

¹⁾ Продолженіе. См. іюльскую книжку Ж. М. Н. Пр. за текущій годъ.

²⁾ Mahâvagga, стр. XLII.

³⁾ Тамъ-же, стр. XLVIII.

⁴⁾ Тамъ-же, стр. LV.

до Вайшалійского собора фиксирована была форма канона, но не языкъ, иными словами палийскій канонъ есть литературное произведение, получившее законченную форму за 400 лѣтъ до Р. Х. на неизвѣстномъ наимъ нарѣчіи или нарѣчіяхъ. Какъ нужно понимать эту законченность формъ на неизвѣстномъ языке, и въ чёмъ она состояла — ближе не разъясняется авторомъ.

При решеніи втораго вопроса авторъ обращается, прежде всего, къ цейлонскому преданію; его древность и подлинность доказывается следующими соображеніями¹⁾: Въ Индіи буддійскіе тексты изъ столѣтія въ столѣтіе переживали новыя судьбы, воспоминанія древней общины исчезали тамъ за поззіей и фантазіями позднѣйшихъ поколѣй. На Цейлонѣ дѣло происходило иначе; буддійская община осталась по сіе времена вѣрною „слову старцевъ“ (*theravâda*). Нарѣчіе, на которомъ передавалось это слово, способствовало устраненію всякой фальсификаціи. Оно не было мѣстнымъ и почтительно считалось священнымъ. Легенды и умствованія позднѣйшихъ periodовъ проникали въ цейлонскую литературу, но только въ памятники на туземномъ народномъ нарѣчіи; священный палийскій текстъ оставался нетронутымъ этими интерполяціями. По мнѣнію автора, такимъ образомъ, буддійская община на Цейлонѣ по своимъ преданіямъ и принятому въ ней канону принадлежитъ къ сектѣ „старцевъ“ или Стхавировъ. Дѣйствительно, цейлонское преданіе утверждаетъ именно это о своей буддійской общинѣ; она называется правовѣрною, представительницей секты старцевъ, отъ которой отдѣлялись, какъ отъ первичнаго ствола, разныя схизмы. Трудно было бы возразить что-либо противъ этого заявленія буддійской общины, еслибы ея преданіе не впадало въ противорѣчіе съ самимъ собою. Въ палийскихъ текстахъ, что извѣстно и г. Олденбергу, — есть кромѣ того другія указанія, одинаково достовѣрныя, но прямо противоположныя сейчасъ приведенному заявлѣнію: по одному Цейлонская община объявляется принадлежащею къ сектѣ Вібхажжавадиновъ, по другому — тоже община имѣть въ себѣ канонъ произведенія секты Махисасаковъ²⁾.

Но, по мнѣнію г. Олденберга, первое, дѣйствительно наиболѣе распространенное, и извѣстное — заявленіе цейлонской общины подтверждается цѣлымъ рядомъ другихъ соображеній и фактovъ. Рассмотрѣніе сказавшія о первомъ появленіи буддизма на Цейлонѣ приводить

¹⁾ Buddha etc., стр. 76 и сл.

²⁾ Mahâtagga, стр. XLII, XLIII, Jâtaka vol. I, стр. 1.

г. Олденберга къ совершению справедливому заключенію: цейлонскія сказанія о миссионерской дѣятельности Махинды, можетъ быть, и содержать въ себѣ нѣкое зерно исторической истины, но оно было окружено такимъ покровомъ вымысла, что довѣрять преданію о Махиндѣ невозможно, (...the stories of the Sinhalese concerning Mahinda may contain some germ of historical truth. This germ, however, has become surrounded by a coating of inventions which render it impossible to place any faith in the traditions of Mahinda¹), вопросъ, о томъ, откуда буддизмъ былъ занесенъ на Цейлонъ, остается, такимъ образомъ, открытымъ. Очевидно, говорить г. Олденбергъ,—во всѣ времена между Цейлономъ и Деканомъ была болѣе частна и близкія сношения, нежели между этимъ островомъ и Индустаномъ. Страна Калинга или одно изъ прилежащихъ царствъ южной Индіи, продолжаетъ онъ далѣе,—имѣютъ наиболѣе притязанія почитаться посредствующею ареной для перенесенія буддійской литературы на Цейлонъ²). Редакція „Трехъ сосудовъ“, сохранившаяся на Цейлонѣ, говорится далѣе³),—и ея варианты Пали были принесены на островъ изъ южной Индіи,ѣроятно, изъ царствъ Андхра или Калинга (...the version of the Tipitaka preserved in Ceylon and its dialect the Pali were brought to the island from the peninsula of South India, probably from the Kingdoms of the Andhra or Kaliṅga). Подтверждение этой гипотезы г. Олденбергъ находитъ въ извѣстіяхъ Сюань-Цзана (странствовавшаго по Индіи въ VII вѣкѣ) о распространеніи секты Стхавировъ. Китайскій путешественникъ⁴), дѣйствительно, упоминаетъ о сектѣ старцевъ въ Калингѣ и во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, которыхъ были, по мнѣнію г. Олденберга, въ ближайшихъ сношенияхъ съ Цейлономъ, но при этомъ онъ прибавляетъ и ближайшую характеристику секты: то была хаяническая секта. Эта послѣдняя и весьма важная подробность, конечно, совсѣмъ не согласуется съ представленіями о правовѣрной общинѣ старцевъ, хранительница первичной редакціи канона. О сектахъ, бывшихъ въ странѣ Андхра, сами цейлонскіе буддисты сохранили извѣстія, ни сколько не подтверждающія гипотезы г. Олденберга. Подъ общимъ названіемъ сектъ andha kâ (то-есть, изъ страны Андхра) имѣ извѣстны четыре: Pubbaseliyâ, Aparaseliyâ, Râjagiriyyâ, Siddhat-

¹⁾ Mahâvagga, стр. LII.

²⁾ Тамъ же, стр. LIII.

³⁾ Тамъ же, стр. LIV.

⁴⁾ Тамъ же, стр. LIII. Hiouen Thsaang, vol. III, 92, 154, 165.

thikā. Всѣ четыре секты, по цейлонскому предавію, возникли поздно и были еретическими. Изъ приведенныхъ фактовъ очевидно, что не только желательны, но и крайне необходимы новые и болѣе вѣскія доказыванія и соображенія, какъ въ подтвержденіе гипотезы г. Олденберга, такъ и для полнаго оправданія притязаній цейлонской буддійской общины, въ силу которыхъ она, какъ представительница древней секты „Старцевъ“, изображается хранительницею древнійшаго и наиболѣе правдиваго преданія. Цейлонское преданіе, впадающее въ противорѣчіе съ самимъ собою, подрываетъ вѣру въ свою историческую правдивость; гипотеза г. Олденберга опровергается тѣми самыми источниками, на основаніи извѣстій которыхъ она строится, и пока мы можемъ считать не доказаннымъ ни то, ни другое. Принадлежитъ ли палійскій канонъ одной сектѣ Стхавировъ, или же въ немъ можно найти слѣды ученій и другихъ сектъ? Пока этотъ вопросъ не разыясненъ и изслѣдованіями палійскихъ памятниковъ, точно также, какъ не выяснено и не доказано существованіе до 400 Р. Х. какого-то фактическаго канона на никому неизвѣстномъ нарѣчіи.

Таковая оценка гипотетической исторіи буддійского канона, по нашему крайнему разумѣнію,—необходима, хотя и приводить къ одному только отрицательнымъ выводамъ; но въ то же время, однакоже, она помогаетъ выяснить несостоятельность многихъ, нынѣ принятыхъ въ научной литературѣ положеній о развитіи буддійскихъ доктринаў, напримѣръ, въ ученіи о Буддѣ, то-есть, о вѣщемъ спасителѣ, или нирванѣ, иначе о высшемъ благѣ буддистовъ. По послѣднему вопросу, въ подтвержденіе нашей мысли считаемъ необходимымъ высказать теперь же вѣсколько замѣчаній. О нирванѣ, какъ извѣстно, написано очень много; мы ограничимся разсмотрѣніемъ только того, что говорилось о высшемъ благѣ буддистовъ въ по-слѣднее время.

IV.

Въ сознаніи христіанина высшее благо олицетворяется небомъ, также точно какъ высшее зло адомъ; „праведники просвѣтятся яко солнце въ царствѣ отца ихъ“, говорится въ Евангеліи,—а творящихъ беззаконія и „ангелы ввергнутъ ихъ въ печь огненную: ту будетъ плачъ и скрежетъ зубомъ“.

Буддистъ понималъ высшее благо иначе; онъ не называлъ его ни

¹⁾ Комментарій на Kathavatthu-pakarana (рукопись).

на землѣ, ни въ небесахъ. И небо, и землю, и адъ, все это оно обозначалъ однимъ терминомъ Самсара, то-есть, коло рожденія или круговоротъ жизни, безначальный и бесконечный, исполненный скорби и явлений непостоянныхъ и призрачныхъ, и всему этому противопоставлялась—нирвана.

Самсара, круговоротъ жизни, едва ли понималась буддистами не одинаково. Ея предѣлы, а также сущность, толковались болѣе или менѣе всегда одинаково; скорбь бытія, певѣчность всѣхъ явлений міровой жизни теоретически принимались всѣми буддистами за основные признаки круговорота жизни. Въ пониманіи высшаго блага, то-есть, нирваны, не было такого соглашенія. Въ сочиненіяхъ самихъ буддистовъ есть прямые указанія на то, что подъ словомъ „нирвана“ въ разныхъ времена и въ разныхъ школахъ понималось не одно и то же. Объ этомъ говорятъ и палійские и, сапскритскіе комментаторы, и ихъ извѣстія могутъ быть подтверждены многими мѣстами изъ различныхъ частей палійского канона. Не приводя цитатъ, ограничившимся наименованіемъ нѣкоторыхъ изъ источниковъ, гдѣ есть таковыя извѣстія о различныхъ значеніяхъ нирваны, напримѣръ, въ *kathā-yatthu-rakagana*, и въ комментаріи на это сочиненіе, въ Абхидхармакоса-*vijâkhiyâ*, въ *Nâmasamgôtitikâ*, въ *Lankâvatârâ* и м. др. сочиненіяхъ. Хотя эти сочиненія до сихъ поръ не изданы, но извѣстны въ европейскихъ библиотекахъ въ нѣсколькихъ спискахъ, и едва ли можно предполагать, что специалистамъ остался неизвѣстнымъ самый фактъ, то-есть, неодинаковое значеніе слова „нирвана“ у разныхъ сектъ и въ разныхъ времена. Тѣмъ не менѣе оно весьма часто игнорировалось, и въ Европѣ даже созидались новыя теоріи въ объясненіе слова „нирвана“, на раду, впрочемъ, съ весьма серьезными попытками объяснить историческое развитіе значенія этого слова. Такъ А. Веберъ и позднѣе М. Мюллеръ, въ своихъ переводахъ палійскаго памятника *Дхаммапада*, при толкованіи нѣкоторыхъ стиховъ старались установить правильное возврѣтие на первоначальное значеніе нирваны¹⁾). Нирвана въ позднѣйшій періодъ развитія буддизма означало безусловное ничто, полнейшее уничтоженіе; но имѣло ли это слово всегда именно такое значение, — по мнѣнію М. Мюllера, вопросъ этотъ долженъ рѣшаться отрицательно. Разсмотрѣніе пѣсколькихъ стиховъ *Дхаммапады* привело его къ такому выводу: Нирвана обозна-

¹⁾ A. Weber, Indische Streifen, vol. 1 стр. 122; M. Müller, *Buddhaghosha's Parables*, XL и сл.; его же, Essays, 1. 277 и сл.

чала уничтожение многого, себи любія, вожделеній, грѣха, но этимъ словомъ первоначально не обозначалось уничтоженіе субъективнаго сознанія; подъ нимъ разумѣли вступленіе души въ покой, преодолѣніе всѣхъ желаній и вожделеній, разнодушіе къ радости и скорби, къ добру и злу, самопогруженіе души въ себя, ея освобожденіе изъ круговорота перерожденій. Ранѣе розыскамъ М. Мюллера тѣ же стихи Дхаммапады послужили Веберу материаломъ для вывода, совершиенно отличнаго отъ此刻 изложенного; въ тѣхъ же стихахъ палийского памятника Веберъ усмотрѣлъ другое значеніе нирваны. Нирвана, по его мнѣнію, не обозначаетъничто, а значитъ бессмертіе или вѣчность, въ которую вступаетъ душа. Оба писателя вопросъ означенія нирваны хотѣли решить съ исторической точки зрѣнія. М. Мюллеръ прямо высказалъ, что его цѣль — отыскать то значеніе слова, которое было въ сознаніи самого великаго учителя; онъ располагалъ, однако же, весьма недостаточнымъ материаломъ; и при не вполнѣ достаточной ясности, одни и тѣ же изрѣченія легко толковались различно, и такимъ образомъ давали возможность появляться не одинаковымъ выводамъ. Мнѣніе М. Мюллера о нирванѣ весьма многимъ показалось смѣлимъ и болѣе гадательнымъ, пожели истиннымъ; оно возбудило противъ себя важныя возраженія. Для обсужденія вопроса былъ привлеченъ новый материалъ, вирочемъ все-таки далеко недостаточный; при этомъ точка зрѣнія А. Вебера и М. Мюллера совершиенно упскалась изъ виду; оба они стояли на исторической почвѣ, доискивались первоначальнаго значенія, и само собою разумѣется, черезъ это самое должны были допускать старое и новое въ буддийскомъ канонѣ, то-есть, въ трехъ питакахъ. Такого воззрѣнія на священное писаніе нельзя было искать и въ книгѣ Д'Алвиса¹⁾, буддиста, хотя, быть можетъ, и не вполнѣ вѣрующаго; для буддиста священный канонъ есть слово вѣщаго; но всѣхъ книгахъ трехъ питакъ только одна пронофѣдь, изрѣченная великимъ учителемъ; толкую слово "нирвана", критикъ-буддистъ понималъ свою задачу иначе, пожели европейскій ученый; онъ не писалъ наслѣдованія объ историческомъ развитіи значенія слова; для него цѣли надлежало только отыскать или придумать такое значеніе слова, съ помощью которого могли бы быть примирены, сглажены всѣ очевидныя противорѣчія священнаго текста. Задача, сравнительно не особенно трудная; объ ея разрѣшеніи, задолго до пробужденія европейской пытливости по вопросу о нирванѣ, позаботились сами ста-

¹⁾ I. D'Alvis, Buddhist Nirvâna.

рые буддисты. Искомое значение известно любому изъ цейлонскихъ монаховъ, конечно, изъ наиболѣе почитанныхъ въ своей духовной литературѣ; оно съ ясностью и обстоятельно излагается во многихъ позднихъ буддійскихъ компендіяхъ (например, въ Petakopadesa); вся трудность состояла въ отысканіи или такого толкованія слова, или же свѣдущаго человѣка, который могъ бы указать, гдѣ найти искомое значение слова.

Такое пониманіе задачи встрѣчается не только въ книгѣ буддиста, но и въ сочиненіяхъ нѣкоторыхъ европейскихъ ученыхъ, глубокое знакомство которыхъ съ языкомъ пали и его литературою вѣдъ всякаго сомнѣнія. Вскорѣ послѣ того, какъ М. Мюллеръ высказалъ свое мнѣніе о буддійской пирванѣ, по тому же вопросу писалъ известный знатокъ языка пали, выпѣ умершій профессоръ Чилдерсъ. Воззрѣнія Чилдерса на буддійскій канонъ и на языкъ пали совершенно сходились съ самыми ортодоксальными буддійскими; онъ былъ консервативѣе даже Д'Алвіса, буддиста по вѣроисповѣданію. Послѣдній признавалъ, напримѣръ, что *kathāvat thu* ракагана, одна изъ книгъ Абхидхармапитаки, была позднѣйшимъ прибавленіемъ къ канону. Трудно было бы выразиться иначе о книгѣ, исторія которой такова¹⁾: великий учитель проповѣдывалъ ся тезисы на небѣ, и тогда же пророчилъ, что на землѣ книга будетъ изложена послѣ его смерти, во время третьего собора, когда возникнутъ въ общинѣ еретическія ученія. Содержаніе книги—опроверженіе еретическихъ ученій, раннихъ и позднихъ, то-есть, даже такихъ, которые возникли послѣ третьего собора. Чилдерсъ же по поводу этой книги говоритъ²⁾: „It is a source of great regret to me that in my article *Kathāvatthupakaranam* I inadvertently followed him (то-есть J. D'Alwis) in the stupendous blunder of his assertion that the *Kathāvatthu* was „added by Moggaliputtatissa (at the third Convocation). The *Kathāvatthu* is one of the Abhidhamma books mentioned by Buddhaghosa as having been rehearsed at the first Convocation immediately after Gautama's death. Едва ли самое строгое буддійское правовѣріе можетъ быть консервативѣе. Языкъ пали, по мнѣнію Чилдерса, былъ первичнымъ языкомъ буддійскихъ священныхъ писаній; съ него переводились эти писанія на санскритскій и другія нарѣчія; и переводчики, по соображеніямъ нашего автора, не понимали того, что имъ приходилось пе-

¹⁾ Она излагается въ началѣ комментарія.

²⁾ Dictionary etc., стр. 507.

редавать по санскритски. Не входя въ ближайшее рассмотрѣніе этого, по нашему крайнему разумѣнію, курьезного представлениа о познаніяхъ и догадливости древнихъ Индійцевъ, приведемъ для характеристики ипънія Чилдерса одинъ только примѣръ. Въ своемъ словарѣ, подъ словомъ *aupapātika* (adj.) *accidental, phenomenal, apparitional*, онъ говоритъ: *The word aupapātika not being found in Sanskrit, it seems to have greatly puzzled the northern Buddhists, when in later times they came to translate the Pāli texts into Sanskrit, and having a confused idea of its meaning, they referred it to the root pad, and coined a word aupapāduka or aupapādaka, as its equivalent (B. Lot. 394).* Unfortunately for their etymology the compound verb *upapad* in Pāli means to be born in the usual way. Къ несчастью, однако же, для самого Чилдерса слово, существование котораго онъ отрицаетъ въ санскритѣ, встречается въ санскритской буддійской литературѣ, и такъ называемые «периоды буддисты» очень хорошо понимали его значеніе и этимологію¹⁾). Сомнительна для насъ остается этимологія самого автора.

Ученіе Чилдерса о томъ, что такое буддійская нирвана, изложено имъ въ его словарѣ (стр. 205 и сл.). „Въ іюнѣ 1870 года“, говоритъ онъ тамъ,— „я изложилъ теорію, разрѣшающую всѣ трудности вопроса“. Въ чём же состояла эта теорія, и действительно ли она принадлежитъ творчеству Чилдерса, какъ это онъ самъ и вмѣстѣ съ нимъ и другіе разумѣли?

Теорія эта въ краткомъ изложеніи слѣдующа: Нирвана имѣть два значенія; этимъ словомъ обозначается состояніе блаженной святости, удѣла архата, или же уничтоженіе бытія—конечная цель святаго, архата. Множество изрѣчений о нирванѣ по оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что подъ словомъ „нирвана“ разумѣлось безусловное уничтоженіе бытія, уничтоженіе индивидуальности. Нирвана придавали слѣдующія эпитеты: ее обозначали пустотою, безусловнымъ, отмеченнымъ, не созданнымъ, безкрайнимъ, вѣчнымъ, безформеннымъ, не вѣчнымъ и т. д. Прекращеніе, уничтоженіе были также синонимами слова нирваны. „Выраженіе нирваны“, говоритъ Чилдерсъ,— „первоначально ограничивалось обозначеніемъ уничтоженія бытія. Затѣмъ тотъ же терминъ послужилъ для другого обозначенія—удѣла святости или архатства. Были сочинены или придуманы два различные термина для описанія двухъ неодинаковыхъ нирванъ: одинъ

¹⁾ Абхидхармакоса вјакхја, л. 193; Махајуттатти, 238, 1270.

терминомъ — савуддисесаниббана — обозначался краткій періодъ блаженнаго состоянія архата, непосредственно предшествующій вѣчной смерти, полному уничтоженію; послѣднее, въ свою очередь, называлось терминомъ ануваддисесаниббана¹⁾.

Установивъ такую точку зрения на терминъ нирваны, Чилдерсъ переходитъ затѣмъ къ толкованію различныхъ изрѣченій Дхаммапады, приводя при этомъ, кромѣ того, нѣсколько не изданныхъ палийскихъ источниковъ; эти изрѣченія онъ, какъ бы классифицируетъ на рубрики: въ однихъ, по его мнѣнію, говорится обѣ одной нирванѣ, то-есть, о блаженной святости архата, въ другихъ — о другой, то-есть, о полномъ уничтоженіи; въ третьихъ разумѣются обѣ нирваны.

Эти разъясненія слова нирваны въ научной литературѣ стали называться почему-то теоріей Чилдерса, хотя самъ Чилдерсъ признавалъ, что такое ученіе высказывалось и до него. Гарди и Д'Альвісъ говорили въ сущности то же самое; гораздо раньше обоихъ этихъ писателей то же опредѣленіе нирваны съ остаткомъ и нирваны безъ остатка встрѣчается въ книгѣ профессора Васильева²⁾.

Нѣкоторые изъ буддійскихъ монаховъ на Цейлонѣ принимаютъ теперь даже три нирваны для Будды: первой онъ достигъ имѣть съ всевѣдѣніемъ; вторая наступила для него имѣть съ тѣлесною смертью, и паконецъ, третья имѣть быть въ будущемъ, приблизительно черезъ 2500 лѣтъ. Тогда свершится полное уничтоженіе его мощей. Къ побѣдному святому дереву, чтѣ у Гаи въ Бихарѣ, соберутся все мощи вѣщаго, примутъ живой обликъ проповѣдника и послѣ краткой проповѣди перестанутъ существовать³⁾. Такая тройственная нирвана не есть измышленіе современныхъ буддійскихъ монаховъ, но, встрѣчается уже въ палийскихъ памятникахъ, правда, не каноническихъ и позднѣйшихъ⁴⁾, также точно, какъ и обозначеніе словомъ „пирвана“ блаженнаго состоянія по достижениіи всевѣдѣнія⁵⁾. Такимъ образомъ толкованія Чилдерса несомнѣнно вполнѣ согласны съ однимъ изъ существующихъ нынѣ среди цейлонской буддійской общины воззрѣніемъ на значеніе слова „нирвана“. Но было ли такое тол-

¹⁾ Здесь авторъ приписываетъ исключительно драмату — такое состояніе святости, которое было удѣломъ и другихъ буддійскихъ святыхъ исшихъ степеней.

²⁾ Буддизмъ, I, 94.

³⁾ A Full account of the Buddhist Controversy held at Pantura, стр. 69.

⁴⁾ Samprinditamahânidâna. (Жизнеописаніе Будды, рукопись).

⁵⁾ Тамъ же.

кованіе нирвани исконнымъ? Нирвана, говорить Чандерсъ,— есть обозначеніе блаженаго состоянія архата. Но чѣдъ значитъ архатъ? Слово это встрѣчается въ санскритской до-буддійской літературѣ. Буддисты, принявъ его въ свою догматику, придали ему опредѣленное, точное значеніе; но это значеніе установилось не сразу, было не однозначно и то же въ разныя времена, у разныхъ сектъ, и по всей вѣроятности, никогда слово „архатъ“ не имѣло тождественнаго значенія у всѣхъ сектъ буддійской Сангхи. Давая такое опредѣленіе нирвани, изслѣдователь выясняетъ значеніе *x* черезъ посредство не уясненнаго *y*. Самый процессъ исторического развитія доктрины упускается совершенно изъ виду.

Послѣ Чилдерса появилось еще нѣсколько новыхъ толкований и соображеній о значеніи пирваны; новые соображенія не всегда однакоже подкрѣплялись привлеченіемъ какихъ-либо новыхъ фактовъ. Что такое пирвана?—вопросъ этотъ задаетъ себѣ также Р. Девидсъ въ своемъ сочиненіи о буддизмѣ¹⁾), и не безъ нѣкоторой смѣлости отвѣчаетъ: пирвана это то же, что святость въ буддійскомъ смыслѣ слова, то-есть, совершенный миръ, доброта и мудрость. Пирвана, поясняетъ авторъ далѣе,—это уничтоженіе грѣховнаго состоянія ума и сердца, того состоянія, которое иначе вслѣдствіе великой мистеріи каммы (то-есть, дѣлъ вообще) было бы причиной возобновленія индивидуального бытія. Затѣмъ, однакоже, у того же Р. Девидса чрезъ нѣсколько строкъ выяснилось, что пирвана и святость—не одно и то же, а въ концѣ концевъ авторъ заявляетъ, что въ своихъ разсужденіяхъ онъ слѣдовалъ методу М. Мюллера и Чилдерса; хотя и расходится нѣсколько, какъ съ тѣмъ, такъ и съ другимъ, но именно это обстоятельство должно подтверждать справедливость его толкованія пирваны, такъ какъ это толкованіе не только основано на предшествующихъ работахъ двухъ названныхъ ученыхъ, но такъ бы примираетъ ихъ. мнѣніе Р. Девидса нашло себѣ послѣдователей; одинъ изъ нихъ предлагалъ даже воспользоваться этимъ толкованіемъ для поправокъ въ цейлонской хронології²⁾). Тотъ же ученый обнародовалъ нѣсколько новыхъ палийскихъ текстовъ о пирванѣ, и въ предисловіи къ этому изданію авторъ утверждаетъ, что печатаемые имъ тексты должны окончательно порѣшить вопросъ о пирванѣ;

¹⁾) Buddhism, стр. 111 и слъд.

²⁾ O. Frankfurter. См. *Ind. Antiquary*, vol. X, 153. См. также в *J. of the R. As. Soc. of Gr. B. and J.*, vol. XII, 548 и сл.

къ сожалѣнію, однакоже, весьма трудно согласиться съ мнѣніемъ автора о таковомъ именно значеніи изданныхъ имъ текстовъ. Для окончательного решенія вопроса необходимо издание многихъ и многихъ текстовъ, и, притомъ не однихъ только палийскихъ.

Позднѣе всѣхъ сейчасъ названныхъ ученыхъ высказался по вопросу о нирванѣ г. Олденбергъ. Большая начитанность въ палийской литературѣ, осторожность и критический тактъ, художественное и ясное изложеніе выдѣляютъ его послѣдовую книгу изъ всего, что писалось въ новѣйшее время о буддизмѣ¹⁾). Для обсужденія вопроса о нирванѣ авторъ привлекъ новый матеріалъ, и притомъ такой, какого не было въ распоряженіи ни у Чилдерса, ни у Д'Алвиса, а между тѣмъ Д'Алвисъ писалъ свою книгу на Цейлонѣ, у самыkhъ, такъ-сказать, источниковъ буддійской мудрости.

Земному миру, управляемому закономъ причинной связи, говорить г. Олденбергъ, — противопоставляется, по понятію буддистовъ, вѣчное. Что же это такое вѣчное? Нѣчто, или же оно можетъ обозначать что-либо совершенно отличное? Въ большомъ количествѣ буддійскихъ изрѣчевій описывается, что сватой уже въ земной юдоли становится обладателемъ нирваны. Этимъ, по мнѣнію г. Олденберга, безусловно точнымъ выражениемъ догматической мысли описывается此刻 состояніе человѣка на землѣ, начиная съ момента, когда онъ достигаетъ безгрѣшности и бескоробности.

Во всемъ этомъ г. Олденбергъ не расходится съ некоторыми изъ вышеупомянутыхъ писателей, и тѣ замѣчанія объ архатѣ, которыхъ были сдѣланы выше по поводу мнѣнія Чилдерса, одинаково приложимы и въ данномъ случаѣ. Но большая начитанность въ палийскихъ памятникахъ привела его къ совершенно оригинальному выводу: въ древней буддійской общинѣ, по его мнѣнію, нирвана понималась двояко: подъ этимъ словомъ разумѣли и вичто, и высшее блаженство; но ни то, ни другое пониманіе нирваны не имѣло преобладающаго значенія въ общинѣ. Все буддійское міросозерцаніе совершенно естественно должно было приводить къ отрицанію „и“ и къ пониманію нирваны какъ уничтоженія; но официальнымъ догматомъ (подлинное и совершенно не понятное выраженіе автора) этотъ выводъ не сдѣлался. Зачѣмъ, говоритъ г. Олденбергъ не безъ доли сентиментальности,—слабому противопоставлять рѣзущую остроту истинъ: побѣдный даръ освободившаго — ничто? Такимъ образомъ

¹⁾ Buddha etc., стр. 269 и сл.

установился официальный догмат буддийской церкви: по вопросамъ о томъ, есть ли „я“, живеть ли вѣцій по смерти, или нѣтъ, великий учитель ничего не преподаетъ.

Еще раньше г. Олденберга на такое значение вопроса о загробной жизни вѣщаго указалъ Тренкнеръ¹⁾; Будда, по словамъ этого ученаго, ничего не училъ о нирванѣ послѣ физической смерти; онъ отклонилъ этотъ вопросъ и черезъ это самое далъ возможность философамъ погружаться въ размышенія о вопросѣ самого живого интереса.

Итакъ, по мнѣнію двухъ послѣднихъ ученыхъ, вопросъ о значеніи нирваны былъ по порѣчию въ древнейшей буддийской общинѣ; официальная доктрина, какъ говорить одинъ,—или самъ Будда; какъ утверждаетъ другой,—отклонили решеніе этого вопроса.

Не думаемъ, однако же, чтобы возможно было считать эти несомнѣнно остроумныя соображенія за окончательное решеніе вопроса о нирванѣ или о „я“.

Если считать палийскій канонъ за произведение одной секты стхавировъ, получившее окончательную редакцію на трехъ первыхъ соборахъ и затѣмъ не подвергавшееся никакимъ видоизмененіямъ и вставкамъ, въ такомъ случаѣ является полная возможность вѣрить, вѣѣтъ съ буддистами, что двѣнадцать формулъ о неоткровенномъ уже существовали въ древнейшей общинѣ, и были чуть ли не изрѣченіями самого великаго учителя. Но такъ какъ такое воззрѣніе на канонъ пока не подтверждено никакими фактами, то и вопросъ о томъ, къ какому времени мы должны относить двѣнадцать (или четырнадцать) формулы о неоткровенномъ остается открытымъ.

По поводу этихъ двѣнадцати формулъ о неоткровенномъ буддисты рассказываютъ такую притчу: Въ городѣ Сравастѣ жилъ нѣкій царь; задумалъ онъ разъ показать слѣпогорожденныхъ слова и узнать отъ нихъ, каковъ имъ покажется слонъ. Привзвалъ онъ слугу и сказалъ ему: „Ступай, человѣче, и сколько ни есть въ Сравастѣ слѣпогорожденныхъ, собери ихъ“. Тотъ по славанному и сдѣлалъ, собралъ къ царю всѣхъ городскихъ слѣпогорожденныхъ. Приказалъ царь показать имъ слона. Однимъ дали ощущать голову слона, другимъ ногу, третьимъ клюкъ, четвертымъ ухо и т. д. Привзвалъ затѣмъ царь слѣпогорожденныхъ къ себѣ и говорить имъ: „Разказывайте, каковъ слонъ?“ И стали одни утверждать, что слонъ похожъ на горшокъ, другіе на

¹⁾ Trenkner, *Milinda-Panha*, 424.

столбъ и т. д. Не обошлось тутъ безъ спора, и даже драки. Погибли царь¹⁾.

Таковы же, по мнѣнію буддистовъ, и тѣ, кто утверждаетъ, что міръ вѣченъ, или не вѣченъ, что онъ конеченъ или бесконеченъ, что душа и тѣло тожественны, или что душа и тѣло не тожественны, что вѣшній существуетъ или не существуетъ по смерти и т. д. Для буддиста все эти тезисы были ауяката (ср. а уякгта), то-есть, по переводу г. Одденберга—не разрѣшенными, отклоненными буддійской церковью, или же самимъ Буддо, по мнѣнію Тренкнера.

Но, по смыслу сейчасъ приведенной притчи и по толкованію нѣкоторыхъ палійскихъ комментаріевъ, а уяката можетъ значить и не то: буддистъ, говоря на вопросъ: вѣченъ ли міръ, или не вѣченъ, ауяката,—этимъ самымъ хочетъ сказать, что міръ не опредѣленъ такими признаками, или что то же, міръ опредѣляется иначе²⁾. Такимъ образомъ знатѣль ауяката въ приложениѣ къ цѣлому ряду вопросовъ указываетъ на то, что на эти вопросы существовали определенные отвѣты въ буддійской общинѣ, отличные отъ отвѣтовъ еретическихъ сектъ.

Въ сущности и это послѣднее мнѣніе, точно также какъ и предшествующія, выше отмѣченныя, не есть исторія ученія о нирванѣ, каковая, можетъ быть прослѣжена даже по материаламъ, представляющимъ однимъ палійскимъ канономъ; въ этомъ поясненіи слова нирваны мы имѣемъ нѣкоторое указаніе (не вполнѣ удовлетворительное) на то, какъ нужно толковать различныя мѣста палійскихъ текстовъ. Невѣрная постановка, въ потои и неправильное решеніе вопроса, находятся въ сильной зависимости отъ превратного представления о какомъ-то преимущественномъ значеніи и большей правдивости цейлонскаго преданія; отсюда является и невѣрное воззрѣніе на исторію канона. Приводая предавію исключительно важное значеніе, въ историко-хронологическомъ вопросѣ о канонѣ, имѣеть съ этимъ и обращается должное вниманіе на то, что тѣмъ же преданіемъ говорится о различныхъ сектахъ и ихъ ученіяхъ о душѣ, о свитомъ и т. д., то-есть, о такихъ вопросахъ, которые паходятся въ тѣснѣйшей связи съ учениемъ о нирванѣ и имѣли за его развитіе сильное влияніе.

¹⁾ Udana, VIII, 5 (рукопись).

²⁾ Kathavatthu pakarana—atthu kathâ XIV, 8. (Рукопись).

И. Миннаевъ.

(Продолженіе смысуетъ).

Причитанія Сѣвернаго края; собранные Е. В. Барсовымъ Часть II. Плачи за- военные, рекрутскіе и солдатскіе. Изданы при содѣйствіи Общества любителей Россійской Словесности. Москва. 1882.

Десять лѣтъ тому назадъ Е. В. Барсовъ издалъ первую часть „Причитаній Сѣвернаго края“, въ которой заключались плачи погребальные, и сверхъ того, было помѣщено историческое введеніе — о причитаніяхъ вообще, и разныя объяснительныя приложения. Теперь вышла въ свѣтъ вторая часть этого сборника, содержащая въ себѣ плачи завоенные, то-есть, относящіеся до рекрутчины и солдатчины; они также снабжены введеніемъ — о происхожденіи и характерѣ этого рода причитаній, и затѣмъ другими объяснительными статьями. Рекрутскіе плачи оставались до сихъ поръ почти неизвѣстными изучающимъ русскую народную поэзію: тѣмъ интереснѣе и тѣмъ большаго сочувствія послуживаетъ сборникъ, составленный умѣлую рукой г. Барсова.

Конечно, рекрутскіе и солдатскіе плачи — не древня по своему происхожденію, какъ и самые наборы рекрутскіе; но они вышли изъ древнія формы народной причиты, потому что въ томъ краю, где они сложены, народъ еще не вышелъ изъ своего древнаго эпического строя. Край этотъ — Олонецкая губернія, Заонежье, край, сохранившій намъ и драгоценные памятники богатырского и исторического эпоса. Но вѣрному замѣчанію Гильфердинга, та глубокая глушь, въ которой жилъ крестьянинъ Заонежья, притомъ никогда не знавшій крѣпостнаго права, охраняла его отъ плѣнѣй, разрушающихъ и убивающихъ первобытную эпическую поэзію: „Къ нему не проникали ни воинскій постой, ни фабричная промышленность, ни новая мода; его едва коснулась и грамотность, такъ что даже въ настоящее время грамотный человѣкъ между крестьянами этого края есть весьма рѣдкое исключеніе. Такимъ образомъ, здѣсь могли удержаться въ полной силѣ стихіи, составляющія необходимое условіе для сохраненія эпической поэзіи: вѣрность старинѣ и вѣра въ чудесное. Вѣрность старинѣ такова, что она препятствуетъ такимъ нововведеніямъ, которыхъ польза очевидна, и которыхъ приняты во всей Россіи.... Какъ было при отцахъ и дѣдахъ, такъ должно оставаться и теперь: понятно, какое это было благопріятное условіе для сохраненія древнихъ преданій и былинъ. Въ то же время совокупность условій, въ которыхъ живеть этотъ народъ, устраиваетъ отъ него все, что могло бы ослабить въ немъ наивность дѣдовскихъ вѣрованій.... Огромное большинство живеть еще вполнѣ подъ господствомъ эпического міросозерцанія. Поэтому неудивительно, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ этого

ЧАСТЬ ССХІІІ, отд. 2.

13

края эпической поэзіи и теперь ключемъ бьеть" ¹⁾). Что здѣсь сказано о поэзіи, то же вполнѣ можетъ быть примѣнено и къ обычаямъ, и къ обряду: въ нихъ также крѣпко держится сѣдая старина, и вновь рождающіяся бытовыя условія и явленія неизбѣжно облекаются въ древнюю обрядовую и обычную обстановку.

Какъ свадьба и похороны сохраняютъ здѣсь едва ли не болѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстностяхъ Россіи, издревле уставившуюся, исполненную символическихъ намековъ обрядово-драматическую форму,— такъ и проводы рекрутовъ принали обычный складъ и сопровождаются соотвѣтствующими причитаніями. Вполнѣ справедливъ г. Барсовъ, когда говоритъ, во введеніи къ разбираемой книгѣ, что завоенные плачи имѣютъ ближайшее отношеніе къ прежде изданнѣмъ имъ плачамъ похороннымъ и надмогильнымъ: „Они зиждутся на тѣхъ же эпическихъ основахъ, отражаютъ въ себѣ толь же эпической складъ и связаны отчасти съ тѣми же вѣрованіями и преданіями, относящимися къ смерти и загробному существованію. Провожая сыновей своихъ въ военную службу, которая по идеѣ своей связана съ пролитіемъ крови и рѣшеніемъ самой жизни за вѣру и отчизну, отцы и матери оплакиваютъ сыновей своихъ-новобранцевъ, какъ живыхъ мертвѣцовъ, съ которыми свиданіе, быть можетъ, предстоитъ въ будущей жизни. Тяжкія страды этой службы, созданные историческимъ ходомъ жизни, дѣлали эту службу тяжелѣ самой смерти. И вотъ чувство разставанія родныхъ съ этими новобранцами выражилось въ народныхъ плачахъ словами, что „жива эта разлука пуще мертвой“ (стр. I). Конечно, завоенные плачи и выражавшееся въ нихъ настроение относятся къ старой военной службѣ, какова она была до сокращенія сроковъ и до введенія всеобщей воинской повинности; но обычай такъ живучъ и могущественъ, что пройдетъ еще не мало времени, прежде чѣмъ опять исчезнетъ вполнѣ изъ народного употребленія.

Познакомимся однако ближе съ тѣмъ, какъ въ былое время рекрутскихъ наборовъ совершался въ Заонежье обрядъ рекрутскихъ проводовъ.

Какъ скоро какой-нибудь парень вынѣтъ рекрутскій жеребій на сунѣмъ (сходкѣ), въ домѣ его начинается печальный пиръ: тотчасъ пекутъ и пражатъ что могутъ, собираютъ на столъ и угощають рекрута водкой, чтобы облегчить его горе. Причитываютъ падъ чимъ

¹⁾ Онежскія быльи, записанные А. О. Гильфердингомъ, введеніе, стр. XI.

или мать, или жена (если рекрутъ женатый); или особая плакальщица, „вопленица“, какъ зовутъ ихъ здѣсь. Какъ въ I-й части своихъ „Причитаний“, такъ и во II-й, г. Барсовъ справедливо выдвигаетъ втотъ замѣчательный типъ заонежской вопленицы; по его выражению, это— „свящеенная народная жрица, истолковательница семейного горя и облегчительница скорбящей души“, занимающая самостоятельное и почетное мѣсто въ народной средѣ. Вопленица часто приглашается и въ такую семью, где есть и свои родные плакальщицы; но таковъ ужъ обычай, имѣющій свое древнее происхожденіе¹). Причитываніе начинается обыкновенно послѣ печального пира, когда рекрутъ, вставъ изъ-за стола, начинаетъ ходить по комнатѣ, куда между тѣмъ набираются сосѣди и сосѣдки, родные и неродные, чтобы послушать вопленицы и раздѣлить семейное горе. „И не слышать бы лучше“,— сказывала одна крестьянка собирателю, — „ужъ больно сердце забираѣтъ, плавосинъ до кромыхъ слезъ; и пѣ жарь, и въ озобѣ бросаешь: жаль-тошно несчастныхъ некрутовъ“. Плачи, записанные г. Барсовымъ отъ одной изъ лучшихъ вопленицъ Заонежья Ирины Федосовой, представляютъ извѣстную цѣнь скорбныхъ излійаний отъ имени разныхъ близкихъ лицъ. Первое мѣсто, конечно, принадлежитъ матери:

Л чего да сижу, мать бѣдна безсчастная,
Сирота теперь служу безпріютная,
И на брусовоей сижу да бѣлой лавочкѣ,
И подъ печальныимъ косѣвчатымъ оконечкомъ,
И подъ туманноей стекольчатой оконенкой;
Я сижу, бѣдна горюша, призадумавши
И чужихъ басенокъ, горюша, пріослушавши;
Подпнуютъ инѣ-ка добры эти людушки
И посрѣкаются спорядныи сусѣдушки:
«И знать, на радости сидѣть да на весельиѣ
•И па великоей, знать, Господней Божіей милости:
•У ей вси вкупѣ сердечны, вѣдно, дѣтушки».
Я гляжу-смотрю, печальная головушка,
И што вѣдь приобрались народъ да люди добрыи:
И не весельице у насть, да не забавушки,
И не тихи, смиренныи бесѣдушки,
И не честное у насть да нированьеце.
Ноны какъ этиныи учетныи долгими гдышкими.
И сочинилась грозда служба государева,

¹⁾ См. обѣ втотъ обычай въ нашей статьи о I-й части «Причитаний» г. Барсова: Ж. М. Н. Пр. декабрь 1872 г.

И сволновался непріятель земли Русской;
 И присыпать стали указы государевы
 И собирать стали удалыхъ добрыхъ молодцевъ
 Какъ на сходку вѣдь темерь да на обществену,
 И тутъ писать стали удалыхъ добрыхъ молодцевъ
 Да на этоѣ на гербовой листъ-бумаженьку,
 И призывать стали суды исправосудны
 И все ко этимъ ко жеребамъ дубовыми.
 Ужъ какъ этимъ удали добры молодцы
 И передъ Господа глаза да вѣдь крестили
 И Богородицѣ молитовку теорини;
 И оны брали жеребія да тутъ дубовы:
 И пойти надо тутъ во службу государеву.
 Какъ сегодняшніи Господни Божіи девечкомъ
 И хоть исконаны да рѣзы у нихъ ножечки,
 Только сковано ретливое сердечушко;
 И хоть не связаны бурладки бѣлы рученъки,
 И обрестованы указомъ государевымъ.

Даге мать передаетъ жалобы сына на то, что его теперь
 Сустагас, видно, жизнь да нетаццая,
 Сустагас грозна служба государева.

Затѣмъ мать заключаетъ:

Не дай, Боже, вѣдь того, да Боже Господи,
 Разстававать со сердечимиъ со дитяткомъ.
 Ой, тошихояко ретливому сердечушку:
 Какъ дѣтина тоска—неугасимая,
 И какъ жива эта разлука пуще мертвей.

И эта мысль о скорой разлукѣ вызываетъ въ причитывающей цѣлый рядъ воспоминаний: ей представляется, какъ пріѣзжаютъ за речрутами земскія власти; мать бросается къ нимъ съ просьбой о пощадѣ, хочетъ подкупить ихъ золотою казной, а сына скрыть отъ нихъ въ своей свѣтлицѣ. Но скоро у бѣдной матери является раздумье:

Имы не скроешь-то сердечнаго вѣдь дитятки:
 Времена теперь ишли да все бѣдовыя,
 Хитроумны стали власти страховитны.

И вотъ, она уже предлагаетъ сыну бѣжать, чтобы укрыться отъ тяжелой службы:

Ой же ты, мое сердечно мило дитятко,
 И укатись, да мое красное ты вѣ золотѣ,
 И укатись да отъ родимой ионъ отъ родинки,
 И далеко на чужую на сторонушку,

И ты на эти на уречии недѣлюшки;
 И въ города да удались ты незнакомыи,
 И ты за крѣпости уѣдь новогородскіи,
 И не злали бы судья не правосудныи,
 И не довѣдались бы власти страховитыи,
 И тоеи порушкой теперь да тынъ времечкомъ
 И праваполняются наборы государевы,—
 И ты остановицься, сердечно мое дитятко,
 И во своей да молодецкой вольной волынкѣ.

Дѣйствительно, побѣги отъ рекрутства были въ старину часты въ Заонежье. „Какъ было не бѣгать?“ говорилъ собирателю крестьянинъ В. П. Щеголенковъ, известный сказатель былинъ.— „На службы было тѣсно: служба — великое мученье. Рекрутъ еще у полати въ желѣзы ковали; бьютъ и мучаются и есть настояще не даютъ; били на умертвіе; если солдатъ стоять въ ширинкѣ на ученьѣ я не могъ слова начальническаго сотворить, да и крестья ему мѣромъ на плеча: а тамъ ступай-ко къ распоряженю: поставить солдатъ улицей отъ ду-друга двѣ сажени въ ширинки, рубашку виноватому прикажутъ скинуть, штаны на ногахъ, и ступай въ эту улицу солдатъ; передъ каждымъ опъ остановку дѣласть; у каждого по три вицы завязаны вмѣстѣ, и каждый такъ ударъ, какъ можешь, не жалѣй; и это мѣсто называется „зелена улица“. Платились за побѣгъ дѣтей и отцы: земскія власти ставили ихъ голыми ногами на снѣгъ, бросали старииковъ въ прорубь на веревкѣ, морили голодомъ ихъ скотъ, все допытывались: гдѣ бѣглы. Доходило до того, что изъ деревень бѣжалъ и старъ, и младъ, и дома стояли пустые, пока не кончится наборъ. Священники укрывали бѣглыхъ.

Но разумѣется, не всегда и возможенъ былъ побѣгъ: завоенная причеть береть именно этотъ случай: въ ней сама матъ отказывается отъ мысли отъ побѣга:

И пораздумаюсь побѣдамъ своимъ разумомъ:
 Никуды выпь не уძенъ да не упрячетъся;
 Времена теперь поплы да все бѣдовыи,—
 Хлѣбоумы стали власти скроzekозныи.

Послѣ первыхъ плачей въ родительскомъ домѣ обычай требовалъ дать волю рекруту: начипался разгуль его со сверстниками. Они катились на коняхъ по улицамъ иногда не только своей деревни, но и другихъ близайшихъ. Напиваться при этомъ не только не считалось предосудительнымъ, но даже какъ бы обязательнымъ. Пѣлись

и́йсни—и веселыи, и грустныи, и настроение той минуты вѣрно опре-
дѣляется словами одной изъ нихъ:

Ужь мы гулять-то не гуляемъ,
Свое горе заливаемъ ...

Причтеть слѣдить за всѣми этими моментами послѣднаго пребы-
вания новобранца въ родной деревнѣ. Мать или волленица взываетъ
къ его сверстникамъ, приглашая ихъ поразвеселить молодаго ре-
крута, и затѣмъ приглашая „родъ — племя любимое“ взглянуть на
его горкій разгуль.

Послѣ гулянья ѿхали прощаться съ родственниками, и здѣсь, въ
каждомъ домѣ происходило то же, чтѣ въ родительскомъ: посильное
угощеніе съ обычными слезами и особыми жалобными причитаніями
отъ лица тетки новобранца, двоюродной сестры, паконецъ—просто
отъ сосѣдей не родственниковъ. Затѣмъ рекрутъ съ родными и близ-
кими отправлялся въ церковь служить молебенъ. Волленица, въ своей
причети, передаетъ молитвы молодца:

И помолься да я Богу отъ желаньица,
И послужу да я молебенъ Богородицѣ,
И я поставлю Еї свѣтица да воску ярова,
И положу-то пелены да Еї шелковыи;
И помолься да со слезами со горючима
Ужь я этому Владыкѣ все небесному:
И сохранилъ бы меня Господи помиловать
И отъ прѣмной полаты бѣломаменной
И какъ отъ этой бы отъ службы государевої.
И ты спаси, да Пресвята Мати Богородица,
Ты отъ этихъ властей помилосердыхъ,
Ты отъ этихъ судей да все безбожныхъ!
И вы простите-то, попы отцы духовныи
И благодѣтели служители церковныи,
И на духовныхъ молитвахъ вспомяните-ка
Вы меня да все удача добра молодца!
И буде возвращусь на родимую сторонушку
И со этого города Петровскаго,
Разсчиталъся я за ваше утружденьице,
И за молитовки-то ваши иѣдь церковныи
Ужь я сдѣю вамъ духовно угощеньице.

Наконецъ, настаютъ проводы, послѣднее угощенье и прощанье.
Изображая эту сцену, причтъ достигаетъ глубокой силы чувства и
замѣчательной яркости образовъ:

И какъ во этомъ во почестномъ во большомъ углу
Уже вси вкушѣ уѣдли добры молодцы,

Всъ сидя тутъ рекрутъ да очередны
 И не удалище имъ ёствушки сахарніи,
 И не въ сласть да вмъ сладка пынь-ку водочки:
 За столомъ да ихъ головки приваловены
 И о сыру землю ихъ очюшки утищены.
 И тутъ великоей обидой забавляются,
 И омы горькими слезами обливается.
 И говорятъ да имъ тутъ власти поставлены:
 «И съ родомъ съ племенемъ, бурлакунки, прощайтесь-ко».
 И отвѣтъ держать имъ рекрутки молодыи.
 «Дай волю-теткъ, суды вы милосердны,
 И хоть едной часть вы дайте-то, минуточку,
 «Намъ потѣшить свое сердце молодецкое».
 И звать, пришла да вѣдь пора да тое времячко
 Изъ-за стола пойти буракушкамъ молодыни
 И отъ куинаньеи пойти да отъ сахарныхъ
 И отъ пыньценьи пойти да отъ дедьяныхъ.
 И нынъ долить до ихъ великихъ кручинушка
 И ушибить да ихъ великая тоскичушка.
 И они крестъ кладуть, бурлаки, ио писалому
 И предъ Господомъ вѣдь славу сотворяютъ.

Слѣдуетъ молитва новобранцевъ, прощанье ихъ съ родителями и
 сосѣдами, съ роднымъ домомъ и всею сельскою жизнью.

И говорили тутъ безчастны таково слово:
 «И ты не пой, пане сердечко молодецкое,
 И не тоскуй, наша утробушка бурланкал.
 И жаль разстаться со родимой со сторонушкой».
 И со тоски да тутъ илии рекрутъ о сыру землю;
 И подхватили да ихъ тутъ судь поставлены
 И взяли молодцовъ подъ правую рученьку,
 И посадили во печальныхъ дубовы сани
 И пріукрыли соболинымъ одѣллишкомъ.
 И пріотѣклинули желанныхъ родителей
 Отъ своихъ онѣ сердечныхъ миныхъ дѣтушекъ.
 И отѣхнули сродчевъ-сродничковъ любимиыхъ.
 И тутъ извоички добрыихъ коней покудили,
 И добры конюшки пошли да супорешено.
 И быдто сѣрый волкъ подъ кустышкомъ поуживать,
 И такъ бурлаки путь-дороженькой тоскуютъ
 И въ дубовыхъ сапахъ оны да горекуютъ:
 И не дали то имъ судь венилосердны
 И со старыми старушкамъ имъ проститися
 И на всѣ стороны поклонитися.
 Какъ везутъ да ихъ извоички не миши

И не по разуму ступисты лошадушки
И даѣт-даѣт отъ родимой сторонушки,
И ускоряются ко городу Петровскому
Какъ ко этому принему государеву.

Пересказанный нами плачъ относится къ холостому рекруту, живущему при отцѣ и матери. Г. Барсовъ сообщаетъ и другой плачъ— о рекрутѣ женатомъ: здѣсь, разумѣется, главныи лицомъ является его молодая жена и малыя дѣтишки; высказывая свою скорбь при разлукѣ съ мужемъ, она взываетъ къ сочувствію и помощи своихъ родныхъ, какъ по крови, такъ и тѣхъ, которыхъ народъ называетъ богоданными, то-есть, свойственниковъ по мужу; въ плачахъ этого рода въ особенности ярко обрисовывается крѣпкій строй русской семьи, завѣщанный древнею Русью и сохраненный простымъ народомъ лучше, чѣмъ высшими сословіями. Даѣте, есть въ сборникѣ г. Барсова плачи при проводахъ солдата съ побывки: въ нихъ опять находимъ новые черты народной жизни и народныхъ понятій: причеть передаетъ разказы солдата о его трудномъ житьѣ-бытьѣ на военной службѣ, объ обидахъ начальниковъ, о царскихъ милостяхъ. Народная возврѣнія на царскую власть, на разные общественные отношенія высказываются здѣсь не только съ полной искренностью, но и съ замѣчательнымъ пониманіемъ гражданскихъ обязанностей, освященнымъ любовью къ родинѣ. Солдатъ жалуется матери на безысходныя тягости своей службы, гдѣ

На ученьцѣ этомъ па мученьцѣ
И вся изорвана побѣдна наша силушка,
И все сколочены вѣдь бѣдны наши костьца,
И если истомлены вѣдь бѣдны наши рученьки,
И безновинно бываютъ вѣдь насъ да до умертвія,
И все съ голоду-то настъ вѣдь заморяютъ,
И мы вѣдь съ жадности, солдаты, посыхаемъ.

Но вотъ пронеслась вѣсть, что врагъ вступили въ землю Русскую, и тотъ же забитый солдатъ является героемъ...

И да мы трудъ бѣдны солдаты, принципали,
И мы трудились за Русию подселенную
И за эту мы иѣру христіанскую,
И за цари да мы трудились благоїѣрного,
И за царицу-то вѣдь мы за милосердную.
И день и ночь да на страженцѣ столпи
И хлѣба-соли мы пять сутокъ не єдали,
И десять днѣвъ воды, безчастны, не пивали.
И не видѣли мы нѣ дыма да краснаго солнечника

И въ туманѣ-то не види свѣту бѣлаго.
 И съ огня съ пламенемъ бѣна голова рострѣскалась,
 И дымомъ сѣло-то побѣдны наши озушки;
 И тутъ сердечушко у вѣстъ да разгорѣлось,
 И молодецкая утроба расходилась;
 И тутъ сть ду-другомъ солдаты распиростились,
 И уже тутъ да мы, солдатушки, не знаемъ,
 И на кого да мы оружья заряжаемъ.
 И говорить да тутъ солдатушки безчастныи:
 «П спаси, Господи, Русью подселенную,
 •И сохрани Ты, Владыко многомилостивой,
 •И благовѣрнаго царя да Ты Русскаго.
 •И какъ еще да спаси, Господи, помилуй
 •И на страженъцѣвъ безчастныхъ настѣ головушекъ,
 •И отъ смерти сохрани да настѣ напрасной
 •И спаси, Господи, отъ Турки окамнной!
 •И пособи, да Пресвята Мать Богородица,
 •И побѣдить этихъ злодіевъ супостатиныхъ
 •И рѣшить званіе-то Туркамъ все прохлѣтніи»...

Приводя одинъ изъ подобныхъ отрывковъ причитаний въ своемъ введеніи, г. Барсовъ вполнѣ справедливо замѣчаетъ: „Читая эти строки, такъ и хочется спросить: какой военный историкъ, писавшій о русскихъ походахъ, могъ почутъ и такъ кратко и сильно выразить богатырство сѣраго сукна и арестованного сердца, не разъ удивлявшаго западъ Европы своею мощью?“

Мы указали только вѣкоторыя главныя черты содержанія завоеванныхъ плачей. Большой интересъ представляютъ они и съ виѣшней стороны—со стороны языка, слога и фактуры стиха; любопытно наблюдать въ нихъ ту живучесть народной рѣчи, которая льется тольѣ свободно и какъ бы сама собою слагается въ размѣръ. Все это представляеть въ причитаніяхъ обильный материалъ для изученія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, вѣроятно, изслѣдователи обратятъ вниманіе и на то, не слѣдуетъ ли признать и вѣкоторой доли личнаго творчества въ этихъ произведеніяхъ народной поэзіи, и быть можетъ, подмѣтать въ нихъ даже слѣды вліяній книжныхъ, литературныхъ.

Во всякомъ случаѣ г. Барсову принадлежитъ великая заслуга обнародованія и почти, можно сказать, открытія одного изъ замѣчательнѣйшихъ отдѣловъ русской народной поэзіи. Въ своемъ прекрасномъ введеніи къ сборнику завоеванныхъ плачей онъ является и искусственнымъ толкователемъ этихъ памятниковъ народнаго творчества, указываетъ историческія явленія, оставилшия на нихъ свою печать, и извлекаетъ изъ нихъ важнѣйшия характерныя черты народныхъ понятій.

Вообще, издание завсѣнныхъ плачей обставлено всѣми необходимыми пособіями для ихъ уразумѣнія и оцѣнки: вслѣдъ за самими причитаніями сообщены свѣдѣнія о вопленицахъ, отъ которыхъ они записаны, дающе народные разказы о бѣглыхъ рекрутахъ, сказка о солдатѣ и смерти, замѣчанія о языкѣ причитаній и словарь мѣстныхъ словъ. Нужно сознаться, что у насъ не часто издаются памятники народной поэзіи такъ обстоятельно, какъ это сдѣлалъ почтенный Е. В. Барсовъ.

Л. Маймель.

СОВРЕМЕННАЯ ЛІТОПИСЬ.

НИКОЛАЕВСКАЯ ГЛАВНАЯ АСТРОНОМИЧЕСКАЯ ОБСЕРВАТОРИЯ ВЪ 1881 ГОДУ.

Въ 1879 году почтеннымъ директоромъ знаменитой нашей астрономической обсерваторіи, академикомъ О. В. Струве совершена была поѣзда въ Сѣверную Америку для заказа новаго 80-ти дюймоваго рефрактора. По полученнымъ нынѣ свѣдѣніямъ, объективъ къ этому рефрактору будетъ вѣроятно изготовленъ и представленъ на испытаніе еще въ текущемъ году. Отливка такой большой массы кронгласа представила неожиданный затрудненія, и только въ ноябрѣ прошлаго года американскіе оптики Альванъ Кларкъ съ сыновьями могли уведомить академика Струве, что имъ доставлена съ стеклянаго завода Фейль въ Парижѣ масса кронгласа, оказавшаяся, по строгому изслѣдованію, самыхъ превосходныхъ качествъ относительно чистоты, прозрачности и ровности; но что французскимъ фабрикантамъ не удалось достичь при отливкѣ этой массы условленной толщины; почему изъ нея нельзя изготовить объектива съ фокуснымъ разстояніемъ въ 40 футовъ, такъ какъ слишкомъ тонкая чечевица могла бы нѣсколько изогнуться, въ ущербъ ея оптическому достоинству. Вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, гг. Кларкъ замѣтили, что, по ихъ мнѣнію, толщина достаточна для изготавленія объектива съ фокуснымъ разстояніемъ въ 45 футовъ, въ виду чего просили разрѣшенія на такое увеличеніе размѣровъ трубы. Вопросъ представлялъ нѣкоторыя затрудненія. Съ

частью осахи, отд. 4.

1

одной стороны, вѣдь предшествовавши соображенія обѣ устройствѣ механической части инструмента и о возведеніи для него башни были основаны на первоначально обусловленномъ фокусномъ разстояніи въ 40 футовъ, и, несомнѣнно, расходы по этимъ двумъ статьямъ должны были значительно возрасти съ увеличеніемъ фокуснаго разстоянія; съ другой же стороны, нельзя было упустить изъ виду, что, такъ какъ отливка доставленной массы потребовала уже два года, то изготавленіе другой, болѣе толстой массы могло бы затянуться на совершенно неопределѣнное время, что фабрикантамъ могло и не удастся вовсе отлитъ массу прежде указанной толщины, и что доставленная масса сама по себѣ необыкновенно хорошихъ качествъ, каковыхъ могли и не оказаться при новой отливкѣ. Взѣсивъ тѣ и другія условія, и, убѣдившись по справкѣ, что предвидимое увеличеніе расходовъ не превысить предѣловъ ассигнованной на приобрѣтеніе рефрактора суммы, если отказаться отъ нѣкоторыхъ другихъ, менѣе существенныхъ приспособленій,—директоръ обсерваторіи изъявилъ согласіе на принятіе большаго фокуснаго разстоянія, тѣмъ болѣе, что оптическое достоинство объектива отъ этого не только не могло бы пострадать, но даже безспорно нѣсколько выиграло бы. Получивъ утвердительный отвѣтъ, гг. Кларкъ, около нового года, приступили къ окончательной шлифовкѣ объектива и разчитываясь, что работа ихъ успѣшно окончится еще осенью нынѣшняго года.

На вскій случай ими въ то же время заказана и другая масса, установленной толщины, которая тотчасъ же могла бы замѣнить готовую, если бы послѣдняя при обработкѣ оказалась неудовлетворительною.

Междѣ тѣмъ въ 1881 году академикомъ Струве былъ подробно разработанъ съ гг. Ренсольдъ въ Гамбургѣ планъ устройства инструмента, въ тѣхъ видахъ, чтобы и механическая часть его не уступала въ превосходствѣ оптическимъ достоинствамъ. Вообще гг. Ренсольдъ въ устройствѣ инструмента намѣрены придержаться той же системы, которая столь успѣшно примѣнена ими въ новѣйшихъ произведеніяхъ ихъ искусства—Страсбургскомъ и Миланскомъ рефракторахъ и при перестройкѣ старого рефрактора Цулковской обсерваторіи. Подробное изученіе этого перестроенного инструмента дало академику Струве возможность вполнѣ оцѣнить несомнѣнное превосходство принятой гг. Ренсольдъ системы и, вѣдьмъ съ тѣмъ, указать еще нѣкоторыя новые усовершенствованія. На этомъ основаніи былъ заключенъ съ гг. Ренсольдъ контрактъ, которымъ они обязывались окончить свою часть работы въ теченіе двухъ лѣтъ, если не ранѣе. Та-

кими образомъ можно разчитывать, что весь инструментъ будетъ готовъ къ осени 1883 года.

Засимъ оказывается своевременнымъ приступить и къ устройству башни для нового рефрактора. Въ этомъ отношеніи, частію по причинѣ увеличенія фокуснаго разстоянія, частію вслѣдствіе постоянно низкихъ вексельныхъ курсовъ, пришлось впечатительно отступить отъ первоначальныхъ соображеній. Такъ, надо было отказаться отъ соединенія башни съ главнымъ зданіемъ Обсерваторіи непосредствомъ коридора и отъ устройства вокругъ башни помѣщеній, которыми имѣлось въ виду удовлетворить и нѣкоторымъ другимъ потребностямъ. Но въ главныхъ частяхъ не будетъ допущено отступленій. Диаметръ башни принятъ въ 63 фута, высота съ надѣломъ около того же. Нижняя часть башни до горизонта трубы, сажени четыре, будетъ сложена изъ кирпича. На эту кирпичную стѣну будутъ уложены рельсы, по которымъ должна двигаться верхняя, желѣзная, вращающаяся часть башни. Устройство послѣдней, по причинѣ ея большихъ размѣровъ, требуетъ многосложныхъ соображеній и точнѣшаго техническаго выполненія. Заслуживаетъ вниманія, что вся эта задача будетъ исполнена отечественными силами. Подробный планъ устройства уже выработанъ извѣстнымъ директоромъ С.-Петербургскаго металлическаго завода О. Е. Креллемъ и подвергнутъ разсмотрѣнію знаменитаго нашаго инженера, генерал-лейтенанта Г. Е. Паукера, обязательно содѣйствующаго обсерваторіи въ настоящемъ дѣлѣ.

Въ болѣе теплыхъ климатахъ для устройства подобныхъ башень обыкновенно приписываютъ возводимую съ большою легкостью, полу-сферическую форму. Но у насъ такая форма, по причинѣ сѣжихъ заносовъ и гололедицы, неудобопримѣнна. Притомъ существенно важно, что бы во всякое время дня и ночи каждая часть башни, и особенно люки, были легко доступны. По этому у насъ, безъ сомнѣнія, предпочтительнѣе та форма, въ видѣ барабана съ вертикальными стѣнками и немногою покатою крышею, удобства которой достаточно выяснены полувѣковою службою старыхъ башенъ обсерваторіи. Въ новой башнѣ, также какъ и въ старыхъ, прорѣзъ для люковъ будетъ сквозной чрезъ всю башню. Выполнение этого условія значительно затрудняется размѣрами прорѣза, такъ какъ для удобнаго употребленія инструмента и для уравновѣшеннія вѣтровъ и внутренней температуры, ширину прорѣза нужно принять по крайней мѣрѣ въ 7 футовъ. Но всего труднѣе, конечно, совмѣстить въ огромной башнѣ необходимую устойчивость и легкую подвижность. Въ послѣд-

1*

немъ отношенія особенно важно, чтобы рельсы, на которыхъ будеть двигаться башня, сохранили совершенную горизонтальность во всякое время года. Для этой цѣли кирпичная подстройка должна имѣть значительную толщину и такую глубину, до которой не достигали бы морозы въ самыя суровыя зимы. Кроме того, эта подстройка должна быть защищена снаружи какъ отъ непосредственнаго влиянія непогоды, такъ и отъ солнечныхъ лучей. Какъ въ прошлогоднемъ отчетѣ упомянуто, эта часть постройки поручается опытному царскосельскому дворцовому архитектору Вадову, и должна быть окончена къ настоящей осени, чтобы она могла достаточно высокнуть и осѣсть до будущаго лѣта, когда г. Крелль поставить на ней вращающуюся часть.

Что касается старого рефрактора обсерваторіи, то замѣченныя прежде молекулярныя сотрясенія штатива при движеніи часоваго механизма, вредно вліявшия какъ на отчетливость изображеній, такъ и на точность измѣреній, теперь вполнѣ устраниены тѣмъ, что гг. Репсольдъ совершенно отдѣлили регуляторъ отъ штатива и поставили его непосредственно на полъ залы инструмента. Въ настоящее время механизмъ этотъ дѣйствуетъ такъ правильно, что удовлетворяетъ строжайшимъ требованіямъ, представляемымъ, напримѣръ, при исполненіи астрофизическихъ работъ.

Большой пассажный инструментъ обсерваторіи не требовалъ въ теченіе прошлаго года никакихъ измѣненій. Употребляемый при немъ хронографъ Гиппа оказывается вполнѣ удовлетворительнымъ. На немъ, съ осени 1881 г., регистрируются секунды какъ часовъ Тиде, установленныхъ въ пространствѣ съ постояннымъ давленіемъ воздуха, такъ и часовъ Говю, находящихся въ центральной залѣ обсерваторіи. Притокъ ртути въ прерывателѣ часовъ Тиде удачно урегулированъ помощью упомянутаго въ прошлогоднемъ отчетѣ приспособленія. И тѣ и другіе часы въ 1881 году были вычищены и вообще идуть удовлетворительно. Одновременно регистрировкою секундъ обоихъ часовъ они взаимно контролируются.

Произведенные г. Вагнеромъ опыты показали, что гальваническій прерыватель системы Кноблиха въ часахъ Говю имѣть значительное вліяніе на ходъ этихъ часовъ, и что требуется большая осмотрительность, чтобы избѣгнуть вредныхъ послѣдствій такого вліянія.

Большой вертикальный кругъ Эртелья около новаго года снова вступилъ въ регулярное употребленіе въ рукахъ г. Нюрена. Къ прибору этому въ послѣднее время механикомъ обсерваторіи придано осо-

бое приспособление для освещения одною лампою заразъ дѣловій круговъ, микрометрическихъ винтовъ микроскоповъ и поля зѣнія. Такое устройство не только значительно облегчаетъ отчитываніе круга, но, вслѣдствіе постоянства освещенія, придаетъ ему и большую точность.

Извѣстно, что, при вычислениі рефракціи, знаніе температуры атмосферы играетъ весьма важную роль. Легко можетъ быть, что и некоторые, хотя небольшія, но все же довольно замѣтныя систематическая разногласія; открытія при обработкѣ прежнихъ наблюдений вертикальныхъ кругомъ, слѣдуетъ приписать неточному опредѣленію атмосферного тепла. Г. Нюренъ, занявши съ ближе этимъ вопросомъ, пришелъ къ заключенію, что употреблявшіеся допытъ ртутные термометры, несмотря на строжайшее ихъ изслѣдованіе, не могутъ указать температуру воздуха съ желаемою точностью. А потому, по его предложенію, для употребленія при вертикальномъ кругѣ установлѣнъ воздушный термометръ работы Ф. Миллера въ Инсбрукѣ. До какой степени это нововведеніе окажется полезнымъ, покажетъ опытъ.

Остальные главные инструменты обсерваторіи находятся въ вполнѣ удовлетворительномъ видѣ и не требовали исправленій, кроме незначительныхъ и вообще неминуемыхъ при постояннѣмъ употребленіи.

Изъ числа переносныхъ инструментовъ, универсальный пассажный инструментъ, строившійся г. Гербстомъ по мысли В. К. Даллена, въ настоящее время оконченъ. Изготовленіе его длилось безъ малаго пять лѣтъ, главнымъ образомъ по причинѣ многихъ другихъ неотложныхъ работъ, лежавшихъ на механикѣ обсерваторіи.

Съ устройствомъ этого усовершенствованного инструмента, старые два переносные пассажные инструмента, изготовленные еще 20 лѣтъ назадъ, не нашли бы уже употребленія. Но такъ какъ они еще вполне годны для практическихъ занятій, то директоръ обсерваторіи согласился на предложеніе начальства Николаевской академіи генеральнаго штаба — уступить ихъ, вмѣстѣ съ принадлежащими къ нимъ старыми хронографами Крилле, военно-академической обсерваторіи, въ обмѣнъ на другой экземпляръ усовершенствованного хронографа Гиппа, въ которомъ Чулковская обсерваторія нуждается.

Возвращенный полтора года тому назадъ изъ Владивостока 6-ти дюймовый рефракторъ Репсольда въ истекшемъ году совершенно восстановленъ. По ходатайству датского правительства, этотъ инстру-

ментъ, съ разрѣшениемъ министерства народнаго просвѣщенія, на 8 мѣсяцевъ уступленъ датскому астроному Некюле для наблюденій предстоящаго прохожденія Венеры на островѣ Св. Оомы.

Точно также министерствомъ народнаго просвѣщенія разрѣшено, по просьбѣ французскаго правительства, уступить запрообразно на 10 мѣсяцевъ, для наблюденія того же явленія, французскимъ астрономамъ два гелиометра, принадлежащіе Казанской и Дерптской обсерваторіямъ.

Астрономическія наблюденія въ обсерваторіи дали въ текущемъ году слѣдующіе результаты:

Наблюденія большими пассажирскими инструментами для составленія фундаментальнаго каталога звѣздъ для эпохи 1885 года производились непрерывно,—при ясной погодѣ даже въ теченіи всѣхъ 24 часовъ. Такъ, г. Вагнеромъ получено не менѣе 2,927 прохожденій сѣтиль, къ коимъ принадлежать 1,076 отчетовъ меридіанныхъ марокъ и 476 никеллировокъ оси.

Посредствомъ вертикального круга до конца 1881 года, за рѣдкими исключеніями, наблюдалось одно только солнце для точнѣйшаго опредѣленія точекъ равноденствій. Г. Ниреномъ сдѣлано 134 такихъ наблюденій для каждого края солнца. Съ нового года начаты этими инструментомъ и наблюденія звѣздъ для фундаментальнаго каталога 1885 года. Въ первые четыре мѣсяца текущаго года сдѣлано было 452 полныхъ опредѣленія склоненій, собранію которыхъ частію необыкновенно благопріятствовала погода, но еще болѣе ускореніе наблюденій, достигнутое упомянутымъ выше приспособленіемъ для освѣщенія круговъ и микроскоповъ.

Рядъ наблюденій, произведенныхъ г. Ниреномъ помощью пассажирскаго инструмента въ первомъ вертикаль для опредѣленія коеффиціента aberrациіи, около нового года законченъ прибавленіемъ къ прежнему числу 118 полныхъ наблюденій и значительного числа прерванныхъ по непостоянству погоды. Такимъ образомъ, полное число наблюденій для означенной цѣли простирается до 600, распределенныхъ на 24 звѣзды. Изъ нихъ 20 могли быть наблюданы довольно равномѣрно, какъ около максимума, такъ и около минимума aberrациіи, а 4 лишь около одной изъ этихъ эпохъ.

Старый рефракторъ обсерваторіи, по причинѣ упомянутаго не вполнѣ удовлетворительного, теперь же совершенно исправленного, дѣйствія часового механизма, въ отчетномъ году не могъ быть употребляемъ съ пользою для измѣренія двойныхъ звѣздъ въ тѣсномъ

смыслъ слова. Тѣмъ чаще, впрочемъ, пользовались имъ, какъ самъ директоръ обсерваторіи, такъ и сынъ его, Германъ Струве, для опредѣленія мѣстъ разнѣхъ кометъ, въ особенности блестящей кометы 1881 года и кометы Энке. Первая изъ нихъ наблюдалась 50 разъ и послѣднѣе наблюденіе сдѣлано 5-го февраля. Комета Энке наблюдалась 11 ночей.

Кромѣ того, въ лѣтнѣе мѣсяцы прошлаго года сдѣлано академи-комѣт Струве 190 наблюдений искусственныхъ двойныхъ звѣздъ для дальнѣйшаго разъясненія прежнихъ систематическихъ ошибокъ из-мѣрений.

Кометы σ и ϵ прошлаго года наблюдались, посредствомъ 6-ти-дюймоваго рефрактора, г. Ромбергомъ, получившимъ 28 наблюдений первой, и 18 второй кометы.

Г. Баклундъ, посредствомъ 4-хъ дюймоваго гелиометра, въ теченіе 27 ночей, дѣлалъ измѣренія спутниковъ Юпитера. Виѣсты съ тѣмъ, сдѣланы имъ, въ 10 ночей, измѣренія группъ звѣздъ, принятыхъ для опредѣленія шкалы инструмента, а также 30 измѣрений въ группѣ Плеядъ и около 30 наблюдений для опредѣленія ошибокъ инструмента. Хотя, такпѣ образомъ, уже собрано довольно значительное число наблюденій, но для болѣе точнаго вывода массы Юпитера г. Баклундъ считаетъ желательнымъ продолжить свои наблюденія во время слѣдующаго противостоянія планеты.

Затѣмъ спутниковъ Юпитера наблюдано г. Витрамомъ 10, г. Гербстомъ 25.

Ночей съ достаточно чистными для фотометрическихъ наблюденій небомъ въ отчетномъ году было очень немного. Поэтому г. Линденманъ могъ получить помошью фотометра Цѣльнера лишь втрое меньшее число наблюденій, чѣмъ обыкновенно, именно 54 полныхъ наблюденія. Большая часть ихъ произведенія надъ звѣздами различныхъ величинъ для опредѣленія коефиціента ослабленія свѣта металлическою сѣткою, которую А. Ф. Вагнеръ началъ употреблять въ прошломъ году для изслѣдованія вліянія яркости звѣздъ на наблюденія прохожденій.

Обращаясь теперь къ работамъ астрофизической лабораторіи, напомнимъ, что въ составѣ небесныхъ тѣлъ, звѣздъ, кометъ, туманностей и пр., водородъ играетъ весьма важную, если не преобладающую роль. Поэтому старанія г. Гассельберга преимущественно направлены были на изслѣдованіе спектра плавающаго элемента при различныхъ физическихъ условіяхъ и на точное измѣрение составляющихъ его

лий. Для этой работы преимущественно служилъ спектроскопъ среднихъ размѣровъ, обязательно предоставленный лабораторіи на время профессоромъ технологического института Р. Э. Ленцомъ.

Недавно лишь астрономической лабораторію получены отъ неизвѣстного оптика Пражмовскаго въ Парижѣ первоклассный спектроскопъ. При употреблении доставленныхъ тѣмъ же оптикомъ полихъ призмъ, наполненныхъ сѣроуглеродомъ, снарядъ этотъ представляетъ наиболѣе предомленные части спектра въ поразительномъ совершенствѣ.

Большія кометы прошлаго года представили особенно любопытный предметъ для спектральныхъ изслѣдований. Къ сожалѣнію, время ихъ наибольшаго блеска совпадало съ свѣтлыми лѣтними ночами. Не смотря на то, Гассельбергу удалось въ разные вечера съ полнымъ успѣхомъ измѣрить положеніе главныхъ линій ихъ спектровъ по-мощью Мерцовскаго спектроскопа à vision directe, приданнаго къ старому геліографу.

Часовой механизмъ геліографа въ настоящее время совершенно исправленъ. Съ июня 1881 года приступлено къ фотографированию солнца, какъ вообще при благопріятныхъ условіяхъ, такъ особенно при появленіи замѣчательныхъ солнечныхъ пятенъ. Такихъ снимковъ сдѣлано 87. Зимою, какъ рѣдкость ясной погоды, такъ и малая высота солнца, представляютъ неблагопріятныя условія для сказанныхъ работъ.

Къ дѣятельности астрофизической лабораторіи нужно отнести также подробное изслѣдованіе громоотводовъ обсерваторіи, произведенное гг. Гассельбергомъ и Германомъ Струве лѣтомъ отчетнаго года. Оказалось, что громоотводы эти, въ томъ видѣ, какъ они были въ началѣ устроены покойнымъ академикомъ Ленцомъ, нынѣ вовсе не проводили тока, вслѣдствіе ржавчины и вообще порчи тѣхъ частей, которыми связаны подвижныя части башень съ желѣзною крышею. Замѣченный недостатокъ нынѣ совершенно устраненъ примѣненіемъ особыхъ приспособленій, такъ что громоотводы снова дѣйствуютъ вполнѣ исправно.

Громоотводы заслуживаютъ особенного вниманія въ новѣйшее время, когда начали изготавливать всѣ большия инструменты изъ жѣлѣза и чугуна. Поэтому теперь и большой рефракторъ Пулковской обсерваторіи, получившій при перестройкѣ чугунную монтировку, включень, по совѣту знаменитаго специалиста г. Семенса, въ цѣль громоотводовъ.

Вычисление и обнародование рядовъ наблюдений обсерваторії требуетъ также весьма усиленныхъ трудовъ.

Въ отчетномъ году окончено печатаніемъ лишь одно изданіе обсерваторії, именно XIV томъ ея „Наблюденій“, но за то многое приготовлено къ печати.

Въ ряду изданныхъ обсерваторією томовъ „Наблюденій“ встрѣчаются три пропуска: по издани ѿще VIII, X и XII томы. Эта непослѣдовательность объясняется первоначально принятую системой печатанія, по которой еще до приступа къ печатанію, уже опредѣлено было содержаніе первыхъ десяти томовъ. VIII томъ пред назначенъ для окончательно выведенныхъ положеній Брадлеевыхъ и нѣкоторыхъ другихъ звѣздъ изъ наблюдений, произведенныхъ меридіаннымъ кругомъ съ 1839 по 1874 годъ. Самыя наблюденія уже напечатаны въ VI и VII томахъ. Но такъ какъ вычисление положеній съ успѣхомъ могло быть исполнено лишь по напечатаніи этихъ томовъ, то изданіе VIII тома по необходимости должно было замедлиться. Вычислениами, относящими къ этому тому, съ 1873 по 1877 годъ завѣдывалъ покойный фонъ-Астенъ, а послѣ его смерти завѣдуетъ д-ръ Баклундъ. Стараніями послѣдняго они теперь доведены до того, что для зоны отъ -15° до $+30^{\circ}$ склоненія печатаніе можетъ быть начато, какъ только будетъ окончена копія рукописи, и, безъ сомнѣнія, остальная часть вычислений для склоненій отъ $+30^{\circ}$ до сѣверного полюса, будетъ также окончена во время печатанія первой части. Что касается X тома, предназначенаго для продолженія производимыхъ академикомъ Струве микрометрическихъ измѣреній двойныхъ звѣздъ, то 1-е отдѣленіе его окончательно обработано для печати. Для дальнѣйшей обработки особенно важно врапіе собственныхъ движеній, имѣющихъ быть выведенными изъ сравненія Дерптскихъ наблюдений съ новѣйшими г. Ромберга, а потому къ ней будетъ приступлено, когда приведенія наблюдений г. Ромберга достаточно подвинутся впередъ. Для выпуска въ свѣтъ напечатанныхъ уже XII и XIV томовъ недостаетъ еще введеній, которыхъ гг. Вагнеръ и Нюренъ не успѣли окончить по причинѣ другихъ обязательныхъ работъ.

Надежда г. директора обсерваторії, что первая часть многочисленныхъ наблюдений, произведенныхъ г. Ромбергомъ помощью меридіанного круга съ 1874 по 1880 г., будетъ окончательно обработана и приготовлена къ печати около новаго 1882 года, не оправдалась въ желанномъ размѣрѣ, не смотря на усердные старанія занятыхъ этой работою гг. Ромберга, Дубяго и Витрама. Причиною такого за-

медленія было преимущественно то обстоятельство, что въ теченіе самой работы возникли вопросы, разрешеніе которыхъ при большой массѣ самыx наблюдений, требовало иного времени. Теперь вычислениx г. Ромберга и его сотрудниковъ подвигнулись на столько, что безъ особенного затрудненія первая часть работы, имѣющая составить XV томъ „Наблюдений“, будетъ совершенно вычислена до нового года. Съ окончаніемъ этихъ вычислений и академику Струве будутъ доставлены вышеупомянутыx данныx для окончанія обработки X тома „Наблюдений“.

При составленіи каталога, имѣющаго быть помѣщеннымъ въ VIII томъ „Наблюдений“, ближайшее знаніе собственныхъ движений звѣздъ представляло крайнюю важность. Въ этомъ отношеніи трудъ былъ значительно облегченъ и получилъ болѣе прочное основаніе обязательнымъ доставленіемъ г. Ауверсомъ, три года назадъ, въ рукописи, величинъ этихъ движений, выведенныхъ по случаю исполненія имъ новой обработки Брадлеевъ наблюдений. Этотъ громадный трудъ, занимавшій знаменитаго германскаго астронома въ теченіе болѣе 15-ти лѣтъ, предпринятъ былъ г. Ауверсомъ по почину и при нѣкоторомъ содѣйствіи Чулковской обсерваторіи, и по окончаніи вычислений Императорская академія наукъ взала подъ свое покровительство его напечатанію въ достойномъ его значенія видѣ. Самое печатаніе нѣсколько замедлилось отъ того, что г. Ауверсь, будучи предсѣдательствующимъ секретаремъ Берлинской академіи наукъ и въ то же время преемникомъ академика Струве по должности предсѣдателя международнаго астрономическаго общества, чрезвычайно занять другими, официальными обязанностями. Впрочемъ, въ текущемъ году уже вышла 2-я часть сказаннаго изданія, заключающая въ себѣ отдѣльныx наблюденія Брадлея, приведенные къ средней эпохѣ 1755 г. Печатаніе 3-й части, предназначеннай для главнаго каталога, должно было начаться въ текущемъ же году, а потому уже послѣдуетъ печатаніе 1-й части, въ которой г. Ауверсь предполагаетъ помѣстить какъ специальная свои изслѣдованія касательно составленія каталога, такъ и главные выводы о разныхъ элементахъ, служащихъ основаніемъ для дальнѣйшей разработки звѣздной астрономіи. Появившійся 2-й томъ достаточно доказываетъ тщательность и осмотрительность, съ которой ведется весь трудъ, а потому астрономической мірѣ съ живѣйшемъ благодарностью отнесется къ академіи наукъ, столь любезно способствовавшей изданію этихъ новыхъ *Fundamenta astronomiae*.

Изъ другихъ болѣе обширныхъ вычислений, предпринятыхъ на Пулковской обсерваторіи, слѣдуетъ упомянуть еще обь обработкѣ г. Нюреномъ наблюдений, произведенныхъ имъ для точнѣшаго определенія коеффиціента aberrации,—обработкѣ, уже значительно подвинувшейся впередъ.

Ряды наблюдений кометъ, астероидовъ, и вообще имѣющія болѣе временный интересъ, болѣею частію вычисляются самими наблюдателями и пропровождаются для обнародованія въ *Astronomische Nachrichten*.

Изъ числа теоретическихъ изслѣдований, изслѣдованія г. Баклунда о загадочныхъ возмущеніяхъ въ движении кометы Энке безпрерывно продолжаются. Вычисленная имъ для прошлогодняго появленія кометы точная эфемеріда въ началѣ превосходно согласовалась съ небомъ. Но при дальнѣйшемъ приближеніи къ перигелю обнаружилось несогласіе, которое вполнѣ объяснилось бы, если принять, что во время послѣдняго оборота комета опять не подвергалась вліянію противодѣйствующей среды по принятому Энке закону. Это обстоятельство дало г. Баклунду поводъ къ дальнѣйшимъ теоретическимъ изслѣдованіямъ, какъ относительно способа вычислениія возмущеній, производимыхъ на движение кометы другими тѣлами солнечной системы, такъ и касательно припятаго Энке закона о вліяніи противодѣйствующей среды. Не отрѣгая вполнѣ самого существованія такой среды, нашъ теоретикъ доказываетъ, что нѣтъ достаточнаго основанія приписывать ей такое дѣйствіе, какого требуетъ законъ Энке. Прежде чѣмъ приступить къ точному установлению самого закона, нужно будеть освободить движение кометы отъ вліянія всѣхъ дѣйствующихъ на нее извѣстныхъ силъ.

Въ этомъ отношеніи особенно важно, что вычислениіе абсолютныхъ пертурбаций кометы, по способу Ганзена и Гольдена, приближается къ концу. Извѣстно, что по этому способу орбита кометы раздѣляется на 5 частей, для которыхъ отдельно вычисляются возмущенія. Для трехъ изъ нихъ, лежащихъ около перигелія и афелія и требующихъ особенно трудныхъ аналитическихъ развитій, работа окончена трудами фонъ-Астена и г. Баклунда. Остальная дѣйствующая части не требуютъ такихъ сложныхъ теоретическихъ изслѣдований, а преимущественно строжайшаго вычислениія по давнимъ формуламъ. Одну изъ нихъ принялъ на себя помощникъ директора Дерптской обсерваторіи г. Грофе, другую сотрудникъ Пулковской обсерваторіи г. Витрамъ. Вычислениія послѣдняго уже на

столько подвинулись, что вѣроятно черезъ три-четыре мѣсяца будутъ окончены. Надобно надѣяться, что и его сотрудникъ въ Дерптѣ не отстанетъ отъ него. Такимъ образомъ, огромный этотъ трудъ, который долженъ представить главное пособіе для дальнѣйшихъ изслѣдований движения кометы Энке, вѣроятно будетъ оконченъ въ недальнемъ времени.

Адъюнкты-астрономъ Дубаго продолжалъ усердно вычислять абсолютна возмущенія планеты Діавы, для которой даѣтъ и публикованную въ *Berliner Jahrbuch* эфемериду ея предстоящаго противостоянія. Дѣйствіе Юпитера на движение Діавы имъ теперь теоретически совершенно развито, но остается еще довольно много труда, пока работа будетъ окончена въ предѣлахъ, пред назначенныхъ самимъ г. Дубаго. Надобно замѣтить, что въ послѣднемъ году его время чрезвычайно было занято приготовленіемъ къ астрономическимъ лекціямъ въ С.-Петербургскомъ университѣтѣ, къ чтенію которыхъ онъ приглашеннъ былъ физико-математическимъ факультетомъ.

Не считая журнальныхъ статей директора обсерваторіи и гг. Вагнера, Нюренса, Ромберга, Гассельберга, Баклунда и Германа Струве, астрономами обсерваторіи въ отчетномъ году напечатано или представлено къ напечатанію 11 сочиненій по разнымъ частямъ астрономіи.

Библиотека обсерваторіи въ отчетномъ году увеличилась на 282 тома и 210 брошюръ и оттисковъ статей. Изданій обсерваторіи разослано: внутри имперіи 436, за границу 967 экземпляровъ.

Путешествія съ ученою цѣлію въ 1881 году были предприняты директоромъ обсерваторіи и адъюнктомъ-астрономомъ Баклундомъ. Послѣдній воспользовался свободными для него отъ астрономическихъ наблюдений тремя лѣтними мѣсяцами, чтобы посовѣтоваться съ профессоромъ Гильденомъ въ Стокгольмѣ и съ французскими теоретиками о предложенныхъ имъ способахъ вычислія возмущеній, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы познакомиться съ новѣйшими приспособленіями въ нѣкоторыхъ обсерваторіяхъ, особенно въ Стокгольмской, Лундской, Лейденской, Парижской и Страсбургской. На возвратномъ пути онъ принялъ участіе въ собраниі международного астрономического Общества въ Страсбургѣ, где имѣлъ случай изложить нѣкоторые свои теоретические выводы.

Академикъ Струве, въ сопровожденіи младшаго своего сына, сверхштатнаго астронома Людвига Струве, направился сперва въ Гамбургъ для вышеупомянутыхъ совѣщаній съ братьями Репсольдъ.

Принявъ потомъ участіе въ собраніи астрономическаго Общества и познакомившись съ послѣдними нововведеніями, примѣненными въ Страсбургской обсерваторіи профессоромъ Виннеке, г. Струве поѣхалъ въ Миланъ, что-бы, по приглашенію профессора Скіапарелли, разсмотрѣть оставшіяся рукописи наблюдений двойныхъ звѣздъ недавно умершаго барона Дембовскаго. Изумительное богатство и совершенство этого материала, собираюю котораго названный любитель астрономіи посвятилъ конецъ своей жизни, заставило г. Скіапарелли, по выслушаніи мнѣнія нашего академика, немедленно представить королевской академіи dei Luppsi о необходимости возможно полнаго изданія сказанныхъ наблюдений въ видахъ сохраненія этого сокровища для науки. Принявъ такое предложеніе, Римская академія предложила нашему почтенному астроному приплѣти па себя, вмѣстѣ съ г. Скіапарелли, редакцію этого изданія. Посѣтивъ затѣмъ Флоренцію для заказа копіи съ недостающаго еще въ портретной галлерѣ Пулковской обсерваторіи портрета Коперника, а затѣмъ, въ окрестностяхъ Ниццы, великолѣпную обсерваторію, строящуюся на счетъ мецената астрономіи банкира Бишофсгейма, г. директоръ вторично побывалъ въ Гамбургѣ для заключенія окончательного контракта съ гг. Репсольдъ обѣ устроїствѣ для нашей обсерваторіи большаго рефрактора.

Еще въ 1874 г. было высказано, что способъ строго соотвѣтственныхъ высотъ звѣздъ, столь удачно разработанный адъютантомъ астрономомъ полковникомъ Цингеромъ для опредѣленія времени, могъ бы прінести не менѣе выгоды при приложеніи его къ опредѣленію широты. Но въ послѣднемъ случаѣ задача оказывается гораздо сложнѣе, если при ней поставить условіемъ, чтобы употребляемый инструментъ не имѣлъ ни точно раздѣленнаго вертикального круга, ни микроскоповъ, ни микрометра при окулярѣ, и если для опредѣленія брать только такія звѣзды, положеніе которыхъ напередъ извѣстно съ достаточностью. Теперь, послѣ разныхъ попытокъ, задача можетъ считаться вполнѣ удовлетворительно рѣшеною стараніями полковника Цингера. Въ отчетѣ его по этому вопросу доказывается, что, ограничиваясь 180 Пулковскими звѣздами до 4-й величины, и не выходя изъ azimuthовъ въ 35°, всегда для каждого изѣста сѣвернаго полушарія, кромѣ развѣ близполюсныхъ широтъ, найдется по крайней мѣрѣ 200 паръ звѣздъ въ теченіе сутокъ, которыя можно наблюдать непосредственно одну за другую въ одинаковыхъ высотахъ. Такимъ образомъ, среднимъ числомъ для полнаго опредѣ-

дения широты требуется около 12 минутъ. Наблюдение въ Шулковъ 25 паръ звѣздъ инструментомъ умѣренной оптической силы доказало, что изъ каждой отдельной пары достигается точность до $\frac{1}{3}$ секунды. Но чтобы сдѣлать этотъ способъ общепримѣннымъ для всего сѣверного полушарія, или по крайней мѣрѣ въ предѣлахъ Россійской имперіи, требуется еще строгой выборъ для каждого мѣста наибо-лѣе годныхъ паръ звѣздъ и вычисление большого числа вспомога-тельныхъ таблицъ.

Изъ числа трехъ состоявшихъ въ Шулковъ весною 1881 г. сверх-штатныхъ астрономовъ: г. Зейбота, Вучиховскаго и Людвига Струве, г. Зейботъ опредѣленъ вычислителемъ, а г. Вучиховскій, по собствен-ному желанію, вслѣдствіе слабаго здоровья, оставилъ въ апрѣль 1882 года службу при обсерваторіи. Лѣтомъ же 1881 г. поступилъ въ обсерваторію сверхштатнымъ астрономомъ кандидатъ С.-Петербург-скаго университета, оставленный при университѣтѣ г. Ждановъ.

Курсъ практической астрономіи и геодезіи, преподаваемый при обсерваторіи офицерамъ Николаевской академіи генерального штаба, продолжалъ слушать штабсъ-капитанъ Антоновъ.

Отъ морскаго вѣдомства, кроме поручика корпуса штурмановъ Юргенса, въ отчетномъ году никто не былъ командированъ въ обсер-ваторію для практическихъ занятій.

ЮБИЛЕЙ АКАДЕМИКА Я. К. ГРОТА.

Ученый издатель и толкователь сочинений Державина, авторъ „Филологическихъ изысканій“ и многихъ изслѣдований по истории русской литературы и русского общества двухъ послѣднихъ столѣтій, академикъ Я. К. Гротъ, принадлежащий къ числу тѣхъ дѣятелей русской науки, имена коихъ пользуются наибольшою известностью въ нашемъ обществѣ. Исполнившееся 6-го сентября текущаго года пятидесятилѣтие его служебной дѣятельности, еще раньше которой началась его дѣятельность литературная, дало почитателямъ его дарованій, познавшій и благородного характера случай привѣтствовать почетнаго академика заявлениами своего уваженія и пожелать ему новыхъ силъ для новыхъ полезныхъ трудовъ. Считаемъ долгомъ по этому поводу напомнить здесь хотя нѣкоторые главные факты плодотворной жизни высокоуважаемаго Якова Карловича и затѣмъ сообщить подробности о празднованіи его юбилея¹⁾.

Я. К. Гротъ родился въ Петербургѣ въ 1812 году; получивъ первоначальное образование въ родительскомъ домѣ, онъ на 11-мъ году поступилъ въ благородный пансионъ Царскосельского лицея, откуда черезъ три года былъ переведенъ въ санкт-петербургскій лицей, и въ юль 1832 года окончилъ въ немъ курсъ съ первой золотою медалью. Уже на скамьяхъ лицелъ стала онъ развивать въ себѣ наклонности къ литературнымъ

¹⁾ Данные для этого очерка извлечены изъ записки о Я. К. Гротѣ, составленной П. А. Илліевскимъ (*Изв. Имп. Акад. Наукъ по отд. Р. яз. и Словесн.*, т. V), и статей о немъ, помещенныхъ въ *Правит. Вѣстнике* 8-го сентября, *Новомъ Времени* 4-го сентября и *Руси* 11-го сентября текущаго года.

и научными занятиями, писалъ стихи, издавая для товарищей рукописные журналы, въ три мѣсяца научился свободно говорить и писать по итальянски и составилъ самостоятельное изслѣдованіе объ итальянскихъ глаголахъ. Тогда же впервые литературный трудъ его появился въ печати: то былъ переводъ критической статьи о французской литературѣ, написанной профессоромъ Талло; переводъ Я. К. Грота былъ напечатанъ въ *Литературной Газетѣ* барона Дельвига, 1830 года.

Осеню 1832 года Яковъ Карловичъ былъ отрекомендованъ тогданшнему предсѣдателю государственного совѣта графу В. П. Кочубею и началъ службу въ комитетѣ министровъ, а нѣсколько позже былъ переведенъ въ государственную канцелярию подъ начальство барона М. А. Корфа.

Но канцелярскія работы мало удовлетворили даровитаго молодаго человѣка; онъ все болѣе и болѣе увлекался литературными занятиями и въ особенности съ жаромъ отдавался изученію иностраннѣхъ языковъ и литературы; къ приобрѣтенному въ дѣствѣ и юности знанію французскаго, нѣмецкаго, итальянскаго и латинскаго языковъ Я. К. Гротъ постепенно присоединилъ основательное знакомство съ языками англійскими, финскими, греческими, скандинавскими и славянскими; пріобрѣти такимъ образомъ средства къ изученію иностраннѣхъ литературу въ ихъ источникахъ, Я. К. Гротъ не только знакомился съ лучшими произведеніями европейской словесности, но и старался усвоивать ихъ русской литературѣ. Такъ, имъ переведены были Байронъ, „Мазепа“ (напечатанъ въ 1838 г. въ *Современникѣ*) и „Фрітіофъ“ шведскаго поэта Тегнера, при чемъ переводчикъ соблюдалъ всѣ особенности стихотворнаго размѣра подлинниковъ.

Литературные опыты Я. К. Грота сблизили его съ П. А. Плетневымъ, а переводъ „Фрітіофа“, изданный въ 1841 г., былъ сочувственно принятъ современіемъ критикой и остановилъ на себѣ вниманіе людей самыхъ противоположныхъ взглядовъ—Жуковскаго и Бѣлинскаго. Жуковскій, познакомившись съ этимъ переводомъ еще въ рукописи и вообще узнавъ о влечении молодаго человѣка къ ученолитературнымъ занятіямъ, рекомендовалъ его министру статье-секретарю великаго книжества Финляндскаго графу Ребинддеру: послѣдствіемъ этого знакомства было назначеніе Якова Карловича въ 1840 г. профессоромъ Александровскаго университета въ Гельвингфорсѣ на учрежденную тамъ каѳедру русскаго языка, литературы и исторіи. Здѣсь лекціи свои Я. К. Гротъ читалъ на шведскомъ языкѣ; на томъ

же языкъ составилъ онъ учебники по преподаваемымъ имъ предметамъ, и кромъ того, инспектировалъ всѣ финляндскія школы и гимназіи по преподаванію въ нихъ русскаго языка, вслѣдствіе чего ежегодно объѣзжалъ ихъ. Двѣнадцать лѣтъ провелъ Яковъ Карловичъ на каѳедрѣ въ Гельзингфорсскомъ университетѣ, и въ это время, кромъ названныхъ уже трудовъ по учебной литературѣ, служилъ своимъ первомъ умственному сближенію Финляндіи съ Россіей; такъ, онъ редактировалъ большой шведско-русскій словарь, издалъ „Альманахъ по случаю 200-лѣтняго юбилея Гельзингфорсскаго университета“, напечаталъ свои „Переѣзды по Финляндіи“ и въ Современникѣ Плетнѣва, начиная съ 1839 года, помѣстилъ не мало статей, въ которыхъ знакомилъ русскихъ читателей съ финскимъ и шведскимъ сѣверомъ. Въ томъ же журналѣ появились и первые опыты его историко-литературнаго изслѣдованія о Державинѣ, первые образцы истинно научныхъ работъ въ области новой русской литературы.

Эта ученово-литературная дѣятельность раскрыла Я. К. Гроцу двери Академіи Наукъ, которая въ 1852 г. избрала его членомъ-корреспондентомъ по отдѣленію русскаго языка и словесности, а въ 1856 г. присоединила къ члену дѣйствительныхъ членовъ того же отдѣленія.

Въ 1852 же году принцъ Петръ Георгіевичъ Ольденбургскій пригласилъ Я. К. Гроца на каѳедру русской словесности въ Александровскій лицей, и въ то же время, рекомендованному Плетнѣвымъ, Якову Карловичу предложено было принять участіе въ воспитаніи покойнаго Цесаревича Николая Александровича и нынѣ царствующаго Государа Императора Александра III. Принявъ двухъ Великихъ Князей, одного 9-ти, другаго 8-и лѣтъ, Яковъ Карловичъ занимался съ ними, спачала въ качествѣ преподавателя, русскимъ языкомъ, исторіей, географіей и пѣмецкимъ языкомъ; потомъ получилъ отъ Императрицы Маріи Александровны порученіе заниматься съ покойнымъ Цесаревичемъ славянскимъ языкомъ; дающе ему вѣрена была должность инспектора преподаванія при четырехъ Великихъ Князяхъ Николаѣ, Александрѣ, Владимірѣ и Алексѣѣ Александровичахъ, съ сохраненіемъ главнаго преподаванія при двухъ старшихъ. Покидая домъ свой почти ежедневно въ 6½ часовъ утра, сѣдѣя во всѣй мѣстѣ загороднаго пребыванія Высочайшаго двора и даже въ пѣкоторыхъ его изѣздахъ (въ Москву, въ Гапсалъ), Я. К. Гrottъ провелъ гимназический курсъ по главнымъ предметамъ съ покойнымъ Цесаревичемъ до его совер-

шениолѣтія, а съ нынѣ царствующимъ Государемъ Императоромъ до его 14-лѣтнаго возраста (до конца 1859 г.). Затѣмъ, не пожелавъ никакихъ служебныхъ повышений и административныхъ постовъ, предложенныхыхъ ему именемъ покойной Государыни при оставлении имъ придворной службы, онъ возвратился въ свои ученыя занятия по Академіи.

Не считаемъ нужнымъ изчислять здѣсь тѣ ученые труды, которые съ этого времени были исполнены почтенныемъ академикомъ: образцовое изданіе сочиненій Державина, обставленное обширными примѣчаніями и снабженное обширною биографіей поэта, которое представляетъ одинъ изъ богатѣйшихъ источниковъ для изученія Екатерининскаго и частію Александровскаго времени, „Филологическая Розысканія“, затронувшія многіе важные вопросы изъ исторіи русскаго языка и правописанія, прекрасныя изданія сочиненій Хемницера и переписки Екатерины II, равно какъ и другія ученыя работы Я. К. Грота, вышедшія въ послѣднія двадцать лѣтъ, хорошо извѣсты всѣмъ, кто дорожить успѣхами русской науки и просвѣщенія. Не будемъ также говорить о высокихъ душевныхъ качествахъ почетнаго юбиляра, пріобрѣвшихъ ему глубокое уваженіе и любовь всѣхъ, кто имѣлъ возможность узнать его въ частныхъ сношеніяхъ. Не смотря на того, что извѣстіе о предстоящемъ юбилѣ было оглашено лишь за два дня до 6-го сентября, сознаніе, какъ ученыхъ заслугъ Якова Карловича, такъ и прекрасныхъ свойствъ его благородной личности, собрало вокругъ него многихъ лицъ, желавшихъ привѣтствовать его въ день его юбилея, и ясно высказалось въ рѣчахъ и заявленіяхъ привѣтствовавшихъ.

Съ 10-ти часовъ утра начали стекаться въ квартиру академика депутатіи отъ различныхъ ученыхъ и учебныхъ заведеній и отдельныхъ лица съ юбилейными привѣтствіями. Въ 11 часовъ, прибыла депутатія Александровскаго лицея, состоявшая изъ директора Н. И. Гартмана, членовъ совѣта и двухъ воспитанниковъ выпускнаго курса. Послѣ привѣтственной рѣчи, ею былъ поднесенъ юбиляру съѣдущій адресъ:

„Яковъ Карловичъ. Пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ совсѣмъ лицея, награждалъ васъ первою золотою медалью и отпускалъ на поприще общественной дѣятельности, вовлагалъ на васъ лучшія надежды. Эти надежды не остались тщетными. Вы отблагодарили лицей: въ теченіе десяти лѣтъ вы были украшеніемъ лицея, но уже не въ качествѣ ученика, а какъ профессоръ. Лицей не забудетъ вашей профессорской

дѣятельности, не забудеть онъ и рѣчи, которую вы нѣкогда произнесли въ немъ на торжественномъ актѣ, и которую можно счесть одною изъ прекраснѣйшихъ страницъ въ русской литературѣ. Вы вдвойнѣ припадлежите лицу, и онъ гордится этимъ. Въ настоящій торжественный день пятидесятилѣтія вашего служенія государству и обществу сорѣтъ лицей является передъ вами съ искрепшимъ поздравленіемъ и желаніемъ продолженія вашей плодотворной дѣятельности еще на многіе годы".

Депутацію отъ С.-Петербургскаго университета составили ректоръ и многіе члены совѣта. Деканъ историко-филологического факультета В. В. Бауэръ вручилъ юбиляру дипломъ на званіе почетнаго члена университета, прочитавъ притомъ слѣдующій адресъ:

"Глубокоочищаемый Яковъ Карловичъ! Польфма исполняется сего-дня вашему служенію отечественной наукѣ. Въ теченіе столь долгаго времени вы были неутомимымъ труженикомъ ея, любившимъ истину для нея самой, живымъ примиromъ неослабной ревности о ней для молодыхъ поколѣній, на образованіе которыхъ въ свое время вы посвятили лучшія силы. Русская наука всегда будетъ гордиться вашими работами для нашей литературы и роднаго языка. Выразивъ, три-надцать лѣтъ тому назадъ, свое глубокое уваженіе къ ученой дѣятельности вашей избраніемъ въсъ на степень доктора, сорѣтъ С.-Петербургскаго университета привѣтствуетъ въсъ въ настоящій много-зnamенательный день, который вмѣстѣ съ тѣмъ и праздникъ русскаго просвѣщенія. Желая почтить вновь вашу любовь къ наукѣ и заслуги предъ нсю, па благо которой да продлится ваша многоплодная жизнь, университетъ единогласно избралъ въсъ своимъ почетнымъ членомъ".

Вице-предсѣдатель Императорскаго Русскаго Географическаго общества П. П. Семеновъ, прибывшій съ предсѣдателемъ Отдѣленія этнографіи Л. Н. Майковымъ, привѣтствовалъ юбиляра рѣчью, въ которой упомянула между прочимъ о связи его ученыхъ трудовъ съ задачами Географическаго общества.

Затѣмъ произнесъ прекрасную привѣтственную рѣчь высокопреосвященный Налладій, архіепископъ Казанскій (бывшій Рязанскій).

Посѣтители между тѣмъ продолжали прибывать, внося новое оживлѣніе въ одушевленную бесѣду многочисленного собрания.

Около часа дня прибыли: министръ народнаго просвѣщенія И. Д. Деляновъ, президентъ Императорской Академіи Наукъ графъ Д. А. Толстой, члены государственного совѣта К. К. Гrottъ, Н. И. Стояновскій и М. Н. Любощинскій, директоръ Императорской публичной биб-

лютеки, и академикъ А. О. Вычковъ и другія высокопоставленныи лица. Министромъ народного просвѣщенія бытъ прочитанъ Всемилостивѣшій рескрипти Государя Императора слѣдующаго содержанія:

«Икона Карловичъ! Сего дня исполнилось пятьдесятъ лѣтъ вашей служебной дѣятельности, посвященной всецѣло литературѣ, наукѣ и преподаванію. Исполняя въ теченіе многихъ лѣтъ обязанности профессора въ Гельзингфорскому университету, а затѣмъ и въ Александровскомъ лицѣ, вы своимъ постоянствомъ въ трудѣ, даромъ мало-жения и душевными качествами имѣли благотворное влияніе на учащіяся поколѣнія. Впослѣдствіи вы были, призваны преподавать русскій языкъ и словесность въ Бозѣ почившему Цесаревичу Николаю Александровичу и мнѣ; неусыпнымъ усердіемъ къ дѣлу вы заслужили признательность незабвенныхъ нашихъ Родителей. Труды ваши по званію члена Академіи наукъ и Русскаго Историческаго общества справедливо оценены по ихъ ученому достоинству и отличаются, сверхъ другихъ качествъ, беспристрастіемъ и глубоко-нравственнымъ чувствомъ. Миѣ особенно пріятно въ столь замечательный для васъ день выразить вамъ сердечную признательность и пожелать, чтобы силы ваши надолго сохранились для пользы отечественной науки.

Пребываю къ вамъ навсегда благосклонный.

На подлинномъ собственномъ Его Императорскаго Величества рукописи начертано:

„и искренно уважающій васъ

„АЛЕКСАНДРЪ“.

6-го сентября 1882 года.

Затѣмъ статсь-секретарь Делопоръ прочелъ письмо министра государственныхъ имуществъ, извѣщающее о Всемилостивѣшемъ вожалованіи юбиляру ареанды (по 2 тысячи руб. въ годъ, срокомъ на 6 лѣтъ).

А. О. Вычковъ, сотоваричъ юбиляра по второму отдѣленію Академіи Наукъ, съ воодушевленіемъ произнесъ слѣдующую рѣчь, встрѣтившую живѣшее сочувствіе всѣхъ присутствующихъ:

„Сего дня исполнилось пятьдесятъ лѣтъ съ того дна, какъ вы, глубокоуважаемый Икона Карловичъ, покинувъ скамью Царскосельскаго лицѣя, гдѣ въ то время были такъ живы преданія о Пушкинѣ, вступили на служебное поприще. Предъ вами лежала широкая и торная дорога, къ отличиямъ и почестямъ, но которой уже успѣшношли лицейскіе воспитанники предшествовавшихъ нашему выпусксовъ; но

вы черезъ нѣсколько лѣтъ предпошли ей другую, болѣе скромную и спокойную, и сиѣю сказать, болѣе надежную и едва ли не болѣе блестательную. Вы отдали себя всецѣло литературѣ и наукѣ, и этому вашему выбору, этому благородному предпочтенію мы обязаны тѣмъ, что имѣемъ и прекрасный переводъ Фрѣтфольдъ-саги, передающей всѣ поэтическія красоты этого шедра скандинавской литературы, и ученыя разысканія въ области русскаго языка, и образцовое изданіе твореній поэта Фелицы, дающее богатый материалъ для внутренней исторіи царствованія Екатерины II, и драгоценную переписку этой великой государыни съ разными лицами и особенно съ барономъ Гриммомъ, и тицательное изданіе Басень Хемпицера и письма Карамзина къ Дмитреву.

„Какъ эти, такъ и другіе ваши многочисленные труды, простой перечень которыхъ заполнѣ бы нѣсколько печатныхъ страницъ, отвели вамъ мѣсто въ исторіи русскаго просвѣщенія, которое вы по праву стяжали вашимъ 45-лѣтнимъ служеніемъ отечественному слову, вашему слишкомъ 25-лѣтнему непрерывно и неустанно дѣятельностью въ средѣ Императорской Академіи Наукъ. Въ послѣднемъ отношеніи ежегодные Огчены по отдѣленію русскаго языка и словесности являлись живыми и неподкупными глашатаями передъ просвѣщеннымъ нашимъ обществомъ о вашихъ трудахъ по званію академика, и оно, всегда чуткое при оцѣнкѣ истинно полезныхъ дѣятелей, уже давно присоединило ваше имя къ именамъ тѣхъ членовъ этого высшаго ученаго учрежденія, которыхъ, по подъѣ, принесенной ими нашему отечеству, заслуживаетъ и уважаетъ всякий образованный Русский.

„Но еще до вступленія вашего въ Академію Наукъ была по достоинству оцѣнена наша профессорская дѣятельность, какъ въ Гельсингфорскомъ Александровскомъ университѣтѣ, гдѣ вы знакомили студентовъ не только съ русскимъ языкомъ, но и съ прошлыми судьбами нашего отечества, такъ и въ Александровскомъ лицѣ,—дѣятельность, оставившая много свѣтлыхъ воспоминаній въ слушателяхъ этихъ двухъ высшихъ учебныхъ заведеній.

„Мнѣ не слѣдовало бы здѣсь касаться вашихъ нравственныхъ качествъ, глубокочтимый юбиляръ, но я не посмѣль пройдти молчаніемъ того, что извѣстно всѣмъ намъ, а именно, что вы постоянно стоите за все прекрасное, полезное, справедливое и честное; что вы дорожите усилиями отечественнаго просвѣщенія, потому что любите Россію; что вы уважаете и цѣните отечественныхъ ученыхъ; что вы науку ставите выше всего и выдѣляете ее изъ обыденныхъ отноше-

ній, весьма часто мелочныхъ и себялюбивыхъ; наконецъ, что вы ни на шагъ не отступили отъ того, чтѣ сами слишкомъ 40 лѣтъ тому назадъ сказали:

Я передъ ангеломъ блаженъ
Добру и правдѣ обѣщаю
Всегда служить первому моему!
И если я обѣть нарушу,
И если виности змѣи
Когда-нибудь впопытъ мнѣ въ душу
И развратится рѣчъ моя,
Пускай мой бѣлый гость обратно
Къ тебѣ умчаться, помрачась,
И стахъ изчезнетъ благодатный.

„И вы не нарушили этого прекраснаго обѣта.

„Принеся вамъ искреннее поздравленіе, какъ отъ себя, такъ и отъ имени отсутствующихъ товарищѣй по Отдѣлению, съ сегодняшнімъ многознаменательнымъ для васъ днемъ, я присоединяю къ моему привѣтствію сердечное желаніе, которое, безъ сомнѣнія, раздѣлить каждый, кому не чуждо умственное движение въ Россіи, чтобы вы продолжали еще десятки лѣтъ столь же успѣшно, какъ и доселѣ, трудиться надъ воздѣлываніемъ того поля, съ котораго сняли такую богатую жатву, и чтобы ваша полувижковая ученая дѣятельность служила молодымъ поколѣніямъ поучительнымъ примѣромъ, какъ слѣдуетъ трудиться для науки и на пользу родины“.

Вполнѣ сочувственное впечатлѣніе произвѣхла и послѣдовавшая затѣмъ рѣчь профессора и академика М. И. Сухомлинова:

„Глубокоуважаемый Яковъ Карловичъ! Сочлены ваши по второму отдѣлению Академіи Наукъ привѣтствуютъ васъ братскимъ привѣтомъ съ пройденными вами поприщемъ, означенными такими важными, такими драгоценными вкладами въ русскую науку и литературу. Многіе годы вашего славнаго, вашего безупречнаго прошлаго посвященіи Академіи Наукъ, съ которой вы сжились, и которую, по крайней мѣрѣ для нашего поколѣнія, цѣльза себѣ представить безъ васъ. Имя ваше пользуется громкою известностью въ ученомъ мірѣ Россіи. Вашимъ трудамъ и заслугамъ отдавалась должная справедливость именно тогда, когда всего живѣе выступаетъ потребность почтить заслуги наиболѣе выдающихся дѣятелей науки и просвѣщенія. С.-Петербургскій университетъ, празднуя пятидесятилѣтіе своего существованія, возвѣзъ васъ въ степень доктора русской сло-

весности на основаниі того параграфа устава, по которому возвоядятся въ степень доктора знаменитые учёные. Московский университет избралъ въсть почетнымъ членомъ при чествованіі памяти великаго русскаго поэта девятнадцатаго столѣтія.

„Намъ, членамъ втораго отдѣленія, излишне было бы входить въ оцѣнку изумительно многочисленныхъ и разнообразныхъ трудовъ вашихъ. Мы постоянно пользуемся ими въ нашихъ работахъ, а потому и неѣтъ надобности повторять словами то, что доказывается и подтверждается самимъ дѣломъ. Близкое же знакомство съ вашими благородными образомъ мыслей и дѣйствій налагаетъ на насъ обязанность упомянуть о той сторонѣ нашей дѣятельности, которая вполнѣ известна только сочленамъ вашимъ по Академії Наукъ.

„Какъ въ лѣтописи научныхъ трудовъ и предпріятій Академіи, такъ и въ лѣтописяхъ академической жизни, имя ваше сохранится навсегда съ подобающимъ ему значеніемъ. Право на это вы приобрѣли отзывами и заявленіями своими по вопросамъ академической жизни. Всѣ заявленія ваши проинкнуты уваженіемъ къ закону и законности и самою горячею заботливостью о чести и достоинствѣ Академіи. Вы считаете обязанностью русской Академіи содѣйствовать вступленію въ Академію достойныхъ русскихъ учёныхъ, и съ благородною ревностью заботитесь о томъ, чтобы удержать въ Академіи тѣхъ изъ русскихъ учёныхъ, которые рѣшаются преждевременно покинуть ее въ ущербъ и для Академіи, и для науки. Суть вашихъ дѣйствій и стремлений можно выразить такимъ образомъ: „Академія есть Академія Наукъ и существуетъ въ Россіи и для Россіи“. Руководясь этимъ начальномъ, вы остаетесь вѣрны и основной мысли Петра Великаго, учредившаго Академію Наукъ, и лучшимъ преданіямъ Академіи, связаннымъ съ именами Эйлера, Бера и другихъ свѣтиль европейской науки; выѣсты съ тѣмъ вы стоите на твердой почвѣ закона, какъ это блистательно доказывается достопамятныемъ постановленіемъ государственного совѣта, состоявшимся пѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ.

„Государственный совѣтъ недавнимъ своимъ постановленіемъ уничтожилъ тѣ преграды, которыя могли бы возникнуть для вступленія русскихъ учёныхъ въ Академію. При этомъ Академія впервые названа дорогимъ для нея именемъ, которымъ она называлась когда-то, и которое давнимъ-давно изчезло. Государственный совѣтъ называетъ Академію „русскою Академіей Наукъ“ и находить, что „весма желательно, чтобы доступъ въ Академію для Русскихъ, подвизающихся на ученоемъ поприщѣ, не былъ ограниченъ, но напротивъ того, под-

вергся въкоторому расширенію*. Необходимость сего очевидна. Въ теченіе прошедшіхъ съ изданія послѣднаго академическаго устава пятидесяти лѣтъ, означеновавшихся вообще большими успѣхами просвѣщенія въ нашемъ отечествѣ, наука приобрѣла себѣ въ немъ значительное число преданныхъ и талантливыхъ тружениковъ. Между ними нерѣдко встрѣчаются имена, пользующіяся европейской известностью. Несомнѣнно, что этой національной нашей силѣ, болѣе чѣмъ кому-либо другому, присуществоуетъ мѣсто въ россійской Академіи Наукъ.

Честь и слава русскимъ ученымъ, потрудившимся для науки и для Россіи въ истекшее пятидесятилѣтие. Въ ряду этихъ незабвенныхъ тружениковъ науки вамъ принадлежитъ одно изъ самыхъ видныхъ мѣсть. Трудами своими вы проложили путь для послѣдующихъ поколѣй русскихъ ученыхъ, соединенныхъ съ вами внутреннею, живою связью.

Вы—утромъ вышли на работу,
Они—въ одиннадцатый часъ.

„Мудрый Хозинь вергограда“, распредѣляющій часы работы и жизни человѣческой, да сохранить вѣсъ для новыхъ трудовъ на избранномъ вами поприщѣ. Дай Богъ, чтобы ваши труды и заслуги, ваши взгляды и мнѣнія встрѣчали всегда и всюду то искреннее, непрѣтворное сочувствіе и то безграничное довѣріе, которымъ вы пользовались и пользуетесь въ средѣ ближайшихъ вашихъ товарищѣй—бывшихъ и настоящихъ членовъ втораго отдѣленія Академіи Наукъ».

Инспекторъ Императорскаго историко-филологическаго института Н. П. Некрасовъ высказалъ привѣтствіе юбиляру отъ этого заведенія въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Якотъ Карловичъ! Императорскій С.-Петербургскій историко-филологическій институтъ, выражая передъ вами свое глубокое уваженіе къ вашимъ полезнымъ трудамъ по русской филологии, привѣтствуетъ день вашего пятидесятилѣтнаго юбилея и искренно желаетъ, чтобы какъ ваша жизнь, такъ и соединенная съ нею ваша почтissимая научная дѣятельность, длилась еще долго и долго на пользу отечественнаго просвѣщенія.

Первое и третье отдѣленія Академіи Наукъ не принимали участія въ юбилеѣ, и только нѣкоторые изъ членовъ этихъ отдѣленій явились привѣтствовать Якова Карловича въ столь достопамятный день. Въ слѣдующіе за 6-мъ сентябрь дни юбиляра посѣтили съ этой цѣлію между прочимъ академикъ О. В. Струве и вице-президентъ Академіи

Наукъ В. Я. Бунаковскій, объяснившій притомъ, что онъ не имѣлъ своевременныхъ свѣдѣній о днѣ празднованія.

Привѣтственныя телеграммы и письма Яковъ Карловичъ началь получать изъ разныхъ мѣстъ еще наканунѣ юбилейнаго дnia, и затѣмъ поступление ихъ не прекращалось въ теченіе шѣхолькихъ дней послѣ торжества. Такъ Яковъ Карловичъ удостоился получить слѣдующую телеграмму отъ его императорскаго высочества герцога Николая Максимилиановича Лейхтенбергскаго изъ замка Стабль, въ Баваріи: „Жалѣю, что не зналъ ранѣе о днѣ пятидесятий годовщины вашей ученой дѣятельности, чтобы присоединиться къ выразившимъ вамъ свои симпатіи иуваженіе, чувства, которыя я всегда питалъ къ вамъ съ самаго дѣтства. Да сохранитъ васъ Богъ надолго для славы науки въ Россіи! Герцогъ Николай Лейхтенбергскій“.

Вице-предсѣдатель Императорскаго Русскаго Историческаго Общества А. А. Половцевъ и секретарь его Г. Ф. Штendеманъ прислали привѣтственную телеграмму изъ Москвы отъ имени этого Общества, для котораго академикъ Гrottъ также усердно трудился въ теченіе десяти лѣтъ.

Профессоръ В. С. Иконниковъ телеграммой изъ Киева извѣстилъ юбиляра, что совѣтъ университета св. Владимира единогласно избралъ Якова Карловича въ свои почетные члены. Привѣтствія закончились посвѣщеніемъ С.-Петербургскаго городскаго головы И. И. Глазунова, который принесъ высокоуважаемому юбиляру поздравленіе отъ Петербургскаго городскаго общества.

ІЗВѢСТІЯ О ДѢЯТЕЛЬНОСТИ И СОСТОЯНІИ НАШІХЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНИЙ.

УНИВЕРСИТЕТЫ.

составіи и дѣятельніи Дерптскаго университета въ 1881 году: личный со-
ставъ преподавателей; преподавательскія вакансіи; мѣры къ усилению учебной
дѣятельности студентовъ и контроля надъ ихъ занятіями; награды за сочиненія
на заданные темы; учеными труды преподавателей и другихъ служащихъ; удо-
стоеніе учебныхъ степеней и званій; публичныя лекціи; командировки съ уче-
ною цѣллю; бюджетъ университета, свѣдѣнія объ учащихся; состояніе учебно-
вспомогательныхъ учрежденій; клиники; общество естествоиспытателей.

Въ Дерптскомъ университетѣ къ концу 1881 года наличный со-
ставъ штатныхъ преподавателей былъ слѣдующій: на богословскомъ
факультетѣ: ординарныхъ профессоровъ 4, доцентовъ 1; на юридиче-
скомъ: ординарныхъ профессоровъ 6, экстраординарныхъ 1, доцен-
товъ 1; на медицинскомъ: ординарныхъ профессоровъ 12, доцентовъ 4,
прозекторовъ 2, ученый аптекарь 1; на историко-филологическомъ:
ординарныхъ профессоровъ 10, доцентовъ 2, лекторовъ 4; на физико-
математическомъ: ординарныхъ профессоровъ 10, астрономъ-наблю-
датель 1. Сверхъ того состояли по штату: 1 профессоръ богословія
для студентовъ православнаго исповѣданія, 1 преподаватель архи-
тектуры (опы же архитекторъ университета) и 6 учителей искусствъ.
Всего штатныхъ преподавателей сверхъ профессора православнаго бо-
гословія, преподавателя архитектуры и 6 учителей искусствъ, было:
ординарныхъ профессоровъ 41, экстраординарныхъ 1, доцентовъ 8,
прозекторовъ 2, лекторовъ 4, ученый аптекарь 1, астрономъ-наблю-

датель 1, итого 66 лицъ. Сверхъ штата состоялъ одинъ ординарный профессоръ по кафедрѣ всеобщей исторіи. Приватъ-доцентовъ было 6, по слѣдующимъ предметамъ: специальной патологіи, фармакологіи, славянской филологіи и исторіи литературы, хімії, физической хімії и ботаники. Вакантными были слѣдующія преподавательскія должности: профессоровъ исторического богословія, фармакологіи, дізтетики и исторіи медицины и сравнительной грамматики славянскихъ народій, двухъ доцентовъ, лектора англійскаго языка и учителя гимнастики и плаванія, всего 8 должностей. Вакантныхъ кафедръ было три: сравнительной грамматики славянскихъ народій, исторического богословія, фармакологіи, дізтетики и исторіи медицины. Для замѣщенія первыхъ двумъ кафедръ факультетами сдѣланы надлежащія сношенія, оставшіяся еще безъ результата; на кафедру же фармакологіи, дізтетики и исторіи медицины предложенъ учений, избранный совѣтомъ университета и представленный на утвержденіе высшаго начальства. Въ теченіе года на преподавательскія въ университетѣ должности баллотировались 6 лицъ (2 въ ординарные профессоры, 1 въ экстраординарные и 1 въ доцента); изъ нихъ 5 были избраны и 1 забаллотированъ (въ экстраординарные профессоры).

Въ 1881 году факультеты имѣли засѣданій: богословскій 11, юридическій 12, медицинскій 13, историко-филологическій 12, физико-математическій 19. Относительно распределенія предметовъ и порядка преподаванія измѣненій не произошло за исключеніемъ медицинскаго факультета, въ которомъ желающіе подвергнутысь испытанію на званіе юзданаго врача должны сперва въ теченіе полугодія участвовать въ судебноМедицинскихъ вскрытияхъ и осмотрѣ труповъ. Для усиленія учебной дѣятельности студентовъ и контроля надъ ихъ занятіями прияты были общія иѣры, именно: назначеніе стипендій и пособій, освобожденіе отъ взноса головара, присужденіе медалей за научные труды, заданіе отличнейшихъ трудовъ на счетъ университетскихъ суммъ, производство испытаний семестральныхъ и научныхъ степени; съ тою же цѣлью производились, независимо отъ обязательныхъ теоретическихъ лекцій по всѣмъ факультетамъ, бесѣды, репетиціи, практическія работы, письменныя упражненія, и во всѣхъ этихъ занятіяхъ студенты участвовали въ значительномъ количествѣ. Результаты научныхъ запитій студентовъ обнаружились какъ на испытаніяхъ, такъ и въ письменныхъ трудахъ, представленныхъ ими въ факультеты для сонсканія наградъ и для приобрѣтенія научныхъ степеней. Изъ числа сочиненій студентовъ особеною основа-

тельностію, полнотою и самостоятельностію отличались слѣдующія: въ богословскомъ факультетѣ: кандидата фонъ-Руктешеля— „Die Diakonenfrage des neuen Testaments im Blick auf die moderne Dia- konenfrage“; въ юридическомъ факультетѣ: кандидатовъ: Гартмана— „Die Entwicklung des kurländischen Jagdrechts“, графа Потоцкаго— „Zur Lehre vom Jagdrecht“, Геппера— „Die Rangordnung der Concursgläubiger nach dem revalischen Stadtrecht“, Витрама— „Die Regünstigung“, барона Вэра— „Ueber die Patrimonialgerichts- barkeit in Kurland“; въ медицинскомъ: Кубли— „Die klinische Be- deutung der sogenannten Amyloidtumoren der Conjunctiva (nebst Mitthei- lung dreier neuer Fälle von Amyloidtumoren)“, фонъ-Штрика — „Zur Lehre von der Regeneration der Röhrenknochen“, Гофмана— „Ein Beitrag zur Physiologie und Pathologie der farblosen Blutkörper- perchen“, Воануса— „Experimentelle Beiträge zur Physiologie und Pathologie des Blutes der Säugethiere“, Базинера— „Die Vergiftung mit Ranunkelöl, Anemonin und Carbol in Beziehung zu der Cantha- ridin-Vergiftung“, фонъ-Рентельна — „Beiträge zur forensischen Chemie des Solanin“, фонъ-Шульца— „Experimentelle Studien über Degeneration und Regeneration der Corneal-Nerven“, Штрауха — „Anatomische Untersuchungen über das Brustbein des Menschen mit besonderer Berücksichtigung der Geschlechtsverschiedenheiten“, фонъ-Фогеля— „Beobachtungen am Schlunde eines mit vollständigem Deficit der Nase behafteten Individuums“, Нефебауера— „Zur Entwickelungs- geschichte des spondylolisthischen Beckens und seiner Diagnose (mit Berücksichtigung von Körperhaltung und Gangspur“, Трефнера— „Beit- räge zur Chemie der Laubmoose“, Грюнинга— „Beiträge zur Chemie der Nymphaeaceen“, Гертея— „Versuche über Darstellung des Cölcicins und über die Beziehungen desselben zum Colchicein und einigen anderen Zersetzungsp producten“, Манделина— „Untersuchungen über das Vorkommen und die Verbreitung der Salicylsäure in der Pflanzen- gattung *Viola*“; въ историко-филологическомъ: Швартца— „Beit- räge zur Frage der gewerblichen Fortbildung der unteren Classen in Russland“, фонъ-Вендриха— „Die Schrager der Domgilde und der Domzünfte zu Reval“, Вормса— „Sigibert I König der Franken“, Гёрца— „Juli Flori codex Nazarianus quanti habendus sit exponitur et exemplis illustratur“, Байера— „Die Wahl Michail Feodorowitsch Romanoff's zum Zaren von Russland“; въ физико-математическомъ факультетѣ: Пенгу— „Ueber Verminderung des Eiweissverbrauches durch Kohlehydrate im Organismus des Pflanzenfressers bei animalischer

Grundnahrung", Шульце—„Ueber die Ausdehnung der Titrirflüssigkeiten durch Wärme", Елагина—„Die geologisch-chemischen Verhältnisse der Mineralquellen von Püttigorsk", Колобова—„Untersuchungen an Gas- und Flüssigkeits-Einschlüssen im Quarz", Семирадского—„Krystallinische Geschiebe im westlichen Russland", Паульсона—„Chemische Beiträge zur Archäologie des Glases".

За представленные на предложенные факультетами темы сочинения награждены медалями: золотыми—студенты: богословского факультета Рейнгольдъ Зебергъ, юридического факультета графъ Иосафатъ Платеръ-Зибергъ и Вольдемаръ Шухъ, медицинского—Оскаръ Ленингъ и историко-филологического—Адальбертъ Томбергъ; серебряными—студенты богословского факультета Эмилій Виленштейнъ и Георгій Нейкенъ. Названные лица представили сочинения на следующие темы: Зебергъ и Виленштейнъ—„Ученіе ветхозавѣтныхъ апокрифовъ о смерти и загробной жизни въ сравненіи съ таковыми же ученіемъ ветхозавѣтного канона", Нейкенъ—на текстъ: „Послание къ Филиппіанамъ III, 12—16", графъ Платеръ-Зибергъ и Шухъ—„Историческое и догматическое изложение ученія о рецидивѣ", Ленингъ—„Химическое изслѣдование дикой рабички или пижмы, обращая вниманіе на танацетовую кислоту и отношенія къ ней сантонина", Томбергъ—„О влияніи Гомеровой поэзіи на художества древняго міра".

Профессоры, преподаватели и другія служащія въ Дерптскомъ университѣтѣ лица издали въ свѣтъ и приготовили къ печати слѣдующія сочиненія и статьи ученого-литературного содержанія: профессоры: А. фонъ-Эттингенъ напечаталъ „Ueber acuten und chronischen Selbstmord" и помѣстилъ въ Zeitschrift für die gesammte Strafrechts-wissenschaft статью „Ueber methodische Erhebung und Beurtheilung criminalstatistischer Daten"; Фолькъ помѣстилъ нѣсколько статей экзегетического содержанія въ Herzog-Plitt-theologische Realencyclopädie; М. фонъ-Энгельгардъ напечаталъ въ Mittheilungen und Nachrichten für die evangelische Kirche in Russland статью: „Ueber ein kirchengeschichtliches Thema"; Мюлау помѣстилъ нѣсколько статей по библейской географіи въ Riehm-biblisches Handwörterbuch; Ф. Гершельманъ напечаталъ одну проповѣдь и три надгробныхъ рѣчи и помѣстилъ нѣсколько рецензій въ различныхъ периодическихъ изданіяхъ; Энгельманъ помѣстилъ въ Baltische Monatschrift две статьи: „Der shawin, ein russischer Staatsmann" и „Die Aufhebung der Leibeigen-schaft in Russland"; Эрдманъ напечаталъ „Der Tod und Recht"; Лѣ-

нигъ помѣстить въ Schmoller-Jahrbuch für Gesetzung und Verwaltung статью: „Ueber das deutsche Verwaltungarecht“; Бѣтхеръ напечаталъ въ Virchow-Archiv статью: „Noch einmal die amyloide Degeneration des Leber“; Драгендорфъ напечаталъ двѣ статьи: „Die qualitative und quantitative Analyse von Pflanzen und Pflanzenteilen“ и „Sitzungsberichte der Dorpater Naturforscher-Gesellschaft“ и помѣстилъ въ Mascka-Handbuch der gerichtlichen Medicin—„Die Untersuchung von Blutspuren“, въ Pharmaceutische Zeitschrift fü Rrussland—„Ueber die Prüfung des Bier auf fremde Bitterstoffe“ и „Gerichtlich-chemische Prüfung von Nahrungs-und Genusmittel“ и въ Archiv für Pharmacie—„Aufsuchung von Phosphor im Harn“; фонъ-Гольстѣ напечаталъ „Conceptionstermin und Schwangerschaftsdauer“ и помѣстилъ въ Petersburger medicinische Wochenschrift двѣ статьи: „Beobachtungen von Wochenbettsscharlach“ и „Neuralgie des Trigeminus, geheilt durch Amputation der portio vaginalis“; Л. Стида напечаталъ: Untersuchungen über die Entwicklung der glandula Thijmus, glandula thyreidea und glandula carotica и помѣстилъ двѣ статьи: въ Archiv für Anthropologie—„Der Archaeologische Congress in Tiflis“ и въ Russische Revue—„Die Arbeiten der Moskauer anthropologischen Ausstellung“; фонъ-Валь помѣстилъ статьи: въ Gerhardt-Handbuch der Kinderheilkunde—„Krankheiten der Knochen und Gelenke im Kindesalter“ и въ St.-Petersburger medicinische Wochenschrift—„Einiges über Gefässverletzungen“; Гофманъ напечаталъ въ St.-Petersburger medicinische Wochenschrift статью: „Bedeutung der Eiweissbestimmungen in Ascitusflüssigkeiten“; Рельманъ напечаталъ въ Дерптѣ: „Statistische Jahresbericht der Dorpater ophthalmologischen Klinik“, „Ueber die Veränderung der Fusionstendenz bei veränderter Blickrichtung und über die Augenstellung in den Secundarstellungen“, „Ueber relative Insuffizienz der inneren Augenmuskeln“ и „Ueber Nystagmus und Keratitis nach Variola“, и помѣстилъ въ периодическихъ изданіяхъ: въ Archiv für Ophthalmologie—„Ueber Amyloid-Degeneration der Conjunctiva“, въ Zehender-Klinische Monatslätter für Augenheilkunde—„Ueber die optischen Wirkungen hyperbolischer Gläser“, „Absolute Blindheit seit zwei Monaten in Folge von Glaucom mit Wiederherstellung des Schwermögens“ и „Beitrag zur Casuistik der Augenmuskel-lähmungen“, въ Virchow-Archiv—„Ueber hyaline und amyloide Degeneration der Conjunctiva“, и въ Archiv für Anatomie und Physiologie—„Mittheilungen über Untersuchungen der physiologischen Functionen der Peripherie der Netzhaut“; Мейеръ напечаталъ статьи: въ Гѣт-

tinger gelehrte Anzeigen— „Besprechung der griechischen Grammatik von Gustav Meyer“, въ Bezzenger-Zeitung— „Beiträge zur Kunde der indogermanischen Sprachen“ и „Ueber caries- und ληγω“; Брикнеръ помѣстилъ статьи: въ Russische Revue— „Zur Geschichte Catharina II über Grimm's Briefe an die Kaiserin“, „Archivalien zur Geschichte Catharina“ и „Die Instruction der Kaiserin Catharina II“, въ Historische Zeitschrift— „Zur Geschichte Peter's des Grossen“, въ Журналь Министерства Народного Просвещенія— „Ф. Х. Веберь“, „Большая Комиссія“, въ Русскомъ Вѣстникѣ— „Путешествіе Петра Великаго за границу въ 1716 и 1717 гг.“ и „Путешествіе императрицы Екатерины въ Могилевъ въ 1780 году“, въ Историческомъ Вѣстнике— „Князь Щербатовъ, какъ членъ Большой Комиссіи“ и „Путешествіе императрицы Екатерины II въ 1785 году“; Тейхмюллеръ напечаталъ: въ Бреславль— „Literarische Fehden im IV Jahrhundert vor Christo“ и въ Дерпѣ— „Padagogisches. Zur Revision des Lehrplanes unserer Gymnasien“; В. Гершельманъ помѣстилъ въ Rheinisches Museum двѣ статьи: „Untersuchungen zur Geschichte der griechischer Metriker“ и „Zu Alcaeus“; Менделеъсонъ напечаталъ въ Лейпцигѣ: „Appiana historia romana. Bd. II“; В. Стида помѣстилъ статьи: въ Baltische Wochenschrift— „Steinkohlen Production und Consumtion in Russland“, „Export- und Import—Handel der Ostseehäfen, im Jahre 1880“, рецензію статьи: „Jordan—Revaler Handelsstatistik“ и „Timirjaseff's Zolltarif für Russland“, въ Conrad Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik“ и „Zur gewerbpolitischen Literatur der letzten Jahre in Deutschland“, въ Archiv für Geschichte des deutschen Buchhandel's— „Zur Geschichte des Buchhandel's in Riga“ и въ Baltische Monatsschrift— „Zur bevorstehenden Volkszählung“; Лёшке напечаталъ: въ Archäologische Zeitung— „Dreifussvase aus Tanagra“, въ Deutsche Literaturzeitung—рецензію статьи: „A. Fustwaengler Satyr aus Pergamon“ и въ Baltische Monatsschrift— „Notiz über die preisgekrönten Entwürfe zum Denkmal für K. E. von Baer“; Гаусманъ помѣстилъ статьи: въ Deutsche Biographie— „Andreas Knopken“ и „Christian Kelch“, и въ Sitzungsberichte der Dorpater gelehrten estnischen Gesellschaft— „Ueber alte livländische Kirchenbücher“; Вальцъ напечаталъ въ Baltische Monatsschrift статью: „Ueber eine wichtige Handschrift des bischöflich ermländischen Archiv's zu Frauenburg“; Висковатовъ помѣстилъ: въ Русской Старинѣ, Новомъ Времени, Кавказѣ и Neue Dörptsche Zeitung— „Отчеты о путешествіи для разысканія материаловъ для биографіи Лермонтова и свѣдѣнія относительно въ-

которыхъ археологическихъ находокъ", въ журналь Русская Мысль— „Шесть главъ биографіи Лермонтова (юность поэта) и въ Новомъ Времени— „Листокъ для посѣтителей Кавказскихъ минеральныхъ водъ"; К. Шмидтъ напечаталъ статьи: въ *Mémoires de l'Académie Impériale de St.-Pétersbourg*— „Boden-und Wasseruntersuchungen aus dem Ferghana und Sujr-Darja-Gebiete", въ *Bulletin de l'Académie des sciences de St.-Pétersbourg*— „Untersuchungen der von N. Przewalski auf seiner zweiten Tibet-Reise 1879—1880 geschöpften Wasserproben" и въ *Baltische Wochenschrift*— „Chemische Untersuchung der Schwarzerde der Gouvernements Ufa und Ssamara"; Гельмилльгъ напечаталъ: „Untersuchungen über die linearen Differentialgleichungen der dritten Ordnung", и помѣстилъ въ *Bulletin de l'Académie des sciences de St.-Pétersbourg* статью: „Neue Integrationswege"; Гренингъ напечаталъ: въ *Sitzungsberichte der Dorpater Naturforschergesellschaft*— „Ueber Reste quartärer ganz oder local ausgestorbener Säugetiere der Ostseeprovinzen" и „Unterseeische Auswachung ostbaltischer Dolomite", въ *Sitzungsberichte der gelehrten estnischen Gesellschaft*— „Neues Vorkommen subfossiler Thierreste und Knochengeräthe", „Ueber ein Nephrit—Beil zum Reiseberichte des Ibrahim-jbn-Jakub über die Altgriechen und Westslaven" и „Eine ostsibirische Gräberstätte des Steinalters"; Руцсовъ помѣстилъ въ *Sitzungsberichte der Dorpater Naturforschergesellschaft* три статьи: „Ueber die Verbreitung des Callusplatten bei den Gefäßpflanzen", „Ueber den anatomischen Bau der Laubsprosse der Coriaraceen" и „Ueber die Entwicklung des Hoftüpfels, der Membran der Holzzellen und des Jahresringes bei den Abiestinneen, in erster Linie von Pinus silvestris"; Бруниръ напечаталъ въ *Baltische Wochenschrift* статью: „Ueber Lagermetalle und Schmiermittel, insbesondere die russischen Mineralöle und ihre Vorzüge gegenüber den fetten Oelen"; Бекраухъ помѣстилъ три статьи въ *Schlömilch-Archiv für Mathematik und Physik*: „Über die Polynomentwickelung", „Werthe einiger doppelt-orthosymmetrischen Determination" и „Ein Satz vom ebenen Viereck"; Эмининггаузенъ изготавливалъ для университетского акта рѣчь подъ заглавиемъ: „Ueber den Werth und die Tragweite des klinischen Unterrichts in der Psychiatrie"; рѣчь эта издана на счетъ суммы университета. Доценты: Боппетшъ напечаталъ въ Эрлангенѣ „Zur Geschichte des Mountanismus" и помѣстилъ въ сколько рецензий въ *Luthardt-theologisches Literaturblatt* и *Schürer-theologische Literaturzeitung*; Бергбомъ помѣстилъ въ *Rigaache Zeitung*: рецензию сочиненія профессора Мартенса: „Восточная война и Брюссельская

конференція" и двѣ статьи: „Die bewaffnete Neutralit t" и „Das Wahlrecht und die Literaten"; Кохъ напечаталъ статьи: въ Deutsche medicinische Wochenschrift—„Kritik der Kopfverletzungen von Bergmann's" и въ St.-Petersburger medicinisch Wochenschrift—„Ueber Unterbindungen der Unterschenkel Gef sse, namentlich der Tibialis portica im oberen Drittel". Пролекторъ Браунъ напечаталъ: въ Вюрцбургѣ—„Die Entwickelung des Wellenpapagci's (*Mclopsittacus undulatus*) mit Ber cksichtigung der Entwickelung anderer V gel. Erste H lfte, zweiter Theil, mit Taf. X—XIV", въ Дерптѣ—„Auf welche Weise inficirt sich der Mensch mit Parasiten", и помѣстилъ въ периодическихъ изда-
нияхъ статьи: въ Zoologischer Anzeiger—„Ein Fall von Schwanzbildung bei einem Erwachsenen", „Ueber die Geschlechtsverh ltnisse bei *Hali-*
sarca lobularis" и „Zur Frage des Zschwischenwerthes von Bothriocephalus latus", въ St.-Petersburger medicinische Wochenschrift—„Schwanzbildung bei einem Erwachsenen", въ Archiv f r Anthropologie—„Ueber rudiment re Schwanzbildung bei einem erwachsenen Menschen; mit einer lithographirten Tafel", въ Archiv f r Naturkunde Liv-Est-und Curland—
„Beitr ge zur Fauna baltica" и „Ueber Dorpater Brunnenplanarien" и нѣсколько рефератовъ въ St.-Petersburger medicinische Wochenschrift и въ Baltische Wochenschrift. Лекторъ Веске напечаталъ „Finnische Sprachlehre. Th. I. Kurzgesasste Grammatik" и помѣстилъ въ Sitzungsberichte des gelehrten estnischen Gesellschaft двѣ статьи: „Ueber einige alte Wortformen in den altesten estnischen B chern" и „Ueber einige alte Verbalformen in den estnischen Volksliedern". Астрономъ-наблю-
датель Линдтедтъ помѣстилъ въ Astronomische Nachrichten статью „Elemente und Beobachtung des grossen Cometen Gould". Приват-
доцентъ Подвысоцкій напечаталъ въ Zeitschrift f r experimentelle Pathologie und Pharmakologie статью: „Ueber Podophyllin".

Нѣкоторые изъ служащихъ въ университетѣ читали публичныя лекціи, именно: профессоры: Ал. фонъ-Эттингенъ — „Объ остромъ и хроническомъ самоубийствѣ"; Энгельмаль — „О Державинѣ, какъ русскомъ государственномъ дѣятелѣ"; Эрманъ — „О смерти гъ правѣ"; фонъ-Голандъ — „О карательной лжи"; Л. Стида — „Объ антропологии Недусовъ" и „Объ антропологическихъ таблицахъ"; Тейхмюллеръ — „О значеніи Платона и Аристотеля для современного образования"; Брикнеръ — „О путешествіяхъ Петра Великаго и Екатерины II"; Лѣшке — „О почитаніи покойниковъ и объ украшеніяхъ могиль въ Греціи"; Арт. фонъ-Эттингенъ — „Объ основныхъ началахъ перспективы"; Руссовъ — „Объ отношеніи анилина къ мозолистому веществу

рѣшетчатыхъ трубокъ"; „О распространеніи мозолистыхъ образованій; обѣ анатоміи кожевокъ; о строеніи и развитіи капальчаковыхъ полостей"; Бруннеръ — „О гончарныхъ издѣліяхъ"; Вейраухъ — „О бурахъ"; Гельмлингъ — „Объ пам'яніяхъ въ физическихъ возврѣніяхъ въ настоящемъ столѣтіи". Доценты: Бонвельтъ — „О Тертулліанѣ"; Бергбомъ — „О великихъ и малыхъ государствахъ"; Мазингъ — „О ландшафтномъ вкусѣ Италіанцевъ". Проекторъ Браунъ — „О двухъ новыхъ планаріахъ, замѣчаемыхъ въ Дерпѣ, и о мѣстѣ, принадлежащемъ имъ въ системѣ" и „О встрѣчаемыхъ въ окрестностяхъ Дерпта видахъ дождевыхъ червей". Приват-доцентъ Соколовъ — „О древне-индійской жизни".

Въ 1881 году совѣтъ Дерптскаго университета имѣлъ 9 засѣданій. Поставленій относительно раздѣленія факультетовъ па отдѣленія, соединенія или раздѣленія каѳедръ и замѣщенія отдѣльныхъ каѳедръ другими не послѣдовало. Въ правилакъ для студентовъ сдѣлано измѣненіе въ томъ смыслѣ, что въ пользу штатныхъ суммъ клиническихъ заведеній вперед пополугодно будетъ взиматься плата въ 3 руб. какъ со студентовъ, такъ и съ постороннихъ слушателей, участвующихъ въ практическихъ упражненіяхъ, при которыхъ употребляются доставляемые на средства университета трупы, и сверхъ того полугодная плата по 4 руб. со всѣхъ посѣщающихъ постоянныя клиники университета. Утверждены въ ученыхъ степеняхъ и званіяхъ: а) въ степени доктора: магистръ Насанъ. Бонвельтъ — по предмету богословія, Фридр. Штейнманъ, Арт. Цапдеръ, Густ. Рюкеръ, Феод. Кубли, Никол. фонъ Штрикъ, Эдм. Омсь, Пав. Фаберъ, Рих. Отто, Никол. Германъ, Ферд. Гофманъ, Никол. Боянусъ, Ад. Бергманъ, Альфр. Вазинеръ, Карл. фонъ Рентельнъ, Фридр. Шульцъ, Евг. Янсенъ, Максъ Штраухъ, Густ. фонъ Фогель, Іос. Лукашевичъ, Ксав. Домбровскій, Францъ Нейгебауэръ, и Руд. Гервагенъ — медицины; б) въ степени магистра: кандидаты: Эд. Гебгардтъ — древне-классической филологии, баронъ Бор. Вольфъ — политической экономіи и Герм. Штруве — чистой математики; провизоры: Эд. Треффнеръ, Вильг. Грюнингъ, Іоан. Гертель и Карлъ Манделинъ — фармації. Затѣмъ утверждены: въ степени кандидата — 36 (по богословскому факультету 4, по юридическому 15, по историко-филологическому 11, по физико-математическому 6); въ званіи дѣйствительного студента — 29 (по богословскому факультету 9, по юридическому 19, по историко-филологическому 5, по физико-математическому 2); въ степени лекаря — 24, въ званіи уѣзданого

прача—3, провизора — 46, алтекарского помощника — 66, зубного врача — 3. Для приготовления къ профессорскому званію командированы на два года: за границу: магистръ Энманъ — по всеобщей исторіи, и кандидатъ Кнауеръ — по нѣмецкому и сравнительному языкковеденію; въ університеты имперіи Базиліеръ — по древне-классической филологии.

Изъ числа профессоровъ и преподавателей университета командированы были съ ученою цѣлью: а) за границу: профессоры: Фольксъ — для участія въ международномъ конгрессѣ ориєнталистовъ въ Берлинѣ, Ленингъ — для окончанія издаваемой имъ исторіи церковнаго права, и фонъ-Роландъ — для собранія матеріала къ приготовляемому имъ издаванию германскаго военнаго уголовнаго права, и доценты: Рейгеръ — для участія въ конгрессахъ: въ Вѣнѣ — общественной гигиены и въ Зальцбургѣ — германскихъ естествоиспытателей и врачей, и Бунге — для продолженія предпринятыхъ имъ занятій по физіологіи органовъ чувствъ; б) внутри Россіи: профессоры: фонъ-Валь — въ Москву, профессоры Брикнеръ, Висковатовъ и Л. Стида — въ Тифлісъ, для присутствованія на происходившемъ тамъ V археологическомъ съездѣ.

Денежные средства Дерптскаго университета находились въ слѣдующемъ положеніи: штатныя суммы: оставалось къ 1-му января 1881 года отъ предыдущихъ смыть 6,011 руб. 99 коп., на содержаніе університета въ 1881 году ассигновано изъ государственного казначейства 251,272 руб. 64 коп., въ теченіе года израсходовано 252,562 руб., затѣмъ къ 1-му января 1882 года имѣлось остатка 4,721 руб. 77 коп.; специальные средства: а) сбора со студентовъ въ пользу університета, за матрикулы и за пользованіе больныхъ въ клиникахъ оставалось отъ 1880 года 4,225 руб. 58 коп., въ теченіе 1881 года поступило 18,193 руб. 47 коп., въ тотъ же срокъ израсходовано 20,549 руб. 17 коп., къ 1-му января 1882 года осталось на лицо 1,869 руб. 88 коп.; б) пожертвованыхъ суммъ наличными и въ билетахъ къ началу 1881 года пъ остатокъ имѣлось 69,398 руб. 61 коп., въ 1881 году поступило 5,518 руб. 30 коп., израсходовано въ теченіе года 5,534 руб. 68 коп., къ началу 1882 года оставалось 69,382 руб. 23 коп. Главнѣйшиe расходы изъ специальныхъ средствъ были слѣдующие: жалованье 'сверхштатному ординарному профессору Вальцу 2,352 руб., на усиленіе штатной суммы для института сравнительной анатоміи 998 руб., на усиленіе штатной суммы терапевтической клиники 900 руб., квартирныхъ падежей 700 руб., на усиленіе штатной суммы библіотеки 800 руб., въ награду двумъ помощникамъ биб-

ліотекара 500 руб., на усиленіе штатной суммы библиотеки по отдѣлу богословскаго факультета 500 руб., на наемъ полицейскихъ нижнихъ чиновъ 500 руб.

Студентовъ къ 1-му января 1881 года находилось 1,065, въ теченіе 1881 года вновь поступило 398 (изъ другихъ университетовъ 28, изъ гимназій 250, аптекарскихъ помощниковъ 32, вторично поступившихъ 88), въ теченіе года выбыло 299 (до окончанія курса 173, по окончаніи курса 126); затѣмъ къ 1-му января 1882 года состояло на лицо 1,664, которые распредѣлялись слѣдующимъ образомъ: а) по факультетамъ и ихъ отдѣленіямъ: въ богословскомъ факультетѣ 157, въ юридическомъ 208 (изучавшихъ правовѣдіе 206, изучавшихъ дипломатію 2), въ медицинскомъ 551 (изучавшихъ медицину 476, изучавшихъ фармацію 75), въ историко-филологическомъ 160 (на историко-филологическомъ отдѣленіи 128, на камеральномъ 32), въ физико-математическомъ 88 (на математическомъ отдѣленіи 37, на отдѣленіи естественныхъ наукъ 51); б) по вѣроисповѣданіямъ: православныхъ 65, армяно-грегоріанъ 1, римско-католиковъ 86, лютеранъ 924, реформаторовъ 25, евреевъ 63; в) по сословіямъ: сыновей дворянъ и чиновниковъ 421, духовнаго званія 157, почетныхъ гражданъ и купцовъ 237, мышанъ и разnochинцевъ 215, крестьянъ 91, иностранныхъ подданныхъ 43; г) по предварительному образованію: гимназистовъ 1,011, семинаристовъ 1, изъ другихъ учебныхъ заведеній 78, аптекарскихъ помощниковъ 74; д) по учебнымъ округамъ, въ районахъ которыхъ находятся заведенія предварительного образованія: С.-Петербургскаго округа 125, Московскаго 9, Казанскаго 5, Харьковскаго 5, Одесскаго 6, Киевскаго 6, Виленскаго 7, Варшавскаго 26, Дерптскаго 944, изъ заграничныхъ заведеній 31. Изъ общаго числа бывшихъ въ 1881 году 1,463 студентовъ стипендіями пользовались 58 на сумму 10,976 руб. 22 коп., въ томъ числѣ 30 получили 6,969 руб. 41 коп. изъ суммы государственного казначейства, а 28 — 4,006 руб. 81 коп. изъ пощуртованныхъ капиталовъ. Пособіями воспользовались 58 студентовъ на сумму 1,115 руб. изъ средствъ казны. Освобождено было отъ платы за слушаніе лекцій 195 на общую сумму 2,925. Такимъ образомъ вспомоществованія разными способами оказаны были 287 студентамъ на сумму 15,016 руб. 22 коп. Въ теченіе года ни одинъ стипендиантъ не лишился производившейся ему стипендіи. Постороннихъ слушателей поступило въ 1881 году 42 (22 изъ другихъ университетовъ, 12 изъ гимназій и 8 вторично поступившихъ); всѣ они выбыли въ теченіе года: 28 до окончанія курса и 14 по окончаніи курса.

Учебно-вспомогательные учреждения Дерптского университета находились къ 1-му января 1882 года въ слѣдующемъ положеніи: Въ университетской библиотекѣ числилось: книгъ 85,183 сочиненія 130,420 томовъ на сумму 364,297 руб., періодическихъ изданій 510 названій 13,411 томовъ на 43,388 руб., рукописей 733 тома и тетради на 2,326 руб., карты, рисунковъ, портретовъ, чертежей и проч. 5,901 листъ, диссертаций 68,428 нумеровъ на 6,843 руб. Библиотекою пользовались въ теченіе года 917 студентовъ. Въ музей изящныхъ искусствъ: книгъ и эстамповъ 1,324 сочиненія 1,495 томовъ, періодическихъ изданій 36 названій 217 томовъ, всего на 15,336 руб., древностей, снимковъ, монетъ, медалей, фотографій 15,163 нумера 15,232 экземпляра на 17,317 руб. Въ математическомъ кабинетѣ: книгъ 135 сочиненій 209 томовъ на 612 руб., періодическихъ сочиненій 5 названій 112 томовъ на 567 руб., инструментовъ и аппаратовъ 135 нумеровъ на 2,402 руб. Въ физическомъ кабинетѣ: книгъ 83 сочиненія 152 тома на 340 руб., періодическихъ изданій 14 названій 290 томовъ на 665 руб., таблицъ, карты, инструментовъ и аппаратовъ 851 нумеръ 1,100 экземпляровъ на 11,786 руб. Въ кабинетѣ этомъ въ I и II семестрахъ занимались опытными физическими изслѣдованіями 12 студентовъ. Въ метеорологической обсерваторіи: книгъ 591 сочиненія 816 томовъ на 968 руб., инструментовъ и аппаратовъ 175 нумеровъ 193 экземпляра на 5,562 руб. Практическія упражненія на обсерваторіи не производились за неимѣніемъ удобнаго помѣщенія. Въ химическомъ кабинетѣ: книгъ 199 сочиненій на 1,034 руб., періодическихъ изданій 14 въ 77 нумерахъ 505 томовъ на 1,646 руб., мебели, аппаратовъ, инструментовъ и проч. 723 нумера 798 экземпляровъ на 15,757 руб. Въ лабораторіи при этомъ кабинетѣ занимались практическими работами и аналитическими изслѣдованіями: въ I семестрѣ 28, во II—20 студентовъ. Въ минералогическомъ кабинетѣ: книгъ 599 сочиненій 713 томовъ на 1,358 руб., періодическихъ изданій 94 названія 435 томовъ на 1,018 руб., карты, рисунки, моделей, приспособл., инструментовъ, мебели, минераловъ, горныхъ породъ и окаменѣлостей 37,602 нумера 37,889 экземпляровъ на 26,329 руб. Практическими работами, въ особенности же упражненіями въ опредѣленіи и изслѣдованіи минераловъ, кристалловъ, горныхъ породъ и окаменѣлостей занимались 20 студентовъ. Въ зоологическомъ музѣ: книгъ 66 сочиненій 181 томъ на 575 руб., періодическихъ сочиненій 2 названія 108 томовъ на 139 руб., рисунковъ, моделей и проч. 68 нумеровъ 107 экземпляровъ на 210 руб., коллек-

цій животныхъ, лицъ, гнѣздъ, препаратовъ и проч. 17,016 нумеровъ на 15,626 руб. Въ ботаническомъ садѣ и ботаническомъ кабинетѣ: книгъ 314 сочиненій 486 томовъ на 808 руб., періодическихъ сочиненій 8 названій 100 томовъ на 479 руб., рисунковъ и картъ 59 названій 78 листовъ на 152 руб., сушеныхъ растеній, коллекцій восковыхъ, гипсовыхъ и другихъ моделей, оранжерейныхъ и плодоносныхъ растеній, деревьевъ, кустарниковъ, кустовъ и травъ 36,278 нумеровъ 162,312 экземпляровъ на 11,234 руб. Лекціи по общей ботаникѣ посѣщали 118, по медицинской и фармацевтической ботаникѣ 30 и по анатоміи древесныхъ растеній 5 студентовъ. Въ практическихъ упражненіяхъ посредствомъ микроскона участвовали: въ I семестрѣ 13, во II семестрѣ 7 студентовъ. Въ экономическомъ и технологическомъ кабинетѣ и лабораторіи для сельско-хозяйственной химіи: книгъ 160 сочиненій 290 томовъ, періодическихъ изданій 14 названій 496 томовъ, всего на 2,352 руб., препаратовъ, моделей, инструментовъ и аппаратовъ 1,197 нумеровъ на 7,218 руб. Практическими работами, а именно: изслѣдованіями о естественныхъ и искусственныхъ средстvахъ удобревія, о кормовыхъ веществахъ, занимались: въ I семестрѣ 2, а во II семестрѣ 4 студента. Въ опытной станціи для испытания сѣяній изслѣдовано значительное число сельско-хозяйственныхъ сѣяній относительно чистоты и способности прозабавія, и студенты сельского хозяйства обучались этимъ премамъ. Въ астрономической обсерваторіи: книгъ 1,205 сочиненій 1,655 томовъ на 3,428 руб., періодическихъ изданій 94 названія 840 томовъ на 8,633 руб., аппаратовъ и инструментовъ 163 нумера 177 экземпляровъ на 32,573 руб. Практическими работами занимались 7 студентовъ. Въ фармацевтическомъ институтѣ: книгъ 54 сочиненія 94 тома, періодическихъ изданій 14 названій 324 тома на 1,500 руб., препаратовъ, реагенцій, москотилльныхъ товаровъ, коллекцій смолъ и проч. 9,161 нумеръ 24,819 экземпляровъ на сумму 20,244 руб. Въ практическихъ упражненіяхъ участвовало: въ I семестрѣ 81, во II семестрѣ 89 студентовъ. Научными, болѣе обширными работами занимались 17 лицъ, п изъ числа ихъ трудовъ многіе напечатаны въ специальныхъ періодическихъ издастіяхъ. Въ анатомическомъ институтѣ: книгъ 358 сочиненій 367 томовъ на 1,764 руб., періодическихъ изданій 13 названій 50 томовъ на 394 руб., рисунковъ 14 листовъ на 79 руб., статубъ, моделей, препаратовъ и проч. 1,032 нумера 1,129 экземпляровъ на 6,702 руб. Труповъ доставлено было 139, изъ которыхъ 101 трупъ употребленъ по анатоміи, а 38 по хирургії. Изслѣдованіями труповъ занимались: въ I се-

местръ 98, во II — 84 студента. Въ институтѣ сравнительной анатоміи: книгъ 1,621 сочиненіе 2,463 тома на 1,771 руб., періодическихъ издацій 20 названій 145 томовъ на 601 руб., инструментовъ, аппаратовъ, мебели и проч. 2,996 нумероъ 5,556 экземпляровъ на 13,060 руб. Практическими упражненіями и изслѣдованіями занимались: въ I семестрѣ 31, во II—39 студентовъ. Въ физіологическомъ институтѣ: книгъ 374 сочиненія 471 томъ на 796 руб., періодическихъ издацій 32 названій 207 томовъ на 698 руб., картъ, русунковъ, аппаратовъ, препараторовъ и проч. 351 нумеръ на 6,714 руб. Изслѣдованіями о крови въ физіологическомъ и патологическомъ отношеніи занимались 3 студента. Въ патологическомъ институтѣ: книгъ 151 сочиненіе 185 томовъ на 389 руб., періодическихъ издацій 4 названія 53 тома на 245 руб., инструментовъ и препаратовъ 1,906 экземпляровъ на 4,548 руб. Опытными изслѣдованіями о перерожденіи и возвращеніи первою роговой оболочки занималось одно лицо. Въ фармакологическомъ кабинетѣ: книгъ 28 сочиненій 42 тома на 207 руб., періодическихъ издацій 10 названій 109 томовъ на 528 руб., москотильныхъ товаровъ, препаратовъ, инструментовъ и проч. 1,230 нумеровъ на 4,716 руб. Научными изслѣдованіями занималось одно лицо. Въ рисовальномъ заведеніи: книгъ и періодическихъ издацій 55 названій на 462 руб., картинъ, рисунковъ, эстамповъ, литографій и фотографій 4,177 нумеровъ на 6,197 руб., утвари 106 экземпляровъ на 70 руб. Въ центральномъ музей отечественныхъ древностей: книгъ и періодическихъ издацій 459 названій 517 томовъ, картъ, эстамповъ, рисунковъ 89 листовъ, древностей 3,028 нумеровъ, всего въ музей на 9,010 руб. Въ собраніи предметовъ по библейской и церковной археологии: книгъ и періодическихъ издацій 104 сочиненія 142 тома, фотографій, древне-христіанскихъ глиняныхъ лампъ и мебели 1,184 нумера, всего на 640 руб. Въ статистическомъ кабинетѣ, учрежденномъ въ 1881 году: книгъ 23 сочиненія 163 тома на 372 руб., періодическихъ сочиненій 3 названія 62 тома на 128 руб. Въ клиникахъ: въ медицинской: книгъ 635 сочиненій 775 томовъ на 2,127 руб., періодическихъ издацій 5 названій 37 томовъ на 384 руб., аппаратовъ 36 нумеровъ на 1,364 руб., въ хирургической: книгъ 807 сочиненій на 1,387 руб., періодическихъ издацій 29 названій 102 тома на 924 руб., фотографій, аппаратовъ, инструментовъ и проч. 1,546 нумеровъ на 4,334 руб.; въ офтальмологической: книгъ 582 сочиненія 683 тома, періодическихъ издацій 10 названій 180 томовъ, всего на 1,967 руб., инструментовъ, аппаратовъ и проч. 475 нумеровъ 491

экземпляръ на 2,302 руб.; въ акушерской и женской: книгъ 998 сочиненій 1,198 томовъ на 2,078 руб., периодическихъ изданій 16 названій 229 томовъ на 727 руб., аппаратовъ, инструментовъ и проч. 613 нумеровъ на 2,049 руб.; въ университетскомъ отдѣлениі окружной лечебницы: книгъ и атласовъ 8 названій на 17 руб., картъ, таблицъ, мебели, аппаратовъ и проч. 101 нумеръ 156 экземпляровъ на 809 руб.; въ клиникахъ для первыхъ и душевныхъ болѣзней: книгъ 43 сочиненія 67 томовъ на 130 руб., периодическихъ изданій 2 названія 17 томовъ на 40 руб., мебели, инструментовъ и аппаратовъ 430 экземпляровъ на 2,770 руб.

Движеніе больныхъ въ клиникахъ представляется въ слѣдующихъ цифрахъ: Въ медицинской клинике (98 практикантовъ): къ 1-му января 1881 года состояло 6, въ теченіе года принято 238, изъ нихъ выздоровѣло 70, получило облегченіе или оказались неизлѣчимыи 141, умерло 29, къ 1-му января 1882 года оставалось 4; въ хирургической (117 практикантовъ): состояло къ 1-му января 1881 года 28, прибыло 408, выздоровѣло 281, получили облегченіе или оказались неизлѣчими 104, умерло 31, осталось къ 1882 году 20; въ офтальмологической (37 практикантовъ): къ 1881 году поступило 214, выздоровѣло 32, выбыло 181; къ 1882 году оставался 1; въ акушерской и женской (155 практикантовъ): оставалось отъ 1880 года 4, въ 1881 году принято 136, выздоровѣло 99, выбыло 34, умерло 4, къ 1882 году состояло 3; въ университетскомъ отдѣлениі окружной лечебницы (7 практикантовъ): въ 1881 году поступило 246, выздоровѣло 200, выбыло 36, умерло 10; вскрытій труповъ и судебно-медицинскихъ наслѣдованій произведено было 78; въ отдѣлениі терапевтической клиники для первыхъ и душевныхъ болѣзней (практикантовъ 10): оставалось отъ 1880 года 4, въ 1881 году поступило 67, выздоровѣло 9, выбыло 19, умерло 2, къ 1-му января 1882 года состояло на лицо 41.

При Дерптскомъ университѣтѣ состоять Общество естествоиспытателей, составъ и дѣятельность котораго въ 1881 году представляются въ слѣдующемъ видѣ: Общество имѣло 187 членовъ, въ томъ числѣ: 22 почетныхъ, 149 дѣйствительныхъ и 16 членовъ-корреспондентовъ. Общество имѣло въ теченіе года 8 засѣданій, на которыхъ 16-ю членами сдѣлано 32 сообщенія. Протоколы засѣданій вышли 1 выпускомъ VI тома, и издаваемое Обществомъ периодическое изданіе „Archiv fur die Naturkunde Liv, Est-und Curland's“ увеличилось двумя выпусками, въ которыхъ помѣщены статьи: г. Панша — „Beiträgel zur Flora Estland's“, и Е. Брауна — „Ueber Dorpater Brunnenplan-

rien*. Общество обмѣняиваетъ свои изданія съ 140 другими Обществами и корпораціями, изъ числа которыхъ 34 состоятъ въ Россіи и 106 заграницею. Въ 1881 году библіотека Общества обмѣномъ или въ видѣ подарка получила 114 periodическихъ изданій, 425 сочиненій и 31 диссертацио. Коллекціи Общества также обогащены разными подарками. Правленіе Общества, состоящее изъ предсѣдателя, вице-президента и казначея, имѣло 4 заѣзданія. Въ 1881 году изъ кассы Общества поступило доходомъ 890 руб. 61 коп., которые израсходовали на напечатаніе Сборника Общества и протоколовъ засѣданій, а также на поѣздки съ научною цѣллю, на пополненіе библіотеки, коллекцій и на разные предметы по части административной. Съ 1882 года Общество имѣть получать изъ суммъ государственного казначейства пособіе по 500 руб. въ годъ.

Съездъ учителей и учительницъ земскихъ школъ Новоторжскаго уѣзда въ 1881 году.

Съездъ учителей и учительницъ земскихъ школъ Новоторжскаго уѣзда былъ разрѣшенъ всѣдѣствіе ходатайства уѣздной земской управы и происходилъ подъ руководствомъ и наблюденіемъ директора Новоторжской учительской семинаріи А. Г. Барапова. Для собраній съѣзда управою было назначено довольно обширное помѣщеніе Ямской земской школы.

Заплатія на съездѣ начались 20-го сентября и продолжались четыре дня, то-есть, 20-го, 21-го, 22-го и 23-го сентября. Къ назначенному времени собрались всѣ наличные учители и учительницы земскихъ школъ Новоторжскаго уѣзда, а именно: 26 учителей и 9 учительницъ, всего 35 человѣкъ.

Съездъ открылся краткою рѣчью г. руководителя. Въ своей рѣчи г. распорядитель прежде всего выразилъ, что онъ съ большимъ удовольствіемъ приглашаетъ участіе на съездѣ, какъ потому, что между присутствующими учителями болѣе половины (18 чел.) принадлежитъ къ числу бывшихъ его воспитанниковъ, такъ и потому, что, завѣдывая 7 лѣтъ учительской семинаріей, онъ всегда особенно интересовался и интересуется народнымъ образованіемъ. Затѣмъ г. руководитель выяснилъ значеніе учительскихъ съездовъ вообще и ознакомилъ присутствующихъ съ тѣми условіями и требованіями, которыемъ должны подчиняться учительскій съездъ. Въ заключеніе г. рук-

коловодитель выразилъ надежду, что учителя и учительницы отнесутся къ дѣлу вполнѣ серьезно и добросовѣстно.

Послѣ того, согласно распоряженію министерства народного просвѣщенія о порядкѣ открытия учительскихъ съѣздовъ, было приступлено къ распределенію занятій на съѣздѣ и выработкѣ вопросовъ, подлежащихъ обсужденію. Большинство присутствующихъ выразило желаніе, чтобы въ число занятій съѣзда было внесено даваніе пробныхъ уроковъ въ Ямской школѣ лучшими учителями и учительницами, и чтобы уроки эти подвергались подробному разбору на съѣздѣ. Нельзя было не замѣтить, что большинство это составляли преимущественно лица, не получившія специальнаго педагогическаго образованія: имъ, очевидно, хотѣлось видѣть, какъ ведутъ дѣло учителя, вышедшия изъ учительской семинаріи. Въ виду того, что пробные уроки дѣйствительно могли принести пользу присутствующимъ, какъ потому, что они должны даваться лучшими учителями, такъ и потому, что при разборѣ ихъ могли нагляднѣе выясниться тѣ или другія стороны учебнаго дѣла вообще и приемы обучения каждого предмета въ частности, — было постановлено: утреннее время 21-го и 22-го сентября посвятить урокамъ въ Ямской школѣ, а вечернее время — разбору данныхъ уроковъ.

Затѣмъ была выработана часть вопросовъ, подлежащихъ обсужденію съѣзда. Остальные вопросы были внесены въ программу въ послѣдующія собранія. Для обсужденія вопросовъ было назначено утреннее и вечернее время 23-го, а въ случаѣ надобности, и 24-го сентября.

Занятія въ Ямской школѣ начались съ 1-го сентября, а потому для пробныхъ уроковъ не представилось никакихъ затрудненій. Для большаго разнообразія въ пробныхъ урокахъ ученики Ямской школы были раздѣлены на 4-е группы: первая изъ нихъ представляла учениковъ вновь поступившихъ; вторая — учениковъ младшаго отдѣленія народной школы въ концѣ учебнаго года; третья — учениковъ среднаго, а четвертая — учениковъ старшаго отдѣленія народной школы. На первый день, 21-го сентября, было назначено 8, а на второй, 22-го сентября, 9 пробныхъ уроковъ, такъ чтобы въ каждыи часъ давалось по два пробныхъ урока. Сообразно этому для присутствованія на пробныхъ урокахъ всѣ учителя и учительницы раздѣлились на двѣ группы.

Темы для пробныхъ уроковъ взяты не произвольно, а въ связи съ текущими занятіями учениковъ Ямской школы; при этомъ прицѣны

во вниманіе не только учебные предметы начального обучения, но также и главные отдылы этихъ предметовъ. Уроки были назначены слѣдующіе:

Въ 1-й группѣ.

. По обученію грамотѣ: Ознакомленіе съ звукомъ и буквою т.—Повтореніе пройденныхъ звуковъ и буквъ и упражненіе въ чтеніи и письмѣ.

По ариѳметикѣ: Ознакомленіе съ числомъ 8.—Упражненіе въ устномъ вычисленіи и рѣшеніи задачъ въ предѣлахъ изученныхъ чиселъ.

Во 2-й группѣ.

По родному языку: Объяснит. чтеніе стих. „Изба“ (Родное Слово г. 2-й).—Объяснит. чтеніе ст. „Хлѣбъ“ (Род. Сл. г. 2-й).

По ариѳметикѣ: Ознакомленіе съ числами четвертаго десятка въ связи съ вычислениемъ и рѣшеніемъ задачъ.

По письму: Письмо подъ тактъ словъ съ прописными буквами.

Въ 3-й группѣ.

По родному языку: Объяснит. чтеніе басни „Свинья“ (Дѣтскій Миръ ч. 1-я).—Выясненіе понятія о подлежащемъ.

По церковно-слав. яз.: Чтеніе и переводъ отрывка изъ Евангелия.

По ариѳметикѣ: Выясненіе дѣйствія сложенія въ предѣлахъ чиселъ до 1000.

По пѣнію: Упражненіе въ пѣніи по слуху: „Достойно есть“.

Въ 4-й группѣ.

По родному языку: Объяснит. чтеніе въ связи съ бесѣдою ст. „Кошка“ изъ Дѣт. міра ч. 1-я.

По ариѳметикѣ: Рѣшеніе задачъ на четыре ариѳм. дѣйствія.—Наглядная бесѣда о кубѣ въ связи съ черченіемъ.

По грамматикѣ: Понятіе о краткомъ и распространенномъ предложениі.

Для давапія означеныхъ уроковъ были назначены, отчасти по собственному желанію, а отчасти по выбору г. руководителя 15 учителей и двѣ учительницы; изъ числа первыхъ 10 окончили курсъ въ Новоторжской учительской семинаріи ¹⁾) и 5 получили образованіе въ духовной семинаріи.

При разборѣ уроковъ г. руководитель держался такого порядка: первое слово предоставлялось тому, кто давалъ урокъ, затѣмъ другимъ

¹⁾ Въ томъ числѣ трое принадлежали къ выпускну 1881 года.

присутствовавшимъ на урокѣ учителямъ и учительницамъ; заключеніе объ урокѣ и необходимыя разясненія дѣлали руководитель. При этомъ руководитель предварительно выяснилъ присутствовавшимъ, что замѣчанія должны быть серьезны и выражаться въ вѣжливой формѣ, что они должны относиться къ сущности дѣла и отнюдь не носить характера личныхъ пререканій. Всѣ эти условія дѣйствительно соблюдались, поэтому разборъ уроковъ шелъ въ порядкѣ, послѣдовательности и касался существенныхъ сторонъ дѣла.

Въ общемъ уроки даты были вполнѣ удовлетворительно, а нѣкоторые могутъ быть признаны вполнѣ образцовыми. Наиболѣе вѣскія замѣчанія вызвали уроки учителей, получившихъ образование въ духовной семинаріи. И дѣйствительно, несмотря на то, что нѣкоторые изъ нихъ преподаютъ уже нѣсколько лѣтъ, въ запитіяхъ ихъ замѣчиваются довольно существенные недостатки. Прежде всего они часто не сообразуются съ возрастомъ и пониманіемъ учащихся, затѣмъ у нихъ преобладаетъ стремленіе говорить больше самимъ и оставлять учащихся пассивными слушателями,—приемъ совершенно не пригодный при начальномъ обученіи. Но болѣе всего обращаетъ на себя вниманіе то обстоятельство, что обладая довольно солиднымъ образованіемъ и развитіемъ, они совершенно незнакомы съ сочиненіями, излагающими методику элементарного обученія. Нѣть сомнѣнія, что съѣздъ принесетъ этимъ учителямъ большую пользу: они хорошо понимаютъ недостатки своего преподаванія и при желаніи, конечно, могутъ легко выработать для себя болѣе пригодные приемы обученія.

При разборѣ уроковъ руководителю пришлось остановиться на нѣкоторыхъ сторонахъ учебного дѣла и сдѣлать нѣсколько указаній. Такъ, между прочимъ, онъ выяснилъ правильный взглядъ на объяснительное чтеніе и указалъ, что при веденіи объяснительного чтенія слѣдуетъ избегать длинныхъ разсужденій и бесѣдъ по поводу прочитанного, что урокъ объяснительного чтенія долженъ быть урокомъ чтенія, а не разглагольствованій. Кроме того, руководителемъ даты были указанія относительно преподаванія ариѳметики въ младшемъ и среднемъ отдѣленіяхъ, относительно приемовъ сообщенія грамматическихъ сведеній и необходимости тактоваго письма.

Утреннее и вечернее время 23-го сентября было посвящено обсужденію вопросовъ, внесенныхъ въ программу въ первые три дня. При такомъ краткомъ времени не было возможности обсудить обстоятельно каждый вопросъ, тѣмъ не менѣе выяснилось не мало школьнѣхъ нуждъ, а также неблагопріятныхъ условій, мѣшающихъ успѣшному

ходу обученія въ народныхъ школахъ. Обсужденіе вопросовъ шло въ слѣдующемъ порядкѣ.

1. Какими средствами можно расположить сельское населеніе къ школѣ.

При постановкѣ этого вопроса выяснилось, что крестьяне иногда относятся недовѣрчиво ко вновь открытой школѣ. Такое явленіе отчасти объясняется тѣмъ, что для крестьянъ совершенно неподытны новые способы обучения; для нихъ, напримѣръ, страннымъ кажется обученіе чтенію не по церковно-славянской печати, а по гражданской, чтеніе послѣ букваря не Часослова, а книги „Родное Слово“. Вмѣстѣ съ тѣмъ недовѣріе къ новой школѣ нерѣдко поддерживается въ крестьянкахъ тѣми мѣстными грамотѣями, въ рукахъ которыхъ было обученіе до открытия школы и которые съ открытиемъ школы лишаются прежнихъ заработка.

Въ виду особой важности предложенного вопроса, на обсужденіе его было обращено большее вниманіе. При этомъ некоторые изъ учителей высказали, что недовѣріе крестьянъ къ новой школѣ оказывалось обыкновенно временнымъ, что какъ скоро крестьяне убѣждались, что въ школѣ учать и Закону Божію, и чтенію по церковно-славянски, и ариѳметикѣ, и письму, то недовѣріе ихъ исчезало окончательно. Затѣмъ было указано и на то, что крестьяне могутъ недовѣрчиво относиться къ школѣ вслѣдствіе личности учителя или учительницы. Руководитель съѣзда съ своей стороны выяснилъ тѣ качества, которымъ долженъ удовлетворять учитель или учительница, и тѣ требованія, которыхъ предъявляются къ школѣ крестьянами.

Результатъ обсужденія предложенного вопроса былъ сведенъ руководителемъ къ слѣдующимъ положеніямъ: а) учитель или учительница по своимъ нравственнымъ качествамъ и поведенію должны вполнѣ соответствовать тому значенію, какое они имѣютъ въ качествѣ воспитателей; б) они должны вполнѣ добросовѣстно относиться къ своимъ обязанностямъ; в) необходимо обращать особенное вниманіе на церковно-славянское чтеніе и не ограничиваться только класснымъ чтеніемъ, но давать ученикамъ на дому Евангелие, Псалтырь и другія книги; г) если возможно, непремѣнно обучать церковному пѣнію, такъ какъ чтеніе и пѣніе учениковъ въ церкви, содѣйствуютъ ихъ религіозно-пatriотическому развитію, служить для крестьянъ самымъ убѣдительнымъ доказательствомъ, что школа полезна, и д) нужно обращать должное вниманіе на пріученіе учащихся къ изложенію мыслей письменно.

2. О средствахъ къ самообразованію учениковъ въ школѣ.

3. Объ устройствѣ ученическихъ библіотекъ при школахъ.

По заявлению учителей оказывается, что окончившіе курсъ ученики нерѣдко разучиваются читать и писать, и что это происходит отъ недостатка практики. Такимъ образомъ, ученики по выходѣ изъ школы не только не приобрѣтаютъ новыхъ знаній путемъ самостоятельного чтенія, но даже забываютъ и то, что они пріобрѣли въ школѣ. Въ виду этого съездъ призналъ необходимымъ устроить при каждой школѣ небольшую библіотеку, съ тѣмъ, чтобы книги изъ нея выдавались какъ учащимся, такъ и вышедшимъ изъ школы грамотнымъ крестьянамъ. Хотя въ школахъ и есть небольшое число книгъ для чтенія, но нѣкоторые изъ нихъ, напримѣръ, естественно-историческаго содержанія читаются неохотно, при спабжепіи же школъ книгами не заведено правильнаго порядка. Руководитель съезда заявилъ, что въ этомъ году вышелъ подробный каталогъ книгъ, одобренныхъ министерствомъ народнаго просвѣщенія, и что въ этомъ каталогѣ книги, назначенные для ученической библіотеки, перечислены въ особомъ отдѣлѣ, поэтому при выборѣ книгъ не представляется никакихъ затрудненій. Вмѣстѣ съ тѣмъ, руководитель съезда предложилъ: просить уѣздный училищный совѣтъ, чтобы ежегодно для каждой школы выписывалась часть книгъ, указанныхъ въ каталогѣ, и чтобы такимъ образомъ хотя въ нѣсколько лѣтъ составилась при каждой школѣ достаточная библіотека. Предложеніе это было принято, при чемъ добавлено, чтобы изъ книгъ выбирались преимущественно религіозно-нравственнаго содержанія, а также по русской исторіи и географіи, книги, содержащія элементарныя юридическія свѣдѣнія, относящіяся къ сельскому быту, и книги, содержащія свѣдѣнія, полезныя въ сельской жизни.

4. Какія наказанія могутъ быть въ народной школѣ и какъ поступать въ томъ случаѣ, когда ученикъ по своему поведенію не можетъ быть терпимъ въ школѣ.

При обсужденіи этого вопроса выяснилось, что учителя въ качествѣ наказаний практикуютъ замѣчанія, наставленія, выговоры и оставленіе учениковъ въ школѣ послѣ уроковъ, но послѣднее наказаніе не всегда выполнимо по условіямъ сельской жизни. Кромѣ того, на практикѣ встрѣчались и такие случаи, когда приходилось прибѣгать къ

исключению ученика изъ школы, но подобная мѣра всегда возбуждала ропотъ среди родителей и навлекала непріятности на учителя.

Съездомъ постановлено: къ числу означенныхъ наказаний прибавить сообщеніе о дурномъ поведеніи ученика родителямъ; къ исключению же ученика изъ школы прибѣгать только въ самомъ крайнемъ случаѣ, въ особенности въ школахъ вновь устроенныхъ.

5. Объ ограничениія срока для приема учениковъ.

Правильному ходу обученія въ народныхъ школахъ много препятствуетъ то обстоятельство, что родители посыпаютъ дѣтей не въ одно время, а въ теченіе довольно продолжительного промежутка времени. Въ старыхъ школахъ, гдѣ практикуется одиночное обученіе, разновременное поступление учениковъ не имѣть дурныхъ послѣдствій; въ настоящее же время, когда всѣ ученики въ каждомъ отдѣлѣніи занимаются вмѣстѣ и проходятъ одинъ и тотъ же курсъ, поступление однихъ учениковъ позже другихъ ставитъ учителя въ затруднительное положеніе. Въ виду этого съездъ постановилъ: ходатайствовать передъ училищнымъ совѣтомъ, чтобы было объявлено по волостнымъ правленіямъ, что срокъ для поступленія въ школу назначается двухпредѣльный.

6. О нормальномъ числѣ учениковъ для одного учителя.

Въ некоторыхъ школахъ наплынъ учащихся такъ великъ, что число учениковъ при одномъ учителѣ veryдко достигаетъ 100 человѣкъ.

Очевидно, что заниматься одному учителю столь числомъ учениковъ весьма трудно и что въ этомъ случаѣ не можетъ быть и рѣчи объ успѣшномъ ходѣ занятій. Отказывать въ приемѣ учителъ не можетъ, такъ какъ этимъ онъ налечетъ на себя сильное неудовольствие между крестьянами, въ назначеніи помощниковъ земство отказываетъ во избѣженіе большихъ денежныхъ затратъ. По обсужденіи этого вопроса, съездъ постановилъ: а) нормальнымъ числомъ учениковъ для одного учителя считать не свыше 80 человѣкъ, б) ходатайствовать передъ земствомъ о назначеніи помощниковъ или помощницъ въ тѣхъ школахъ, гдѣ число учениковъ превышаетъ норму.

7. О библіотекѣ для учителей и выпискѣ педагогическихъ журналовъ.

Въ виду недостатка для учителей книгъ педагогического и научного содержанія, на съездѣ было заявлено, нельзя ли народнымъ учителямъ брать книги изъ библіотеки при Новоторжской учительской семинаріи. На это руководитель объяснилъ, что онъ лично не можетъ

свою властью разрешить этотъ вопросъ, но что онъ приметъ заявление учителей къ свѣдѣнію и будетъ хлопотать о разрешеніи вопроса въ смыслѣ желанія учителей.

8. О запасномъ учителѣ.

Въ виду того, что въ случаѣ болѣзни учителя, учение въ школѣ должно по необходимости прекращаться, съѣздъ находилъ весьма желательнымъ, чтобы земство имѣло особаго запаснаго учителя, котораго можно было бы въ случаѣ надобности командировать въ ту или другую школу.

Присутствовавшій на засѣданіи членъ училищнаго совѣта и уѣздной управы Д. Д. Романовъ заявилъ, что въ настоящее время такой учителъ есть и что онъ состоить вторымъ учителемъ въ Осташковской школѣ.

9. Объ устройствѣ почлежныхъ при школахъ.

Вопросъ этотъ былъ только возбужденъ на съѣздѣ, постановленіе же никакого не состоялось, такъ какъ устройство почлежныхъ со-пражено съ денежными затратами. Руководитель съѣзда высказалъ, что по его мнѣнію устройство почлежныхъ лежитъ на обязанности сельскихъ обществъ, а потому учителямъ слѣдуетъ сдѣлать попытку разрешенія вопроса именно въ этомъ направленіи.

10. О напечатаніи отчета о съѣздѣ.

Съѣздъ постановилъ: просить уѣздную земскую управу о напечатаніи отчета о настоящемъ съѣздѣ и о раздачѣ его учителямъ и учительницамъ.

Въ заключеніе съѣздъ просилъ руководителя разъяснить нѣкоторые вопросы, касающіеся частностей обучения, чтѣ и было имъ исполнено. Вопросы эти были слѣдующіе:

1) Нужно ли пріучать учениковъ къ чтенію чужой рукописи, и если нужно, то какъ это выполнить.

2) Слѣдуетъ ли много обращать вниманія на опредѣленіе научныхъ терминовъ?

3) Средства для развитія бѣглости и выразительности въ чтеніи.

4) О таблицахъ при обученіи чтенію.

5) О выборѣ задачъ по ариѳметикѣ для средняго и старшаго отдѣленій.

Изъ постороннихъ лицъ на съѣздѣ никто не допускался; изъ лицъ служащихъ въ земствѣ, съѣздъ посыпалъ: члены уѣзднаго училищнаго совѣта отъ земства, предсѣдатель и члены уѣздной земской управы.

НЕКРОЛОГЪ.

I.

Н. Я. Аристовъ.

26-го августа текущаго года скончался, на 48-мъ году отъ роду, одинъ изъ почтенныхъ дѣятелей по русской исторіи, профессоръ и инспекторъ историко-филологического института въ Нѣжинѣ Николай Яковлевичъ Аристовъ.

Покойный былъ уроженецъ Тамбовской губерніи и сынъ сельского священника; образованіе онъ получилъ сперва въ Тамбовской духовной семинаріи, и затѣмъ въ Казанской духовной академіи. По выходѣ изъ послѣдней онъ былъ назначень въ 1858 году преподавателемъ въ Симбирскую духовную семинарію. Здѣсь однако онъ остался не долго, и въ 1861 году уже переселился въ Петербургъ, чтобы готовиться къ ученой дѣятельности. Около трехъ лѣтъ жилъ Аристовъ въ столицѣ, занимался частными уроками; въ это время имъ напечатано большое число статей, и главнымъ образомъ рецензій на выходившія въ то время сочиненія по русской исторіи.

Въ 1866 году вышла въ свѣтъмагистерская диссертација Аристова „Промышленность въ древней Руси", которую онъ и защитилъ съ успѣхомъ въ Петербургскомъ университѣтѣ. Въ 1867 г. Аристовъ приглашенъ былъ доцентомъ по русской исторіи въ Казанскій университѣтъ; въ 1869 г. онъ перешелъ въ университѣтъ Варшавскій со званіемъ экстра-ординарного профессора, и въ 1871 г. защищалъ въ Казанскомъ университѣтѣ докторскую диссертацију подъ заглавіемъ:

„Московскія смуты, въ правлениѣ царевны Софіи Алексѣевны“, послѣ чего получилъ званіе ординарнаго профессора. Въ 1873 г. Аристовъ приглашенъ былъ въ Харьковскій университетъ, по съ открытиемъ Нѣжинскаго института занялъ въ немъ каѳедру и должность инспектора; въ этомъ званіи и застала его неожиданная кончина.

Аристовъ принадлежалъ къ числу усердѣйшихъ тружениковъ русской исторіи. Полный перечень его трудовъ весьма обширенъ¹⁾), но кромѣ того, у него осталось много подготовленныхъ работъ, въ томъ числѣ богатые материалы отъ историко-географическаго словаря древней Руси. Кромѣ двухъ диссертаций, въ числѣ лучшихъ его трудовъ должно назвать: „Христоматію по русской исторіи“, прекрасный этюдъ объ историческомъ значеніи разбойничихъ пѣсенъ и вообще его очерки по народной литературѣ, а также обстоятельное историко-географическое изслѣдованіе о землѣ Половецкой.

Аристовъ не принадлежалъ къ числу ученихъ, пролагающихъ новые пути въ наукахъ. Но онъ былъ усердный собиратель материала и тщательный изслѣдователь. Любя и изучая присущество народную жизнь, онъ и въ статьяхъ своихъ обращалъ вниманіе главнымъ образомъ на вопросы внутренней, бытовой исторіи, на развитіе народной культуры въ сферѣ религіозной, юридической, экономической и литературной. То же дѣлалъ онъ и въ преподаваемыхъ имъ курсахъ, предоставляем изученіе вѣшней политической исторіи самостоятельному труду слушателей. При такомъ направлении ученыхъ трудовъ Аристова если въ нихъ и не найдется цѣльного строго выдержаннаго воззрѣнія на русскую исторію, за то не окажется и предвзятыхъ теорій, и напротивъ замѣтна горячая любовь ко всему русскому и вѣрное, сочувственное пониманіе многихъ особенностей и проявлений нашей народной жизни и народнаго характера.

II.

Л. Боткінь, французскій переводчикъ Бенокульфа.

28-го мая (новаго стиля) 1882 года умеръ молодой ученый, Русскій по происхожденію, но принадлежавшій западу и содержаніемъ

¹⁾ Такой перечень помѣщенъ въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* 1882 года, № 245; статьи его печатались болѣе чѣмъ въ десяти періодическихъ изданіяхъ; въ томъ числѣ есть иѣсколько рецензій его и въ *Журналѣ Министерства Народ. Просв.* за 1867 годъ.

своихъ работъ, и языкокъ, который онъ избралъ для ихъ изложениі. Въ 1876 году вышелъ въ Парижѣ первый трудъ, подписанный L. Botkine: *Beowulf. Analyse historique et géographique*, за которымъ послѣдовала: *Beowulf. Epopée Anglo-Saxone. Traduite en français, pour la première fois d'après le texte original, par L. Botkine. Havre, 1877.* Этотъ первый французскій переводъ англо-саксонской поэмы кое-гдѣ граничилъ съ пересказомъ: буква подлинника не вездѣ точно передава, иныхъ мѣста ощущены. Самъ переводчикъ нашелъ нужнымъ объяснить такое свое отношеніе къ тексту: „Вопервыхъ, я долженъ сказать, что опущенные эпизоды (ихъ очень не много) либо крайне темны, либо явипши (d'une superficie choquante). Во вторыхъ, мне казалось, что при извѣстной свободѣ перевода, при устраненіи повтореній и перифразъ англо-саксонского оригинала, я улучшу и самый переподъ, сдѣлавъ его болѣе вѣрнымъ духу подлинника. Вѣрность перевода едва ли страдаетъ отъ того, что читатель не встрѣтить въ немъ нѣкоторыхъ подробностей, первѣко странныхъ и непонятныхъ; не лучше ли потому сразу отбросить эти поэтическія прикрасы, не знакомыя новѣйшимъ литературамъ, непереводимыя на французскій языкъ?“. Боткинъ повторяетъ вслѣдъ за Теномъ: „On ne peut traduire ces idées fichées en travers, qui déconcertent l'économie de notre style moderne“. Этотъ непереводимый, „нѣсколько варварскій“ стиль имѣть свою особую прелестъ, возвышающую ритмъ и аллитерациѣ, но передать ее могутъ развѣ родственные языки, напримѣръ, англійскій и нѣмецкій, и—прибавимъ отъ себя, русскій, за исключеніемъ аллитерациї (с.л. Avertissement).

Предисловіе къ переводу, обнимающее большую, шедшую въ уропень съ наукой, начитанность автора, не поднимаетъ новыхъ вопросовъ, отличаясь компилиативнымъ характеромъ и изобилуя выписками изъ авторитетовъ по англо-саксонской филологии. Нѣкоторымъ выраженіямъ въ предисловіи наивны, какъ напримѣръ, заявленіе, что *Beowulf* — „древнѣйшая изъ рыцарскихъ поэмъ“ (*le plus ancien de tous les poèmes des chevalerie*), что она интересна, несмотря на недостатки плана и высоколарный стиль (*style ampoulé*), которымъ она написана. Необходимо помнить, что передъ вами трудъ 25-ти-лѣтняго автора-автодидакта, къ которому нѣмецкая критика отнеслась крайне лестно въ рядѣ отзывовъ и замѣтокъ, вызванныхъ какъ его *Beowulfомъ*, такъ и его послѣднимъ трудомъ въ той же области: *Chanson des Runes. Texte anglo-saxon, traduction et notes par L. Botkine. Havre, 1879.* Въ послѣднемъ номерѣ *Anglia* (V, 3) Вилькеръ

посвятилъ Боткину нѣсколько сочувственныхъ словъ и сообщилъ нѣсколько биографическихъ срѣдѣній, къ сожалѣнію крайне недостаточныхъ. Л. Боткинъ родился въ Парижѣ въ 1853 году, въ русской семье; воспитаніе получило во Франціи, учился главнымъ образомъ въ Парижѣ. Поселившись въ Гаврѣ, онъ сталъ читать сочиненія по старо-англійской и англо-саксонской поэзіи и въ 1875 году принялъ серьезно за изученіе англо-саксонского языка. Его первый литературный опытъ въ этой области явился въ 1876 году, послѣдній въ 1879; тогда уже къ Боткину привлекалась болѣзнь, которая свела его въ раннюю могилу. Въ послѣдніе годы своей жизни онъ съ жаромъ отдался изученію философіи. Онъ умеръ на 29-мъ году и похороненъ 30-го мая и. ст. на кладбищѣ въ Гаврѣ. Г. Боголюбовъ (dr. Bogoluboff), изъ Москвы, сказалъ надъ его могилой рѣчь на нѣмецкомъ языкѣ, на тему: онъ прожилъ не даромъ.

„Исторія англо-саксонской филологіи упоминаетъ имя Боткина“, говоритъ Вюлькеръ, — „но мы надѣемся, что и французская наука не забудетъ его и возвѣсть честь его памяти тѣмъ, что ея учение станутъ, по прямѣру Боткина, болѣе и болѣе подворовать изученіе англо-саксонского языка во Франціи. Тогда можно будетъ сказать, что покойный ученый въ самомъ дѣлѣ прожилъ не даромъ“.

А. В.

ВОЗЗРЪНІЯ ЕВРИПИДА НА СОСЛОВІЯ И СОСТОЯНІЯ, ВНУТРЕННЮЮ И ВНѢШНЮЮ ПОЛИТИКУ АЕИНЪ¹⁾.

II. Внутренняя политика Аени.

Не трудно догадаться, что человѣкъ, признающій единственno вѣрнымъ критеріемъ для оцѣнки людей добродѣтель и не придающій никакого значенія происхожденію, могъ быть, если желаѣтъ оставаться послѣдовательнымъ, всего скорѣе сторонникомъ такого государствен-наго строя, который наибольше отвѣчалъ природнымъ правамъ всѣхъ гражданъ и наиболѣе позволялъ проявлять имъ свои способности и добродѣтель. Или, по мнѣнію Еврипіда и самыи ничтожный рабъ по своей природѣ пичѣть не хуже знатнаго аристократа, если и самыи послѣдніи члены государства по своимъ природнымъ качествамъ и свойствамъ такой же человѣкъ, какъ и самыи могущественный властитель, то естественно поэтъ не могъ признавать за какими нибудь сравнительно немногими гражданами, а тѣмъ болѣе за одиныхъ лицемъ какого нибудь прирожденнаго исключительного права на распоряженіе по своему усмотрѣнію судьбами всѣхъ остальныхъ безъ ихъ участія и спроса; такой порядокъ казался ему на чѣмъ инымъ, какъ нарушеніемъ естественного права человѣка, тираннию и деспотизмомъ²⁾). Единственно законнымъ и логичнымъ государст-

¹⁾ См. септябрскую книжку Ж. М. Н. Ир. за текущій годъ.

²⁾ fr. 172. οὐτ' εἰκός ἀρχεῖν οὐτ' ἔχειν ἄνεκ τόμου
τύραννον εἴναι μωρία δὲ καὶ θέλειν
δε τὸν ὄμοιων βούλεται κρατεῖν μόνος.

венныхъ устройствомъ для него могло быть только всеобщее равенство, которое, не давая никому незаслуженного преимущества предъ другими, какъ всѣхъ членовъ одного государства, такъ и цѣлая государства соединяетъ неразрывными узами дружбы, довѣрія и добольства, между тѣмъ какъ неравенство всегда порождаетъ зависть и вражду¹⁾.

Этотъ теоретический выводъ поэта-философа, совершенно правильно вытекающій изъ его взглядовъ на естественное равенство всѣхъ людей, станетъ еще болѣе понятнымъ, если мы примемъ въ соображеніе, что во времена Европида монархическая законная и наследственная власть древніхъ царей рассматривалась сквозь призму тираннія, почему βασιλεύς и τύραννος, особенно въ языкѣ поэты, сдѣлялись почти однозначущими. А такъ какъ тиранновъ своихъ Эллины въ большинствѣ случаевъ помнили съ дурной стороны, то попутно и царская власть вообще во времена развитія демократіи не могла представляться имъ въ розовомъ свѣтѣ, особенно послѣ ожесточенной и отчаянной борьбы съ ненасытнымъ властолюбіемъ персидскихъ царей, которые напригали всѣ колоссальные силы своего огромнаго царства, чтобы сковать цѣпами азиатскаго деспотизма свободную и независимую Эладу²⁾). Но и помимо этой борьбы, которая конечно довела ненависть къ варварскому деспотизму до высшей степени,

- ¹⁾ Phoen. 'Ιοκ. 535 κείνο καλλιον, τέκνον,
ισότητα τιμᾶν, ἥ φίλους ἀεὶ φίλοις
πόλεις τε πόλεισι συμμάχους τε συμμάχ.
συνδεῖ· τὸ γάρ ίσον νόμιμου ἀνθρώποις
τῷ πλέον δ' ἀεὶ πολέμιον καθίσταται
τοῦλασσον ἔχθρας θ' ἡμέρας κατάρχεται.
καὶ γάρ μέτρ' ἀνθρώποις καὶ μέρη στρατηγῶν
ισότης ἔταις κάριθμὸν διώρισε,
νυκτός τ' ἀφεγγές βλέφαρον ἥλιον τε φῶς
ίσον βαδίζει τὸν ἐνιαύσιον κύκλον,
κοῦδετερον αὐτῶν φθόνον ἔχει νικώμενον.
εἰς' ἥλιος μὲν νῦξ τε δουλεύει βρυστοῖς,
οὐ δ' οὐκ ἀνέβει δωμάτων ἔχων ίσον
καὶ τῷδ' ἀπονέμειν; κατὰ ποὺ 'στιν ἡ δίκη;
fr. 277. κακῶς δ' δλοιντο πάντες οἱ τυραννίδι
χαίρουσιν όλιγη τ' ἐν πόλει μοναρχίᾳ.
τοῦλεύθερον γάρ δύομα παντός ἀξιον,
καν̄ σμιχρ̄ ἔγγ τις, μετάλ̄ ἔχειν νομιζέτω.
²⁾ См. Nägelsbach, Nachhom. Thcol. 2 Авг. в. 306 сл.

Персидский царь съ своими сатрапами и другіе варварскіе цари и князья своимъ образомъ дѣйствій и своимъ отношеніями къ поддан-нымъ не могли внушить свободолюбивымъ Эллинамъ особеннаго ува-женія къ государственному строю варварскихъ странъ. Напротивъ они укрѣпляли только въ Эллинахъ убѣжденіе, что не только полити-ческая свобода и равенство, но и существованіе самого закона, какъ гарантія противъ личнаго произвола сильныхъ, невозможны при та-комъ управлениі, которое въ своихъ дѣйствіяхъ руководилось не за-конами, одинаково для всѣхъ обязательными, а своимъ произволомъ, личными выгодами и дикими страстями¹⁾). Поэтому съ понятіемъ

¹⁾ Извѣстно, что въ числѣ важнѣйшихъ преимуществъ надъ варварами Эллины считали свои свободныя учрежденія, въ силу которыхъ Эллины повиновались только законамъ, признаннымъ народомъ, а не самовластному произволу и ини-чтимъ несбуданнымъ призракамъ одной личности, какъ это было у варваровъ, кото-рыхъ Эллины считали недѣйствіе этого всѣхъ рабами, кроме одного изъ изве-стелана (См. напр. Xen. Hist. Gr. VI, 1, 12, который очень напоминаетъ Eurip. Hel. ст. 276: τὰ βαρβάρων γέρε δοῦλα πάντα πλήγε εὐός. Подобныхъ выраженій отво-сительно варваровъ изъ другихъ писателей собрали между прочими у Nigelsbach'a въ только что указанномъ месте). Этотъ общевавлинскій взглядъ на вар-варовъ, какъ на людей, живущихъ и дѣйствующихъ вообще не по законамъ, а по инспираціи своихъ страстей, несравненно часто встречается въ трагедіяхъ Еври-піда. Какъ въ государственной жизни у варваровъ господствуетъ произволъ и правители ихъ распорягаются судьбами и жизнью своихъ подданныхъ по своему личному усмотрѣнію, такъ въ своей общественной и частной жизни варвары руководствуются исключительно произволомъ и своимъ животными стремленіями. Законъ и жизнь по закону для нихъ позавѣтны; этики блага можно пользо-ваться и наслаждаться только въ свободной и счастливой Эладѣ. Ср. напр. Eurip.

- Heraclid. 423 οὐ γὰρ τοραννίδ' ἔστε βαρβάρων ἔχω·
ἀλλ' ἦν δίκαια δρῦ, δίκαια πείσομαι.
Andr. 'Ερι. τοιούτοις πάν το βάρβαρον γένος.
πατήρ τε θυγατρί παῖς τε μητρί μίγνυται
χόρη τ' ἀδελφῆ, διὸ φόνος δ' οἱ φίλατοι
χωροῦσι, καὶ τῶνδ' οὐδὲν ἐξείργει νόμος.
πρῶτον μὲν Ἐλλάδ' δντε βαρβάρου χθονὸς
ταῖαν κατοικεῖς, καὶ δίκην ἐπίστασαι
νόμοις τε χρήσθει, μὴ πρὸς ισχὺος χάριν;
πάντες; δέ ο' ἡπιθυμτ' οὐσιν Ἐλληνες σοφὴν
καὶ δόκαν ἐγγεις εἰσ. Ср. Ibid. 591 κ.
'Ια. οὐκ ἔστιν ἡτις τοῦτ' ἀν Ἐλληνίς γυνὴ
ἔτλη ποθή, ὃν γε πρόσθεν ἡξίουν ἔγο
γῆμαι εε, κῆδος ἐχθρὸν ὀλέθριον τ' ἵμοι,

1*

о единоличномъ управлениі для Эллиновъ соединялось обыкновенно понятіе о беззаконії и произволѣ, основанныхъ на личныхъ вкусахъ и прихотяхъ правителя.

Этотъ исторически выработавшійся взглядъ Эллиновъ на полновластіе и самовластіе одного лица былъ совершенно согласенъ съ философскими взглядами Евріпіда на естественное равенство всѣхъ людей, такъ что въ этомъ отношеніи поэтъ-философъ стоялъ на одной точкѣ врѣмія съ своими соотечественниками и современниками.

Для проведения этихъ взглядовъ въ трагедіяхъ сть фабулами, взятыми изъ временъ мієническихъ и монархическихъ, Евріпідъ, вообще изображавшій подъ мієническими именами людей своего времени, по своему обыкновенію политическія понятія своего времени и нерасположеніе къ государственному устройству, чеоснованному на верховной власти народа и одинаково для всѣхъ общественныхъ за-

λέαιναν, οὐ γυναικα, τῆς Τυρσηνίδες
Σκύλλης ἔχουσαν ἀγριωτέραν φύσιν.

Cр. Heraclid. 130; Нес. 1127, 1243 сл.; Bacch. 481, Orest. 484; Нес. 326.

Проникнутые такими взглядами Эллины неизменно варваровъ-властителей за ихъ несознанный закономъ произволъ, а остальныхъ глубоко презирали за ихъ раболѣпіе, трусость, подлость, изнѣженность и считали себя имѣющими полное право на господство надъ варварами, какъ существами самою природою предназначеннymi для рабства. Arist. Pol. I, 2, 1252 б, где въ подтвержденіе того положенія, что иѣ варвары — рабы отъ природы, приводится насто изъ Eurip. Iph. Aul. 1440, варваровъ δ' Ἑλλῆνες ἄρχειν εἰχός, въ поясненіе которого Аристотель замѣчаетъ: ως ταῦτο φύσις βάρβαρον καὶ δοῦλον δν. Слова, приведенные Аристотелемъ, говорить Иенгени оъ оправданіе своего рѣшенія добровольно умереть за успѣхъ похода противъ варваровъ. Иенгени говорить матери:

'Ιφ. 1400. βαρβάρων δ' Ἑλλῆνες ἄρχειν εἰχός, ἀλλ' οὐ βαρβάρους,
μῆτερ, 'Ἑλλήνων τὸ μὲν τῷρ δοῦλον, οἱ δ' ἐλεύθεροι.

(Относительно трусости и изнѣженности варваровъ см. Eurip. Orest. 1408 сл., 1425, 1485, 1521; 1110; Troad. 901, Iph. Aul. 70 сл.)

А такъ какъ варвары не только не подчинились такому приговору Эллинамъ, но и, опираясь на свою силу, численность и вицѣнное могущество, пытались подчинить своей власти свободныхъ Эллиновъ, то отсюда естественно возникла ожесточенная вражда (Исогратъ 12, 163 называетъ варваровъ φύσις τολμήσις ελληνισμόν) и вѣковая борьба, кончившаяся победою Эллиновъ надъ варварствомъ и сдѣлавшая действительно 'Ασιανὸν θερίκνον (Eurip. Нес. 480). До такой победы примиреніе между валиннізмомъ и варварствомъ считалось невозможнымъ. Eurip. Несуб.

конахъ, переносить на времена миеническія, и подъ видами царской власти героического периода представляетъ часто тираннію (одного или нѣсколькихъ) историческихъ временъ. Такое перенесеніе было тѣмъ болѣе умѣстно, что во времена Евріпіда происходила въ Элладѣ борьба аристократіи и демократіи, при чемъ отечество нашего поэта было главнымъ представителемъ и борцомъ демократическихъ принциповъ, а враги Аеинъ, Спартацы и Оиванцы, были въ то же время и врагами демократіи, защитниками аристократіи и олигархіи, которые по своей жестокости, подозрительности и жадности нерѣдко превосходили самыхъ необузданнѣхъ тиранновъ. Желая высказать въ трагедіи свои взгляды на жгучіе современные вопросы и подъ видомъ единовластія миеническихъ временъ ратовать противъ враговъ демократіи, были ли то олигархи или отдѣльные тиранны, Евріпідъ преднамѣренно и совершенно сознательно, а не по незнанію и непо-

Нескв. ἀλλ' ὁ κάκιστος, πρῶτον οὐκοτέλες φίλος
 1200 τὸ βαρβαρὸν γένος τέλεος
 οὐδὲ τὸ δύνατον.

Ср. Hermann, Staatsalterth. § 6, App. 1.

Евріпідъ, по своимъ взглядамъ на происхожденіе людей вообще, не могъ конечно вполнѣ раздѣлять этихъ общевавилонскихъ понятій о варварахъ и скотѣть на нихъ какъ на природныхъ рабовъ, но съ другой стороны не могъ не признавать превосходство эллинской цивилизациі надъ варварскою. Хотя отъ природы варвары имѣли же свойствами, какъ и Эллины, тѣмъ не менѣе благодаря историческимъ и политическимъ обстоятельствамъ Эллины по своему умственному и нравственному развитію были безъ сомнѣнія и въ глазахъ Евріпіда гораздо выше варваровъ, и потому по всей справедливости могли искать претензіи на первенствующую роль, на преобладаніе надъ варварами и уже никакъ не наоборотъ. Поэтому въ приведенныхъ мѣстахъ изъ трагедій Евріпіда можно видѣть не возвратнѣ только современниковъ поэта, какъ думаетъ Шенкль (Polit. Ansch. d. Eurip. 13), а въ значительной степени и мнѣніе самого поэта. По вопросу о варварахъ Шенкль видѣтъ собственное мнѣніе только въ 894 fr. σοφὸν τὴν ἀνδρᾶ, καὶ ἔχεις ταῖς χρονός, καὶ μῆτρας εἰσίδως, χρήμα φίλον, изъ котораго онъ заключаетъ, что Евріпідъ въ национальности и происхожденіи не видѣтъ никакого пренятствія и помѣха для заключенія дружественныхъ отношеній. На основаніи того, что Евріпідъ единственno вѣримъ критеріемъ для оцѣнки людей считать добродѣтель, а не происхожденіе (см. выше) можно дѣйствительно заключить, что происхожденіе и национальность не помѣшали бы Евріпіду заявлять дружескія сошенія съ человѣкомъ какой угодно национальности, лишь бы онъ былъ добродѣтельный и мудрый человѣкъ (σοφὸς ἄνδρ); но изъ приведенного отрывка ничего другаго заключать нельзя, какъ то, что для говорящаго эти слова всякий мудрый человѣкъ — другъ, гдѣ бы онъ ни жилъ и хотя бы вовсе не быть известенъ лично.

ниманию политическихъ отношенийъ героического периода¹⁾), подъ маскою миеническихъ героеvъ изображаетъ людей и отношения своего времени. Эта преднамѣренность и сознательность перенесенія початкѣ

¹⁾ Такъ объясняетъ тираннический характеръ царской власти въ трагедіяхъ Евріпіда Шенкль, который въ Polit. Anschr. d. Eurip. s. 29 говоритъ: Für die Form, welche das Königthum in der heroischen Zeit hatte, zeigt unser Dichter kein Verständniß.... Für einzelne Züge lassen sich allerdings Analogien bei Homer nachweisen.. Doch im Ganzen erinnere diese Figuren mehr an die Typen der späteren Zeiten, als an die Typen der heroischen Zeit. Эти отдельные черты, напоминающія гомеровскихъ царей, Schenkl видѣть въ такихъ случаяхъ, где цари не рѣшаются дѣйствовать самовластно, противъ воли народа (I. b. Aut. 514, Нес. 855; Нергал. 418); точно также Med. 119 (ср. 348, fr. 348) по мнѣнию Шенкля напоминаетъ II. I, 80, Androm. 472 — II. II, 204. Что касается до опасеній, дѣйствовать противъ желанія народа, то эта черта напоминаетъ не гомеровскіе времена, когда цари вовсе не заботились и очень мало думали о согласіи или несогласіи народа (бѣзъ, плѣнѣ), который созывался только для выслушанія рѣшений или преній царя и старшинъ (см. Hermann, Staatsalterth., § 8, Aut. 21, Schoemann, Griech. Staatsalterth. I, 5, 27, Nügelbach, Hom. Theol. 286), а времена республиканскія, когда въ греческихъ государствахъ, въ противоположность варварскимъ, правители въ важныхъ вопросахъ не могли дѣйствовать безъ согласія народа, а тѣмъ болѣе вопреки ему.

Здѣсь очевидно поэту съ гордостю указывается на греческіе порядки и противоположность ихъ въ Эакавѣ и Ираклидахъ тому образу дѣйствій, которому желала следовать въ «Эакавѣ» Эукина, а въ Ираклидахъ посланникъ Евріпіева, Копрѣй. Въ «Эакавѣ» это видно изъ всего поведенія Агамемнона относительно Эакавы, а въ «Ираклидахъ» Диофонъ свою рѣчь, по своему характеру очень напоминающую рѣчь Агамемнона, прямо заканчиваетъ сравненіемъ съ варварскими порядками (ст. 423, примѣд. въ предыд. примѣч.). Med. 119 имѣеть въ виду не царское самовластіе и необузданность, а самовластіе и неумѣніе управлять собою знатныхъ людей, имѣющихъ много слугъ и пріянѣвшихъ больше пріязнѣвать, чѣмъ повиноваться. Точно также и Андг. 473 имѣеть въ виду просто норицаніе спартанскаго двоевластія, такъ одной изъ отличительныхъ чертъ спартанскаго государства, противъ которого въ томъ видѣ, какъ оно было устроено при Евріпіде, и направлена вся трагедія. Слѣдовательно и въ указанныхъ г. Шенклемъ мыстахъ нельзя видѣть желанія или мнѣнія Евріпіда воспроизводить юніческихъ героеvъ съ историческоюѣстностию; такого желанія у него, по всей видимости, и не было. Напротивъ, все разсужденія о реалистичныхъ предметахъ, соціальныхъ и политическихъ вопросахъ, которые изложены выше и будутъ излагаться ниже, показываютъ, что для Евріпіда мнѣнія были рамкой, куда онъ вставлялъ картины изъ современной жизни. Эти картины, взятые прямо изъ окружавшей его дѣйствительности, такъ мало походять на времена эпической, которымъ поэту, бѣзъ сомнѣнія, хорошо известны не только изъ гомеровскихъ, но и другихъ, не дошедшихъ до насъ поэмъ, что намѣрило ни смысла, ни сюю зрителямъ и мало не заблуждались относительно историческойѣстности дѣйствующихъ лицъ и сценъ, изображаемыхъ въ трагедіяхъ.

и отпоминий своего времени на времена миеническія, помимо безчисленнаго множества другихъ фактovъ, о которыхъ была рѣчь раньше, и будетъ послѣ видна, между прочимъ изъ того, что Евріпидъ далеко не всегда изображаетъ царскую власть и царей деспотическими и тиранническими, а только тогда, когда это нужно для цѣлей той или другой трагедіи. Точно также, когда этого требуютъ обстоятельства, подъ именами миеническихъ царей онъ представляеть не рѣдко просто государственныхъ людей, имѣющихъ власть и силу въ государствѣ, а иногда даже образцовыхъ правителей вполнѣ свободнаго демократического государства, въ какомъ видѣ онъ изображаетъ обыкновенно любимыхъ афинскихъ царей¹⁾.

¹⁾ Представляя образецъ мудрого и честного правителя государства, какой бы титулъ онъ ни носилъ, въ миеническихъ преданіяхъ, поэты очевидно имѣютъ въ виду современныхъ государственныхъ деятелей и дать имъ такие сопѣты, которые пригодны не только для мудрого тирана, какъ кажется Шенклю (Pol. Anschr. 32), но и для всякаго государственного человѣка вообще, такъ или иначе стоящаго у корнила правленія и желающаго сохранить свое положеніе и заслужить любовь и уваженіе управляемыхъ. Всякий такой государственный человѣкъ, будучи обязанъ по самому своему положенію строго сообразовать свои дѣйствія и поступки съ требованиями правды и законности, долженъ въ то же время быть со всѣми ласковыи, всѣми стараться угодить, быть весьма разборчивыи въ изборѣ друзей и союзниковъ, сдерживать не только свои страсти, но даже нерѣдко и свои чисто-человѣческія, самые неподобныи чувства, чтобы всегда казаться величественнымъ и спокойнымъ и никогда жалкимъ и вичтоможнымъ. Руководствуясь правдою и законностью, государственный человѣкъ и относительно простыхъ и бѣднѣйшихъ гражданъ, народу въ тѣсномъ смыслѣ, долженъ поступать справедливо: не оскорблять и не обижать ихъ, не притѣснять ихъ любимицевъ, но въ то же время не давать народу слишкомъ большой власти и преобладанія въ ущербъ другимъ сословіямъ, и не допускать чрезмѣрнаго усиленія его любимцевъ, которые въ противномъ случаѣ могутъ превратиться въ тирановъ. На войнѣ правитель долженъ быть храбрыи и предусмотрительныи воинъ, а въ мирѣ искусныи ораторомъ, способныи заставить себя слушать силою убѣжденія, а не оружія.

Іг. 364. πρῶτον φρέας μὲν ἡπίους ἔχειν χρεόν·
τῷ πλοωσίῳ τε τῷ τε μὴ διδοὺς μέρος
ἰσον αειτὸν εὐεσθεῖν πᾶσιν δίδου.
φίλους δὲ τοὺς μὲν μὴ χαλῶντας ἐν λότοις
κέκτησο· τοὺς δὲ πρὸς χάριν σὺν ὥδοιῃ
τῷ σῇ πονηρούς κλῆθρον εἰργέτω στέγης.
οἰκιδίας τε τὰς γεραιτέρας φίλει,
ἔξουσίᾳ δὲ μῆποτ' ἀντυχών, τάκνον,
τίτυρούς ἔρωτας δημοτῶν διωκαθεῖν.

Относительно аенинскихъ царей это было тѣмъ болѣе легко и удобно, что въ демократическихъ Аениахъ существовали демократическая сказания, переносившія возникновеніе демократическихъ учрежденій на доисторическія времена царей и приписывавшія созданіе аениской демократіи любомуѣшему аенискому народному герою, царю Оисею. Такія преданія, считавшіяся историческими фактами, подготавливали слушателей къ перенесенію современныхъ понятій на именническія времена и открывали поэту обширное поле и полное право, не выходя изъ круга трагическихъ героевъ, и не смущая слушателей, съ одной стороны прославлять подъ видомъ именническихъ временъ демократическихъ учрежденія своего отечества, его борьбу за свободу другихъ меньшихъ государствъ, его славу и величодушіе относительно

δ καὶ αἰδηρον ἀγχόνας τ' ἐφέλκεται,
χρηστὸν κινήτων ἦν τις αἰσχύνη τέκνα.

fr. 628. δῆμφ δὲ μῆτε κανὸν ἀναρτήσεις κράτος
μῆτ' αὖτε κακῶσις, πλούτον ἔπικυρον τίθεις,
μηδὲ δύναρα δῆμφ πιστὸν ἐκβάλλεις ποτὲ
μηδὲ αὖτε καροῦ μεῖζον, οὐ γάρ δεφαλές,
μηδὲ εοι τύραννος λαμπρὸς εἰς αἴστοι φαγῆ.
κόλους δὲ δύναρα καρὰ δίκην τιμώμενον
πόλεις γάρ εὐτυχοῦντες οἱ κακοὶ νόσος.

Iph. A. ΑΓΑ. 645 πόλλ' ἀνδρὶ βασιλεῖ καὶ στρατηλάτῃ μέλει.

Heracl. ΔΗ. ἥκει στράτευμ' Ἀργείον Εύρυθεύς τ' ἀναξ·

390 ἐγώ νιν αὐτὸς εἰδον. ἀνδρα γάρ χρεόν,
δοτὶς στρατηγεῖτι φησ' ἐπίστασθαι καλῶς,
οὐκ ἀγγέλοισι τοὺς ἐναντίους ὄραν.

fr. 348. τυραννικὸν τοι πόλλ' ἐπίστασθαι λέγειν.

fr. 1040. μισῶ δὲ θανάτον τις καὶ χθονὸς στρατηλάτης
μὴ πᾶς πάντων προσφέρει φειλίγματα.

Iph. A. ΑΓ. 445 ὑπῆλθε δαίμων, ὅτε τὸν σοφισμάτων
πολλῷ γενέσθαι τῶν ἐμῶν σοφώτερος.
ἡ δυσγένεια δὲ ὡς ἔχει τι χρῆσιμον.
καὶ γάρ δακρῦσαι ῥαδίως αὐτοὶς ἔχει,
διπαντά τ' εἰπεῖν. τῷ δὲ γενναῖῳ φύσιν
ἀνολθε ταῦτα. προστάτην δὲ τοῦ βίου

450 τόν δύκον ἔχομεν τῷ τ' δύλῳ δουλεύομεν.
ἐγώ γάρ ἐκβαλεῖν μὲν αἰδοῦμαι δίκρι,
τὸ μὴ δακρῦσαι δὲ αὖθις αἰδοῦμαι τάλας,
εἰς τὰς μεγίστας συμφορὰς ἀφίγμανος.

Ср. со словами Агамемнона взвѣстие Плутарха относительно Перикла, *Pericel.* с. 36, где Плутархъ разказываетъ о тѣ мѣтѣахъ тѣхъ фукидѣсъ Перикла почти такъ, какъ говорилъ о себѣ Агамемнонъ.

побѣжденныхъ, а съ другой стороны ратовать противъ враговъ демократіи. Потому Евріпидъ ни мало не затрудняется переносить могущество и демократическое устройство Аеинъ своего времени на времена инонеческія, и при всякомъ удобномъ случаѣ не бѣзъ гордости указываетъ, что его отечество свободно, независимо, сильно относительно другихъ государствъ и наслаждается благами единствено справедливаго и законнаго демократического управления и благодаря этому и другимъ обстоятельствамъ является высшимъ и совершеннейшимъ представителемъ эллинизма, между тѣмъ какъ враждебные Аеинамъ государства по своему внутреннему устройству, по безправию и прижаженности массы насеянія, напоминаютъ отчасти азиатскія варварскія государства¹⁾. Въ этомъ отношеніи особенно замѣчательна изъ сохранившихся трагедій трагедія „Просительницы“, где Оисей,— олицетвореніе всѣхъ аеинскихъ добродѣтелей²⁾), общественныхъ, се-

¹⁾ См. напр.

Heraclid. Δη. 415 καὶ νῦν πυκνάς ἀν συστάσεις ἀν εἰσίδοις,
τῶν μὲν λεγόντων ὡς δίκαιον ἦν ξένοις
ἰκέταις ἀρήγειν, τῶν δὲ μωρίαν ἐμοῦ
κατηγορούντων· εἰ δὲ δὴ δράσω τόδε,
οἰκεῖος ἥδη πόλεμος ἔξαρτύεται.

420 ταῦτ' οὖν δρα σὸ καὶ συνεξεύρισχ' δπως
αὐτοὶ τε αὐθίσσεθε καὶ πέδον τόδε,
ταῦτα πολίταις μὴ διαβληθῆσομαι.
οὐ γάρ τυραννίδ' ὄστε βαρβάρων ἔχω·
ἄλλ' ἥ δίκαια δρῶ, δίκαια πείσομαι.

Heraclid. Δη. 345 εἰ γάρ παρήσω τόνδε σολձθαι βίᾳ
ἔνου πρὸς ἀνδρὸς βαρύδν, οὐκ ἀλεούθεραν
οἰκεῖν βοήθεια γαῖσν, 'Αργείοις δ' ὅκνφ
ἰκέτας παραδοῦναι· καὶ τάδ' ὅτχόνης πέλας.

Heraclid. Io. 195 οὐδὲ τι Τραγίς ἀστιν οὐδ' 'Ἀχαιοὺν
πόλισμ', Εθεν οὐ τούσδε τῷ δίκῃ μὲν οὖ,
τὸ δ' 'Άργος ὅτκῶν, οἴάπερ καὶ νῦν λέγαις,
γλαυκες ικέταις βωμίους καθημένους·
εἰ γάρ τόδ' ἔσται καὶ λόγους χρανοῦντι σούς,
οὐκ οἰδ' 'Αθήνας τάσδ' ἀλευθέρας ἔτι.

Suppl. Θη. 518 οὐκ οἰδ' ἕγώ Κρέοντα δεσπόζοντ' ἀριδ,
οὐδὲ οὐδένοντα μείζον, ὁστ' ἀναγκάσαι
δρᾶν τὰς 'Αθήνας ταῦτ'. ἀνοι γάρ ἀν ρέοι
τὰ πράγματ' οὕτως, εἰ 'πιταξόμεθα δῆ.

²⁾ Полагаютъ, что подъ маскою Оисея Евріпидъ изображалъ Алкивіада, который во время написанія трагедія былъ героемъ для и былъ главнымъ виновникомъ союза съ Аргосомъ, рекомендованного къ въ «Просительницамъ» (Наг-

мейныхъ и политическихъ, является не эпическимъ царемъ, а государственнымъ дѣятелемъ, единственно избраннымъ руководителемъ и вождемъ демократического государства, и какъ отецъ афинской демократіи, выступаетъ представителемъ и защитникомъ демократическихъ возврѣній и учрежденій противъ евангельского вѣстника, представителя антидемократическихъ тенденцій и защитника олигархіи подъ видомъ монархіи.

Убѣжденный доводами матери въ необходимости исполнить желаніе просительницѣ: заставить Фиванцевъ выдать для погребенія трупы убитыхъ героевъ, Оисей не приступаетъ сейчасъ же къ исполненію этого рѣшенія, не спросивши согласія народа. Какъ царь или руководитель, вождь демократического государства (простотѣс тѣс кольшс), онъ идетъ прежде спросить мнѣніе народа. Хотя онъ и увѣренъ, что народъ согласится съ его великодушнымъ, гуманнымъ и вполнѣ достойнымъ первого государства въ Элладѣ рѣшеніемъ, тѣмъ не менѣе онъ считаетъ нужнымъ отдать дѣло, прежде его исполненія, на обсужденіе народнаго собранія, чтобы тѣмъ еще болѣе расположить къ

tung. Eurip. Rest. II, 78 сл., Schenkl, 25, 9. Курциусъ, Исторія Греціи, II, 528 и др.). Действительно, принимая во вниманіе, что Евріпидъ выстаетъ съ большинствомъ Аѳинянъ увлекался Алківіадомъ и даже воспѣвалъ знаменитую олимпійскую победу блестящаго сына Клеміи (Plut. Alcib. С. 11), можно было бы думать, что подъ маскою инемческаго Оисея поэты восхваляютъ дѣятельность и политику Алківіада, если бы, при сходствѣ въ иѣкоторыхъ отношеніяхъ, между Алківіадомъ и Оисеемъ не было громадной разницы, доходящей иногда до противоположности. Оисей, это— идеаль государственного человека, какъ его представляеть себѣ Евріпидъ. Хотя онъ и принадлежитъ къ антидактистамъ, воинственнымъ и честолюбивымъ никакимъ образомъ считаться не можетъ; на противъ, онъ очень осторожный политикъ и, какъ ирага завоевательной, наступательной политики, порицааетъ войнолюбивую и честолюбивую молодежь, следовательно, пренѣде всего Алкініада. Оисей искренний приверженецъ демократіи и преклоняется предъ общественнымъ мнѣніемъ народовластіемъ, между тѣмъ какъ демократізмъ Алківіада есть скорѣе продуктъ его честолюбія, чѣмъ убѣженій (Thuc. VI, 39). Наконецъ благочестіе и семейные добродѣтели Оисея также очень мало напоминаютъ Алківіада. Въ виду всего этого, правильнѣе кажется думать, что въ лицѣ Оисея Евріпидъ изображалъ просто свой идеалъ государственного человека и вѣшней и внутренней политики, какъ это часто дѣлали трагики и комики вообще, — идеалъ бѣзъ иронии подъ именемъ Перкила, чѣмъ Алківіада. Если же поэты, изображая Оисея, дѣйствительно имѣли въ виду Алківіада, то во вскомъ случаѣ не такого, какимъ онъ былъ, а такого, какимъ желали бы видѣть его самъ поэты.

себѣ народъ, которому онъ самъ далъ свободныя учрежденія ¹⁾). Народъ действительно оказался достойнымъ своего благороднаго цара; „народъ, говорить Оисей, рѣшился съ удовольствиемъ предпринять этотъ подвигъ, когда онъ узнавъ, что я этого желаю” ²⁾.

Но вотъ является єиванскій посолъ, который, какъ представитель антидемократическихъ возврѣній, презираетъ народъ и не желаетъ имѣть съ нимъ никакого дѣла, а потому прямо и спрашиваетъ: гдѣ царь этой земли (*τις γῆς τύραννος*); что даетъ Оисею прекрасный случай выступить защитникомъ и хвалителемъ демократического государственного управлениія. „Ты прямо съ ошибки началъ свою рѣчь, иностранецъ, говорить Оисей. Ты разыскиваешь здѣсь властителя, между тѣмъ какъ государство это свободно и управляетъ не одинымъ человѣкомъ. Здѣсь правитъ: цѣлый народъ посредствомъ ежегодно выбираемыхъ и смѣняемыхъ должностныхъ лицъ, причемъ бѣдные пользуются совершенно одинаковыми правами съ богатыми и послѣдніе не пользуются никакими преимуществами” ³⁾. На эту похвалу демократическихъ учрежденій и народовластия праѣтъ демократіи, єиванецъ, отвѣчаетъ прерѣніемъ къ народовластию и съ гордостю говорить ⁴⁾: „Напротивъ, государство, отъ котораго я посланъ сюда,

¹⁾ Suppl. III. θέξει δὲ γρῆσω καὶ πόλεις πάσῃ τόδε.

350 θέξει δ' ἐμοὶ θίλοντος· φλλὰ τοῦ λόγου προσδοὺς ἔχοιμ' ἀν δημον εὐμενέστερον. καὶ γάρ κατέστησεν αὐτὸν εἰς μοναρχίαν ἐλευθερώσας τῷδε ισόφηφον πόλιν.

²⁾ Suppl. III. 393 καὶ μήν ἐκουζά γ' αδομένη τ' ἀδέσπατο πόλις πόνον τόνδε, ὡς θέλοντα μ' ησθετο.

³⁾ Suppl. III. πρῶτον μὲν ἥρκει τοῦ λόγου φευδώς, ξένε, ζητῶν τύραννον ἐνθάδε· οὐ γάρ ἀρχεται ἑνὸς πρὸς ἀνθρός, δὲλλ' ἀλευθέρα πόλις. δῆμος δ' ἀνάσσει διαδοχαῖσιν ἐν μέρει ἐντινασίαιν, οὐχὶ τῷ πλούστῳ διδούς τὸ πλειότον, δὲλλὰ γάρ πάνης ἔχον ισον.

⁴⁾ Suppl. III. 410 ἐν μὲν τοδὶ ἡμίν ωσπερ ἐν πεσσοῖς δίδως πρεσσον πόλις γάρ ής ἄγω πάρειμ' ἀπο ξνὸς πρὸς ἀνθρός, οὐκ δύλφ κρττύνεται. οὐδὲ ἔστιν αὐτὴν διστι ἀκαυνῶν λόγοις πρὸς κέρδος ίθιον ἀλλοσ ἀλλοσει στρέφει· οὐ δ' αὐτίγ' ήδης καὶ διδούς πολλὴν χάριν.

415 εἰσαῦθις ἔβλαψ', είτε διαβολίς νέαις κλέψας τὰ πρόσθια σφάλματ' ἔξεδο δικης. ἀλλως τε πᾶς ἂν μὴ διορθεύων λόγοις

управляемся однимъ человѣкомъ, а не толпою. Потому у насъ иѣть никакихъ демагоговъ, которые, обманывая народъ своими рѣчами, вортятъ государствомъ то такъ, то сакъ, сообразно съ собственными выгодами, и которые, представляясь преданными интересамъ государства и пріятными для народа, наносятъ государству большой вредъ, но избѣгаютъ заслуженного наказанія за свои преступленія посредствомъ клеветы и наговоровъ на другихъ. Да и вообще, какъ можетъ хорошо управлять государствомъ народъ, который не въ состояніи вѣрио судить о государственныхъ дѣлахъ? Для этого нужны досугъ и время, а бѣдный земледѣлецъ, если онъ даже и не лгунъ, слишкомъ занятъ своими собственными дѣлами, и не имѣеть времени заниматься государствомъ".

На эти возраженія и порицанія сторонникъ демократіи и защитникъ ея, Фисей, отвѣчаетъ порицаніемъ единоличного управлениія и указываетъ преимущества демократическаго ¹⁾). Для государства иѣть

- ὅθως δύναται ἀνὴρος εὐθύνειν πόλιν;
οἱ τάρχοροι μάθησαντι τοῦ τάχους
κρίσεσσα διδωσι. γαπόνος δὲ ἀνὴρ πένης
εἰ καὶ γένοτο μὴ φιλοθής, ἐργων ὅποι
οὐδὲ ἀνδραῖο πρὸς τὰ κοινὰ ἀποβλέπειν.
ἡ δῆ νοσῶδες τοῦτο τοῖς ἀμείνοσιν,
ὅταν πονηρὸς δέξιωμ' ἀνὴρ ἔχῃ
γλώσση κατασχὼν δῆμον, οὐδὲν ἀν τὸ πρίν.
1) Suppl. Θη.
- 420 οὐδὲν τυράννου δυσμενέστερον πόλει,
δησιοῦ τὸ μὲν πρότιστον οὐδὲ εἰσὶν νόμοι
κοινοὶ, κρατεῖ δὲ εἰς τὸν νόμον κεκτημένος;
αὐτὸς παρ' αὐτῷ, καὶ τόδι οὐκέτι ἔστι Ιεον.
τετραρμένων δὲ τῶν νόμων δὲ τὸ διδενῆ;
425 οἱ πλούσιοι τε τὴν δικῆνα ἰστην ἔχει,
νικᾶ δὲ ὁ μείων τὸν μάγαν δίκαιοι ἔχων.
τοὐλεύθερον δὲ ἔκεινος τις θάλει πόλει
χρηστόν τι βούλευμ' εἰς μάσον φέρειν ἔχων;
430 καὶ ταῦθ' ὁ χρήζων λαμπρός ἔσθι, ὁ μὴ θέλων
σιγῇ. τι τούτων ἔστι Ιεσίτερον πόλει;
καὶ μὴν δησι γε δῆμος αὐθέντης χθονός,
δησούσιν ἀστοῖς ἥθεται νεανίαις;
ἀνὴρ δὲ βασιλεὺς ἔχθρον ἡγεῖται τόδε
435 καὶ τοὺς ἀριστους οὖς δὲν ἡγῆται φρονεῖν
κτείνει, δεδοικώς τῆς τυραννίδος πέρι.
πῶς οὖν ἔτι δὲν γένοιτο δὲν ἰσχυρὰ πόλεις,
ὅταν τις ᾧ λειμώνος ἡρινοῦ στάχυν

ничего ужаснѣе тирана—уже потому одному, что въ такомъ государствѣ неизмѣнныхъ и для всѣхъ одинаково обязательныхъ законовъ не существуетъ; вместо законовъ господствуетъ воля властителя, захватившаго законъ въ свои руки; между тѣмъ какъ въ свободныхъ государствахъ существуютъ писанные законы, которые даютъ одинаковые права и богатому и бѣдному, такъ что и самый ничтожный по своему общественному положенію гражданинъ можетъ судиться съ богатымъ и побѣда остается за тѣмъ, кто правъ, а не за тѣмъ, кто богатъ и винатъ. Что же касается свободы демократическихъ учрежденій, то она состоять въ томъ, что каждый гражданинъ имѣть возможность и право дать государству хороший и полезный совѣтъ, если желаетъ, такъ что всякий желающій и умѣющій давать такие совѣты пользуется почетомъ и значенiemъ, а не желающій молчать. Затѣмъ, гдѣ самъ народъ—хозяинъ своей страны, тамъ государство изобилуетъ молодыми и энергическими гражданами, которыхъ тиранъ обыкновенно считаетъ враждебными себѣ и, опасаясь за свою власть, самыхъ лучшихъ и мудрыхъ изъ нихъ уничтожаетъ. А такое государство, въ которомъ смѣлые и мужественные граждане гибнутъ и

τόλμας ἀφαιρῆ κάποιωντίζῃ νέος;

450 οὐκέθει δι πλοῦτον καὶ βίον τί δει τέχνοις,
ώς τῷ τυράννῳ πλείον ἐκμοχθῇ βίον;
η̄ παρθενεύειν λαίδας ἐν δόροις καλῶς,
τερπνάς τυράννοις ἡδονάς, έταν Ήλίη,
δάκρυα δὲ ἔτοιμάσουσι: μὴ ζῆγη ἔτι,
εἰ τάμα τέχνα πρὸς βίαν νυμφεύεται.

Cp. fr. 288. 5 τηνώμενη ἔχοντες. φήμ' ἔγώ τυραννίδα
κτείνειν τε πλείστους χρημάτων τ' ἀποστερεῖν
δρκους; τε παραβαίνοντας ἐκπορθεῖν πόλεις·
καὶ ταῦτα δρῶντες μᾶλλον εἰσ' εὐδαιμονες
τῶν εὐσεβῶντων ἡρυγῇ καθ' ὑμέραν.

Реплика Оисея невольно напоминаетъ апокрифическую надгробную рѣчь Перикла (Thucyd. II, 35), п.ст. 433 и сл. представляющую поэтическій перифразъ главы 37: χρώμεθα γὰρ πολιτείᾳ οὐ Κηλούσῃ τοὺς τῶν πέλας νόμους, παράδειγμα δὲ μᾶλλον αὐτοὶ ὄντες τινὶ η̄ μηδουμενι ἔτερους. καὶ δονομα μὲν διὰ τὸ μὴ ἐς ὅληνς δὲλλ' ἐς πλείονας οἰκεῖν δημοκρατία κάτιληται, μέτετει δὲ κατὰ μὲν τοὺς νόμους πρὸς τὰ ίδια διάφορα πᾶσι τὸ ίσον, κατὰ δὲ τὴν ἀξίωσιν, ὡς ἔκαστος ἐν τῷ εὐδοκιμεῖ, οὐκ ἀπὸ μέρους τὸ πλεῖον ἐς τὰ κοινὰ η̄ ἀπ' ἀρετῆς προτιμᾶται, οὐδὲ αὐτὰ πενίαν, ἔχων δὲ τι ἀγαθὸν δρᾶσαι τὴν πόλιν, ἀξιώματος ἀφανεῖται, ἀλευθέρως δὲ τὰ τε πρὸς τὸ κοινὸν πολιτεύομεν καὶ ἐς τὴν πρὸς διλλήλους ἐπιτηδευμάτων ὑποφίσιν, οὐ δὲ ὑργῆς τῶν πέλας, εἰ καθ' ἡδονὴν τι δρᾶ, ἔχοντες, οὐδὲ ἀξημίους μὲν, λυπηράς δὲ φύει ὁργῆς δόνας προτιθέμενοι...

молодежь, какъ весенняя трава на лугу, подкашивается, не можетъ быть сильно и могущественно. Наконецъ, для чего станетъ членъ такого государства пріобрѣтать состояніе и только заботиться о воспитаніи своихъ дѣтей? Развѣ для того, чтобы своими трудами увеличить богатства тирана и отдать ему своихъ юныхъ дѣтей для удовлетворенія его сладострастія?

Весь этотъ споръ представляетъ, очевидно, образчикъ тѣхъ пререканій, которые велись тогда во всей Элладѣ защитниками демократіи съ одной стороны и противниками съ другой¹⁾). И тѣ и другіе, склонясь въ главныхъ пунктахъ, раздѣлялись на группы, расходившіяся въ частностяхъ; какъ умѣренные сторонники демократіи, такъ и умѣренные противники ея допускали нѣкоторыя возраженія противниковъ, такъ что между крайними олигархами и крайними демократами было безъ сомнѣнія нѣсколько переходныхъ ступеней, — политическихъ группъ, главный изъ которыхъ во время открытой борьбы въ Аѳинахъ демократіи и олигархіи, начавшейся въ слѣдѣ за сицилійскимъ походомъ, усиливали болѣе или менѣе проводить свои взгляды въ жизни. Къ какой частной группѣ принадлежалъ Евріпидъ, на основаніи его трагедій опредѣлить трудно; его трагедія позволяютъ только опредѣлить взгляды автора на желательный по его мнѣнію государственный строй въ болѣе или менѣе общихъ и главныхъ чертахъ. Не признаная, по своимъ философскимъ воззрѣніямъ, за кѣмъ-нибудь прирожденного права на господство, Евріпидъ совершенно естественно былъ сторонникомъ общаго равенства всѣхъ гражданъ въ государствѣ. Это равенство должно выражаться по Евріпиду въ равенствѣ предъ одинаково для всѣхъ обязательными писанными законами (*ισογορία*) и въ правѣ всѣхъ гражданъ на участіе въ народномъ собраниі (*ισηγορία*), которое, представляя совокупность всѣхъ гражданъ, и должно быть носителемъ верховной власти въ

¹⁾ Повѣтъ безъ сомнѣнія не безъ причины вводить въ трагедію этотъ споръ, который для развитія дѣйствія совершение не нуженъ. Но какое обстоятельство имѣется здѣсь въ виду, сказать трудно. Борьба демократіи и олигархіи происходила между прочимъ въ Аргосѣ, союзъ съ которымъ рекомендуется въ трагедіи, и сопровождалась обстоятельствомъ, очень подобающимъ къ послѣднимъ словамъ речи Фисса. Если же именно эта борьба имѣлась въ виду поэтомъ, то написаніе и постановку трагедіи «Просительницы», слѣдуетъ относить не ко времени заключенія союза съ Аргосомъ, а ко времени возобновленія этого союза, послѣ восстановленія демократіи въ Аргосѣ.

государствъ. Эти принципы, совершенно тожественные съ тѣми, которыми, по словамъ Перикла, Афинское государство отличалось отъ другихъ, заставляютъ считать Еурипидасторонникомъ демократіи.

Но демократія, какъ до Еурипida, такъ и при его жизни прошла разныя ступени и благодаря разнымъ мѣрамъ, принятымъ для привлечения къ участію въ государственныхъ дѣлахъ бѣднѣйшихъ гражданъ, особенно военагражденію за службу и даже участіе въ народномъ собраниі, все болѣе и болѣе уклонилась, уже на глазахъ Эурипida, къ крайней демократіи, къ господству и рѣшительному преобладанію дина въ тѣсномъ смыслѣ, то-есть, массы бѣднѣйшихъ гражданъ. Этотъ динъ составилъ большинство въ народныхъ собранияхъ и, являясь полнымъ хозяиномъ и распорядителемъ судебъ цѣлаго государства и отдельныхъ гражданъ, былъ однако, по своему соціальному положенію, гораздо менѣе, нежели другія сословія, способенъ въ общей массѣ судить о толкостяхъ внутренней и вѣнчайшей политики и потому гораздо болѣе ихъ зависѣлъ отъ своихъ руководителей (бюрауфоровъ) и заступниковъ (простатѣтъ той бѣрою). Неудобства такого положенія дѣль были мало замѣтны и сравнительно рѣдко давали себя чувствовать, пока роль такихъ вождей народныхъ была въ рукахъ истинно государственныхъ людей, какъ Перикль, которые въ качествѣ полководцевъ, пословъ, финансовыхъ чиновниковъ и т. п. въ то же время руководили дѣлами цѣлаго государства ко благу всѣхъ гражданъ, а не одного только преобладающаго класса.

Но за то, когда, благодаря возраставшему все болѣе и болѣе недовѣрію дина къ людямъ изъ высшаго класса и развитію краснорѣчія, роль народныхъ вождей и заступниковъ перешла мало по малу, особенно послѣ смерти Перикла, къ риторамъ, вышедшимъ изъ низшихъ классовъ, мало образованнымъ, частію не способнымъ къ государственной дѣятельности, а частію своеокорыстнымъ и безчестнымъ, но въ то же время смѣлымъ, краснорѣчивымъ и готовымъ купить довѣріе большинства всевозможными средствами¹), — тогда недостатки

¹) О демагогахъ и простатахъ до Пелопоннѣской войны и во время ея и переходѣ этой роли отъ государственныхъ людей къ риторамъ см. Valckenari *Diatribes in Eurip. perd. dram. reliquias*, p. 259 sqq., Wachsmuth. Hell. Alterthumsk., I, 532, 819. Въ послѣднее время роль риторовъ-демагоговъ и борьба ихъ о власти съ государственными людьми (стратегами) во время Пелопоннѣской войны обстоятельно и основательно изложены Гильбертомъ (Gilbert) въ Beiträge

и вредъ для государства и отдельныхъ гражданъ преобладанія династии проявляться съ такою очевидностію и силой, что и самые искренние приверженцы умѣренной и справедливой демократіи не только не могли отрицать ихъ, но даже считали своимъ долгомъ возставать противъ нихъ. На эти недостатки, какъ мы видѣли, презрительно указываетъ евангельскій вѣстникъ; ихъ не опровергаетъ и Фисей, устами которого говорить Евріпидъ. Оправдженіе антидемократической рѣчи евангельского посла состоитъ: а) въ перенесеніи благъ, которыхъ даетъ демократія, б) въ неречной бѣдствій государства и гражданъ подъ единоличнымъ владычествомъ тирана. Самыя обвиненія, а равно и указаніе на необходимость специальной подготовки къ государственной дѣятельности проходится молчаніемъ и очевидно не безъ умысла. Можно полагать, не рискуя сдѣлать ошибку, что Евріпидъ, говорящій устами Фисея, намѣренно не счелъ возможнымъ и нужнымъ опровергать эти обвиненія и отрицать указанные недостатки тогдашней демократіи, то-есть рѣшительное преобладаніе династии и государство безчестныхъ и неспособныхъ риторовъ-демагоговъ во вреду для государства и его лучшихъ гражданъ (Cp. Hartung, Eurip-Restit. II, 92). Какъ человѣкъ мыслящийъ, Евріпидъ не менѣе всякаго другого видѣлъ тотъ вредъ, который наносили государству и демократіи демагоги, которые, по выраженію евангельского посла, вергать государствомъ въ разныя стороны, сообразно съ своими эгоистическими и честолюбивыми планами. Евріпидъ, какъ мы сейчасъ видимъ, не менѣе Аристофана возмущался ихъ льстивыми и хвастливыми рѣчами¹⁾ и съ горечью смотрѣлъ на государство разныя честолюбцевъ, умѣвшихъ обманывать народъ и прикрывать свои грѣхъ лестью и угодливостію дому и павѣтами на богатыхъ и знатныхъ гражданъ.

zur inneren Geschichte Athens im Zeitalter d. Pelop. Krieges, Leipzig. 1877. О демагогахъ-риторахъ см. стр. 73 сл.

1) fr. 786. οὐδέν γάρ οὗτον ταῦρον ὡς ἀνήρ ἐψυ·
τούς γάρ περισσοὺς καὶ τι πράσσοντας πλέον
τιμώμεν ἄνθρας τ' ἐν πόλει νομίζομεν.
Andr. 'Ανδρ. ὁ δέξα, δόξα, μυρίοισι δὲ βροτῶν
οὐδέν τεγώσι βιοτὸν ὥχωσες μέγαν.
εὐκλεία δ' οἰς μὲν ἔστ' ἀληθείας ὅποι,
εὐδαιμονίζω· τούς δ' ὑπὸ φειδῶν ὅποι
οὐκ ἀξιώσα πλὴν τύχῃ φρονεῖν δοκεῖν.

А понимал и признавал эти недостатки и крайности современной ему демократіи, поэть нашъ естественно не могъ быть сторонникомъ и защитникомъ исключительного господства лима въ тѣсномъ смыслѣ¹⁾). Но и нѣпю поэта ни богачи, ни бѣдники не могли господствовать въ государствѣ, потому что какъ представители двухъ край-

¹⁾ fr. 268 (приведенъ выше).

Желаю, по мою утѣшительную картину тогданшнхъ народныхъ собраний съ ихъ ораторами, какъ представителями разныхъ партій, и рѣшающими большинствомъ Евріпідъ даетъ въ Орестѣ. Иль этой картины видно, что Евріпідъ былъ не особенно высокаго мнѣнія о современныхъ ему народныхъ собранияхъ и происходившихъ тамъ преніяхъ.

κάπι τῷδ' ἀνίσταται

Ταλθύβιος, δε ὁφ πατρὶ συνεκόρθει Φρύγας.

Ἐλεῖς δ' ὑπὸ τοὺς δυναμένουσιν ὃν ἀεὶ

890 διχόμυθα, πατέρα μὲν ἐκπαγλούμενος,
οὐδὲ δ' οὐκ ἐπαινῶν σύγγονον, καλοὺς κακοὺς
λόγους ἔλισσων, διτὶ καθίστατη νόμους
εἰς τοὺς τεκόντας οὐ καλούς· τὸ δ' διμή' δεῖ
φαιδρωπόλευδίδου τοῖσιν Αἴγισθου φίλοις.

κάπι τῷδ' ἀνίσταται

ἀνὴρ τις ἀνηρόγλωσσος, ἴσχύων θράσει,

'Αργεῖος οὐχ 'Αργεῖος, ἡναγκασμένος,

905 θορύβῳ τε πίσυνος κάμαθει παρρησίᾳ,
πιθανὸς ἔτ' αὐτοὺς περιβαλεῖν κακῷ τινε.....
δίλος δ' ἀναστάς ἐλεγε τῷδ' ἐναντίσια,
μορφῇ μὲν οὐκ εὐωπός, ἀνδρεῖος δ' ἀνήρ,
διλιγάχις διτὸν κάταρας χραίνων κύκλον,

920 αὐτουργός, οἵπερ καὶ μόνοις σώζουσι τὴν,
ἔνυετὸς δὲ χωρεῖν ὄμβος τοῖς λόγοις θέλων,
ἀκέραιος, ἀντικίληκτον ἡσηκῶς βίον'
δε εἰπ' 'Ορέστη παῖδα τὸν 'Αγαμέμνονος

στεφανοῦν, δε ἥμέλησε τιμωρεῖν πατρί.....

930 καὶ τοῖς γε χρηστοῖς εὖ λέγειν ἐφαίνετο,
κούδεις ἔτ' εἴπε· σὸς δ' ἐπῆλθε σύγγονος,
Ἐλεῖς δ' · ὁ τὴν Ἰνάρχου κεκτημένοι,.....
ἀλλ' οὐκ ἐπειδ' δριλον, εὖ δοκῶν λέγειν.
νικᾶ δ' ἐκείνος δ κακὸς ἐν πλήθει λέγων,

945 δε ἡγόρευε σύγγονον σέ τε κτανεῖν.

По сподѣтельству сколіаста изъ 772 «Ореста» подъ анѣр аѳороглоссos разу-
мѣется Клеофонъ, демагогъ, бывшій главнымъ и самыи сильнымъ противни-
комъ имра, предложенаго Спартиатами въ саѣдѣ въ побѣдою Алківіада при
Кизикѣ. Ср. скол. къ Orest. 371.—Комедія (Ranee, 676 вѣ) также обвиняла
Клеофона въ полуварварскомъ (еракійскомъ) происхожденіи. Ср. Gilbert, 336 саѣд.

ностей, ни тѣ, ни другіе не могутъ считаться твердою и надежною опорою государства. Такую мысль проводить Евріпидъ устами ионийского творца афинской демократіи, Онисса, который, опредѣливъ роль различныхъ классовъ въ государствѣ, говорить, что изъ трехъ классовъ гражданъ богатые постоянно стремятся къ увеличенію своихъ богатствъ и потому не могутъ быть особенно надежною опорою государства; бѣдные завидуютъ богатымъ и, обманываемые своими лживыми и злонамѣренными руководителями, стараются, елико возможно, вредить богачамъ; потому господство ихъ и преобладаніе въ государствѣ еще менѣе желательно¹). Основу и спасеніе государства составляетъ средній классъ; довольный своимъ положеніемъ, онъ всѣхъ менѣе склоненъ къ перемѣнамъ и всѣхъ болѣе способенъ сохранять и поддерживать существующій порядокъ. Изъ приведенной выше картины народного собранія и характеристики ораторовъ можно заключить (ср. съ Шенклемъ Polit. Anschr. s. 32), что важнейшій элементъ этого класса составляютъ не бойкіе, подвижные и часто легко-мысленные горожане, а деревенскіе, не очень богатые, но и не бѣдные землевладѣльцы, большую частью въ то же время и землевладѣльцы. Не имѣя того лоску и той привычки къ собраніямъ, которыми отличались горожане, они тѣмъ не менѣе могутъ, когда нужно, подать дѣланный и спасительный советъ и во всякомъ случаѣ не легко поддаются на рѣчи бойкихъ говоруновъ, которые главнымъ доводомъ своихъ рѣчей дѣлаютъ лесть толпѣ²).

¹⁾ Bappi. Θη. τρεῖς δὲ πολιτῶν μερίδες· οἱ μὲν δῆμοι ἀνωφελεῖς τὰ πλειόνατα τῷ ἔργῳ ἀεὶ·

240 οἱ δὲ οὐκ ἔχοντες καὶ σπανίζοντες βίου.
δεινοὶ γέμοντες τῷ φθόνῳ πλειον μέρος
εἰς τοὺς ἔχοντας κέντρον ἀφίσαι γάλα,
γλώσσας πονηρῶν προστατῶν φηλούμενοι·
τριῶν δὲ μοιρῶν ἡ 'γ μέση φύξει πόλεις.

245 κόσμον φυλάσσοντο· ὅντιν' ἀν τέχη πόλεις.

Высказанная вѣдь мысль о значеніи для прочности демократіи среднаго класса впослѣдствіи подробно развита Аристотелемъ, который государственное устройство, гдѣ рѣшительно преобладаетъ средній классъ, считаетъ самымъ лучшимъ изъ возможныхъ при обыкновенныхъ условіяхъ и называетъ такое государственное устройство політіеа въ собственномъ смыслѣ. Arist. Polit. VI, 9. Ср. Zeller, Griech Pilos. II, 2, 745 сл., Oncken. Staatslehre d. Aristoteles. II. 220 сл.

²⁾ Относительно значенія землевладѣльческаго класса Аристотель высказываетъ таіи же соображенія, какъ и Евріпидъ. Демократію, ядро которой составляетъ масса землевладѣльцевъ, онъ считаетъ самою лучшую изъ всѣхъ видовъ демократіи.

Если такимъ образомъ преобладающимъ элементомъ въ народѣ собраний и уравновѣшивающимъ борьбу представителей крайнихъ состояній долженъ быть по понятіямъ Еврипіда средній классъ, то очевидно демократія, о которой мечталъ Евріпідъ, значительно расходилась съ дѣйствительностю; ему какъ и многимъ другимъ умѣреннымъ демократамъ, очевидно гораздо больше нравилась демократія старая, когда масса бѣднѣйшихъ гражданъ, особенно горожанъ ремесленниковъ, порякъ¹⁾), не привлекаемая чѣмъ-либо єхъ къ участію, безъ особенной падобности, не покидала своихъ обычныхъ занятій, чтобы присутствовать въ народномъ собраніи, и не составляла подавляющего большинства. Созданіе этого весьма важного и существеннаго недостатка тогдашней демократіи не дѣяло однакожъ Евріпіда врагомъ тогдашней демократіи. Какъ философскія его взгляды, такъ и политическія соображенія, не позволяли Евріпіду быть сторонникомъ ни монархіи, ни олигархіи, ни тиранніи. Принимая во вниманіе съ одной стороны блага демократіи, а съ другой бѣдствія государства и отдельныхъ гражданъ, сопровождающія и тираннію и олигархію, Евріпідъ, несмотря на крупные недостатки существовавшей тогда демократіи, былъ все-таки искренніемъ приверженцемъ демократіи, желалъ сохраненія ея и устраненія тѣхъ недостатковъ, отъ которыхъ она сама подвергалась опасности и которые отчасти лишали ея главнѣйшаго преимущества ея предъ другими государственными устройствами: всеобщаго равенства. Такъ какъ эти недостатки, какъ мы видѣли, заключались главнымъ образомъ въ преобладаніи дима въ тѣсномъ смыслѣ, который часто злоупотреблялъ своею властію для притѣсненія или затирания богатыхъ и знатныхъ, благодаря этому все болѣе ожесточавшихся противъ своихъ притѣснителей, то Евріпідъ естественно совѣтовалъ диму не унижать и не преслѣдовать богатыхъ и указывалъ, что вражда и притѣсненіе богатыхъ и знатныхъ не только несправедлива и беззаконна, но и вре-

Не вмѣшиваясь въ подробности управления и не противодѣяя на занятіе высокихъ административныхъ постовъ, эта масса довольствуется правомъ участія въ законодательствѣ, выбора и контроля чиновниковъ и т. п. Polit. VII, 2, 1318 в. Ср. Oncken, ibid. 254 слѣд. И во вѣнчайшей политикѣ сельчане представляли мирный элементъ, между тѣмъ какъ горожане, въ собственныхъ интересахъ, всегда были сторонниками войны. Gilbert. 97 сл.

¹⁾ О моралахъ Евріпідъ былъ невысокаго мнѣнія Нес... єн тѣ моралі старателіи ахабастос Ѹхло; чаутікѣ т' аұзархія хреісан шордес, хакъ; ѣ о мѣ та бронъ хакъ.

дна для государства. Вы считаете возможнымъ, говорилось въ одпой изъ его трагедій, жить и управлять государствомъ безъ богатыхъ, при участіи однихъ бѣдныхъ; но отдельное существование тѣхъ и другихъ не возможно, только союзъ ихъ производить благоенствіе государства; ибо, если чего недостаетъ у бѣднаго, даетъ богатый, а бѣдный въ свою очередь работаетъ за это для богатаго и помогаетъ ему приобрѣтать то, чего онъ еще не имѣетъ¹⁾). Но эта вражда къ богатымъ и знатнымъ, а равно и другія крайности и недостатки демократіи поддерживались и поощрялись безчестными или ослѣпленными демагогами; потому возможно лучшій выборъ руководителей и советниковъ получалъ первенствующее значеніе, особенно въ глазахъ такого человѣка, какъ нашъ поэтъ-философъ.

Какъ человѣкъ высокаго образованія, Евріпидъ раздѣлялъ безъ сомнѣнія ту простую и неопровергнувшую истину, высказанную въ однократно Сократомъ и развитую до послѣднихъ предѣловъ Платономъ, что для правильного и цѣлесообразнаго веденія государственныхъ дѣлъ, для управления государствомъ необходимы государственные люди, специально подготовленные къ государственной дѣятельности и посвящающіе ей исключительно свои таланты и силы. И по мнѣнію Евріпida, какъ и по мнѣнію Сократа, во главѣ государства долженъ быть вполнѣ подготовленный къ политической дѣятельности и способный управлять государствомъ человѣкъ; отъ недостатка такихъ людей не только страдаютъ, но часто и гибнутъ цѣлые государства²⁾; но между тѣмъ какъ Платонъ требовалъ, чтобы такой

¹⁾ fr. 21. θοκεῖτ' ἀν οἰκεῖν γαῖαν, εἰ πάνης ἄπας
λαός πολιτεύοντο πλουσίων ἀτερ;
οὐκ ἀν γένειτο χωρὶς ἐσθλὰ καὶ κακά,
ἀλλ' ἔστι τις σύγχρασις, ὥστ' ἔχειν καλῶς.
5 ἡ μὴ γάρ ἔστι τῷ πένητι πλούσιος
διδωσ' ἡ δ' οἱ πλουτοῦντες οὐ κεκτήμεθα,
τοῖσιν πάνησι χρώμενοι πειθώμεθα.

Cр. Ioseph. Agorap. § 31.... οὐ μόνον περὶ τῶν κοινῶν ὀμονόουν, ἀλλὰ καὶ περὶ τὸν ἴδιον βίον τοσαύτην ἐποιοῦντο πρόνοιαν ἀλλῆλων, ὅσην περ γρὴ τοὺς εὖ φρονοῦντας καὶ πατρίδος κοινωνοῦντας. οἱ τε γάρ πενéτεροι τῶν πολιτῶν τοσαύτον ἀπείχον τοῦ φθονεύν τοῖς πλειώ κεκτημένοις, ὥσθ' ὅμοιως ἐκήδοντο τὸν οἰκουν τῶν μεγάλων ὕσπερ τῶν σφετέρων αὐτῶν, ἥτοι μενοι τὴν ἑκείνων εὐδαιμονίαν αὐτοῖς εὐπορίαν ὑπάρχειν κτλ.

²⁾ Suppl. 188 πόλις δὲ σῇ
μόνη δύναται' ἀν τόνδ' ὑποστῆναι πόνον·
τά τ' οἰκτρά γάρ δέδορκε καὶ νεανίαν

государственный человѣкъ, какимъ въ его глазахъ могъ быть только истинный философъ, управлять государствомъ и народомъ по своему усмотрѣнію, даже противъ воли этого народа¹), Евріпидъ желалъ, чтобы во главѣ государства стоялъ пародный избранникъ, который долженъ управлять государствомъ съ согласіемъ народа, какъ и поступаетъ его образцовый государственный мужъ, Оисей. Опытъ повидимому убѣдилъ поэта, что при хорошемъ, честномъ и мудромъ вождѣ, какимъ были, напримѣръ, Солонъ, Аристидъ и Перикль, другъ Евріпиды, народъ, даже и при вполнѣ демократическомъ составѣ народныхъ собраний, пойдетъ по пути общаго блага и чести и въ то же время будетъ пользоваться свободою и равенствомъ предъ закономъ, между тѣмъ какъ полновластіе правителя, независимаго отъ воли народа, могло бы повлечь за собою всѣ ужасы тираннія²). Но такъ какъ выборъ этого вождя въ демократическомъ государствѣ зависѣлъ отъ воли народа, то, очевидно, на правильномъ выборѣ истинно честного и мудраго вождя должно было быть сосредоточено все вниманіе народа: отъ выбора вождя зависѣло въ значительной степени все направление государственной жизни; потому что масса народа представляла большую частію слѣпую, хотя и могучую силу, которую искусstvnyj руководитель могъ направлять въ разныя стороны³).

Въ виду такой громадной важности, которую Евріпидъ придавалъ выбору вождя, становится совершенно понятнымъ, почему онъ такъ часто, такъ настойчиво говорить въ своихъ трагедіяхъ объ осторожности и внимательности при выборѣ вождей и совѣтниковъ

ἔχει σε ποιμέν' ἐσθλόν· οὐ χρεία πόλεις
πολλαὶ διώλοντ' ἐνδεεῖς στρατηλάτου.

Iph. Aul. Me. μή τι χρημάτων ἔκατι προστάτην θείμην χθονὸς
μηδ' ὅπλων ἀρχοντα· νοῦν χρήτὸν στρατηλάτην ἔχειν.
375 πόλεος ως ἄρχων ἀνὴρ πᾶς, ένυεσιν ἦν ἔχων τόχῳ.

¹⁾ Zeller, II, 1, 762 сл.

²⁾ Or. 772 O.P. δεινὸν οἱ πολλοί, κακούργους ὅταν ἔχωσι προστάτας.
● Π.Υ. ἀλλ' ὅταν χρηστούς λάβωσι, χρηστὰ βουλεύουσι' ἀει.

³⁾ Or. Me. 696 δταν γάρ ἡβὴ δῆμος εἰς ὁργὴν πεσὼν,
δροιον ὥστε πῦρ κατασβέσαι λάθρον·

700 εἰ δ' ἡσύχως τις αὐτὸς ἐντείνοντι μὲν
χαλῶν ὑπείκοι καιρὸν εὐλαβούμενος
ἴσωσι ἀν ἐκπνεύσει'. ὅταν δ' ἀνὴρ πνοάς,
τύχοις δν αὐτοῦ φεδίως, δσον θέλεις.
ένεστι δ' οἰκτος, ἐνι καὶ θυρὸς μέγας,
καραδοκοῦντι κτῆμα τιμιώτατον.

и совѣтуетъ не увлекаться пустымъ краснорѣчіемъ. Такія постоянныя предостереженія и напоминанія были въ то время тѣмъ болѣе умѣстны что, благодаря явившимся въ Аѳинахъ учителямъ краснорѣчія, оказалось не мало такихъ претендентовъ на званіе политическаго дѣятеля и вождя, которые при помощи циваго искусства умѣли замаскировать свою пустоту и эгоистичность и представляться въ глазахъ це опытной, но жадной до краснорѣчія и любящей лесть массы истинно мудрыми государственными дѣятелями и радѣтелями народа¹⁾.

Вполнѣ понимая тайны и пріемы краснорѣчія, при помощи которыхъ и неправое дѣло можно представить правымъ, поэтъ-философъ напоминалъ своимъ согражданамъ о томъ, что нужно смотрѣть на дѣла людей и на ихъ свойства, а не на красивыя рѣчи, которыми они говорятъ; потому что дѣла и жизнь несравненно важнѣе словъ; тѣмъ болѣе, что дѣла весьма часто вовсе не гармонируютъ съ мудрыми и нравственными рѣчами, которыхъ къ сожалѣнію нерѣдко раздаются изъ устъ людей самыхъ безнравственныхъ²⁾. Было бы го-

¹⁾ Hipp. Iпп. 986 ἔγὼ δ' ἀκομφος εἰς δύλον δοῦναι λόγον,
εἰς ἥλικας δὲ κώλιτους σοφάτερος.
ἔχει δὲ μοίραν καὶ τόδ' οἱ γάρ ἐν σοφοῖς
φῶλοι παρ' δύλφ μουσικώτεροι λέγειν.

²⁾ fr. 759. πρὸς τὰς φύσεις χρῆ καὶ τὰ πράγματα σκοπεῖν
καὶ τὰς διαιτὰς τῶν κακῶν τε κἀγαθῶν,
πειθῶ δὲ τοῖς μὲν σώφροσιν πολλὴν ἔχειν,
τοῖς μὴ δικαίοις δ' οὐδὲ συμβάλλειν χρεῶν.
ω παῖ, γένοντεν δὲν εὖ λελεγμένοι λόγοι
ψευδεῖς, ἐπῶν δὲ κάλλεσιν νικῶν ἄν
τάληθες· ἀλλ' οὐ τοῦτο τάκριβέστατον,
ἀλλ' ἡ φύσις καὶ τούρθον· οἵ δ' εὐγλωσσίᾳ
νικᾶ, ασφός μέν, ἀλλ' ἔγὼ τὰ πράγματα
κρείσον νῷρικῶ τῶν λόγων ἀεὶ ποτε.

Hipp. ΘН. 916 ὁ πόλλ' ἀμαρτάνοντες ἀνθρώποις μάτην,
τί δὴ τέχνας μὲν μυρίας διδάσκετε
καὶ πάντα μηχανᾶσθε κάκευρίσκετε,
ἐν δ' οὐκ ἐπίστασθ' οὐδὲ ἑπράσσασθὲ πω,

920 φρονεῖν διδασκειν οἶζιν οὐκ ἔνεστι νοῦς;
III. δεινῶν σοφιστὴν εἴπας, ζετις εὖ φρονεῖν
τοὺς μὴ φρονοῦντας δυνατούς ἔστ' ἀναγνάσαι.

Hes. ЕК. Ἀγάμεμνον, ἀνθρώποισιν οὐκ ἔχειν ποτε
τῶν πραγμάτων τὴν γλῶσσαν ἰσχύειν πλέον
ἀλλ' εἴτε χρήστ' ἔδρασε, χρήστ' ἔδει λέγειν,
εἴτ' αὐτὸν γράπα, τοὺς λόγους είναι σαθροὺς

раздо лучше, еслибы подобные люди вовсе не владѣли этимъ опаснымъ и вреднымъ въ ихъ рукахъ оружиемъ, которое полезно только тогда, когда оно соединяется съ истинною мудростю и добродѣтелью; но къ сожалѣнію учителя краснорѣчія имъ не обучаются, между тѣмъ какъ имъ то и слѣдовало бы главнымъ образомъ обучать.

Въ этой борьбѣ съ соблазнительнымъ, но обманчивымъ краснорѣчіемъ демагоговъ, маскою защитниковъ свободы и власти афинскаго двора прикрывавшихъ свои эгоистические планы, Еврипидъ совершенно сходился съ своимъ столько же неутомимымъ, сколько и остроумнымъ литературнымъ врагомъ Аристофаномъ и ратовалъ на одной сторонѣ съ нимъ, хотя и въ другой, не столь рѣзкой формѣ. Еврипидъ такъ же, какъ и Аристофанъ, ненавидѣлъ и преслѣдовалъ такихъ краснобаевъ, которые пользовались своимъ краснорѣчіемъ не для пользы общественной, а для удовлетворенія своего собственнаго корыстолюбія и честолюбія¹⁾). Краснорѣчіе въ устахъ такихъ бесчестныхъ людей, которыхъ онъ клеймилъ называніемъ: „неблагодарное отродіе“, Еврипидъ, какъ и Аристофанъ считалъ величайшимъ зломъ для государства²⁾.

καὶ μὴ δύνασθαι τᾶδεικ' εὖ λέγειν ποτέ.
σοφοὶ μὲν οὖν εἰσ' οἱ τᾶδε ἡχριβωτες,
ἀλλ' οὐ δύνανται διὰ τέλους εἶναι σοφοί,
κακῶς δ' ἀπώλονται· οὗτις ἔξηλυκες πω.

¹⁾ Ion. Ιων. 832 σῖμοι, κακούργους ἀνδρας ὡς ἀεὶ στυγῷ,
οἵ ξυντιθέντες τᾶδεικ' εἴθα μηχαναῖς
κοσμοῦσι....

fr. 62. μισῶ σοφὸν

ὄντ' ἐν λόγοισιν. ἐς δ' ὄντησιν οὐ σοφὸν.

ὄντ. addidit Meineckius. Pacuv. Gell. 13, 8, 4: ego odi
homines signata opera et philosophia sententia.

²⁾ fr. 255. ἀπλοῦς ὁ μύθος, μὴ λέγ' εὖ· τὸ γάρ λέγειν
εὖ· δεινόν ἔστιν, εἰ φέρει τινά βλάβην.

fr. 218. κόσμος δὲ σιγῆς στέφανος ἀνδρὸς οὐ κακοῦ·
τὸ δ' ἐκλαλοῦν τοῦθ' ἡδονῆς μὲν ἀπετεῖ,
κακὸν δ' δύμιλημ', ἀσθενὲς δὲ καὶ πόλει.

Hes. 'Ex. 255. ἀγάριστον ὑμῶν σπέρμ', οἵσοι δημητρόους
ζηλοῦτε τιμάς· μηδὲ γιγνώσκοισθέ μοι,
οἱ τοὺς φίλους βλάπτοντες οὐ φροντίζετε,
ηγ̄ τοῖσι πολλοῖς πρὸς χάριν λέγητε τι.

Bacch. Teip. οὐ δ' εὔτροχον μὲν γλῶσσαν ὡς φρονῶν ἔχεις,
ἐν τοῖς λόγοισι δ' οὐκ ἔνεισι σοι φρένες.

Нужно говорить, поучать поэта, не то, что прятно для слуха, а то, что согласно съ истиной и может доставить оратору добрую славу и честное имя; потому что черезъ-чуръ пріятны, но лживы рѣчи губить счастливыхъ семи и даже цѣлыхъ государства, благоустроенные и цѣѣущія¹⁾). Между тѣмъ теперь, благодаря быстротѣ и изворотливости языка, ораторы отрицаютъ и опровергаютъ самыи несомнѣвныи истины, вертять законами такъ и сакъ, такъ что еслибы самыи дѣла обладали даромъ слова, то они стали бы громко протестовать и показали бы ничтожность и лживость искусственныхъ рѣчей²⁾). Авторы такихъ рѣчей, по мнѣнію нашего поэта, заслуживаютъ самаго большаго наказанія, такъ какъ они, надѣясь при помощи своего краснорѣчія представить безчестные свои поступки въ хорошемъ свѣтѣ и одержать върхъ надъ своими менѣе краснорѣчивыми, хотя бы и справедливыми противниками, не боятся дѣйствія

270 Θρασύς τε δυνατός καὶ λέγαινοις οἵος τ' ἀνήρ
κακὸς πολίτης γίγνεται νοῦν εὐχέχω.

Hes. Хор. βασικεῖ', ἀμυνον σοὶς τάκνοισι καὶ πάττρῃ,
πειθώ διαφθείρουσα τῆσδ', ἐπεὶ λέγει
καλῶς, κακοῦργος ὡσαί· δεινὸν οὖν τόδε.

¹⁾ Phoen. Хор. οὐκ εὖ λέγειν χρή μὴ πὶ τοῖς ἄργοις καλοῖς,
οὐ γάρ καλὸν τοῦτ', ἀλλὰ τῇ δικῇ πικρόν.

Hipp. Фас. 486 τοῦτ' ἔσθ' δὲ θυτῶν εὖ πόλεις αἰκαυμένας
δόμους τ' ἀπόλλυος, οἱ καλεὶ λίαν λόγοι,
οὐ γάρ τι τοῖσιν ὡσὶ τερπνά χρητά λέγειν,
ἀλλ' ἐξ ὅτου τις εὐκλεῖς τεγμέσται.

Orest. "ΑΓΓ. ὅταν γάρ ἥδος τοῖς λόγοις φρονῶν κακῶς
πειθῷ τὸ πλῆθος, τῇ πόλει κακὸν μέγα,
ὅσοι δὲ σὺν νῷ χρηστά βουλεύουσαί δει,
κανὸν μὴ παρατικ', αὖθις εἰσὶ χρήσιμοι
πόλει, θεᾶσθαι δ' ὁδες χρή τὸν προστάτην
ἴδοντι³⁾. ὑριοις γάρ τὸ γρήγορα γίγνεται
τῷ τούς λόγους λέγοντι καὶ τιμωμένῳ.

²⁾ fr. 442. φεῦ φεῦ, τὸ μὴ τὰ πράγματα ἀνθρώποις ἔχειν
φωνήν, ἵν' ἡσαν μηδὲν οἱ δεινοὶ λέγαιν.
νῦν δὲ εὐτρόχοισι στέμμασι τάληθέστατα
χλέπτουσιν, ὅστε μὴ δοκεῖν ἂ χρή δοκεῖν.

fr. 600. τρόπος δὲ χρηστὸς ἀσφαλέστερος νόμοιν
τὸν μὲν γάρ οὐδεὶς ἀν διαστρέψαι ποτὲ
λόγοις δύνατοι, τὸν δὲ ἀνω τε καὶ κάτω
ρήγτωρ τεράσσων πολλάκις λυμαίνεται.

вать безчестно и противозаконно¹⁾ и такимъ образомъ заставляютъ страдать и подвергаютъ опасности и несчастій не только отдельныхъ гражданъ, которые, не обладая даромъ слова, при всей своей правотѣ и честности не могутъ защитить себя противъ обвиненій безчестныхъ краснобаевъ, но и цѣлое государство. Дѣло въ томъ, что при такомъ значеніи лѣстиаго и лживаго краснорѣчія не только въ дѣлахъ частныхъ, но и общественныхъ люди честные и способные дѣйствительно стоять во славѣ государства съ пользою и славою для него, словомъ лучшіе люди, весьма часто должны были волею или неволею становиться отъ участія въ государственныхъ дѣлахъ, видя что честность и благородство памѣрепій и дѣйствій ровно ничего не спаситъ, что самыи безчестныи краснобай можетъ не только парализовать совѣты и дѣйствія честныхъ людей, но и представить ихъ въ

- 1) fr. 57 δηνακ̄, διαβολαι δεινὸν ἀνθρώποις κακόν·
 ἀγλωσαὶ δὲ πολλάκις ληφθεὶς ἀνήρ
 δίκαιος λέξας ἡσσον εὐγλώσσου φέρει.
 MII. 580 Η πολλὰ πολλοῖς εἰμι διάφορος βροτῶν.
 ἔροι τὰρ θετις ἄδικος ὁν σοφὸς λέγειν
 πέφυκε, πλειστην ζημιαν ὀφλισχάνει·
 γλώσσῃ τὰρ αὐγῶν τάδικ' εὖ περιετελεῖν,
 τολυφ̄ πανουργεῖν· ἔστι δ' οὐκ ἄγαν σοφός.
 ὅς καὶ σὺ μὴ νον εἰς ἐμ̄ εὐσχήμων γένη
 585 λέγειν τε δεινός· ἐν τὰρ ἔκτενει σ' ἕπος.
 χρῆν σ', εἰπερ ἥπια μὴ κακός, πείσαντά με
 ταῦμεν γάμον τόνδ', ἀλλὰ μὴ σιγῇ φίλων.

Многическими предстаивателемъ такого краснорѣчія въ трагедіяхъ Евріпидъ является очень нерѣдко хитроумный Одиссей. Такъ какъ уже эпост представилъ Одиссея достаточно изворотливымъ и не-всегда правдивымъ ораторомъ, то Евріпиду оставалось только перенести и мнотормя современныхъ ему отношенія и понятія, чтобы сдѣлать изъ Одиссея демагога, одержимаго ужаснымъ зломъ—честолюбіемъ и не особенно разборчиваго на средства въ достижениіи своихъ цѣлей. Вотъ какъ характеризуетъ его Эвака въ «Троянкахъ»:

- Tg. Ex. μισαρῷ δολίῳ λέλογχα φωτὶ δουλεύειν,
 πολεμίῳ δίκας, παρανόμῳ δάκει;
 285 δε πάντα τάχειθεν ἐνθάδ'
 ἀντικαλ' αὐθίς ἐκεῖσε διπτύχῳ γλώσσῃ
 φίλα τὰ πρότερ' ἄφιλα τιθέμενος.

Cp. ibid. 1222 и Iес. 244 (привед. выше).

Iph. A. АГА. τὸ Σισύφειον σπέρμα πάντ' οἴδεν τάδε.

525 МЕ. οὐκ ἔστι 'Οδυσσεὺς δι τὰ κάρμα πημανεῖ.

АГА. ποικίλος δει πέφυκε τοῦ τ' ὅχλου μέτα.

МЕ. φιλοτιμίᾳ μὲν ἐνέχεται, δεινῷ κακῷ. Cp. ibid. 1360 ск.

дурномъ съѣтѣ, тѣмъ легче, что люди выдающіяся всегда имѣютъ много гавистниковъ и неавистниковъ¹⁾). А отъ этого происходитъ двоикій вредъ для государства: уклоненіе стъ государственной дѣятельности порядочныхъ людей и возвышение пустыхъ и безчестныхъ честолюбцевъ, которые, сдѣлавшись такимъ образомъ полными господами и распорядителями судебъ государства и нестѣсненіе въ своихъ дѣйствіяхъ участіемъ и вмѣшательствомъ людей благородныхъ и честныхъ, отдаются полному произволу и для удовлетворенія своихъ страстей позволяютъ себѣ всякия беззаконія, съ полной увѣренностью въ безнаказанности²⁾). Особенно нужно остерегаться слишкомъ молодыхъ честолюбцевъ³⁾), изъ которыхъ одни безъ всякой необходимости, ко вреду для государства, возбуждаютъ гражданъ къ несправедливой войнѣ, чтобы имѣть случай быть избранными въ полководцы, другие стремятся къ власти, чтобы имѣть возможность беззаказанности.

¹⁾ Такія и подобныя соображенія заставляютъ между прочими Іона отказываться отъ блестящей будущности и важной роли государственного человека и правителя, которую обещаетъ ему Ксею съ полной увѣренностью въ непреложимой соблазнительности и прелести своихъ обѣщаній.

Ion. 16v. 595 ἦν δὲ εἰς τὸ πρῶτον πάλαιος ὄφρηθείς Συζὸν

Σητῷ τις είναι, τῶν μὲν ἀδύνατων ὅποι
μισησόμεσθα· λυκρὰ τὴρ τὰ κρέσσονα·
δοῖ δὲ χρηστοὶ δυνάμενοι τὸ εἶναι ασφοῖ
οι γὰρ οὐκ επέδουσιν εἰς τὰ πράγματα,

600 τέλωτος ἐν αὐτοῖς μιωράν τα λήψομαι
οὐχ ἡσυχάζων ἐπί πλεις φόβου πλέα.

Cp. fr. 297. ἥδη τὴρ εἰδον καὶ δίκης παρεστάτας
ἴσθιοὺς πονηρῷ τῷ φύσιντον νικημένους.

²⁾ fr. 568. Βταν κακοὶ πράξαντι, ὃ ζένοι· καλῶς,
ἄγαν πρατοῦντες κού νοιζούντες δίκην
δύσσειν ἔδρασαν πάντ' ἐφέντες ἥδονη.

Hes. Od. 306 οὐ τῷδε τὴρ κάμνουσιν αἱ πολλαὶ πόλεις,
δταν τις ἑσθλός καὶ πρόθυμος ὁν ἀνῆρ
μηδὲν φέρηται τῶν κακιόνων πλέον.

³⁾ Если сопоставить замѣчанія Фисса относительно воинственной молодежи съ тѣмъ, что говорилъ обѣ Алкивиадѣ Никий предъ Сциціалійскимъ походомъ и что замѣчаетъ самъ Фукидидъ, то сходство оказывается поразительное, такъ что можно думать, что эта филиппика направлена прямо противъ воинственной молодежи, во главѣ которой стояла послѣ Никиева мира Алкивиадъ. См. Thucyd. VI, 12—13 15.

казанно безчинствовать и обижать своихъ согражданъ, треты наконецъ добиваются власти ради бесчестной наживы¹⁾.

Не менѣе опасно и вредно для государства, по еще невыносимѣе для гражданъ господство людей, которые, припадлежа къ малообразованному и пизпему классу, вдругъ разбогатѣютъ и получать значеніе и власть; чванству и бесчинству подобныхъ людей иѣтъ предѣлъ²⁾. Если господство подобныхъ людей нестерпимо для всѣхъ честныхъ гражданъ вообще, то для людей образованныхъ, и знатныхъ преобладаніе и власть такихъ грубыхъ и необразованныхъ не пѣждь естественно еще болѣе пепысими. Видя и понимая, какой непрекращавший вредъ подобные правители наносятъ отечеству, патріоты не могутъ не скарбѣть душою, тѣмъ болѣе, что къ патріотической скорби присоединяется честолюбіе, оскорблѣнное необходимостю подчиняться и уступать дорогу людямъ худшимъ и недостойнимъ³⁾.

¹⁾ Suppl. 'Αδρ. νεῶν γάρ δύναρῶν Ηόρυθος ἔχετλησσά με.

Αη. εὐψυχίτην ἐστευσας ἀντ' εὐβουλίας,
διδῆται πολλοὺς ὄλεσσι στρατηλάτας,
εἰς δὲ στρατειαν πάντας Ἀργείους ἀγων,
μάντεων λεγόντων θέσφατ', εἰτ' ἀτιμάσσας
βίᾳ παρελθῶν θεοὺς δικώλεσσας πόλιν,
νέοις παραχθεῖς, οἵτινες τιμώμενοι
γιγίρουσι πολέμους τ' αὐξάνουσα' ἁνει δίκης,
φθείροντες ἀστούς, οἱ μὲν ὄπως στρατηλαστῆ,
230 οἱ δὲ ως ὑβρίζου δύναμιν εἰς χείρας λαρῶν,
ἄλλοι δὲ κέρδους σύνεχ', οὐδὲ ἀποσκοπῶν
τὸ πλήθος εἰ τι βλάπτεται πάσχον τάδε.

(Cр. Gilbert, Beiträge, 216 сл., 248 слѣд.).

Нельзя не обратить вниманія на то обстоятельство, что Фасей разражается такою философскою противъ сподвижникъ юныхъ союзниковъ и правителей, несмотря на то, что самъ онъ представляется въ трагедіи, какъ изображенія въ пьесахъ, мозговымъ человѣкомъ и въ ст. 190 называется *κεανίας*.

²⁾ fr. 361. καὶ τοὺς πονηροὺς μήποτ' αἴσαν ἐν πόλει·
κακοὶ γάρ ἐμπλητεύνεται η νομίσματος·

30 η πόλεος ἐμπεόντες εἰς ἀρχὴν τινα
σκητῶσιν, δέδοκτη' εὐτυχησάντων δόμων.
ἄλλ' ως τέχνον μοι δὸς χέρ', ως θίτῃ πατήρ,
καὶ γαῖρ' υἱ' αἰδοῦς δ' οὐ λίαν δεπάζομαι·
γυναικόφρων γάρ θυμός διδρός οὐ αοφοῦ.

³⁾ fr. 205. A. τιμὴ ο' ἐπαίρει τῶν πέλας μᾶλλον φρονεῖν.
B. θηνήσκοιμ' ἀν' οὐ γάρ δῖον λεύσσειν φάος
κακοὺς δράμνεται ἐκδίκως τιμωρένους.

Несравненно хуже, конечно, приходилось честнымъ и благороднымъ гражданамъ, когда необузданые честолюбцы, опираясь на неразумную толпу, которой они льстить и угождаются¹⁾, доходятъ до высшей степени власти, и вооруживши одну большую часть населения противъ другой захватываютъ въ свои руки даже верховную власть, становятся полновластными и самовластными распорядителями судебъ своего отечества и своихъ согражданъ, словомъ, дѣлаются тиранами. Достигнувъ наивысшаго счастія, которое только возможно для смертныхъ, тиранніи, которое въ глазахъ огромной массы обыкновенныхъ смертныхъ почти равнется божескому блаженству, они, какъ боги, не стыдятся никакими законами и могутъ предаваться полному удовлетворенію своихъ страстей²⁾. Правда, шутъ къ этому счастію труденъ и опасенъ; но честолюбцы готовы рисковать честью и жизнью, нарушить всѣ божеские и человѣческие законы, принести въ жертву своему властолюбію множество гражданъ и защищать свою собственную честь самыми ужасными преступленіями, лишь бы только достигнуть вожделенной тираппіи и удовлетворить своему властолюбію.

Ion. "Ιων. τῶν δ' αὖ λογίων τε χρωμένων τε τῷ πόλει εἰς ἀξίωμα βίᾳ πλέον φρουρήσουαι φῆφοισιν. οὕτω γὰρ τάδ', ὡς πάτερ, φιλεῖ·

605 οἵ τας πόλεις ἔχοντες ἀξιώματος τοῖς ἀνθαμιλλοῖς εἰσὶ πολεμιτατοι.

fr. 465. δταν κακόν τις ἐν πόλει πρίσαγ χαλάς, νοσεῖν τίθησι τῶν ἀμεινόνων φρένας, παράδειγμ' ἔχοντας τῶν κακῶν ἔξουσιαν.

) Въ Iphig. Aul. 235 сл. очень картино описывается ухаживание за толпой такого честолюбца, желающаго добиться власти.

Iph. A. Μεν.. βούλομαι δέ ο' ἄξελέγεια, καὶ σὺ μήτ' ὄργης ὅπο ἀπτέρποι τάληθές, οὔτε κατατενῶ λίαν ἔγω.

οὐσθ' οὐτ' ἐσπούδαζες ἀργειν Λαναῖδαις πρὸς Ἰλιον, τῷ δοκεῖν μὲν οὐχὶ χρῆσθαι, τῷ δὲ βούλεοθαι θέλων, 339 ὡς ταπεινός ήσθα πᾶσι, δεξιός προσθίγγανων καὶ θύρας ἔχων ἀκλήστους τῷ θέλοντι δημοστῶν, καὶ διδούς πρόσρηγιν ἔξης πᾶσι, καὶ μή τις θέλοι, τοῖς τρόποις ζητῶν πρίσαθαι τὸ φιλότιμον ἐκ μέσου;

²⁾ fr. 336. τούς δ' ἐκ μεγιστῆς οἰβίας τυραννίδος 7 τῷ μηδὲν ὄντας ταῦτά σε σκοπεῖν χρεών.

fr. 252. τυραννίδ' η θεῶν δευτέρα νομίζεται τὸ μὴ θανεῖν γὰρ οὐκ ἔχει, τὰ δ' ἀλλ' ἔχει.

Cp. Isocr. Eusag. § 40. νῦν δπαντες ἀν ὄμολογησειν τυραννίδα καὶ τῶν θείων ἀγαθῶν καὶ τῶν ἀνθρωπίων μέγιστον καὶ αερνότατον καὶ περιμαχητότατον είναι.

По ихъ ипънію, если ужъ изъ-за чего можно грѣшить, такъ это — тираниія¹⁾.

Захвативши власть посредствомъ пасилія, тиранъ естественно долженъ и поддерживать ее подобными же средствами и превратиться въ жестокаго деспота, мучимаго страхомъ за свою власть, опирающаго жизнь и честь благородныхъ и честныхъ патріотовъ, въ которыхъ онъ видитъ враговъ своей власти, такъ что въ концѣ концовъ столь желанная и достигнутая съ такими жертвами тиранія оказывается несчастіемъ не только для гражданъ, но и для самого

- 1) Phoen. 'Et. έγώ γάρ οὐδέν, μῆτερ, ἀποκρόφας ἐρδ-
αστρων ἀν̄ ἔλθοιμ' ἡλίου πρὸς ἀντολὰς
505 καὶ τῇς ἔνερβῃ δυνατός ὁν δρᾶσαι τάδε,
τὴν θεῶν μεγίστην ὥστ' ἔχειν τυραννίδα.
οὗτ' οὐν τὸ χρηστόν, μῆτερ, οὐχὶ βοήλημα
ἄλλῳ παρεῖναι μᾶλλον ἢ σώζειν ἐμοὶ'
Ibid. 'Et. ἔξεστ' ἔκεινο δ' οὐχ ἔκών μεθύσομαι,
520 ἄρχειν παρόν μοι, τῷδε δουλεῦσαι ποτε.
πρὸς ταῦτ' ἵτω μὲν πῦρ, ἵτω δὲ φίσσανα,
ζεύγνυσθε δ' ἵππους, πεδία πίμπλαθ' ἀρμάτων,
ώς οὐ παρήσω τῷδ' ἔμην τυραννίδα.
εἴπερ γάρ ἀδίκειν γρῆ, τυραννίδος πέρι
525 κιλλιστον ἀδίκειν, ταῦλα δ' εὐσεβεῖν γρεών.
Cр. Trad. 'Ex. εἰ μὲν γαρ ἔθανες πρὸ πόλεως, ἥβης τυχών.
γάμων τε καὶ τῆς ἰσοθέου τοραννίδος,
1170 μακάριος ἡσθ' ἀν, εἰ τι τῶνδε μακάριον.
Herc. Fur. 65 ἔγων τυραννίδη, ἡς μακρι λόγγαι πέρι:
τρῆδωσ' ἔρωτι φύματ' εἰς εύδαιμονα.

Образецъ такого счастливца Еврипидъ представляетъ въ «Башеномъ Иракли», въ лицѣ Диага, который при содѣйствіи толпы и разныхъ недовольныхъ, проявляющихся и по признакамъ двѣтелей изъ высшихъ классовъ, захватилъ верхочную власть въ свои руки и предложе всего считаетъ нужнымъ уничтожить представителей законной власти и ея сторонниковъ, честныхъ защитниковъ права и закона.

- Herc. Fur. AM. πολλοὺς πένητας, ὀλβίους δι τῷ λόγῳ
δεκοῦντας είναι σωρμάχους ἀναξ ἔχει,
590 οἱ στέσιν ἔθηκαν καὶ διώλεσαν πόλιν
ἐφ' ἀρπαγαῖσι τῶν πέλας, τὰ δ' ἐν δύοις
διπάναισι φροῦροι διαφυγόνθ' ὑπ' ἀργίας.
Herc. F. Λύ. γνώμαισιν δύτες, οἱ μόνον στενήζετε
τοὺς Ἱρακλείους παῖδας, ἀλλὰ καὶ δύοις
250 τύχας, ὅταν πάσχῃ τι, μεμνήσεσθε δὲ
δυοῦλοι τετγάτες τῆς ἐμῆς τυραννίδος.

Cр. ст. 541 сл., 272 сл.

властителя! Въ такомъ именіи свѣтъ представляетъ себѣ власть молодой философъ Іонъ, который на заманчивыи и соблазнительныи обѣщанія Ксюеа, передать ему, какъ наслѣднику, верховную власть, иакъ высшее счастіе, отычаетъ отказомъ и мотивируетъ его изображеніемъ положенія властителя, примиѳнимъ только къ узурпатору въ республиканскомъ государствѣ, незаконному царю монархической эпохи. Напрасно, говоритъ Іопъ, такъ восхвалютъ власть; она поражаетъ только вѣшнимъ блескомъ, а въ сущности она скорѣе — несчастіе, чѣмъ счастіе. Да и какъ можетъ быть счастливымъ тотъ, кто влечитъ свой вѣкъ въ постоянномъ страхѣ и опасеніи за свою жизнь и власть. Могутъ сказать, что богатство и удовольствія вполнѣ искупаютъ эти непріятныи стороны тиранніи. Нѣть, богатства съ упреками и беспокойствомъ не нужно искать; я хочу спокойно наслаждаться малымъ¹⁾). Въ не менѣе мрачныхъ краскахъ рисуетъ, какъ мы видѣли, Евріпидъ роль цара въ „Простительницахъ“ устами Оисея. Въ этихъ мрачныхъ картинахъ изображается очевидно, не власть эпическихъ царей, а тираннія одного или нѣсколькихъ въ республиканскомъ государствѣ, тираннія, добытая обманомъ и поддерживаемая насилиемъ и жестокостями. Поэтъ, предостерегая постоянно народъ отъ увлеченияхъ вкрадчивымъ и обманчивымъ краснорѣчіемъ демагоговъ, стремившихся къ власти, въ то же время предостерег-

¹⁾) Jon. Ιων. τυραννίδος δὲ τῆς μάτην αἰνουμένης;
τὸ μὲν πρόσωπον ἡδύ, τὰν δόμοισι δὲ
λογηράτις τὸ γὰρ ματάριος, τὶς εὔτυχης,
διστις δεδοικώς καὶ παραβλέπων βίον

625. αἰνῶνα τείνεις; δημότης ἀνεύτυχης
ζῆν ἀνθέλοιμι μᾶλλον ἢ τύραννος; ὥν,
φτοὺς πονηρούς ἡδονὴ φίλους ἔχει,
ἀζθλούς δὲ μισεῖ κατθανεῖν φρεσούμενος.
εἴποις ἀν ώς ὁ χριστὸς ἐκνιῆταδε,

630 πλουτεῖν τε τερπνόν· οὐ φιλῶ ψόγεις; κλύειν
ἐν χερσὶ σώβων ὀλβὸν οὐδὲ ἔγειν πόνους;
εἰη δὲ ἐμοὶς γέμετρια μὴ λυπευμένη.

fr. 816. ή τὴρ τυραννίς πάντοιεν τοξεύεται
δεινοὶς ἐρωσιν, ἡς φυλακτέον πέρι.

Cp. Иес. ЕК. φεῦ
οὐκ ἔστι θυητῶν διστις; ἔστι ἐλεύθερος·
865 ή γρηγοράτων γὰρ δεσμός ἀστιν ἢ τύχης;
ἡ πληθὸς αὐτὸν πόλεος; ἡ νόμιμων γραφρὶ¹⁾
εἰργυας: χρῆσθαις μὴ κατὰ τηνώμην τρόποις.

главъ этихъ послѣднихъ и, прѣставляя имъ инутреннѣе "состояніе тирана, указывалъ, что "власть, достигнутая и поддерживаемая обманомъ и насилиемъ, вовсе не такое блаженство," какимъ она представляется съ вѣшней, видимой стороны. Только власть и значеніе, достигнутыя путемъ чести и добродѣти, приносить никогда не удающуюся славу, а тиранія, добытая неправдою и насилиемъ, ввергаетъ въ несчастіе и погорѣть не только государство, но и самого тирана и весь его родъ; какъ въ частной, такъ и въ государственной дѣятельности неправедное и беззаконное пасиліе не должно имѣть вовсе мѣста¹). Вѣришь взглдамъ на тиранію и власть вообще, вы-

- ¹⁾ Hipp. Τπκ. 1010 ἡ οὖν οἰκήσειν δόμον
ἔγκληρον εὐνῆν προσαλβόν ἐκῆλπισα;
μάταιος ἀρ' ἦν, οὐδαμοῦ μὲν οὖν φρουρῶν.
ἄλλ' ως τυρανεῖν ἥδη τοῖσι σώφροις;
ἥκιστά γ', εἰ μὴ τὰς φρένας διέφθορε
- 1015 Θυητῶν θεοῖσιν ἀνδάνει μοναρχία.
fragm. 608. τὸ δ' ἔσχατον δὴ τοῦτο θαυμαστὸν βροτοῖς
τυραννίς, οὐχὶ εἴροις ἄν άθλιώτερον.
φίλους τε πορθεῖν καὶ κατακτανεῖν χρεῶν,
πλείστος φύβος πρότεστι μὴ δράσωι τι.
- Phoen. Ιοχ. τί τὴν τυραννίδ'; ἀδικίαν εὑδαίμονα,
550 τιμῆς ὑπέρφευ καὶ μέγ' ἡγησαι τόδε;
περιβλέπεσθα: τίμιον; κενὸν μὲν οὖν.
- Phoen. Ιοχ. τί τῇς κακίστῃς δαιμόνων ἐφίεσαι:
φιλοτιμίας, πᾶς; μὴ σύ γ'. ἀδικος δὲ θεός·
πολλοὺς δὲ εἰς οἰκους καὶ πόλεις εὔδαιμονας
524 εἰσῆλπι κατέηλθ' ἐπ' ὀλέηρῳ τῶν χρωμένων
ἐφ' οὐκ μαίνει.
- ¹⁾ Andr. Χο. οὗτοι
λειψανα τῶν
ἀγαθῶν ἀνδρῶν ἀφαιρεῖται
χρόνος, ἀ δ' ἀρετὰ καὶ θανοῦσι λάμπει·
κρείσον δὲ νίκαν
μὴ κακόδηξον ἔχειν
780 δὲ εὖν φθόνῳ σφάλλειν δυνάμει τε δίκαν.
ἡδὺ μέν τάρ αὐτίκα τοῦτο βροτοῖσιν,
ἐν δὲ χρόνῳ τελέσει:
ηγρὸν καὶ ὄνειδεσιν ἔγκειται δόμων.
- 785 ταύταν ἔνεσα ταύταν
καὶ φέρομαι βιοτάν,
μηδὲν δίκας ἔξω κράτος ἐν θαλάμοις
καὶ πολεὶ δύνασθαι. Cr. Baechae, 385 εἰ.

сказанными устами Иона, Еврипидъ, какъ известно, не только не стремился къ власти, но и вообще уделялся отъ государственной и политической дѣятельности, всецѣло отдаваясь своимъ философскимъ и поэтическимъ занятіямъ. Это обстоятельство однакожъ не только не мѣшало ему слѣдить за внутреннею и виѣшнею политикою своего отечества, но, напротивъ, позволяло ему быть постояннымъ и беспристрастнымъ наблюдателемъ политической жизни и о результатахъ своихъ наблюдений сообщать своимъ согражданамъ.

Эти наблюденія, какъ мы старались показать, привели Еврипida къ слѣдующимъ результатамъ.

1) Самое лучшее и естественнѣе государственное устройство есть такая демократія, которая, уравнивая всѣхъ гражданъ предъ закономъ, представляетъ всѣмъ имъ право участія въ государственныхъ дѣлахъ, при чёмъ ни богачи, ни бѣдняки, какъ представители двухъ крайностей, не должны имѣть преобладающаго вліянія; перевѣсь и преобладаніе съ пользою для государства можетъ имѣть только средній классъ, состоящій преимущественно изъ землевладѣльцевъ¹⁾.

2) Такъ какъ во вторую половину жизни поэта въ государственныхъ и общественныхъ дѣлахъ преобладалъ благодаря разныи мѣодѣлии въ тѣсномъ смыслѣ, то старая демократія, не привлекавшая искусственно бѣдняковъ, но въ то же время не лишавшая тѣхъ изъ нихъ, которые желали и могли съ пользою для дѣла принимать участіе въ общественныхъ дѣлахъ, возможности быть полезными для го-

Hel. Хο. οὐδεὶς ποτ' εὐτύχεσσε ἔκδικος γεγόνει,
ἐν τῷ δικαίῳ ἀλπίδες φυτρίας.

¹⁾ Не смотря на пристрастіе Еврипida къ среднему, преимущественно землевладѣльческому классу, нельзя считать нашего поэта сторонникомъ той партіи, которая, по смерти Еврипida при возстановленіи демократіи, въ лицѣ Формиса искала обусловить право афинскаго гражданства владѣніемъ поземельною собственностью въ самой Аттицѣ. (См. ὅποβεσιс изъ XXXIV рѣчи Лисія; ср. Grote, VIII, 96). Едва ли сочувствовалъ Еврипидъ и кратковременной конституціи 5000, установленной послѣ инверсіи 400, съ согласіемъ Алкивиада, — конституціи, которую Фукидидъ считаетъ самою лучшую изъ всѣхъ бывшихъ при его жизни (Thuc. VIII, 86, 97). Какъ предложеніе Формиса, такъ и конституція 5000 лишили гражданскаго неноправія огромную массу бѣднѣйшихъ гражданъ, между тѣмъ какъ Еврипидъ желалъ только устраниніе ихъ относительно преобладанія въ господства, а не лишеніе ихъ гражданскихъ правъ, потому наиболѣе соответствующей своему идеалу порядокъ Еврипидъ по всей вѣроятности видѣть, подобно Иеократу, не въ олагархической реформѣ, а въ старой демократіи.

сударства, повидимому казалась Еврипиду наиболѣе справедливой и наиболѣе гарантирующей интересы какъ всего государства, такъ и отдельныхъ сословій и гражданъ.

3) Во главѣ государства должны стоять не краснорѣчивые ораторы, а истинно государственные люди, которые, послѣ теоретической и практической подготовки, доказали на дѣлѣ свою честность, мудрость и способность руководить государствомъ въ войнѣ и мирѣ съ подъю и славою для всего государства, подобно Солону, Аристиду, Периклу и др. Такимъ образомъ Еврипидъ соединялъ свои демократические взгляды съ разумными требованіями своего друга Сократа, проповѣдывавшаго, что государствомъ править долженъ истинно государственный человѣкъ, а не всякий встрѣчный. Образецъ такого государственного человѣка и его политики внутренней и вѣшней поэти представлялъ въ лицѣ Оисея, который, по своему политическому характеру, болѣе напоминаетъ Перикла, чѣмъ Алкивиада.

Д. В.—ль.

(Продолженіе будеиъ).

БИБЛИОГРАФІЯ.

²Объяснительный словарь къ Запискамъ Цезаря о войнахъ Галльской, составленный для гимназій М. Блюссомъ. Москва. 1881 г.

Серьезное чтеніе латинскихъ авторовъ въ нашихъ гимназіяхъ, какъ известно, начинается только съ четвертаго класса. Въ третьемъ классѣ ученикъ лишь съ большимъ трудомъ справляется съ формальною стороной мѣстами довольно трудныхъ жизнеописаний Корнелия Непота; поэтому преподаватель долженъ быть доволенъ, если ученикъ понялъ фразу и можетъ дать себѣ отчетъ о значеніи и грамматической функциї каждого отдѣльного слова. Въ четвертомъ классѣ требование гораздо больше: приходится обращать вниманіе не только на исправность перевода, но и на связь разкзаза, не упуская изъ виду какъ реальной стороны прочитанного, такъ и фразеологии, отчасти и синонимики и стилистики. Между тѣмъ ученикъ четвертаго класса, особенно въ началѣ учебнаго года, или переводить дословно, не заботясь о смыслѣ, или прибегаетъ къ помощи плохихъ переводовъ, которые еще больше сбиваются его. Поэтому именно для начала ему нуженъ хороший специальный словарь, который долженъ быть составленъ съ цѣлью облегчить ученику не малый трудъ и указать ему путь къ правильному пониманію читаемаго автора. Для учениковъ старшихъ классовъ такие специальные словари менѣе желательны. Такой ученикъ пріобрѣтъ уже въкоторый навыкъ въ переводахъ и обладаетъ значительнымъ запасомъ словъ и свѣдѣній по фразеологии, синонимикѣ, древностямъ, исторіи и проч. Маленькие словари сзади текста для каждого отдѣльного автора, или, что еще

хуже, къ отдельнымъ книгамъ одного сочиненія, пріучають къ верхоглдству и злоупотребленіямъ во время самого урока. Кромѣ того оно, не принося значительной пользы въ совокупности, обходится довольно дорого.

Специальные словари могутъ быть или полными и представлять собою ученый трудъ для специалистовъ, или только практическими руководствами, приорицленными къ действительнымъ нуждамъ учащихся.

Ко второму разряду мы можемъ отнести объяснительный словарь г. Блюса. Составитель его въ предисловіи на стр. VI говоритъ следующее о цѣли своего труда: „При выборѣ, распределеніи и наложеніи материала, находившагося въ моемъ распоряженіи, не упуская изъ виду научной точки зренія, я руководствовался главнымъ образомъ педагогическими соображеніями, то-есть старался удовлетворить потребности учащихся. Сообщить ученику, примѣнительно къ степени его развитія и въ то же время безъ ущерба для его самостоятельности, по мѣрѣ возможности, все то изъ области лексикона, грамматики, стилистики, древностей и т. д., чтд непосредственно относится къ тексту, къ его формальной сторонѣ, содержанию и способу перевода на русскій языкъ, такъ, чтобы ученикъ имѣлъ возможность вести занятіе, относящееся къ чтенію Цезаря, тѣмъ путемъ и порядкомъ, который свойственъ чтенію древнихъ авторовъ вообще, то-есть строго-систематически,—вотъ цѣль предлагаемаго изданія“. Цѣль, какъ мы видимъ, весьма похвальная, и нельзя не признать, что составитель словаря съ большими усилиями выполнилъ эту, довольно трудную, задачу.

Хотя работа при составленіи рассматриваемаго нами словаря была большею частию коммиллятивная и переводная, при чемъ въ основаніе положены текстъ полнаго словаря къ сочиненію Цезаря О. Эйхерта, тѣмъ не менѣе словарь Блюса отличается отъ своего прототипа тѣмъ, что много статей по римскимъ древностямъ составлены самостоительно, по указаннымъ на стр. IV, пособіямъ; искоторые же измѣнены и пополнены (напр. статьи *hiberna*, *Kalendae*, *lustrum*, *juuentum*, *navis*, *fossa*, *Januarina*); особенно должно отмѣтить прекрасную статью *centurio*; при большей части удобообъяснимыхъ словъ указывается въ скобкахъ на коренное или близкое по значенію слово, кое-гдѣ находимъ и болѣе подробное этимологическое объясненіе (напр. при словѣ *puntius*); въ словарѣ Блюса чаще, чѣмъ въ словарѣ Эйхерта встрѣчаются разныя замѣтки, затрагивающія синтакси-

ческие и стилистические вопросы; напр. статьи *animus*, *plenus*, *petere atque orare*, *facere* съ чѣ взамѣнъ другого простого глагола; переведено цѣликомъ или частями больше трудныхъ мѣстъ (напр. IV, 26, *ab eius summo etc.* VIII, 14 *scrobes paulatim etc.*); изложеніе пѣмьтыхъ статей, какъ сказано и въ предисловіи, измѣнено; въ этомъ отношеніи особенно статьи о союзахъ и предлогахъ отличаются ясностью и простотою (см. статьи *ne*, *que*, *ut*, *quum*); вообще мы не замѣчаемъ того беспорядка и разбросанности, которая свойственны многимъ словарямъ. Значенія словъ, особенно въ переносномъ смыслѣ, у г. Блюса выведены изъ основнаго понятія и всѣ отдѣльные значенія приведены въ общую связь, какъ напр. при глаголахъ *obtemperare* (значеніе „повиноваться“ выводится изъ первоначальнаго значенія, удѣжливаться передъ кѣмъ“) и *vindico*, состоящее будто бы изъ *tim* и *dico* „угрожать силой“. Относительно послѣднаго объясненія нельзя не указать на болѣе правдоподобное толкованіе Корссена (*Aussprache*, II ч. 272) и Ваничка (въ его этимологическомъ словарѣ II ч. 884), въ первой части „*vici*“ находящихъ корень *vici*=требовать, любить, почитать, и принимающихъ *vindicare* за *verbum denominativum* отъ существительного *vindex*.

Со стороны русскаго языка, за немногими исключеніями, не видимъ никакихъ особенныхъ неправильностей; значенія латинскихъ выражений въ большей части случаевъ переданы вѣрно и правильно, наприм. *desilire ad pedes* „спѣшиваться“, *bellum inferre* „начинать войну, вести наступательную войну“; въ словарѣ Шульца все еще красуется безсмысленное „*вносить войну*“.

Такъ какъ ознакомленіе съ латинской фразеологіей составляетъ весьма важную сторону при чтеніи Цезаря, то нельзя не отнести съ полнымъ одобрениемъ къ тому, что составитель словаря почти при всѣхъ именахъ существительныхъ указываетъ на разнаго рода опредѣленія, а наоборотъ, при глаголахъ на болѣе употребительныя дополненія и обстоятельства дѣйствія, напр. *facinus nefarium*, *viserog fortunam*, *subministro frumentum*, *mature proficisci*. Нельзя не одобрить и того, что при нѣкоторыхъ словахъ, въ словарѣ помѣщены и такія ихъ значенія, въ которыхъ они Цезаремъ не употребляются.

Внѣшняя сторона рассматриваемаго словаря весьма опрятна, можно даже сказать изящна, шрифтъ красивъ и, хотя мелокъ, но не утомляетъ глазъ, главные значенія отмѣчены крупнымъ шрифтомъ, такъ что ученику не трудно отыскать то значение, которое подходитъ къ читаемому мѣсту.

Указавъ на главныя достоинства объяснительного словаря Блюса, мы теперь отмѣтили некоторые промахи и неправильности, касающіеся главнымъ образомъ языка и словоизвѣстств.

ст.: *albus* „белый „съ указаниемъ на *plumbum* V, 12; не мѣшало бы сослаться на статью *plumbum*, гдѣ сказано, что *plumbum album* значить „слово“.

Ааг... „въ рѣку Роданъ“ и *Batavorum insula...* „островъ, образуемый Вакадомъ“. При географическихъ названіяхъ не слѣдовало бы безъ особенной надобности употреблять древнія названія съ русскими окончаніями. Поэтому лучше было бы сказать „въ рѣку Рону“, прибавивъ въ скобкахъ слово *Rhodanus*, и во второмъ мѣстѣ: „островъ, образуемый Ваалемъ“ и въ скобкахъ прибавить *Vacalus*.

clamor... *clamore significant VII*, въ скобкахъ стоять „подр. *unius*=черезъ глашатаѣ“;—у Цезаря и намека нѣтъ о томъ, чтобы для этой цѣли назначался особый глашатай; такая громкая передача новостей изъ устъ въ уста, замѣнявшая газеты, дѣлалась сперва одиныхъ лицемъ, можетъ быть ближайшимъ свидѣтелемъ событій. Къ этой замѣткѣ о глашатаѣ, по всей вѣroятности, дало поводъ замѣчаніе Готомана, цитируемое Краннеромъ: *non multorum conciamatione, sed unius quasi praeconis*; но отсюда еще не слѣдуетъ, что этотъ *unus* былъ *praeaco*.

colloquiūm „переговоръ“ и *colloqui* „имѣть переговоръ“. Переговоръ въ единственномъ числѣ мало употребительно, и во второмъ случаѣ лучше сказать: вести переговоры, переговариваться.

contio—въ скобкахъ сказано, что сокращено изъ *conventio*; собственно не изъ *conventio*, а *coventio* съ пропущенiemъ *v.* См. Corssen, *Aussprache etc.* II 683 I, 199. Есть впрочемъ еще и другое написаніе, которое Корссенъ отвергаетъ: *concio* отъ глаг. *concio*. У Цицерона *in Verr.* 2, 4, 50 читаемъ: *concio conventusque civium*. Врядъ ли здѣсь повторяется два раза основа глагола *venire*.

delibero—не указано, какого спряженія глаголь.

directus. Такъ какъ у учениковъ могутъ быть разные тексты, то слѣдовало бы указать и на другую форму *derectus* и *derecte*, какъ наприи. при словѣ *arte* есть ссылка на *arcte*.

fastigium—*scrobes paulatim angustiore ad infimum fastigio VIII, 14*; хотя это мѣсто переведено вѣрно, однако слѣдующее затѣмъ объясненіе: „съ отверстиемъ, опускающимся къ низу постепенно уже“, не только совсѣмъ лишне, но и не понятно. Какъ же отверстіе мо-

жетъ опускаться къ инеу? Лучше такъ: ямы, у которыхъ наклонныя стѣнки мало по малу съуживаются.

funda—*glandes fundis in casas iacere coerent* V 43;—для, поясненію къ этому мѣсту сказано въ скобкахъ: „для этой цѣли ремень пращи обкладывали внутри жесткимъ“; спрашивается, для какой цѣли? Въ приведенномъ мѣстѣ какъ разъ втѣ словъ, къ которымъ относятся упомянутая замѣтка, именно *ferventes fusili ex argila (glandes)*; разумѣется, что для обыкновенныхъ снарядовъ ремень не нужно было обкладывать жесткимъ.

Germani; между главнейшими племенами въ Германіи называли и *Sugambres* вмѣсто *Sugambrі*.

Herkynia silva. У Эйхерта мѣстоположеніе этихъ горъ, носившихъ общее название, указано точнѣе, и незачѣмъ было отступать отъ него, тѣмъ болѣе, что Богемскій лѣсъ, Моравское плоскогорье и Малыя Карпаты не находятся въ нынѣщей Германіи, какъ можно было бы заключить изъ словъ „всѣ горы Германіи, начиная отъ Шварцвальда до Карпатовъ“.

infestus объясняется по Фрейнду равносильнымъ *infensis*. Такое производство очень сомнительно. Вѣроятно слѣдуетъ раздѣлить *infestus*, см. Ваничекъ Et. W. d. I. Spr. 56. Corssen Beiträge 186 и 187 объясняютъ *infensus* и *infestus* образовавшимися изъ *infendus*. См. также Corssen Ausspr. II, 190.

iudicium переводится: „судебное изслѣдованіе“, вмѣсто судебное слѣдствіе.

Iuppiter—можетъ было бы, хотя вкратцѣ, указать на первоначальную форму *Iovis-pater*, древнее *Dies-piter* (*pater*).

Marcosmani—въ скобкахъ сказано: „отъ *marsca*=*limes*, собственно пограничные жители“; ученикъ можетъ понять такъ, что *marsca* или *limes* означаетъ пограничныхъ жителей; поэтому вторую скобку слѣдовало бы поставить послѣ *limes*.

medeog—не мѣшало бы замѣтить, что perf. этого глагола *medi-catus sum*.

nemo—не лучше было бы указать, что, вмѣсто неупотребительныхъ родительного и творительного падежей отъ *nemo*, употребляются формы *nullius*, *nullo*.

nihil, и при этомъ словѣ не замѣчено, что косвенные падежи отъ *nihil* описываются посредствомъ *nullius rei*, *nulli rei*, *nulla re*.

ob,—первоначальное мѣстное значеніе не „противъ“, а скорѣе

,по направлению къ“, напримѣръ, *ob os ora sua obvertere* у Эннія, или *ob Roman legiones ducere*.

рах—расем Ariovisti I, 37 г. Блюсь, слѣдуетъ комментаторамъ объясняеть Ariovisti какъ *genitivus obiectivus*. Фелькель сравниваетъ съ этимъ мѣстомъ I, 20 *ge publicae iniuriam* и I, 30 *bello Helvetiorum*.

Этого взгляда мы не раздѣляемъ; если не во всѣхъ, то по крайней мѣрѣ въ большей части подобныхъ случаевъ *genitivus* слѣдуетъ объяснять какъ *g. subiectivus* или *possessivus*. Доказательствомъ этого можетъ служить и то, что подобные родительные падежи въ извѣстныхъ случаяхъ замѣняются притяжательнымъ мѣстоименемъ. Такъ напримѣръ, въ оборотѣ *rasce tua dixerim* у Цицерона *Tusc.* V, 5 мы спрашиваемъ, кто не долженъ обижаться; *gratia populi* и *gratia oratoris* получаютъ разное значеніе только смотря по значенію слова *gratia*, родительный же падежъ остается одинъ и тотъ же; *iniuria mea* будеть во всякомъ случаѣ „моа обида“, происходить ли она отъ другого лица, или наносится мною. Слѣдовательно, если мы вышеупомянутый оборотъ расем Ariovisti переведемъ: мирное, дружелюбное отвопеніе Аріовиста, то не имѣемъ надобности предполагать здѣсь *genitivus obiectivus*.

percello—хотя простой глаголь неупотребителенъ, но указание на него съ краткимъ объясненіемъ могло бы уяснить ученику какъ производство прилагательного *cel-er*, такъ и уподобленіе ѹ послѣ I: *cello* изъ *cel-jo* (греч. *χέλλω*).

potiri—между прочимъ говорится, что *potiri* соединяется съ винительнымъ падежемъ, съ ссылкой на II, 7 и III, 6. Этотъ глаголь встрѣчается съ винительнымъ падежемъ только у Пакуїя, Лукреція, Теренція и одинъ разъ у Тацита; въ образцовой прозѣ этого не бываетъ. Дѣло въ томъ, что въ приведенныхъ мѣстахъ у Цезаря II, 7 *spes potiundi oppidi* и III, 6 *spem potiundorum castrorum* оборотъ ге-
рундива заставляетъ предполагать дополненіе въ винительномъ падежѣ; нельзя однако сказать *spes potiundi castra*.

praesidium—*praesidio litteratum* переведено: „расчитывая на письменное пособіе“—хотя коротко сказано, но неясно; неизвѣстно, въ чёмъ должно состоять это письменное пособіе. Можно было бы выразиться или: „на письменныя замѣтки“, или „на помощь, которую доставить записываніе“.

praetor—о должности претора сказано: „сановникъ—имѣвшій въ своемъ вѣдѣніи распоряженіе судебною властію“; вмѣсто этого, слиш-

комъ формального определенія, лучше было бы, съдѣдуя Эбхерту, напомнить о существованіи съ 490 г. до Р. Х. двухъ преторовъ, *praetor urbanius*, рѣшавшаго тѣжбы римскихъ гражданъ, и *praetor peregrinus*, къ которому относились дѣла и тѣжбы тѣхъ, которые не имѣли права римского гражданства. Число преторовъ впослѣдствіи увеличилось до 16.

pugna производится по Фину отъ *pungo*, но гораздо удобнѣе и для учениковъ понятнѣе производить прямо отъ слова *pugnus*, такъ что *pugna* означаетъ собственно кулачный бой.

prodeo напечатано вмѣстѣ и въ скобкахъ стоить *ро-ео*. Ученикамъ слѣдуетъ объяснить, что въ частицахъ *prod* и *red*, *d* не есть вставочная буква, но древнее окончаніе творительного падежа, какъ и въ *sed*. Поэтому слѣдуетъ и въ словарѣ раздѣлять *prod-ео*. Въ глаголахъ *redigo*, *redimo*, *reficio*, *reicio* частица не отдѣлена, между тѣмъ какъ въ глаголѣ *red-ео*, *red-integro* послѣ *red* находится тире. По нашему мнѣнію, лучше отдѣлять частицу вездѣ, гдѣ нѣтъ особыхъ пренятствъ; первѣща гласного звука не можетъ сбивать ученника, который легко можетъ принять сложный глаголь за простой, какъ напримѣръ, *refigio*; вторая его часть будетъ *ragiо* со значеніемъ стараюсь достигнуть чего-либо. Объ этомъ говорить уже Присцианъ VIII, 68—*veteres enim et pario quarta coniungatione declinabant.* (см. Corsset, Ausspr. II, 410).

scandula—въ скобкахъ для поясненія поставленъ, вѣроятно по Фрейнду, глаголъ *scando*. Изъ этого голословнаго указанія ученикъ не въ состояніи объяснить себѣ, какимъ образомъ отъ *scando* (=подниматься, восходить) могло образоваться понятіе о лучинѣ или щепкѣ. Поэтому Фрейндъ въ своемъ словарѣ старается объяснить это, указывая на то, что крыша изъ лучинъ или гонта имѣеть видъ ряда ступенекъ. Но вѣроятнѣе то, что въ корни *scand*, какъ и въ *scindo* слѣдуетъ предполагать значеніе „колоть, раскалывать“, такъ что *scandula* будетъ вполнѣ соответствовать русскому слову „дрянища“ (отъ драть, сдирать), тѣмъ больше, что имѣется еще и другое членіе *scindula*.

superus—для объясненія этого слова сличается, искаженно почему.

spolio—первое значеніе слова *spoliium* не будетъ „снятое съ убитаго врага оружіе“, но „снятая съ животнаго шкура“; корень *spal.* (срв. *pellis*, *com-pilo*).

supplicatio, „до временъ Цезаря самое продолжительное молебствие заключало въ себѣ 12 дней“; г. Блюсь хотѣлъ вѣроятно сказать, что молебствіе продолжалось 12 дней.

tueor, tuitus sum, не мѣшало бы напомнить ученику, что въ простомъ глаголѣ чаще встрѣчается *perfectum tutatus sum*.

tumultus, при словахъ *servilis tumultus* повторяется та же замѣтка, которая сдѣлана уже въ въ статьѣ *servilis*; достаточно было одной ссылки.

Vacalus: не сказано, что этотъ западный рукавъ Рейна нынѣ называется Вааль.

Слѣдующія опечатки не отмѣчены въ отдельномъ спискѣ:

Статья: *agger*, все что состоять ви. состоять.

Belgium, область занимаемая Белгами.

copia—*feramentorum* ви. *ferramentorum*.

exergo—падиться ви. находиться.

Garnissa—между ви. между.

iacto—*inters.* ви. *intens.*

propopo—клисть ви. клисть.

Rufus—*Sulpitius* ви. *Sulpicius*.

Изъ всего сказаннаго видно, что словарь г. Блюса, хотя и встрѣчаются въ немъ незначительныя погрѣшиности, можно рекомендовать нашимъ ученикамъ какъ отличное пособіе при чтеніи Цезаря, тѣль болѣе, что словарь Эйхерта, по которому составлена книга г. Блюса, трудъ серьезній, выдержавшій уже семь изданій. Но разсмотрѣній нами словарь не простой переводъ съ пѣмѣцкаго; г. Блюсь, какъ мы уже раньше замѣтили, имѣть постоянно въ виду потребности русскихъ учениковъ и поэтому часто переводить и объяснять и такие латинскіе обороты, которые по свойствамъ пѣмѣцкаго языка не представляютъ при переводѣ на пѣмѣцкій языкъ никакого затрудненія.

Къ словарю приложена карта Галліи (изд. Киперта). Но кроме карты желательно было бы имѣть при такомъ словарѣ изображенія принадлежностей военнаго быта Римлянъ, или въ видѣ приложенія, какъ въ изданіи Рейнгарда, или въ самомъ текстѣ, какъ въ Гомеровскомъ словарѣ Фольбрехта къ Анализу Ксенофона. Удачныя картины и изображенія вслѣдствія описаній знакомить съ бытовой стороной древнихъ народовъ.

Въ заключеніе пожелаемъ, чтобы подобная дѣльная книга, распро-

стравляясь въ большомъ количествѣ, вытѣснили тѣ лаконические словарчики, которые часто ставить учениковъ въ безвыходное положеніе.

Кромѣ словаря, г. Блюстъ надняхъ издалъ весьма опрятно напечатанный текстъ Записокъ Цезаря о войнѣ Галльской; цѣна его 40 к.

В. Кашемай.

СОДЕРЖАНИЕ
ДВАСТО ДВАДЦАТЬ ТРЕТИЙ ЧАСТИ
ЖУРНАЛА
МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНИЯ.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНИЯ.

Высочайшия повелѣнія.

СТРАН.

1. (8-го іюля 1882 г.). Объ учреждениі въ г. Гомель (Могилевской губерніи) женской прогимназії	3
2. (8-го іюня 1882 г.). О преобразованіи Дивнобургской женской прогимназіи въ гимназію	4
3. (8-го іюня 1882 г.). О преобразованіи С.-Петербургской V мужской прогимназіи въ гимназію	5
4. (8-го іюня 1882 г.). Объ обращеніи сбора за учение въ учебныхъ заведеніяхъ Варшавскаго учебнаго округа въ специальныя средства сихъ заведеній	6
5. (8-го іюня 1882 г.). Объ увеличеніи оклада содержанія директора Лазарепскаго института восточныхъ языковъ	7
6. (8-го іюля 1882 г.). О преобразованіи Корочанской прогимназіи въ гимназію	8
7. (10-го іюня 1882 г.). О присвоеніи вачальному народному училищу въ м. Жагорахъ, Шавельскаго уѣзда, наименованію Александровскаго	—
8. (6-го іюля 1882 г.). О преобразованіи Златопольской мужской четырехклассной прогимназіи въ шестиклассный со-ставъ	9
	1

9. (8-го июля 1882 г.). Объ учреждениі при Рижскомъ городскомъ реальному училищѣ преміи имени умершаго учителя рисования Пельхайу	9
10. (8-го июля 1882 г.). Объ учреждениі при Рижскомъ городскомъ реальному училищѣ преміи имени умершаго учителя рисования Пельхайу	25
11. (13-го августа 1882 г.). Уставъ Колледжія Императора Александра II для студентовъ С.-Петербургскаго университета	—

Высочайшик приказы.

14-го августа 1882 года (№ 12).	10
30-го августа 1882 года (№ 13).	29
3-го сентября 1882 года (№ 14).	—

Министерский распорядки.

1. (13-го июля 1882 г.). Положеніе о преміи имени бывшаго учителя рисования Оскара Пельхайу при Рижскомъ городскомъ реальному училищѣ	10
2. (15-го июля 1882 г.). Положеніе о шести стипендіяхъ имени вдовы действительного статскаго советника Доминикіи Андреевны Деменко при Александровской Старобѣльской гимназіи	11
3. (20-го июля 1882 г.). Положеніе о стипендіи имени священника Александра Степурского при Александровской Сумской гимназіи	12
4. (21-го июля 1882 года). Положеніе о стипендіи имени ксендза Климентія Бальчевского при Виленской мужской гимназіи	—
5. (3-го августа 1882 г.). Положеніе о стипендіи имени умершаго генералъ-майора Дмитріева при Кронштадтской мужской гимназіи	13
6. (13-го августа 1882 г.). Положеніе о стипендіи подковнника Іосифа Михайловича Назарова при Новочеркасской гимназіи и въ Харьковскомъ университѣтѣ	30
7. (14-го августа 1882 г.). Уставъ издательскаго Общества	

III

СТРАН.

при Высочайше учрежденной постоянной комиссии по устройству народных чтений въ С.-Петербургѣ и его окрестностяхъ.	81
8. (18-го августа 1882 г.). Положение о преміи имени народного советника Густава Матвеевича Блумберга при подготовительныхъ классахъ Дерптской гимназіи	88
9. (20-го августа 1882 г.). Уставъ эпидемиологического Общества при Императорскомъ Харьковскомъ університетѣ, съ институтомъ для изученія инфекціонныхъ и паразитныхъ болѣзней, ихъ эпидемій и эндемій	—
10. (31-го августа 1882 г.). Правила для стипендіи имени коллежскаго ассесора Ефима Андреевича Велигорского, учрежденной въ Императорскомъ Казанскомъ університетѣ	86
11. (8-го сентября 1882 г.). Положеніе о стипендіяхъ имени художественнаго статскаго советника Константина Андреевича Буха	87

ПРИКАЗЫ МИНИСТРА НАРОДНОГО ПРОСВѢЩЕНИЯ.

27-го июля 1882 года (№ 10)	29
7-го сентября 1882 года (№ 11)	89

ОПРЕДЕЛЕНИЯ УЧЕБНОГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНОГО ПРОСВѢЩЕНИЯ.

О книгѣ: „Учебникъ естествознанія“ для среднихъ и низшихъ тѣхническихъ училищъ. Ботаника. Сост. В. Э. Иверсенъ.	18
О книжѣ: „Manuel élémentaire et pratique de langue française. Cours systématique de lecture, de conversation, d'orthographe de grammaire et de traduction, à l'usage des classes inférieures et moyennes, par Alphonse Rancé. 2-me partie	—
О книгахъ: „Этимологія русскаго языка“ для низшихъ классовъ гимназій (примѣнительно къ правописанію). Составили А. Кирпичниковъ и О. Гиллеровъ. Изд. 17-е, вновь пересмотрѣнное, и „Синтаксисъ русскаго языка“, примѣнительно къ правописанію. Сост. А. Кирпичниковъ. Изд. 13-е, исправленное и дополненное.	—
О книжѣ: „Наука о богослуженіи православной церкви“. Въ	

двухъ частяхъ. Сост. преподаватель Московской духовной семинарии П. Лебедевъ. 19

О книгахъ: 1) „Сокращенное руководство ко всеобщей и русской истории“. Курсъ младшаго возраста, изложенный по преимуществу въ чертакъ эпизодическихъ и биографическихъ. Сост. Д. Иловайскій. Изд. 13-е. 2) „Руководство ко всеобщей истории“. Средній курсъ. Сост. Д. Иловайскій. Изд. 16-е, и 3) „Руководство къ русской истории“. Сост. Д. Иловайскій. Издание 22-е

О книгахъ: 1) „Сборникъ статей для переводовъ съ русского языка на немецкий“. Сост. Ф. Кейзеръ, и 2) „Краткая немецкая грамматика“. Сост. Ф. Кейзеръ. Часть I: Этимология, часть II: Немецкие примѣры и русскія упражненія на правила этимологии. Изд. 7-е

О книгѣ: „Земля“. 24 общедоступныхъ бесѣды по общему землевѣдѣнію. Сост. Ф. Ратцель.

О книгѣ: „Плоская тригонометрія“, для гимназій и реальныхъ училищъ. Сост. Г. Тиме.

О книгѣ: „Deutsche Sprachlehre für mittlere Lehranstalten, von Brehme, Grieser und Masing“.

Объ изданіи: „Картинный учебный атласъ, примененный къ краткой отечественной географіи“. Сост. Я. Блюмбергъ.

О книгѣ: „Дополнительные статьи алгебры“. Курсъ VII-го класса реальныхъ училищъ. Изд. 2-е. Сост. Я. Блюмбергъ.

ОПРЕДЕЛЕНІЯ ОСЕБАГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНОГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

О книгѣ: „Разказы изъ римской истории“. Сост. г-жею Бизлей. 19

О книгѣ: „Наталья, боярская дочь“. Повѣсть Карамзина

О книгѣ: „Чтение изъ исторіи среднихъ вѣковъ“. Издание Общества распространенія полезныхъ книгъ

О книгѣ: „Св. Кириллъ и Меѳодій, просвѣтители Славянъ“. П. Рогова. Изд. второе

О книгѣ: „Боже! Царя Храни!“ Бесѣда съ православнымъ русскимъ народомъ. Изд. Православ. Вилсн. Св. духов. братства.

О книгѣ: „Анна“. Романъ для дѣтей. Сост. А. Н. Анненской. 20

О книгѣ: Пушкина. „Мѣдный Всадникъ“. Изд. подъ ред. Стоюнина. „Старика“ Погосскаго, изд. „Досугъ и Дѣло“	20
О книгѣ: „Книга для первоначального чтенія“, въ народныхъ школахъ. Ч. I. Изд. 15. Сост. В. Водолововыи	—
О книгѣ: „Механикъ-самоучка Иванъ Петровъ Кулибинъ“. Е. Ф. Николаевой	—
О книгѣ: „Краткія свѣдѣнія о насѣкомыхъ, наиболѣе вредящихъ русскому полеводству. Составл. И. А. Порчинскимъ“. О книгѣ: „Опытъ образцовъ систематического диктанта“. Составленъ комиссіею при Московской второй гимназіи. Издание 4-е	—
О брошюрѣ: „Школы и заразительные болѣзни“. Статья Н. И. Григорьева	44
О книгахъ барона Н. А. Корфа: 1) „Первоначальное правописаніе“ и 2) „300 письменныхъ работъ“. Изд. Г. Ф. Павленковымъ	—
О книгѣ подъ заглавіемъ: „Сборникъ диктантовъ для городскихъ и сельскихъ училищъ“. Сост. П. Кошкаровымъ	—
О книгѣ подъ заглавіемъ: „Первоначальные уроки русской грамматики“. Сост. В. А. Воскресенскимъ	—
О брошюрахъ, издаваемыхъ постоянной комиссіей народныхъ чтеній: 1) Александръ I Благословенный. 2) Петръ Великий по сочиненіямъ А. С. Пушкина. 3) Чтевіе для народа о Суворовѣ. С. Рождественскаго. 4) Рассказы о Севастопольцахъ. А. И. Су- понева, и 5) Дѣйнадцать мудрыхъ басенъ.	45
О книгѣ: „Лиса-Патрикѣвна, сказка-пѣсня“. Сост. А. Можаровскій. Издание 2-е съ перерѣбками	—
О книгѣ: руководство къ изученію письма, подъ заглавіемъ: „Чистописаніе и скорописаніе. Русскія прописи“. Изд. 2-е. Составленное И. Малиновскимъ	—
О книгахъ: 1) „Естественная исторія для первоначального ознакомленія съ природою. Сост. по Бауману. Изд. 9-е. 2) Вѣсѣда о природѣ“. Сост. Н. Зобовъ. Изд. 9-е. 3) Наши богатыри“. Сост. А. Погосскій. 4) „Князь Яковъ Федоровичъ Долгоруковъ“. П. Фурмана. 5) „Какъ развивались наши понятія о глазѣ“, лекція д-ра Рейха.	—
О брошюрѣ: „Біографія замѣчательныхъ людей I. Джорджъ Вашингтонъ“. Сост. А. П. Мунтъ.	46

О книгѣ: "Какъ освободилась Русь изъ-подъ татарского ига въ 1840 году".	46
О книгѣ: «О нашихъ перелетныхъ птицахъ». Составленная Д. Кайгородовимъ.	—
О книгѣ: „Омыленная грамотность“. А. И. Николаева.	—
О книгахъ: 1) „О лечениіи дифтерита молокомъ“. Д-ра Карвицкаго. 2) „Дифтеритъ и лѣчение его домашними средствами“. И. С. Евсѣнко. 3) „Бесѣды о здоровыи и болѣзняхъ“. Д-ра Капустина. 4) „Сбереженіе здоровья“ (гигіена). 5) „Физическое развитіе въ школахъ“. Сост. П. Лесгафтъ.	—
Официальный извѣщенія	20 и 46

ОТДѢЛЪ НАУКЪ.

О вліяніи германскаго и кельтическаго права на систему карь и покаяній западной церкви. В. Сокольскаго.	1 и 286
Къ вопросу о древнихъ славянскихъ мягкихъ слогахъ въ произношеніи и на письмѣ. А. Головачевскаго	29
Гербордова біографія Оттона Вамбергскаго. А. Петрова. .	41
Нѣсколько новыхъ соображеній по поводу „пересмотра“ вопроса о происхожденіи Гунновъ. Н. Веселовскаго.	90
Вопросъ о Кельтахъ. В. Васильевскаго.	103
Г. Н. Потанинъ. Очерки сѣверо-западной Монголіи. Д. Анутина.	185
Изслѣдованія въ области русской грамматики. А. Соболевскаго. В. Качановскаго.	200
Ниль Сорскій и Вассіанъ Патрикіевъ; ихъ литературные труды и идеи въ древней Руси. Историко-литературный очеркъ А. С. Архангельскаго. Д. К.	205
Новые журналы по народной словесности и миѳологіи. А. Веселовскаго.	209
Занятіе Русскими Сибири. Е. Замысловскаго.	223
Обитатели каменистой Аравіи. А. Елисѣева	251
Русскія народныя картинки. Собралъ и описалъ Д. Ровинскій. В. Стасова.	312
Новые изслѣдованія о буддизмѣ. И. Минаева	402
Причитанія Сѣверного края, собранныя Е. В. Барсовымъ. Л. Майкова.	415

ОТДѢЛЪ ПЕДАГОГИИ.

Наши коммерческие учебники. П. Колумбуса	1
--	---

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Общество любителей древней письменности въ 1881 году.	1
Памѣстія о дѣятельности и состояніи нашихъ учебныхъ за- веденій.	22 и 86
Николаевская Главная Астрономическая Обсерваторія въ 1881 году.	61
Кабилей академика Я. К. Грота.	75
Н. Я. Аристовъ. (Некрологъ)	109
Л. Боткинъ, французскій переводчикъ Беовульфа. (Некро- логъ). А. В.	110

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГИИ.

Воззрѣніе Еврипида на сословія и состоянія, внутреннюю и вѣшнюю политику Аѳинъ. Д. В—ва.	855 и 391
О раскопкахъ въ Олимпіи, Пергамѣ и южной Россіи. Э. Шульце.	378
Объяснительный словарь къ Запискамъ Цезаря о войнѣ Галль- ской, составленный для гимназій М. Блюсомъ. В. Канского .	423

ЧАСТНЫЯ ОБЪЯВЛЕНИЯ.

„РОДИНА“.

Сборникъ для класснаго чтенія съ упражненіями въ разборѣ, устномъ и письменномъ изложениі. Въ трехъ частяхъ. Составилъ *А. Радонежскій*.

Издание восьмое, дополненное согласно послѣднимъ учебнымъ планамъ министерства народнаго просвѣщенія.

СЪ РИСУНКАМИ.

Съ созволенія Его Императорскаго Величества Государя Императора, книга посвящена Его Императорскому Высочеству Наслѣднику Цесаревичу Великому Князю Николаю Александровичу.

Цѣна 25 коп.

Складъ изданія: въ С.-Петербургѣ, книжный магазинъ *Фену* и К°.

„СОЛНЫШКО“

Книга для чтения въ народныхъ училищахъ съ 87 картинками.
Составилъ А. РАДОНЕЖСКІЙ. Издание съ Высочайшаго соизволенія
посвящено Его Императорскому Величеству Государю Импе-
ратору; одобрено Ученымъ Комитетомъ М. Н. Просвѣщенія, для
класснаго и внѣкласснаго чтенія. Издание 2-е.

Цѣна 60 коп.

Съ требованіями просить обращаться: въ Москвѣ, въ книжный
магазинъ наследниковъ Салаватыхъ. Въ С.-Петербургѣ,— въ книжный
магазинъ Фену и К°.

Адрессъ издателя: Шпалерная ул., д. № 6, кв. 9.

„УКАЗКА“.

Начальный учебникъ русской грамматики и правописанія
съ краткою этимологіей церк.-славянскаго языка. Сост.
А. Радонежскій. Цѣна 50 к., продается во всѣхъ книж-
ныхъ магазинахъ. Съ требованіями просить обращаться въ
типogr. «Товар. Обществен. Попъяч.», В. Подъяч., № 39.
къ В. И. Вишнякову.

Въ книжныхъ магазинахъ: И. И. Глазунова, Я. А. Исакова, М. О. Вольфа, Н. Г. Мартынова, Н. Фену и К°; братьевъ Салазевыхъ (въ Москвѣ) и у другихъ извѣстныхъ книгопродающеъ можно получить:

1. Начальная основанія прямолинейной тригонометріи, по порученію начальства Морскаго училища сост. А. Дмитріевъ. Съ двумя таблицами чертежей и съ четырьмя политиражами (Руководство это одобрено ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія и учебнымъ комитетомъ при Святѣйшемъ Сѵнодѣ). Издание 5-е. С.-Пб. 1876 г. Цѣна 75 к., вѣсовыхъ за 2 ф.

2. Начальная основанія сферической геометріи и сферической тригонометріи, по порученію начальства Морскаго Училища состав. А. Дмитріевъ. Съ двумя таблицами чертежей и скѣемъ политиражами. Принято за руководство въ учебныхъ заведеніяхъ Морскаго вѣдомства и министерства народнаго просвѣщенія. (Циркул. "7-го" августа 1872 г.). Издание 3-е, исправленное и значительно дополненное. С.-Пб. 1879 г. Цѣна 75 коп., вѣсовыхъ за 1 ф.

3. Практическія упражненія въ геометріи, Или собрание геометрическихъ задачъ, по Вѣкелю, Шпицу и друг., состав. А. Дмитріевъ. Примѣнено къ курсу гимназій и реальныхъ училищъ:

Книга I — Цилиндрія, заключающая въ себѣ 860 задачъ на построенія и 460 зад. на вычисленія. С.-Пб. 1875 г. Одобрено учебн. комит. при святѣйшемъ Сѵнодѣ, а также и учен. комит. мин. нар. просв. какъ весьма полезное учебное пособіе для гимназій и реальныхъ училищъ. Цѣна 75 к.

Учебное пособіе это предназначается для слѣдующихъ цѣлей:

1) Какъ учебный материалъ для изученія курса теоретической геометріи а) даетъ учащимся возможность пытать свои силы въ прямъяной общихъ геометрическихъ истинъ къ частнымъ слухаемъ, а透过 то способствуетъ развитию и укреплению въ учащихся геометрического соображенія. б) Даётъ возможность, въ многообразныхъ классахъ, упражнять учащихся по мѣрѣ силы и способностей каждого, разнообразя эти упражненія, какъ приложеніемъ ариѳметики, такъ и обобщеніемъ геометрическихъ результатовъ при помощи начальныхъ свѣдѣній изъ курса элементарной алгебры.

2) Учащимся найдутъ въ этомъ собраніи задачъ обильные, систематически расположенные материалы для геометрическаго черченія, въ объемѣ курсовъ IV и V классовъ реальныхъ училищъ. „Практическія упражненія въ геометріи“

дають возможность учащимся основательно усвоить себѣ столы необходимое для реалистовъ употребление циркуля, линейки и другихъ чертежныхъ инструментовъ, употребляемыхъ при графическомъ решеніи задачъ, и, такимъ образомъ, будуть способствовать развитию тескими геометрическаго черченія (см. Учебные планы реальныхъ училищъ, утвержденные г. министромъ народъ просв. 1872—1875 г.).

Часть I.

Книга II, заключающая въ себѣ: а) Задачи изъ стереометріи, б) задачи о наибольшихъ и наименьшихъ (maxima и minima) для реальныхъ училищъ, и с) группу задачъ для окончательныхъ испытаний въ гимназіяхъ и реальныхъ училищахъ. С.-Пб. 1879 г. Цена II книги, вмѣстѣ съ "Отвѣтами и рѣшениями", — 80 к.

Обѣ книги "Практическія упражненія въ геометріи" одобрены ученымъ комитетомъ мин. народ. просв., какъ весьма полезныхъ учебныхъ пособій; одобрены и для употребленія въ учебныхъ заведеніяхъ духовнаго вѣдомства.

Означенныя изданія можно получать: въ С.-Петербургѣ — у всѣхъ известныхъ книгоиздателей; въ Москвѣ — въ книжныхъ магазинахъ братцевъ Салаватъ.

Главные склады: 1) въ книжномъ магазинѣ г. Н. Фену и К°, противъ гостиничаго двора, домъ армянской церкви, и 2) у автора, на Вас. Остр. по 12 линии, д. № 17, кв. № 13.

Книгопродавцамъ обычна уступка; па число экз. свыше 100 — по взаимному соглашенію.

ВЫШЛО ИЗЪ ПЕЧАТИ.

РУКОВОДСТВО КЪ ЧИСТОПИСАНИЮ

по счету и по сѣти, съ прописями русскими, латинско-французскими, иѣзучскими и греческими. Составилъ Г. И. Тороповъ, классный художникъ, преподаватель чистописанія и рисования. Продается изъ Петербурга у автора (адр. въ Спб. З гимназію) и въ книжныхъ магазинахъ Глазунова, Нового Времени, Фену, Исакова, Вольфа, Попова и др., а въ Москве въ книжныхъ магазинахъ Глазунова, Нового Времени и Фену.

Цѣна 4 руб. (съ пересыпкою, если выписывается отъ автора).

С.-Петербургъ,
Итальянск. пр. № 48. Н. П. КАРБАСНИКОВА

Москва,
Мѣстечко, д. Кожа.
Библиотека

Фарма приглашаетъ на себя: 1) доставку всевозможныхъ книгъ, учебныхъ пособій, вѣтъ и кавалерийскихъ принадлежностей, по объявленіямъ, книгоиздателями и издателями иѣнамъ; 2) составляетъ вновь библиотеки, общественные и частные, и пополняетъ, по возможности, существующія разрозненными томами сочиненій и шумерами журналовъ за прежніе годы; 3) принимаетъ подпиську на всѣ журналы и газеты по цѣнамъ, объявленнымъ редакціями.

Библиотекамъ, Земскимъ Управамъ, Гимназиямъ и другимъ учебнымъ заведеніямъ, а также и лицамъ, вошедшимъ въ постоянную сношенія изъ «Книжной торговли Н. П. Карбасникова» и, выплачивающимъ книги на начатые суммы, можетъ быть сделана уступка, отъ 5 до 15 проц., смотря по книгамъ и суммѣ заказа.

Выплачивающіе книги въ переплатахъ благоволятъ сообщать, въ какую цѣну они желаютъ имѣть перевѣты. Учебный въ коленкоровой корешкѣ 10 коп.; учебный въ кожаномъ корешкѣ 16 коп.; библиотечный, кожаный корешокъ съ красной сафьяновой наклейкой, съ заголовкомъ книги, начатанымъ золотомъ, 26 коп.; полусафьяновый 30 коп.; полушагреневый 50 к.; коленкоровый тисненый золотомъ отъ 75 к.-и дороже.

По требованіямъ частныхъ лицъ, неизвѣстныхъ нашей фирмѣ, книги высыпаются только на наличныя деньги. На пересылку и упаковку просить предлагать приблизительно, смотря по разстоянію, отъ 10 до 15 процентовъ номинальной стоимости книгъ.

По офиціальнымъ требованіямъ земскихъ управ, Гимназій, семинарій и другихъ учебныхъ заведеній, заказы могутъ быть исполняемы безъ приложения денегъ, съ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы уплата по счету была произведена немедленно по полученіи книги и счета.

Безъ высылки денегъ впередъ, заказъ исполняется только въ томъ случаѣ, если сдѣланъ официально отъ имени казенного учрежденія, т. е. на бланкѣ, за № и съ подписью начальника или начальницы.

Единственная цель нашей фирмы—сдѣлать все возможное для того, чтобы требования гг. иногородныхъ покупателейъ быстрѣально исполнялись скоро и аккуратно, и мы надѣемся своею исправностью вызвать довѣріе со стороны гг. покупателей.

ТАМЪ ЖЕ ПРОДАЮТСЯ СЛЕДУЮЩІЯ:

Новые книги:

БАРАНОВЪ, А. директоръ Новоторжск. семинаріи.

Книга для чтенія, примѣненная къ тѣмъ народнымъ школамъ, въ которыхъ начинаютъ обучать родному языку по «Родному Слову» К. Ушинского. Въ текстѣ этой книги помѣщены рисунки, портреты, планы и географические карты. Слб. 132 стр. ц. 45 коп. съ перес. 55 к.

Его же подробный планъ занятий въ начальной народной школѣ съ указаниемъ самостоятельныхъ работъ. Спб. ц. 26 к., съ перес. 35 к.

ВУНАКОВЪ, Н. Двадцать бѣлыхъ стѣнныхъ таблицъ для обучения грамотѣ безъ книжкы. Класное пособіе для пародныхъ школъ, содержащее материалъ для чтенія и письма, съ постепенно возрастающимъ числомъ буквъ и для начальныхъ упражнений въ правописаніи. Ц. 5 р., съ пер. 6 р.

Его же. Азбука и уроки чтенія и письма. Новое 22-е исправленное и дополненное изданіе. Ц. 26 коп., съ перес. 36 к.

Примѣчаніе. Въ этомъ 22-мъ изданіи помѣщены прописи, оригиналы для рисованія по кѣткамъ, наглядныя прописи въ картинкахъ и большое количество рисунковъ въ текстѣ.

Его же. «Первичка» книжка для чтенія послѣ Азбуки, съ большими количествомъ картинокъ и разнообразнымъ материаломъ для самостоятельныхъ работъ. Ц. 15 к.

Руководство для учителей къ обученію грамотѣ по звуковому способу. Новое 10-е изданіе, примѣченное къ новымъ исправленнымъ и дополненнымъ изданіямъ «Азбуки» и къ новой книжкѣ для чтенія тогтасъ послѣ Азбуки — «Первичкѣ». Ц. 26 к.

Новое 10-е изданіе первой части книги для чтенія «Въ Школѣ и Дома». Курсъ втораго года обучения въ народной школѣ. Ц. 35 к. съ пер. 45 к.

Примѣчаніе. Въ этомъ 10-мъ изданіи помѣщено большое количество рисунковъ въ текстѣ.

8-е изданіе второй части книги для чтенія «Въ Школѣ и Дома». Курсъ третьаго года обучения въ народной школѣ. Ц. 75 к., съ перес. 90 к.

Примѣчаніе. Это 8-е изданіе представляетъ собой совершенно новую книгу, въ которой помѣщено 5 географическихъ картъ и 120 рисунковъ, большую частью исполненныхъ лучшими иностранными и русскими художниками и граверами: къ статьѣ «Робинзон» — 12 картинокъ, къ статьямъ по «Естественной Исторіи» — 57 рисунковъ, къ статьямъ по «Физикѣ» — 19 рисунковъ, къ статьямъ по «Отечественной Географіи» — 22 картинки и 5 картъ и къ статьямъ по «Отечественной Исторіи» — 10 портретовъ Государей.

«Родной языкъ», какъ предметъ обученія въ начальной школѣ съ трехгодичными курсомъ. Руководство для учителей и учительницъ народныхъ школъ къ преподаванію роднаго языка по новой книжкѣ «Первичкѣ» и по альбомъ передѣланной книжкѣ для чтенія «Въ Школѣ и Дома». 7-е изданіе. Ц. 1 руб. съ пер. 1 р. 20 коп.

Дневники начальной общеобразовательной школы. Подробное по урочное распределеніе занятій въ народной школѣ съ трехгодичными курсомъ, по всѣмъ предметамъ обучения, съ указаниемъ руководствъ, учебныхъ пособій и самостоятельныхъ ученическихъ работъ. Ц. 1 руб. съ перес. 1 р. 20 к.

ВАДЕНЮКЪ, П. Е. Географические очерки Россіи. Курсъ классовъ среднихъ учеб. завед., изложенный монографическ. Спб. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 копѣекъ.

МИХАЙЛОВЪ. Краткая Отечественная Географія, составленная подъ редакціей преподавателя Географіи Ц. 60 к. Это сочиненіе одобрено Уч. Ком. Мин. Пирод. Просв. какъ руководство для городскихъ училищъ.

Приложение. Въ «Краткой Отечественной Географии» помещено 19 картъ, 4 плана важнѣйшихъ русскихъ городовъ и большая карта Европейской Россіи въ концѣ книги. Въ дополненіе къ этой книжкѣ изданъ недавно «Картинный Учебный Атласъ», содержащий въ себѣ 184 картинки.

Картинный Учебный Атласъ, примѣнительный къ «Краткой Отечественной Географии», составленной подъ редакціей И. Н. Михайлова. Ц. 2 р. 50 к.

Приложение. Въ этомъ атласѣ помещено 184 картины, большая часть которыхъ исполнена лучшими заграницными и русскими художниками и граверами: 1) Виды городовъ, монастырей, деревень и вообще различныхъ жилищъ—21 картина. 2) Замѣчательные зданія, памятники, соборы и т. п.—13 картинокъ. 3) Главные типы народовъ, живущихъ въ Россіи—29 картинокъ. 4) Различные картины, служащія для выясненія географическихъ понятій и для характеристики извѣстной мѣстности—52 картины. 5) Наиболѣе распространенные въ Россіи деревья и растенія—38 картинокъ. 6) Наиболѣе распространенные въ Россіи животныя—28 картинокъ и 7) Земледѣльческія орудія и способы обработки земли—3 картины.

II. ПОЛЕВОЙ. объясненія къ «Картинному Учебному Атласу», примѣнительному къ «Краткой Отечественной Географіи», составленной подъ редакціей И. Н. Михайлова. Ц. 40 к.

СПРАВОЧНЫЙ И ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫЙ СЛОВАРЬ КЪ НОВОМУ ЗАВѢТУ

Шесть книжкъ.

Первая книга „Словаря“ вышла, и разсыпается подписчикамъ.

Въ „Словарь“ войдетъ не менѣе 125-ти печатныхъ листовъ большого формата, разделенныхъ на пять книгъ, такъ, что во всмѣтъ „Словарь“ будетъ не менѣе 2000 страницъ, или 4000 столбцовъ. Подписная цѣна на всѣ пять книгъ „Словаря“: на обыкновенной бумагѣ восемь (8) рублей, на веленевой — двѣнадцать (12) рублей. Пересылка 2 р. 50 к.

Подписка принимается у издателя: Петра Андреевича Гильтебрандта, С.-Петербургъ, Надеждинская, 36.

1-го ОКТЯБРЯ вышла и разослана подписчикамъ I-й,
Октябрьская, книга исторического журнала:

„РУССКАЯ СТАРИНА“

Содержание: I. О подпискѣ на „Русскую Старину“ 1883 г., четырнадцатый
годъ издания.—II. Высокое гордѣе съ Кавказа. Издание. Главы V—IX.
(Окончаніе).—III. Описание С.-Петербургъ и Кронштадта въ 1710—1711 гг., соста-
вленное очевидцемъ Н. Г. Переездъ съ немецкаго, изд. второе.—IV. Изъ ис-
торіи масонства въ Россіи. Переездъ съ немецкой неизданной рукописи. (Око-
ничаніе).—V. Русско-турецкая война 1829 г.: переписка императора Николая съ гр.
Дубичемъ, юль—сентябрь 1829 г.—VI. Митрополитъ архіепископъ Ир-
кутский въ дѣлѣ о его бунтѣ въ 1881 г. (Окончаніе).—VII. Записки Софіи Ну-
дриццевой, дочери короля Станислава Понятовскаго, 1784—1829 гг.—VIII. По-
рошны: Семейные воспоминанія.—IX. Записки сенатора Я. А. Соловьевъ о кресть-
янскомъ дѣлѣ, 1859—1859 гг. Глава VI.—X. Матеріалы, очерки, заметки, Указъ
Петра I о безчестныхъ словахъ 1700 г.—Памятникъ Петру I изъ Петербурга,
1782 г.—Илья Алексѣевичъ Балахиревъ.—Дворцовое хозяйство императрицы
Анны Ивановны.—Фабула о шутѣ птицѣ.—Гр. А. Б. Бутуринъ, 1701—
1767 гг.—Гр. Аракчеевъ въ 1812—1834 гг.—Скобелевъ и проч. II. Д. Ф.

Приложение: Портретъ императрицы Анны Иоанновны, гелографиче-
скій снимокъ съ современной гравюры, исполненнъ художникъ г. Скамони
въ Экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1882-І ГОДЪ:

„Русская Старина“ выходитъ въ 1882-мъ году (тринаадца-
тый годъ издания) ежемѣсячно, каждое первое число. Цѣна за
дѣвнадцать книгъ, съ гравированіемъ портретами, съ пересылкою—
ДЕВЯТЬ РУБ.

Открыта подписка на 1883-й годъ „Русская Старина“ въ
1883 г.—дѣвнадцать книгъ, съ гравированными портретами, цѣна
ДЕВЯТЬ рублей.

Подписка принимается для городскихъ подписчиковъ въ
Спб., Больш. Садовая, д. Вагнера, № 12, возлѣ Публичной би-
блиотеки, въ книжномъ магазинѣ Мамонтова. Въ Москвѣ — на
Кузнецкомъ мосту, домъ Фирсанова, въ магазинѣ Мамонтова.

Гр. иногородные обращаются исключительно въ С.-Пе-
тербургъ, въ редакцію журнала „РУССКАЯ СТАРИНА“, на
Большую Подьяческую, домъ № 7.

Въ редакціи и въ конторахъ можно получить: „Русскую Старину“ изда-
нія 1870 г. (третье изданіе), 1876 г. (второе изданіе), 1877 г., 1878 г.,
1879 г., 1880 г. (второе изданіе), изд. 1881 г. всѣ дѣвнадцать книгъ—съ
портретами русскихъ деятелей.

Цѣна каждого изъ этихъ годовъ восемь руб. съ пересылкою.

Изд.-ред. „Русской Старинѣ“ М. И. Семевской.

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГИИ.

Воззрѣнія Европы на софловія и состоя-
нія, внутреннюю и външнюю политику
Аенінъ

Д. Б—ва.

Библіографія:

Объяснительный словарь къ Запискамъ Цезара о войнахъ
Галльской, составленный для гимназій *M. Бло-
сона*.

В. Каневаго.

Редакторъ Е. Феоктистовъ.

(Вышла 1-го октября).

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНОГО ПРОСВѢЩЕНИЯ
СЪ 1867 ГОДА

заключаетъ въ себѣ, кромѣ правительственныхъ распоряженій, отдѣлы педагогіи и науки, критики и библіографіи, и современію лѣтопись учебнаго дѣла у насъ и заграницей.

Подписка принимается: въ редакціи (по Троицкому переулку, домъ № 13) ежедневно отъ 8 до 11 часовъ утра. Иногородные также адресуются исключительно въ редакцію.

Подписанная цѣна за двѣнадцать книжекъ журнала безъ пересылки или доставки двѣнадцать рублей, съ доставкою въ С.-Петербургъ двѣнадцать рублей пятьдесятъ коинѣскъ, съ пересылкой въ другіе города тридцать рублей семьдесятъ пять коинѣскъ (въ томъ числѣ 55 коп. за упаковку). Книжки выходятъ въ началѣ каждого мѣсяца. Сверхъ того, желающіе могутъ приобрѣтать въ редакціи Журналъ Министерства за прежніе годы, а именно за 1869, 1870, 1871 и 1875 (послѣдній съ Мартовской книжкой), платя за экземпляръ шесть рублей, за отдѣльныя книжки журнала—по пятидесяти коинѣскъ за книжку, съ пересылкою въ другіе города.